

Степная полоса
Азиатской части СССР
в скифо-сарматское время

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА

Б. А. РЫБАКОВА

Редколлегия

академик **Б. А. РЫБАКОВ** (главный редактор)

Р. М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора)

В. А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора)

П. Г. ГАЙДУКОВ (ответственный секретарь)

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время

Ответственный редактор тома
доктор исторических наук
М. Г. МОШКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ● «НАУКА» ● МОСКВА 1992

**Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах**

- * ПАЛЕОЛИТ СССР 1984
- * МЕЗОЛИТ СССР 1989
- НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
- * ЭНЕОЛИТ СССР 1982
- ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
- ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
- * ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР 1987
- * ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ 1985
- * АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 1984
- * СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ 1989
- СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
- РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
- СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
- * ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ. 1982
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ, ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО 1985
- ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
- * ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 1987
- * СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 1981
- КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
- СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой помечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

Том посвящен кочевникам раннего железного века (VII в. до н. э. — IV в. н. э.), населявшим степи Азии от Урала до Забайкалья. В основу издания положен археологический материал, полученный при раскопках погребальных и бытовых памятников. Комплексный анализ археологических источников в совокупности со сведениями древних авторов позволил исследователям реконструировать материальную и духовную культуру древних кочевников, дать представление об их хозяйстве, общественном строе, взаимоотношениях с окружающим оседлым населением, их экономическом развитии. Для археологов, историков, этнографов.

Рецензенты:

кандидат исторических наук
В. В. ВОЛКОВ,

доктор исторических наук
Г. А. КОШЕЛЕНКО

Авторы тома:

Б. В. АНДРИАНОВ

Н. А. БОКОВЕНКО

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

Б. И. ВАЙНБЕРГ

О. А. ВИШНЕВСКАЯ

Н. Г. ГОРБУНОВА

М. П. ГРЯЗНОВ

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

М. А. ИТИНА

Л. М. ЛЕВИНА

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

М. Г. МОШКОВА

М. Н. ПШЕНИЦЫНА

Э. У. СТАМБУЛЬНИК

Н. Л. ЧЛЕНОВА

Предисловие

В настоящем томе «Археологии СССР» рассмотрена история развития кочевых и полукочевых племен, населявших в раннем железном веке просторы степей, полупустынь, предгорных районов и частично пустынь Средней Азии и Казахстана, Алтая, Тувы, Минусинской котловины, лесостепь Зауралья и Западной Сибири, наконец степную зону Восточной Сибири — Забайкалье. По структуре и содержанию он органически связан с предшествующим томом «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» и является его продолжением.

Следуя географическому принципу, том состоит из двух частей: первая объединяет памятники ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, вторая — ранних кочевников всего Сибирского региона, включая Алтай, Туву и Забайкалье.

Начало I тысячелетия до н. э. на всей территории евразийских степей явилось периодом освоения жившим здесь населением последнего и самого важного металла — железа, сыгравшего революционную роль в истории человечества. С этого момента начинается эпоха, именуемая в исторической науке железным веком. Самая древняя фаза этой эпохи по принятой периодизации называется ранним железным веком.

Рубеж II—I и начало I тысячелетия до н. э. на просторах евразийской аридной зоны ознаменовались еще одним важным событием — становлением кочевых форм скотоводческого хозяйства, бывшего в тех условиях наиболее производительным, а потому и наиболее прогрессивным способом производства. Кочевничество является особым видом производящего хозяйства, в котором доминирующим занятием населения становится экстенсивное, подвижное скотоводство и большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки.

Почти повсеместный в евразийских степях переход к новым формам скотоводческого хозяйства мог произойти только благодаря взаимодействию ряда факторов. Среди них исследователи называют изменения природно-климатических условий; совершенствование приемов ведения скотоводческого хозяйства; оформление видового состава стада, оптимально приспособленного к условиям аридной зоны; новый уровень социальных отношений, связанный с возросшей имущественной и социальной дифференциацией, когда скот становится одной из форм накопления богатств, что создает стимул к увеличению стад; расширение обмена; повсеместное распространение колесно-упряжного транспорта; дальнейшее развитие коневодства; появление строгих удил и использование лошади для верховой езды, что произошло по имеющимся данным не позднее второй половины II тысячелетия до н. э. Накопление всех этих факторов подготовило почву для становления кочевого скотоводства, тем более что в некоторых засушливых зонах скотоводство практически изна-

чально могло существовать только как кочевое¹. Однако представляется справедливым замечание некоторых исследователей [Клейн Л. С., 1979. С. 18—22], что ведущими факторами, приведшими к перестройке хозяйства и быта во всем степном регионе и при этом практически одновременно, являлись, во-первых, особое свойство скота, который благодаря своей мобильности превращался в наиболее легко отчуждаемое богатство (в противоположность, например, запасам зерна), и, во-вторых, то обстоятельство, что именно к началу железного века сформировались оптимальные виды и типы вооружения. Это вкупе с кочеванием обеспечивало преимущество в охране и угоне скота. Война, по выражению К. Маркса, стала видом труда. Все эти условия и создали конкретную историческую ситуацию, при которой переход к кочевому скотоводству (уже давно существовавшему в самых засушливых районах) в начале I тысячелетия до н. э. как цепная реакция охватил всю территорию степей и полупустынь Евразии. Новая хозяйственная деятельность обусловила существенные изменения почти во всех сферах материальной и духовной жизни скотоводов.

Период развития кочевых обществ с момента их становления и до раннего средневековья (т. е. до V в. н. э.) принято называть эпохой ранних кочевников (в отличие от эпохи поздних кочевников, охватывающей время с V в. н. э. до наших дней), культурам которых на территории Средней Азии, Казахстана, Сибири и посвящается настоящий том. Термин этот, предложенный в конце 30-х годов [Грязнов М. П., 1939а] и поддержанный в 1960 г. [Черников С. С., 1960а. С. 17, 18], выражает суть эпохальных процессов, происходивших на определенной территории, и характеризует продолжительный исторический период развития племенных и этнических образований с присущими им закономерностями². Но территория, которую мы рассматриваем, огромна, и при общности основных природно-климатических параметров каждый географический регион — будь то восточное Приаралье, Центральный или Восточный Казахстан, Семиречье, Алтай.

¹ Появление первых элементов кочевого уклада В. П. Шилов относит к ямной эпохе и считает, что в эпоху срубной культуры существовало уже два хозяйственных уклада — оседлый скотоводческо-земледельческий и кочевой [Шилов В. П., 1970. С. 25].

² Предложенный позднее термин «эпоха древних кочевников» [Хазанов А. М., 1973. С. 9; 1975. С. 272] отражает суть тех же процессов и в тот же хронологический отрезок. Однако, помимо иной номенклатуры, в основу этой периодизации положены и иные критерии. Автор ее предложил взять за основу всегда существовавшую тесную и детерминированную связь между кочевыми и оседло-земледельческими обществами. Как считает А. М. Хазанов, представляется допустимым разделить историю развития кочевых обществ на три эпохи в соответствии с общей периодизацией всемирной истории: эпоха кочевников древних, средневековых и нового времени [Хазанов А. М., 1975. С. 272].

Тува и т. д. — имеет свои отличительные особенности. Именно они и диктовали жившему там населению различные формы скотоводческого кочевого хозяйства.

Теоретической основой для понимания сущности разнообразных форм хозяйственной деятельности человека является разработанная советскими этнографами концепция хозяйственно-культурных типов, которая дает возможность системного подхода к истолкованию этнографических и археологических источников [Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955; Андрианов Б. В., 1985]. Согласно этой концепции хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства определяется как «хозяйство... высоко специализированное, ...связанное с кочевым образом жизни, что в свою очередь накладывает глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Они разводятся главным образом лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (особенно овец); в некоторых областях большую хозяйственную роль играет также разведение верблюдов... Основу питания составляет мясная и молочная пища... Способы изготовления молочных продуктов очень разнообразны (различные виды кислого молока и сыр, приготовление из молока опьяняющих напитков и т. д.). Главный тип жилища — переносной шатер (форма его варьирует), крытый полотнищами из шерсти (ткаными или валяными) или реже — кожей. Утварь преимущественно кожаная; гончарство, как правило, отсутствует» [Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955, С. 9]³.

В дальнейшем эта характеристика разрабатывалась и уточнялась. Выказано мнение, что ни один хозяйственный тип не существовал в чистом виде и в той или иной степени хозяйство всегда комплексно. Но определяет хозяйственную основу общества доминирующий вид хозяйственной деятельности. У кочевых скотоводов его образует экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет главный вид занятий населения и составляет основную часть средств существования [Марков Г. Е., 1981, С. 84]. В рамках этого кочевого хозяйства выделяются хозяйственные подтипы, или виды, — кочевое и полукочевое, принципиальных различий между которыми не существует, ибо отсутствуют универсальные признаки, по которым можно различать собственно кочевое («чистые» кочевники) и полукочевое хозяйство во всех районах распространения кочевничества. Различия между ними относительны и выявляются в каждом отдельном территориально ограниченном регионе [Марков Г. Е., 1973, С. 102; 1981, С. 84]. При собственно кочевом способе хозяйства амплитуда кочевания, как правило, значительна (учитывая местные условия). Скотоводы-кочевники или вовсе не знают земледелия (например, монголы, калмыки, казахи-адаевцы и т. д.), или оно играет минимальную роль в их общем хозяйственном комплексе. Но при этом у них бесспорно существуют другие виды деятельности — охота, военный промысел, торговля. У

полукочевников несколько меньшая подвижность, большую роль в хозяйстве играют всякого рода вспомогательные виды деятельности и в первую очередь земледелие [Марков Г. Е., 1981, С. 85]. Археологические культуры кочевников-скотоводов, рассматриваемые в настоящем томе, как раз и демонстрируют широкий спектр разнообразных видов скотоводческого хозяйства с разной степенью подвижности в рамках одного хозяйственно-культурного типа — кочевого скотоводства.

Заслуживает внимания замечание о том, что далеко не всегда мы в состоянии определить хозяйство древних скотоводческих племен и соответственно отнести его к тому или иному типу или подтипу. Поэтому в некоторых случаях по отношению к ранним, или древним, кочевникам целесообразнее применять более общий термин «подвижные скотоводы» [Марков Г. Е., 1973, С. 102].

Итак, в первых веках I тысячелетия до н. э. в евразийских степях произошел повсеместный переход к кочевому скотоводству и сформировались новые археологические культуры, ознаменовавшие начало эпохи ранних кочевников. При всем своеобразии каждой из них все они образуют некое единство, которое обусловлено рядом обстоятельств — это сходная среда обитания и соответственно одинаковый жизненный уклад, мобильность, способствующая установлению культурных контактов с самыми отдаленными территориями, близкий уровень социально-экономического развития и, наконец, общая генетическая подоснова, восходящая в евразийских степях к срубно-андроновскому пласту. Все эти причины послужили основой для сложения близких по многим параметрам культур. Однако существующее между культурами сходство маркируется несколькими неравнозначными терминами: «скифо-сибирское единство», «скифо-сибирская общность», «скифский мир». Последний термин — «скифский мир» — наиболее нейтрален, а потому предпочтителен. В своих характерных чертах близость культур складывается в раннескифскую эпоху, но отдаленные истоки и корни этого явления можно видеть в культурных контактах и связях, которые существовали у древнейших скотоводов еще в бронзовом веке. Сейчас уже можно говорить об ямно-афанасьевских, срубно-андроновских и карасукско-киммерийских культурных параллелях. Кроме того, именно в бронзовом веке в степях Евразии стал распространяться европеоидный антропологический тип населения, который господствует в культурах скифского времени. Наиболее ярко общность культур евразийских кочевников, расселившихся от Дуная до Монголии, проявилась в существовании у этих племен так называемой скифской триады, в состав которой входят близкие формы вооружения, конского снаряжения и своеобразное искусство скифо-сибирского звериного стиля. Однако общих черт в содержании кочевых культур скифо-сибирского мира значительно больше. Сюда могут быть отнесены скифские котлы, отчасти памятники монументального искусства — оленные камни, петроглифы, общие в ряде случаев приемы устройства могильных сооружений, детали погребального обряда. Конкретные природно-географические и исторические условия способствовали формированию в каж-

³ Надо иметь в виду, что определение это выработано на основе этнографических источников, а потому такой признак, как отсутствие гончарства, практически неприемлем для ранних кочевников скифо-сарматского времени (VII в. до н. э. — IV в. н. э.), которые в большинстве случаев изготавливали свою лепную керамику.

дом отдельном регионе степной зоны ярко индивидуальной культуры кочевого населения. Письменные источники донесли до нас наименования некоторых из этих племен. На западе евразийских степей с VII в. до н. э. господствовали скифы, к востоку от них расселились савроматы и родственные им кочевники южноуральских степей. На территории Средней Азии сложились крупные племенные объединения саков, массагетов, дахов, в состав которых входили и другие более мелкие группировки. Достоверные названия кочевых и полукочевых племен, населявших степные и предгорные районы Алтая, Тувы, Минусинской котловины, нам неизвестны. Лишь для территории Забайкалья со II в. до н. э. можно говорить о племенах хуннов.

Первая периодизация культур раннего железного века для Восточной Европы была разработана на основе скифских памятников Северного Причерноморья, исследование которых началось около середины XIX в. В силу своего географического положения и тесных связей с северопричерноморскими колониями большинство скифских памятников содержало античные вещи, которые на первых порах послужили единственной возможностью для хронологических привязок. В дальнейшем археологические культуры восточных кочевников соотносились уже со скифскими памятниками.

До недавнего времени общепринятой датой начала скифской культуры считалась вторая половина VII в. до н. э. Периодизация раннего железного века европейской, да и всей азиатской территории включала в себя предскифский период VIII—VII вв. до н. э., когда железные изделия употреблялись еще наряду с бронзовыми; скифский VII—III вв. до н. э. — время господства железных орудий труда и оружия; сарматский II в. до н. э. — IV в. н. э. Однако сейчас все чаще высказывается иная точка зрения о начальной дате скифского периода, нашедшая отражение и в настоящем томе. Еще в 1953 г. А. А. Иессен предлагал считать начальным этапом скифской культуры в широком понимании этого термина VIII—VII вв. до н. э. [Иессен А. А., 1953]. Первоначально почти никакой поддержки эта гипотеза не получила. Лишь в 80-е годы, после раскопок знаменитого кургана Аржан (Тува), М. П. Грязнов вернулся к этой идее и вновь сформулировал ее суть. По его мнению, начальной фазой развития скифо-сибирских культур следует считать IX—VII вв. до н. э., поскольку весь инвентарь памятников того времени «принадлежит начальным формам скифских вещей. И хотя эти вещи хорошо отличимы от „раннескифских“ VII—VI вв. до н. э., но отличаются они от них в такой же мере, как эти последние отличимы от вещей расцвета скифской культуры V—III вв. до н. э.» [Грязнов М. П., 1983а. С. 3].

Памятники IX—VII вв. до н. э., т. е. начальной фазы развития скифо-сибирских культур, по мнению М. П. Грязнова, представлены в следующих районах евразийского пояса степей: Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Предкавказье, восточное Приаралье, Центральный Казахстан, Алтай, степи и лесостепи к западу и северу от него, Минусинская котловина, Тува, Монголия, Ордоc [Грязнов М. П., 1983а. С. 3—18]. Исследователи ленинград-

ской школы поддержали точку зрения М. П. Грязнова, в чем можно убедиться, познакомившись с разделами, написанными Ю. А. Заднепровским и Н. А. Боковенко. Отчасти к этой гипотезе присоединился и А. М. Мандельштам. Он датирует комплекс кургана Аржан концом VIII — первой половиной VII в. до н. э. и относит его к заключительной фазе выделенного М. П. Грязновым аржано-черногоровского периода IX—VII вв. до н. э. Позиция А. М. Мандельштама представляется наиболее реальной. Для скифских памятников Северного Причерноморья такая периодизация не привилась, не получила поддержку она и у исследователей приаральских саков, тасмолинской культуры (М. А. Итина, О. А. Вишневская) и древностей Минусинской котловины (Н. А. Членова).

Учитывая эти разногласия, мы сочли правомерным, чтобы в разделе о ранних саках Приаралья (М. А. Итина) был представлен не только Южный Тагискен — могильник сакского времени, но и северный некрополь Тагискена с захоронениями периода поздней бронзы X—VIII вв. до н. э. Материалы последнего хронологически предшествуют раннесакскому комплексу и существенно отличаются от него. Очень важны они и для понимания генезиса раннесакской культуры.

Каждый из двух крупных рассматриваемых в томе регионов — Средняя Азия и Сибирь — имел свою специфику в развитии кочевых и полукочевых народов раннего железного века. Для Средней Азии такое своеобразие определялось соседством и активным взаимодействием кочевников с оседло-земледельческим населением. Близость Ахеменидской державы, северные сатрапии которой частично охватывали и земли, заселенные кочевым населением, Парфянского и Кушанского государств, в создании которых приняли участие кочевые племена, дав, к тому же, начало правящим династиям, наконец, участие в разгроме Греко-Бактрийского царства — все это не могло не отразиться на материальной и духовной культурах среднеазиатских кочевников. Кочевые и оседлые сообщества Средней Азии создавали единую экономическую, а нередко и политическую структуру, всецело зависели друг от друга и были заинтересованы друг в друге.

Если говорить об общих специфических признаках, отличающих историю развития сибирских кочевых и полукочевых племен (исключая Зауралье и Западную Сибирь), то необходимо обратить внимание на очень длительное, в сравнении с западными областями, господство бронзовых орудий труда и оружия. Только в V—III вв. до н. э. начинается вытеснение бронзы железом, но железные изделия не составляют еще большинства. Лишь ко II в. до н. э. железо в этом регионе начинает завоевывать господствующее положение.

Однозначного объяснения этого феномена не существует. Но, видимо, большое значение имели два фактора: мощная сырьевая база с налаженной добычей руды для выплавки бронзы и существование древних и очень живучих традиций производства бронзовых изделий. В сочетании с удаленностью от древних цивилизаций и определенной обособленностью этих районов, особенно Минусинской котловины, оба эти условия могли оказаться решаю-

щими для длительного сохранения бронзовой индустрии.

Что касается сведений письменных источников о племенах, населявших Среднюю Азию и Сибирь, то и в этом отношении регионы находятся не в равном положении. Относительно среднеазиатских кочевников мы располагаем не только несколькими этнонимами отдельных племен или племенных объединений, но и некоторыми вполне конкретными сведениями этнографического и исторического характера.

Данные письменных источников о природе и жителях столь отдаленных территорий, как Алтай, Тува, Минусинская котловина, чрезвычайно скудны и малодостоверны. В несравненно лучшем положении оказались лишь хунны Забайкалья, поскольку хуннские объединения издавна воевали с Китаем, а потому всегда интересовали политиков и географов древнего Китая.

Включение в состав тома культур оседлого населения Зауралья и западносибирской лесостепи обусловлено теснейшими контактами его с южными и западными кочевыми соседями. На протяжении всей истории эти племена были вовлечены в орбиту влияния степных кочевников (а временами, возможно, и подчинялись им), что наложило заметный отпечаток на все стороны их жизни. Близости этих культур способствовал и характер земледельческо-скотоводческого хозяйства лесостепных племен: преоблада-

ние скотоводства над земледелием и значительная подвижность, связанная с существованием яйлажно-пастушеской, а иногда и полукочевой форм скотоводства.

В создании настоящего тома принимали участие сотрудники Института археологии и Института этнографии АН СССР. Раздел «Кочевники северо-западной Туркмении» написан Б. И. Вайнберг в соавторстве с Х. Ю. Юсуповым — сотрудником Института истории Туркменской ССР. Раздел «Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках» подготовлен научным сотрудником Государственного Эрмитажа Н. Г. Горбуновой по работам А. М. Мандельштама. Ею написана часть раздела по народам, обитавшим в северо-восточной части Средней Азии. Все таблицы к разделам А. М. Мандельштама (табл. 40—43; 71—83) подготовлены и составлены Э. У. Стамбульник, а к разделу М. П. Грязнова (табл. 60—70) — М. Н. Пшеницыной. Карта к тексту М. П. Грязнова составлена Л. С. Марсадовым, а к тексту А. М. Мандельштама по Туве — Н. А. Боковенко. К остальным разделам все таблицы и карты подготовлены авторами.

Авторы по возможности старались учесть и отразить не только уже опубликованные материалы, но и результаты раскопок последних лет. Мы приносим благодарность всем археологам Средней Азии, Казахстана и Сибири, предоставившим в наше распоряжение свои новые материалы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Кочевые племена Средней Азии и Казахстана в скифо-сарматское время

Введение

Глава первая
Саки Приаралья

Глава вторая
Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир

Глава третья
Ташкентский оазис, средняя Сырдарья
и Среднеазиатское междуречье

Глава четвертая
Левобережный Хорезм
и северо-западная Туркмения

Глава пятая
Центральный и Восточный Казахстан

Введение

Природные условия и хозяйственные зоны

Средняя Азия и Казахстан расположены в центре Евразии, в самой широкой части аридного пояса, где широтные зоны лесов и лесостепей с относительно высоким увлажнением отодвинуты далеко на север, уступая место сухой степи, полупустыне и пустыням — Каракумам и Кызылкумам. Это край обширных, жарких летом и прохладных зимой пустынных низменностей и горных систем, протянувшихся на юге от берегов Каспийского моря и невысоких Копетдагских гор до могучих нагорий и гор Памира, Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Тарбагатай на самом востоке. На северо-западе степи Казахстана граничат с пустынными берегами Каспия, Волгой, Уральскими горами, а на севере и востоке — с Западно-Сибирской низменностью и Горным Алтаем.

Общая площадь всей территории 4 млн кв. км. Она удалена на тысячи километров от океанов и крупных морей, поэтому отличается континентальностью климата, малым количеством осадков, большими колебаниями температур, обилием безоблачных дней и высокой испаряемостью. Если на вершинах гор круглый год лежит снег, то на равнине, где-нибудь на берегах Амударьи, в песчаных грядках, летние температуры достигают 50° жары, и солнце немудимо выжигает растительность. Поэтому вся жизнь здесь связана с водой и орошением.

Для каждой из главных природных зон — гор, предгорий и пустынных равнин — характерны свои особенности природы и хозяйственной деятельности обитателей.

Заметны различия в природных условиях между северной зоной со степными ландшафтами и самой южной зоной пустынь и гор Туркмени и Таджикистана с субтропическими ландшафтами и климатом. На западе у Каспийского моря преобладают жаркие и сухие низменности, а на востоке Средней Азии и Южного Казахстана — горы и возвышенности с более прохладным и влажным климатом. Для гор характерна вертикальная зональность ландшафтов. Но существенны и различия между юго-западной субтропической зоной (Копетдаг и южный Таджикистан) и северо-востоком Средней Азии с мощными горными системами центрального и северного Тянь-Шаня. Древние и почти безлесные горы Копетдага отличаются большой сухостью, пустынная растительность здесь поднимается до 1000 м над уровнем океана; выше — полынные и злаковые степи; на высоте 2400 м они сменяются горными лугами и скалистыми вершинами.

Высокие горные системы Тянь-Шаня имеют более богатую растительность. Они многоярусны. В предгорьях культурные земли (поля, сады, селения) постепенно сменяются полосой полупустынных сухих адыров, густо пересеченных оврагами, ручьями и

реками. Выше — так называемые прилавки со степной растительностью и хорошими пастбищами. Вдоль рек и ручьев на высоте 1500 м встречаются леса. На сухих скалистых склонах растут лишь колючие кустарники, а травы изреживаются. Лишь там, где много влаги, распространены субальпийские и альпийские луга, это — богатые летние пастбища [Мурзаев Э., 1957. С. 202—207].

Все реки начинаются в горах. Амударья и Сырдарья пересекают обширную пустынную равнину и впадают в Аральское море; Атрек течет в Каспийское море, а реки Или, Лепса, Каратал — в Балхашское озеро. Но многие из рек (Зеравшан, Санзар, Теджен, Мургаб, Сарысу, Чу и др.) не доходят до крупных водоемов, иссякая на равнинах в песках.

На севере Казахстана водораздел, проходящий через Тарбагатай, Каркаралинские высоты и Южный Урал, отграничивает бессточные области Средней Азии и Казахстана от бассейна рек Северного Ледовитого океана, к которому принадлежат текущие по Северному Казахстану и впадающие в Обь реки Ишим, Тобол, Убаган.

Режим среднеазиатских рек разнообразен. Однако большая часть из них, в том числе и самые крупные — Амударья и Сырдарья, имеют паводки в жаркое время года, что с давних времен благоприятствовало развитию в их долинах поливного земледелия. Реки несут с гор обильный ил, песок, мелкие камни. Тысячелетиями они откладывают на равнине аллювий, из которого и сложены песчаные толщи пустынных равнин. Большая часть песков Каракумов — это наносы древней Амударьи, которая до верхнего плейстоцена несла воды в Каспий. Южные и Восточные Каракумы сложены наносами Теджена, Мургаба и Зеравшана. В нижних частях почти все среднеазиатские реки образуют обширные дельтовые области, где непрерывные гидрографические изменения приводят к отмиранию прежних дельтовых протоков и образованию новых. Там, куда устремляются основные протоки, отложение наносов происходит наиболее быстро и интенсивно; на окраинах, в понижениях, которые заросли камышами, воды, напротив, застаиваются и осветляются. Неравномерность отложений — главная причина исторических гидрографических изменений в дельтах рек. В отдельных рукавах вода течет с различной скоростью. Там, где откладывается больше всего наносов, уменьшающиеся уклоны не обеспечивают устойчивости потока, и наступает момент, когда основная масса воды, прорвав боковые валы, образует сначала разливы, а затем и новые русла, устремляясь по наибольшему уклону в новом направлении. На протяжении длительных периодов происходит перемещение районов интенсивного обводнения из одной части дельты в другую. Это можно назвать пере-

щением основного направления реки [Шульц В. А., 1945; Андрианов Б. В., 1951. С. 326].

В дельтовых областях и долинах рек преобладает травянисто-тугайная растительность. Здесь встречаются лугово-болотные, луговые, лугово-солончаковые, солончаковые и песчаные растительные ассоциации. На влажных участках с близкими грунтовыми водами растут обильные камыши, куга, кыркбугим, юлгун, тал, ажрек и др. Почти все они представляют собой хороший корм для домашних животных. Заросли камышей в низовьях Амударьи и отчасти на Сырдарье поднимались еще недавно на высоту 5—8 м над уровнем разливов. Судя по этнографическим данным, камыши всегда служили не только хорошим кормом для крупного рогатого скота, но и строительным материалом для шалашей, загоронок для ловли рыбы и т. п.

Дельтовые районы среднеазиатских рек на равнине окружены пустынями. В растительном покрове пустынных территорий преобладают псаммофитные кустарники, полукустарнички и травы (кустарники — черкеза, кандыма, травы — многие виды полыни, эфемеры, солянки и др.). Пустынно-древесная растительность представлена белым и черным саксаулом. В северной зоне соляново-полынных пустынь и полупустынь со злаками на бурых почвах размещены весенне-летние пастбища, где обычно выпасают и верблюдов. Южнее расположены весенние пастбища, где песчаные гряды покрываются зеленым ковром эфемерной растительности. Это травы — илак, арпаган, а также селин, еркек, кермек и др. Пустыни с грядовыми и бугристыми песками занимают самые крупные площади в Среднеазиатско-Казахстанском регионе. Пустыни пригодны для выпаса овец и верблюдов почти круглый год, хотя относительно малопродуктивны; здесь на зимних пастбищах сохраняются ковыль, жусан, кияк, солянка, биюргун, кокпек. В Центральном и Западном Казахстане, в Прикаспийской низменности сезонная смена пастбищ связана с распределением растительности [Крашенинников И. М., 1927. С. 43, след.].

Окаймляющая с юга пустынные равнины зона предгорий имеет плодородные сероземные почвы на пролювиальных и аллювиальных глинистых лёссовидных наносах. Здесь хорошие весенние пастбища с эфемерами и многолетними травами (мятлик луковичный, лютиковые, осока и др.) сочетаются с культурными оазисами, где природа преобразована тысячелетней хозяйственной деятельностью земледельцев.

На равнинах Средней Азии и Казахстана засушливые климатические условия и аридные ландшафты установились еще с конца третичного периода. Но они не были постоянными. На протяжении плейстоцена и голоцена климат неоднократно менялся в сторону большего или меньшего увлажнения, менялись структура и размещение речной сети. Такие крупные реки, как Амударья, Сырдарья, Зеравшан, Мургаб и Теджен, перемещали свои русла и дельты на десятки и даже сотни километров, обходя различные районы пустынных равнин [Андрианов Б. В., Кесь А. С., 1967. С. 26].

В позднем неолите и эпоху бронзы западные районы Средней Азии и Казахстана получали значительно больше осадков, чем теперь, особенно в зимнее

время, что способствовало обводненности каменистых плато Устюрта, Мангышлака, песчаных равнин, где в долинах рек бродячих охотников в то время сменили скотоводы и скотоводы-земледельцы. Аридизация климата Средней Азии и Казахстана и формирование жестких ксеротермических условий, близких к современным, начались на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Это, с одной стороны, способствовало концентрации скотоводческо-земледельческого населения в наиболее увлажненных (дельтовых) областях, с другой — привело к оскудению водных ресурсов зоны предгорий и кризису хозяйства ранних земледельцев южной Туркмении [Виноградов А. В., 1981. С. 38, 39]. Уменьшению водоносности рек и ручьев способствовала и вырубка лесов на скалистых склонах Копетдага оседлыми земледельцами.

Палеогеографические исследования в Фергане показали, что в I тысячелетии до н. э. и первых веках нашей эры здесь после засушливого периода наступило относительное увлажнение, что отразилось на повышении водоносности р. Чирчик и трансгрессии Исык-Куля. Следующая стадия увлажнения относится уже к IX—XII вв. н. э., когда в Ферганской долине были отмечены леса на очень низких уровнях [Серебряный Л. Ф. и др., 1980. С. 221]. Колебания увлажненности в Среднеазиатско-Казахстанском регионе происходили, однако, в пределах общей аридности климата. Как бы ни было заметно влияние климатических условий (увлажненности, средних температур) на судьбы древнего населения, эти изменения не меняли коренным образом характер главных ландшафтных зон — гор, предгорий и пустынных низменностей, где природные условия во многом определяли характер хозяйственной деятельности обитателей.

Существенное значение на равнинах имели гидрографические изменения течения рек. Наиболее крупная среднеазиатская река Амударья (Окс древних авторов) в нижнем и среднем плейстоцене впадала в Каспийское море, ее притоками служили Зеравшан, Мургаб и Теджен. Аральская впадина обводнялась тогда, видимо, водами Сырдарьи, Чу и некоторых других рек. В самом начале верхнего плейстоцена, в раннехвалынское время, Амударья повернула на север, обводнила и заполнила осадками сначала Хорезмскую впадину, а затем сформировала Южную и Северную дельты Акчадарьи, направив свои воды в Арал. Позже началось формирование Присарыкамьшской дельты и обводнение Сарыкамьшской впадины, откуда вода, заполнив ее и соседнюю впадину Ассак-Каудан, по руслу Узбой вновь достигла Каспийского моря, на дне которого зафиксированы долина и конусы выноса этой реки. Они функционировали в периоды регрессии Каспия (8500, 6400, 5200 гг. до н. э.) [Варущенко А. Н. и др., 1980. С. 79—90].

В низовьях Амударьи постепенно сформировались три обширные дельты с системой меняющихся протоков: Акчадарьинская, Присарыкамьшская и самая поздняя — Приаральская.

В неолите, в IV—III тысячелетиях до н. э., основной сток амударьинских вод шел по руслам Присарыкамьшской дельты в Сарыкамьш, откуда по Узбою поступал в Каспий. Южная Акчадарьинская

дельта в этот период была подтоплена и заболочена. В начале II тысячелетия до н. э. произошел прорыв вод по Акчадарьинскому коридору на север, в Северную дельту. К этому времени сток в сторону Сарыкамышы сократился, и, вероятно, постоянного течения в Узбое уже не было. Во второй половине II тысячелетия до н. э. началась проработка русел современной Приаральской дельты [Итина М. А., 1977]. Во II и I тысячелетиях до н. э. Амударья имела огромную двойную дельту, состоящую из многих протоков, впадающих то в Сарыкамышскую низину, то в Арал. Естественная тенденция вела к отмиранию рукавов верхней части дельт и перемещению главной массы вод и наносов в сторону Арала, но это был длительный процесс. Переполнявшийся неоднократно Сарыкамыш не раз питал сбросы воды по Узбою в сторону Каспия. Геродот [I, 202] сообщает, что Аракс (Амударья?) при устье разделяется на 40 рукавов, из которых один впадает в Каспийское море с востока, а остальные — в болота и лагуны. Сподвижник Александра Македонского Аристобул в III в. до н. э. писал, что амударьинские воды по руслу Узбая достигают Каспия, а Яксарт (Сырдарья) соединяется протоком с Амударьей [Бартольд В. В., 1965. С. 101].

Открытие Хорезмской экспедицией на русле Узбая парфянского укрепления Игдыкала и последующие работы на нем выявили периоды жизни этого городища (I в. до н. э. — IV в. н. э.). Кроме того, работы последних лет зафиксировали стабильное размещение археологических памятников IV в. до н. э. — IV в. н. э. вдоль Узбая. Они представлены многочисленными погребальными сооружениями и остатками кратковременных поселений по берегам Келькора и Узбая. Все это говорит о существовании в то время более или менее постоянного стока воды по Узбою. Но после IV в. н. э. он прекратился [Юсуфов Х., 1979а. С. 58; 1986. С. 37, след., 119, 133, 142].

Не менее сложна историческая динамика дельтовых русел Сырдарьи. В отличие от низовьев Амударьи, где функционировали обособленные друг от друга дельты, связанные со стоком то в Сарыкамыш (и далее, иногда в Каспий), то в Арал, в низовьях Сырдарьи сформировалась одна громадная древняя дельта, которая пересекалась речными протоками как широтного (главным образом в восточной части), так и меридионального (в западной части) направления. В позднем неолите и в эпоху бронзы (конец III — начало I тысячелетия до н. э.) сырдарьинские воды стекали в Арал по системе Инкардарьинских русел вдоль центральных Кызылкумов, расчленяя их северную окраину, а также по руслам Пра-Кувандарьи (Ескидарьялык) южнее современной Сырдарьи. Как и Амударья в своем нижнем течении, Сырдарья и ее крупные дельтовые протоки текли в собственных наносах. Поэтому нередко паводковые воды переливались через береговые валы, затопляя обширные пространства, образуя озера и болота, давая новое направление потокам. Так, в VII—V вв. до н. э. образовалось крупное русло Жаныдарьи, которая пересекала систему Инкардарьинских более древних русел [Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С., 1974. С. 53]. Однако памятники античного времени на этом русле Жаныдарьи (западнее Бештамкалы) отсутствуют. Это дает основа-

ние предполагать, что вода из Жаныдарьи попадала в Арал по меридиональным руслам, расположенным к западу от Чирик-Рабата. Но с XI по XIV в. н. э. крупное русло Жаныдарьи вновь стало функционировать. По системе же русел Пра-Кувандарьи и Ескидарьялык сток в Арал шел со второй половины I тысячелетия до н. э. вплоть до VIII—IX вв.

Как и в низовьях Амударьи, в низовьях Сырдарьи можно наблюдать постепенное отмирание дельтовых протоков, начиная с наиболее южных и древних (русла Даудана в Присарыкамышской дельте, Инкардарьинские русла). Этому процессу способствовала и хозяйственная деятельность древнего населения, которое активно использовало природные ресурсы хорошо увлажняемых, богатых растительностью дельтовых равнин: паводковые речные разливы — для орошения небольших полей; камыши — в качестве корма для скота; окружавшие речные оазисы пески — для выпаса верблюдов и овец; речные заводи и озера — для ловли рыбы. Обширные дельтовые области и долины крупных среднеазиатских рек (Амударьи, Сырдарьи, Сарысу, Чу, Или и др.) с древних времен стали как бы промежуточной территорией (с преобладанием полуседелого скотоводческо-земледельческого населения) между широкой зоной кочевых скотоводов казахстанских степей и древними земледельческими оазисами юга Средней Азии (см. ниже карты 1; 4).

Как показали археологические и этнографические исследования, для каждой из главных природных зон Средней Азии и Казахстана — гор, предгорий, крупных речных долин и пустынных равнин — с давних времен были характерны свои особенности использования природных ресурсов и ведения хозяйства. Они-то и отразились на формировании и развитии хозяйственно-культурных типов, различия между которыми были обусловлены как историческими причинами, так и резкими контрастами природных условий. В пределах Среднеазиатско-Казахстанской историко-культурной области сложилось несколько хозяйственно-культурных типов: оседлых пашенных земледельцев (с ирригацией) и скотоводов, полуседлых скотоводов-земледельцев и, наконец, кочевников и полукочевников — скотоводов степей [Андрианов Б. В., 1962. С. 32—37; 1984. С. 76]. Но внутри каждого хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников существовали подтипы, что отражало локальную специфику ландшафтных зон. Так, на севере Казахстана суровость зимы (с низкими температурами и сильными ветрами) заставляла скотоводов перегонять скот на юг, в центральные районы, где его укрывали в грядовых или бугристых песках. Скотоводы южных, более теплых, пустынь выпасали скот круглый год или отгоняли его в горы. На востоке под летние пастбища использовались горные степи и луга. Зимой в горах скот укрывали в глубоких долинах, а летом выпасали на альпийских пастбищах. Зимние стоянки с сезонной оседлостью, как правило, использовались из года в год на протяжении многих веков [Акишев К. А., 1972. С. 33].

В Центральном Казахстане в зоне кипчаково-полынных степей ведущая роль принадлежала овцеводству и коневодству с длительными меридиональными перекочевками [Жданко Т. А., 1968. С. 274—281; Акишев К. А., 1972. С. 35, 36]. На юго-западе,

на территории Туркмении, в составе стада преобладали верблюды, овцы и козы. Маршруты перекочевков там были обусловлены расположением водных источников и колодцев [Оразов А., 1975. С. 217]. На юге и востоке, в горах, где были развиты различные формы скотоводства (отгонно-пастбищная, кочевая, выгонная, стойлово-выгонно-яйлажная) [Кармышева Б. Х., 1969], сезонные миграции скотоводов имели преимущественно вертикальный характер. Но почти всюду скотоводство в той или иной степени сочеталось с земледелием.

В дельтовых областях сохранялся архаический хозяйственно-культурный тип с полуседлым комплексным скотоводческо-земледельческо-рыболовным

хозяйством. Каирные (естественно увлажненные) земли обеспечивали обитателей просом, тыквой и дыней; обширные заросли камышей служили кормовой базой для крупного рогатого скота; в протоках и разливах ловили рыбу. Судя по этнографическим материалам XIX в., этот хозяйственно-культурный тип сочетал в разных соотношениях скотоводство и земледелие, элементы кочевой (переносная юрта) и оседло-земледельческой культуры (зимний глинобитный дом и т. п.).

Все эти экологические особенности обусловили специфику археологических комплексов, происходящих из разных регионов Средней Азии и Казахстана.

Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках

Сложный и еще недостаточно ясный процесс становления кочевых форм скотоводческого хозяйства завершается в Средней Азии в первой четверти I тысячелетия до н. э. Новая форма хозяйственной деятельности обусловила существенные изменения почти во всех сферах материальной и духовной жизни, которые прослеживаются в то время в пределах всего степного пояса Евразии. Как и в других его частях, на рассматриваемой территории формируются новые культуры, характеризующиеся значительным сходством ввиду однотипности экономической основы и общности или родственности вовлеченных в этот процесс этнических массивов степного населения. Увеличение подвижности привело к племенным передвижениям и установлению разносторонних контактов, что способствовало быстрому распространению и усвоению на больших территориях проверенных практически новшеств. В рамках сложившегося к VIII или VII в. до н. э. (вопрос этот спорен) в степной зоне скифо-сибирского культурного единства ранние кочевники Средней Азии выступают как создатели самобытных черт и посредники в передаче достижений своим соседям.

С этого времени одним из важнейших, постоянно действующих факторов, определявших специфику исторического процесса, становится сосуществование и активное взаимодействие кочевого и оседлого населения региона. Письменные источники содержат прямые указания на ведущую роль кочевников в событиях, приведших к образованию двух крупнейших государств древности — Парфянского и Кушанского, но об их создателях сообщают лишь скудные и отрывочные сведения.

Периодизация древней истории кочевого (и полукочевого) населения Средней Азии на основе каких-либо кардинальных вех внутреннего развития общества сейчас невозможна. Но известные нам факты политической истории дают право условно выделить четыре периода: 1) (VIII?) VII—IV вв. до н. э., условно называемый «сакским» временем (видимо, точнее его следует называть «сако-массагетским»); 2) III—I вв. до н. э. — время, характеризующееся крупными племенными передвижениями и возникновением обширных государств с кочевническими династиями;

3) I—III вв. — время максимальной экспансии и последующего распада этих государств; 4) IV—V вв. — время появления в Средней Азии новых больших групп кочевников и возрастающего давления их на Иран и северную Индию.

Конкретные сведения о кочевниках Средней Азии впервые приводит Геродот, который частично использовал более ранние данные Гекатея, восходящие, как предполагают, к персидским первоисточникам. Здесь четко разделяются две группы племен: массагеты и саки, что повторяется и у более поздних авторов и подтверждается археологическими данными.

Сведения античных авторов о саках ограничены и отрывочны. Но, судя по некоторым указаниям Геродота [VII, 64] и Плиния [VI, 50], сам термин «саки» носил собирательный характер: так персы именовали все кочевые племена Евразии, похожие на «собственно саков» [Пьянков И. В., 1968; 1985]. Но одновременно это было и самоназванием вполне конкретной группы, которая локализуется на правом берегу Сырдарьи, за Согдом. В древнеперсидских надписях саки первоначально фигурируют как нечто единое, но затем появляются три их группы: саки-хаумаварга, саки-тиграхауда и «заморские» (парадарайя). «Заморскими» именовались, видимо, европейские скифы, которые к данному тому отношения не имеют. По поводу двух других групп и остальных племен существует много гипотез [Обзор литературы см.: Литвинский Б. А., 1972б. С. 158—174]. Саки-хаумаварга соответствуют, очевидно, племенам, покоренным еще Киром II, тогда как саки-тиграхауда были подчинены в результате похода Дария I в 519/518 г. до н. э. Установить места их обитания затруднительно ввиду отсутствия конкретных данных о маршруте похода. К тому же, мнения исследователей расходятся: чаще всего саков-тиграхауда отождествляют с массагетами, жившими в Закаспии [Hegmann A., 1920; Junge J., 1939; Струве В. В., 1968. С. 51—66; Дандамаев М. А., 1963а], хотя высказывались и соображения о локализации их в северо-восточной части Средней Азии — на территории Шаша (район Ташкента), северной Киргизии и юга Казахстана [Григорьев В. В., 1871. С. 50—59; Акишев К. А.,

Кушаев Г. А., 1963. С. 16—20]. Правда, К. А. Акишев считает, что территория саков-тиграхауда, кроме названных областей, включала на западе южное Приаралье и на востоке — Горный Алтай [Акишев К. А., 1978. С. 5]. Данных для решения этого вопроса еще недостаточно.

Границы земель хаумаварга (амюргийских скифов Геродота) в источниках также не указаны, что при неясности некоторых других сообщений о саках привело к появлению различных гипотез, согласно которым они занимали Памир и даже области до Гиндукуша [Herrmann A., 1920. С. 1772; Junge J., 1939. S. 83; Пьянков И. В., 1985]. Основными аргументами служат упоминание «скифского берега» во фрагменте Гекатея о Каспанире — городе гандаров, указания на саков и каспиев в 15-й сатрапии Ахеменидского государства и упоминание саков вместе с бактрийцами. Однако все эти доводы не являются решающими, так как связь и азвания в узком значении с населением указанных территорий до II в. до н. э. в источниках не засвидетельствована. В то же время из китайских хроник известно, что до середины II в. до н. э. у северных склонов Тянь-Шаня и в Семиречье обитали племена, наименование которых (сэ или сэван, что может переводиться также как «цари сэ») бесспорно содержит в себе этноним саков [ЦХШ, гл. 96А; Бичурин Н. Я., 1950б. С. 190]. Таким образом, территория северо-восточной группы саков простиралась далеко за пределы среднего течения Сырдарьи, возможно, вплоть до Джунгарии.

Ряд отрывочных и косвенных данных свидетельствует о том, что хозяйство саков основывалось на разведении овец и лошадей; относительно характера кочевания сведений нет. Археологические материалы говорят о том, что уже в раннее время в среде саков сложилось имущественное неравенство. Источники акцентируют внимание, как правило, на военных качествах саков прежде всего как конных лучников, которые часто фигурируют в составе войск Ахеменидов, где (вероятно, вместе с бактрийцами) составляют основную массу кавалерии. Вооружение их по Геродоту [VII, 64] состояло из луков, кинжалов и боевых топоров. Известия о защитных доспехах относятся только ко времени похода Александра Македонского. Военному делу обучались и женщины: они так же, как мужчины, обращаясь в притворное бегство, стреляли на скаку из лука назад.

На территории Средней Азии существовали крупные племенные объединения, о которых античные авторы имели очень смутные сведения. Так, сохранилось сообщение, носящее легендарную окраску, о войнах между саками и мидийцами из-за Парфии и уводе пленных на Сырдарью. Тем не менее, многократные упоминания в Авесте о набегах кочевников с севера подтверждают военную активность их в южном направлении; возможно, именно они фигурируют в тексте в качестве одной из «напастей» Согда. Против саков совершали походы Ахемениды, хотя успехи их не следует преувеличивать: Кир II подчинил лишь какую-то, возможно локальную, группу — саков-хаумаварга. Предполагать распространение его власти на Семиречье оснований нет. Зависимость же кочевников, обитавших в среднем течении Сырдарьи, вероятно, была ограничена; во всяком случае при Дарии III саки были лишь его союзниками, выстав-

лявшими вспомогательный отряд во главе со своим предводителем. Участие их в более ранних военных предприятиях Ахеменидов на западе могло носить подобный же характер. В античной традиции сохранилось представление о распространении власти Ахеменидов только до Сырдарьи [Страбон, XI, XI, 4].

Вопрос о происхождении саков еще не разрешен. Некоторые факты — в частности, особенности физического типа и господство западной ориентировки погребенных — рассматриваются как свидетельство в пользу генетической связи их с носителями андроновской культуры [Бернштам А. Н., 1952. С. 210; Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. С. 121, след.; Исмагулов О., 1982]. Это следует считать наиболее вероятным, но реальная преемственность в археологических памятниках — с переходными стадиями — не прослежена.

Язык саков принадлежал к числу восточноиранских. Это установлено по дошедшим до нас именам и подтверждается исследованиями более поздних диалектов, распространенных в припамирских областях, где по ряду данных обитали потомки саков. Однако этимология названия неясна (наиболее вероятной следует считать предложенную Бейли — «сильные») [Bailey H. W., 1958. P. 133]. Физический тип саков, установленный по материалам из погребений, был европеоидным (памиро-ферганский и андроновский), но в ряде районов — с незначительной монголоидной примесью [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. С. 111—141].

Южнее ареала сакских племен, на территории восточного Памира, известны памятники кочевого населения, культура которого также характеризуется «скифскими» чертами, но во многом своеобразна [Бернштам А. Н., 1952. С. 286, след.; Литвинский Б. А., 1972б]. Обитатели этих племен носили здесь, по-видимому, сезонный характер. Использовались высокогорные летние пастбища, а зимовки располагались, очевидно, где-то восточнее или северо-восточнее¹. Эти племена отличались от саков по физическому типу: они также были европеоидными, но совершенно другой группы, не представленной в более северных областях. Различное происхождение отражается и в некоторых, археологических данных, в частности, в господстве скорченного положения погребенных, что, будучи устойчивой и характерной чертой, не может считаться лишь архаизмом.

Массагеты, по сообщению Геродота [I, 201, 202, 204], занимали значительную часть равнины, лежащей восточнее Каспийского моря и за Араксом. Рукав Аракса следует идентифицировать с Узбойским руслом Амударьи, поскольку Геродот пишет что впадает он в Каспийское море. Относительно Аракса указывается также, что на нем имеются большие острова, обитатели которых питаются кореньями, рыбой и одеваются в тюленьи шкуры, а большинство

¹ Исследования двух могильников (Ташкурганский и Алагоу), проведенные в последние годы на территории Восточного Туркестана (Турфанская долина, юго-восточные окраины Тянь-Шаня), позволили некоторым исследователям [Литвинский Б. А., 1985; Литвинский Б. А., Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1985] говорить о культурной близости населения этого района с племенами северо-восточной части Средней Азии (Ред.).

русел его теряется в песках. Относил ли Геродот все это население также к массагетам, из текста неясно. Но Страбон [XI, 8, 6, 7], использовавший и данные Гекатея, определенно делит массагетов на четыре группы: равнинную, болотную, островную и горную. Однако, судя по его сведениям, племена последних трех групп не были кочевниками. Можно, правда, предположить их политическую зависимость от массагетов. О восточной границе массагетов имеются несколько более поздние сведения у Эратосфена [Страбон, XI, 8, 8], сообщающего, что массагеты обитают вдоль Окса, западнее Согдианы, и у историков Александра Македонского, упоминающих о соседстве их с Хорезмом. Северные рубежи массагетов неясны, но указание Геродота, что они обитали «напротив исседонов», позволяет искать их даже за пределами Средней Азии. Неудача последнего похода Кира II на массагетов (530 г. до н. э.) свидетельствует о том, что ахеменидское войско встретило здесь сильного противника [Геродот, I, 201—214]. Подробное изложение и анализ разных версий этого похода давались неоднократно [Dunker H., 1877. S. 378 sq.]. Но наиболее вероятной представляется версия, согласно которой поход был направлен в южную часть Закаспия [Herrmann A., 1920. S. 1785; Junge J., 1939; Idem., 1944. S. 37; Пьянков И. В., 1964].

Из сообщений Геродота и Страбона очевидно, что под названием «массагеты» античные авторы объединяли различные группы племен, заметно отличавшихся друг от друга по хозяйству и образу жизни. Точных сведений о большинстве из них явно не имелось, и сам термин носил прежде всего собирательный характер. Но, как и в случае с саками, надо полагать, что одновременно это было также наименование какой-то вполне определенной, ближайшей и наиболее знакомой их части. По словам Геродота, это были кочевники, сходные со скифами по образу жизни и одежде. Основу их хозяйства составляло разведение овец, хотя упоминается также рыболовство, распространенное, очевидно, лишь у племен, обитавших по берегам Каспийского моря и Амударьи. Косвенные данные указывают на значительное количество лошадей у массагетов, упоминаются повозки, в которых жили женщины, что тоже свидетельствует о подвижности и обитании их в равнинной части Закаспия. Страбон специально подчеркивает, что земледелия здесь не было, следовательно, система хозяйства была приспособлена к естественногеографическим условиям.

В представлениях современников массагеты были хорошими конными и пешими воинами. Вооружение их состояло в основном из луков со стрелами, копий, боевых топоров, упоминаются также кинжалы. Об оборонительных доспехах говорит только Страбон, что как будто свидетельствует об относительно позднем их появлении. Но уже Геродот упоминает нагрудные панцири (?) для лошадей. В качестве одной из особенностей массагетов Геродот отмечает господство у них изделий из меди (очевидно, из бронзы) и золота при отсутствии железа и серебра. Но в последние века до нашей эры положение, очевидно, изменилось, так как Страбон сообщает лишь о малочисленности железа.

У Геродота имеются сведения, что массагеты почи-

тали Солнце и приносили ему в жертву лошадей, считая, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное. Этот текст дает основание предположить, что у массагетов существовала какая-то форма поклонения Митре. Относительно языка массагетов можно судить лишь по дошедшим до нас именам и этнониму «массагеты». Они носят восточно-иранский характер, хотя этимология названия, несмотря на разные попытки истолкования, остается неясной (два основных толкования — «рыбоеды» и «великие саки» — в равной мере сомнительны) [Hening W. B., 1951. P. 23, note 2]. Согласно античной традиции, в обычаях массагетов сохранялись некоторые архаические пережитки. Так, имеются сообщения относительно общности жен при наличии моногамии, что может быть свидетельством непрочности парной семьи. Однако неясно, в какой мере это было общим явлением. Осторожно следует подходить и к рассказу о том, что лучшей смертью для лиц преклонного возраста было убийство их соплеменниками и последующее съедение вместе с бараниной. Скорее здесь можно видеть отголосок какого-то варианта ритуального каннибализма. Вероятно, более достоверны сведения относительно выбрасывания трупов умерших от болезней на съедение зверям.

Собирательность терминов, которыми античные авторы называли ранних кочевников Средней Азии, выступает в трудах историков походов Александра Македонского, где при описании одних и тех же событий принимавшие в них участие кочевники именуются то скифами, то массагетами, то дахами.

Первое упоминание о дахах имеется в так называемой антидэвовской надписи Ксеркса в Персеполе [Kent R. G., 1937], где они фигурируют в перечне подвластных племен и народов перед саками. Однако это не дает определенных указаний на места их обитания. Геродоту они, очевидно, не были известны, но, может быть, его первоисточники включали их в состав массагетов или саков². Историки походов Александра Македонского неоднократно упоминают дахов в составе войск Дария III и Бесса, а также при изложении событий, связанных с попытками Спитамена, опираясь на поддержку кочевников, освободить Согдиану. Из слов Квинта Курция [VIII, 1, 8], что правитель Хорезма объединился с соседями по территории — массагетами и дахами, очевидно, что они жили вблизи низовьев Амударьи. Имеется также сообщение Арриана [III, 28], что дахи — это народ, живущий у реки Танаиса, т. е. Сырдарьи. Но сравнительно подробные сведения о них впервые приводит Страбон, использовавший более ранние источники (в частности, Аполлодора) [Behr A., 1888. P. 10]. По данным Страбона [XI, 7, 1; 8, 1—3; 9, 2], дахи обитали восточнее Каспийского моря — от побережья до неназванной области, лежащей севернее Арии; соседями их на востоке были массагеты; южнее простиралась пустыня, отделявшая их от Гиркании и Парфии. Имелось три племена, из которых самым западным были парны; они переходили пустыню и совершали набеги на Гирка-

² Геродот, правда упоминает племя даев [I, 125], что, по мнению исследователей, соответствует персидскому *daha* [Струве В. В., 1968. С. 51, след.; Доватур А. И., *Каллистос Д. П., Шишова М. А.*, 1982] (Н. Г.).

нию, Нисайю и «парфянские равнины». Аршак с кочевавшими по Оху (под которым, несомненно, подразумевается Атрек) парнами завоевал Парфию. Упоминает Страбон также о мнении, что парны переселились сюда из области над Меотидой, но сомневается в его достоверности.

Контекст сообщения Страбона и некоторые детали показывают, что здесь отражено положение, существовавшее перед образованием Парфянского государства. Сопоставление более ранних известий с его сведениями показывает, что места обитания дахов изменились. Более поздние источники как будто указывают на продвижение их еще далее на юг. Так, у Оросия [I, 2, 43] они упомянуты вблизи гор, тянувшихся в Парфии и Гиркании, а у Тацита [XI, 10] — у северной границы Арии.

Создателями Парфянского государства были Аршакиды — династия несомненно кочевнического происхождения. Это общепризнано, хотя в интерпретации разных версий возникновения этого государства, приводимых античными авторами, существуют расхождения. Наиболее достоверные сообщения Страбона [XI, 9, 2], восходящие к вполне надежному первоисточнику — Аполлодору, связывают Аршакидов с парнами. О деятельности первых представителей этой династии и в особенности о предшествующих событиях имеются крайне ограниченные и противоречивые известия, что породило множество гипотез, догадок и реконструкций; даже в отношении имени ее основателя нет полного единства мнений, хотя, по всей видимости, это был Аршак I [Wolski J., 1950; Кошеленко Г. А., 1968. С. 53, след.].

Тем не менее, если проанализировать эти известия в аспекте истории Средней Азии, то вырисовывается связь разрозненных фактов, отражающая определенный и, очевидно, закономерный процесс. В конце IV или, вернее, в начале III в. до н. э. севернее Гиркании и Парфии появляется сильная группа дахских племен, передвинувшаяся сюда откуда-то с северо-востока. Сведений о причинах этого перемещения нет, но можно предполагать, что оно было одним из проявлений общей реакции на греко-македонское завоевание Средней Азии. Некоторое время эти племена совершали систематические или периодические набеги на близлежащие земледельческие области. Из сообщения Страбона о своеобразных условиях мирных соглашений можно вывести заключение, что правители этих областей предоставляли дахам право грабежа оседлого населения. При отсутствии иных сведений это заслуживает внимания как показатель характера отношений между коренными жителями и селевкидскими наместниками. Но набеги были лишь первым этапом широкого и, как видно из последующих событий, целенаправленного наступления на юг.

С поворотным моментом второго этапа этого наступления связано начало «парфянской эры» — термин, вошедший в употребление позднее. Принятие его для династийного летосчисления предполагает в качестве исходного события приход к власти первого или во всяком случае наиболее значительного из ранних представителей правящего дома, что произошло в городе Ассаке в области Астауэне в 247 г. до н. э. Иллир Хараксий. Парфянские стоянки, в частности в Ассе, представляли себя царем. Таким

образом, в это время во всяком случае часть парнов находилась уже не где-то за пустыней, а в земледельческом районе, непосредственно граничащем с Парфией. То, что первый Аршакид принимает царский титул, причем не на далекой кочевнической периферии, а в городе, весьма знаменательно: здесь достаточно ясно выступают цели его действий.

По сообщению Юстина [XVI, 4, 3], при Селевке II (246—226 гг. до н. э.) произошло отпадение Парфии от Селевкидов. Но вскоре в нее вторгся Аршак, убил парфянского правителя Андрагора, захватил власть и завоевал Гирканию, что ознаменовало собой завершение третьего этапа. Однако, когда в 228 г. до н. э. на востоке появился Селевк II, Аршак бежал к апасиакам, обитавшим, по сведениям Полибия [X, 28], между Оксом (Амударья) и Танаисом (Сырдарья). Правда, затем, как сообщает Юстин, ему удалось при помощи апасиаков или каких-либо других кочевых племен победить Селевка II, и день этой победы парфяне праздновали как начало своей независимости.

Так на протяжении сравнительно небольшого промежутка времени было создано первоначальное ядро Парфянского государства. Ведущая роль кочевых племен в этом процессе вполне очевидна. Очень показательным, что о сопротивлении населения земледельческих областей, вошедших в молодое государство, никаких указаний не имеется. Включение в него Парфии рисуется не как результат завоеваний, а как следствие победы над правителем. Очевидно, все эти события третьей четверти III в. до н. э. шли прежде всего в русле ликвидации последствий греко-македонского завоевания.

Следующий период в истории Парфянского государства характеризуется быстрой экспансией его при Митридатe I. Вполне естественно, что это не могло быть результатом военных успехов одного племени — парнов — и даже всей дахской группы племен. Обширные завоевания и, главное, удержание подчиненных областей требовали значительных воинских контингентов, которые они вряд ли могли дать. В то же время отчетливая характеристика парфиан у античных авторов как кочевников свидетельствует против сколько-нибудь заметной роли оседлого населения в завоеваниях.

Многочисленные примеры активного участия дахов и других племенных групп во внутридинастийных смутах и сменах правителей известны во всяком случае вплоть до середины I в. н. э. Особенно отчетливо выступает их роль при Артабане III (II?) и его преемниках [Kahrstedt U., 1950]. Таким образом, даже отрывочные и случайные по характеру известия письменных источников наглядно показывают, что успехи и неудачи Аршакидов во многом определялись наличием или отсутствием поддержки со стороны не только дахов, но и других, соседних с ними кочевников. Они представляли собой глубокий тыл Парфянского государства, откуда оно постоянно черпало необходимые дополнительные воинские контингенты и в котором представители правящей династии и претенденты на престол находили себе убежище и действенную помощь в случае неудач. Среди племен, так или иначе участвовавших в этих событиях, фигурируют, кроме дахов, массагеты, апасиаки, а также тохары и сакаравлы. Последние от-

носятся к числу племен, пришедших из-за Сырдарьи и обосновавшихся где-то около Парфии и дахов.

Значительная роль кочевников очевидна и в сложении другого крупного государства античной Средней Азии — Кушанского. Дошедшие до нас известия письменных источников очень скудны и не менее противоречивы, чем в случае с Парфянским государством. Специфическую трудность составляет то, что, в отличие от парфян, кушаны фактически оказались вне поля зрения других существовавших в это время государств.

Основные сведения содержатся в китайских хрониках, которые кратко излагают историю переселения на запад больших юечжей, потерпевших поражение в борьбе с сюнну (хунну). Покинув под давлением последних свои земли в современной провинции Ганьсу, юечжи где-то в Семиречье (?) столкнулись с сэван (саками?). Победив их и заставив уйти на юг (в Гибинь — Кашмир), они на какой-то период закрепились здесь. Но вскоре затем появление с востока усуней, поддержанных хунну, вынудило их снова двинуться на запад, где они завоевали Дася (Бактрию) и обосновались севернее Амударьи. Эти сведения, повторяющиеся с разной степенью полноты в Шицзи и Хоуханьшу (ШЦ, 123, раздел о больших юечжах; ЦХШ, 61, биография Чжан Цяня; 96А, разделы о Гибини и больших юечжах; 96Б, раздел об усунях; Бичурин Н. Я., 1950б, С. 151, 179, 183, 184, 190, 191), восходят к отчету Чжан Цяня, направленного императором Уди к юечжам с целью склонить их к союзу против хунну (он возвратился в Китай в 128 г. до н. э., затратив на обратный путь более года).

Зафиксированная в китайских источниках миграция юечжей проходила на территориях, лежавших вне поля зрения античных авторов. Возможно, они имели какие-то подробные сведения о ее конечном этапе и последовавших затем событиях в Средней Азии, но до нас почти ничего не дошло. В античных источниках говорится лишь о том, что власть греков в Бактрии пала под ударами кочевых племен, пришедших из-за Сырдарьи. Страбон [XI, 8, 2] перечисляет четыре племени: асиев, пасиан, тохар и сакаравлов. Его данные, весьма вероятно, восходят к Аполлodorу [Behr A., 1888. P. 49]. Юстин [XLI, пролог; XLII, пролог] называет только сакаравлов и асиан, но, кроме того, упоминает об асианах как царях тохар и об уничтожении сакаравлов. Никаких подробностей о гибели Греко-Бактрийского государства нет, не приводится и дата этого события.

Таким образом, имеются определенные свидетельства того, что в движении на юг участвовал целый ряд, очевидно, различных племен. Однако одним из важных и нерешенных вопросов остается согласование между собой данных китайских и западных источников об этих племенах. Все попытки найти, например, для юечжей прямое соответствие в каком-либо из четырех племен, упоминаемых античными авторами в связи с этими событиями, не увенчались успехом, так как предлагавшиеся сопоставления неизменно встречали фонетические трудности. Расширение круга привлекаемых этнонимов и созвучных с ними топонимов наткнулось на те же препятствия и, сильно осложнив вопрос, все же не

позволило выйти за пределы шатких гипотез [Обзор главных гипотез, предложенных до 30-х годов нашего столетия, см.: Умняков И. И., 1940; 1946; Фрейман А. А., 1952]. Вопрос о происхождении тохар и сакаравлов по-прежнему следует считать открытым. Упоминания их у Птолемея, взятые сами по себе, ни в коей мере не доказывают, что они составляли часть кочевого населения Средней Азии. Прежде всего, мы не знаем, к какому времени относятся приводимые Птолемеем новые сведения о Средней Азии, но веских оснований считать их ранними нет, вернее, следует предполагать, что они восходят к какому-то первоисточнику I в. н. э. Локализация тохар и сакаравлов между Оксом и Яксартом [Ptolem., VI; VII; VI, 12; VI, 14] явно расходится с данными Страбона о приходе их из-за Сырдарьи. Очевидно, Птолемей отмечает местонахождение каких-то групп тохар и сакаравлов, отделившихся от основной массы в период продвижения на юг или после этого.

В китайских хрониках имеются сведения и о дальнейших событиях истории юечжей [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 184, 227]. В них сообщается о том, что юечжи, завоевав южные регионы Средней Азии, разделили свои владения между пятью ябгу. Названия областей приводятся в двух несовпадающих вариантах. Кроме того, неясно, соответствует ли это деление племенному составу юечжей или ранее существовавшему политико-географическому членению завоеванного региона (Дася). Одной из этих областей была Гуйшуань, ябгу которой Кюцзюкю по прошествии более ста лет (после чего — не указывается) победил остальных четырех и провозгласил себя царем. Затем он вторгся в Аньси (Парфию), завоевал Гаофу (Кабул), разбил и подчинил себе Пуда и Гибинь (Кашмир). Преемник его Яньчаочжань завоевал Тяньчжу (северную Индию) и передал затем в управление военачальнику.

Ни один источник не приводит точных дат, и все они устанавливаются лишь приблизительно, путем анализа хода событий на границах Китая, в Средней и Центральной Азии, Афганистане и Индии. Для раннего периода существование значение имеет частичная синхронизация отдельных этапов движения юечжей на запад со сменой шаньюев у хунну. Однако тут есть неясности, вследствие чего мнения о продолжительности этих этапов в датах расходятся. Время появления юечжей на юге Среднеазиатского междуречья тоже точно неизвестно, но это произошло во всяком случае до 128 г. до н. э., когда Чжан Цянь уже вернулся в Китай. Значительно менее определенные заключения или, вернее, предположения возможны относительно даты возникновения Кушанского государства, поскольку тут мы сталкиваемся с двумя неизвестными: с одной стороны, автором Хоуханьшу не отмечен отправной момент отсчета, а с другой — неясна реальная продолжительность времени, указанного весьма неопределенно, — более чем сто лет. Существенные дополнительные сведения (правда, для более позднего времени) дают индийские надписи. Большую роль играет также нумизматика, позволяющая достаточно твердо установить последовательность чеканивших свои монеты отдельных кушанских царей. Однако до сих пор спорным остается вопрос о времени начала эры

Долгушев А. С. и Долгушев В. А.

Канишки, от которой во многих случаях идет отсчет [Зеймаль Е. В., 1968].

При современном положении, когда нельзя надеяться на появление каких-либо новых письменных данных о событиях II в. до н. э., первостепенное значение приобретают археологические материалы. Фактически лишь они дают в некотором представлении о племенах, которые сыграли в этих событиях решающую роль, и тем самым позволяют подходить к решению вопросов об их происхождении и этнической принадлежности на базе независимых объективных данных [Мандельштам А. М., 1972]. Но это, конечно, не снижает значения письменных источников, поскольку только они содержат сведения о последовательности событий, племенные наименования и, что особенно важно, прямые указания на первоначальные места обитания кочевого населения. Сообщения китайских хроник восходят к отчетам Чжан Цяня, побывавшего в части областей Средней Азии во время своей миссии, целью которой было установление контактов с ушедшими на запад юечжами, поэтому нет никаких оснований сомневаться в их достоверности. Правда, существуют сомнения в том, что сохранился подлинный текст отчета Чжан Цяня, а не интерполированный позднее автором Цяньханьшу [Hulsewé A. F. P., 1979. Introduction. Там же литература вопроса].

Из числа интересующих нас владений (с которыми столкнулся во время путешествия Чжан Цянь), описываемых в хрониках как кочевые, в отчетах фигурируют два — Усунь и Кангюй (Кацзюй) [Мандельштам А. М., 19786]. С ними постоянно взаимодействуют хунну и Давань.

Усуни обитали первоначально по соседству с юечжами в Центральной Азии и в 176 г. до н. э. попали в зависимость от хунну [Материалы по истории сюнну..., 1968. С. 43. Сведения о них см.: Бичурин Н. Я., 19506. С. 150, 155, 156, 190—199; Кюнер Н. В., 1961. С. 68—101; Бартольд В. В., 1963. С. 24—26; Зуев Ю. А., 1957; 1974. С. 198—200; 1977. С. 287—291]. Освобождаясь от этой зависимости, они переселяются на земли, которыми ранее владел народ сэ, изгнанный отсюда юечжами. Усуни в свою очередь изгоняют юечжей и поселяются на этих землях, причем среди них остается часть сэ и юечжей. Признано, что речь идет о Семиречье, хотя сама история переселения усуней ввиду некторого несоответствия данных в китайских хрониках вызывает сомнения [Зуев Ю. А., 1974. С. 199, 200]. Не находит она себе подтверждение и в археологических данных [Бернштам А. Н., 1951. С. 96, след.; Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963]. Границей владения усуней на западе считаются реки Чу и Талас, а центром владения — долина р. Или. Ставка владетеля находилась в городе Чигу, который принято помещать на юго-восточной окраине оз. Иссык-Куль. (В хронике-отчете Чжан Цяня Чигу, однако, не упоминается.) На востоке владение было смежным с хунну, на северо-западе — с Кангюем, на юге — с Даванью (Фергана).

Усунь описывается как крупное кочевое владение. «Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в воде и траве». «Народонаселение 120 000 кибиток, 630 000 душ, строе-

вого войска 188 800 человек. Земли ровные и травянистые. Страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса» [Бичурин Н. Я., 19506. С. 190]. В составе стада много лошадей. Хотя данные о численности населения были примерными для народов, удаленных от территории Китая [Hulsewé A. F. P., 1979. P. 30], указанное количество свидетельствует о том, что владение относилось к крупным, с ним сравнимы только Большие Юечжи и Кангюй. Недаром о нем сказано: «Усунь считается одним из сильнейших владений» [Бичурин Н. Я., 19506. С. 190]. Во главе общества стоял правитель, носивший титул гуньмо, очевидным было социальное расслоение общества, с выделением «богатых». В хрониках приводятся сведения о происхождении и возвышении усуней, их политической истории со II в. до н. э. примерно до III в. н. э. Основное место в хронике занимает изложение династийных распрей усуней между сторонниками хунну и Ханьского Китая. С последним усунь вели постоянные войны, однако Ханьский Китай был заинтересован в союзе с усунями для борьбы против хунну. Он заключал даже брачные союзы с усунями. Сами усунь тоже вели завоевательную политику, подчиняя себе многие другие владения, среди которых, возможно, было и небольшое кочевое владение Хюсунь [Зуев Ю. А., 1977. С. 290], локализуемое на востоке Алайской долины, вблизи Ферганы [Мандельштам А. М., 1957. С. 57]. О нем говорится, что это «отрасль древних сэсцев», «обыкновения и одеяния сходны с усуньскими» [Бичурин Н. Я., 19506. С. 188]. Во II в. н. э. один из вождей сяньбийского племени покорил на западе все земли до территории усуней [Бичурин Н. Я., 1950а. С. 154]. Позднее, в IV в. н. э., другой сяньбийский владетель покорил «древние усуньские земли» [Бичурин Н. Я., 1950а. С. 193], и, наконец, в V в. н. э. племя жужаней заставило их выселиться в «Луковые горы» [Бичурин Н. Я., 19506. С. 258], под которыми подразумевается не только Памир, но и Тянь-Шань [Бартольд В. В., 1963. С. 30; Кибиров А. К., 19596. С. 108]. Это — последнее упоминание владения Усунь. Здесь сообщается также об обмене посланниками между Усунь и Китаем.

Кангюй — владение, описываемое в Шицзи как малосильное (90 тыс. войска), признающее на востоке власть хунну, на юге — юечжей³, смежное с Даванью [Бичурин Н. Я., 19506. С. 150]. Но в Цяньханьшу [Бичурин Н. Я., 19506. С. 184—186] оно фигурирует уже как крупное владение: народонаселение состоит из 120 тыс. семейств, 600 тыс. душ, строевого войска 120 тыс. душ, независимое от Ханьского Китая, однако по-прежнему признающее на востоке власть хунну [Бичурин Н. Я., 19506. С. 184—186; Кюнер Н. В., 1961. С. 174—182; Толстов С. П., 19486. С. 144—146; Бернштам А. Н., 19496. С. 90—98; 1952. С. 214, 215; Кляшторный С. Г., 1964. С. 161—171 (там же литература вопроса); Литвинский Б. А., 1967. С. 34—37; Mc Govern, 1939. P. 134, 135; Tarn W. W., 1951. P. 291; Pulleyblank E. G., 1966]. На северо-западе Кангюй граничил с владением Янцай (возможно, сармато-

³ Возможно, здесь речь идет о другой ветви юечжей, так называемых юечжей дома Чжаову [Вайнберг Б. И., 1977. С. 75—77] (Н. Г.).

аланские племена северного Прикаспия). В Хоуханьшу сообщается, что владение Янь, лежащее к северу от Янцай, платило Кангюю дань пушниной [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 229]. Владетель Кангюя пребывал в стране Лююени, в городе Битянь, и имел летнюю резиденцию в семи днях пути от Лююени. В подчинении Кангюя находилось пять малых владений: Сусе, Фуму, Юни, Ги и Юегянь. Таким образом, это было политическое объединение ряда кочевых племен. Вопрос о локализации Кангюя и подчиненных ему владений породил много гипотез. Общеизвестными считаются его родство с авестийской Кангхой и расположение основной части на Сырдарье. Из очень скудно изложенной в хрониках политической истории Кангюя можно предположительно установить его восточные пределы. Известно, что кангюйцы принимали косвенное участие в давань-китайской войне [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 165, 166], т. е. находились вблизи Ферганы. Особенно подробно изложены события, связанные с походом мятежного шаньюя хунну Чжичжи на запад, на земли Кангюя. Здесь он даже вступает в брачные связи с домом Кангюя, но затем, по своему вероломству, разрывает их, убивает нескольких кангюйцев и возводит город на р. Дулай (Талас) [Материалы по истории сюнну..., 1973. С. 125, 126], что позволяет восточными пределами Кангюя считать территорию вблизи Таласа. Союз с хунну понадобился Кангюю в первую очередь для войны со своими постоянными союзниками — усунями. Есть сведения, что кангюйцы вторгались на территорию усуней даже восточнее города Чигу [Материалы по истории сюнну..., 1973. С. 127]. Что касается южных пределов, то кангюйцы не только граничили с юечжами, но и заключали с ними союзы [Васильев Л. С., 1955. С. 118].

Таким образом, в период своего расцвета на рубеже и в начале нашей эры Кангюй занимал обширную территорию от Таласа по среднему и нижнему течению Сырдарьи. Основным центром, вероятно, была средняя Сырдарья, район Отрара [Кляшторный С. Г., 1964. С. 179]. Что касается локализации пяти малых владений, то основные точки зрения были высказаны С. П. Толстовым и А. Н. Бернштамом. Первый, следуя раннесредневековой китайской традиции, помещал их на территорию всей Средней Азии: Сусе — на Кашкадарье, Фуму — на Зеравшане, Юень (Юни) — в Шаше (Ташкент), Ги — в Бухаре и Юегянь — в Хорезме [Толстов С. П., 1948б. С. 144]. А. Н. Бернштам локализовал их в основном в присырдарьинских районах: Сусе — среднее течение Сырдарьи, Арысь и северные предгорья Каратау, Фуму — район к северо-западу от Яссы-Кургана до Казалинска, Юень — Ташкентский оазис, Ги — низовья Сырдарьи, Юегянь — Хорезм [Бернштам А. Н., 1952. С. 216]. Совпадение здесь касается только Юени и Юегяни. Вопрос о возможности локализации малых владений пока остается дискуссионным [Кляшторный С. Г., 1964. С. 172], и, вероятно, ответ на него скорее всего должна дать археология [Литвинский Б. А., 1967]. Входила ли сюда территория Согда [Mc Govern, 1939. P. 400; Tarn W. W., 1951. P. 307; Литвинский Б. А., 1967. С. 34], остается неясным. Но во всяком случае речь может идти, вероятно, о северных пределах, к которым относилась и часть юго-западной Ферганы. При

таком понимании становится более ясным, каким образом Чжан Цянь по дороге к юечжам из Давани прошел через Кангюй.

В источниках Кангюй характеризуется как кочевое владение, в обычаях сходное с юечжами. Однако огромная территория, занимаемая им, упоминание города Битянь позволяют предположить; что в его состав входили не только кочевые, но и оседлые племена [Литвинский Б. А., 1967. С. 35]. В середине V в. Кангюй упоминается как совсем небольшое владение, подчиненное в числе других эфталитам [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 269]. В китайской хронике Бэйши перечисляются владения, которые раньше входили в состав Кангюя. Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос их локализации, отметим только, что, по видимому, Кангюй к этому времени уже постепенно распался на ряд небольших владений [Mc Govern, 1939. P. 400].

Вопрос об этнической принадлежности кангюйцев решается пока в общем плане — их относят к кругу североиранских скотоводческих племен [Кляшторный С. Г., 1964. С. 174]. Наиболее часто высказываются соображения о генетическом родстве их с сакскими племенами Сырдарьи [Бернштам А. Н., 1952. С. 216; Литвинский Б. А., 1967. С. 35].

Роль хунну, которые неоднократно фигурируют в китайских хрониках в связи с владениями Усунь, Кангюй и отчасти Давань, пока для Средней Азии неясна. Первый поход их в Среднюю Азию относится к 36 г. до н. э., второй — к I в. н. э. В первый раз они достигли района Таласа, где были почти полностью разбиты китайским войском. Второе их движение, более мощное, сдвинуло с места различные племена, и сами хунну в своем постепенном движении на запад оказались на северных границах Средней Азии, в районах расселения племен Кангюйского объединения. Вопрос об их роли в истории Средней Азии уже вызвал однажды дискуссию [Бернштам А. Н., 1951; Сорокин С. С., 1956б; Литвинский Б. А., 1972а. С. 60—65. Там же литература вопроса]. В настоящее время этот вопрос снова привлекает внимание исследователей. В общей форме мнение о возможной роли хунну (сюнну) для истории Средней Азии наиболее удачно сформулировано А. М. Мандельштамом: «Во II—IV вв. н. э. в какой-то области, лежащей сравнительно недалеко от Таласа, средней и нижней Сырдарьи, вполне вероятно, могла обитать какая-то довольно значительная группа сюнну, оказывающих определенное влияние на своих соседей» [Мандельштам А. М., 1975б. С. 236; см. также раздел «Памятники джетысарской культуры...»].

Из четырех владений Азии, постоянно взаимодействующих на северо-востоке Средней Азии, следует упомянуть еще Давань — небольшое владение, описываемое как земледельческое [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 147—151, 161—168, 186—188; Hirth F., 1917. P. 95; Hulsewé A. F. P., 1979. P. 73]. Однако данные о количестве народонаселения и войска в описании владения приводятся по цифровой характеристике, обычной для кочевых владений, по формуле, отмеченной Тарном: «Народонаселение X семейств, 5X душ, строевого войска X» [Tarn W. W., 1951. P. 307, note 1]. Основываясь на этом, а также на фразе из характеристики населения Давани:

«Оружие состоит из луков со стрелами и копий. Искусны в конной стрельбе» и имени правителя Давани — Мугуа, интерпретируемое им как сакское, Тарн предполагает, что во главе Давани стояли кочевые племена саков. С этим согласуется и чтение Давань (Та Юань) как Тахвар (тохары) — кочевой народ, предложенное Паллибланком [Pulleyblank E. G., 1966. P. 22]. К этому следует добавить, что Давань славилась разведением особой породы лошадей, из-за чего и произошло ее военное столкновение с Ханьским Китаем. О роли саков в сложении культуры Давани писал А. Н. Бернштам [1952. С. 211]. Постоянное взаимодействие скотоводческих и земледельческих племен было одной из особенностей истории Ферганы. По-видимому, значительное место занимали кочевые племена и в истории Хорезма, о чем свидетельствуют данные как письменных источников, так и нумизматики, и археологии [Вайнберг Б. И., 1977. С. 76, 77. Там же литература вопроса; 1979б].

Таким образом, кочевники Средней Азии играли большую роль в истории среднеазиатских народов, постоянно взаимодействуя с земледельческим населением. Они принимали участие во всех сколько-нибудь крупных политических событиях ее истории. В мирное время они являлись неразрывной частью комплексного хозяйства, осуществляя постоянный товарообмен. Во время военных потрясений они входили в те или иные группировки. Несомненно, значение их было неодинаково для северных (северо-восточных) и южных районов Средней Азии. В первых они постоянно играли доминирующую роль, то объединяясь против общего врага, то соперничая друг с другом. Время от времени сюда продвигались и новые племена из Центральной Азии. Оседлое население скорее всего занимало подчиненное положение. На границах кочевых и земледельческих районов возникали отдельные более или менее устойчивые государственные образования типа Давани или каких-то владений Кангюя (район Ташкентского оазиса), культура которых обычно длительный период сохраняла устойчивый облик и была сходной у скотоводов и земледельцев. В южных областях Средней Азии кочевое население появилось только в III—II вв. до н. э. в период, характеризовавшийся, с одной стороны, интенсивными процессами формирования новых объединений в степном поясе, вызвавшими значительные этнические перемещения, а с другой — прогрессирующим ослаблением Селевкидского государства, повлекшим за собой отпадение его восточных окраин. Захват кочевыми племенами сначала Парфии и Гиркании, а позднее Согды и Бактрии был непосредственно связан с завершающими фазами двух разных передвижений: в первом случае локального, причины которого пока неясны, во втором — начавшегося далеко на востоке в ходе формирования государства хунну. В то же время этот захват явился этапом ликвидации политических последствий греко-македонского завоевания Средней Азии.

Прямым результатом военных успехов было переселение кочевников в земледельческие области, где они на длительный период стали составной частью населения, политически господствующей, но сохраняющей при этом свою форму хозяйства и свой этно-

графический облик. В таких условиях сложилось первоначальное ядро сначала Парфянского, а затем Кушанского государства, во главе которых стояли кочевнические династии. Завоеватели не ставили целью уничтожение или даже подрыв хозяйственной основы коренного населения, а наоборот, стремились сохранить ее в полной мере при изменившихся условиях. Внутренняя прочность молодых государств проявилась прежде всего в способности к быстрой и успешной экспансии на обширные территории, завершившейся превращением их в крупнейшие державы своего времени. Масштабы завоеваний указывают на то, что в эту экспансию вовлекались и соседние племена — среднеазиатский кочевнический тыл. В первые века нашей эры тенденция к сосуществованию кочевых и земледельческого населения проследивается уже на более широкой территории, чем в последние века до нашей эры, что свидетельствует о распространении на кочевые племена воздействия специфики структуры обоих государств.

В последние века до нашей эры и в первые века нашей эры кочевники являлись фактором наиболее активным и даже определяющим ход политической истории в регионе: созданные ими государства сыграли значительную роль в истории не только Средней Азии, но и всего Азиатского континента. Время их существования было периодом экономического и культурного подъема, что отражает прогрессивный характер исторического процесса. Объективная роль в нем кочевых племен определяется прежде всего тем, что они создали предпосылки для длительного объединения больших территорий сначала политически, а затем и экономически. Но при реализации результатов первых военных успехов рядом с ними стояло земледельческое население Средней Азии, существование и союз с которым был, очевидно, необходимой основой для организации государственной власти и экономики.

В III—V вв. в истории народов Средней Азии происходят события, приведшие в конечном счете к коренным изменениям в политической ситуации, упадку государств, вызванному как внутренними причинами, так и появлением новых кочевых племен. Это наиболее «темный» период, плохо освещенный письменными источниками. Начало событий связано с возвышением сасанидского Ирана (226 г.), начавшего наступление на южные районы Средней Азии. Во второй половине IV в. Сасаниды, используя движение кочевников-хионитов, покоряют Кушанское государство. Но в конце IV — начале V в., благодаря деятельности царя Кидары, оно освобождается от этой зависимости. На этот раз хиониты поддерживают Кидару. И только в 40-х годах V в. Сасаниды вновь покоряют Кушанское государство, но теперь среди их основных врагов выступают племена эфталитов. Крупные древние государства на юге Средней Азии окончательно исчезают с политической арены. «Вторжение их (кочевых племен) вызвало глубокое потрясение в земледельческих областях Средней Азии и нанесло основной, может быть решающий, удар Кангюю и Давани, ускорив их окончательный распад» [Дьяконов М. М., Мандельштам А. М., 1958. С. 342].

Вопросы происхождения и политической истории кидаритов (их, вероятно, смешивали с хионитами),

хионитов, эфталитов, с которыми связаны все эти изменения в жизни среднеазиатских народов, все еще остаются дискуссионными [Мандельштам А. М., 1958; Неразик Е. Е., 1963; Маршак Б. И., 1971;

Вайнберг Б. И., 1972; Ставиский Б. Я., 1977]. Но появление этих племен уже не привело к созданию новых крупных государств, как это произошло в древности.

Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана

Природные условия Средней Азии⁴ и Казахстана неодинаковы в разных частях этого региона. Большую часть его занимают пустыни, на юге, юго-востоке и востоке располагаются горные массивы. Северная граница пустынь расположена вблизи 48° с. ш., где они соседствуют с полупустынной зоной, переходящей на севере в степи. В разные исторические периоды в зависимости от степени увлаженности границы этих зон смещались, что отражалось и на характере хозяйственного использования территории. Пустынные районы Средней Азии и Казахстана различаются не только по степени обводненности, но и по остальным физико-географическим условиям — почвам, растительности, климату [Бабаев А. Г., Фрейкин З. Г., 1977. С. 81, след.].

Восточная часть Средней Азии почти целиком гористая. Здесь расположены горные массивы Тянь-Шаньской и Памиро-Алайской систем с многочисленными хребтами, подгорными и межгорными долинами, орошаемыми многочисленными реками, стекающими с гор. Отсюда берут начало и две магистральные реки Средней Азии — Сырдарья и Амударья, пересекающие пустыни и степи всей ее территории с северо-востока и юго-востока на северо-запад, к Аральскому морю. В северо-восточной части Средней Азии равнины находятся к юго-западу и северо-востоку от хребта Каратау (Голодная степь, Чу-Илийские степи и пески). В верховьях Сырдарьи расположена Ферганская долина, окаймленная горными хребтами со стекающими с них реками. Наиболее крупные реки восточной части Средней Азии, помимо Сырдарьи, это Или, Чу, Талас, берущие начало с Тяньшаньских гор, Кызылсу, или Сурхаб, протекающие по Алайской долине, Карадарья, Сох — по Ферганской. Имеется также много озер, расположенных в степях, песках и горах. Самые крупные из них Балхаш и Иссык-Куль. Берега рек и озер покрыты большей частью тугайной растительностью, камышами, кустарниками. По мере подъема от равнин в горы растительность становится богаче и разнообразнее, а на высоких плато типа Ангренского, Кетмень-Тюбе, Сусамыр, Алайской долины и пр. имеются прекрасные пастбища, служащие постоянными летовками для кочевников.

Эти природные условия, лишь незначительно изменявшиеся в связи с условиями обводнения (прежде всего это относится к дельтовым областям крупных рек), способствовали развитию на территории региона наряду с ирригационным и богарным земле-

делием равнин и горных долин скотоводческого хозяйства в очень разнообразных формах — от оседлого до кочевого.

Уже с эпохи бронзы в Средней Азии постоянно существуют земледельцы и скотоводы, и между ними возникает межхозяйственный и культурный обмен. Характер взаимодействия этих групп населения зависел от многих причин: степень близости по экологической зоне, зависимость в хозяйственной деятельности, политические взаимоотношения и т. д. Не только археологи и историки, но даже географы уделяли мало внимания хозяйственному использованию пустынных и степных территорий. Не учитывались значительные сезонные изменения среды, характер и изменчивость водных источников, растительности, сезоны и пути перекочевков.

В литературе утвердилось понятие «ранние кочевники Средней Азии и Казахстана», к которым относят обычно разноплеменное скотоводческое население региона VIII—VII вв. до н. э. — III—IV вв. н. э. Но при этом не учитывается, что термин «кочевники» приложим лишь к части скотоводческих племен рассматриваемой территории. Формы скотоводческого хозяйства определялись, как и в недавнем прошлом, в первую очередь природно-климатическими особенностями района и в меньшей степени близостью или отдаленностью от земледельческих оазисов. При районировании пустынь Средней Азии и Казахстана географы выделяют 16 основных зон, различающихся по физико-географическим условиям, определяющим характер хозяйственной деятельности [Бабаев А. Г., Фрейкин З. Г., 1977. С. 155, след. Схема на с. 156]. Ряд особенностей имеют и горные районы с прилегающими к ним подгорными равнинами. Все это обуславливало большое разнообразие видов скотоводческого хозяйства в пределах одного хозяйственно-культурного типа [обзор дискуссионных проблем и вопросы упорядочения терминов, относящихся к скотоводству и кочевничеству в исследованиях этнографов, см.: Марков Г. Е., 1981. С. 83, след.; Семенов Ю. И., 1982. С. 48, след.].

Применительно к археологическому материалу Средней Азии и Казахстана характеристика различных форм скотоводческого хозяйства дана К. А. Акишевым [1972; 1977. С. 200—205]. Первой формой, чисто кочевой, как он считает, было хозяйство скотоводов Центрального и Западного Казахстана, где перекочевки происходили круглогодично по определенным маршрутам на дальние расстояния. Возможно, не всегда были постоянные зимние стойбища, и люди со стадами перекочевывали в зависимости от освоения новых пастбищ. Развивались главным образом овец, верблюдов, лошадей,

⁴ Подробнее о понятии Средняя Азия см.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. Сер. Археология СССР. С. 178, 179.

меньше — крупный рогатый скот. Второй формой было полукочевое скотоводство, развитое в районах Восточного Казахстана, Семиречья, предгорных и горных долинах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Стада перегоняли по стабильным маршрутам на небольшие расстояния. Было распространено главным образом вертикальное кочевание — с долин в горы и обратно на постоянные зимние пастбища. Овцеводство и коневодство дополнялось разведением крупного рогатого скота. На призимовочных территориях были небольшие поселки, рядом с которыми обычно выращивали просо, ячмень, пшеницу. Эта пастбищно-кочевая система хозяйства, сложившаяся, как и чисто кочевая, еще в начале I тысячелетия до н. э., характеризуется сезонным распределением пастбищных угодий и водных источников в пределах общинно-родовых и межплеменных границ землепользования [Акишев К. А., 1977. С. 201]. Третья форма — оседлое скотоводство. Оно характерно для мест, богатых сенокосными угодьями, расположенными, как правило, в непосредственной близости к земледельческим центрам, на границах, или даже вклиниваясь на их территорию. В этом случае мог существовать своеобразный хозяйственный симбиоз оседлого земледельческо-скотоводческого и полукочевого скотоводческого населения, основанный на естественном разделении труда. В дальнейшем это приводило к коллективным формам хозяйства (выпас стад земледельцев поручался скотоводам, которые в свою очередь постоянно пользовались результатами труда земледельческого населения), ускорению оседания скотоводов на землю и растворению их в среде земледельцев. Именно эти группы скотоводов принимали наибольшее участие в экономике земледельческих районов, чаще вмешивались в политические события, являясь в сложных ситуациях защитниками земледельцев, и определяли ход событий в древних государствах.

Проникновение скотоводческих племен из северных районов Средней Азии и из Казахстана на юг началось еще во II тысячелетии до н. э., и процесс этот был постоянным. Все новые и новые волны скотоводов, передвигаясь на юг, оседали на границах и в пределах земледельческих оазисов, устанавливали экономические и политические связи с их жителями, увеличивая тем самым количество населения оазисов и являясь одним из существенных факторов в изменении экономики и политики древнейших среднеазиатских государств. Без понимания этого характерного для Средней Азии процесса история ее населения не может быть правильно понята. Эта мысль красной нитью проходила во всех исследованиях ведущих историков Средней Азии С. П. Толстова и А. Н. Бернштама. С. П. Толстов [1962б] рассматривал с этой точки зрения проблемы истории населения Приаралья и Хорезма. А. Н. Бернштам [1952] посвятил свою жизнь изучению истории населения востока Средней Азии и в связи с этим касался вопросов участия кочевых племен в политических событиях среднеазиатских государств.

Противостояние кочевников и оседлых народов, земледельцев и скотоводов засвидетельствовано в Авесте, где постоянные враги земледельцев именуется турама [Абаев В. И., 1956; Литвинский Б. А., 1972б. С. 156, 157. Там же литература вопроса]. Пе-

риод, о котором пойдет речь, длителен и достаточно богат историческими событиями, нашедшими некоторое отражение в письменных источниках: надписи ахеменидских царей, античные авторы (Геродот, Арриан, Трог Помпей, Юстин, Квинт Курций Руф, Страбон, Птолемей и др.), китайские хроники Шицзи, Ханьшу, Хоуханьшу, Бейши. Обзору и исследованию этих источников посвящена большая литература [сводки см.: Умняков И. И., 1940; История таджикского народа..., Гафуров Б. Г., 1972; Литвинский Б. А., 1972б; Ставиский Б. Я., 1977; Мандельштам А. М., 1957; Гафуров Б. Г., Цибукидзе Д. И., 1980].

Раскопки памятников ранних кочевников начинались эпизодически еще в дореволюционные годы, и в истории их исследования можно выделить три периода: 1) до Великой Октябрьской социалистической революции; 2) послереволюционный период и до конца Великой Отечественной войны; 3) послевоенные годы и до настоящего времени. Истории изучения памятников скотоводческих племен посвящены две работы О. В. Обельченко [1964; 1965], где хроника раскопок и исследований доведена до 1953 г. Кроме того, отдельные вопросы исследования курганных могильников содержатся в работах К. А. Акишева и Г. А. Кушаева [1963], Б. А. Литвинского [1972а], Ю. А. Заднепровского [1960]. Мы ограничимся краткой характеристикой самих раскопочных работ и подробнее остановимся на основных проблемах истории изучения ранних кочевников Средней Азии и Казахстана.

Для дореволюционного периода характерно случайное вскрытие курганных погребений в основном в северо-восточных районах Средней Азии, Семиречье, Фергане, Таласской долине, Ташкентском районе. Работы проводились Археологической комиссией и членами Туркестанского кружка любителей археологии [Обельченко О. В., 1964. С. 213—219].

После Великой Октябрьской социалистической революции начались более систематические исследования, особенно широко развернувшиеся в 30-е годы [Оболдуева Т. Г., 1951; Жуков В. Д., 1951; Гулямов Я. Г., 1951; Бернштам А. Н., 1941а; 1943]. В конце 20-х годов начинаются целенаправленные исследования могильников ранних кочевников. Первыми были раскопки М. В. Воеводского и М. П. Грязнова Буранинско-Каракольских и Чильпекских курганов (Семиречье и северный берег Иссык-Куля), положившие начало изучению «усуньской» проблемы [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938; см. также: Тереножкин А. И., 1941]. Затем последовали раскопки курганов в долинах рек Талас и Чу, в районе Ахангарана, Ташкента (Пскентский, Джунский могильники) и в Фергане (Исфаринский могильник). Раскопки проводились А. И. Тереножкиным, А. Н. Бернштамом, М. Е. Массоном, Г. В. Григорьевым, Б. А. Латыниным, Т. Г. Оболадуевой, М. Э. Воронцом [Обельченко О. В., 1964].

В конце 30-х годов А. Н. Бернштам начинает массовое планомерное исследование памятников ранних кочевников. Прекрасное знание географических особенностей северо-восточных районов Средней Азии и этнографии кочевников позволило ему провести многочисленные маршрутные обследования

«по путям кочевников» и необыкновенно точно выявить территории их обитания, насыщенные курганными могильниками. Одни только названия экспедиций, которыми руководил А. Н. Бернштам, отражают сферу интересов этого талантливого исследователя: Казахская (1936, 1938—1940 гг. — долины рек Талас, Или, Чу, склоны Каратау), Южно-Казахская (1947—1949 гг. — Каратау и средняя Сырдарья), Киргизская (1938—1940 гг. — Чуйская долина, Иссык-Куль), Чуйская (1941 г.); Тяньшаньская (1944—1946, 1949 гг. — центральный Тянь-Шань, Иссык-Куль, восточная Фергана); Памиро-Алайская (1947—1948 гг. — Памир, Алай, Фергана), Памиро-Ферганская (1950—1952 гг. — Памир и Фергана). Одним из его первых замечательных открытий были раскопки Кенкольского могильника (долина р. Талас), оставленного, по его мнению, хунну китайских источников [Бернштам А. Н., 1940б]. В конце 30-х годов им были исследованы Берккаринский и Тамдинский могильники (также долина Таласа), которые он считал «сако-усуньскими» [Бернштам А. Н., 1941а; Бабанская Г. Г., 1956; Маловицкая Л. Я., 1950], курганы Карачоко и Каргалы в Семиречье [Бернштам А. Н., 1941б; 1949б], курганы в урочище Арпа [Бернштам А. Н., 1945].

В годы Великой Отечественной войны В. Ф. Гайдукевич раскопал погребения Ширинсайского могильника [Гайдукевич В. Ф., 1952].

В послевоенные годы возобновляют работу созданные ранее крупнейшие среднеазиатские экспедиции и начинают свою деятельность местные республиканские Академии наук и музеи. Конец 40-х — начало 50-х годов можно считать поворотным моментом в изучении древностей скотоводов Средней Азии, ибо исследования их памятников охватили многие, ранее не изучавшиеся районы.

В 1947—1948 гг. А. Н. Бернштам впервые исследует курганные могильники Памира и открывает первую страницу в истории изучения ранних кочевников этого района. Тогда же он изучает разновременные могильники Алайской долины [Бернштам А. Н., 1952. С. 186—204, 275—333]. В 1949 г., во время маршрутного обследования Тянь-Шаня, проводятся раскопки разновременных (от саков до тюрок) курганов центрального Тянь-Шаня и побережья Иссык-Куля [Бернштам А. Н., 1952. С. 19—94]. В 1950—1952 гг. наряду с продолжением раскопок на Памире А. Н. Бернштам проводит раскопки курганных могильников Ферганы и Чаткала [Сорокин С. С., 1961б; Кибиров А. К., 1959а; Воронец М. Э., 1954].

Широкие комплексные работы развернулись в Хорезме [Толстов С. П., 1952], изучаются памятники кочевников в южной Туркмении [Марущенко А. А., 1959а], Согде [Обельченко О. В., 1956; 1961], Бактрии [Мандельштам А. М., 1966а; 1975а], продолжают широкомасштабные раскопки курганов в Ферганской долине [Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955; Баруздин Ю. Д., 1961; Заднепровский Ю. А., 1960; Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957б; Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З., 1957]. Как видим, с начала 50-х годов идет накопление материалов по археологии ранних кочевников всей территории Средней Азии, а не только ее восточных районов, как было ранее.

Со второй половины 50-х годов начинаются систематические работы в Центральном Казахстане, где была открыта и исследована так называемая тасмолинская культура [Кадырбаев М. К., 1966]. В Восточном Казахстане памятники кочевников изучает С. С. Черников, раскопавший знаменитый Чиликтинский курган с одним из ранних «царских» захоронений [Черников С. С., 1965]. Не менее активные работы ведутся в Южном Казахстане (Семиречье, Каратау) [Копылов И. И., 1953; Агеева Е. И., 1959; Максимова А. Г., 1960; 1962; 1968]. Особый интерес представляют проведенные К. А. Акишевым раскопки монументальных деревянных погребальных сооружений Бешатырских курганов и серии рядовых могильников «сакского» и «усуньского» времени [Акишев К. А., Вушаев Г. А., 1963].

Столь же плодотворными оказались в 60-е и 70-е годы. Особое место занимают раскопки и изучение кургана Иссык, расположенного в 50 км к востоку от г. Алма-Ата. Там было найдено незаурядное «царское» захоронение. Набор инвентаря, его разнообразие и художественное исполнение открывают неограниченные возможности для исследования [Акишев К. А., 1978; Акишев А. К., 1984]. Продолжались работы на территории Киргизии, в том числе в Таласской долине (Кенкольский могильник) и долине Кетмень-Тюбе, где были обнаружены курганы от эпохи бронзы до раннего средневековья [Кожомбердиев И. К., 1960; 1963; 1977; 1983б]. Не прерывались исследования памятников ранних кочевников на Тянь-Шане и в Алае, где вели раскопки Ю. Д. Баруздин (материалы остались, к сожалению, не опубликованными), А. К. Абетеков и И. К. Кожомбердиев [Абетеков А. К., 1975а; Кожомбердиев И., 1975б; 1983а].

Раскопки затронули не только восточный, но и западный Памир [Литвинский Б. А., 1972б; Бабаев А. Д., 1965б; 1975]. Активно продолжались исследования на территории Ферганы [Литвинский Б. А., 1972б; 1973а; 1973б; 1978; Кадыров Э., 1975а; Салтовская Е. Д., 1978; Брыкина Г. А., 1981; Gorbunova N. G., 1986] и южного Таджикистана [Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984].

Новые материалы по сакам Приаралья дали раскопки Тагискенского и Уйгаракского могильников, проведенные Хорезмской археолого-этнографической экспедицией [Толстов С. П., Итина М. А., 1966; Вишневская О. А., 1973]. В результате исследования Присарыкамьшской дельты были открыты памятники куюсайской культуры VII—IV вв. до н. э. [Вайнберг Б. И., 1979а] и исследованы курганы кочевников IV в. до н. э. — III в. н. э. Стали известны курганные погребения вдоль сухого русла Узбоя и прилегающих районов [Юсупов Х. Ю., 1986; Галкин Л. Л., 1983; 1984; 1985; 1986], а также погребальные памятники плато Устюрт [Ягодин В. Н., 1982; Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта].

В процессе этих многолетних и широкомасштабных работ, выявивших разновременные и разнокультурные памятники ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, неоднократно возникали сложные проблемы, касающиеся как хронологии отдельных памятников, так и периодизации их по районам и по всей Средней Азии в целом. Поднимались вопросы культурной принадлежности населения, оставивше-

го их, и возможности отождествления его с племенами, известными по письменным источникам.

Подробнее эти проблемы с разной степенью полноты отражены ниже, при региональном описании итогов археологических исследований памятников скотоводов Средней Азии и Казахстана. В разработке их намечаются различные тенденции.

Если на начальных этапах исследований саки и массагеты, как правило, рассматривались отдельно в силу различий в характеристике их культуры в письменных источниках [см. например: Толстов С. П., 1948а. С. 211, след.], то в настоящее время почти повсеместно в литературе встречается понятие «сако-массагетские племена».

При изучении некоторых регионов происходил отрыв курганных могильников от синхронных и единых им по культуре поселений, рядом с которыми они расположены [см., например: Литвинский Б. А., 1972а; 1973а; 1973б]. Это нашло отражение и в настоящем издании: поселения каунчинской культуры и Ферганы освещены в томе «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» [С. 207, след.], а курганы носителей тех же культур характеризуются в настоящем томе. Далеко не все исследователи учитывают природные особенности отдельных регионов, в частности, присырдарьинских районов в древности, и связанные с этим хозяйственные занятия жителей. Как показали раскопки многих памятников от границ западной Ферганы до низовьев Сырдарьи, здесь жили преимущественно оседлые скотоводы. От них остались монументальные сырцовые постройки, у стен которых располагаются курганные могильники, отражающие «кочевнические» традиции этого населения. Второй особенностью памятников, оставленных населением присырдарьинских районов, является ручная выделка (при явном знакомстве с гончарным кругом) стандартизированной керамики, обжигавшейся в гончарных печах. Проследить особенности хозяйственного и культурного развития можно с конца эпохи бронзы (могильник Северный Тагискен), когда в низовьях Сырдарьи зафиксированы сырцовые мавзолеи, местная лепная и круговая керамика в сочетании с импортной земледельческой. Именно с этого момента и вплоть до нового времени дельтовые районы Сырдарьи становятся постоянным центром крупных скотоводческих объединений. Здесь, в наиболее благоприятных условиях обводнения, создаются постоянные поселения скотоводов, к которым на зиму, очевидно, прикочевывала основная масса населения. Именно в связи с особой ролью этого района в истории скотоводческих племен севера Средней Азии и Казахстана большое внимание в настоящем томе уделено памятникам чиркрабатской и джетысарской (ранний этап) культур.

Иную модель скотоводческих поселений мы обнаруживаем в левобережном Хорезме (Присарыкамашковская дельта Амударьи), в зоне постоянных контактов с цивилизацией древнего Хорезма, а также в Фергане, Бактрии, Согде.

Весь археологический материал в данном томе рассматривается по культурным ареалам. Часто эти ареалы совпадают с экологическими зонами, выделяемыми внутри всего Среднеазиатского-Казахстанского региона. В последнее время появились архео-

логические материалы, характеризующие неизученные ранее районы Устюрта [Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта; Ягодин В. Н., 1982] и Мангышлака [Галкин Л. Л., 1983; 1984; 1985; 1986].

Хотя в настоящем томе подводятся определенные итоги многолетним исследованиям, авторы четко осознают, что многие проблемы в изучении истории скотоводов Средней Азии и Казахстана не только очень далеки от разрешения, но иногда в полном объеме практически и не поставлены.

Однако основными были и остаются такие проблемы, как сакская культура Средней Азии и Казахстана, ее истоки, хронология памятников, локальные варианты, искусство; памятники усуней, их хронология и проблема происхождения так называемой сако-усуньской культуры северо-востока Средней Азии; подбойно-катакомбные погребения, их хронология, происхождение, соотношение с племенами, известными по письменным источникам; наземные погребальные сооружения, их генезис и этническая атрибуция; хронология и типология отдельных категорий вещей Среднеазиатского и Казахстанского регионов (оружие, керамика и т. д.).

Вопрос о саках, упоминаемых у древних авторов, привлек внимание русских и западноевропейских востоковедов еще в конце XIX в., задолго до изучения археологических памятников Средней Азии и Казахстана. Исследование курганных древностей сопровождалось попытками их этнической атрибуции. Однако впервые вопрос об отнесении целой серии раскопанных могильников к сакам и массагам был поставлен на реальную основу в трудах А. Н. Бернштама — для востока Средней Азии и С. П. Толстова — для Приаралья [Бернштам А. Н., 1952; Толстов С. П., 1962б]. Маршрутные обследования районов Семиречья, Таласа, Каратау, Кетмень-Тюбе, Тянь-Шаня, Памира, Алая и Ферганы, раскопки могильников в некоторых из этих районов, а также учет случайных находок позволили А. Н. Бернштаму выделить здесь сакские памятники и предложить свою трактовку расселения сакских племен. Он полагал, что к числу сакских относятся прежде всего определенного типа намогильные сооружения (каменные насыпи с кольцевыми каменными выкладками-кромлехами), под которыми находились погребения в каменных ящиках или грунтовых могилах, покрытых плитами. Погребенные лежали в скорченной позе, резе вытянуто. Погребальный инвентарь состоял из лепной глиняной посуды и бронзовых изделий [Бернштам А. Н., 1949б. С. 349, 350].

Считая, что северо-восточная часть Средней Азии (Тянь-Шань и Семиречье, Фергана) была занята саками-хаумаварга персидских надписей (амюргии или заякскартские саки античных авторов), он выделял внутри них три группы: тяньшаньскую, ферганскую и яксартскую (последняя — по среднему течению Сырдарьи в горах Каратау). Каждая из них, полагал А. Н. Бернштам, имела особенности в зависимости от направления связей, но вела свое происхождение от местных культур эпохи бронзы (андроновского круга, с его точки зрения) с учетом влияния культур Южной Сибири. «На Тянь-Шане этот процесс был осложнен локальными различиями и

отчасти центральноазиатскими связями, в Фергано-Алае — взаимоотношениями с носителями анауской культуры, а на Яксарте — массагетскими и сарматоаланскими этнокультурными связями» [Бернштам А. Н., 1952. С. 211, 212]. Ранних кочевников Памира А. Н. Бернштам также относил к числу саков-хаумаварга.

На иных позициях в вопросах локализации кочевых племен стоял С. П. Толстов, который неоднократно обращался к этой теме и при анализе исторических событий в Средней Азии в последние века I тысячелетия до н. э., и в связи с изучением археологических памятников низовьев Сырдарьи [Толстов С. П., 1948а. С. 231, след. 243—245; 1948б; 1950б; 1961; 1962б. С. 136]. Изучая письменные источники, С. П. Толстов пришел к выводу, что саки-хаумаварга занимали пространства пустынь Кызылкумов и Каракумов и были одним из самых значительных массагетских племен. Эту же группу саков он отождествлял с сакаравами, которых помещал, опираясь на данные Птолемея, на восточной периферии Хорезма [Толстов С. П., 1948а. С. 243, 244]. При этом С. П. Толстов поддерживал гипотезу об отождествлении сакаравлов с Кангюем [Gutschmid A., 1888. S. 58, 70], но подчеркивал, что Кангюй — это название страны, а не племени [Толстов С. П., 1948а. С. 244].

Исследования археологических памятников низовьев Сырдарьи привело С. П. Толстого к определению территории расселения четырех крупных племенных объединений саков этого района. В бассейне Жаныдарьи он поместил апасиаков (чирикратская культура)⁵, в бассейне Кувандарьи — тохаров (джетысарская культура), а в нижнем междуречье Кувандарьи и Сырдарьи — аугасиев (раскопки 1963 г. на Кескен-Кауккале показали, что эта группа памятников относится только к позднему этапу джетысарской культуры, а потому не может быть связана с племенами сакского времени). После открытия новой группы памятников в бассейне наиболее южного дельтового протока Сырдарьи — Инкардарьи (Тагискен, Уйгарак, «шлаковые» курганы) С. П. Толстов именно с ними связал территорию расселения сакаравлов [Толстов С. П., 1962б. С. 136—204]. Предложенная С. П. Толстовым локализация сакских племен в дельте Сырдарьи не стала общепризнанной [Литвинский Б. А., 1972б. С. 175], как, впрочем, и другие гипотезы.

Б. А. Литвинский предложил свою гипотезу о расселении саков древних авторов. Саков-хаумаварга он локализует в юго-восточной части Средней Азии, полагая, что северной их границей были Алайская долина и Фергана, а саков-тиграхауда — в низовьях Амударьи, включая в их состав и массагетов [Литвинский Б. А., 1972б. С. 163—174]. Отдельно Б. А. Литвинский рассматривает группу «саков, которые за Согдом», отождествляя их с заяксартскими саками и помещая «вдоль верхнего (в том числе в Кетмень-Тюбе), отчасти среднего течения Сырдарьи» [Литвинский Б. А., 1972б. С. 169]. Что касается

саков Семиречья, то, по его мнению, они не фигурируют в письменных источниках, но скорее всего связаны с саками-хаумаварга [Литвинский Б. А., 1972б. С. 174]. Им же были рассмотрены локальные группы саков, выделяемые на основании данных археологии и антропологии в Приаралье, Семиречье и Тянь-Шане, Фергане и прилегающих областях, на Памире. Памирские саки, по его мнению, резко отличаются от всех прочих наибольшим числом скорченных погребений, антропологическим типом (долихокранные), связями с Индией. Это, как считает Б. А. Литвинский, позволяет предположить, что в составе конфедерации саков-хаумаварга они занимали особое положение [Литвинский Б. А., 1972б. С. 174—186]. Органической частью обширной группы сакских племен являлось, по мнению Б. А. Литвинского, и население Восточного Туркестана, по крайней мере, его юго-западных районов [Литвинский Б. А., 1985. С. 119].

Совершенно иной позиции в вопросах расселения сакских племен придерживается К. А. Акишев, который в Семиречье, При Тяньшанье и Шаше (Ташкентская обл.) помещает саков-тиграхауда [Акишев К. А., 1963. С. 18, 19]. Он присоединяет к этим районам на западе южное Приаралье, а на востоке — Горный Алтай [Акишев К. А., 1978. С. 5].

Неоднозначно решается вопрос и о происхождении саков. Наиболее распространена и аргументирована гипотеза, согласно которой саки Средней Азии и Казахстана были прямыми потомками племен поздней бронзы, обитавших на этой территории. Впервые это мнение было высказано А. Н. Бернштамом и поддержано С. С. Черниковым, Б. А. Литвинским и другими исследователями [Бернштам А. Н., 1949б. С. 349; Черников С. С., 1957а. С. 33; Литвинский Б. А., 1972б. С. 156]. Конкретной разработкой этой версии много занимались К. А. Акишев и М. К. Кадырбаев. Так, К. А. Акишев связывал происхождение саков Семиречья и Южного Казахстана с переселением на юг потомков местных андроновских племен Центрального Казахстана (т. е. носителей тасмолинской культуры, отождествляемых с исседонами) и Южной Сибири. В качестве доказательства выдвигалось два аргумента: существование кажушского противоречия относительно места расселения исседонов у Геродота и Птолемея и открытие в Таласской долине (Южный Казахстан) памятников особого типа — «курганов с усами» [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. С. 15]. Однако М. К. Кадырбаев, исследователь тасмолинской культуры («курганы с усами»), возражая против предполагаемого массового переселения на юг центральноказахстанских племен в VII—VI вв. до н. э., считал, что эта версия не подкрепляется никакими археологическими материалами, в том числе и открытием в Южном Казахстане «кургана с усами» (датированного, кстати, им IV—V вв. н. э.), поскольку отдельные памятники этого типа встречаются изредка в самых отдаленных от Центрального Казахстана районах, например в Поволжье [Кадырбаев М. К., 1966. С. 467]. Но М. К. Кадырбаев подчеркивал особенности восточного очага степных культур скифского времени и предлагал для их обозначения условный термин «сакская культурная общность», происхождение слагаемых которой ба-

⁵ Локализация апасиаков в междуречье Амударьи и Сырдарьи основана на данных Птолемея и выводе С. П. Толстова об отсутствии в античный период стока Амударьи в Каспий.

зировалось на одной и той же андроновской основе. Ядром этой культурной общности он называл прежде всего племена Казахстана и Алтая [Кадырбаев М. К., 1966. С. 401].

Последовательным противником версии о происхождении раннесакской культуры Средней Азии и Казахстана на андроновской основе остается Л. Р. Кызласов. По его мнению, прямыми предшественниками саков, в частности семиреченских (Бесшатырская группа), была культура дандыбай-бегазинских памятников, пришедшая в Казахстане и лишь благодаря соседству вобравшая в себя небольшое количество «андроновских» элементов. Культура приаральских саков, полагает Л. Р. Кызласов, также восходит к дандыбай-бегазинской культуре, но в ее тагискенском варианте, датируемом VIII — началом VII в. до н. э. В основе культуры саков Восточного Казахстана (Чиликтинский курган) тоже лежат памятники дандыбай-бегазинского типа. Л. Р. Кызласов считает, что носители тасмолинской культуры вытеснили предков саков из степей Центрального Казахстана, после чего саки распространились в Семиречье, Восточном Казахстане и далее на восток, в Туве. Именно саками, пришельцами с запада, из центральноказахстанских степей, сооружен, по его мнению, знаменитый курган Аржан [Кызласов Л. Р., 1977. С. 71—77]. К кругу сакских племен, как считает Н. Г. Горбунова, относилось также население Ферганы времени распространения там эйлатано-актамской культуры VI—III вв. до н. э. [Горбунова Н. Г., 1962; 1979].

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о периодизации культур сакского круга, особенно об их формировании и становлении [обзор существующих точек зрения см.: Горбунова Н. Г., 1986. Р. 48—57].

Почти все исследователи ранних кочевников Средней Азии и Казахстана уделяли большое внимание искусству и верованиям саков. Так, А. Н. Бернштам, специально рассматривая предметы культа (бронзовые котлы, жертвенники), обнаруженные в Семиречье и на Тянь-Шане, связывал их с «шаманистско-зороастрийскими воззрениями» саков и относил к числу образцов сакского искусства [Бернштам А. Н., 1952. С. 48, 49]. Значительное место этим сюжетам отведено в трудах Б. А. Литвинского. В результате всестороннего анализа культов и верований саков и соотнесения их с зороастризмом он пришел к выводу, что «не существовало единой сакской религии», а имелись сходные в основном, но различающиеся в частности религии отдельных конфедераций или даже племен [Литвинский Б. А., 1972б. С. 155].

Богатейшие находки в кургане Иссык, сакских памятниках Кетмень-Тюбе, Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана, новые случайные находки, наскальные изображения позволили различным исследователям вплотную подойти к изучению идеологии и искусства сакских племен. Тесно связанные с идеологией и искусством других кочевых племен степного пояса Евразии, они имели и свои особенности. Новые материалы дали возможность вернуться к вопросам происхождения так называемого скифо-сибирского звериного стиля, исследованию семантики его образов и объяснению

сюжетов из иранской мифологии [Артамонов М. И., 1973; Раевский Д. С., 1977; Акишев А. К., 1984].

Не менее дискуссионна усуньская проблема. Большое количество могильников, датируемых III в. до н. э. — V в. н. э., на территории Семиречья Тянь-Шаня, в долине Таласа, на склонах Каратау исследователи относят к числу памятников усуней. Однако эта традиционная точка зрения, существующая и по сей день (История Казахской ССР. Т. 1. С. 293—304), отнюдь не является доказанной и общепринятой. Подобная ситуация объясняется недостаточной разработанностью хронологии и периодизации археологических материалов и различной интерпретацией сведений письменных источников о месте первоначального обитания усуней. По сведениям китайских хронистов, усунь до 176 г. до н. э. обитали в Восточном Туркестане, когда, согласно письму хуннского шаньюя Модэ, были разбиты хуннами наряду с юечжами и другими племенами. Имеются сведения, что примерно в 160 г. до н. э. усунь переселились в районы Семиречья, где разбили юечжей. Следуя этим сообщениям, к памятникам усуней на территории Северо-Восточной Средней Азии могут быть отнесены только те, что датируются временем не ранее середины II в. до н. э. Но не все исследователи принимают изложенные события как реальные и потому к числу «усуньских» относят и более ранние памятники.

Первые «усуньские» могильники (Буранинский, Каракольский и Чильпекский) были исследованы в 1929 г. М. П. Грязновым и М. В. Воеводским и датированы ими временем не ранее III в. до н. э. и до I в. н. э. Эта дата была основана на находках золотых перстней и бляшек, отнесенных исследователями к изделиям греко-бактрийских мастеров (аналогий, правда, им пока нет), фрагментов китайских лаковых изделий, предметов, которые, по предположению, проникали за пределы Китая только с конца III в. до н. э., и, наконец, мелких нашивных золотых фигурных бляшек, сравнимых, с одной стороны, с сарматскими, а другой — с находками в курганах Катанда и Шибге на Алтае (последние относили ко II в. до н. э. — I в. н. э.).

Археологические материалы и исследования говорят о возможности, во-первых, выделения Чильпекской группы курганов как наиболее поздней и, во-вторых, «удревнения» двух первых групп (Буранинской и Каракольской) по крайней мере до IV в. до н. э., именно на основании алтайских аналогий [Баркова Л. Л., 1978; 1979; 1980; История Киргизской ССР. С. 61]. Все это свидетельствует о том, что механическое отнесение к «усуньским» всех могильников, раскопанных на северо-востоке Средней Азии и аналогичных Буранинскому, Каракольскому и Чильпекскому, вряд ли может быть принято.

Большое значение проблеме усуней придавал А. Н. Бернштам. Поскольку он не принимал версии о переселении усуней в Среднюю Азию только во II в. до н. э. и видел длительную генетическую преемственность в погребальном обряде населения, обитавшего в этих районах, то предложил термин «сако-усуньская» культура для определения всех исследованных памятников. К числу «усуньских» или «предусуньских» А. Н. Бернштам относил на разных территориях несколько различные по харак-

теру памятники. Так, в Семиречье и на Таласе это были, по его мнению, погребения в грунтовых могилах под земляными насыпями, образующими цепочки, вытянутые по линии север—юг. Погребенные лежали вытянуто, головами на запад, в могилах были кости барана и довольно бедный инвентарь, состоящий из лепной глиняной посуды, железных ножей, реже — украшений. Основополагающим памятником подобного рода для Таласской долины считается Берккаринский могильник, в котором выделены две группы захоронений — сакская IV—III вв. до н. э. и усуньская II в. до н. э.—I в. н. э. [Бабанская Г. Г., 1956. С. 203—207]. Однако действительно серьезных оснований для подобного деления, к сожалению, нет, тем более что в могильнике найдены серги, по-видимому, даже V в. н. э. Следовательно, дата его очень широка. Нет оценки так называемых усуньских памятников и в «Истории Казахской ССР», где Берккаринский могильник без всякой аргументации рассматривается как усуньский.

На Тянь-Шане к «исседонским», или «предусуньским», А. Н. Бернштам относил погребения под каменными насыпями, с кромлехами вокруг, в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами (Аламышик и Джергетал). Погребенные лежали на спине, головами на северо- или юго-запад. Однако сам А. Н. Бернштам неоднократно отмечал, что кромлехи и перекрытие плитами — это пережиточное явление в погребальном обряде еще с эпохи бронзы. К тому же, зеркало, найденное в одном из таких погребений, он сам относил к IV—III вв. до н. э. [Бернштам А. Н., 1952. С. 38—40]. Таким образом, оснований для узкой и поздней даты этих курганов практически не было и правильно было бы относить их просто к сакским.

Еще одна группа памятников выделена А. Н. Бернштамом как «усуне-юечжийская» и датирована II в. до н. э.—I в. н. э. (могильники Соколовка, Джергес, часть курганов в Аламышике и Джергетале) [Бернштам А. Н., 1952. С. 50—60]. К ней он отнес погребения под расположенными «цепочкой» или бессистемно курганными насыпями в грунтовых могилах, перекрытых деревянными настилами. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой, как правило, на запад. Однако серьезных оснований для датировки и этой группы памятников II в. до н. э.—I в. н. э. тоже нет. Так, дата могильника Соколовка была основана на сопоставлении деревянных перекрытий из его погребений со срубами Пазырыкских курганов, которые А. Н. Бернштам вслед за С. В. Киселевым датировал III в. до н. э. В настоящее время общепризнано, что не только Пазырыкские курганы, но и такие памятники, как Шибе, Берель, Катанда, следует датировать V—IV вв. до н. э. [Баркова Л. Л., 1978; 1979]. Поэтому, если исходить из сходства погребального обряда Соколовки и Пазырыка, а также учесть лепную керамику Соколовки, ничем не отличающуюся от сакской (ничего другого там не было), то и этот памятник следует относить к сакским. Могильник Джергес пока тоже не может быть определенно датирован, поскольку найденная в нем круговая посуда, вопреки мнению А. Н. Бернштама, не имеет аналогий в Фергане и ее происхождение неясно. Таким образом, необходимой аргу-

ментацией для датировки названных памятников II в. до н. э.—I в. н. э. и отождествления их с усунями мы пока не располагаем. Напротив, представляется более вероятным соотношение их с местными племенами — потомками саксов.

Следующим этапом в изучении «усуньских» памятников были работы А. К. Кибирова на Тянь-Шане и Г. А. Кушаева в долине р. Или. А. К. Кибиров раскопал более 100 курганов в 19 могильниках. Исходным моментом для датировки было сходство раскопанных курганов с уже известными ранее и относимыми к усуням. Анализ самих вещей для датировки ничего не давал. Основываясь априори на том, что это курганы усуней, А. К. Кибиров в соответствии со сведениями письменных источников о массовом переселении усуней на Тянь-Шань под натиском жужаней, считал возможным отнести все раскопанные курганы к большому хронологическому этапу до V в. н. э. включительно [Кибиров А. К., 1959б. С. 107]. Работа Г. А. Кушаева явилась итоговой для исследования памятников усуней в долине р. Или. Он выделил три этапа: III—II вв. до н. э.; I в. до н. э.—I в. н. э.; II—III вв. н. э. Основанием для распределения памятников были некоторые изменения в устройстве намогильных и погребальных сооружений и изменения в керамике, в основном увеличение числа плоскостонных сосудов. Выделенные этапы приемлемы для относительной хронологии. Однако абсолютная хронология, созданная путем привлечения отдаленных, не всегда удачных аналогий, не может считаться окончательной.

Курганам ранних кочевников Семиречья и Каратау посвящены работы Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой [Агеева Е. И., 1961; Максимова А. Г., 1962]. В большинстве случаев и даты, и этнические определения этих памятников основаны на существовавших в науке представлениях о том, что это курганы усуней. Правда, авторы отмечали некоторые различия в погребальном обряде этих двух регионов. Так, если в Семиречье основным материалом для перекрытий могильных ям было дерево (около 40%), то в Каратау — каменные плиты (56%) при примерно одинаковом количестве могил, вообще не имевших перекрытий, — соответственно 55 и 40% [Максимова А. Г., 1962]. Несмотря на эти отличия, А. Г. Максимова все же полагала, что и в Семиречье, и в Каратау представлены памятники усуней.

По-прежнему открытым остается вопрос о бургулукской культуре Ташкентского района, сравниваемой ранее с усуньской. Последние находки «удревняют» ее начало до эпохи бронзы, а время ее конца неясно [Дуке Х., 1982. С. 57].

Остаются пока спорными и вопросы интерпретации памятников ранних кочевников Алая усуньского времени. На сложность положения с усуньскими памятниками впервые обратил внимание Ю. А. Заднепровский [Заднепровский Ю. А., 1971. С. 27—36]. Он справедливо отметил несовпадение письменных и археологических данных, показал неточности датировок некоторых памятников Семиречья и высказал сомнение в правильности отнесения многочисленных погребений в грунтовых могилах к усуням. С его точки зрения, эти захоронения принадлежат племенам сакского круга. Он предложил называть эти памятники Чильбекской группой, что

представляется недостаточно обоснованным, поскольку именно Чилбекские курганы отличаются от массы так называемых усуньских. И. К. Кожомбердиев, исследовавший множество курганов долины Кетмень-Тюбе, также пришел к выводу, что «на всей территории распространения культуры грунтовых ям основной этнический состав населения не меняется (с VIII—VII вв. до н. э. — *Ред.*) по крайней мере до начала нашей эры. Очевидно, речь должна идти об археологических памятниках одного народа, относящихся лишь к разным периодам» [Кожомбердиев И. К., 1975а. С. 174].

Сомнения относительно принадлежности многочисленных могильников северо-востока Средней Азии усуням высказано также А. М. Мандельштамом [1983а. С. 46, 47]. Полагая, что нет оснований считать недостоверными сведения письменных источников о переселении усуней в районы северо-востока Средней Азии во II в. до н. э., он обратил внимание на сходство отдельных элементов в материальной культуре населения сакского периода Средней Азии и «скифского» периода в Туве, а также, видимо, синхронных (II в. до н. э.) изменений в культуре, которые он связывает с передвижением в это время населения с юга, из Центральной Азии. Поскольку очень трудно выделить погребения после III в. до н. э., так как они чрезвычайно бедны вещами и не имеют опорных дат, историческая веха переселения усуней во II в. до н. э. практически не фиксируется в археологии. К тому же, грунтовые могилы существуют на протяжении всего периода раннего железного века этой территории, и оставлены, очевидно, местным населением. Следовательно, несмотря на существование термина «усуньские памятники», только какая-то часть из них (а какая именно, мы пока не знаем) могла принадлежать действительно усуням. Вопрос о «сако-усуньской» культуре и «усуньских» могильниках пока открыт. При его решении следует также учесть, что усунь, судя по сведениям письменных источников, были тесно связаны с Китаем: в «усуньских» погребальных комплексах должны быть китайские вещи. Однако ничего подобного нет в той массе погребений в грунтовых могилах Таласа, Семиречья, Тянь-Шаня, где обычно и помещают усуней. Скорее всего эти памятники оставлены местными племенами скотоводов — потомков саков.

Столь же спорной остается проблема «подбойно-катакомбных» погребений. В середине и конце I тысячелетия до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. в разных районах Средней Азии появляются и широко распространяются погребения в подбойных и катакомбных могилах, находящиеся обычно под земляными или земляно-гравийными насыпями. Подбой различаются по расположению камер в различных стенках входной ямы и ориентировке погребенных, а катакомбы — по длине и устройству дромоса и расположению по отношению к нему катакомбы: перпендикулярно или по одной линии. Эти погребальные сооружения могут составлять отдельные могильники, находиться в пределах одного и того же могильника, наконец, входить в состав могильников с захоронениями в грунтовых ямах. Неоднократно в подбоях и катакомбах зафиксированы погребения в гробах, колодах и на подстилках. Различия же в погребальном инвентаре свя-

заны не с типом погребений, а с районом, в котором они находятся.

Началом продолжительной дискуссии о дате и этнической принадлежности подбойно-катакомбных погребений послужило открытие и толкование А. Н. Бернштамом катакомбных погребений Кенкольского могильника, которые он датировал временем около рубежа нашей эры на основании находок шелковых китайских тканей (аналогичных ноинулинским I в. до н. э. — I в. н. э.), наконечников стрел, отнесенных им к «скифскому типу», керамики, деревянных изделий и некоторых предметов полихромного стиля, считая последние началом развития этого стиля. Привлекая данные китайских хронистов, А. Н. Бернштам полагал, что Кенкольский могильник оставлен хунну Чжичжи шаньюя, откочевавшими на эту территорию после раскола гуннского племенного союза на северный и южный и впоследствии разбитыми здесь китайцами [Бернштам А. Н., 1940б. С. 27—32]. Последующие раскопки «подбойно-катакомбных» могильников в Фергане и на Тянь-Шане дали А. Н. Бернштаму основание утверждать, что проникновение гуннов в районы Средней Азии и воздействие на них культуры местных племен, придали разнохарактерный облик самой гуннской культуре [Бернштам А. Н., 1951. С. 102, след.]. Особенно сильным он считал воздействие культуры земледельцев Ферганы. Правда, позднее он высказал предположение, что эти могильники принадлежали «полуиранским, полутюркским племенам эфталитов» [Бернштам А. Н., 1957. С. 18, 19].

Против интерпретации «подбойно-катакомбных» могильников как гуннских выступил С. С. Сорокин. Проанализировав погребальный инвентарь и в первую очередь керамику, он пришел к выводу о ее местном происхождении [Сорокин С. С., 1954; 1956а]. На основании анализа железных наконечников стрел С. С. Сорокин предложил иную дату Кенкольского могильника — II—IV вв. н. э. [Сорокин С. С., 1956а; 1961а].

Позднее И. К. Кожомбердиев, исследовавший Кенкольский и некоторые другие могильники Таласской долины, предложил для них дату I—V вв. н. э. [Кожомбердиев И. К., 1963], с чем согласилась и Л. М. Левина [1971. С. 192]. И. К. Кожомбердиев выдвинул идею о существовании кенкольской культуры местных племен Таласа и Кетмень-Тюбе и продлил время ее бытования до VII в. н. э. [Кожомбердиев И. К., 1983б. С. 51, 52; 1986. С. 17]. Как памятники местных ферганских племен, но с участием культуры пришлого населения рассматривали «подбойно-катакомбные» могильники Ю. Д. Баруздин, Б. А. Латынин и Т. Г. Оболдуева [Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962. С. 68; Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г., 1959]. В то же время Ю. А. Заднепровский высказал предположение, что среди многочисленных погребений этого типа необходимо выделить отдельные группы, оставленные, по-видимому, разноэтничным населением [Заднепровский Ю. А., 1959. С. 28]. В одной из своих работ он связывал эти памятники с движением юечжийских племен [Заднепровский Ю. А., 1960. С. 137, 138], в другой высказывал предположение о возможности отождествления катакомб кенкольского типа с усунями [Заднепровский Ю. А., 1971]. Им же было

предложено выделение внутри «подбойно-катакомбных» могильников нескольких типов погребальных сооружений: Кенкольская группа — катакомба расположена перпендикулярно длинному дромосу со ступеньками; Лявандакская — катакомба служит продолжением дромоса; Тулхарская — подбой в восточной или западной стенке входной ямы; Айгырджальская — подбой в северной или южной стенке входной ямы. Он же рассматривал возможность сопоставления грунтовых могильников с саками, подбойных — с юечжами, катакомбных — с усунями [Заднепровский Ю. А., 1962. С. 159—168]. Ранее Ю. А. Заднепровский выделял локальные группы внутри Ферганы [Заднепровский Ю. А., 1960. С. 128—138].

Исследованию «подбойно-катакомбных» могильников Ферганы посвящены несколько работ Б. А. Литвинского [1972а; 1973а; 1973б; 1978]. Еще в 50-е годы, в самом начале своих исследований, он отметил определенные, с его точки зрения, сарматские элементы в культуре населения, оставившего эти могильники, и затем неоднократно возвращался к этому вопросу [Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955; Литвинский Б. А., 1968; 1969]. Б. А. Литвинскому принадлежат первый подробный анализ всех известных к началу 70-х годов материалов ферганских «подбойно-катакомбных» могильников, первичные классификации категорий инвентаря, суждения о хронологии могильников и, наконец, рассмотрение всех данных на широком фоне археологии и этнографии. С его точки зрения, основная масса исследованных погребений относится ко II—IV вв., но есть более ранние — I—II вв. и более поздние — вплоть до VII в. н. э. [Литвинский Б. А., 1972а. С. 132]. Погребальные сооружения, по мнению Б. А. Литвинского, не могут служить этническим индикатором [Литвинский Б. А., 1972а. С. 71, 72]. Кроме того, он полагал, что форма катакомбных могил сохранилась в Средней Азии еще с эпохи бронзы и существовала в несколько измененном облике в сакских погребениях типа больших Бесшатырских курганов в Семиречье или Чирик-Рабата в низовьях Сырдарьи [Литвинский Б. А., 1972а. С. 64—72]. Отсутствие истоков погребений нового типа в Средней Азии было главным аргументом Б. А. Литвинского в споре со сторонниками гипотезы о пришлых племенах.

Исследователь подбойных и катакомбных могил Согда О. В. Обельченко отмечал генетическую связь населения, оставившего эти могилы, с сарматской культурой Южного Приуралья и Нижнего Поволжья [Обельченко О. В., 1956. С. 226; 1961. С. 163]. Близость курганных могильников Согда к погребениям сарматов позволяет, как он считал, высказать предположение о появлении подбойных погребений в связи с движением во II в. до н. э. юечжей, тоже относившихся, по его мнению, к кругу сарматских племен [Обельченко О. В., 1961. С. 173—176]. Позднее О. В. Обельченко выделил две группы погребений: более раннюю — II в. до н. э. — I в. н. э., близкую сарматским погребениям, и более позднюю — II—IV вв., материалы которой имеют облик, характерный для культуры южных областей Средней Азии. Первую группу он связывал с племенами, участвовавшими в разгроме Греко-Бактрийского государства [Обельченко О. В., 1974. С. 202—208].

Материалы массовых раскопок могильников с подбойными погребениями в Бактрии привели А. М. Мандельштама к убеждению, что они оставлены теми самыми юечжами, которые сыграли основную роль в разгроме Греко-Бактрии и создании Кушанского государства. Он считал, что несомненное влияние культуры земледельцев на культуру пришлых кочевников свидетельствует о сложении особых отношений между этими двумя группами населения [Мандельштам А. М., 1974. С. 196]. Исследования курганов Хорезма позволили Б. И. Вайнбергу высказать предположение, что погребения в подбоях и катакомбах с южной ориентировкой умерших принадлежат юечжской группе племен, которая отличалась от кушан и относилась к сарматскому кругу в широком понимании этого термина [Вайнберг Б. И., 1977. С. 73]. Близкой точки зрения о катакомбах с южной ориентировкой придерживался и А. М. Мандельштам, полагавший, что они оставлены особой восточной группой сарматских племен [Мандельштам А. М., 1978а. С. 139—141]. Несколько позже Б. И. Вайнберг высказала идею, что курганные могильники, изученные на периферии Хорезма, оставлены постоянными скотоводческими племенами, тесно связанными с оседлым населением Хорезма [Вайнберг Б. И., 1981б. С. 129].

Таким образом, подбойные и катакомбные погребения различаются хронологически и территориально [Горбунова Н. Г., 1981]. Есть районы, где в могильниках явно преобладают те или иные типы погребений (Семиречье, Талас, Кетмень-Тюбе, Бактрия), и районы, где совершенно очевидно представлены могильники более «смешанного» типа (Ташкентский район — средняя Сырдарья, Фергана, отчасти Тянь-Шань), но в пределах каждого района инвентарь однообразен для погребений всех типов.

Помимо грунтовых, подбойных и катакомбных могил с ранними кочевниками связывается обычно еще одна группа погребальных памятников. Это наземные погребения либо просто под курганными насыпями, либо в каменных ящиках и склепах, либо в сырцовых склепах. Датировка их часто затруднена из-за одновременности коллективных захоронений. Насколько можно судить, наиболее ранние из них — V—III вв. до н. э. — известны в Закаспии [Мандельштам А. М., 1976. С. 21—26]. А. М. Мандельштам отождествлял эти памятники с массагетами Геродота и Страбона. К тому же времени и, по мнению исследователей, к тому же этносу относятся подбойные погребения Устюрта [Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. С. 188, 189]. Вопрос о происхождении каменных склепов западной Ферганы подробно рассмотрел Б. А. Литвинский, сопоставивший их с погребальными обычаями эфталитов [Литвинский Б. А., 1976. С. 56]. Для более раннего времени наибольшее количество погребальных наземных сооружений известно в Закаспии, на Узбое и Устюрте, а для первых веков нашей эры — в горных районах западной Ферганы, на Чаткале и средней Сырдарье. Связаны ли между собой эти погребения или их развитие в разных районах шло спонтанно, сказать пока трудно, так как погребальный инвентарь в каждом районе имеет локальные и хронологические различия.

Слабым местом всех исследований остаются вопро-

сы хронологии, для разработки которых необходимы тщательный анализ и типология местных форм всех категорий вещей и в первую очередь оружия. Подавляющее большинство исследователей при датировке памятников Средней Азии и Казахстана обращается к уже имеющимся типологиям савромато-сарматского оружия. Однако накопленный по Среднеазиатскому региону материал свидетельствует о своеобразии местных форм, что показано на примере ранних бронзовых наконечников стрел [Медведская И. Н., 1972], железных кинжалов и мечей [Мандельштам А. М., 1966а; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983]. В археологическом материале второй половины I тысячелетия до н. э. из левобережного Хорезма как будто прослеживаются местные переходные формы для перекрестий длинных мечей и некоторые особенности в хронологии луков с костяными накладками. Все это ставит перед исследователями первоочередную задачу разработки типологии всех видов оружия. Исследование оружия ранних кочевников Средней Азии и Казахстана должно быть проведено с учетом аналогичных материалов из сельскохозяйственных областей и данных о развитии оборонительных сооружений региона. В отличие от памятников степного пояса (например, наиболее близких савромато-сарматов Южного Приуралья), в погребениях скотоводов Средней Азии, особенно с VI—V вв. до н. э., нет больших колчаных наборов. Возможно, это объясняется боевой тактикой местных племен. Оборонительные стены крепостей и даже простые сырцовые ограды поселений могли надежно защитить живших там людей от лавины стрел, характерной для наступательной тактики степняков. В условиях Среднеазиатского региона на первый план выступала тактика ближнего боя, что должно было повлечь за собой развитие связанного с ней вооружения. Вероятно, именно это и послужило основой для распространения здесь длинных мечей. Исследователи неоднократно отмечали, что Средняя Азия (во всяком случае Приаралье) входит в зону раннего распространения подобного оружия. Можно отметить ряд особенностей в употреблении оружия этого вида в Среднеазиатско-Казахстанском регионе. Длинные мечи, появляющиеся не позднее V в. до н. э. (Тагискен, Иссык, Чирик-Рабат), всегда встречаются в ненарушенных погребениях в сочетании с коротким кинжалом. Мечей средних размеров практически нет. Короткий кинжал всегда помещен у правого бока и может находиться в могиле без длинного меча, но меч без кинжала не встречается. Длинный (до 1 м и более) меч — это всадническое оружие, он часто помещается в погребениях слева от погребенного и не связан с его амуницией (поясом и т. д.). Он либо поднят на уровень плеча, либо лежит в некотором отдалении. Изредка длинный меч лежит справа от погребенного, чуть в стороне. На смену мечам V в. до н. э. со сложными по форме металли-

ческими перекрестьем и навершием приходят довольно однообразные мечи с прямым металлическим перекрестьем и без металлического навершия, которые повсеместно распространены в Средней Азии в последние века до нашей эры. Эволюция кинжалов, встречающихся с этими мечами, гораздо сложнее. Как правило, кинжалы имеют одинаковое прямое перекрестье, но различные металлические навершия. Уже сейчас можно наметить ряд локальных групп кинжалов, различающихся по формам наверший: кольцевидные навершия — Хорезм и западная Туркмения; волютообразные и рожковидные — Бактрия, юг Среднеазиатского междуречья; брусковидные — вероятно, Ташкентский оазис и Кызылкумы. Согд дает сочетание разных типов, что объясняется его географическим положением.

Приведенные примеры, как нам представляется, достаточно убедительно демонстрируют своеобразие развития местных типов вооружения и особенности их хронологии. Имеется своеобразие и в типологии бронзовых и железных наконечников стрел для всей Средней Азии в целом и, например, Ферганы, в частности [Медведская И. Н., 1972; Брыкина Г. А., Горбунова Н. Г., 1984].

Особого внимания требует изучение керамики из погребений ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. Если этнографы иногда считают, что у кочевников нет своей керамики, то археологи, напротив, утверждают, что у всех скотоводческих племен был свой керамический комплекс. Конкретные археологические памятники демонстрируют разнообразные варианты решения этой «проблемы» в быту скотоводов Средней Азии и Казахстана. Обнаруживается явная закономерность: удаленные от сельскохозяйственных центров ареалы имеют свою керамику, как правило, ручной выделки и напольного обжига, а памятники скотоводов, соседствующих с сельскохозяйственными оазисами, содержат ремесленную керамику этих оазисов. Наиболее ярко этот процесс выявляется в левобережном Хорезме, где самые ранние курганы в подбоях содержат импортную гончарную керамику, чуждую не только Хорезму, но и другим среднеазиатским центрам. Позднее ее сменяет местная гончарная посуда, производство которой вынесено к местам расселения скотоводов, за границы сельскохозяйственных оазисов. Близкая картина наблюдается в Фергане, Бактрии и Согде.

Таким образом, только на базе четкой периодизации и хронологии памятников ранних кочевников Средней Азии и Казахстана можно вести дальнейшую работу по выделению локальных групп и их этнической атрибуции⁶.

⁶ Ср., например, подход к хронологии и этнической атрибуции курганных могильников южного Таджикистана в работах А. М. Мандельштама [1966а. С. 137—162] и Б. А. Литвинского и А. В. Седова [1983. С. 27 и след].

Глава первая

Саки Приаралья

Ранние саки Приаралья

Открытие сакских древностей в низовьях Сырдарьи связано с многолетними комплексными исследованиями Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР на территории древней Сырдарьинской дельты (Кзыл-Ординская обл. Казахской ССР), которые выявили на ее древних руслах памятники от неолита (III тысячелетие до н. э.) до позднего средневековья (XVI в.), включая и раннесакские (VII—V вв. до н. э.). Работы эти, начатые С. П. Толстовым еще в 1946 г., продолжают по сей день [Толстов С. П., 1948а, С. 53—62, 123—140; 1962б, С. 77—88, 136—204; Итина М. А., 1981, С. 7, след.; 1984б, С. 57—59].

Древняя дельта Сырдарьи расположена между ее современным руслом и самой южной системой сухих русел Инкардарьи (карта 1). Этот огромный треугольник, ограниченный с юга массивом песков Кызылкум, а с запада — Аральским морем, заполнен бесчисленным количеством староречий, тянущихся то в широтном, то в меридиональном направлении. По видимому, в целом вся система дельтовых протоков в связи с характерным для дельтовых областей непостоянным водным режимом функционировала спорадически в разные хронологические периоды. Так, например, система Инкардарьи (самая южная) и система Пра-Кувандарьи (самая северная, близкая к современному руслу Сырдарьи) функционировали в эпоху неолита и бронзы (III — начало I тысячелетия до н. э.). На Инкардарье открыты и более поздние памятники — сакские курганные могильники (VII—V вв. до н. э.), и средневековые поселения (X в.). На Жаныдарье и Пра-Кувандарье открыты памятники середины I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э., а также, особенно на Жаныдарье, средневековые (XII—XIII вв.) и позднесредневековые (XVI в.). Эти археологические свидетельства наглядно демонстрируют пульсирующий режим Сырдарьинской дельты и связь на протяжении тысячелетий систем расселения человека в этой аридной зоне с естественными водными источниками [Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С., 1974]. Памятники первой половины I тысячелетия до н. э., относящиеся к периоду поздней бронзы и раннего железа, открыты преимущественно в южной части Сырдарьинской дельты. Они представлены множеством развешенных пастушеских стоянок с амирабадской керамикой (X—VIII вв. до н. э.), расположенных по берегам мелких дельтовых протоков, и таких же стоянок с грубой лепной керамикой и трехперыми бронзовыми наконечниками стрел скифского типа (не ранее VI в. до н. э.) — в котловинах выдувания песчаных массивов на внутридельтовом пространстве.

Однако основной материал для исследований дали погребальные памятники, к числу которых относятся

курганные могильники и сооружения типа мавзолеев. Все они расположены или на внутридельтовой равнине, или там же, но на уплощенных вершинах (типа плато) останцовых возвышенностей. В отдельных случаях курганы обнаружены на площади городищ (Чирик-Рабат) [Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963, С. 53—56].

На плато Тагискен (200 км к западу от г. Кзыл-Орда) в 1960—1963 гг. раскопано два могильника — Северный Тагискен, относящийся к периоду поздней бронзы (X—VIII вв. до н. э.), и Южный Тагискен — раннесакский (VII—V вв. до н. э.) [Толстов С. П., 1962а; 1962б, С. 79—88; Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963, С. 36—53; Толстов С. П., Итина М. А., 1966]. На плато Уйгарак (30 км к юго-востоку от плато Тагискен) в 60-е годы велись раскопки раннесакского могильника Уйгарак VII—V вв. до н. э. [Вишневская О. А., 1973].

Скопление поблизости друг от друга погребальных сооружений периода поздней бронзы и раннесакских открыло перед исследователями возможность не только изучить культуру раннесакских племен юго-восточного Приаралья, но и рассмотреть проблему ее генезиса, что придало особую значимость раскопкам некрополя Северный Тагискен. Он расположен в северной части плато, на высоком обрывистом берегу одного из протоков Инкардарьи. Первоначально могильник выглядел как группа курганов разной высоты, разбросанных на значительной площади (табл. 1, 1). Но раскопки показали, что курганы содержат погребальные сооружения разного времени и разного типа. В состав их входили курганы сакского времени, два мавзолея, выстроенные из сырцового кирпича и датирующиеся концом I тысячелетия до н. э., и наиболее интересный и важный комплекс — группа погребальных сооружений, сложенных из прямоугольного сырцового кирпича в виде мавзолеев и прямоугольных оград, относящихся к периоду поздней бронзы. Дискуссионность вопроса о начальной дате раннесакских и раннескифских комплексов заставляет нас достаточно подробно остановиться на характеристике и хронологии погребальных сооружений периода поздней бронзы Северного Тагискена, непосредственно предшествовавших раннесакским курганам Южного Тагискена.

СЕВЕРНЫЙ ТАГИСКЕН — ПАМЯТНИК ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВРЕМЕНИ. Наиболее ранние среди сооружений периода поздней бронзы Северного Тагискена — мавзолеи 4, 5а и 7 (табл. 1, 3, 4) построенные из прямоугольного (54×28×10—12, 48×32×10—11 см) сырцового кирпича рыжеватого цвета, сделанного из местной песчаниковой коренной породы. Основой планировки был круг (диаметр 14 м), вписанный в квадрат внешней стены, ориен-

Карта 1. Памятники восточного Приаралья VII в. до н. э.—V в. н. э.

1—14 — городища урочища Джеты-асар (в том числе: 2 — Бедаик-асар, 3 — Алтын-асар, 6 — Коралы-асар, 12 — Томпак-асар); 15 — Карак-асар; 16 — Унгуры-асар; 17 — Кескен-Куюккала; 18 — Алыб; 19 — Жомпак-асар; 20 — Домолак-асар; 21 — Кара-асар; 22 — Сарлы-асар; 23 — Кабулкала; 24 — Чирик-Рабат; 25 — Бабиш-Мулла; 26 — Сенгиркала; 27 — Балацды; 28 — Тагискен; 29 — Уйгарак; 30 — Коянкала; 31 — Тас-асар; 32 — Ак-курган; 33 — Тобекурган; 34 — Ок-тоган; 35 — Барактам; а — городища и крепости; б — поселения; в — стоянки; г — погребальные сооружения; д — могильники; е — I—VI: I — стоянки VII—V вв. до н. э. бассейнов Северной Акчадарьи и Жаныдарьи, II — поселения, городища и погребальные сооружения чирикрабатской культуры (конец V—II в. до н. э.), III — городища и могильники джетыасарской культуры в урочище Джеты-асар (памятники середины I тысячелетия до н. э.—середины I тысячелетия н. э.), IV — восточная группа джетыасарских памятников, V — юго-восточная группа джетыасарских памятников; VI — ранние городища отгарско-картауской культуры (II—I вв. до н. э.—V в. н. э.)

тированной сторонами по сторонам света (длина стороны 17,5—18 м). По кольцу, на расстоянии 1,6 м от внешней стены, располагались восемь или 12 прямоугольных (1,2×1,4 м) кирпичных колонн, макси-

мально сохранившаяся высота которых приближалась к 2 м (мавзолей 5а). Далее к центру, на расстоянии 1,3 м от этого кольца, располагались четыре или восемь таких же колонн, образывавших в плане прямоугольник. По одной такой колонне имелось в каждом из четырех углов внешней стены сооружения (мавзолей 4 и 5а). Колонны первого, большого, кольца были соединены между собой тонкой кирпичной стенкой (мавзолей 5а) или двумя плетневыми стенками с забутовкой между ними (мавзолей 4), покрытыми глиняной обмазкой. В мавзолее 5а с внутренней стороны к кирпичной стенке пристроены скамейки, заполнявшие пространство между колоннами, причем кирпичная стенка выполняла функцию спинки. Колонны второго ряда, ограничивавшие площадь камеры, в мавзолее 5а между собой никак не соединялись (табл. 1, 5).

Таким образом, системой колони погребальное сооружение делилось на два коридора — внешний и внутренний — и расположенную в центре прямоугольную камеру. Последняя в мавзолее 4 и 5а не углублена, а лишь ограничена колоннами; в мавзолее 7 она углублена на 0,2—0,3 м, и стенки ее обложены горизонтально лежащими деревянными

плахами, нижние из которых упирались в канавку по периметру ямы. Вход в мавзолеях был в восточной стене и вел прямо во внутренний коридор. Во внешний коридор попасть было невозможно (мавзолей 5а, 7), так как он был перегороден двумя тонкими (в один кирпич) стенками, между которыми и находился проход. В других случаях (мавзолей 4) подобной кирпичной стенкой был отсечен вход во внешний коридор лишь с одной стороны. Все мавзолеи были сооружены на материковой поверхности плато, она и служила их полом. В полу по кругу, вдоль колонн, с их внешней и внутренней сторон, равно как и вдоль внутренней стороны внешней стены мавзолеев, отмечены столбовые ямки (диаметр 15—20 см). С конструктивной точки зрения, никакой необходимости в столбах не было, а то, что они были, объясняется, видимо, тем, что «жилище» для умершего подражало дому, в котором он жил при жизни. По-видимому, жилые дома местного населения имели столбовую конструкцию, которая в погребальные сооружения была перенесена традиционно. Обилие дерева в мавзолеях способствовало также осуществлению зафиксированного на Северном Тагискене ритуала — трупосожжения, который предполагал не только сжигание покойника в центральной камере, но и кольцо огня вокруг нее.

В камере и внутреннем коридоре размещался погребальный инвентарь: керамика, орудия из бронзы, бронзовые, золотые и каменные украшения и пр. Необходимым элементом погребального ритуала было захоронение вместе с умершим частей туш животных. Ямы с костями животных, среди которых представлен крупный (преобладает) и мелкий (в частности, козы) рогатый скот, встречались внутри погребальных сооружений и рядом с ними.

Коридоры и камеры мавзолеев были перекрыты, причем есть основания предполагать, что мавзолеи представляли собой цилиндрикоконические сооружения из сырцового кирпича и дерева. С помощью кирпичных колонн в углах наружной стены квадратное в плане сооружение выше переходило в круглый барабан. Этот прием, видимо, предшествовал появлению тропов. Таким образом, внешняя, квадратная в плане стена являлась конструкцией, несущей перекрытие, чем можно объяснить и ее весьма значительную толщину. В момент совершения обряда трупосожжения горело все здание. В каком виде оно продолжало существовать в дальнейшем, сказать трудно.

Вокруг каждого из мавзолеев группировались более скромные по масштабам погребения, которые пристраивались к основному с северной и южной сторон, образуя с ним единый комплекс. При такой ситуации предположение о том, что после совершения обряда над мавзолеем насыпался курган, отпадает. С другой стороны, сомнительно, что здание так и оставалось стоять в разрушенном виде. Возможно, что после совершения обряда мавзолей заново перекрывали, причем в этом случае опорой для перекрытия служили кирпичные колонны.

Более поздние, пристроенные места для погребений представляют собой прямоугольные ограды или круглые в плане сооружения (4а, 5в, 15), сложенные из голубовато-белого сырцового кирпича (табл. 1, 3, 4). Стены оград толщиной до 1 м поставлены на

древней дневной поверхности, причем могильная яма углублена в материк на 0,6—0,8 м, а ее стенки, как правило, идут заподлицо с кирпичными. Площадь оград колеблется от 30 до 50 кв. м. Среди сооружений этого типа особое место занимает комплекс 5б, который пристроен к северной стене мавзолея 5а, но конструктивно с ним не связан. В центральной его камере находилось, видимо, женское захоронение с набором сосудов и украшениями (золотые и сердоликовые бусы, массивная золотая серьга, бронзовая булава). К западу от камеры находилось помещение, в котором вокруг очага стояло 34 сосуда различных форм и размеров. Это погребальное сооружение, как, впрочем, и все погребения Северного Тагискена, было ограждено еще в древности. Круглые в плане сооружения сочетали в себе почти все основные принципы конструкции больших мавзолеев, но были меньше. Здесь отсутствует внешний квадратный контур, внешняя стена мавзолея круглая, и между ней и прямоугольной камерой есть кольцевой коридор. Вход по-прежнему в восточной стене, система столбовых ям та же, но кирпичных колонн нет, и столбы уже играют в конструкции активную роль. Так же, как и в мавзолеях 6 (см. ниже) и 7, место трупосожжения обрамлено канавкой и имеет вид как бы земляного стола, но центральная камера не всегда углублена (мавзолей 5в).

Видимо, наиболее поздним среди крупных мавзолеев Северного Тагискена является мавзолей 6 (табл. 1, 2), стоящий особняком, к западу от мавзолея 5а. Это было круглое в плане (диаметр около 25 м) погребальное сооружение, которое состояло из цилиндрического центрального массива (диаметр около 15 м), сложенного из сырцового кирпича (50—60 × 25—30 × 10 см), и вписанной в него квадратной погребальной камеры. Массив был охвачен кольцом внешней стены, между ними располагался коридор шириной 2,05 м. С востока внешняя и внутренняя стены прорезаны проходом примерно метровой ширины. Камера (7,8 × 6,9 м) ориентирована сторонами по сторонам света и углублена на 1,3 м ниже уровня древней дневной поверхности, выше которой шла кирпичная кладка, положенная на тонкий слой камыша. До возведения кладки были вырыты две ямы в земляной части западной стены. Одна из них идет не менее чем на 2 м под стену и содержит множество костей, а возможно, и скелеты коров. Видимо, здесь мы имеем дело с так называемой жертвой закладки. Стены погребальной камеры были обложены толстым слоем камыша и веток — скорее всего это была какая-то плетенка, удерживавшаяся жердями и столбами. У подножия стен на многих участках обнаружены обуглившиеся горизонтальные слезги, очевидно, скреплявшие эту конструкцию понизу. Не исключено, что конструкция служила основным топливом при сожжении умершего в погребальной камере. Именно у стен, а не на полу, где углистый слой, как правило, тонок, следы пожара особенно значительны. Пол камеры — выровненное материковое дно ее котлована — был покрыт тонкой глиняной обмазкой, поверх которой были положены циновки, сплетенные из тонких дранок или луба (сохранились кое-где их обуглившиеся остатки). Периметр камеры охватывает канавка шириной 0,6—0,7 м, углубленная на 0,3 м ниже уровня пола. По

оси север—юг, примерно в 2 м от северной и южной стен, в полу камеры выбиты две круглые ямы (диаметр 0,4 м). По-видимому, в эти ямы были врыты столбы, поддерживавшие плоское перекрытие погребального помещения. Поскольку следы столбовых ям вдоль стен не обнаружены, надо полагать, что концы опиравшихся на столбы стропил и поперечных балок заделывались в гнезда, оставленные в кирпичной кладке.

Вход в камеру прорезал ее восточную стену. Пол древнего проема был наклонным, без ступеней, в виде пандуса. От коридора проход был отделен рядом кирпичной кладки, сохранившейся на два-три кирпича. Стены прохода, покрытые обмазкой, сильно обожжены. Это свидетельствует о том, что в момент пожара внутренняя дверь заложена не была. Пол пандуса обмазан глиной, при входе в камеру хорошо заметен обуглившийся брус деревянного порога, другая плаха на этом участке облицовывала стенку ровика. Судить с уверенностью о характере перекрытия дверных проемов трудно, следы свода, несмотря на значительную высоту стен, не сохранились. Заметно некоторое сужение проема вверху, за счет нависания кирпичей. Возможно, таким образом образовывался ложный свод. Коридор на всю сохранившуюся высоту стен и до самого пола заполнен песчаными намывами. Это дает основание полагать, что он вообще не был перекрыт и внешняя круглая стена мавзолея 6 представляла собой кольцевую ограду. Вокруг мавзолея никаких пристроек не обнаружено.

В погребальной камере, как и в остальных мавзолеях, совершалось трупосожжение. Погребальный инвентарь обнаружен в основном в камере. По ее углам стояли группы сосудов, причем в каждой из таких групп были сосуды определенного назначения. Кроме того, здесь найдены обломки бронзовых серповидного ножа и иглы, бронзовая лунница с отверстиями на концах (табл. 2, 3, 4), поделки из золота. Большой интерес представляет находка более 100 бронзовых гвоздей с уплощенными концами, которыми, очевидно, прикреплялись к стенам камеры ковры или кошмы (табл. 2, 5). Точно такими же гвоздями прикреплялись кошмы к стенам погребальных камер более поздних Пызырьских курганов 2 и 5 на Алтае [Руденко С. И., 1953. С. 47, 49. Рис. 23].

Мавзолей 6 — погребение очень знатного лица. Об этом прежде всего говорит необыкновенно богатая коллекция посуды (более 60 сосудов), часть которой сделана на гончарном круге (табл. 2, 17), в то время как в других погребениях круговых сосудов значительно меньше. О том же свидетельствуют и находки обломков золотых вещей. Возможно, здесь была похоронена знатная женщина, поскольку находки иголок связываются, как правило, с женскими погребениями. Очень заманчиво видеть в погребении мавзолея 6 нечто подобное савроматским погребениям жриц в Приуралье, тем более что здесь, как и там, найдена прямоугольная керамическая жаровня, может быть, игравшая роль жертвенника.

Хотя все мавзолеи Северного Тагискена относятся к одной культуре, среди них можно выделить более ранние — 4, 5а и 7, имеющие квадратную внешнюю стену и выстроенные из кирпича зеленовато-рыжеватого цвета, и более поздние — 4а, 5в, 6, 15, имеющие

круглую внешнюю стену и выстроенные из голубовато-белого кирпича. К категории поздних относятся и пристроенные к мавзолеям ограды из кирпича того же цвета.

В мавзолеях погребальный инвентарь обнаружен преимущественно во внутренних коридорах и камерах. В пристроенных оградах находки встречались по всей площади погребальных ям. Несмотря на то что мавзолеи и ограды были ограблены еще в древности, коллекции находок весьма представительны. Достаточно сказать, что найдено около 200 целых сосудов самых различных типов. В мавзолеях 6 и 7 сосуды располагались группами в зависимости от их назначения, причем в мавзолее 7 они концентрировались в коридоре, у внешних углов камеры, в мавзолее 6 — в ее внутренних углах. Так, в северо-восточном углу камеры мавзолея 6 стояло 12 мелких и средних сосудов, при этом на 11 горшков и мисок здесь приходится лишь один кувшин. В юго-восточном углу камеры стояли наиболее крупные сосуды, в том числе два хума, хумча, крупный кувшин без ручек и несколько горшочков. Три кувшина найдены в северо-западном углу камеры. В погребении 5б, в помещении к западу от камеры, вокруг очага стояло 34 сосуда — горшки, миски, а среди них — один узкогорлый гончарный кувшин с раздутым туловом и горизонтальным рифлением при переходе от горла к тулову [Толстов С. П., 1962а. С. 135. Рис. 11].

Керамика. Характерной особенностью тагискенского керамического комплекса является его необыкновенное культурное многообразие. Наряду с лепными в нем встречены круговые сосуды, что представлено особенно ярко в мавзолее 6. Какие же элементы выделяются в тагискенском керамическом комплексе? Прежде всего в нем присутствует федоровский (андроновский) культурный компонент, по-видимому местный, который лежит, очевидно, в основе культуры, представленной в Северном Тагискене. Свидетельство тому — керамика в виде открытых горшков или мисок, стенки которых сплошь покрыты резным, реже гребенчатым штампованным орнаментом, спускающимся на тулово в виде фестонов. Отдельный орнаментальный пояс идет чаще всего по горлу сосуда (табл. 2, 21, 22, 24, 28). Основные орнаментальные мотивы: равнобедренные заштрихованные треугольники, ромбы, меандр, «зеты», незамкнутые треугольники. Нередко орнамент заполнен белой пастой. Эта посуда по таким признакам, как форма тулова, треугольный венчик у некоторых экземпляров, заполнение узоров белой пастой, может быть отнесена к периоду поздней бронзы, к X—VIII вв. до н. э.

Во всех комплексах, в том числе и в комплексах из пристроек, особенно из погребения 5б, обнаружена серолощенная, реже чернолощенная или коричневатолощенная посуда в виде открытых горшков или мисок с плоским, иногда уплощенным дном, нередко с рельефным пояском при переходе от горла к плечикам, без орнамента (табл. 2, 15, 18, 23, 27). Посуда этого типа широко распространена в амирабадских (X—VIII вв. до н. э.) комплексах Хорезма [Итина М. А., 1977. С. 157. Рис. 75; 76].

Обращает на себя внимание группа сосудов, наиболее богато представленная в мавзолее 6 (табл. 2, 17) и отсутствующая в мавзолее 4. Это небольшие

горшки с коротким прямым или слегка изогнутым горлом, сильно раздутым, часто сферическим туловом, небольшим плоским, иногда уплощенным, редко — округлым дном. Поверхность имеет светлорыжий, рыжий или черный цвет, великолепно залощена и покрыта орнаментом, или сплошь заполняющим тулово сосуда, или нанесенным в виде фестонов, причем горло остается неорнаментированным. Орнаментальные мотивы и способы их нанесения (различные штампы) чрезвычайно многообразны. В ряде случаев резные узоры заполнены белой пастой. К этой же группе сосудов следует отнести лощеные горшочки, украшенные полусферическими налепами, сгруппированными по три. Эта керамика находит себе прямые аналогии в дандыбай-бегазинских комплексах Центрального Казахстана [Грязнов М. П., 1952. С. 137—141. Рис. 5—9; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. Табл. XX, 1; XXI; LIX; Маргулан А. Х., 1979. Рис. 48—50; 58; 63; 84; 85; 97; 98; 108—111], датируемых большинством исследователей X—VIII вв. до н. э. В дандыбай-бегазинских памятниках, как и в Северном Тагискене, керамика этого типа встречается вместе с федоровской (андроновской). По-видимому, она демонстрирует примесь восточного, карасукского, компонента, который здесь гораздо более ощутим, чем в материалах Северного Тагискена.

Выделяются также короткогорлые серолощенные сосуды с округлым туловом и небольшим плоским дном. Они покрыты сплошь или только в средней части горизонтальным рифлением (табл. 2, 19). Более грубые и, может быть, еще лепные в мавзолее 7, эти сосуды в мавзолее 6 приобретают совершенную форму и сделаны бесспорно уже на круге. Сосуды того же типа, но с прилепленной ножкой (т. е. это уже кубки на полых ножках), найдены в мавзолеях 5а и 6 (табл. 2, 31).

Еще одну группу сосудов из памятников Северного Тагискена составляют гончарные узкогорлые лощеные кувшины без ручек, с очень сильно раздутым туловом, украшенные или горизонтальным рифлением, или пышным геометрическим орнаментом с заполнением белой пастой (табл. 2, 17). Они широко представлены в наиболее позднем мавзолее 6, отсутствуют в наиболее ранних — 4 и 7, редки в мавзолеях 5а и 5б.

В мавзолее 6 обнаружено два хума, которые имеют характерное для земледельческих гончарных сосудов глиняное тесто, рифленую поверхность тулова и подкос у дна, типичный для земледельческой керамики юго-западной Туркмении, дельты Мургаба, древней Бактрии (южный Узбекистан и северный Афганистан периода бронзы и раннего железа). Тут же стояла корчага с налепным валиком под венчиком, характерным для периода поздней бронзы северных районов Средней Азии и степей Казахстана [например, Черников С. С., 1960б. Табл. XLVIII].

Оружие. Большой интерес представляют бронзовые наконечники стрел — листовидные со скрытой втулкой и очень узким пером (табл. 2, 7а—г). Наконечники этого типа известны в низовьях Амударьи (Северная Акчадарьинская дельта), на памятниках Северного, Восточного и Центрального Казахстана и датируются IX—VIII вв. до н. э. [Черников С. С.,

1954. Рис. 23, 7; 1956. Рис. 19, 2; 1960б. Табл. XXXVI, 3—5; LXX, 3; Оразбаев А. М., 1958. Табл. VIII, 10; Грязнов М. П., 1952. Рис. 3, 26; Маргулан А. Х., 1979. Рис. 227, 9]. Еще один наконечник того же типа, но более крупный и с несколько более широким пером находит аналогии в Центральном Казахстане и Фергане и датируется тем же временем [Маргулан А. Х., 1979. Рис. 227, 18; Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957а. С. 33. Рис. 4].

Очень важна находка бронзового листовидного кинжала (табл. 2, 1), широко известного в литературе как кинжал киммерийского типа, датируемого концом II — началом I тысячелетия до н. э. [Кузьмина Е. Е., 1966. С. 43, 44]. Однако находки подобных кинжалов или ножей в Замараевском погребении могильника Боровое [Оразбаев А. М., 1958. С. 290. Табл. VIII, 13], кстати, вместе с обломком наконечника стрелы, аналогичного тагискенскому (IX—VIII вв. до н. э.), а также на Алексеевском поселении (нож с валикообразным уступом) [Кривцова-Гракова О. А., 1948. С. 86. Рис. 20, 1] позволяют сузить дату тагискенского кинжала до IX—VIII вв. до н. э.

Украшения. Среди найденных в мавзолеях Тагискена украшений обращают на себя внимание серьги нескольких образцов. Назовем прежде всего серьги в виде золотого щитка с крючком, к которому прикреплены три конуса, посаженных на деревянную основу (табл. 2, 9). Средний конус золотой, с нарезкой, крайние, видимо, серебряные, сохранились плохо. Эти конусы живо напоминают «рожки» на типично андроновских украшениях — браслетах с рожками, распространенных на территории Казахстана и Средней Азии [Кузьмина Е. Е., 1966. С. 77—82. Табл. XIV, 15, 19—21; Маргулан А. Х., 1979. С. 316. Рис. 229]. Деревянная основа вводит, к тому же, в круг андроновской техники изготовления украшений. Именно на деревянной основе были сделаны бронзовые украшения Алексеевского могильника в Западном Казахстане [Кривцова-Гракова О. А., 1948. С. 115].

Упрощенный вариант описанного вида дает серьга с одним конусом (табл. 2, 8), которая, судя по всему, близка серьгам из памятников раннего железного века, в частности тагарским образцам [Киселев С. В., 1949. С. 132]. В памятниках Минусинской котловины подобные серьги известны в комплексах как времени поздней бронзы (IX — начало VIII в. до н. э.), так и в раннетагарских [Членова Н. Л., 1963. С. 56, 62]. По-видимому, этот тип украшений андроновского происхождения продолжал бытовать на территории распространения андроновской культуры и в более позднее время, поскольку аналогичные серьги встречены в могилах большереченской культуры [Грязнов М. П., 1956а. Табл. XIX, 11], и в сакском могильнике Уйгарак [Вишневская О. А., 1973. Табл. 1, 13].

Своеобразный тип серег, обнаруженных в восточном Приаралье впервые, составляют массивные золотые серьги в виде одного или двух колокольчиков, висящих на крючке, украшенном снаружи двумя или тремя полусферическими бляшками (табл. 2, 10, 11). Серьги в виде колокольчика, как и конусовидные (табл. 2, 8), известны в материалах еловской

культуры Приобья (Еловка 1) [Матющенко В. И., 1974. С. 13], верхней датой которой считается IX век до н. э. [Косарев М. Ф., 1981. С. 162].

К числу украшений Северного Тагискена следует отнести и две булавки — серебряную (ограда 5б) и бронзовую (ограда 4б). Навершие первой сделано в виде двух колечек, в которые вставлены золотые полусферические бляшки (табл. 2, б). Форма его подражает, видимо, биспиральным головкам булавок, известных в эпоху бронзы в Передней Азии и Индии. Навершие второй булавки имеет форму ромба с «отростками» по углам (табл. 2, 2), что напоминает булавку из Хакского клада [Сорокин С. С., 1960. С. 29. Рис. 4, б]. Биспиральный и ромбический типы наверший булавок существовали, по-видимому, достаточно долго. Но главное, что оба они характерны для более южных, по сравнению с Приаральем, областей. В то же время прием украшения металлических предметов полусферическими бляшками имеет восточное происхождение, поскольку появляется еще в карасукских древностях и находит широкое распространение в тагарских.

В одном комплексе с серебряной булавкой и серьгой с колокольчиками (ограда 5б) найдены золотые и сердоликовые бусы (последние, несомненно, привозные с юга). В северные районы Средней Азии сердоликовые бусы попали довольно поздно — в последней четверти II тысячелетия до н. э. [Итина М. А., 1961. С. 86—88], но известны они и в VIII в. до н. э. (могильник Боровое).

Хронология и вопросы происхождения. Итак, все найденные в погребениях Северного Тагискена вещи позволяют уверенно относить этот памятник к периоду поздней бронзы и датировать X—VIII вв. до н. э. На вопрос о культурной принадлежности памятника однозначно ответить невозможно. Прежде всего в материалах Северного Тагискена обращает на себя внимание четко проявляющаяся традиция андроновской культурной общности. Это выражается в наличии погребений в оградках, условной (здесь практиковалось трупосожжение) ориентировке покойников головой на запад (ибо выходы всех мавзолеев обращены на восток). Андроновское происхождение конусовидных серег бесспорно, но еще более ярко демонстрирует андроновские, а точнее — федоровские, черты керамика, что проявляется в ее формах, характере и мотивах орнаментации.

Исследования на протоках Сырдарьинской дельты обнаружили немногочисленные стоянки периода развитой бронзы, но все они, особенно в южной части, на протоках Инкардарьи, относятся к андроновской культуре (единицы — к алакульской, большинство — к федоровской). Все это заставляет думать, что федоровский культурный компонент в материалах Северного Тагискена был местным.

Вторым по значимости был амирабадский компонент, который четко проявляется в керамике. Его происхождение объясняется контактами с населением периода поздней бронзы низовий Амударьи, осуществлявшимися по протокам древней Ачкадарьинской дельты, которые сливались с Сырдарьинскими в западной части. Амирабадские стоянки широко распространены на всей территории Сырдарьинской дельты и связаны с развитием отгонного скотовод-

ства в хозяйстве племен — носителей амирабадской культуры.

Нельзя не отметить и черты сходства между архитектурой и культурой мавзолеев Северного Тагискена и дандыбай-бегазинскими памятниками Центрального Казахстана. Они проявляются и в деталях планировки, и в сходстве отдельных форм керамики карасукского облика. Последнее обстоятельство позволяет некоторым исследователям объединять тагискенские и дандыбай-бегазинские комплексы в единую культуру карасукского типа [Грязнов М. П., 1966. С. 238; 1970. С. 42]. Между тем, в числе признаков, противоречащих такому выводу, следует назвать именно керамику карасукского облика. Она доминирует в центральноказахстанских комплексах и представлена сравнительно небольшим числом сосудов в погребениях Северного Тагискена. Вообще, если рассматривать керамические комплексы в этнокультурном аспекте, то центральноказахстанские материалы дают ощутимый федоровский (андроновский) компонент с сильной восточной (карасукской) окраской. В Северном Тагискене отчетливо выделяются федоровский и амирабадский компоненты, к которым лишь примешиваются керамические формы карасукского облика. С последними, видимо, следует связывать и золотые серьги-колокольчики из погребений Северного Тагискена. Наконец, значительное место в культуре Северного Тагискена занимает южный компонент. Это выражается в достаточно сложной архитектуре мавзолеев, выстроенных из сырцового кирпича, что для северных регионов Средней Азии того времени беспрецедентно. К тому же, и прямоугольный стандарт кирпичей, и гончарная посуда, и некоторые типы украшений — все это документирует проникновение элементов южной земледельческой культуры на север. Об истоках ее можно высказать лишь предположения. Успехи бактрийской археологии в последние годы позволяют увидеть связь таких типов тягискенских гончарных сосудов, как хумы с подкосом, узкогорлые кувшины с раздутым туловом, кубки на высокой ножке, с бактрийскими формами эпохи бронзы [Аскар-ов А. А., 1977. С. 62. Рис. 31. Табл. XVI; XXI XXIII; Сарияниди В. И., 1977. Рис. 25; 29, 3]. В свете бактрийских контактов, которые, возможно, имеют глубокие корни, интересен вопрос о планировке погребальных сооружений и культовых сооружений. Традиция возведения круглых в плане сырцовых погребальных сооружений в низовьях Сырдарьи прослеживается от мавзолеев Северного Тагискена до мавзолеев последних веков до нашей эры [Толстов С. П., 1962б. Рис. 117].

Сложный культурный конгломерат, представленный в мавзолеев Северного Тагискена, с одной стороны, подчеркивает уникальность, престижность этого памятника. Вероятно, это кладбище крупных вождей, стоявших во главе соплеменностей¹. Не

¹ Последнее время в зарубежной и советской этнографии проводились исследования по уточнению самих понятий племя, конфедерация или союз племен, что и привело к их нересмыслению. С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров предложили заслуживающую внимания аргументацию в пользу того, что еще в первобытном обществе основными этносами были не племена, а их группы, или соплеменности [Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н., 1972]. Это особенно спра-

исключено, что выявленные в мавзолеях 5б и 7 (там, где они сохранились *in situ*) отдельные группы федоровской, амирабадской и сходной с карасукской посуды являются погребальными приношениями различных этнических групп, входящих в состав этой соплеменности. С другой стороны, мавзолеи Северного Тагискена демонстрируют на археологическом материале сложные социальные и этнокультурные процессы, происходившие в среде населения Великого пояса степей в период поздней бронзы. Они связаны с интенсивным развитием скотоводческого хозяйства, ростом избыточного продукта, неравномерным распределением сырья, увеличением роли обмена, что в свою очередь приводит к разложению первобытнообщинных отношений, появлению имущественного и социального неравенства, и, наконец, активизации контактов между передовыми южными земледельческими цивилизациями и их северной, «варварской», периферией.

РАНЕСАКСКИЕ ПАМЯТНИКИ. Обращаясь к анализу раннесакских памятников в низовьях Сырдарьи, датирующихся VII—V вв. до н. э., и рассматривая их в качестве одного из компонентов историко-культурного понятия «скифский мир», мы неизбежно столкнемся с вопросом, насколько правомерно на современном уровне знаний искать истоки формирования столь грандиозного в географическом, этническом и идеологическом планах явления, как скифская культурная общность, в одном регионе, пусть даже достаточно обширном. Сторонники центральноазиатского происхождения скифов основываются, в частности, и на сырдарьинских материалах. Не правильнее ли рассматривать эту общность как систему, черты единообразия звеньев которой возникли как следствие примерно одинакового уровня социально-экономического развития, близости экологических условий и ираноязычности населения не только в рассматриваемое время, но и раньше, в эпоху бронзы.

С другой стороны, не следует ли искать объяснение чертам своеобразия отдельных культур «скифского мира» в той относительно пестрой этнокультурной основе, которую представляло собой ираноязычное население — носители культур степной бронзы Евразии [Итина М. А., 1978; Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: статьи Б. А. Литвинского, Е. Е. Кузьминой]. Иными словами, речь идет об отнюдь не новой гипотезе, связывающей генезис культур скифо-сакского круга со срубной и андроновской (в широком плане) культурами, ираноязычность носителей которых выявляется теперь и на археологических материалах [Генинг В. Ф., 1977; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977], а не как прежде, лишь ретроспективно, исходя из ираноязычности скифов. При таком подходе анализ раннесакских древностей низовий Сырдарьи в плане их генезиса, и места их среди культур «скифского мира» может, как нам представляется, дать

фактический материал в пользу гипотезы об автохтонном происхождении этноса и культуры населения отдельных регионов «скифского мира», основанной на их генетической связи с населением и культурой предшествующего периода — эпохи бронзы. В этой ситуации наиболее полным выразителем традиционных идеологических представлений и их живучести в среде ираноязычного населения на протяжении длительного отрезка времени является погребальный обряд. (Хотя он же в ряде случаев служит индикатором неоднородности племенного состава сакского объединения в низовьях Сырдарьи.) Погребальный инвентарь раннесакского времени не дает столь ощутимых параллелей в материалах периода поздней бронзы, поскольку именно он отражает качественное изменение уровня производительных сил общества при переходе к раннежелезному веку. Но как раз погребальный инвентарь показывает сравнительное единообразие культур «скифского мира» и принадлежность их к разным историко-культурным провинциям. На примере раннесакских древностей низовий Сырдарьи (Тагискен, Уйгарак) видно, что включение того или иного региона в сферу культурных связей или влияний обусловлено тем же направлением этих связей еще в эпоху бронзы.

В раннесакском могильнике Южный Тагискен открыто около 50 курганов, из них раскопано 38 [Толстов С. П., Итина М. А., 1966], в Уйгараке — около 80, из них раскопано 70 [Вишневская О. А., 1973]. Сходство погребального ритуала, наблюдаемое, за немногими исключениями, при анализе погребений обоих могильников, позволяет относить их к близкородственным этническим группам и рассматривать материалы в едином комплексе.

Могильник Южный Тагискен (табл. 1, 1) находится к югу от Северного Тагискена и небольшой ложбиной (ширина около 100 м) делится на два комплекса. Первый из них, ближайший к мавзолеям, содержит 12 курганов, второй — самый южный — 29. Девять курганов расположено на территории некрополя Северный Тагискен. Южный Тагискен датируется VII—V вв. до н. э. причем курганы V в. до н. э. группируются в самой южной части могильника, а более ранние — в северном его конце, ближе к древним мавзолеям. Курганы могильника Уйгарак (VII—VI вв. до н. э.; курганы V в. единичны) сосредоточены в трех группах — восточной (около 30), центральной (27) и западной (21).

Погребальный обряд. Погребения в Южном Тагискене и Уйгараке совершались на древнем горизонте и в грунтовых ямах по обряду трупоположения, изредка — трупосожжения, во всех случаях сверху насыпался курган. Сохранившаяся высота курганов 0,3—2 м, диаметр 10—40 м.

Погребения на древнем горизонте наиболее широко распространены в Уйгараке (30), в Южном Тагискене их мало (три). Совершались они по обряду трупоположения и трупосожжения. Последний обряд представлен наиболее четко именно в этой группе погребений и особенно в Уйгараке (семь из 30). Судя по захоронениям с трупоположением, покойников, как правило, клали на камышовую подстилку вытянуто на спине, головой на запад или юго-запад, внутри легкой деревянной каркасной постройки, переплетенной прутьями и камышом. Следы пост-

ведливо в отношении возникающих на закате первобытной истории, в ходе процессов нотестаризации и интеграции этносов, объединений родственных племен. Это тем более верно в отношении кочевнических общностей с их относительно частыми перегруппировками при относительной однородности культуры [Першиц А. И., 1982. С. 166. 167] (Ред.).

ройки сохраняются в виде круглых столбовых ямок с остатками сгнивших или сгоревших столбов. В трех случаях (Уйгарак, курганы 2, 59, 66) обнаружены остатки сгоревшей погребальной постройки. Характерно, что дневная поверхность вокруг погребальных сооружений часто бывает покрыта слоем хвороста и камыша. В плане эти постройки круглые, овальные, реже — прямоугольные. Обычно кольцо столбовых ям было одинарным, но внутри него располагалась как бы камера, образованная четырьмя столбами, стоявшими по углам прямоугольника или квадрата. Иногда кольцо столбовых ям было двойным (табл. 3, 4). В Уйгараке встречены погребения, где есть столбовые ямки, но можно уверенно говорить об отсутствии погребальной постройки. Эти ямки были элементом ритуала и никакой функциональной нагрузки не несли.

Основную массу курганных захоронений Южного Тагискена и Уйгарака составляют погребения в крупных прямоугольных грунтовых ямах, среди которых можно выделить четыре типа.

К первому, наиболее распространенному, относятся погребения в ямах размерами $2,7 \times 2,3$ — $4,5 \times 3,7$ м и глубиной 1—2 м, ориентированных в большинстве по оси восток—запад или восток—северо-восток—запад—юго-запад (Южный Тагискен — 19, Уйгарак — 28). Обычно погребальная яма имела поперечное перекрытие из деревянных балок. Поверх этой конструкции настилали слой камыша или мелких сучьев. Камышом устилали могильный выброс и древнюю дневную поверхность вокруг ямы, затем возводили курган. В ряде случаев поверх наката набрасывали слой земли толщиной 0,3—0,4 м, затем настилали еще слой камыша и уже после этого насыпали курган. Иногда вокруг ямы, на некотором расстоянии от нее, шел неглубокий ровик (или его отрезки), также перекрытый слоем камыша. В Южном Тагискене чаще, чем в Уйгараке, встречаются следы ритуала, связанного с огнем. Нередко деревянный накат ямы поджигали, но при этом тут же заваливали землей насыпи, что приводило к неполному сгоранию. Погребенного огонь не затрагивал. В некоторых случаях под насыпью вокруг ямы обнаружены горелые пятна — следы костров или разбросанных углей. Покойник в яме лежал вытянуто на спине, головой на запад с отклонением на юго-запад, реже — северо-запад, на камышовой подстилке или носилках из жердей, часто покрытых или переплетенных камышом. Иногда погребенного накрывали камышовой циновкой (табл. 3, 5). В некоторых могилах по периметру стен ямы выкопана канавка, так что покойник лежал как на земляном «столе». В большинстве погребений по четырем углам могильной ямы обнаружены ямки типа столбовых, но ни в одной из них остатков столбов не оказалось. Более того, в этих ямках встречались предметы погребального инвентаря, а иногда их перекрывала подстилка, на которой лежал покойник. По-видимому, и здесь мы имеем дело с элементом традиционным, а не функциональным. Погребения первого типа датируются VII—V вв. до н. э.

Погребения второго типа встречены только в Тагискене, причем не в раннесакской группе Южнотагискенских курганов, а на площади некрополя

Северный Тагискен (курганы 8, 9, 13), близ мавзолея 6. Грунтовые прямоугольные ямы или камеры этих трех курганов были окружены невысокими валами (ширина 2—4 м, высота 0,5—0,7 м), насыщенными на древней поверхности, на расстоянии 4—5,5 м от могильных ям. Насыпи курганов возводились в пределах кольца вала и в настоящее время практически не сохранились. Снаружи вала кургана 8 был вырыт еще и неглубокий ровик (ширина по дну 0,5 м, по верху — 1,8 м, глубина 0,25—0,35 м) [Итина М. А., 1984а. С. 79. Рис. 1, III]. Все могильные камеры ориентированы по оси восток—запад с небольшим отклонением или по оси северо-восток—юго-запад. Они имели по углам ямки типа столбовых, которые функционально никак не использовались. Все могилы потревожены, но, судя по заполнению, они были перекрыты деревянным накатом. Курганы 9 и 13 содержали труположения, курган 8 — очевидно, трупосожжение, поскольку здесь яма ($3,9 \times 2,6$ м, глубина 2,7 м) была заполнена мощным (толщина до 1,65 м) горелым слоем, а всю площадь древней дневной поверхности в пределах вала покрывал слой интенсивного горения. Канавка-ровик вокруг вала этого кургана также была забита хворостом, и, таким образом, кольцо огня пылало вокруг всего сооружения.

Конструкция этих погребений напоминает поздние мавзолеи Северного Тагискена (в частности, мавзолей 6): квадрат ямы вписан в круг земляного вала (а не кирпичного массива), ровик — вместо обходного кольцевого коридора (курган 8). Не исключено, что внушительные развалины мавзолея 6 были восприняты людьми, хоронившими своих покойников в курганах 8, 9 и 13, как святое место, вокруг которого они и возвели курганы. Погребения второго типа датируются VI в. до н. э.

Погребальные сооружения третьего типа известны только в Уйгараке, где их раскопано 13 [Вишневская О. А., 1973. С. 61]. Большая часть (10) расположена в западной курганной группе. Это сравнительно узкие прямоугольные, близкие к овальным грунтовые ямы размерами $1,75 \times 1,4$ — $3 \times 1,63$ м. Глубина их колеблется в пределах 0,62—1,35 м, но встречаются и совсем мелкие могилы. Они были перекрыты не плехами, как могилы первого и второго типов, а хворостом и камышом, лежавшим на основе из жердей. В могилах совершали труположения по тому же обряду, что и в погребениях первого типа. Погребения третьего типа датируются VII—VI вв. до н. э.

Погребения четвертого типа известны лишь в Южном Тагискене и представлены богатыми захоронениями (раскопано шесть). Это были прямоугольные могильные ямы ($2,5 \times 3$ — 3×3 м, глубина 2,2—2,5 м), ориентированные углами по сторонам света и имевшие с юго-восточной стороны длинный (5—12 м) дромос (табл. 3, 1). Яма и ближайшая к ней часть дромоса обычно перекрыты деревом, которое нередко поджигали и тут же засыпали землей. В одном случае на дневной поверхности вокруг могилы видны следы кострищ. Устройство самой камеры близко напоминает устройство могильных ям первого типа. По углам вырыты ямы типа столбовых, а покойник лежит на земляном «столе», отделенном от стен могилы канавкой. Во всех могилах, кроме одной (яма

кургана 66 имела углистое заполнение), были трупоположения. Покойник похоронен головой на восток—северо-восток, вытянуто на спине, по диагонали ямы, в «позе всадника», которая, правда, не во всех случаях четко выражена (табл. 3, 2).

Огромная дромосная могила обнаружена в Чиркратском кургане [Толстов С. П., 1962б. С. 139, 144. Рис. 74—76]. Как разновидность дромосных сооружений следует рассматривать еще одно захоронение Южного Тагискена (курган 59). Это была деревянная наземная постройка, возведенная на древнем горизонте в виде квадратной камеры (5,5×5,5 м), ориентированной углами по сторонам света, и подходящего к ней с северо-востока коридора-дромоса длиной 8 м (табл. 3, 3). Захоронение было совершено, очевидно, по обряду трупосожжения. Следы пожара сохранились и на месте сгоревшей постройки, и на древней дневной поверхности вокруг нее. Все дромосные могилы датируются V в. до н. э.

Устройство погребальных сооружений и некоторые элементы обряда в курганах Южного Тагискена и Уйгарака находят параллели в мавзолеях периода поздней бронзы Северного Тагискена (табл. 1, 3, 4). Это в первую очередь относится к погребениям на древнем горизонте. Одинарная и двойная система столбовых ямок в виде кольца или овала, нередкие внутри них четыре столбовые ямки, как бы образующие прямоугольник, напоминают планировку некоторых мавзолеев Северного Тагискена (4а, 5в, 15) в несколько упрощенном виде. Хотя последние сооружены из сырцового кирпича, все они имели по внутреннему кольцу стен более или менее четкую систему столбовых ямок. Не исключено, что сакский обряд захоронений в деревянных постройках на древнем горизонте уходит корнями в период поздней бронзы, а возможно, и в более раннее время. Обращает на себя внимание еще одна особенность. В мавзолеях Северного Тагискена вход во внешний кольцевой коридор бывает заложен кирпичами справа или слева от входа в мавзолей. Курган 66 Уйгарака имел двойное кольцо столбовых ямок, образующих как бы погребальную камеру и внешний коридор, который слева от входа также отгорожен системой ямок (табл. 3, 4). Увязывается с ранним тагискенским ритуалом и ориентировка покойников головой на запад в раннесакских захоронениях VII—VI вв. до н. э.

Вероятно, генетическую связь с конструкциями эпохи бронзы демонстрируют курганы 32 и 42 Южного Тагискена, датируемые по бронзовым наконечникам стрел VII—VI вв. до н. э. [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. С. 155. Рис. 3; С. 156. Рис. 4]. Грунтовые ямы обоих курганов (42 — круглая, 32 — четырехугольная) имели вдоль стен столбовые ямки (соответственно 10 и 8) с остатками дерева. Можно думать, что на этих столбах покоились шатровые или цилиндрические деревянные перекрытия, составлявшие элемент конструкции и в мавзолеях Северного Тагискена. Связующим звеном между погребальными сооружениями Северного и Южного Тагискена и Уйгарака являются также канавки, выкопанные по периметру всех или только двух стен могильных ям. В наиболее раннем мавзолее (7) такая канавка использовалась для закрепления нижней деревянной плахи в обшивке земляной стены

камеры. В более позднем (VIII или, может быть, начало VII в. до н. э.) мавзолее 6 она носила чисто традиционный характер — в ней *in situ* находилась погребальная посуда. Ту же роль — старой традиции — играли канавки и угловые ямы в грунтовых могилах Южного Тагискена и Уйгарака.

Как представляется, особое место в погребальном обряде саков занимали погребения на древнем горизонте. Не исключено, что захоронение по этому обряду было связано с социальным положением умершего. Поэтому, может быть, не случайно, что именно в восточной группе Уйгаракских курганов, где локализуется половина погребений на древнем горизонте, четко фиксируется и большинство погребений жриц с каменными алтариками, т. е. лиц, стоявших на более высокой ступени иерархической лестницы. Захоронением на древнем горизонте оказалось и погребение (Уйгарак, курган 25), в составе инвентаря которого были предметы, несомненно составлявшие prerogative власти (бронзовые сферическая булава, копье-секира с головкой хищной птицы) [Вишневская О. А., 1973. С. 139. Табл. VII]. По-видимому, знатный воин, в могиле которого найден длинный меч с золотой накладкой на ножнах с изображением в зверином стиле, был похоронен и под курганом 59 Южного Тагискена (табл. 3, 3; 5, 8).

Итак, погребения на древнем горизонте, может быть, следует рассматривать как наиболее устойчиво хранящиеся и отражающие очень древние идеологические представления, уходящие корнями в эпоху бронзы (тип погребального сооружения, обряд трупосожжения). Большая значимость, которую играли эти представления в мировоззрении кочевников «скифского мира», хорошо отражена в том, что по этому обряду хоронили наиболее почитаемых лиц. Достаточно вспомнить курган Аржан [Грязнов М. П., 1980], который условно может быть отнесен к числу погребений на древнем горизонте (хотя погребения были сооружены на трех-четырехметровой платформе), гробницы Бешатыра [Акишев К. А., 1963. С. 37. Рис. 15], наземные деревянные постройки с богатыми захоронениями у савроматов Южного Приуралья [Смирнов К. Ф., 1964. С. 88, 89], наконец, собственно скифские захоронения в Северном Причерноморье [Тереножкин А. И., 1971. С. 19].

Большинство погребений Южного Тагискена и Уйгарака ограблено, однако, благодаря значительному количеству раскопанных курганов, мы располагаем довольно большой коллекцией сакских древностей и можем восстановить некоторые элементы погребального ритуала.

Как правило, во всех ограбленных захоронениях в непотревоженном состоянии сохранились лишь кости нижних конечностей, остальная часть костяка и череп обычно разбросаны или выброшены грабителями. Это заставляет думать, что наиболее ценные вещи помещали у головы, груди и рук погребенных. По-видимому, покойника клали в могилу в одежде и головном уборе, которые в богатых могилах (это особенно относится к Южному Тагискену) могли быть украшены и обшиты мелкими бусинками и золотыми бляшками. В кургане 54 Тагискена (V в. до н. э.) обнаружены, например, узорчатые накладки на пояс типа аппликации, вырезанные из золотой

фольги. Во многих погребениях встречены бусы из сердолика, бирюзы, халцедона (с содовым орнаментом) и других пород камня. В Уйгараке у женщин обнаружены браслеты, у мужчин — серьги. Бронзовые и железные ножи лежали как в мужских, так и в женских погребениях, у ног. Конская сбруя, имитировавшая, видимо, захоронение коня, встречается более чем в 100 погребениях обоих могильников. Ее в большинстве случаев клали в ногах погребенных мужчин и женщин.

Керамика есть и в женских, и в мужских погребениях, но далеко не во всех. Обычно это один лепной горшок, иногда два. Как правило, они стояли в ногах покойника.

Типичной принадлежностью мужского инвентаря является оружие: бронзовые наконечники стрел (иногда, видимо, в колчане, иногда просто пучок стрел), бронзовые и железные кинжалы, обычно сопровождаемые каменным оселком, железные длинные мечи. Один раз (Уйгараке, курган 84) обнаружен биметаллический клевец.

В инвентаре женских погребений встречаются бронзовые дисковидные зеркала, каменные алтарики, плоские обработанные кости, на которых с помощью каменных терочников растирались румяна, кусочки реальгара и киновари, а также хозяйственные предметы — зернотерки и пряслица.

Керамика. Местный керамический комплекс приаральских саков VII—V вв. до н. э. представлен лепными сосудами (табл. 4, 20—30, 32, 35). Все гончарные привозные (табл. 4, 31, 33, 34). Лепные сосуды сделаны из глины с примесью шамота и мелких известковых частиц, имеют серый или коричневатый цвет поверхности, иногда покрыты жидкой глиняной облицовкой, на которой встречаются подтеки красной краски (Уйгараке). Поверхность сосудов затерта. Черепок довольно грубый, обжиг плохой. По форме это чаши, миски, горшки, кружки, кувшины с ручками и без них, сосуды с трубчатым носиком — все плоскодонные. Одна из ведущих форм лепной керамики — грушевидные горшки (табл. 4, 24, 32), в единичных случаях имеющие небольшую ручку. Характерны также горшки типа банок, снабженные широким трубчатым носиком (табл. 4, 26, 29), и кружки с ручкой, форма тулова которых варьирует от чашевидной до баночной (табл. 4, 22, 23). Все эти типы сосудов широко известны в материалах раннесакских среднеазиатских памятников, но не характерны для центральноказахстанских комплексов. Горшки с трубчатым носиком бытуют в Средней Азии с неолита, грушевидные, очевидно, восходят генетическим к дандыбай-бегазинским и тагискенским сосудам периода поздней бронзы [Маргулан А. Х., 1979. С. 116. Рис. 84; Толстов С. П., Итина М. А., 1966. С. 159].

Достаточно хорошо известны, особенно по материалам Уйгарака, лепные чаши и миски, но находки баночных сосудов и в Уйгараке, и в Южном Тагискене единичны. Обнаружена одна небольшая чашечка на ножке типа кубка [Итина М. А., 1984 а. С. 81. Рис. 2, 5]. И этот тип посуды известен в комплексах периода поздней бронзы Северного Тагискена и дандыбай-бегазинских, так что находка из Южного Тагискена продолжает раннюю традицию.

Гончарная посуда представлена пятью импортными сосудами, найденными в погребениях Уйгарака. Это две светлоангобирыванные чаши; цилиндрикоконический сосуд очень характерной формы (табл. 4, 33), покрытый желтовато-белым ангобом; биконический сосуд с резким перегибом при переходе к дну (табл. 4, 34) и сероглиняный кувшинчик с ручкой (табл. 4, 31). Кроме последнего, все сосуды находят аналогии в комплексе Яздепе II в Маргиане (южная Туркмения) и датируются VII—VI вв. до н. э. [Массон В. М., 1959. С. 48. Табл. XXIX, 16; XXX, 4; XXXVIII, 7]. Открытие сакских древностей в более южных районах, на территории Присарыкмышской дельты Амударьи (Северная Туркмения), где также встречается посуда типа Яздепе II [Вайнберг Б. И., 1979а. С. 16. Табл. IX, 1—8], подтверждает подвижность кочевых сакских племен, их контакты с земледельцами юга Средней Азии и между собой.

Не исключено, что в Южном Тагискене была и деревянная посуда, от которой сохранилась лишь бронзовая оковка ее края (курган 29).

Орудия труда. Из орудий труда в погребениях Южного Тагискена и Уйгарака широко распространены железные однолезвийные ножи, клиновидные в сечении, с прямой спинкой и прямым лезвием (табл. 4, 16). Они имеют плоскую или овальную в сечении рукоять, отделенную от лезвия небольшим уступчиком. Находки бронзовых ножей единичны.

Только в Уйгараке обнаружены кельты [Вишневская О. А., 1973. С. 72, 73]. Их всего четыре и принадлежат они к категории кельтов-тесел с квадратным верхним сечением втулки, валиком по краю, отходящим от края ушком на лобной стороне, клиновидным профилем (табл. 4, 18, 19). Все они изготовлены в двусоставной форме и отличаются друг от друга размерами и соотношением длины втулки и рабочей части. Совместные находки этих кельтов и стремевидных удил с дополнительным отверстием или без него позволяют датировать их VII—VI вв. до н. э.

Украшения. Среди украшений, найденных в погребениях, наиболее часты серьги и бусы. Браслеты редки, они железные с несомкнутыми концами, известны лишь в Уйгараке.

Бусы изготовлялись из различных пород камня: сердолика, лазурита, бирюзы, халцедона. Большинство из них имело эллипсоидно-сегментовидную форму, все они сверленные. Широко распространены бирюзовые цилиндрические бусины, известные по раннеантичным памятникам Хорезма [Вишневская О. А., 1973. С. 83]. Однако и в Хорезме, и в низовьях Сырдарьи бусы из бирюзы изготовлялись на месте, а источник сырья для них мог быть единый — Кызылкумская горная система [Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д., 1965. С. 131]. Найденные в Южном Тагискене (курган 9) веретенообразные халцедоновые бусы с наведенным содовым орнаментом (табл. 5, 1, 2), несомненно, индийского происхождения, что признает большинство исследователей [Трудновская С. А., 1979б. С. 83; Литвинский Б. А., 1972б. С. 80—82]. Встречаются в курганах и мелкие пастовые бусинки, которыми, очевидно, украшали одежду. С одеждой связана и находка двух парных ажурных накладок из золотой

фольги, видимо, нашитых на пояс в кургане V в. до н. э.

Довольно часты серьги, которые, как правило, находятся в каждой отдельной могиле в единичном экземпляре, причем по наблюдению О. А. Вишневской, только в мужских погребениях [Вишневская О. А., 1973. С. 82]. Они золотые и представлены двумя основными типами. К первому относятся серьги в виде несомкнутого кольца с грибовидной подвеской (табл. 5, 3). Аналогии им известны на Алтае [Грязнов М. П., 1956а, Рис. 7, 6, 7; 8, 9. Табл. V, 9, 27]. Второй тип — незамкнутое проволочное кольцо и припаянный к нему вершиной вверх усеченный конус с каплевидной вставкой, чаще всего бирюзовой (табл. 5, 4). Вершину конуса закрывает золотой диск. Единственная найденная в Южном Тагискене серьга принадлежит именно к этому типу, прототипом которого, но без каменной вставки (может быть, не сохранилась), являются серьги из погребений Северного Тагискена (табл. 2, 8).

Предметы туалета и культа. Зеркала, найденные в женских захоронениях, принадлежат к широко распространенному в восточных областях «скифского мира» типу бронзовых круглых зеркал с бортиком и петелькой на обороте (табл. 4, 36). Находки подобных зеркал (меньших размеров и без бортика) в комплексах степной бронзы Средней Азии (середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.) дают возможность предположить генетическую связь этих двух форм [Кузьмина Е. Е., 1966. С. 67, 68; Членова Н. Л., 1967. С. 88—90; Итина М. А., 1977. С. 133, 134].

Характерны для раннесакских погребений Приаралья каменные алтарики или жертвенники, которые существовали на протяжении VII—V вв. до н. э. в двух типах: на ножках и без ножек. Первый тип представлен двумя экземплярами: один — с чуть выделенными, в виде полусферических утолщений, ножками, другой — с четко выделенными ножками (табл. 4, 38). Остальные жертвенники без ножек и по форме делятся на овальные и клювовидные, причем первые преобладают. Около них в могилах нередко лежат гальки со следами краски, на самих жертвенниках встречаются пятна краски или кусочки реальгара, имитирующие огонь. Овальные жертвенники хорошо известны по находкам в раннесакских погребениях Казахстана, в то время как клювовидные, в виде стилизованной головы хищной птицы (табл. 4, 37), характерны лишь для Приаралья. Женские могилы с алтариками рассматриваются О. А. Вишневской как погребения жриц, а находки в этой же группе захоронений зеркал заставляют ее предположить, что этот вид погребального инвентаря, помимо бытового, имел и магическое значение [Вишневская О. А., 1973. С. 85].

Вооружение и конское снаряжение. Наиболее распространенным видом оружия у ранних саков Приаралья были лук и стрелы. Остатки луков не найдены, но наконечники стрел встречаются во множестве (табл. 4, 1, 2). В могилах стрелы обычно лежали в колчане. В Тагискенском кургане 53 V в. до н. э. обнаружены остатки одного из колчанов, где находилось примерно 50 стрел с древками длиной 70 см. Колчан был кожаным. Его нижний край украшен золотыми нашитыми бляшками. Сверху он, по-

димому, имел клапан, застежкой которого служила золотая бляха, но более массивная [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. С. 168—171]. Положение находок в Уйгараке и Южном Тагискене позволяет заключить, что колчан носили на левом боку, а стрелы в него, как правило, клали остриями вниз.

В большинстве захоронений встречены преимущественно бронзовые наконечники стрел и лишь пять костяных (Южный Тагискен — 1, Уйгарак — 4).

Костяные стрелы представлены двулопастным ромбическим в сечении черешковым наконечником со срезанным в нижней части черешком (Южный Тагискен, курган 30) и круглыми пулевидными втульчатými (табл. 4, 1). Оба типа датируются достаточно широко, однако здесь они встречены в ранних комплексах, в погребениях на древнем горизонте, вместе с бронзовыми втульчатыми и черешковыми наконечниками VII в. до н. э.

Для курганов VII—VI вв. до н. э. типично сочетание втульчатых и черешковых металлических наконечников — особенность, характерная для всего восточного ареала «скифского мира» и, как показали находки последних лет, уходящая корнями в период поздней бронзы [Аванесова Н. А., 1975; Медведская И. Н., 1972; 1980; Акишев К. А., 1973. С. 48—50; Литвинский Б. А., 1972б. С. 89; Итина М. А., 1977. С. 160—162]. Типология втульчатых наконечников стрел в целом совпадает с классификацией савроматских стрел этого времени. Типология черешковых вполне самостоятельна, выработана на местном, в частности казахстанском, материале. Наиболее ранние комплексы, относящиеся к VII в. до н. э. возможно, к его началу, содержат втульчатые двулопастные листовидные и ромбические в сечении наконечники, наконечники с асимметрично ромбической головкой, а также черешковые трехлопастные (редко двулопастные) и трехгранные (тоже редко) (табл. 4, 1). В VI в. до н. э., возможно в его начале, появляются втульчатые трехперые наконечники скифского типа (табл. 4, 2). На всем протяжении VI в. до н. э. продолжают бытовать трехгранные втульчатые и черешковые наконечники. Втульчатые трехлопастные, приобретая более массивную форму, и трехгранные наконечники постепенно, к V в. до н. э., вытесняют черешковые, хотя отдельные экземпляры черешковых трехлопастных и трехгранных наконечников спорадически еще встречаются. По-видимому, появление втульчатых трехлопастных и трехгранных наконечников в Южном Приаралье раньше, чем в более восточных районах степей Азии, следует отнести за счет контактов с кочевниками Южного Приуралья.

- Сочетание втульчатых листовидных и асимметрично-ромбических форм, характерное для предскифских и раннескифских западных комплексов, датирующихся VIII—VII вв. до н. э., наблюдается и в южном Приаралье. Однако здесь речь может идти лишь о VII веке до н. э., поскольку верхняя дата Северного Тагискена — VIII в. до н. э. — как бы «подпирает» сакские курганы Южного Тагискена, а генетическая связь между этими памятниками по погребальным конструкциям и ритуалу прослеживается довольно четко. Но в мавзолеях Северного Тагискена встречены наконечники стрел только одного типа — двулопастные листовидные

со скрытой втулкой и очень узким пером (табл. 2, 7). Они известны на территории Казахстана, и большинство исследователей не выводит стрелы этого типа за пределы VIII в. до н. э., а некоторые относят их к VIII или VIII—VII вв. до н. э. [Кузьмина Е. Е., 1970. С. 46; 1974. С. 18—20; Членова Н. Л., 1967. С. 128; 1972а. С. 59]. Но в сакских захоронениях Южного Тагискена и Уйгарака, которые по другим видам вещей датируются временем не ранее VII в. до н. э., наконечники этого типа не встречены. В то же время в Северном Тагискене нет черешковых трехлопастных наконечников, которые в сакских погребениях Южного Тагискена и Уйгарака найдены в комплексе с втульчатыми листовидными. Все это позволяет нам относить раннесакские колчаные наборы к периоду не ранее VII в. до н. э.

Кинжалы — редкая находка в погребениях. Среди них выделяются два, найденных в Уйгараке [Вишневецкая О. А., 1973. С. 96, 97]. Один (курган 50) — бронзовый, с грибовидным навершием и валиком под ним, с перекрестьем в виде полукруглых асимметричных выступов и клиновидным обоюдоострым клинком (табл. 4, 17) — по комплексу встреченных с ним предметов и аналогиям датируется VII—VI вв. до н. э. Другой (курган 26) железный, сохранился неполностью, но бесспорно принадлежит к распространенному типу кинжалов с бабочковидным перекрестьем (табл. 4, 16), датирующихся VI в. до н. э. Еще один кинжал, тоже железный, имеет грибовидное навершие, овальную в сечении рукоять и дуговидное перекрестье. Аналогии ему в бронзе известны в карасукских и раннетагарских древностях Сибири. Не исключено, что для уйгаракского экземпляра они послужили прототипом [Вишневецкая О. А., 1973. С. 97].

С «савроматским миром», его влиянием, а может быть, и непосредственными заимствованиями следует связывать находки длинных железных мечей в курганах V в. до н. э. Южного Тагискена. Один из них имел длину 1,25 м, брусковидное или овальное навершие и бабочковидное перекрестье (табл. 5, 9). Он лежал в деревянных ножнах, поверх которых была обкладка из золотой фольги. На ней, в области перекрестья, вытеснена голова архара. В средней части клинка — фантастические животные, более всего походившие на волков (табл. 5, 10, 11). Рукоять еще одного железного меча (длина 1,1 м) имела два боковых валика, почковидное перекрестье и, очевидно, когтевидное навершие (обломано; табл. 5, 8). Ножны до нас не дошли, но обломок прямоугольной золотой пластины с тисненым изображением в зверином стиле может быть фрагментом их обкладки. К числу редких находок следует отнести биметаллический (бронза, железо) клевец (Уйгарак, курган 84).

Отличительной особенностью раннесакской конской узды считается превалирование в ее составе удила со стремевидным окончанием, дополнительным отверстием или без него. Еще А. А. Иессен справедливо отнес их к восточному, азиатскому, типу [Иессен А. А., 1953. С. 105]. Сейчас можно уверенно говорить, что этот тип удила наиболее широко распространен именно в восточных областях «скифского мира». На Сырдарье, в частности, лишь в

одном случае встречены удила с кольчатым окончанием (Уйгарак, курган 16), которые отнесены к V в. до н. э. в связи с находкой вместе с ними массивных втульчатых трехперых наконечников стрел скифского типа.

Типологически наиболее ранней формой конской узды из Южного Тагискена и Уйгарака следует считать роговые трехдырчатые псалии, сочетающиеся со стремевидными бронзовыми удилами (табл. 4, 12). Такие же удила с дополнительным отверстием найдены в Южном Тагискене в комбинации с бронзовыми изогнутыми трехдырчатыми трубчатыми псалиями с лопастью на одном из концов, явно подражающими роговым. Подобная комбинация является одной из наиболее ранних разновидностей конской узды. По-видимому, параллельно с ней существовало соединение стремевидных удила с дополнительным отверстием или без него с крюкастыми бронзовыми псалиями (табл. 4, 8), известное по находкам в Уйгараке, на Алтае [Грязнов М. П., 1947. С. 9, 10] и в Туве [Грач А. Д., 1980. Рис. 83].

В Уйгараке встречены также трехпетельчатые псалии (табл. 4, 9), прямоугольные в сечении, вместе с удилами с нечетко выраженными стремевидными окончаниями. Этот тип псалиев характерен для западного ареала «скифского мира», причем известен он еще в предскифское время — на черноголовской ступени, но бытует и в раннескифское время [Тереножкин А. И. 1976. С. 192—195]. В Средней Азии и Казахстане такие псалии встречаются спорадически.

Еще один этап развития конской узды — появление стремевидных удила со стремечком прямоугольной формы. Они уже не скреплялись с псалиями с помощью ремня, пропущенного через среднее отверстие, а продевались в широкое прямоугольное отверстие или скобу, расположенные в другой плоскости по отношению к двум крайним отверстиям псалия (табл. 4, 3—6). Для того чтобы удила не проскакивали, они при переходе от стержня к окончанию имеют упор. Этот тип узды характерен для восточного региона «скифского мира» и зарегистрирован на территории Казахстана и Средней Азии, в ареале расселения сакских племен. Примечательно, что на Персепольском рельефе у лошадей, которых ведут саки, изображены псалии со скобой [Ghirshman R., 1963. P. 184. Fig. 213]. Вариант этой узды — цельнолитые удила и псалии тех же типов — встречен и в Южном Тагискене, и в Уйгараке в комплексах VII—VI вв. до н. э. Уздечные наборы сопровождаются множеством разновидностей всякого рода бляшек, подпружных пряжек, пронизей, которые обычно богато украшены орнаментом или изображениями в зверином стиле. Набор из каждого погребения выполнен в одной манере, образуя своеобразный гарнитур (табл. 5, 5).

Анализ принципов конструкции конской узды VII—VI вв. до н. э. у всадников-саков низовий Сырдарьи, так же как и анализ их вооружения, приводит нас к выводу, что при всей общности элементов материальной культуры «скифского мира» каждый входящий в него регион имел свои, присущие только ему особенности. Помимо стремевидных удила, на территории восточного ареала «скифского мира» встречаются и крюкастые псалии, а

вот псалии со скобой как будто являются специфическим элементом конской узды южного Приаралья. Наконец, очень существенный момент: хотя в погребениях Южного Тагискена и Уйгарака VI в. до н. э. есть изделия из железа, вся конская узда с ее атрибутами изготовлена из бронзы и лишь в V в. до н. э. появляются экземпляры из железа.

Звериный стиль. На предметах конского убора, золотых нашивных бляшках и золотых обкладках изображены олень, сайга, лошадь, горный козел, кабан, лев, барс или пантера, хищная птица, верблюд (табл. 5). Все эти предметы местного изготовления, и изображаемые животные в большинстве случаев известны местным мастерам. Манера, в которой выполнены изображения, вводит саков Приаралья в мир скифо-сибирского звериного стиля, причем и здесь выявляются черты единства, с одной стороны, и местного своеобразия — с другой.

Распространенный во всем огромном ареале образ кошачьего хищника [Ильинская В. А., 1971] известен и на Сырдарье. Это бронзовые бляхи в виде свернувшегося в кольцо барса или пантеры, найденные в Уйгараке (табл. 5, 20, 23). Аналогии им в восточном ареале «скифского мира» широко распространены. Они есть в Туве (Аржан), Восточном Казахстане (Чиликта, Майэмир), Минусинской котловине и среди предметов Петровской коллекции [Грязнов М. П., 1980. Рис. 15; Черников С. С., 1965. Табл. XV; XVI, 1; Членова Н. Л., 1967. Табл. 27, 1—3; Руденко С. И., 1960. С. 11. Рис. 3, в; 1962а. Табл. VI, 1]. На западе — это находки из Зивие, Келермесского кургана и Темир-горы [Ильинская В. А., 1971. Рис. 5, 7; Артамонов М. И., 1966. Рис. 7, 16. Табл. 22]. Все приведенные аналогии подчеркивают ранний возраст уйгаракских блях, датируемых временем в пределах VII в. до н. э. По-видимому, несколько более поздний, уже достаточно стилизованный вариант мотива свернувшегося хищника дают находки в других курганах Уйгарака (табл. 5, 22) [Вишневская О. А., 1973. Табл. IX, 6—8; X, 10—12]. Они, однако, не выходят за пределы VI в. до н. э.

В искусстве саков Приаралья одним из наиболее устойчивых является образ льва, который нашел выразительное воплощение в предметах искусства из погребений Южного Тагискена. Самые ранние из них (VII—VI вв. до н. э.) — четыре золотые тисненые пластинки в виде сидящих львов (табл. 5, 26, 27) и, по-видимому, такие же изображения на бронзовых подпружных пряжках (табл. 5, 29, 30). Мотив кошачьего хищника с поджатыми ногами был широко распространен в собственно скифских древностях, причем великолепные образцы изображений этого типа при бесспорной каноничности формы в целом часто отличались друг от друга в отдельных деталях. Как нам представляется, наиболее близко нашим пластинам изображение льва с поджатыми ногами из курганов Ульского аула [Артамонов М. И., 1966. С. 16. Рис. 17]. К этому же времени относится золотая бляшка в виде идущего льва [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. Рис. 17, 5]. Если фигурки сидящих львов свидетельствуют о том, что мастер, по-видимому, модели никогда не видел и подражает каким-то готовым образцам, то идущий лев выполнен в удивительно реалисти-

ческой манере и бесспорно узнаваем. Подражанием этому типу изображений можно считать фигурки стоящих львов (табл. 5, 25) на бляшках из обрамления колчана (V в. до н. э.). Мотив стоящего хищника, хорошо известный по раннескифским памятникам звериного стиля [Ильинская В. А., 1971. С. 70—72], судя по находкам из Восточного Казахстана [Черников С. С., 1965. С. 60. Рис. 9, 3], Тувы [Грач А. Д., 1980. С. 88, 89. Рис. 88] и Приаралья, широко распространяется в восточной части «скифского мира» в V в. до н. э. Застежка тагискенского колчана в виде фигурки сидящего льва, положившего голову, которая изображена в фас, на лапы (табл. 5, 28), также датируется V в. до н. э., тем более что к этому времени относятся и золотые бляшки из сакских погребений Тасмолы (Центральный Казахстан), удивительно напоминающие эту застежку [Кадырбаев М. К., 1966. С. 398. Рис. 63].

Популярный в скифо-сибирском искусстве образ хищной птицы нашел отражение и в искусстве саков низовий Сырдарьи. Он хорошо представлен в коллекции из Уйгарака, причем в большинстве случаев на предметах конского убора [табл. 5, 12]. Как правило, изображалась лишь птичья голова, выполненная с большей или меньшей степенью стилизации. Стилизация достигает апогея в форме бронзовых бляшек (табл. 5, 14) и каменных клювовидных алтариков из погребений жриц.

Столь популярный в «скифском мире» мотив коня, вариации воплощения которого в искусстве звериного стиля необычайно многообразны, встречен на отдельных предметах из Южного Тагискена и Уйгарака. Особое внимание обращают на себя две бронзовые бляхи: геральдически поставленные лошадиные головы с кнопкой-крючком в виде лошадиного копыта на одной из них (табл. 5, 6). Замечательно, что во всех остальных случаях, и это в первую очередь относится к Уйгаруку, образ коня передан именно этой деталью.

Образ оленя встречен на мастерски выполненной золотой пластине, где изображены два оленя с подогнутыми ногами на фоне более крупной фигуры кошачьего хищника (табл. 5, 32). Если морды оленей и форма глаз напоминают изображения на ранних переднеазиатских печатях [Herzfeld E., 1941. P. 162—164, Fig. 277—279], то трактовка рогов сближает этот образец искусства саков с казахстано-сибирским культурным кругом скифского времени. С ним связывается и фигурка оленя стоящего на «цыпочках» (табл. 5, 19; VI в. до н. э.). Очень распространенный в скифо-сибирском зверином стиле мотив оленя с подогнутыми ногами представлен в Южном Тагискене золотыми бляшками в виде фигурок сайги (табл. 5, 31). Манера и техника изображения сходны с той, в которой изготовлены бляшки в виде фигурок льва (табл. 5, 25). Оба погребения, содержавших эти бляшки (курганы 66 и 53), одного типа и времени — ямы с дромосом V в. до н. э., и можно предположить, что, во-первых, те и другие бляшки изготовлены на месте и, может быть, одним мастером; во-вторых, в обоих случаях они были элементом художественного оформления колчана.

Широко известные в культурах «скифского мира» изображения горного козла и кабана тоже встре-

чены в искусстве саков Приаралья и, как и изображения головки верблюда, могут быть отнесены к местным мотивам (табл. 5, 15, 16, 18).

В искусстве звериного стиля нередки образы фантастических животных, изображения которых обычно сочетают детали, характерные для различных представителей животного мира. Великолепный образец такого искусства дает фрагмент золотой обкладки деревянных ножен железного меча из кургана 53 Южного Тагискена (табл. 5, 10). Изображены два припавших к земле фантастических зверя, лежавших друг за другом. Крупы и хвост с характерным завитком напоминает о животных из семейства кошачьих, голова похожа на лошадиную, а пасть с оскалом зубов — на волчью. На плечи нанесен орнамент в виде треугольников — может быть, условное изображение мускулатуры. По манере изображения тела и ряду деталей звери подходят на хищника с золотой бляшки из Суслевского могильника, датируемой VI в. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1964. С. 225. Рис. 78, 1]. Закрученные спиралью нос и губы животного, подчеркнутые спиральными завитками отдельные сочленения тела, зубастая пасть — стилистические приемы, широко известные по савроматским и ананьинским древностям [Збруева А. В., 1952. С. 78. Табл. XVII, 4; Бортвин Н. Н., 1949. С. 119. Рис. 48, 4; Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 8, 1; 52, 10а, б]. В той же манере выполнено изображение на золотой пластине из кургана 59 Южного Тагискена, где у свернувшегося в кольцо зверя — закругленный в спираль кончик хвоста, когтистые лапы и зубастая пасть. Явно «савроматская» манера в изображении на ножнах длинных мечей (курганы 53, 59) говорит, на наш взгляд, о существовании тесных связей между приаральскими саками и кочевниками савроматского времени Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Границы ареала скифо-сибирского звериного стиля, благодаря исследованиям последних десятилетий, значительно расширились в восточном направлении. Отчетливо фиксируются два момента: во-первых, многие восточные, азиатские, памятники определяют раннюю дату появления звериного стиля — VII—VI вв. до н. э., а в ряде случаев, видимо, даже начало VII в. до н. э.²; во-вторых, сейчас уже можно говорить об отдельных культурных провинциях распространения этого стиля, причем это прослеживается как на ранних, так и на более поздних материалах. Совершенно очевидно, например, что Тува, Алтай, Южная Сибирь и большая часть территории Казахстана образуют особую провинцию, отличную от скифо-савроматской европейской и приуральской. Как бы промежуточное положение между этими двумя регионами занимают памятники звериного стиля саков Приаралья, имеющие явно западную, приуральскую, ориентацию, но содержащие немало типично азиатских черт. Кроме того, саки Приаралья могли выступать культурными посредниками между азиатским миром распространения звериного стиля и юго-западными рай-

онами Азии. Высказывавшееся ранее предположение, что некоторые изобразительные мотивы переднеазиатского происхождения могли через Среднюю Азию попасть в искусство Алтая и Южной Сибири скифского времени [Грязнов М. П., 1959. С. 136], в наших материалах находит свое подтверждение. В комплексах Южного Тагискена и Уйгарака отчетливо прослеживаются связи сакского мира с южносреднеазиатским и переднеазиатским (образы льва и пантеры в изобразительном искусстве, импортная керамика, бусы и т. д.). Находки из раннесакских памятников восточного Приаралья подтверждают и мнение, высказанное когда-то А. А. Иессеном и убедительно развитое К. Ф. Смирновым, о переднеазиатском происхождении некоторых изображений, обнаруженных в савроматских памятниках, и о посредничестве Средней Азии в их передаче [Иессен А. А., 1952. С. 227; Смирнов К. Ф., 1976. С. 74, 80, 83].

С накоплением новых материалов и особенно в связи с массовыми находками в восточных областях «скифского мира» предметов искусства, датирующихся VII в. до н. э., казалось бы, переднеазиатская концепция происхождения звериного стиля [Артамонов М. И., 1968; 1971. С. 24; 1974. С. 45] должна была уступить свое место центральноазиатской [Тереножкин А. И., 1976. С. 184, 185. 209—212]. Однако, как нам представляется, и та и другая не отражают полностью существа дела. Вряд ли сейчас, когда мы знаем, сколь велик регион, включающий памятники звериного стиля, можно думать, что стиль этот распространялся из единого центра. Вероятно, правильнее говорить не о происхождении, а о формировании звериного стиля.

Д. С. Раевский высказал предположение, что применительно к культуре скифов «возросший на почве тотемизма зооморфный код как одно из символических выражений модели мира надолго переживает тотемизм, и именно эту роль... выполнял звериный стиль в скифской культуре». Он полагает, что для других частей «скифского мира» вопрос в каждом случае должен решаться самостоятельно, но с учетом сказанного выше [Раевский Д. С., 1983. С. 13]. Признавая правомочность такой постановки вопроса, можно сформулировать эту проблему и следующим образом. Можно предположить, что на определенном этапе исторического развития у племен со сходными хозяйственно-культурным типом (полукочевое или кочевое скотоводство), формами общественной организации и уровнем производительных сил, к тому же, на базе установленной лингвистами общей ираноязычной основы существовали сходные идеологические представления, одним из выражений которых и был звериный стиль в искусстве. Такая постановка вопроса, естественно, совершенно не исключает культурные связи и взаимовлияния внутри этого обширного региона, равно как и влияние передовых цивилизаций на эту степную варварскую его периферию. Так что, если не о переднеазиатском происхождении, то о переднеазиатском влиянии говорить необходимо. Более того, переднеазиатское влияние следует рассматривать не только и не столько как явление, синхронное распространению звериного стиля, а как процесс, уходящий корнями в глубокую древность,

² Датировка кургана Аржан IX—VII или IX—VIII вв. до н. э. [Грязнов М. П., 1983а. С. 3; Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. С. 14] нам представляется заниженной.

в эпоху бронзы, чему за последнее время получено немало археологических свидетельств [Кузьмина Е. Е., 1977б]. Ряд явно заимствованных переднеазиатских мотивов, своеобразно переработанных местными мастерами на востоке «скифского мира», может быть объяснен именно таким образом.

Упомянутая общность идеологии ираноязычного кочевого и полукочевого населения Великого пояса степей находит подтверждение и при сравнительном анализе письменных и археологических источников [Раевский Д. С., 1977]. Это — общество подвижных скотоводов и земледельцев, коневодов, освоивших колесный транспорт, мифологические представления которого были теснейшим образом связаны с культом солнца, огня, коня.

Иранская принадлежность саков Приаралья ярко проявляется на материалах Южного Тагискена и Уйгарака. Это прежде всего роль огня в погребальном ритуале, выражающаяся в сжигании погребальных построек и трупосожжении, поджоге перекрытия могильной ямы, угольях или красной краске, имитирующей огонь, на поверхности каменных алтариков. К этой же категории явлений, судя по данным письменных источников, следует относить обычай устилать древнюю дневную поверхность вокруг могильной ямы камышом (ведические арии расстилали траву или солому).

Семантика изображений на предметах, выполненных в зверином стиле, соответствует мифологическим представлениям иранских племен. При этом, как и в скифском искусстве, в основе сакского лежали, видимо, магические представления, выражавшиеся в форме парциальной магии. Образы хищной птицы и коня, связанные с солнечным культом [Кузьмина Е. Е., 1977а. С. 96], встречены, что тоже примечательно, преимущественно на предметах конской сбруи, на них же есть характерный солярный знак в виде квадрата с вписанным в него кругом (табл. 5, 21, 24), они же включают изображение четырех птичьих голов в виде солнечного колеса (табл. 5, 14). Символично, видимо, изображение копыта лошади не только на подпружных пряжках, но и, например, на фигурке оленя из Уйгарака, равно как замена когтистых лап изображением копыт на фигурках сидящих львов из Южного Тагискена (табл. 5, 26). К категории каких-то общих для всего ираноязычного мира магических представлений относится и повсеместное распространение изображений оленя, который, возможно, был семантически связан с образами птицы и коня [Кузьмина Е. Е., 1977а. С. 105].

В свете всего сказанного интересен комплекс (VII в. до н. э.) из кургана 55 Южного Тагискена. Там обнаружены уздечный набор с бляшками, украшенными солярным знаком, и две подпружные пряжки с геральдически расположенными головками коней (табл. 5, 6). Помимо значимости роли коня в религиозных представлениях саков Приаралья, эти пряжки могут служить доказательством существования у них общиндоевропейского близнечного культа [Кузьмина Е. Е., 1977б. С. 106, 107; Иванов В. В., Топоров В. Н., 1980. С. 528, 529]. Специфический характер комплекса этого кургана подчеркивает находка в нем пары длинных, чуть изогнутых бронзовых однолезвийных ножей

без выделенной рукояти с отверстием типа ушка в верхней части (табл. 4, 13). По свидетельству И. В. Яценко, в раннескифских комплексах Северного Причерноморья бронзовые ножи клали в могилы парами. Учитывая, что железо было уже освоено, изготовление ножей из бронзы и помещение их в могилы парами, по ее мнению, может служить свидетельством их специального, возможно культового, назначения [Яценко И. В., 1959. С. 48]. Это тем более интересно, что пара бронзовых ножей найдена в кургане 21 Уйгарака вместе с железным кинжалом [Вишневецкая О. А., 1973. Табл. VI]. Один из ножей имеет кольцевое навершие (табл. 4, 14), другой — диск, который служил, видимо, зеркалом, на его обороте были процарапаны изображения животных. Сочетание пары бронзовых ножей с зеркалом, по мнению О. А. Вишневецкой, еще более подчеркивает магическую роль зеркала в представлениях саков, равно как и неординарность всего комплекса в целом [Вишневецкая О. А., 1973. С. 72]. Такая же пара бронзовых ножей найдена в разрушенном захоронении у с. Чистый Яр в Восточном Казахстане, где ее сопровождали бляшки с солярным знаком [Арсланова Ф. Х., 1972б. С. 255. Рис. 1]. Погребения, описанные И. В. Яценко и упомянутые нами, — мужские. Учитывая особый набор предметов из кургана 55, можно предположить, что у саков Приаралья наряду с женщинами какие-то жреческие функции могли выполнять и мужчины.

Вопросы происхождения, хозяйство, общественный строй. Наиболее явно черты преемственности между саками низовий Сырдарьи и населением эпохи бронзы прослеживаются при анализе погребальных сооружений и обряда, в то время как погребальный инвентарь такой преемственности в целом не дает, но очень ярко демонстрирует общность культуры и идеологических представлений ираноязычного «скифо-сакского мира». Сходство в конструкциях погребальных сооружений, обряд трупосожжения, единая западная ориентировка погребенных, своеобразный план мавзолеев Северного Тагискена — круг, вписанный в квадрат, ориентированный по сторонам света, или просто круг — и вероятная связь его с солярной символикой — все это свидетельствует в пользу индоиранской основы религиозных представлений тех, кто был погребен в мавзолеях Северного Тагискена. Но при всем своеобразии материальной культуры этого памятника ее местный и доминирующий компонент — федоровский (андроновский). Это выражается и в керамике, и в некоторых видах украшений, наконец, в такой детали планировки, как система оградок, пристроенных к мавзолеям. Таким образом, даже беглый анализ добавляет еще один довод в пользу индоиранского происхождения носителей андроновской культурной общности и заставляет еще раз высказать предположение, что именно они оказались одним из основных компонентов в энтогенезе саков [см. также: Акишев К. А., 1963. С. 121; Кузьмина Е. Е., 1970] ³.

³ Против этой точки зрения выступает Л. Р. Кызласов, утверждающий что культура саков генетически связана с дандыбай-бегазинской, к которой он относит и мавзолеи Се-

Близость культур ранних саков Приаралья, Центрального и Северного Казахстана и Семиречья вполне закономерна, поскольку все они восходят к андроновскому пласту. Однако обращает на себя внимание западная, «савроматская», направленность культурных контактов сырдарьинских саков. Но, оказывается, и она обусловлена близкой культурно-генетической основой (андроновской и отчасти срубной) [Смирнов К. Ф., 1964. С. 182 и след.], территориальной близостью и бесспорными непосредственными контактами [Мошкова М. Г., 1972. С. 75—78]. Эти контакты имели длительную предысторию, и в частности, прямой приток населения в эпоху бронзы с северо-запада на юго-восток [Итина М. А., 1977. С. 232 и след.]. В период раннего железного века здесь также, по мнению К. Ф. Смирнова, могли быть и взаимная прямая инфильтрация населения, и вхождение отдельных племен в состав племенных союзов той или другой стороны [Смирнов К. Ф., 1964. С. 277—280], что и должно было сказаться на облике культуры. И. В. Пьянков пошел дальше, высказав мысль о принадлежности саков Приаралья и «савроматов» Южного Приуралья к единому племенному союзу массагетов [Пьянков И. В., 1975. С. 67], что, однако, представляется не бесспорным.

Итак, при несомненно сходных чертах культуры сакского населения Средней Азии и Казахстана, выявляемых археологически и позволяющих говорить о существовании сакской этнической общности [Литвинский Б. А., 1980. С. 83], все же отдельные племена, упоминаемые письменными источниками, несомненно, различались спецификой материальной и духовной культуры. Эти различия археологически прослеживаются. Дискуссионным остается вопрос о принадлежности археологической культуры к тому или иному этносу и локализации последнего [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158 и след.].

Положение саков Приаралья как бы на западных рубежах «сакского мира» и их «западные связи и ориентация» еще не исчерпывают признаков, которые отличают их культуру от культуры других сакских племен. Население степей Приаралья на протяжении тысячелетий находилось в постоянных контактах с населением земледельческих оазисов Средней Азии. Блестящим проявлением этих связей стали мавзолеи Северного Тагискена, выстроенные из прямоугольного сырцового кирпича древнейших стандартов и содержавшие в погребальном инвентаре керамику, сделанную на круге. Строительство из сырцового кирпича с сохранением некоторых строительных приемов, связанных с эпохой бронзы, продолжает играть важную роль в архитектуре жилых и погребальных сооружений саков низовий

верного Тагискена. Культура эта, по его мнению, была в Казахстане пришлой и лишь благодаря соседству вобрала в себя некоторые андроновские элементы [Кызласов Л. Р., 1977. С. 74]. Помимо того что решение об отнесении Северного Тагискена к дандыбай-бегазинской культуре представляется мне, автору раскопок, чересчур прямолинейным, тот пришлый компонент, который очень заметен в культуре мавзолеев, отнюдь не свидетельствует о ее пришлоем характере в целом. Основой ее, и притом местной, была андроновская культура в ее позднем феодоровском проявлении, что очень заметно при анализе керамических комплексов.

Сырдарьи и позже, включая вторую половину I тысячелетия до н. э. Природные условия дельты Сырдарьи, равно как и культурные связи с территориально близким земледельческим населением низовий Амударьи, где в VII—VI вв. до н. э. было уже достаточно высоко развито ирригационное земледелие, способствовали усилению роли земледелия в хозяйстве приаральских саков и развитию у них полукочевого хозяйства с более прочной оседлостью. Примечательно, что при обязательности конской узды в погребениях саков Приаралья в них ни разу не обнаружены погребения коней или кости животных, за исключением двух курганов V в. до н. э. в Уйгараке, где в одном случае с умершим были положены два бараньих черепа, в другом — крестец барана. Однако в одном из уйгаракских погребений встречен обломок куранта.

По-видимому, саки Приаралья выполняли функцию посредников при передаче элементов культуры средне- или переднеазиатского происхождения племенам казахстано-сибирского круга, с которыми, при всех локальных особенностях, их связывала общность культуры. С другой стороны, типично казахстанский тип узды, некоторые элементы звериного стиля и определенные формы оружия приаральских саков тянут, несомненно, на восток. В этом плане примечательна и монголоидная примесь в краниологических, в целом европеоидных, сериях Южного Тагискена и Уйгарака, которая наиболее ярко проявляется в женских черепах. Антропологи связывают происхождение этой примеси в сакских сериях Казахстана со смешанными браками, говоря о ее центральноазиатских истоках и проникинении со стороны Алтая [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. С. 118, 119].

Обширный круг этнических и культурных связей, который наблюдается при анализе культуры ранних саков низовий Сырдарьи, особенности хозяйства, антропологического типа заставляют рассматривать их как особую группу, видимо, нескольких родственных сакских племен, входивших в большой племенной союз. О том, что таких племен было несколько, свидетельствует погребальный обряд.

В Южном Тагискене и Уйгараке для VI в. до н. э. фиксируются погребения в грунтовых ямах, окруженные земляным валом и ровиком, забитым хворостом (горючий материал), и в грунтовых ямах, перекрытых деревом и камышом. Те и другие содержат труположения и трупосожжения. Наконец, на Южной Инкардарье встречаются курганы еще одного племени, входившего, видимо, также в состав приаральского сакского племенного союза. Эти курганы отличаются от курганов Тагискена и Уйгарака, хотя роль огня в ритуале, несомненно, роднит их. Речь идет о так называемых шлаковых курганах [Левина Л. М., 1979б. С. 178, след.], для которых характерен ровик вокруг насыпи, заполненный глыбами керамических шлаков. Погребение совершалось не в яме, а на искусственной подсыпке, по обряду трупосожжения. Эти курганы по бронзовым трехлопастным наконечникам стрел датируются VI—V вв. до н. э.

Общественной организацией раннесакских племен Южного Приаралья, по-видимому, была военная

демократия с сильной властью племенных вождей, накопивших уже значительные богатства. Об этом можно судить по погребениям Южного Тагискена, почти полностью ограбленным, что, кстати, свидетельствует об их былой пышности, но все же сохранившим выразительный набор золотых вещей. Вообще создается впечатление, что на бугре Тагискен и в период поздней бронзы (Северный Тагискен), и в сакское время хоронили в основном лиц, выделяющихся имущественным и социальным положением в обществе. О выделении погребений племенных вождей свидетельствует и огромный «шлаковый» курган на бугре Сенгиртам [Толстов С. П., 1962б. С. 182, 184. Рис. 105], расположенный неподалеку от основного скопления «шлаковых» курганов.

В Уйгараке погребальные инвентари скромнее и, что показательно, там встречены неграбленные могилы. Это обстоятельство и анализ топографии могильника позволили О. А. Вишневской разделить погребения Уйгарака на три группы — восточную, центральную и западную — и выяснить со-

циальный состав погребенных в каждой из них [Вишневская О. А., 1973. С. 129]. Так, центральная группа содержала в основном погребения вооруженных всадников, среди которых были вожди, сочетавшие военную власть со жреческими функциями (курганы 21 и 25). В восточной группе были похоронены в основном женщины-жрицы. Наконец, западная группа содержала главным образом рядовые захоронения. По мнению О. А. Вишневской, такое членение захоронений могильника, с одной стороны, свидетельствует о родо-племенной структуре данного общества с устойчиво сохраняющимися родовыми связями, с другой — доказывает существование в нем социального расслоения [Вишневская О. А., 1973. С. 129]. В свою очередь Е. Е. Кузьмина предположила, что речь может идти не о трех родовых, а о трех социальных группах внутри одного рода, и тогда материалы Уйгарака могут служить еще одним доводом в пользу гипотезы о трех классах, или кастах, в обществе древних иранцев, в том числе саков [Кузьмина Е. Е., 1975. С. 291, 292].

Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи

Историко-географическое изучение низовьев Сырдарьи началось в XIX в. и базировалось на данных античных и средневековых географов и путешественников, а также на путевых записках купцов и исследователей XVIII в., проезжавших через эту область в Бухару [Краткий обзор и литературу см.: Левина Л. М., 1971. С. 8, 9].

С 1946 г. Хорезмская экспедиция АН СССР начала археологическое изучение этого района [Толстов С. П., 1948б; 1949; 1958а; 1958б; 1962б]. Уже в результате первых разведочных работ в бассейне одного из крупнейших древних русел Сырдарьи — Жаныдарьи — был выделен особый комплекс археологических памятников, самым крупным из которых является городище Чирик-Рабат, расположенное в 300 км к юго-западу от г. Кзыл-Орда, в пустыне Кызылкум.

В 1957—1960 гг. были осуществлены раскопки на городищах Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды (карта 1) и могильниках около этих памятников, открыты новые памятники и проведены исследования ирригационных сооружений [Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А., 1960. С. 14—62; Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. С. 53—58; Толстов С. П., 1961; 1962б. С. 134—154; Андрианов Б. В., 1969. Гл. VI].

Очевидно, между VII и V вв. до н. э. произошли существенные гидрографические изменения — извилистое русло Инкардарьи, самого южного и древнего протока Сырдарьинской дельты, было спрямлено, и сформировалось русло Жаныдарьи. Часть отрезков Инкардарьи превратилось в старицы и озера. Здесь, как и на Жаныдарье, обнаружены остатки поселений и ирригации античного времени [Толстов С. П., 1962б. С. 78; Андрианов Б. В., 1969. С. 189, след.].

II век до н. э. стал новой поворотной вехой в обводнении Жаныдарьи. С этого времени и до ран-

него средневековья в этом русле не было постоянного течения воды, берега его не осваивались.

Материалы, полученные в результате исследования античных памятников в бассейне средней Жаныдарьи, охватывают период от конца V — рубежа V—IV вв. до н. э. до II в. до н. э. и по ряду существенных признаков (тип расселения, керамический комплекс, погребальный обряд и сооружения) объединяются в одну компактную группу, названную чирикратской культурой⁴.

ПОСЕЛЕНИЯ, СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА, АРХИТЕКТУРА. В настоящее время для характеристики поселений имеются значительные, но явно недостаточные материалы. Мы располагаем общим описанием шести укрепленных поселений (Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды, Кабулкала (Чыгырлы), Чирик 3 и Сенгиркала) и около 200 неукрепленных, сильно размытых, большая часть которых связана с зоной довольно архаических ирригационных сооружений. Известно более двух десятков наземных погребальных сооружений, небольшое количество курганных насыпей, два грунтовых могильника и несколько ремесленных комплексов — обжигательные печи, производство и обжиг лепных статуэток. Из всех перечисленных памятников лишь

⁴ Название «чирикратская культура» предлагается в литературе практически впервые. С. П. Толстов выделял ее как жаныдарьинский вариант кокчатынгизской культуры [Толстов С. П., 1962б. С. 136, 137]. Под последней он имел в виду культуру всех «варварских» племен периферии Хорезма как в дельте Амударьи, так и на Сырдарье. Эта точка зрения не получила подтверждения. Открыта куксайская культура в левобережном Хорезме, резко отличная от памятников по Акчадарье в правобережном Хорезме и от сырдарьинских. Поэтому само понятие кокчатынгизской культуры представляется устаревшим и в литературе больше не отмечается. Название «чирикратская культура» предложено по крупнейшему ее памятнику — городищу Чирик-Рабат (табл. 6, 4).

немногие подверглись раскопкам [Толстов С. П., 1962б; Трудновская С. А., 1963; Лоховиц В. А., 1963].

Памятники IV—II вв. до н. э. на Жаныдарье сложились на базе культуры сакских племен низовьев Сырдарьи предшествующего времени (могильники Уйгарак, Южный Тагискен, поселения и «шлаковые» курганы) [Левина Л. М., 1979б. С. 178—190] и сильного культурного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии, которое проявляется в приемах строительной техники, особенностях архитектуры, формах гончарной керамики. Иригация и земледелие были известны и в низовьях Амударьи с эпохи бронзы. Однако сильная «варваризация», заметная во всех этих областях культуры, не дает основания говорить о переселении в низовья Сырдарьи сколько-нибудь значительного населения. Скорее всего это были группы ремесленников, передавших местному населению основные навыки производства. Подобные явления характерны для периода ахеменидского господства в Средней Азии и связаны, очевидно, с политикой центральной власти по отношению к окраинным владениям. Несмотря на то что южные влияния придали культуре сакских племен IV—II вв. до н. э. в низовьях Сырдарьи совершенно иной облик, преемственность ее по отношению к более ранним сакским памятникам прослеживается не только в керамике [Левина Л. М., 1979б], но и в погребальном обряде. Так, С. П. Толстов отмечал генетическую связь между круглыми мавзолеями этой эпохи с их первоначальным обрядом трупосожжения и мавзолеями Тагискена [Толстов С. П., 1962б. С. 201—203. Рис. 117], а грунтовых подкурганых камер Южного Тагискена с дромосом — с Чирикратским курганом. Обряды трупосожжения и трупопожжения, сосуществовавшие на этой территории уже в раннесакское время, продолжают жить вплоть до III в. до н. э. Позднее их сменяет обряд труповыващения, возможно, проникший сюда из древнего Хорезма, где оссуарные захоронения известны уже с рубежа V—IV вв. до н. э. [Вайнберг Б. И., 1979а; 1979б].

Топография памятников чирикратской культуры показывает, что расселение шло оазисами, располагавшимися в зоне примитивных иригационных систем (табл. 6, 1, 3, 7) [Андрианов Б. В., 1969. С. 192—202]. Крупные оросительные сооружения типа магистральных каналов были довольно редки. Орошение базировалось на воды Жаныдарьи. Очевидно, большое значение имело использование паводков, когда вода собиралась в водохранилища, созданные в руслах-старицах. В условиях живой дельты гидрографический режим был очень неустойчивым, но обилие русел-стариц давало возможность маневрировать и накапливать водные запасы до необходимого для орошения уровня на более засушливые периоды и случаи заиливания или усыхания питающих протоков. Общая площадь оазисов (территорий, на которых обнаружены иригационные сооружения) очень различна. Так, один из самых крупных — Бабишмуллинский — достигал 10 тыс. га, а Баландинский — около 150—200 га. Каналы, как правило, брали воду из небольших боковых протоков. Орошение чаще всего осуществ-

лялось по схеме: река — старица — ороситель — поле. Мелкая иригационная сеть имела весьма архаические прямоугольные очертания.

Поселения располагались у каналов либо русел, вблизи орошавшихся участков. Данных об их характере и планировке почти нет, так как большинство из них сильно размыто, а раскопки на них не проводились. Некоторые оазисы включали в себя укрепленные усадьбы или маленькие крепости типа Баланды 1, Сенгиркалы или даже крупные укрепления типа Бабиш-Муллы 1. Городище Чирик-Рабат находится на берегу основного русла Жаныдарьи. Вблизи него обнаружен оазис, оросительные системы которого базировались на боковом протоке русла [Андрианов Б. В., 1969. С. 199]. По характеру оросительных сооружений (лиманно-озерного типа) и архаичности распределителей жаныдарьинская иригация не отличается от подобных сооружений, характерных для полусельских скотоводов и земледельцев дельтовой зоны в Средней Азии [Андрианов Б. А., 1969. С. 200, 227].

Описанный тип расселения — преобладание оазисов из неукрепленных поселений — отличает чирикратскую культуру от других, по преимуществу тоже «скотоводческих», культур по Сырдарье — джетыасарской, отарско-каратауской и каунчинской. Для последних характерно сочетание укрепленных поселений и могильников (с курганным обрядом захоронения), располагавшихся, как правило, рядом с поселениями. Неукрепленные поселения отсутствуют там даже в зоне примитивной иригации (джетыасарская культура). Это различие представляется существенным и, возможно, указывает на несколько более высокий уровень развития земледелия у саков Жаныдарьи в IV—II вв. до н. э. Но тем не менее, развитый тип иригации здесь не сложился, так как отсутствовали исторические предпосылки и прежде всего, очевидно, сколько-нибудь прочное государственное объединение [Андрианов Б. В., 1969. С. 227].

Все шесть названных выше укрепленных поселений довольно своеобразны по характеру, поэтому целесообразно вкратце описать их (табл. 58, 2, 3).

Крупнейшее городище Чирик-Рабат расположено на возвышенности (высота 15 м) на берегу Жаныдарьи (табл. 6, 4). Овальное в плане, оно занимает всю поверхность холма (850×600 м), где обнаружены остатки нескольких разновременных поясов укреплений. Древнейшая крепость, овальная в плане (IV—II вв. до н. э.), площадью свыше 40 га, была окружена двойным поясом укреплений. К этому же времени относится прямоугольное укрепление в центральной части городища (12,4 га), примыкающее на юго-западе к внутренней крепостной стене. Южная часть памятника отсекается стеной времени средневековья, в которую был включен и древний круглый мавзолей. Тогда же была сооружена и более поздняя прямоугольная цитадель. Городище было окружено рвом (ширина около 40 м, глубина более 4 м от основания стен). В древней крепостной стене (толщина 4,5 м) расположена стрелковая галерея (ширина 1,8 м). Стена усилена башнями прямоугольных очертаний, выступающими за ее плоскость на 6 м. Башни, как и стена, имели стреловидные бойницы одинаковой высоты на входе и

выходе (около 50 см) при почти горизонтальном дне. Бойницы располагались на одном уровне. Жилые слои на городище вскрывались лишь в небольшом раскопе в южной части памятника, вблизи внутренней оборонительной стены. Общая мощность культурного слоя более 2 м, верхние напластования относятся к XII—XIII вв., а нижние — к IV—II вв. до н. э. Существенно, что часть культурных напластований уходит под укрепления.

Наиболее древняя группа памятников на территории городища включает шесть земляных курганов, четыре из которых находятся в пределах центрального прямоугольного укрепления, раскопан один. На городище вскрыты также два погребальных здания, а в окрестностях его обнаружено несколько характерных погребальных памятников — так называемых крестовин (один из них — Чирик 2 — раскапывался).

Первоначально Чирик-Рабат скорее всего был укрепленным городищем-убежищем местных племен, на территории которого располагались погребения вождей, вначале — в курганах, а позднее — в мавзолеях. Внутренние обводы укреплений могли возникнуть несколько позже, когда на территории городища формировалось постоянное поселение. Какова была площадь застройки и ее характер, нам неизвестно.

На другом берегу Жаныдарьи открыто укрепленное поселение Чирик 3, в плане прямоугольное (108 × 122 м) со скругленными углами. Местами на высоту около 1,5 м сохранились остатки крепостной стены (ширина чуть более 3 м) со стреловидными бойницами, дно которых идет наклонно к внешнему краю стены. Высота бойниц на внешней плоскости стены 1,3 м, на внутренней — 1,2 м, входного отверстия — 0,45—0,50 м. Расположены бойницы в один ряд, расстояние между ними 1,95 м. Внутри крепостной стены есть следы застройки. Материал из шурфов принадлежит к чирикрабатскому комплексу.

В Бабишмуллинском оазисе рядом расположены городище Бабиш-Мулла 1 и монументальный мавзолей Бабиш-Мулла 2 (табл. 6, 1—3; 8, 2). Городище укрепленное, неправильных очертаний, обнесено крепостными стенами. В северной части выделяется квадратная «цитадель» (100 × 100 м, первоначально вся территория крепости ограничивалась только ею), окруженная пахсовыми стенами с небольшими округлыми башнями в виде сплошных массивов на углах и в середине восточной стены. Стены «цитадели» прорезали стреловидные бойницы, располагавшиеся, как правило, веером по три штуки так, чтобы один стрелок мог обслуживать сразу все три бойницы, находившиеся на высоте 1,15 м над уровнем стрелковой площадки, у подножия стены. Высота бойниц около 40 см. Образованы они двумя наклонно поставленными кирпичами. Дно бойниц горизонтальное, поэтому обзор из них был минимальным.

В центре «цитадели» расположены развалины квадратного здания (44 × 44 м), получившего название «Большой дом». Здание имело сплошную застройку и было окружено пахсовой стеной с бойницами и башнями-массивами по углам и у входа в середине южной стены. От входа здание делилось на две

половины коридорообразными помещениями. Раскопаны северо-восточная часть здания и часть примыкающего к нему с юга двора или зала. Стратиграфически в «Большом доме» выделено три периода [Толстов С. П., 1962б. С. 162—165]. Нижний стратиграфический горизонт, отмеченный на плане пунктиром (табл. 6, 3), содержит незавершенную постройку. Это был комплекс помещений, примыкающий с севера к большому залу или дворику с парадным айваном и своеобразными нишами с уступами в стенах, покрытых тонкой побелкой по штукатурке. Два симметрично расположенных входа из айвана вели в находившиеся по бокам от него помещения, в свою очередь сообщавшиеся с комплексом помещений к северу от айвана. После краткого периода частичного запустения недостроенное здание было забутовано. Со временем запустения и забутовки связаны обжигательные двухъярусные керамические печи, образующие второй стратиграфический горизонт. Затем на слое забутовки было возведено здание третьего (верхнего) стратиграфического периода, следующее основному принципу нижней планировки, но в гораздо более грубом исполнении.

На городище полностью раскопан объект, получивший название «донжон». Это мощное (30 × 30 м) предвратное укрепление, расположенное близ юго-западного угла «цитадели». Стены его сохранились на высоту 4—5 м, внутри массива оказались заложены сводчатые помещения первого этажа. При раскопках «донжона» выявлено тоже три строительных периода, внутри которых отмечается еще некоторое количество перестроек и ремонтов [Толстов С. П., 1962б. С. 161]. В основании стен «донжона» обнаружены остатки первоначальной стены предвратного сооружения с бойницами. Во втором строительном периоде, по времени мало удаленном от первого, предвратное сооружение было превращено в укрепленное здание с центральным открытым входом-коридором на «цитадель» и сводчатыми помещениями по сторонам от него. Арочные проходы выводили из помещений в коридор, в южном конце которого обнаружены остатки ворот в «цитадель» (обвязка ворот, следы от их движения на полу, подпятник). Южный внешний фасад «донжона» в это время был украшен пилястрами, выступавшими на 20 см от плоскости стены (по три с каждой стороны от осевого коридора). Поскольку сводчатые помещения были жилыми, раскопки их дали хороший археологический комплекс, на основании которого выделяется ранний период чирикрабатской культуры. Если во втором строительном периоде и был второй этап застройки, он уничтожен при перестройках третьего строительного периода, когда частично разрушенные сводчатые помещения были засыпаны или забутованы и образовали мощный стилобат, поднимавшийся на высоту 5 м. Кирпичная облицовка закрыла стены центрального коридора со входами и внешние стены всего комплекса. На стилобате был возведен ряд помещений, почти полностью смытых. К ним выводил неширокий пандус в восточной половине здания, параллельный осевому коридору, тоже превращенному в двусторонний пандус из-за выросшего культурного слоя. У северного конца малого пандуса, выводившего на верх стилобата, была расчищена площадка на одном

уровне с помещениями, на углу ее в кладке сохранилась часть крученой веревки от перекидного моста, с помощью которого через осевой коридор попадали в западную половину здания. Таким образом, в последний период существования «донжона» он был превращен, очевидно, в хорошо укрепленную входную башню.

С поздним периодом существования городища связано и сооружение пристройки («города») с южной стороны памятника. Она обнесена мощной (толщина до 5,3 м) крепостной стеной с полукруглыми, выступающими за линию стены башнями, стены которых прорезали стреловидные бойницы. Застройка в этой части памятника прослежена в основном в его юго-западной части, где обнаружены остатки отдельно стоящего сырцового здания, возможно полуземлянки, или крупные ямы с остатками производства глиняных плохо обожженных грубых статуэток и шариков. Вдоль крепостных стен находился ряд помещений с каркасно-столбовой конструкцией стен.

Вход на пристройку и к воротам «цитадели» шел вдоль западной половины «донжона» по пандусу, который в последний период с юга был ограничен пахсовой стеной с бойницами. Сохранилась лишь нижняя их часть. По уровню это могли быть бойницы только для стрельбы с колена. Против осевого коридора «донжона» находился вход на пристройку.

Нижний стратиграфический горизонт «Большого дома» по строительным приемам и керамическому комплексу соответствует первому и второму строительным периодам «донжона». Второй и третий горизонты «Большого дома» могут быть синхронизированы с третьим строительным периодом «донжона» и «городской» застройкой. Все постройки последнего периода по качеству и приемам довольно резко отличаются от ранних, что особенно хорошо видно на «городской» пристройке.

В непосредственной близости от городища находится монументальный мавзолей Бабиш-Муллы 2, а на некотором расстоянии — погребальные сооружения разных типов (табл. 6, 1; 8, 2).

Урочище Баланды расположено в 40 км к юго-востоку от Чирик-Рабата. Его центральный комплекс включает три памятника: небольшую крепость Баланды 1, прилегающее к ней поселение и два погребальных сооружения — Баланды 2 и 3.

Баланды 1 [Толстов С. П., 1962б. С. 172, след.]. — Прямоугольное в плане укрепление (80×130 м), окруженное стенами из сырцового кирпича, сохранившимися местами на высоту до 3 м. По углам и вдоль длинных стен расположены неглубокие полукруглые башни со стреловидными бойницами (табл. 6, 7—9). Вход в укрепление находился, очевидно, в северо-западной стене. На памятнике были проведены небольшие разведочные раскопки, позволившие заключить, что Баланды 1 — большой укрепленный дом, в комплексе которого было несколько парадных, украшенных цветной штукатуркой помещений.

По керамическому материалу памятник относится ко второму этапу существования чирикрабатской культуры.

С севера и северо-запада к укреплению примы-

кает поселение, состоящее из отдельных домов (табл. 6, 7, 8).

Укрепление Сенгиркала расположено в урочище Баланды, в 7 км к юго-западу от центрального комплекса (табл. 6, 6). Это большой дом-усадеб, почти квадратный в плане (32×31,5 м), ориентированный углами по сторонам света. На поверхности довольно четко видна внутренняя планировка. Вокруг центрального помещения или двора (15×18 м) по внутреннему периметру стен дома расположены правильные ряды помещений. Высота развалин местами достигает 4 м. Рекогносцировочными раскопками в 1972 г. вскрыто несколько жилых и хозяйственных помещений, материал которых позволяет относить дом-усадеб к наиболее позднему, третьему этапу существования чирикрабатской культуры.

На северной периферии чирикрабатской группы расположена еще одна небольшая крепость Кабулкала, или Чагырлы 1 (табл. 6, 5). Она находится в 155 км к юго-западу от станции Джусалы и в 45 км к северу от Чирик-Рабата. В плане крепость имеет вид неправильного прямоугольника (55×50 м). Стены ее, сложенные в нижней части из пахсы, а с уровня бойниц — из сырцового кирпича, сохранились местами на высоту до 4—5 м. Стреловидные бойницы (с ложной стрелкой) расположены в два ряда в шахматном порядке, расстояние между ними около 2 м, башни отсутствуют. В юго-восточной стене находится предвратное сооружение, возможно с пандусом. По подъемному материалу памятник относится к чирикрабатской культуре — бабиш-муллинскому комплексу. Но здесь встречается уже и джетыясарская керамика, так как Кабулкала расположена по соседству с территорией джетыясарской культуры, памятники которой базируются в зоне Кувандарьи и других восточных староречий дельты Сырдарьи (карта 1).

Описание поселений показывает, что гигантское городище Чирик-Рабат уникально и, возможно, было наиболее древним памятником этого региона. Не исключено, что по мере того как из городища-убежища оно превращалось в постоянное поселение, стали появляться и внутренние укрепленные стены, защищавшие его.

Обычны для чирикрабатской культуры укрепленные дома-усадеб площадью от 1000 кв. м до 1 га (Сенгиркала, Кабулкала, «Большой дом» Бабиш-Муллы 1, Баланды 1 и, возможно, Чирик 3), располагавшиеся в центре оазиса, чаще всего по соседству с монументальными погребальными сооружениями. На Бабиш-Муллы 1 такой укрепленный дом включен в качестве основного и центрального элемента в систему крепости, уникальной по конструктивным приемам в этом районе. В отличие от остальных укрепленных домов-усадеб, имевших, как правило, застройку вдоль стен, вокруг центрального двора или помещения, планировка «Большого дома» Бабиш-Муллы 1 отличается осевой анфиладой помещений, начинавшихся от входа, обрамленного двумя массивными ложными башенками. Вскрытая часть планировки в восточной половине дома дает основание считать, что здесь строился большой парадный комплекс для приемов или особых церемоний. Принцип планировки этого комплекса характерен для ахеменидской архитектуры парадного

типа и восходит еще к дворцу приемов Кира в Пасаргадах [Francovich G. de, 1966. P. 201 a. o.]. Наиболее близким по планировке бабишмуллинскому комплексу представляется дворец приемов сокровищницы Персеполя, с которым уже сопоставлялась планировка части дворцового здания на городище Калалыгыр 1 в Хорезме [Schmidt E. F., 1939. Fig. 11; 1953; Рапопорт Ю. А., Лаширов-Скобло М. С., 1963. С. 145]. Точка зрения Ю. А. Рапопорта, что Калалыгыр 1 является недостроенной резиденцией ахеменидского сатрапа в Хорезме, убедительно обоснована. Знаменательно также, что с концом ахеменидской эпохи связано строительство резиденции сатрапа и на Арин-берде в Армении [Оганесян К., 1961; Тирацян Г. А., 1964. С. 64—78], где был большой гипостильный зал, подражавший парадным ахеменидским залам.

Представляется, что и постройку «Большого дома» Бабиш-Муллы 1 можно рассматривать в ряду позднеахеменидских сатрапских резиденций, строительство которых было предпринято, вероятно по единому принципу, в самых северных сатрапиях Ахеменидской державы незадолго до ее крушения. Только с включением территории низовьев Сырдарьи в состав Ахеменидской державы можно связывать появление здесь в IV в. до н. э. монументальных сырцовых построек, гончарного комплекса керамики, находящего себе аналогии в южных районах Средней Азии (Согд, Парфия и, возможно, Бактрия), окраинных земледельческих областях державы Ахеменидов на востоке. Таким образом, археологический материал как будто бы позволяет локализовать одну из поздних сатрапий Ахеменидского государства на крайнем северо-востоке его владений, на землях полусоседных скотоводов в древней дельте Сырдарьи.

Следует отметить главные черты строительной техники и архитектуры чирикратских памятников. Основным строительным материалом были сырцовый кирпич и пахса (битая глина). Довольно часто встречается комбинированная кладка из этих материалов. Иногда пахса образует основание стен, но чаще ряды пахсы чередуются с несколькими рядами кирпичной кладки. Сырцовый кирпич представлен достаточным разнообразием форм и размеров: квадратный, прямоугольный и трапециевидный (в сводах). Каких-либо веских оснований для хронологического разделения строительных материалов нет. В бесспорно ранних постройках «донжона» Бабиш-Муллы 1 встречается квадратный кирпич стандарта $45 \times 45 \times 10$ см и прямоугольный — $40 \times 45 \times 31$ — 38×10 — 12 см. Клиноватый трапециевидный кирпич сводов при высоте 45 см имеет основание 26—30 см и верхнюю грань 32—36 см. Но в большинстве памятников квадратный кирпич в основном следует стандарту $40 \times 40 \times 10$ см (Баланды, укрепления и жилые постройки Чирик-Рабата, Бабиш-Муллы 2). Прямоугольный кирпич как будто бы твердого стандарта не имеет. Однако можно отметить, что кирпича с соотношением сторон 1 : 2 в постройках на Жаныдарье нет. Чаще всего встречается кирпич, близкий к стандарту 50×30 см (круглое погребальное здание Чирик-Рабата, Чирик 2 и Асар), но во многих случаях при одной стороне кирпича, близкой или равной 30 см, другая варь-

ирует от 40 до 45—48 см. Подобные строительные материалы известны на юге Средней Азии с конца эпохи бронзы [Сарианиди В. И., 1977. С. 123, 126; Аскарлов А. А., Альбаум Л. И., 1979. С. 19, 24; Массон В. М., 1959. С. 14. 34, 70], а также в мавзолеях Тагискена и джетыасарских постройках. Но в античных памятниках прямоугольный кирпич стандарта, близкого к 50×30 см, неизвестен. Отсутствие сколько-нибудь значительных материалов по строительству и архитектуре ахеменидской эпохи на юге Средней Азии не дает возможности определить истоки приемов и форм, прослеженных в памятниках чирикратской культуры. Правда, керамический комплекс позволяет предполагать, что это были районы юга Средней Азии, а не более удаленные. Лишь в трех жаныдарьинских памятниках встречены сводчатые перекрытия: в «донжоне» Бабиш-Муллы 1, мавзолеях Бабиш-Муллы 2 и Баланды 2. Своды были одинарные и двойные. Обычно они клались наклонными поперечными отрезками, чаще всего из клиноватого кирпича, применялась также раскладка крупными кусками керамики. Кривые сводов, как правило, трехцентрового построения, высокого подъема. Стены и своды покрывались глиняной штукатуркой. При пересечении сводов в анфиладах пересекающихся помещений или коридоров они пересекались на изолированные отрезки стенами, в которых делались арочные проходы. Все арки сооружались в уровне ниже пяты свода.

Сооружение мощного предвратного комплекса («донжон» Бабиш-Муллы 1) восходит к строительной традиции, возникшей в Средней Азии еще в эпоху бронзы. Там же мы находим первые полукруглые и прямоугольные башни в оборонительных стенах [Массон В. М., 1981. С. 30, след. Рис. 11; Сарианиди В. И., 1977. С. 34, след.]. Широко применявшийся еще на Древнем Востоке прием оформления монументальных зданий пилястрами также получил широкое распространение в Бактрии в эпоху бронзы [Сарианиди В. И., 1977. С. 42—50].

Наиболее своеобразен по архитектурному облику мавзолеем Баланды 2, где центральный круглый зал, заключенный в обвод анфилады сводчатых помещений, разделенных на две изолированные части, перекрыт ложным куполом. Оригинальна и обработка внешней поверхности стены памятника — треугольными выступами.

При сравнении строительной архитектуры приемов чирикратских памятников с материалами из соседнего Хорезма обращает на себя внимание довольно значительное различие их, проявляющееся как в строительном материале (в Хорезме архаического периода есть прямоугольный кирпич только стандарта 50×25 см, отсутствующий в низовьях Сырдарьи), так и в конструкциях (на Кой-Крылганкале своды иного построения, нет предвратных построек типа «донжона» Бабиш-Муллы 1, большим совершенством и разнообразием отличаются фортификационные сооружения Хорезма). В то же время строенные бойницы крепостной стены «цитадели» Бабиш-Муллы 1 напоминают бойницы Джанбаскалы [Толстов С. П., 1948а. С. 88, след.], но они гораздо примитивнее последних. Не исключено, что прототипом для тех и других послужили фортификационные сооружения

Бактрии, где аналогичные формы зафиксированы в оборонительной стене Балхского оазиса античного времени, там же встречены и ложные «стрелки» бойниц, известные и в чирикрабатских памятниках [Пугаченкова Г. А., 1976. С. 137—140]. Все это свидетельствует о том, что строительство монументальных зданий и крепостных сооружений на Жаныдарье велось скорее всего с помощью мастеров и ремесленников из южных районов Средней Азии, а влияние Хорезма могло быть минимальным. Аналогичная картина фиксируется и по керамическим материалам.

Обращает на себя внимание недостаток строительного мастерства у древних зодчих этого региона. Так, например, бойницы в крепостных стенах Чирик-Рабата и Бабиш-Муллы 1 не имеют уклона дна, что ограничивает возможности стрельбы и обзора до минимума. Своды «донжона» Бабиш-Муллы 1, судя по всему, очень скоро дали трещины или частично обрушились, что послужило причиной их засыпки и забутовки. Мавзолей Бабиш-Муллы при четкой симметрии и сложности композиции планировки построен со значительными отклонениями внутренних стен от основного плана, своды в помещениях также несут следы быстрого разрушения.

Монументальным постройкам и укрепленным поселениям чирикрабатской культуры в низовьях Сырдарьи предшествовали постоянные или временные поселения сакских племен [Левина Л. М., 1979б], где нет следов сырцовых построек. Косвенные данные могут свидетельствовать, что там были каркасные строения, так как традиция их прослеживается и в некоторых памятниках более позднего времени чирикрабатской культуры. Следы каркасных построек обнаружены в раскопе у оборонительной стены пристройки Бабиш-Муллы 1. В круглом погребальном сооружении на Чирик-Рабате массивная сырцовая кладка стен сочетается со своеобразным обмазанным глиной деревянным каркасом, в который были заключены все стены внутри здания [Трудновская С. А., 1963]. Есть все основания видеть в этом приеме пережиток местных традиционных строительных приемов. Близкий вариант, вероятно, был встречен при раскопках на Сенгиркале, где вдоль сырцовых стен помещений обнаружены ямки от столбов, на которые, возможно, опирались перекрытые.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ. В довольно сложных и многообразных погребальных памятниках чирикрабатской культуры также прослеживается известный синкретизм местных традиций и внешних влияний. Вся серию их можно разделить на две группы: грунтовые погребения и наземные мавзолеи. Однако в обеих группах исследовано лишь незначительное количество из ныне известных памятников. На основной территории чирикрабатских оазисов в силу климатических, гидрографических условий и процесса дефляции грунтовые погребения выявляются слабо, так как от них не сохранились наземные, вероятно земляные, сооружения. Поэтому пока мы знаем лишь несколько памятников этой первой группы.

Наиболее ранние из них представлены большими курганами, расположенными на городище Чирик-Рабат. Один курган раскопан. Под насыпью его

(диаметр 60 м, высота 3,5 м), в материковом грунте, обнаружена большая, почти квадратная (7,5×7,2 м, глубина 2,5 м) погребальная камера с длинным (16,5 м) и узким (0,9 м) дромосом с южной стороны. Дно дромоса, куда вели шесть крутых широких ступеней, находилось на 0,5 м выше дна камеры. Стены всего сооружения были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. Дромос и погребальная камера оказались перекрыты настилом из шести слоев камыша толщиной по 2—3 см. Курган был разграблен еще в древности, и человеческие кости не сохранились. Среди остатков инвентаря — фрагменты двух гончарных кувшинов и лепной посуды, небольшая поделка из золота, бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы и железный меч (длина 85 см) с массивным широким лезвием, плоской рукоятью, вероятно, бабочковидным перекрестьем и овальным навершием.

Рядовые захоронения в курганах располагались скорее всего вне поселений, но земляные насыпи их не сохранились. Очевидно, свидетельством тому является погребение, раскопанное в могильнике Баланды 4 (табл. 7, 3), расположенном поблизости от урочища Баланды, на левом береговом валу средней Инкардарьи [Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. С. 72; Толстов С. П., 1962б. С. 179, 181]. Само погребение было сильно размыто. Сохранилась лишь нижняя часть могильной ямы на глубину 40 см, представляющей собой овал (5,3×3,8 м), вытянутый с юго-востока на северо-запад. В южной стенке могильной ямы замечены следы ступенек, возможно, от дромоса. В яме находилось семь погребенных, ориентированных головами на юго-восток. Все они лежали на спине, с вытянутыми руками и ногами, лишь у одного ноги были раскинута ромбом. Погребальный инвентарь состоял из 11 глиняных сосудов, железного кинжала, ножей, трех бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, бронзовых спиралевидных колец, стеклянных бус и подвесок (табл. 9, 53, 54; 15, 52, 93, 94). Из 11 сосудов лишь два изготовлены на гончарном круге — красноангобированный кувшин и чаша с белым ангобом (табл. 12, 3, 32), остальные относятся к керамике домашней выделки кострового обжига: восемь сероангобированных горшков и одна красноангобированная чаша (табл. 10, 6, 7, 14—17).

Еще один тип грунтовых захоронений — погребальное сооружение, раскопанное в 800 м к северу от Бабиш-Муллы 2. Оно расположено на небольшой естественной возвышенности (2,7 м над уровнем современного такыра) и представляет собой квадратную в плане (такырную) площадку (5,5×5,5 м) со ступенчатыми краями, постепенно спускающимися в вырытые со всех сторон неглубокие (ширина до 2,5 м и глубина от уровня площадки 1,3 м) рвы (табл. 7, 1). Площадка, ориентированная углами по сторонам света, была сооружена так, что две стороны ее параллельны каналу, проходящему с северо-востока от нее.

На верхних ступеньках (ширина 70—75 см) около углов площадки (устьем к углу) и у середины сторон сохранилось шесть крупных горшкообразных лепных сосудов кострового обжига (табл. 10, 33, 34, 74, 75), в которых лежали детские костяки (в ана-

томическом порядке). На второй ступени вскрыто три захоронения в ямах. Первое погребение, расположенное в 1,5 м к северо-западу от площадки и разрушенное сильным смывом, принадлежало взрослому человеку, лежавшему скорченно, головой на юго-запад. Два других, находившихся в 70—75 см от площадки и ориентированных параллельно ее северо-восточной стороне, содержали захоронения взрослого и подростка. Оба погребенных были вытянуты на спине, один обращен головой на северо-запад, другой — на юго-восток. Рядом с головой подростка сохранился кувшиновидный краснойглиняный гончарный сосудик обычного для чирикрабатской культуры типа. Судя по заполнению некоторых сосудов и ямы в центре площадки, сама площадка и ее верхняя ступенька длительное время стояли открытыми, а позднее (вероятно, после совершения ямных захоронений) вместе с ровиками были перекрыты курганной насыпью (диаметр 18—20 м). В заполнении рвов найдены два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел, обломки тальковых курильниц и фрагментированная керамика.

Вторую группу погребальных памятников чирикрабатской культуры составляют наземные мавзолеи (табл. 8). Известно более двух десятков этих сооружений. Расположены они изолированно друг от друга и на расстоянии от поселений (0,5—10 км).

По внешнему виду их можно разделить на два типа: квадратные и круглые в плане. Известно лишь два памятника первого типа (Бабиш-Мулла 2, Чирик-Рабат) и более двух десятков — второго. Внутренний планировочный принцип, обязательное расположение входа с южной стороны и основные строительные приемы обоих типов мавзолеев одинаковы.

1. Квадратные в плане мавзолеи. Сооружение Бабиш-Мулла 2 представляет собой монументальное погребальное здание (21×21 м, высота до 7 м). В основании его — цоколь (30×30 м, высота 3,5 м) из шести рядов пахсовых блоков (табл. 8, 2). Планировка здания симметрична — два пересекающихся сводчатых коридора ограничивают угловые погребальные камеры, перекрытые сводами. У торцов коридоров расположены помещения типа айванов, связанные с коридорами арочными проходами и в свою очередь открывавшиеся, вероятно, в обводной коридор, следы которого обнаружены на северном склоне памятника. Стены помещений были покрыты алебастровой штукатуркой. Погребения по обряду групповывставления совершались прямо на полу или суфах, возможно, на погребальных носилках или помостах. Умерших сопровождал богатый инвентарь. Даже после древнего ограбления остались золотые бляшки, пронизи, серьги, бусы (золотые и каменные) и другие предметы (табл. 14, 16—37). Керамический комплекс, обнаруженный в мавзолее, аналогичен керамике городища и синхронен материалам его второго (а отчасти и первого) строительного периода. Среди керамики мавзолея было несколько фрагментов глиняных оссуариев или гробов с наленными валиками и пальцевыми защипами под простым краем.

На территории городища Чирик-Рабат раскопано еще одно, квадратное в плане (19,5×19 м) погребальное

здание с мощными (толщина до 5—5,5 м) стенами из сырцового кирпича квадратного (38—40×35—38×8—10 см) или прямоугольного (40—48×35—38×8—10 см) стандарта, с камышом в слоях раствора [Толстов С. П., 1962б. С. 150, 151; Лоховиц В. А., 1963]. Внутреннее пространство его разделено мощной четырехметровой стеной на два помещения, соединенных сдвинутым от центра проходом (табл. 8, 8). Входной коридор был в юго-восточной стене. Глиняные с большим количеством соломы полы подстилались двумя рядами кирпичной кладки. Этот мавзолей также был ограблен в древности, но часть инвентаря сохранилась: золотые пронизи, стеклянные и каменные бусы, нашивные бляшки, фрагменты костяного гребня, бронзового зеркала, бронзовые и железные наконечники стрел, тальковая курильница, керамика (табл. 14, 1—15).

2. Круглые в плане мавзолеи. Очевидно, наиболее ранним среди погребальных сооружений является здание (диаметр 38,5 м, сохранившаяся высота 8,5 м), расположенное в юго-восточной части городища Чирик-Рабат. Внутреннее пространство его разделено на четыре квадратных (каждое 5,9×5,9 м) помещения двумя пересекающимися в центре стенами (толщина 3 м), ориентированными по сторонам света. Северные помещения обособлены, но соединены с южными проходами, сдвинутыми к центру здания. В юго-восточное помещение вел с юга 10-метровый входной коридор. В толще внешней стены на высоте 7,25 м шел квадратный в плане коридорчик (ширина 0,5 м), каждая сторона которого имела по два прямоугольных расширения (4×1,3 м), откуда узенькие проходы выводили в небольшие камеры (табл. 8, 1). Этот коридорчик опоясывал по периметру всю внутреннюю планировку. Здание было сложено из крупного (47—55××29—31×9,5—11 см) сырцового кирпича на глиняном растворе, при этом в кладке стены прослежено несколько камышовых прослоек [Трудновская С. А., 1963. С. 205; Толстов С. П., 1962б. С. 146, 147]. Вдоль стен, покрытых тонким слоем обмазки, был поставлен каркас из вертикальных жердей, скрепленных камышовой веревкой. Под зданием возведен небольшой цоколь [Трудновская С. А., 1963. С. 208], полы помещений подстилались кирпичной выкладкой, а в узком входном коридоре был пандус. Вдоль стен помещений тянулись широкие и высокие суфы, на которые и были положены тела умерших в сопровождении богатого инвентаря (табл. 14, 51—76). Затем было совершено групповое захоронение на месте — на суфах северо-западной камеры.

Основная масса круглых в плане мавзолеев представляет собой постройки (диаметр 15—20 м), возведенные из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей (преобладающий стандарт 50××30×12 см) и сохранившиеся в высоту на 3—5,5 м от уровня современной поверхности.

Центральная часть этих сооружений воздвигалась на стилобате из битой глины. Внутреннее пространство разделено по диаметру зданий стеной и во многих случаях идущей перпендикулярно ей второй стеной, образующей вместе с первой подобие крестообразной планировки. У некоторых таких памятников вокруг центральной, поставленной

на стилобат части шел обходной коридор, у других — ров (табл. 8, 1, 3—7, 10).

Исследования мавзолеев показали, что значительная часть их подвергалась внутренней перестройке и все они многократно использовались для захоронений, причем иногда в одних и тех же мавзолеях производились и кремация, и труположение в деревянных гробах, на носилках или циновках.

Таким неоднократно перестраивавшимся памятником является мавзолей Кзылтепе, расположенный в 8 км к востоку от городища Баланды 1 (табл. 8, 4). Вокруг круглого в плане сооружения (очевидно, на цоколе) при рекогносцировочных раскопках обнаружен коридор шириной до 3 м, ограниченный с обеих сторон стенами из пахсовых блоков и заполненный спаявшимися в результате интенсивного горения глыбами кирпичей и глины. Часть коридора на южной стороне отсекалась радиальными стенами, образующими вход в центральную часть. Следы горения связаны как с верхним, так и с нижним строительными периодами, но внизу их больше.

Вероятно, близкую планировку имел и мавзолей 2 могильника Тагискен. Вокруг круглого в плане здания шел обводной коридор со следами интенсивного горения. Стоящая на глиняном цоколе центральная часть здания была разделена двумя перекрещивающимися стенами на четыре камеры, с проходами вблизи центра [Толстов С. П., 1963. С. 35. Рис. 8]. Вход в здание находился с южной стороны и был отсечен от коридора стенами.

Такой же обводной коридор зафиксирован в мавзолее Тышкантепе (табл. 8, 5). Стены его сложены из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (39—41 × 39—41 см), но следы горения в коридоре не обнаружены. Здание неоднократно перестраивалось. Крутой пандус выводил ко входу на юго-восточной части памятника.

В 6 км от Чирик-Рабата расположен один из наиболее характерных мавзолеев этого типа — Чирик 2. Это круглое в плане (диаметр 17,5 м) здание, сохранившееся на высоту 5 м, со входом с южной стороны, возведено на стилобате из крупных комков глины. Стены его сложены из чередующихся слоев пахсовых блоков (высота 60—70 см) и рядов сырцового кирпича (преобладающий стандарт 50 × 30 × 12 см). Сооружение перестраивалось. Можно говорить по крайней мере о двух строительных периодах с частичными перестройками в каждом из них.

Первоначально здание имело обходной коридор, обмазки стен и пола которого сильно замыты (табл. 8, 6). Затем внутренняя пахсовая стена обходного коридора была срезана, все пространство внутри здания забутовано глиной и кусками кирпичей, поверх которых выложены два нивелировочных горизонтальных ряда кирпичей кладки. Затем вся внутренняя площадь сооружения вновь поставленными стенами была поделена на четыре неравные камеры. Северные секторы разделялись стеной, отходящей от северной стенки, южные — коридорчиком-пандусом, ведшим через проход в центральной стене ко входу (табл. 8, 7). В дальнейшем, несмотря на частичные перестройки, изменявшие размеры

и форму камер, бесконечные подновления полов и выкладки под ними, принцип этой планировки сохранялся.

Следы интенсивного горения зафиксированы особенно четко на нижних полах. На верхнем уровне следы горения отмечены лишь частично в северо-восточном секторе и «коридорчике-пандусе». Наряду с обгорелыми обломками человеческих костей были встречены (над прослойками песчано-глинистых намывов) не тронутые огнем и разрозненные кости вместе со слоями камыша и прутьев. Остатки погребального инвентаря составляли керамика, каменная курильница, многочисленные бусы, украшения, костяная туалетная ложечка, бронзовый трехлопастный наконечник стрелы и другие предметы (табл. 14, 38, 39, 44, 45, 50).

Мавзолей Баланды 3 уже лишен обходного коридора. Все здание со стенами из чередующихся рядов пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (28—30 × 48—50 × 10 см) поставлено на полутораметровый цоколь (табл. 8, 3). Внутреннее пространство разделено на четыре сектора проходящей по диаметру основной стеной с проходом и перпендикулярными ей стенками с проходами вдоль основной стены. Следы интенсивного горения зафиксированы лишь в северных секторах, все здание заполнено песчано-глинистыми намывами (рис. 8, 3).

Поздний тип мавзолеев представлен погребальным сооружением Асар (табл. 8, 10). Вокруг мавзолея прослежен ров, а сам он воздвигнут на невысоком (0,5 м) цоколе. Стены здания построены из чередующихся рядов пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (50 × 30 × 12 см) на толстом слое раствора с примесью большого количества самана. Вход в мавзолей, как обычно, вел с юга, где в стене сохранились две ступеньки. Все внутреннее пространство разделено на две половины проходящей по диаметру стеной с проходом, сдвинутым от центра к югу. На глиняных с саманом обмазках пола и стен зафиксированы мощные слои песчано-глинистых натексов и намывов. В заполнении мавзолея, состоящем из перегнивших органических остатков, большого числа разрозненных человеческих костей, перемешанных с кусками камышово-тростниковых настилов и обломков дерева (в том числе фрагментов деревянных гробов и носилок с резными плашками; табл. 7, 2), практически не имелось следов огня, за исключением северо-восточного угла, где был найден единственный обгорелый череп. Среди остатков погребального инвентаря сохранились бронзовые наконечники стрел, керамика, каменные и костяные бусы, деревянные и тыквенные сосуды, плетеные корзинки и другие вещи (табл. 7, 2, 5, 6).

Среди круглых в плане погребальных сооружений выделяется купольный мавзолей Баланды 2 (диаметр 16 м, сохранившаяся высота 4,5 м; табл. 8, 9). Вход в него расположен в южной части здания и оформлен в виде намечающегося портала с арочным перекрытием. Центральное круглое (диаметр 5,5 м) помещение, перекрытое ложным куполом, заключено в обвод анфилады из семи сводчатых помещений, разделенных на две части. Внешняя поверхность стен здания обработана 25 выступающими треугольными лопатками [Толстов С. П., 1962б. С. 174—177]. Мавзолей был ограблен еще в древности, по-

этому сохранились лишь остатки погребального инвентаря, керамический комплекс (в основном из расклинок сводов) и фрагменты деревянных гробов или носилок, подобных найденным на Бабиш-Мулле 2 и Асаре.

Исследование мавзолеев чирикрабатской культуры дает возможность считать, что среди основной их массы, вероятно, к наиболее ранним относятся сооружения с обходным коридором, где первоначально происходило горение (Кзылтепе, мавзолей 2 могильника Тагискен, нижний строительный горизонт Чирик 2 и др.) Центральная часть мавзолеев, возведенная на стилобате, делилась на четыре камеры. Вследствии эти обходные коридоры могли выродиться во рвы, прослеживаемые вокруг подобных, но самых поздних зданий (например, Асар). Внутренняя планировка также постепенно меняется, теряя свою «крестообразность» и сохраняя лишь деление на две половины. Судя по натекам на обмозках стен и полов, большинство таких мавзолеев не имело постоянного перекрытия. Несмотря на размеры, большие мавзолей чирикрабатской культуры, несомненно, предназначенные для захоронения знати (Бабиш-Мулла 2, Чирик-Рабат — круглое и квадратное сооружение), во многом сохраняют конструктивные особенности, свойственные основной массе мавзолеев. Так, в круглых погребальных зданиях Чирик-Рабата и Бабиш-Муллы 2 сохраняются крестообразная внутренняя планировка, обходной коридор, цоколь. Квадратное погребальное сооружение Чирик-Рабата с более поздними круглыми мавзолеем сближают двухкамерная планировка, невысокий цоколь и большой процент самана в обмозке стен и пола.

Планировка круглых мавзолеев с внутренним крестообразным пересечением стен могла иметь глубокие местные корни. Представляется несомненной связь чирикрабатских погребальных сооружений типа Кзылтепе, мавзолей 2 Тагискена и других со «шлаковыми» курганами и некоторыми ранними мавзолеем могильника Тагискен (мавзолей 6, планировка, обряд кремации), характерными для более раннего сакского населения этих районов [Толстов С. П., 1962б. С. 201, след.]. Однако в погребальном обряде чирикрабатской культуры нельзя исключить определенные, вероятно южные, влияния, поскольку переход от кремации к труповыставлению наблюдается иногда в одних и тех же памятниках (мавзолей Чирик 2). Но наряду с этим отмечено и сосуществование обоих обрядов в разных одновременных памятниках. Сам факт перехода в погребальных сооружениях одного и того же типа от традиционного трупосожжения к труповыставлению мог происходить либо под влиянием каких-то изменений в религиозных представлениях, либо с появлением новой этнической группы населения.

ХРОНОЛОГИЯ. На современном уровне знаний относительная хронология памятников чирикрабатской культуры может быть представлена в следующем виде: Этап I: нижний слой застройки и ранние укрепления на городище Чирик-Рабат, курган 1 и, может быть, круглое погребальное здание на городище (датировано концом IV или рубежом IV—III вв. до н. э.) [Толстов С. П., 1962б. С. 148; Трудновская С. А., 1963], нижний слой «Большого

дома» и два нижних строительных периода «донжона» на Бабиш-Мулле 1, могильник Бабиш-Мулла 6, начало строительства, а возможно, и завершение постройки мавзолей Бабиш-Мулла 2. Этап II: Баланды 1 и 2, слой печек и частично верхний слой «Большого дома», а также верхний строительный период «донжона» на Бабиш-Мулле 1, Бабиш-Мулла 2, верхний слой Чирик-Рабата, часть мавзолей типа Баланды 3, Чирик 2, могильник Баланды 4. Этап III: частично верхний слой Бабиш-Муллы 1 и Чирик-Рабата, Сенгиркала, квадратное погребальное здание на Чирик-Рабате, мавзолей Асар. Общая датировка памятников чирикрабатской культуры в пределах IV—II вв. до н. э., предложенная С. П. Толстовым [1962б. С. 136, след.], достаточно убедительна. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют внести некоторые уточнения.

По аналогиям в материалах сарматской культуры (особенно в близких территориально памятниках Южного Приуралья) предметам вооружения для начала раннего этапа может быть предложена дата рубеж V—IV вв. (курган на Чирик-Рабате, и возможно, начало строительства на Бабиш-Мулле 1).

Архитектурно-планировочные данные позволяют связывать начало постройки Бабиш-Муллы 1 с эпохой Ахеменидов. Тот факт, что постройка сатрапской резиденции (по нашему предположению) осталась незавершенной и была заброшена (на какое-то время), скорее всего можно связать с крахом Ахеменидской державы. В таком случае верхней границей этапа I условно может быть признан 330 г. до н. э. Керамические аналогии этому комплексу имеются в слоях Афрасиаб IB (последняя четверть IV в. до н. э.) и Афрасиаб II (III в. до н. э.) [К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. С. 57, 58. Даты, предлагавшиеся ранее Г. В. Шишкиной, немного расходятся с указанными в этом издании], а также в кроющем слое Елькендепе III, верхняя дата которого IV в. до н. э. [Марущенко А. А., 1959б. С. 71].

Для датировки этапа II культуры существенны находки предметов греческого импорта на Баланды 1, 2 и Бабиш-Мулле 2. Датировка их определяется в пределах IV—III вв. до н. э., но исходя из исторической ситуации, время их появления в низовьях Сырдарьи может быть отнесено к последней трети IV в. до н. э., самое позднее — к началу III в. до н. э. Общая дата этого этапа — от последней трети IV в. до н. э. условно до середины III в. до н. э.

Для определения верхней границы этапа III и вообще верхней даты культуры особых данных нет. Протяженность этого этапа, судя по малой мощности культурных наслоений и малому количеству памятников, вряд ли была большой. Поэтому нет основания определять верхнюю границу их временем позже начала II в. до н. э., но нельзя исключить, что развитие ее завершается полностью в пределах III в. до н. э.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Керамика. Наиболее массовый и выразительный материал в археологическом комплексе чирикрабатской культуры — керамика. Отсутствие публикаций заставляет нас остановиться на характеристике керамики несколько подробнее. В основу стратиграфического анализа

керамического комплекса положены материалы, полученные при раскопках городища Бабиш-Мулла 1 (прежде всего его «донжона»), стратиграфического и иных раскопов городищ Чирик-Рабат, Баланды, Сенгиркала, и лишь затем привлекались материалы исследования многочисленных поселений и погребальных памятников. В результате анализа удалось распределить чирикрабатскую керамику по трем хронологическим этапам. По технологическим признакам она делится на две группы: 1 — сосуды грубой ручной лепки, кострового обжига, домашнего изготовления; 2 — сосуды, сформованные с помощью гончарного круга, горнового обжига, ремесленного производства.

Керамика группы 1 составляет 32,4% всех имеющих в нашей коллекции сосудов. Можно говорить о 1936 сосудах, целых, археологически целых и фрагментированных, в составе многотысячной (около 60 тыс.) коллекции чирикрабатской керамики. Среди них представлены горшки, котлы, чаши, миски, сковороды-жаровни.

Горшки (табл. 10) составляют 77,3% (486 экз.) общего числа сосудов группы 1. Они имеют плоское дно, диаметр которого близок или чуть меньше диаметра устья, вытянутое округлое тулово и отогнутый наружу простой, иногда чуть утолщенный или же утонченный край венчика. Преобладание лепных горшков того или иного типа по этапам не устанавливается. Подобные формы распространены на значительной территории в широкий хронологический период, но наиболее близкие аналогии находим в сакских памятниках VII—V вв. до н. э. средней Жаныдарьи и Инкардарьи [Толстов С. П., 1962б. Рис. 104; Левина Л. М., 1979б. Рис. 7, 8], памятниках савроматской и сарматской культур Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Табл. 7, 8; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 7], а также в памятниках этапа I соседней джетысарской культуры (см. табл. 19).

Среди горшков выделяется серия небольших сосудов усеченнобиконической формы, с резким перегибом тулова или горизонтальным валиком посредине (их всего 0,9%). Они покрыты темно-серым ангобом и слегка подлощены. Найдены главным образом в погребальных сооружениях. Часть из них орнаментирована наколами и прорезными линиями (табл. 10, 1—3, 8—10).

Следует отметить горшковидные сосуды с цилиндрическими сливами, изредка встречаемые на поселениях в районе городища Чирик-Рабат, в могильнике Бабиш-Мулла 6 (табл. 10, 12). Эти сосуды, очевидно, непосредственно связаны с близкими формами, широко распространенными в более ранних сакских памятниках той же территории бассейна средней Жаныдарьи и Инкардарьи [Левина Л. М., 1979б. С. 187. Рис. 9, 1, 2, 10—12].

Котлообразные сосуды встречаются гораздо реже, чем горшки. Они имеют относительно широкое устье, плоский или уплощенный бережок, иногда снабжены сплошными или петлеобразными ручками. В коллекции есть фрагменты полутора десятка таких сосудов.

Менее 3,2% сосудов группы 1 составляют широко открытые миски с плавно округлыми стенками и

утонченным краем. Близкую форму имеют немногочисленные невысокие чаши (табл. 10, 26—30). Аналогичные миски и чаши характерны и для керамического комплекса сакских памятников VII—V вв. до н. э. той же территории Жаныдарьи [Вишневская О. А., 1973. С. 154, Табл. XXII; Левина Л. М., 1979б. С. 187. Рис. 9]. Тожественные чаши представлены в Актанском могильнике V—III вв. до н. э. в Фергане [Горбунова Н. Г., 1962] и памятниках Тянь-Шаня и Памиро-Алая, подобных сакскому могильнику Шарт [Бернштам А. Н., 1952]. Различного размера сковороды-жаровни — относительно частая находка (10,2%) на всех поселениях.

Лишь 30% лепных сосудов украшены орнаментом. Он представлен прочерченными, волнистыми, зигзагообразными или угловыми узорами на плечиках и тулове сосудов, иногда дополненными точечными вдавлениями, а также насечками по бережку (табл. 10, 8—10, 37—42, 46, 61, 82). К этапу I относится лишь два сосуда с узором в виде насечек по венчику.

Удельный вес керамики группы 1 понижается от этапа к этапу. Так, на этапе I она составляет 39%, а на этапе III — менее 27%.

Сосуды группы 2 (ремесленного производства) изготовлены в подавляющем большинстве на гончарном круге быстрого вращения из хорошо промешанной и отмученной глины. Они имеют ровный обжиг и покрыты жидким беловатым или красно-коричневым ангобом.

По назначению и форме гончарной керамики выделяются хумы, хумчи, крупные горшковидные или корчаговидные сосуды, горшки, котлообразные сосуды, кувшины, фляги, миски, чаши и др.

Крупные толстостенные сосуды, предназначенные для хранения жидкостей и зерна (хумы, хумчи, крупные горшковидные или корчаговидные сосуды), отнесены нами к одному виду. Они изготовлены ленточной техникой и в подавляющем большинстве покрыты снаружи красно-коричневым ангобом (изредка — поверх беловатого), часто ангоб есть лишь в верхней части. Эти сосуды составляют 30% гончарной керамики. По форме тулова и венчика они делятся на два типа, каждый из которых в свою очередь подразделяется на подтипы и разновидности. К типу 1 относятся сосуды с раздутым яйцевидным туловом, без шейки, с T-образным венчиком и плоским бережком (табл. 11, 1, 3, 8, 9, 24). В высоту они достигают 1,5—1,8 м. Обычно наибольший диаметр тулова в полтора-два раза превышает диаметр венчика (25—50 см), который всегда несколько больше диаметра днища. Эти сосуды господствуют в материалах слоев этапа I, составляя там более 78% керамики этого вида. Подтипы 1А и 1В с оттянутым внутрь венчиком и очень широким плоским бережком (ширина последнего у сосудов подтипа 1А — до 10—11 см), найдены главным образом в слоях этапа I (сосуды подтипа 1А — только там), гораздо реже — в слоях этапа II, составляя там менее 9% сосудов данного вида. Сосуды подтипа 1С — с выступающим лишь наружу венчиком — распространены на этапе II (табл. 11, 13—15).

Сосуды типа 2 характеризуются меньшей раздутостью тулова, выраженной горловиной и округлым или треугольным в сечении венчиком. Этот тип также

подразделяется на подтипы и разновидности. Тип 2 составляет 61,5% форм данного вида и резко преобладает в материалах этапов II и III (соответственно 71 и 90,2% сосудов данного вида). Отдельные экземпляры сосудов типа 2 зафиксированы и на этапе I, в материалах верхних слоев (табл. 11, 2, 5—7, 16, 19, 20).

Если сосуды типа 1 находят множество прямых аналогий в слоях VI—IV вв. до н. э. памятников южной Туркмении [Марущенко А. А., 1959б. Табл. XXVIII, 1—6; Пилипко В. Н., 1975. Рис. 35, 3; 1984. Рис. 4, 1], в слоях Афрасиаба IA — Б, II и Согда [Кабанов С. К., 1969. Рис. 3, 25; 13, 17, 18; 1981. Рис. 19, 1—3; 22, 5—7; Тереножкин А. И., 1950. Рис. 69, III, 9; Шишкина Г. В., 1969. Рис. 7, 83—85, 93, 146, 154; 1974. Рис. 8—10], то сосуды типа 2 таких не имеют. Поэтому можно думать, что форма сосудов типа 2 могла развиться и на месте. Однако не исключено, что она ведет происхождение от сосудов, известных в материалах памятников южной Туркмении доахеменидского и ахеменидского времени [Массон В. М., 1959. Табл. XXXIX, 4].

Основная масса сосудов рассмотренного вида лишена орнамента. Лишь незначительная их часть украшена валиком с насечками, опоясывающим сосуд ниже венчика, насечками по венчику или пальцевыми вдавлениями по наружной стороне венчика (табл. 11, 11—13, 15, 17). Последние обнаружены на сосудах, характерных для этапа II и имеющих аналогии в материалах Бухарского Согда, в памятниках ранней фазы актепинского этапа, синхронного стадии Афрасиаб II [Ураков Б., 1982. С. 5].

Очень небольшую группу (2,8%) гончарной керамики составляют невысокие приземистые красноангобированные горшки с характерной плавной усеченнобиконической формой тулова (табл. 12, 19—21). По форме верхней части и венчику этот вид делится на два типа. Тип 1 представлен горшками без горловины, с утолщенным чуть выступающим наружу венчиком с плоским бережком, горизонтальным валиком, опоясывающим сосуд на 2 см ниже венчика (табл. 12, 21). 70% горшков этого типа найдены в материалах этапа I, остальные 30% — этапа II. Близкие этим горшкам формы отмечены в материалах Согда, в слоях Афрасиаба I и II [Шишкина Г. В., 1969. Рис. 3, 10; 7, 145]. Горшки типа 2 имеют выраженную горловину, отогнутый наружу простой край либо небольшой округлый или треугольный в сечении венчик. Часть горшков типа 2 снабжена горизонтальным валиком под горлом. Горшки обнаружены в слоях всех этапов, начиная с самых ранних.

Около 1% гончарной керамики составляют толстостенные котлообразные сосуды, с крупным Т-образным венчиком, подобным венчикам хумов типа 1 (табл. 11, 24). Обнаружены они в материалах этапа III. Аналогичные сосуды известны в керамическом комплексе Елькендепе в южной Туркмении [Марущенко А. А., 1959б. Табл. XXIX, 9] и в Согде [Кабанов С. К., 1981. Рис. 23, 4].

Самая распространенная форма гончарной керамики — кувшины (32%). Несмотря на значительные расхождения в размерах, 88% их составляют один тип (1) — горшкообразные кувшины без ручек, с яйцевидным туловом, выделенной горловиной и отогнутым наружу простым краем либо маленьким

округлым или треугольным в сечении венчиком. Диаметр устья равен или меньше диаметра плоского днища и в два-три раза меньше диаметра тулова (табл. 12, 1—7, 10—36, 60, 80). 22% этих кувшинов найдены в материалах этапа I; 51,5% — этапа II; 14,5% — этапа III. Хотя полных аналогий таким кувшинам в южных среднеазиатских районах пока нет, по отделке и общему облику (прежде всего верхней части) их можно сравнить с сосудами, известными из материалов парфянских, бактрийских, согдийских и хорезмийских памятников IV—II вв. до н. э. [Мандельштам А. М., 1966а. Табл. XIX, 2; Пилипко В. Н., 1975. Рис. 35, 2; Кабанов С. К., 1981. Рис. 21, 17; Воробьева М. Г., 1967. Табл. II, 46].

Кувшины типа 2 характеризуются прямым высоким горлом, отделенным от тулова уступом или валиком, иногда с рифлением на горле. Часть из них имеет петлеобразную ручку, верхний конец которой прикреплен к горлу или к округло треугольному в сечении венчику (табл. 12, 8, 9). Основная масса этих кувшинов ремесленного производства, горнового обжига изготовлена тщательной ручной лепкой без применения гончарного круга. Они покрыты густым красно-коричневым или темно-серым (до черного) ангобом и залощены. Вероятно, эти кувшиновидные сосуды, как и такие же горшкообразные, представляют собой импорт, очевидно, памятников соседней джетысарской культуры, где они типичны для керамического комплекса (см. ниже табл. 21, 6, 11, 12).

Немногочисленной серией в гончарной керамике представлены крупные красноглиняные фляги со светлым ангобом (табл. 11, 28, 29). По форме они сближаются с флягами, найденными на памятниках Парфии [Пилипко В. Н., 1975. Рис. 35] и Хорезма [Воробьева М. Г., 1959. Вклейка. Рис. 31; 32], но в отличие от хорезмийских, лишены орнамента. В чиркратской культуре фляги встречены лишь на этапах II и III.

Миски составляют 20% гончарной керамики. Это широко открытые сосуды с прямыми или слегка округлыми стенками и плоским дном, диаметр которого в два-три раза меньше диаметра края. Они покрыты красным или красно-коричневым ангобом, иногда лишь внутри. Размеры их различны. По форме венчика различается несколько типов с подтипами и вариантами (табл. 12, 45—52, 61—79).

Различные типы мисок — с простым утонченным или утолщенным краем; плоским бережком; с венчиками — профилированным снаружи; отогнутым наружу удлиненным плоским, иногда наклоненным книзу; Г- и Т-образным; сложным «клювовидным» и др.; с простым плоским дном; дисковидным и кольцевидным поддоном — все они находят полные аналогии в керамических комплексах южной Туркмении V—II вв. до н. э. [Массон В. М., 1959. Табл. XI, 1; XII, 6, 22; Марущенко А. А., 1959б. Табл. XII, 7, 8; XXXI, 1—6, 8—10; Пилипко В. Н., 1975. Рис. 35, 5, 17, 18; Усманова З. И., 1963а. Рис. 21, 11—13, 15, 17—19; 23, 40; 13, 37, 45, 49; 1963б. Рис. 30, 11; Кадурис К., Буряков Ю., 1963. Рис. 4, 13], в материалах Ай-Ханум [Schlumberger D., Bernard P., 1965. P. 606—659], в памятниках древней Бактрии [Gardin J. C., 1957. Pl. VII, 23a(1), a(2), 24b; III, 15b; IV, 15a, 17, 19b, c; 18a, b; XIII, 3; Дьяко-

нов М. М., 1953. Табл. XII, 30, 34. Рис. 20], Когда этапов Афрасиаб IБ и II [Шишкина Г. В., 1975. Рис. 3; 4; 10; Кабанов С. К., 1981. Рис. 17, 5—17; 18, 10]. Некоторые типы мисок аналогичны распространенным в Хорезме в кангюйский период [Воробьева М. Г., 1967. С. 316. Табл. III. 10—16, 26, 27]. Так называемые рыбные блюда, одна из характернейших форм согдийской керамики этапа Афрасиаб II, встречены в чирикратском керамическом комплексе конца этапа I. Практически миски всех типов зафиксированы в том или ином количестве на всех трех хронологических этапах.

Среди гончарной керамики 12% составляют глубокие красноангобированные чаши с небольшим плоским дном, простым утонченным краем, изредка выделенным венчиком, слегка округлым туловом или перегибом на его середине или на уровне верхней трети (табл. 12, 25—33). По степени округлости тулова, резкости перегиба, степени изгиба стенок верхней части чаш и направленности края можно выделить несколько подтипов и проследить их динамику. Большинство подтипов сосуществует, но замечено, что более открытые чаши со слегка отогнутым наружу краем и перегибом ниже середины тулова появляются лишь на этапе II. Чирикратские чаши находят аналогии в тех же районах и памятниках, что миски и другие формы гончарной керамики [Массон В. М., 1959; Марущенко А. А., 1959; Пилипко В. Н., 1975; Шишкина Г. В., 1969; 1975; Кабанов С. К., 1969; 1981]. Однако, в отличие от упомянутых районов Средней Азии, где встречено подавляющее большинство аналогичных чирикратским форм, в рассматриваемом гончарном комплексе отсутствуют бокалы на ножке. Пока известен лишь один бокал ручной лепки напольного обжига, серого ангоба, происходящий из мавзолея.

В другом мавзолее, относящемся к этапу III, обнаружены две фрагментированные чаши, сероангобированные и подлощенные, изготовленные тщательной ручной лепкой. Тулово полушарной формы завершается слегка отогнутым наружу, маленьким, округлым в сечении венчиком. Подобные чаши чрезвычайно характерны для керамического комплекса соседней джетысарской культуры.

Найденные на чирикратских памятниках крышки — хорошей выделки, в основном красноглиняные, реже сероглиняные, с темно-серым ангобом, конической или округлоконической формы, с простым или профилированным венчиком — имеют аналогии в тех же материалах древней Парфии и Согда, что и остальные формы гончарных сосудов чирикратского комплекса [например: Кацурис К., Буряков Ю., 1963. Рис. 4, 4, 14, 22].

Сравнение гончарной керамики чирикратской культуры с материалами других среднеазиатских районов выявляет необычайную близость ее особенно с древнепарфянской и согдийской. Некоторые чирикратские формы сосудов находят аналогии и прототипы в слоях южнотуркменских памятников более раннего времени, чем согдийские с подобной керамикой.

Сходство чирикратской и согдийской керамики разрешает предположить общность ее происхождения и вероятность существования единого «центра», находившегося в позднеахеменидский период, воз-

можно, на территории Парфии или Бактрии и давшего чрезвычайно близкий керамический комплекс обоим районам. Однако уже со второй четверти IV в. до н. э. развитие керамических комплексов в каждом из этих районов шло своими путями. Несмотря на относительно короткий период существования чирикратской культуры, в керамике ее все-таки можно отметить важные изменения. Так, например, в ее комплексе происходит иная, чем в Согде, динамика развития хумов с Т-образным венчиком (кстати, в Хорезме их вообще не было), которые вскоре вытесняются хумами и хумчами другого типа, не имеющего аналогов в южных районах.

Отсутствие в чирикратской керамике кубков на ножке объясняется, вероятно, появлением их в Согде позже первой трети IV в. до н. э. Находки сосудов типа «рыбных блюд» уже на этапе I существования чирикратской культуры, возможно, свидетельствуют о более раннем, чем III в. до н. э., появлении их в афрасиабском материале.

Вполне вероятно, что гончарная ремесленная керамика появилась в жаныдарьинских районах не без участия согдийских мастеров.

Среди чирикратской керамики незначительно число лощеных сосудов. Лишь на поздних памятниках, вроде Сенгиркала, распространяется зеркальное лощение, характер которого свидетельствует о контактах с хорезмийскими мастерами.

В отличие от материалов из нижних слоев городища Афрасиаб в Согде и верхнего слоя Елькендепе в Парфии, в которых находят аналогии чирикратская гончарная керамика, в последней отсутствуют баночные формы с подкосом в нижней части сосуда, характеризующие так называемый ахеменидский комплекс посуды. Этот момент представляется весьма существенным, потому что и Афрасиаб, и Елькендепе — крупные археологические памятники со сложной стратиграфией, где выделить хронологически «чистые» слои, несомненно, более трудно, чем на однослойных или относительно простых по стратиграфии чирикратских. Исчезновение баночных форм с подкосом служит, вероятно, хронологическим индикатором. В то время, когда складывалась чирикратская культура, куда вошел практически весь набор гончарных форм из южных районов Средней Азии (Согд и Парфия во всяком случае; для Бактрии мы не имеем синхронных материалов), баночные формы с подкосом уже вышли или выходили из употребления. Но поскольку есть основания связывать сложение чирикратской культуры с последним этапом существования Ахеменидской державы, можно думать, что именно в IV в. до н. э. произошла полная смена керамических форм на юге Средней Азии. Возможно, это связано с какой-то реорганизацией сатрапий и изменением их культурной и экономической ориентации. Хотя Хорезм входил в ареал, где бытовали в ахеменидское время баночные формы керамики с подкосом, с IV в. до н. э. они исчезают там полностью, и на смену им приходит яркая и индивидуальная в Средней Азии керамика кангюйской культуры. Видимо, процесс смены керамического комплекса и в Хорезме, и на юге Средней Азии происходил синхронно⁵.

⁵ Среди неопубликованных материалов из раскопок В. Н. Пилипко на территории северной Парфии (к востоку от Аш-

Если происхождение чирикратской гончарной керамики можно связать с южными районами Средней Азии, то дальнейшее ее развитие происходило в иной исторической обстановке, когда культурные связи с югом значительно ослабели. Одновременно активизировались связи с Хорезмом, что фиксируется на этапе III культуры в отдельных заимствованиях, например, приемов обработки керамики лощением. Вероятно, тем же объясняется и наличие с конца этапа I и особенно на этапе II чирикратской культуры значительного числа форм, характерных для соседней джетысарской культуры. Последнее свидетельствует не только о связях, но и о синхронности существования чирикратского и джетысарского комплексов.

Остатки производственной деятельности и орудия труда. Следы развития местного гончарного ремесленного производства обнаружены неоднократно. В 6 км к юго-востоку от Бабиш-Муллы 1 на поселении найдены развалины гончарных обжигательных печей. Они открыты также в слое между двумя строительными горизонтами «Большого дома» Бабиш-Муллы 1.

Повсеместно на поселениях встречаются следы обработки кварцита, из которого изготовлялись зернотерки, каменные ядра, терочки. По мнению С. П. Толстова [1962б. С. 156, 157. Рис. 87], часть кварцитовых сколов использовалась в качестве простейших домашних орудий. Большое количество кварцита на поселениях он считал отличительной чертой чирикратской культуры. Следы бронзолитейного производства обнаружены на Бабиш-Мулле 1.

С изготовлением и обжигом грубых лепных статуэток и шариков (типа головок к статуэткам; табл. 13, 35, 36) связаны два производственных комплекса — на поселении к северу от Бабиш-Муллы (точка 254) и на пристройке этого же памятника.

Из орудий труда, кроме зернотерок и оселков (табл. 13, 33), изредка встречаются фрагменты железных ножей с прямой и дуговидной спинкой и выделенным черенком. Иногда ножи имеют костяные резные рукояти (табл. 13, 16, 17; 14, 15). На памятнике Баланды 2 засвидетельствована необычная для этих мест находка — костяное веретено греческого типа (табл. 13, 1). Это полая костяная резная трубка, внутри которой находился граненый железный стержень. Концы его выходили за пределы трубки и могли снабжаться дополнительными костяными деталями, фрагменты которых найдены рядом. Подобные веретена известны в скифских памятниках IV—III вв. до н. э. [Яковенко Э. В., 1973; Мелюкова А. И., 1975. С. 172].

Оружие и конское снаряжение. Оружие представлено ограниченным количеством предметов, так как в рядовых мавзолеях его практически нет, а богатые — разграблены. Наиболее массовой категорией находок этой группы являются наконечники стрел (табл. 9, 2—58). Все они принадлежат к типам, характерным для сарматских памятников IV—III вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961; Мошкова М. Г., 1963]. Пре-

хабада) есть керамический комплекс усадьбы, наиболее близкий жаныдарынского материала. Баночные формы с подкосом там тоже отсутствуют. В. Н. Пилишко датирует этот памятник IV—III вв. до н. э.

обладают трехлопастные и трехгранные стрелы с выступающей и скрытой втулкой. Найденный в слое Бабиш-Муллы 1 экземпляр двулопастного листовидного наконечника (табл. 9, 3) вряд ли может служить основанием для «удревнения» всего набора бабиш-муллинских стрел, укладываемого в рамки IV—II вв. до н. э. Железные наконечники стрел единичны (табл. 9, 11, 47, 48). Отсутствие археологически «закрытых» комплексов не позволяет надежно сузить датировки. Особый интерес представляет костяной наконечник из Бабиш-Муллы 1, имитирующий втульчатый бронзовый (табл. 9, 10).

Единственный меч, найденный в кургане на городище Чирик-Рабат (табл. 9, 1), по аналогиям из Приуралья, Западного Казахстана и других районов [Граков Б. Н., 1928, Рис. 1; Синицын И. В., 1952. Рис. 27; Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 22, 40; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 18, 3] датирован рубежом V—IV вв. до н. э.

Плохой сохранности и неясной формы кинжал обнаружен вместе с фрагментами пластинчатого железного доспеха (табл. 9, 59, 60) в круглом погребальном здании на Чирик-Рабате [Толстов С. П., 1962б. С. 148—150; Трудновская С. А., 1963]. Кинжал найден также в погребении Баланды 4.

Из предметов конского снаряжения встречены лишь один целый двудырчатый роговой псалий и один фрагментированный (Бабиш-Мулла 1; табл. 9, 61, 62).

Украшения. Наиболее полно комплекс украшений представлен в погребальных сооружениях, особенно в мавзолеях Бабиш-Муллы 2, Чирик 2, Асар, круглом и квадратном мавзолеях Чирик-Рабата. Здесь были найдены золотые, серебряные и бронзовые бляшки, серьги, подвески, перстни, пронизи, колокольчики, каменные скарабеоиды и халцедоновая ахеменидская печать (табл. 14). Особенно разнообразен и многочислен набор всевозможных бус: из стекла (крупные синие бусы с белыми глазками; такие же, обведенные красными ободками; мелкий синий бисер; подвески; табл. 14, 75), бусы из стекла с внутренней позолотой, золота (массивные бусы с зернью; табл. 14, 11, 12, 35), кости (бусины и подвески-пронизи цилиндрической и усеченноконической формы; табл. 14, 40, 42, 47), камня (яшма, гагат, сердолик, янтарь, ляпис-лазурь, халцедон, черный камень с белым орнаментом).

Многие украшения, в том числе и бусы, имеют достаточно близкие аналогии в инвентаре раннесарматских (прохоровских) погребений Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 29, 1—4; 30, 16, 23, 26; 31, 12, 16; 32, 10—12 и др.]. Костяные подвески-пронизи почти тождественны находкам Актамского могильника в Фергане [Горбунова Н. Г., 1962. Рис. 3, 41]. Бабишмуллинские серьги со вставками (табл. 14, 32) очень близки экземплярам, обнаруженным в одном из ранних погребений Тулхарского могильника [Мандельштам А. М., 1966а. Табл. I; IX, 6], а серьги с жемчужинками и веточками кораллов подобны семиреченским (могильник Коктул) [Акишев К. А., 1983, С. 140]. Все приведенные аналогии чирикратским украшениям укладываются в рамки IV—II—I вв. до н. э., а халцедоновая ахеменидская печать датируется V—IV вв. до н. э. [Трудновская С. А., 1963. С. 213].

Предметы туалета. Дошедшие до нас предметы туалета чирикратской культуры представлены костяными и бронзовыми туалетными ложечками, обломками деревянных точеных сосудиков типа античных пиксид (Бабиш-Мулла 2, Асар; табл. 7, 5), костяными гребнями, бронзовыми зеркалами, обычно с утолщенным валиком по краю диска и боковой ручкой-штырем, реже — в виде плоских дисков с выпуклостью в центре и валиком вокруг нее (табл. 13, 13, 14). Часть из этих вещей находит аналогии в ранне-сарматских памятниках [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 11, 20, 26—28], а деревянные пиксиды близки по форме костяным северочерноморским, характерным с IV—III вв. до н. э. вплоть до рубежа нашей эры [Соколовский Н. И., 1971. Табл. XXVIII, 12].

Особый интерес представляет набор костяных орнаментированных пластин и выточенных из слоновой кости небольших наконечников и столбиков с глубокими кольцевыми пропилами, заполненными синей пастой. Все эти костяные детали украшали деревянную парадную шкатулку с усеченноконической крышечкой (Баланды 1; табл. 13, 2—8). Деревянные плоскости стенок шкатулки имели роспись (сохранились пятна алого цвета и следы позолоты) и были обложены с обеих сторон слюдой. Обнаруженные рядом со шкатулкой вещи составляли, очевидно, ее содержимое. Это были обломки золотых и серебряных ювелирных изделий, жемчужины, фрагменты маленьких стеклянных сосудов с росписью, позолотой и рельефными узорами (вероятно, сирийское производство). В близости от шкатулки найдена небольшая каменная скульптура фантастического зверя (табл. 13, 34).

Предметы культа. Грубые лепные обожженные статуэтки, несомненно, связаны с весьма арханческой местной традицией (табл. 13, 35, 36). Большинство из них схематически передает человеческое туловище с грубо выделенными конечностями, чаще всего без головы. Встречаются странно изогнутые части фигурок, но, может быть, это бракованные изделия, так как они найдены на месте их производства. Вместе с фигурками встречаются глиняные гладкие обожженные шарики. По размерам они могут соответствовать «головкам» статуэток, но все же назначение их неясно. Скорее всего это культовые предметы. Какую-то роль в культовых церемониях играли и курительницы из серого и светло-серого талька — салицитового сланца.

Несомненно, с местными верованиями связана и находка черепа собаки, раскрашенного пятнами красной краски (под стеной пристройки Бабиш-Муллы 1).

Для отождествления носителей чирикратской культуры с одним из известных по письменным источникам племен или народов существенное значение имеет не только географическое положение памятников этой культуры, но и ряд выводов, которые можно сделать на основании их изучения. Во-первых, преемственность чирикратского археологического комплекса по отношению к культуре саков низовьев Сырдарьи (Уйгарак, Южный Тагискен, «шлаковые» курганы и поселения), что предполагает по крайней мере значительное этническое единство населения с VII до II в. до н. э. на этой территории. Во-вторых,

включение носителей чирикратской культуры в административно-хозяйственную систему Ахеменидской империи, что нашло свое отражение в постройке сатрапской резиденции (Бабиш-Мулла 1) и распространении на этой территории достижений строительного дела и гончарного ремесла из более южных районов державы. Разгром Ахеменидов Александром Македонским имел существенные последствия и для этого региона, хотя прямо не затрагивал его. Осталась недостроенной сатрапская резиденция, очевидно, прекратился приток ремесленников из южных районов, оборвались многие культурные связи, что повлекло явное огрубление и изменение традиций в строительстве и гончарстве. В третьих, полное исчезновение памятников чирикратской культуры в низовьях Сырдарьи ко II в. до н. э. (процесс этот мог происходить и ранее, но на материале изучаемого региона мы не имеем критериев для выделения в пределах III—II вв. до н. э. более мелких хронологических периодов). Связан этот процесс с изменением гидрографической сети Сырдарьинской дельты. Вероятность такого объяснения подтверждается отсутствием здесь памятников, преемственных по отношению к чирикратской культуре.

Учитывая все это, можно с достаточным основанием предложить отождествление комплекса чирикратской культуры с даями (дахами). Они появляются на исторической арене не позже середины I тысячелетия до н. э. [Ср.: Junge J., 1939. S. 71; Струве В. В., 1968. С. 61, примеч. 76]. Имя этого иранского кочевого племени *Даху* встречается у Геродота [I, 125], его отождествляют с *dahā* Авесты [Jšt, 13, 143; Nyberg H. S., 1938. S. 249]. В качестве подданных Ахеменидской империи *dahā* упоминаются в «Антидевовской» надписи Ксеркса [XPh, 26; Herzfeld E., 1938; Струве В. В., 1968. С. 119] наряду с саками-хаумаварга и саками-тиграхауда. Последние две группы кочевых племен Средней Азии локализируются большинством исследователей на юго-востоке Средней Азии по соседству с Бактрией и Согдом: это саки-хаумаварга, или амюргийские, и к востоку от Каспийского моря — саки-тиграхауда, отождествляемые с массагетами [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158—174]. В. В. Струве отождествлял *dahā* с «саками, которые за морем» Накширустемской надписи Дария I [DNa, 28—29; Струве В. В., 1968. С. 111], и «саками за Согдом» в надписях на документах основания дворцов Дария I в Персеполе и Экбатанах [Herzfeld E., 1938. S. 19; переводы: Струве В. В., 1968. С. 58; Абаев В. И., 1980. С. 36], а также со «страной саков, достигающей предела земли», или «саками болот и долин» из надписи на Суэцком перешейке [Струве В. В., 1968. С. 113, 114; Эдаков А. В., 1976. С. 91—97] и считал их саками-массагетами.

В настоящее время в науке господствует мнение об отождествлении «саков, которые за морем» с европейскими скифами [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158]. Массагеты же по общему признанию локализируются к востоку от Каспийского моря. Открытие и исследование многочисленных памятников на Узбоне и в Закаспии делают эту локализацию весьма обоснованной и соответствующей данным Геродота, Страбона и других древних авторов о массагетах за рекой Оксом (Араксом) к востоку от Каспийского (Гирканского) моря. С. П. Толстов [1961; 1962б. С. 136] связывал

территорию чирикратской культуры на Жаныдарье с апазиаками. Согласно данным письменных источников, апазиаки локализируются в низовьях каспийского рукава Амударьи.

Б. А. Литвинский [1960; 1972б. С. 169] предложил локализовать владения «саков, которые за Согдом», на правобережье средней Сырдарьи. Подобная локализация, на наш взгляд, противоречит устойчиво сохраняемым античной традицией сведениям о том, что Яксарт был границей державы Ахеменидов [Страбон, XI, XI, 4; Солин, X, IX, 6]. Страна «саков, которые за Согдом», определяет крайние северные или северо-восточные пределы Ахеменидской державы, так как она противопоставляется южному пределу — Кушу [Herzfeld E., 1926. S. 2107; Kent R. J., 1943. P. 305]. Интересные сведения о локализации кочевых племен сохранили сподвижники Александра Македонского. Они приводятся в описаниях его похода у Арриана и Квинта Курция Руфа. Согласно Арриану [IV, 5, 3—4], на север от Согдианы простирается «равнина около скифской пустыни», что дает основание считать Кызылкумы «Скифской пустыней». Если же учесть приведенные выше данные о недостроенной, очевидно, сатрапской резиденции в низовьях Сырдарьи, то можно локализовать там и владения «саков, которые за Согдом». У Квинта Курция [VII, VII, 32; VIII, I, 8] есть дополнительные сведения: скифы — союзники Спитамена, действующие в районе Мараканды и на севере Согды, — названы дагами, которые в свою очередь являются соседями Хорезма наряду с массагетами. Территория массагетов локализуется на запад от Хорезма. Поэтому, учитывая приведенные выше данные, есть все основания поместить даев (дагов) на восток от Хорезма, в низовья Сырдарьи, что подтверждает, как нам представляется, точку зрения В. В. Струве об их тождестве с «саками, которые за Согдом» [Струве В. В., 1968. С. 58, 113, 114]. Эта локализация согласуется и со сведениями Страбона [XI, 9, 2] о том, что даи первоначально (до их переселения к границам Парфии) жили

«выше Меотиды»⁶. По Арриану, даи жили «за Танаисом» или «по Танаису», что опять же отвечает их локализации на Жаныдарье, бывшей в IV—II вв. до н. э., очевидно, главным дельтовым руслом Сырдарьи⁷. Переселение даев в Прикаспий, на границы Парфии, происходит в первой половине III в. до н. э. [Herrmann A., 1914. S. 48; Пьянков И. В., 1964. С. 124, 125]. Археологические материалы чирикратской культуры этому не противоречат, так как в III в. до н. э., после этапа II чирикратской культуры, памятники ее почти полностью исчезают на Жаныдарье, и к началу II в. до н. э. чирикратская культура заканчивает свое существование. Племена, населявшие берега Жаныдарьи, покидают свои земли в связи с изменением гидрографического режима дельты. Со II в. до н. э. основной сток в Аральское море происходит по системе более восточных и северных Пра-Кувандарьинских русел, где находилась территория племен джетысарской культуры. Можно допустить, что переселение даев к границам Парфии произошло с согласия, а может быть, даже по приглашению Селевкидов. Даи были союзниками Александра [Арриан, V, 12, 2] и принимали участие в его Индийском походе [Квинт Курций Руф, VIII, XIV, VI]. Вероятно, по традиции они сохранили союзнические отношения с Селевкидами и были поселены на северной границе Селевкидской державы для защиты от набегов других кочевых племен⁸. К тому же, это сдерживало самих даев и защищало владения Селевкидов от их вторжения [Толстов С. П., 1948б. С. 231].

⁶ Об отождествлении в данном случае Меотиды с Аральским морем см.: *Gutschmid A.*, 1888. S. 31; *Бартольд В. В.*, 1965. С. 30.

⁷ О локализации даев в этом же районе Приаралья в целом см.: *Литвинский Б. А.*, 1972б. С. 173. Там же сводка литературы.

⁸ О взаимоотношениях дахов (даев) с массагетами в Прикаспии по данным археологии см. ниже (гл. четвертая. Раздел «Кочевники северо-западной Туркмении»). Обзор литературы по этому вопросу см.: *Литвинский Б. А.*, 1972б. С. 173.

Памятники джетысарской культуры середины I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э.

Основной комплекс памятников джетысарской культуры расположен в восточном Приаралье, в бассейне наиболее северных из древних русел нижней Сырдарьи — Кувандарьи и Пра-Кувандарьи, на обширной дельтовой аллювиальной равнине, обводненной озерами, речными разливами, изрезанной многочисленными дельтовыми протоками древней Кувандарьи. Южная граница распространения джетысарских памятников проходит к северу от сухого русла Жаныдарьи (карта 1). Природные условия характеризовались здесь непрерывными изменениями гидрографических режимов дельтовых протоков. Джетысарские памятники впервые были исследованы и выделены в отдельную культуру в 1946 г. [Толстов С. П., 1947г. С. 55—107; 1948б. С. 125—140]. Она получила название по имени урочища, где сосредоточено большинство памятников.

Области низовьев Сырдарьи, восточного и северо-

восточного Приаралья известны не только как место контактов древнейших скотоводческих племен и земледельцев древних оазисов Средней Азии, но и как районы, игравшие значительную роль в этногенезе многих евразийских народов [Толстов С. П., 1947, С. 55—102; 1948б. С. 124, след.; 1950а; 1961. С. 143—145]. Обитателей джетысарских городищ С. П. Толстов соотносил с племенем тохаров [Толстов С. П., 1948б. С. 125, 137—140; 1962б. С. 186—196; 1963]. Сама тохарская проблема чрезвычайно сложна и запутана. Учитывая степень изученности джетысарской культуры, в настоящее время решить ее не представляется возможным. Многие исследователи связывают с районами восточного Приаралья еще одну из интереснейших и весьма сложных проблем — кангюскую [Кляшторный С. Г., 1964. С. 166—179]. Представляется, что независимо от локализации центра Кангюя, районы распространения джетысарской

культуры входили в это государственное объединение [Левина Л. М., 1971. С. 7; Андрианов Б. В., Левина Л. М. 1979. С. 96].

Общее историко-географическое изучение области, где распространены памятники джетыасарской культуры, началось лишь в XIX в. [Макшеев А. И., 1856. С. 516; Лерх П. И. 1868. С. XXII—XXXI]. Упоминания о джетыасарских городищах находим в относящихся к рубежу нашего века сообщениях членов Туркестанского кружка любителей археологии [Смирнов Е. Т., 1897. С. 11, 12; Симонов А. И., 1900; Руднев Н., 1900]. Но первые научные исследования джетыасарских памятников были осуществлены С. П. Толстовым лишь в 1946 г., а в 1948 г. он дал описание джетыасарской культуры с систематизацией ее материалов [Толстов С. П., 1948б. С. 125—140]. Так начались планомерные раскопки и разведки джетыасарских памятников: Джеты-асар 3 (Алтын-асар), Джеты-асар 9 [Толстов С. П., 1949. С. 246—254; 1950б. С. 521—531; 1952; 1954; 1958б; разведки: Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. С. 31; Андрианов Б. В., 1969. С. 13, 14; Левина Л. М., 1971. С. 19]. С 1973 г. Хорезмская экспедиция возобновила систематические исследования джетыасарских городищ и погребений вблизи них [Левина Л. М., 1974; 1975; 1977; 1979а; 1980; 1981а; 1983; 1986; Яблонский Л. Т., 1983а]. Эти работы позволили уточнить первоначальную периодизацию, предложенную С. П. Толстовым, и внести в нее некоторые коррективы. Удалось выделить не менее трех крупных этапов в развитии джетыасарской культуры и определить верхнюю границу ее существования в рассматриваемом районе — до IX в. [Левина Л. М., 1967. С. 6; 1971. С. 10—86, 241]. В данном разделе речь пойдет лишь о памятниках первого этапа — Джеты-асар I.

Два последних этапа джетыасарской культуры (IV—VI и VII — конец VIII — начало IX в.) четко отличаются как от этапа I, так и друг от друга по материальной культуре, планировке городищ и их фортификации. Гораздо сложнее обстоит дело с памятниками этапа I, охватывавшими большой хронологический период и очень однородными по внешнему виду и материальной культуре (табл. 15, 1—10). Остается неуточненной начальная дата джетыасарской культуры. Крайне затруднено также деление памятников этапа I на более дробные хронологические периоды не только из-за внешнего однообразия, недостаточной изученности культуры, но и потому, что даже на самых маленьких джетыасарских городищах культурные наслоения составляют многометровые толщи. Все это делает попытки хронологического деления внутри этапа I, как и определение начальной даты, предварительными. Основываясь на стратиграфии нескольких памятников, мы попытались разделить этап Джеты-асар I на три хронологических периода: Ia, Ib, Iv. Первый из этих периодов, вероятно условно, можно датировать временем в пределах с середины до конца I тысячелетия до н. э.; второй — последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры; третий — возможно, II—IV вв. Но это деление носит гипотетичный характер.

С. П. Толстов возводил истоки джетыасарской культуры к началу железного века и отмечал ана-

логии между керамикой кизилкобинской культуры Крыма и джетыасарской [Толстов С. П., 1952. С. 23, 24]. Раскопки могильника Северный Тагискен выявили новые материалы, которые дают основания относить истоки джетыасарской культуры к концу эпохи бронзы.

ФОРТИФИКАЦИЯ, СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА. В восточном Приаралье, к югу от современного русла Сырдарьи, известно 47 городищ джетыасарской культуры. Все они многослойные и хорошо укреплены. Многолетние разведывательные работы не выявили здесь неукрепленных поселений.

Все городища расположены в непосредственной близости от русел и окружены курганными полями. Судя по подъемному материалу и рекогносцировочным раскопкам, более $\frac{2}{3}$ ныне известных городищ могут быть отнесены к этапу Джеты-асар I (табл. 15).

Обычно пять-шесть небольших городищ, тяготеющих к одному протоку или участку русла и находящихся на расстоянии 2—8 км друг от друга, составляют группу, в которой одно городище выделяется своими размерами. Расстояния между городищами и между отдельными группами городищ позволяли передавать световые сигналы в случае опасности по всему урочищу.

Если на более поздних этапах культуры можно выделить несколько типов планировки городищ, то на этапе I планировка их удивительно однообразна.

Все джетыасарские городища этого времени представляют собой двухъярусное тобе округлой или овальной в плане формы, высотой 8—20 м над уровнем современной поверхности и площадью 0,5—10 га.

Ядро каждого городища, его верхняя площадка, составляет многослойный дом-массив с мощной и сложной фортификационной системой. Обычно верхняя площадка с трех сторон (реже — со всех сторон) окружена второй, более низкой площадкой, тоже обнесенной крепостной стеной. Степень исследованности городищ не дает возможности относительно полно представить первоначальный облик нижней площадки, но некоторые косвенные данные позволяют говорить о том, что в период Джеты-асар Ia на нижней площадке существовали значительные по размерам каркасные строения и, возможно, загоны для скота. Позднее, в периоды Ib и Iv, нижняя площадка, как и верхняя, была плотно застроена жилыми секциями. Вместе они составляли увеличенный по площади единый дом-массив. Лишь два городища имели и третью часть, пристроенную с севера и также огражденную мощными стенами. Исследования их наводят на мысль, что подобная пристройка могла быть сооружена в период Ib. Как показали раскопки на одном из таких городищ (Джеты-асар 2), в центре пристроенной третьей части первоначально был искусственный водоем, и лишь позднее его территория, подобно двум первым частям, была сплошь застроена жилыми секциями.

Все постройки возведены из блоков битой глины-пахсы неустойчившегося стандарта и прямоугольных в плане сырцовых кирпичей большого формата.

Фортификационные сооружения периода Ia выполнены из паховых блоков, иногда в сочетании с кирпичной кладкой. Зафиксированы случаи, когда тонкие ряды пахсы, чередовавшиеся с рядами сырцовых кирпичей (50 × 30 × 9 и 60 × 30 × 9 см), были нарезаны

таким образом, что создавалось впечатление каменной кладки. Помещения этого периода большей частью имели сводчатые перекрытия. Своды сооружены из крупных трапециевидных в плане сырцовых кирпичей (45—50×23—25×25—30 см), положенных без наклона или же с незначительным наклоном и перевязкой колец. Помещения сообщались перекрытыми арками-проходами, углы которых были оформлены специальными лекальными кирпичами. Крупные помещения, дворы и, вероятно, постройки второй площадки имели плоские перекрытия. Деревянные столбы поддерживали кровлю. Дерево употреблялось и в дверных конструкциях.

В период Ib крепостные сооружения, как и платформы под ними, возведены только из рядов сырцовых кирпичей более мелкого формата (40—42×26—30×9—10 см). Сводчатые перекрытия башен сделаны из таких же крупных, как и в период Ia, трапециевидных кирпичей с небольшим наклоном колец. В отличие от более ранних, длинные стены башен и стрелковых коридоров сооружены таким образом, что каждый вышележащий ряд кирпичей стены слегка выступает вперед и помещение плавно сужается кверху до уровня пяти свода. Своды всех отсеков стрелкового коридора на городище Джеты-асар 12 — высокого подъема, возведены из сырцовых трапециевидных кирпичей того же формата, что и своды башен, но имеют гораздо больший наклон колец, сделаны чрезвычайно небрежно и без перевязки рядов колец.

Стены жилых помещений периодов Ib и Iv также построены из сырцового прямоугольного в плане кирпича (40×25; 40×30; позднее 40—42×26—30 см). Толщина стен такова, что речь может идти лишь о плоских перекрытиях. Лежанки (суфы), очаги, камини сооружены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей или их обломков, а затем обмазаны глиняным раствором. При возведении суф ряд положенных на ребро кирпичей ставился лишь по краям лежанки, внутренность ее заполнялась комками глины, обломками кирпичей, различным мусором и поверху также обмазывалась глиной. В мелких перегородках в качестве каркаса применялось дерево. В конструкциях дверных проемов, помимо деревянных планок, в качестве дверного подпятника обычно использовалась суставная кость животного. Стены, полы помещений, очаги, суфы тщательно обмазывались глиной. При различных перестройках внутри жилой секции и в разделяющих их коридорах нижележащие планировки частично разрушались и плотно забивались кирпичным бутом. Гораздо реже в качестве нивелирующей подбитовки употреблялись кирпичные выкладки. В период Iv применялись закладки и выкладки из сырцового кирпича, квадратного в плане, иного формата (около 40×40 см).

Джетыасарская строительная техника, несмотря на внешне архаический облик, достигла высокого уровня, о чем свидетельствует хотя бы своеобразная конструкция сводов.

В слоях периодов Ib и Iv прослеживаются ухудшение качества строительства и явный упадок строительной техники, хотя прежние традиции сохраняются.

Все джетыасарские городища имели мощную оборонительную систему, при которой каждая площадка

внутри городища была ограждена своими крепостными стенами. Раскопки позволили выявить динамику развития фортификационных сооружений на двух городищах — Джеты-асар 2 (Бедаик-асар) и Джеты-асар 12 (Томпак-асар). В последнем случае (речь идет о самом маленьком городище урочища) ядро — верхняя площадка городища овальной формы — первоначально было очень небольшим (примерно 25×50 м) и по периметру защищалось возведенной непосредственно на материке крепостной стеной. Стена эта имела ряд бойниц, расположенных на такой высоте от пола стрелкового коридора, которая предполагала стрельбу лишь в положении стоя или с использованием специальных деревянных помостов. Входной комплекс в период Ia находился на северной оконечности городища Джеты-асар 12 (табл. 16, 6).

После перерыва жизни на памятнике, вероятно, в период Ib, к первоначальной крепостной стене снаружи пристроили выступающие башни, в плане прямоугольные с закругленными углами, две из которых фланкировали вход в крепость с западной ее стороны. Все башни были поставлены на пахово-кирпичный цоколь, перекрыты сводами и снабжены бойницами (табл. 16, 3, 4).

Позднее, но, очевидно, в тот же период Ib, между выступающими башнями вдоль первоначальной крепостной стены была встроена сводчатая стрелковая галерея, возведенная отдельными глухими отсеками на кирпичной платформе, высота которой почти на 1 м превышала высоту цоколя западных башен. Стенами галереи была закрыта часть боковых бойниц башен. Спустя определенное время, было построено следующее кольцо стрелкового коридора, такого же узкого, также перекрытого сводами и поставленного на еще более высокую кирпичную платформу глухими отсеками. Затем была возведена еще одна оборонительная система со стрелковыми коридорами, пристроенная снаружи и целиком поглотившая более ранние башни. Позднее были выстроены новые, овальные в плане башни, частично на забутованных ранних фортификационных сооружениях, а частично — за внешними их пределами, путем многократной пристройки извне к крепостным стенам. Так, на городище Джеты-асар 12 удалось проследить до девяти крупных перестроек фортификационной системы крепости, совершенных по описанному принципу (табл. 16, 1—5).

Не меньшее число раз подвергались кардинальной перестройке и оборонительные сооружения соседнего городища Джеты-асар 2. Первоначально овальное в плане ядро крепости, также небольшое (примерно 45×50 м), по периметру было защищено мощными стенами, возведенными непосредственно на материке из паховых блоков и сырцовых кирпичей (60×30 и 50×30 см). Крепостные стены были снабжены тремя или двумя рядами бойниц, расположенных в шахматном порядке, но нерегулярно. Внутри крепости в два этажа размещались узкие сводчатые помещения (табл. 15, 11). Позднее к крепостным стенам снаружи были пристроены башни и стрелковые галереи на высоком цоколе, к последним — снова башни, но уже на более высокой платформе, а к этим башням приставлены новые крепостные стены и т. д. Фортификационные сооружения на городище Джеты-асар 2

неоднократно капитально перестраивались, при этом некоторые крепостные сооружения полностью закладывались и использовались лишь в качестве фундамента, другие — функционировали и дальше, к третьим пристраивались снаружи новые стрелковые коридоры.

Все крепостные стены исследованных городищ (за исключением некоторых башен Джеты-асар 12) имели однотипные бойницы примитивной прямоугольной формы, высотой на входе — 40 см, на выходе — 110—140 см, шириной 15—20 см, с небольшой площадочкой у внутреннего края и значительным уклоном снаружи. Подобные бойницы известны и на архаических городищах типа Кюзелигыр [Толстов С. П., 1958а. С. 144. Рис. 54; 55], и на многих раннесредневековых среднеазиатских крепостях. Лишь в выносных башнях городища Джеты-асар 12 встречен иной тип бойниц — трапециевидной формы с закругленным узким верхом и широким основанием.

Что представляли собой в период Ia оборонительные сооружения изначального входного комплекса рассматриваемых городищ, восстановить сейчас трудно. Однако можно говорить, что в крепостных стенах на высоте 3,5—5 м и более существовали лазы, явно предусматривающие приставные лестницы, и системы лодушек с использованием ложных бойниц.

Вероятно, в период Ib на городище Джеты-асар 12 входной комплекс защищался двумя фланкирующими башнями.

ЖИЛИЩЕ. Как было сказано, джетыасарские городища представляют собой крепости со сплошной внутренней застройкой. Но степень изученности этих городищ не дает пока достаточно четкого представления об их первоначальной планировке в период Ia. Однако последние раскопки джетыасарских памятников рассматриваемого этапа позволяют говорить о двух типах самой ранней внутренней планировки городищ, правда, существовавших, вероятно, неодновременно. Так, известно, что на верхней площадке городища Джеты-асар 2 внутри первоначальной крепости были ряды длинных узких сводчатых помещений, частью в два этажа, сообщавшихся друг с другом арочными проходами. А на городище Джеты-асар 12, очевидно, в том же периоде Ia, но чуть позже, имелась планировка в виде системы параллельных и перпендикулярных оборонительным галереям жилых коридоров, больших квадратных в плане помещений и дворов (табл. 16, 6). Все они были возведены на пахсово-кирпичной платформе, построенной строго с учетом будущей планировки. Судя по характеру кирпичных стен и внутреннему заполнению, жилые помещения имели сводчатые перекрытия, а во дворе вдоль стен были сооружены деревянные навесы. Вторая же низкая площадка обоих упомянутых городищ, вероятно, была частично застроена крупными помещениями с плоскими перекрытиями типа сараев и дворов.

Из-за отсутствия больших раскопанных площадей пока невозможно проследить динамику развития жилой планировки внутри первоначального ядра на безусловно ранних памятниках, подобных городищу Джеты-асар 2. К тому же, очевидно, существовал и переходный период, когда часть ранних помещений продолжала бытовать, а часть была забутована и использована в качестве фундамента для помещений

иной планировки — с высокими и узкими суфами по периметру стен, с двухкамерными очагами и каминами.

Вероятно, к периоду Ib относится появление совершенно иной внутренней планировки, которая без значительных изменений существовала и в период Iv, а возможно, и позднее. Эта планировка хорошо прослежена на раскопанном широкими площадями городище Джеты-асар 12. Здесь, на разрушенных до определенного уровня и плотно забутованных помещениях ранней планировки, было построено множество однотипных жилых секций. Вся внутренняя территория высокой площадки городища оказалась разделенной на две половины меридионально расположенным узким коридором. Более дробное деление создавалось отходящими от него под прямым углом несколькими короткими боковыми коридорами, в свою очередь связанными неширокими проходами с одной или несколькими жилыми секциями. Секции состояли из двух-трех функционально различных помещений (табл. 16, 3—5). Интерьер основного жилого помещения — с низкими широкими суфами вдоль двух (реже — трех) стен и центральным открытым очагом — чрезвычайно характерен для всех последующих слоев периодов Ib и Iv (табл. 17). Такая же секционная планировка с типовым интерьером основного жилого помещения отмечается и для внутренней застройки второй низкой площадки в периоды Ib и Iv. Но расположение самих секций в этих случаях диктуется конфигурацией внутренних и внешних крепостных стен (радиально или по периметру).

Почти каждая секция была соединена с каким-либо одним отсеком стрелкового коридора, используемого в мирное время, очевидно, в качестве дополнительного жилого или хозяйственного помещения. После возведения второго и третьего колец стрелковых коридоров функции жилого и хозяйственного помещения для отсеков более ранних стрелковых коридоров оставались единственными (табл. 16, 3—5; 17, 1—3).

На всем протяжении дальнейшей жизни на городище, в периоды Ib и Iv, жилые секции внутри многократно перестраивались, менялись число и расположение помещений, их размеры и конфигурация, но основная площадь каждой секции оставалась неизменной. Капитальные перестройки внутри одной секции обычно не совпадали по уровням и количеству с соседними. Вероятно, уже в период Iv помещения внутри многих секций часто располагались на разных уровнях и сообщались друг с другом узкими лестничными проходами (табл. 17, 1—5, 7, 11).

Основные или главные жилые помещения в каждой секции — всегда самые большие по площади — имели в центре открытый очаг, обычно овальный или прямоугольный в плане, с закругленными углами, углубленный ниже уровня пола, с глиняными бортиками, часто соединенными маленькими дугообразными краями суф, расположенных вдоль стены по обе стороны прохода. Вместе с такими же маленькими валиками, отделяющими торцовые части суф от прохода в помещении, очаговые валики отделяли предвходное пространство, получившее название «лоткового входа». В местах соединения этих валиков с бортиками очагов помещались два симметрично

расположенных «рогатых» кирпича усеченноконической формы, или «очажные подставки» (табл. 17, 2—15). Низкие и широкие суфы чаще всего строились вдоль двух противоположных стен и в центральной части перерезались проходами. От проходов площадь суфы отделялась невысокой загородкой, изготовленной или из поставленных на длинное ребро сырцовых кирпичей, дополнительно обмазанных глиной, или на каркасе из дерева и прутьев, также обмазанных глиной. Иногда на суфе (ширина обычно 1—1,3 м, высота 10—20 см) помещался пристенный очаг-камин с отражателем из поставленного на ребро кирпича. В основных жилых помещениях встречались подставки для зернотерок в виде своеобразных спиралевидных в плане глиняных конструкций, которые, как и специальные сырцовые сосуды (зернохранилища), неоднократно отмечены в интерьере основного жилого помещения каждой секции.

Существовала иная планировка основного жилого помещения секции, зафиксированная примерно на трети раскопанных секций городища Джеты-асар 12. При этом варианте внутренней планировки основного жилого помещения проход в него располагался не в центре одной из стен, а в углу (так называемый скользящий проход). Предвходное пространство, своеобразный тамбур, отделялся от остальной площади помещения высокой (1,5 м и более) узкой кирпичной стеночкой (длина 1,5—2 м). Вдоль трех стен помещения тянулась П-образная суфа, более узкая и высокая, чем суфы в помещениях с первой планировкой. В центре помещения располагался углубленный ниже уровня пола открытый очаг, круглый в плане, с высокими бортиками и пристроенной трапециевидной в плане площадочкой, на которой поставлены две «очажные подставки» усеченноконической формы (табл. 17, 7, 8, 11, 12).

При неоднократных перестройках внутри основного жилого помещения секций в первую очередь обычно менялись местоположение и размеры суфы. Что же касается центрального очага, то даже при капитальных перепланировках изменялась лишь ориентировка его длинной оси, но центр оставался неизменным.

Помимо основного жилого помещения, в каждой секции были и одно-два подсобных, возможно, также жилых, но совмещавших и хозяйственные функции. Внутреннее пространство этих помещений, как правило, было занято несколькими пристенными очагами, хозяйственными ямами, выгородками-хранилищами. Часто в качестве емкости для хранения (обычно зерна) использовались большие толстостенные сосуды из необожженной глины, овальные или круглые в плане. Эти сырцовые сосуды характерны для джетыасарской культуры и встречены на всех ранних памятниках во всех строительных горизонтах и периодах. Иногда в подсобных хозяйственно-жилых помещениях были и невысокие лежанки-суфы, на которых часто находились одно- или двухкамерные очаги. Размеры площадей, занимаемых разными секциями, варьируют в незначительных пределах.

Исследование секционной планировки слоев периодов Ib и Iv при уже отмеченном ее однообразии позволяет говорить и об относительном имущественном равенстве населения этих маленьких крепостей. Незначительные различия в деталях суф, очагов и т. д.

носят скорее хронологический характер, но окончательное выяснение этого вопроса — дело будущего. Однако уже теперь ясно, что в течение всего времени существования типовой секционной планировки одна из жилых секций, не разделенная на отдельные отсеки, служила культовым или общественным помещением. В середине такого относительно крупного помещения находился глубокий очаг, вокруг которого располагалась часто круглая в плане суфа, занимавшая большую часть помещения. По форме очаг аналогичен очагам в основных жилых помещениях второго варианта планировки (табл. 17, 15). Подобные общественные или культовые помещения вначале располагались у северного конца центрального меридионального коридора городища Джеты-асар 12, непосредственно перед входом в северную башню городища. Позднее на месте этого помещения находилась обычная жилая секция, а аналогичное общественное или культовое помещение было сооружено рядом с восточной башней и соединено с ней. Через значительный промежуток времени на месте и этого помещения была построена обычная жилая секция, а перед входом в северную башню вновь возведено общественное или культовое помещение.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД.
Вокруг каждого джетыасарского городища располагается могильник, насчитывающий сотни и тысячи погребальных сооружений, которые представлены двумя видами — подкурганными грунтовыми захоронениями и склепами (табл. 18).

Курганные насыпи практически не сохранились и выявляются на современной поверхности в виде цветных пятен или концентрации растительности во рвах, окаймлявших курганы. Диаметры рвов варьируют в пределах 8—20 м. В южной их половине имелась перемычка (ширина 1,2—2 м). Под каждой насыпью находилась обычно одна могила, но неоднократно отмечены случаи с двумя или более грунтовыми захоронениями (табл. 18, 9—24). Могильные ямы ориентированы длинной осью по линии север—юг. В подавляющем большинстве случаев в восточной стене могильной ямы были небольшие ниши, где устанавливалась часть сосудов и лежали кости животных (баранов или коров). В нескольких могильных ямах по периметру были выкопаны небольшие и неглубокие ровики (табл. 18, 19, 20). Простые могильные ямы без ниш и ровиков единичны (табл. 18, 18). Тело погребенного, завернутое в камышовую циновку, клали на подстилку из коры или переплетенного камыша в вытянутом положении на спине, головой на север. Погребальный инвентарь составляют один — три сосуда, при этом обязательны «кухонный» горшок, кувшин, кружка или чаша. Часть сосудов находилась в нише, часть — в ногах погребенного. Но отмечены случаи, когда сосуды (обычно горшки или кувшины) были поставлены около головы покойного. В погребение воина, помимо ножа и кинжала, нередко клали сложный лук с костяными концевыми и средними накладками и стрелы. В женских погребениях часто встречаются бронзовые зеркала, брусочки мела, речные раковины, серьги, бусы, браслеты.

Вторую группу джетыасарских погребальных сооружений составляют склепы, которые подразделяются на два типа — подземные и наземные. Склепы

обоих типов сооружены из прямоугольного в плане сырцового кирпича и перекрыты кирпичными сводами.

Подземные склепы (табл. 18, 1—4, 6—8) представляют собой кирпичную камеру, встроенную в специально вырытый котлован. Прямоугольная (в среднем $5,5 \times 4$ м) или квадратная (5×5 м) в плане камера углублена в землю более чем на $\frac{3}{4}$ высоты (т. е. не менее чем на 1,6 м от уровня современной поверхности) и перекрыта поверх кирпичного свода земляной насыпью. В нескольких случаях удалось проследить идущую над стенами и частично над сводом камеры выкладку из двух горизонтально положенных рядов кирпичей, перекрытых земляной насыпью. Внешние края выкладки отстояли на 3,5—4,5 м от линии стен камеры. Внутренняя часть камеры в плане прямоугольна (в среднем $3,6 \times 2$ м), вдоль двух или трех ее стен располагались суфы-лежанки. С южной стороны в камеру вел коридорообразный арочный ступенчатый проход, выступающий на 1—1,5 м за пределы стен склепа. Своды склепов сооружались из трапециевидного сырцового кирпича ($40 \times 25 \times 20 \times 8$; $42-46 \times 24-25 \times 27-28 \times 9-10$ см) наклонными отрезками. Пяты сводов обычно находились на высоте 1—1,1 м от уровня пола, а замки сводов — на высоте 1,8—2 м от пола. Полы, стены и суфы внутри камеры тщательно обмазывались глиной.

Погребенных, завернутых в войлочные кошмы или камышовые циновки, клали на суфы в вытянутом положении на спине. Рядом с ними на суфах и на полу размещали погребальный инвентарь: керамику, орудия труда и оружие. Около женщин клали брусок мела, раковины, бронзовое зеркало, обычно в матерчатом чехле. На полу между суфами разжигали огонь.

Склепы использовались для неоднократных захоронений. в каждом склепе было несколько погребенных. После каждого захоронения арочный проход закладывался кирпичами и замазывался.

Наземные склепы (табл. 18, 5), также прямоугольные в плане (9×6 м), с коридорообразным входом с южной стороны, выступающим на 1,5 м за пределы стен камеры, были поставлены на уровне древнего горизонта на стилобат (высота до 80 см) из пахсовых блоков и нескольких рядов сырцовых кирпичей ($40 \times 30 \times 9$ см). Вдоль стен внутри камеры ($5,6 \times 2,6$ м) сооружались высокие лежанки-суфы. Арка входа образована постепенным наплавом кирпичей и толстым слоем глиняной обмазки. Возможно, что и наземные склепы перекрывались земляными насыпями. Судя по остаткам камышовых циновок, погребенные в наземных склепах также помещались на суфах.

Погребенные в склепах обоих типов сопровождалась, вероятно, богатым набором инвентаря. Но все исследованные склепы ограблены в древности, причем, судя по положению некоторых костяков, ограбление совершалось вскоре после захоронения. Однако в некоторых склепах уделели остатки одежды с серебряными и бронзовыми бляшками, нашивками из позолоченной кожи, украшения из золота, серебра, бронзы. В одном случае сохранились остатки матерчатого головного убора, расшитого и украшенного металлическими бляшками, подвесками и стеклянным бисером.

Были ограблены в древности и грунтовые подкурганые могилы. Так, из 34 раскопанных курганов в могильнике близ городища Джеты-асар 12 лишь четыре погребения не потревожены грабителями. Все это чрезвычайно затрудняет сравнение погребального инвентаря с материалами из культурных слоев городищ и заставляет обратить особое внимание на местоположение каждого погребального памятника. Расположение их на берегах более ранних или более поздних протоков и каналов, на береговых валах или в ложе русел, перекрытие одних курганов другими — все это позволяет судить об относительной хронологии погребений.

Судя по погребальному инвентарю, захоронения в простых могильных ямах совершались уже в период Джеты-асар Iа.

В таких же ямах, с той же ориентировкой и набором инвентаря продолжали хоронить и в периоды Iб и Iв.

Начало строительства склепов относится, вероятно, к более позднему времени. Параллели в строительной технике и сохранившийся инвентарь погребений подземных склепов дают возможность датировать их строительство периодом Iв. В наземных склепах не сохранилось никакого погребального инвентаря, однако аналогии строительной технике позволяют предполагать, что возводить их могли также в период Iв, возможно, в конце его.

По антропологическому типу население Джеты-асарского урочища относилось к европеоидам. Во всех захоронениях периодов Iб и Iв зафиксирована сильная «башенная» деформация черепов.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. *Керамика.* Материальная культура древнего населения Джетыасарского урочища отличается своеобразием, что проявляется прежде всего в керамическом производстве. Существование гончаров не вызывает сомнения, поскольку обнаружены гончарные обжигательные печи. Они строились в стороне от жилья, в брошенном доме или вне стен городища. Керамика — наиболее массовый и выразительный материал джетыасарской культуры. Для нее, как и для всей культуры в целом, характерны необычайная целостность и своеобразие комплекса, устойчивость пропорций, орнаментальных приемов, особый архаизм и консерватизм, распространяющиеся на все формы посуды и проявляющиеся на всем протяжении существования культуры в данном районе.

Хотя нельзя с уверенностью указать нижнюю дату джетыасарской культуры, следует отметить находки в соседнем могильнике Тагискен (конец эпохи бронзы и ранний железный век) некоторых форм керамики, обнаруживающих безусловные генетические связи (по форме, выделке, орнаментации) с отдельными характерными типами джетыасарских сосудов.

Вся джетыасарская керамика делится на две группы: 1 — сосуды напольного обжига, грубой лепки, с небрежно промышленным и слабо отмученным тестом, безусловно, домашней выработки; 2 — сосуды горнового обжига, с хорошо промышленным и отмученным тестом, в большинстве случаев выполненные ручной лепкой при помощи вращающейся подставки, ремесленного производства. Основная масса сосудов изготовлена ленточной техникой. Исследование керамики джетыасарской культуры не оставляет сом-

нения в том, что носители ее были знакомы с гончарным кругом (о чем говорят находки единичных типичных по форме и отделке сосудов, сделанных на таком круге), но по каким-то причинам практически не пользовались им, а применяли укрепленную подставку и изредка — круг медленного вращения для подправки отдельных частей.

Сосуды группы 1 (несколько сотен) имеют ангоб серого цвета и следы копоти на поверхности. Основную массу их составляют горшки с плоским дном, диаметр которого равен или (чаще) гораздо меньше диаметра края. Простой край обычно чуть утолщен или заканчивается маленьким венчиком. Прямое горло иногда отделено от тулова четко выраженным уступом или валиком (одним или несколькими). Большинство горшков не орнаментировано, но уже в слоях периода Ia найдены сосуды с насечками по бережку (табл. 19, 2, 3, 22, 23, 25), а также сосуды с орнаментом на тулове или плечиках в виде налепных шишечек (одной-трех) и полулунных валиков, иногда сочетающихся с шишечками (табл. 19, 1—5, 12—15, 24—28, 37). Подобные по форме горшки распространены чрезвычайно широко, но близкие пропорции, технология изготовления встречаются прежде всего в материалах тасмолинской культуры Центрального Казахстана [Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 61], памятников савроматского и раннесарматского времени Южного Приуралья и Поволжья [Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 61, 8, 10—13, 62, 5—20; 63, 10—16; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 7, 21, 22], памятников того же времени Северного Кавказа (например, на Змейском поселении) [Крупнов Е. И., 1960. Табл. XXIII, 4]. Аналогичный налепной орнамент известен по малоазийским и северокавказским материалам с бронзового века, широко распространен в скифское время на обширной территории от западной Монголии и Алтая и бытует в отдельных районах (в том числе на Северном Кавказе и в восточном Приаралье) вплоть до средних веков [Левина Л. М., 1971. С. 66, 67].

Описанные горшки группы 1 самых различных размеров (табл. 19, 1—32, 37, 38) составляют абсолютное большинство посуды, встреченной в слоях периода Ia. Среди других форм керамики группы 1 в слоях периода Ia следует отметить кружки той же формы, что и горшки, но с одной прикрепленной к краю вертикальной ручкой (рис. 19, 39—42), глубокие миски, своеобразные сковороды-жаровни овально-прямоугольной в плане формы и дисковидные крышки (рис. 19, 33—36).

В слоях периодов Ib и Iv найдены сосуды всех названных форм группы 1, но количество их гораздо меньше, чем сосудов группы 2. Орнаментация горшков та же, что и у сосудов периода Ia, но значительно увеличивается число горшков с налепным орнаментом в виде полулунных валиков и шишечек на тулове. В слоях периода Ib получают широкое распространение открытые с одной стороны жаровни овально-прямоугольной формы с двумя-тремя налепными шишечками на бортике (табл. 19, 48).

В слоях периода Iv число таких жаровен еще более увеличивается, некоторые из них дополнительно украшены рядами насечек по бережку (табл. 19, 49, 50, 55). К концу периода Iv появляются горшки с венчиками, увеличенными в размерах по

сравнению с более ранними. Венчики слегка вытянуты, часто орнаментированы снаружи рядами насечек. Тогда же распространяются невысокие, широкие в основании котлообразные сосуды, иногда орнаментированные налепным узором, имитирующим металлические ручки (табл. 19, 46, 47). В самых верхних слоях периода Iv и в начале этапа II появляются сосуды, полностью повторяющие форму металлических гуинских котлов (табл. 19, 43).

Сосуды группы 2 (горнового обжига) представлены значительно большим количеством форм. В процентном отношении к концу этапа I доля их в несколько раз больше, чем сосудов группы 1.

Находки наиболее крупных сосудов группы 2, типа горшков и горшковидных хумчей, отмечены во всех периодах рассматриваемого этапа. Снаружи они покрыты густым красно-коричневым ангобом и лощением. Все они имеют раздутое, близкое к шаровидной форме тулово, прямое горло, маленький венчик, диаметр которого в полтора—два раза превышает диаметр днища. Часть этих сосудов снабжена прикрепленными к краю вертикальными ручками (табл. 20, 1—10, 14—21).

Подобные сосуды периода Ia отличаются от таких же из слоев периодов Ib и Iv более высоким прямым горлом, гораздо резче отделенным уступом или валиком от тулова (рис. 20, 5—10).

Бытовали и горшки с невысоким горлом и относительно широким дном (диаметр иногда почти равен диаметру края), ручками-ушками на плечиках. Часть их орнаментирована по тулову и плечикам резными волнистыми или зигзагообразными линиями, иногда в сочетании с точечными и пунсонными вдавлениями (рис. 20, 11, 19—21). В конце периода Iv у этих горшков появляется несколько более крупный венчик с рифлением снаружи или четкой профилировкой одной или двумя ложбинками по наружной стороне. Аналогична профилировка кольцевидных ручек, прикрепленных на верхней части тулова (рис. 20, 18).

Характерные для джетысарского керамического комплекса фляги (сосуды для перевозки жидкостей) фиксируются с конца периода Ia. Внешний вид их, за исключением небольших деталей, почти не меняется до конца этапа I (табл. 20, 22—27). Фляги имеют яйцевидное тулово (форма которого напоминает характерные джетысарские кувшины), плоский бок относительно большого диаметра, прямое горло, отделенное от тулова уступом или валиком, и маленький венчик с одним или двумя сливами по краю.

Наиболее распространенной формой среди джетысарских сосудов группы 2 были кувшины. На всех этапах большинство их покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением, но встречено значительное число сосудов с темно-серым, иногда почти черным ангобом и лощением. В период Ia все кувшины имели раздутое тулово, прямое высокое горло, отделенное от тулова четким уступом или одним-двумя валиками, простой край либо обычный маленький треугольный или округлый в сечении венчик с одним (при наличии ручки), двумя сливами по краю. По форме тулова можно различить два типа кувшинов: с шаровидным и яйцевидным корпусом. Тулово кувшинов иногда украшено налепными шишечками или

валиками (табл. 21, 24—27), а для горла характерно горизонтальное рифление (табл. 21, 2, 11, 22, 28, 31, 36). Наряду с кувшинами с одной вертикальной ручкой существовали экземпляры с двумя ручками, посаженными на плечики шаровидного тулова (табл. 21, 36, 37).

Фрагменты подобных кувшинов — довольно частая находка среди керамики соседней чирикрабатской культуры этапа II (вторая половина IV—III в. до н. э.).

В слоях периода Ib распространяются кувшины с несколько иными пропорциями яйцевидного тулова (более широкое дно) и со светлым ангобом на поверхности. Единичные находки таких кувшинов отмечены в культурных слоях соседней чирикрабатской культуры этапа III, датируемого III—II вв. до н. э.

Для того же периода отмечено появление кувшинов с характерным мелким горизонтальным рифлением на тулове и одним или двумя горизонтальными валиками на горле (табл. 21, 4, 5, 18). Часть этих кувшинов, в отличие от таких же, найденных в слоях более позднего времени, изготовлена на ножном гончарном круге.

Близкие по форме кувшины с рифленным туловом и валиком на горле известны в верховьях р. Арысь, в нижнем слое городища Актобе 2 близ Чардары [Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1968. С. 58. Рис. 24, 2].

Вероятно, к концу периода Ib и началу периода Iv относятся небольшие кувшины с плавным переходом от горла к тулову (без уступа или валика), характерным покрытием поверхности ангобом красного цвета, но столь низкого качества, что он напоминает плохо положенную «пачкающуюся» краску.

Период Iv знаменуется появлением кувшинов с более вытянутым туловом и венчиком, имеющим желобок по наружной стороне. К самому концу периода Iv относятся единичные экземпляры кувшинов с рифленным венчиком (табл. 21, 11, 32, 33), а также с геометрическим лощением поверх серого ангоба (табл. 21, 35).

Миски и чаши также широко представлены в культурных слоях джетысарских городищ и в погребальных памятниках. Все они открытые, полушарной формы, с плоским или уплощенным дном. Как и все другие сосуды группы 2, миски и чаши покрыты густым красным или темно-серым ангобом и залощены.

Стенки мисок и чаш обычно гладкие, но в слоях периодов Ia и Ib встречены такие сосуды с вертикальными глубокими полосами или вертикальным рифлением снаружи, обычно с хорошим, «зеркальным», лощением (табл. 22, 36, 37, 50, 64, 65). Для периодов Ib и Iv отмечено несколько мисок с дисковидным поддоном (табл. 22, 58, 59).

Кружки на джетысарских памятниках — почти такая же частая находка, как кувшины. Все они тонкостенные, хорошо залощены, с серо-черным или густым красно-коричневым ангобом, нанесенным с обеих сторон. Большинство кружек имеет близкое к шаровидной форме тулово с уплощенным или плоским дном, диаметр которого в несколько раз меньше диаметра края. Сам край или маленький венчик вы-

делен снаружи прочерченной горизонтальной полосой. На некоторых кружках полосой отделена от тулова и прямая шейка. Кольцевидная ручка, иногда с небольшим выступом в верхней части, прикреплялась к средней части тулова (рис. 22, 15—23). Уже в слоях периода Ia в центре дна появляется пальцевая вмятина (табл. 22, 16, 18—20). Большинство кружек не орнаментировано, но в слоях периодов Ia и Ib на отдельных экземплярах встречается такое же, как на мисках и чашах, вертикальное рифление с тщательным «зеркальным» лощением поверх темно-серого и черного ангоба (табл. 22, 36, 37, 50). Уже в материалах периода Ia есть кружки обычной формы, но с резным геометрическим орнаментом на верхней части тулова (табл. 22, 44). Орнаментированные подобным образом кружки бытуют на протяжении всех периодов рассматриваемого этапа (табл. 22, 43—49).

В слоях периода Ib появляются единичные светло-ангобированные кружки горшковидной формы с относительно широким дном (табл. 22, 38, 41), которые имеют аналогии в материалах нижних слоев средне-сырдарьинских культур [Левина Л. М., 1971. С. 132. Рис. 44, 70]. Характерные джетысарские сероангобированные лощеные кружки с шаровидным туловом и маленьким выделенным снаружи венчиком в небольшом количестве встречены в материалах последнего этапа (до II в. до н. э.) соседней чирикрабатской культуры.

Возможно, к концу периода Ib или началу периода Iv относится появление кружек с усеченноконическим туловом, прикрепленной к средней части тулова кольцевидной ручкой, покрытых, как и кувшинчики, легко снимающимся красным ангобом или краской (табл. 22, 24—26). Край горла у них выделен линией, прочерченной снаружи.

Небольшие горшковидные сосуды горнового обжига зафиксированы во всех культурных слоях городищ и погребальном инвентаре. Большинство имеет раздутое тулово, прямое горло, отделенное от плечиков уступом или валиком (табл. 22, 9—12). Часть таких горшков из ранних слоев изготовлена на гончарном круге.

Вероятно, к периоду Ia можно отнести небольшие кувшиновидные горшки с биконическим туловом, высоким горлом, отделенным от тулова обычным уступом или валиком (табл. 22, 87), покрытые серым ангобом и лощением, иногда с резным геометрическим орнаментом на плечиках. Эти сосуды находят аналогии на обширной территории от Монголии до крымских степей в материалах памятников скифо-сарматского времени [Novgorodova E. A., Volkov V. V., Korenevskij S. N., Mamonova N. N., 1982, Abb. 53, 3; 63; 65, 15c; Грач А. Д., 1980. Рис. 49, 5; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 6, 36; Крис Х. И., 1981. Табл. 31, 10—12].

Уже в нижних слоях джетысарского комплекса встречаются сосуды, украшенные резным пояском из штрихованных и незаштрихованных треугольников, со сплошным и зонным штампованным орнаментом, в частности, с полосой треугольных штампованных вдавлений, пунсонным и резным зигзагообразным узором (табл. 22, 51—56, 70—85). Сосуды с подобной орнаментацией есть и в слоях этапа II. Это прежде всего относится к сосудам с геометрическим орна-

ментом в виде сочетания прямых и зигзагообразных линий.

В культурных слоях городищ и погребальных комплексах периодов Ib и Iv довольно часто встречаются кувшины и кружки, снабженные ручками с зооморфными налестками или в виде зверька с проработанными лапами и даже пальцами (табл. 25, 1—30).

За исключением керамики, весь остальной вещевой комплекс джетыасарской культуры связан главным образом с периодами Ib и Iv. Это объясняется рядом причин и в первую очередь тем, что верхние слои городищ исследованы несравненно лучше нижних. Кроме того, более поздние погребальные памятники выявляются намного легче и раскопаны в гораздо большем количестве, чем часто перекрытые ими ранние.

Оружие. конская упряжь. На джетыасарских памятниках найдены бронзовые, костяные и железные наконечники стрел (табл. 23, 1—36), костяные накладки сложного лука, плохо сохранившиеся кинжалы. Немногочисленные бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники аналогичны характерным для прохоровской культуры IV—II вв. до н. э. Редки и находки небольших железных черешковых трехлопастных наконечников. Они встречены в верхних горизонтах городища Джеты-асар 12 (период Iv) и в двух погребениях могильника Джеты-асар 12. В отличие от бронзовых и железных наконечников, костяные распространены достаточно широко и в погребениях, и в культурных слоях городищ. Все они тщательно залощены и отполированы. Некоторые имеют пулевидную форму (рис. 23, 22, 23). Один мелкий черешковый трехгранный наконечник является полной копией такого же бронзового. Но основная масса находок представлена черешковыми наконечниками с ромбовидным или трехгранным сечением пера, иногда с двумя лопастями, часто с насечками на выступающем черешке (табл. 23, 1—21). Ареал и хронологический период бытования костяных наконечников описанных типов очень широки: от VIII—VII вв. до н. э. почти до середины I тысячелетия н. э., от Западной Сибири до прикамских и причерноморских районов [Бернштам А. Н., 1952. С. 307. Рис. 133; 1956; Грязнов М. П., 1956а. С. 45, 79, 115; Збруева А. В., 1952. С. 29. Табл. 19, 28; Киселев С. В., 1951. С. 252. Табл. XXVI, 18; Кожин П. М., 1972. С. 83. Рис. 3, 22; Кызласов Л. Р., 1960. С. 87, 173; Мелюкова А. И., 1964. Табл. I, A20; Мошинская В. И., 1965. С. 41, 49. Табл. 1, 17, 18, 30; Мошкова М. Г., Генинг В. Ф., 1972. С. 94, 109, 111. Рис. 5, 6, 7; 6, 8; 7, 3; Членова Н. Л., 1967. С. 264. Табл. 14, 36, 42—45]. Наиболее близкие джетыасарским костяные наконечники найдены среди материалов второго этапа (V—III вв. до н. э.) тасмолинской культуры Казахстана [Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 66, 29—31].

Джетыасарские костяные наконечники стрел, как и костяные накладки луков, встречены в слоях периодов Ib и Iv.

На городище Джеты-асар 12 в одном из помещений жилой секции, стратиграфически относимой к периоду Iv, обнаружена халцедоновая скоба для прикрепления ножен меча (табл. 23, 66). Находки подоб-

ных скоб многократно зафиксированы на территории Дальнего Востока (Корея), в погребениях эпохи Хань, и в районах Поволжья — в погребальных памятниках сармат [Jetts W. P., 1926. P. 197—201; Rau P., 1927. S. 39; Кушева-Грозевская А., 1929. С. 160—165; Rostovcev M., 1930. P. 339, 341; Синицын И. В., 1936. С. 74; Хазанов А. М., 1971. С. 25—27. Табл. XV]. Отдельные находки таких скоб отмечены на памятниках восточноевропейских степей до V в. [Амброз А. К., 1981. С. 109. Рис. 5, 7].

В слоях периодов Ib и Iv найдены двудырчатые роговые и костяные псалии (табл. 23, 50, 51), аналогичные псалиям из материалов памятников середины и второй половины I тысячелетия до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 45, 48; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 21, 6]. Помимо псалиев, к предметам конской упряжи относятся и части седел, изготовленные из костей крупных животных и, возможно, составлявшие внутреннюю основу передней луки седла (табл. 23, 58, 59, 67).

Изделия из кости, камня и металла. Если пока еще нельзя говорить о собственном ювелирном или стекарном производстве древнего джетыасарского населения, а о металлургическом производстве свидетельствуют лишь скопления шлаков, обломки бракованных бронзовых предметов, то о существовании косторезного ремесла и мастерских по изготовлению предметов из костей животных и рыб свидетельствует немало фактов. Такую мастерскую удалось проследить в одной из заброшенных башен городища Джеты-асар 12. Очевидно, в период Iv, когда первоначальные оборонительные функции башни из-за неоднократных перестроек и пристроек крепостных стен, поглотивших ее, были утрачены, в ней была организована мастерская, где изготовляли костяные и роговые накладки сложных луков, наконечники стрел и другие предметы. Множество роговых и костяных лоцил, скребков, проколов, рукояток ножей и шил, псалий, великолепно отполированные наконечники стрел разной формы (пулевидные, трехгранные черешковые, ромбического сечения черешковые, ланцетовидные и др.), пряжки и подвески, колыца и тончайшие пеночки-бусы — все это подтверждает высокое мастерство джетыасарских косторезов.

Постоянными находками в культурных слоях джетыасарских городищ являются костяные проколки, каменные оселки, лоцила, терочки, зернотерки. Зернотерки вытянуто овальной или прямоугольной в плане формы — принадлежность почти каждого жилого помещения всех строительных горизонтов во все периоды этапа II. Почти так же часто встречаются глиняные и каменные пряслица усеченнобиконической, округлой или уплощенно округлой формы (табл. 24, 5). Немало фрагментов плохо сохранившихся железных ножей с прямым лезвием и плавно изогнутой спинкой. Единичны находки крупных железных рыболовных крючков и тростниковых сачков с деревянной рукоятью.

Одежда и украшения. Об одежде «джетыасарцев» можно судить по найденным в могильных ямах и подземных склепах остаткам полотняных и шелковых тканей от платьев, кафтанов и головного убора. Женский шелковый (ткань типа тафты по определению А. К. Елкиной) кафтан золотистого цвета из склепа 1 могильника Джеты-асар 2 имел геометриче-

ский узор зеленого цвета и был украшен нашивками в виде ромбов и треугольников из позолоченной кожи и рядами нашитых серебряных полушарных бляшек.

В склепе 1 могильника Джеты-асар 12 женский кафтан желтовато-коричневатого цвета был украшен кожными и полотняными аппликациями красного цвета и обшит по вороту и бортам (до пояса) рядами металлических полушарных бляшек (табл. 24, 42), а на рукавах — вертикальными рядами синих стеклянных бисерных бусин сирийского производства (не менее трех рядов по 10 штук). Серебряные и бронзовые полушарные бляшки часто украшали нагрудную сторону одежды, сохранившуюся и в других погребальных сооружениях, а иногда обрамляли и рукава. Зафиксирован геометрический орнамент в виде концентрических кругов из полушарных металлических бляшек разного диаметра, нашитых на плотную полотняную ткань (курган 31 могильника Джеты-асар 12). В нескольких случаях можно предполагать, что под кафтаном было длинное женское платье красного цвета. В одном из склепов могильника Джеты-асар 12 сохранились фрагменты головного убора из темно-красной ткани с обшивкой из серебряных и бронзовых полушарных бляшек и, возможно, кожаной аппликацией по нижнему краю. По бокам к этому убору были привешены на полотняных нитках с синими стеклянными бисеринками круглые плоские металлические подвески в виде тонких литых пластинок — по 12 с каждой стороны (табл. 24, 34). Остатки кожаных поясов и сапог (в одном случае с разноцветной аппликацией), бронзовых сапожных пряжек и бляшек-заклепок свидетельствуют об обычае «джетыасарцев» носить высокие кожаные сапоги.

К украшениям джетыасарской культуры относятся бусы, серьги, браслеты, кольца, подвески, бляшки (табл. 24, 1—53). Почти все они происходят из культурных слоев городищ периодов Ib и Iv и синхронных погребений. Учитывая характер культурных напластований, нельзя исключить возможности попадания части предметов из нижних слоев в более верхние. Прежде всего это относится к таким предметам украшения, как бусы (табл. 24, 1—4, 6, 7, 9—17, 27, 35, 52, 53). Довольно часты в погребениях и культурных слоях городищ находки янтарных бус округлой или чаще уплощенно округлой формы (табл. 24, 7, 10, 52). Широко распространенные в джетыасарских комплексах, они имеют аналогии в инвентаре сакских погребений Тагискенского могильника. Округлорембристые бусы бирюзового цвета из египетского фаянса, коралловые цилиндрические, пастовые и стеклянные округлые, стеклянные глазчатые (синие с белым), халцедоновые круглые известны с IV—III вв. до н. э. и в первые века нашей эры на широкой территории [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 30, 5—8, 16, 28, 29, 35—37, 45—50; Алексеева Е. М., 1975. Табл. 5, 26, 28; 15; 16]. Удлиненная бочковидная сердоликовая бусина с белыми содовыми полосками (табл. 24, 11) характерна для периода Ia и соотносится с сарматскими находками IV—III вв. до н. э. [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 30, 13—15; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Табл. 27; 28].

К концу периода Ib можно отнести сердоликовые

бусы в форме фигурки сидящего зверька [Алексеева Е. М., 1975. Табл. 13, 3, 12]. Большинство каменных, стеклянных, костяных бус, а также бус из раковин каури имеет аналогии в материалах различных памятников, охватывающих широкий хронологический период. К периоду Iv относятся крупные бусины шаровидной формы из желтого прозрачного стекла и стеклянные бусины цилиндрической формы с желтыми и белыми прожилками египетского производства.

Находки перстней (бронзовых и каменных, в том числе сердоликовых простой формы) на джетыасарских памятниках единичны. Бронзовые, каменные и хорошо отполированные костяные кольца встречаются гораздо чаще. Браслеты представлены фрагментами костяных, железных и бронзовых. Последние — пластинчатые или круглые в сечении, литые. В женском погребении склепа 1 могильника Джеты-асар 12 (склеп расположен в ложе русла позднего канала и по находке фибулы относится к самому концу периода Iv) найден бронзовый литой браслет с семью строеными выступами-шишечками (табл. 24, 28), аналогичный браслетам и кольцам, распространенным в материалах III—IV вв. пшеворской культуры западной Польши, в зарубинецкой и именьковской культурах [Матвеева Г. И., 1981. Рис. 16, 1, 2].

Основную массу бронзовых серег джетыасарского комплекса можно отнести к двум типам: 1 — в виде кольца с чуть заходящими друг за друга концами; 2 — в виде колечка с утолщенной средней частью (табл. 24, 21, 22, 24). Серьги типа 2 встречены в культурных слоях городища периода Iv и синхронных погребениях.

К концу периода Iv относится захоронение, где найдены крупные серьги из низкопробного золота с бронзовой дужкой и стеклянными вставками (табл. 24, 33). Серьги имели вид лунницы с симметрично напаянными семью зернеными шариками. С обеих сторон лунницы прикреплено по три гнезда для вставок, а с лицевой стороны между гнездами и на ребристой нижней поверхности — группы зерни.

Очевидно, к периоду Iv можно отнести серебряные и бронзовые наконечники ремней (табл. 24, 50, 51), основную массу круглых и овальных в плане бронзовых и железных пряжек с подвижным языком, небольшие бронзовые сапожные пряжки (табл. 24, 29).

Возможно, в конце периода Ib было совершено захоронение (курган 34 могильника Джеты-асар 12), где найдена небольшая бронзовая пластинчатая колеччатая фибула ромбовидной формы с пластинчатым приемником и пружинкой, украшенная пунсоном орнаментом (табл. 24, 47). Аналогичные фибулы известны в материалах памятников сарматской культуры Нижнего Поволжья первых веков нашей эры [Скрипкин А. С., 1984. С. 184. Рис. 12, 35].

К концу периода Iv (склеп 1 в Джеты-асаре 12) относится пластинчатая фибула с двойной пружиной (табл. 24, 44), аналогичная распространенным в пшеворской культуре Польши в IV в. н. э. [Монгайт А. Л., 1974. С. 357. Рис. 14), а также причерноморским конца IV — первых десятилетий V в. [Каменецкий И. С., Кротоцкий В. В., 1962. Рис. 1, 2; Амброз А. К., 1971. Рис. 3, 2].

Бронзовые зеркала найдены и в погребениях, и в культурных слоях городищ (табл. 24, 54—60). Обычно это плоские диски, часто с небольшим утолщением по краю и черешковой ручкой, отлитой вместе с диском. В одном из подземных склепов периода Ib встречено крупное зеркало, украшенное пунсоными вдавлениями на черешке и по краю диска.

Вероятно, с предметами культа следует связать изображения животных и антропоморфные, распространенные в материалах джетыасарской культуры (табл. 25).

Привлекает внимание вотивное, раскрашенное белой и красной краской глиняное изображение двух животных, развернутых в противоположные стороны и соединенных одной подставкой (рис. 25, 36). К культовым предметам, вероятно, принадлежат бронзовые подвески-амулеты в виде птиц и животных. Изображение птицы, найденное в культурных слоях городища Карак-асар, по аналогии с таким же из материалов этапа I среднесырдарьинских культур (первые века нашей эры), можно отнести к периоду Ib. Бронзовые изображения животных, найденные в разветвленных слоях и погребениях, скорее всего могут быть датированы этапом Джеты-асар II, т. е. серединой I тысячелетия н. э.

Изображения животных вообще характерны для джетыасарской культуры. Они выполнены в различной технике и в разном материале. Так, известны прочерченные и процарапанные на дереве изображения рыб, лошадей, животных типа сайгака и тапира (табл. 25, 50); изображение сайгака (?), прочерченное на стенке крупного красноангобированного сосуда (табл. 25, 45); примитивно выполненная статуэтка животного с седлом; горло сосуда, оформленное в виде головы барана (табл. 25, 29); многообразные зооморфные ручки кружек и кувшинов (табл. 25, 1—30, 37). В отличие от сарматских и аланских зооморфных ручек Северного Причерноморья, Прикаспия и Северного Кавказа [Скалон К. М., 1941. С. 173; Виноградов В. Б., 1961. С. 32—46], а также ручек среднесырдарьинских культур [Левина Л. М., 1971. С. 129, 130, 232, 235], где господствует изображение барана, джетыасарские зооморфные ручки демонстрируют гораздо большее разнообразие видов животных. Это и собаки, и лошади, и сайгаки, и бараны, и, наконец, медведи.

В культурных слоях джетыасарских городищ периодов Ib и Ib найдены глиняные и алебастровые идолички в виде примитивных изображений человека, часть из которых была раскрашена (табл. 25, 31, 32). В поздних слоях периода Ib встречены сосуды с налепными изображениями мужских фигурок [Левина Л. М., 1968. С. 167—178]. Некоторые из них напоминают «танцующие» фигурки (табл. 25, 46—49, 52—55). Один из таких налепов (верхний строительный горизонт городища Джеты-асар 12, конец периода Ib) можно считать явной попыткой изобразить воина с луком и стрелой (табл. 25, 51).

К периоду Ib относятся культурные слои, в которых найдена каменная парфянская гемма (определение В. Г. Луконина: табл. 25, 40). В кургане конца периода Ib (возможно, начало этапа II) найдены халцедоновые геммы (с прорезным растительным орнаментом и сценой охоты хищника на зебу) сасанидско-

го происхождения (табл. 25, 41, 44) [Борисов А. Я., Луконин В. Г., 1963. С. 184].

Находки каменных и стеклянных бус египетского, сирийского, индийского происхождения, шелковых тканей, позднепарфянских и сасанидских гемм свидетельствуют о широких торговых связях джетыасарского населения.

ХОЗЯЙСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. Хозяйство обитателей городищ носило комплексный характер — скотоводство и земледелие сопровождалось рыболовством и охотой. «Джетыасарцы» пытались максимально использовать природные ресурсы: паводковые речные разливы — для орошения полей, камышовые заросли — в качестве корма для скота, окружавшие оазис пески — для выпаса овец и верблюдов, многочисленные озера и речные заводи — для ловли рыбы. Скотоводство, игравшее преимущественную роль в хозяйстве, характеризовалось сочетанием разных видов скота при общем преобладании в стаде крупного рогатого скота. Интересна находка в одном из жилых помещений городища Джеты-асар 12 костей верблюдов и домашних свиней.

Немалое значение для жителей имело и земледелие. Следы ирригационных сооружений, зафиксированные по всей территории Кувандарьинского бассейна, обилие зернооток во всех культурных слоях, многочисленные находки зерен проса и ячменя — все это подтверждает важность земледелия. Преобладали лиманно-озерные формы орошения с использованием нерегулярных речных паводков, обводненных стариц, небольших систем, не требовавших значительных трудовых затрат [Андрианов Б. В., 1969. С. 202—207, 227]. В окрестностях некоторых городищ сохранились остатки водосборных бассейнов, постройкой которых жители пытались остановить и замедлить процесс исчезновения воды, вызванный заиливанием и отмиранием речных протоков.

Множество находок костей и чешуи рыб, рыболовных крючков и плетеных сачков, а также обилие костей диких животных в раскопанных помещениях свидетельствуют и о значительной доле рыболовства и охоты в комплексном натуральном хозяйстве «джетыасарцев».

Социальную организацию обитателей Джетыасарского оазиса можно попытаться реконструировать по характеру расселения, по внутренней застройке городищ и жилым секциям. Планировка городищ и форма расселения, возможно, свидетельствует о родо-племенной организации. Однотипная жилая внутренняя застройка, бесконечная повторяемость планировок соседних секций по всей площади городища и на протяжении многих десятилетий и даже столетий, связь каждой жилой секции с определенным глухим участком оборонительного коридора, отсутствие видимой имущественной дифференциации говорят о прочности патриархально-общинных отношений.

Это не могло не отразиться и на всем облике джетыасарской материальной культуры, придав особую архаическую окраску, консерватизм и традиционность. Необычайная устойчивость и консерватизм выразились в повторяемости на протяжении тысячелетия определенных форм и пропорций керамики, деталей орнамента, технологии изготовления сосудов

и, наконец, почти полном отказе от известного гончарам ножного гончарного круга.

Трудно сказать что-либо определенное о религиозных верованиях жителей Джетысарского урочища. Распространенный здесь тип антропоморфных изображений, вероятно, связан с фаллическим культом, а статуэтки и рисунки животных свидетельствуют об архаических воззрениях джетысарского населения.

Джетысарская культура на этапе I была связана с культурами соседних среднеазиатских районов. В период Ia жители Джетысарского урочища поддерживали контакты с населением соседнего Жаныдарьинского бассейна, саками средней Жаныдарьи, оставившими памятники чирикрабатской культуры (конец V—II в. до н. э.). В периоды Ib и Iv джеты-

сарская культура была теснейшим образом связана с культурами среднесырдарьинских районов (каунчинской и прежде всего отрарско-каратауской). С двумя последними джетысарскую культуру объединяет немало общих черт в типах расселения, близком внешнем облике городищ и даже характерном наборе посуды с близкой технологией ее изготовления. Эти общие черты в определенной степени могут быть объяснены одинаковым типом хозяйства, в значительной мере обусловленного спецификой физико-географических условий [Левина Л. М., 1981б. С. 170--175]. Длительные и теснейшие культурные связи населения джетысарской и отрарско-каратауской культур свидетельствуют о политических и, очевидно, этнических контактах.

Глава вторая

Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир

Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня

Горные долины Семиречья и Тянь-Шаня на протяжении почти всего I тысячелетия до н. э. населяли ираноязычные кочевые племена, известные под общим названием «саки». Эти два соседних региона в древности были тесно связаны. Семиречье — историко-географическая область, охватывающая юго-восточный Казахстан и часть северной Киргизии. В долинах Или, Каратала, Лепсы, Чу, Таласа и других рек располагаются сотни могильников ранних кочевников. Среди них выделяются огромные могильные поля, насчитывающие по несколько сот курганов, относящихся иногда к разным хронологическим этапам. Но основную массу памятников составляют могильники из нескольких курганов или нескольких десятков курганов. В некоторых группах курганы располагаются правильными цепочками, вытянутыми в меридиональном направлении. Именно в Семиречье чаще, нежели в других районах, встречаются насыпи чрезвычайно больших размеров, называемые обычно «царскими» курганами, в которых погребены, очевидно, племенные вожди.

Точное количество раскопанных курганов указать невозможно. Ориентировочно можно говорить, что исследовано более 1 тыс. курганов сако-усуньского времени (карта 2).

В истории изучения кочевников Семиречья и Тянь-Шаня можно выделить четыре периода. Первый (конец XIX в. — 1928 г.) был временем первоначального накопления археологического материала, полученного благодаря поступлению случайных находок и проведению небольших раскопок курганов любителями древности.

Второй период (1928—1942 гг.) начался с первых научных раскопок М. В. Воеводского и М. П. Грязнова в 1928—1929 гг. в долине Чу и в котловине Иссык-Куля. Раскопанные могильники исследователи сопоставили с усунями, обитавшими здесь, по сведениям письменных источников, во II—I вв. до н. э. Результаты этих работ были опубликованы в 1938 г. и сразу же привлекли внимание [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938]. Однозначное определение этнической принадлежности памятников вызвало критику А. И. Тереножкина [Тереножкин А. И., 1941], который отметил, что в рассматриваемое время в Семиречье обитали разные племена и поэтому только часть курганов может быть отнесена к усуням. Споры возникли также о форме хозяйства, роли земледелия [Бернштам А. Н., 1941б] и социальном строе [Толстов С. П., 1938]. Позднее спорные положения были забыты, и исследованные курганы стали рассматривать как эталонные памятники культуры кочевых усуньских племен. В 1929 г. А. И. Тереножкин обследовал Чуйскую долину и обнаружил к северу от г. Фрунзе поселение усуньского времени Аламедин [Тереножкин А. И., 1935], расширив тем самым круг изучаемых памятников.

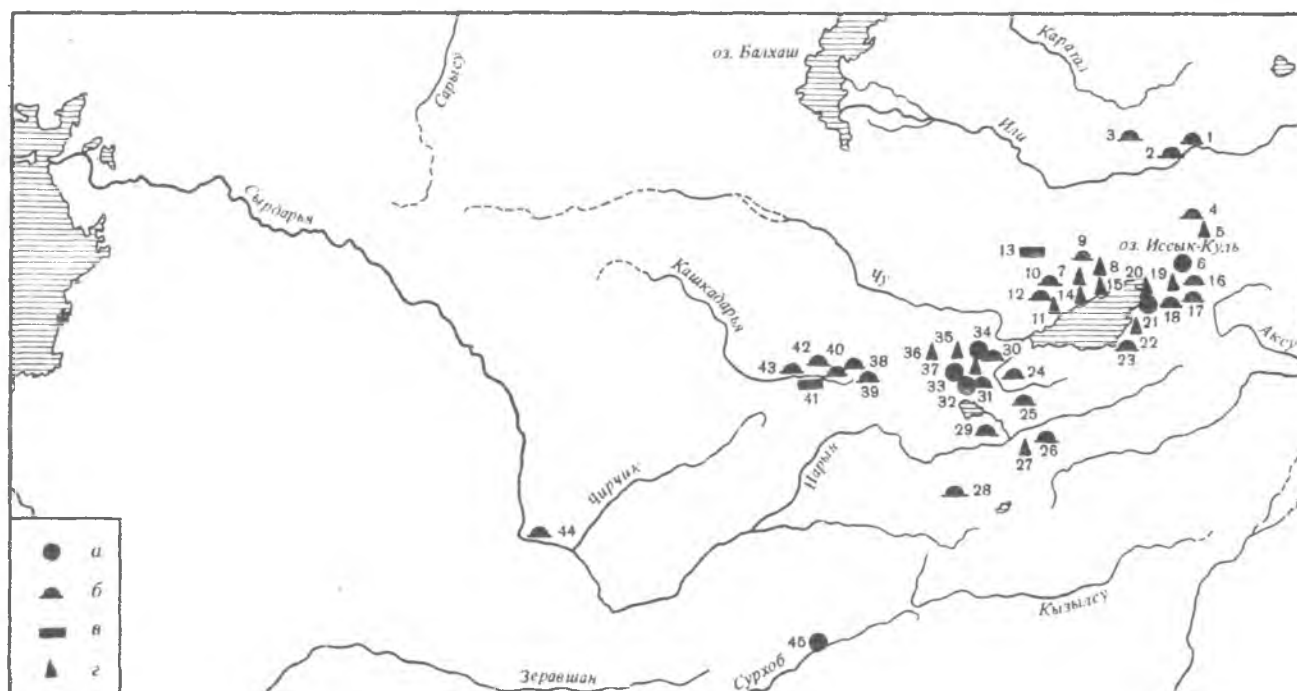
Много внимания уделялось также изучению сакских памятников. В этой связи большое значение имела статья А. С. Стрелкова [1934], посвященная анализу бронзового жертвенника — культового памятника сакских племен Семиречья. С 1937 г. археологические исследования здесь проводил Б. М. Зима. Позднее он опубликовал замечательный клад сакских котлов и жертвенников [Зима Б. М., 1941]. Важные результаты были получены в ходе планомерных работ Семиреченской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, работавшей под руководством А. Н. Бернштама в 1938—1940 гг. на территории юго-восточного Казахстана и северной Киргизии, где в нескольких пунктах исследовались курганы сакского и усуньского времени. Был опубликован ценный памятник прикладного искусства усуней — каргалинская диадема [Бернштам А. Н., 1940а]. В это же время в могильнике Кенкол (Таласская долина) было начато изучение курганов с захоронениями в катакомбах [Бернштам А. Н., 1940б]. В 1941 г. крупные археологические работы были проведены на строительстве Большого Чуйского канала (БЧК).

Первые обобщающие исследования по истории кочевников Семиречья принадлежат М. П. Грязнову и А. Н. Бернштаму [Грязнов М. П., 1939б; Бернштам А. Н., 1941а; 1941б]. Завершился этот период в истории изучения кочевников Семиречья и Тянь-Шаня в 1942 г., когда А. Н. Бернштам в работе по древней истории Киргизии суммировал все накопленные материалы по культуре древних кочевников [см.: Бернштам А. Н., 1950; 1952]. Это определило дальнейшее развитие исследований на следующем этапе.

Для третьего периода (1943—1967 гг.) характерно органическое единство двух направлений в изучении истории кочевников. С одной стороны, подводились первые итоги археологического изучения региона, с другой — начиналось систематическое и планомерное обследование памятников кочевников, создавались крупные комплексные экспедиции.

Во второй половине 40-х — начале 50-х годов на Тянь-Шане и в южной Киргизии работала экспедиция под руководством А. Н. Бернштама. А в опубликованных в эти годы работах [Бернштам А. Н., 1943; 1948; 1949а; 1949б; 1949в; 1950; 1951; 1952] были представлены первые сводные таблицы по культуре саков и усуней, где нашли отражение археологические материалы Алмаатинской обл. и северной Киргизии. Но главная их ценность заключалась в разработке классификации и создания периодизации памятников кочевников Семиречья, Тянь-Шаня и Алая. Труды А. Н. Бернштама не утратили значения и по сей день и лежат в основе современной периодизации истории ранних кочевников этих районов.

В 1953—1955 гг. Киргизская комплексная экспе-

Карта 2. Основные памятники Семиречья VIII в. до н. э. — первых веков нашей эры

1 — Бешатыр; 2 — Кызлауз; 3 — Бижэ; 4 — Джувантобе; 5 — Тенлик; 6 — Актас; 7 — Иссык; 8 — иссыкские клады; 9 — Талгар; 10 — клады Алма-Аты; 11 — Каргалинский комплекс; 12 — Каргалы; 13 — Тамгалы; 14 — Кырчинский комплекс; 15 — клад Каменка; 16 — Джергес; 17 — Соколовка; 18 — Чильпек; 19 — Чильпекский комплекс; 20 — Тюпский клад; 21 — Тюпское поселение; 22 — клад Барскоон; 23 — Туура-Су; 24 — Кыз-арт; 25 — Турсу; 26 — Аламышак; 27 — нарынский жертвенник; 28 — Джергетал; 29 — Айгырджак; 30 — Бурана; 31, 32 — Кум-арык; 33 — Карабалты; 34 — Аламедин; 35 — отдельные находки в долине Чу; 36 — беловодский алтарь; 37 — Шамши; 38 — Ташарык; 39 — Тош-башат; 40 — Кенкол; 41 — Талас; 42 — Караша 2; 43 — Кызыл-Кайнартобе; 44 — Актобе 2 (Чардара); 45 — Дараут-Курган; а — поселения; б — курганы; в — петроглифы; г — отдельные находки

диция АН СССР провела массовые исследования курганов Тянь-Шаня [Кибиров А. К., 1959]. С 1954 г. работала Илийская экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, вскрывшая множество курганов в долине р. Или и исследовавшая поселение Актас усуньского времени. Все эти работы нашли отражение в ряде статей, внесших существенный вклад в разработку археологии кочевников Семиречья [Агеева Е. И., 1959; 1960; 1961; Акишев К. А., 1956; 1959а; 1963; 1969; Копылов И. И., 1958; Кушаев Г. А., 1956; 1963; Максимова А. Г., 1959; 1960]. В 1953 г. появляется первая работа, в которой суммируются материалы по культуре саков Сырдарьи и Семиречья [Копылов И. И., 1953]. Исследуются отдельные категории сакских вещей, в частности котлы и другие металлические изделия [Копылов И. И., 1957а; 1957б; Мартынов Г. С., 1955; Спаская Е. Ю., 1956; 1958].

Особое значение имел обобщающий труд по культуре саков и усуней долины Или [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963]. В нем были систематизированы большие материалы, уточнена периодизация истории культуры, исследованы вопросы хозяйства, об-

щественного строя, а также происхождения этих народов.

В те же годы в долине р. Талас разворачиваются исследования курганов ранних кочевников [Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963], продолжается изучение могильника Кенкол и других аналогичных памятников [Кожомбердиев И. К., 1960; 1963]. В 1963–1968 гг. исследованы памятники на северных склонах Киргизского хребта, прилегающих к долине Таласа [Максимова А. Г., 1970; 1972; 1975]. Возобновляются раскопки в долине Чу [Абетеков А. К., 1966; 1967] и в котловине Иссык-Куля.

Завершающим моментом третьего периода явились статьи, подводющие общие итоги археологического изучения Казахстана и Киргизии за 50 лет советской власти. В них значительное место уделено культуре кочевников Семиречья и Тянь-Шаня [Акишев К. А., 1967; Винник Д. Ф., 1967].

Начало четвертого периода (с 1968 г. по настоящее время) знаменуется проведением Всесоюзной (Ленинград, 1968 г.) и Международной (Душанбе, 1968 г.) конференций, на которых результаты широких и массовых полевых исследований были резюмированы и осмыслены на более высоком научном уровне, с учетом материалов, полученных к этому времени при изучении кочевого населения всей степной зоны Евразии. Исследователи подняли ряд проблем об особенностях исторического развития кочевников [Черников С. С., 1975а], о роли у них земледелия, связях с окружающим оседлым населением, региональной классификации кочевнических памятников Средней Азии и др. [Абетеков А. К., 1970; 1975а; Заднепровский Ю. А., 1975а; 1975б; Кожомбердиев И. К., 1975а; 1975б; 1975в].

Как и на предшествующих этапах, полевые археологические работы ведутся в самых широких масштабах. Исследуются могильники в котловине Иссык-Куля [Винник Д. Ф., 1975; Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П., 1975]. В Чуйской долине вскрыты сакские курганы и курганы кенкольского типа

(могильник Кум-Арык) [Кожомбердиев И. К., 1976]. Возобновляются исследования курганов на Тянь-Шане [Ташбаева К. И., 1983]. Одним из ярчайших событий в археологии стали раскопки знаменитого кургана Иссык [Акишев К. А., 1974], содержавшего «царское» захоронение. Открытие Иссыка представляет одно из важнейших достижений советской археологии последнего времени в изучении культуры кочевников Евразии.

Характерной особенностью, последнего периода в истории изучения кочевников Семиречья и Тянь-Шаня явились усиление внимания к разработке общих проблем истории и археологии кочевого населения и пересмотр некоторых старых представлений. Так, критический анализ накопленных материалов дал основание оспорить традиционное отождествление с усунями погребенных в могильниках, исследованных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым, и выдвинуть положение о принадлежности их местным позднесакским племенам, входившим в состав Усуньского союза [Заднепровский Ю. А., 1971]. Появились специальные исследования об оседлости усуньских племен [Акишев К. А., 1969; 1970; Абетков А. К., 1970; 1975б], о спелифике исторического развития саков Средней Азии [Акишев К. А., 1973]. В обобщающей работе о петроглифах [Шер Я. А., 1980] дана наиболее полная сводка наскальных рисунков Семиречья времени ранних кочевников. Фундаментальная монография о кургане Иссык [Акишев К. А., 1978] ввела в научный оборот ценный комплекс по культуре, идеологии и искусству сакских племен Семиречья. Еще одна монография, в основе которой также лежит материал из кургана Иссык, стала первым специальным трудом, посвященным искусству и мифологии саков [Акишев А. К., 1984].

Важным этапом в изучении истории кочевых народов Средней Азии явился созыв специального совещания «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» (Ленинград, 1975 г.), целиком посвященного спорным проблемам хронологии и периодизации. Материалы его полностью опубликованы [Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3; КСИА. М., 1978. Вып. 154]. В 1983 г. в Государственном Эрмитаже была проведена Всесоюзная конференция по истории культуры Киргизии и издан каталог, содержащий новые материалы ранних кочевников Киргизии и широко известного Шамсинского погребения [Памятники культуры и искусства Киргизии].

Не менее важным событием оказался и выход в свет первого тома «Истории Казахской ССР» [1977], в котором использованы археологические материалы по ранним кочевникам Семиречья, высказаны и аргументированы последние концепции по вопросам хронологии, периодизации, этнической и социально-экономической интерпретации археологических памятников. Вышел первый том «Истории Киргизской ССР» [1984]. В нем впервые всесторонне представлены основные археологические комплексы края, дана характеристика особенностей хозяйства, культуры, социального строя и исторических судеб кочевого населения, обитавшего на территории Киргизии в раннем железном веке.

Следует отметить спорность и противоречивость этнических определений археологических комплек-

сов, особенно тех, что соотносятся с усунями, юечжами, кангюйцами и хунну. Поэтому совершенно необходимы дальнейшие исследования.

Остается насущной задачей разработка самостоятельной (независимой от скифо-сарматских аналогий) хронологии археологических памятников кочевников Средней Азии, основанной на эволюции местных предметов, особенно вооружения, конского снаряжения и др. Работа в этом направлении уже началась и дала положительные результаты [Сорокин С. С., 1956а; Литвинский Б. А., 1965; Медведская И. Н., 1972; Акишев К. А., 1973].

По-прежнему дискуссионен вопрос о хронологии памятников кенкольского типа, и Кенкольского могильника в частности. После пересмотра С. С. Сорокиным первоначальной даты этих памятников в литературе долгое время господствовала точка зрения об отнесении Кенкола ко II—IV вв. [Сорокин С. С., 1956а; 1956б]. Однако последние раскопки Кенкольского могильника позволили несколько расширить хронологические рамки памятника, выделить более ранние и более поздние захоронения и отнести его к I—V вв. [Кожомбердиев И. К., 1963. С. 76]. Но и сейчас нельзя считать этот спор окончательно решенным.

Нет единства в вопросах периодизации истории кочевников Средней Азии, и Семиречья в частности, хотя всеми выделяются сакский и усуньский периоды. Две первые периодизации сако-усуньских памятников были предложены А. Н. Бернштамом [1950; 1952]. Позднее Е. И. Агеева [1961] и Г. А. Кушаев [1963] дали более дробное членение памятников усуньского времени.

Более всего соответствует современным представлениям периодизация, принятая в первом томе «Истории Казахской ССР» [1977. С. 272, 310] и являющаяся по существу модификацией археологической схемы А. Н. Бернштама и Е. И. Агеевой. Оговаривая относительность абсолютных дат, мы в настоящем разделе придерживаемся в основном именно этой периодизации, которая имеет следующий вид: I — раннесакский период (VIII—VI вв. до н. э.); II — сакский период (V—III вв. до н. э.); III — усуньский период (III в. до н. э. — V в. н. э.) с тремя этапами: ранний (III—I вв. до н. э.), средний (I—III вв.), поздний (III—V вв.)¹ и вносим в нее лишь некоторые коррективы.

В первую очередь это касается «удревнения» самого раннего этапа сакской культуры и включения в него VIII века до н. э. Надо сказать, что в первой периодизации А. Н. Бернштама также фигурировал VIII век до н. э., интуитивно выделенный на крайне малочисленных фактах. В настоящее время VIII век до н. э. выделяется более обоснованно [Акишев К. А., 1973; Акишев К. А., Акишев А. К., 1978; Грязнов М. П., 1983а], хотя до сих пор в Средней Азии еще не открыты наиболее ранние памятники, подобные курганам Аржан и Высокая Могила.

Использование в названии периодов этнических наименований связано с желанием исследователей

¹ Названия периодов условны. Особенно это касается усуньского периода, поскольку начало его мы относим к III в. до н. э., а массовое появление усуней, как и юечжей, на этой территории датируется серединой II в. до н. э.

увязать археологические памятники с определенными этническими образованиями, известными по письменным источникам, что, к сожалению, не всегда согласуется с хронологией. Поэтому надо иметь в виду относительность этих отождествлений, тем более что этнический состав среднеазиатских кочевников представлял собой гораздо более сложную картину.

РАНЕСАКСКИЙ ПЕРИОД (VIII—VI вв. до н. э.). В Семиречье, как и в других частях евразийского пояса степей, раннесакские памятники изучены недостаточно. Они представлены единичными могилами с довольно бедным инвентарем, а также отдельными находками изделий «скифской триады».

Могилы имеют три разновидности: обычные грунтовые ямы, подбой и каменные ящики. Последние можно рассматривать, видимо, как пережиточное явление, связанное с эпохой бронзы. Захоронения различаются также ориентировкой погребенных: на запад, северо-запад и северо-восток. Все это указывает, быть может, на этнокультурную разнородность саков Семиречья. Иногда умершего сопровождало погребение верхового коня в отдельной яме. В могилу ставили ритуальную пищу — мясо барана. Инвентарь погребений беден и однообразен, оружие отсутствует. В могилах находят предметы конской упряжи с характерными стремевидными удилами, пряжками и ворворками. В этот период, особенно к концу его, в Семиречье уже были известны изделия прикладного искусства, выполненные в так называемом зверином стиле. В быту население употребляло простые бронзовые ножи, деревянные и костяные гребни. Лепная круглодонная посуда, частично изготовленная на матерчатом шаблоне, резко отличалась по форме и отсутствию орнамента от керамики позднебронзового века. Случайно найденные бронзовые и железные акинаки с бабочковидным перекрестьем, а также наконечники стрел ромбовидной формы со втулкой и некоторые другие изделия по аналогии с раннескифскими относят к раннесакскому периоду. Таким образом, все три компонента знаменитой «скифской триады» — оружие, уздечный набор, звериный стиль — уже представлены в культуре саков Семиречья раннего периода.

Памятники этого периода встречены в четырех пунктах Семиречья и Тянь-Шаня (Тюп). Следует отметить близость культуры саков Семиречья культурам Центрального Казахстана (Тасмола), Приаралья (Уйгарак) и Алтая (Майэмир). Скифо-сакская культура появилась, как считают некоторые археологи [Грязнов М. П., 1983а], в сложившихся формах в разных частях Великого пояса степей Евразии, от Тувы (Аржан) до Украины (Высокая Могила), почти одновременно, в VIII в. до н. э. Этот процесс сложения культуры ранних кочевников захватил, очевидно, Семиречье и Тянь-Шань.

Наиболее ранние погребения периода обнаружены в могильниках Каргалы и Биже. Первый находится в ущелье, в 50 км к западу от г. Алма-Ата. Под насыпью из камней обнаружены захоронения в каменных ящиках, перекрытых плитами. В одной из могил на большой глубине лежал костяк, черепом на северо-восток. Рядом найдены бронзовый листовидный нож длиной 10 см, круглое в сечении шило и небольшой круглодонный лепной горшок. А. Н.

Бернштам [1941б] датировал могильник VIII—VII вв. до н. э. Другие исследователи относят его к VII—VI вв. до н. э. [Акишев К. А., 1977]. Малочисленность раскопанных курганов и найденных вещей затрудняет определение абсолютной даты.

В долине р. Биже, в 40 км к юго-западу от г. Талды-Курган, раскопано пять ограбленных еще в древности курганов. Как и в Каргалы, захоронения находились в каменных ящиках, погребенные лежали головой на запад. Возле курганов найдено четыре уздечных набора: бронзовые удила со стремевидным завершением и дополнительным отверстием, трехдырчатые изогнутые псалии, два навершия, заканчивающихся головами горных козлов (табл. 26, 2, 3), разные ворворки и подвески, а также многочисленные бронзовые колечки, украшавшие ремни поводов. Эти находки достаточно обоснованно отнесены к VIII—VII вв. до н. э. [Акишев К. А., Акишев А. К., 1978]. Можно думать, что и захоронения в курганах Биже также относятся к этому времени.

В долине р. Чилик, притока р. Или, в большом разновременном могильнике Джувантобе раскопано несколько сакских курганов. Под насыпью одного из них обнаружены две расположенные рядом могилы, перекрытые деревом и ветками. В северной яме лежал полный скелет лошади спиной вверх, с подогнутыми ногами. В зубах ее находились бронзовые стремевидные удила, а рядом — бронзовые ворворки и две подиружные пряжки. В соседней могиле был погребен человек в вытянутом положении на спине, головой на запад. Рядом найден бронзовый нож с небольшой петлей на рукояти, а под ним — костяной гребень с фигурным навершием в виде завитков. В других курганах обнаружены единичные круглодонные лепные сосуды, бронзовый пластинчатый нож, кости барана, бусы. Эти могилы датированы VII—VI вв. до н. э. [Максимова А. Г., 1960]. Все исследованные курганы содержали захоронения рядовых общинников раннесакского времени.

В трех курганах могильника Караша 2, у подножия Киргизского Алатау, в средней части долины р. Талас, оказались захоронения в узких подбоях, вырытых в северо-восточной стенке входной ямы (табл. 26, 35). Подбой были закрыты вертикальными каменными плитами. На древней поверхности могилы были окружены каменными кольцами. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. В могилах найдено немного вещей, но достаточно выразительных: длинные железные булавки с круглым навершием, лепной кувшин с носиком и ручкой, бронзовый пластинчатый нож, фигурная рукоять которого имеет форму головы животного с оскаленной пастью (табл. 27, 6), серебряные украшения из проволоки и бусы. На основании находок курганы датированы VI—V вв. до н. э. [Максимова А. Г., 1969], что разрешает считать подбойные погребения могильника Караша 2 одними из наиболее ранних у кочевого населения Средней Азии.

Особого внимания заслуживает Тюпский клад, найденный еще в конце прошлого века на восточном берегу оз. Иссык-Куль. Он состоит из 20 бронзовых предметов конской упряжи и, очевидно, происходит из разрушенной могилы (табл. 26, 4—11). В него входят наиболее характерные для раннего периода стремевидные удила (без дополнительного отверстия),

близкие аналогии которым известны в материалах Биже и Джувантобе в Семиречье, а также Тасмолинских курганов Центрального Казахстана, Уйгаракского могильника Приаралья и майэмирских комплексов Алтая. С удилами связан бронзовый изогнутый псалий с большим центральным отверстием, весь покрытый рельефным узором (табл. 26, 4). Замечательный образец звериного стиля представляет бронзовая кольцевидная бляшка с изображением бегущих козлов и хищников (табл. 26, 11). Имеются бляшки для перекрещивающихся ремней узды с рельефным узором на щитке, подпружные пряжки. Набор предметов конской сбруи, а также бронзовый нож типичны для VIII—VI вв. до н. э. [Бернштам А. Н.; 1949б; Грязнов М. П., 1983а].

К раннесакскому периоду отнесены некоторые случайные находки бронзовых и железных акинаков с бабочковидным перекрестьем и зооморфным навершием, бронзовый кинжал из Текели (табл. 26, 1) [Акишев К. А., Акишев А. К., 1978], а также втульчатые и черешковые наконечники стрел [Акишев К. А., 1973]. Во время строительства БЧК были найдены двуперые втульчатые наконечники стрел ромбической формы, характерные для памятников VII—VI вв. до н. э. [Бернштам А. Н., 1950].

САКСКИЙ ПЕРИОД (V—III вв. до н. э.). По сравнению с раннесакским периодом количество археологических памятников сакского времени увеличилось во много раз, что свидетельствует о значительном росте численности населения края. Почти все основные районы Семиречья и Тянь-Шаня были обжиты саками именно в это время. Такой крупный демографический скачок стал возможен в результате развития производительных сил кочевых общин. В ходе накопления богатств появились условия для создания колоссальных погребальных сооружений, подобных курганам Иссык и Бешатыр.

Сакские памятники выявлены во многих долинах и изучены значительно лучше, чем раннесакские. Можно выделить несколько групп могильников, часть которых в дальнейшем, по мере накопления материалов, вероятно, составит самостоятельные археологические культуры.

Иссыкская группа объединяет могильники и многочисленные клады, обнаруженные в долинах рек на северном склоне Заилийского Алатау, включая современную территорию г. Алма-Ата. Здесь находились один из крупнейших районов сосредоточения сакских племен и важный центр сакской металлургии. Именно здесь обнаружено наиболее богатое из всех известных на территории Средней Азии и Казахстана погребение знатного сака в кургане Иссык.

Могильник Иссык находится на левом берегу р. Иссык, на северной окраине одноименного города, в 50 км к востоку от г. Алма-Ата. Это большой могильник, вытянутый вдоль реки и состоящий преимущественно из крупных, так называемых царских, курганов. Всего их 40. Знаменитый курган Иссык (16) был раскопан под руководством К. А. Акишева в 1969—1970 гг. Размеры кургана (диаметр 60 м, высота 6 м) впечатляют. Насыпь состояла из чередующихся слоев гальки и щебня с глиной. Под ней оказались две могилы — центральная, полностью разрушенная при ограблении в древности, и непогребенная, южная, в 15 м от первой. Погребальная

камера вшита в материк и представляет собой прямоугольный сруб из пяти рядов бревен (2,9 × 1,5 × 1,5 м). Сверху сруб был перекрыт накатом из бревен. На деревянном полу, на матерчатой подстилке, украшенной золотыми бляшками, лежал погребенный в богатом парадном одеянии и при полном вооружении (табл. 26, 14, 15). Покойник был положен вытянуто на спине, головой на запад, левая рука чуть откинута, а правая прижата к туловищу. По сохранившимся на месте золотым украшениям были детально реконструированы одежда, обувь и замечательный головной убор (табл. 26, 13). Всего в могиле оказалось около 4 тыс. золотых высокохудожественных изделий. На погребенном был короткий кожаный кафтан, сплошь обшитый фигурными украшениями, а под ним — нательная рубаха, рукава которой были украшены мелкими золотыми бляшками. Поверх кафтана был надет парадный пояс с массивными бляхами и к нему подвешены железный меч — справа, кинжал — слева. Штаны по швам и сапоги с длинными голенищами также украшены золотыми бляшками.

В западной и южной частях камеры вдоль стен стояли группами глиняные, деревянные, бронзовые и серебряные сосуды (31) с заупокойной пищей. Глиняные красноощепные кувшины и круглодонные миски с различной профилировкой закраин изготовлены на гончарном круге. Из дерева сделаны прямоугольные блюда с невысоким бортиком, миски и черпак. Особый интерес вызывает серебряная чаша с надписью из 26 знаков (табл. 26, 16), которая, по заключению В. А. Лившица [1980], по всей вероятности, представляет первую надпись на сакском языке. В кургане был похоронен мужчина 16—18 лет, относящийся к европеоидному типу с примесью монголоидных черт. К. А. Акишев [1974; 1978] датировал погребение V в. до н. э. А. К. Акишев [1984], основываясь на анализе художественных изделий, предложил иную дату — рубеж IV—III вв. до н. э. Уникальность материалов кургана Иссык не позволяет однозначно определить время его сооружения. Заметим только, что новая дата не выходит за пределы хронологии сакского периода.

Другой исследованный в Иссыке курган по размерам не уступает описанному выше. Несмотря на ограбление, в нем сохранились бляшки из золотой фольги, два глиняных кувшина и бронзовая курильница (табл. 27, 32), внутри которой находились угольки, зола и обгоревшие щепки. Здесь также было богатое захоронение [Максимова А. Г., 1978]. Иссыкские курганы дают наглядное представление о глубоком социальном неравенстве у саков Семиречья. Об этом можно судить по богатству и пышности погребального обряда. Сооружение подобных усыпальниц стало возможным в результате накопления огромных богатств в руках родовой знати. Получены достоверные данные об одежде, обуви и головном уборе, а также об оружии и украшениях, бытовой утвари того времени. Особенно важное символическое значение имел головной убор из кургана Иссык — сложного устройства, украшенный множеством золотых фигурок коней, барсов, горных козлов, птиц и деревьев. Вся эта композиция олицетворяла главное солнечное божество сакского пантеона. Иссыкский вождь — «золотой человек» — в парадном

сверкающем облачении и ритуально-магическом головном уборе — это солнечный бог-воин. «широкий как мир» [Акишев А. К., 1984. С. 99, 100].

В кургане Иссык обнаружены ценные материалы, выполненные в зверином стиле, которые раскрывают особенности прикладного искусства саков Семиречья. Большое значение имеет находка чаши с надписью. Можно думать, что общество саков, возглавляемое «золотым человеком», являлось союзом племен (вроде авестийской «дахью»), раннегосударственным объединением, в котором власть верховного сакрального вождя еще ограничивалась родовыми учреждениями и не была абсолютной [Акишев А. К., 1984. С. 70].

В 1953 г. в долине Иссыка, поблизости от могильника, найдены три медных котла, чугунный котел, медные блюда и бронзовый, а также железные светильники (табл. 27, 31), украшенные фигурками сидящего человека и лошади [Мартынов Г. С., 1955]. Имеются основания полагать, что часть предметов этого клада одновременно погребению в кургане Иссык. В другом иссыкском кладе находились втульчатый наконечник копья, кинжал с бабочковидным перекрестьем, кольчатые удила, медный котел (табл. 27, 45) [Акишев К. А., 1963].

В долинах Заилийского Алатау и на территории ныне занятой городом Алма-Ата, найдены десятки кладов и отдельные предметы сакского периода, в том числе металлические котлы (табл. 27, 18—21, 37, 40, 43, 44) [Археологическая карта Казахстана; Акишев К. А., 1963; Савельева Т. В., 1980].

Вторая группа могильников — Бесшатырская — включает памятники долины рек Или и Чарын. В этом районе насчитывается до 100 крупных могильников, а общее количество курганов достигает нескольких тысяч. Особенно выделяется Бесшатырский могильник. Он находится на правом берегу Или, в 100 км к востоку от г. Илийск и в 180 км от г. Алма-Ата. Могильник состоит из 31 кургана, которые подразделены на три группы: большие (диаметр 45—105 м при высоте 6—18 м), средние (диаметр 25—28 м) и малые (диаметр 6—18 м). Эти группы, очевидно, отражают социальную стратификацию общества кочевников того времени. Большие курганы — захоронения вождей, в курганах средних размеров хоронили представителей племенной знати, а в малых — рядовых воинов и общинников.

Под насыпью одного из больших (диаметр 52 м) курганов открыто наземное деревянное сооружение из погребальной камеры (3,6 × 4 м), тамбура и коридора. Вход в сооружение был с востока (табл. 26, 12, 17). Стены камеры сделаны из семи-восьми рядов плотно подогнанных бревен. С обеих сторон они удерживались вертикально поставленными столбами. Плоское перекрытие состояло из бревен наката и слоя камышовых матов. После захоронения вход в камеру, а также коридор заложили крупными валунами и затем насыпали огромную насыпь. Усыпальница была ограблена в древности. В других курганах Бесшатыра наземные деревянные сооружения несколько отличались по конструктивным особенностям.

В средних курганах также имелись деревянные сооружения. Один курган оказался по устройству необычным: стены большой погребальной камеры

были глинобитными с примесью щебня. Перекрывала ее накат из бревен и чередующихся слоев камня и кустарника.

Все большие и средние курганы были ограблены и не содержали каких-либо вещей. Датированные находки обнаружены только в малых курганах, где захоронения находились в грунтовых могилах или каменных ящиках, сооруженных на дне грунтовых могил. В одном из курганов было похоронено два человека, лежавших головами на запад (табл. 26, 18). У каждого справа находился железный кинжал, а слева — остатки колчана с бронзовыми наконечниками стрел. Всего было 50 черешковых и втульчатых наконечников 12 типов. Около северного костяка лежали железный умбон и остатки небольшого деревянного щита. У пояса найдена простая железная пряжка (табл. 26, 18—24). Анализ этого комплекса позволил отнести весь могильник Бесшатыр к V до н. э.

Хотя площадь могильника достигает 2 кв. км, памятники, связанные с Бесшатырскими курганами, разбросаны гораздо шире. К ним относятся каменные ограды в окрестностях курганного некрополя. По-видимому, Бесшатырский комплекс был священным местом семиреченских саков, обитавших в долине р. Или. Сюда саки приходили на поклонение, приносили многочисленные жертвы, совершали тризны и различные культовые обряды, устраивали поминки. Места отправлений таких религиозных торжеств и обрядов отмечены сооружением грандиозных оград из менгиров и валунов [Акишев К. А., 1977. С. 268].

Погребальные сооружения рядовых общинников изучены в нескольких пунктах долины Или. Курганы обычно вытянуты цепочкой. Захоронения совершены в грунтовых могилах, которые перекрыты деревянным накатом. Преобладают одиночные погребения, но имеются парные и коллективные (табл. 26, 26). Большинство погребенных ориентировано головой на запад. В могилы клали части туши барана. Погребальный инвентарь, как правило, включает один-два сосуда (табл. 26, 27—34), единичные предметы быта и украшения из железа и бронзы. В некоторых курганах обнаружены зернотерки [Акишев К. А., 1963]. Такие курганы известны, например, в могильнике Кылауз I, расположенном на правобережье Или, в 80 км к востоку от г. Илийск и примерно в 20 км от Бесшатыра.

Группа сакских памятников Чуйской и Таласской долин представлена лишь захоронениями рядовых общинников, погребальный обряд которых аналогичен обряду рядовых погребений долины р. Или. Сопровождающий покойников инвентарь составляют один-два сосуда, украшения, бронзовые наконечники стрел, среди которых встречаются трехперые черешковые и трехгранные втульчатые.

В разных пунктах долины Чу обнаружены случайные находки бронзовых изделий сакского времени несколько кинжалов с прямым клинком, бабочковидным перекрестьем и брусковидным или антенным навершием (табл. 27, 4), а также литые бронзовые котлы на коническом поддоне с двумя вертикальными ручками. Возле Сокулука на БЧК найдена поделка из рога длиной 17 см (табл. 27, 41). Она заканчивается тупой мордой хищника с открытой зубастой

частью Поделка украшена полосой резных треугольников. Верхний острый конец не орнаментирован. Подобные предметы, служившие амулетами, известны в памятниках савроматской культуры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. И там иногда реалистически изображенная голова хищника сочетается с геометрическим узором.

Последняя группа сакских памятников может быть выделена на Тянь-Шане, широко заселенном в то время. В котловине Иссык-Куля и во всех горных долинах Центрального Тянь-Шаня разбросаны правильными цепочками и бессистемно курганы саков, составляющие нередко крупные могильники.

В них наряду с обычными погребениями в грунтовых ямах (табл. 26, 36, 38) открыты курганы с каменными ящиками. Так, в могильнике Туура-Суу в долине р. Тон на южном берегу Иссык-Куля обнаружены погребальные сооружения в форме ящика, сложенного из крупных плит и больших валунов (табл. 26, 37). Они вытянуты по линии запад—восток. С северной стороны к ним примыкают небольшие пристройки из таких же камней. В них, возможно, помещали сосуды. Ящики перекрыты большими плитами, поверх которых возведены насыпи. Инвентарь курганов включает поделки из бронзы (бусы) и железа (нож, кольцо), золотые бляшки, украшения и др. Замечательна золотая фигурка бегущего джейрана. Она укреплена на прямоугольных пластинках, имеющих отверстия (табл. 27, 42). Концы рогов загнуты вверх, а вся фигура выполнена в реалистической манере сакского искусства. Еще одна выразительная находка — костяная пластинка с изображением хищника, вероятно волка, с поджатым хвостом. В 15 раскопанных могилах оказалось всего лишь три глиняных сосуда [Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П., 1975].

Высокогорные долины внутреннего Тянь-Шаня также были широко освоены сакскими племенами. Погребальные памятники исследованы в нескольких пунктах. В Нарынской долине, к западу от г. Нарын, в могильнике Аламышик вскрыто четыре кургана (табл. 26, 38). Погребения совершены в простых грунтовых могилах, перекрытых жердями и каменными плитами. Умерших хоронили в скорченной позе, видимо, следуя погребальной традиции бронзового века. Возле них находились бронзовые ножи и каменные оселки. Такие же бедные погребения оказались в Джергетальском могильнике в долине Ала-Бука (табл. 26, 36). Лишь в одном из них найдено несколько вещей — лещная чаша, бронзовый нож и проколка [Вернштам А. Н., 1952].

В могилах рядовых общинников в долине Кара-Гуджур наряду с лепными сосудами встречены единичные бронзовые предметы — например, круглое зеркало с петлевидной ручкой (табл. 27, 16). Наибольшее количество металлических изделий было в одном из курганов могильника Турасу: два бронзовых браслета, булава и два перстня, а также золотая бляшка. В курганах Внутреннего Тянь-Шаня очень редко встречаются железные изделия [Кирилов А. К., 1959б]. Отсутствие заметных различий в устройстве могил и в погребальном обряде, а также общая бедность и однообразие инвентаря не позволяют выделить четкие локальные особенности культуры саков Центрального Тянь-Шаня.

Котловина Иссык-Куля служила крупным центром металлургии сакских племен. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные находки кладов и отдельных бронзовых предметов. Здесь встречены специальные жертвенно-поминальные комплексы, связанные с культовыми церемониями древних саков. Такой комплекс найден в 1937 г. в небольшой долине Кырчин, к северу от с. Семеновское, на северном берегу Иссык-Куля. Все предметы лежали на глубине 1,5—2 м. Наверху находились два котла. Под одним из них были две курильницы-светильники. Под всеми этими предметами обнаружены два жертвенных стола. Большой жертвенный стол имел форму прямоугольного подноса на четырех ножках с бортиком. Под бортом — две горизонтальные ручки. По углам — отверстия для крепления скульптурных фигурок лежащего длиннорогого быка (типа зебу?). Одна из фигурок была отломана и уцелела (табл. 27, 39). Другой стол меньше и незначительно отличается в деталях. Обнаруженные в комплексе светильники также различаются по форме. Один из них — в виде четырехугольного подноса на ажурной конической подставке. На поверхности подноса укреплены три трубки со сквозными отверстиями. В углу у бортика сохранились две одинаковые скульптурные группы, изображающие нападение хищника на копытное животное. Всего таких фигур было раньше 12 (табл. 27, 30). Другой светильник — в форме круглой чаши, также на ажурной конической подставке. В центре чаши — две трубки с отверстием наверху. На бортике чаши — 11 скульптурных фигурок идущих барсов (табл. 27, 29). Из двух котлов полностью сохранился только один. На тулове его крестообразно расположены две горизонтальные и две вертикальные ручки. Все эти культовые предметы использовались в религиозных церемониях, связанных с культом священного огня и солнца. Они раскрывают некоторые особенности религиозных представлений саков [Зима Б. М., 1941; 1982]. Возможно, что в долине Кырчин находилось одно из святилищ сакского времени под открытым небом. Сюда саки периодически съезжались для совершения культовых обрядов, жертвоприношений и поклонения священному огню и солнцу.

Специальных храмов у кочевников Семиречья и Тянь-Шаня не было, но, как и у скифов, у них существовали священные места, где находились бронзовые котлы особо больших размеров и совершались культовые обряды. Следы святилища на открытом воздухе недавно выявлены у с. Чильпек на юго-восточном берегу Иссык-Куля. Здесь найден сакский жертвенник прямоугольной формы с бортиком и двумя ручками для переноса. Из четырех ножек сохранились две в виде одинаковых женских фигур (табл. 27, 35). Хорошо переданы черты лица явно монголоидного облика — с раскосыми глазами и большим широким носом. На голове — диадема. Обнаженные почти до плеч руки подняты вверх и касаются головы. На запястьях — широкие браслеты. Одежда состоит из кофты с короткими рукавами, украшенной вертикальной широкой полосой с елочным узором, и юбки со складками, расширяющейся книзу. Ножки в виде женских фигурок обнаружены на семиреченских жертвенниках впервые. Рядом находились обломки трех бронзовых котлов с ручками. На

одном из них сохранилось изображение лежащего животного (зебувидного быка?; табл. 27, 36). Имелись также обломки железного котла. Все предметы залежали на глубине 1,5 м. При раскопках здесь обнаружили остатки долговременного костра и обломки массивной жаровни. В культурном слое оказалось много битой лепной посуды, в том числе украшенной вертикальными полосками красной краски, кости барана. На этом участке, таким образом, удалось впервые выявить длительно существовавшее сакское святилище огня. Примечательно, что оно находилось недалеко от известного Чильпекского могильника более позднего, усуньского, времени [Винник Д. Ф., 1977].

В качестве переносных алтарей иногда использовали более простые предметы, изготовленные из камня.

У с. Беловодское, на трассе БЧК, найден каменный алтарь в виде небольшого овального столика на четырех массивных ножках (табл. 27, 33) [Бернштам А. Н., 1950]. Внешняя сторона бортика украшена рельефными узорами в виде «занятых». Такие же узоры имеются на ножках. На горизонтальной поверхности есть неглубокое углубление. Подобные переносные алтари или жертвенники нередко встречаются в памятниках савроматского времени Южного Приуралья и Западного Казахстана. Как правило, их находят в женских погребениях. Использовались эти предметы для различных культовых церемоний и прежде всего как алтари священного огня.

Иной состав предметов содержит клад из с. Каменка на северном берегу Иссык-Куля (табл. 27, 10—13, 17). Он состоит из четырех пар двукольчатых удили, втульчатого наконечника копыя, обломанного бронзового кинжала, который по форме похож на кинжалы Чуйской долины. Клад включает также дисковидное зеркало и кельт-тесло с ушком. Все предметы находились в котле сакского типа. Они также могут рассматриваться как жертвенно-поминальный комплекс [Кызласов Л. Р., 1972].

В Таласской долине и во многих долинах вокруг Иссык-Куля встречены большие скопления наскальных рисунков. Особенно многочисленны они в районе Чолпон-Ата, в Тонской долине. Выделяются выразительные образцы рисунков сакского звериного стиля — изображения козлов, оленей и хищников [Гапоненко В. М., 1963; Шер Я. А., 1980].

В районе высокогорных долин Внутреннего Тянь-Шаня также известны случайно найденные сакские культовые предметы. Особый интерес вызывает найденный в Нарынской долине бронзовый жертвенник [Памятники культуры и искусства Киргизии]. Он прямоугольной формы, с высокими бортиками на ножках и двумя ручками. На бортике были укреплены 22 скульптурные фигурки хищников (тигров?). Изображение шествия зверей, несомненно, имеет магическое значение. Этот жертвенник — лучший из всех обнаруженных в Киргизии (табл. 27, 34), и он мало чем отличается от известного семиреченского алтаря. В верованиях саков, принадлежавших к иранским кочевым народам древности, было много общего с соседними кочевыми и оседлыми ираноязычными народами Средней Азии, а также со скифами и савроматами. Некоторые различия проступают при сравнении памятников искусства, в которых запечатлены религиозные и идеологические представления саков.

Саки обожествляли явления природы. Главным божеством было Солнце. Поклонение Солнцу связано с почитанием огня. Конь выступал как культовый зооморфный символ главного божества. Широко был распространен культ предков. В целом религиозные представления саков являют собой причудливое смешение разнообразных верований, которые не сложились еще в единую упорядоченную систему.

К наиболее высоким культурным достижениям сакских племен Семиречья и Тянь-Шаня следует отнести создание высокохудожественных произведений прикладного искусства, выполненных в зверином стиле (табл. 27, 29, 30, 34, 36—44). Из разных материалов они создавали изображения хорошо знакомых животных, а также экзотических зверей, таких как лев и тигр.

В сакский период произошли изменения в форме хозяйства, условиях жизни, быта и во всей культуре сакского населения. Резко изменился тип жилища. Были созданы разборные, легкоперевозимые войлочные юрты, наиболее приспособленные к новому образу жизни. Одежда и утварь соответствовали условиям кочевой жизни. Исключительно важную роль в хозяйстве и жизни саков играл верховой конь. Конь сопровождал кочевника с раннего детства. Каждый свободный общинник был в то же время воином, и поэтому столь большое значение саки придавали качеству и надежности конского снаряжения и боевого оружия. Именно в них с наибольшей силой проявились специфические особенности культуры, и в них наглядно проступают прогрессивные усовершенствования.

Материалы свидетельствуют о большом развитии металлургии у сакских племен Семиречья и Тянь-Шаня и о ее высоком техническом уровне (табл. 27). Можно говорить о совершенствовании приемов обработки дерева, кости и камня, а также шерсти и войлока.

Мастерство местных ювелиров демонстрирует замечательный набор штампованных бляшек сакского периода, происходящий из разрушенного кургана (V—IV вв. до н. э.) у сел. Барскоон на южном берегу Иссык-Куля. Сохранилось около 150 предметов и среди них куски металла, составляющие отходы производства. Имеются прямоугольные бляшки с изображением головы тигра с оскаленной пастью, окаймленные вертикальными планками, с отверстиями для нашивки. На других бляшках изображены голова волка анфас или кабана в таком же обрамлении. Среди фигурных бляшек геометрической формы встречены экземпляры с рельефным растительным орнаментом (табл. 27, 22—28). В этом наборе есть заготовка для прямоугольной бляшки, которая после штамповки была вновь прокована, а также обломки и обрезки металла. Бляшки предназначались для украшения одежды. Поскольку все они изготовлены из бронзы, то могли украшать одеяние не столь знатного сака, как похороненный в кургане Иссык. Находки вместе с ними отходов производства дают основание предположить, что здесь был похоронен ремесленник. Возможно, эти находки образуют клад ремесленника. В любом случае Барскоонский комплекс дает возможность изучать особенности производства ювелира-торевта эпохи саков [Памятники культуры и искусства Киргизии. С. 31].

УСУНЬСКИЙ ПЕРИОД, РАННИЙ ЭТАП (III—I вв. до н. э.). На рубеже III—II вв. до н. э. в истории Семиречья и Тянь-Шаня наступает новый этап, связанный также и с переселением в середине II в. до н. э. кочевых племен юечжей и усуней из Центральной Азии. Усуни вскоре подчинили местные сакские племена и часть юечжей. Но в большинстве юечжи продвинулись на юг Средней Азии и создали там основы будущего Кушанского государства. Сложившийся Усуньский племенной союз можно рассматривать как более или менее устойчивое раннеклассовое образование. Усуни обитали в Семиречье до середины V в. н. э., а точнее, до вхождения их в состав Тюркского каганата в середине VI в. н. э.

Об усунях довольно подробно сообщается в письменных источниках. Они активно участвовали в политической истории Восточной и Средней Азии, были противниками хунну и поддерживали дружеские отношения с соседними кочевыми владениями Кангуй и Давань. Союз с усунями, направленный против хунну, заключило Ханьское государство. Саки и юечжи также принимали участие в важнейших исторических событиях эпохи, связанных с движением кочевых народов против Греко-Бактрии, закончившимся ее крушением и созданием новой могущественной Кушанской империи. Таким образом, кочевые народы Семиречья и Тянь-Шаня с последних веков до нашей эры начали выступать как важная сила на мировой исторической арене.

Усуньское владение было раннегосударственным объединением кочевников. Ставка усуней — город Чигу (Город красной долины) — находился в котловине Иссык-Куля. Он был административным и торговым центром. Правда, местоположение его пока точно не установлено, и о локализации Чигу существуют разные суждения.

По хуннскому образцу Усуньское владение было, очевидно, разделено на три части. Во главе их стояли правитель и два его сына. Каждый из них имел личную дружину по 10 тыс. конников. Функционировал довольно развитый аппарат управления из 16 высоких должностных лиц. В своей деятельности правитель опирался на совет старейшин.

Имущественное неравенство во владении скотом и пастбищами достигло значительного уровня. Социальное расслоение устанавливается по археологическим данным и сведениям письменных источников. Имеются сообщения о закреплении преимущественного права пользования отдельными пастбищами. По уровню социально-экономического развития общество усуней было примерно равно хунну. Усуньский союз представляет собой пример достаточно высокого развития социальной организации кочевого общества.

После включения в состав Усуньского союза местных сакских племен, а также юечжей численность объединения достигла 630 тыс. человек [Бичурин Н. Я., 1950б. С 190]. Однако вполне вероятно, что основную массу населения Семиречья и Тянь-Шаня в то время по-прежнему составляли местные племена саков — потомки древних саков ахеменидской эпохи. Преобладание местного населения должно было отразиться на составе археологических памятников. Согласно письменным источникам, население Семиречья и Тянь-Шаня в этническом отношении было

разнородным. Здесь обитали три народности — саки, юечжи и усунни. Не противоречат этому и археологические материалы, которые представлены одновременными памятниками разного типа. Так, некоторые исследователи насчитывают до 12 различных вариантов погребальных сооружений [Агеева Е. И., 1960; 1961]. Возникает трудная задача сопоставления археологических памятников с конкретным этносом. Первоначально, как уже говорилось, все курганы III—I вв. до н. э. относили к памятникам усуней [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938]. Позднее была высказана мысль, что только захоронения в курганах, расположенных цепочками и отличающихся большим богатством, могли принадлежать господствующим племенам усуней. Погребения же, обнаруженные в беспорядочных группах курганов, могут быть связаны с племенами сэ (саками античных авторов) или юечжи [Тереножкин А. И., 1941. С. 75]. Критический разбор материалов и гипотез приводит к заключению, что памятники с грунтовыми могилами составляют основную массу захоронений местного населения усуньского периода. В них можно проследить непосредственное развитие от сакских комплексов середины I тысячелетия до н. э. Это видно при сопоставлении материалов могильника сакского периода V—IV вв. до н. э. Кзылауз I и раннеусуньского памятника III—II вв. до н. э. Капчигай III. Оба памятника находятся в долине р. Или. В обоих могильниках курганы располагаются цепочками. У основания насыпи, под ней или на ней находятся каменные кольца. Основную массу погребений составляют грунтовые могилы (в Капчигай III только пять подбойных из 30), перекрытые деревом. Захоронения в обоих могильниках, как правило, одиночные (Кзылауз I — $\frac{2}{3}$ всех могил), ориентировка — головой на запад или северо-запад. В могилах находят кости овцы, один-два сосуда и в небольшом количестве подделки из железа и бронзы.

Как видим, сходство в погребальном обряде очень значительно. Только разное количество железных и бронзовых изделий в могилах и некоторое отличие форм посуды позволяют хронологически разграничить рассматриваемые памятники. Проведенное сопоставление говорит о преемственном развитии местных племен в сакское и более позднее, усуньское, время.

Тесные генетические связи культуры и памятников сакского и усуньского периодов отмечены всеми исследователями. Этим и объясняется появление терминов «сако-усуньская культура», «сако-усуньские памятники» [Бернштам А. Н., 1941а; 1941б; Кушаев Г. А., 1963]. Все данные указывают на длительное сохранение у ранних кочевников Семиречья одинаковых простых могильных сооружений, одних и тех же или очень близких погребальных обрядов и на значительное сходство инвентаря. Из этого следует вывод, что население, оставившее наиболее массовую группу памятников усуньского времени, правомерно отождествлять с потомками местного сакского населения, а сами могильники рассматривать как позднесакские памятники [Заднепровский Ю. А., 1971; Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К., 1984].

Можно предполагать, что погребальный обряд у пришлых юечжийских и усуньских племен отличался

ся от обряда местного, подчиненного ими населения. И действительно, появление усуней и юечжей, а также, вероятно, и других пришлых племен, имена которых не сохранились в источниках, совпадает во времени с широким распространением в Семиречье и на Тянь-Шане могильников с захоронениями в катакомбах и подбоях. Естественно предположить, что они могли быть оставлены усунями и юечжами. Однако убедительных доказательств для однозначного решения вопроса об этнической атрибуции этих памятников нет [Заднепровский Ю. А., 1971; 1975б]. Пришлое население в Семиречье постепенно смешивалось с местным, и на протяжении 600—700 лет совместного проживания выработалось определенное единство.

В Семиречье и на Тянь-Шане археологи выделяют две основные и наиболее распространенные группы памятников. Первая — позднесакские (т. е. местные) могильники с захоронениями в грунтовых могилах, которые отличаются однообразным устройством и малочисленностью инвентаря. В разных частях Семиречья и Тянь-Шаня они исследованы неравномерно. Эти памятники объединяют в чильпекскую группу по могильнику, исследованному в 1928 г. М. В. Воеводским и М. П. Грязновым. Ареал памятников охватывает все Семиречье и долины Тянь-Шаня. Характерно расположение курганов правильными цепочками. На позднем этапе такое размещение сменяется бессистемным. Устойчивым признаком служит каменное кольцо в основании кургана. Захоронения совершали в простых грунтовых могилах, стенки которых изредка укрепляли деревом. Сверху они перекрыты деревянным накатом или каменными плитами. Погребенные положены вытянуто на спине, головой, как правило, на запад (табл. 28, 1), иногда с отклонениями. Почти во всех могилах находится по одному костяку. Иногда встречаются курганы, под насыпью которых имеются две-три могилы. Все умершие лежат не в гробу, а непосредственно на дне могилы. В ней обычно находят один-два сосуда, изредка железный или бронзовый нож (табл. 28, 11, 12, 14—16; 29, 2, 3), а в женских захоронениях — предметы туалета и украшения: зеркала, железные иглы и булавки, иногда с фигуркой птицы наверху (табл. 28, 8, 9, 13; 29, 42—45, 48, 49), перстни, подвески, железные браслеты, бусы (табл. 28, 10; 29, 33—41, 50—58). Оружие бывает очень редко. В поздних погребениях обнаружены меч и костяные наконечники стрел (табл. 29, 1, 4, 6). Во многих могилах находят кости барана — остатки ритуальной пищи [Кушаев Г. А., 1963]. Исключительно редки привозные вещи и изделия из драгоценных металлов. Из 500 известных курганов лишь в четырех-пяти могилах встречены подобные вещи. В нескольких могилах найдены зернотерки.

Глиняная посуда — лепная, часто изготовленная на матерчатом шаблоне. Почти вся она круглодонная и обычно без украшений (табл. 28, 18—33). В курганах Чуйской долины было всего несколько явно привозных сосудов (гончарных) с росписью (табл. 28, 17; 29, 59—61) [Абетеков А. К., 1966]. Такие же имеются и в долине Или. Типичные формы местной посуды — это полусферические чаши и миски с разной профилировкой закраины, горшки грушевидной формы, изредка снабженные петлевидными

ручками [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938; Агеева Е. И., 1961; Кибиринов А. К., 1959б; Кушаев Г. А., 1963; Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963; Абетеков А. К., 1967]. Достаточно широко были распространены посуда из дерева и деревянные столики (табл. 29, 62—65).

В усуньское время по-прежнему плотно были заселены горные долины Тянь-Шаня. На юго-восточном берегу Иссык-Куля расположены эталонные памятники чильпекской группы, прежде всего Чильпекский могильник около г. Пржевальск. В грунтовые могилы умершего укладывали на подстилку из коры деревьев или камышовую и покрывали такой же циновкой. В могилу, как правило, клали куски мяса барана или быка. В одном погребении вместе с костями человека лежал полный скелет лошади. Кроме глиняных сосудов, единичных металлических предметов, найдено деревянное блюдо для резания мяса. Из предметов туалета особое значение имеют находки бронзового зеркала с короткой ручкой в виде головы грифона и булавки с массивным навершием в форме птички (табл. 29, 44, 48). Отметим костяные накладки на лук, каменный жернов. Чильпекские курганы по обряду погребения и составу керамики сходны с могильником Бурана. Остатки богатых захоронений выявлены в двух курганах каракольской группы на окраине г. Пржевальск [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938].

Судя по большому количеству памятников в долинах рек Заилийского Алатау и Или в усуньское время, здесь продолжался рост численности населения. В этих районах насчитывается более 20 мест крупных скоплений могильников, отделенных друг от друга свободными пространствами [Агеева Е. И., 1960; Кушаев Г. А., 1963]. Такое распределение можно рассматривать как отражение родо-племенной группировки населения. Всего здесь вскрыто более 370 могил с однообразными рядовыми погребениями, в большинстве случаев довольно бедными.

Однако среди памятников Семиречья выделяется огромный Талгарский могильник (на окраине г. Талгар), где захоронения совершали в больших грунтовых могилах, стены которых выложены камнем. Ямы перекрыты накатом из бревен. Большинство могил ограблено, но все же сохранились золотые украшения, железные ножи и глиняные сосуды. В одной могиле оказалось около 500 бляшек из золотой фольги, нашитых некогда на одежду из красной кожи (табл. 29, 13, 16, 18). Здесь же найдена глиняная печать, на которой изображено крылатое животное с головой козла. В другой могиле была бляшка полихромного стиля со схематическим изображением лица человека [Максимова А. Г., 1980]. Неосновательно «древненняя» дата могильника (IV—III вв. до н. э.) в настоящее время определена в рамках II—I вв. до н. э. [Акишев К. А., 1983. С. 242].

Особый интерес вызывает Каргалинское погребение женщины-шаманки. Оно случайно обнаружено в 1938 г. в Каргалинском ущелье, примерно в 30 км от г. Алма-Ата. Захоронение в расщелине скалы содержало набор украшений одежды и головного убора. Всего там оказалось около 300 предметов из золота с инкрустацией из бирюзы, в том числе два перстня со скульптурными фигурками двугорбого верблюда (табл. 29, 30, 31) и разнообразные пластин-

ки (табл. 29, 9). Знаменита диадема (табл. 29, 7) в виде прямоугольной пластинки (длина около 40 см, ширина 4,7 см), все поле которой заполнено изображениями зверей, птиц и людей, окруженных сложным растительным орнаментом. Среди них на подставке стоят крылатая лошадь и фигура дракона, на котором верхом сидит человек. Некоторые детали инкрустированы сердоликом, алмандином, бирюзой. Сочетание реальных и мифических персонажей, развитой орнаментализм характеризуют высокое мастерство древних мастеров [Бернштам А. Н., 1940а]. Погребение датируется I в. до н. э. — II в. н. э. Представляется более реальной недавно предложенная датировка II в. до н. э. — I в. н. э. [Кузьмина Е. Е., Сарияниди В. И., 1982. С. 22; ср.: Акишев К. А., 1983 — II—I вв. до н. э.].

Богатое захоронение III—II вв. до н. э. выявлено в одном из курганов могильника Тенлик в долине р. Каратал в восточном Семиречье. Одежда знатного кочевника была украшена сотнями золотых художественных бляшек, в том числе с изображением всадника в плаще (табл. 29, 10). Здесь же найдены железные заколки или булавки, обтянутые золотым листом и богато орнаментированные розетками (табл. 29, 46, 47). Кроме того, найдены бронзовое зеркало, деревянная шкатулка, украшенная полосками золота [Акишев К. А., 1977; 1983].

Изображения коня на бляхах из Тенлика дают представление о породе местных лошадей. Они отличались общей массивностью, сильно развитой грудью и крупной головой на толстой шее. Эти изображения выделяются среди всех известных изображений лошадей Евразии, но близки изображениям усуньских лошадей, представленным на ханьской черепице последних веков до нашей эры [Заднепровский Ю. А., 1962].

В других районах Семиречья также имеются памятники усуньского периода. Так, для Чуйской долины наиболее характерен Бураинский могильник к югу от г. Токмак. В больших овальных грунтовых могилах находилось от одного до трех погребенных, лежавших головами на запад. Умерших снабжали большим количеством сосудов, очевидно, с молоком и жидкой пищей, а также кусками мяса барана, лошади и быка. Все могилы ограблены. Сохранилось до 50 золотых украшений (перстни, бусы, различные бляшки; табл. 29, 32, 35). Разнообразны по форме фигурные накладки, вырезанные из золотой фольги (табл. 29, 8, 11, 15, 21, 25—27). В нескольких могилах найдены остатки красного лака. Довольно много железных предметов, в том числе наконечников стрел. Все сосуды лепные. Особый интерес вызывает кувшин, украшенный мазками красной краски (табл. 28, 17). Могильник Бурана по находкам привозных украшений эллинистического производства датирован в пределах III в. до н. э. — I в. н. э. [Воеводский М. В., Грязнов М. П., 1938]. Он может рассматриваться как типичный памятник поздних сакских племен, обитавших в усуньский период в долине Чу.

К чильпекской группе относится ряд могильников в западной части Чуйской долины [Абетеков А. К., 1967]. Здесь преобладают захоронения в грунтовых ямах с бедным инвентарем, но обнаружены и немногочисленные захоронения в подбойных могилах.

В этом отношении наблюдается большое сходство с памятниками долины Или.

В Таласской долине к этому времени относится более 100 исследованных курганов. Свообразием отличаются курганы Таш-Арыка. Под насыпью, на уровне дневной поверхности, находился небольшой каменный холм, окруженный кольцом из крупных камней. Под ним была грунтовая могила, перекрытая каменными плитами и слоем камыша. В одном кургане могильника Тош-Башат грунтовая яма также была перекрыта каменными плитами. В стенке могилы выкопана ниша, в которой стояли глиняный круглодонный котел с налепными горизонтальными ручками и горшок, изготовленный на матерчатом шаблоне. Во всех могилах инвентарь беден, но встречаются и исключения. Так, в могильнике Джеле-Тюбе в одной могиле было два костяка. Возле одного найдены два бронзовых браслета со схематическими изображениями головы животного, бронзовый крючок, раковины каури, а также золотые бляшка и медальон со вставкой цветного камня. В этой могиле было три лепных сосуда [Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963].

Более 60 курганов раскопано в четырех могильниках у северного подножия Киргизского Алатау (в средней части долины Таласа). Захоронения совершались в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами или деревом. Иногда под одной насыпью находились две, реже — три могилы. Характерную особенность составляют небольшие ниши, в которых помещены сосуды (табл. 28, 3—5). Эта деталь свойственна и памятникам верхнего течения Таласа и, видимо, является признаком локальной группы племен, обитавших в долине этой реки [Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963; Максимова А. Г., 1970; 1972; 1975]. В могилах долины Таласа найдены остатки ритуальной пищи — кости барана. Инвентарь беден: единичные изделия из железа (ножи, булавки), украшения и обычная лепная круглодонная посуда, сходная с керамикой усуньского времени других районов Семиречья. В одном кургане могильника Караша обнаружена глиняная печать с рельефным узором (табл. 29, 29) — редкая находка, указывающая, как и печать из Талгарского могильника, на распространение в то время обычая метить личную собственность.

Среди памятников Иссык-Кульской котловины резко выделяется могильник Соколовка в долине р. Джаргелан (табл. 28, 7). Здесь в одном кургане обнаружена большая погребальная камера с деревянным срубом, стены которого сооружены из вертикально поставленных плах, а потолок — из двух рядов бревен. Остальная часть камеры забита землей и камнем и сверху перекрыта деревянным накатом. Возле погребенного находилось 15 сосудов. По устройству курганы Соколовки напоминают могильник Джергес около г. Пржевальск. Большая грунтовая могила в Джергесе также была перекрыта деревянным накатом. Найденная в Джергесе керамика своеобразна по форме и отличается от обычной усуньской поверхностью красного цвета и орнаментом, поражающим узором на изделиях из кожи. Свообразие этих двух курганов и отличие лепной посуды выделяют их среди других памятников, и не случайно возникло предположение о принадлежности их восточ-

нояечжийским племенам [Бернштам А. Н., 1952].

Памятники усуньского периода с захоронениями в подбоях, исследованные в долинах Или и Чу, а также на Тянь-Шане, объединены в айгырджальскую группу [Заднепровский Ю. А., 1971; 1975б]. Захоронения в могилах с подбоями встречаются в тех же могильниках, где обнаружены простые грунтовые могилы (табл. 28, 2). Погребения в подбоях появляются уже в памятниках III—II вв. до н. э., но основная их масса датируется первыми веками нашей эры (до V в. н. э. включительно). Следовательно, на протяжении длительного времени памятники этой группы сосуществовали с чильпекскими. В Семиречье и на Тянь-Шане обе разновидности погребальных сооружений распространены на одной и той же территории и часто в одних и тех же могильниках. В долине Или грунтовые могилы составляют 76,7%, а подбойные — 19% [Кушаев Г. А., 1963]. Но если объединить усуньские памятники последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры, то получится, что подбой составляют 30%. В долине Таласа раскопано 115 грунтовых и 73 катакомбных и подбойных могил [Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д., 1963; Кожомбердиев И. К., 1963], что составляет примерно 60 и 40%. Приблизительно такое же соотношение на Тянь-Шане, где изучено более 100 грунтовых и около 50 подбойных и катакомбных курганов [Кибиров А. К., 1959б]. Катакомбно-подбойные памятники генетически не связаны с могильниками сакского периода, хотя в ранних сакских комплексах на территории Казахстана известны единичные могилы с подбоями [Кадырбаев М. К., 1966; Кушаев Г. А., 1968; Максимова А. Г., 1969], которые по набору инвентаря мало отличаются от грунтовых. Обычно грунтовые и подбойно-катакомбные погребения встречаются вместе. Так, могильник Айгырджал, находящийся к западу от г. Нарын, содержал курганы с грунтовыми, подбойными и катакомбными могилами. Подбой закрыты вертикально поставленными бревнами (табл. 30, 3). Умершего, как правило, сопровождают заупокойная пища (кусочек барана), железный нож и несколько лепных сосудов. В некоторых могилах найдены железные наконечники стрел и костяные накладки на лук. Имеются деревянные столы, блюда для резки мяса и деревянные чаши. Очень мало украшений. В одном кургане обнаружено захоронение в катакомбе. Оно примечательно находкой железного котла на трех ножках с горизонтальными ручками (табл. 30, 27). Такие котлы чрезвычайно редки в памятниках усуньского времени. Кроме того, в могиле оказались костяные накладки на лук, обломки железного меча и другие вещи. Еще один железный котел найден в подбойном захоронении. Особо отметим, что у одного из погребенных вместо малой берцовой кости был деревянный «протез» [Кибиров А. К., 1959б].

Курганы с подбоями принадлежали рядовым общинникам и не составляли обособленных кладбищ. Это вполне естественно в условиях начального этапа смешения населения разного происхождения. Памятники айгырджальской группы практически одновременны и близки памятникам карабулакской группы на юге Киргизии и тулхарской — в южных областях Средней Азии (см. ниже), хотя датировка первых менее аргументированна. Исследователи южных об-

ластей Средней Азии считают, что могильники тулхарской группы с захоронениями в подбоях оставлены юечками. Общее сходство айгырджальской и тулхарской групп послужило основанием для предположения, что айгырджальские памятники также связаны с юечками. В таком случае распространение могил с подбоями можно рассматривать как отражение процесса передвижения и расселения юечжийских племен по территории Средней Азии [Заднепровский Ю. А., 1975б].

Природные условия Семиречья и Тянь-Шаня благоприятствовали развитию скотоводства. Судя по находкам костей животных в могилах и костным остаткам в исследованных поселениях усуньского времени, население, обитавшее здесь, разводило все виды домашних животных. Ведущая роль принадлежала овцеводству и коневодству. Значительное развитие специализированного коневодства отмечают источники.

Усунь в источниках называют кочевым владением и о хозяйстве сообщают кратко: «Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами. В их владениях много лошадей, и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов» [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 190]. Однако информаторы не смогли разобраться в специфике хозяйства усуней. Своеобразие природных условий Семиречья предопределило особенности развития скотоводческого хозяйства, которое должно быть охарактеризовано как вертикально-сезонное полукочевое. Население последовательно, по сезонам, сменяло пастбища, расположенные в разных географических зонах в пределах Семиречья. Здесь не было условий для непрерывного кочевания. К тому же, в Семиречье скотоводство сочеталось с земледелием.

Открытие археологами поселений усуньского времени внесло существенные изменения в наши представления о хозяйственной деятельности этого народа. В Чуйской долине обнаружено два таких поселения. Одно, у сел. Аламедин, к северу от г. Фрунзе, было сильно разрушено, и на нем удалось собрать только керамику [Тереножкин А. И., 1935]. Другое поселение — Кара-Балта (60×40 м), к западу от г. Фрунзе, также сильно разрушено. Сохранилось лишь одно округлое в плане наземное помещение (5,2×4,4 м). Стены глинобитные, на ровном полу — остатки очага. На вскрытом участке было несколько круглых хозяйственных ям. В культурном слое найдены почти целый сосуд и много обломков керамики, а также глиняное пряслице. Много костей домашних животных. В керамике преобладали большие хозяйственные сосуды, характерные для оседло-земледельческого населения. О занятиях земледелием позволяют говорить также хозяйственные ямы и зернотерки. По керамическому материалу поселение Кара-Балта датируется III в. до н. э. — III—V вв. н. э. А. К. Абетеков, исследовавший памятник, считает, что в III в. до н. э. — I—II вв. н. э. основу хозяйства жителей поселения составляло скотоводство, связанное с кочевым образом жизни, а примерно со II в. н. э. доминирующую роль стало играть земледелие [Абетеков А. К., 1970. С. 69, 70].

Еще одно поселение усуньского периода выявлено

в Тюпском заливе, на юго-восточном берегу Иссык-Куля. Под водой собраны обломки крупных хозяйственных сосудов, более свойственных оседлому населению. Керамика Тюпского поселения сходна с карабалтинской и с находками на поселениях в Кум-Арыке в той же долине Чу, в 20 км от г. Кара-Балта. Таким образом, известно уже четыре поселения в долине Чу и на Иссык-Куле. Следует добавить к этому и древний город Чигу в котловине Иссык-Куля.

Значительно лучше сохранилось поселение Актас, обстоятельно изученное казахскими археологами в долине р. Кегень в восточном Семиречье. В небольшой горной долине выявлено скопление малых поселений I—III вв. В среднем их размеры 80 × 40 м. На Актасе II раскопана 1/3 поселения. Обнаружено пять жилых помещений с хозяйственными пристройками. От постройки прямоугольной формы (площадь 126 кв. м) сохранились каменные фундаменты стен (толщина 1,5—2 м). В помещениях имеются остатки очагов и хозяйственные ямы (?). На поселении найдено много глиняной посуды, целые и обломанные зернотерки, песты, пряслица. На полу лежал обломок бронзового серпа. Среди находок — бронзовые нож и проколка, железные кинжалы, нож, костяные черешковые наконечники стрел [Акишев К. А., 1969]. Это поселение исключительно важно по ряду обстоятельств. Прежде всего бросается в глаза необычный для кочевых племен характер монументальной постройки на каменном фундаменте.

В этом отношении поселение Актас II похоже на Дараут-Курганское поселение усуньского времени в Алайской долине [Заднепровский Ю. А., 1962]. Здесь также открыта часть большой постройки прямоугольной формы с каменным основанием стен. Совпадают размеры стен и характер кладки, а также керамика со своеобразными наклепными ручками. На обоих поселениях найдены обломки сосудов с отпечатками ткани и со следами краски. Одинаковы зернотерки и другие каменные орудия. Следовательно, оба поселения, расположенные на большом расстоянии друг от друга (около 800 км), сходны по типу построек, а по составу и характеру находок относятся к одному и тому же усуньскому периоду.

Однако соотношение костей домашних животных на этих поселениях показывает существенное различие. В Дараут-Кургане преобладают кости овец и коз и очень мало костей лошадей и коров. В Актасе кости мелкого рогатого скота составляют только половину остеологических материалов; костей лошади здесь почти в 10 раз, а коров — более чем в три раза больше, чем в Дараут-Кургане.

В Актасе выявлены неоспоримые доказательства занятия населения земледелием (каменные мотыги для обработки земли и серп для уборки урожая). О том же говорит многочисленность зернотерок. Кроме того, в окрестностях поселения в долине Кегеня открыты остатки оросительных арыков и небольших полей, обрабатывавшихся в древности. Все эти данные позволяют утверждать, вопреки сведениям письменных источников, известное развитие земледелия среди усуней.

Со II—I вв. до н. э. на территории Семиречья и Тянь-Шаня шел активный процесс смешения местного ираноязычного сакского населения с пришлыми племенами юечжей и усуней, имевшими центрально-

азиатское происхождение. В рамках усуньского союза совершались интеграция и консолидация кочевого населения страны. Появление пришлого населения не прошло бесследно. Заметно увеличился монголоидный компонент в европеоидной основе населения. Имеющиеся данные указывают на неоднородность населения в расовом отношении, хотя по-прежнему преобладающим был европеоидный брахикранный (памиро-ферганский) тип Среднеазиатского междуречья [Исмагулов О., 1962; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Трофимова Т. А., 1974; Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984].

УСУНЬСКИЙ ПЕРИОД, СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ ЭТАПЫ (I—V вв.). В историческом развитии кочевников Семиречья и Тянь-Шаня первые века нашей эры представляют следующий этап, связанный с появлением здесь новых кочевых племен центральноазиатского происхождения, известных под собирательным именем гунны (хунны). В этой пестрой по этническому составу группе пришлых племен ведущая роль принадлежала тюркоязычным монголоидам. Еще более дробной и пестрой становится палеоэтнографическая карта расселения племен. Происходят изменения в культуре и быте всего населения.

Однако несмотря на приток нового населения и заметные изменения в культуре, в археологических материалах наблюдается преемственное развитие на протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э. Об этом можно судить по памятникам поздней группы усуньских могильников в долине Или, которые датируются I—III [Кушаев Г. А., 1963] и даже I—V [Агеева Е. И., 1959; 1961; История Казахской ССР] вв. Устройство могил, погребальный обряд и сопровождающий инвентарь генетически связаны с предшествующими во времени памятниками.

Аналогичная картина выявлена на Тянь-Шане. Открытые здесь позднеусуньские могильники дали основание заключить, что Тянь-Шань был местом обитания значительной массы позднеусуньских племен вплоть до IV—V вв., времени включения этой территории в состав Тюркского каганата [Кибилов А. К., 1959б]. В культуре их было много традиционных черт, представляющих прямое развитие особенностей, характеризующих местное сакское население в составе усуньского союза.

По археологическим данным в предтюркский период усуньская культура была распространена на обширной территории восточного Семиречья. К этому времени относится вторичное обживание усуньского поселения Актас II и появление ряда могильников — Актасы и Сарытау.

Наряду с позднеусуньскими памятниками культура кочевников Семиречья первых веков нашей эры представлена могильниками типа Кенкол. Кенкольский могильник находится в верховьях долины Таласа, на левом берегу р. Кенкол. Из 100 курганов раскопана почти половина, в большинстве из них обнаружены катакомбные могилы. Устройство их одинаково: длинный (2—8 м) входной коридор-дромос завершается погребальной камерой-катакомбой, которая, как правило, располагается перпендикулярно дромосу. Круглый вход в катакомбу закрывался каменными плитами или деревянными плахами, очень редко — сырцовым кирпичом. Камеры были боль-

ших размеров и имели сводчатый потолок (табл. 31, 1, 2).

В могилах встречены одиночные и коллективные захоронения. Умершие положены на деревянное ложе или в деревянный (из арчи) гроб. Иногда они лежат на земляном полу, на подстилке из кошмы или цинновке, изредка — на каменных плитах, которыми выложен пол камеры. Устойчивой ориентировки для покойников не было. Погребенных хоронили в полном одеянии. Особые условия местности способствовали сохранению одежды — штанов и шелковой рубашки, прямой, с высоким стоячим воротом и слегка суживающимися рукавами, которые оторочены красным узорчатым шелком. Это древнейшие известные нам образцы одежды населения Семиречья (табл. 31, 28, 29).

Погребенных мужчин снабжали оружием: железным двулезвийным мечом в деревянных ножнах, кинжалом, луком со стрелами. Удалось полностью восстановить сложносоставной лук с роговыми накладками. Железные черешковые трехперые наконечники стрел были небольшими и крупными (длина 6—8 см; табл. 31, 5—8). Имеются также костяные наконечники (табл. 31, 3, 4).

Женщинам клали бронзовые зеркала, щипчики, сурьматаш с кусочком графита, кольца, серьги, бляшки, бусы, деревянное веретено с пряслищем (табл. 31, 11—19, 25—27). В каждой могиле были один-два глиняных сосуда, до пяти деревянных сосудов (чаши, тарелки, кружки, кувшины), деревянные столики на ножках (для резания мяса), плетеные корзинки (табл. 30, 30—34). Изредка ставили глиняную курильницу (табл. 31, 36). Кроме того, полагалась ритуальная пища — мясо барана, рядом — железный нож. В Кенколе найдены обломки деревянной детской колыбели (бешик), которую удалось реконструировать, и сумак — мочеотводная трубка (табл. 31, 24, 35). В могилах встречены железные удила, ножи, пряжки, точильные бруски (табл. 31, 9, 10, 20, 21, 23).

Глиняные сосуды, в отличие от керамики предыдущего периода, как правило, плоскодонные. Часто поверхность их украшена резным орнаментом из волнистых линий. Типы сосудов своеобразны. Значительно большее число их изготовлено на гончарном круге (табл. 31, 37—42). Некоторые из них могут быть местного производства. Большие кувшины с петлевидными ручками, выючные фляги и курильницы в предшествующий период не встречаются.

Среди украшений выделяются золотые серьги со вставками белой пасты, украшенные зернью. Имеются золотые бляшки с цветным камнем, также окаймленные зернью. Среди привозных вещей — ханьские бронзовые зеркала (табл. 31, 26), раковины каури и др. [Бернштам А. Н., 1940б; 1951; Кожомбердиев И. К., 1960; 1963].

У большинства погребенных в Кенколе отмечена искусственная деформация черепа. Погребенные принадлежали к европеоидному типу, но со значительной примесью монголоидных черт [Миклашевская Н. Н., 1964; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Перевозчиков И. В., 1967; Трофимова Т. А., 1974]. Отмечена практика мумифицирования.

Могилики, подобные Кенколу, обнаружены в разных частях долины Таласа, и стало быть, можно

говорить о сплошном заселении ее племенами, оставившими памятники кенкольского типа.

Кенкольский могильник и культуру в целом А. Н. Бернштам связывал с гуннами и рассматривал как памятник начального этапа монголизации физического типа населения и его тюркизации. Синхронизация этих процессов вызвала споры. Вопрос об этнической принадлежности «кенкольцев» остается и поныне открытым. Но как бы он ни решился, этот памятник и вся культура отражают важный переломный момент в истории прежде всего кочевого населения края, связанный с появлением здесь крупных масс кочевников из Центральной Азии, возможных носителей тюркского языка.

Племена, сходные с «кенкольцами» по образу жизни и культуре, обитали и в Чуйской долине, о чем свидетельствуют материалы могильника Кум-Арык, расположенного в 20 км к юго-западу от г. Кара-Балта. Обнаруженные здесь захоронения в катакомбах по устройству, погребальному обряду и материальной культуре близки кенкольским. У большинства погребенных также были деформированные черепа. Среди находок — великолепные ювелирные изделия с инкрустацией и зернью. Особо отметим находку бронзовой монеты с квадратным отверстием [Кожомбердиев И. К., 1976].

Кенкольские памятники резко отличаются от грунтовых погребений Семиречья и в значительной мере — от подбойно-катакомбных захоронений Тянь-Шаня. Особенно заметны эти отличия в погребальном обряде. У «кенкольцев» господствуют катакомбные сооружения; нестабильна ориентировка погребенных; хоронят на деревянном ложе, каменных плитах или в гробу; кладут оружие; больше привозных вещей. Все эти признаки, как правило, отсутствуют в других курганах позднеусуньского времени. Кроме того, резко отличаются формы посуды из катакомб. В них больше керамики, изготовленной на гончарном круге, чаще встречаются деревянная посуда и столики. Кенкольские могильники выделяются и довольно широким распространением обычая прижизненной деформации головы [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. С. 152].

Преемственность в развитии культуры кочевников Семиречья и Тянь-Шаня в сакский и усуньский периоды, вплоть до конца IV — начала V в., свидетельствует об этногенетических связях в среде основной массы населения на протяжении по крайней мере тысячи лет. Вместе с тем спорадические появления кочевых племен центральноазиатского происхождения создавали основу для смешения различных этносов. Но только после массовой миграции гуннских (?) племен в эпоху великого переселения народов сложились условия, которые привели в конце концов к кардинальному изменению этнического состава скотоводов-кочевников Средней Азии. Среди памятников, фиксирующих момент массовых гуннских (?) миграций (конец IV — начало V в.), назовем богатое женское погребение, обнаруженное в ущелье Шамси (Чуйская долина) [Памятники культуры и искусства Киргизии], и погребения воинов, впущенные в культурный слой поселений Кызыл-Кайнартобе (Таласская долина) [Мерциев М. С., 1970] и Актобе 2 (правобережье Сырдарьи, район Чардары) [Древности Чардары. С. 71—79]. Представля-

ется неправомерной датировка всех этих памятников, включая Кенкол, V—VII вв. [Амброз А. К., 1981]. Систематические передвижения центрально-азиатских кочевников в Среднюю Азию, особенно усилившиеся к середине I тысячелетия н. э., способствовали процессу постепенной монголизации физического типа ранее европеоидного сакского населения, а также тюркизации местных ираноязычных

кочевых племен. Процесс этот был длительным и сложным, и только в VI—VII вв. в Семиречье и на Тянь-Шане широко распространилось тюркоязычное население. В обстановке политического господства Тюркского каганата на этой территории происходят коренные изменения в этническом составе кочевников и складывается ядро современных тюркоязычных народов Средней Азии.

Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая

ПАМЯТНИКИ САКСКОГО ВРЕМЕНИ. Памятники кочевников-скотоводов сакского времени² выявлены во всех основных горных долинах, окружающих равнинную Фергану на севере, востоке и юге (карта 3). Лучше всего изучены сакские могильники в обособленной Кетменьтюбинской котловине, в среднем течении р. Нарын, в центре западного Тянь-Шаня, на расстоянии около 100 км к северо-востоку от Ферганской долины. Здесь в 50—70-х годах экспедициями под руководством И. К. Кожомбердиева раскопано более 300 курганов в 15 могильниках, расположенных в разных частях котловины [Кожомбердиев И. К., 1972; 1975а; 1977б]. Более 100 из этих курганов исследовано в Джал-Арыке, и поэтому культура сакского периода Кетмень-Тюбе (табл. 32) названа джаларыкской [Кожомбердиев И. К., 1979; Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К., 1984].

Могильник Джал-Арык II находится на левом берегу р. Чичкан, на месте современного г. Токтогул. В нем насчитывалось 150 курганов. Большинство из них раскопано. В настоящее время это единственный так полно исследованный сакский могильник на территории Тянь-Шаня.

Небольшая часть курганов, преимущественно больших размеров, располагалась цепочками, но большинство их разбросано без системы на узком участке протяженностью более 1 км. В могильнике выделяются курганы диаметром до 40 м, вокруг которых группируются насыпи диаметром 6—8 м с каменными выкладками. Устройство и погребальный обряд одинаковы в больших и малых курганах. Погребения совершали в простых грунтовых могилах, вытянутых с запада на восток. Насыпи и могилы различались по размерам, что, по всей вероятности, соответствовало социальному положению умершего. В больших курганах могилы (глубина до 2 м) почти всегда перекрыты накатом из бревен арчи. В них находился, как правило, один костяк (табл. 32, 1). В других могильниках изредка встречаются двойные захоронения или две-три могилы под одной насыпью [Ташбаева К. И., 1981]. Погребенные лежат вытянуто на спине, обычно головой на запад. Мужчинам в могилы клали оружие: железные кинжал, чекан, стрелы в колчане (табл. 32, 2—11), от которого сохранился бронзовый крючок (табл. 32, 12). Женщин сопровождали разнообразные предметы туалета, зеркала, а также украшения: серьги, булавки, кольца, подвески-амулеты, раковины каури и разнообразные

бусы (табл. 32, 14—18, 47). Несмотря на ограбления, обнаружены единичные украшения из золота, серебра и бронзы, выполненные в скифском зверином стиле (табл. 32, 26—31). Имеются также различные поделки из бронзы и серебра, иногда с узорами (табл. 32, 19—24).

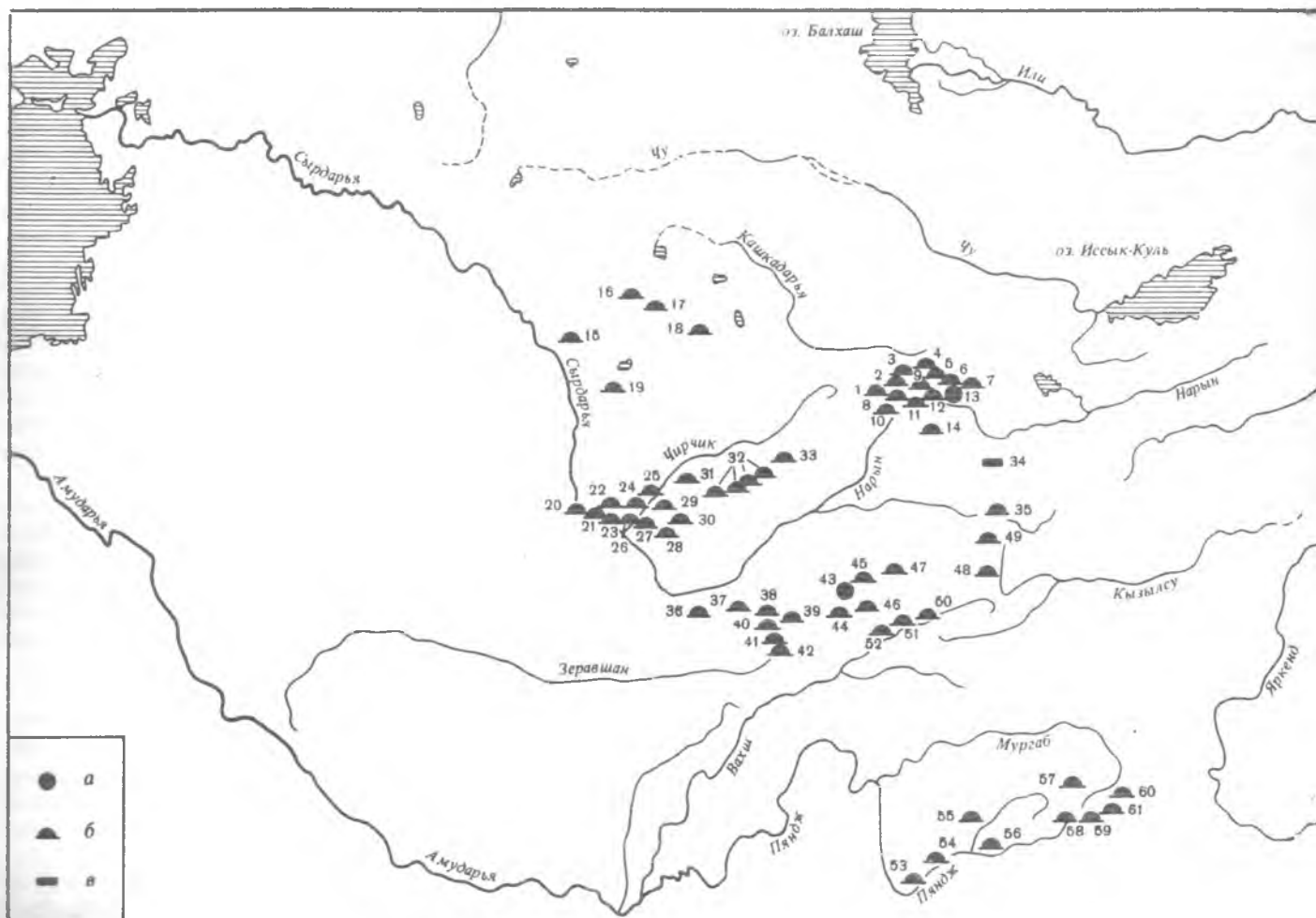
Во многих могилах найдено по одному сосуду, а в некоторых — до пяти-шести. В четырех курганах встречены каменные зернотерки. Особо отметим находку каменного жертвенника в виде овального камня с углублением (табл. 32, 25). Он относится к широко распространенному типу переносных алтарей без ножек.

Очень редки кости барана от ритуальной мясной пищи. Только в одной могиле оказался крестец лошади. Примерно в 30 раскопанных курганах под каменными выкладками не было могильной ямы, а находили лишь обломки глиняных сосудов. Видимо, эти сооружения являлись поминальными курганами — кенотафами.

Самыми массовыми находками в Джал-Арыке и других сакских могильниках Кетмень-Тюбе являются глиняные сосуды. Преобладают лепные круглодонные чаши, горшки, кувшины грушевидной формы и кружки с петлевидной ручкой. На некоторых имеется прочерченный узор в виде треугольников с точечными вдавлениями (табл. 32, 43). Особую группу составляют привозные лепные сосуды (табл. 32, 32, 33), окрашенные карминно-фиолетовой и красной краской, сходные с сосудами эйлатанской культуры Ферганы (VII—IV вв. до н. э.) [Заднепровский Ю. А., 1962]. Бесспорно привозными были светлофонные чаши и миски, изготовленные на гончарном круге, типичные для эйлатанского комплекса (табл. 32, 42). Крашенные, расписные и станковые эйлатанские сосуды вместе составляют около 1/3 всех находок керамики. Небольшая часть сосудов расписана геометрическими узорами. Имеется чаша с полосой заштрихованных треугольников (табл. 32, 33), аналогичная чашам Кунгайского могильника Ферганы [Горбунова Н. Г., 1961]. Плоскодонный кувшин с несколькими полосами треугольников, заштрихованных решеткой (табл. 32, 38), по форме необычен для местной сакской керамики и, очевидно, также является привозным. Само количество всех этих сосудов говорит о тесных связях скотоводов-кочевников с племенами земледельцев соседней Ферганы.

Простыми расписными узорами покрыты глиняные сосуды, типичные для савов (табл. 32, 36, 37). Роспись на этих сосудах появилась, по всей вероятности, в результате подражания привозным ферганским образцам. Особую группу составляют очень большие кувшины с узким горлом, носиком-сливом,

² Мы придерживаемся той же периодизации, что была предложена в предыдущем разделе: сакский период — VIII—III вв. до н. э.; усуньский — III в. до н. э.—V в. н. э.

Карта 3. Основные памятники Кетмень-Тюбе (1—14), Южного Казахстана и Ташкентского оазиса (15—31), Ферганы (32—52), Памира (53—61) VIII в. до н. э. — первых веков нашей эры

Кетмень-Тюбе: 1 — Теке-таш; 2 — Бос-Тектир; 3 — Джал-арык; 4 — Джал-арык II; 5 — Джаргата; 6 — Торкен; 7 — Алмалу; 8 — Кайрак; 9 — Сары-жон; 10 — Джалпак-таш; 11 — Акчий-Карасу I; 12 — Акчий-Карасу; 13 — Алмалу, поселение; 14 — Джаныш-Булак; 15 — Кок-Мордан; 16 — Кенсай; 17 — Тамды; 18 — Берккара; 19 — Борижар; 20 — Шаушукум; 21 — Актобе; 22 — Жаман-Тогай, курган I; 23 — Жаман-Тогай; 28 — Куль-ата; 29 — Апартак; 30 — мугхона Катта Килкисая; 31 — Бурч-Мулла; 32 — группа мугхона на севере Ферганы; 33 — Гурмирон; 34 — Саймалы-Таш; 35 — Кош-Этер; 36 — Кайрагач; 37 — Карамуйнак; 38 — Исфара; 39 — Калантархона; 40 — Сурх; 41 — Чарку; 42 — Ворух; 43 — Баткен; 44 — Карабулак; 45 — Боркорбаз; 46 — Тура-таш; 47 — Хангиз; 48 — Караджар; 49 — Шарт; 50 — Джалпактобе; 51 — Маашан; 52 — Кызыл-Туу; 53 — Касвир; 54 — Чильхона; 55 — Аличур II; 56 — Гамдиский; 57 — Жарты-Гумбес; 58 — Шаймак; 59 — Можугаш; 60 — Тегермансу; 61 — Акбейт; а — поселения; б — курганы; в — петроглифы

петлевидной ручкой и ручками-выступами, покрытые красным ангобом (табл. 32, 44—46) [Кожомбердиев И. К., 1977а. Рис. 5]. Они не находят аналогий. Ничего определенного нельзя сказать и о происхождении чернолощеных кувшинов с прочерченным орнаментом (табл. 32, 38).

Оружие в Джал-Арыке представлено железными кинжалами с бабочковидным перекрестьем и брус-

ковидным навершием, чеканом и бронзовыми трехперыми наконечниками стрел (табл. 32, 2—11). К изделиям сакского звериного стиля относятся серебряная бляха с изображением крылатых коней (табл. 32, 20), объемная фигурка стоящего льва из тонкой золотой пластинки. В других могильниках обнаружены замечательные произведения прикладного искусства — золотая серьга с изображением двух соколов, вставками из голубого стекла и зернью. Из могильника Кайрак происходит золотая фигурка петушка на подставке, выполненная в реалистической манере (табл. 32, 31). Имеются также золотая пластинка, на которой рельефом выполнено изображение фигуры женщины с кубком в руках (табл. 32, 26); золотые пластинки в виде фигурки тигра, бронзовая бляшка с головой тигра с оскаленной пастью (табл. 32, 27, 28), золотая лента с орнаментом (табл. 32, 30). Все эти находки свидетельствуют о высоком художественном мастерстве ювелиров сакской эпохи.

В Джал-Арыке погребены представители европеоидного физического типа, а также европеоиды с примесью монголоидности. Методом графической реконструкции восстановлен облик двух мужчин (табл. 59). Джаларыкская культура в целом достаточно аргументированно датируется V—III вв. до н. э. [Кожомбердиев И. К., 1979].

Аналогичные могильники сакского периода недавно исследованы в непосредственной близости от до-

лины Кетмень-Тюбе, к югу от нее, в долине р. Карасу [Кожомбердиев И. К., 1980; 1981].

К югу от Ферганы, в горных долинах Алайского хребта и в Алайской долине, также встречены могильники сакского времени. Экспедициями А. Н. Бернштама, Ю. Д. Баруздина и А. К. Абетекова исследовано более 200 сакских курганов. Опубликована только небольшая их часть [Бернштам А. Н., 1952; Заднепровский Ю. А., 1960а]. Захоронения совершали в простых грунтовых ямах, а также в могилах с каменными ящиками. Обе разновидности могил одновременны. Наряду с одиночными погребениями встречены коллективные, насчитывающие до шести костяков, располагавшихся ярусами. Так, в могильнике Шарт в одной могиле оказалось четыре костяка. При них найдены лепной горшок с двумя петлевидными ручками и чаша с расписным узором в виде заштрихованных решеткой треугольников в комплексе с железным ножом и двумя бронзовыми наконечниками стрел — трехперым черешковым и со сложной втулкой из трех «лапок» [Заднепровский Ю. А., 1962].

Инвентарь сакских погребений Алая довольно беден и однообразен. Он включает глиняные сосуды, единичные изделия из бронзы и железа, а также украшения. В алайских могильниках в закрытых комплексах встречены наконечники стрел скифского времени и расписная эйлатанская керамика из оседлых поселений Ферганы. В этом отношении они сходны с джаларыкскими памятниками Кетмень-Тюбе.

Курганы с каменными ящиками в Алае немногочисленны. Ящики сооружены из поставленных на ребро больших плит или крупных валунов. Внутри них находился один погребенный или несколько. Состав инвентаря и прежде всего керамики тот же, что в грунтовых могилах. Из могил с ящиками происходят бронзовые колоколовидное навершие с изображением рогов горного козла или барана, золотые серьги и подвески с зернью. Аналогичные по устройству могилы с каменными ящиками обнаружены в сакских памятниках котловины Иссык-Куля.

Рассмотренные памятники Алая и Кетмень-Тюбе по ряду признаков устройства погребального сооружения, обряду погребения и частично по сопровождающему инвентарю сходны с могильниками Актамской группы Ферганы, которые принадлежат оседлому земледельческому населению [Горбунова Н. Г., 1962; Заднепровский Ю. А., 1962]. Обычно основное внимание обращали на черты сходства, и это приводило к тому, что затушевывалось принципиальное различие этих памятников. В ферганских могильниках нет изделий скифского звериного стиля, предметов конского снаряжения, очень мало предметов вооружения. Они отличаются также необычными по устройству «длинными» курганами и небольшими размерами насыпей. На основании этих специфических особенностей можно разграничить памятники, принадлежащие кочевым или полукочевым сакским племенам Кетмень-Тюбе и Алая, и близкие им памятники оседло-земледельческого населения Ферганы.

Особый интерес представляет курган сакского времени в местности Кошэтер, в долине р. Яссы, в Узгенском оазисе на востоке Ферганы. Центральная могила была полностью ограблена. Во второй, грунтовой, могиле на глубине 4 м находился костяк взрос-

лого мужчины, лежавшего головой на северо-восток. Часть лица покрыта пластинками листового золота. В могиле обнаружены серебряный кувшинчик, бронзовый котелок с двумя ручками, два железных ножа, бронзовые пряжки и наконечник стрелы. Здесь же был шаровидный кувшин, покрытый красным ангобом, — самый древний образец гончарной красноангобированной посуды, известной в Ферганской долине. Это захоронение — одно из самых богатых в рассматриваемом районе — датировано VI—IV вв. до н. э. [Винник Д. Ф., 1970].

На окраинах Ферганы, как и в других районах распространения сакской культуры, известны случайные находки того времени. Среди них — два бронзовых котла на конической ножке и с двумя горизонтальными ручками. Еще один котел, несколько отличающийся по форме, найден в Узгенском оазисе [Заднепровский Ю. А., 1962].

Замечательным памятником искусства сакских племен является грандиозное скопление наскальных рисунков в Саймалы-Таше на Ферганском хребте. Среди них выделяются прекрасно исполненные в скифском зверином стиле изображения животных [Бернштам А. Н., 1952; Шер Я. А., 1980].

ПАМЯТНИКИ УСУНЬСКОГО ВРЕМЕНИ. Памятники усуньского периода Кетмень-Тюбе изучены мало, и их отличие от предшествующих сакских очень трудно проследить, что указывает на преемственное развитие культуры кочевого населения края на протяжении всей второй половины I тысячелетия до н. э.

Резкие изменения в культуре кочевого населения рассматриваемого района происходят в последние века до нашей эры, с началом нового исторического этапа. В середине II в. до н. э., как уже говорилось, на исторической арене Средней Азии появились усунь и юечжи — кочевые племена центральноазиатского происхождения.

К усуньскому периоду в Кетмень-Тюбе относится небольшой, почти полностью раскопанный могильник Джаныш-Булак на левом берегу р. Нарын [Абетеков А. К., 1977]. Здесь имеются захоронения в грунтовых могилах и в подбоях. По устройству, обряду и глиняной посуде они во многом сходны с усуньскими памятниками долины р. Или в Семиречье. В большой серии сосудов преобладают полусферической формы чаши, миски, кружки с петлевидной ручкой. Аналогичная посуда найдена в могильнике Теке-Таш на левом берегу р. Чичкан, на правобережье Нарына. Этот памятник датирован IV в. до н. э. — I в. н. э. [Мокрынин В. П., 1977; Кожомбердиев И. К., 1977б. С. 220]. Помимо погребений в грунтовых могилах и подбоях, в Кетмень-Тюбе изучены могильники первых веков нашей эры с захоронениями в катакомбах. Эти памятники выделены нами как торкенская группа [Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К., 1984]. Большие материалы для ее характеристики получены при раскопках более 500 курганов [Кожомбердиев И. К., 1977б]. Могильники располагаются в межгорных ущельях, на расстоянии 5—10 км друг от друга, на всей территории Кетмень-Тюбе. Они сосредоточены в пяти географических районах: в долине Чичкана, междуречье Чичкана и Торкена, долине Торкена и двух районах на левом берегу Нарына. Такое расположение в из-

вестной мере отражает родо-племенные группировки полукочевого населения первых веков нашей эры.

В ряде могильников выделяются огромными размерами единичные курганы (диаметр 30—40 м). Могильные сооружения состоят из катакомбной камеры, иногда очень большой, и длинного узкого дромоса, расположенного перпендикулярно катакомбе (табл. 30, 1). По устройству катакомбы сходны с могилами, типичными для Кенкола. Вход в катакомбу закрывали камнем, сырцовыми кирпичами, гувалюком (овальными комками глины) и изредка керамическим шлаком. Имеются одиночные, парные и коллективные погребения. Умершие лежат в вытянутом положении на спине, головой на запад, северо-запад и северо-восток. Ориентировка, как видим, не была устойчивой. Захоронения совершали на земляном полу камеры, в арчовых гробах и на арчовых ложах.

Как размеры погребальных сооружений, так и количество и качество сопровождающего инвентаря указывают на значительное имущественное и социальное расслоение общества, на выделение в нем слоя богатых людей, принадлежавших к господствующей верхушке.

В больших катакомбах умершего мужчину-воина хоронили в арчовом гробу, который обивали дорогими тканями, часто в железной кольчуге или пластинчатом панцире. Рядом с ним находились большой (длина до 165 см) сложный лук, стрелы с железными наконечниками (длина древка 85—95 см; табл. 30, 5—7), железные меч (табл. 30, 4), палаш и кинжал. В изголовье ставили деревянный столик на четырех ножках (табл. 30, 33) с кусками мяса (голова, таз и задние ножки барашка с воткнутым в них железным ножом). Поблизости находились деревянные кружки, тарелки (табл. 30, 29—34) и два-три глиняных сосуда. Очень часто вместе с воином погребена женщина в богатом одеянии с разнообразными украшениями — золотыми серьгами, перстнем, бусами, а также с бронзовым зеркалом, каменными туалетными палочками для сурьмления бровей (сурьматаш) и другими предметами туалета (табл. 30, 14—20, 22—24, 37).

Изредка в богатых захоронениях встречаются погребальные маски из листового золота, которые состоят из отдельных частей — наротника и наносника (табл. 30, 21).

Состав погребального инвентаря единообразен по всей долине Кетмень-Тюбе. Наиболее многочисленна глиняная посуда. Преобладают лепные плоскодонные кувшины, горшки с ручками, кружки (табл. 30, 38—47). В небольшом количестве представлены гончарные сосуды. Среди них особо выделяются изделия, покрытые красным ангобом. Имеются также сосуды, украшенные процарапанным орнаментом, характерным только для ферганской керамики. Следовательно, и в этом период в Кетмень-Тюбе привозили сосуды из Ферганы. В целом комплекс керамики резко отличается от посуды предшествующего периода. К тому же, в катакомбах встречаются сосуды своеобразных, ранее неизвестных форм, таких, как вьючные фляги (табл. 30, 45), курильницы, кувшины с носиком в форме головы животного (табл. 30, 38), миниатюрные сосудики.

В нескольких могилах обнаружены осколки стеклянных сосудов и целые бокалы с волнистым орнаментом (табл. 30, 35, 36). Довольно часто встречаются дисковидные бронзовые плоские зеркала местного производства, а также привозные ханьские. Очень разнообразны украшения и детали одежды — пряжки, подвески (табл. 30, 10—13). Попадаются скульптурные и плоские фигурки животных (табл. 30, 25, 26). Значительную часть украшений составляют предметы полихромного стиля — серьги, перстни, медальоны из золота и серебра с инкрустацией из драгоценных камней и цветного стекла, обрамленные зернью (табл. 30, 14—20).

Среди орудий труда — ножи, тесло (табл. 30, 8, 9). Значительно больше, чем в могилах сакского времени, каменных зернотерок. В одной катакомбе на деревянном блюде лежали четыре просяные лепешки.

В нескольких погребениях обнаружены шелковые ткани и ткани полотняного плетения. Найдены также железные кольчатые удила, в том числе с фигурными псалиями.

У скотоводов, хоронивших в катакомбах, был распространён обычай кольцевой и конусовидной деформации черепа. По сравнению с сакским периодом в антропологическом типе населения стали заметнее монголоидные признаки.

Племена, жившие в долине Кетмень-Тюбе и оставившие катакомбные захоронения, занимались преимущественно отгонным скотоводством. У них были и поселения, судя по развалинам, обнаруженным возле могильника Алмаллу в долине Торкена и около могильника Джаныш-Булак на левом берегу Нарына. Об оседлости говорят также находки сырцового кирпича, которым закрывали вход и камеру, керамических шлаков и зернотерок.

Памятники торкенской группы датируются I—V вв. [Кожомбердиев И. К., 1960; 1975в; 1977г]. Они резко отличаются от памятников предшествующих периодов и по устройству могил, и по погребальному обряду, и по всему облику материальной культуры. Они принадлежат пришлому населению, которое появилось в Кетмень-Тюбе в последних веках до нашей эры и надолго обосновалось в этой долине, исключительно благоприятной для занятия скотоводством. По всей вероятности, население Кетмень-Тюбе было родственно кенкольским племенам соседних Таласской и Чуйской долин.

Памятники этой эпохи отражают важный этап в истории кочевого населения степей Евразии, связанный с появлением крупных масс кочевников из глубин Центральной Азии. Среди них ведущая роль принадлежала хуннам. Вопрос об этнической принадлежности населения, хоронившего в катакомбных могилах и прежде всего оставивших памятники кенкольской культуры, все еще остается открытым и дискуссионным. Однако возможность отождествления населения кенкольской культуры с гуннами (хуннами) нельзя исключать [Засецкая И. П., 1982. С. 74; Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984].

На территории Ферганской долины памятники полукочевого населения первой половины I тысячелетия н. э. встречены во многих местах и образуют несколько географических групп. Среди них особо выделяются памятники карабулакской группы, скон-

центрированные в междуречье Соха и Ляйляка на юге Ферганы. Раскопки могильника Карабулак [Баруздин Ю. Д., 1956; 1957а; 1957б; 1961; Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962] выявили своеобразные материалы, которые позволили выделить самостоятельную карабулакскую культуру. К ней принадлежат также могильники долины Исфары [Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г., 1959; Литвинский Б. А., 1972а] и такие памятники, как Боркорбаз [Сорокин С. С., 1961б] и Карамуйнак [Заднепровский Ю. А., 1960]. В начале 70-х годов известные тогда материалы были объединены Б. А. Литвинским и названы карабулакско-ворухской культурой [Литвинский Б. А., 1972а. С. 129]. Н. Г. Горбунова предложила называть эту культуру кугайско-карабулакской [Горбунова Н. Г., 1983], объединив памятники оседло-земледельческого и полукочевого населения Ферганы, что, на наш взгляд, вряд ли допустимо.

Исследовано более 500 курганов карабулакской культуры. Большинство из них содержало захоронения в подбоях, довольно много грунтовых могил и мало — катакомбных. Почти во всех могильниках обнаружены погребальные сооружения всех трех разновидностей, что, очевидно, отражает смешение населения разного происхождения. Несмотря на некоторое различие в деталях обряда погребения, составе и характере сопровождающего инвентаря, всем карабулакским памятникам свойственно определенное единство.

Могильник Карабулак, давший название культуре, расположен в Баткентской долине. В нем насчитывается более 900 курганов, пятая часть которых раскопана [Мокрынин В. П., Лубо-Лесниченко Е. И., Шер Я. А., 1977]. Преобладают подбойные могилы (табл. 33, 1, 2). Умерших клали в дощатые гробы, колоды или на доски. Вход в подбойную нишу закладывали плетнем или плахами. Обычно погребенных хоронили головой строго на юг. В могиле, как правило, находится один костяк. Погребения мужчин сопровождается оружие: железные мечи (длина 80 см), кинжалы, ножи, большой лук (табл. 34, 15), стрелы с железными черешковыми наконечниками и хорошо сохранившимися деревянными древками (табл. 34, 1—14).

Женщинам клали плетеные корзинки (табл. 34, 31) с маленькими сосудами для косметики, сурьматаш с куском графита, деревянные гребни, бронзовые зеркала, ожерелья из разнообразных бус и другие украшения (табл. 34, 16—20, 27—30). Кроме того, в могилы ставили несколько глиняных и деревянных сосудов, а также деревянные столики для резания мяса (табл. 34, 32—35, 38—56). Во многих погребениях имеются остатки ритуальной пищи — кости барана.

При благоприятных почвенных условиях в Карабулакском могильнике сохранилось много предметов из органических материалов. До нас дошли образцы привозных шелковых тканей с замечательными узорами (табл. 34, 26). В некоторых могилах обнаружены мумифицированные останки погребенных.

Отметим также деревянный прибор для добывания огня, деревянный крюк (табл. 34, 36, 37) и шелковый наглазник (табл. 34, 25).

Среди редких находок — диадема в виде шелковой повязки с бронзовыми бляшками, на которых изображены мужская голова в венце, символизирующая солнечное божество, и женская голова с полумесяцем — символ лунного божества. Эти бляшки чередуются с другими — в форме шестилепестковых розеток и полусфер (табл. 34, 28). Бляшки диадемы свидетельствуют о распространении астрального культа [Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М., 1961]. В Карабулаке найдены привозные ханьские зеркала и уникальное зеркало с ручкой в виде фигурки индийской танцовщицы (табл. 34, 19, 21) [Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г., 1961]. Все эти импортные предметы характеризуют устойчивые связи с Восточным Туркестаном, Китаем и Индией.

Религиозные представления людей, оставивших памятники карабулакской культуры, отражены в алебастровых идолах из могильников Тураташ и Ворух (табл. 34, 24; 35, 11) и бронзовых фигурках человека (табл. 34, 22, 23).

Бытовая утварь, характерная для карабулакской культуры, прежде всего глиняные сосуды, близка изделиям ремесленных центров древней Ферганы. В этом отношении особенно показательны сосуды, изготовленные на гончарном круге, покрытые красным или коричневым ангобом и украшенные процарапанным орнаментом (табл. 34, 42, 47).

Поблизости от могильников располагались связанные с ними поселения. Так, разрушенное поселение с керамикой, одинаковой по форме с сосудами могильника Карабулак, выявлено у сел. Баткен. К северу от сел. Булак-Баши располагается еще одно такое же поселение с керамикой и зернотерками. Третье обнаружено около родника в местности Субаши, к югу от Карабулака. Еще одно поселение — Актепе — находится близ Карабулака [Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962].

Аналогичные поселения имеются в долине Соха, поблизости от могильника Боркорбаз и на левом берегу р. Кштут, а также в долине Исфары (селище Гор-и Муг). Все перечисленные поселения и могильники, очевидно, принадлежали одному народу, для которого был характерен полукочевой образ жизни [Заднепровский Ю. А., 1960]. Можно полагать, что жители наряду со скотоводством занимались и земледелием.

Основная масса захоронений карабулакской культуры относится к I—IV вв.

Вторая группа погребальных памятников полукочевого населения расположена к западу от карабулакских и занимает юго-западную часть Ферганской долины. Здесь преобладают погребения в катакомбах с длинным дромосом. Наиболее полно исследован могильник Кайрагач в долине р. Ходжа-Бакырган, неподалеку от земледельческого оазиса Ленинабада. Из 200 курганов раскопано более 50 [Заднепровский Ю. А., 1960; Брыкина Г. А., 1982]. Преобладают захоронения в катакомбах (табл. 33, 3—5; 35, 21—44), известно пока только одно погребение в подбойной могиле. Следует отметить большое сходство с могильником Ширинсай у Беговата (Гайдукевич В. Ф., 1952) и памятниками юго-восточных районов Ташкентского оазиса. Изученные в Кайрагаче курганы датированы первыми веками нашей эры [Заднепровский Ю. А., 1960]. Г. А. Брыкина

[1982] выделяет в могильнике две группы: I—III и V—VI вв.

Третья локальная группа полукочевого населения оставила могильники в некоторых долинах северного склона Алайского хребта — от Шахимардана до Ошского оазиса. Захоронения здесь совершали в своеобразных катакомбах, состоящих из больших овальных камер, вытянутых с запада на восток, и небольшой перпендикулярно расположенной входной ямы, как бы сильно укороченного дромоса (табл. 33, 9). Этот тип катакомб назван хангизским.

Необычная форма катакомбы, широтная ориентировка погребенных, в отличие от Кайрагача, большое количество гончарных сосудов с красным ангобом — все это позволило выделить памятники района в самостоятельную группу (табл. 35, 46—59). Хотя преобладают здесь катакомбы хангизского типа, но в небольшом количестве встречаются курганы с подбоями и грунтовыми могилами [Заднепровский Ю. А., 1960; Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З., 1957; Горбунова Н. Г., 1981].

Яркой самобытностью отличается культура полукочевого населения в долинах Чаткальского хребта и Кара-Мазара в северо-западной Фергане и на прилегающих участках Ташкентского оазиса. В этом районе, охватывающем территорию от долины Ахангерана на западе до Падша-Ата на востоке, встречаются наземные каменные склепы — мугхона — и каменные ящики. Такие погребальные сооружения известны только в этом районе. За его пределами они обнаружены в небольшом количестве лишь в юго-западной Фергане. Известное сходство с ними имеют также курганы, изученные на южных склонах Каратау [Максимова А. Г., 1973].

Эти необычные погребальные сооружения располагаются иногда большими скоплениями, но чаще небольшими группами в узких ущельях и на вершинах невысоких хребтов и гряд. Точное количество их не учтено, ориентировочно можно говорить о нескольких тысячах. Исследовано более 200 сооружений, преимущественно на таджикской территории Кара-Мазара [Воронец М. Э., 1954; Литвинский Б. А., 1972а (памятники мугхона выделены в аштскую культуру с двумя вариантами)].

Мугхона представляет собой овальную наземную постройку из хорошо подогнанного камня, с купольным, сводчатым или плоским перекрытием и узким входом-лазом (табл. 33, 11, 12). Внутри погребальная камера обычно прямоугольная. Эти склепы различаются по устройству, количеству кольцевидных стен и размерам. Они служили семейными усыпальницами для неоднократных захоронений. В них находят, как правило, останки нескольких погребенных с большим количеством инвентаря. В одних могильниках с мугхона есть сложенные из камня курганы, в которых погребенные уложены в каменные ящики (табл. 33, 10). Ящики сооружены из нескольких, часто необработанных плит и поставлены на уровне древнего горизонта. Сверху они также перекрыты плитами, на которые набросаны камни насыпи. В исследованных памятниках имеются погребальные сооружения, в которых типичные черты выражены нечетко. Это как бы переходные формы между мугхона и каменными ящиками. Население,

которое оставило эти памятники, несомненно обладало довольно высокими строительными навыками в возведении каменных построек и было хорошо знакомо с приемами сырцового строительства, традиционного для оседлых жителей Ферганы и Ташкентского оазиса.

Рассматриваемые памятники принадлежали одному населению: полукочевым горнопастушеским племенам [Воронец М. Э., 1954]. В их обиходе была лепная, а также гончарная с красным ангобом посуда. Полусферические чаши, бокалы на маленькой ножке-подставке, миниатюрные горшочки и другие сосуды являются продукцией ремесленных центров Ферганы. Найдены обломки деревянных сосудов. В мужских погребениях обнаружены железные наконечники стрел, в женских — сурьматяши, украшения и бусы. Имеются ханьские медные монеты у-шу, такие же, как в Гурмироне. Весь комплекс находок позволяет датировать ранние мугхона и каменные ящики I—II вв. (табл. 35, 60—68), основную же массу погребений — II—IV вв., а некоторую часть — V—VII вв. н. э. [Литвинский Б. А., 1972а. С. 132].

Керамика из мугхона резко отличается от керамического комплекса карабулакской культуры, прежде всего по процентному соотношению сосудов разных групп. В мугхона значительно больше кружек, одноручных кувшинов, чашек и меньше кувшинов без ручек и миниатюрных сосудов [Литвинский Б. А., 1973б]. Все это подтверждает правомерность выделения самостоятельной культуры горнопастушеских племен. Но вряд ли целесообразно выделять внутри нее два варианта — западный и восточный — и рассматривать первый из них как горный вариант каунчинско-джунской культуры [Литвинский Б. А., 1972а. С. 212, 213]. Это заключение основано на некотором различии в ассортименте керамики и на находках в памятниках, расположенных на западе, сосудов с зооморфными ручками, характерных для Ташкентского оазиса. Своеобразие керамики достаточно ясно прослежено, но оно говорит не о двух вариантах культуры, а об основных направлениях торговых связей местного населения с Ташкентским оазисом и с Ферганой.

По ряду признаков отличается культура кочевого населения, обитавшего на севере Ферганы. В этом районе не обнаружены захоронения в подбойных могилах. Здесь известно три могильника первых веков нашей эры, из которых наиболее широко исследован только Гурмиронский, расположенный к югу от г. Касансай. Его копали А. Н. Бернштам, Ю. Г. Чуланов, С. Рахимов и Э. Кадыров [Бернштам А. Н., 1951; Кадыров Э., 1975б]. Из 60 курганов раскопано более 40. Преобладают курганы с катакомбами и только два — с грунтовыми могилами. Катакомбы имеют прямоугольную или овальную форму (табл. 33, 6—8). Прямоугольный или квадратный дромос расположен перпендикулярно камере. Катакомбы Гурмирона несколько отличаются от катакомб Кенкола, для которых характерны длинные и узкие дромосы. Возможно, они представляют собой промежуточный вариант между кенкольским и хангизским типами.

В основании курганов Гурмирона есть каменные кольца, что вообще характерно для более ранних

сооружений сако-усуньского времени. Погребения в могильнике одиночные, реже — парные. Костяки лежат на подстилке или подсыпке из гальки. Комплекс керамики своеобразен (табл. 35, 12—20). В нем много форм, типичных для ремесленных центров Ферганы [Сорокин С. С., 1954]. Ряд погребений Гурмирона датирован последними веками до нашей эры, основная часть — I—II вв. Основанием для датировки служат находки мелких трехперых железных наконечников стрел, ханьские монеты и другие предметы (табл. 35, 1—10; 12—20) [Кадыров Э., 1975б].

По устройству погребальных сооружений и находкам, прежде всего по керамике, Гурмирон отличается от памятников соседних долин Таласа (Кенкол) и Кетмень-Тюбе (Акчий-Карасу). Он имеет определенное сходство с могильником Кайрагач на юго-западе Ферганы. В Кайрагачском и Гурмиронском могильниках найдена сходная керамика, одинаковы типы трехлопастных железных наконечников стрел, бронзовых застежек, перстней, бобовидных серег, ханьских монет и др. Однако ориентировка погребенных различна: в Гурмироне — на восток, в Кайрагаче — меридионально, с отклонениями.

В нескольких пунктах Алайской долины и прежде всего в местностях Маашан и Кызыл-Туу около сел. Дароо-Коргон открыты могильники с подбойными захоронениями [Бернштам А. Н., 1949а]. В них обнаружены одиночные и коллективные погребения. Умершего укладывали в гроб или на подстилку, часто головой на север. Сопровождающий инвентарь беден и однообразен — железные ножи, пряжки, скромные украшения. В бедных могилах нет даже глиняных сосудов.

Но обнаружены и захоронения, отличающиеся большим богатством (табл. 35, 69—81). В Джалпакаде, в могиле без костяка, найдена маска из тонкого листа золота. Глаза, рот и ноздри на ней обозначены отверстиями. В этом же могильнике, датируемом III—IV вв., встречена великолепная импортная стеклянная чаша с ручками в виде головы льва, возможно римского производства, попавшая сюда издалека. Из алайских курганов происходит серия прекрасных ювелирных изделий: золотой медальон с гранатом, окаймленный зернью; различные золотые бляшки, украшенные зернью; золотой перстень со щитком, на котором изображена розетка с инкрустацией красным камнем и голубой пастой [Абетков А. К., 1975а; Памятники культуры и искусства Киргизии]. Эти художественные изделия полихромного стиля не уступают по мастерству и качеству лучшим ювелирным произведениям своего времени.

Основную массу памятников всех рассмотренных групп полукочевого населения окраин Ферганы исследователи относят к одному периоду — первым векам нашей эры (I—IV вв.). Однако вопросы датировки могильников все еще остаются спорными. Положение осложнено тем, что трудно опираться на анализ керамики — самой многочисленной категории находок. До сих пор нет надежной хронологии красноангобированной керамики поселений Ферганы, так же, как и обоснованной периодизации. Наиболее вероятно, что время ее изготовления охватывает период с III—II вв. до н. э. по III—IV вв. н. э.

[Оболдуева Т. Г., 1951]. Но установлено также, что керамика с красным ангобом доживает до VI в. [Козенкова В. Н., 1964]. После исследований Н. Г. Горбуновой [1979] весь этот комплекс стали относить только к I—IV вв. Эта ситуация сразу сказалась на датировке могильников.

Узловым вопросом остается определение нижней границы, т. е. времени появления, рассматриваемых памятников. Напомним, что в могильнике Карабулак на основании находок зеркал раннесарматских типов и железных кинжалов с прямым перекрестьем выделены захоронения, относящиеся к последним векам до нашей эры, хотя основная часть курганов датирована II—IV вв. [Баруздин Ю. Д., 1961]. Возможность выделения ранних комплексов II—I вв. до н. э. в могильниках Тура-Таш и Кок-Таш доказывала в свое время Н. Г. Горбунова [1966]. Однако эти материалы не учтены в обобщающей работе Б. А. Литвинского [1972а], предложившего омоложенные даты для всех карабулакских памятников, которые он делит на три хронологические группы: I—II, II—IV и V—VII вв.³

Первый исследователь курганов с каменными ящиками относил их к последним векам до нашей эры [Воровец М. Э., 1954. С. 63], а мугхона, — к I—II вв. Б. А. Литвинский [1972а. С. 195] суммарно датировал эти памятники I—II — VI—VII вв. К ранним памятникам можно отнести и погребение в Караджаре на востоке Ферганы с зеркалом раннесарматского типа (утолщенный валик, ручка-штырь) и шурабашатской керамикой. Таким образом, выделяется небольшая группа ранних захоронений, обнаруженных в разных местах Ферганы: на северо-западе, востоке и на юге.

Следует также обратить внимание на различие комплексов керамики сакских и актамских могильников Ферганы V—III вв. до н. э., с одной стороны, и керамики из катакомбных могильников и подбойных погребений — с другой. Смена керамики произошла, по всей вероятности, на рубеже III—II вв. до н. э. Можно думать, что памятники последних веков до нашей эры со временем будут выделены среди катакомбно-подбойных могильников, ибо могильники другого типа, которые можно было бы отнести к этому времени, здесь пока не обнаружены. У нас нет оснований допускать, что кочевое или полукочевое население на окраинах Ферганы почему-то исчезло в III—I вв. до н. э. и появилось затем только в на-

³ Датировка, предложенная Б. А. Литвинским, как нам кажется, более всего приближается к истине. Ссылки Ю. Д. Баруздина и Ю. А. Заднепровского на раннесарматские зеркала и мечи не могут служить достаточным аргументом. Мечи без навершия с прямым перекрестьем, о которых пишет Ю. А. Заднепровский, встречаются в сарматских погребениях вплоть до II в. н. э. включительно. Ситуация с зеркалами еще сложнее. Во-первых, среднеазиатские зеркала не идентичны сарматским ни в деталях, ни по размерам. Во-вторых, среднеазиатские зеркала (в частности, зеркало из кургана в Келесской степи, на которое ссылается Ю. Д. Баруздин) датируются (по римской фибуле *Avcissa*) временем не ранее I в. н. э. В-третьих, среди огромной серии зеркал в могильнике Алтын-асар 4 (восточное Приаралье) обнаружены как архаические формы, так и раннесарматские. Л. М. Левина датирует Алтын-асар 4 III в. до н. э.—VI в. н. э. После этой находки остро встала проблема создания региональных датировок каждой категории вещей. Особенно это касается зеркал и оружия (*Ред.*).

чале нашей эры. Наоборот, конкретные исторические факты говорят о тесных связях древней Ферганы с соседними усунями и кангюйцами. О том же свидетельствует и общее сходство рассматриваемых памятников Ферганы и могильников усуньского времени Семиречья и Тянь-Шаня. Надо учитывать также отсутствие данных о местных корнях катакомбно-подбойных памятников. В Фергану они, очевидно, привнесены пришлым населением. Следовательно, вопрос о происхождении и времени появления этих памятников в Фергане следует рассматривать на широком историческом фоне.

Катакомбные могильники в Фергане распространяются на рубеже II—I вв. до н. э., судя по материалам Гурмирона. Здесь в захоронениях обнаружено много монет у-шу, причем имеются экземпляры выпуска 118 г. до н. э. и одна — 73—47 гг. до н. э. [Кадыров Э., 1975б]. Следовательно, часть катакомбных погребений могла появиться уже на рубеже II—I вв. до н. э., хотя период их максимального распространения приходится на I—IV вв.

Основанием для определения нижней хронологической границы рассматриваемых памятников следует считать появление на Тянь-Шане и в Семиречье пришлых племен юечжей и усуней и распространение во II—I вв. до н. э. катакомбных и подбойных могильных сооружений на территории Средней Азии. Однако, учитывая состояние разработки хронологии, мы вынуждены по-прежнему оперировать суммарной датировкой II—I вв. до н. э. — I—IV вв. н. э.

К сожалению, отсутствуют критерии для твердого определения и верхней границы рассматриваемых памятников. Исследователи датируют поздние могильники по-разному: IV—VI или IV—VII, V—VI или V—VII вв. В качестве определенной вехи для обозначения верхней даты исследуемых памятников можно принять появление на рубеже IV—V вв. на исторической арене Средней Азии новых кочевых племен — хионитов и эфталитов — и все памятники V—VII вв. относить к иному историческому периоду.

Период первых веков нашей эры был временем наибольшего распространения и наибольшей плотности скотоводческого населения на периферии Ферганы.

Обнаруженные в курганах находки позволяют охарактеризовать основные направления культурных связей полукочевников Ферганы. Ряд изделий указывает на тесные культурные и торговые отношения с Восточным Туркестаном и Ханьским государством (ханьские зеркала и монеты, шелковые ткани), а также со странами, расположенными к юго-западу от Ферганы, например, с Индией или Восточным Средиземноморьем (ручка в виде фигурки индийской танцовщицы, изделия из египетской пасты и др.). Некоторые предметы вооружения, а также туалета (зеркала) имеют сходство с изделиями, характерными для сарматских племен. Многочисленные данные свидетельствуют о широких культурных связях полукочевых племен с оседло-земледельческим населением Ферганы, от которого они получали большую часть орудий труда, домашней утвари и украшений.

Приведенные материалы позволяют предполагать,

что первые захоронения в подбойных могилах на юге и востоке Ферганской долины, а также курганы с каменными ящиками и мугхона — на северо-западе появились в последние века до нашей эры (II—I вв. до н. э.). Если это так, то могильники карабулакской культуры и некоторые другие погребальные памятники Ферганы были частично синхронны первому этапу (III—I вв. до н. э.) усуньского периода Семиречья [История Казахской ССР. С. 310] или ранним комплексам айгырджальской группы. Последние отличаются расположением подбоя в северной стенке могилы и широтной ориентировкой погребенных (в Карабулаке преобладает меридиональная). Правда, различаются они и по инвентарю, главным образом по керамике. С другой стороны, карабулакские памятники близки и частично синхронны памятникам тулхарской группы в южном Таджикистане на территории северной Бактрии [Мандельштам А. М., 1966а]. Датировка Тулхарского могильника временем от последней трети II в. до н. э. до начала I в. н. э. наиболее аргументирована для комплексов подбойных захоронений Средней Азии.

Выделение одновременного пласта сходных памятников в Семиречье, Фергане и северной Бактрии важно для понимания исторических процессов в среде кочевого населения [Заднепровский Ю. А., 1971; 1975б]. Однако при интерпретации этого явления одинаково возможны две версии: либо все эти памятники с подбойными могилами на обширной территории от Семиречья и Тянь-Шаня до южных районов Средней Азии представляют собой локальные варианты единой культуры кочевников, принадлежавшей этнически родственному населению, либо это не связанные между собой археологические комплексы.

На наш взгляд, имеются известные основания рассматривать распространение могильников с захоронениями в подбойных могилах как отражение единого процесса передвижения и расселения юечжйских племен на территории Средней Азии. А. М. Мандельштам, исследовавший могильники тулхарской группы, достаточно обоснованно связывал их с кочевыми племенами, которые вторглись на земли северной Бактрии во II в. до н. э. [Мандельштам А. М., 1966а. С. 160—162].

Памятники карабулакской группы, сходные с тулхарскими, очевидно, также можно сопоставить с юечжами, принимая во внимание прямые указания письменных источников, что они в своем движении на юг прошли через Фергану. Нам представляется, что и айгырджальские памятники можно связывать с этими племенами, поскольку на территории Семиречья юечжи обитали вместе с саками и усунями. Разумеется, такое определение этнической принадлежности рассматриваемых памятников можно считать лишь предположением.

В ходе значительных передвижений кочевых племен на рубеже нашей эры, захвативших и Ферганскую долину, были перекроены ранее существовавшие границы племенных объединений и созданы новые.

О культурной принадлежности и происхождении населения, оставившего в Фергане рассмотренные погребальные памятники, об особенностях его хозяйства существуют разные суждения. Их можно свести к двум основным точкам зрения. Одни счи-

тают могильники памятниками местного населения, отмечают тесные связи этого населения с оседлыми земледельцами и считают его также оседлым [Сорокин С. С., 1956а; 1961б; Литвинский Б. А., 1972а; Брыкина Г. А., 1982]. Другие полагают, что обычай захоронения в катакомбах и подбойных могилах привнесен пришлым населением, что сходство погребального инвентаря с материалами поселений отражает торговые и культурные связи, а общность с культурой местного населения является следствием ассимиляции пришельцами местных племен и освоения их культуры [Бернштам А. Н., 1951; 1952; Заднепровский Ю. А., 1960].

Пришлые кочевые племена надолго обосновались в Ферганской долине, о чем можно судить по крупным могильникам. Такие могильники, как Карабулак, где насчитывается 900 курганов, и Тура-Таш — 1500 курганов, создавались в течение трех-четырех столетий. За столь длительный период в хозяйстве и культуре населения происходили крупные изменения. В условиях сплошного заселения Ферганской долины, что ограничивало возможности скотоводческого хозяйства, полукочевые племена под влиянием земледельческого населения частично перешли к оседлости. Именно об этом свидетельствуют остатки поселений, обнаруженные по соседству с могильниками [Заднепровский Ю. А., 1960]. Поселения эти, очевидно, были приурочены к местам зимовок. Некоторые из них со временем превратились в укрепленные поселки, мало отличавшиеся от памятников земледельческого населения Ферганы. Примером может служить Кайрагачская усадьба [Брыкина Г. А., 1982].

Ведущая роль в хозяйстве пришлых племен принадлежала скотоводству, особенно на начальных этапах. Однако конкретная физико-географическая обстановка Ферганы, а также плотная заселенность этого района земледельческим населением создавали условия лишь для своеобразной вертикально-сезонной полукочевой формы скотоводческого хозяйства, сходного с тем, что было распространено среди усуней Семиречья [Кушаев Г. А., 1963; Акишев К. А., 1972; Петров К. И., 1981]. Напомним, что «чистые» кочевники — редкое явление в древней истории.

На окраинах Ферганы полукочевое население меняло зимние пастбища на летние в традиционной последовательности, в соответствии с вертикальной зональностью их расположения. Оно передвигалось в строго установленных пределах, определяемых родо-племенными границами. В этих условиях полукочевое скотоводство постоянно сочеталось с земледелием и охотой.

Тесные связи между населением, ведущим разное хозяйство, имеющим разную культуру и образ жизни, отмечаются в Фергане на протяжении всей древней и средневековой истории.

Итак, на окраинах Ферганской долины обитало полукочевое население, оставившее группы одновременных погребальных памятников, несколько отличающихся друг от друга. Возникает вопрос о причинах этих различий.

Локализация памятников, своеобразие погребальных сооружений и обряда, а также некоторые особенности инвентаря позволяют усматривать в намеченных археологических культурах и группах памятники отдельных родо-племенных подразделений полукочевого населения. Наблюдается определенная закономерность в расположении могильников: на северо-западе — наземные склепы и каменные ящики; на юге, главным образом в междуречье Соха и Ляйляка, — подбойные могилы; во всех частях Ферганы — катакомбные могильники. Учитывая, что погребальный обряд является устойчивым палеоэтнографическим признаком, можно высказать предположение об этнической разнородности населения [Заднепровский Ю. А., 1960; Горбунова Н. Г., 1981]. Пестрота этнографической картины находит подтверждение и в палеоантропологических материалах. Большинство погребенных относится к европеоидному типу, в частности, к типу Среднеазиатского междуречья — памиро-ферганскому, свойственному современным таджикам и узбекам. Встречены останки людей смешанного типа, с монголоидными чертами, привнесенными из Центральной Азии. Для рубежа — первых веков нашей эры отмечается широкое распространение в Средней Азии населения метисированного типа с монголоидными признаками [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Киякина Т. П., 1976, 1977; Миклашевская Н. Н., 1964; Ходжайов Т. К., 1980]. Такое население было и во всех частях Ферганской долины. Какую-либо закономерность распределения расовых типов по территории и памятникам проследить не удастся. Приведенные данные характеризуют магистральное направление этнических процессов, заключавшихся в смешении местного европеоидного населения с пришлым.

На современном уровне археологического изучения возможность этнических отождествлений памятников с конкретным племенем или народом, известным в письменных источниках, весьма проблематична. Можно лишь надеяться, что дальнейшие исследования позволят более полно охарактеризовать палеоэтнографию древних скотоводов окраин Ферганы.

Ранние кочевники Памира

Памир — одно из высочайших нагорий нашей планеты, обособленная область, резко выделяющаяся в Средней Азии и мало приспособленная для обитания человека. Условия жизни в долинах, расположенных на высоте 3600—4000 м, чрезвычайно суровы.

Начало систематическому исследованию памятников Памира положили работы А. Н. Бернштама, имевшего большой опыт изучения горных районов Тянь-Шаня и Алая. Пять его экспедиций на протя-

жении 1946—1956 гг. охватили основные долины Памира и практически все типы памятников. Первые раскопки курганов Памирского I (Тамды) (1948 г.) и Акбеитского (1948, 1952, 1956 гг.) могильников на юге восточного Памира дали значительный материал по культуре кочевого населения сакской эпохи. Было раскопано около 60 курганов. Исследованные памятники А. Н. Бернштам связал с саками и отметил сходство курганов Памира с синхронными

памятниками Семиречья, Алтая и Минусинского края. Было начато также изучение каменных крепостей западного Памира — замечательных памятников древней фортификации. Итогом этих работ явилось создание историко-археологической периодизации Памира. Публикацию материалов Памирского I могильника можно считать образцовой для своего времени [Бернштам А. Н., 1952]. Материалы 1952 г. только частично были введены в оборот, предварительный отчет о раскопках 1956 г. опубликован А. Н. Бернштамом [1956] и его учениками [Бабанская Г. Г., Заднепровский Ю. А., 1959].

С 1958 г. изучение Памира проводили археологи АН Таджикской ССР под руководством Б. А. Литвинского, который внес большой вклад в изучение ранних кочевников. В течение четырех сезонов осуществлено детальное обследование региона и в разных частях вскрыто около 260 курганов. Однако полноценных комплексов оказалось мало. Так, в 1960 г. из 129 раскопанных курганов только в 23 найдены захоронения. В могильниках Памира вообще встречается очень много кенотафов. Результаты работ отражены в ряде публикаций [Литвинский Б. А., 1961а; 1961б; Литвинский Б. А., Бубнова М. А., 1962] и обобщены в монографии [Литвинский Б. А., 1972б]. В книге кратко охарактеризованы могильники и погребальные сооружения. Основную часть ее занимают классификация находок, анализ особенностей культуры, хозяйства, верований и вопросов этнической принадлежности памирских кочевых племен.

Новый этап в изучении ранних кочевников Памира связан с деятельностью А. Д. Бабаева, который в 1962 г. открыл на западном Памире могильник Чильхона сакского времени. Это существенно изменило первоначальное представление о локализации савков исключительно на восточном Памире. В 60-х — начале 70-х годов на западном Памире обнаружены новые могильники и вскрыто около 100 курганов, среди которых много грабленных и кенотафов. Особый интерес вызывают впервые обнаруженные здесь памятники II в. до н. э. — III в. н. э. [Бабаев А. Д., 1965б; 1968; 1971; 1973а; 1973б; 1976; 1978].

Небольшие раскопки в 1957—1958 гг. провел на западном Памире, в долине Ишкашима, А. Н. Зелинский. В своеобразных погребальных сооружениях он обнаружил погребения начала I тысячелетия н. э. [Зелинский А. Н., 1960; 1965].

Особо отметим работы по изучению наскальных рисунков Памира, среди которых выделяются изображения скифского стиля [Ранов В. А., 1960; 1976; Ранов В. А., Гурский А. В., 1966].

В итоге многолетнего изучения памятников Памира советскими археологами обнаружено около 100 могильников ранних кочевников, где раскопано более 400 курганов. Значительная часть добытых материалов, к сожалению, еще не опубликована, что затрудняет изучение исторических процессов в сакскую эпоху.

Для понимания истории края весьма полезна сводная работа А. М. Мандельштама [1957].

Расположение памятников на Памире обусловлено природными условиями, прежде всего наличием удобных пастбищ для кочевого скотоводства. Пре-

обладают небольшие могильники, типична их рассредоточенность (карта 3). Все это указывает на редкое и немногочисленное население. Могильники сакской эпохи сосредоточены в нескольких районах, главным образом по верховьям рек (Аксу, Истык. Памир, Аличур, Кокуйбель) и в приозерных впадинах (Зоркуль, Яшилкуль). На юго-восточном Памире зарегистрировано около 30 могильников, в которых изучено более 240 курганов, в том числе достаточно полно исследованный могильник Акбеит (51 из 100 курганов) и раскопанная полностью небольшая группа Тамды (16 курганов). Более 100 насыпей зафиксировано на восточном Памире, но раскопано лишь 10. Очень немного курганов (15) исследовано и в центральных районах Памира, в долине Мургаба. Наконец, на южном и юго-западном Памире в 20 могильниках раскопано около 150 курганов. Приведенные цифры приблизительны.

О датировке памятников Памира высказаны разные суждения. Так, Памирский I (Тамды) могильник был сначала датирован А. Н. Бернштамом V—IV вв. до н. э., а наиболее поздние его захоронения — II в. до н. э. Затем, при анализе материала из могильника Акбеит (раскопки 1952 г.), обнаружившего отличия от тамдинского комплекса, последний был отнесен к VI—IV вв. до н. э. [Бернштам А. Н., 1956. С. 130]. Однако новые находки в Акбеите (раскопки 1956 г.) дали основания некоторым исследователям говорить о большем сходстве этих памятников и датировать оба V—IV вв. до н. э. [Бабанская Г. Г., Заднепровский Ю. А., 1959].

В монографии Б. А. Литвинского [1972б] вопросам хронологии отведено, к сожалению, слишком мало места [см.: Сорокин С. С., 1975; Заднепровский Ю. А., 1975в]. Исследованные курганы растянуты во времени на протяжении восьми веков (VIII—I вв. до н. э.). Очень немногие погребения датированы VII—VI вв. до н. э. и лишь два кургана — VIII—VII вв. до н. э. Основная масса памирских захоронений совершенно справедливо и убедительно отнесена к V—III вв. до н. э. Выделены и могилы IV—III и II—I вв. до н. э. [Литвинский Б. А., 1972б. С. 28, 29]. Более реальна, на наш взгляд, менее дробная периодизация памирских памятников, где два первых этапа были бы объединены в один — VIII—VI вв. до н. э., а последний этап (II—I вв. до н. э.) на основании новых материалов западного Памира был бы продлен до III в. н. э. В таком виде периодизация памирских памятников более соответствует хронологическим этапам, выделенным на соседних территориях.

ПАМЯТНИКИ VIII—VI ВВ. ДО Н. Э. Самым ранним памятником кочевников Памира считается курган 10 Памирского I могильника (Тамды). Под небольшой насыпью находилась простая грунтовая могила, перекрытая сверху четырьмя парами рогов охара. Умерший воин положен на левый бок в скорченной позе, головой на восток (табл. 36, 1). Перед туловищем лежал деревянный колчан, обшитый кожей. В нем находились стрелы с бронзовыми (19 экз.), железным, костяным и деревянными (20 экз.) наконечниками (табл. 36, 10—16). Хорошо сохранились части древков, обмотанных сухожилиями. На колчане лежало два железных акинака. Здесь же найдены обломок деревянного прибора для добывания

огня (табл. 36, 22), кусок кожи с бронзовой фигуркой горного козла (табл. 36, 37), а также бронзовые украшения одежды, изображающие медведя, пряжка (табл. 36, 21, 33, 34) и др. За спиной погребенного лежали бронзовые удила и псалии с остатками кожаной уздечки (табл. 36, 20).

В комплексе кургана представлены полностью все элементы «скифской триады». От конского снаряжения дошли удила древнейшего типа со стремевидным окончанием и дополнительным отверстием, которые были распространены в Южной Сибири (Алтай и Минусинская котловина), Центральном Казахстане и Приаралье (Уйгарак). Псалии тамдинского уздечного набора имели вид массивных прямых стержней, четырехгранных в сечении, с рельефным зигзагообразным узором на одном и зубчатым — на обложке другого. В средней части псалиев — три выступа с круглыми отверстиями, через которые протянуты ремни. Форма трехдырчатого псалия не находит аналогий в материалах других памятников Средней Азии. Наиболее близок один из псалиев Уйгарака [Вишневская О. А., 1973. Табл. XVII, 18].

Бронзовые черешковые и втульчатые двулопастные наконечники принадлежат к ранним типам. В набор деревянных стрел входят боевые и охотничьи. Железные акинаки сохранились плохо, но, по-видимому, относятся к отделу мечей с почковидным перекрестьем. Изображения животных — горного козла и медведя — исполнены в лучших традициях скифо-сибирского звериного стиля.

Курган 10, как и весь могильник, первоначально был датирован А. Н. Бернштамом V—IV вв. до н. э., а затем VI—IV вв. до н. э. В исследовании о вооружении савроматов комплекс кургана 10 отнесен к VII—VI вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. С. 64]. С этой датой позднее согласились Н. Л. Членова [1967] и М. К. Кадырбаев [1966]. Б. А. Литвинский [1972б] остановился на VI в. до н. э. М. П. Грязнов [1983а. С. 8] увязал комплекс кургана 10 Памирского I могильника с кругом памятников аржано-черногорской фазы VIII—VII вв. до н. э. Еще в одном кургане Памирского I могильника погребенный лежал скорченно на правом боку в сопровождении железного акинака, бронзовой и деревянных чаш, деревянного столика и др. (табл. 36, 2, 6, 46).

К раннесакскому периоду относятся также курганы могильников Айдыкуль, Кальта-Тур, Можуташ II (курган 4), Яшилькуль II, Шаймак (курган 1), Тегермансу I (курганы 7 и 9А) и некоторые другие. Захоронения в них находятся в прямоугольных неглубоких могилах, вытянутых, как правило, в широтном направлении. Сверху ямы перекрыты каменными плитами и жердями. Иногда костяк положен на дерновой подстилке. Большинство погребенных скорчено на боку. Преобладает ориентировка на восток с небольшими отклонениями. Некоторые костяки окрашены. Изредка в могилах бывают кости барана — остатки заупокойной мясной пищи. Глиняные сосуды не были обязательной принадлежностью погребального обряда. Единичные сосуды, редко два-три, встречены в мужских и женских захоронениях. Наряду с глиняными употребляли деревянные и бронзовые сосуды. В могилу мужчинам обычно клали оружие и конскую упряжь. Неболь-

шой серией представлены биметаллические акинаки. Особенно замечателен акинак (длина 35 см) с железным клинком и бронзовой рукоятью с сердцевидным перекрестьем (курган 3 Акбеита). У обоих краев рукояти располагаются рельефные головы козлов, а верхний конец украшен лежащей фигуркой козла (табл. 36, 5). Похожие железные акинаки с бронзовым сердцевидным перекрестьем происходят из кургана 7 могильника Тегермансу I и из кургана 4 могильника Можуташ II [Литвинский Б. А., 1972б. С. 113].

Умерших хоронили в одежде, от которой уцелели бронзовые украшения. Кроме того, в могилах находят железные и бронзовые браслеты, обломки стеклянных браслетов, предметы быта и деревянные приспособления для добывания огня. Женские захоронения отличаются более разнообразным набором украшений и бус, среди которых встречены сердоликовые с гравированным орнаментом индийского происхождения. В ранних погребениях есть наглазники из крупных раковин с отверстием в центре и узором. Они также индийского происхождения.

ПАМЯТНИКИ V—III ВВ. ДО Н. Э. К этому периоду истории ранних кочевников Памира относится большинство исследованных курганов и самый крупный из известных могильников — Акбеитский. Погребения по-прежнему совершали в простых грунтовых могилах. Но намогильные сооружения отличаются большим разнообразием. В Акбеите встречены круглые или овальные сплошные каменные насыпи с кольцом из камней (кромлехом) — непременным элементом погребальных сооружений сакского времени, который обычно связывают с соляными представлениями. Имеются прямоугольные каменные насыпи, окаймленные одним или двумя рядами камней, отражающие какие-то иные культовые представления (табл. 36, 4). Третья разновидность представлена овальными или круглыми каменными выкладками.

Особый интерес вызывают захоронения в грунтовых ямах, где умерший воин прикрыт щитом из многочисленных деревянных планок, обтянутых кожей (табл. 36, 3).

В отличие от сакских захоронений Семиречья и Приаралья, почти все погребенные в курганах Памира положены скорченно на боку. Отмечено, что женщины иногда лежат на правом боку, головой на запад, а мужчины — на левом, головой на восток. Большинство могил содержит по одному погребенному, изредка встречаются два и еще реже три. Известно парное захоронение мужчины и женщины, причем оба положены на правый бок и обращены головами в одну сторону — на запад (Аличур II, курган 3). В одном кургане, в верхнем захоронении, умерший (пол не установлен) лежал головой на запад, а в нижнем (мужчина) — на восток (Акбеит, курган 45). Сохранялся обычай окрашивать труп красной краской. Иногда окрашен не весь скелет, а только один череп (Можуташ II, курган 4). Заупокойная мясная пища — часть туши барана — обнаружена не во всех могилах.

Как и в ранний период, значительное количество курганов оказалось без следов захоронения. Так, в Акбеите примерно треть всех раскопанных насыпей (51) составляют кенотафы.

В сопровождающий погребальный инвентарь входили глиняная посуда, ножи и бусы, которые встречались как в мужских, так и в женских захоронениях. Но только в мужских погребениях найдено оружие и конское снаряжение, а в женских — украшения, предметы туалета и косметика.

Большинство могил бедно находками, но выделяются богатые захоронения (Акбеит, курган 3; Аличур II, курган 3 и др.). В них с мужчинами-воинами, перекрытыми боевым щитом, положены, как обычно, колчан со стрелами, железные кинжал и кевец, а также нож. У некоторых погребенных перед лицом поставлены бронзовая плоскодонная чаша и деревянная тарелка с остатками пищи. Погребенных хоронили в одежде из шерсти, кожи и войлока. К поясу подвешивали кожаные мешочки с бронзовыми украшениями. Конская сбруя, чаще всего уздечка, заменяла захоронение коня.

Очень редко встречаются мумифицированные останки погребенных (Акбеит, курган 94). Изделий из благородных металлов мало. Так, в кургане 47 Акбеита найдена золотая серьга. Богатые захоронения, которые с уверенностью можно считать женскими, не обнаружены.

В погребальном обряде и в составе сопровождающего инвентаря наблюдается преемственность между памятниками раннего (VIII—VI вв. до н. э.) и более позднего (V—III вв. до н. э.) периодов. Однако последние имеют существенно новые черты. Это прежде всего разнообразие надгробных сооружений. Значительные различия проявляются и в основных категориях предметов материальной культуры. Отметим, что среди наконечников стрел на позднем этапе количественно преобладают железные черешковые. Только в Акбеите обнаружен один бронзовый трехлопастный черешковый наконечник наряду с костяным и деревянными. Деревянные наконечники стрел были широко распространены на Памире и у ранних кочевников, и хронологически их различить невозможно.

Ассортимент железных изделий в этот период сильно увеличился и включал ножи, кинжалы, акинаки, кевцы, удила и браслеты. Большая доля железных предметов в инвентаре служит показателем более позднего времени. В курганах этого периода найдены железные акинаки с сегментовидным навершием и таким же перекрестьем, а также с бабочковидным перекрестьем (табл. 36, 7, 8). Именно в V—III вв. до н. э. широко распространяются боевые чеканы, представленные несколькими разновидностями (табл. 36, 9) [Литвинский Б. А., 1972б. С. 120]. На смену бронзовым приходят железные двухплетчатые удила. Псалии были железными и бронзовыми в виде плоского стержня с двумя отверстиями. Бронзовый псалий с одним отверстием найден в могильнике Акбеит [Литвинский Б. А., 1972б. Табл. 46].

Особый интерес представляют четыре ритуальных бронзовых котелка. На одном из них имеются две горизонтальные кольцевидные ручки, между которыми помещена рельефная голова грифона (табл. 36, 49). На другом — две такие же ручки и между ними две вертикальные ручки в виде фигурок горных баранов (табл. 36, 48). Третий котелок — с двумя горизонтальными и двумя вертикальными ручками

(табл. 36, 47). Четвертый — бронзовый бокал конической формы (табл. 36, 44). Большой серией представлены глиняные сосуды (табл. 36, 40—43). Имеются также сосуды из дерева (табл. 36, 45). Относительное обилие сосудов из бронзы составляет отличительную особенность захоронений рассматриваемого периода.

Замечательные образцы звериного стиля происходят из могил этого времени (табл. 36, 32, 35, 36, 38, 39).

Отметим украшение в форме «лягушки» (табл. 36, 23). Свообразны ажурные украшения из могильника Акбеит с пламевидными отростками (табл. 36, 24, 25), которые имеют аналогии в Южной Сибири и Ордосе [Членова Н. Л., 1967. Табл. 34; Бернштам А. Н., 1956]. По-прежнему встречаются сердоликовые бусы индийского происхождения (табл. 36, 26—30). Есть украшения из раковин (табл. 36, 31).

История ранних кочевников Памира восстанавливается главным образом на основе данных археологии, а также палеоантропологических материалов. Антропологи пришли к заключению, что в то время на всей территории Памира население было однородным. Оно относилось к долихокраанному европеоидному типу и характеризовалось длинной, узкой и высокой черепной коробкой, узким и высоким лицом. Этот расовый тип — средиземноморский — был характерен для древнего населения Передней Азии и юга Средней Азии. Очевидно, кочевники Памира были генетически связаны с населением эпохи бронзы, обитавшим к юго-западу от Памира.

Ранние кочевники Памира по антропологическому типу резко отличались от саков Тянь-Шаня, Семиречья и Приаралья [Гинзбург В. В., 1960; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Кияткина Т. П., 1976]. Одно это заставляет предполагать их иное происхождение и иные пути развития.

Археологические материалы указывают на культурные связи с северо-восточными и восточными областями степей Евразии, включая Центральную Азию и Туву. Об этом прежде всего свидетельствуют устройство погребального сооружения и появление в V—III вв. до н. э. прямоугольных каменных выкладок, находящихся аналогии в Туве [Кызласов Л. Р., 1979; Грач А. Д., 1980].

Преобладание скорченной позы и восточной ориентировки также отличает погребальный ритуал Памира от обряда среднеазиатских саков и сближает с ритуалом скифского времени Тувы. Добавим еще обычаи окрашивания трупов, а также трепанации черепа. В отличие от среднеазиатских памятников, на Памире необычайно велико количество изделий из железа, наиболее ранние из которых встречены в комплексе кургана 10 Памирского I могильника. Отметим сочетание в этом комплексе черешковых и втульчатых наконечников стрел, что особенно типично для восточных областей Евразии [Мандельштам А. М., 1978б]. Еще одна характерная особенность культуры кочевников Памира — широкое распространение боевых чеканов-кевцов. Напомним также о своеобразии художественных изделий звериного стиля, об особой манере стилизации животных и об украшениях явно восточного происхождения из могильника Акбеит (табл. 36, 23—25, 38, 39).

Немаловажное значение имеет своеобразие керамического комплекса, на что обратил внимание еще А. Н. Бернштам. Большинство форм сосудов имеет не среднеазиатское происхождение. В связи с этим напомним, что и бронзовые котелки с кольцевидными ручками находят близкие аналогии в памятниках Тувы и Минусинской котловины. В целом в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре у кочевников Памира много общего с населением Тувы, особенно для V—III вв. до н. э.

Все приведенные факты приобретают важное значение в вопросе о происхождении ранних кочевников Памира. В литературе уже было высказано сомнение в том, правомерно ли рассматривать это малочисленное население как «памирские сакские племена» [Сорокин С. С., 1975. С. 22]. Основываясь на том, что у памирцев в культуре мало общего со среднеазиатскими саками, но имеются многочисленные черты сходства с населением восточных районов, было высказано предположение, что памятники Памира принадлежали «кочевым обитателям соседних областей Центральной Азии, временами использовавшим эти высокогорные пастбища» [Мандельштам А. М., 1978б. С. 20]. С этим вполне можно согласиться.

Проникновение кочевников из Центральной Азии на Памир и освоение высокогорных пастбищ восточного Памира стало возможным с началом использования коня как верхового животного. Учитывая аржанские параллели, это можно отнести к VIII—VII вв. до н. э. Более основательно кочевники осваивают Памир на следующем этапе — в V—III вв. до н. э. В это время кочевое население появляется в долинах западного Памира, о чем свидетельствуют могильники Чильхона, Рычив и др. [Бабаев А. Д., 1968; 1973а; 1973б].

О проникновении на Памир собственно среднеазиатских саков можно говорить лишь по сообщениям письменных источников и только со II в. до н. э. Под давлением юечжей, вторгшихся на Тянь-Шань и в Семиречье, саки двинулись на юг и прошли через Памир. Об этом прямо свидетельствует китайская хроника: «Первоначально сия страна (Тянь-Шань и Семиречье.— *Ред.*) принадлежала народу сэ. Большой юечж на западе разбил и выгнал сэского владельца. Сэский владелец перешел на юг за Висячий переход; Большой юечж удалился на запад и покорил Дахя» [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 190, 191]. В другом месте сказано, что сэский владелец занял на юге государство Гибинь где-то в северо-западной Индии [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 179]. «Висячий переход» А. Н. Бернштам [1956. С. 132] отождествлял с Лянгарским спуском. Но Б. А. Литвинский вслед за А. Н. Зелинским считает, что невозможно точно определить его местоположение. Ясно только, что путь в Гибинь через «Висячий переход» мог проходить лишь через южное Припамирье.

Из всего сказанного вытекает, что сакские племена, проникшие на Памир и затем вторгшиеся в северо-западную Индию, приняли активное участие в важнейшем событии древней истории, каким явился разгром в 140 г. до н. э. Греко-Бактрийского царства на юге Средней Азии и северной Индии.

Кроме китайских источников, о саках на Памире имеются сведения у античных авторов, в частности у

Птолема. На рубеже нашей эры весь Памир был заселен саками [Мандельштам А. М., 1957. С. 84].

ПАМЯТНИКИ II В. ДО Н. Э.— III В. Н. Э.
В первые века нашей эры Памир входил в орбиту влияния Кушанского государства, но археологических материалов этого времени на Памире очень немного. К поздней группе II—I вв. до н. э. Б. А. Литвинский отнес курганы могильников Рангкуль I и Аличур I, курган 11 Памирского I могильника и несколько других.

Захоронения в Рангкуле отличаются главным образом вытянутым положением умершего. В раскопанных четырех курганах оказалось мало находок: фрагменты бронзовой и глиняной чаш, бронзовый проволочный браслет и др. Все вещи существенно не отличаются от предметов, встреченных в захоронениях предшествующего периода. Среди них нет никаких специфических находок, датирующих эти погребения именно II—I вв. до н. э. В могильнике Аличур I под насыпью трех раскопанных курганов оказались ямы, несколько похожие на могилы с подбоем [Литвинский Б. А., 1972б. С. 12]. Устройство кургана 1 напоминает катакомбу-подбой. Погребенный лежал скорченно на боку, головой на восток. Такое положение костяка продолжает раннюю традицию. Погребения в курганах 7, 11, 12 Памирского I могильника А. Н. Бернштам предположительно отнес ко II—I вв. до н. э. Они незначительно различаются устройством могилы, окруженной валунами. Кстати, подобная особенность обнаружена и в могильнике Акбеит. В составе находок нет ничего, указывающего на более позднюю дату перечисленных курганов. Поэтому нам представляется, что они, по-видимому, не отличаются от большинства курганов Памирского I могильника, которые относятся к V—IV вв. до н. э.

Курганы II в. до н. э.— III в. н. э., изученные А. Д. Бабаевым преимущественно в долинах западного Памира, полностью не опубликованы. Отрывочные сведения о них, к которым добавим описание могил, раскопанных А. Н. Зелинским, дают возможность отметить лишь некоторые особенности погребальных обрядов. Погребения совершали в мегалитических сооружениях, которые отмечены на поверхности очень большими камнями или врытыми плитами в окружении валунов меньших размеров. В простых неглубоких грунтовых могилах, обычно разрушенных и ограбленных, находят обломки костей человека, иногда двух-трех. Встречены (например, в могильнике Змутк) и останки коллективных погребений в круглых (диаметр 3,4 м) наземных сооружениях. Стены их выложены из камней. Все они сильно разрушены [Бабаев А. Д., 1973б]. В погребальном инвентаре представлены точно не датированные железные ножи и пряжки, бронзовые проволочные браслеты с утолщенными краями, бронзовые колокольчики, каменные острия для сурмления, украшения.

В могильнике Касвир захоронения совершали в каменных ящиках в вытянутом положении, реже — в скорченном, головой, как правило, на восток. В могилах найдены железные кинжалы с прямым перекрестьем, бокаловидные кубки, покрытые красным ангобом, терракотовая статуэтка лошади. Могиль-

ник относится к рубежу нашей эры, ко времени вхождения Памира в состав кушанских владений [Бабаев А. Д., 1976]. Из датирующих находок заслуживает внимания бронзовое зеркало (диаметр 6 см) с валиком по краю и небольшой боковой ручкой-выступом. Это зеркало найдено в могильнике Чильхона на южном Памире [Бабаев А. Д., 1968]. По классификации сарматских зеркал [Хазанов А. М., 1963] оно ближе всего к типу IV (I в. до н. э.— I в. н. э.).

Железный кинжал из могильника Рычив относится к типу двулезвийных с прямым перекрестьем [Бабаев А. Д., 1978. Рис. 13]. Навершие разрушено, и трудно составить представление о его первоначальной форме. Найденная в курганах керамика резко отличается по форме от посуды сакского времени. Преобладают сосуды с плоским дном в виде кониче-

ских бокалов. Они украшены росписью, которая ранее совсем не встречалась на памирской керамике. В узорах преобладают геометрические мотивы. Известна и плоскодонная чаша с изображением козла, выполненным желто-белой краской по коричнево-красноватому фону [Зелинский А. Н., 1960. Рис. 3, 7].

Материалы по памирским памятникам II в. до н. э.— III в. н. э. явно недостаточны, чтобы сделать обоснованные выводы. Можно отметить переживание древних традиций в погребальном обряде, выразившееся в сохранении скорченной позы. Наглядно выступают хронологические отличия в инвентаре (появление железных кинжалов с прямым перекрестьем, зеркал с валиком и небольшой ручкой). Своеобразие культуры проявляется в самобытной расписной керамике.

Глава третья

Ташкентский оазис, средняя Сырдарья и Среднеазиатское междуречье

Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса

В последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры на большей части Средней Азии господствующее положение занимали кочевые племена и созданные ими государства, прежде всего Парфянское и Кушанское. Важная роль в истории Среднеазиатского междуречья (Сырдарья и Амударья) принадлежала и Кангюю. По сведениям китайских хроник, это кочевое владение во II в. до н. э. располагалось к северо-западу от Давани (Ферганы), к западу от территории усуней и к северу от юечжей. На северо-западе оно граничило с владением Яньдай (Приаралье). В зависимости от Кангюя находилось пять небольших владений [Бичурин Н. Я., 1950б. С. 184—186, 229]. Указанные сведения позволяют предположительно определить местонахождение этого государства, в состав которого бесспорно входили Ташкентский оазис, граничивший с Ферганой (области средней Сырдарьи), и прилегающие районы Среднеазиатского междуречья. Но они не дают основания наметить конкретные границы Кангюя, и по этому вопросу среди историков нет единого мнения. О локализации пяти зависимых владений также высказаны разные суждения. Среди этих владений, как полагают, был и Хорезм [Толстов С. П., 1948а; Бернштам А. Н., 1949в (1950); Кляшторный С. Г., 1964].

Жители Кангюя, в отличие от соседних кочевых усуней и юечжей, которые первоначально обитали в Центральной Азии и лишь во II в. до н. э. переселились в Среднюю Азию, являлись коренным местным кочевым населением Среднеазиатского междуречья. Имеются достаточные основания считать кочевых «кангюйцев» прямыми потомками сако-массагетских племен предшествующего периода и относить их к кругу ираноязычных кочевых народов Евразии [Бернштам А. Н., 1949в (1950); Кляшторный С. Г., 1964; Литвинский Б. А., 1968. С. 14].

Кангюйское владение объединяло ряд областей с оседло-земледельческим и кочевым населением. Существовало оно до V в. н. э. В источниках рассказывается о посольстве из этой страны, отправленном в 436 г. Следовательно, Кангюй сохранял политическую самостоятельность более 700 лет. Многочисленные оседлые поселения времени Кангюя изучены археологами в Ташкентском оазисе и на средней Сырдарье и отражают значительное развитие здесь земледельческой культуры (эти материалы рассмотрены в кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Сер. Археология СССР. М., 1985). В свете исторических и археологических данных Кангюй представляет собой яркий пример особо тесного сосуществования в рамках единого объединения населения, разнородного по хозяйству, культуре и образу жизни. О кочевой его части можно соста-

вить представление преимущественно по археологическим материалам.

В рассматриваемых районах обследованы сотни могильников, насчитывающих порой по несколько тысяч курганов. В них раскопано большое количество погребений древнего периода (карта 3). Этот регион по насыщенности памятниками кочевников мало уступает таким кочевым центрам, как Семиречье и Тянь-Шань.

Изучение курганов в Ташкентском оазисе, в окрестностях Ташкента, было начато Н. П. Остроумовым еще в конце XIX в. Систематические научные исследования ведутся здесь с 1934 г., когда ленинградский археолог Г. В. Григорьев осуществил первые раскопки на городище Каунчи, выделил своеобразную культуру древних земледельцев Ташкентского оазиса и разделил ее на три этапа — Каунчи I, II, III. Одновременно он зафиксировал несколько могильников в долине р. Чирчик и около городища Каунчи (на арыке Джун). В 1937—1938 гг. Г. В. Григорьев раскопал 13 курганов с захоронениями в катакомбных камерах. В 1940 г. А. И. Тереножкин исследовал подобные курганы в зоне Ташкентского канала. В 1948 г. появилась статья Г. В. Григорьева, в которой раскопанные курганы были датированы I—III вв. и отнесены к памятникам кочевников. По находкам керамики Г. В. Григорьев сопоставил их с этапом Каунчи III, а также с известным Кенкольским могильником [Григорьев Г. В., 1948]. Тогда же анализ материала из курганов Ташкентского оазиса, раскопанных главным образом Г. В. Григорьевым, был проделан Т. Г. Оболдуевой [1948]. Она разбила все известные памятники на две группы — каунчинскую (синхронную этапу Каунчи II) и джунскую. Первая группа датирована рубежом нашей эры; джунская, названная культурой, — III—IV вв. Последняя, по мнению Т. Г. Оболдуевой, принадлежит местному оседлому населению, а не кочевникам. Так возникли разные подходы к изучению курганов Ташкентского оазиса, разные суждения об их хронологии и культурной принадлежности.

Разделение курганов на две хронологические группы поддержал А. И. Тереножкин [1950], который, однако, предложил иные датировки. Время существования этапов I и II культуры Каунчи он определил в пределах II в. до н. э. — I в. н. э. (при этом Каунчи I—II—I вв. до н. э.), а джунскую культуру отнес к I—IV вв., допуская, следовательно, частичное сосуществование памятников обеих групп. В отличие от Т. Г. Оболдуевой, А. И. Тереножкин «удревнил» и расширил хронологические рамки джунской культуры. Он впервые высказал предположение, что комплекс Каунчи и изученные курганы

характеризуют культуру древнего объединения Кангюй, существовавшего, по данным китайских историков, как раз в указанный период.

В итоге раскопок в 1938—1939 гг. могильника Берккара в Южном Казахстане А. Н. Бернштам выдвинул гипотезу о принадлежности этого памятника кочевому населению Кангюй. обстоятельно кангюйская проблема была поставлена в более поздней его работе [Бернштам А. Н., 1949в (1950)]. На основе исследований в Южном Казахстане А. Н. Бернштам выделил кангюйско-каратаускую культуру, считая открытые им могильники на склонах хребта Каратау кангюйскими, как и ранее изученный могильник Берккара. Широко привлекая данные китайских источников и открытые им поселения и могильники, А. Н. Бернштам первым поставил вопрос о существовании кочевого и оседлого населения Кангюй. Он отметил важнейший факт сходства материалов синхронных могильников и поселений. Кочевое население Кангюй, по заключению А. Н. Бернштама, было сакского происхождения и тюркоязычно. Последнее утверждение, выдвинутое априори, не было обосновано и не получило признания.

Новый этап изучения памятников Ташкентского оазиса охватывает 40—60-е годы. В 1947 г. небольшие раскопки курганов с катакомбами провел М. Э. Воронец [1951]. В 1957—1960 гг. изучением погребальных памятников занимался Т. Агзамходжаев, раскопавший в нескольких пунктах около 100 разнотипных курганов [Агзамходжаев Т., 1961; 1966а; 1966б].

А. Н. Бернштам, продолжая исследования в Южном Казахстане, зафиксировал большое количество могильников в долинах Каратау и на правом и левом берегах Сырдарьи, вплоть до г. Кызыл-Орда. В 1947 г. на северном склоне Каратау его экспедиция раскопала несколько курганов в Тамдинском могильнике [Бернштам А. Н., 1949в (1950); Мало-вицкая Л. Я., 1949 (1950)]. Дальнейшие исследования памятников кочевников в этом районе были предприняты в 1957—1959 гг. археологами Казахстана [Максимова А. Г., 1962; Мерциев М. С., 1962]. Одновременно А. Г. Максимова продолжила раскопки могильника Берккара и датировала вскрытые ею курганы I—III вв. [Максимова А. Г., 1962. С. 115].

Особенно значительные материалы по культуре кочевников получены в 1959—1963 гг. на правобережье Сырдарьи, в зоне строительства Чардаринской ГЭС. Здесь исследованы поселения и несколько крупных могильников [Максимова А. Г., 1968].

В 60-е годы начато систематическое изучение курганов древнего периода на средней Сырдарье и особенно в Отрарском оазисе. Работы продолжаются до настоящего времени [Нурмуханбетов Б. Н., 1974; 1975; 1976; 1978].

Накопление новых материалов вызвало и попытки их обобщения. В интерпретации рассматриваемых памятников значительная роль принадлежит монографии Л. М. Левиной [1971], в которой обобщены материалы по трем культурам в долине Сырдарьи — джетысарской, отрарско-каратауской (кангюйско-каратауской, по А. Н. Бернштаму) и каунчинской. Основу работы составляет детальная хронологиче-

ская классификация керамического материала по трем периодам, даты которых, в отличие от всех предыдущих исследований, значительно омоложены (Каунчи I — от рубежа нашей эры или I в. до н. э. до конца III — начала IV в.; Каунчи II — конец III—V в.; Каунчи III—VI — начало VIII в.). В работе широко использована керамика из могильников и в связи с этим охарактеризованы основные виды погребальных памятников региона. В целом исследование Л. М. Левиной составляет важный этап в археологическом изучении района. Характеристика трех локальных вариантов, а возможно, и культур не вызывает сомнения. Однако изменение дат, в частности Каунчи II, по сравнению с хронологией А. И. Тереножкина почти на 200—500 лет недостаточно обосновано.

Б. А. Литвинский в статье о памятниках джунской культуры [1967] вслед за Т. Г. Оболдуевой и А. И. Тереножкиным, в отличие от Л. М. Левиной, датирует их I—III или более узко — II—III вв., что означает возврат к дате Г. В. Григорьева. Большое внимание Б. А. Литвинский уделяет историко-культурным аспектам. Не рассматривая ранее высказанных суждений, он выдвигает свою гипотезу о принадлежности каунчинско-джунской культуры населению древнего Кангюй.

С начала 70-х годов начинается современный этап изучения. В ходе сплошного обследования Ташкентского оазиса в связи с составлением археологической карты проводятся небольшие раскопки курганов в разных районах. Обобщенная характеристика и перечень погребальных памятников даны в публикациях Ю. Ф. Бурякова, М. Р. Касьмова и О. М. Ростовцева [1973] и в книге Ю. Ф. Бурякова [1982].

Этот краткий обзор показывает, что раскопки погребальных памятников проводились спорадически, материалы их опубликованы только частично и в полном объеме еще не систематизированы. Сейчас известно во много раз больше памятников по сравнению с начальным периодом, когда на очень небольших материалах были намечены определения археологических культур. Особое внимание обратим на слабую аргументацию изменений в датировке памятников. Целесообразно провести заново систематизацию погребальных памятников в масштабе всего региона. Некоторые вопросы истории кочевого населения Кангюй вообще мало разработаны. На основе одних и тех же данных население, оставившее могильники, считают то оседлым, то кочевым. Нет единого мнения не только о культурно-хозяйственной принадлежности создателей курганов, но и об их этнической принадлежности. До сих пор не выделены погребальные памятники земледельческого населения Кангюй. Необходимо учесть открытие в последние годы оседло-земледельческих поселений бургулюкской культуры начала I тысячелетия до н. э., которая в своем развитии прошла ряд этапов и послужила основой для сложения культуры Каунчи.

Надо учитывать также, что в рассматриваемом регионе распространены захоронения в катакомбных и подбойных могилах, которые по форме во многом сходны с аналогичными памятниками кочевого населения соседних районов Средней Азии,

ПАМЯТНИКИ VII—VI—III ВВ. ДО Н. Э. Наряду с земледельческим населением бургулюкской культуры [Дуке Х., 1982] в первой половине I тысячелетия до н. э. на окраинах Ташкентского оазиса и в соседних районах Южного Казахстана от Сырдарьи до хребта Каратау обитали кочевые племена сакского круга. Известны единичные памятники.

Наиболее ранним является комплекс находок в кургане 1 могильника Жаман-Тогай в районе Чардары, на правом берегу Сырдарьи. В курганной насыпи на слое камыша внутри угольного кольца обнаружены остатки тризны. Здесь найдены железный кинжал с бронзовым брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем (табл. 37, 5), восемь бронзовых наконечников стрел, в том числе пять черешковых (двух- и трехлопастные и ромбические в сечении) и три двулопастных втульчатых (табл. 37, 12—19). Они достаточно твердо датируются VII—VI вв. до н. э. [Максимова А. Г., 1968; Медведская И. Н., 1972]. Кроме них, найдены каменные точильные бруски, железный нож, бронзовые пряжка и кольцо (табл. 37, 5, 9, 26, 27). Все эти изделия типичны для раннего этапа скифской эпохи степей Евразии и имеют аналогии в сакских памятниках Средней Азии. Можно говорить о распространении на территории Южного Казахстана предметов вооружения — одного из ведущих компонентов «скифской триады». Об изделиях скифского звериного стиля — второго элемента «триады» — можно судить по случайной находке литого бронзового ножа с изображением головы птицы на рукояти (табл. 37, 8) [Ставиский Б. Я., 1955]. Очевидно, к этому времени относится и бронзовый кельт (табл. 37, 10).

Все эти материалы явно недостаточны для каких-либо определенных заключений. Можно лишь утверждать, что в VII—VI вв. до н. э. рассматриваемый регион был заселен сакскими племенами.

К более позднему времени — V—III вв. до н. э. — принадлежит курган на правом берегу р. Чаткал, у с. Бурчмулла. Под каменной насыпью находились две могилы. В одной из них в грунтовой яме лежал костяк в вытянутой позе на спине, головой на юго-восток. В ногах стоял грушевидный лепной кувшин, украшенный треугольниками, заполненными насечками (табл. 37, 51) [Древности Чарвака]. Аналогичный орнамент известен на сосуде сакского времени из Центрального Тянь-Шаня [Кибиров А., 1959б]. Обнаруженный в насыпи кургана бронзовый втульчатый наконечник стрелы дает некоторое основание относить это захоронение к сакскому периоду. В том же могильнике найдены украшения и бронзовый наконечник стрелы (табл. 37, 21, 22, 43).

В западной части хребта Каратау выявлена группа «царских» курганов. Огромные каменные насыпи в плане имеют вид многолучевой звезды. С восточной и западной сторон к ним примыкают каменные выкладки длиной 100 м [Акишев А. К., 1976].

В этом же районе обнаружены курганы «с усами», сходные с памятниками тасмолинской культуры эпохи саков в Центральном Казахстане. Открытие этих курганов свидетельствует о распространении на территории отарско-каратауской культуры типичных для саков сложных намогильных сооружений.

ПАМЯТНИКИ III—I ВВ. ДО Н. Э. В могильнике Берккара на северо-восточных склонах хребта

Каратау насчитывается более 30 групп курганов, общее количество которых доходит до 450. В 1938—1939 гг. А. Н. Бернштам раскопал более 40 могил [Бернштам А. Н., 1939], в 1957 г. вскрыто еще 10 курганов [Максимова А. Г., 1962]. Насыпи резко различаются по величине: диаметр крупных достигает 50 м, средних — 25 м, малых — 4—12 м. Насыпи часто сопровождаются выкладками из камней в виде колец, полумесяца или дорожек (табл. 37, 1, 2). Могилы выбиты в твердом каменном грунте. Они вытянуты с запада на восток. Погребенные положены на спину, головой на запад, иногда с отклонением к северу. Разнообразен погребальный инвентарь: лепные глиняные сосуды, железные ножи, предметы вооружения и украшения, хотя в результате ограблений находок оказалось мало (табл. 37, 3, 23—25, 28—30, 32—34, 36—42).

Выделены две хронологические группы погребений: более ранняя (I) — IV—III вв. до н. э. и более поздняя (II) — II в. до н. э. — I в. н. э., к которой относится большая часть исследованных курганов. Ранняя группа выделена главным образом по типам глиняной посуды, среди которой преобладают круглодонные чаши, кружки с ручкой и чайникообразные сосуды с носиком (табл. 37, 57—64). Дата, предложенная для этой группы могил [Бернштам А. Н., 1947; Бабанская Г. Г., 1956; Агапов П., Кадырбаев М. К., 1979], опиралась в основном на находку бронзовой пряжки с изображением льва, держащего в пасти птицу (табл. 37, 20). Представляется более вероятным временем ранних могил Берккары III—II вв. до н. э.

Материалы III—I вв. до н. э. обнаружены в могильнике Тамды на северном склоне Каратау [Бернштам А. Н., 1949в (1950); Маловицкая Л. Я., 1949 (1950)]. Курганы выделяются каменной выкладкой — «усиками» (табл. 37, 44). Захоронения совершены в больших грунтовых ямах, перекрытых деревянным накатом. В некоторых могилах оказалось до четырех погребенных, положенных головами на северо-запад. В мужских захоронениях Тамды найдены железные акинаки в обломках, набор железных черешковых трехперых наконечников стрел с опущенными жальцами (табл. 37, 45, 46), железный втульчатый наконечник копья листовидной формы, предмет неизвестного назначения и крючок от колчана (табл. 37, 49, 50). Лепной круглодонный горшок с двумя ручками и чайникообразный кувшин с носиком (табл. 37, 47, 48) сходны с сосудами Берккары.

В других могильниках III—I вв. до н. э. обнаружены железные булава с круглым навершием и ножи, каменная мотыга (табл. 37, 6, 7, 11, 31, 35, 37), круглодонные чаши, кувшины и кружки (табл. 37, 52—56).

В рассмотренных памятниках заметны традиции погребального обряда сакских племен предшествующего времени. Вместе с тем наблюдается значительная близость с синхронными памятниками типа Буранинское могильника раннеусуньского времени в Семиречье. На материалах Берккары и Тамды подтверждается установленное для Семиречья положение о сходстве погребальных сооружений, обряда и основных видов инвентаря сакского времени и части памятников последующего, усуньского периода.

Применяемый в литературе термин «сако-усуньский период» отражает преемственность в развитии культуры ранних кочевников на юге Казахстана во второй половине I тысячелетия до н. э.

ПАМЯТНИКИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ. В истории кочевого и полукочевого населения рассматриваемого региона существенные изменения происходят на рубеже нашей эры. Во много раз возрастает количество памятников и они становятся разнообразнее. Широко распространяется, как и в других районах Средней Азии, обряд захоронения в катакомбных и подбойных могилах [Сорокин С. С., 1956а]. К этому периоду относятся могильники I—IV вв. Имеются достаточные основания считать их кангюйскими памятниками. В отличие от ранних комплексов Берккара I и Тамды, их следует именовать позднекангюйскими.

Местным кочевым племенам Южного Казахстана времени существования Кангюя принадлежат могильники северных склонов Каратау (Берккара II, Кенсай и др.). А. Г. Максимова [1962] датирует их II в. до н. э.—III в. н. э. На наш взгляд, имеется больше оснований относить эти могильники только к первым векам нашей эры. Продолжается традиция захоронения в простых грунтовых могилах под курганной насыпью. Появляются могильные ямы, перекрытые каменными плитами. Умершие вытнуты на спине, головой на запад, иногда с небольшим отклонением к северу (табл. 38, 13). Формы лепной керамики сходны с сосудами, характерными для III—I вв. до н. э. Впервые появляются единичные станковые сосуды — плоскодонные горшки и чаши. В некоторых сосудах сохранились остатки пригоревшей пищи. Изредка в могилах встречаются кости барана — остатки мясной заупокойной пищи. Оружие представлено обломками железных мечей, железными черешковыми трехперыми наконечниками стрел. Украшения включают железные булавки, спиралевидные серьги из золота, раковины каури. В позднем комплексе Берккара II найдены обломок китайского бронзового зеркала и нефритовая чашечка. Подобные привозные вещи появились у кочевников на рубеже нашей эры в результате установления связей с Ханьским государством.

Отмечая значительное сходство погребального обряда и материальной культуры могильников Каратау с памятниками усуньского времени Семиречья, А. Г. Максимова пришла к выводу о принадлежности их, включая Берккару и Тамды, Усуньскому племенному союзу. Она рассматривает северные склоны Каратау как периферию усуньских земель [Максимова А. Г., 1962. С. 100]. Следовательно, ныне существуют две основные точки зрения о принадлежности этих памятников: А. Н. Бернштам считает их кангюйскими, другие исследователи — усуньскими. Заключение о расположении Кангюя к западу от р. Талас, а усуней — к востоку от нее основано на сообщениях китайских источников, данных традиционной китайской картографии и главным образом на сведениях о пребывании шаньюя Чжичжи на восточных землях Кангюя, в долине Таласа. Эти основания достаточно серьезны. К сожалению, археологические данные пока недостаточны для того, чтобы разграничить усуньские и кангюйские памятники. Следует учитывать определенное

их сходство, хотя нельзя говорить о полной идентичности. Добавим к этому, что усунь в ходе междоусобной борьбы иногда откочевывали в Кангюй, что также способствовало нивелировке культуры. Окончательное решение вопроса будет возможно лишь после накопления археологических материалов.

Многочисленные ценные материалы для изучения культуры полукочевого населения Кангюя первых веков нашей эры получены при раскопках могильников, расположенных на правом берегу Сырдарьи, в зоне Чардары. Наибольшее количество курганов (57) изучено в Шаушукуме. Здесь представлены все основные разновидности захоронений: 1) катакомбы типа I (кенкольского), в которых камера располагается перпендикулярно дромосу (29 курганов; табл. 38, 1, 2); 2) катакомбы типа II (лявандакского), где камеры являются продолжением дромоса (семь курганов; табл. 38, 9); 3) подбойные могилы (12 курганов; табл. 38, 11); 4) простые грунтовые могилы (шесть курганов; табл. 38, 14). Сочетание могильных сооружений разного устройства на одной территории, часто в одних и тех же могильниках, является характерной особенностью эпохи и встречается во многих районах, в том числе на Сырдарье и в Семиречье [Заднепровский Ю. А., 1971].

Поскольку захоронения аналогичных видов широко известны у кочевого и полукочевого населения в степях Евразии и в Средней Азии, то можно думать, что курганные могильники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса принадлежат полукочевникам, так как здесь наблюдается тесная связь населения, оставившего могильники, с населением синхронных поселений, расположенных часто поблизости. Надо иметь в виду, что большинство памятников датируется несколькими веками, и на протяжении этого длительного периода кочевое по происхождению население могло переходить к полукочевому образу жизни, сохраняя некоторые специфические особенности прежнего типа хозяйства и культуры. В условиях симбиоза земледельческого и кочевого скотоводческого населения в рамках государства Кангюй, политическая власть в котором принадлежала кочевникам, обряды и вкусы последних могли влиять на оседлых земледельцев. Однако погребальные памятники оседлого населения здесь не выделены.

Захоронения в катакомбах типа I выявлены в районе Чардары в трех пунктах. Наиболее близок к Ташкентскому оазису могильник Жаман-Тогай на правом берегу Сырдарьи. Здесь в четырех курганах обнаружены катакомбы со ступенчатым дромосом (табл. 38, 4). Особенно интересны находки в разрушенном кургане 9 (табл. 38, 3). В камере обнаружен медный котел с прямоугольными ручками, на поддоне и с толстым слоем копоти. Котел по форме сходен с хуннскими котлами рубежа нашей эры (табл. 39, 67). В другой катакомбе оказался необычный для среднеазиатской керамики глиняный кувшин с узкой горловиной и наклепным спиралевидным узором (табл. 39, 68), также характерный для хуннской посуды. Там же найдены костяные пряжки с резным изображением животного (табл. 39, 65, 66).

В кургане 14 умерший лежал в катакомбе на камышовой подстилке (табл. 38, 4), с левой стороны был положен длинный железный меч без металли-

ческого навершия и перекрестья [тип 2 по: Хазанов А. М., 1971]. Три кургана, за исключением кургана 14, датированы рубежом нашей эры [Максимова А. Г., 1968]. Исследователи считают, что могильник Жаман-Тогай и одиночное, более позднее впускное погребение на поселении Актобе 2, возможно, принадлежат хуннам. Они основываются на сведениях о движении хунну (Чжичжы) в Кангюй в I в. до н. э., допуская, что какая-то их часть достигла в это время среднего течения Сырдарьи. При этом А. Г. Максимова оговаривает, что близок только погребальный инвентарь, тогда как устройство погребальных сооружений различно.

Во всех раскопанных курганах могильника Актобе захоронения находились также в катакомбах типа I. Могильник расположен возле поселения, примерно в 25 км к северо-западу от могильника Жаман-Тогай. В отличие от других могильников, вход в катакомбу заложен здесь сырцовыми кирпичами (40 × 40 × 12; 35 × 35 × 12 см). В могилах оказалось по два и четыре костяка, погребенных не одновременно. Умершие лежали вытянуто на спине, головами на восток, с отклонением к северу или северо-востоку. Возможно, катакомбы служили семейными усыпальницами. Курганы ограблены, и погребальный инвентарь беден. Найденная здесь керамика аналогична посуде городища Актобе 2. Горшки и кувшины с ручками и без ручек часто украшены резным волнистым орнаментом, сходным с орнаментом сосудов Кенкола. Применялся прием украшения мазками краски. Разнообразны кружки с ручками — банковидные, кувшинообразные и конические.

По устройству могил, погребальному обряду и отчасти инвентарю захоронения в катакомбах близки курганам Ташкентского оазиса первых веков нашей эры. На основании сходства глиняной посуды и предметов быта из могильника Актобе с материалами соседнего и одновременного ему поселения Актобе 2 высказано предположение, что могильник принадлежал оседлым жителям этого поселения в I—III вв. [Максимова А. Г., 1968].

Наибольшее количество катакомб типа I обнаружено в могильнике Шаушукум, расположенном рядом с поселением Шаушукум, на расстоянии 15 км к северо-западу от могильника Актобе. Катакомбы овальной формы вытянуты по линии запад — восток. Дромосы прямоугольные узкие длинные. Они, как правило, ступенчатые и подходят к камере с южной стороны. Почти все захоронения одиночные. Погребенные вытянуты на спине, головой чаще всего на восток (с отклонением к северу или югу), реже — на запад. Умершего сопровождают богатый инвентарь и заупокойная мясная пища (баран). В одной могиле найдены кости сома.

По составу инвентаря достаточно определенно различаются мужские и женские захоронения. В погребениях мужчин-воинов находят железные двулезвийные мечи и кинжалы без металлического перекрестья и навершия. Только у одного меча есть прямое бронзовое перекрестье. На клинках сохранились остатки деревянных ножен, обтянутых изнутри тканью. От сложного большого лука так называемого гуннского типа уцелели костяные накладки. Железные наконечники стрел черешковые трехлопастные

(табл. 39, 1, 2, 5—7). Предметы быта представлены простыми ножами и железными пряжками с подвижным язычком (табл. 39, 3, 4, 12, 13). От конского снаряжения сохранились железные удила со стержневидными псалиями с закруглением на концах. Псалии инкрустированы золотой фольгой (табл. 39, 8). В женских погребениях обнаружены предметы туалета и украшения: бронзовые плоские зеркала с ручкой-стержнем для насадки деревянных или костяных рукоятей, амулеты из костей животных, глиняные пряслица и разнообразные бусы, железные кольца, серьги (табл. 39, 9—11, 16—18). Глиняные сосуды встречены и в мужских, и в женских могилах. Количественно преобладают лепные плоскодонные сосуды — чаши, курительницы, горшки и кувшины без ручек. Довольно много станковых кувшинов, украшенных потеками краски. Особенно характерны кувшины с зооморфными ручками, каннелюрами на горловине и мазками краски, а также кружки с двумя ручками и спиральными налепами наверху (табл. 39, 20—30). Найдены также бронзовые чаши (табл. 39, 19).

Катакомбы типа I Шаушукума А. Г. Максимова справедливо сопоставляет с памятниками II—IV вв. Ташкентского оазиса. Несмотря на это, она датирует могильник в целом III—V вв., указывая на невозможность выделить более ранние захоронения. Верхняя дата установлена по находке сасанидской монеты. А. Г. Максимова рассматривает Шаушукумский могильник как памятник, в котором произошло смешение местного и пришлого населения, синкретизация культур, что связано с событиями великого переселения народов [Максимова А. Г., 1968]. С последним заключением можно согласиться, так как оно учитывает сложную картину исторических процессов в долине Сырдарьи. Все три могильника — Жаман-Тогай, Актобе и Шаушукум, хотя и датированы по-разному, по-разному определена их хозяйственно-культурная принадлежность, относятся к одной культуре — по нашему мнению, кенкольской [Бернштам А. Н., 1940; 1951; Заднепровский Ю. А., 1975а]. Все они, очевидно, отражают разные стадии смешения культуры местного и пришлого, хуннского, населения.

Аналогичные захоронения в катакомбах обнаружены также в Борижарском могильнике в долине р. Арысь, где представлены могилы разного устройства и разного времени, включая и средневековые [Нурмуханбетов Б. Н., 1975].

Очевидно, локальный вариант кенкольской культуры намечается в Ташкентском оазисе. Здесь захоронения в катакомбах, аналогичные кенкольским и шаушукумским, изучены в Янгиюльском и Вревском могильниках, в Туябугузе [Григорьев Г. В., 1948; Воронец М. Э., 1951; Агзамходжаев Т., 1961; Крашенинникова Н. И., 1966; Древности Туябугуза]. Эти памятники выделяются своеобразным комплексом керамики, в котором ведущая роль принадлежит сосудам с зооморфными ручками [Левина Л. М., 1971]. Из Янгиюльского могильника происходят костяные навершие гребня и фибула типа *Avcisa* (табл. 39, 14, 15).

Курганы с катакомбами типа II обнаружены только в Шаушукумском могильнике. Ориентировка катакомб и дромосов меридиональная. Камера слу-

жила продолжением дромоса, вход в нее закрывался камнем или камышом. Преобладают одиночные захоронения, в которых погребенные лежат вытянуто на спине. Ориентировка меридиональная, в одном случае южная. Курганы разграблены. Инвентарь беден. Несмотря на несопоставимость по количеству находок, комплекс керамики, обнаруженной в этих катакомбах, несколько отличается от керамики катакомб типа I. Выделяются необычные по форме курильницы, а также фляга своеобразной формы. Вместе с тем встречен кувшин, украшенный мазками краски (табл. 39, 40—43). Из предметов вооружения найдены длинный узкий меч и кинжал без металлического навершия и перекрестья, а также трехлопастные наконечники стрел с черешком (табл. 39, 32—34). Все они сходны с оружием, обнаруженным в катакомбах кенкольского типа. В кургане с катакомбой типа II обнаружена железная острога с двумя зубцами (табл. 39, 31). Интересны бронзовые зеркала с утолщенным валиком по краю диска и боковой ручкой-выступом (табл. 39, 35). Своеобразна по форме прямоугольная костяная пряжка с циркульным узором (табл. 39, 39) [Максимова А. Г., 1968]. Из других находок назовем пряжку к ножнам, каменное точило и поделку из астрагала, употреблявшуюся в приспособлении для добывания огня (табл. 39, 36—38).

Катакомбы типа II встречаются в Средней Азии в небольшом количестве, наряду с другими, и не образуют отдельных кладбищ. Если катакомбы кенкольского типа охватывают долину средней Сырдарьи, Ташкентский оазис, Талас, юго-западную часть Чуйской долины, Кетмень-Тюбе и юго-западную Фергану, то ареал катакомб типа II иной. Они открыты в Бухарском оазисе, южной Туркмении и южном Хорезме [Заднепровский Ю. А., 1975а].

Третья группа погребальных памятников в Южном Казахстане и Ташкентском оазисе (древнем Кангюе) представлена захоронениями в подбойных могилах. В Шаушукуме раскопано 12 курганов, в которых оказалось 13 могил с подбоями. Все они вытянуты в меридиональном направлении, с небольшим отклонением к западу или востоку. Ниши подбоя выкопаны вдоль западной или восточной стен входной ямы. Вход в подбой закладывался камнем или сырцовыми кирпичами (39×39×12—15 см). Только в двух могилах найдены предметы вооружения — железные кинжал и трехлопастные черешковые наконечники стрел, а также костяные накладки на лук. Из предметов туалета интересны железные щипчики (табл. 39, 44—46). Комплекс керамики, несмотря на ее малочисленность, отличается своеобразием, хотя набор ее обычен: плоскодонные простые горшки, кружки с ручкой, курильница. На станковых кувшинах с ручкой и без нее нанесен узор мазками краски (табл. 39, 47, 52—54). А. Г. Максимова отмечает сходство подбойных погребений Шаушукумского могильника с позднесарматскими памятниками Нижнего Поволжья II—IV вв. и с памятниками Ферганы, Ташкентского и Бухарского оазисов [Максимова А. Г., 1968].

Аналогичные могилы выявлены в Ташкентском оазисе, в долине р. Ахангаран, около городища Куль-Ата. Могилы узкие и глубокие, ориентированы по линии север—юг или юго-восток—северо-запад.

Все подбои вырыты в западной стенке (табл. 38, 11, 12) и заложены сырцовыми кирпичами (50×25×10 см). Погребенные лежат головой на север. Череп деформированы и имеют явные монголоидные признаки. В нескольких могилах погребального инвентаря нет. Керамика отличается от шаушукумской. Обращает на себя внимание большой лепной кувшин с носиком и ручкой, украшенный мазками краски. Имеется также кружка с зооморфной ручкой (табл. 39, 48—51). Захоронения в подбоях связываются с населением, оставившим каунчинскую культуру [Аминов В., Буряков Ю. Ф., Ходжайов Т. К., 1978].

На территории Ташкентского оазиса насчитывается не менее шести групп погребальных памятников, включающих разные по устройству курганы первых веков нашей эры. Только дальнейшее изучение позволит определить локальное своеобразие каждой из них. Среди них выделяются каменные подземные склепы в долине р. Ахангаран, возле г. Ангрэн. Они раскопаны в 1960 г. Т. Агзамходжаевым [1966б]. Под округлыми насыпями (диаметр до 20 м) находились прямоугольные погребальные камеры, перекрытые куполом. В них было по несколько костяков. Склепы представляли собой семейные усыпальницы. В составе погребального инвентаря — кувшины с зооморфными ручками, а также кувшины, украшенные геометрической росписью коричневой краской по светло-желтому фону. Раскопки здесь были продолжены в 1974 и 1979 гг. Обнаружены материалы периода Каунчи II и ранне-средневековые [Буряков Ю. Ф., 1982]. Вопрос о том, принадлежали ли эти склепы полукочевому или оседлому населению, остается открытым.

В северо-восточной части Ташкентского оазиса, в верховьях р. Ахангаран, обнаружены каменные наземные склепы — мугхона первых веков нашей эры [Буряков Ю. Ф., 1982]. Основной ареал этих своеобразных погребальных сооружений — северо-западная Фергана.

Наконец, необходимо остановиться на захоронениях в простых грунтовых могилах, которые в небольшом количестве встречаются в рассмотренных могильниках наряду с погребальными сооружениями других типов. В двух курганах Шаушукумского могильника из шести под лессовыми насыпями на древней поверхности обнаружены каменные кольца (табл. 38, 14). Могильные ямы содержали по одному захоронению. В одном мужском захоронении (курган 28) найдены обломки железного меча, бронзовая серьга и два сосуда — кувшин и круглодонная чаша (табл. 39, 55—61). Керамика отличается от посуды в катакомбах и подбоях, хотя некоторые из сосудов также украшены мазками краски (табл. 36, 62—64).

Рассмотренными разновидностями не исчерпывается все многообразие погребальных памятников региона. Известны и другие виды. Но они или представлены единичными курганами, или еще не опубликованы.

Заканчивая обзор памятников Южного Казахстана и Ташкентского оазиса (древнего Кангюя), подчеркнем, что проблема выделения памятников кочевников Кангюя еще не решена. С известным основанием можно считать памятниками раннекангюйского периода могильники типа Берккара I и Там-

ды, тесно связанные с сакской традицией. Дальнейшее развитие их, представленное комплексами I—III вв. Берккара II и Кенсай, указывает на преемственность культуры кочевого населения на протяжении длительного периода — с IV—III вв. до н. э. до I—III вв. н. э. Но таких поздних памятников по сравнению с Семиречьем, где грунтовые захоронения составляют до 80% памятников первых веков нашей эры, известно мало. Они сосредоточены главным образом в долинах Каратау и почти отсутствуют в южной, равнинной, части региона. Здесь количественно преобладают захоронения в катакомбных и подбойных могилах, а также в склепах. Если последние имеют местные истоки, восходящие еще к Тагискену периода поздней бронзы, то подбойные и катакомбные памятники являются инновацией. Именно эти памятники количественно преобладают в Кангюе в первой половине I тысячелетия н. э.

Тесное сосуществование оседлого и полукочевого населения, характерное для древнего Кангюя, было свойственно также и Фергане (Давани). Но в Давани это были пришлые кочевые племена (юечжи, саки). В Фергане не было кочевой части собственного населения, как в Кангюе, где этническая карта отличалась особой пестротой. Здесь определенно засвидетельствовано появление или культурное

влияние хуннских племен (Жаман-Тогай, Кенкол). К этому добавим, что в джетысарской культуре, в низовьях Сырдарьи, известны глиняные сосуды, воспроизводящие форму хуннских металлических котлов [Толстов С. П., 1962б; Левина Л. М., 1966]. Все это указывает на реальное пребывание в долине Сырдарьи хуннов. Таким образом, на территории Южного Казахстана и Ташкентского оазиса смешивались племена разного происхождения. Это наглядно отражено в палеоантропологических материалах [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972; Аминов В., Буряков Ю. Ф., Ходжайов Т. К., 1978; Ходжайов Т. К., 1980; Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984]. У европеоидного населения первых веков появляется монголоидная примесь, причем у погребенных в подбойных захоронениях с северной ориентировкой (могильник Куль-Ата) отмечается ярко выраженная монголоидность.

В процессе метисации победили племена центральноазиатского происхождения, и это привело к коренному изменению этнического состава. Произошла монголизация прежде европеоидных кангюйских племен. Затем население Кангюя было тюркизировано, и в результате в долине Сырдарьи сложилось ядро одного из крупнейших массивов тюркоязычного населения Средней Азии.

Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры

Дошедшие до нас сообщения письменных источников и известные сейчас археологические материалы свидетельствуют о том, что на территории Среднеазиатского междуречья кочевое население было пришлым. Следует различать относительно ранние, эпизодические, проникновения сюда кочевников и передвижения значительных масс их, которые начались с последней трети II в. до н. э. Это было одним из результатов сложных процессов, протекавших в степном поясе Евразии и вызвавших в разных его частях крупномасштабные племенные перемещения.

Одно из таких передвижений, вызванное экспансией державы сюнну (хунну) в восточной части степного пояса, привело к вытеснению из Центральной Азии многочисленной группы племен, известной в источниках под общим наименованием юечжей. В результате длительной миграции, сопровождавшейся столкновениями с местными кочевниками, в том числе саками в Семиречьи, а затем с двигавшимися также из Центральной Азии усунями, они достигли в последней трети II в. до н. э. Амударьи. Одним из прямых следствий их появления здесь было падение Греко-Бактрийского царства — событие, ставшее крупной вехой в истории Средней Азии.

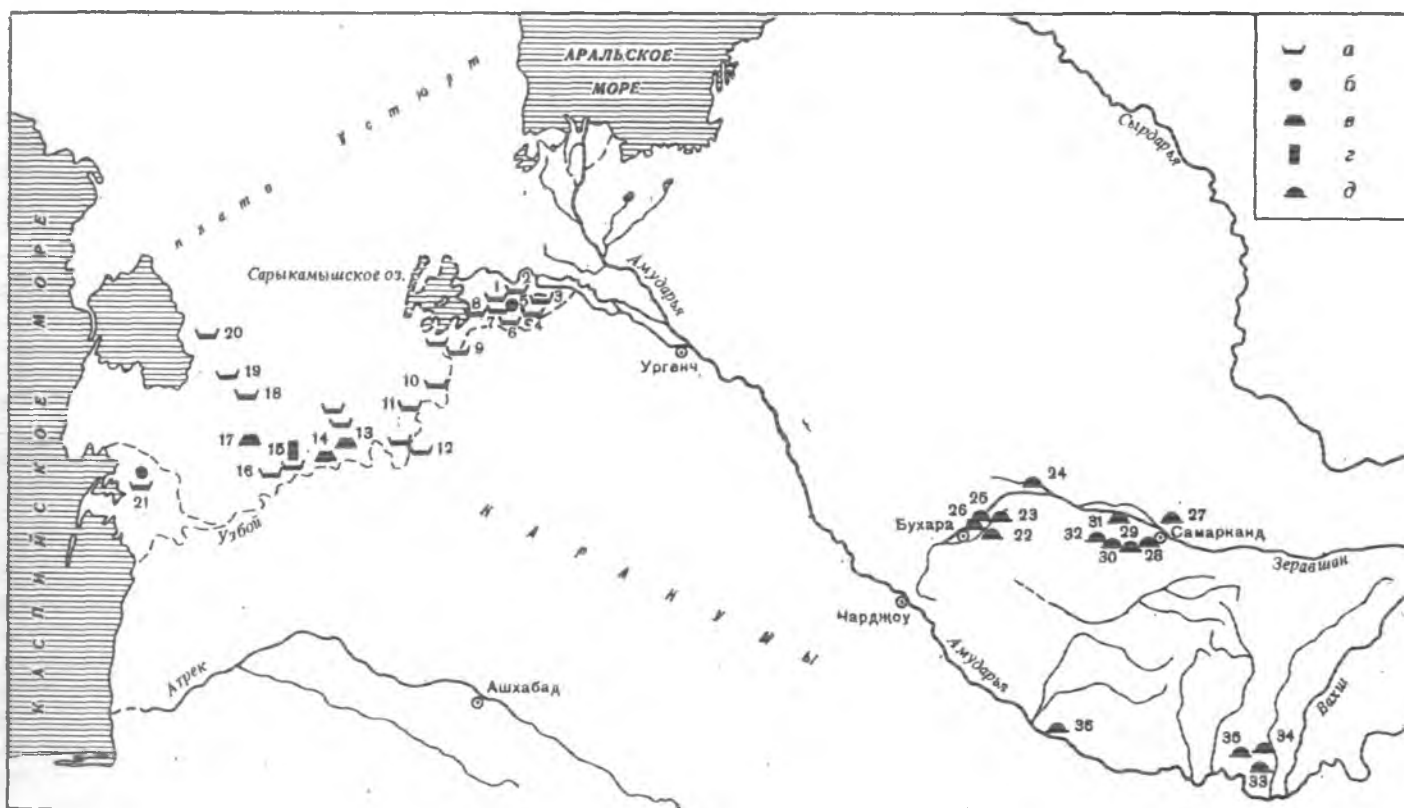
Западные авторы античного времени говорят о четырех племенах, участвовавших в наступлении на Греко-Бактрию, но не сообщают никаких подробностей. Очевидно, состав кочевников был неоднороден, что важно для интерпретации археологических памятников. В последующий период ведущую роль

играло одно из этих племен, создавшее обширную империю, получившую наименование Кушанской. В период ее существования в северных областях Средней Азии происходили новые племенные перемещения, о которых нам известно только по археологическим данным; они частично затронули и рассматриваемую территорию.

Изучение кочевнических могильников в Среднеазиатском междуречье началось лишь в 50-х годах нашего столетия в древней Согдиане и северной Бактрии. В Согдиане они известны на окраинах Самаркандского и Бухарского оазисов. Большинство могильников содержит незначительное число курганов, что, возможно, обусловлено уничтожением насыпей при распахке земель. В северной Бактрии могильники сосредоточены в районах, близких к Амударье. Часть из них составляют крупные некрополи, которые, однако, подверглись ограблению в древности. Здесь также наблюдается четкая тенденция к расположению могильников кочевников вне зоны возделывавшихся в древности земель.

Степень изученности памятников этих двух областей различна: в Согдиане проводились преимущественно небольшие раскопки во многих могильниках, в Бактрии преобладали многолетние работы в крупных могильниках.

ПАМЯТНИКИ СОГДИАНЫ. Окраины Самаркандского и Бухарского оазисов следует рассматривать как разные районы и в археологическом плане (карта 4). Самаркандский район изучен менее: тут проведены раскопки в четырех могильниках — Ага-

Карта 4. Основные памятники скотоводов левобережного Хорезма, северо-западной Туркмении, бассейна Зеравшана и Бишкентской долины

1 — Тузгыр; 2 — Мантыркала; 3 — Яссыгыр; 4 — Сакарчага; 5 — Куюсай; 6 — Шахсенем; 7 — Тумек-кичиджик; 8 — Тарым-кая; 9 — Чарышлы; 10 — Чечгельды; 11 — Баланшем; 12 — Талайханат; 13 — Каплангыр; 14 — Игдыкала; 15 — Дордуль, Ичянлы; 16 — Чолюнгыр; 17 — Коймат; 18 — Чагыл; 19 — Туэртир; 20 — Джалак; 21 — Келькор; 22 — Кую-Мазар, Лявандак; 23 — Кизилтепе; 24 — Калкансай; 25 — Хазара; 26 — Шахри-Вайрон; 27 — Акжар; 28 — Аталык; 29 — Миранкуль; 30 — Сазаган; 31 — Янги-Курганча; 32 — Аксай; 33 — Тулхарский; 34 — Аруктауский; 35 — Коккумский; 36 — Бабашовский; а — могильники с преобладанием курганных погребений; б — поселения; в — склепы; г — культовый комплекс; д — курганы

лыксайском, Акджартепинском, Миранкульском и Сазаганском (более 40 курганов) [Обельченко О. В., 1962а; 1966; 1967; 1969; 1972; 1973]. Как наиболее ранние выделены три кургана (Агалыксай, курганы 9 и 10; Акджартепе, курган 4). В них под земляными насыпями обнаружены ограбленные погребения в вытянутых по линии юг—север грунтовых ямах (в одном случае — с заплечиками в нижней части). Ориентировка скелета — южная — установлена лишь в одной могиле (табл. 40, 33). Инвентарь представлен верхней частью железного меча с дуговидным перекрестьем и округлым (?) навершием, фрагментами двух мечей с прямым перекрестьем и серповидным навершием (у одного — рукоятка с имитацией прорези; табл. 41, 5), обломками стилетообразного кинжала, мелкими железными трехперыми наконечниками стрел и большим бронзовым зеркалом с черешком и выпуклым бортиком. На основании аналогий оружию прохоровской культуры эти погребения отнесены к IV в. до н. э. [Обельченко О. В., 1978. С. 116, 117]. Однако нельзя исклю-

чить и более позднюю дату. Остальные исследованные курганы этого района относятся к последующим периодам. Второй половиной II—I в. до н. э. датируется курган 5 Агалыксайского могильника [Обельченко О. В., 1967. С. 187], где в подбойной могиле обнаружено ограбленное погребение с комплексом железного оружия. Скелет лежал вытянуто, черепом на юг. При нем найдены железные меч с прямым перекрестьем и дисковидным навершием (у левой голени; табл. 41, 13), восемь трехперых наконечников стрел (у правой голени), два уплощенных кольца (одно — с кнопкой) с остатками ремней, крючок (табл. 42, 50), обломок острия, обломок восьмеркообразной пряжки с длинным язычком, покрытым бронзой, узкий, слегка изогнутый нож, а также полусферическая костяная пуговица. Около черепа стоял глиняный кубшин с шаровидным туловом, покрытый серым ангобом.

Большинство других курганов может быть ориентировочно отнесено ко II—IV вв. [Обельченко О. В., 1962а; 1966; 1969; 1972]. Основанием для датировки служат многочисленные аналогии устройству могил и инвентарю в памятниках этого периода в северо-восточных областях Средней Азии. Для этой группы курганов характерны могилы двух, очевидно сосуществовавших, типов: катакомбы, расположенные перпендикулярно к дромосам, и грунтовые ямы. Количественно преобладают первые, они всегда вытянуты с запада на восток, вход в них иногда закладывали сырцовыми кирпичами. Дромосы бывают пологими и ступенчатыми (табл. 40, 25).

Все погребения, как правило, одиночные. Покойники лежат вытянуто, в катакомбах — головой на восток, в ямах — на север (с разными отклонениями). Под ними часто обнаруживают остатки подстилки из войлока, дерева или камыша. Сопровождают

ший инвентарь невелик и сохранился лишь частично из-за ограбления большинства могил. Это преимущественно керамика, некоторые предметы вооружения (все — из железа), а также иные изделия. Керамика, как правило, изготовлена на круге, но ассортимент форм очень ограничен: кувшины с низким яйцевидным туловом, безручные кувшины с аналогичным или раздутым туловом и плоско-выпуклые фляги (табл. 40, 34—36). Поверхность сосудов покрыта желтым или серым ангобом, а в верхней части — дополнительно темным, образующим подтеки. Лепная посуда представлена горшками с яйцевидным туловом, плоско-выпуклыми флягами и курильницами вазообразной и горшкообразной формы. В качестве курильниц употреблялись также обломки сосудов (в частности, лепного котла).

Оружие весьма немногочисленно: длинные двулезвийные мечи без металлического перекрестья, кинжалы того же типа (табл. 41, 1, 12, 16) и различные по величине трехперые наконечники стрел. Принадлежностью одежды являются железные кольцевидные пряжки. К предметам бытового назначения относятся железные ножи и обломки зернотерок. Украшения представлены очень немногочисленными бусами и тремя изделиями из листового золота: наременной обоймой, бляшкой в виде фигурки стоящей птицы и бляшкой в виде двух параллельных полосок, соединенных парой зигзагообразных перемычек.

Для датировки указанных курганов имеет значение находка серебряной монеты с изображением лучника на оборотной стороне. Она обнаружена в кургане 1 Сазаганского могильника на грудной клетке погребенного [Обельченко О. В., 1966. С. 68]. Характер изображений позволяет отнести ее к сравнительно поздней серии монет этого типа, во всяком случае ко времени после I—II вв. [ср.: Зеймаль Е. В., 1972]. К такому же заключению приводит сопоставление керамики с известной по раскопкам на Афрасиабе: в ней нет форм, характерных для этапов Афрасиаб II и III, аналогии могут быть лишь среди более поздних. Важна также специфика ангобного покрытия, распространение которой прослеживается на поселениях с этапа Афрасиаб IV [Шишкина Г. В., 1969]. Однако установить точные хронологические рамки здесь невозможно.

Бухарский район изучен полнее, здесь велись раскопки семи могильников — Калкансайского, Куюмазарского, Кызылтепинского, Лявандакского, Хазаринского, Шахривайронского и Янгикурганского (более 150 курганов). Соответственно существуют более надежная периодизация и классификация материалов [Обельченко О. В., 1956; 1957; 1961; 1962б; 1963; 1968; 1974; 1978].

Четко выделяются курганы, относящиеся к последней трети II в. до н. э.—I в. н. э. Для них характерно сочетание могил трех типов: подбойных (подбой в одной из длинных стенок, чаще всего в западной при наличии вдоль противоположной стенки ступеньки; табл. 40, 31); катакомб, лежащих на продолжении оси дромоса (табл. 40, 30); грунтовых ям. Количественно преобладают первые. Все могилы вытянуты в направлении север—юг (с разными отклонениями). Вход в подбой закладывался подобием ииновок из тростника и частично кусками гипса

(грунт, в котором вырыты эти могилы). Вход в катакомбу обычно закрывался несколькими слоями сырцовых кирпичей квадратной формы или их обломков.

В подбоях имелись только одиночные погребения, в том числе и детей. Исключением является единственное парное захоронение: погребенные лежали вальтом, головами в противоположные стороны. В катакомбах, по-видимому, совершались многократные захоронения, число которых достигало семи. Последовательность их не устанавливается ввиду ограбления.

Оружие включает в себя большую серию (20 экз.) длинных двулезвийных мечей, принадлежащих к двум исходным типам: а) с коротким прямым перекрестьем и дисковидным навершием, б) с коротким прямым обоймообразным перекрестьем без навершия (табл. 41, 14, 15). Первый тип представлен лишь одним экземпляром, второй преобладает. Для всех мечей характерны узкий, чечевицеобразный в сечении клинок и прямое обоймообразное перекрестье: обычно оно железное, но у двух бронзовое. Значительно меньше кинжалов (4 экз.), причем они, в отличие от мечей, все разнотипны: с прямым перекрестьем и схематизированным антенным навершием, с изломанным перекрестьем и сердцевидным навершием, с полулунным перекрестьем (имеющим загнутые внутрь концы) и кольцевидным навершием, без перекрестья (?) и с дисковидным навершием (табл. 41, 2—4). Найден обломок костяной концевой накладки от лука (табл. 42, 57). Многочисленны наконечники стрел. Все они однотипны — черешковые трехперые с оттянутыми жальцами, но различны по размерам, однако все варианты встречаются вместе (табл. 42, 38—44).

Принадлежности одежды представлены главным образом составными элементами поясов (и, возможно, подвесов для оружия). Это железные кольцевидные и фигурные, близкие к восьмеркообразным, пряжки с подвижным язычком (табл. 42, 53, 55, 58), железные кольца (иногда с кнопками), железные, бронзовые и костяные прямоугольные пластинчатые пряжки с прорезью и крючком (табл. 42, 54, 59), бронзовые обоймы, своеобразная бронзовая ажурная пряжка с крюком (табл. 42, 51). Очень интересны две бронзовые пластинчатые ажурные пряжки с изображением сцены терзания верблюда тигром [Обельченко О. В., 1968].

К предметам бытового назначения (табл. 42, 45—49, 61) относятся железные ножи с прямой и изогнутой спинкой (последние преобладают), железные шилья, каменные точила с отверстием для подвешивания, железные иголки и костяные игольники. В эту же категорию изделий входят круглые бронзовые зеркала с боковым штырем, утолщенным бортиком и выпуклостью посередине. Одно из них снабжено цилиндрической костяной ручкой.

Украшения сравнительно немногочисленны. Это бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, железные и бронзовые перстни, кольца и серьги, а также бусы, обнаруженные лишь в нескольких погребениях. Среди бус преобладают стеклянные шаровидной формы с внутренней позолотой и рубчатые, часто встречаются сердоликовые. В ожерельях имеются также подвески амфоровидной формы с вали-

ком в верхней части, в виде «кукиша» и бутылочковидные. Обнаружена и костяная подвеска-лунница (табл. 42, 60). Единичны золотые серьги желудеобразной формы и золотая плакетка с изображением женской головы (табл. 43, 16). Особого упоминания заслуживает фрагмент костяной пластины с изображением воина (табл. 43, 21).

Датировка этих курганов установлена на основе параллелей оружию в сарматских памятниках и керамике из поселений Согдианы античного времени. Подкреплена она также находками двух монет: чекана Гелиокла (курган 14 Кызылтепинского могильника) и подражания чекану Евтидема I (курган 12 того же могильника). Однако хронологические рамки (последняя треть II в. до н. э.) остаются в известной мере условными в силу тех неясностей, которые существуют до сих пор в абсолютной датировке материалов поселений.

В последующий период — II—IV вв. — продолжали сооружать могилы двух основных типов, характерных для более раннего времени, — подбойные и катакомбы, являвшиеся продолжением дромоса. Вход у тех и других закладывался несколькими слоями сырцовых кирпичей или их обломков. Скелеты также лежат на спине вытянуто, но ориентированы черепом на север. В катакомбах такие захоронения «впускные». Наряду с ними здесь имеются смещенные кости скелетов и остатки связанного с ними сопровождающего инвентаря, относящиеся к предшествующему периоду. Достаточных данных для уточнения момента изменения ориентировки погребенных нет.

К рассматриваемому периоду относится еще один, третий, тип могил: прямоугольная или овальная катакомба, расположенная перпендикулярно к длинной оси дромоса, как у южного, так и у северного его конца. Вход в эти катакомбы также закладывался сырцовыми кирпичами. В таких катакомбах прямоугольного варианта известны захоронения в дощатых гробах с креплением железными скобами. Скелеты во всех случаях лежат на спине вытянуто, черепом на восток.

Сопровождающий инвентарь в могилах всех трех типов ограничен и однообразен. Он состоит в основном из керамики и украшений; оружия здесь нет. Керамика преимущественно изготовлена на круге, ассортимент ее форм ограничен (табл. 40, 26, 27, 32). Это небольшие кувшины с шаровидным туловом; некоторые сходны с кружками; безручные кувшины с раздутым в верхней или нижней части туловом (табл. 40, 29); миски с изломанным профилем; вьючные фляги с выпукло-вогнутым профилем. Поверхность большинства сосудов закрытых форм покрыта темно-серым или черным ангобом или окрашена (в верхней части) краской того же цвета с потеками. Для мисок характерно покрытие внутренней поверхности красным ангобом, а наружной (в верхней части) — черным. Лепная керамика представлена курильницами в форме перевернутого конуса с конической ножкой, в которой иногда имеется отверстие. Встречаются ножи и точильные камни (табл. 42, 62). Среди украшений — бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, подвески, серьги и колокольчики (табл. 42, 52, 56). Интересна женская статуэтка из алебаstra (табл. 43, 22), найден-

ная в Хазаринском могильнике [Обельченко О. В., 1974. С. 207].

Основания для датировки этой группы курганов те же, что и для установления времени поздних курганов в Самаркандском районе (см. выше). Хронологические рамки ее также условны.

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ. ЮЖНАЯ И ЗАПАДНАЯ ГРУППЫ. Данные относительно кочевнических памятников северной Бактрии сравнительно более полны, что позволяет детализировать их характеристику. Имеется возможность, во всяком случае в предварительном порядке, отметить их территориальное размещение, очевидно, отражающее расселение новых групп населения. Кроме того, здесь получены некоторые материалы, позволяющие судить относительно характера взаимоотношений пришельцев кочевников и коренного земледельческого населения. Все это имеет значение для объективного понимания экономической, политической и культурной ситуации в последние века до нашей эры и первые века нашей эры.

Подавляющее большинство курганных могильников расположено в южной части северной Бактрии, в районах, тяготеющих к среднему течению Амударьи. Здесь сосредоточены наиболее крупные из них, насчитывающие по нескольку сот курганов. Чаще всего они находятся в полупустынных местностях, не использовавшихся под земледелие. Небольшие могильники известны также около окраин локальных оазисов, опять-таки вне возделываемой в древности территории.

Имеющиеся данные — в частности, некоторые различия курганов, исследованных в разных местах, — позволяют условно разделить памятники северной Бактрии на три географические группы: 1 — западная — в районах, ограниченных с востока р. Сурхандарья; 2 — центральная — на территории между Сурхандарьей и р. Вахш; 3 — восточная — в районах восточнее р. Вахш. Границы и соответственно размеры требуют уточнений, однако само такое деление целесообразно, поскольку отражает реальные факты и облегчает характеристику археологических комплексов, периоды бытования которых не везде были одинаковы.

Для западной группы памятников характерна специфическая конструкция наземной части погребального сооружения — каменная ограда относительно правильной формы (табл. 40, 16). Чаще всего она круглая, но нередко овальная или несколько неправильных очертаний. Основание ее всегда составляет слой наиболее крупных уплощенных камней (или обломков плитняка). На него укладывали, по-видимому, не более трех-четырех слоев камней меньшей величины. Внутри ограды расположена каменная выкладка, перекрывающая могилу. Такие ограды господствуют в самом крупном и пока единственном исследованном могильнике данной группы — Бабашовском [Мандельштам А. М., 1975а], но они зафиксированы и в других местах, в частности у Кухитанга. В упомянутом могильнике их насчитывается 345 (раскопан 150), причем имеются могилы трех типов: прямоугольная грунтовая яма; прямоугольная яма со ступеньками вдоль обеих длинных стенок; прямоугольная яма с подбоем (табл. 40, 2, 16). Подбой представлен тремя вариан-

тами: 1 — прямоугольный в западной стенке ямы; 2 — овальный, охватывающий частично торцы, в западной стенке; 3 — прямоугольный в восточной стенке ямы. У могил последнего типа часто вдоль стенки, противоположной подбой, имеется узкая и низкая ступенька. Вход в подбой при первом и третьем вариантах заложен иногда несколькими рядами сырцовых кирпичей.

Могилы всех типов, как правило, вытянуты с юга на север, иногда с определенным отклонением к западу или востоку; лишь в нескольких случаях (подбой первого варианта) они вытянуты с запада на восток. Погребения почти везде одиночные, имеется лишь два парных: одно — мужчины и женщины и одно — женщины и ребенка. Скелеты лежат на спине вытянуто, черепом на север (в упомянутых подбоях широтного направления — на восток). Сопровождающий инвентарь сравнительно немногочислен и однообразен. Он состоит из керамики, оружия, предметов туалета, предметов, связанных с одеждой, орудий труда, а также украшений. Почти всегда имеются остатки мясной пищи: ребра или ножка и лопатка овцы. Обычно они лежат около глиняных сосудов, но в трех случаях найдены в мисках.

Керамика. Вся керамика изготовлена на гончарном круге. Это в основном сосуды открытой формы, относящиеся к группе столовой посуды. Характерны следующие:

1. Бокалы с туловом различной формы: цилиндрикоконическим, выпуклоконическим, колоколовидным и рюмкообразным. Все имеют профилированные ножки с дисковидным основанием. Поверхность покрыта красно-коричневым или, значительно реже, коричневым ангобом; на многих есть полосы вертикального лощения (табл. 40, 4, 28). Количественно преобладают бокалы с туловом последних двух вариантов, представленные почти равным числом экземпляров; имеющие тулово первых двух вариантов единичны.

2. Кубки, похожие на небольшие бокалы без ножки, с разной формой тулова: цилиндрикоконической, усеченноконической, цилиндрической и округлой. Поверхность большинства покрыта красно-коричневым ангобом, но у кубков с туловом первого варианта ангоб белый (табл. 40, 12).

3. Миски двух групп: а) без поддона — полусферические низкие и высокие, а также усеченноконические; все они имеют прямые края, поверхность всегда покрыта красно-коричневым ангобом; б) на поддоне — полусферические низкие с прямыми, вогнутыми и отогнутыми краями, а также близкие к биконическим (но с плавным профилем); поверхность покрыта красно-коричневым, коричневым или белым ангобом (табл. 40, 3, 6).

Найдено одно большое толстостенное блюдо с отогнутым краем.

Среди сосудов закрытых форм выделяются: 1) небольшие горшки с приземистым шаровидным туловом, которое завершается широким устьем с отогнутыми краями (табл. 40, 11); большинство покрыто белым ангобом; 2) горшки с высокой горловиной (представлены только обломками); 3) кружки с низкой широкой горловиной и петлевидной ручкой на верхней части тулова; их мало, но они различны по

форме — с яйцевидным, биконическим и полусферическим туловом; поверхность всех покрыта красно-коричневым ангобом (табл. 40, 13, 21).

Оружие. Оружие очень немногочисленно. Найден лишь один меч — длинный двулезвийный, без перекрестья и навершия, притом в согнутом состоянии (табл. 41, 18). Три кинжала принадлежат к двум типам: с прямым перекрестьем и навершием в виде двух сильно расходящихся дуг, отчасти сходным с рожковидным; без перекрестья и навершия (табл. 41, 17, 19). Наконечники стрел представлены двумя железными — трехперым и трехгранным с опущенными жальцами (табл. 42, 11).

Пряжки и предметы туалета. Встречены железные, латунные и бронзовые пряжки. Железные: кольцевидные с подвижным язычком и крючком (табл. 42, 32, 33) и овальновытянутые с некоторым сужением в средней части и подвижным язычком. Латунные: кольцевидные с крючком и без него, петлевидные и фигурная прорезная с двумя зигзагообразными фигурами внутри рамки (табл. 42, 19—21). Бронзовые: кольцевидные с крючком и пластинчатые с изображением фигуры лежащего верблюда. Последние представлены парой, одна из них имеет реставрированный железной полоской конец (табл. 43, 14, 15). С украшением одежды связаны, по-видимому, и две роговые пластины, найденные около плечевых костей погребенного (табл. 43, 10).

К предметам туалета относятся зеркала и булавки. Зеркала двух типов — с выпуклым бортиком вдоль края и без него. У части из них черешки для насада были отломаны в древности, и ручки крепились при помощи просверленных около края отверстий (табл. 43, 19). Наряду с целыми зеркалами в могильнике найдены также их обломки. Булавки известны бронзовые, латунные и железные. Бронзовые имеют плоские фигурные завершения в виде протомы фантастического крылатого животного, напоминающего сэмурва (табл. 42, 23), и в виде уплощенной лопаточки. У латунных — завершения в виде небольшой лопаточки и полушаровидное (табл. 42, 27). Завершения железных, по-видимому, шаровидные и в виде четырехгранного утолщения.

Орудия труда. Из орудий труда встречаются ножи, шилья и точила. Ножи железные однолезвийные черешковые, с прямой и изогнутой спинкой (табл. 42, 26). Шилья четырехгранные в средней части, с утолщенным верхним концом. Рукоятка (очевидно, деревянная) была закреплена кольцом. Каменные точила — вытянутые сланцевые бруски трапециевидной формы с прямыми торцами, снабженные отверстиями для подвешивания.

Украшения. Украшения в основном относятся к группе личных. Браслеты бывают бронзовыми и латунными, все с несомкнутыми концами, часто оформленными в виде сильно стилизованных (объемных и плоских) головок животных или змей. Изготовлены они из округлого или плоско-выпуклого в сечении прута (табл. 42, 15). Один браслет изготовлен из широкой тонкой латунной полоски и украшен на концах сложными геометрическими фигурами, включающими в себя зеленые и белые вставки из стекловидной массы (табл. 42, 14). Среди перстней есть бронзовый, латунный и железные. Первый имеет овальное гнездо для несохранившейся вставки; вто-

рой — плоский овальный щиток, на котором вырезано изображение стоящей фигуры женского божества с длинным посохом или копьем в левой руке (табл. 42, 3). Железные перстни, по-видимому, также имели плоские щитки. Кольца — латунные и железные, без декоративных элементов. Серьги — бронзовые, латунные и серебряные — относятся в основном к простейшему кольцевидному типу, иногда с насаженными бусами или дисковидной подвеской. Имеются также листовидные подвески (от несохранившихся серег), изготовленные из тонкой золотой фольги (табл. 42, 25). Выделяются серебряная незамкнутая серьга с овальным щитком и пара медных, у которых колечко сочетается со сравнительно большим диском выпукло-вогнутого профиля. Бусы — каменные и стеклянные, разнообразны по форме — употреблялись как в ожерельях, так и в браслетообразных низках, надевавшихся на руки. Подвески использовались главным образом в составе ожерелий или для украшения кос. Они были бронзовыми и латунными кольцевидными или в виде бубенчиков. Есть также стеклянные перстневидные, каменные дисковидные и раковины каури.

Украшения, связанные с одеждой, малочисленны. Это золотая фибула с двумя щитками, украшенными зернью и цветными вставками (табл. 43, 7); обломки зооморфного украшения головного убора и золотые бляшки от него же (?), близкие по форме к парам геральдически расположенных стилизованных лепестков; наконец, латунные фигурные бляшки со штырями на тыльной стороне — очевидно, украшение пояса.

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРУППА. В центральную группу памятников северной Бактрии входит большинство известных сейчас курганных могильников. Почти все исследованные расположены в Бишкентской долине, между низовьями Сурхандарьи и Вахша. Наиболее крупные из них — Тулхарский, Аруктауский и Коккумский — находятся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, в средней части этой долины. Могильники меньших размеров имеются как в южной, так и в северной ее части. Небольшие группы курганов известны также на окраинах Кобаданского оазиса (низовья р. Кафирниган) и на правобережье р. Вахш. Общая черта всех — четкое преобладание каменных и каменно-земляных насыпей небольших размеров.

Наиболее полно изучен Тулхарский могильник (348 курганов, раскопано 219), состоящий из 18 обособленных групп различной величины [Мандельштам А. М., 1966а]. Все насыпи здесь каменно-земляные диаметром около 3 м и высотой до 0,3 м.

При единообразии насыпей встречаются могилы трех типов: 1. Прямоугольная яма с подбоем прямоугольной или, реже, трапециевидной формы, обычно расположенным в ее восточной стенке или, изредка, в западной (табл. 40, 1); 2. Прямоугольная яма сравнительно больших размеров, на дне которой вдоль всех четырех стенок имеется каменная выкладка, обрамляющая узкое внутреннее пространство (табл. 40, 8); 3. Прямоугольная грунтовая яма.

Могилы всех типов вытянуты в направлении с юга на север, часть — с отклонениями на запад или

(реже) восток. Вход в подбой всегда заложен несколькими рядами камней. Погребения в могилах всех типов одиночные. Исключением является лишь один случай захоронения женщины с ребенком. Скелеты, как правило, лежат вытянуто на спине, черепом на север, лишь в единичных случаях кости ног раскинуты, образуя ромб. Очень редко встречается положение на левом боку и ничком. Имеется также одно захоронение (ребенка) в хуме.

Сопровождающий инвентарь сравнительно многочислен и однообразен. Для некоторых категорий предметов прослеживается стандартность мест нахождения. Инвентарь состоит из керамики, оружия, предметов, связанных с одеждой и обувью, изделий бытового назначения и украшений. Как правило, имеются остатки мясной пищи — ножка и лопатка (иногда ножка и ребра) овцы, лежащие около глиняных сосудов или, в нескольких случаях, внутри них. Лишь в одном случае около костей находился железный нож.

Керамика. Вся керамика (за исключением одного сосуда) изготовлена на гончарном круге. Это только столовая посуда, в которой почти в равных количествах представлены закрытые и открытые формы. Поверхность всех сосудов покрыта красно-коричневым, коричневым или белым ангобом. Среди закрытых форм есть малые и большие: кувшины с шаровидным, яйцевидным и грушевидным туловом (табл. 40, 19, 22, 23); двуручные кувшины с грушевидным туловом (табл. 40, 20); горшки с шаровидным и яйцевидным туловом (табл. 40, 14); горшки на трех ножках с приземистым шаровидным туловом и венчиком с уступом, в горловине под венчиком расположены друг против друга две пары отверстий (табл. 40, 17). Сюда же относятся фляги с двояковыпуклым профилем и низкой узкой горловиной (табл. 40, 24) и сосуды с боковым носиком, шаровидным и грушевидным туловом и узкой горловиной, причем носик расположен на верхней части тулова с наклоном около 45° (табл. 40, 18).

Открытые формы представлены бокалами, вазами и мисками. Бокалы — с цилиндроконическим, выпуклоконическим, колоколовидным, усеченноконическим и рюмкообразным туловом. Все они имеют ножку — коническую цельную (при тулове первого и второго типов) или профилированную полую с дисковидным основанием (при всех типах, кроме первого). Часть бокалов снабжена вертикальным полосчатым лощением (табл. 40, 7, 9, 10, 15). Для ваз (или мисок на ножке) характерно полусферическое тулово. Миски распадаются на две группы: А) без поддона — полусферические низкие с небольшим донцем и прямыми приостренными краями; близкие к усеченноконическим с прямыми, отогнутыми и вогнутыми краями; Б) на поддоне — полусферические с отогнутыми и вогнутыми краями (табл. 40, 5).

Единственный лепной сосуд представляет собой миниатюрный кувшинчик с яйцевидным туловом и широкой, очень низкой горловиной, ручка у него отбита в древности.

Глиняные сосуды составляют значительную часть сопровождающего инвентаря. Часто в могилах имеется по два сосуда. Типично сочетание кувшина и бокала. Наряду с глиняной посудой, очевидно, была

и деревянная, от которой в некоторых случаях сохранились округлые скопления трухи.

Оружие. Предметы вооружения, найденные в Тулхарском могильнике, изготовлены из железа. Среди них два длинных двухлезвийных меча с короткими перекрестьями без металлического навершия (табл. 41, 6). Рукоятки были снабжены деревянной обкладкой, закрепленной железной заклепкой. В одном случае сохранились следы шаровидного деревянного навершия, покрытого черным лаком (?). В процессе расчистки выявлены остатки деревянных ножен, окрашенных в красный цвет и с росписью, выполненной черной краской. Мотивы ее растительные и зооморфные. Кинжалы (27 экз.) имели прямое перекрестье, но различные по форме навершия: серповидные, сердцевидные (табл. 41, 7, 8, 10) и волутообразные (табл. 41, 9, 20). Некоторые из наверший могут быть охарактеризованы как рожковидные (табл. 41, 11). Почти на всех кинжалах сохранились остатки деревянных ножен, окрашенных в красный цвет и с росписью черной краской. Узоры были геометрическими и зооморфными.

Наконечники стрел — все черешковые. Они или трехгранные с опущенными жальцами, или трехперые, из которых небольшие имеют опущенные жальца, а крупные — закругленные нижние концы перьев (табл. 42, 10, 12).

Пряжки. Предметы, связанные с одеждой и обувью, представлены практически только пряжками, различными по форме и изготовленными из разных материалов. Железные пряжки — кольцевидные с подвижным язычком; трапециевидная с подвижным язычком; петлевидные без язычка; «лировидные» с крючком; пластинчатые прямоугольные (табл. 41, 22). Наиболее крупные из кольцевидных, возможно, служили для подвешивания оружия. Латунные пряжки — кольцевидные без дополнительного устройства, с крючком (табл. 42, 18) или железным подвижным язычком; петлевидные или «лировидные» и фигурные, в числе которых одна украшена противостоящими протомами фантастических животных с крыльями (табл. 43, 11—13). Бронзовые пряжки — кольцевидные с крючком и в виде трех сопряженных колец (табл. 42, 30). Роговые пряжки — пара трапециевидных пластинчатых, украшенных заклепками из серебра, причем одна из них имеет поперечную прорезь у широкого конца и отверстие для закрепления серебряного крючка (табл. 43, 5).

Предметы туалета. К ним относятся бронзовые зеркала с выпуклым бортиком и центральным выступом (табл. 43, 20), а также не имеющие этих деталей. Они встречены в могилах целыми и в обломках (в одних и тех же местах). Найденны свинцовые палочки — сравнительно длинные, слегка изогнутые, круглые в сечении, один конец слегка заострен, другой в одном случае расплюсчен и снабжен отверстием. Назначение их неясно, но можно предполагать связь с косметикой (аналогично сурьматашам). Железные булавки с маленькой шаровидной головкой встречены около черепов, что позволяет предполагать их связь с прической или головными уборами.

Орудия труда. Из орудий труда назовем железные ножи. Они однолезвийные черешковые, с прямой или выпуклой спинкой (табл. 42, 34). Шилья также железные, сравнительно массивные, четырех-

гранные в сечении, плавно сужающиеся к острию (табл. 42, 24, 28). Найдена одна железная игла. Плоские каменные трапециевидные бруски с прямыми торцами использовались как точила. Около верхнего конца у них имеется отверстие для подвешивания, выполненное двусторонним сверлением на конус (табл. 42, 35). Наконец, упомянем ложечковидные предметы из латуни и железа, представляющие собой короткую цилиндрическую втулку, заканчивающуюся округлой или вытянутой «чашечкой» (табл. 42, 13).

Украшения. Обнаруженные в курганах украшения относятся преимущественно к категории личных. Это прежде всего латунные и железные браслеты. Латунные разделяются на три типа: а) с несомкнутыми концами, оформленными в виде сильно стилизованных головок животных или змей (табл. 42, 17) или в виде группы геометрических фигур; б) с находящими друг на друга концами, имеющими совпадающий облик; в) замкнутые, с «замочком» в виде витка. Железные браслеты (все плохой сохранности), по-видимому, сходны с бронзовыми первого типа (табл. 42, 16). Перстни — латунные и железные, почти все с овальными плоскими щитками. У большинства латунных на щитках имеются вырезанные изображения божеств и животных (табл. 42, 4). Железные перстни с овальными крупными щитками часто имеют бронзовые вставки (табл. 42, 1, 2). Кольца — латунные, бронзовые и железные — относятся к простейшему типу, однако они представлены несколькими вариантами, различающимися в деталях. В числе латунных имеются: а) несомкнутые; б) замкнутые равномерной ширины (табл. 42, 5); в) замкнутые с расширением в средней части (табл. 42, 6). Бронзовые кольца относятся к варианту «а», железные — к варианту «в». Серьги — латунные, золотые и серебряные — делятся на несколько типов. Латунные — простые кольцевидные, замкнутые, несомкнутые и с находящими друг на друга концами, а также кольцевидные «с замками» и в виде витков (табл. 42, 7—9). Иногда серьги обоих типов имеют амфоровидные подвески, основу которых составляет золотой стержень, завершающийся наверху кольцом с двумя лапками, охватывающими насаженную на стержень вставку. «Лапки» у некоторых из них представляют собой стилизованные фигурки дельфинов (табл. 43, 6, 8). Среди золотых серег встречены кольцевидные, кольцевидные с «замком» в виде короткой трубочки, вблизи которого бывает круглое гнездо для вставки, и фигурные. Последние представляют собой плоские схематичные фигурки птиц с распростертыми крыльями, украшенные разноцветными вставками и четырьмя подвесками на цепочках (табл. 43, 4). Серебряные серьги все кольцевидные. Бусы — каменные и стеклянные — весьма многочисленны и разнообразны по форме. Употреблялись они в ожерельях, иногда в сочетании с раковинами каури, в браслетообразных низках и для украшения кос (табл. 43, 1—3, 18). Подвески изготовлялись из различных материалов и имели разное назначение. Так, бронзовые в виде сердцевидной пластинки и массивного бубенчика или колокольчика служили украшениями кос (табл. 42, 31), а в виде простого и решетчатого кольца входили в состав ожерелий.

Среди редких украшений из золота можно назвать фибулу, пряжку и головной убор типа диадемы. Центральную часть последнего составляли две симметрично расположенные, сравнительно крупные бляхи лировидной формы с цветными вставками. По обе стороны от них располагались два ряда небольших «сигмообразных» бляшек (табл. 43, 17). Фибула состоит из двух щитков, украшенных зернью и цветными вставками и напаянных на П-образную основу из проволоки (табл. 43, 9). Фигурная пряжка имеет две симметричные части, каждая из которых оформлена в виде рельефного изображения кабарги с длинным, слегка изогнутым рогом (табл. 42, 36).

Монеты. Особую группу находок составляют монеты. Это четыре серебряных обола: три — подражания чекану Евкратиды; один — чекан Герая. В трех случаях они находились во рту погребенных.

Аруктауский и Коккумский могильники исследованы меньше. Кроме того, они подверглись интенсивному ограблению, что обусловило ограниченность находок. В них также преобладают подбойные могилы (подбой разных форм в западной стенке) и сравнительно редко встречаются грунтовые ямы (менее чем в 10 % курганов). Обряд погребения здесь тот же, что в Тулхарском могильнике. Весьма сходен, хотя и беднее, сопровождающий инвентарь.

Об остальных могильниках центральной группы имеются лишь предварительные данные, позволяющие, однако, говорить об их большом сходстве с охарактеризованными выше [Седов А. В., 1979]. В одном из них отмечен своеобразный тип могил — каменный ящик с перекрытием в виде ложного купола [Медведская И. Н., 1977].

Восточный район северной Бактрии исследован еще слабо. Хотя курганы зафиксированы здесь в ряде пунктов, но только в могильнике Ксиров раскопано около 30 курганов с каменными кольцами. Преобладают грунтовые ямы, редко встречаются подбойные могилы [Денисов Е. П., 1979; 1981]. Все они ориентированы по линии запад—восток. Погребенные лежат вытянуто, головой чаще всего на запад. Керамика и другие предметы из могил близки к инвентарю могильников Бишкентской долины. Особенностью могильника Ксиров является обилие подражаний оболам Евкратиды разных серий (шесть).

ДАТИРОВКА. Датировка могильников северной Бактрии сопряжена с рядом трудностей, главная из которых — отсутствие надежной хронологической классификации керамики и других материалов из поселений. Хронологические «колонки» для отдельных памятников характеризуются лакунами и определенными расхождениями, что свидетельствует о локальных особенностях развития глиняной посуды. Находки из поселений заметно отличаются от находок из могильников фрагментарностью, а это мешает проследить эволюцию некоторых форм сосудов. В области абсолютной хронологии сохраняется неясность в отношении «ключевой» даты — времени начала правления наиболее известного из кушанских царей — Канишки. Мнения исследователей расходятся. Существует тенденция к акцентированию поздних датировок и скептическому отношению к информативности находок ранних монет в слоях.

Крайняя малочисленность в материалах поселений иных изделий, кроме керамики, заставляет обращаться к аналогиям из других областей, притом географически удаленных. Привлечение оружия и других предметов из сарматских погребений закономерно ввиду многих черт сходства, но прямая синхронизация приводит к противоречивым результатам. В особенности это касается заключений исторического характера, не согласующихся с известиями письменных источников. Использование для суждений по аналогии некоторых категорий вещей (например, украшений), распространенных в эллинистическом мире, требует осторожности, так как необходимо учитывать воспроизведения их на месте с упрощением деталей.

Наиболее полный комплекс находок происходит из Тулхарского могильника. Нижний предел его даты определяется по цилиндрическим кубкам, близким к найденным на городище Ай-ханум в Афганистане [Bernard P., 1973. P. 142], а также в соответствующих слоях Дальверзинтепе и других памятников [Пугаченкова Г. А., 1978. С. 114]. К керамике греко-бактрийского периода близки также некоторые миски, горшки и вазы. Верхний предел даты может быть установлен по отсутствию бокалов с рюмкообразным туловом и кружек: они имеются лишь во «впускных» погребениях (т. е. моложе) и господствуют в материалах из близлежащих поселений Бишкентской долины (не сочетаясь с бокалами других типов). По материалам Дальверзинтепе такие бокалы появляются в I в. н. э. [Пугаченкова Г. А., 1978. С. 151]. Таким образом, бесспорно местная керамика позволяет определить вероятный период существования Тулхарского могильника в пределах последней трети II в. до н. э. — I в. н. э. С этим полностью согласуются упомянутые монеты, а также предметы других категорий, находящие себе аналогии в памятниках степного пояса Евразии, в частности в Центральной Азии.

В тех же пределах датируются остальные могильники центральной группы, хотя вполне вероятно существование в них отдельных курганов более позднего времени.

Бабашовский могильник по находкам рюмкообразных бокалов, кружек, меча и кинжалов без наверший и перекрестий, очевидно, должен быть датирован в более широких пределах: последней третью II в. до н. э. — II, может быть, III в. н. э. Могильник Ксиров относится к тому же времени, что и памятники центральной группы.

Сравнительно многочисленные курганные могильники в Среднеазиатском междуречье подтверждают известия античных авторов о ведущей роли кочевников в событиях, происходивших в последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Они свидетельствуют также о расселении кочевников в пределах земледельческих областей (вероятно, в соответствии с племенным делением), что обусловило их постоянные контакты с коренным населением оазисов. Следствием этих контактов можно считать обилие изделий местных ремесленников в погребениях кочевников. Это практически вся найденная в них глиняная посуда, большинство украшений и определенная часть предметов, связанных с одеждой и имевших бытовое назначение. Бактрийские ремесленники из-

готовляли некоторые изделия, характерные для культуры кочевников, из местных материалов (латуни). Имеются свидетельства о распространении этих изделий и за пределами Средней Азии, в восточной части степного пояса. Все это отражает специфику ситуации, которая сложилась в результате перехода политического господства к кочевникам. Отражением ее является и относительная малочисленность в погребальном инвентаре изделий, принадлежащих к культуре собственно кочевого населения. Это прежде всего оружие, значительная часть изделий, связанных с одеждой, и некоторые украшения.

Большое сходство этих вещей с материалами из сарматских памятников закономерно ввиду того, что в этот период, как и в скифскую эпоху, в степном поясе существовала определенная близость культур различных племенных группировок. Вместе с тем в могильниках юга Средней Азии обнаружен ряд изделий, специфических для восточных областей степного пояса. К ним относятся ложечковидные предметы (застежки?), поясные кольца, различные пряжки и др. На востоке (Алтай, Тува) известны прототипы характерных для памятников Бишкентской долины кинжалов с сердцевидным навершием.

Глава четвертая

Левобережный Хорезм и северо-западная Туркмения

Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме

Географическое положение Хорезма обусловило особые отношения этого оазиса с кочевыми племенами и объединениями окружающих пустынь и полупустынь. С. П. Толстов в своих трудах показал, что Хорезм был частью сако-массагетского мира Средней Азии [Толстов С. П., 1948а. С. 20—27, 202, след., 211, след.; 1948б. С. 37—62, 91, след.; 1962б. С. 77, след., 93, след., 136, след., 273, след.].

Не меньшее значение для политической и хозяйственной жизни оазиса в низовьях Амударьи имели и скотоводческие племена, находившиеся непосредственно в пределах Хорезма [Вайнберг Б. И., 1981б. С. 121—130]. Особенно благоприятные природные условия для обитания скотоводов представляло левобережье дельты Амударьи. Здесь, на площади более 7 тыс. кв. м, в пределах живой Присарыкамышской дельты, довольно обильно обводнявшейся в период от VII в. до н. э. до IV в. н. э., камышовые тугаи и заболоченные низины давали в изобилии корм для скота, а расположенные у южной границы дельты пески Заунгузских Каракумов удачно дополняли зимними пастбищами этот комплекс скотоводческих угодий.

В пределах Присарыкамышской дельты, в непосредственной близости с зоной расселения скотоводов, располагались вытянутые узкой полосой вдоль каналов земледельческие оазисы, население которых находилось в постоянных хозяйственных и культурных контактах со скотоводами.

Большая часть памятников скотоводов (курганские могильники в первую очередь) была обнаружена на останцовых возвышенностях, расположенных в пределах дельты, среди переплетения древних русел и протоков (карта 4).

ПАМЯТНИКИ ПРИСАРЫКАМЫШСКОЙ ДЕЛЬТЫ. Археологическое изучение Присарыкамышской дельты началось еще в 1939 г. [Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой... С. 148, карта Присарыкамышской дельты]. Первый курганный могильник — Чаштепе — был открыт авиаразведкой в 1947 г. на краю плато Устюрт [Толстов С. П., 1948а. С. 312, примеч. 8]. В 1963 г. археологический отряд Хорезмской экспедиции провел там рекогносцировочные работы [Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1979. С. 151, след.].

В середине 60-х годов на останцовой возвышенности Тузгир был открыт большой курганный могильник — 200—250 курганов [Андрианов Б. В., 1969. С. 167]. Разведочные раскопки в его южной части выявили сильно разрушенные курганы с обрядом трупосожжения, предположительно датированные VI—IV вв. до н. э. [Лоховиц В. А., 1968. С. 156]. Практически полностью исследованная юго-западная часть могильника (39 курганов) [Лоховиц В. А.,

Хазанов А. М., 1979; Трофимова Т. А., 1968] содержала захоронения в подбоях и катакомбах I—III вв. и два погребения в ямах, которые выделялись среди остальных не только по обряду захоронения, но и по составу инвентаря. Все это позволило датировать их более ранним временем — IV—II вв. до н. э. [Трудновская С. А., 1979а. С. 101—110].

Вторая половина 60-х и 70—80-е годы ознаменовались особенно интенсивными разведочными работами и раскопками, проводимыми сотрудниками Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР (Б. И. Вайнберг, О. А. Вишневская, В. А. Лоховиц, Л. Т. Яблонский) совместно с археологами Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР (Х. Юсупов, Д. Дурдыев). Особое внимание было уделено обследованию западной части Присарыкамышской дельты с целью выявления памятников скотоводческого населения. В результате этих работ была обнаружена новая культура оседлых и полuosедлых скотоводов, получившая название куюсайской — по крупнейшему поселению Куюсай 2 [Вайнберг Б. И., 1979а].

Не менее важными оказались исследования погребальных памятников, одна часть которых принадлежала населению, оставившему куюсайскую культуру (VII—IV вв. до н. э.), другая — каким-то иным объединениям, сосуществовавшим с «куюсайцами» или с теми, кто жил на этой территории в более позднее время. Среди наиболее крупных могильников из большого числа одиночных курганов или небольших некрополей можно назвать Шахсенем, Тумеккичиджик и Тарым-кая I—III. На юго-западном мысу возвышенности Тарым-кая был обнаружен целый комплекс памятников (Тарым-кая I) — поселение-укрепление рубежа V—IV вв. до н. э., куюсайский могильник VI—V вв. до н. э., курганы с захоронениями сосудов-оссуариев начала IV в. до н. э. (или рубежа V—IV вв. до н. э.) и подбойные захоронения с северной ориентировкой [Вайнберг Б. И., 1979а; 1979б]. В 1985 г. Л. Т. Яблонский полностью раскопал группу с подбойными захоронениями и соседствующими с ними оссуарными погребениями в сосудах. Поблизости от них находились также одиночные курганы, а в 2—3 км к югу, тоже на краю возвышенности, располагались могильники Тарым-кая II и III, из которых могильник II был вскрыт полностью, а могильник III — лишь частично [Юсупов Х., 1979б; Яблонский Л. Т., 1986б]. При обследовании протоков крупного сухого русла у подножия возвышенности Тарым-кая, непосредственно вблизи могильников, было обнаружено несколько групп поселений, относящихся к IV—II вв. до н. э. и первым векам нашей эры. Все они располагались непосредственно на руслах. примитивная ирригация

отмечена только на поздних поселениях [Вайнберг Б. И., 1984]. Развалины поселений даже без раскопок дают основание говорить о своеобразии их планировки (малое количество жилых помещений, большие дворы) и строительной техники (обилие камня, игравшего часто роль каркаса сырцовой постройки).

Как и погребальные памятники Тарым-кая, могильники Тумек-кичиджик и Шахсенем содержали разновременные захоронения в курганах. Но в первом были вскрыты также камеры с коллективными погребениями (I в. до н. э. — II в. н. э.), практически не имевшие насыпей [Лоховиц В. А., 1979]. (Возможно, дата их несколько «удревнена».) В могильнике Шахсенем I, одном из наиболее крупных, преобладающими захоронениями оказались погребения в подбоях, большая часть которых датируется III—V вв. [Юсупов Х., 1978б; 1984]. Интересен еще один комплекс памятников. На возвышенностях Яссыгыр между Кюзелигыром и Калалыгыром I обнаружены курганные группы и укрепление на мысу. В самой крупной курганной группе могильника Яссыгыр II раскопан один курган, содержащий захоронение в катакомбе с южной ориентировкой. Особенностью этих курганных групп было их близкое соседство с древними земледельческими оазисами по Чермен-ябу и около крепости Куния-Уаз.

Куюсайская культура. История освоения скотовами левобережья Амударьи представляется в следующем виде. Впервые человек освоил территорию Присарыкамышской дельты Амударьи в эпоху неолита. В эпоху бронзы, вероятно, в силу недостаточного обводнения, население покинуло этот район.

С VII в. до н. э. начинается следующий этап ее освоения, связанный с появлением здесь нового населения, оставившего памятники куюсайской культуры: поселения и курганные могильники. Первоначально хронологические границы куюсайской культуры были определены в пределах VII—IV вв. до н. э. [Вайнберг Б. И., 1979а], но работы последних лет выявили более поздние поселения и могильники в западной части Присарыкамышской дельты, которые, несомненно, связаны генетически с куюсайскими памятниками.

О происхождении куюсайской культуры существуют две точки зрения. Б. И. Вайнберг, открывшая памятники этой культуры, высказала мнение о принадлежности ее к кругу сакских культур в широком смысле этого понятия, но обратила внимание на существенные отличия куюсайского погребального обряда от собственно сакского [Вайнберг Б. И., 1979а]¹, а также на находки импортной гончарной посуды, происходящей из двух земледельческих центров — южной Туркмении и северного Ирана (район Копетдага и юго-восточный Прикаспий). Анализ местного керамического комплекса позволяет отметить влияние южных среднеазиатских центров на выработку ряда весьма оригинальных форм куюсайской посуды (бомбовидные и близкие к ним бокалы, крупные сосуды для хранения) и на технику их отделки (красный ангоб и лощение). К сожалению, конкретный

керамический комплекс, послуживший прототипом для куюсайского, указать пока нельзя, но типологическое сходство керамики вахшской и бишкентской культур поздней бронзы в Таджикистане и куюсайской (прежде всего из погребений) вряд ли подлежит сомнению.

Все эти материалы дали основание Б. И. Вайнберг высказать гипотезу о приходе «куюсайцев» в Хорезм с юга в VII в. до н. э. По ее мнению, они входили в группу иранцев-скотоводов, которые к VII в. до н. э. уже продвинулись к северным границам Ирана [Вайнберг Б. И., 1979б. С. 45—52]. Поддержавшая ее в этом Е. Е. Кузьмина считает возможным связывать данные о борьбе Мидии с саками с материалами куюсайской культуры [Кузьмина Е. Е., 1977б. С. 79—81].

Согласно второй точке зрения, высказанной М. А. Итиной, основой куюсайской культуры послужил местный сакский компонент. Однако при этом М. А. Итина признает возможность инфильтрации этнических групп из южных районов. По ее мнению, «именно конгломерат этих двух начал и дал то, что мы называем куюсайской культурой» [Итина М. А., 1979. С. 5, 6].

В настоящее время можно говорить о нескольких этапах развития этой культуры. Ранний этап — середина VII — середина VI в. до н. э. (верхняя дата определяется сменой наборов стрел в Средней Азии [Медведская И. Н., 1972; Вайнберг Б. И., 1979б. С. 42—44]) — выделяется прежде всего по материалу поселения Куюсай 2 (площадь 12 га) и могильнику Тумек-кичиджик (табл. 44; 45). Люди, оставившие куюсайскую культуру, были скотоводами, разводившими преимущественно крупный рогатый скот, лошадей и имевшими оседлые поселения, где зафиксировано развитие местного ремесленного производства (металлургия, гончарство, обработка кости, камня и т. д.). Поселения располагались непосредственно на берегах обводненных русел, ирригационных сооружений не обнаружено. Жилища представлены наземными каркасными постройками и глубокими землянками. Площадь тех и других достигала 100 кв. м. Хозяйственные и производственные комплексы обнаружены за пределами жилищ.

К раннему этапу относятся куюсайские погребения могильника Тумек-кичиджик и, вероятно, часть погребений из ранних групп могильников на возвышенностях Сакар-чага и Шахсенем. Судя по этим материалам, преобладали небольшие (до 20 насыпей) могильники с маленькими курганными насыпями. В могильнике Тумек-кичиджик доминировал обряд труположения в небольшой яме с ориентировкой погребенного головой на запад (табл. 45, I). Могилы перекрывали иногда деревом и камышом, поверх которых в насыпи находилась небольшая каменная наброска, со временем проседавшая в могилу. В погребениях у головы помещались лепные сосуды куюсайского типа. Различаются сосуды мужских и женских погребений — бокалы в первых (табл. 44, VIII, 1—5), кружки и горшочки (табл. 44, VIII, 7—12) — во вторых. Изредка встречались бусы и подвески. В женских погребениях, кроме того, обнаружены обломки зернотерок (табл. 45, V), кусок плоской кости с пятном красной краски, пряслица. Представленные в небольшом количестве на перифе-

¹ В 1982, 1986 гг. Л. Т. Яблонский в могильнике Сакар-чага 6 обнаружил детали конской узды и предметы с прекрасными изображениями в зверином стиле в сочетании с большими наборами бронзовых наконечников стрел конца VIII—VII в. до н. э.

рии могильника Тумек-кичиджик коллективные погребения на древнем горизонте и трупосожжения тоже на горизонте оказываются основными в могильниках на возвышенности Сакар-чага. Вероятно, это свидетельствует о достаточной пестроте населения (этнической или религиозной).

Куюсайскую культуру на раннем этапе характеризует яркий комплекс керамики ручной лепки (табл. 44, VII, VIII, 1—12). На поселении набор посуды разнообразен (табл. 44, VII) — от больших сосудов для хранения (типа среднеазиатских хумов и хумчей) до разнообразных столовых (кружки, бокалы, миски). Кухонная посуда представлена горшками разных типов, чайниками. Для всей керамики характерна ленточная техника лепки шаровидного тулова. Довольно часто встречаются круглодонные сосуды, сосуды на небольших кольцевидных или сплошных поддонах, закрывающих округлое дно. Вместе с тем преобладают плоскодонные формы. Другая отличительная черта керамического комплекса — красная поверхность всех сосудов, получавшаяся за счет ангобного покрытия и особого режима кострового обжига. Орнамент на сосудах практически отсутствует, венчики тоже, край всегда прямой, изредка слегка отогнут наружу, не характерны и напелные валики.

В погребениях встречены только сосуды из столовой группы: бокалы, кружки, мелкие горшочки и редкие мисочки типа плошек.

Набор наконечников стрел (около 60 штук) с поселения Куюсай 2 (табл. 44, I) отражает, вероятно, как временные, так и территориальные особенности комплекса [Вайнберг Б. И., 1979а. С. 42, 43]. Около половины всех экземпляров составляют двулопастные втульчатые наконечники стрел (табл. 44, I, 1—12), среди которых весьма значителен процент архаических типов. Около трети комплекса составляют черешковые трехлопастные наконечники, которые принято связывать прежде всего с Казахстаном и низовьями Сырдарьи. Довольно много ромбических наконечников с ромбическим сечением головки (табл. 44, I, 16—20), также очень характерных для ранних комплексов низовьев Сырдарьи (Уйгарак). Трехлопастных втульчатых наконечников в куюсайском наборе мало. Отсутствуют типы, характерные для ахеменидского времени, широко представленные в материалах городища Кюзелигыр, крупного центра в Хорезме, расположенного в 25 км от поселения Куюсай 2. Очевидно, именно кюзелигырским комплексом наконечников стрел в середине VI в. до н. э. был сменен куюсайский. На поселении Куюсай 2 найден фрагмент бракованного звена стремевидных удил (табл. 44, IV, 4) широко распространенного в Евразии в VI в. до н. э. типа [Вишневская О. А., 1973. С. 103. Табл. XXVI, 4, 5].

Для раннего этапа куюсайской культуры характерны ювелирные украшения из бирюзы (бусы, серьги с каплевидными подвесками, ромбические подвески), лазурита, белого камня (подвески в виде маленького клыка; табл. 44, II).

Следующий этап развития куюсайской культуры — середина VI — рубеж V—IV вв. до н. э. — ознаменован прежде всего взаимодействием с кюзелигырской (архаической) культурой Хорезма, памятники которой располагаются в непосредственной близости

с куюсайскими. Сложением кюзелигырской культуры начался новый этап в хозяйственном освоении Присарыкамьшской дельты. Появились ирригационные сооружения, крепости, распространилась сырцовая архитектура, широкое применение получил гончарный круг. Но, несмотря на большую роль земледелия в хозяйстве этой эпохи, преобладание в стаде «кюзелигырцев» крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов дало основание С. П. Толстову сделать вывод о господстве у них полукошевого скотоводства [Толстов С. П., 1962б. С. 104], что особенно сближает их с «куюсайцами». Не совсем еще ясны все стороны взаимодействия куюсайской и кюзелигырской культур, хотя сам факт этого взаимодействия не вызывает сомнения. На Кюзелигыре при господстве сырцовой архитектуры сохраняются традиции каркасных построек, встречается керамика куюсайского типа.

Все обнаруженные до сих пор поселения «куюсайцев» VI—V вв. до н. э. в западной части дельты и около крепости Кюзелигыр не сохранили культурного слоя. Но в подъемном материале наряду с преобладанием лепной куюсайской посуды с красной поверхностью в некотором количестве встречается гончарная кюзелигырская керамика. К этому этапу относится крепость-убежище на мысу возвышенности Канга 2. С того времени крепости-убежища скотоводов вообще становятся характерными для левобережного Хорезма, особенно на его окраинах.

VI—V вв. до н. э. датированы куюсайские погребения могильника Тарым-кая I и часть погребений на возвышенности Сакар-чага.

Лепная куюсайская керамика могильника Тарым-кая I свидетельствует о некоторых изменениях в пропорциях столовой посуды (уменьшается высота бокалов) и появлении в ее тесте примеси из толченых гончарных сосудов (табл. 44, VIII, 13 и след.).

Происходят некоторые изменения в обряде трупоположения (табл. 45, II, 1—3). Встречается как западная, так и восточная ориентировка. Часто фиксируются вторичные подхоронения, при этом первоначальное захоронение слегка сдвигается. Отмечены захоронения частично расчлененных скелетов. В двух погребениях рядом с изголовьем погребенного на древнем горизонте обнаружены очаги. Все это свидетельствует о «ломке» традиционных куюсайских погребальных обрядов и, может быть, о процессе сложения нового обряда, который отмечен в более поздних памятниках этого района.

Как показали работы последних лет, оседлые и полуседлые скотоводческие племена заселяют Присарыкамьшскую дельту до IV—V вв. н. э., пока сохраняется живой характер этой дельты и по ряду ее притоков осуществляется сток в Сарыкамыш.

Памятники IV—II вв. до н. э. В IV—II вв. до н. э. в дельте функционируют еще все основные русла. На Южном Даудане, в юго-западной части дельты, обнаружено большое число поселений на берегах действующих русел, вне зоны ирригации [Вайнберг Б. И., 1983; 1984]. Наиболее интересно поселение Гяур 3, расположенное в 6 км к востоку от крепости Гяуркала 1. На площади около 4 кв. км выявлен комплекс одновременных построек, расположенных рассредоточенно. Поселение состоит минимум из полутора десятков сильно разрушенных домов-усадеб, большинство которых включает большой прямо-

угольный дом из сырца (или пахсы). В центре поселения расположена крупная, возможно, обнесенная стеной усадьба, на территории которой открыто круглое культовое здание [Вайнберг Б. И., 1981а. С. 464, 465; Коляков С. М., 1983; 1984].

В аналогичных поселениях у подножия возвышенности Тарым-кая есть дома-усадьбы с усложненной планировкой, но основу дома, как правило, составляет одно большое жилое помещение. При отсутствии ирригационных систем в зоне поселений можно отметить первые попытки сооружения узких (до 50 см) канальчиков, соединявших параллельные протоки, что, вероятно, делалось в борьбе с отмиранием отдельных русел.

К рубежу V—IV или началу IV в. до н. э. относятся поселение-убежище на юго-западном мысу возвышенности Тарым-кая (табл. 45, IV, VII) [Вайнберг Б. И., 1979а] и группа курганов в могильнике Тарым-кая I, где встречены захоронения очищенных костей в сосудах-оссуариях (гончарные хорезмийские и лепные куюсайские; табл. 45, III).

Представляется, что именно в связи с активным включением населения западных окраин Хорезмского оазиса в систему хорезмийской государственности и культуры, что нашло свое отражение и в преобладании оссуарного обряда захоронения в курганных погребениях на рубеже V—IV вв. до н. э., была заложена в этом районе крупная крепость Кангакала, ставшая до IV в. н. э. несомненным центром этого скотоводческого по преимуществу района. Кангакала расположена на возвышенности против более древнего укрепленного поселения местного населения — крепости Канга 2 (около VI—V вв. до н. э.) и связана с системой действовавших протоков древних русел. С западной стороны крепости Кангакала есть неукрепленное поселение, где встречена почти исключительно лепная керамика куюсайского облика.

Усиление влияния культуры оазисов древнего Хорезма на скотоводов окраины оазиса с V в. до н. э. бесспорно. Кроме перехода к оссуарному обряду захоронения (хотя и под курганами), явно пришедшему из основных районов Хорезма, о чем свидетельствуют хорезмийские сосуды-оссуарии, отметим широкое употребление в быту хорезмийской гончарной посуды. Формы лепной посуды, сохраняющей куюсайские традиции в отделке внешней поверхности, форме венчиков, характере теста, обжига, стали копировать гончарные хорезмийские, что приводит к изменению пропорций (более вытянутые формы, почти полное исчезновение шаровидности) и замене одних типов другими (на смену шаровидным и стакановидным бокалам приходят конические кубки, подражающие гончарным). Подобной посуды нет в синхронных памятниках хорезмийской цивилизации. Наиболее яркий пример для сравнения дают два одинаковых культовых здания: на поселении Гяур 3, где массовым материалом является лепная керамика описанного типа, и в крепости Калалыгыр 2, где такой керамики почти совсем нет, а находки лепной посуды вообще единичны.

Памятники первых веков нашей эры. Для выделения памятников I в. до н. э. — I в. н. э. мы не имеем объективных оснований. В керамических материалах из основных районов Хорезма, на которые опи-

рается датировка памятников скотоводов, этот период четко не выделяется. Несомненно лишь, что перерыва в освоении скотоводами окраинных районов в это время не было.

Известны поселения первых веков нашей эры на протоках между возвышенностями Кангагыр и Тарым-кая, вблизи восточного берега Сарыкамыша. Здесь встречаются небольшие участки мелкой ирригационной сети, поля типа бахчи. Каналы шириной от 0,4 до 0,7—0,8 м берут начало в руслах, куда в свою очередь вода попадала из канала Чермен-яб, заменившего отмершее ко II в. до н. э. русло Южного Даудана. Л. Т. Яблонский раскопал большое количество погребений оссуарного типа в гончарных и лепных сосудах куюсайского облика в могильниках Тарым-кая I и II. Часть из них относится и к первым векам нашей эры [Яблонский Л. Т., 1986б]. Традиционными остались тип хозяйства, характер расселения и некоторые приемы гончарства (лепная керамика домашнего производства с характерной красной поверхностью, отсутствие на ней выделенных венчиков). Какие-либо другие этнографические детали по имеющимся материалам не улавливаются.

Наряду с памятниками, продолжающими традиции куюсайской культуры, и курганами с оссуарными захоронениями в Присарыкамышской дельте широко представлены курганные насыпи с погребениями иных типов (табл. 46, I). Они известны и в виде небольших групп (от двух до 10 курганов), и в крупных скоплениях (например, могильники Шахсемем и Ясыгыр 2). Изредка встречаются небольшие цепочки курганов (Гяургыр). В ряде могильников одновременные или разновременные погребения разных типов и культур представлены вперемежку (Тумеккичиджик, Тарым-кая I, Сакар-чага и т. д.). Преобладают погребения в подбоях (табл. 46, II), но по материалам Хорезма нет оснований выделять их в отдельную культуру. Объединяет эту группу памятников тип погребальной камеры: узкая входная яма, ориентированная, как правило, меридионально, с западной или восточной стороны которой находится узкий подбой, дно которого обычно глубже дна входной ямы. В большинстве случаев вход в подбой закрывался камнями, деревянной решеткой, сырцовыми кирпичами. В могильниках Присарыкамышской дельты преобладают подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенного (Тумеккичиджик, Тузгыр — только южная ориентировка) [Лоховиц В. А., Хазанов А. М., 1979; Лоховиц В. А., 1979], но встречаются и с северной (Тарым-кая I, Сакар-чага) [Яблонский Л. Т., 1983б; 1984].

Наиболее ранние подбойные захоронения (как с южной, так и с северной ориентировкой погребенных) датируются по находкам гончарной керамики раннекангуйского (хорезмийского) и согдийского комплексов IV—II вв. до н. э. (круглодонная чаша в подражание ахеменидским образцам, чаша с ребром, конические гончарные бокалы). В погребениях с гончарными сосудами не обнаружен другой инвентарь (например, оружие), по которому можно было бы проверить дату комплексов. До появления новых данных время самых ранних погребений в подбоях левобережного Хорезма можно ограничить III—II или даже II в. до н. э. Не противоречит этой дате и возможная хронология оружия (табл. 46, IV),

найденного в других погребениях могильников Тумек-кичиджик и Гяур 4. Здесь встречены кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевым навершием, иногда в сочетании с длинным (до 1 м) мечом с прямым или (в двух случаях) дуговидным перекрестьем (концы дуги обращены вверх) без навершия (табл. 46, IV, 1, 2). В могильнике Гяур 4 есть и длинные мечи с прямым перекрестьем и без металлического навершия, что дает основание рассматривать дуговидное перекрестье как предшествующее прямому.

Не исключено, что эти погребения оставлены первой группой кочевого населения, появившейся в левобережном Хорезме. (Интересно отметить, что для ранних могильников Тумек-кичиджик и Гяур 4 характерна гончарная посуда нехорезмийского типа.) Но поскольку существуют могильники, различающиеся по ориентировке погребенных, можно предполагать, что принадлежали они двум различным группам населения. Тем более что в других районах Среднеазиатского междуречья и в Фергане захоронения в подбоях с северной и южной ориентировкой связываются исследователями с разными группами племен [Мандельштам А. М., 1966а. С. 80, 160—162].

Нельзя отделить от подбойных погребений небольшое количество катакомб, встреченных в могильнике Тумек-кичиджик, и значительное — в могильнике Тузгыр (табл. 46, III). Камеры катакомб располагались по одной оси с дромосами, к югу от них. Погребенные в камерах лежали головами на юг. В первые века нашей эры подбойные и катакомбные погребения распространены особенно широко: они встречаются практически на всей территории Присарыкамьшской дельты.

По деталям обряда все три типа погребальных памятников не различаются. Для них характерны часть бараньей туши (обычно передней ноги, лопатки), гончарная керамика (преобладает хорезмийская, но есть и из других гончарных центров), небольшое количество сосудов ручной лепки. Среди последних — в основном курильницы, типы которых широко представлены как в среднеазиатских, так и в сарматских (табл. 46, XI) памятниках [Обельченко О. В., 1957. С. 114, 118; 1961. Рис. 17; Юсупов Х. Ю., 1986; Шилов В. П., 1959. С. 450, 480; Вязмитина М. И., 1954. С. 227. Табл. III, 4]. Предметы вооружения принадлежат в основном к сарматским или близким типам.

Многие погребения потревожены, но не всегда это связано с ограблением: чаще всего первоначальное погребение сдвигали, а на его место помещали новое. В могильнике Сакар-чага 1 кости первоначального погребения вместе с инвентарем помещены в крупный сосуд, который остался в подбое около головы второго погребенного. Отмечены случаи вторичного помещения во входную яму, или в подбой, или в катакомбу очищенных от мягких тканей костей (Тумек-кичиджик, Ясыгыр I, Тузгыр), иногда даже в оссуарии (Сакар-чага 1). Особенно широко практиковались оссуарные захоронения в курганах наиболее поздней группы (юго-восточная в могильнике Шахсе-нем). Здесь среди разнотипных захоронений преобладают погребения в подбоях с северо-восточной или северо-западной ориентировкой. По инвентарю (в основном керамика) могильник датируется III—V вв. Таким образом, можно констатировать, что под

влиянием культуры и религии оседлого населения Хорезма группа кочевников, проникших сюда в III—II вв. до н. э., осваивает, как некогда «куюсайцы», местный погребальный обряд.

Вопрос о соотношении куюсайских памятников и подбойно-катакомбных могильников не совсем ясен. Можно думать, что в ряде случаев «куюсайцы», вероятно, были вытеснены пришедшими в Присарыкамьшскую дельту племенами. Так, на возвышенностях Тумек-кичиджик, Сакар-чага и, возможно, Тузгыр куюсайские погребальные памятники частично сменяются захоронениями в подбоях и катакомбах. Однако в могильниках Тарым-кая I, II погребения под курганными насыпями в сосудах-оссуариях, содержащих и куюсайскую керамику, некоторое время сосуществуют с подбойными захоронениями. Отметим, что в подбойном погребении южной группы могильника Тузгыр встречен большой фрагмент куюсайского горшка [Лоховиц В. А., Хазанов А. М., 1979. С. 118]. В зоне господства подбойно-катакомбных памятников в левобережном Хорезме, как правило, нет поселений оседлых скотоводов, которых связывают с потомками «куюсайцев». Такие поселения обнаружены в основном в юго-западной части Присарыкамьшской дельты, вблизи Сарыкамьшского озера.

Могильники с захоронениями в подбоях и катакомбах с южной ориентировкой, обнаруженные в Хорезме, предположительно связывают с юежийской группой племен, отличной от кушан и принадлежавшей к «сарматскому» кругу племен (в расширительном толковании этого понятия) [Вайнберг Б. И., 1977. С. 73—77; 1981б. С. 128]. Это предположение находит поддержку в точке зрения А. М. Мандельштама о восточной группе «сарматских» племен [Мандельштам А. М., 1978б. С. 139—141; Вайнберг Б. И., 1981б. С. 128, 129]².

Обращает на себя внимание, что подбой с северной ориентировкой, которые А. М. Мандельштам [1966а. С. 80, след.] связывал с кушанами, появляются в левобережном Хорезме не позже III—II вв. до н. э. Курганные могильники левобережного Хорезма еще мало изучены. Но уже сейчас можно отме-

² Понятия «сарматский круг племен» (Б. И. Вайнберг) и «восточные сарматы» (А. М. Мандельштам) условны. Сарматские племена Восточной Европы, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, оставившие единую археологическую культуру в ее локальных вариантах, по большинству параметров погребального обряда и инвентаря отличаются от кочевников и полукочевников Средней Азии, Восточного Туркестана и Центральной Азии. Близкие, но не тождественные по устройству погребальных сооружений — подбой и катакомбы (они отличаются от сарматских формой и размерами входных ям, камер, деталями обряда), сходство оружия, некоторых форм пряжек, зеркал и т. д. не доказывают единство происхождения или этническое единство. Речь может идти лишь об общих эпохальных явлениях, свойственных кругу кочевых и полукочевых племен, населявших евразийскую аридную зону. Как в скифское время их объединяла так называемая скифская триада, так в сарматскую эпоху обнаруживаются параллели в формах погребальных сооружений (за счет близости религиозно-идеологических представлений) и некоторых категорий инвентаря (оружие, отдельные формы пряжек, зеркал). Близкие черты в формах культуры этих племен связаны, очевидно, с примерно одинаковым уровнем развития производительных сил и единым хозяйственно-культурным типом этих обществ (Ред.).

тить погребения новых типов, обнаруженные в отдельных могильниках.

В могильнике Сакар-чага 1 раскопано несколько крупных ям с меридиональной ориентировкой и дромосом с южной стороны. В них находились разновременные «коллективные» захоронения [Яблонский Л. Т., 1983б]. При позднейших подхоронениях тела ранее погребенных сдвигались и разрушались. Погребения совершались в несколько слоев до окончательного заполнения камеры, которая скорее всего имела какое-то перекрытие, позволявшее неоднократно проникать в нее через дромос. Ориентировка погребенных различная. Инвентарь представлен единичными хорезмийскими лепными и гончарными сосудами, позволяющими предварительно датировать погребения V—IV вв. до н. э.

Интересную группу коллективных захоронений первых веков нашей эры можно отметить в могильнике Тумек-кичиджик [Лоховиц В. А., 1979]. Это слегка углубленные в землю квадратные (около 3,5 × 3,5 м) камеры с узким дромосом в середине северной стороны. Дромос, как правило, перегораживался камнем. Многократно совершавшиеся погребения не имели определенной ориентировки. В наиболее сохранившемся кургане обнаружены остатки носилок с двумя погребенными, лежавшими один на другом, но головами в разные стороны. Часть ранних погребений повреждена и сдвинута. Инвентарь тот же, что в подбойных погребениях первых веков нашей эры, но нет кинжалов и мечей (табл. 46, IX). Возможно, что у этих камер были какие-то наземные деревянные конструкции. Курганные насыпи над ними не превышали 40—50 см.

Погребения в грунтовых ямах под курганными насыпями встречены в разных могильниках. Часто они не имеют инвентаря и поэтому не могут быть датированы (Тумек-кичиджик, Мангыр), иногда по деталям обряда и инвентарю сходны с подбойными либо выделяются в отдельные хронологические группы (Тузгыр) [Трудновская С. А., 1979]. Какие-либо устойчивые сочетания пока не могут быть выделены.

На возвышенностях Тузгыр и Мангыр встречаются крупные курганы с каменными кольцами внутри насыпи. Они расположены как одиночно, так и в составе курганных групп. Раскопки одного из таких курганов в Мангырском могильнике (Х. Юсупов) показали, что каменное кольцо сооружалось вокруг богатого катакомбного захоронения. Датировается оно, очевидно, IV в. н. э. (меч без перекрестья) и отличается уникальной для известных курганных памятников Хорезма деталью — рядом с погребенным находилась часть конской туши с седлом. Детали погребения неясны, так как оно разрушено грабителями (катакомба обычного типа с южной ориентировкой).

Погребения с трупосожжениями различаются довольно существенно. Наиболее ранние из них (VII—V вв. до н. э.) связаны с куюсайской культурой. Поздние (IV—V вв. н. э.) отражают, вероятно, уже иной этнический пласт. Обряд трупосожжения обнаружен в грандиозном могильнике Чаштепе, расположенном на возвышенности Устюрт, у северных границ Присарыкамьшской дельты [Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1979]. Датировается он ориентировочно первой половиной — серединой I тысячелетия н. э.

Если принять во внимание данные этнографии, свидетельствующие, что кочевники, зимовавшие на окраине Хорезма, у чинков Устюрта, перекочевывали далеко на север через Устюрт к Эмбе [Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. С. 87; Васильева Г. П., 1952. С. 453], то, вероятно, можно сделать вывод, что Чаштепе — могильник кочевников, хозяйственная территория которых в основном располагалась за пределами Присарыкамьшской дельты. Аналогичным образом трактует памятники, найденные вдоль чинка Устюрта, на северной границе Хорезма, и В. Н. Ягодин [1982. С. 78].

С конца V в. н. э. территория Присарыкамьшской дельты подверглась запустению на несколько веков. Здесь нет не только курганных могильников скотоводов, но и поселений земледельцев. Вероятно, резко изменился водный режим дельты.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ. Рассматривая проблему взаимоотношений кочевников с земледельческим населением Хорезмского оазиса, следует отметить, что границы Хорезма на западе с IV в. до н. э. и до конца античности довольно четко определяются по пограничным крепостям, расположенным на возвышенностях. С юга на север это Кангакала, Бутентау I и II и ранний Дэв-кескен [Толстов С. П., 1958б. С. 70, 81].

Таким образом, отмеченные памятники древних скотоводов в Присарыкамьшской дельте расположены внутри границ оазиса и, очевидно, в пределах древне-хорезмийского государства. Если куюсайские могильники всегда соседствуют с поселениями, то вблизи подбойно-катакомбных могильников никаких следов оседлых поселений нет, хотя велись их интенсивные поиски. Ряд курганных могильников этого времени в восточной части дельты (Ясыгыр I—III) расположен в 5—6 км от ближайших земледельческих поселений, в полосе пустыни между двумя древними одновременными им оазисами. Передвижение скота на зимние пастбища в пески Заунгузских Каракумов могло происходить только через земледельческий оазис вдоль Чермен-яба. Это указывает на весьма добрососедские отношения скотоводов и земледельцев.

Наиболее удаленные от земледельческих оазисов могильники Тумек-кичиджик и Тузгыр находятся от них всего на расстоянии 15 км (крепости Шахсенем, Тузгыр и Акчегелин). Нет каких-либо оснований связывать отмеченные курганные могильники с оседлым земледельческим населением, для которого характерен оссуарный обряд захоронения. Оссуарные могильники известны в этой зоне на развалинах Калалыгыр 1 и 2, около Гяуркалы и в ряде других мест. Кроме того, для наиболее ранних подбойно-катакомбных погребений характерна нехорезмийская гончарная керамика.

Интересный комплекс памятников дает возвышенность Сакар-чага (Куюсайгыр). Здесь, по соседству с крепостью Куюсайкала (IV—II вв. до н. э. — IV в. н. э.), обнаружены остатки разрушенного оссуарного могильника и ряд курганных могильников, что, вероятно, отражает смешанный характер населения крепости.

Следует констатировать, что к первым векам нашей эры у скотоводческого населения, поселившегося в пределах левобережной части Хорезмского оазиса,

Во-первых, установились прочные экономические отношения с населением соседних земледельческих микрооазисов, и, во-вторых, оно было включено в систему хорезмийской государственности. Отсутствие поселений у этой группы скотоводов, вероятное преобладание в стаде мелкого рогатого скота могут указывать на кочевой, скорее всего полuosедлый, образ жизни. Природные ресурсы Присарыкамьшской дельты в период даже самого минимального ее обводнения были достаточны для круглогодичного выпаса скота лишь в ее пределах, и обводненное или заболоченное Сарыкамьшское озеро препятствовало перекочевкам в западном (и северо-западном, и юго-западном) направлении. Судя по слоям первых веков нашей эры в таких памятниках, как Кангакала, Бутентаукала I и II, Каладжикбаба и Курганкала, обеспечивавшихся водой только из естественных русел и расположенных на периферии дельты, в это время русла Дарьялыка и Даудана, бесспорно, были обводнены и давали сток в Сарыкамьшское озеро. Кроме того, сами эти обводненные русла могли служить препятствием для перекочевки за пределы дельты.

Можно предположить, что весь цикл перекочевки этой группы населения в то время мог сводиться к передвижениям в пределах западной части Присарыкамьшской дельты (восточные районы в основном были освоены земледельческим населением), охватывавшей площадь примерно 80 × 80 км. Если признать район расположения могильников Тузгыр и Тумеккичиджик местом зимовок, то радиус максимальных перекочевки не мог превышать 40—50 км. Никаких данных о каком-либо развитии земледелия у этих племен мы не имеем. Вероятно, и надобности в нем не было, так как при близком соседстве земледельческих оазисов (15—20 км) и тесных экономических связях разделение хозяйственных функций между скотоводами и земледельцами давало большой эффект. Именно в последние века до нашей эры и первые века нашей эры в оазисах к югу от Тузгыра получает широкое распространение гончарное производство. Развалины гончарных печей встречаются на многих, даже изолированных расположенных сельских поселениях [Неразик Е. Е., 1976. С. 17, след.; Вайнберг Б. И., 1983]. Окраинное расположение этих комплексов можно объяснить лишь экономическими нуждами кочевого населения: ремесленное производство перемещалось к окраинам оазисов, чтобы приблизиться к потребителю. В III—V вв. аналогичные поселения с большим количеством гончарных печей были распространены в окрестностях Гяуркалы 1 и 2 на Чермен-ябе [Неразик Е. Е., 1976. С. 17].

Вероятнее всего, тесные и постоянные контакты кочевников и земледельцев отражают случаи захоронения очищенных от мягких тканей костей в не-

которых курганных погребениях, что свидетельствует об обрядовом и религиозном синкретизме.

Для III—V вв. соседство курганных могильников с крупными крепостями довольно наглядно иллюстрируется Шахсенемским и Мангырским комплексами [Вайнберг Б. И., 1981б. С. 126]. Территориальная близость синхронных памятников скотоводческого и земледельческого населения (курганной могильник у стен крепости Мангыркала и в 1 км от Шахсенема), вероятно, свидетельствует о продвижении скотоводов непосредственно в оазисы и, может быть, об оседании их на землю, что неоднократно уже отмечалось исследователями по другим материалам [Толстов С. П., 1958б. С. 216—218; 1926б. С. 230; Неразик Е. Е., 1966. С. 122; 1976. С. 48; Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970. С. 162—166; Ягодин В. Н., 1982. С. 80].

Знаменательно, что в левобережном Хорезме получил распространение архаический тип поселения — поселение или крепость-убежище на возвышенности, сходные с отмечаемыми античными источниками «скалами»-убежищами [Страбон, XI, XI, 4; Арриан, IV, 18, 21, 28 и др.] и дожившие в кочевой среде до позднего средневековья [История Туркменской ССР. С. 382]. Представляется, что подобные памятники именно в левобережном Хорезме связаны с его хозяйственной спецификой — проживанием скотоводческих племен на западной периферии Хорезма.

Проблема разделения труда между земледельцами и скотоводами в Хорезме требует еще разработки. Следует обратить внимание на постоянное увеличение удельного веса мелкого рогатого скота в стаде, отмеченное В. И. Цалкиным по материалам памятников Хорезма (например, Кой-Крылганкала и Топраккала) [Цалкин В. И., 1966. С. 150, 151]. Это обстоятельство, может быть, находит объяснение в специализации скотоводческого хозяйства и активном развитии обмена между скотоводами и земледельцами Хорезма.

Природные возможности правобережного Хорезма были иными. Там в пределах оазиса не было таких крупных пастбищных зон, иными были и условия обводнения. Хотя выделение скотоводческих групп населения фиксируется уже по материалам эпохи бронзы и раннего железа [Итина М. А., 1977. С. 167—172, 185], мы почти не знаем беспорных памятников скотоводческих племен более позднего времени на этой территории [о единственной курганной группе см.: Манылов Ю. П., 1975], хотя некоторые данные о материальной культуре первых веков нашей эры, возможно, свидетельствуют об оседании и здесь кочевых племен³.

³ Имеется в виду комплекс лепной светлоангобированной керамики, выявленный в материалах Кой-Крылганкалы и характерный для памятников первых веков нашей эры правобережного Хорезма [Кой-Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма... С. 122, 126, 130].

Кочевники северо-западной Туркмении

Территория восточного Прикаспия делится на два географических региона древним, ныне сухим руслом Узоя (рукав Амударьи, впадавший в Каспийское море). К востоку и югу от него расположены практически не изученные археологами песчаные

массивы Заунгузских и Низменных (Центральных) Каракумов, к северу — каменные плато и возвышенности, смыкающиеся с Устюртом на севере и Балханскими горами на юго-западе. Среди этих возвышенностей (гыров) располагаются ограниченные

песчаные массивы (Уч-таган, Кум-себшен, Чильма-медкумы). В зоне возвышенностей, особенно в районе, прилегающем к горам Большие Балханы, встречаются родники и колодцы с пресной или почти пресной водой. В периоды обводнения Узбоя резко улучшались природные условия, что, вероятно, способствовало общему увеличению здесь населения (карта 4).

Причины изменения стока Амударьи до конца не установлены и в наше время. Известный итог дискуссиям подвели работы С. П. Толстова на Узбое [Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой...], когда был сделан вывод об отсутствии оседлого населения на его берегах в период античности. Географическое положение русла Узбоя отличается от остальных дельтовых рукавов Амударьи, оно располагается на более низких отметках, чем окружающая местность, поэтому самотечное орошение здесь невозможно. А разнообразие сезонных пастбищ (на гырах и в песках) при обводнении Узбоя создавало благоприятные условия для развития скотоводства. Эта особенность данного региона Средней Азии (отсутствие земледелия и развитие скотоводства у реки) была отмечена еще древними авторами [Геродот, I, 216; Страбон, XI, VIII, 7]. По письменным источникам обводнение Узбоя отмечалось лишь для двух исторических периодов — античности и средневековья (послемонгольская эпоха) [Бартольд В. В., 1965]. Именно этим временем датируются и открытые на берегах Узбоя археологические памятники, что заставляет относиться с доверием к приводимым в исторических и географических сочинениях сведениям. Природные особенности этой территории (пустыни, полупустыни, степи) уже в I тысячелетии до н. э. обусловили развитие здесь различных форм кочевого скотоводства.

Наиболее ранние памятники древних скотоводов в Закаспии обнаружены А. М. Мандельштамом у северных склонов Больших Балхан (Патмасай и Гараалемсай) и у северо-западных склонов Копетдага (Парау I, II, Газылгыгум). Относятся они к поздне-бронзовому веку и связываются автором раскопок с носителями срубной культуры, продвинувшимися сюда с юго-восточной окраины ее ареала. А. М. Мандельштам не исключает возможности, что именно это население стало основой, на которой сложились известные позднее по данным античных авторов массагеты [Мандельштам А. М., 1976. С. 21].

К концу эпохи бронзы (IX—VIII вв. до н. э.) относится и единственное пока среди раскопанных вблизи Узбоя погребение на возвышенности Чолингыры, на правом берегу Узбоя, в могильнике Ялкым 3 [Юсупов Х., 1982. С. 63]. Это погребение как бы предшествует каменным погребальным сооружениям более позднего времени, в могильнике которых оно и было обнаружено.

Памятники скотоводов античного времени на Узбое относятся к периоду от конца V в. до н. э. до IV в. н. э. Изучение памятников кочевого населения древности на территории южного Туркменистана было начато только в 50-х годах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией и Институтом истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. А. А. Марущенко раскопаны курганные погребения сарматского времени (Хаскяриз, Гызылчешме) в подгорной полосе южного Туркменистана

[Марущенко А. А., 1959a]. Раскопки могильников на побережье Амударьи (Бабашов), в подгорной полосе Копетдага (Пархай, Мешрепитахта, Чукур и др.) проводились археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством А. М. Мандельштама [1963; 1971; 1975a].

В первой половине 60-х годов исследования памятников кочевого населения Закаспия к северу от Узбоя проводил А. М. Мандельштам, который в могильниках Гек-Даг 2 и Джанак 2 раскопал каменные наземные сооружения V—III вв. до н. э. [Мандельштам А. М., 1976; 1981].

В 1969 г. Б. И. Вайнберг и Х. Юсупов обнаружили подобные сооружения на возвышенности Дордуль на берегу Узбоя и на Каплангыре [Вайнберг Б. И., Юсупов Х., 1970]. С 1970 г. разведками и раскопками таких памятников занимается Узбойский археологический отряд Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР (Х. Юсупов). Работами этого отряда на берегах Узбоя и прилегающих участках Заузбойского плато открыто большое количество погребальных памятников древних скотоводов — около 30 могильников с несколькими сотнями сооружений, значительная часть которых раскопана [Юсупов Х., 1986]. Большинство исследованных памятников связано с районами древнего русла Узбоя, на воде которого образовалось хозяйство населения [Юсупов Х., 1972; 1977; 1978a; 1978b; 1981; 1982]. Остатки развешенных стоянок скотоводов античного времени на берегах Узбоя и Келькора (древнее озеро в дельте Узбоя) фиксировались ранее [Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой... С. 316—319]. Новые поселения на берегах Келькора были открыты в 80-х годах [Вайнберг Б. И., Юсупов Х., 1985].

Как показали раскопки погребальных памятников, культового комплекса Ичянлыдепе и материалы с развешенных стоянок, к середине I тысячелетия до н. э. на территории северо-западной Туркмении сложилась своеобразная группа памятников скотоводческого населения. К IV в. до н. э., очевидно, скотоводами были заселены и активно освоены берега Узбоя, так как именно с этого времени здесь появляются наземные каменные сооружения, характерные для скотоводов Закаспия вплоть до северного Устюрта [Юсупов Х., 1986; Мандельштам А. М., 1976; 1981; Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта, Гл. 3].

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ. Погребальные сооружения (одиночные, парные, группами от трех-четырёх до нескольких десятков) располагаются, как правило, на возвышенных каменистых местах, на возвышенностях вблизи русла или на высоком коренном берегу Узбоя. Территория их распространения может быть очерчена от восточного берега Каспия на западе до западных окраин Хорезма (Присарыкамышская дельта Амударьи) на востоке и от Узбоя и Больших Балхан на юге до северного чинка Устюрта на севере. В современном виде это округло-овальные каменно-земляные «насыпи» диаметром от 4 до 14—15 м и высотой от 0,2 до 1,5—2 м. Иногда встречаются развалины и сооружения удлинённо-овальной формы. В предварительных публикациях эти сооружения по их современному внешнему виду часто на-

зывают курганами. Раскопки же показали, что «насыпь», как правило, образовывалась в результате разрушения древнего наземного сооружения типа склепа. На древнем горизонте сооружалась прямоугольная, трапециевидная, квадратная, круглая или овальная, обычно глухая камера с каменными стенами толщиной в среднем 0,5—1,5 м (кладка из крупных плит рваного камня без раствора). Горизонтальная кладка сочетается с обкладкой из вертикально поставленных крупных плит, иногда углубленных краем в грунт. Встречается конструкция стен из двух каменных обводов с заполнением пространства между ними мелким камнем и щебенкой. В большинстве случаев плашмя уложенные плиты стен внутри камеры положены с напуском в каждом ряду, образуя конструкцию типа ложного свода. Плиты от перекрытия чаще всего находятся в завале камеры. Камеры служат коллективной усыпальницей. Захоронения были многократными. Покойников помещали внутрь камеры, которую преднамеренно не засыпали землей. Внутри камер зафиксированы скелеты, лежащие в анатомическом порядке с различной ориентировкой и частично потревоженные; кости скелетов, собранные в кучи или сложенные в сосуды-костел различные типа оссуариев, как специально сделанные (керамические и алебастровые), так и приспособленные для этой цели бытовые. Значительная часть костей обычно беспорядочно разбросана по всей камере. Судя по черепам, в большинстве случаев в камерах находились останки 10—15 погребенных, но нередки камеры с 20—30 погребенными.

В камерах встречен довольно бедный археологический материал, который пока дает основание разделить все раскопанные комплексы только на две хронологические группы: IV—II вв. до н. э.; II в. до н. э. (последние века до нашей эры) — IV в. н. э. Следует учесть, что многократность захоронений и длительное использование практически открытых склепов способствовали смещению разновременного материала.

Первая хронологическая группа довольно четко определяется по предметам вооружения (кинжалы с прямым перекрестьем и серповидным навершием, бронзовые и железные наконечники стрел) и другим изделиям из металла (пряжки, колчанные крючки) и кости (туалетные ложечки), которые находят близкие аналогии в инвентаре раннесарматских (прохоровских, IV—II вв. до н. э.) захоронений, особенно на территории Южного Приуралья. Как правило, нет оссуарных захоронений. Очевидно, этот обряд появляется только в конце раннего этапа. Особенно показательным в этом отношении сооружение 1 на возвышенности Ялкым, где обнаружен сосуд-оссуарий, вкопанный в материк, что позднее не практиковалось (дата сооружения — IV—II вв. до н. э. — определяется по бронзовым наконечникам стрел и восьмеркообразной пряжке сарматского типа) [Юсупов Х., 1982. С. 62, 63. Рис. 3].

Бесспорно ранних сооружений сейчас известно немногим более 10 и примерно столько же могут быть определены как переходные ко второй хронологической группе. Отсутствие датирующих предметов во многих сооружениях заставило отнести их к поздней группе памятников. В первой хронологической

группе выделяются разнотипные погребальные сооружения.

Первый из таких типов — сооружения из плит, уложенных плашмя в правильное по очертанию кольцо, кладка его имела два обвода — внутренний и внешний, пространство между которыми заполнено мелкими камнями (Дордуль 1, Гек-Даг 2, Чырышлы 25/1, Джанак-Чанак 2). Второй тип — круглые сооружения из плашмя уложенных плит, чередующихся с плитами, поставленными на ребро и частично углубленными в материк (Дордуль 10, Мелегоч 3; табл. 47, 3). Третий тип представлен сооружениями только из плит, поставленных на ребро (три-четыре ряда) и дополнительно закрепленных мелкими камнями или землей (Гараязы 3; табл. 47, 1). Четвертый тип — квадратные сооружения из плашмя уложенных плит, облицованных плитами, поставленными на ребро; иногда камера разделена поперечной стенкой-перегородкой (Балаишем 4, 5, 7, 8). Пятый тип — прямоугольные сооружения с выходом у южной стены (Ялкым 6). Шестой тип — сооружения имеют в центре прямоугольную глухую камеру; выступающие снаружи южные углы образуют подобие вытянутых ложных башенок, северная половина сооружения чуть суживается, образуя прямоугольную площадку (Акяйла 1, Ханалы 10, Зенгибаба 1; табл. 47, 5).

Особого внимания заслуживает погребальный обряд. Первоначально покойника помещали внутри камеры склепа на древней поверхности (практически обряд выставления). Затем происходит постепенный переход от этого обряда к оссуарному (очищенные от мягких тканей кости складываются в сосуды, которые остаются здесь же, в склепе). Таким образом, одно и то же сооружение выполняет функции дахмы (место выставления трупов) и науса (место помещения оссуариев с очищенными костями).

Ю. А. Рапопорт, исследуя истоки оссуарного обряда захоронения в Средней Азии, обратил особое внимание на данные письменных источников об обряде выставления у массагетов и других восточноиранских народов (племен). Его вывод о том, что истоки оссуарного обряда находятся не в зороастрийском богословии, «а в каких-то верованиях восточноиранских племен» [Рапопорт Ю. А., 1971. С. 35], находит яркое подтверждение в погребальном обряде описываемых памятников.

Вероятно, сходный процесс происходил и в низовьях Амударьи несколькими веками ранее, так как в соседнем с Узбоем районе левобережного Хорезма оссуарные захоронения под курганными насыпями, пришедшие на смену труположению, зафиксированы у другой группы скотоводов на рубеже V—IV или в начале IV в. до н. э. [Вайнберг Б. И., 1979а. С. 37, след. Табл. XXII; XXVI; Юсупов Х., 1979б. С. 94—100].

В связи с тем, что в погребальных и культовых сооружениях часто встречается инвентарь широкого хронологического диапазона или несопоставимых форм (например, столовая посуда — в ранних памятниках и хозяйственная — в поздних), далее дано общее его описание с указанием выделяемых в настоящее время хронологических особенностей для каждой группы предметов и памятников.

Склепы второй группы имеют широкие хронологи-

ческие рамки из-за малочисленности четко датируемых вещей. Здесь отсутствует вооружение, инвентарь состоит в основном из керамики, украшений, единичных зеркал. Среди украшений выделяется местная, очевидно, форма серег из круглой проволоки с незамкнутыми расширяющимися (утолщающимися) концами.

Погребальные сооружения второй группы часто отличаются монументальностью, встречаются крупные могильники (Дордуль, Кемальский и др.; табл. 47, 2). Сооружены они, как правило, из крупных и средних плит камня, уложенных плашмя, с небольшим напуском внутрь камеры в каждом следующем ряду (особенно в верхней части стен камер), что и образовало перекрытие типа ложного свода. В глухие камеры попадали через отверстие наверху, закрывавшееся крупными плитами. Встречены прямоугольные, квадратные, трапециевидные и круглые в плане камеры. Преобладают глухие, но есть и с различными по ориентировке входами (табл. 47, 6, 7). В камерах наряду с почти непотревоженными скелетами найдены кучи костей с черепом наверху, беспорядочные кучи костей, сосуды-оссуарии, среди которых, кроме местных и импортных крупных бытовых сосудов, использовавшихся в качестве оссуария, отмечено значительное количество специально сделанных лепных керамических корытообразных оссуариев (иногда они имеют крышки и часто — алебастровую обмазку). В некоторых костехранилищах содержались кости нескольких погребенных. Как и в левобережном Хорезме, череп в оссуарии, как правило, лежал поверх костей. Большие скопления оссуарных захоронений можно отметить в могильнике Дордуль на среднем Узбое (Дордуль 7 — 16 сосудов-оссуариев; Дордуль 14—22).

Среди всех известных на берегах Узбоя могильников бесспорно выделяется Дордульский, расположенный на правом высоком берегу русла, вблизи края обрыва Заузбойского плато (150 км к северу от г. Кизыл-Арват, 300 км к востоку от г. Небит-Даг; табл. 47, 2). На некоторых участках погребальные сооружения концентрируются по четыре-пять, изредка они расположены по одному или по два. Всего обнаружено и раскопано более 20 каменных склепов и несколько курганов с насыпью. В ряде склепов насчитывалось 20—30 разновременных захоронений, часть из них (13) дополнительно имеет погребения оссуарного типа в больших бытовых сосудах или специально изготовленных корытообразных сосудах-оссуариях. Ввиду длительности существования склепов в них представлен инвентарь широкого хронологического диапазона — от V—IV вв. до н. э. до первых веков нашей эры. Оссуарные захоронения относятся, вероятно, к первым векам нашей эры, а появляются, возможно, во II—I вв. до н. э.

КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ. Почти в центре Дордульского могильника, на юго-западной сопке возвышенности, господствующей над руслом Узбоя, и находящимися южнее и восточнее песками Низменных Каракумов, обнаружены развалины обширного культового сооружения, сложенного из необработанных плит песчаника всухую (табл. 47, 4). Комплекс этот получил название Ичянлыдепе [Юсупов Х., 1986]. Сооружение размерами около 36×40 м при высоте до 3 м (в центральной части) содержало ряд

своеобразных по технике строительства и назначению помещений и построек. Самую высокую часть (площадь 16×30 м) занимала мощная и сложная по конструкции выкладка из камней (6×5 м), на которой долгое время горел интенсивный огонь. Весь известняк и ракушечник под ним перегорели на большую (более 0,5 м) глубину и превратились в центре в известковый порошок, а по краям — в разного типа шлаки. После разборки верхнего перегоревшего слоя камней была обнаружена конструкция в виде прямоугольной камеры (5×4,5 м), окруженной поставленными на ребро камнями с лазом-проходом в южной стенке у юго-западного угла (ширина 1,3 м).

Центром комплекса, бесспорно, являлась камера, которая была обложена камнем и обведена коридорообразными помещениями с южной и западной сторон. По контуру эти помещения были огорожены крупными поставленными на ребро плитами камня. Перекрытий они иметь не могли из-за недостаточной высоты (не более 2 м) и слабой прочности стен. В середине одного из помещений была обнаружена выложенная из вертикальных камней камера (3×3,4 м), в развалинах которой найдены сосуд и кости овцы. За этими помещениями, очевидно, располагался ряд более мелких (раскопаны проходы в них в южной части комплекса). С северной стороны к центральному возвышенному массиву примыкает выкладка типа алтаря, а севернее расположен еще один округлый отдельно стоящий алтарь-выкладка. Оба алтаря находятся на одной оси с центральной камерой, строго к северу от нее. На алтарях горение было менее интенсивным, чем в камере. Остатки костров, которые возжигались здесь, не выбрасывались, а перемещались на периферию комплекса (особенно на восточную сторону), где «захоранивались» — обкладывались камнями. Сохранилось большое количество подобных остатков. Кроме того, по склону сопки Дордуля, где расположен памятник, и вплоть до русла Узбоя встречаются крупные куски ошлакованного камня.

Судя по всему, комплекс был связан прежде всего с культом огня. Южная и западная части памятника, где нет следов горения, очевидно, предназначались для совершения культовых церемоний. Поскольку помещения Ичянлыдепе не перекрывались и здесь не образовывалось обычных культурных отложений, находки не представляют каких-либо замкнутых хронологических комплексов, а относятся ко всему периоду функционирования сооружения или к наиболее позднему его этапу. Набор бронзовых втульчатых наконечников стрел, обнаруженный в святилище, весьма выразителен (табл. 50, IX). Все типы их представлены в хорошо датированных комплексах вооружения савроматского и раннесарматского времени [Смирнов К. Ф., 1961. С. 37, след.; Мошкова М. Г., 1963. С. 30, 31. Табл. 14—16]. Наиболее ранними являются двулопастные наконечники с листовидной головкой и выступающей втулкой. У одного экземпляра верхняя часть пера четырехгранная. Единичные двулопастные втульчатые наконечники стрел встречаются в памятниках еще V в. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. С. 38—40]. Все остальные наконечники относятся к группе втульчатых трехлопастных и трехгранных. Среди них есть экземпляры с выступающей втулкой и базисные, со сводчатой и

треугольной головкой. Все они принадлежат к широко известным типам сарматских стрел прохоровского времени [Мошкова М. Г., 1963]. М. Г. Мошкова не отмечает находку двулопастных наконечников стрел в прохоровское время, что позволяет нам датировать набор наконечников стрел с Ичянлыдепе V—II вв. до н. э. Не противоречит этому и находка фрагмента железного трехгранного наконечника стрелы.

С культовым характером памятника согласуются находки курильниц и их фрагментов и специального сосуда типа ритона с двумя отверстиями в дне, а также довольно большое количество импортной посуды (Средняя Азия, Иран, Закавказье и т. д.; табл. 48, 3).

Среди находок, происходящих, как правило, из южной и юго-восточной частей, выделяются копыта и черепа лошадей.

Комплекс Ичянлыдепе может быть сопоставлен по устройству с персидскими святилищами огня и жертвоприношения, описание которых мы находим у Геродота [I, 131], Страбона [XV, III, 13—16], Аппиана [66]. Вероятно, здесь горел негасимый огонь или несколько огней в честь почитаемых божеств.

Находки копыт и частей черепов лошадей указывают в первую очередь на культ солнца у массагетов, с которым были связаны эти жертвенные животные [Геродот, I, 216]. Жертвоприношения, возможно, совершались и в камере, в юго-восточном помещении, где были найдены кости барана.

Расположение святилища в центре могильника дает основание считать, что мелкие очаги горения на северо-западной периферии памятника могли возжигаться в связи с погребальным культом или связанными с ним жертвоприношениями.

С большой долей вероятности можно предположить, что значительное место в верованиях занимал здесь культ воды — Окса, на берегах которого было расположено святилище.

Культовый комплекс на Дордуле показывает единство религиозных представлений и, вероятно, обрядов древних иранцев (в частности, персов) и массагетов.

Значительное количество импортных сосудов говорит, как нам представляется, об особом почитании святилища, а также о широких связях населения этого района не только с соседними земледельческими районами, но и с более отдаленными областями Ирана и Закавказья.

В центре самого крупного горного массива северо-западной Туркмении — Больших Балхан, на господствующей над ними сопке, начато исследование еще одного святилища древних скотоводов — Гарулдепе [Вайнберг Б. И., Юсупов Х., 1985]. Этот культовый комплекс состоит из развалин каменного здания, около десятка округлых каменных оград с отдельно стоящими стелами и длинного «коридора», ограниченного двумя каменными валами-стенами, подводившего с запада ко всему комплексу. К югу от каменного здания было место священного огня того же типа, что раскопано в святилище Ичянлыдепе. Вновь на большой площади встречены шлаки от перегоревшего камня.

В каменном здании раскопано полностью одно и частично два помещения, проведен ряд стратиграфических траншей, выявлено три строительных перио-

да с существенными перепланировками. На одном из верхних полов найдено шесть бронзовых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел III—II вв. до н. э., а в верхнем слое разрушения — лощеный кувшин парфянского типа, кувшинчик-цедилка и фрагменты стеклянного сосуда, а также фрагменты местной лепной посуды и кусочки медных листовых обкладок. Позже первых веков нашей эры памятник не функционировал. Назначение каменного здания пока неясно. В одной из раскапывавшихся оград обнаружено много костей животных и фрагменты лепной посуды. Возможно, что это остатки приношений или трапез, проводившихся в ритуальных целях.

ПОСЕЛЕНИЯ. Вблизи берегов Узоя было обнаружено несколько древних и средневековых естественных крепостей-убежищ на возвышенностях, где в моменты опасности местные скотоводы укрывались с семьями и скотом. Наиболее древним, относящимся, судя по подъемной керамике, к античному времени, было одно из убежищ в урочище Афаджиклар на правом берегу Узоя, к западу от возвышенности Чолюнгыр [Вайнберг Б. И., Юсупов Х., 1970. С. 427]. Небольшая возвышенность округлых очертаний (диаметр около 1 км) с обрывистыми краями имела с одной стороны узкий перешеек, выходящий к спуску. Этот перешеек был перегорожен каменной стеной с воротами и предвратным лабиринтом. Убежище располагалось в стратегически важном месте — к северу от русла Узоя, против возможного брода или переправы через реку.

О характере рядовых поселений, одновременных склепам, данных почти нет. На месте разветвленных поселений находятся обгорелые камни от очагов, керамика, наконечники стрел, украшения и т. д. Жилища скорее всего были сделаны из легких материалов (может быть, плетеные или каркасные). Наибольшие по площади поселения с остатками размытого золистого культурного слоя встречены на западном берегу солончака Келькор. Все поселения располагались непосредственно у воды (Узбой, Келькор). Скопления керамики встречены также у родников к северу от Больших Балхан и на Заузбойском плато. Как правило, по соседству всегда имеются на возвышенности погребальные памятники.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Керамика. Для памятников древних скотоводов на Узбое характерен своеобразный комплекс местной лепной посуды кострового обжига с серой, серо-желтой или коричневой поверхностью. Техника лепки ленточная, в тесте — примеси дресвы и иногда раковины. Известно довольно большое количество форм. Набор их достаточно случаен в связи с особенностями погребального обряда: для первой группы — это преимущественно столовая посуда (табл. 48, I, 2), для второй — крупные сосуды, использовавшиеся в качестве оссуариев (табл. 49, I). В подавляющем большинстве сосуды круглодонные. Для крупных характерна шаровидность. Венчики, как правило, не выделяются. В ранней группе преобладают полусферические чаши и миски. Кружки в небольшом количестве есть в основном в поздней группе (табл. 49, II). Форма кувшина, как и вообще узкогорлых сосудов, представлена единичными экземплярами. Основная масса керамики не орнаментирована. Встречено небольшое ко-

личество сосудов с прочерченным, прорезным или пунсонным орнаментом (чаще — в столовой посуде ранней группы; табл. 48, 1). В поздней группе представлены сосуды (довольно крупные) типа чайников с трубчатым носиком и ручкой. Наиболее часто встречаемая (особенно в погребальных памятниках) импортная гончарная посуда (табл. 48, 4; 49, III—IX) — парфянская или сходная с ней по облику; более редкая — хорезмийская (чаще всего на памятниках верхнего Узбоя).

Оригинальную группу местных гончарных изделий образуют корытообразные оссуарии с крышками и без них (табл. 49, XII). Сделаны они из того же теста, что и бытовая керамика, обжиг костровый, попадаются образцы со следами ремонта. Изредка встречаются оссуарии такой же формы из алебаstra (табл. 49, XIII).

Оружие. Оружие в памятниках по Узбою представлено довольно ограниченным набором. Бронзовые и железные наконечники стрел найдены в культовых комплексах и погребальных сооружениях (табл. 50, III, IV, IX). Они принадлежат к сарматским типам, характерным в то время для всей Средней Азии [Медведская И. Н., 1972]. Среди железных наконечников иногда встречаются образцы с длинными черешками, что принято связывать с восточными влияниями (табл. 50, XIV) [Смирнов К. Ф., 1961. С. 64; Мошкова М. Г., 1963. С. 32].

В поздней группе погребальных сооружений оружие не обнаружено, так что данных о его развитии у нас нет. В ранних склепах встречено несколько железных кинжалов и коротких мечей с прямым перекрестьем и серповидным или близким наверху, либо с прямым перекрестьем и без металлического навершия (табл. 50, I, 1, 2, II). Часть из них была разбита или свернута при помещении в склеп. Эти типы кинжалов и мечей характерны как для раннесарматских прохоровских памятников, так и для памятников скотоводов в Средней Азии [Хазанов А. М., 1971]. Длинных мечей в узбойских материалах нет.

Среди характерных для узбойских памятников предметов должны быть названы глиняные курильницы. Часть из них по форме совпадает с подобными же предметами из сарматских погребений и подбойно-катакомбных памятников Хорезма [Мошкова М. Г., 1963; Лоховиц В. А., Хазанов А. М., 1979]. Преобладают они в склепах поздней группы (табл. 49, XVI, XVIII).

Алебастровые сосудики удлиненной, часто усеченнойцевидной формы, с толстыми стенками — местного производства. Как правило, они встречаются в склепах поздней группы (табл. 49, XVII). Во многих погребальных сооружениях на Узбое и Заузбойском плато найдены белые антропоморфные статуэтки, выполненные с разной степенью стилизации из мела, алебаstra (гипса) и других мягких пород камня (табл. 49, XIV). Среди них, возможно, были мужские и женские изображения [Юсупов Х., 1977. С. 132. Рис. 3, 1, 2; Мандельштам А. М., 1981. Рис. 41. Все они типологически похожи на «каменную бабу» из белого известняка, найденную у берега Узбоя, под обрывом возвышенности, на которой расположено святилище Ичянлыдепе. Изображение сильно повреждено, различаются лицо, узкая шея и согнутая в локте левая рука. находка другой

«каменной бабу» связана с Красноводским полуостровом.

Украшения и предметы туалета. Предметы туалета и украшения, встреченные в склепах, разнообразны, хотя и не очень многочисленны. Серьги из медной (бронзовой) проволоки в полтора оборота характерны для сарматских и многих среднеазиатских памятников (в частности, обычны в Хорезме). В поздних склепах, как уже отмечалось, известна как будто местная, не имеющая аналогий форма серег из проволоки с утолщенными в виде раструба несомкнутыми концами (бронза, медь; табл. 50, XVII, XX). Набор бус отличается разнообразием. Наряду с обычными для среднеазиатских памятников стеклянными и каменными бусами встречаются пестрые глазчатые, характерные для сарматских памятников Приуралья. С этим же регионом, очевидно, следует связывать и происхождение костяных туалетных ложечек (табл. 50, XVIII). Медные кольца из проволоки со щитком и вставками стекла довольно широко распространены в среднеазиатских памятниках [Литвинский Б. А., 1973a], поэтому вряд ли могут иметь местное происхождение. Бронзовые зеркала (большинство — в обломках) также принадлежат к широко распространенным сарматско-среднеазиатским типам, как правило, первых веков нашей эры (табл. 50, X, XI).

Весь набор инвентаря дает основание констатировать, что местное ремесленное производство вряд ли было сколько-нибудь широко развито. Бесспорно, на месте производились лепная керамика кострового обжига, корытообразные и алебастровые оссуарии, алебастровые туалетные сосудики, глиняные курильницы, алебастровые и меловые культовые статуэтки и, вероятно, бронзовые проволочные серьги с утолщенными концами. Остальные предметы были получены путем обмена. Можно отметить постоянное поступление гончарной керамики из Парфии. Предметы вооружения, пряжки, костяные туалетные ложечки и часть украшений поступали из районов Южного Приуралья, с которым могли соседствовать северные группы закаспийского объединения племен (имеется в виду совсем не изученный район северного Устюрта). Более ограниченными были связи с соседним Хорезмом (керамика, украшения и т. д., а также находки алебастровых сосудов в Хорезме).

Для полной характеристики памятников северо-западной Туркмении необходимо отметить большую роль узбойского водного пути для установления широких торговых связей. На материалах Ичянлыдепе отмечались связи с Закавказьем. В одном из склепов (8) первых веков нашей эры на Ханалы встречен стеклянный сосуд типа алебаstra [Юсупов Х., 1982. С. 59. Рис. 4, 26 (в подписи к рисунку ошибочно отнесен к склепу 10)], происходящий из Сирии или Закавказья, где они были распространены в то время довольно широко [Саганашвили М. Н., 1977. С. 129].

ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ЗАКАСПИЯ. В последние годы появились материалы из наиболее западных районов Закаспия, говорящие о некотором своеобразии этих комплексов. Прежде всего это относится к погребальному обряду. На Красноводском полуострове и западном берегу Келькора встречены погребения оссуарного типа в крупных гончарных и лепных сосудах, врытых в землю,

а также захоронения очищенных костей в небольших ямах. Иногда погребения обоих типов содержат мелкие лепные сосуды и предметы туалета. Возможно, что такие захоронения получили распространение в тех районах, где не было камня для сооружения традиционных склепов.

Однако здесь же, на западном берегу солончака Келькор, в могильнике Келькор 2 обнаружено несколько захоронений, не связанных с узбойскими памятниками. Это размытые, возможно подкурганые, погребения в меридиональных ямах, расширяющихся к голове погребенного (ориентировка — север—северо-восток и северо-восток—восток, широтная отмечена в одном случае). Скелет лежал вытянуто на спине. Сопровождающий инвентарь: слева — длинный (95—98 см) меч с прямым перекрестьем без навершия, заходивший на плечо, железный стержень типа шила и некоторое количество железных трехлопастных черешковых наконечников стрел; справа у бедра — железный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием.

На основной территории распространения памятников узбойского типа (у северных склонов Больших Балхан и у Агиныша, вблизи Дордкульского комплекса на Узбое) встречено небольшое количество насыпных курганов с материалами иного типа. Под курганами обнаружены подбойные и катакомбные захоронения с южной ориентировкой погребенного. Датируются они по инвентарю первыми веками нашей эры.

Выше отмечалось, что и А. М. Мандельштам, раскопавший первые каменные склепы в Забалханье, и авторы настоящего раздела считают правомерным связывать памятники северо-западной Туркмении с массагетами и племенами, входившими в это объединение (дербики и др.).

По данным Геродота [I, 20, 204—216], Страбона [XI, VIII, 6, 7] и ряда других древних авторов, массагеты жили к востоку от Каспийского (Гирканского) моря, за древним Оксом (Араксом), впадавшим одним рукавом в это море [Пьянков И. В., 1964; 1975]. Отсутствие археологических данных об обводнении Узбоя вызвало у некоторых исследователей (С. П. Толстов, В. В. Струве) недоверие к сведениям письменных источников и заставило их локализовать массагетов в более восточных районах, к востоку от современного русла Амударьи [сводку мнений о локализации саков и массагетов см.: Литвинский Б. А., 1972б. С. 158, след.]. Многочисленные археологические материалы, полученные в 70—80-х годах на Узбое (как памятники скотоводов, так и материалы парфянской крепости Игдыкала, датируемой со II—I вв. до н. э. до IV в. н. э.), позволяют отнести с полным доверием к сведениям письменных источников об обводнении Узбоя в античности, а соответственно и к данным о расселении массагетов и их потомков на Заузбойском плато.

В период похода Кира на массагетов (VI в. до н. э.) владения их находились только за рекой [Геродот, I, 204—216]. Это согласуется с археологическими материалами, которые показывают, что освоение берегов Узбоя скотоводами началось не ранее конца V в. до н. э. Возможно, что в VI—V вв. до н. э. только формировался регулярный сток по рус-

лу, так как начало стока Амударьи в Присарыкамышскую дельту и соответственно заполнение Сарыкамышской впадины датируется VII в. до н. э. (памятники куюсайской культуры).

С IV в. до н. э. до IV в. н. э. наблюдается стабильное размещение памятников вблизи реки и вместе с тем постепенное развитие их в этот период. Поэтому представляется неверным предположение о том, что дахи (даи) вытеснили массагетов с их территории между Каспием и Амударьей [Пьянков И. В., 1975. С. 68]. По данным Страбона [XI, VIII, 2], даи обитали вблизи Каспийского моря отдельно от массагетов. Археологические материалы из низовьев Сырдарьи, которые с известными основаниями могут быть связаны с дахами, не обнаруживают никакого сходства с узбойскими. Скорее всего памятники даев в Туркмении ждут еще своего открытия. Они могут находиться у северной границы подгорной полосы Копетдага от Каспийского моря вплоть до Амударьи, так как по данным Помпония Мелы [III, 42] Окс, первоначально текущий с востока на запад, «впервые» поворачивает на север «вблизи дагов».

По мере знакомства древних авторов с народами Средней Азии в их сочинениях начинают появляться имена отдельных массагетских племен, заменившие единое имя массагетов.

Так, у Ктесия в качестве противников Кира вместо массагетов фигурируют дербики (дербии, дирбеи) [Пьянков И. В., 1975. С. 89—91]. М. А. Дандамаев [1963б. С. 116] объясняет это расхождение тем, что дербики были частью большого и могущественного массагетского союза племен. Это подтверждается данными Квинта Курция Руфа при описании подготовки войска Дария к сражениям с Александром Македонским. По его сведениям [III, 2, 7], дербики снарядили в лагерь Дария у Вавилона 40 тыс. пехотинцев и 2 тыс. всадников. Даже если эти цифры преувеличены, можно отметить, что после персов и мидийцев это было наиболее крупное воинское соединение в ахеменидской армии. В другом месте Квинт Курций называет 2 тыс. всадников бесспорно тех же дербиков массагетами [IV, XII, 6].

У Страбона [XI, 8,8; XI, 11,8] данные о дербиках не смешиваются с описанием массагетов и их обычаев. Это характерно и для многих других античных авторов. У Плиния [VI, 48], по сравнению с другими авторами, помещающими дербиков у восточного берега Каспия, есть существенное уточнение: «дребики⁴, местность которых пересекает река Окс, вытекающая из озера Оакса (Оахо)». Если с этим озером отождествить огромное Сарыкамышское озеро, то территория расселения дербиков совпадет с основными памятниками по верхнему и среднему течению Узбоя.

У устья каспийского рукава Окса Помпоний Мела [III, 42] отмечает песиков. У Плиния [VI, 50] в перечне скифских народов Средней Азии встречаются пестики, которых В. В. Латышев считал возможным отождествлять с аспаиаками Страбона [XI, 8,9] и пасикаями Птолемея [Geographie, VI, 12,4; ВДИ. 1949. № 1. С. 284, 285, примеч. 9]. Птолемей помеща-

⁴ По мнению В. В. Латышева, «дребики» — то же, что дербики (дербаки) (Страбона [XI, 8,8], Курция [III,2] и Мелы [III, 39]. См.: ВДИ. 1949. № 2. С. 305.

ет пасикаев вдоль Оксийских гор, расположенных между устьями Окса и Яксарта, вблизи их впадения в Каспийское море. Если предположить, что за устье Яксарта древние авторы и их информаторы принимали современный Комсомольский залив (или Мертвый Култук) к северу от полуострова Бузачи, то под Оксийскими горами Птолемея нужно видеть систему гор и возвышенностей от Больших Балхан на юге до Мангышлака на севере. При плавании по Оксу от верховьев до Каспия на всем протяжении его от Бактрии и ниже нет ни одной крупной горной системы, кроме Балхан, которым предшествуют (по течению) возвышенности Чолюнгр и Текеджик на правом берегу⁵. Поэтому нам представляется правомерным отождествление прежде всего Больших Балхан с Оксийскими горами Птолемея. Тогда группа западных памятников, еще недостаточно выявленная ар-

хеологически, может быть отнесена к апасиакам. Это согласуется и с данными Полибия [X, 48,1] о том, что апасиаки живут между Оксом и Танаисом и что, переходя Окс, они совершают походы на Гирканию.

Если принять предложенную локализацию дербиков и апасиаков, то, вероятно, Ичянлыдепе можно рассматривать как племенное святилище дербиков, а Гараулдепе — апасиаков.

Несмотря на большие пробелы в наших знаниях о культуре древних племен Закаспия, можно уже сейчас отметить ее своеобразие по сравнению с культурой других кочевых племен евразийских степей вообще и саков Средней Азии и Казахстана в частности. Оригинальный погребальный обряд, отсутствие каких-либо следов жертвоприношения лошадей и, вероятно, вообще скота при совершении погребального обряда — вот основные признаки, характерные для памятников древних скотоводов северо-западной Туркмении, которые выделяют их среди сакских и сарматских комплексов соседних регионов.

⁵ Самая высокая точка Султануиздагских гор в правобережном Хорезме практически совпадает по высоте с Чолюнгр и Текеджиком и много ниже Балханских гор.

Глава пятая

Центральный и Восточный Казахстан

Центральный Казахстан

Территорию Центрального Казахстана в раннем железном веке населяли скотоводческие племена, от которых до нас дошли многочисленные курганные могильники, следы горных разработок меди, золота, олова и наскальные изображения. Обязательной принадлежностью могильников являются своеобразные монументальные сооружения — так называемые курганы с «усами», т. е. курганы с отходящими от них каменными грядами.

Первые сведения о курганах с «усами» относятся к концу 20-х — началу 30-х годов нашего века. В 1927 г. краевед Л. Ф. Семенов при обследовании археологических памятников Акмолинской обл. в урочище Сым-Тас обратил внимание на курган с отходящими от него в восточном направлении каменными грядами. Тремя годами позже он же обследовал подобный курган у с. Каратал [Семенов Л. Ф., 1930. С. 77—87]. Раскопки курганов с «усами» были начаты в 1930 г. экспедицией ГАИМК. В Шетском р-не Карагандинской обл. вскрыли один курган, оказавшийся пустым. В 1933 г. М. И. Артамонов, работавший в составе Нуринской экспедиции ГАИМК, на р. Шерубай-Нура в урочище Дандыбай раскопал еще один курган с «усами». Под насыпью были обнаружены следы разведения огня [Рыков П. С., 1935, С. 49]. В 1940 г. С. В. Киселев и Л. Ф. Семенов зафиксировали курганы с «усами» при обследовании могильника Бес-оба под Карагандой. Таковы немногочисленные сведения о погребальных сооружениях Центрального Казахстана периода раннего железа, которыми располагала созданная в 1946 г. Центральноказахстанская экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. С этого года экспедиция, возглавляемая А. Х. Маргуланом, начала планомерное исследование археологических памятников Центрального Казахстана, в том числе и курганных могильников периода раннего железа.

Материалы разведок и раскопок курганов с «усами» позволили А. Х. Маргулану прийти к выводу, что археологические памятники этого типа распространены преимущественно в Центральном Казахстане, на территории от «Чингизского хребта до р. Тобола» [Маргулан А. Х., 1950. С. 9]. Как и прежде, курганы с «усами» продолжали считать ритуальными, культовыми сооружениями [Маргулан А. Х., 1948. С. 122; 1951. С. 32]. Отсутствие вещевого материала делало невозможным определение времени их создания.

М. П. Грязнов в своей статье [1956б] в числе других материалов опубликовал неизвестные долгое время результаты раскопок курганов с «усами» геологом Б. Н. Жуковым. В 1930 г. тот исследовал два кургана с отходящими от них к востоку каменными грядами на берегу Большого Чебачьего озера в Шу-

чинском р-не Кокчетавской обл. Под насыпью северного кургана на древнем горизонте были обнаружены обломки глиняного сосуда и кости лошади. Под южным курганом находилось погребение женщины в грунтовой яме, перекрытой каменными плитами. На основании погребального инвентаря, в состав которого входило круглое бронзовое зеркало с высоким бортиком и петлевидной ручкой на оборотной стороне, М. П. Грязнов датировал погребение временем не позднее V в. до н. э. Он пришел к выводу, что памятники этого типа оставлены племенами с культурой скифского типа [Грязнов М. П., 1956б. С. 9, 10, 16. Рис. 1, 2; 2].

В 1957 г. в составе Центральноказахстанской экспедиции был организован отряд по изучению памятников времени раннего железа во главе с М. К. Кадырбаевым. В результате интенсивных работ в руках исследователей оказался большой материал, позволивший определить характер и особенности памятников периода раннего железа и культуры племен, населявших этот регион в то время (карта 5).

Наиболее ярко особенности погребального обряда и ряда категорий инвентаря проявились при раскопках курганных групп могильника Тасмола в Павлодарской обл. Это позволило М. К. Кадырбаеву выделить на территории Центрального Казахстана археологическую культуру, названную им тасмолинской. Ареал ее охватывает на западе район Улутаских гор и верховьев р. Ишим, на севере — южные районы Кокчетавской обл., до Щучинска и оз. Боровое, на востоке — зону плоских увалов и низкого мелкосопочника Павлодарской обл., до Чингизского хребта и его обрамлений. Южная граница доходит до северных районов Прибалхашья и Бетпак-Далы [Кадырбаев М. К., 1966. С. 303, 307]. Одним из характерных признаков тасмолинской культуры являются курганы с каменными грядами. Изредка они встречаются и за пределами указанной территории: в Алмаатинской и Джамбульской областях Казахской ССР, на Южном Урале и даже в Поволжье [Рыков П. С., 1936. С. 274]. В самом Центральном Казахстане выявлено более 30 могильников, включающих курганы с каменными грядами, и около 20 подобных сооружений, стоящих отдельно. Результаты исследований М. К. Кадырбаева отражены в ряде его работ [особенно: 1966]. Предлагаемый раздел написан на основе трудов М. К. Кадырбаева.

ТАСМОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА. Погребальный обряд. Время существования племен, оставивших в Центральном Казахстане памятники тасмолинской культуры, определяется комплексами погребального инвентаря. В них в качестве датирующих выступают категории предметов, хронология которых хорошо разработана на других территориях скифо-сакского мира. Среди предметов конского снаряжения это

удила и псалии, в вооружении — наконечники стрел, мечи и кинжалы. В ряде случаев датирующими оказались бронзовые зеркала и отдельные предметы звериного стиля. На основании анализа археологического материала М. К. Кадырбаев датировал тасмолинскую культуру VII—III вв. до н. э., выделив при этом два этапа ее развития.

К начальному, первому, этапу относятся погребения VII—VI вв. до н. э., наиболее полно представленные в могильниках Тасмола I, V, VI, Карамурун I, Нурманбет IV. Среди предметов вооружения для этого этапа характерны бронзовые двулопастные и трехлопастные черешковые наконечники стрел, а также бронзовые кинжалы особого типа с навершием в виде бруска или с грибовидной шляпкой и овальным перекрестьем. В конском снаряжении распространены удила со стремевидным окончанием внешних колец в сочетании с трехдырчатыми псалями, бронзовыми и роговыми.

Зеркала этого этапа большие дисковидные, с высоким бортиком и петлевидной ручкой на тыльной стороне. Для изобразительного искусства типичны полные или частичные изображения зверей в статичных позах.

Погребения второго этапа датируются V—III вв. до н. э. Нижнюю его дату определяют бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел с выступающей втулкой, а верхнюю — вытеснившие их в конце III в. до н. э. железные черешковые трехлопастные наконечники, найденные в комплексе с железным мечом, который имел навершие в виде выступающих рожков. Железо вытесняет бронзу и в конском снаряжении: удила этого этапа железные с кольчатыми окончаниями.

Зеркала V—IV вв. до н. э. небольшие с гладким диском и короткой рукояткой. В отдельных случаях они украшены изображениями животных в зверином стиле или снабжены петелькой на оборотной стороне. В прикладном искусстве усиливаются стилизация и схематизация образов животных, происходит дальнейшее развитие многофигурной композиции [Кадырбаев М. К., 1966. С. 311, 401, 402].

Погребальные сооружения и обряд на всем протяжении рассматриваемого времени (VII—III вв. до н. э.) сохраняют большую устойчивость. Могильники обычно небольшие — по 10—15 курганов, насыпи которых состоят из камня, земли или земли с камнем. Части одиночные курганы. Насыпи курганов, как правило, небольшие (диаметр 10 м, высота 0,2—1 м). Количество более крупных (диаметр до 20 м, высота 2 м) невелико. Под насыпью, по краю, выкладывалось кольцо из крупных камней. В каменных насыпях оно выделяется неотчетливо. Основание земляных и смешанных насыпей, как правило, опоясано рвом. Кроме обычных курганов, в могильниках находится один или несколько курганов с каменными грядами, с «усами». Наибольшая концентрация могильников, содержащих курганы с «усами», приходится на юго-восточные районы Карагандинской обл. Курганы с «усами» М. К. Кадырбаев рассматривал как сложный погребальный комплекс каменных сооружений, состоящий из трех элементов: «большого» кургана, «малого» кургана и отходящих от него к востоку двух полудуг каменных гряд [Кадырбаев М. К., 1966. С. 309]. «Большой» курган,

Карта 5. Памятники тасмолинской культуры. Распространение курганов с усам

1 — оз. Большое Чебачье; 2 — оз. Котуркуль; 3 — Маденият; 4 — пос. Зеренда; 5 — Кзылбиит; 6 — пос. Алексеевка; 7 — колхоз «26-летие Казахстана»; 8 — горы Ерейментау; 9 — Койсайган; 10 — р. Каратал; 11 — совхоз «Кокдомбак»; 12 — колхоз «Алгабас»; 13 — колхоз им. Карла Маркса; 14 — Сиезтобе; 15 — Коянды; 16 — Дандыбай; 17 — Бес-оба; 18 — северо-западное подножие Кентских гор; 19 — р. Кызылсу; 20 — совхоз «Нураталдинский»; 21 — Бугулы; 22 — Был-кылдак; 23 — Сыпра-оба и Егиз-Койтас; 24 — Былкылдак; 25 — Каргалы; 26 — р. Аксу-Аюлы; 27 — колхоз им. Тельмана; 28 — Бегазы; 29 — горы Кзыл-Арай; 30 — р. Джанишке; 31 — Канаттас; 32 — колхоз им. Чапаева; 33 — комплекс «37 воинов»; 34 — Толагай; 35 — Орезаир; 36 — р. Кенгир; 37 — Домбаул; 38 — Дарат; 39 — р. Аксай; 40 — р. Кииксу; 41 — в 20 км к юго-востоку от г. Джезказган; 42 — Дюйсен-Булак; 43 — Бесшатыр; 44 — р. Ащисай; 45 — пос. Отар; 46 — р. Коктал; 47 — Акишкур; 48 — Тасмола; 49 — Карамурун и Нурманбет; 50 — Ак-Булак; 51 — Ботакара; а — курганы; б — группы курганов

обычно самый крупный в могильнике, содержит захоронение человека в могильной яме, совершенное по обряду, ничем не отличающемуся от обряда погребения в обычных курганах. В «малом» кургане в классическом варианте на древнем горизонте, в центре, совершали захоронение коня, а в восточной части клали один, реже — два глиняных сосуда. Но обычно в «малом» кургане находят лишь отдельные кости коня (череп, ноги) и раздавленный сосуд или же только раздавленный сосуд. Под насыпями некоторых «малых» курганов обнаружены остатки кострищ.

Каменные гряды, длина которых достигает 200 м, а ширина — 1,5—2 м, часто ограничены по концам невысокими округлыми каменными насыпями, иногда со следами кострищ под ними. Раскопки камне-

ных гряд показали, что это не сплошные вымостки, а прерывистые ряды сложенных из камня обособленных сооружений, округлых или прямоугольных. В урочище Карабие прямоугольные звенья были ограничены врытыми в землю плитами, а пространство между ними забито камнем. В урочище Дандыбай каменная гряда состояла из примыкающих друг к другу 15 колец (диаметр 1,5—2 м) из положенных плашмя крупных камней. Вся площадь колец была забита камнями.

В размещении отдельных элементов комплекса кургана с каменными грядами М. К. Кадырбаев выделил четыре варианта (табл. 51, 5). В наиболее распространенном первом варианте «малый» курган располагался к востоку от «большого», иногда на значительном расстоянии. В комплексах, отнесенных ко второму варианту, «большой» и «малый» курганы расположены по оси север—юг. В этом случае курганы, как правило, одинаковы по размерам, и погребение человека совершенно в северном кургане (только в кургане у Большого Чебачьего озера — в южном). Третий вариант представлен комплексом кургана 1 могильника Карабие. В нем насыпь «малого» кургана, под которой лежал раздавленный сосуд, сооружена на вершине «большого». В кургане 19 могильника Тасмола I, отнесенном к четвертому варианту, функции обоих курганов выполнял один — «большой». Под его насыпью, в центре, в могильной яме, находилось погребение человека, а под восточной полкой на древнем горизонте лежали обломки двух сосудов. Встречаются и другие варианты. Так, в комплексе кургана 4 могильника Нурманбет IV раздавленный глиняный сосуд лежал под восточной полкой «большого» кургана, а «малый» курган оказался пустым. Разновидностью совмещения функций «большого» и «малого» курганов в одном является комплекс кургана 4 могильника Егиз-Койтас. «Малого» кургана здесь не было, и каменные гряды отходили от кургана с погребением подростка, около ног которого в могиле стоял глиняный сосуд. В комплексе кургана 5 того же могильника каменные гряды шли от расположенных по оси север—юг двух «малых» курганов с обломками сосудов под насыпями (одно — в северном и двух — в южном). Основным для этого комплекса М. К. Кадырбаев считает ограбленный с помощью широкой траншеи «большой» (диаметр 30 м) курган 6, расположенный на расстоянии 80 м от «малых» [Кадырбаев М. К., 1959. С. 186, 188, 189. Рис. 22]. Есть комплексы, где погребение человека отсутствует. Это курганы 48 и 55 могильника Ботакара. В кургане 48 гряды отходили от двух курганов, расположенных по оси север—юг, каждый из которых содержал захоронение коня на древнем горизонте и сосуда — в восточной части. Под насыпью кургана 55 лежали остатки черепа лошади и раздавленный сосуд. К востоку от него шли каменные гряды.

Относительно семантики каменных гряд пока нет единого мнения. Первые исследователи их, П. С. Рыков и И. В. Силицын, считали возведение каменных гряд одним из элементов погребального ритуала [Рыков П. С., 1936. С. 274; Силицын И. В., 1948. С. 158]. А. Х. Маргулан определял их как ритуальные или культовые сооружения [Маргулан А. Х., 1948. С. 122; 1951. С. 32]. М. К. Кадырбаев расши-

рил и уточнил это толкование. По его мнению, курганы («малые») вместе с открытыми на восток, к солнцу, каменными грядами «носят сугубо ритуальный характер и являются отражением культа, вероятнее всего солярного» [Кадырбаев М. К., 1966. С. 431, 432]. С. С. Сорокин придерживается другого взгляда на эти сооружения. Не соглашаясь с мнением М. К. Кадырбаева о одновременности захоронения человека в «большом» кургане и сооружения «малого» кургана с каменными грядами, он приходит к выводу, что комплекс с грядами связан не с порядком погребения, а с поминальными торжествами, которые могли происходить и значительно позже. При установлении семантики этих сооружений он придает большое значение структуре каменных гряд. Привлекая данные этнографии, С. С. Сорокин видит в отдельных составляющих ее звеньях «обозначение места старейших представителей семейных, родовых или иных общественных групп» на поминальных торжествах [Сорокин С. С., 1981. С. 24, 25].

Погребения в курганах тасмолинской культуры всегда одиночные. Совершены они в овальных грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами, поверх которых возводили насыпь. Размеры могильных ям колеблются от 1,5×0,8 до 2,5×1,3 м при глубине 0,7—2 м. Большой длиной ям (до 3,5 м) отличается группа могил VII—VI вв. до н. э. в могильниках Тасмола I, V, VI. В кургане 1 могильника Нурманбет IV низ стен погребальной камеры облицован каменными плитами (табл. 51, 12). Захоронения в могилах других типов единичны. Это большая прямоугольная яма и два подбойных погребения (табл. 51, 1, 9) [Кадырбаев М. К., 1959. С. 179].

Положение погребенных вытянутое на спине, головой на север или северо-запад. В том же направлении ориентированы продольными осями и могильные ямы. Камышовая подстилка под погребенным зафиксирована только в кургане 19 могильника Тасмола I. В трех курганах головы покойников лежали на каменных плитах.

От одежды в мужских погребениях сохранились бронзовые наборные пояса и поясные пряжки, в том числе выполненные в зверином стиле. Украшением одежды в богатых мужских и женских погребениях служили оттиснутые из золота фигурки кошачьих хищников и бусы. В женских погребениях бусы встречаются и в виде ожерелий. В одной могиле по обеим сторонам черепа лежало по золотой проволочной серьге с изумрудной бусиной (курган у Большого Чебачьего озера). В нескольких женских погребениях в области черепа найдены костяные шпильки. Одна костяная проколка обнаружена в носовой перегородке черепа.

Наиболее распространенными предметами погребального инвентаря, независимо от пола погребенного, являются ножи и оселки. Оселки, обычно вместе с ножом, всегда лежат слева от скелета, у пояса. Ножи иногда находят справа у пояса. Для мужских погребений характерны предметы вооружения, обычно наконечники стрел. В могилу клали колчан со стрелами или несколько стрел, всегда слева от покойника, остриями в сторону ног. Находки других предметов вооружения единичны. Это кинжалы, которые лежат справа у пояса.

В могилы женщин клали зеркала и каменные жерт-

венники. Зеркала находят справа от скелета, в области тазовых или локтевых костей. Вместе с ними в двух погребениях обнаружены застежки. Жертвенники стоят чаще всего слева, около головы или верхней половины туловища. В мужских погребениях каменные алтарики встречены только в двух случаях.

В погребальном ритуале курганных могильников северо-восточных районов Центрального Казахстана (Тасмола I, V, VI) в VII—VI вв. до н. э. существовал обычай класть в ноги покойника отрезанные и завернутые в лошадиную шкуру взнузданные конские головы и головы баранов, а также лопатки этих животных. Этот элемент обряда особенно четко выражен в одном из курганов. В южной части могилы, в ногах погребенного, мордами на юг лежали два лошадиных черепа, а между ними — пять черепов баранов. Вместе с ними найдены и лопатки. Черепа перекрывал лежавший поперек могилы скелет барана (табл. 51, 7).

В северном и северо-восточном районах распространения памятников тасмолинской культуры известны курганные могильники, оставленные, очевидно, другой, но близкородственной этнической группой. От тасмолинских погребений их отличает главным образом погребальный обряд. В могильнике Айдабуль II (Кокчетавская обл.) раскопано три кургана с каменными насыпями, обнесенными каменными кольцами [Акишев К. А., 1959б. С. 19—21]. В могильнике Жол-Кудук (Павлодарская обл.) раскопано восемь курганов с земляными насыпями из 19 [Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959. С. 39—42, 45]. Обряд и инвентарь могильников очень близки. Погребения совершали или в подбое, сделанном в северной стене входной ямы и отгороженном от нее каменными илитами, или в овальных грунтовых ямах. В могильнике Жол-Кудук в подбоях хоронили женщин, а мужчин — в грунтовых ямах. Деревянное перекрытие одной такой могилы было сожжено. В могильнике Айдабуль II мужское, и женское погребения совершены в подбое. Положение погребенных везде вытянутое на спине, ориентировка западная.

По составу инвентаря и его месту в могиле эти памятники в основном совпадают с погребениями тасмолинской культуры. Отличается главным образом инвентарь рядовых мужских погребений в могильнике Жол-Кудук. Около плеча погребенного клали только часть тушки барана, а на нее — короткий железный нож. В мужском погребении кургана 1 могильника Айдабуль II справа у пояса лежал железный кинжал, слева — оселок, еще левее — пять бронзовых наконечников стрел остриями к ногам (табл. 51, 8).

Инвентарь женских погребений обоих могильников составляли зеркала и жертвенники. Место их в могилах то же, что и в тасмолинских захоронениях. Встречены и украшения: бусы, височные кольца.

Первоначально могильники датировались V—IV вв. до н. э. [Акишев К. А., 1959б. С. 21]. Впоследствии на основании анализа наконечников стрел могильник Айдабуль II был передатирован и отнесен к рубежу VI—V вв. до н. э. [Акишев К. А., 1963. С. 120]. М. К. Кадырбаев продолжал придерживаться первоначальной датировки этого памятника [Кадырбаев М. К., 1966. С. 380].

Большой вещевой материал, полученный при раскопках могильников Центрального Казахстана, особенно Тасмолы, дает представление о хозяйстве и культуре скотоводческих племен, обитавших здесь в период раннего железа. При своеобразии погребального обряда этот материал обнаруживает значительное сходство с инвентарем погребений культур сакского круга.

Вооружение и конское снаряжение. Наиболее распространенным видом вооружения скотоводов Центрального Казахстана был лук со стрелами. Остатки луков не найдены, хотя, вероятно, их клали в могилы. Сохранились лишь наконечники стрел, в отдельных погребениях — с древками. Иногда они лежали в колчанах из кожи или бересты, чаще же — в виде небольшого пучка. Количество стрел в могилах невелико, обычно несколько экземпляров. Исключение составляет лишь колчан из погребения в кургане 5ж могильника Карамурун I (табл. 51, 9). На дне могилы, слева от погребенного в ней мужчины, лежали остатки колчана со стрелами. От колчана, сделанного из лошадиной шкуры, сохранились нижняя расширенная часть, выструганная из березы, прямоугольная изогнутая накладку с пазом и бронзовая ребристая ворворка, по-видимому застежка. Длина колчана со стрелами 65 см. В нем тремя рядами лежало 46 наконечников стрел, у 30 сохранились древки длиной 60 см. Древки выструганы из местной березы, на некоторых из них прослеживается техника насадки наконечников. Для насадки втульчатых наконечников конец древка заострялся в виде конуса. Для прикрепления черешковых конец древка расщепляли, в расщеп вставляли черешок стрелы и затем конец туго обматывали тонким сухожилием. На концах древков некоторых стрел сохранились пазы от оперения и следы окольцовки двумя-тремя полосками красной охры, расположенными ниже пазов [Кадырбаев М. К., 1966. С. 337—339. Рис. 34]. Из этих наконечников 42 были бронзовыми (22 втульчатых, 20 черешковых), три — костяными и один — деревянным. Втульчатые бронзовые наконечники стрел представлены тремя типами (табл. 52, 51—53). Наиболее многочисленны наконечники первого типа — с листовидной головкой и шипом на выступающей втулке. Ко второму принадлежат наконечники с ассимметрично ромбовидной головкой и доходящей до острия выступающей втулкой. Третий тип — ромбовидные наконечники ромбического сечения с внутренней втулкой — представлен одним экземпляром. Черешковые наконечники распределяются также по трем типам (табл. 52, 54—58). К первому относятся трехлопастные со сводчатой или треугольной головкой, у которой лопасти доходят почти до острия. Наиболее многочисленны наконечники второго типа — со сводчатой головкой и овальной выемкой в ее основании. У них трехгранное острие переходит в образованные выемками лопасти. У наконечников третьего типа выемки зубчатые (табл. 52, 54—58). Один черешковый наконечник — двулопастный с головкой ромбического сечения.

Для восточных районов Евразии, в частности Казахстана, в раннескифское время характерны колчаны, содержавшие одновременно двулопастные втульчатые и трехлопастные черешковые наконечники стрел. Ярким примером служит рассмотренный

комплекс, хорошо датируемый VII—VI вв. до н. э. Своими корнями эта особенность уходит в период поздней бронзы, когда на территории Центрального и Восточного Казахстана одновременно бытовали двулопастные наконечники с шипом на втулке и трехлопастные черешковые [Акишев К. А., 1963. С. 118]. Тем же временем датируются комплексы наконечников из могильников Нурманбет I (курган 1; табл. 52, 44—46), Нурманбет IV (курган 1; табл. 52, 41—43), Тасмола V (курган 3; табл. 52, 50) и Ак-Булак I (курган 1; табл. 52, 47—49).

Анализируя форму наконечников стрел из других погребений, М. К. Кадырбаев пришел к выводу, что во второй половине VI в. до н. э. в Центральном Казахстане появляются трехлопастные втульчатые наконечники, которыми в V в. до н. э. были сменены две ранние группы втульчатых и черешковых наконечников. При этом он допускал, что черешковые наконечники применялись до начала IV в. до н. э. Основываясь на этой схеме, все комплексы, кроме перечисленных выше, М. К. Кадырбаев относил к V — началу IV в. до н. э. [Кадырбаев М. К., 1966. С. 380. Рис. 66]. Против такой датировки наконечников стрел из могильников Кииксу и Канаттас (курганы 5 и 16) возражал К. А. Акишев. Он датировал эти курганы VI в. до н. э. [Акишев К. А., 1963. С. 119], в чем его поддержала И. Н. Медведская. Исследуя взаимовстречаемость втульчатых и черешковых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел в археологических памятниках Средней Азии и Казахстана, она пришла к выводу, что втульчатые наконечники сосуществовали с черешковыми непродолжительное время, главным образом в VI в. до н. э. Хотя как исключение черешковые бронзовые наконечники встречаются и в V в. до н. э. [Медведская И. Н., 1972. С. 82, 83]. Но если наконечники из кургана Кииксу действительно правомернее датировать VI в. до н. э., то стрелы в кургане Канаттас все же должны быть отнесены к V в. до н. э. По всей вероятности, V в. до н. э. датируются и все остальные комплексы бронзовых наконечников стрел, обнаруженных в тасмолинских курганах.

К концу второго этапа тасмолинской культуры (V—III вв. до н. э.) относится комплекс стрел из кургана 1 могильника Карамурун II (табл. 52, 3—12), состоящий из черешковых трехлопастных и четырехгранных костяных наконечников.

Другим видом вооружения, значительно менее распространенным, были кинжалы. Для первого этапа известен лишь один кинжал (длина 32 см), который был подвешен в ножнах к бронзовому наборному поясу (табл. 51, 12). Форма его довольно своеобразна. Клинок обоюдоострый с рельефным валиком в центре, образованным двумя желобками. Рукоять массивная с волнистыми краями и грибовидным навершием, перекрестье широкое овальное. Рукоятка с навершием и перекрестье украшены рельефным орнаментом в виде стилизованных птичьих головок в сочетании с волнообразными линиями. В Центральном Казахстане аналогичные кинжалы известны и по случайным находкам (Павлодар, Кокчетав), а на Алтае — по материалам из кургана у Змеиногорска [Грязнов М. П., 1956б. С. 12. Рис. 3, 1, 2, 4].

В погребениях второго этапа тасмолинской куль-

туры из оружия этого вида обнаружены лишь обломки рукоятки железного меча с серповидным навершием (табл. 52, 2). В близком тасмолинской культуре могильнике Айдабуль II найден почти целый железный кинжал с рожковидным навершием и бабочковидным перекрестьем (сохранившаяся длина 35 см). Широкая плоская рукоятка кинжала обрамлена валиками. Навершие в месте его присоединения к рукоятке перехвачено бронзовой обоймой (табл. 52, 1) [Акишев К. А., 1959. С. 20].

Согласно канонам тасмолинского погребального обряда VII—VI вв. до н. э., в могилы клали взнузданные головы лошадей. Получена небольшая, но выразительная коллекция предметов конского снаряжения. В нее входят удила, псалии, многочисленные пронизи и бляшки оголовья и уздечки, подпружные пряжки.

Из погребений и случайных находок Центрального Казахстана известно 13 удил. Все они бронзовые литые двусоставные. За исключением одних удил, имевших кольчатые окончания, все остальные представляют различные варианты удил со стремевидным окончанием внешних колец. Выделяются четыре типа: I — со стремевидным окончанием и дополнительным отверстием (4 экз.); II — со стремевидным окончанием (6 экз.); III — со стремевидным окончанием и упором в верхней части «стремечка» (2 экз.); IV — кольчатые [Кадырбаев М. К., 1966. С. 383, 384]. Удила типа I были распространены в VII—VI вв. до н. э. в Южной Сибири, Туве, Приаралье, отдельные экземпляры найдены на Памире. Удила типа II характерны для всех скифо-сакских культур. Удила типа III специфичны для Казахстана, где, кроме Центрального Казахстана, найдены в ранне-сакских могильниках Приаралья. За пределами Казахстана подобные удила встречены только на Иссык-Куле [Бернштам А. Н., 1950. Табл. XCV, 37]. Не ранее второй половины VI в. до н. э. вместе с изменением конструкции узды на всей территории распространения скифо-сакских культур удила ранних типов были сменены кольчатыми. Совместная находка кольчатых удил с удилами типов I и II в могильнике Тасмола V фиксирует тот же процесс на территории Центрального Казахстана (табл. 52, 62, 63, 74—76).

Из раскопок и по случайным находкам в Центральном Казахстане известны псалии пяти типов: I — трехдырчатые роговые и костяные (табл. 52, 59); II — двудырчато-крючковидные бронзовые; III — трехдырчатые бронзовые с центральным отверстием, расположенным в плоскости перпендикулярной боковым (табл. 52, 82); IV — трехпетельчатые бронзовые; V — железные с золотой инкрустацией [Грязнов М. П., 1956б. С. 12, 13. Рис. 3, 9—11; Кадырбаев М. К., 1966. С. 385]. Псалии типов I, III и V найдены в пяти погребениях могильника Тасмола в составе узды шести лошадей. Три псалия типа I обнаружены в сочетании с удилами типов I и II. Такое сочетание наиболее распространено. Этот же способ соединения удил и псалиев применен в узде, в состав которой входили удила типа I и железные псалии, реконструируемые скорее всего как трехдырчатые (Тасмола I, курган 6). Своеобразна конструкция еще одной узды, в которой псалии типа III центральным отверстием надеты на стремевидное окончание удил. Благодаря этому они скреплялись с рем-

нями оголовья ремнем, разрезанным надвое, а не натрое, как обычно (табл. 52, 82). Единственной аналогией этому типу может служить узда из погребений могильников Тагискен и Уйгарак в Приаралье, где этот тип был одним из ведущих [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. С. 161. Рис. 8, 3, 4; Вишневская О. А., 1973. Табл. XXVI, 9—11].

В кургане 3 могильника Тасмола V удила типа III найдены вместе с железными, сильно корродированными псалиями с золотой инкрустацией в виде волнообразных линий по краям и зигзага в центральной части. Псалии фрагментированы, и точная форма их не восстанавливается. Однако сохранившийся на одном конце удила железный фрагмент указывает на то, что соединение псалиев с удилами было таким же, как в упомянутой узде (табл. 52, 82) [Кадырбаев М. К., 1966. С. 386]. В двух погребениях с непо тревоженным инвентарем (Тасмола V, курганы 2 и 3) у двух конских черепов псалии отсутствовали. Очевидно, здесь применялся способ крепления удила непосредственно к ремням оголовья [Кадырбаев М. К., 1968. С. 29, 31. Рис. 2, 4].

В местах перекрещивания ремней оголовья помещались обоймы с плоским, выпуклым или фигурным щитком и четырьмя боковыми прорезами (табл. 52, 69, 71, 79, 81, 91, 92). Для скрепления ремней оголовья и его украшения служили бляшки и подвески. На обороте бляшек для крепления их на ремне помещен невысокий стержень, заканчивающийся кольцом или дисковидным щитком (табл. 52, 72, 80, 87—89). Такое крепление бляшек характерно для Казахстана и Алтая. Ворворки, служившие для закрепления узлов на конце ремня, найдены только в одном погребении (Тасмола V, курган 3). Одна из них вогнутоконическая, другая пирамидальная, остальные две — с ребристой поверхностью (табл. 52, 66—68, 70).

Кроме предметов, относящихся к узде, в погребениях найдены парные пряжки, которые принято считать подпружными. Они круглые или овальные, обычно желобчатые, с прямоугольной или трапециевидной рамкой для крепления ремня. На внешней стороне одной из них помещен крючок, завершающийся круглой шляпкой, или «копытцем» (табл. 52, 64, 65, 83, 85). Такие пряжки известны на всей территории распространения культур скифского типа, но чаще встречаются в Казахстане, на Алтае и в Южной Сибири.

Наиболее полный набор снаряжения верховой лошади найден в женском погребении кургана 19 могильника Тасмола I (табл. 51, 1; 52, 78—93). В зубах конского черепа, лежавшего слева от костяка, были зажаты удила с надетыми на них псалиями, украшенными с внешней стороны рядами желобков. В местах пересечения суголовного и намордного ремней с обеих сторон черепа лежали пронизи с рельефным спиралевидным орнаментом на щитке. Такие же пронизи найдены по обеим сторонам черепа лошади в местах пересечения суголовного и налобного ремней. Справа от черепа были остатки чумбура с нанизанными на него бочонковидными пронизями и бляшками, одна из которых отлита в виде головы лося. Поблизости находились подпружные пряжки, пуговицевидные пронизи и бляшка листовидной формы с петлей на обороте и прорезью на щитке. Бронзовые из-

делия тех же форм найдены в разных частях могилы. На правой тазовой кости скелета лежало зеркало, а слева у пояса — оселок, и на нем — небольшой железный нож (табл. 53, 18, 28).

Богатый набор конских уздечек, скульптурные фигурки горных козлов и массивные прорезные бронзовые колокольчики найдены в кургане 2 могильника Тасмола V, где в ногах погребенного было положено семь конских голов (табл. 52, 36—40, 59, 71—76).

Керамика. При раскопках получена довольно значительная серия глиняной посуды (табл. 53, 1). Все сосуды, за небольшим исключением, найдены под насыпями «малых» курганов комплекса курганов с каменными грядами. Изготовлены они из грубого слоистого теста с большим количеством отощителей — толченого гранита, кварцевого песка и слюды. Сосуды лепные, небрежно сформованные методом ленточной налепки, о чем свидетельствуют заметные на внутренней стороне линии стыковки лент и асимметричность формы, характерная для такой техники. Обжиг сосудов неравномерный, плохого качества.

Форма сосудов разнообразна. Они имеют прямые или чуть отогнутые наружу венчики и короткие шейки, плавно переходящие в округлые плечики и тулово, дно всегда плоское. Наибольший диаметр тулова приходится на его середину или верхнюю треть. У сосудов вытянутых пропорций диаметр дна часто равен диаметру горла, а иногда и больше его. У них же на внутренней стороне горла в ряде случаев помещен небольшой валик. Высота сосудов колеблется от 20 до 40 см. Такая громоздкая и хрупкая посуда была неудобна для употребления в быту кочевников. Ее изготавливали скорее всего специально для погребений.

Орудия труда. В инвентаре погребений больше всего ножей, широко применявшихся в быту. Их носили в ножнах, подвешенных к поясу, обычно слева. Сохранились остатки ножен в виде деревянной основы, обмотанной в одном случае ремнем, а в другом — полоской бересты (табл. 53, 9). В одном из погребений от ножен осталась только ременная обмотка.

Все тасмолинские ножи относятся к формам без выделенной рукоятки и различаются оформлением ее конца. По этому признаку выделено два типа: I — с кольцом на рукоятке; II — с закругленным верхним концом рукоятки. Длина ножей не превышает 23 см, спинка у них прямая или слабоизогнутая. В погребениях первого этапа ножи преимущественно бронзовые, встречаются они и в ранних погребениях второго этапа. Железные ножи, повторяющие формы бронзовых, характерны для второго этапа, но появляются они еще в погребениях VII—VI вв. до н. э. Наибольшее число ножей с кольцом на рукоятке происходит из погребений Центрального Казахстана. В остальных районах Казахстана находки их единичны. В качестве ближайших аналогий можно назвать нож из комплекса вещей VII—VI вв. до н. э., найденных у с. Чистый Яр в Восточном Казахстане [Арсланова Ф. X., 1972а. Рис. 1, 22] и из кургана того же времени могильника Уйгарак [Вишневская О. А., 1973. Табл. XXI, 11]. Круг аналогий для ножей типа II значительно шире. Они распространены в скифское время на Алтае, Памире, в Семиречье и восточном Приаралье.

Оселки, служившие для заточки ножей и предметов вооружения, сделаны из песчаника и песчаникового сланца. Все они, за исключением одного, относятся к типу плоских с параллельными или слегка расширяющимися книзу гранями и скругленными концами. Около верхнего края просверлено обычно двусторонним сверлением круглое отверстие для подвешивания оселка к поясу (табл. 53, 10, 11, 19, 21). Оселки этого типа известны во всех скифо-сакских культурах. Единственной аналогией редкому по форме оселку из могильника Тасмола I (табл. 53, 20) служит оселок из могильника Уйгарак [Вишневская О. А., 1973. Табл. XXI, 14].

Предметы туалета, одежда, украшения. Все известные в Центральном Казахстане зеркала найдены в женских погребениях. Их подвешивали к поясу на ремне или в мешочке. Из погребений первого этапа тасмолинской культуры известно два зеркала. Оба экземпляра относятся к типу крупных дисковидных с вертикальным бортиком и петлевидной ручкой на обороте. Тыльная сторона тасмолинского зеркала (диаметр 19 см) украшена замкнутой цепью полуovalных швов (табл. 53, 28). Зеркало из кургана у Большого Чебачьего озера меньше (диаметр 15 см). Вместе с ним найдена аргиллитовая застежка [Грязнов М. П., 1956б. Рис. 2, 2, 4]. Многочисленные аналогии зеркалам этого типа есть на востоке и западе скифского мира. Наиболее близки зеркала из памятников майэмурского этапа Алтая [Грязнов М. П., 1947. Рис. 4, 10—12] и из сакских могильников восточного Приаралья [Вишневская О. А., 1973. Табл. II, 9; IV, 6; XV, 14; XVI, 13].

В V в. до н. э. размеры дисковидных зеркал уменьшаются, исчезает бортик. Дисковидные зеркала с петелькой найдены в погребениях могильников Айдабуль II (табл. 53, 4) и Жол-Кудук. В V—IV вв. до н. э. такие зеркала были распространены преимущественно в Сибири.

Ко второму этапу тасмолинской культуры относится небольшое зеркало с плоским диском и короткой прямоугольной ручкой, завершающейся геральдическим изображением козлиных голов. На обороте ручки помещена петелька (табл. 53, 13). Вместе с зеркалом найдена бляшка со шпеньком на обороте. Щиток бляшки повторяет изображение на ручке. Зеркало своеобразно, но в какой-то мере сопоставимо с тагарскими зеркалами типа II [Членова И. Л., 1967. Табл. 24, 28, 29].

В погребении могильника Жол-Кудук найдено зеркало с небольшим прямоугольным выступом-ручкой, имевшей небольшое круглое отверстие для подвешивания (табл. 53, 3). Такие зеркала не типичны для Центрального Казахстана.

В нескольких женских погребениях обоих этапов найдены костяные шпильки, в том числе две (V—III вв. до н. э.) — с фигурными навершиями (табл. 53, 5, 6). Навершие одной из шпилек вырезано в виде сильно стилизованной головы хищной птицы, гравированные линии на ее щитке заполнены охрой. Вероятно, шпильками закалывали волосы.

Одежда погребенных не сохранилась. Но большой интерес представляют бронзовые наборные пояса, найденные в некоторых мужских погребениях. Два из них (Нурманбет IV, курганы 1 и 3) относятся к концу первого этапа. Пояс из кургана 1 (табл. 53,

14) состоит из десяти массивных обойм прямоугольной формы. Пять из них на широкой тыльной стороне имели петли, в одной из которых сохранился кусок тонкого ремешка. На месте пряжки лежала самая крупная обойма с петлей. На поясе справа висели кинжал и нож (табл. 52, 77; 53, 16). Пояс из кургана 3 (табл. 53, 15) меньше и более тонкой работы. Его прямоугольные обоймы украшены тремя поперечными углубленными полосами с тремя полукруглыми выступами на каждой полосе. Всего обойм десять, большая часть плохой сохранности. Вместе с поясным набором найдены обломок прямоугольной бронзовой планки и пуговицевидная бляшка с уплощенным кольцом на невысокой стойке.

Ко второму этапу тасмолинской культуры относится пояс из кургана 1 могильника Тасмола II (табл. 53, 2). Он состоит из фигурных обойм в виде римской цифры X с кружком посередине. В центральной части пояса находился бронзовый стержень, очевидно подвеска, копец которой сделан в виде звена стрелевидных удил.

Аналогии ранним поясам неизвестны. Фигурные обоймы третьего пояса очень близки предметам того же назначения из кургана V—IV вв. до н. э. у с. Вавилонка [Киселев С. В., 1951. Табл. XXIX, 7].

Из погребений VII—VI вв. до н. э. к предметам, скреплявшим или украшавшим одежду, следует отнести застежку из рога марала (табл. 54, 8), костяные ажурные накладки, фигурные ворворки (табл. 53, 24—27), золотые нашивные бляшки с барельефными фигурками кошачьих хищников (табл. 54, 3—6). Большой интерес представляет и более поздняя (V—III вв. до н. э.) бронзовая пряжка со стеной терзания хищником верблюда (табл. 54, 1).

Находки бус в составе непотревоженных ожерелий единичны. Одно из ожерелий обнаружено в женском погребении VII—VI вв. до н. э. (Большое Чебачье озеро). В состав его входили крупная бирюзовая бусина, белые аргиллитовые и одна из красного камня. Единственные для этого времени серьги — из золотой проволоки с надетой на нее изумрудной бусиной — найдены в том же погребении [Грязнов М. П., 1956б. Рис. 2, 1, 3].

Для V—IV вв. до н. э. непотревоженные ожерелья известны только в могильнике Жол-Кудук. Одно из них насчитывало 200 пастовых бусин, другое — 14, сделанных из пасты и зеленой стеклянной массы [Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959. С. 40].

Коллекция бус из погребений тасмолинской культуры насчитывает более 200 бусин (сюда не включены бусы из могильника Жол-Кудук). Подавляющее большинство их происходит из кургана 6 Тасмола V [Кадырбаев М. К., 1966. С. 424. Рис. 69]. Основная масса бус сделана из стекловидной пасты с добавлением окиси меди и охристого состава (материал определен сотрудником Института геологии АН Казахской ССР петрографом Т. Б. Кравченко). Форма бусин преимущественно биконическая и шаровидная с сильно усеченными торцовыми поверхностями. Встречаются бусы цилиндрические и шаровидные. Наиболее крупные бусины сделаны из стенок крупных морских раковин, они плоские эллипсоидные. Каменные бусы представлены бирюзовыми голубого и голубовато-зеленого цвета и сердоликовыми. Основная масса бирюзовых бус — мелкий бисер, крупных цилиндри-

ческих мало. Сердоликовых бус 30. Все они, кроме двух цилиндрических, шаровидной формы. Малый диаметр отверстий (1 мм), ровные и длинные стенки каналов указывают на то, что сверление производилось штифтовым стержнем или закрепленным в трубке алмазным осколком. Поверхность сердоликовых бус орнаментирована геометрическим рисунком, выполненным белой линией. Рисунок на гладкую поверхность бусины наносили концентрированным содовым раствором с последующим обжигом. Этот метод был широко распространен в Индии, куда и уводят аналогии тасмолинским бусам. Сердоликовые бусы с содовым орнаментом датируются VII—VI вв. до н. э.

К находкам неясного назначения относятся небольшие цилиндрические предметы из трубчатой кости, найденные в инвентаре двух мужских погребений первого и второго этапов. С одного конца они закупорены деревянной пробочкой (табл. 53, 12, 23). Один из предметов сделан в форме цилиндра, немного расширенного внизу. Внутренняя его поверхность отполирована и окрашена в голубой цвет, внешняя гофрирована круговой горизонтальной резьбой.

Предметы культа. Кроме бытового инвентаря, почти во всех женских и двух мужских погребениях северо-восточных районов Центрального Казахстана встречены каменные жертвенники. Они вытесаны из песчаника, часто с прожилками и разводами. Все жертвенники овальные с округлыми или, значительно реже, вертикальными бортиками, высота которых зависит от степени углубления центральной части. Округлые бортики плавно переходят в дно. У жертвенников с вертикальными бортиками дно плоское. Таков жертвенник из кургана 2 могильника Тасмола V (табл. 54, 16). Его стенки снаружи украшены рельефными валиками. Такими же валиками по бокам и дну орнаментирован еще один жертвенник (табл. 54, 17). Жертвенники невелики: длина самого маленького 10 см, ширина — 6 см, длина самого крупного 25 см, ширина — 10—15 см. Овальные жертвенники без ножек типичны для сакских культур Казахстана, в савроматских памятниках они единичны. Единственный тасмолинский жертвенник на ножках найден в могильнике Даныбай (табл. 54, 19). Это овальное блюдо на четырех ножках круглого сечения. Ближайшая аналогия ему — жертвенник VI в. до н. э. из могильника Уйгарак [Вишневская О. А., 1973. Табл. IV, 1].

Искусство. Прикладное искусство Центрального Казахстана нашло свое выражение в зооморфных изображениях на предметах конской сбруи и принадлежностях туалета. Изображения животных и птиц выполнены в зверином стиле, характерном для скифо-сако-сибирских культур. Об этом свидетельствуют изобразительные приемы, позы и круг изображаемых животных — кошачий хищник, копытные, хищная птица. Материалом для изображений служили бронза, золото, рог и кость.

Ранняя группа предметов звериного стиля тасмолинской культуры относится к VII—VI вв. до н. э. В нее входят скульптурные фигурки горных козлов, барельефные изображения кабанов, головка лося, фигурки кошачьих хищников и др. Все они настолько индивидуальны, что требуют отдельного описания.

В Центральном Казахстане встречены четыре бронзовые скульптурные фигуры горных козлов. Две из них, отлитые в одной форме, найдены в составе конского снаряжения из кургана 2 могильника Тасмола V (табл. 52, 36; 54, 11). Козлы изображены стоящими с опущенной головой, рога закинута и касаются туловища за лопатками, ноги сгруппированы на двуколычатом основании. Остальные фигурки — случайные находки (Каракалинск, оз. Боровое). По мнению исследователей, все они местного производства и стилистически близки тагарским бронзовым скульптурам [Грязнов М. П., 1956б. Рис. 4, 1, 5; Кадырбаев М. К., 1966. С. 395].

Бронзовая подвеска в одном из уздечных наборов (Тасмола I) отлита в виде уплощенной головы лося (табл. 54, 9).

У скульптурки характерный нос с горбинкой, нависающий надо лбом отросток рога и круглый глаз с обведенным зрачком. Под ухом сделано отверстие для подвешивания.

Исключительный интерес представляет застежка из рога марала (Тасмола V, курган 3), вырезанная в виде сильно стилизованной головы хищной птицы (табл. 54, 8). На лицевой стороне застежки выгравирована многофигурная композиция, центральное место в которой занимает мчащийся кабан. Особенность композиции заключается в стремлении мастера заполнить фигурками всю плоскость, располагая их так, чтобы линия, ограничивающая одно изображение, являлась одновременно и началом другого. Кроме кабана, на пряжке изображены головы трех козлов, волка и, очевидно, оленя. Каждое изображение в отдельности реалистично, но вся композиция расшифровке не поддается. Сходный композиционный прием использован при создании многофигурного изображения на роговом гребне VII—VI вв. до н. э. из могильника Хемчик-Бом III в Туве. Композиция близка тасмолинской и по стилистической трактовке отдельных фигур [Грач А. Д., 1980. С. 78. Рис. 110, 1].

Не менее выразительна среди предметов тасмолинского звериного стиля пронизь из рога марала в виде свернувшегося кабана (Нурманбет II, курган 3; табл. 54, 10). Обращает на себя внимание реалистически выполненная крупная голова зверя в сочетании с небольшим, сильно изогнутым туловищем и поджатой к нижней челюсти левой задней ногой. В диспропорции между головой и туловищем видно стремление мастера подчеркнуть в животном главное — могучую голову с клыками. Выделение в ущерб другим характернейших частей животного или птицы — одна из особенностей скифо-сакского звериного стиля.

Кошачьи хищники представлены четырьмя золотыми тисненными фигурками. Одна из них служила налобником конского оголовья и имела на обороте петельки (Тасмола V, курган 3; табл. 54, 4), остальные были украшениями одежды (Тасмола V, курганы 4 и 6; табл. 54, 3, 5, 6). Хищники, по-видимому тигры, изображены стоящими с повернутой вправо головой. На фигурках четко проработаны глаза в виде двойных колец, когти и длинный хвост, загнутый на конце в спираль. У трех фигурок заметна некоторая небрежность в изготовлении. Очень близки тасмолинским фигуркам золотые бляшки из могильника

Тагискен [Толстов С. П., Итина М. А., 1966. Рис. 17, 3].

Мотив хищной птицы мало распространен в искусстве Центрального Казахстана. Особый интерес вызывает бронзовая ажурная поясная накладка (Нурманбет I, курган 2; табл. 54, 7). В центре ее помещена рельефная стилизованная фигурка птицы с закинутой назад головой на длинной шее. Клюв касается спины, круглый глаз с отверстием посередине выступает за пределы головы. По бокам накладки помещены парные птичьи головы, выполненные в той же манере.

Предметов звериного стиля, относящихся к V—III вв. до н. э., очень немного. Один из них — навершие костяной шпильки (Карамурун I, курган 4), представляющее собой сильно стилизованную голову хищной птицы, от которой оставлены только круглый глаз и загнутый клюв. На плоской стороне навершия врезной точкой обозначен зрачок, обведенный двумя также врезными линиями, которые продолжают на клюве (табл. 53, 6).

Очень интересны составлявшие гарнитур ручка зеркала и бляшка (Карамурун I, курган 10), на которых помещены повернутые в противоположные стороны головы двух козлов (табл. 53, 13, 13а). К сожалению, изображения нечеткие из-за плохого качества литья и стертости от употребления. Наибольшую рельефность сохранили закрученные книзу рога и одна из голов. Узкие морды животных с острыми ушами опущены вниз, глаз заметен только на одной из голов бляшки. Особого внимания заслуживает прямоугольная пряжка со скругленными углами (9 × 4 см) и двумя круглыми отверстиями для крепления на ремне (противоположная сторона обломана). На пряжке изображена сцена борьбы кошачьего хищника и верблюда (табл. 54, 1). Хищник, очевидно, напал первым и схватил верблюда за передний горб, верблюд в свою очередь держит хищника за заднюю лапу. Прямых аналогий этой пряжке или бляхе нет. Наиболее близки к ней в композиционном отношении некоторые бляхи из Сибирской коллекции Петра I. Объединяет их и одна стилистическая деталь. У всех верблюдов Сибирской коллекции четко выражены подшейные гривки. На карамурунской пряжке эта деталь подчеркнута насечками, сделанными после отливки.

Особую категорию в изобразительном искусстве племен Центрального Казахстана периода раннего железа составляют петроглифы. Наскальные изображения открыты в окрестностях Улутауских гор, в горах Калымак-Крылган, на правом берегу р. Сарысу, в горах Абралы, Шунак, Дегелен, в верховье Нуры и среднем течении Оленты, в Баянаульских горах, Прибалхашье и других районах северной Бетпак-Далы.

Большинство изображений выбито на гладких каменных обнажениях. Это разнообразные фигуры людей, домашних и диких животных. Иногда они образуют композиционно сложные сцены охоты, боя лучников, караваны верблюдов и т. д. [История Казахской ССР. Т. 1. С. 241; Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н., 1977].

Хозяйство. Основой хозяйственной деятельности населения обширных евразийских пространств в скифо-сакское время становится скотоводство в раз-

личных формах. Степи Центрального Казахстана в сочетании с пересеченным рельефом мелкосопочника, позволяющего укрывать в долинах скот от непогоды, хорошие источники воды и неглубокий снежный покров зимой — все это создавало благоприятные условия для развития кочевого скотоводства, базировавшегося на круглогодичном кочевании населения со своими стадами. Полученный при раскопках остеологический материал подкрепляет такое заключение. В многочисленных курганах найдены кости лошадей и баранов — сочетание, характерное для состава стада при кочевом скотоводстве. Изучение костей животных показало, что лошади, столь необходимые в жизни кочевников — воинов и скотоводов, были двух типов. Преобладали табунные лошади, низкорослые, толстоногие, с массивной головой. Они близки к степной казахской лошади типа джабе [Барминцев Ю. Н., 1958. С. 84]. В богатых тасмолинских погребениях встречен и высокорослый тип верхового коня [Кадырбаев М. К., 1966. С. 412, определение В. Ф. Матвиенко]. Хорошие верховые лошади высоко ценились кочевниками, были личной собственностью знатных воинов и сопровождали своего хозяина после смерти.

Основным направлением скотоводства было овцеводство. От овец получали не только мясо, но и молоко, шерсть, шкуры. Разводили курдючных овец, близких к современной казахской породе, обладавших хорошими мясо-сальными качествами, значительной молочностью и стойкостью к достаточно суровым климатическим условиям [Боголюбский С. Н., 1959. С. 150, 151]. В составе стада были, очевидно, и верблюды, о чем свидетельствуют многочисленные наскальные изображения этих животных.

Одним из подсобных промыслов населения Центрального Казахстана была охота. Из рогов оленя сделаны отдельные предметы конской сбруи и принадлежности одежды. Образы диких зверей — обитателей гор, степей и приречных зарослей — нашли отражение в искусстве.

Разнообразные изделия из бронзы, железа, золота, камня, кости и рога свидетельствуют о высоком уровне металлургического производства, ювелирного, камнерезного и косторезного искусств у центральноказахстанских племен периода раннего железа.

Литейное производство было унаследовано от предшествующей эпохи бронзы и достигло высокого уровня. Сырье для него поступало из дошедших до нас горных разработок меди в северном Прибалхашье и многочисленных месторождений джезказганской рудной зоны. Следы разработки меди засвидетельствованы также в верховьях Нуры, на р. Атасу, в баянаульских и каракаралинских степях, в горах Улутау и Имантау. Выработки олова найдены на р. Ишим, в горах Кокчетая и северных районах Бетпак-Далы. Данные спектрального анализа изделий из могильников Тасмола и Котанэмень показали, что медь в них происходит из Саякского меднорудного центра северного Прибалхашья, а олово, по-видимому, получено из калбинских месторождений. Для отливки бронзовых предметов использовались глиняные, металлические и, значительно реже, каменные формы. При изготовлении наконечников стрел, ножей, кинжалов и других несложных для

литья предметов применялись двух- и трехсоставные литейные формы. Сложные по устройству глиняные литейные формы использовались при отливке удил. После отливки их разбивали, и поэтому каждый экземпляр удила всегда индивидуален. В двусторчатых каменных формах в два приема отлиты скульптуры козлов (Тасмола V, курган 2). Колокольчики из того же кургана отлиты методом утраченной модели. Некоторые предметы звериного стиля, в частности, поясную пряжку из кургана 1 могильника Карамурун II (табл. 54, 1), отливали в двусторчатых формах по готовому оригиналу. Изображение при этом получали путем оттискивания на матрице выпуклой, а на патрице — вогнутой стороны, после чего в соединенные створки заливали металл. После извлечения из формы почти все изделия подвергались дополнительной обработке — подправке, заточке.

Немногочисленные изделия из железа появляются уже в погребениях VII—VI вв. до н. э. Это ножи, псалии и уздечные бляшки. Позже, в V—III вв. до н. э., из железа стали делать кинжалы, мечи, в конской сбруе — удила. В конце второго этапа бронзовые наконечники стрел были вытеснены железными. В кургане 3 могильника Тасмола V (VII—VI вв. до н. э.) найдены железные псалии, пронизи для перекрещивающихся ремней конского оголовья и другие предметы уздечного набора, инкрустированные фигурными золотыми полосками толщиной до 1 мм [Кадырбаев М. К., 1966. С. 427. Рис. 66, 32; 71; 72]. При их изготовлении на внешней поверхности предмета выбивали узор, в который вставляли фигурно вырезанные золотые полоски и затем вбивали их молоточком (табл. 54, 2).

Золотых ювелирных изделий известно немного. Среди них четыре фигурки хищников. Для их изготовления использовались деревянные матрицы, вырезанные в виде барельефной фигурки животного. На матрицу накладывали золотой лист толщиной 0,1—0,3 мм и затем выдавливали изображение. Основными районами добычи золота были месторождения районов Степняка, Бестюбе, Майкалы, Жосалы.

Широкое распространение получило в рассматриваемое время камнерезное и косторезное искусство. Оселки и каменные жертвенники являются наиболее частыми предметами погребального инвентаря. Камнерезы хорошо владели техникой одно- и двустороннего сверления и шлифовки абразивных материалов. При подборке материала для изделия они обнаруживали несомненный вкус.

Изделия из рога и кости встречаются в погребениях значительно реже и не отражают полностью всего многообразия форм косторезного искусства. Тем не менее они позволяют судить о степени его развития. Материалом служили трубчатые кости лошадей, баранов и маралов, рога маралов и диких коз. Из рога и кости сделаны наконечники стрел, псалии, пронизи, проколки, пряжки и застежки. При изготовлении различных украшений использовались осторезующие металлические орудия, следы которых уничтожались тщательной шлифовкой. Тонкой работой отличается застежка (табл. 54, 8), сделанная из наиболее широкой части рога марала. На его отшлифованной поверхности мастер вначале намечал

контур животных, а затем с обеих сторон контурной линии вырезал рисунок до глубины 1—1,5 мм. О высоком мастерстве человека, создавшего пряжку, свидетельствуют система расположения фигур, точность и лаконизм в передаче образов животных. Образцом косторезного искусства может служить и роговая подвеска в виде свернувшегося кабана (табл. 54, 10).

Общественный строй и религиозные представления. Переход к кочевому скотоводству повлек за собой изменения в социальных отношениях и социальной структуре общества. Прогрессивные сдвиги в экономике привели к быстрому росту прибавочного продукта, а вместе с ним к возникновению имущественного неравенства и накоплению больших ценностей в руках отдельных семей и семейных общин. Археологически этот процесс выразился в смене больших родовых кладбищ эпохи бронзы небольшими курганными группами — погребальными комплексами семейной общины. Почти обязательной принадлежностью могильников становятся комплексы курганов с каменными грядами, которые по трудности создания и богатству захоронений могли быть только погребениями общинной или племенной знати. В VII—VI вв. до н. э. появляются захоронения, которые по богатству инвентаря и размерам могил превосходят остальные погребения. Примером могут служить курганные группы в могильнике Тасмола, где с погребенными был положен богатый инвентарь, отрубленные головы взызданных коней и головы баранов. Число конских голов доходило до семи, среди них были головы рослых высокопородных коней. О глубокой социальной и имущественной дифференциации внутри семейных общин свидетельствуют погребения в том же могильнике, сопровождаемые очень бедным инвентарем.

Концентрация на небольшой территории нескольких богатых могильников позволяет предположить, что в этот период некоторые племена стали превосходить остальные экономической и военной силой, и это позволило им занять ведущее положение среди центральноказахстанских кочевников.

Материалы раскопанных погребений дают возможность составить известное суждение о верованиях и культах скотоводов Центрального Казахстана. Характер исследованных памятников прежде всего выявляет следы культов, связанных с почитанием умерших и духов предков. В основе этих культов лежит вера в существование потустороннего мира, где умершие продолжают свою земную жизнь. Исходя из этого, покойников хоронили в тщательно перекрытом загробном жилище, оставляя с ними оружие, украшения, бытовой инвентарь, предметы культового назначения, иногда и пищу в виде части тушки барана. Полагая, что и после смерти они остаются скотоводами и всадниками, клали в могилу головы коней и баранов.

Имеются археологические свидетельства о распространении культа огня, который прослеживается здесь еще в эпоху бронзы и свойствен большинству скотоводческих племен Евразии в скифское время. С культом огня и домашнего очага, хранительницами и жрицами которого были женщины, связаны находки в их погребениях каменных жертвенников. В верованиях центральноказахстанских племен про

слеживается двойственное отношение к покойнику. Его почитали, но в то же время боялись возвращения души умершего. Огонь в последнем случае выполнял оградительные функции. С этой целью погребение окружали кострами (могильник Кара-оба), с очистительной силой огня связано сожжение перекрытий могил (Жол-Кудук) или разведение огня на каменном перекрытии (Тасмола V, курган 6).

В курганах с каменными грядами М. К. Кадырбаев видит отражение солярного культа. Исходя из сообщения Геродота о том, что массагеты из богов почитают только солнце, которому приносят в жертву лошадей, он находит в курганах с каменными грядами все атрибуты этого культа: коня под насыпью «малого» кургана как жертву солнцу и каменные гряды, обращенные «входом» на восток [Кадырбаев М. К., 1966. С. 431, 432].

Итак, многочисленные и разнообразные археологические материалы позволили выделить на территории Центрального Казахстана в период раннего железа своеобразную культуру сакского типа, близкую восточноказахстанским, алтайско-сибирским и восточноприаральским памятникам того же времени. Формирование ее происходило на основе андроновской культуры эпохи бронзы, создавшей предпосылки для экономического, социального и культурного развития. Антропологический материал подтверждает эти заключения. О. Исмагулов, исследовавший краниологическую серию из погребений Центрально-

го Казахстана, пришел к выводу, что в основе антропологического типа племен тасмолинской культуры лежит тип, характерный для андроновского времени, подвергшийся грацилизации. Незначительная монголоидная примесь отмечена только на одном черепе (Тасмола I, курган 19). Таким образом, наблюдается и антропологическая преемственность между племенами тасмолинской культуры и андроновскими местными племенами. Важно также заключение о наибольшем морфологическом сходстве исследуемой серии с серией черепов из Восточного Казахстана и Алтая. И наконец, существен вывод, что погребенные в курганах с каменными грядами не отличаются какими-либо особыми антропологическими вариациями, составляя с остальным населением единую этническую группу.

Своеобразие тасмолинской культуры позволяет рассматривать ее носителей как одну из групп сакских племен, обитавших в Центральном Казахстане в VII—III вв. до н. э. Вопрос об отождествлении этнических групп, установленных по археологическим материалам, с племенами, названия которых приведены в античных письменных источниках, и об их локализации давно занимает внимание исследователей. М. К. Кадырбаев на основании сообщений античных авторов о расселении племен пришел к заключению, что с Центральным Казахстаном можно связывать три племенных названия: агриппеев — в северо-западной части, исседонов — в центральной и аримаспов — в восточной [Кадырбаев М. К., 1966. С. 408].

Ранние кочевники Восточного Казахстана

В физико-географическом отношении Восточный Казахстан (Восточно-Казахстанская обл. и часть Семипалатинской обл. Казахской ССР) состоит из трех частей: 1) степные районы долины Иртыша; 2) горные районы в верховьях Бухтармы, входящие в состав Алтайской ландшафтной области¹; 3) долины хребтов Саур и Тарбагатай. Последний район принадлежит системе гор юго-востока и востока Средней Азии, связывающей Саяно-Алтай и Центральную Азию с Семиречьем и Средней Азией [Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И., 1978].

Изучение этих регионов начинается с XVIII в. благодаря деятельности ученых-путешественников, исследовавших Сибирь (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, позже П. К. Фролов и др.). Основная работа их была направлена на описание и собирание различных древностей. Первые археологические раскопки связаны с именем В. В. Радлова (Берель и др.), который по своим исследованиям в Саяно-Алтае попытался создать первую схематическую периодизацию древних памятников (были выделены памятники железного века).

А. В. Адрианов в 1911 г. раскопал несколько курганов в верховьях Бухтармы (майэмирские памятники), что позволило наметить ранние этапы куль-

туры ранних кочевников этого региона. Эпизодические раскопки проводили и другие ученые.

В советское время, с 1935 г. и в течение почти 40 лет, исследование различных археологических памятников долины Иртыша и Тарбагатай проводил С. С. Черников. Большое внимание он уделял и памятникам ранних кочевников. Всестороннее изучение материалов Восточноказахстанской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР дало возможность выявить особенности кочевых обществ региона, наметить локальные и хронологические группы памятников. На основе этих работ была составлена археологическая карта Восточного Казахстана [Черников С. С., 1960б]. Несмотря на сотни исследованных могильников, многие долины и участки не изучены в достаточной степени и по сей день. В районе Тарбагатай раскопки проводились только в двух пунктах: Чиликтинской долине (могильники Чиликтинский и Чаган-Обо) и котловине оз. Ала-Куль (карта 6). Исследование Чиликтинской долины С. С. Черников начал в 1949 г. и проводил вплоть до 1971 г. Здесь он раскопал серию богатых захоронений кочевой знати, давших значительный материал по культуре и искусству скифского периода. В этом же районе работала Семиреченская экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР под руководством Г. А. Кушаева. Исследовались погребальные памятники в долинах рек Лепса, Аягуз и в Алакульской впадине, однако по ранним кочевникам опублико-

¹ Горные районы верховьев Бухтармы в географическом и историческом отношении входят в состав западного Алтая и, следовательно, рассматриваются вместе с другими районами Алтая.

на лишь небольшая часть материалов [Кушаев Г. А., 1968]. В долине Иртыша, интенсивное изучение которой также связано с именем С. С. Черникова, исследованы не только раннескифские могильники (Славянка, Юпитер), но и комплексы второй половины I тысячелетия до н. э. (Кызыл-Ту, Кула-Журга, Тускаин, Баты и т. д.), содержавшие разнообразный материал для характеристики культуры региона.

Свои многолетние исследования по равнинным кочевникам С. С. Черников обобщил в рукописи «Ранние кочевники Восточного Казахстана», законченной в 1972 г. (хранится в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР). В работе собраны описания могильников и проанализированы вопросы хронологии и периодизации культуры кочевников I тысячелетия до н. э. Восточного Казахстана. С. С. Черников отметил неравномерность исследования региона, особенно памятников южной группы (район Тарбагатай), где практически выделены только курганы VII—V вв. до н. э., а остальные хронологические периоды пока не представлены. Напротив, широкий хронологический диапазон погребальных памятников северной группы (долина Иртыша) позволил С. С. Черникову разделить их на три хронологических этапа. Учитывая новые материалы других территорий, в частности кургана Аржан, С. С. Черников считал возможным отнести начало эпохи ранних кочевников к VIII в. до н. э. Предложенная им периодизация выглядит следующим образом: 1) VIII—VII вв. до н. э. — памятники майэмйрского типа (Славянка, курган 19; Юпитер, курган 1; Канай, курган 7 и др.); 2) VI—IV вв. до н. э. — памятники пазырыкского типа (Мало-Красноярка; Кызыл-Ту, курганы 2, 4 и др.); 3) III—I вв. до н. э. — памятники кулажургинской культуры (Славянка; Баты; Кула-Журга; Тускаин и др.). Последнюю группу памятников он разделил, на наш взгляд, несколько преждевременно, еще на три этапа.

Главные положения этой рукописи в уточненном виде вошли в последнюю печатную работу С. С. Черникова [1975б], посвященную проблемам хронологии и локальной специфики групп памятников. Здесь все исследованные погребальные комплексы он подразделил на два больших хронологических периода: VII—IV вв. до н. э. и III в. до н. э. — I в. н. э., т. е. объединил два первых периода, но убрал VIII век до н. э. и расширил последний период, кулажургинский. Территориальное разделение памятников на две группы было полностью подтверждено. Это группы северная — памятники долины Иртыша, тяготеющие в культурном отношении к алтайским, и южная — район оз. Зайсан и хребта Тарбагатай, археологические материалы которой наиболее близки среднеазиатским. Уровень археологической изученности не позволяет достоверно провести границу между этими территориальными группами, только предположительно можно наметить ее по линии Аягуз — оз. Зайсан (карта 6).

Археологические исследования С. С. Черникова в долине Иртыша были продолжены в 60—70-е годы экспедицией Усть-Каменогорского педагогического института, руководимой Ф. Х. Арслановой [Арсланова Ф. Х., 1962; 1969; 1972а; 1972б; 1974; 1975]. В 1977 г. развернулись работы археологической экс-

Карта 6. Памятники ранних кочевников Восточного Казахстана

1 — Семипалатинск; 2 — Камышинка; 3 — Имайловка; 4 — Зевакино; 5 — Ленинка; 6 — Тускаин; 7 — Мало-Красноярка (у паромы); 8 — Мало-Красноярка (на андроновском поселении); 9 — Кок-Терек; 10 — Юпитер; 11 — Чистый яр; 12 — Канай; 13 — Кула-Журга; 14 — Баты; 15 — Славянка; 16 — Кызыл-Ту; 17 — Чердоик; 18 — Усть-Буконь; 19 — Чиликта; 20 — Чаган-Обо; 21 — Джар-Булак; 22 — Тамураши; а — курганы; б — находки котлов; в — петроглифы

педиции Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР в зоне строительства Шульбинской ГЭС [Акишев А. К., Алнысбаев Х. А., Максимова А. Г., 1978; Трифонов Ю. И., 1981; 1985; Ахинжанов С. М., 1983; 1985; Ермолаева А. С., 1983; 1985; Самашев З. С., 1981; 1983; Самашев З. С., Боковенко Н. А., 1985], позволившие значительно увеличить источниковедческую базу по культуре ранних кочевников Восточного Казахстана, в частности по кулажургинской культуре [Арсланова Ф. Х., Самашев З. С., 1985]. Развернула работу по изучению края экспедиция Восточноказахстанского областного музея [Арсланова Ф. Х., 1981; 1983; 1986; Самашев З. С., Куш Г. А., 1985], исследовавшая интересные погребальные памятники в долине Иртыша.

Последняя обобщающая работа по ранним кочевникам Восточного Казахстана — раздел в «Истории Казахской ССР» [1977] — принадлежит М. К. Кадырбаеву. Он также рассматривает восточную часть Казахстана как отдельную область, но отмечает при этом, что население северных горных районов испытывало воздействие соседних алтайских племен, а южных — тяготело к Семиречью. Несмотря на это, история развития культуры кочевников Восточного Казахстана вылагается в целом. Особо выделяются

горные районы в верховьях Бухтармы, неразрывно связанные с Алтаем. К Восточному Казахстану М. К. Кадырбаев относит еще один, четвертый, район — Павлодарское Прииртышье, отмечая близкое сходство его с Западной Сибирью.

В написанном М. К. Кадырбаевым разделе «Истории Казахской ССР» использована алтайская периодизация, и первых два этапа — майэмирский VII—VI вв. до н. э. и берельский (или пазырыкский на Алтае) V—IV вв. до н. э. — охарактеризованы главным образом по алтайским материалам. С территории Восточного Казахстана для характеристики первого этапа привлечен Чиликтинский могильник, для второго — могильник Усть-Буконь, третий, кулажургинский, этап III—I вв. до н. э. выделен по памятникам Восточного Казахстана, изученным С. С. Черниковым. Работа М. К. Кадырбаева дает общее представление о главных этапах культуры ранних кочевников региона, хотя и не исчерпывает всех известных памятников. Периодизации, предложенные С. С. Черниковым и М. К. Кадырбаевым, в основном совпадают, отличаясь в незначительных деталях. В последней отмечается большая близость памятников Восточного Казахстана к Алтаю. В дальнейшем изложении мы анализируем только памятники Тарбагатай и долины Иртыша, поскольку горные районы и Павлодарское Прииртышье связаны с другими культурами.

Учитывая существующие периодизации, а также новый археологический материал, в том числе особенности погребального обряда, конструкции курганов и вещевой комплекс, наиболее реальным представляется выделение трех последовательных этапов.

Этап I — начальный (зевакинско-чиликтинский) — датируется VIII — началом VI в. до н. э. Возможно, его нижняя дата «удревнится» до IX в. до н. э., принимая во внимание синхронные раннекочевнические комплексы Алтая типа Курту II (IX—VIII вв. до н. э.) [Сорокин С. С., 1966а, С. 47]. Возможность отнесения ряда памятников скифского облика к столь раннему времени и обоснование этой даты уже обсуждались в литературе при анализе материала соседних территорий [Акишев К. А., Акишев А. К., 1978, С. 50; Грязнов М. П., 1983а, С. 3—18]. Не исключено, что при детальном исследовании зевакинских или измайловских комплексов VIII—VII вв. до н. э. часть из них на основе типологического анализа и методов дендрохронологического и радиоуглеродного датирования можно будет отнести и к более раннему времени. Но пока еще нет достаточно объективных данных для окончательного решения вопроса о столь ранней датировке раннекочевнических памятников Восточного Казахстана.

Этап II — средний (буконьский) — датируется концом VI—IV в. до н. э. на основе представительных аналогий с материалами пазырыкской эпохи Алтая.

Этап III — поздний (кулажургинский) — датируется III в. до н. э. — I в. н. э. Правда, и здесь хронология памятников может уточняться по мере накопления новых материалов.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД. Погребальный обряд ранних кочевников Восточного Казахстана, генетически связанный с культурами периода поздней

бронзы, на этапе I претерпел существенные изменения и со временем приобрел локальную специфику. В основном это подкурганые захоронения различных размеров, расположенные в пределах могильников эпохи бронзы или формирующие собственные цепочки курганов, как правило, в центральной части долин.

Курганы южной группы памятников (Чиликтинские) характеризуются следующими чертами. Курганные насыпи (диаметр 20—100 м, высота 8—10 м) сложены из земли и мелкого щебня, внутри — из слове битой глины и дерна. Поверхность облицована крупными гальками, часто светлого тона. В основании насыпи — ограда из крупных камней (табл. 55, 4). Могильные квадратные ямы неглубоки (0,6—1,3 м), имеют с восточной стороны дромос (ширина до 2 м), выходящий на поверхность. Яма и дромос перекрыты деревянными бревнами и поверх них — камнями (табл. 55, 5). В одном случае (Чиликта, курган 5) в могильной яме сооружены клеть и пол из толстых досок, но, видимо, чаще дно устилали войлоком или коврами. В некоторых курганах тот или иной из перечисленных признаков отсутствует, что, однако, не дает права отнести их к иной культуре. Почти все могилы ограблены, поэтому ориентировка погребенных определяется предположительно — головой на запад. Усопших укладывали в одеждах на подстилки (войлок и т. д.). Одежды были украшены всевозможными бляшками, нашивными золотыми дисками, бисером. Мужчинам клали оружие (лук, колчан со стрелами, кинжал, нож). Захоронения лошадей и заупокойная пища в сосудах пока не выявлены, в единичных случаях найдены остатки мясной пищи (кости барана). Наиболее богатым, с пышным сопроводительным инвентарем, оказался в Чиликте курган 5, так называемый Золотой. Хотя могила ограблена, в ней сохранились остатки кожаного колчана с 13 бронзовыми наконечниками стрел и разнообразные нашивные золотые бляшки (более 500), украшавшие различные предметы и одежду. Датировка кургана установлена по ранним формам втульчатых ромбических наконечников стрел и характерным изделиям раннескифского звериного стиля. Дата, предложенная С. С. Черниковым, — VII—VI вв. до н. э. — пока не вызывает возражений. Аналогичные курганые насыпи, вымощенные сверху крупной галькой светлых тонов, прослежены и в могильнике Чаган-Обо (табл. 55, 1), хотя подкурганые сооружения свидетельствуют в пользу ритуального характера этих памятников. Под одним из курганов, на уровне древнего горизонта, выявлены остатки сожжения (уголь, обугленные бревна, шлак, кости животных), а рядом с неглубокой ямой встречены наконечники стрел, каменный оселок, кремневый отщеп.

В долине Алакуль прослежены могилы, представляющие еще один вариант погребального обряда южной группы памятников, — это захоронения в подбоях (могильники Арасан I, II и Джарбулак). Погребенных в подбоях укладывали в вытянутом положении, головой на запад, а вход заставляли плитами (табл. 55, 6). В могилу клали зеркало, нож, оселок, различные поделки из кости и украшения. Алакульские подбои — одни из наиболее ранних сооружений такого рода. Подобные захоронения сакского вре-

мени известны в соседнем Семиречье (Джамбульская обл.) [Максимова А. Г., 1969] и Центральном Казахстане [Кадырбаев М. К., 1966].

Исключительно большие размеры курганов Чиликтинской долины, в сооружении которых должно было участвовать большое количество людей, богатство сопровождающего инвентаря — все указывает на высокое социальное положение погребенных. Возможно, что в этих курганах были захоронены представители племенной верхушки, а быть может, и сами вожди племени.

Долины с монументальными погребальными сооружениями наиболее знатных представителей общества известны и на других территориях: Пазырыкская — на Алтае, Уюкская — в Туве, Салбыкская — в Хакасии и т. д. Курганы Чиликты более скромны, чем «царские» погребения Иссыка и Бешатыра в Семиречье с их сложными деревянными постройками. Так же, как в курганах Семиречья, в Чиликте не обнаружены захоронения коней и нет гробов-колод. Погребенные южной группы, как правило, европеоиды, хотя у некоторых из них прослеживается монголоидная примесь [Гинзбург В. В., 1956; 1961]. Можно полагать, что кочевники Тарбагатай входили в состав сакских племен, так же как и племена соседнего Семиречья.

Погребальные сооружения начального этапа (VIII — начало VI в. до н. э.) в долине Иртыша имеют форму небольших округлых и прямоугольных оград, сложенных из различного камня (Зевакино; Когалы I; Юпитер, курган 1; Славянка, курган 19; Канай, курган 7 и др.). Захоронения совершались либо на уровне древнего горизонта (в Зевакинском могильнике — в основном дети), либо, в большинстве случаев, — в неглубоких (до 1,2 м) грунтовых ямах овальной или прямоугольной формы. В Зевакинском могильнике преобладают одиночные захоронения в скорченном положении, чаще на правом боку, реже — на левом, головой на юго-запад и юг. Иногда встречаются коллективные захоронения двух-трех человек (табл. 55, 2). В некоторых могилах найдены остатки сопроводительной пищи — кости лошади и овцы. В большинстве могил погребальный инвентарь не обнаружен, хотя не исключено, что он был из органических материалов и просто не сохранился. В остальных случаях погребенным положены сосуды, ножи, единичные поделки из бронзы, кости и камня [Арсланова Ф. Х., 1974. С. 51—60]. Особенность зевакинских могил заключается в сохранении оградок ранних форм, типичных для периода поздней бронзы, скорченного положения погребенных и южной ориентировки, а также посуды андроновского облика. Однако сопровождающий инвентарь (ножи, аргиллитовые застежки, украшения) уже раннескифских форм. Аналогичная ситуация прослеживается и в могильнике Измайловка, где посуда позднеандроновского облика сочетается в одном комплексе с бронзовым набором раннекочевнической сбруи [Ермолаева А. С., 1983. С. 437, 438].

Погребальный обряд этих памятников предусматривал положение конской сбруи на горизонте, в пределах ограды, недалеко от могилы погребенного. Скорее всего к этому же типу обряда относится и «клад» бронзовых предметов, составляющих полный комплект конской сбруи (табл. 56, 22—30), найден-

ный у с. Камышинка [Арсланова Ф. Х., 19726]. По-видимому, памятники типа Камышинки отражают особенности всаднического погребального обряда, генетически связанного с культурами Саяно-Алтая, где для VIII (возможно, и IX) в. до н. э. фиксируется обряд захоронения всадника и уложенного рядом коня (с уздой аржанского типа) на уровне древней дневной поверхности или в неглубокой (15 см) яме (Курту II; Баданка IV). Обряд, подобный обнаруженному в Измайловке, когда погребенному клали около могилы или в ограде только один-два комплекта сбруи, зафиксирован в археологических памятниках того же времени и на соседних территориях — например, в Туве (Алды-Бель, курган 21; Хемчик-Бом III, курган 2; Ортаа-Хем III, курган 11; Баданка IV, курган 15) [Грач А. Д., 1980; Боковенко Н. А., 1986. С. 46—48].

Для начального этапа характерны также захоронения в каменных ящиках (табл. 55, 3), но с деревянным перекрытием, где умершие обращены головой уже на запад или северо-запад (Юпитер; Славянка; Канай). Мужчинам у левого бедра обычно клали колчан со стрелами, наконечники которых, как правило, разных типов. Сочетание их в одном комплексе позволяет определить дату сооружения курганов [Акишев К. А., 1963; Черников С. С., 1965. Рис. 6, 3—6; Медведская И. Н., 1972. С. 84, след.].

Средний этап, буконьский (конец VI—IV в. до н. э.), представлен памятниками двух вариантов: пазырыкского типа и собственно буконьского. Для первых (например, Кызыл-Ту) характерны захоронения под каменно-земляными курганами. Погребенные находились в глубоких (до 2,5 м) ямах квадратной формы с округлыми углами. На дне могилы складывали сруб из бревен, вплотную примыкавший к южной стене. Покойники в срубке лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад или северо-запад и север. Сопровождающий инвентарь состоял главным образом из предметов вооружения, конского снаряжения и посуды. Между срубом и северной стенкой ямы часто укладывались две лошади, головой на восток; одна из них, как правило, взнуздана и оседлана. Сохранились следы войлочного седла.

Погребальные памятники буконьского типа (могильник Усть-Буконь) представляют собой в основном небольшие (диаметр 8—12 м) курганы с земляной насыпью. Выделяется курган диаметром 80 м, монументальная насыпь которого может свидетельствовать о высоком статусе погребенного. Могильные ямы, как правило, перекрыты бревенчатым накатом из лиственничных бревен, которые держались в некоторых случаях на специальных уступах (табл. 55, 7).

Погребенные лежат в прямоугольных ямах в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад и север (табл. 55, 8). Мужчин укладывали с оружием, женщин — с украшениями и посудой.

Антропологические материалы свидетельствуют о разнообразии расового состава буконьских погребенных. Здесь представлены европеоидные переходные типы — от андроновского к типу Среднеазиатского междуречья. Хорошо заметна, особенно у женщин, монголоидная примесь, которая, как полагают антропологи, является результатом механического сме-

шения представителей разных расовых типов того периода.

На небольших материалах основано предположение о близости антропологического типа населения Усть-Букони и Чиликты [Гинзбург В. В., 1961; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972].

Переходя к анализу памятников этапа III, прежде всего отметим, что, как и в других районах евразийских степей, в долине Иртыша на рубеже IV—III вв. до н. э. происходят резкие изменения: меняются формы погребальных сооружений, обряд погребений и облик культуры в целом. Так, в Прииртышье стали преобладать погребения в каменных ящиках. Подобные погребальные сооружения на этой территории существовали еще в конце эпохи бронзы (некоторые курганы Зевакинского могильника; Когалы I) и на этапе I (могильник Юпитер). Поэтому нельзя исключить возможность продолжения этой традиции и в скифское время (этап II), хотя материалов для такого утверждения пока нет. Если характеризую археологические комплексы двух первых хронологических этапов, мы говорили лишь о памятниках определенного типа, то этап III, представленный значительным количеством погребальных памятников, можно с полным основанием квалифицировать как кулажургинскую археологическую культуру. В качестве культуры рассматривал эти памятники и С. С. Черников.

Все курганы кулажургинской культуры III в. до н. э.—I в. н. э. примерно одинаковы (Кула-Журга; Славянка; Баты; Тускаин и др.). Они невелики (диаметр 5—15 м), с насыпью высотой до 0,6 м и камнями в основании — видимо, остатками разрушившейся круглой оградки. Курганы диаметром около 30 м единичны (Баты; Пчела). Погребения совершены в каменных ящиках из гранита или сланца (табл. 55, 11—14), такими же плитами перекрыты и грунтовые ямы. Иногда фиксируются небольшие расширения-подбой в головах парных захоронений (Баты, курган 42). Как правило, захоронения одиночные. Погребенных укладывали в вытянутом положении, головой на восток (более ранние) или запад (более поздние) [Черников С. С., 1975б. С. 135]. В некоторых курганах (с каменными ящиками) обнаружены захоронения всадников с конями, но кони уже не оседланы и не взнузданы, как в пазырыкское время (табл. 55, 9, 16). В шести случаях вместо целых убитых лошадей в могилу положена только шкура с головой и копытами — своеобразная «тайэлга». Мясо такой лошади скорее всего съедали тут же, на тризне по умершему [Черников С. С., 1972].

Погребальный инвентарь невелик и с течением времени делается все беднее. Чаще всего встречаются кувшинообразные сосуды ручной лепки. Большинство из них не орнаментировано, есть покрытые красной краской, а на плечиках бывает валик с насечками. Фиксируются также остатки деревянных лотков, чашек, каких-то деревянных предметов. Посуду помещали в головах, небольшие деревянные чашки — у пояса. Немногочисленные находки железных орудий труда, главным образом ножей, и оружия говорят о вытеснении бронзы из этих сфер деятельности и замене ее железом. Однако украшения и некоторые предметы туалета по-прежнему делались из бронзы. Мужчинам клали оружие, женщинам — предметы

туалета (зеркало, ларчик с красками и т. д.), украшения (золотые серьги (одна — с грушевидной подвеской), восьмеркообразные серьги из тонкого листового золота, цилиндрические и круглые бусы из пасты и стекла). Во многих случаях у головы погребенного клали курдюк (хвостовая часть барана), в двух случаях в сосудах найдены остатки растительной пищи — чешуйки проса [Черников С. С., 1975б. С. 136].

Достаточно компактную группу погребений кулажургинской культуры образуют курганы могильников Кула-Журга, Тускаин и единичные насыпи в могильниках Кызыл-Ту, Юпитер, Мало-Красноярка. Они занимают значительный (протяженность более 250 км) участок в долине Иртыша, от Букони до Шульбы. Всего в 10 могильниках раскопано более 80 курганов кулажургинской культуры, но ни один могильник не исследован полностью. Основную массу погребений составляют захоронения в каменных ящиках различной конструкции с обычным набором инвентаря и заупокойной пищей (курдюк барана). Для погребений в каменных ящиках характерны преимущественно одиночные и, реже, парные захоронения.

В небольшом количестве и главным образом в Кула-Журге встречены погребения в грунтовых могилах.

Ориентировка погребенных установлена в 40 могилах. Половина из них обращена головой на запад, четвертая часть — на восток, единичные костяки — на северо-запад, юго-восток, северо-восток и север. Изредка при погребении человека есть конское захоронение или вместо него положена шкура коня. Погребальный инвентарь беден и однообразен. Он включает единичные глиняные и деревянные сосуды, железный нож и небольшое количество украшений.

Необычный обряд захоронения выявлен в двух курганах могильника Славянка. Кости человека не лежали в анатомическом порядке, а были разложены кучками, очевидно, уже после того как истлели мягкие ткани. В одном из курганов предумышленно разложены кости двух умерших — например, берцовые положены рядом с бедренными, а локтевые — рядом с плечевыми. В первой могиле в головах стоял хорошо сохранившийся деревянный кувшин с петлеобразной ручкой; во второй — два глиняных кувшина, железные ножи, золотые крестовидная бляшка, серьга и листки фольги. Необычное расположение костей умерших в могильнике Славянка находит полное соответствие в погребальной практике на сарагашенском этапе тагарской культуры (Новомихайловский могильник) и у таштыкских племен Енисея. Здесь также имеются примеры, когда кости кучками положены почти в анатомическом порядке, но с некоторыми нарушениями [Вадецкая Э. Б., 1975. С. 177]. На Енисее подобные захоронения обнаружены в грунтовых могилах в низких деревянных срубах, а в Прииртышье — в каменных ящиках. Причины, обусловившие сходство погребального обряда у населения двух областей, пока не выяснены.

В могильнике у с. Пчела на правом берегу Иртыша, к северу от Кула-Журги, из 15 раскопанных

курганов 10 относятся к рассматриваемой культуре. В них 10 захоронений совершены в каменных ящиках (табл. 55, 12—14). В четырех из них внутри оказались остатки деревянного ящика, а в двух — вероятно, остатки деревянного гроба. Шестеро погребенных обращены головой на запад, четверо — на северо-запад. Погребальный инвентарь беден: один-два глиняных сосуда, курдюк (хвостовые позвонки) барана и железный нож. В одной могиле найдена серьга из серебряной проволоки. Особо отметим курган 15, под насыпью которого находилось два каменных ящика, расположенных рядом и перекрытых одними и теми же плитами.

К рассматриваемому периоду относится также группа курганов в Зевакинском могильнике. В грунтовых могилах умершие положены у южной стенки, а на приступке вдоль северной стенки — захоронение лошади. Ориентировка погребенных восточная.

В могилах найдены глиняные сосуды, курдючные части барана, отдельные предметы быта и украшения. Один из сосудов украшен росписью красной краской [Арсланова Ф. Х., 1969; 1972a]. Материалы эти не опубликованы, поэтому невозможно провести детальное сопоставление. Однако все основные особенности обряда позволяют считать эти памятники вариантом кулажургинской культуры. Курганы, сходные с кулажургинскими, имеются в могильниках Джартаст III, Карашат III [Самашев З. С., 1981; Арсланова Ф. Х., Самашев З. С., 1985. С. 29]. В последнем случае отмечено также большое сходство с горноалтайскими памятниками.

Близость культуры кочевников Алтая и Прииртышья выступает особенно наглядно в глиняной посуде — в сходных ее формах и прежде всего в одинаковом способе ornamentации налепными валиками с насечками. На сходство керамики уже обращали внимание [Завитухина М. П., 1966b]. Правда, сосудов с налепными валиками в памятниках Алтая значительно больше и они разнообразнее, чем в Прииртышье. Нам представляется, что сходство кулажургинских памятников с синхронными комплексами соседнего Алтая выступает достаточно определенно и, весьма возможно, объясняется близостью и родством населения. С. С. Черников подчеркивал элементы сходства кулажургинского населения с усунями Семиречья, но в свете новых археологических материалов кажутся более реальными близкие связи населения, оставившего кулажургинскую культуру, с жителями соседнего Алтая.

Что касается происхождения кулажургинских памятников, то следует обратить внимание на сходство их обряда с погребальным обрядом одного из курганов Кызыл-Ту, относящегося к предшествующему этапу V—III вв. до н. э. В этом, более раннем, кургане погребение совершено в низком деревянном срубе, а в северной его части положен верховой конь. В некоторых курганах Кулажурги совпадают устройство могилы и обряд, но костяк находится в каменном ящике. Весьма возможно, что именно к комплексам типа Кызыл-Ту, имеющим прямые аналогии в памятниках Алтая, и восходят кулажургинские. Кроме того, из общей

массы кулажургинских памятников выделяется несколько курганов с захоронением коней. Они, вероятно, являются более ранними (IV—III вв. до н. э.). Большинство же курганов хронологически расчленить нельзя. Все сказанное разрешает, на наш взгляд, высказать предположение об известной генетической преемственности между населением буконьского и кулажургинского этапов.

Население Прииртышья III в. до н. э. — I в. н. э., как и соседних районов Алтая, а также Семиречья, в расовом отношении характеризуется разнородностью, смешением представителей разных антропологических типов. В основе оно было европеоидным.

Появление монголоидной примеси отмечено уже на буконьском этапе. Она несколько усиливается на черепах из погребений кулажургинской культуры. Исследователи отмечают более выраженную монголоидную примесь у женщин [Гинзбург В. В., 1956; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972].

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Из-за отсутствия поселенческих комплексов ранних кочевников Восточного Казахстана их культура представлена только вещами из погребений и случайными находками, которые, несмотря на обилие и разнообразие, все же ограничивают возможность полной реконструкции традиционной культуры общества в целом. Мало археологических данных для характеристики жилищ, транспорта, различных ремесел.

Орудия труда. Представлены преимущественно ножами, оселками, шильями. Наиболее ранние (VIII—VI вв. до н. э.) ножи отливались только из бронзы. По форме наконечников и очертанию лезвия они делятся на несколько типов. Для начального этапа характерны ножи с кольцевидным, грибовидным, валиковым наконечниками, а также с наконечником в виде «арки на кронштейне», как правило, с хорошо выделенной широкой и длинной, прямоугольной в сечении рукояткой и широким дугообразным лезвием, сужающимся к концу (табл. 56, 2—6). Кончик лезвия у этих ножей слегка оттянут. Ножи с зооморфными наконечниками, в частности в виде стилизованного кошачьего хищника (Славянка, курган 19), весьма редки и наиболее типичны для культур Саяно-Алтая. Ножи с кольцевидным наконечником и прямым длинным лезвием — наиболее распространенный и повсеместно встречающийся тип VI—V вв. до н. э. В то же время начинают появляться и железные ножи, которые позже, в кулажургинской культуре, занимают ведущее место. Оселки для заточки орудий труда и оружия, как правило, вытянутопрямоугольных форм и в верхней части имеют отверстия для подвешивания к поясу (табл. 56, 57). Известны костяные игольники из трубчатых костей (табл. 56, 43). Из кости и рога изготовлены различные предметы быта: пряжки, гребни различных форм (табл. 56, 44), застёжки и т. д.

Предметы туалета. Раннескифские зеркала представляли собой круглые диски с высоким бортиком по краю и петель в центре для подвешивания (табл. 56, 21). Нерабочая поверхность их в некоторых случаях украшена рельефными изображениями животных, как это можно видеть на великолепном бронзовом зеркале из Усть-Бухтармы [Грязнов М. П., 1947. Рис. 4, 11] или на измайловском зеркале

(табл. 57, 18), у которого вместо петельки есть боковая ручка. В VI—IV вв. до н. э. зеркала становятся пластинчатыми, боковые ручки либо отливаются вместе с диском, либо вместо ручки в диске делается отверстие для руки (табл. 56, 40, 41). В конце I тысячелетия до н. э. употребляются пластинчатые зеркала овальнозаостренной формы с небольшой петелькой для подвешивания на одном конце (Кула-Журга; табл. 56, 58).

Оружие и конское снаряжение. Оружие представлено мечами, кинжалами, луками и стрелами. Ранние мечи — длинные с грибовидным навершием и с прямым, четко выделенным перекрестьем (табл. 56, 1). Типологически они продолжают линию развития кинжалов периода поздней бронзы. Удлинение клинка и обоюдоострость, а также защитное перекрестье обусловлены необходимостью сражаться в конном строю. Со временем этот тип оружия специализируется, клинок уменьшается в размерах, и во второй половине I тысячелетия до н. э. уже характерны акинаки двух типов: с прямым перекрестьем, прорезной ручкой и антенновидным навершием; с бабочковидным перекрестьем и прямым навершием (табл. 56, 31, 32, 49). С этого времени оружие изготавливают уже из железа.

Наконечники стрел находят в колчанах, от которых в большинстве случаев остаются лишь небольшие фрагменты. Колчаны, как правило, кожаные, мехом наружу, укрепленные деревянной основой. Наиболее богатые украшены золотыми бляшками. Количество и состав стрел различны. Выделяется несколько типов наконечников стрел. Ранние бронзовые — двулопастные с листовидным, асимметрично-ромбическим или ромбическим пером и длинной втулкой, которая со временем уменьшается и становится «скрытой». Втулки у некоторых двуперых наконечников снабжены шипом (табл. 56, 15—19). Происхождение втульчатых двуперых наконечников связывают с андроновской культурой [Оразбаев А. М. 1958]. На раннем этапе появляются также трехперые втульчатые наконечники с трехгранной боевой головкой. Использовались и костяные наконечники стрел — черешковые, ромбические в сечении, иногда со специальным шипом (табл. 56, 20). С VI в. до н. э. в стрелковом вооружении доминируют железные и костяные трехперые и трехгранные (как втульчатые, так и черешковые) наконечники стрел, более устойчивые в полете (табл. 56, 34—39). Основные формы всех типов наконечников стрел широко распространены у кочевников Евразии. Сочетание в одном колчане наконечников разных типов, часто из разного материала (металл и кость), вызвано, видимо, их функциональным назначением. Как известно, лук со стрелами использовался у кочевников не только для боевых действий, но и для различных состязаний и охоты.

От конского снаряжения в могилах сохраняются лишь металлические части узды и сбруи: удила, псалии, бляшки ремней, подпружные пряжки принципиально отличается от узды второй половины I тысячелетия до н. э. системой крепления удили и псалиев. На начальном этапе трехдырчатые псалии крепились к стремевидным удилам наглухо внахлест ремешками [Грязнов М. П., 1983а. Рис. 7, 2], а при-

мерно с конца VI в. до н. э. двухдырчатые псалии уже продевались в кольчатые удила (табл. 56, 8—10, 22—24, 59—61). Правда, последний вариант псалиев зафиксирован в единичном случае и на раннем этапе. Так, в измайловском комплексе есть стремевидные удила с большим дополнительным отверстием, в которое продевались бронзовые двухдырчатые псалии [Грязнов М. П., 1947. Рис. 3]. Для раннего времени характерны цилиндрические перекрестники ремней, двойники и раздвоители ремней, нащечные бляхи различных форм, парные подпружные пряжки (одна из них со шпеньком) овальносердцевидной формы (табл. 56, 11—14, 25—30). Поздние типы конского снаряжения представлены уздой рядовых кочевников, и поэтому по форме они просты и выполнены из кости (рога): это слегка изогнутые двухдырчатые стержневидные псалии и подпружные прямоугольные и пластинчатые пряжки (табл. 56, 59—63). Не исключено, что в богатых захоронениях узда была значительно наряднее и сложнее.

Керамика, бронзовая и деревянная посуда. В раннекочевнических погребениях (VIII—VI вв. до н. э.) Восточного Казахстана глиняной посуды практически нет. Редкие сосуды, как правило, бывают баночной и горшковидной формы позднеандроновского облика [Арсланова Ф. Х., 1974. С. 51, 57].

Для этого времени наиболее характерны бронзовые котлы, получившие широкое распространение по всем евразийским степям [Боковенко Н. А., 1981а]. В Восточном Казахстане эти большие (высота до 50 см) полусферические сосуды на полой ножке представлены тремя экземплярами, которые различаются формой ручек и орнаментом [Арсланова Ф. Х., Чариков А. А., 1980. С. 147—155]. Выделяются три варианта котлов: с дуговидными ручками (Кок-Терек) и противостоящим солярным орнаментом на тулове; с дуговидными ручками и тремя выступами на них (Чердоаяк); с кольцевидными ручками (Ленинка). Использовали котлы вместе с жертвенниками для приготовления специальной пищи при различных церемониях, празднествах и обрядах. В этом отношении наиболее показателен бронзовый котел из Кок-Терека. У дна этого котла есть рельефный орнамент в виде расходящихся лучей (табл. 56, 7). Он аналогичен орнаменту на краснознаменской обойме из Ставрополя, который связан с культовой символикой переднеазиатского круга, в частности, с символикой богини войны и охоты Иштар [Петренко В. Г., 1980. С. 15—19].

Для буконьского этапа характерна посуда ручной лепки различных типов, но большинство составляют кринкообразные формы. Обжиг посуды слабый, поверхность темно-серая, глина в изломе серая. По форме выделяются кринкообразные сосуды с отогнутым наружу венчиком и разной степенью раздутости боков (в единичных случаях есть вертикальные небольшие ручки); небольшие шаровидные сосуды с отверстиями в венчике для подвешивания; плоскодонные сосуды с загнутым внутрь венчиком; котловидные сосуды на поддоне с вертикальными и горизонтальными ручками (табл. 56, 45—48). Последний тип, несомненно, имитирует бронзовые котлы, которые, видимо, в это время заменяются керамическими. Котловидные сосуды,

как правило, больших размеров (высота до 36 см), почему их и клали в коллективные могилы (Кызыл-Ту, курган 4). Аналогичное явление прослеживается на сарагашенском (IV—III вв. до н. э.) и последующих этапах тагарской культуры в Минусинской котловине, где котловидные сосуды, но меньших размеров, также обнаружены в коллективных могилах. Этот факт может свидетельствовать о проникновении на Енисей культурного импульса из Средней Азии и Казахстана [Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниенко С. В., 1983. С. 81]. В начале I тысячелетия н. э. разнообразные котловидные сосуды широко распространены на тесинском этапе тагарской культуры, в таштыкской [Кызласов Л. Р., 1960] и кокзельской [Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П., 1966] культурах Саяно-Алтая. Кулажургинская посуда преимущественно кувшинообразной формы, разной величины и с разной степенью округлости боков (табл. 56, 51—54). Ее украшают наклепные горизонтальные и вертикальные валики с вдавлениями на тулове и шейке сосудов (табл. 56, 53, 54). Встречаются шаровидные сосуды, но с вертикальной шейкой (табл. 56, 51, 52). Из-за плохого обжига поверхность посуды серая, хотя встречаются экземпляры красноватых оттенков. На некоторых сосудах зафиксированы следы орнамента красной краской (охрой?).

Деревянная посуда представлена кувшинообразными формами с небольшой ручкой на боку, а также низкими подносами прямоугольной формы (табл. 56, 55, 56), характерными из-за своей простоты и надежности для широкого круга кочевых культур. Видимо, на них довольно часто клали пищу для усопших, однако сами деревянные подносы в могилах сохраняются редко.

Одежда и украшения. Костюм погребенных мужчин, типичный для кочевников, состоял скорее всего из облегающих тело куртки и штанов. Куртка-кафтан, видимо, была короткой, запахивалась на левую сторону, о чем свидетельствуют трехжелобчатые и круглые застежки, находимые в могилах (табл. 57, 21—24), а также изображения людей в одежде на бляхах из Сибирской коллекции Петра I и реконструкция иссыкского костюма. По аналогии с находками из алтайских курганов можно предполагать, что головной убор кочевников Восточного Казахстана имел вид остроконечной шапки, а обувь состояла из мягких войлочных чулок. Как и в Семиречье (Иссык), одежду наиболее знатных погребенных украшали многочисленные бляшки, выполненные из тонкого листового золота. Так, чиликтинский костюм был украшен разнообразным бисером, нашивными бляшками с пунсонным орнаментом в виде сегмента, треугольника, ромба или зооморфными (в виде птички, кошачьего хищника, орла, кабана) и полосками золотой фольги [Черников С. С., 1965]. Все эти вещи отличаются высоким художественным мастерством (табл. 57, 2—6, 12, 14, 16, 17). Во многих случаях использована техника инкрустации и зерни. В глаза и уши зооморфных фигур, как правило, вставляли бирюзу. Блестящим примером ювелирного искусства служит объемное изображение хищной рыбы (длина 11,2 см), выполненное из золотого листа, инкрустированное бирюзой (глаза, плавники) и украшенное по ту-

лову зернью (табл. 57, 6). В рядовых курганах костюм погребенных значительно скромнее и лишь иногда украшен отдельными нашивными бляшками в виде животных. С III в. до н. э. зооморфные украшения вообще перестают употребляться в качестве отделки костюма. Их сменяют растительные узоры (например, золотая нашивная бляшка четырехцветкового лотоса из кургана 15 могильника Славянка; табл. 57, 37).

Кроме украшений одежды, в мужских и женских могилах находят различные серьги, бусы, гривны, нагрудные бляхи. Серьги раннескифского времени сделаны в виде кольца или полукольца из бронзовой или золотой проволоки [Арсланова Ф. Х., 1974. Табл. III]. Скорее всего позже к ним приделывали подвески типа чиликтинских (биконической или пирамидальной формы, украшенные бирюзой; табл. 57, 7, 8). В конце I тысячелетия до н. э. появляются серьги восьмеркообразной формы или в виде колечка с небольшой овальной подвеской (табл. 57, 39). Использовались самые разнообразные бусы — сердоликовые, бирюзовые, стеклянные, бронзовые, золотые, гофрированные и витые (табл. 57, 15, 27—29, 31, 36). Формы бус также варьируют: дисковидные, цилиндрические, биконические, шаровидные и т. д., что, видимо, свидетельствует о налаженном местном производстве.

Искусство. Произведения искусства ранних кочевников Восточного Казахстана весьма разнообразны. Вплоть до III в. до н. э., в соответствии со сложной системой идеологических представлений, многие вещи украшены изображениями в скифо-сибирском зверином стиле. Выполнялись они силуэтом в плоскостном варианте (аппликации из золотого листа или наскальные изображения), в барельефе и круглой скульптуре, как правило, из металла (бронза и золото). Правда, не исключено, что произведения искусства из органических материалов просто не сохранились. Состав зооморфных изображений обширен — это благородный олень, кабан, кошачий хищник (тигр, барс), птицы (орел) и рыбы (табл. 57, 1—6, 16—19, 33—35). Преобладают изображения оленя и кошачьего хищника. Многочисленные варианты последнего образа (плоскостный, в барельефе и круглой скульптуре), используемого в различных целях (украшение одежды, зеркал, конской сбруи, бронзовых жертвенников), свидетельствуют о большой значимости его в искусстве кочевников региона в VIII—IV вв. до н. э. В петроглифах, кроме зооморфных изображений встречаются антропоморфные, часто в составе более сложных сюжетов и композиций (сцены охоты, культовые действия, батальные события). Наиболее интересна динамичная сцена из Сагыр, где два воина дерутся между собой чеканами (табл. 57, 11) — оружием, совершенно не характерным для этого региона, но типичным для синхронных культур Саяно-Алтая.

Древнее население Восточного Казахстана не было этнически однородным, о чем свидетельствует не только своеобразие археологических материалов северной и южной групп, но и неоднородность антропологических материалов [Кадырбаев М. К., 1977.

С. 255]. Воздействие алтайских племен испытывали, видимо, обитатели предгорной части долины Иртыша. Более южные племена в этнокультурном отношении тяготели к племенам Семиречья. В целом же население Восточного Казахстана, особенно в VIII—IV вв. до н. э., входило в сакский союз родственных племен в широком понимании этого понятия, хотя для более достоверной этнической атрибуции конкретных археологических памятников необходимы специальные исследования.

В письменных сообщениях о походе шаньюя Чжичжи (середина I в. до н. э.) упоминается о народе уге (угие), обитавшем к северу от усуней. Принято локализовать его в Тарбагатае или в долине Иртыша, однако достаточных оснований для этого

в источниках нет. С. С. Черников сопоставил сообщение о народе уге с кулажургинскими памятниками [Черников С. С., 1951а; 1975 б; Кадырбаев М. К., 1977]. Но в литературе высказано также предположение, что эти памятники связаны с населением владения Северные Чаши, которое граничило с владениями усуней [Бернштам А. Н., 1951]. Какое из отождествлений справедливо, покажут дальнейшие исследования. Письменные сведения позволяют говорить, что население долины Иртыша и Тарбагатая на рубеже нашей эры было вовлечено в борьбу северных хунну с ханьским Китаем и что на этой территории происходили важные политические события одного из этапов великого переселения народов в степях Евразии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Население Западной Сибири и Забайкалья в скифо-сарматское время

Введение

Глава первая
Алтай и Тува

Глава вторая
Минусинская котловина

Глава третья
Забайкалье в скифскую эпоху
и ранние гунны

Глава четвертая
Лесостепь Зауралья и Западной Сибири

Введение

Природные условия и хозяйственные зоны Западной и Южной Сибири

Вторая часть настоящего тома посвящена истории кочевых и полукочевых племен скотоводов, обитавших на широких просторах Зауральско-Западно-сибирской лесостепи и примыкающих участках степи (Западно-Сибирская равнина), Саяно-Алтайского нагорья и южных районов Забайкалья. Ландшафт, климатические условия, фауна и флора этих трех крупных регионов достаточно различны при целом ряде равных условий, что не могло не сказаться на культуре, хозяйстве и образе жизни населения каждого из них.

Территория Зауральско-Западносибирской лесостепи представляет собой почти идеальную равнину с плавной географической зональностью. Речная сеть здесь редкая, крупные артерии — Обь, Иртыш. Ишим и Тобол — по режиму относятся к рекам казахстанского типа (большое половодье весной и малый водосток в другие сезоны). Климат резко континентальный. Растительный покров отличается ярко выраженной географической зональностью и мозаичностью растительных сообществ — лесов, болот, лугов и степей. Исторически флора связана не со средневропейской, а со среднеазиатской территорией, чему не мало способствовали Уральские горы. Фауна имеет смешанный характер, поскольку здесь проходят южная граница ареала лесных видов и северная граница степных [Корякова Л. Н., Сергеев А. С., 1986. С. 90, 91].

Природные условия лесостепи Западной Сибири были наиболее благоприятны для занятия скотоводством. Обилие разнотравных пастбищ и относительно малое количество осадков зимой позволяли содержать скот длительное время на подножном корму. Возможности занятия земледелием были более ограничены по причине частых засух, а также поздних заморозков весной и ранних — осенью, отчего страдали посевы. Поэтому не случайно скотоводство как ведущая отрасль хозяйства сохранялось у аборигенов юга Сибири вплоть до недавнего времени [Асалханов И. А., 1975]. Подсобное значение имели охота и рыболовство, роль которых сильно варьировала в разных районах в зависимости от наличия и продуктивности промысловых угодий.

Саяно-Алтайское нагорье составляет западную часть крупного горного края Южной Сибири и выделяется в самостоятельную географическую область, которая складывается как из высокогорных районов (Алтай, Восточный и Западный Саяны), так и из сложных систем впадин и нагорий (Тува, Минусинские впадины, Кузнецко-Салаирская область).

Алтай — самая высокая горная область Сибири (до 3—4 тыс. м), которая к западу, югу и северу постепенно понижается, переходя в предальтайские

степи. Кроме плоских и валистых вершинных поверхностей, образующих несколько ярусов, для Алтая весьма характерны обширные межгорные котловины с естественными пастбищами, расположенными на различных высотах. Климат Алтая резко континентальный. Как всякая горная страна Алтай обладает вертикальной климатической зональностью (подножия — зона степей, далее — таежная зона и альпийские луга, еще выше — горная гундра и ледники). Луговые степи преобладают во влажных западных и северных частях Алтая, на южном и юго-восточном Алтае леса вообще мало, сухие степи межгорных котловин переходят в высокогорные луга и горную тундру. По характеру почвенно-растительного покрова степи близки приобским, но более каменисты, преобладают горные виды растений. В малоснежных районах Алтая, особенно юго-восточного, скот круглый год может держаться на подножном корму.

Саяны — горный край, примыкающий к восточному Алтаю и Кузнецко-Салаирской области, — простирается на восток почти до Байкала, но разделяется на Западный и Восточный Саяны. Западный Саян — сложная система хребтов (высотой до 3500 м), идущих преимущественно в северо-восточном направлении от Абаканского хребта до истоков р. Казыр. В самом Западном Саяне, за исключением Усинской впадины (15×50 км), больших предгорных котловин нет. Только в ней прослеживаются достаточно большие участки с весьма плодородными черноземными почвами и богатой луговой и лугово-степной растительностью, где культивируется скотоводство. Земледелие же страдает от сильных заморозков. Климат Западного Саяна суровый, но несколько менее континентальный, чем на соседних равнинных территориях. Восточный Саян — обширная горная узкая возвышенность (шириной около 300 км), простирающаяся с северо-запада от Западного Саяна на юго-восток. На юго-западе и западе Восточный Саян постепенно понижается к системе Минусинских котловин и Западно-Сибирской равнине, на юго-востоке доходит почти до Байкала, где смыкается с хребтами Прибайкалья. Климат умеренно континентальный, большая часть территории занята горной тайгой, хотя хорошо сохранились и древние безлесные плоскогорья с выровненным рельефом.

Минусинско-Хакаские впадины (ширина 200—220 км, протяженность 350 км), вытянутые с юго-востока от Западного Саяна на северо-запад до хребта Арга и окруженные со всех сторон горными отрогами, только на северо-западе имеют выход к равнине Западной Сибири. В котловинах пре-

обладает пологохолмистый рельеф, более пониженные участки приурочены к долинам крупных рек Енисея, Абакана, Тувы, Чулыма. Котловины отделены невысокими кряжами, покрытыми лесной растительностью (Солгонский, Батеневский, Манская Белогорье). Климат резко континентальный, местами засушливый. Более увлажнены правобережные районы Енисея. Поверхность котловин, благодаря солнечному лету, сильно нагревается, количество осадков не превышает 240—300 мм в год. Сильные ветры западных циклонов способствуют переносу снега. Мощность снежного покрова минимальна, всего 6—20 см, а на юге Хакасско-Минусинской котловины, в Койбальской степи — 10—15 мм. Степные черноземы и красноземы малогумусированные, маломощные и нередко щебнистые, лесостепные правобережные — более плодородны. Естественные степные пастбища являются основной кормовой базой животноводства, земледелие требует искусственного орошения [Михайлов Н. И., 1961. С. 146, след.].

Тува — страна средневысоких горных хребтов и обширных межгорных котловин, расположенная в самом центре Азиатского материка. Значительную часть территории занимает Тувинская котловина (вдоль верховьев Енисея) с холмисто-равнинным и мелкопочечным рельефом. Севернее находится Турано-Уюкская котловина, на северо-востоке — Тоджинская, которая представляет собой озерную страну, стиснутую высокими хребтами Восточно-Тувинского нагорья (до 2500 м). Южные пологие склоны хребтов спускаются к полупустынным степям Монголии. Климат Тувы резко континентальный, мощность снежного покрова незначительна (10—30 см), что позволяет зимой содержать скот на подножном корму [Михайлов Н. И., 1961. С. 150, след.]. Для всего района характерно сочетание восточносибирских таежных и монгольско-забайкальских степных и полупустынных ландшафтов с соответствующими почвами и растительностью.

Фауна предгорной полосы южного и западного Алтая, степных котловин Саян мало чем отличается от примыкающих к горам степных равнин Западной Сибири и Казахстана. Несколько иной характер имеет животный мир степных котловин восточного

Алтая и Тувы. Кроме обычных сибирских животных, в эти районы проникают животные из Монголии. Наиболее типичны для гор Южной Сибири пушные промысловые звери, а также лось, марал, северный олень, кабарга, горный козел, архар, медведь, волк, встречается снежный барс [Михайлов Н. И., 1961. С. 51, след.].

Природные условия степных котловин Саяно-Алтая были наиболее благоприятны для ведения стабильного скотоводческого хозяйства, земледелие требовало искусственного орошения. Выпас скота производился на ограниченной территории, не сравнимой по протяженности, скажем, с возможностями Казахстана, где со скотом кочевали на 800—1000 км. Видимо, сезонные перекочевки осуществлялись на десятки, сотни километров и носили вертикальный характер (уход в горы на летние пастбища, в зимнее время — возвращение из заснеженных горных районов на более открытые малоснежные места). Этнографические источники показывают большое количество переходных форм от круглогодичного кочевничества до пастушеского отгонного скотоводства именно для горных районов, что объясняется особенностями климатических условий и состоянием пастбищ. У тюркоязычных народов Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов, тувинцев), по мнению Л. П. Потапова, на протяжении многих столетий складывалось комплексное хозяйство, ведущую роль в котором играло пастбищное скотоводство с циклическими сезонными перекочевками в течение всего года [Потапов Л. П., 1984. С. 132, след.], как правило, вертикального типа, с выходом на зимние более степные, открытые, бесснежные районы [Ядринцев Н. М., 1891. С. 102, след.].

Этот тип производящего хозяйства в условиях Саяно-Алтая как в древности, так и на современном этапе достаточно жестко зависел от особенностей физико-географических изменений в границах различных циклов (эпохальных, годичных, сезонных). Подобная зависимость обусловила строгую регламентацию использования пастбищных угодий скотоводческими племенами и создание определенных систем маршрутов (круговые, вертикальные и т. д.) в соответствии с природными условиями.

Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья

Уже в XVIII—XIX вв. древности Сибири привлекали к себе внимание исследователей. Однако только в 20-е годы нашего столетия началось планомерное и активное изучение районов Саяно-Алтая, Минусинской котловины, Забайкалья и Монголии [Дэвлет М. А., 1976в]. Первые обширные раскопки в разных районах Алтая, Минусинской котловины, Западной Сибири и Казахстана произвел в 60-х годах прошлого века В. В. Радлов. Он же создал первую классификацию древних культур Сибири, разделив все известные ему материалы на четыре периода: 1 — бронзовый и медный; 2 — древ-

нейший железный; 3 — новейший железный; 4 — позднейший железный. Сейчас эта классификация, разумеется, устарела, однако научное значение ее для своего времени бесспорно.

Множество курганов в бассейне среднего и верхнего Енисея, на западном Алтае было раскопано неумолимым полевым исследователем А. В. Адриановым. Он предпринял первые широкие разведки на территории Тувы [Адрианов А. В., 1886]. Он оставил отчеты о раскопках и разведках, значительную коллекцию эстампов с писаниц и каменных изваяний [Дэвлет М. А., 1985]. Ему же принадлежит

первая попытка составления археологической карты Сибири. Часть материалов, добытых А. В. Адриановым, была опубликована самим исследователем [Адрианов А. В., 1906; 1908; 1916; 1902—1924], часть нашла свое место в работах советских археологов [Грязнов М. П., 1947; Киселев С. В., 1951. С. 221, след.].

С 1920 г. начинается новый этап изучения памятников Сибири и Алтая, связанный с именами профессионалов археологов, таких как С. А. Теплоухов, С. И. Руденко, С. В. Киселев, М. П. Грязнов. Особое место в этом ряду принадлежит С. А. Теплоухову, впервые осуществившему подлинно научный подход не только к археологическому материалу, но и к организации полевых исследований, подчиненных у него определенным целям и задачам: выбранный им район (средний Енисей) должен был изучаться комплексно (этнография, антропология, археология), а раскопками следовало охватывать небольшой участок, содержащий памятники всех типов (исключая возможность локальных различий) [Дэвлет М. А., 1976в]. Так он рассчитывал получить эталонный хронологический срез памятников разных эпох Минусинской котловины.

Любое первоначальное упорядочение археологического материала начинается с систематизации, классификации памятников и создания периодизации. Именно к этой работе приступили в 20-х годах археологи Сибири. Для бассейна Енисея (Минусинская котловина) ее выполнили С. А. Теплоухов и С. В. Киселев [Теплоухов С. А., 1929; Киселев С. В., 1928; 1929], для Алтая — М. П. Грязнов [1930]. Созданные ими локальные периодизации, или хронологические колонки, с появлением новых обширных археологических материалов, разумеется, претерпевали определенные изменения, которые мы и рассмотрим. Однако традиционное деление археологических периодизаций по регионам — Минусинская котловина, Алтай, Тува — в соответствии со сложившимися представлениями о культурных ареалах (несмотря на всю условность подобного разделения в некоторых случаях) по-прежнему принято в сибирской археологии и используется нами.

Первая научная периодизация культур Минусинского края была создана С. А. Теплоуховым [1929] на очень небольшом материале. В ее основе лежат изменения могильных сооружений, погребального обряда и сопровождающего инвентаря, что позволило выделить ряд последовательно сменявших друг друга культур. Так, за карасукской культурой (поздняя бронза, X—VIII вв. до н. э.) следовала минусинская курганная культура, относимая С. А. Теплоуховым к скифскому времени. В ней он выделил четыре последовательных этапа.

С. В. Киселев [1928] предложил несколько иную периодизацию, в основу которой был положен комплекс взаимозависимых и взаимосвязанных характерных типов вещей. Он ввел и новое название культуры — тагарская, которое быстро привилось и существует по сей день. С. В. Киселев выделил три стадии тагарской культуры: 1 — X—VII вв. до н. э.; 2 — VII—IV вв. до н. э.; 3 — III в. до н. э. — рубеж нашей эры. Несмотря на всю важность и значимость подобных работ, особенно в то время,

обе периодизации были несовершенны. аргументация слаба. Особенно проблематична казалась нижняя дата стадии 1 по С. В. Киселеву (X в. до н. э.). Впоследствии критические замечания по этому поводу высказывались не раз [Членова Н. Л., 1967. С. 4; Дэвлет М. А., 1976в. С. 28]. Хотя работа по систематизации археологического материала Минусинского края, сделанная С. А. Теплоуховым и С. В. Киселевым, была очень важна и необходима, они, однако, не решили один из главных вопросов: в чем же все-таки принципиальная разница между карасукской и тагарской культурами, в чем их качественное отличие. Заслуга выяснения этой проблемы принадлежит М. П. Грязнову. Он обратил внимание на то, что археологический материал позволяет уверенно говорить о значительных социально-экономических изменениях по всей зоне степей Евразии в начале I тысячелетия до н. э. [Грязнов М. П., 1939а. С. 399—413]. Им было введено и новое понятие для одного из следующих за эпохой бронзы этапов общественного развития — эпоха ранних кочевников, которое удачно отразило суть явления. Переход основной массы населения к кочевому и полукочевому скотоводству повлиял на все стороны хозяйственной и культурной жизни не только степных обществ, но в какой-то степени и на племена лесостепных культур.

Важной вехой в изучении археологии и истории народов Сибири явилась обобщающая монография С. В. Киселева [1949; 1951]. Это был наиболее полный сводный труд, затрагивающий почти все вопросы становления и развития древнего населения Южной Сибири. Свое место нашла в нем разработанная и уточненная периодизация минусинских памятников скифского времени. Тагарская культура, по мнению С. В. Киселева, полностью сформировалась уже к VII в. до н. э. и представлена тремя стадиями: I—VII — начало V в. до н. э.; II—V—III вв. до н. э.; III, позднеатагарская, переходная — II—I вв. до н. э.

Почти в то же время (1950 г.) М. П. Грязнов создает свою периодизацию, которая была опубликована значительно позднее (в сокращенном варианте в 1968 г.). Тагарская культура была разделена М. П. Грязновым на четыре этапа: I — баиновский (VII в. до н. э.); II — подгорновский (VI—V вв. до н. э.); III — сарагашинский (IV—III вв. до н. э.); IV — тесинский (II—I вв. до н. э.). Позднее М. П. Грязнов предложил уточненную, более подробную (семь этапов) периодизацию древних культур среднего Енисея [Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С., 1979]. Начало тагарской культуры определялось в ней временем около VIII в. до н. э. (баиновский этап), а конец — II—I вв. до н. э. (тесинский этап). Эта периодизация создана на основе обобщения нового археологического материала, полученного благодаря интенсивным работам Красноярской экспедиции и с учетом ранее созданных хронологических схем. Прекрасно понимая условность некоторых абсолютных дат и выделенных этапов, авторы указанной монографии рекомендуют придерживаться относительной хронологии как наиболее надежной и объективной, считая, что подробность периодизации тагарской куль-

туры позволяет объединить многочисленные памятники в компактные и взаимосвязанные внутри группы. Однако аргументация в пользу той или иной датировки, основание для выделения подобных этапов в этой книге не приведены.

Еще одна периодизация для первой половины тагарской эпохи разработана Н. Л. Членовой. Она основана на корреляции взаимовстречаемости оружия и ножей из тагарских курганов и главным образом из случайных находок. Абсолютные даты предложены по аналогиям со скифскими и савроматскими древностями. Н. Л. Членова [1967] выделяет три последовательные хронологические группы, каждая из которых существует примерно 100 лет: это VII, VI и V вв. до н. э. Однако в этой периодизации не учитывалось развитие форм погребального обряда и не представлена аргументация в пользу существования полного параллелизма в эволюции форм и датах тагарских вещей, в частности оружия, с материалами скифо-савроматских памятников.

Таким образом, определилось два подхода в создании периодизаций и их хронологических привязок. М. П. Грязнов, его ученики и последователи отдают предпочтение созданию стратиграфических колонок и относительной хронологии, в основу которой положена эволюция форм погребальных сооружений и различных предметов, свойственных тагарской культуре. Абсолютные же даты определяются сравнением всей хронологической колонки с такими же колонками, разработанными для культур того же типа соседних или отдаленных территорий.

С. В. Киселев и Н. Л. Членова в своих периодизациях основывались на принципе датировки отдельных вещей, главным образом оружия, по близким и далеким западным аналогиям. Определенные во времени вещи датировали и всю встреченную с ними свиту предметов, что давало возможность выделять группы и периоды.

В настоящее время наиболее распространена периодизация, предложенная М. П. Грязновым. Но, опубликованная лишь в кратком изложении, она требует дополнительного обоснования.

Один из главных вопросов периодизации памятников скифской эпохи Минусинской котловины — соотношение культур эпохи бронзы (в частности, карасукской) с тагарской, т. е. проблема происхождения тагарской культуры, дискуссионная и по сей день. С. А. Теплоухов [1929, С. 58] считал, что между карасукской культурой (X—VIII вв. до н. э.) и минусинской курганной (тагарской) в некоторых памятниках наблюдаются переходные формы, и усматривал в этом генетическую связь между двумя культурами. С. В. Киселев [1951, С. 190] также обращал внимание на переходные формы между карасукской и тагарской культурами и подчеркивал тесную связь между ними. Кроме того, он считал, что антропологический материал (изученный Г. Ф. Дебецом) тоже не позволяет говорить о каком-то перерыве в развитии или о кардинальной смене населения. С. В. Киселев выдвинул концепцию, согласно которой карасукская культура из Аньяна (XV—XIV вв. до н. э.) через Суйюань (XIV—XIII вв. до н. э.) проникла в XII в. до н. э.

на Енисей, где в VII в. до н. э. на ее основе и сложилась тагарская культура. Опираясь на исследование Г. Ф. Дебеца, С. В. Киселев [1951, С. 116] отмечал крайнюю смешанность карасукского населения за счет инфильтрации с юго-востока и сохранения в этом измененном населении старых афанасьевско-андроновских типов, которые, по-видимому, сливались с пришельцами.

Автохтонной версии (карасук—тагар) в вопросе о происхождении тагарской культуры придерживался и М. П. Грязнов. Однако он разделил карасукскую культуру на два последовательных этапа: ранний, собственно карасукский (XIII—XI вв. до н. э.), и поздний, каменнолоожский (X—VIII вв. до н. э.), который непосредственно предшествует тагарской культуре и связан с ней генетически. Именно на каменнолоожском этапе, который рассматривается как переходный карасук-тагарский, появляется целый ряд признаков (особенно в погребальном обряде), несвойственных «классической» карасукской культуре и характерных затем для тагарской. В характеристике памятников каменнолоожского типа все исследователи более или менее близки, хотя называют их по-разному: лугавскими (Н. Л. Членова), бейскими (М. Д. Хлобыстина) и атипичными. Однако в вопросе о времени их бытования существуют серьезные разногласия. Так, Н. Л. Членова [1967] и М. Д. Хлобыстина [1963] считают, что каменнолоожские памятники сосуществуют с «классическими» карасукскими или являются даже более ранними. Разногласия по поводу дат каменнолоожского этапа и оценок взаимосвязи его с «классической» карасукской культурой породили противоположные концепции происхождения тагарской культуры. В настоящее время большинство исследователей придерживается мнения, высказанного М. П. Грязновым, что население, оставившее каменнолоожские памятники, было предками тагарских племен.

Иную точку зрения на ход исторического развития в Минусинской котловине высказала Н. Л. Членова [1967]. Она считает, что пришедшая в степные районы Минусинской котловины карасукская культура (середина II тысячелетия до н. э.) сосуществовала с лугавской, генетически связанной с афанасьевской, наиболее представительные комплексы которой, по мнению Н. Л. Членовой, локализируются в южных районах котловины. Затем, в начале I тысячелетия до н. э. (X—VIII вв. до н. э.), началось смешение носителей лугавской культуры с потомками андроновских племен, продолжавших жить в северозападной части Минусинской котловины или пришедших в то время из Казахстана. В результате контакта этих двух культур вырабатываются типы керамики, украшений, погребальных сооружений, которые характерны уже для тагарской культуры, и складывается физический тип ее носителей. Таким образом, лугавская культура (XIII—X вв. до н. э.) наряду с андроновской является одним из основных компонентов формирования тагарской культуры. Позже, в течение VIII — начала VI в. до н. э., по мнению Н. Л. Членовой, отмечаются внешние сношения носителей тагарской культуры с отдаленными территориями — Центральным Казахстаном или Средней Азией.

Но если западные связи в раннетагарских памятниках прослеживаются достаточно определенно [Подольский М. Л., 1980. С. 126—134], что может свидетельствовать в пользу казахстанского происхождения некоторых компонентов тагарской культуры, то положение о глубинных афанасьевских корнях (через лугавскую культуру) тагарской культуры представляется недоказанным и неубедительным. Противоречит этому и новый археологический материал. Так, в районе Саяногорска (работы Среднеисейской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР) удалось проследить окуневские могилы, перекрывающие афанасьевские (могильник Летник VI), а между Саяногорском и Сабинкой исследованы как карасукские могильники, так и относительно поздние каменнолоожские (могильники Сабинка II, Степновка, Уй и др.)¹. Следовательно, генетическая линия развития лугавской культуры (по Н. Л. Членовой) от афанасьевской культуры до тагарской прерывается на юге Хакасии по крайней мере двумя культурными пластами: окуневским и карасукским. В андроновское время на этой территории, видимо, обитали постокуневские племена, вступившие позднее в контакт с пришедшими карасукскими, в результате чего и сформировался достаточно представительный пласт памятников каменнолоожского этапа карасукской культуры. Свообразие их по отношению к синхронным типично карасукским в более северных районах Хакасии уже отмечалось [Паульс Е. Д., 1983. С. 70—72]. Е. Д. Паульс показал также генетическую связь тагарской погребальной обрядности и намогильных сооружений с типичными карасукскими (каменнолоожскими, по М. П. Грязнову), выделенными им в единый карасук-тагарский культурный пласт [Паульс Е. Д., 1983. С. 72]².

Таким образом, археологические источники пока не позволяют достаточно убедительно связать тагарскую культуру с афанасьевской. Значительно больше данных для сопоставления с андроновской и карасукской культурами, на что указывала и сама Н. Л. Членова [1967. С. 212 след.]. Наиболее перспективны исследования, направленные на поиск карасук-тагарских связей по всем параметрам культуры и культурно-генетических корней типологически близких групп памятников. Всесторонний анализ металлургических вещей тагарской культуры уже проведен [Членова Н. Л., 1967], но синхронизация выделенных типов с погребальными памятниками и создание периодизации на основе объективных стратиграфических наблюдений — дело будущего.

¹ Опубликована лишь краткая информация о результатах раскопок [Ишеницына М. Н., Поляков А. С., Подольский М. Л., Савинов Д. Г., Кузьмин Н. Ю., 1979; Бокоренко Н. А., 1981б; Паульс Е. Д., Подольский М. Л., Кузьмин Н. Ю., 1981; Паульс Е. Д., 1983]. Но вполне ясно, что на юге Хакасии есть не только каменнолоожские памятники, но и карасукские (могильник Сабинка II).

² Подобные выделения вполне оправданы, диктуются самим материалом и перекликаются с выделявшимися ранее группами памятников переходного типа, имеющими по ряду признаков связи как с карасукской, так и с тагарской культурами. Они отмечены в серии работ: Киселев С. В., 1951; Членова Н. Л., 1963; 1967; 1972а.

Другой стороной концепции Н. Л. Членовой является утверждение о возможности длительного сосуществования в Минусинской котловине (XIV—VI вв. до н. э.) нескольких культур и культурных групп [Членова Н. Л., 1972а]. Вывод этот был сделан после передатировки (на основе типологии и хронологии бронзовых ножей) целого ряда памятников, которые ранее, по мнению исследовательницы, входили в сменявшие друг друга этапы [Членова Н. Л., 1963]. Однако против возможности сосуществования карасукской и тагарской культуры приводились серьезные аргументы [Максименков Г. А., 1975. С. 159—167]. Г. А. Максименков подтвердил общую схему развития последовательно сменявшихся культур эпохи бронзы (от афанасьевской до тагарской) на примере раскопок памятников всех культур на ограниченном участке (долины рек Черновая, Карасук и гора Тепсей). Детальное исследование таких микрорайонов позволяет создать наиболее надежные хронологические колонки археологических памятников, являющиеся опорными и для больших регионов [Матющенко В. И., 1983. С. 90—93].

Последовательность развития культур эпохи бронзы подтверждается памятниками, исследованными не только в зоне Красноярского водохранилища, но и в других районах — на юге края и в западной Туве (стоянка Тоора-Даш), где представлена практически вся свита культур (отсутствуют лишь слой и керамический материал, сопоставимые с андроновскими) [Семенов В. А., 1983]. Карасукский пласт Тоора-Даш синхронизируется с материалами каменнолоожского этапа Минусинской котловины.

В то же время полевые работы последних лет в южной части Хакасии показали, что наиболее реальное решение проблемы происхождения тагарской культуры лежит где-то посредине, между двумя крайними концепциями М. П. Грязнова и Н. Л. Членовой. Хотя была подтверждена общая схема развития культур эпохи бронзы Минусинской котловины и достоверно установлена последовательность культурно-исторических этапов (карасукский—каменнолоожский—баиновский), удалось, однако, выявить локальные особенности, не укладывающиеся пока в концепцию простой смены культур при однокультурности в каждый исторический период [Паульс Е. Д., 1983. С. 70—72]. Поэтому не исключена возможность сосуществования в непродолжительный период некоторых памятников при сохранении общей классической тенденции их развития. Выделенный среди этих погребальных комплексов единый карасук-тагарский культурный пласт свидетельствует о зарождении ряда характерных тагарских черт на каменнолоожском этапе, о сложности и многоплановости происходивших процессов, о необходимости по-новому подойти к рассмотрению формирования тагарской культуры.

Среди вопросов, связанных с историей племен скифо-сарматского времени Минусинской котловины, не менее дискуссионной остается проблема интерпретации позднетагарских памятников II—I вв. до н. э. (соотношение могил и склепов), времени появления таштыкской культуры и ее внутренней хронологии. Начиная с С. А. Теплоухова большинство исследователей Сибири относило II—I или

II — середину I в. до н. э. к позднему этапу тагарской культуры и рассматривало как тагаро-таштыкский переходный период [Теплоухов С. А., 1929. С. 40, 50; Киселев С. В., 1951. С. 276—285; Кызласов Л. Р., 1960. С. 24, 25]. М. П. Грязнов и вслед за ним М. Н. Пшеницына назвали эти памятники тесинскими и также соотнесли с завершающим этапом тагарской культуры. Н. Л. Членова [1964а. С. 281, 287] отнесла памятники II—I вв. до н. э. уже к таштыкской культуре. На основе близости погребального обряда и форм инвентаря большая часть исследователей усматривает генетическую связь между памятниками тесинского и сарагашенского этапов. Но при этом они признают появление новаций (грунтовые могильники, впускные захоронения в каменные оградки более раннего времени), которые отражают сложность социальной структуры общества и, вероятно, его этническую неоднородность. Сейчас возродилась еще одна концепция, согласно которой в рамках тесинского этапа фиксируется существование двух этносов — местного, оставившего захоронения в больших курганах-склепах, и пришлого, скорее всего хуннского, хоронившего своих покойников в грунтовых могильниках [Вадецкая Э. Б., 1986б. С. 87, 88]. Эти разногласия нашли отражение и на страницах настоящего тома. Видимо, окончательное решение этого вопроса станет возможным только после проведения тщательного типологического анализа инвентаря из склепов, грунтовых могильников и оград и детального сопоставления обеих групп.

Остается остродискуссионным вопрос о характере и времени сложения таштыкской культуры. Реконструкция этих событий, предложенная Э. Б. Вадецкой [1986б. С. 141—146], представляется очень противоречивой. Неясно, почему на ранней стадии таштыкской культуры, которую она связывает с грунтовыми могильниками I в. до н. э.—II в. н. э., наблюдается механическое смешение местного тагарского и пришлого населения. А период доминирования обряда захоронения в склепах (конец II—III—IV вв. н. э.) отражает эволюцию интенсивной взаимоассимиляции местного европеоидного населения и оставшегося здесь монголоидного. Процесс этот, по мнению Э. Б. Вадецкой, и привел к органическому слиянию разных культурных традиций. Хотя Э. Б. Вадецкая определяет время существования таштыкской культуры I в. до н. э.—VI в. н. э., по логике ее концепции сложение единого культурного комплекса происходит только в III в. н. э., что кажется маловероятным. Поэтому более убедительной представляется точка зрения большинства исследователей (С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов, М. П. Грязнов), которые считают, что к середине или концу I в. до н. э. на местной основе с включением пришлого компонента складывается таштыкская культура, которая проходит в своем развитии определенные этапы, существенно отличающиеся друг от друга. Однако и это мнение требует дополнительного обоснования и всестороннего анализа многочисленного нового материала, на основе которого будет, наконец, построена аргументированная хронологическая колонка всех таштыкских древностей.

Созданные в результате тщательного исследования

археологических памятников хронологические схемы Минусинской котловины в значительной степени повлияли на историко-культурные периодизации соседних регионов.

Культуры Алтая занимают промежуточное положение между древними культурами Енисея, с одной стороны, и культурами Казахстана и Средней Азии — с другой, что, конечно, отразилось на облике самих культур. История археологических исследований на Алтае довольно подробно освещена в литературе [Грязнов М. П., 1950а; Киселев С. В., 1951; Руденко С. И., 1953; 1960; Кубарев В. Д., 1979; Мартынов А. И., 1983; Марсадалов Л. С., 1984]. В дореволюционный период в основном шел процесс накопления археологических данных. Исследовательские работы на высоком профессиональном уровне начались с 20-х годов. Первую классификацию древних культур Алтая предложил М. П. Грязнов [1930. С. 5]. Его схема построена с учетом изменения облика самих вещей и материала, из которого они изготавливались. Выделив три эпохи (дометаллическую, бронзы, железа), он вполне понимал условность этой периодизации. Позже М. П. Грязнов [1939а] отказался от принципа выделения культур по материалу, положив в основу ведущий способ ведения хозяйства, лучше отражающий этапы общественного развития. Памятники эпохи ранних кочевников М. П. Грязнов отнес к трем хронологическим этапам: I — майэмский (VII—V вв. до н. э.); II — пазырыкский (V—III вв. до н. э.); III — шибинский (II в. до н. э.—I в. н. э.). Впоследствии он обосновал выделение майэмского этапа, а затем ограничил его верхнюю дату VI в. до н. э. [Грязнов М. П., 1947]. М. П. Грязнов [1949] разработал периодизацию археологических памятников земледельческо-скотоводческого населения приалтайской лесостепи. На основе изучения могильников и поселений верхней Оби и сопоставления их с памятниками карасукской и тагарской культур Енисея он предложил такую последовательность сменявших друг друга культур: карасукская X—VIII вв. до н. э.; большещеченская (соответствующая эпохе ранних кочевников) с тремя этапами развития — большещеченским (VII—VI вв. до н. э.), бийским (V—III вв. до н. э.) и березовским (II в. до н. э.—I в. н. э.).

С. В. Киселев по алтайским материалам выделил майэмскую культуру (не этап), но с несколькими иными, чем у М. П. Грязнова, хронологическими рамками: ранняя стадия — VII—VI вв. до н. э., поздняя — V—IV вв. до н. э. Пазырык и аналогичные ему памятники он отнес к гунно-сарматскому времени (III—I вв. до н. э.), именуемому пазырыкской эпохой [Киселев С. В., 1951. С. 326]. Подобное «омоложение» Пазырыка вызвало серьезные возражения со стороны исследователей [Руденко С. И., 1953. С. 342]. С. И. Руденко [1960. С. 197] достаточно аргументированно относил подобные курганы к V—IV вв. до н. э., весь же скифский период Алтая датировал VII—IV вв. до н. э., хотя и считал, что культура ранних кочевников сложилась значительно раньше, в IX—VIII вв. до н. э. Он полагал, что именно в начале VII в. до н. э. на Горном Алтае появились кочевые скотоводческие племена, мигрировавшие с юго-западных территорий

и ассимилировавшие местное население. С. И. Руденко отрицал правомерность выделения особого майэмирского этапа или культуры, относя все эти памятники Алтая к скифскому периоду.

Дальнейшие исследования лишь частично подтвердили правильность периодизации М. П. Грязнова [Полторацкая В. Н., 1961; Завитухина М. П., 1964; Троицкая Т. Н., 1970; Сорокин С. С., 1969в]. Так, были пердатированы некоторые памятники, отнесенные М. П. Грязновым к шибинскому этапу, и совершенно справедливо синхронизированы с пазырыкскими. Теперь Шибинский курган датируется V—IV [Баркова Л. Л., 1978. С. 43] или IV—III вв. до н. э., а Катадинский — IV—II вв. до н. э. [Марсадолов Л. С., 1985. С. 11—15]. Почти полное отсутствие на Горном Алтае памятников последних веков до нашей эры явилось причиной растянутости хронологической колонки М. П. Грязнова. Сейчас известны памятники, не укладывающиеся в традиционную датировку начала эпохи ранних кочевников (VII в. до н. э.). К ним в первую очередь относятся курганы могильника Курту II, которые С. С. Сорокин [1966а. С. 47] датировал IX—VIII вв. до н. э., считая их по ряду признаков более архаичными по сравнению с майэмирскими.

После открытия Аржанского комплекса М. П. Грязнов попытался внести коррективы и в хронологию Алтая. Синхронизация памятников скифо-сибирских культур позволила ему выявить три фазы развития: аржанско-черногоровскую (VIII—VII вв. до н. э.), майэмирско-келермесскую (VII—VI вв. до н. э.) и пазырыкско-чертомлыкскую (V—III вв. до н. э.) [Грязнов М. П., 1979а. С. 4—7]. Впоследствии М. П. Грязнов [1983а. С. 3] «удревнил» начальную фазу до IX в. до н. э. Основанием для подобных изменений послужили сравнительно-типологический анализ основных вещевых компонентов раннекочевнических культур и синхронизация их с хорошо датированными памятниками Северного Причерноморья.

Большое значение для разработки вопросов хронологии приобретают работы Л. С. Марсадолова [1984; 1985], использующего для получения надежной периодизации Алтая современные методы. Продолжив дендрохронологические исследования И. М. Замоторина [1959] и Е. И. Захариевой [1974; 1976], он уточнил дендрохронологические даты и последовательность сооружения семи больших курганов Саяно-Алтая, включая Аржан. Им построена «плавающая» дендрохронологическая шкала длиной более 380 лет. Привязка этой шкалы осуществлялась как археологическими методами (сопоставление предметов Пазырыкских курганов I и II с находками Семибратних курганов 2 и 4 на Кубани), так и методами естественных наук (дендрохронологическим и радиоуглеродным). В результате этих исследований Л. С. Марсадолов [1985. С. 15] «удревнил» дату майэмирского этапа до VIII в. до н. э., а пазырыкского — до VI—IV вв. до н. э.

Еще одна периодизация предложена А. С. Суразаковым [1985]. Он считает нужным отделить наиболее ранние памятники VII—VI вв. до н. э. от всей остальной их массы, охватывающей время конца VI — начала II в. до н. э., поскольку ввиду крайней малочисленности и поливариантности ран-

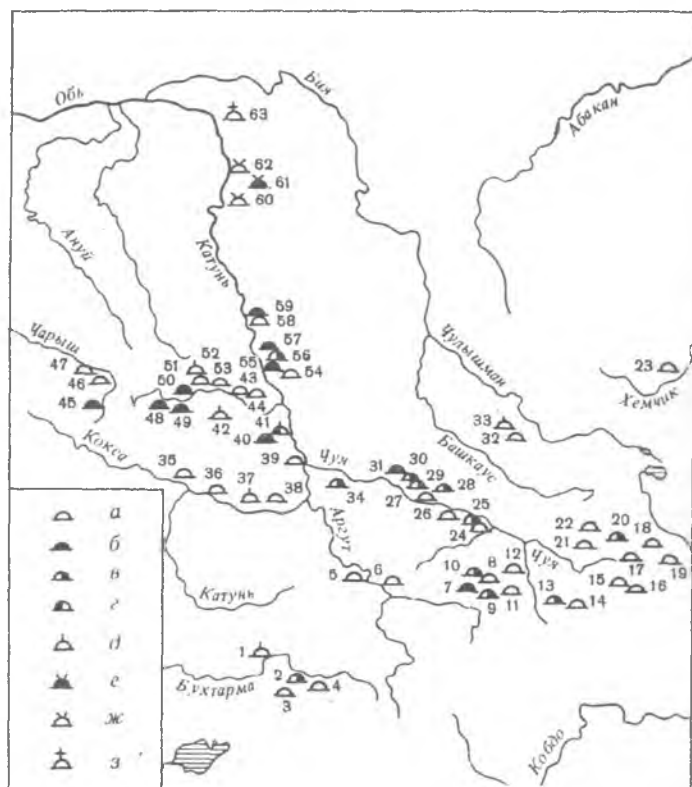
них памятников он не усмотрел между ними и поздними бесспорной генетической связи. Памятники VI — начала II в. до н. э., объединенные в пазырыкскую культуру, А. С. Суразаков подразделил на три последовательные хронологические группы: конец VI—V; V—IV; III — начало II в. до н. э. (различаются детали погребального обряда и инвентаря). Рубеж III—II или начало II в. до н. э. он считал концом пазырыкской культуры, поскольку именно с этого времени происходят заметные изменения облика инвентаря и обряда. В немалой степени это связано, очевидно, с хуннской экспансией в конце III в. до н. э. Немногочисленные памятники II—I вв. до н. э. пазырыкского облика предложено именовать гунно-сарматскими, или постпазырыкскими.

Результаты широких полевых работ новых археологических центров (Новосибирск, Барнаул, Горно-Алтайск) поставили перед исследователями проблемой этнической неоднородности населения Горного Алтая в рассматриваемое время. Помимо пазырыкской культуры, здесь была выделена особая кара-кобинская культура, или памятники кара-кобинского типа (северная и западная части Алтая), обнаруживающие черты, присущие памятникам кула-жургинского типа Восточного Казахстана [Могильников В. А., 1983в. С. 63—65; Суразаков А. С., 1983. С. 46—48]. Основные различия между пазырыкскими и кара-кобинскими комплексами прослеживаются в погребальном обряде (различные погребальные сооружения, отсутствие у «кара-кобинцев» сопровождающих конских захоронений, а также ритуальных колец с западной и балбалов с восточной стороны насыпей). Однако эти факты не получили единой интерпретации. Одни исследователи усмотрели в этих различиях половозрастные и социальные причины [Кубарев В. Д., Гребенщиков А. В., 1979. С. 73], а другие по-прежнему рассматривают эти памятники в рамках единой пазырыкской культуры [Шульга П. И., 1986. С. 20—22; Троицкая Т. Н., 1985. С. 106]. Решению этой проблемы помогает, на наш взгляд, картографирование памятников обоих типов. На юге и юго-востоке Алтая, на Берели, Катунь до устья Чуи, на Чуе, среднем и верхнем Чулышмане явно преобладают памятники пазырыкской культуры, представленные курганами знати и рядовых скотоводов, составлявших основу пазырыкского общества. Характерные для «кара-кобинцев» погребения в каменных ящиках здесь единичны или малочисленны. В центральном Алтае, по средней Катунь и Урсулу с притоками (карта 7), бесспорно увеличивается число чисто кара-кобинских и смешанных кара-кобинско-пазырыкских некрополей [Владимиров В. Н., Шульга П. И., 1984; Могильников В. А., 1983в; Суразаков А. С., 1983]. Пазырыкских могильников здесь значительно меньше, чем на юге, хотя они доходят на севере до Катунь, до Чемала, а единичные погребения — до Маймы. Но среди пазырыкских курганов встречаются как рядовые, так и курганы знати (Башадар, Туэкта и т. д.). Последнее обстоятельство вкупе с более бедным инвентарем кара-кобинских захоронений, очевидно, свидетельствует о политическом господстве «пазырыкцев» над «кара-кобинцами». Таким образом, для конца VI — рубежа

III—II вв. до н. э. можно, по-видимому, говорить о существовании в Горном Алтае двух этнических групп — господствующей пазырыкской и подчиненной кара-кобинской, большая часть ареала которой перекрыта ареалом пазырыкской культуры. Еще в майэмирское время (VIII—VI вв. до н. э.) оформились и выделились две группы памятников: усть-куюмская в северной и центральной частях Горного Алтая (захоронения в каменных ящиках под каменно-земляными курганами), генетически предшествовавшая памятникам кара-кобинского типа, и коксинская на южном и отчасти центральном Алтае (погребения в ямах под каменными кольцами или невысокими каменно-земляными курганами с кольцевидной крепидой), носители которой влились в этнос пазырыкской культуры [Могильников В. А., 1986а. С. 43, 44. Рис. 9; Степанова Н. Ф., 1986. С. 79—81]. Центральный Алтай являлся ареной контактов обеих групп на протяжении всего скифского времени.

Возможно, правы и те исследователи, которые говорят еще об одной этнокультурной группе населения, локализуемой в предгорьях Алтая и выделенной в раннескифское время (небольшие земляные насыпи, неглубокие грунтовые ямы, погребенные лежат скорченно, головой на запад с отклонением к югу, при них — кости барана) [Полторацкая В. Н., 1961. С. 74—88]. Позже эти черты обряда с некоторыми изменениями прослеживаются в располагающихся здесь же курганах чумышско-ишинской группы памятников, синхронных пазырыкским и кара-кобинским [Могильников В. А., Уманский А. П., 1981. С. 84, 85; Суразаков А. С., 1985. С. 18, 19] и представляющих южную периферию большереченской историко-культурной общности.

Дискуссионным остается вопрос об этнической атрибуции населения Горного Алтая в пазырыкскую эпоху. Некоторые исследователи, возможно справедливо, отождествляют «пазырыкцев» с юечжами [Руденко С. П., 1960. С. 339]. В конце III — первой половине II в. до н. э. юечжи были разбиты хуннами [Бичурин Н. Я., 1950а. С. 46—48, 266; Таскин В. С., 1968а. С. 38, 76], и в это же время пазырыкская культура прекратила свое существование. Численность населения Алтая сильно уменьшилась, на что указывает малое количество памятников хуннского времени по сравнению с предшествующим периодом. Вероятно, от хуннского разгрома «пазырыкцы» пострадали в большей степени, чем «каракобинцы», которые жили преимущественно в более северных районах Алтая, удаленных от хуннской экспансии. «Каракобинцы», восприняв некоторые элементы пазырыкской культуры (в частности, обычай захоронения коня, которого они стали укладывать поверх каменного ящика), составили основной компонент населения центрального Алтая (II в. до н. э. — V в. н. э.), известного по памятникам типа Булан-Кобы IV [Мамадаков Ю. Т., 1985. С. 173—189]. В сложении этого населения участвовали также этнические группы, проникшие на Алтай из Монголии в период походов хунну. Выделено три типа памятников Алтая гунно-сарматского времени: Булан-Кобы в центральном Алтае [Мамадаков Ю. Т., 1983. С. 212; 1985. С. 173—189], Балыктыюл — на среднем Чулышмане и Кок-Паш — на

Карта 7. Горноалтайские памятники пазырыкской культуры и кара-кобинского типа середины — второй половины I тысячелетия до н. э.

1 — Берель; 2 — Катонский; 3 — Курту V; 4 — Копай; 5 — Коксу; 6 — Аргут I; 7 — Кызыл-Джар II, IV; 8 — Кызыл-Джар I; 9 — Кызыл-Джар III, V, VIII; 10 — Талдура I; 11 — Еланган; 12 — Ирбисту II; 13 — Уландрык I—IV; 14 — Бураты I, IV; 15 — Ташанта I, II; 16 — Ташанта III; 17 — Юстыд XII; 18 — Юстыд XXII; 19 — Малталу; 20 — Бар-Бургазы; 21 — Коштал I; 22 — Узунта; 23 — Саглы-Бажи II, курган 1; 24 — Курай III; 25 — Курай V; 26 — Тётё; 27 — Боротал I, II; 28 — Боротал III; 29 — Алагаил; 30 — Акташ; 31 — Тербедок; 32 — Арагол; 33 — Пазырык; 34 — Белый Бом II; 35 — Усть-Кокса; 36 — Кастахта; 37 — Катанда; 38 — Ак-Кем; 39 — Большой Яломан; 40 — Карасу II; 41 — Кер-Кечу; 42 — Башадар; 43 — Каракол; 44 — Курота; 45 — Кырлык I; 46 — Яконур; 47 — Сары-Кобы; 48 — Семисарт II; 49 — Ело; 50 — Кара-Коба II; 51 — Шибё; 52 — Туэкта; 53 — Таалай; 54 — Томыс-Кан; 55 — Кызык-Телань I; 56 — Айрыдаш; 57 — Кара-Тенеш; 58 — Эдиган; 59 — Чемал; 60 — Дубровка; 61 — Алферовский; 62 — Майма IV; 63 — Быстринский; а — курганные могильники пазырыкской культуры; б — могильники с погребениями в каменных ящиках каракобинского типа; в — могильники пазырыкской культуры с включениями отдельных погребений в каменных ящиках каракобинского типа; г — каракобинские могильники с включениями пазырыкских курганов и смешанные пазырыкско-каракобинские могильники; д — курганы племенной пазырыкской знати; е — могильники со смешанными каракобинско-большереченскими чертами в культуре; ж — могильники чумышско-ишинской группы с включением пазырыкских погребений; з — могильники чумышско-ишинской группы с включением каракобинских погребений

нижнем [Сорокин С. С., 1977. С. 57—67; Елин В. Н., Васютин А. С., 1986. С. 149—156]. Кроме того, ко II—I вв. до н. э. относятся немногочисленные памятники постпазырыкского типа, принадлежавшие остаткам населения пазырыкской культуры [Савинов Д. Г., 1978. С. 48—54; 1984. С. 11; Кубарев В. Д., 1987. С. 131—135].

Разнообразие деталей ритуала в памятниках Алтая гунно-сарматского времени, отражающих, видимо, их этнокультурную неоднородность, пока не имеет обстоятельного объяснения ввиду фрагментарности и малочисленности материала. С другой стороны, разделение Алтая труднопроходимыми хребтами на ряд изолированных долин способствовало длительной консервации этнографических особенностей живших здесь немногочисленных этнических групп, что отразилось и на археологическом материале.

К середине I тысячелетия н. э. происходит, очевидно, известная интеграция культуры населения Алтая. Памятники берельского типа (V—VI вв.), характеризующиеся подкурганными захоронениями с восточной ориентировкой, сопровождающимися костяками коней, непосредственно предшествуют раннетюркским памятникам кудыргинского этапа (VI—VII вв.). Их считают прототюркскими [Гаврилова А. А., 1965. С. 54—57]. Прослеживаемый непрерывно от пазырыкской культуры до древних тюрок через памятники булан-кобинского и берельского типов обычай сопровождающих конских захоронений наряду с другими деталями погребального ритуала [Могильников В. А., 1980а. С. 70, 71; Савинов Д. Г., 1984. С. 11] позволяет видеть в этносе скифского и гуннского времени Алтая компонент генезиса тюркоязычного населения второй половины I тысячелетия н. э. Однако все это не исключает возможную ираноязычность кочевей, остатки которых, сохранив ряд элементов своей культуры, могли быть тюркизированы в гуннское время.

В исследовании истоков этногенеза народов Алтая важную роль играет изучение сюжетов искусства, памятники которого сохранились в больших курганах Алтая скифского времени. Раскрытие семантики этого искусства помогает героический эпос алтайцев, корни которого уходят в скифскую эпоху [Грязнов М. П., 1961. С. 25—31; Суразаков А. С., 1984. С. 147, 148]. С другой стороны, в нем прослеживаются мотивы, сближающие его с искусством сако-скифских племен степей Евразии [Суразаков А. С., 1986. С. 4].

Создание археологической периодизации Тувы неразрывно связано с исследованиями на Алтае и в Минусинской котловине и разработкой периодизаций этих регионов. Первые хронологические схемы первобытных памятников Тувы были предложены Л. Р. Кызласовым и С. И. Вайнштейном, которые выделили культуру скифского облика и датировали ее VII—III вв. до н. э. Л. Р. Кызласов [1958] назвал ее уюкской, С. И. Вайнштейн [1958] — казылганской. Полевые работы 60-х годов в Туве позволили А. Д. Грачу выделить «предскифский» период — памятники монгун-тайгинского типа, которые он отнес к эпохе бронзы. Они бесспорно предшествовали скифским (VII—III вв. до н. э.), поскольку оказались перекрыты последними. Тогда же А. Д. Грач выдвинул гипотезу о существовании в Туве не единой уюкской (казылганской) культуры скифского облика, а двух последовательно сменявших друг друга: ранняя (VII—VI вв. до н. э.) была названа им алды-бельской, поздняя (V—III вв. до н. э.) — саглынской. Алды-бельская культура, по мнению А. Д. Грача, обнаруживает большое сход-

ство с тасмолинской культурой Казахстана и май-эмирскими памятниками Алтая. Смена археологических культур, как считал А. Д. Грач, свидетельствует о вытеснении носителей алды-бельской культуры пришлыми племенами и об изменениях в этнической среде региона [Грач А. Д., 1971; 1980. С. 38]. Выделение двух культур в памятниках скифского времени вызвало возражения ряда исследователей [Кызласов Л. Р., 1979; Мандельштам А. М., 1983б]. Эти разногласия в полной мере отражают дискуссионность представлений об археологической культуре как таковой. Критерии для ее выделения имеют, видимо, свою специфику не только для разных эпох, но и для разных территорий. Слабость общих теоретических разработок, а также избирательность привлечения археологических источников к решению этой сложной проблемы (из-за отсутствия нужных публикаций) пока не позволяют положительно решить вопрос о моно- или поликультурности скифского населения Тувы.

Иного мнения о путях исторического развития Тувы придерживается М. Х. Маннай-оол. Помимо некоторых уточнений, внесенных им в периодизацию Л. Р. Кызласова, М. Х. Маннай-оол, опираясь на различия в устройстве погребальных сооружений и в антропологических типах уюкской культуры, высказал предположение о многоэтничности населения Тувы в скифское время. Одни памятники (захоронения в цистах на горизонте и в больших земляных курганах) принадлежат, по его мнению, коренному населению, обитавшему здесь с эпохи бронзы, другие (курганы с круглыми или прямоугольными каменными оградками) — оставлены выходцами из Монголии [Маннай-оол М. Х., 1970. С. 78—83, 106]. Но хотя каждый исследователь стремился к созданию своей периодизации культур скифского типа, время их становления все традиционно определяли VII вв. до н. э.

Качественно новый этап в изучении культуры Тувы начала I тысячелетия до н. э. наступил после раскопок царского кургана Аржан в Уюкской котловине (1971—1974 гг.). Материалы этих раскопок позволили по-новому осмыслить становление и развитие культуры ранних кочевников по всей степной зоне Евразии [Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1973; 1975]. Этот замечательный памятник сопоставляется с целой группой комплексов черногооровско-новочеркасского типа Северного Причерноморья (IX—VII вв. до н. э.). В Туве материалы или скорее комплексы Аржана типологически предшествуют алды-бельской культуре (или ранним комплексам уюкской и казылганской), но в то же время инвентарь и погребальный обряд Аржана имеют вполне скифо-сибирский облик. В Аржане представлены все элементы «скифской триады», что позволило М. П. Грязнову и М. Х. Маннай-оолу отнести начало культуры ранних кочевников Тувы (т. е. скифской культуры) к VIII—VII вв. до н. э. Начальный этап этой культуры назван ими аржанским [Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1975. С. 195]. Анализ материалов скифо-сибирского облика буквально из всех регионов азиатских степей позволил М. П. Грязнову показать своеобразие раннескифских памятников, характеризующихся серией эпохальных признаков [Грязнов М. П., 1978;

1979а; 1980; 1983а]. Начальная фаза эпохи ранних кочевников названа им аржано-черногорской и отнесена сначала к VIII—VII вв. до н. э. [1979], затем — к IX—VII вв. до н. э. [Грязнов М. П., 1983а; Grjasnow M. P., 1984. S. 78]. Нижняя граница этой фазы (IX в. до н. э.) пока не обоснована и, видимо, введена вслед за датами, предложенными некоторыми исследователями для отдельных раннекочевнических комплексов на сопредельных территориях (Курту II, Биже). Выделение М. П. Грязновым майэмирско-келермесской (VII—VI вв. до н. э.) и пазырыкско-чертомлыкской (V—III вв. до н. э.) фаз, как и попытка синхронизации европейских и азиатских культур скифского типа остаются пока гипотетичными. Понимая сложность и трудоемкость подобных сопоставлений, М. П. Грязнов успел только черне наметить основные направления этой работы. Однако исследование кургана Аржан и высказанные в связи с этим соображения М. П. Грязнова позволили А. Д. Грачу «удревнить» алды-бельскую культуру, включив в нее аржанский этап (VIII—VII вв. до н. э.) [Грач А. Д., 1980. Табл. 1].

Введение в научный оборот значительной части археологических источников Тувы позволяет перейти на качественно иной уровень обобщения и понимания сложной истории формирования культуры ранних кочевников этого региона.

Ряд проблем существует и в изучении культуры хунну. Большой интерес вызывает проблема происхождения хунну, решение которой упирается в слабую изученность культуры скифского времени юго-восточных районов Монголии, территории Внутренней Монголии и Ордоса, где формировалось ядро объединения ранних хунну. Отсутствие прямой связи между культурой хунну и культурой плиточных могил скифского времени, в ареале которых затем обнаруживаются памятники хунну, особенно затрудняет решение этого вопроса. Дискуссия также проблема связи азиатских хунну и европейской гуннов. Сложность ее усугубляется отсутствием в степях Европы, Казахстана и Средней Азии гуннских памятников, генетически связанных с памятниками хунну Центральной Азии. Речь может идти об идентичности лишь отдельных категорий инвентаря, таких как сложные луки, бронзовые котлы с вертикальными прямоугольными ручками, украшения со вставками, которые могли распространяться не только с этносом носителем, но и путем межплеменного обмена. Некоторые лингвисты считают, основываясь, правда, на ограниченном материале, что язык европейских гуннов был отличен от языка азиатских хунну и что европейские гунны не были прямыми потомками азиатских хунну [Дёрфер Г., 1986. С. 113; Doerfer G., 1973; Maenchen-Helfen O., 1973. P. 22—243]. Иной точки зрения придерживается К. Йеттмар, сопоставляющий хунну и гуннов [Jettmar K., 1953. P. 160—180].

Важной задачей остается разработка детальной хронологии древностей хунну. По мнению А. В. Давыдовой [1985. С. 36, 37] и С. С. Миняева [1975. С. 47, 48], памятники дэрестуйского и суджинского типов отражают этнические различия в составе хунну и являются одновременными. Это положение достаточно аргументировано и подтверждается су-

ществованием ранних памятников суджинского типа (рубеж III—II — начало II в. до н. э.) в Туве [Мандельштам А. М., 1967]. Однако представляется, что памятники дэрестуйского типа в Забайкалье по типологии вещей несколько древнее здешних памятников суджинского типа. Возможно, следует говорить о двух типах памятников: суджинской группе, связанной с основной массой кочевников и полукочевников хунну, и дэрестуйской, сопоставимой преимущественно с оседлой частью хуннского общества. В последней наряду с жившими оседло хунну большую роль играли полиэтничные элементы, на что указывают письменные и археологические источники. В силу специфики исторического развития в одних районах расселения хунну памятники дэрестуйского и суджинского типов могли быть одновременными, в других — несколько различными во времени. К тому же, хуннские памятники этих двух типов не везде встречаются совместно. Так, памятники дэрестуйского типа пока не обнаружены в западной Монголии и Туве. Материал Забайкалья дает возможность создать дробную хронологию древностей хунну [Сосновский Г. П., 1935. С. 172, 173; 1946. С. 65; Кызласов Л. Р., 1969б. С. 118, 123; 1979; С. 82, 84]³.

Вызывает споры вопрос о путях проникновения хунну в степи Казахстана и Западной Сибири. А. И. Мартынов [1979. С. 91] говорит о двух маршрутах их движения на запад: южном — через Среднюю Азию и северном — через Минусинскую котловину и Ачинско-Мариинскую лесостепь. Однако более реальным представляется, что в Среднюю Азию и Казахстан хунну могли проникнуть только южным путем — через западную Монголию, Синьцзян и Джунгарские Ворота. Эти районы на рубеже III—II вв. до н. э. попали в сферу их внешнеполитических интересов, были удобны для них в экологическом отношении, наконец, о походах в этом направлении повествуют письменные источники. К тому же, к концу I в. до н. э. народы Саяно-Алтайского нагорья — динлины, гяньгуни и др. — освободились от господства хунну и сами совершали набеги на хуннские земли, что само по себе уже закрывало этот путь. Кроме того, в Туве, Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи с конца I тысячелетия до н. э. развивались самобытные культуры — шурмакская и таштыкская, так что вряд ли движение хунну в I—II вв. н. э. на запад через эти территории было возможным. Видимо, северный путь движения хунну на запад не существовал.

В изучении культур западносибирской лесостепи также имеется множество нерешенных проблем. Хронология и периодизация этих культур базируются главным образом на западных, сарматских, параллелях (хотя привлекаются и восточные), и исследователи оперируют теми же хронологическими схемами [Сальников К. В., 1962а; Могильников В. А., 1969б; 1970; Корякова Л. Н., 1981а; 1981б]. Разработка местных локальных датировочных колонок — дело будущего. Особенно пробле-

³ Выделенные этими исследователями дэрестуйский и суджинский этапы культуры хунну не соответствуют группам памятников дэрестуйского и суджинского типов, которые рассматривает ниже В. А. Могильников.

матичны пока даты нижних границ этих культур, поскольку археологический материал, относящийся к раннему времени, недостаточен.

Очень много споров идет о происхождении культур западносибирской лесостепи. Однако более или менее аргументированные гипотезы высказаны лишь в отношении гороховской и саргатской культур. Большинство исследователей сходится во мнении, что саргатская культура сформировалась в Прииртышье и отчасти в Приишимье на базе андроновидных культур лесостепи Западной Сибири при некотором участии северного компонента [Чернецов В. Н., 1953в. С. 70; Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970. С. 214, 215; Могильников В. А., 1970. С. 181; 1983а. С. 78, 79; Стоянов В. Е., 1969б. С. 19]. Однако существуют и иные концепции. Так, А. Я. Труфанов [1986. С. 61] несколько преувеличивает роль северного, сузгунского, компонента, отводя ему в генезисе «саргатцев» лесной Прииртышья и лесостепного Приишимья главную роль, что вряд ли правомерно. А. В. Матвеев [1985. С. 19] считает, что саргатская культура сформировалась главным образом в Барабе и, возможно, в Прииртышье на базе позднеирменской культуры и уже оттуда ее население мигрировало на запад. Надо признать, что позднеирменское население Барабы, действительно, было одним из компонентов саргатской культуры, но никак не основным. Н. В. Полосьмак [1985. С. 12; 1987. С. 91—100] предполагает, что саргатская культура складывалась не в одном центре, а во всем ее ареале и что формирование ее связано с местными культурами поздней бронзы (ирменской — в Барабе, среднеиртышского варианта ирменской — в Прииртышье, межовской — в Зауралье), вступавшими на юге региона во взаимодействие с алексеевской и саргаринской. Эта точка зрения не в полной мере учитывает специфику исторического развития Приоболжья, где на базе близких межовским бархатовских памятников поздней бронзы формируется байтовская культура. С концепцией Н. В. Полосьмак согласуется отрицание ею гороховской культуры, которую она рассматривает как локальный вариант саргатской [Полосьмак Н. В., 1986. С. 32; 1987. С. 97—101]. Последнее утверждение представляется не убедительным. В. Е. Стоянов [1969б. С. 15] видит генетические корни гороховской культуры в культурах финальной брон-

зы и раннего железного века Приаралья. Это обусловило, по его мнению, своеобразный, отличный от саргатского, путь развития гороховской культуры и иную этническую принадлежность ее носителей. Однако, обращая внимание на связи населения гороховской культуры с югом, В. Е. Стоянов не объясняет причин большой близости гороховской и саргатской культур.

Столь разноречивые мнения о происхождении населения лесостепи Западной Сибири периода раннего железа объясняются слабой изученностью памятников конца VIII—VI в. до н. э. — времени, когда в облике культур происходили резкие изменения, скрывающие генетические связи. Почти все культуры лесостепи и лесной полосы Западной Сибири в окончательном виде складываются около середины I тысячелетия до н. э. Аналогичное явление можно видеть и в некоторых других регионах, что объясняется окончанием на этих территориях именно в это время переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа.

Дискуссионной остается проблема этнической принадлежности саргатского населения. Интерпретация изложенных в соответствующем разделе точек зрения базируется на ограниченном и частично косвенном материале. Антропологический материал саргатских памятников опубликован мало [Дебец Г. Ф., 1948. С. 149; Акимова М. С., 1972. С. 150—155; Дремов В. А., 1978], в значительной мере не изучен, что ограничивает возможности использования его для решения вопросов этногенеза. По-прежнему неясны вопросы исчезновения саргатской культуры и дальнейшие исторические судьбы саргатского населения. Аргументация связей саргатского этноса с предками древних венгров и ряда культур раннего средневековья, относимых к древним уграм, находится на уровне рабочих гипотез. К этим проблемам тесно примыкают вопросы о существовании угорской языковой общности в I тысячелетии до н. э. в лесостепи и лесной полосе и связанных с ней культур таежной зоны. К сожалению, работы по топонимике этих районов Западной Сибири в последние десятилетия практически не проводились. Дальнейшей разработки требуют также вопросы о взаимоотношениях населения лесостепи Западной Сибири и Саяно-Алтая со «скифо-сакским миром» и с северными соседями, населявшими таежные районы.

Северный Тагискен.
Золотые серьги, серебряная булавка, бронзовые нож и лунница

Южный Тагискен.
Золотые бляшки с изображением львов и сайгаков, бронзовые удила, псалии,
пряжка и бляхи конских уборов

Алтын-асар 4.
Золотые и серебряные ювелирные изделия, бусы, глиняный носик-слив в виде головы барана, гемма из дымчатого халцедона, серебряные и бронзовые фибулы, глиняный сосуд с зооморфной ручкой

Пазырык.
Изделия в зверином стиле: конский налобник с изображением рогатого тигра и гуся (кость),
горный баран и олень (дерево, кожа), головы лося и фантастической птицы (дерево)

Глава первая

Алтай и Тува

Алтай и приалтайская степь

Наиболее богатые произведениями скифо-сибирского изобразительного искусства и всевозможными изделиями бытового и ритуального назначения археологические памятники открыты и исследованы на Алтае и в прилегающих к нему степях. Но культура и история ранних кочевников этого региона изучены крайне неравномерно. Одни этапы их развития освещены с исключительной полнотой находками в царских и рядовых курганах, другие известны лишь по нескольким памятникам, бедным вещевым материалом; в одних районах исследовано много памятников, другие остались археологически неизученными. Рассматриваемый здесь регион включает две области экологически различные, но в историко-культурном отношении взаимосвязанные на протяжении многих веков.

Алтай — горная страна, ограниченная на севере и северо-западе от Западно-Сибирской низменности сбросовым уступом (высота 300—500 м). На востоке он сливается с Западным Саяном, на юго-востоке — с Монгольским Алтаем, на западе — отрогами опускается к Иртышу, где переходит затем в казахстанский мелкосопочник. Приалтайская степь, куда входят Алейская и Кулундинская степи и Верхнее Приобье, — это восточная часть Западно-Сибирской низменности, примыкающая к Алтаю с севера.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. Первые археологические открытия относятся к началу XVIII в., когда после 1713 г. русские стали осваивать степь. В эти годы в степь отправлялись и ватаги «бугровщиков» для расхищения древних могил. Какая-то часть добытых ими из курганов ценностей, возможно небольшая, была доставлена Петру I и составила первую в России великолепную археологическую коллекцию золотых вещей, известную под названием Сибирской коллекции Петра I. Это и ныне одно из лучших собраний по изобразительному искусству ранних кочевников Сибири [Спицын А. А., 1906а; Руденко С. И., 1962а]. Такую же по составу, но значительно меньшую по объему коллекцию сибирских золотых вещей собрал тогда же голландский юрист и государственный деятель Н. Витзен, но она сохранилась только в рисунках в посмертном издании его книги о России [Witsen N., 1785; Радлов В. В., 1894. С. 130—133].

Вскоре в Сибирь были направлены первые географические экспедиции. Участники их, ученые путешественники Д. Г. Мессершмидт (1721 г.), Г. Ф. Миллер (1733—1744 гг.), а затем П. С. Паллас (1770 г.), сообщили сведения о хищнических раскопках «бугровщиков». Г. Ф. Миллер произвел первые научные, хотя и не вполне удачные, раскопки курганов и собрал небольшую коллекцию древних вещей скифского времени. С изданием трудов этих экспедиций алтайские древности стали достоянием русской и европейской науки.

В начале прошлого века последовало другое значительное пополнение музеев. Просвещенный деятель Алтайского горного округа П. К. Фролов собрал большую коллекцию алтайских древностей, в том числе художественных изделий в скифо-сибирском зверином стиле. Через посредство Г. И. Спаского это собрание поступило в музей Москвы и Петербурга. Ныне лучшая часть собрания хранится в Эрмитаже, часть — в Государственном Историческом музее в Москве и две вещи — в Историческом музее в Стокгольме [Borovka G., 1928; Zakharov A. A., 1928; Arne T. Y., 1932. Fig. 2; 3].

Начало собственно археологических исследований на Алтае связано с именем тюрколога В. В. Радлова, который в 60-х годах прошлого столетия произвел обширные раскопки в разных районах Саяно-Алтая. Он раскопал два царских кургана скифского времени — Катандинский и Берельский [Радлов В. В., 1895]. Долгое время все сведения по археологии Алтая этого периода ограничивались лишь работами В. В. Радлова и неполными публикациями Сибирской коллекции Петра I [Радлов В. В., 1884; Толстой И., Кондаков Н., 1890. С. 43—66]. Лишь в 1911 г. А. В. Адрианов раскопал небольшую серию курганов в западном Алтае (Майэмирская степь и под Солонечным Белком), содержавших материал по начальной поре развития культуры ранних кочевников Алтая [Адрианов А. В., 1916].

Исследования советского времени начались с 20-х годов нашего века и сразу же на качественно ином уровне: их проводили профессионалы-археологи. С. И. Руденко и его сотрудники исследовали серию малых курганов и несколько могильников на Алтае и близ Бийска (М. П. Грязнов, А. Н. Глухов, М. И. Комарова, А. В. Адрианов). М. П. Грязнов в 1927 и 1929 гг. раскопал царские курганы Шибе и Пазырык I, а в 1925 г. произвел обследование берегов р. Обь от Бийска до Барнаула и открыл серию памятников оседлого населения скифского времени. Опираясь на опыт классификации минусинских древностей, созданной С. А. Теплоуховым, и появившиеся новые материалы, М. П. Грязнов предложил свою хронологическую классификацию памятников Алтая и приалтайской равнины [Грязнов М. П., 1930].

Значительными были археологические исследования на Алтае С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой в 1934—1937 гг. Они раскопали в нескольких пунктах курганы второй половины I тысячелетия до н. э., в том числе богатый Каракольский курган, курганы в Куроте, Курае и Туэкте на Алтае, а также Быстрианский могильник на р. Катунь в Приалтайской равнине [Киселев С. В., 1951. С. 292—298, 328—330, 352—356]. В могильнике Усть-Куюм на р. Катунь Г. П. Сергеев и Г. П. Сосновский в 1932, 1936 гг. вскрыли ранние курганы с захоронениями в камен-

ных ящиках [Марсадолов Л. С., 1981а]. В 1930—1935 гг. С. М. Сергеев и А. П. Марков исследовали еще несколько курганов второй половины I тысячелетия до н. э. близ г. Горно-Алтайск в Быстринском и Суртайском могильниках в нижнем течении Катуни [Полторацкая В. Н., 1961; Завитухина М. П., 1961; 1966б]. М. П. Грязнов раскопал в 1939 г. два интересных кургана последних веков до нашей эры в Яконуре [Грязнов М. П., 1940].

Итоги всех работ довоенного периода изложены в трудах М. П. Грязнова и С. В. Киселева. В работе, посвященной исследованию материалов Пазырыкского I кургана, М. П. Грязнов [1941] дал описание памятников и детальный анализ культуры ранних кочевников Алтая (развитие техники, хозяйство, быт, социальный строй и искусство). С. В. Киселев [1949; 1951] подробно описал другие группы памятников, не рассмотренных М. П. Грязновым, и провел анализ культуры скифо-сарматского времени на Алтае преимущественно в аспекте ее происхождения, связей с культурами других регионов и с основными историческими событиями в Евразии.

В послевоенные годы характер работ несколько изменился. С 1946 г. в течение ряда лет С. И. Руденко вел систематические раскопки четырех царских курганов в Пазырыке, двух курганов — в Туэкте и двух — в Башадаре [Руденко С. И., 1953; 1960]. Погребальные сооружения этих курганов находились в слое вечной мерзлоты. Раскопки дали совершенно исключительный материал, с небывалой полнотой освещающий все стороны жизни кочевников скифского времени. По поручению С. И. Руденко были доследованы раскопанные ранее В. В. Радловым Катаинский и Берельский царские курганы [Гаврилова А. А., 1957; Сорокин С. С., 1962; 1969б].

С начала 50-х годов для уточнения возраста больших алтайских курганов начинают привлекаться методы естественных наук. Радиоуглеродные даты окончательно подтвердили «скифский» возраст этих памятников [Бутомо С. В., 1963. С. 26]. Дендрохронологические исследования помогли с точностью до одного года установить очередность сооружения пяти Пазырыкских и Туэктинского I курганов [Замоторин И. М., 1959; 1963; Захариева Е. И., 1974; Марсадолов Л. С., 1981в]. Учитывая дендрохронологические и радиоуглеродные данные, а также археологические аналогии из Северного Причерноморья, Китая и Передней Азии, С. И. Руденко датировал ряд курганов Алтая, в том числе все царские, с точностью, близкой к полувеку. Он считал, что все исследованные на Алтае памятники периода раннего железа относятся к скифскому времени в рамках второй половины VII — начала III в. до н. э. На Алтае не обнаружены археологические памятники моложе III в. до н. э., в культурном отношении примыкающие к курганам с каменной наброской (т. е. пазырыкского типа. — *Ред.*). Поэтому, полагал С. И. Руденко, вероятнее всего, военные события, связанные с продвижением хунну на запад, начавшиеся на рубеже III—II вв. до н. э., побудили скотоводов Алтая откочевать в Восточный Казахстан или в западносибирские степи [Руденко С. И., 1960. С. 335, 336, 341].

С 1946 г. начались систематические раскопки комплекса археологических памятников на Ближних

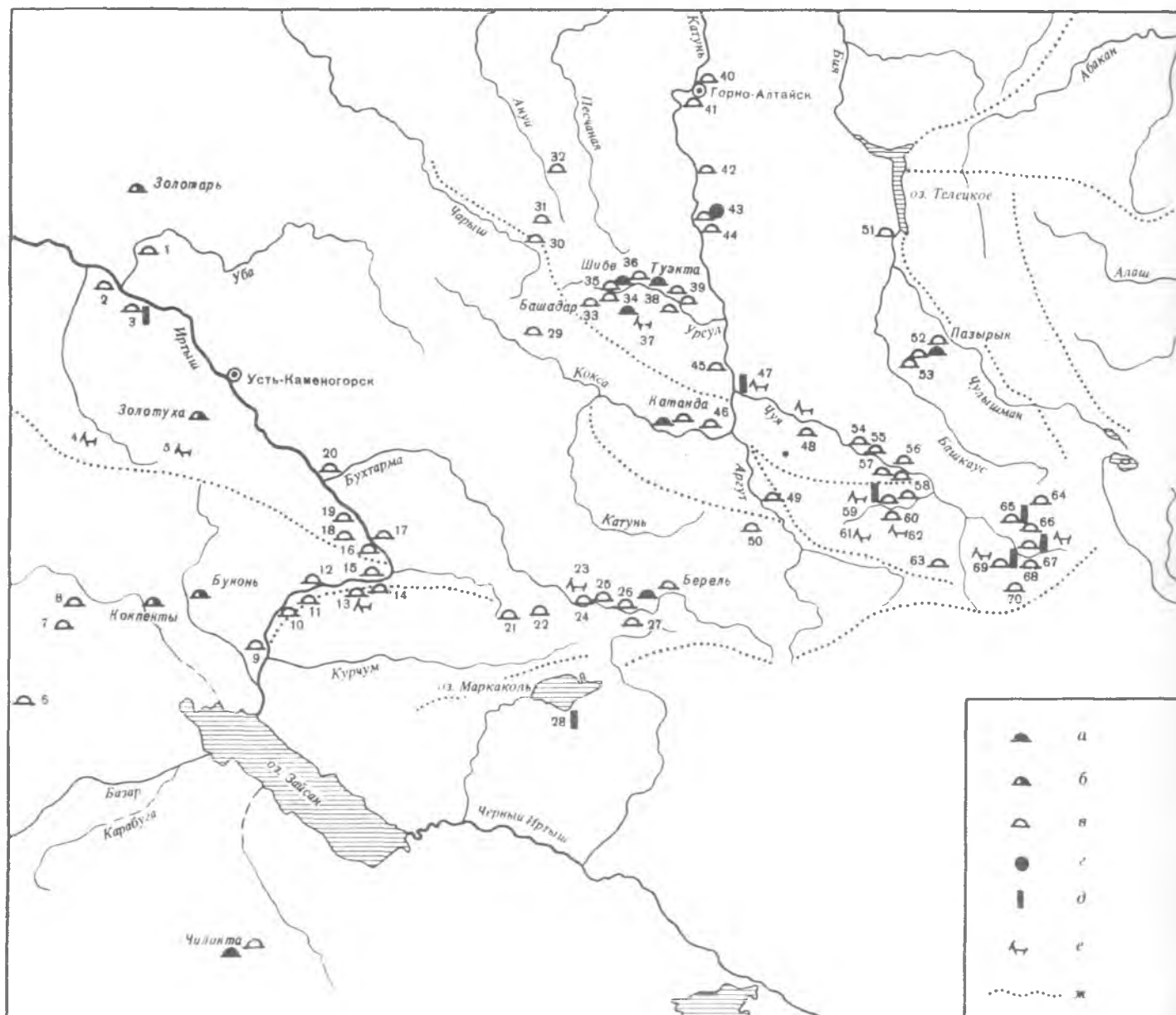
Елбанах близ с. Большая Речка на Оби. Здесь были исследованы остатки поселений, могильники и литейная мастерская оседлого населения эпохи ранних кочевников. Памятники эти отнесены к большереченской культуре, которую автор раскопок М. П. Грязнов разделил на три последовательных этапа: большереченский (VII—VI вв. до н. э.), бийский (V—III вв. до н. э.) и березовский (II—I вв. до н. э.), синхронных трем соответствующим этапам на Алтае [Грязнов М. П., 1956а. С. 44—98]. В 1954 г. он раскопал 10 курганов бийского этапа близ с. Ордынское ниже по Оби [Завитухина М. П., 1968а].

Так Алтай и прилегающие к нему степи Верхнего Приобья скифского времени стали относительно хорошо изученным регионом, который все более привлекал к себе внимание исследователей скифских культур.

С начала 60-х годов исследования на Алтае приняли широкий размах. С. С. Сорокин [1966а; 1966б; 1974] произвел раскопки в южных и западных районах Алтая (могильники Курту, Коксу, Катон, Копай); А. М. Кулемзин [1970] — в восточном Алтае; Д. Г. Савинов [1972; 1973; 1974; 1975; 1978] — в Сайлюгемской степи, где им был найден также олений камень (могильник Узунтал). С конца 60-х годов Н. Л. Членова [1970; 1971в] начинает исследования на Оби (Суртайский могильник). В. Д. Кубарев [1976; 1977; 1978; 1979; 1980а; 1980б; 1981] ведет систематические раскопки в юго-восточном Алтае. Им вскрыты курганы пазырыкского и шибинского этапов с хорошо сохранившимися высокохудожественными деревянными изделиями, а также открыта большая серия оленных камней (могильники Уландрык и Бар-Бугазы; карта 8).

В последние годы среди многих других памятников в горных районах Алтая раскопаны курганы и могильники скифского времени [Шогожева А. П., 1978; 1981; Могильников В. А., Куйбышев А. В., Суразаков А. С., 1978; 1979; 1981; Могильников В. А., Суразаков А. С., 1980; Владимиров В. П., Глоба Г. Д., 1981; Марсадолов Л. С., 1981б; Могильников В. А., 1983а; 1983б], ведутся исследования в алтайской степи и на верхней Оби [Могильников В. А., 1972; Медникова Э. М., Могильников В. А., Уманский А. П., Шемякина А. С., Сергин В. Д., 1975; Куйбышев А. В., Медникова Э. М., Могильников В. А., Неверов С. В., Суразаков А. С., Уманский А. П., 1977; Кирюшин Ю. Ф., 1979; 1980; Кунгуров А. Л., 1980, 1981; Троицкая Т. П., 1981]. Но материалы этих раскопок полностью еще не опубликованы и пока не могут быть использованы в достаточной мере.

КОЧЕВНИКИ АЛТАЯ. Алтай и прилегающие к нему с севера Алейская степь и лесостепная Обь в скифо-сарматское время были тесно связаны. Можно предполагать, что на севере по долинам рек и по берегам степных озер располагались поселения оседлых и полупоселдских групп населения, а на юге, в горных долинах, находились зимовки кочевников, кочевые маршруты которых летом выходили за пределы гор в Алейскую, а возможно, и в Кулундинскую степи. Кочевое и оседлое население двух смежных, экологически различных районов находилось в постоянном взаимодействии, характер которого, как увидим ниже, со временем менялся.

Карта 8. Памятники ранних кочевников Горного Алтая I тысячелетия до н. э.

1 Вавиловка; 2 Измайловка; 3 Жартас; 4 Остриково; 5 Тамураши; 6 Ушбинк; 7 Ашутас-Булак; 8 Эйген-Булак; 9 Усть-Буконь; 10 Кызыл-Ту (Кзылту); 11 Славянка; 12 Баты; 13 Кула-Журга; 14 Канай; 15 Чистый Яр; 16 Юпитер; 17 Мало-Красноярка; 18 Караш; 19 Пчела; 20 Усть-Бухтарма; 21 Маймир; 22 Солонечный Белок; 23 Большие Скалы; 24 Копай; 25 Катон-Карагай (Катонский); 26 Черновое; 27 Курту; 28 Успенка; 29 Кырлык; 30 Сары-Коба; 31 Яконур; 32 Черный Ануи; 33 Семисарт; 34 Нижний Тюмечин; 35 Кара-Коба; 36 Таалай; 37 Бичикту-Бом (Дьяны-Дьел); 38 Каракол; 39 Курота; 40 Койбашка; 41 Горно-Алтайск (ул. Алферовская); 42 Усть-Куум; 43 Кара-Тенец; 44 Кызык-Телань; 45 Большой Еломан; 46 Тургунда и Ак-Кем; 47 Адыр-Кан; 48 Белый Бом; 49 Аргут; 50 Коксу I; 51 Кумуртук; 52 Балыктыюль; 53 Арагол; 54 Ала-Гаил; 55 Боротал; 56 Курай; 57 Чичке; 58 Тётё; 59 Кызыл-Джар; 60 Талдура; 61 Чаганка; 62 Еланган; 63 Мухор-Тархата; 64 Узунтал; 65 Кара-Дюргун; 66 Барбургазы; 67 Юстыд; 68 Ташавта; 69 Бураты; 70 Уландрык; а — большие курганы, исследованные археологами; б — большие курганы, ограбленные «бугровщиками»; в — малые курганы, исследо-

ванные археологами; г — поселения; д — каменные изваяния (оленные камни); е — наскальные изображения; ж — горные хребты; названия больших курганов даны на карте

В горах Алтая исследовано уже довольно много памятников, характеризующих своеобразную культуру ранних кочевников. По типам вещей и деталям погребального обряда их можно разделить на четыре последовательных хронологических этапа: куртуский (VIII—VII вв. до н. э.) выделен по небольшой пока серии небогатых могил, случайно найденных бронзовых орудий и по так называемым оленным камням; майэмирский (VII—VI вв. до н. э.) представлен несколькими курганами и случайными находками уздечных комплексов характерного типа; пазырыкский (V—III вв. до н. э.) хорошо известен по малым курганам и по великолепной серии царских курганов в Пазырыке, Туэкте и Башадаре; шибинский (II в. до н. э.— I в. н. э.) также полно представлен большими и малыми курганами, в том числе царскими курганами в Катанде, Шибе и Берели.

Пока трудно четко отделить майэмирский этап от предыдущего куртуского. С накоплением материала границы этапов, несомненно, уточнятся, сама характеристика майэмирского этапа изменится, вероятно, надо будет изменить и его название, поскольку памятник, давший название (Майэмир), включен теперь в предшествующий, куртуский, этап¹.

За восемь—десять столетий (VIII в. до н. э.—I в. н. э.) произошло много различных изменений в культуре, но ее этнографический характер оставался в основном неизменным. Важнейшим событием этого времени, наблюдаемым по археологическим памятникам, был переход от бронзовых орудий к железным. Начавшись на пазырыкском этапе, а может быть, и несколько ранее, процесс этот полностью завершился к началу шибинского этапа. Другим не менее важным для кочевников культурным приобретением была узда. В VIII—VII вв. до н. э. кочевники Саяно-Алтая, как и ряда других областей, стали применять узду своеобразной конструкции с так называемыми трехдырчатыми псалиями особой формы — с грибовидной шляпкой наверху и маленькой головкой внизу. Их плотно привязывали ремешком к удилам. Такая узда применялась в степях на запад вплоть до Дуная. Совершенствуя эту узду, кочевники создали на рубеже VI—V вв. до н. э. новый способ крепления удила с двухдырчатыми псалиями, которые продевались в кольцо удила. Эта новая узда, изобретенная ими, относительно быстро распространилась по всем степям Евразии от Ордоса до Дуная, просуществовав там в разных вариантах более полутора тысяч лет.

Памятники ранних кочевников Алтая представлены в основном большими и малыми курганами, во множестве находимыми в степной части долин горных рек. Малые курганы имеют вид небольших холмиков из камня с землей или чисто каменных. Под ними — могила, где в небольшом бревенчатом срубе или в подобию каменного ящика погребенный муж-

чина лежит с кинжалом, ножом, боевым чеканом или луком и стрелами, а женщина — с ножом и зеркалом. Во всех могилах — глиняные кувшины и крестец барана с хвостовыми позвонками (остатки курдюка). Часто встречаются украшения одежды, бронзовые, костяные, иногда золотые, декорированные изображениями зверей и птиц. Рядом со срубом или над ним, с северной стороны, как в мужских, так и в женских могилах погребен верховой конь с седлом и уздой, а иногда два и даже три коня.

Так же устроены могилы и в больших каменных курганах, но там они отличаются огромными размерами и богатством погребального инвентаря. В большой квадратной яме со сторонами по 6—7 м, глубиной 4—7 м, в южной ее половине, поставлен деревянный сруб с двойными стенами и потолком. В нем, в огромном саркофаге-колоде — искусственно мумифицированные трупы двух человек — мужчины и женщины. Обильный сопровождающий их инвентарь расположен в камере, стены которой увешаны войлочными коврами. В северной половине могилы, за срубом, помещены верховые кони (от 5 до 22) с седлами, уздечками и другими принадлежностями пышного конского убора.

Могилы этих царских курганов и все, что в них находилось, изумительно хорошо сохранились, и вот почему. Над могилой племенного вождя (царя) соорудили круглую каменную стену (крепиду) диаметром 25—50 м и пространство внутри нее забрасывали или закладывали крупным камнем на высоту в несколько метров. Со временем это сооружение превращалось в каменный курган высотой 2—3 м, диаметром до 50 м и более. Под каждым таким сооружением неизбежно возникал вскоре же местный небольшой очаг вечной мерзлоты. Масса набросанных камней плохо прогревается солнцем, но зато вовнутрь ее свободно затекает холодный зимний воздух. Тяжелый морозный воздух легко проникает вниз во все поры земли под насыпью и замораживает ее на глубину до 7 м. Масса набросанных камней служит также конденсатором влаги из воздуха. На поверхности холодных камней оседала выделявшаяся из теплого воздуха вода, которая, накапливаясь, стекала вниз, в могилу, замерзала там и сковывала льдом все, что в могиле находилось. Так создавались условия, в которых вещи, находясь под землей веками, почти не изменились. Прекрасно сохранилось множество различных изделий из дерева, меха и кожи, шерсти и травы. От них в обычных условиях не остается и следа. В некоторых могилах идеально сохранились мумифицированные трупы погребенных людей. Сопровождающие погребенных кони в двух случаях дошли до нас не только с шерстью, гривой и хвостом, но также с мускулатурой, внутренностями и даже остатками непереваренной пищи в кишечнике. А седла, уздечки и другие части сбруи сохранились полностью до последней нитки. Найденные в могилах одежды и посуда, украшения и лопаты, ковры и телеги, сыр и наркотики, колесницы, арфа и многие другие самые разнообразные вещи позволяют иногда до мельчайших подробностей восстановить картину быта и социальной жизни древних кочевников Алтая.

Ранний (куртуско-майэмирский) этап (VIII—VI вв. до н. э.). Памятники этого этапа исследованы

¹ М. П. Грязнов сам понимал, насколько искусственно это деление, не отражающее реальных исторических событий. Именно поэтому в его последних работах выделение начальной фазы культуры ранних кочевников носит гипотетичный характер. Учитывая все это, было решено соединить два выделенных М. П. Грязновым этапы — куртуский и майэмирский, тем более что собственно майэмирские комплексы отошли к куртускому этапу. В настоящее время ведутся интенсивные и целенаправленные исследования по изучению памятников именно начальной фазы развития ранних кочевников Саяно-Алтая [Боковенко Н. А., 1985; 1986; Марсадалов Л. С., 1985; Молодин В. И., Петрин В. Т., 1985; Степанова Н. Ф., 1986]. Надо думать, что в дальнейшем станет возможным аргументированное разделение более ранних и более поздних комплексов в рамках VIII—VI вв. до н. э. Неоднозначно решается вопрос и о дате Шибинского кургана, давшего название последнему этапу в периодизации М. П. Грязнова. Большинство исследователей [Руденко С. И., 1960. С. 336; Черников С. С., 1975б. С. 133; Баркова Л. Л., 1978. С. 43; 1979. С. 64] относит его ко времени больших алтайских курганов пазырыкского типа, т. е. к V—III вв. до н. э. (возможно, к V—IV вв. до н. э.), что представляется достаточно обоснованным. По-видимому, так же или временем не позднее III в. до н. э. следует датировать и курганы Катанда и Берель. Отнесение кургана Шибе к пазырыкской эпохе лишает смысла название последнего (шибинского) этапа. Поэтому в качестве оптимального варианта следует, на наш взгляд, этапы развития культуры ранних кочевников Саяно-Алтая обозначить так: ранний (VIII—VI вв. до н. э.), средний (V—III вв. до н. э.) и поздний (II в. до н. э.—I в. н. э.) (Ред.).

еще в очень малом количестве. Однако все они весьма своеобразны и выразительны. Наиболее характерны могильники Курту II (верховье Бухтармы), Семисарт I (с. Ело, Горный Алтай), группа курганов близ г. Горно-Алтайск (р. Катунь, устье р. Куюм) и группа в верховьях Нарыма (Майэмирская степь, Восточный Казахстан). Захоронения совершены в грунтовых ямах или каменных ящиках, сооруженных на древнем горизонте. Могильник Курту II состоял из крупных речных валунов и содержал неглубокие грунтовые ямы. Каменные ящики в курганах могильника Семисарт I были окружены кольцом из плит. Погребенные лежали скорченно, обычно на левом боку, головой на северо-запад.

Одной из отличительных черт части ранних погребений можно считать захоронение рядом с могилой, но в отдельной яме, взнузданного коня или только комплекта узды. Так, в могильнике Курту II конь, погребенный в отдельной яме, был положен на брюхо, головой на юго-запад (табл. 60, 11). По сторонам его челюстей лежала пара роговых псалий основного типа из кургана Аржан в Туве и сходных с псалями из Черногоровки в Северном Причерноморье. С. С. Сорокин, копавший этот могильник, датировал погребение с конем IX—VIII вв. до н. э. [Сорокин С. С., 1966а. С. 43—47].

Та же картина наблюдалась в могильнике близ устья Куюма [Сосновский Г. П., 1940. С. 30; Марсадолов Л. С., 1981а]. Под одной насыпью с погребением женщины, сопровождавшейся бронзовым ножом, белопастовыми и сердоликовой бусами (табл. 61, 17, 27), находилась могила коня (табл. 60, 8—10), в зубах которого была пара роговых трехдырчатых псалий простой формы (табл. 61, 4), конструктивно сходных с куртскими и аржанскими. В примыкавших друг к другу каменных ящиках могильника Семисарт I были обнаружены в одном — скелет человека, в другом — череп и кости ног коня, в третьем — обломки челюстей и трубчатых костей барана. За пределами ящиков, в небольшой ямке, был найден роговой трехдырчатый псалий (табл. 61, 5). Предварительно курган датирован VIII—VII вв. до н. э. [Марсадолов Л. С., 1981б. С. 195].

Как погребение в отдельной яме следует, вероятно, рассматривать и захоронение коня в отдельном кургане. Так, в одном из курганов под Солонечным Белком [Грязнов М. П., 1947] были погребены подросток и женщина, лежавшая вытянуто на спине. В другом обнаружены кости овцы и скелет коня с удилами в зубах, двумя пряжками по бокам грудной клетки и четырьмя десятками бронзовых пронизок от круглых ремней узды (табл. 61, 16, 18, 20, 22, 30). Женщину и подростка сопровождали литое бронзовое зеркало с вертикальным бортиком и петель, каменный оселок, костяной нож (?) с фигурой зверя и роговая пронизка (табл. 61, 21, 28, 29, 31). Наконец, в третьем кургане того же могильника среди обломков человеческих костей найдены фрагмент оселка и бронзовый нож с протомой хищника (табл. 61, 26).

Отдельно от захоронения человека обнаружены принадлежности сбруи в Майэмирских курганах [Адрианов А. В., 1916. С. 8—18, 56—61; Руденко С. И., 1930; Грязнов М. П., 1947], территориально

принадлежащих Восточному Казахстану, но культурно примыкающих в равной мере и к кругу рассматриваемых памятников Саяно-Алтая. В состав майэмирского конского убора входили 10 золотых листов, покрывавших деревянные бляхи с барельефным изображением свернувшегося хищника (тигра), бронзовые запятовидные бляхи и позолоченная бляшка в виде головы птицы (табл. 61, 15, 19; 62, 1—7). В разграбленном погребении человека найдено литое бронзовое зеркало (табл. 61, 24).

Общей тенденцией развития погребального обряда в VIII—VI вв. до н. э. был постепенный переход к захоронению взнузданного коня в одной могильной яме с человеком. Изменяется со временем и поза человека — его хоронят вытянуто на спине, головой на запад. На протяжении рассматриваемого этапа появляются и новые формы псалий, и соответственно изменяется крепление узды. Наряду с трехдырчатыми псалями употребляют псалии с Т-образным крючком вместо центрального отверстия (табл. 61, 8) и У-образные с отростком, на который надевали кольцо удила (табл. 61, 9). В последнем случае верхняя половина стержня псаля стала лишней, и в дальнейшем от нее, по-видимому, отказались, остались только отросток и нижняя половинка. Таким путем появились двудырчатые S-образные псалии, которые затем быстро распространились по всему «скифо-сибирскому миру». Эволюцию узды ранних кочевников можно представить в следующем виде (табл. 61, 10—12): 1 — безудильная узда с трехдырчатым псалием аржано-черногоровского типа; 2 — такой же псалий привязан ремешком к основанию кольца удила; 3 — такой же псалий привязан ремешком с помощью специального отверстия в основании кольца удила (табл. 61, 10); 4 — кольцо удила надето на Т-образный крючок в центре псаля (табл. 61, 11); 5 — кольцо удила надето на боковой отросток У-образного псаля (табл. 61, 12); 6 — двудырчатый псалий продет в кольцо удила. Первые пять типов узды характерны для VIII—VI вв. до н. э. на Алтае и в Туве, шестой — для V—III вв. до н. э. и последующих.

Из числа случайных находок к VIII—VI вв. до н. э. следует отнести бронзовые кинжалы с фигурной рукоятью (табл. 61, 1) и кинжалы с грибовидным навершием и прямой гардой, сходные с крестовидными кинжалами Северного Причерноморья и Предкавказья, а также кинжалы с плоской гардой и приспущенными вниз крыльями (табл. 61, 2, 3), сходные с кинжалами третьего типа Северного Причерноморья. К этому же времени принадлежат бронзовые втульчатые ромбовидные наконечники стрел, отдельные предметы конских уборов и зеркала с вертикальным бортиком (табл. 61, 9, 13, 14, 25, 32). Особенно интересно бухтарминское зеркало с вертикальными бортиком и фигурами пяти оленей и горного козла, изображенными в обычном для оленных камней Монголии и Тувы стиле (табл. 62, 11) [Марсадолов Л. С., 1982. С. 30—33].

Благодаря усердным поискам В. Д. Кубарева [1979], большая серия оленных камней известна теперь и на юго-востоке Алтая. Они подобны тувинским и монгольским, но не так обильно украшены фигурами оленей и других зверей. Обычно это очень лаконичный образ воина, изображение которого ог-

раничивается только некоторыми символами и сводится иногда к трем косым черточкам вместо лица наверху одной грани и по колечку (серьги) — на двух боковых гранях (табл. 62, 13) или к ряду точек, опоясывающих верхнюю часть камня (ожерелье) и трем косым черточкам над ним (табл. 62, 12). На более полных изображениях показан пояс и с ним оружие — лук, кинжал, секира, оселок (табл. 62, 14—16). На юго-востоке Алтая открыты и петроглифы. К наиболее раннему времени могут быть отнесены силуэтные рисунки оленей, коней и других зверей, изображенных в позе стоящих «на дыпочках» и в галопе (табл. 62, 8—10). Стилистически они очень близки к подобным изображениям на оленных камнях. Однако хронологические рамки оленных камней пока неясны. Есть мнение [Окладников А. П., 1980], что оленные камни Монголии и Саяно-Алтая принадлежат в какой-то части еще эпохе бронзы — карасукскому времени. Указанием на это могут служить карасукские типы кинжалов, изображенных на ряде оленных камней [Волков В. В., Новгородова Э. А., 1975. Рис. 2; 3]. Предполагают также, что их изготовляли и позже — до V—IV вв. до н. э. [Грач А. Д., 1980. Табл. 1]. Вполне достоверно, однако, лишь то, что они существовали на аржано-черногоровской фазе скифо-сибирских культур, а более точное определение времени, когда они появились в культуре ранних кочевников и когда их перестали изготовлять, — дело будущих исследователей.

Средний (пазырыкский) этап (V—III вв. до н. э.). Это наиболее полно изученный этап культуры ранних кочевников на Алтае, представленный сериями курганов разных слоев кочевого общества. Десять царских курганов, исследованных на четырех родовых кладбищах (Пазырык, Башадар, Туэкта, Шибе), содержали огромное количество произведений изобразительного искусства, исполненных лучшими мастерами своего времени, и не только металлических и костяных, но преимущественно вырезанных из дерева, сшитых из кожи, меха, войлока, шерсти, шелка и других нестойких материалов, которые в древних могилах обычно не сохраняются. Нет ни одного района, где бы скифо-сибирский звериный стиль был известен в таком великолепном множестве художественных образов и обилии всевозможных изделий, как на Алтае. V—III века до н. э. являют собой период пышного развития изобразительного и других искусств на Алтае в связи с общим подъемом уровня социально-экономического развития. Большое количество различных предметов хозяйственного и домашнего обихода, сохранившихся в курганах пазырыкского типа, позволяет полно представить картину производственной деятельности и бытового уклада ранних кочевников Алтая. Эти находки дают возможность многое узнать и о вещах из скифских курганов Северного Причерноморья и курганов других степных скифо-сибирских племен и народов, поскольку там сохранились только незначительные части или детали из металла, кости или камня.

Культура и искусство ранних кочевников скифского времени наиболее полно изучены в степях нашего европейского юга и на Алтае. Скифы, населявшие западные и юго-западные пределы кочевого мира, находились в постоянных контактах с передовы-

ми цивилизациями того времени — Грецией классического периода и Ахеменидским Ираном, откуда кочевая знать скифов получала в большом числе художественные изделия, предметы роскоши и многие другие материальные и культурные ценности. Развивая культуру под заметным воздействием этих цивилизаций, скифы все же сохраняли и самобытные черты своеобразной культуры степных кочевников с ее неповторимым скифо-сибирским звериным стилем. В отличие от них, алтайские племена, находясь вдали от центров древних цивилизаций, развивались вполне самобытно, и именно в их среде с наибольшим блеском проявилось высокое художественное мастерство, выразившееся в чрезвычайном разнообразии сюжетов, образов и форм скифо-сибирского звериного стиля. Однако и до них доходили некоторые художественные веяния далеких цивилизаций: Китая — с востока, Египта и Греции — с запада. Заимствуя через Иран египетские лотос и пальметку в орнаментальном искусстве и греческий образ грифона в изобразительном, алтайские мастера перерабатывали их применительно к своим художественным нормам, порой изменяя до неузнаваемости, и органически включали в своеобразный алтайский стиль [Грязнов М. П., 1959].

Основная масса курганов среднего этапа по устройству в общем сохраняет характер, свойственный предшествующему времени. Более бедные погребения рядовых общинников исследованы сравнительно мало. Это могильники в разных районах Алтая, состоящие из десятка или более небольших (диаметр 3—6 м) каменных и каменно-земляных курганов. В могильниках Черновая I и на Алферовской улице в Горно-Алтайске могильные ямы были обставлены иногда по бокам каменными плитами и содержали по одному погребенному с небольшим количеством предметов: бронзовые ножи и наконечники стрел (табл. 63, 15, 16), медные и костяные вещи, украшения (табл. 63, 41, 49) и иногда плохо сохранившиеся железные предметы [Руденко С. И., 1960. С. 12, 13]. Наиболее интересен могильник Уландрык, расположенный высоко в горах юго-восточного Алтая. В нем погребены в основном подростки и дети. Здесь, в зоне вечной мерзлоты, хорошо сохранились одежды и разные деревянные изделия — посуда, скульптурные украшения (табл. 63, 24, 29, 34, 36—38) [Кубарев В. Д., 1972].

Более богатые погребения обнаружены в могильниках, представляющих собой цепочки курганов, расположенных по линии юг—север (Арагол, Кок-Су I, Черновая II) или восток—запад (Эйген-булак, Туэкта). Насыпи курганов состоят из земли и камня или только из камня. В могиле обычно помещен сруб или каменный ящик, занимавший ее южную половину. В срубе погребен человек, а рядом с ним, в северной половине, — один или два верховых коня (табл. 60, 5, 6). Все курганы разграблены еще в древности, и в них сохранилась лишь небольшая часть положенных в могилу предметов. При погребенном находились глиняные кувшины (табл. 63, 50, 52—55), бронзовые втульчатые трехгранные или ромбические и костяные черешковые наконечники стрел (табл. 64, 14, 19), различные предметы туалета, принадлежности одежды и украшения (табл. 63, 20, 44, 45, 47, 48). в том числе серебряные и золотые серьги, золотые

бляшки с изображением головы антилопы и тигра и другие вещи из тонкого листового золота (табл. 63, 25, 32, 35). Кони погребены с уздой и седлом. Сохранились бронзовые и железные удила с круглыми кольцами на концах, роговые пряжки от подпруги и украшения узды из клыков кабана (табл. 63, 23, 17, 18, 33). В некоторых курганах найдены фрагменты железных кинжалов типа скифских акинаков, ножей, булавок (табл. 63, 10, 21, 22, 36), а в Арагольских курганах, могильнике Кызыл-Джар I и других некрополях — бронзовое оружие и орудия миниатюрных размеров: кинжалы, боевые чеканы, ножи (табл. 63, 2—6, 8, 9, 23, 27, 28).

Все эти памятники в основном повторяют характерные черты, свойственные памятникам предшествующего этапа. Следовательно, и главнейшие особенности хозяйственной и социальной жизни оставших их племен сохраняли прежний характер. Наиболее полное освещение всех особенностей техники, хозяйства, быта, социального строя и идеологии алтайских племен того времени дают раскопки царских курганов в восточном (Пазырык, 1929, 1947—1949 гг.) и центральном (Туэкта и Башадар, 1950, 1954 гг.) Алтае.

В Пазырыкском I кургане почти ничего не сохранилось, кроме верховых коней, погребенных в северной части могилы, за срубом, куда грабители не могли проникнуть (табл. 60, 1—3). Здесь было 10 коней золотисто-рыжей масти, холеных, вскормленных на зерновых кормах. Лучшие из них принадлежали к прославленной в древности среднеазиатской породе, потомками которой являются замечательные современные ахалтекинцы. Остальные представляли собой помесь среднеазиатской лошади с местной алтайской, низкорослой, большеголовой, сильной и выносливой, подобной современным степным табуным лошадям Монголии и Казахстана. Кони убиты ударом бронзового чекана в лоб в связи с представлением о том, что лучшего друга кочевника, боевого коня, следовало убивать боевым оружием. Все кони имели разные метки владельцев в виде надразов на ушах, и принадлежали они не погребенному в могиле вождю, а, по-видимому, подчиненным ему родовым старейшинам, которые принесли их в дар умершему вместе с богатым убранством.

В могиле остался лишь один гроб-колода, выдолбленный из огромного ствола 250-летней лиственницы и оклеенный полосками коры, срезанной с молодых березок. Борта его украшали стилизованные фигурки петухов, вырезанные из тонкой кожи и покрытые сверху листовым оловом.

На полу камеры сохранились части войлочного ковра с широкой орнаментальной полосой, которую украшали вырезанные из войлока аппликации в виде голов тигра. В свое время ковер прибили к стенам камеры массивными медными гвоздями, которые были вырваны грабителями. Грабили могилу, видимо, соплеменники погребенного и поэтому похитили только металлические вещи, золотые, серебряные и медные предметы, а с одежды и других богато украшенных вещей сняли позолоту и тонкое листовое золото, т. е. все то, что легко можно было переплавить и тем самым скрыть происхождение похищенного. Кроме колоды и ковра, интересна сломанная

рукоять топора-кельта грабителей, сделанная из сука ели, вырубленного вместе с частью ствола. Сравнительно легкий бронзовый кельт (топор) насаживался на массивное утолщение конца рукояти.

В непотревоженном грабителями конском захоронении исключительно хорошо сохранились уборы верховых коней. Седла не имеют стремян и деревянной основы. Они представляют собой две мягкие кожаные подушки, набитые шерстью северного оленя, плотно затянутые подпругой и укрепленные подхвостным и нагрудным ремнями. Кочевники казахстанских и южносибирских степей стали пользоваться седлом, по-видимому, уже в VII в. до н. э. Между тем, в странах передовой культуры того времени (Греция, Малая Азия) еще в течение многих веков седла не знали и пользовались при верховой езде простой мягкой подстилкой.

Приготовленные специально для погребения седла и уздечки были нарядно и разнообразно украшены, с применением золота и олова, но сделаны эти украшения непрочно, из непригодных для рабочего седла материалов.

Особой пышностью отличался убор двух коней (табл. 66, 3, 4). У одного из них по бокам седла висели длинные фигуры тигров, сшитые из ярко-красного войлока. Подстриженную гриву украшал войлочный нагвивник со стилизованными изображениями петухов, отороченный ярко-красной бахромой из крашеного конского волоса. На хвост был надет кожаный, расшитый узорами чехол. Голову коня закрывала маска в виде фигуры зеленого тигра, увенчанная огромными рогами оленя, сшитыми выворотным швом из толстой кожи (табл. 66, 3). Убор другого коня также состоял из нагвивника, чехла для хвоста и маски (табл. 66, 4).

Украшения всех 10 комплектов конского убранства в Пазырыкском I кургане отличаются чрезвычайным разнообразием сюжетов, изобразительных приемов и техники исполнения. Они выполнены из дерева, кожи, войлока, меха, конского волоса и других материалов в различных сочетаниях. Кожа, мех, войлок и волос окрашивались растительными красками — мареной, хной, индиго. Дерево и кожа покрывались сверху листовым золотом и оловом или раскрашивались минеральными красками — охрой, киноварью и др. После многовекового пребывания в земле краски потускнели, но в свое время все эти изделия выглядели очень живописно. Фигуры зверей раскрашивались обычно одной краской или вырезались из цветного материала так, что получался синий козел, желтый баран, красный, зеленый или золотой тигр и т. п. Однако делались и многоцветные фигуры зверей — например, серебряный баран с желтыми рогами и красной бородой.

Многочисленные находки в Пазырыкском II кургане дают наиболее полное представление о домашнем быте ранних кочевников Алтая. Курган ограблен, но в нем многое уцелело, поскольку вся камера долго оставалась промерзшей. Хорошо сохранились мумифицированные трупы погребенного вождя и его жены. Чтобы снять с них ценные украшения, грабители отрубили им головы, кисти рук, а у женской мумии — также стопы и голени. Очевидно, на обоих были надеты золотые гривны и браслеты, а на женщине — и ножные браслеты. Мумии сохранили свет-

лый, близкий к естественному цвет кожи. Тело вождя было почти сплошь покрыто татуировкой, выполненной обычным способом — наколами. На груди и спине помещалось изображение тигра с орлиными головами на шее и хвосте. Руки от плеча до кисти были сплошь покрыты фигурами мифических оленей с орлиным клювом и орлиными головами на концах рогов, фигурками горного барана, крылатого тигра и др. На ноге, от колена и почти до пальцев, были изображены налим, четыре горных козла и мифический хищник с орлиными головами на шее. Татуировка в те времена была широко распространена. По сообщению китайской летописи, у степных кочевников несколько более позднего времени татуировались преимущественно представители высших слоев общества.

Камера Пазырыкского III кургана была покрыта большими полотнищами, сшитыми из проваренной бересты. По всей вероятности их сняли с летних юрт кочевников. За срубом, в северной половине могилы, было погребено 14 верховых коней с седлами и уздечками, ремни которых украшены орнаментированными бляшками из дерева и рога. Сохранились мужской войлочный кафтан, войлочный головной убор в виде капора, деревянный щит и древки стрел. Головной убор снабжен наверху кожаной прямоугольной башенкой в виде зубчатой коронки, напоминающей украшения головных уборов древнеперсидских царей.

В Пазырыкском IV кургане погребенного также сопровождали 14 убранных верховых коней, при которых найдено большое количество деревянных блях с фигурами различных зверей. Здесь же находились деревянные столики-блюда, шестинога от шатра для курения конопли и другие бытовые предметы. Среди бревен были положены примитивные лестницы, по которым спускались в могилу при ее сооружении. Это бревна с вырубленными выемками-ступеньками.

Пазырыкский V курган представлял собой каменную насыпь, под которой находилась большая могильная яма глубиной 4 м. На дне ее было сооружено два бревенчатых сруба, поставленных один внутри другого. Сруб изготовлялся неподалеку от того места, куда его предполагали поставить. Все бревна перемечены зарубками. Он был разобран и вновь собран в могильной яме. На торцах бревен хорошо видны следы рубки бронзовым узколезвийным топором.

Потолок сруба был покрыт большими полотнищами, сшитыми из кусков проваренной бересты, а выше над срубом многими рядами плотно уложены бревна и навалены огромные камни. Вся эта тяжесть держалась на трех балках, положенных на толстые столбы, поставленные по бокам сруба. Такое мощное покрытие должно было, по замыслу строителей, служить надежной защитой. Однако вскоре после сооружения могилы она все же была разграблена. Грабители, не жалея труда и пренебрегая опасностью, разбросали камни, прорубили топорами в двухметровой толще бревен колодец, проникли через него в сруб и похитили то, что представляло для них ценность, порвав и поломав все остальное. Могила замерзла, и в ней все сохранилось в таком виде, как будто грабители покинули ее недавно. В срубе стоял

долбленный гроб (длина 6 м), в котором лежали мумифицированные трупы мужчины и женщины — по видимому, вождя племени и его жены или наложницы, убитой по жестоким правилам того времени. В опустошенном грабителями срубе осталось немного. Одежды с умерших были сняты и похищены, видимо, ради нашитых на них золотых украшений. На голове женщины уцелел головной убор в виде деревянной шапочки с двумя полыми рожками наверху. Позади рожек вертикально укреплена коса, сплетенная из конского волоса, к которой присоединены две косы умершей, продетые в отверстия на рожках и вместе с ними обмотанные войлочной лентой.

Сохранились части деревянных столиков, деревянная подушка, сделанный из рога тамбурин и некоторые другие вещи. С помощью деревянных кольцовой стены сруба внутри были затянута тонким белым войлоком, от которого уцелело несколько небольших кусков. На белый фон нашиты вырезанные из окрашенного войлока изображения мифической птицы феникса, борющейся с фантастическим чудовищем, имеющим тело хищника, птичьи крылья, человеческую голову и руки, звериные уши и оленьи рога.

Все, что находилось за стенами сруба, уцелело от грабителей. В северной части могилы, за пределами сруба, были погребены пять верховых коней с седлами и уздечками, колесница с четверкой упряжных лошадей, большой войлочный шатер и телеги для перевозки тяжестей.

Наиболее значительной находкой в этом кургане был шерстяной ворсовый ковер очень тонкой работы, привезенный на Алтай из Средней Азии или Ирана. На изготовление такого ковра даже современной опытной мастерице понадобилось бы около полутора лет упорного труда. Древнейший из известных до сих пор стриженных ковров датируется XIII в. н. э. Ковер из Пазырыкского V кургана на 1700 или даже 1800 лет древнее. Оказывается, с изготовлением стриженных ковров были хорошо знакомы еще в V—IV вв. до н. э., и уже тогда оно достигло высокого совершенства. Применяя технику вязания узлов из цветных ниток, древние мастерицы получали нарядные и сложные рисунки, искусно размещая среди чисто орнаментальных узоров фигуры крылатых грифонов, ланей, оседланных коней и всадников.

Нарядное полотнище шатра сделано в той же технике, что и войлочная драпировка стен сруба. На огромном (площадь около 30 кв. м) белом войлоке нашиты цветные аппликации — орнаментальные полосы и два ряда повторяющихся изображений сидящей на троне богини со священным деревом в руке и стоящего перед ней всадника (табл. 65, 8, 10). Основанием шатра служила рама из четырех бревен с прорубленными в них гнездами, в которые вставлялись длинные шести — остов шатра, покрывавшегося войлочными коврами. Один из них, украшенный изображениями богини и всадника, сохранился почти полностью, от другого остались небольшие фрагменты с фигурами феникса и антропоморфного чудовища. Наверху шатра были прикреплены четыре сшитые из войлока фигуры лебедей (табл. 65, 6). Возможно, что шатер был сделан для временного помещения трупа умершего вождя, сохранявшегося в нем до дня похорон.

Совершенно исключительный интерес представляет найденная в кургане V колесница (табл. 66. 8). Она была разборной и приспособленной к перекочевкам, к переходам по непроезжим дорогам. Отдельные части ее связывались ремнями, оси были неподвижно соединены с кузовом и поставлены так близко, что передние и задние колеса почти касались друг друга, а расстояние между осями было меньше, чем между колесами одной оси. Кузов колесницы состоял из платформы с резными, похожими на точеные баясинами и водруженной на нее высокой беседкой с крытым верхом. Эта громоздкая (высота около 3 м), малоповоротливая колесница запрягалась четверкой лошадей: пара — в дышло и две пристяжные по сторонам или впереди цугом. Сбруя лошадей состояла только из уздечек, украшенных несколькими одинаковыми деревянными бляхами, покрытыми тонким слоем золота. Несмотря на тщательность изготовления, колесница весьма примитивна не только по устройству ходовой части, но и по несовершенному способу упряжки лошадей: коренные лошади впрягались в дышло с помощью ярма и пары деревянных рогулек. Колесница лежала в могиле разобранной. Еще более примитивны повозки, на которых подвозили тяжести при сооружении курганов. Это были широкие одноосные телеги-волокуши на низких колесах, грубо сделанных из обрубков толстого бревна (табл. 66, 7).

В кургане было погребено пять верховых коней. Их убранство изготовлено из дорогих материалов и отделано большим количеством художественно исполненных украшений. Один из коней был снабжен уздой и седлом с многочисленными деревянными бляхами, изображающими тигра, лося, сайгу. Чепрак седла сшит из роскошного китайского шелка с вышитыми на нем цветущими ветвями и фигурами птиц среди них. Убранство коня дополнялось нагвивником и кожаной маской, увенчанной искусно вырезанной из дерева головой оленя с ветвистыми кожаными рогами. Седло другого коня, тоже богато украшенное, имело чепрак и нагрудник, покрытые дорогой персидской многоцветной тканью с выполненными в технике гобелена изображениями идущих львов и сцен жертвоприношения.

Почти такими же богатыми и столь же интересными оказались погребения в Туэктинских и Башадарских царских курганах. Туэктинский I курган в первоначальном виде представлял собой высокое, сложенное из камня конусовидное сооружение (диаметр около 50 м), окруженное двойной оградой из крупных каменных глыб. В большой могиле глубиной более 7 м в вечной мерзлоте прекрасно сохранился двойной сруб с двумя потолками, дощатым полом, покрытый сверху крепким бревенчатым настилом. Настил покоился на толстых балках, уложенных на 12 столбах. Сохранились и деревянные предметы, с помощью которых сооружалась могила, — колья для рыхления земли, лопаты, колотушка для забивания кольев и лестница. Хотя могила была в древности разрыта и содержимое ее расхищено, в ней все же сохранились части одежды, расшитой красивыми узорами, боевые щиты из дерева и кожи с геометрическим орнаментом, деревянные поножи и разные другие вещи. Рядом со срубом были погребены верховые кони с седлами и уздечками.

украшенными резными деревянными бляхами и подвесками. Время, кажется, не коснулось их — вековой лед сохранил вещи в их первоначальном виде. Но кожаные, войлочные и меховые части сбруи в этом кургане большей частью совершенно истлели.

Погребенный был положен в огромную, выдолбленную из двух стволов лиственницы колоду, оклеенную снаружи берестой. До похорон умерший лежал, вероятно, на специально сделанном, похожем на стол ложе, которое также было поставлено в могильный сруб.

Туэктинский II курган был значительно меньше предыдущего, а погребение в нем — беднее. Из-за малых размеров каменной насыпи очаг мерзлоты оказался небольшим, и в могиле сохранились только истлевшие части гроба-колоды с уцелевшими на его бортах вырезанными фигурами шествующих друг за другом оленей, обрывки одежд около останков погребенной в колоде женщины и деревянные украшения седел и уздечек восьми верховых коней.

В бревенчатой погребальной камере Башадарского II кургана стояли два гроба-колоды, выдолбленных из толстых стволов сибирского кедра. Хорошо сохранилась только одна колода. Она украшена крупными вырезанными изображениями четырех идущих тигров на одном борту и четырьмя такими же тиграми, двумя лосями, тремя горными баранами и двумя кабанам — на крышке [Баркова Л. Л., 1984. С. 83—89]. В камере осталось немного — обрывки одежды и тканей, обломки музыкального инструмента (арфы) и несколько мелких украшений. Особенно хорошо сохранился мужской сапог. Он был мягким, без подметок, с высоким голенищем, обшитым квадратными кусочками разноцветного меха, расположенными в шахматном порядке.

В северной половине могилы, за срубом, было погребено 14 верховых коней с седлами и уздечками. На одном из седел было две пары сшитых из красного войлока подвесок в виде фигур волка. Лучше сохранились различные украшения седельных и уздечных ремней, в частности, предметы, вырезанные из дерева и из клыков кабана. Наиболее интересен набор бронзовых литых бляшек, покрытых листовым золотом. Форма их в виде фигурного завитка характерна для Южной Сибири. Замечательны также деревянные, покрытые золотом накладки на передних и задних стенках подушек, изображающие орла с распростертыми крыльями.

Поздний (шибинский ?) этап (II в. до н. э. — I в. н. э.). В степной полосе Евразии это — гунно-сарматское время, характеризующееся значительными переменами в культуре кочевников и в характере археологических памятников. На Алтае же продолжалось дальнейшее развитие культуры пазырыкского типа, и многие исследователи, в частности С. В. Киселев, не различают памятники пазырыкского и шибинского этапов. Но, хотя по-прежнему наблюдаются то же разнообразие памятников по их социальной принадлежности и тот же их общий характер, они все же отчетливо отражают веяние новой эпохи.

Большие царские каменные курганы разграблены еще в древности современниками погребенных. Их могилы также оказались промерзшими до дна (Шибе, Катанда, Берель I; табл. 60, 4; 64. 15, 21, 22).

В меньших по размерам курганах мерзлотой охвачены значительные участки могил (Каракол, Курота). Наиболее богатым был, по-видимому, курган Шибе на р. Урсул. В огромной (площадью 35 кв. м) квадратной могиле на глубине 7 м находилось такое же деревянное сооружение, как и в Пазырыкском I кургане (табл. 60, 7). В срубе, в большой колоде, лежали останки искусственно мумифицированных трупов старика и ребенка 7 лет. От несомненного множества положенных в могилу ценных предметов сохранилось чуть более сотни золотых штампованных бляшек сарматских типов, мелкие вырезанные из листового золота фигурки, фрагменты китайской лаковой чашки, датируемой 86—48 гг. до н. э.², и много разнообразных мелких предметов из различных материалов (табл. 64, 11, 12, 32). В северной половине могилы, за срубом, было погребено 14 верховых коней, убитых ударом в лоб бронзовым боевым чеканом. Сохранились только кости коней и части седел и уздечек — железные удила, набор деревянных и роговых украшений, покрытых листовым золотом и красной краской, позолота тисненых кожаных блях, фигурные листочки золота (апликация кожаных блях) и много других фрагментов (табл. 64, 1—4, 6—9, 19—20). Большая часть этих украшений представляет скульптурные или барельефные изображения голов тигра (табл. 64, 10, 16—18). Интересна узда, украшенная круглыми бляхами с золотым орнаментом, характерным для китайских зеркал ханьского времени (табл. 64, 5).

Катандинский царский курган раскопан еще в 1865 г. В. В. Радловым [1895]. Такая же огромная могила была заложена бревнами и закрыта мощным слоем бересты. Северная половина могилы была исследована в 1954 г. А. А. Гавриловой [1957]. Двое погребенных лежали в срубе на низких столиках-ложах, вырубленных из одного куска дерева каждый. Около столиков сохранилось лишь небольшое количество вырезанных из листового золота фигурок тигра. Грабители вытаскивали предметы наверх, на потолок могилы, и здесь сдирали с них позолоту. На балке сохранились ком смерзшихся во льду одежд и деревянные резные украшения с изображениями зверей и фантастических чудовищ (табл. 64, 13, 14, 29). Здесь же находилась шелковая лента с нашитыми на нее деревянными фигурками оседланных лошадей, на головах которых имелось по две пары отверстий, очевидно, для приставных ушей и рогов (табл. 64, 28, 30). Особый интерес представляют одежды, сшитые из собольего меха. Среди них — шуба, верх которой покрыт чешуевидным узором из кусочков горностаевого меха (табл. 64, 31). По бортам шубы и всей ее поверхности нашито более 5 тыс. деревянных и кожаных бляшек, обтянутых листовым золотом. Другая одежда — короткая куртка с длин-

ной спинкой. Верх ее покрыт шелком оливкового цвета и украшен по бортам и вдоль швов золотыми бляшками и полосками. В северной половине могилы погребено 22 верховых коня, уложенных в три слоя. Части уздечек и седел сохранились плохо. Уздечки были с железными удилами и железными прямыми псалями.

Значительный материал дали исследования менее богатых и меньших по размерам курганов. Могилы кочевой знати встречены в курганах Каракола, Яконура и некоторых других (табл. 64, 23, 24). В Каракольском кургане на р. Урсул в менее сложном сооружении погребены старик и женщина. На скелете женщины, непотревоженном грабителями, сохранились остатки шубы, покрытой более чем 1500 золотых бляшек и квадратных листов золота, а также бронзовая позолоченная гривна. Ее концы украшены головками львов, вырезанных из дерева и покрытых золотым листком (табл. 64, 26). Здесь же были найдены бронзовые зеркало (табл. 64, 25), булавка, золотые проволочные серьги и головной убор, от которого сохранились украшения из тонкого золота. В северной половине могилы погребены три коня, на одном из которых было седло с набором роговых украшений и колокольчиком (табл. 64, 27) [Киселев С. В., 1951. С. 345—351].

Более многочисленны курганы основных слоев населения Алтая шибинского периода. Они продолжают традиции культуры пазырыкского этапа, но в то же время материалы их имеют много аналогий, с одной стороны, в хуннских памятниках Восточной Сибири и тесинских на Енисее, а с другой — в сарматских памятниках Южного Приуралья и Поволжья³.

³ Предлагаемый текст по позднему (шибинскому) этапу развития раннекочевнических племен Саяно-Алтая был написан М. П. Грязновым еще в 1982 г. Окончательная подготовка работы к изданию завершалась уже после смерти автора, который, к сожалению, не успел и не смог собрать, заново обработать и осмыслить обширный новый археологический материал, полученный при раскопках рядовых могильников скифо-сарматского времени Алтая и его северных предгорий. Анализ всей совокупности источников, включая и новые материалы, проведенный другими исследователями, позволил им высказать иные суждения, часть которых представляется наиболее реальной [Баркова Л. Л., 1978; 1979; Суразаков А. С., 1985]. В первую очередь речь идет об «удревнении» памятников шибинского этапа. Его верхнюю хронологическую границу определяют концом III — началом II в. до н. э. Независимо от того, называть ли весь период конца VI—V — начала II в. до н. э. пазырыкской культурой, говорить ли об определенных этапах: конец VI—IV в. до н. э. (пазырыкский) конец IV — начало II в. до н. э. (шибинский) — в рамках одной культуры, главное заключается в следующем:

1. Все памятники, относимые М. П. Грязновым к шибинскому этапу (в том числе и курганы Шибе, Катанда, Берель и др.), датируются теперь временем не позднее начала II в. до н. э. и составляют единую культурную группу с предшествующими курганами пазырыкского типа. Почти полное отсутствие материалов последних веков до нашей эры с территории Саяно-Алтая явилось основанием, на котором выросла растянутость хронологической шкалы памятников пазырыкского типа.

2. Памятники последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры, так называемого гуно-сарматского (С. И. Руденко) или постпазырыкского (Д. Г. Савинов) этапа, открытые лишь в последние годы, представляют собой новую культуру, которую нельзя рассматривать как результат простого эволюционного развития предшествующей пазырыкской. Она не только отличается от последней

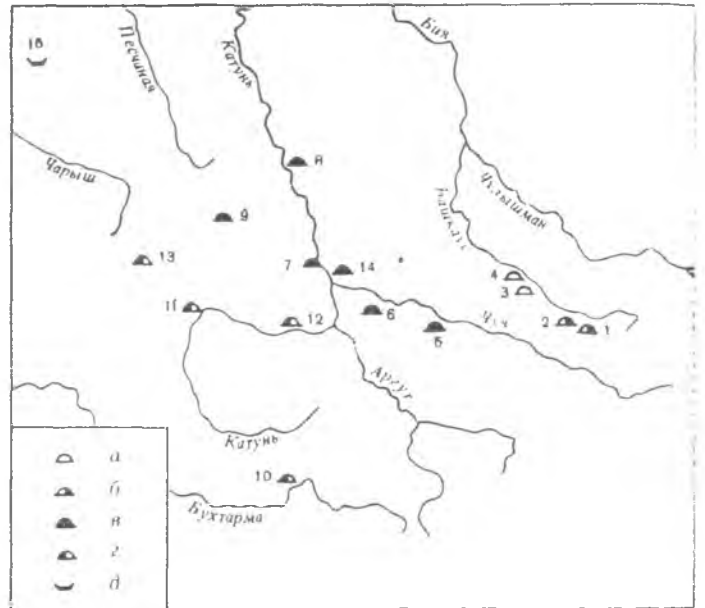
² Проведенное недавно в химической лаборатории Государственного Эрмитажа и на кафедре молекулярной спектродологии ЛГУ изучение обломков этой чашечки, а также фрагментов лаковых изделий из Пазырыкских курганов (V—III вв. до н. э.) и курганов Ноин-Улы (рубеж нашей эры) показало, что лаки из Пазырыкских курганов и кургана Шибе идентичны и отличаются от лаков Ноин-Улы. Следовательно, время изготовления шибинской чашечки также укладывается в рамки V—III вв. до н. э., когда производство лаковых изделий в Китае достигло высокого совершенства [Баркова Л. Л., 1978. С. 42, 43] (Ред.).

Хозяйство. Кочевники Алтая в VIII—VI вв. до н. э. пребывали еще в бронзовом веке. Они не употребляли и не изготавливали железных орудий, в то время как их западные соседи — массагеты и саки в Средней Азии и Центральном Казахстане — наряду с бронзовыми использовали уже и железные ножи, кинжалы, чеканы и псалии для удил. Кочевники Северного Причерноморья почти полностью заменили бронзовые орудия железными. Лишь в редких случаях употребляли они бронзовые, а также биметаллические (клинок железный, рукоять бронзовая) кинжалы. Только наконечники стрел по-прежнему оставались бронзовыми. Не следует, однако, думать, что по уровню развития металлургии ранние кочевники Алтая отставали от своих западных соседей. Железо тогда еще не обладало достаточно высоким качеством, а получение его из руды было делом трудным. Бронзу же на Алтае выплавляли в изобилии, она была высокого качества, и именно в эпоху ранних кочевников наблюдается расцвет бронзолитейного производства. Нам известны десятки тысяч бронзовых изделий того времени, преимущественно из степей Минусинской котловины. Среди них множество изделий художественного литья и такие сложные по изготовлению вещи, как составные удила (табл. 63, 12) и так называемые скифские котлы. Алтайские и минусинские племена в скифское время достигли такого совершенства в изготовлении бронзовых орудий, что не нуждались в замене их железными. Вероятно, знакомые уже с железом, они продолжали делать из бронзы даже боевое оружие — кинжалы, копья, топоры.

Металлурги ранних кочевников Алтая широко использовали и другие металлы, особенно золото и олово. Из золота чеканили и отливали художественные изделия — украшения одежды и сбруи. Изготавливали гривны, браслеты, изумительные декоративные литые бляхи весом до 500 г каждая, ожерелья — до 1500 г (табл. 68, 3, 4, 9, 10, 13, 14, 17, 19—23). Золото и олово плющили в тончайшие (до 15—20 микрон) листки и покрывали ими огромное количество деревянных, металлических, кожаных и других художественных изделий. Примерно с V—IV вв. до н. э. стали все шире изготавливать железные орудия и другие изделия. При этом долгое время железные изделия имитировали форму бронзовых предшественников, хотя это представляло значительные трудности и требовало от кузнеца большого мастерства. Только около рубежа нашей эры появились новые формы изделий, более простые и соответствующие техникековки.

Значительно усовершенствованные по сравнению с предшествующими, орудия труда оставались все

инновациями в погребальном обряде и типах вещей, но, несомненно, отражает и появление иноэтничного населения, влившегося в состав местного субстрата или в каких-то формах сосуществовавшего с ним в рамках общих объединений. Новая археологическая культура, сменившая пазырыкскую, представляется пока что в самых общих чертах. В ней выделяется три группы памятников (карта 9): типа Булан-Коба в центральном Алтае [Мамадаков Ю. Т., 1985. С. 173—189; Глоба Г. Д., 1983. С. 116—126; Могильников В. А., 1983а. С. 59, 62, 63], типа Кок-Паш в низовьях Чулышмана [Елин В. Н., Васютин А. С., 1986. С. 149—156] и, наконец, Балыктюльского типа [Сорокин С. С., 1977. С. 57—59, 65, 66]. (Ред.).

Карта 9. Памятники Алтая гунно-сарматского времени

1 — Пазырык, курганы 23, 24; 2 — Балыктюль; 3 — Коо I; 4 — Кок-Паш; 5 — Белый Бом II; 6 — Булан-Коба; 7 — Карасу I (курган 1, погребение 1); 8 — Айрыдаш; 9 — Кара-Коба II (курган 6, впускные погребения 1—3); 10 — Берель (три малых кургана); 11 — Усть-Кокса (курган 1, впускное погребение); 12 — Катанда I; 13 — Яконур (курган 5, впускное погребение); 14 — Иня; 15 — Тугозвоново; а — могильники типа Кок-Паш; б — могильники типа Балыктюль; в — могильники типа Булан-Коба IV; z — могильники берельского типа предтюркского времени (IV—VI вв.); d — погребения знати

же в значительной мере примитивными, и это обуславливало примитивность в технике многих производств. Так, например, для земляных работ специальных орудий не имелось. Могильную яму объемом более 300 куб. м копали так: забивали в землю деревянной колотушкой деревянные колья (табл. 63, 42, 43), откалывали куски земли, и разрыхленную землю выбрасывали затем деревянной лопатой. Так же примитивно обрабатывали дерево. Для деревянных изделий подбирали куски стволов и ветвей так, чтобы их естественная форма максимально соответствовала форме будущего изделия, обеспечивая тем самым минимальную затрату труда. Бревна, брусья, ветви для экономии не перерубали полностью, а, надрубив понемногу со всех сторон, переламывали затем сильными ударами. Доски, полубревна и брусья получали не путем продольного пиления или раскалывания древесины, а трудоемким способом обрубания и стесывания значительной части ствола. Чтобы сделать таким способом одну доску, надо было остальную часть ствола древесины тысячами ударов маленьким топором превратить в мелкие щепки.

Трудоемки и примитивны были и все другие процессы труда. Но тем не менее в технике обработки кожи, меха, шерсти и многих других материалов ранние кочевники Алтая добивались изумительных результатов. Так, по данным только одной могилы (Пазырыкский I курган) применялось 16 различных способов использования кожи, в том числе изготовление мелких скульптурных изделий из толстой кожи и шитье выворотным швом таких сложных художест-

венных изделий, как маска с рогами оленя на голову коня (табл. 66, 3). Из разных сортов шерсти изготовлялось пять различных видов войлока, в том числе мягкий и тонкий (2—3 мм), как фетр наших современных шляп. Вообще в хозяйстве и быту кочевников материалы животного происхождения имели самое широкое применение, и техника их обработки была хотя и примитивна, но чрезвычайно разнообразна. Вся домашняя утварь, в том числе большие и малые сосуды для разных жидкостей, коробочки, сумки и многое другое, делались из кожи, меха и войлока с широким использованием сухожилий, рогов, конского волоса и длинной шерсти яка (табл. 67, 15, 16). Это и понятно — в специализированном скотоводческом хозяйстве утилизировались больше всего продукты скотоводства.

Основу хозяйства племен раннего железного века Саяно-Алтая составляло кочевое скотоводство. Ведущими видами домашних животных были лошадь, бык, овца. Правда, есть указания и на то, что в составе стада были коза и як. Возможно, разводили и верблюдов. Трудно сказать, какой вид животных был главным в жизни кочевников. Можно лишь быть уверенным, что выше всего ценился верховой конь. С его помощью осуществлялись пастьба скота, поиски и выбор пастбищ. Он был главнейшим помощником в военном деле. Кочевник не мыслил себя без коня, и с каждым умершим погребали коня, причем убивали его не как скотину — ножом или топором, а боевым оружием — чеканом. Основная масса коней, погребенных в малых курганах, принадлежит местной степной породе монгольского типа: маленькая, большоголовая, грубокостная, мохнатая степная лошадь, содержавшаяся естественными табунами круглый год на подножном корму. Большая часть лошадей, погребенных в царских курганах, в богатых могилах племенных вождей, совсем другой породы: высокорослые, с сухой несколько горбоносой головой, высоко поставленной на длинной шее, со сравнительно короткой спиной, высокой холкой, сухими длинными ногами. Это были благородные кони типа прославленных в древности боевых коней Средней Азии. Они содержались на зерновых кормах и пользовались особым уходом [Витт В. О., 1937. С. 24, след.; 1952].

Второе по значению место занимал крупный рогатый скот, главным образом как транспортное животное. В алтайских курганах это документируется находками нескольких экземпляров примитивного ярма и остатками крайне примитивных грузовых телег с колесами из обрубков толстых бревен и волокуш (табл. 66, 5, 7).

Овца обеспечивала хозяйство кочевников мясом и шерстью. Во всех могилах в качестве остатков мясной пищи находят крестец барана и прилегающие к нему хвостовые и поясничные позвонки. Это говорит о том, что овцы были жирнохвостыми, или курдючными, традиционной пищей была баранина, а наиболее лакомым ее куском — курдюк или жирный хвост, и, наконец, овцеводство имело мясное направление.

Скотоводство как основной источник средств существования ранних кочевников Алтая определяло собой весь уклад их жизни. Основной их пищей были молочные и мясные продукты. Одежда и предметы

домашнего быта изготовлялись из меха, кожи, шерсти и других продуктов животноводства. Со скотом совершались переходы с пастбища на пастбище. Для переездов и перевозки имущества пользовались верховым конем; колесницей, в которую запрягали в дышло пару лошадей с двумя пристяжными; арбой и волокушей, влекаемыми парой быков, запряженных в ярмо (табл. 66. 1, 5, 6, 8).

Жилище. Некоторые детали внутримогильных сооружений в царских курганах позволяют нам составить хотя бы общее представление о характере жилищ кочевников Алтая. Так, обнаруженные в могилах бревенчатые, брусковые и дощатые срубы сложного устройства говорят о хорошо развитом плотничьем мастерстве. Надо полагать, что на зимовках кочевники строили прочные деревянные дома и зимой жили оседло. Срубы в могилах покрыты сверху толстым слоем древесной коры и веток кустарника *Potentilla fruticosa* (Курильский чай) из семейства розоцветных, богатых дубильными веществами. Кроме того, все это покрывалось еще большими полотнищами, сшитыми из вываренной бересты. У современных народов Сибири такие полотнища предназначаются для покрытия легких переносных и разборных жилищ. Надо полагать, что ранние кочевники Алтая на покрытие могил употребляли полотнища, снятые с берестяных юрт или повозок, а не специально изготовленные. Значит, летом они жили в берестяных юртах, чумах или повозках. Но не только в берестяных. В богатых могилах бревенчатые стены покрыты расшитыми техникой аппликации войлочными коврами. В Пазырыкском V кургане сохранилось войлочное полотнище (4,5 × 6,5 м) от шатра (табл. 65, 9). Можно думать, что наиболее распространенными у древних алтайцев были не берестяные, а войлочные жилища. Возможно, переносные жилища у них делались также из кож и мехов.

По сообщениям античных авторов, кочевые орды (родовые или племенные) скифов и массагетов двигались по степям в повозках. Каждая семья обладала парой быков и повозкой («восьминогие скифы»), которая служила ей постоянным домом. В повозке люди рождались, жили, трудились и умирали. Мужчины передвигались верхом на коне, а женщины управляли повозкой, в которой находились их дети и все имущество семьи. Служили ли у алтайцев крытые повозки летним жилищем, как у скифов и массагетов, трудно сказать, но что жилища их были легко перевозимыми и покрывались берестой и войлоком, это можно утверждать с несомненностью.

Одежда. Вполне соответствовала кочевой жизни древних алтайцев и одежда. Мужчины носили узкие штаны, короткую куртку, затянутую широким поясом, и мягкую обувь, перевязанную у лодыжек. Женщина, вероятно, поверх штанов и рубахи накидывала на плечи длиннополый, свободно запахивающийся меховой халат с длинными декоративными, свисающими по бокам рукавами. Так ранние кочевники изображены на золотых бляхах в Сибирской коллекции Петра I (табл. 68, 21). Такова же одежда скифов Причерноморья и саков Средней Азии, насколько мы это знаем по сохранившимся изображениям. Одежда алтайских кочевников отличается лишь деталями покроя и декоративным оформлени-

ем. В ледяных курганах Алтая уцелели лишь немногие одежды и их части. Это войлочные чулки; меховые и кожаные мягкие сапоги: мужские — со скромными украшениями, женские — богато расшитые; белые рубахи без украшений: одна — из растительного волокна (конопля или кендырь), другая — из войлока. Особенно интересна женская меховая шуба из Катандинского кургана, сохранившаяся полностью, кроме содранных с нее грабителями многочисленных тонких золотых листков (табл. 64, 31). Шуба узорчато расшита кусочками крашеного красного и зеленого меха и тысячами мелких позолоченных бляшек. Декоративные рукава ее были непомерной длины (102 см) и крайне узкие (в обхвате 11 см). В такую же по покрою шубу облачены сидящая под деревом женщина на упомянутой сибирской золотой бляхе (табл. 68, 21) и скифские матроны, изображенные на золотых пластинках из курганов Куль-оба и Карагодеуашх в Причерноморье.

Оружие. Древнейшие изображения воина на Алтае — оленные камни — знакомят нас со стандартным комплектом оружия, всегда носимого при себе. Это кинжал, подвешенный к поясу спереди, лук в колчане на левом боку и боевой топорик или чекан — на правом (табл. 62, 13—15). Основные особенности оружия кочевников были приспособлены, как и их одежда, к подвижному образу жизни и верховой езде. На золотых сибирских бляхах они изображены с горитом, висящим на поясе (табл. 68, 21). В горите — короткий (100—110 см), как у скифов, лук и короткие (50—60 см) стрелы, вложенные в него острием вниз, оперением вверх. Всадник легко вынимал левой рукой лук, а правой — стрелу и, быстро приведя их в рабочее положение, мог стрелять на ходу, не останавливая коня, направляя при этом стрелу в любую сторону — вперед, сбок и назад, как это выразительно показано на сибирской золотой бляхе «охота в лесу» (табл. 68, 22) и на одном иранском изображении скифа, стреляющего на скаку назад [Boardman S., 1970. Pl. 1904]. В Пазырыкском II кургане найдены древки стрел. Их длина около 80 см. Видимо, кочевники Алтая, помимо короткого лука, пользовались и длинным, порядка 150—180 см, предназначенным для других целей — возможно, для пешего боя и пешей охоты. Это вполне вероятно, так как о скифах по Геродоту мы знаем, что они сражались на конях с луком и стрелами, а в пешем бою — с копьем и кинжалом. Хунну Забайкалья и Монголии, судя по находкам в могилах костяных накладок на лук, пользовались в одних случаях коротким (несколько более 1 м) луком, в других — длинным (1,5—2 м).

Для пешего рукопашного боя употреблялись, кроме того, кинжал и боевой чекан. Копье, по-видимому, редко применяли. В археологических коллекциях наконечники копий того времени редки. В богатых царских могилах находятся привязанные к седлу небольшие (около 30×35 см) прямоугольные щиты, сделанные из 35 палочек и куска кожи. По всей вероятности, они предназначались для отражения удара противника в пешем бою. Военная тактика кочевников заключалась, видимо, в стремительных набегах стреляющей на скаку конницы, а затем в ко-

ротких рукопашных схватках с легким оружием — кинжалом и чеканом.

Культурный обмен. Подвижная жизнь, частые военные столкновения, грабительские войны — все это способствовало более широкому, чем прежде, межплеменному обмену материальными ценностями и культурными приобретениями. Наиболее интенсивен был обмен с соседними и более далекими кочевыми племенами. Но поскольку эти племена были близки по культуре, то изделия их мало отличались от изделий алтайских племен, и установить импорт или культурные заимствования по археологическим памятникам пока трудно, а подчас невозможно. Так, можно лишь предполагать, что большой войлочный ковер из Пазырыкского V кургана с изображениями богини и всадника (табл. 65, 6, 8) шит не на Алтае, но решить, откуда он привезен, — от кочевников приаральских степей или пустынь Синьцзяна, из Монголии или Ордоса, невозможно, пока декоративное искусство всех кочевых племен не будет так же хорошо изучено, как алтайских. Однако о широком обмене среди племен ранних кочевников говорит тот факт, что многие характерные черты культуры кочевников чрезвычайно быстро распространялись по всем степям. Единство культуры ранних кочевников можно видеть прежде всего в очень сходных формах оружия, сбруи и образах звериного стиля на широких просторах степей от Дуная до Китайской стены.

Значительно яснее и определеннее отражены в археологических памятниках культурные связи алтайских племен с отдаленными инокультурными народами древних восточных цивилизаций — с Китаем, Ахеменидским Ираном, Греко-Бактрией. Так, импортом из Китая были два сурьмяных зеркала типа цинь (Пазырык VI и случайная находка; табл. 65, 7), лаковые изделия и шелковые ткани. Особенно замечательна ткань, из которой шит чепрак одного из седел в Пазырыкском V кургане. Это великолепный узорчатый шелк, на розовом фоне которого вышиты изящные многоцветные рисунки священных фениксов, поющих на ветвях дерева Удун (табл. 65, 1). В Китае такие ткани изготовлялись для особо богатых лиц, для принцесс при выдаче их замуж. Некоторые вещи, найденные на Алтае, выполнены, несомненно, под влиянием китайских художественных вкусов — например, деревянный диск с изображением двух грифонов, крутящихся как бы в вихре (Туэкта I), и вырезанные из золотых пластинок вихревые узоры на женском головном уборе (Яконур 5; табл. 64, 24; 67, 9). Одна узда из кургана Шибе украшена позолоченными крестовидными фигурками, характерными для китайских зеркал периода Хань, и трудно решить, китайский ли это импорт или заимствование китайских орнаментальных мотивов (табл. 64, 5). Во всяком случае, можно предполагать, что кочевники Алтая не только получали из Китая готовые изделия, но и воспринимали некоторые культурные достижения, по крайней мере в орнаментальном искусстве.

Более интенсивными были связи с народами Средней Азии, а через них — и с Ахеменидским Ираном. В Пазырыкском V кургане найден древнейший из известных ворсовый ковер очень тонкой и искусной работы. Поскольку подобного рода изделия такой древности нигде больше неизвестны, трудно опре-

делить место изготовления этого ковра. Однако, как отмечают некоторые исследователи, его основная орнаментальная композиция построена в стиле традиций, сохранившихся в современном туркменском ковроткачестве, а не других центров ковроделия. Поэтому наиболее вероятным представляется его среднеазиатское, а не иранское или какое-либо иное происхождение [Хлопин И. Н., 1980]. Вероятно, из Средней Азии получали и найденное в нескольких курганах кориандровое семя — пряность, издревле выращиваемую в этом регионе [Руденко С. И., 1953. С. 96]. меховая сумка и подушечка из Пазырыкского I кургана сшиты из меха гепарда, шкура которого или сам зверь могли быть получены тоже из Средней Азии. Оттуда же поступали, очевидно, и верховые кони, погребенные в богатых курганах. Наконец, из районов Средней Азии и Синьцзяна может происходить деревянный столик из Пазырыкского II кургана. Ножки его изготовлены на токарном станке. Замечательно, что в алтайских курганах много вещей, имеющих форму тела вращения, т. е. имитирующих форму токарных изделий, но они вырезаны ножом или вырублены топориком. Это ножки столиков, балясины в кузове колесницы, некоторые украшения конской сбруи (табл. 65, 2; 67, 10). Видимо, древние алтайцы получали из районов, где было развито ремесло и имелись токарные станки, в небольшом количестве точеные изделия, ценили их и часто имитировали в технике резьбы.

Из Ахеменидского Ирана на Алтай проникали дорогие художественные изделия. Это золотая чаша весом около 1 кг с двумя ручками в виде фигур тигров (Сибирская коллекция Петра I; табл. 68, 18); массивная серебряная с позолотой фигурка скачущей лани, служившая ручкой серебряного сосуда (случайная находка 1734 г. в западном Алтае; табл. 68, 5); роскошная шерстяная ткань с вытканными на ней изображениями шествующих львов и сценой жриц у жертвенника (табл. 65, 3). Из варварски нарезанных кусков этой ткани сшиты чепрак и нагрудник одного из седел в Пазырыкском V кургане [Гаврилова А. А., 1980]. Подобные и другие изделия иранского художественного ремесла, по-видимому, неоднократно попадали на Алтай, и алтайские мастера обогатили свое искусство, позаимствовав наиболее полюбившиеся им приемы орнамента и художественные образы. Они широко использовали в орнаментике мотивы лотоса и пальметки, взяв их в иранской, а не в греческой трактовке, и при этом сильно изменив и органически включив в свой, алтайский, стиль (табл. 67, 5, 10). Алтайские кочевники заимствовали композицию шествия зверей и мифических чудовищ, образ грифона, тоже в иранской, а не греческой трактовке, но изменив в соответствии со своими художественными вкусами.

Когда в III—II вв. до н. э. сформировалось Греко-Бактрийское государство, на Алтай стали проникать дорогие художественные изделия нового стиля, созданного в среде азиатских народов на основе эллинистического искусства. Так, в Сибирскую коллекцию Петра I попало несколько золотых вещей: чаша, по форме и декоративному оформлению аналогичная глиняным мегарским (табл. 68, 15); сосуд-кувшинчик, украшенный фениксами среди аканфов: чаша

на поддоне; пара гладких фаларов [Тревер К. В., 1940. С. 50, 67, 103, 105. Табл. 6, 14, 31, 32].

Право собственности. Широкий обмен алтайских племен с далекими странами стал возможен не только благодаря большой подвижности кочевников. Спрос на дорогостоящие предметы роскоши был вызван появлением значительного числа богатых владельцев скота. Собственность семьи на скот окончательно утвердилась. Семья стала самостоятельной экономической единицей в роде и племени, и это неизбежно привело к неравномерному обогащению отдельных семей. Главы более богатых семей занимали руководящее положение в роде и племени, что способствовало их дальнейшему обогащению. Право собственности семей запечатлелось в ряде памятников. Например, кони имеют метки на ушах — разное количество надрезов на правом и левом ухе. Все метки коней разные, кони принадлежали разным владельцам. Умерших одной семьи хоронили на семейном кладбище, где курганы расположены цепочкой. Как правило, курганы одной цепочки одинаковы по размерам и богатству погребений. Есть цепочки малых курганов, средних и, наконец, огромных. Это значит, что богатства и положение в обществе передавались по наследству из поколения в поколение.

На характер права собственности указывают и наблюдения над разграблением царских курганов Алтая. Они расхищены не при каких-нибудь военных набегах, а воровским способом, небольшими группами людей, возможно соплеменниками. Гробили могилы вскоре после погребения, возможно, в тот же год. Грабители хорошо знали устройство могилы. Из множества находившихся в могиле вещей они похищали только те, которые можно было легко скрыть, перелив или перековав их в новые изделия. Одежды из ценных мехов, ковры, войлок и другие роскошные вещи они оставляли, но все металлические части тщательно собирали, сдирали с одежд листовое золото и олово, с трудом выдергивали медные гвозди из стен. Значит, отдельные лица могли становиться обладателями похищенных ценностей, могли их обменивать или продавать. Следовательно, уже вполне сложилось право частной собственности, чего не было в предшествующие периоды.

Род и племя. На сооружение огромных курганов с обширной могилой сложного устройства требовалось, по самым скромным подсчетам, не менее трех тысяч человеко-дней тяжелого труда, что непосильно одной семье, даже если бы она имела рабов. Могилу сооружал весь род или целое племя. Традиции рода и племени были еще сильны, и кооперация труда применялась, очевидно, не только при похоронах, но также в скотоводстве для совместной пастбы и охраны скота, особенно же при всякого рода военных действиях. Роль родовладык и племенных вождей при этом была весьма значительна. Поэтому смерть и похороны вождя были крупным событием в жизни племени. В похоронах принимало участие все племя, и не только своим присутствием и трудом, но и материальными приношениями погребенному вождю. Так, многими наблюдениями устанавливается, что погребенные с вождем кони и все их богатое снаряжение принадлежали разным владельцам. Это были богатые дары умершему, вероятно, от подчиненных ему лиц.

Очень важные сведения мы получаем, изучая число и характер этих даров. В одном кургане (Пазырык V) погребенному было дано пять верховых коней с седлами и уздечками, один из них — с маской, а в двух других (Пазырык I и Башадар I) — вдвое больше, по 10 коней, в том числе по два — с маской. Еще в одном кургане (Пазырык II) погребено семь коней с одной маской, а в четырех других (Пазырык III и IV, Башадар II, Шибе) — вдвое больше, по 14 коней, в том числе по два — с маской. В двух курганах (Туэкта I и II) было по восемь коней, в одном (Берель) — 16. Такая закономерность будет понятна, если предположить, что при похоронах вождя на Алтае каждый родовладыка подносил ему дорогого коня с роскошным седлом и уздой. Тогда определится и структура древних алтайских племен. Каждое племя состояло из двух фратрий, а фратрия — из пяти, семи или восьми родов. Такое точное строение племен характерно для военно-демократического строя. Так было в Аттике в период военной демократии (четыре племени, в каждом — по три фратрии, во фратрии — по 30 родов) и в Риме (три племени, в каждом — по 10 курий, а в курии — 10 родов). Такой порядок сохранялся на протяжении ряда веков и у некоторых народов Центральной Азии: гуниский племенной союз состоял из шести восточных и шести западных «поколений»; предки уйгур делились на 12 «родов»; западные тюрки в VII в. н. э. — на пять «поколений» «Дулу» и пять «Нушиби», и т. д. Можно предполагать, что в алтайских курганах с захоронением 10, 14 и 16 коней погребены вождя племени, а в курганах с пятью, семью и восемью конями — фратриархи, что каждое племя составлялось из двух фратрий, а фратрия была объединением пяти, семи или восьми родов.

Искусство. Время военной демократии было героическим периодом в истории многих древних народов. У алтайских племен наряду с общим экономическим подъемом наступил и расцвет искусства. Богатая военными событиями жизнь породила народных героев, о них слагались первые героические поэмы. Передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, эти поэмы дошли до наших дней в героическом эпосе современных тюрко-монгольских народов, сильно измененные, но сохранившие в значительной мере и древнюю сюжетную канву, и образы героев, и приемы художественного исполнения. Идя ретроспективным путем в изучения современного тюрко-монгольского эпоса и ряда сохранившихся памятников изобразительного искусства разного времени, можно установить, что ранние кочевники Алтая в своих поэмах воспевали подвиги героя на охоте и в борьбе с мифическими чудовищами, его боевого коня, поединки с другими богатырями, побратимство с ними, коварное убийство героя и последующее его оживление [Грязнов М. П., 1961]. Героические поэмы пелись, вероятно, под аккомпанемент арфы. Четырехструнные арфы сохранились в двух курганах (Пазырык II, Башадар II; табл. 65, 5). Они местного изготовления, но по конструкции и форме подобны ассирийской семиструнной арфе, игра на которой сопровождала торжественное жертвоприношение после удачной царской охоты Апшурбанипала, причем играл арфист (барельеф Британского музея). Если арфа, как мы предполагаем, сопровождала мужское

ление, то другой инструмент — тамбурин, обнаруженный в трех курганах (Пазырык II, III, V; табл. 65, 4), — предназначался, возможно, для ритмического сопровождения женской пляски и пения, на что указывают его малые размеры (высота 18 см, диаметр 10 см).

С наибольшей полнотой до нас дошли памятники декоративного изобразительного искусства. Круглая скульптура и барельеф, рисунок линейный, силуэтный и полихромный и различные сочетания их в одном произведении, многочисленные изделия, исполненные разными приемами, в разной технике, из разных материалов, во множестве экземпляров, создают представление об оригинальном, самобытном искусстве, которое в истории искусств народов Евразии занимает совершенно особое место как неповторимое по яркости, красочности и мастерству.

Самые многочисленные произведения — это барельеф и круглая скульптура, преимущественно резьба по дереву. Трудно разграничить эти два вида скульптуры, так как часто в одном произведении сочетается то и другое — например, туловище зверя дано в барельефе, а голова — круглой скульптурой (табл. 67, 17). Для изделий в круглой скульптуре характерна фронтальность изображения — правая и левая половины всегда строго симметричны. Художник, не умея еще передавать фигуры животных в их естественных поворотах, получал все же динамичные, полные жизни изображения. Достигалось это тем, что отдельные части фигур, исполненные фронтально, поворачивались в обратном направлении или под прямым углом друг к другу (табл. 67, 4). В барельефной резьбе животное изображалось только в профиль или в фас. Но и здесь художник добивался удивительной динамичности и выразительности, поворачивая отдельные части изображения в противоположном направлении или выделяя вырезанную в круглой скульптуре голову, ставя ее перпендикулярно к плоскости барельефа. Повернув голову животного назад, а заднюю половину тела — вверх ногами, изобразив при этом все части тела строго в профиль, художник настолько живо передавал полный движения образ, что ограниченность в изобразительных приемах совершенно не чувствуется. Живость изображений достигалась еще и тем, что в барельефных (да и других) изображениях у зверей обычно нет земли под ногами, нет плоскости, на которой животное стоит или лежит, по которой оно бежит. Изображения часто не имеют верха и низа — на них можно смотреть с любой стороны (табл. 67, 2, 14).

Динамичность характерна даже для таких изображений, где, казалось бы, сам сюжет не мог быть передан в движении. Так, в изображении головы птицы динамика достигалась ритмом волнообразных и S-образных изгибов отдельных элементов изображения — клюва, глаза, уха, гребня, шеи (табл. 67, 18). Вообще в искусстве алтайцев широко применялось ритмичное чередование вихревых, волнистых и S-образных изгибов, что создавало впечатление движения и стремительности даже в тех случаях, когда изображаемый объект (голова зверя, рога оленя) был неподвижен (табл. 67, 8, 11).

Совсем по-иному смотрятся орнаменты, составленные из изображений, которые большей частью привя-

Заны, пришиты или наклеены на предметы рядами и парами, в строгом порядке, симметрично (табл. 67, 5). Эти сухие и тяжелые орнаментальные ряды совершенно лишены не только движения, но и какой-либо легкости построения, свойственной в те времена, например, китайским орнаментам на лаковых изделиях. Характернейшая черта древнего декоративного искусства алтайцев — несоответствие тяжелых, неподвижных узоров легкости, живости и динамичности изображения, какие свойственны их искусству.

Кроме дерева, скульптурные произведения выполнялись из рога оленя и быка, кожи, войлока, а также бронзы, золота, железа и из различных комбинаций этих материалов. Материал художественного изделия, конечно, обуславливал тот или иной характер произведения. Так, барельефные изображения, вырезанные на тонких пластинках из рога быка или оленя, делались иногда настолько плоскими и упрощенными, что их можно назвать линейным или силуэтным рисунком (табл. 67, 6). Из роговых стержней оленя и косули часто вырезали голову птицы или зверя и даже целую фигуру зверя, причем так, что они казались как бы вписанными в естественную форму куска рога (табл. 63, 46). Из толстой кожи, необычного для скульптуры материала, вырезали барельефные фигурки зверей, птиц, сцены борьбы мифического орла с горным бараном и другие изображения. Из кожи в сочетании с войлоком, мехом и крашеным конским волосом сшивали круглой скульптурой надеваемые на голову коня фигуры грифона, петуха, голову горного барана. В деревянной скульптуре очень часто отдельные детали (рога, уши, крылья) выполнялись из толстой твердой кожи (табл. 67, 7, 14, 17).

Художественные изделия из металла, известные нам в меньшем количестве, представляли собой литые в круглой скульптуре фигурки птиц и зверей, но более распространены были барельефные изображения (табл. 67, 19). Особенно значительны золотые ажурные барельефы из коллекции Петра I, изображающие сцены борьбы зверей и выполненные, вероятно, лучшими мастерами-художниками того времени (табл. 68, 10, 17, 19, 20, 23).

Разнообразны и плоские изображения, выполненные как по дереву, металлу и рогу, так больше всего из мягких материалов — кожи и войлока, реже — меха и бересты, часто из различных комбинаций этих материалов. Разнообразна и техника исполнения — резьба и инкрустация, аппликация шитьем и склеиванием, вышивка, раскраска и пр. Изображения делались силуэтными, полихромными и лицевыми. Как и в скульптуре, все они динамичны, что достигалось теми же средствами. Полихромные изображения создавались преимущественно техникой аппликации или «мозаичного» шитья. Части изображения вырезались из войлока и кожи разного цвета и из этих кусочков составлялись многоцветные фигурки зверей. Вся фигура животного или каждая его часть была одноцветной, без полутонов и переходов, и расцветка изображения получалась условной, часто совершенно не соответствующей реальной окраске животного. Красный, желтый, синий, зеленый и другие цвета, на наш взгляд, совершенно произвольно распределяются по фигуре животного.

В древнем искусстве Алтая ярко выражен народный характер художественного творчества. Каждое произведение создано многими авторами, так как мастера-художники всегда пользовались образцами своих предшественников, повторяя уже известные им приемы изображения, композиции, художественные образы и манеру передачи образа. Кочевники хорошо знали зверей, занимались охотой не только ради промысла, но и в качестве военно-спортивных упражнений. Зверей они изображали любовно, проявляя при этом острую наблюдательность. Искусство изображать зверей в характерных позах, в движении, в ожесточенных схватках друг с другом они совершенствовались из поколения в поколение, заимствуя и отбирая наиболее удачные приемы.

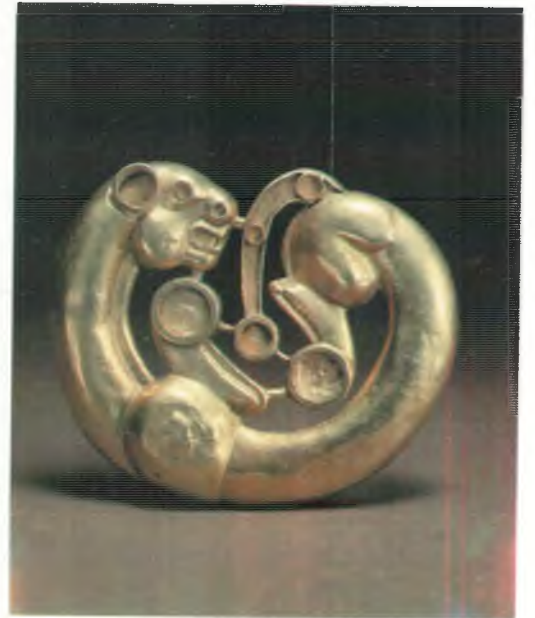
В декоративно-орнаментальном искусстве древних алтайцев изображения зверей служили украшением многих предметов, для чего изготовлялись серии совершенно одинаковых изображений. Но художники Алтая преследовали не только декоративные цели. Характерно, что использовались лишь мифологические образы. Изображались не реальные животные, а мифические существа в образе того или иного зверя. Это были тигр и волк — из хищников; лось, олень, горный баран, горный козел — из копытных; орел, лебедь и петух — из птиц и налим — из рыб. Реже изображались лошадь, кабан, сайга и заяц. В глубокой древности эти животные представлялись как тотемы — родоначальники и покровители рода. Здесь же они осмыслялись, по-видимому, как мифические существа, обладавшие особыми таинственными силами. Были и образы фантастических зооморфных и полиморфных чудовищ. Наиболее распространены из них мифический орел — с длинными звериными ушами и зубчатым гребнем на голове и шее (рис. 67, 11) и крылатый тигр (алтайский вариант грифона) с туловищем и головой тигра, крыльями (иногда и головой) орла, рогами джейрана (табл. 67, 7).

Характерные сцены борьбы зверей можно было бы принять за картины из реальной жизни животных, так живо и правдиво показаны в них реальные звери в естественных положениях. Но есть и совершенно нереальные изображения — например, крылатый тигр терзает горного козла или мифический орел поднял в своих лапах лося (табл. 67, 3). Изображения головы оленя в пасти волка (табл. 67, 13) или налима, схватившего голову горного барана, должны были, по-видимому, показать победу волка над оленем или налима над горным бараном, а потому все представленные в подобных изображениях волки и тигры, олени и лоси, налимы и бараны и другие животные, были, очевидно, мифическими, а не реальными существами. В эпоху, когда военные набеги и столкновения были нормальным и частым явлением, когда отношения между родами и племенами устанавливались соотношением их сил, а благополучие рода и племени определялось военной мощью, изображаемый мир мифических существ также должен был представляться в состоянии постоянной борьбы, с неизбежными победами одних мифических существ и поражениями других. Вполне естественно, что, воплощая воображаемые мифические существа в образах реальных животных и чудовищ, наделенных признаками реальных животных, древние художники

Пазырык.
Войлочные покрышки седел № 2 и 3 (детали), щит (дерево и кожа)

Золотые изделия
из Сибирской коллекции Петра I
и фрагмент войлочного ковра
из Пазырыка

Аймырлыг.
Берестяная фигурка, клык с изображением хищника, золотые бляшки с изображением животных, костяные фигурки горного барана и гребни

Байте I и III.
Каменные
изваяния

представляли борьбу этих существ в виде реальных картин нападения зверей друг на друга. Так сложился реалистический стиль изображения животных и сцен их борьбы.

Высокоразвитое реалистическое по форме и мифологическое по содержанию искусство ранних кочевников не получило в последующие эпохи дальнейшего развития в степях Евразии. Его традиции были забыты, а художественное мастерство исполнителей утрачено. Большая серия памятников изобразительного искусства таштыкской культуры, открытая у горы Тепсей на Енисее [Грязнов М. П., 19796], многофигурная композиция на знаменитой костяной луке тюркского времени из Кудыргэ на Алтае [Руденко С. И., Глухов А., 1927] и бронзовые барельефы кыргызской эпохи из Копёнского чаатаса на Енисее [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940] говорят уже о иных традициях и о более низком мастерстве исполнения. Не получила дальнейшего развития, по-видимому, и музыкальная культура древних алтайцев. Во всяком случае, музыкальные инструменты пазырыкского типа в последующие эпохи в Сибири нам неизвестны. Только героический эпос, несмотря на пронесшиеся по степям Сибири социальные и политические бури, на волны передвижений народных масс, передавался из поколения в поколение на протяжении двух с половиной тысяч лет и дошел, хотя и сильно измененный, до наших дней в эпосе тюрко-монгольских народов. Жемчужина тюркского народного творчества — казахская лирико-героическая поэма Баян-Сулу и Козы Кёрпёш — сохранила и развила сюжет и традиции древнеалтайского эпоса.

ПОСЕЛЕНИЯ НА ОБИ. Совсем другую картину исторического развития мы наблюдаем в сибирской лесостепи, на берегах Оби. Исследованные здесь могильники и поселения, подобно памятникам Алтая, делятся также на несколько хронологических групп, отчасти параллельных и синхронных алтайским: большещеченский (VII—VI вв. до н. э.), бийский (V—III вв. до н. э.) и березовский (II—I вв. до н. э.) этапы. Весь период в целом носит название большещеченской культуры.

Обращает на себя внимание бедность могильных памятников первого, большещеченского, этапа. Могилы представляют собой небольшие овальные ямки глубиной всего около полуметра, куда укладывали умершего в скорченном положении, на боку (табл. 69, 1—5). Яму покрывали, видимо, жердочками, и насыпали над ней холмик из вынутой из могилы земли. Сопровождающий инвентарь крайне беден. Треть могил вообще ничего, кроме костей человека, не содержит. В другой трети найдено только по одному предмету: медная бусина, кончик клинка бронзового ножа, глиняная чашка (табл. 69, 49—53, 56, 59). В мужских могилах у пояса находится иногда бронзовый нож (табл. 69, 43—46), но обычно это вторично использованный обломок острия ножа, укрепленный в деревянную рукоять (табл. 69, 28—30). В предшествующие периоды как на Оби, так и вообще в Южной Сибири все могилы были более солидно устроены и богаче инвентарем, а погребенных всегда снабжали обильной пищей. Особенно же богаты могилы современников древних обитателей Оби, кочевников Алтая

и приалтайской равнины, всегда хоронивших своих покойников с верховым конем, седлом и уздой.

И еще одна новая черта в погребальном обряде оседлого населения Оби. В 11 из 29 исследованных погребений взрослых мужчин найдены части конской сбруи, бронзовые наконечники копий, каменная булава, бронзовые и костяные наконечники стрел, остатки лука со стрелами (табл. 69, 15, 25, 32—41, 47), роговые псалии от узды (табл. 69, 31), подобные куртуским на Алтае. В предшествующее, андроновское и карасукское, время умерших никогда не хоронили с оружием. Здесь же треть мужчин погребена с оружием и уздой. Считалось, видимо, что путь в загробный мир может быть успешно преодолен только с оружием. Оружие стало одним из важнейших условий благополучного существования. Очевидно, и в реальной жизни обитатели Оби вынуждены были часто прибегать к оружию. Одним из примеров может быть могила, где погребен мужчина с вонзившимся в его бедренную кость бронзовым наконечником стрелы (табл. 69, 25, 40). Он был убит выстрелом, сделанным в упор, должно быть, в бою.

На первом этапе эпохи ранних кочевников оседлое население Оби подвергалось их неоднократным военным нападениям. Оружие было необходимо всегда иметь при себе. Настало тяжелое время, беспокойная, полная тревог жизнь.

О том же говорят и остатки поселения, исследованного на дюнах у с. Большая Речка. Раскопками здесь открыты большие землянки, подобные тем, какие строились в эпоху бронзы: площадь 200 кв. м и более, глубина 80—110 см. В таких землянках эпохи бронзы находят обычно по два-три, реже — больше, обломков каких-нибудь предметов (табл. 69, 12, 14, 19, 20, 26), по два-три горшка с обломанным верхом или трещинами на боках (табл. 69, 48, 57, 58, 63). Переселяясь на новое место, обитатели землянок все с собой уносили, оставляя лишь старые, негодные к употреблению вещи. В землянках же Большой Речки осталось много целых сосудов и различных вещей. В землянке 3, почти полностью раскопанной, сохранилось 14 целых сосудов (табл. 69, 54, 55, 60—62, 64, 65) и несколько десятков вещей. Очевидно, жители поселка покинули свои землянки внезапно, ничего с собой не взяв, и больше туда не возвращались. Так как никаких следов пожара не обнаружено, то причиной ухода обитателей поселка, надо полагать, был военный набег. Победители забрали только ценные вещи и скот, а все домашнее имущество оставили на месте. Жители были перебиты, бежали или, быть может, были уведены в плен.

Однако жизнь на Оби не прекращалась. Памятники последующих периодов показывают, что население Оби продолжало развивать экономику и культуру. Если на большещеченском этапе все орудия и оружие были еще бронзовыми, то на бийском наряду с бронзовыми кельтами, ножами, стрелами (табл. 70, 29, 32, 38—43) стали изготавливать железные ножи, кинжалы и чеканы (табл. 70, 44, 45). На березовском этапе из железа делали уже не только орудия труда, оружие и конские удила, но также обоймы для ремня, крюки для колчана и другие вещи (табл. 70, 10, 11, 21).

По могильникам березовского этапа можно наблюдать заметное повышение благосостояния оседлого

населения Оби. Умерших стали хоронить в глубоких могилах с прочно сделанным бревенчатым срубом, часто заложённым сверху, до краев ямы, несколькими рядами продольных бревен (рис. 70, 1). Каждый раз при похоронах совершалась тризна — резали барана, и лучший кусок мяса, всегда курдюк с прилегающей частью туши, давали в могилу умершему. Вместе с мясом клали и железный нож даже в тех случаях, когда на поясе погребенного нож уже имелся. Вообще вещей в могиле стало больше, наряд погребенных более богат украшениями.

В ряде случаев мужчин хоронили с верховым конем.

Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы

Изучение археологических памятников в Туве началось значительно позднее, чем в Южной Сибири, первоначально как продолжение и расширение исследований, проводившихся в Минусинской котловине. Первым этапом были раскопки А. В. Адрианова в 1915—1916 гг. (в северных районах) и С. А. Теплоухова в 1926—1927 и 1929 гг. (в разных районах). Значительная часть раскрытых ими курганов относилась к эпохе ранних кочевников. Результаты этих работ получили отражение только в информационной статье, где отмечалось своеобразие памятников и предлагалась возможная их датировка [Теплоухов С. А., 1929]. Детальному анализу полученные материалы подверглись лишь через десятилетие (Сосновский Г. П.), публикация же их последовала еще позднее [Полторацкая В. Н., 1966].

После войны сложились новые условия, способствовавшие началу планомерных археологических работ с целью воссоздания древней истории края и его населения. Наряду с местными исследователями активную роль в этом сыграли центральные научные учреждения и в первую очередь Академия наук СССР.

В 1947 г. часть территории Тувы была обследована Саяно-Алтайской экспедицией АН СССР во главе с С. В. Киселевым. В 1953—1954 гг. разведки продолжил Институт этнографии АН СССР (А. Д. Грач); одновременно учет памятников и небольшие раскопки начал Тувинский краеведческий музей (С. И. Вайнштейн).

С 1955 г. раскопки приобрели систематический характер. Они велись ежегодными экспедициями Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (С. И. Вайнштейн, М. Х. Маннай-оол), Тувинской археологической экспедицией Московского государственного университета, возглавляемой Л. Р. Кызласовым (1955—1960, 1962 гг.), Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР, руководимой Л. П. Потаповым (1957—1963, 1961—1966 гг.), и Саяно-Тувинской археологической экспедицией Института археологии АН СССР (с 1965 г. руководитель А. Д. Грач, с 1972 г. — С. Н. Астахов). Наиболее крупные исследования памятников ранних кочевников проведены

Улучшение обеспечения основной массы населения, очевидно, было результатом существенных изменений в отношениях между кочевниками и оседлым населением Оби. Надо полагать, что от хищнического разорения оседлых поселений кочевники перешли к какой-то более выгодной для них системе экономических отношений — регулярной дани или чему-нибудь подобному. Избавленное таким путем от частых грабительских набегов кочевников пастушеско-земледельческое население Оби получило возможность в более спокойной обстановке вести хозяйство и иметь более или менее постоянный минимум своей экономической обеспеченности.

последней преимущественно в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС.

Быстрое накопление новых материалов и анализ добытых ранее очень скоро показали необходимость разработки самостоятельной хронологической периодизации памятников Тувы. Уже в 1958 г. практически одновременно в печати были предложены две принципиально близкие ее схемы, опирающиеся на периодизацию, принятую для Южной Сибири. По одной из них, более полной [Кызласов Л. Р., 1958], в пределах эпохи ранних кочевников выделялись две последовательно существовавшие культуры: уюкская, относящаяся к скифскому периоду VII—III вв. до н. э., с подразделением на ранний (VII—VI вв. до н. э.) и поздний (V—III вв. до н. э.) этапы, и шурмакская, принадлежащая гунно-сарматскому времени II в. до н. э. — V в. н. э., также с подразделением на ранний (II в. до н. э. — I в. н. э.) и поздний (II—V вв.) этапы. Согласно второй схеме, памятники скифского периода также были отнесены к одной культуре, названной казылганской [Вайнштейн С. И., 1958].

Продолжавшийся рост материалов вызвал тенденцию к созданию более дробных периодизаций. Так, казылганская культура была подразделена на четыре этапа: ранний (без наименования) — VII—VI вв. до н. э.; кокзальский — VI—V вв. до н. э.; казылганский — V—IV вв. до н. э. и озен-ала-белигский — IV—III вв. до н. э. [Вайнштейн С. И., 1966]. Одновременно культура гунно-сарматского периода получила второе название — сынчурекская [Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П., 1966]. Дополнительное членение на три этапа было предложено и для уюкской культуры: первый — VII—VI вв. до н. э.; второй — V—IV вв. до н. э.; третий — IV—III вв. до н. э. [Маннай-оол М. Х., 1970]. Однако ни в одном случае не была дана необходимая аргументация.

Исследование кургана Аржан в Уюкской долине привело к выявлению очень раннего археологического комплекса эпохи ранних кочевников, и был поставлен вопрос о возможности выделения в Туве «предскифского» периода [Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1973]. Этот комплекс затем явился одной из основ для новейшей периодизации скифского

периода на всей территории степного пояса Евразии, предложенной М. П. Грязновым [1979а, С. 4—7]. Подавляющее большинство исследователей придерживается мнения о развитии в Туве на протяжении всего скифского периода единой культуры. Но высказана и другая точка зрения, согласно которой памятники VIII—VI вв. до н. э. относятся к одной культуре — алды-бельской (подразделяемой на два этапа — аржанский VIII—VII вв. до н. э. и усть-хемчикский VII—VI вв. до н. э.), а более поздние, V—III вв. до н. э., к совершенно иной — саглынской (подразделяемой также на два этапа — саглынский V—IV вв. до н. э. и озен-ала-белигский IV—III вв. до н. э.); затем следует улуг-хемская культура, относящаяся уже к гунно-сарматскому периоду [Грач А. Д., 1971; 1980]. Базой для этой периодизации послужили результаты раскопок своеобразных ранних курганов в саянском каньоне Енисея (Хемчик-Бом III, V) и вблизи него (Алды-Бель). Имеющиеся материалы, однако, не подтверждают смену культуры около середины I тысячелетия до н. э. [Маннай-оол М. Х., 1970; Окладников А. П., 1980; Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У., 1980]. Что касается дробной периодизации, то и в данном случае она не получила реального обоснования. Отсутствие общепринятой периодизации памятников Тувы объясняется прежде всего высокими темпами накопления новых материалов, заметно опережающими их публикацию. Кроме того, датировки, как правило, базируются на аналогиях вещевым находкам в материалах из других областей степного пояса — прежде всего Минусинской котловины и Алтая. Постулированная изначально возможность прямой синхронизации их не подверглась проверке, а она не всегда подтверждается новыми материалами. Приближенность датировок часто обусловлена многократными последовательными захоронениями в одной могиле. Все дробные периодизации остаются предположительными и в некоторых случаях имеют субъективную окраску.

При современном уровне знаний в принципе сохраняет свое значение периодизация, предложенная Л. Р. Кызласовым, но в нее необходимо внести некоторые коррективы. Культура скифского периода (уюкская) существовала более длительное время — в пределах VIII—II вв. до н. э., причем оба предела датировки подлежат дальнейшему уточнению. Фактические материалы позволяют сейчас разделять этот период на три этапа: начальный (аржанский), ранний и поздний. Первый из них в данном случае рассматривается как время формирования уюкской культуры. Рубеж III и II вв. до н. э., принятый в указанной периодизации в качестве границы двух периодов и соответствующих им культур, следует считать реальной вехой прежде всего в политической истории. Динамика же культур носила более сложный характер. Новые материалы дают основания выделять между скифским и гунно-сарматским периодами переходный этап, который по времени, во всяком случае частично, совпадает с ранним этапом шурмакской культуры в периодизации Л. Р. Кызласова. Характерная для гунно-сарматского периода культура, наиболее полно и отчетливо представленная в могильнике Кокэль, хронологически должна быть отнесена к следующему этапу.

Возможно, что погребения по обряду трупосождения, известные пока лишь в небольшом числе, можно будет в дальнейшем отнести к более позднему, третьему, этапу гунно-сарматского периода.

Основным источником фактических данных о культуре скифского периода являются могильники, исследованные в разных частях Тувы, но в наибольшем числе — в ее центральных районах (карта 10). Важные дополнительные сведения получены в результате изучения древних выработок рудных месторождений и остатков металлургического производства. Материалы, связанные с сезонными стоянками, еще крайне ограничены.

Ареал уюкской культуры частично выходит за пределы Тувы и включает в себя во всяком случае часть северо-западной Монголии и восточную окраину Алтая. На западе он граничит с территорией распространения пазырыкской культуры; на севере — с ареалом тагарской культуры; восточная и юго-восточная границы еще недостаточно ясны. Число памятников повсеместно весьма велико, но значительная часть их ограблена (преимущественно в гунно-сарматское время).

Могильники, сильно варьирующие в размерах, как правило, расположены на возвышенных местах, вблизи берегов рек, нередко там, где имеются и погребения эпохи бронзы. Характерная черта их — размещение погребальных сооружений сравнительно правильными цепочками, вытянутыми обычно в меридиональном направлении или вдоль течения реки. В могильниках часто имеется несколько цепочек, расположенных линейно или параллельно друг другу.

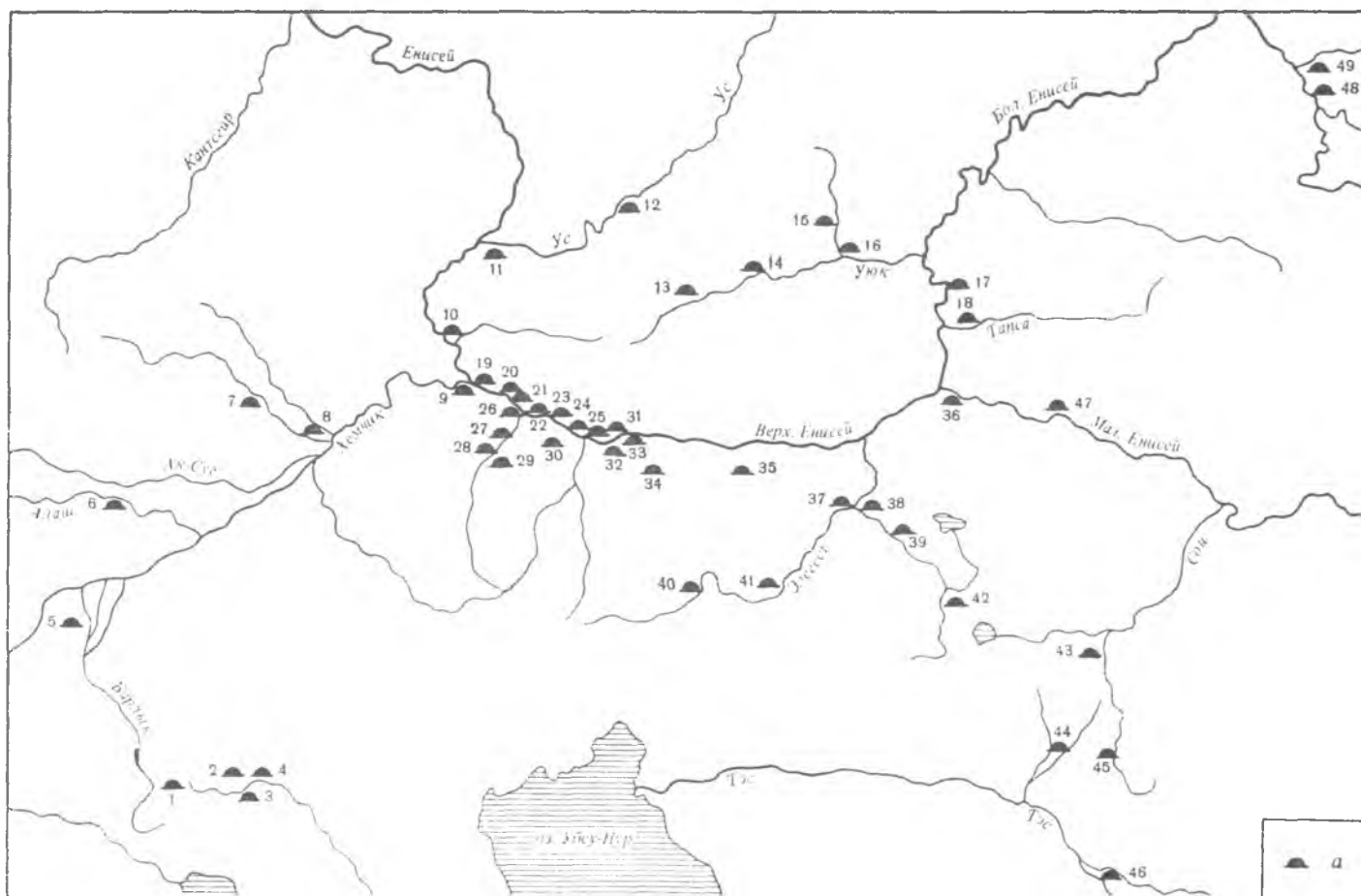
Погребальные сооружения (такое наименование здесь более точно, чем курганы) характеризуются значительным многообразием (табл. 71; 73). Они отличаются друг от друга конструкцией как наземной части, так и внутримогильного устройства. Наибольшее разнообразие, даже при учете разрушений, вызванных ограблением, наблюдается у наземной части. В исследованных памятниках известны следующие типы погребальных сооружений, которые могут быть подразделены на подтипы в зависимости от наличия и формы ограды, а также варианты, определяемые конструкцией внутримогильного устройства:

I. Округлые и овальные (иногда четырехугольные) каменные насыпи, обычно имеющие четкое обрамление из больших камней («крепиду»), под которыми расположено несколько могил часто разного устройства (узкие деревянные срубы, каменные ящики, колоды, грунтовые ямы).

II. Круглые земляные (и каменно-земляные) насыпи, под которыми расположено несколько могил часто разного устройства (деревянные срубы, колоды и грунтовые ямы).

III. Круглые каменные насыпи, часто окруженные кольцевидной или прямоугольной каменной оградой, изредка в одной ограде бывает несколько насыпей (табл. 73, 3, 4). Могила (исключая случаи прихоронений) одна (деревянный сруб, каменный ящик, грунтовая яма).

IV. Круглые (или первоначально четырехугольные) земляные насыпи, изредка окруженные кольцевидной каменной оградой. Могила одна (деревянный

Карта 10. Памятники скифо-сарматской эпохи в Туве

1 — Саглы-Бажи; 2 — Улуг-Хорум; 3 — Даган-Тэли; 4 — Дужерлиг-Ховузу; 5 — Озен-Ала-Белиг; 6 — Кызылган; 7 — Усть-Хадынныг; 8 — Кокаль; 9 — Хемчик-Бом; 10 — Хадынныг; 11 — Иджир; 12 — Баданка; 13 — Малиновка; 14 — Аржан; 15 — Туран; 16 — Уюк; 17 — Бегре; 18 — Черби; 19 — Чинге; 20 — Орта-Хем; 21 — Куйлуг-Хем; 22 — Алды-Бель; 23 — Темир-Суг; 24 — Бедиг-Хорум; 25 — Улуг-Оймак; 26 — Урбюн; 27 — Бош-Даг; 28 — Аймырлыг; 29 — Кара-Даг; 30 — Аргалыкты; 31 — Ховужук; 32 — Бай-Даг; 33 — Даштык-шёл; 34 — Сенек; 35 — Шараш; 36 — Кызыл; 37 — Шанчыг; 38 — Атамановка; 39 — Успенское; 40 — Элегест; 41 — Хову-Аксы; 42 — Сосновка; 43 — Балгазин; 44 — Самагалтай; 45 — Шурмак; 46 — Эрзин; 47 — Зубовка; 48 — Тоора-Хем («Вторая поляна»); 49 — Ий; а — курганы

сруб, каменный ящик, грунтовая яма). Бывает, что вследствие проседания насыпи в яму на поверхности прослеживается лишь впадина, окруженная невысоким земляным валиком.

V. Круглые земляные насыпи, имеющие каменное покрытие, переходящее в окружающие их кольцевидные «платформы». Могила одна (деревянный сруб). Исследованы лишь в северных районах (Уюкская долина).

VI. Каменные куполообразные (?) конструкции, как правило, являющиеся одновременно перекрытием внутримогильного устройства. Обычно окружены кольцевидной оградой. Могила одна (деревянный сруб, каменный ящик, цистообразная камера и яма, обставленная большими плитами). Известны только в центральных районах (табл. 73, 11, 13).

VII. Четырехугольные каменные выкладки, обычно с четко выделенными краями, иногда окруженные

кольцевидной оградой. Могила (исключая случаи прихоронений) одна (деревянный сруб, каменный ящик, могила с плитами в торцах, сверху перекрытая бревнами, а также колода, ступенчатая яма, грунтовая яма) (табл. 73, 1).

VIII. Небольшие четырехугольные каменные выкладки. Могила одна (каменный ящик, колода, грунтовая яма). Иногда выкладка одновременно служит перекрытием ящика (табл. 73, 5).

В устройстве каменных насыпей и выкладок наблюдаются различия, носящие, по-видимому, локальный характер. Вариации такого же порядка прослеживаются у срубов, они бывают из бревен, полубревен, брусьев и т. д.

В некоторых могилах известны отдельные каменные наземные сооружения больших размеров со сложными оградями — в частности, напоминающими в плане колесо (табл. 73, 2) и часто имеющими противоположные входы. Это обычно сочетается со значительной глубиной ям, на дне которых расположены срубы. Крупные земляные насыпи в северных районах (Уюкская долина) обычно окружены небольшими кольцевидными каменными выкладками. Все такие особенности, по-видимому, обусловлены особым положением погребенных. Нередки случаи, когда наземная часть сооружения отсутствует, что обычно сочетается с относительной бедностью инвентаря погребений.

Особое место занимает курган Аржан в Уюкской долине (табл. 71, 7—9) — целиком наземное сооружение грандиозных размеров (диаметр около 120 м). Он состоит из центральной бревенчатой клетки и

окружающей ее сложной системы радиально расположенных трапецевидных клеток различных размеров (их насчитывается более 70). Клетки были перекрыты бревенчатым накатом, над которым имелось каменное покрытие. Весь комплекс окружали откос из коротких бревен и стена из плит. Вокруг него располагалось кольцо из двух-трех рядов небольших круглых наземных оградок. Посредине центральной клетки был сложен квадратный сруб с двойными стенками, в котором стояли две колоды; еще шесть колод и два узких сруба располагались вдоль северной, западной и южной стенок клетки, вдоль восточной ее стенки были обнаружены остатки шести конских скелетов. В трапецевидных клетках находились многочисленные скелеты лошадей и еще семь погребений в колодах. Этот курган, очевидно, был местом погребения главы обширного племенного объединения. Условно он именуется царским.

Ряд фактов позволяет полагать, что какое-то время были распространены также погребальные сооружения с цистообразными и иными наземными камерами, характерные для предшествующей эпохи. Но крайняя малочисленность и фрагментарность вещевых материалов не дает возможности установить их точную дату. Особая осторожность в этих случаях обусловлена тем, что от этого зависят понимание путей сложения уюкской культуры и трактовка разных типов погребальных сооружений скифского времени в социальном аспекте.

Обряд погребения, зафиксированный в могилах различных типов и вариантов, относительно единообразен (табл. 73, 6—10, 12). Скелеты, как правило, лежат на боку — левом или, реже, правом, с согнутыми ногами; руки чаще всего вытянуты перед туловищем в направлении к коленям, но бывают также согнуты. Иногда встречается положение ничком — также всегда с согнутыми ногами и руками. Случаи вытянутого положения на спине очень редки и известны главным образом в относительно ранних могилах. Сравнительно часто в камерах (срубах и больших каменных ящиках) наряду с непо потревоженными скелетами имеются компактные скопления костей, причем прослеживается более или менее отчетливое воспроизведение их анатомического порядка. Это захоронения полуразложившихся трупов или костей, уже лишенных мягких тканей; тела умерших, очевидно, какое-то время до погребения хранились в кожаных или матерчатых мешках, остатки которых иногда удается зафиксировать.

Ориентировка скелетов не строго определена, хотя заметно преобладает западная с разными отклонениями (преимущественно на север); встречается также иная, разных направлений. Это обусловлено системой размещения тел умерших в пределах погребального сооружения в целом, которая носит сложный характер. Для полного понимания этой системы еще нет достаточных данных, но отчетливо прослеживаются повторяющиеся схемы. Одна из них — «центрическая», когда вокруг первого по времени захоронения концентрически располагаются последующие. Другая — «линейная», когда скелеты размещены параллельно друг другу и составляют ряды различной величины.

Имеются основания считать, что погребальная

обрядность была значительно сложнее, чем можно судить по ее материальным проявлениям в отдельных взятых могилах. Очевидно, существовала развитая система соответствующих норм, учитывавшая многообразные аспекты положения умершего в обществе, обстоятельства смерти, предполагаемую посмертную судьбу и другие неясные нам моменты. Есть свидетельства совершения ритуальных действий до и после погребения — в частности, разжигание очистительного огня в могиле, помещение шкур животных с черепами на погребальных камерах, сооружение ритуальных выкладок и др. Однако эти детали обряда не повсеместны и, очевидно, также регламентировались нормами.

На протяжении многовекового периода существования уюкской культуры происходила эволюция отдельных типов внутримогильных устройств, а также возникали некоторые модификации обряда погребения. Эти явления протекали взаимосвязанно, но при оценке их необходимо учитывать устойчивость локальных традиций. В целом прослеживается тенденция к постепенному уменьшению удельного веса погребальных сооружений с многочисленными, преимущественно одиночными погребениями под одной насыпью. Эта традиция впоследствии выступает в форме прихоронений (как правило, детей). Вместе с тем наблюдается увеличение размеров срубов и каменных ящиков, хотя стабильно сохраняется малый вариант последних. «Линейная» схема размещения погребенных приобретает с течением времени преобладающее значение, хотя сохраняются также элементы «центрической». В качестве фактора, определяющего эти изменения, отчетливо выступает увеличение числа захоронений в пределах одной камеры, которое отражает пока неясные процессы внутреннего развития общества носителей уюкской культуры.

НАЧАЛЬНЫЙ (АРЖАНСКИЙ) ЭТАП УЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Наиболее ранним из известных сейчас памятников уюкской культуры является уже упоминавшийся курган Аржан. Он содержит 29 синхронных «закрытых» комплексов: центральное погребение мужчины старческого возраста и женщины зрелого возраста, 15 погребений представителей знати (за единичным исключением, лиц старческого возраста) и 13 групповых захоронений лошадей. Положение скелетов людей, установленное по их остаткам, — на левом (в одном случае — на правом) боку, с сильно согнутыми руками и ногами. Судя по размерам колод, оно было таким же и там, где кости не обнаружены. Система расположения погребенных здесь четко выраженная «центрическая», причем прослеживается «иерархия» их по местоположению: часть «сопутствующих» находится в центральной клетки, часть — на периферии, в радиально расположенных клетках. Но есть и элементы «линейной» схемы — размещение колод рядом, параллельно друг другу. Ориентировка погребенных неодинакова, хотя, вероятно, преобладала северо-западная.

Сопровождающий инвентарь характеризуется господством бронзовых изделий. Железные предметы и глиняная посуда здесь не обнаружены. Деревянные и кожаные изделия немногочисленны. В целом ин-

вентарь четко демонстрирует «скифскую триаду» в полном составе и развитом виде.

Вооружение и конское снаряжение. Оружие представлено двумя бронзовыми кинжалами, бронзовым чеканом и небольшим количеством бронзовых и костяных наконечников стрел (табл. 72, 1—15, 62—64). Оба кинжала двулезвийные, с узким крыловидным перекрестьем, имеющим округлые утолщения на концах, но с разными навершиями: у одного — валик, сходный с желобчатыми застежками, у другого — фигурка стоящего кабана со «свисающими» вниз ногами. Чекан массивный, с длинной цилиндрической втулкой, заканчивающейся наверху муфтой; боевая часть и обушок (слегка утолщенный у конца) имеют круглое сечение (табл. 72, 62). Бронзовые наконечники стрел втульчатые двуперые, с ромбической и лавролистной головкой (часть из них — с шипом) и пулевидные; костяные — преимущественно четырехгранные, ромбические в сечении, пулевидный и трехгранный (табл. 72, 1—15).

Многочисленные предметы конского снаряжения включают серии уздечек разной сохранности и различные их украшения, главным образом подвесные. Удила относятся к двум типам: со стремечковидными и с кольцевидными окончаниями, но есть единичные экземпляры первого типа с дополнительным кольцом в основании и имеющие разнотипные окончания (табл. 72, 40—42, 49, 51). Псалии все трехдырчатые, преимущественно бронзовые, среди них преобладают изогнутые с грибовидной шляпкой наверху и конической головкой внизу. Есть аналогичные псалии из рога. В клетях с конскими захоронениями, находящихся в северной части кургана, обнаружены другие псалии (в каждой особые): бронзовые в виде слабоизогнутого стержня с утолщениями вокруг отверстий и заостренными концами; сходные с ними роговые, отличающиеся, однако, прямым срезом верхнего конца; бронзовые в виде прямого стержня с кольцами у отверстий и выступом в нижней части (табл. 72, 28, 29). Предполагается, что они принадлежат населению, обитавшему вне Тувы.

К деталям узды относятся бронзовые и роговые бляшки-пуговицы круглой и прямоугольной формы, с одним или двумя отверстиями, а также золотые круглые бляхи (найжены в центральном срубе). Среди украшений уздечек очень мало бронзовых подвесок (стремечковидные и кольцевидные), преобладают роговые, клыки лошади и кабана и вырезанные из последних: круглые, овальные, бинарные и т. д. (табл. 72, 30, 33, 34, 38, 39).

Вместе с костями лошадей найдены предметы, выполненные в зверином стиле. Конкретное назначение их неясно. Это большая бронзовая бляха — изображение свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы (табл. 72, 66), пять бронзовых наверший с фигурками стоящих горных козлов (табл. 72, 47, 48) и навершие из рога оленя в виде головки коня с отчетливо переданной уздечкой (табл. 72, 35). Не устанавливается также назначение трехжелобчатых застежек. Среди них есть каменные и деревянные, покрытые листовым золотом (табл. 72, 31).

Украшения. Сохранившиеся личные украшения немногочисленны: гривна из узкой полосы листового золота, золотые серьги со щитком, украшенным

бирюзовыми вставками, и с посаженной под ним бусиной (табл. 72, 36), круглые и прямоугольные золотые бляшки с рядами выпуклостей, пронизки из спирально свернутой золотой проволоки. В центральном срубе найдены небольшие треугольные и четырехугольные пластинки из бирюзы, свидетельствующие о том, что были и другие предметы, украшенные цветными вставками. Из бирюзы изготовлены также все найденные тут бусы и бисер.

В погребальных колодах, находившихся в центральном срубе, сохранились остатки одежды из дорогих мехов (соболя) и различных шерстяных тканей, которые определены как привозные, вероятно, из стран Переднего Востока. Среди них имеется двуцветная ткань с рисунком в виде ромбов (одиночных и образующих ряды) и четырехцветная — с рядами ступенчатых пирамидок. Одна из одноцветных тканей украшена двоянными ромбами.

Датировка кургана Аржан сопряжена с определенными трудностями, так как вещественные находки из него носят в этом плане противоречивый характер, что отметили уже его исследователи [Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1973; Грязнов М. П., 1980]. Основная масса бронзовых псалиев, набор наконечников стрел и различные бляшки из клыков кабана чрезвычайно близки к комплексам, известным в Северном Причерноморье и относимым к предскифскому периоду; аналогий им в Туве и ближайших областях нет. Другие изделия — удила со стремечковидными окончаниями, некоторые наконечники стрел и трехжелобчатые застежки — известны в западной части степного пояса в памятниках предскифского и скифского периодов. Весомость первой группы аналогий подтверждается результатами определения абсолютного возраста дерева радиоуглеродным методом (около 800 г. до н. э.). Поскольку радиоуглеродные даты подлежат корректировке по совокупности археологических данных, наиболее вероятная датировка кургана Аржан, по-видимому, лежит в пределах конца VIII — первой половины VII вв. до н. э. «Скифская триада» в полном и развитом виде предполагает формирование ее в непосредственно предшествующее время — очевидно, на протяжении VIII в. до н. э. Но этот, несомненно, весьма сложный, процесс не может быть прослежен, так как соответствующие памятники в Туве пока неизвестны. Курган Аржан отражает уже завершение процесса и соответственно должен быть отнесен к концу начального этапа уюкской культуры. Строго обоснованная синхронизация других памятников невозможна. Предпринятые попытки [Кызласов Л. Р., 1979; Грач А. Д., 1980] носят лишь предварительный характер и сильно расходятся по существу результатов. В частности, высказано предположение о принадлежности кургана пришедшей этнической группе сакского происхождения, занявшей политически господствующее положение [Кызласов Л. Р., 1977]. Решение этого и других сложных вопросов, касающихся начального этапа уюкской культуры, будет возможно лишь после появления новых уверенно датированных материалов. Возможно, к нему следует относить некоторые курганы с наземными цистообразными камерами, в которых скелеты лежали на боку с согнутыми руками и ногами, головой на запад. Датировка возможна лишь для тех, в кото-

рых обнаружен сопровождающий инвентарь (Шанчыг; табл. 72, 65), однако остается предположительной.

РАННИЙ ЭТАП УЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Этот этап представлен памятниками значительно более скромного облика, очевидно, принадлежащими рядовому населению. Достаточно уверенно выделяются к этому времени каменные и земляные курганы с многочисленными погребениями (типы I и II). Они составляют небольшие группы, часто находящиеся в пределах могильников, где преобладают более поздние погребальные сооружения (Алды-Бель; Ортаа-Хем II; Усть-Хадынныг I; Хемчик-Бом III и V; Чинге II). Иногда каменные курганы расположены парами, лежащими на оси север — юг, они непосредственно примыкают друг к другу или даже сливаются. Насыпи, по-видимому, сооружались после совершения определенного числа захоронений в могилах, расположенных вблизи друг от друга. Но и после этого производилось прихоронение детей непосредственно около курганов или на краю их (с разрушением «крепиды»). Центральное место всегда занимает могила (разного устройства), в которой погребен взрослый, на периферии находятся погребения как взрослых, так и детей, иногда расположенные по сравнительно правильной дуге или незамкнутой окружности. Наиболее четко такая центрическая система прослеживается в курганах 1 и 2 могильника Хемчик-Бом V (Грач А. Д., 1980), где прихоронения детей составляют вторую концентрически расположенную дугу. Погребения обычно единичные, но известны также парные: взрослого и ребенка. Ориентировка скелетов при тенденции к преобладанию западной варьирует и зависит от местоположения могилы.

В некоторых каменных курганах под насыпями на древней поверхности обнаружены группы бронзовых предметов конского снаряжения (в основном уздечные наборы), условно трактуемые как клады (табл. 72, 49, 50, 59, 60). Они составляют главную основу датировки, так как сопровождающий инвентарь погребений беден и сохранился лишь частично ввиду ограбления большинства могил (это преимущественно предметы бытового назначения и украшения, составляющие небольшие повторяющиеся комплексы).

К этому же этапу относится ряд каменных курганов с одной могилой под насыпью, причем в них имеются как одиночные погребения в грунтовой яме (Зубовка) [Маннай-оол М. Х., 1970. С. 81], так и коллективные, в том числе парные — в срубах (Чинге II) и грунтовых ямах (Куйлуг-Хем I; Ортаа-Хем II) [Грач А. Д., 1980. С. 122]. Изредка на дне ямы имеется сооружение наподобие каменного ящика из сравнительно небольших вытянутых плит, поставленных на длинное ребро. Погребенные лежат на боку, с согнутыми руками и ногами, головой на запад или северо-запад. Почти все эти курганы ограблены. Датировка их устанавливается по сохранившимся предметам вооружения и ножам.

Земляные курганы, принадлежащие к данному этапу, известны только в северо-восточной части Тувы, в Тодже. Под ними расположены прямоугольные ямы, перекрытые деревянными плахами. Раскопки могильника на «Второй поляне» [Дэвлет М. А. 1975] показали, что погребения были коллективны-

ми, скелеты лежали на боку с согнутыми ногами, черепом преимущественно на север. Датировка этих курганов, также подвергшихся ограблению, устанавливается по кинжалу и ножам, очень близким к характерным для тагарской культуры; возможно, они привозные из Минусинской котловины.

В центральной части Тувы к раннему этапу могут быть отнесены некоторые погребальные сооружения с наземной частью в виде прямоугольной каменной выкладки (Аймырлыг). В двух случаях под ними располагались ступенчатые ямы, перекрытые несколькими слоями камышовых циновок. Скелеты лежали на спине вытянуто, черепом на восток или северо-восток. В головной части на уступе ямы находились в одном случае четыре черепа и кости нижних отделов ног лошадей, в другом — пять черепов козы. В одной такой могиле найдено значительное число наконечников стрел (табл. 72, 16—27), набор которых дает возможность уверенной датировки. Кроме того, под разрушенной грабителями выкладкой обнаружен сруб с парным захоронением. Оба скелета лежали на левом боку, с согнутыми ногами, черепами на запад. Датировочными здесь являются также наконечники стрел. В пределах этого же могильного поля имеется погребальное сооружение без наземных признаков. Тут в бревенчатом срубе лежало шесть скелетов на левом боку, с согнутыми руками и ногами, черепами на северо-запад. Сопровождающий инвентарь невелик, но составляет четкий ранний комплекс, включающий оружие и бытовые предметы (табл. 76, 30, 38; 78, 36).

Сопровождающий инвентарь погребений раннего этапа уюкской культуры характеризуется прежде всего «скифской триадой» в полном ее составе, но при этом значительная часть соответствующих предметов принадлежит к иным, хронологически более поздним типам, чем представленные в кургане Аржан. Прослеживаются и другие отличия: здесь имеется (правда, в весьма ограниченном количестве) керамика. Сравнительно много изделий бытового назначения из кости и чрезвычайно мало — из драгоценных металлов.

Конское снаряжение и вооружение. В конском снаряжении преобладают удила и другие детали узды. Упомянутые выше «клады» не дают возможности установить конструкцию узды, но, по всей вероятности, она была сходной с известной по находкам на Алтае. Все удила бронзовые, со стремечковидными окончаниями, часть из них имеет рудименты внутреннего дополнительного кольца, что сочетается с рядами прямоугольных выпуклостей на стержнях (табл. 72, 59, 60). Псалии также бронзовые двудырчатые, преимущественно У-образные, но имеется также пара изогнутых стержнеобразных (табл. 72, 58). Оба типа синхронизируются по двум «кладам», найденным под одной насыпью (Алды-Бель). Другими деталями узды являются кубические, биконические, пуговицеобразные и кнопковые обоймы, круглые и фигурные параллельные бляхи-накладки, прорезные фигурные нащечные бляхи и предметы неясного назначения с крючками (табл. 72, 37, 50, 54—56). Вместе с ними в «кладах» найдены пары массивных трочных пряжек (одна — с крючком, другая — без него), принадлежность которых именно к узде неясна.

Предметы вооружения представлены немногочисленными кинжалами и чеканами, но значительным количеством наконечников стрел. Из двух кинжалов один имеет узкое крыловидное перекрестье с загнутыми концами и валиковое навершие (клинок у него листовидный), другой — почковидное перекрестье и усеченноконическое навершие, рукоятка его снабжена двумя вертикальными желобками. Чеканы все втульчатые, с длинным, круглым в сечении бойком. Обушок одного из них завершается парой геральдически расположенных фигурок горных козлов (табл. 78, 36). Среди наконечников стрел преобладают бронзовые. Сравнительно небольшую их часть составляют втульчатые — двуперые листовидные, трехгранные и трехгранно-трехперые различных вариантов (табл. 72, 1—3, 16—20). Преобладают же массивные длинночерешковые двуперые, трехперые, трехгранные, трехгранно-трехперые и четырехгранные специфических вариантов (табл. 72, 21—27). Костяные наконечники малочисленны, имеются как втульчатые трехгранные, так и черешковые трехгранные и четырехгранные (табл. 72, 4, 7, 8, 10—12, 14). В некоторых могилах найдены также цельнодеревянные стрелы с утолщенным и заостренным концом — томары (табл. 72, 13).

Орудия труда, бытовые вещи, украшения, керамика. К предметам хозяйственного назначения относятся ножи, шилья и каменные точила. Они нередко встречаются вместе, и это сочетание в известной мере может считаться характерным. Ножи все однолезвийные, но двух разных классов — с невыделенной и выделенной рукояткой (табл. 72, 43—45). Среди ножей первого класса имеются как прямые, так и с расширяющейся верхней частью треугольных очертаний. Большинство из них снабжено отверстием, расположенным у верхней части рукоятки, округлым, сегментовидным или, изредка, приближающимся к петлевидному, но часть имеет кольцевидное навершие. Ножи с выделенной рукояткой имеют разные навершия: в виде валика с тремя поперечными выступами (частично сходные с трехжелобчатыми застежками) и в виде фигурки стоящего кабана. Кроме того, имеется нож с полый рукояткой, в которой помещено шило (с кольцевидной рукояткой). Шилья все четырехгранные. Большинство из них имеет сравнительно четко выделенную рукоятку с более тонкой, круглой в сечении верхней частью и небольшой шляпкой или кольцом на верхнем конце (табл. 76, 2, 14). Наряду с ними встречаются простые стержневидные, вероятно, снабженные маленькой насадной рукояткой из несохранившихся материалов (дерево, кость?). Точила варьируют в размерах, но всегда имеют правильную прямоугольную форму и вытянутые пропорции. Все они снабжены отверстием для подвешивания, расположенным около верхнего конца.

В некоторых погребениях найдены остатки кожаных поясов с наборами обоймообразных бронзовых блях различной формы, в том числе украшенных изображением животных (Усть-Хадынныг). Имеются также подобные бляхи с фигурной лицевой частью. С поясами связаны очень редкие фигурные пряжки, каменные трехжелобчатые застежки и массивные усеченноконические многогранные пуговицы, подобные аржанским (табл. 72, 31).

Предметы бытового назначения представлены в основном зеркалами и костяными гребнями. Почти все зеркала одного типа — с вертикальным бортиком и петлевидной или кнопкообразной центральной ручкой, лишь в одном погребении найдено простое дисковидное с петлевидной центральной ручкой (табл. 76, 28, 30, 31). Гребни все сравнительно узкие, вытянутых пропорций (табл. 78, 32, 33). Характерной особенностью их является декоративное оформление верхней части, чаще всего в виде композиций из нескольких фигур животных различной величины и в разных позах, заполняющих все пространство. Но имеются также гребни, украшенные геометрическим узором — кружковым и зигзагообразным. Украшения сравнительно немногочисленны. Это бронзовые бляшки в виде фигурки стоящего кабана, снабженные петелькой на оборотной стороне; проволочные гривны; серьги — простые кольцевидные и с коническим дополнением в нижней части; каменные и стеклянные бусы, среди которых одна сердоликовая с травленным восьмеркообразным орнаментом, а также стеклянная со спиралевидными глазками, по-видимому, привозные с запада.

Керамика встречается чрезвычайно редко и притом обычно вне могил — около них (Хемчик-Бом V) или в других местах под насыпью. Известен лишь один почти полностью сохранившийся горшок баночной формы с треугольным в сечении валиком ниже края.

Малочисленность погребений раннего этапа уйской культуры и фрагментарность сопровождающего инвентаря обуславливают неполноту имеющихся данных о бытовавших в то время предметах различных категорий. В частности, пока остаются почти неизвестными те варианты, которые отражают формирование типов, свойственных позднему этапу. О том, какой характер носил переход от раннего этапа к позднему, позволяют судить могилы, в которых имеются предметы, относящиеся как к тому, так и к другому. Такие сочетания встречаются не только в сопровождающем инвентаре отдельных погребений. Разнотипным по преобладанию характерных изделий бывает и инвентарь нескольких захоронений, находящихся в одной камере. Это наблюдается в погребальных сооружениях различных типов и в разных районах Тувы, что не позволяет видеть здесь случайные или локальные явления.

Показательным примером может служить парное погребение женщины и мужчины в срубе под каменным курганом (Кокэль, курган 48), где при одном скелете найдены зеркало с бортиком и шило с шляпкой, а при другом — кинжал с бабочковидным перекрестьем, проушной чекан и нож с петлевидным отверстием в рукоятке [Вайнштейн С. И., 1966а]. Подобная ситуация наблюдается и в коллективном погребении в яме под земляным курганом (Элдигежиг-аксы, курган 1): у одного из трех скелетов найден набор бронзовых наконечников стрел, включающий втульчатый двуперый, при двух других — повторяющиеся сочетания кинжала с бабочковидным перекрестьем, проушного чекана и ножа с круглым отверстием в рукоятке. Под насыпью здесь имелись три могилы (в том числе одна — с погребением

ребенка в колоде). Этот случай (а он не единственный) свидетельствует о том, что курганы данного типа (II) сооружались не только в ранний период. Здесь существенно также число погребенных в центральной могиле: увеличение его коррелируется с преобладанием типов различных предметов, характерных уже для позднего этапа.

Об отсутствии какого-либо разрыва в развитии культуры свидетельствуют также предметы «переходного» облика, занимающие типологически промежуточное место между характерными для раннего этапа и специфическими для позднего. К ним, например, относятся чеканы с короткой втулкой (табл. 74, 2; 78, 41) и кинжалы с перекрестьем, сочетающим черты почковидного и бабочковидного [Маннай-оол М. Х., 1970. Рис. 6, 3; 8, 12]. Сопоставление комплексов, включающих «разнотипные» предметы, показывает, что в них представлены разнообразие сочетания, свидетельствующие о несовпадении времени бытования изделий отдельных типов. Имеющиеся материалы позволяют прийти к заключению, что изменения быстрее происходили в оружии, отчасти в конском снаряжении и некоторых бытовых предметах, в частности зеркалах. Длительное время сохранялись ножи с круглыми отверстиями в рукоятке, хотя уже на раннем этапе имеются свидетельства формирования петлевидного отверстия. Однако проследить в деталях эволюцию основных категорий предметов сейчас нет возможности. Речь должна идти о засвидетельствованных тенденциях, реализация которых происходила постепенно, по-видимому, на протяжении нескольких десятилетий, а может быть, и столетий. В данном случае следует учитывать большую вероятность различных темпов распространения инноваций в отдельных областях Тувы, имевших в силу географического положения контакты с разными соседними областями.

Граница между ранним и поздним этапами уюкской культуры должна рассматриваться лишь как условное понятие. Теоретически она соответствовала моменту, когда новые явления начали преобладать над старыми, но реальных возможностей установить ее место во времени нет. Чисто условно отождествление этой границы с рубежом VI и V вв. до н. э., восходящее к хронологическим схемам других областей степного пояса.

Фактические данные объективно свидетельствуют о постепенном характере изменения культуры, об ее эволюционном развитии. Но это не исключает вероятности частных «скачков» — быстрого вытеснения некоторых старых типов предметов новыми, более целесообразными практически, что могло быть обусловлено не только внутренним развитием, но и воздействием извне.

ПОЗДНИЙ ЭТАП УЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

К нему относится значительно больше памятников, чем к раннему. Особенно четко это выступает в наиболее полно исследованных могильниках (Аймырлыг; Чинге). Показательны также могильники, в которых ранние погребения не обнаружены. В целом все данные говорят о заметном росте численности населения и связанном с этим более полном освоении пригодных для скотоводства земель. На этом этапе существовали погребальные сооружения всех указанных типов и притом в разных их вариантах.

Увеличение числа тех и других, по-видимому, следует рассматривать как одну из характерных черт этого времени. Однако преемственность, несомненно, сохраняется, что прослеживается прежде всего в устойчивости конструкции наземных частей сооружений, которая установлена при раскопках ряда памятников. Хотя разновидности внутримогильного устройства — особенно при учете второстепенных деталей — многочисленнее, чем на раннем этапе, основные из них повторяют уже известные. При сооружении срубов, удельный вес которых заметно возрастает, устойчиво сохранялись определенные технические приемы (рубка углов «в лапу»). Каменные ящики, как правило, имеют стенки, образованные большими плитами. Сохраняется обычай захоронения детей в колодах, хотя это не носило характер правила.

Но вместе с тем происходили изменения. Так, уменьшилось количество курганов с многочисленными могилами под одной насыпью (Ортаа-Хем; Темирсуг II). Ступенчатые ямы на позднем этапе неизвестны. Новыми можно считать цистообразные подземные камеры и ямы, обставленные большими плитами. Однако они (как и обычно связанное с ними куполообразное перекрытие) открыты пока лишь в центральной Туве, и время их появления неясно (табл. 73, 11, 13). Общей тенденцией является увеличение размеров погребальных камер-срубов и каменных ящиков, содержащих, за единичными исключениями, коллективные захоронения, причем число погребенных в них достигает иногда 15. Изменения в размерах камер сопровождалось также изменениями их формы: преобладающей становится квадратная или близкая к ней. Большие каменные ящики всегда располагаются в одних цепочках со срубами, что указывает на их одинаковый функциональный характер. Неизменно сосуществующие с ними малые каменные ящики, содержащие, как правило, одиночные погребения, либо составляют особые подгруппы (в частности, цепочки), либо концентрируются около больших камер. В последних случаях в них имеются лишь захоронения детей младших возрастов.

В размещении погребенных внутри камер наблюдается преобладание «линейной» системы. Часто в них имеется несколько рядов скелетов, причем полным обычно бывает лишь один, расположенный в западной или северо-западной части. Другие ряды, число которых иногда достигает пяти, характеризуются как неполнотой, так и различным положением погребенных относительно составляющих основной ряд: они лежат или в том же направлении, или перпендикулярно. В еще большей степени варьирует ориентировка скелетов, иногда она бывает противоположной даже в пределах одного ряда. Эти усложнения в погребальной обрядности, по-видимому, происходили постепенно, однако проследить соответствующую эволюцию нет возможности. Главное препятствие составляют трудности датировки, которые носят специфический характер при значительном числе захоронений в одной камере.

Во многих сооружениях со срубами встречаются впускные погребения детей (чаще всего в каменных ящиках). Местоположение их варьирует: они бывают непосредственно у края ямы, частично

прорезают ее, встречаются в заполнении и даже на перекрытии. Сопровождающий инвентарь свидетельствует о том, что они, а также захоронения детей, расположенные рядом с погребальными сооружениями, относятся к тому же времени, что и срубы. Это дает основание видеть здесь прихоронения, в размещении которых наблюдаются черты «центрической» системы.

Важным отличием вещественных материалов позднего этапа является значительное число изделий из железа. Имеются основания полагать, что происходил процесс постепенного вытеснения бронзы железом, который прослеживается во многих категориях предметов. Но при этом наконечники стрел неизменно изготавливались из бронзы и кости. Железные предметы часто повторяют бронзовые вплоть до деталей, что служит одним из свидетельств постепенного хода указанного процесса. Другая особенность позднего этапа — обилие глиняных сосудов и значительное разнообразие их форм, свидетельствующее об их различном назначении. Это совпадает с вариацией наборов посуды, входящих в состав сопровождающего инвентаря. Однако керамика не становится обязательной составной частью инвентаря: нередко имеются только деревянные сосуды, а иногда посуда вообще отсутствует. При всем том «скифская триада» сохраняется полностью, хотя представлена уже преимущественно иными типами предметов соответствующих категорий. Закономерно также появление некоторых новых элементов как результат внутреннего развития и переработки заимствованных извне.

Вооружение и конское снаряжение. Состав вооружения на позднем этапе не претерпевает принципиальных изменений: это также кинжалы, чеканы и наконечники стрел, но уже иных типов. Относительная многочисленность типов, а также повторяющиеся вариации отдельных деталей у ряда предметов, по-видимому, указывают на существование нескольких центров производства оружия. Большинство кинжалов изготовлено из бронзы, количество железных относительно невелико (табл. 74, 15, 24); единичны биметаллические кинжалы — с бронзовой рукояткой и железным клинком. Основная масса бронзовых кинжалов относится к одному классу — с четко оформленным бабочковидным перекрестьем (табл. 74, 12, 13, 20, 27). Устойчивые типы их различаются формой навершия, которое бывает брусковидным, близким к сигаровидному (массивное или уплощенное); сегментовидным (массивное или уплощенное); дисковидным; волутообразным и зооморфным — две стилизованные головки птиц или грифонов, обращенные друг к другу (табл. 78, 34). Клинки их преимущественно прямые, сужающиеся лишь в нижней части, но встречаются также треугольные; посередине обычно имеется ребро. Рукоятка некоторых кинжалов снабжена двумя вертикальными желобками, в редких случаях — прорезью. Декоративное оформление встречается редко и носит геометрический характер. Второй класс составляют немногочисленные кинжалы с узким треугольным перекрестьем, возможно, упрощенным бабочковидным, навершия у них брусковидные (табл. 74, 11). Имеются также единичные кинжалы с перекрестьями более сложных форм: частично сходным с крыловидным, подобным

бабочковидному, но с прорезями в обеих половинах, и дуговидным — с опущенными вниз концами; навершия у них кольцевидные.

Железные кинжалы также распадаются на два класса — с бабочковидным и прямым перекрестьем. Относящиеся к первому классу имеют брусковидное, дисковидное, волутообразное или зооморфное навершия (табл. 74, 12, 24); ко второму — дисковидное или кольцевидное. Известны также немногочисленные кинжалы с зооморфным перекрестьем (навершия их не сохранились). Кинжалы носили, как правило, в кожаных ножнах, обычно состоящих из трех частей: вытянутого чехла, в котором помещался клинок, более толстой верхней части, повторяющей по форме перекрестье и снабженной боковым выступом для подвеса, и вставленных деревянных планок, повышавших жесткость. Часть ножен имеет специальное отделение для ножа (табл. 74, 21; 76, 44). Декоративное оформление на них встречается редко: это зигзагообразный орнамент, нанесенный красной краской (табл. 74, 21, 23—25). Редко встречаются ножны из пары вытянутых костяных пластин, снабженных по бокам отверстиями для стягивания (табл. 74, 22).

Чеканы, как правило, проушные (табл. 74, 3—5), хотя, по-видимому, на протяжении какого-то времени бытовали и снабженные укороченной втулкой. Большинство их изготовлено из бронзы, железные немногочисленны, известен один биметаллический чекан. Это был широко распространенный вид оружия, о котором мы, по-видимому, имеем неполное представление, так как массивность делала его объектом особого внимания грабителей.

Бронзовые чеканы варьируют в размерах и пропорциях. Среди них наряду с прямыми имеются несколько изогнутые. Однако в этих различиях не прослеживается закономерности, и классификация возможна лишь по сечению обуха. В соответствии с этим выделяется три их типа: круглообушковые, шестиграннообушковые и овальнообушковые (табл. 74, 3, 5). Железные чеканы, по всей видимости, относятся к первому типу (табл. 74, 4). К нему же принадлежит и биметаллический чекан, у которого обломанная в древности боевая часть (вместе с половиной проушины) была заменена железной.

Помимо собственно чеканов, известны также топоры-чеканы, у которых обухок заменен плоской тесловидной частью с поперечным лезвием (табл. 74, 1). В одном случае боевая часть также плоская, но заканчивается четко выраженным острием. Очень редкий вариант этой группы оружия представлен топором-секирой, у которой обе части плоские, но одна, более короткая, расширяется к концу и имеет полукруглые очертания. Все чеканы были снабжены длинной (до 80 см) деревянной рукояткой, верхний конец которой закреплялся в проушине деревянным или, реже, бронзовым клином. На нижний конец ее насаживался бронзовый вток митровидной или сходной формы, закреплявшийся деревянной поперечной шпилькой, проходившей через одинарное или пару противоположных отверстий. Носили чеканы и, по-видимому, другие сходные с ними предметы вооружения в кожаных чехлах, повторявших в целом их форму. Кроме того, имелись чехлы для рукояток и небольшие цилиндрические колпачки, надева-

шиеся на их концы, выступавшие над проушиной. Подвесом чаще всего служили сложенные пополам ремни с вырезом посередине, но имелись и более сложные устройства с парами петель (табл. 74, 5).

Здесь же следует упомянуть пока единственную в Туве бронзовую булаву (палицу) на длинной деревянной рукояти, на нижний конец которой посажен бронзовый цилиндрический наконечник (вток) (табл. 74, 19). На принадлежность к предметам вооружения указывает и ее местонахождение — у бедра погребенного, рядом с кинжалом, там, где, как правило, находятся чеканы.

Наконечники стрел из бронзы, кости и дерева весьма многочисленны и разнообразны. Среди них господствуют черешковые, втульчатые же очень редки. Разнообразие их, по-видимому, обусловлено, во всяком случае частично, специализацией. С определенной долей уверенности могут быть выделены некоторые варианты. Так, очевидно, для охоты на птиц и пушного зверя предназначались костяные наконечники с притупленным или закругленным острием. Среди бронзовых наконечников имеется группа очень мелких наряду с ограниченным числом особенно крупных. Можно предполагать, что они предназначались для пробивания оборонительных доспехов разных видов.

Бронзовые черешковые наконечники в соответствии с различиями в общей конфигурации боевой головки разделяются на три основных класса: трехперые (табл. 74, 4, 11), трехгранные и трехгранно-трехперые (табл. 75, 8). Каждый класс распадается на несколько типов, отличающихся друг от друга профилем головки. Так, среди трехперых имеются наконечники с треугольной, сводчатой, треугольной с жальцами головкой. В каждом из типов имеются варианты, различающиеся некоторыми деталями: наличием или отсутствием продольного валика и утолщения около острия, а также профилем нижнего края пера; варьируют также форма и размеры черешка. Трехгранные наконечники (табл. 75, 1), которых меньше, в основном принадлежат к двум типам: с треугольной и сводчатой головкой. Варианты их также более ограничены. Трехгранно-трехперые наконечники распадутся на четыре типа: с треугольной, сводчатой и сводчато-четырёхугольной головкой. Варианты тут наблюдаются в форме выемок в нижней части граней и очертаниях перьев.

Костяные черешковые наконечники стрел разделяются на три основных класса: двуперые, трехгранные (табл. 75, 16, 17, 29) и трехгранно-шестигранные (табл. 75, 22—24, 28). Первые очень немногочисленны и все имеют сводчатую головку. Можно предположить какое-то особое их назначение. Трехгранные, количественно преобладающие, распадутся на следующие типы: с треугольной, сводчатой, ромбической, треугольной с жальцами, сводчатой с жальцами и ромбической с жальцами головкой. Часть наконечников, относящихся к двум последним типам, имеет расщепленные черешки. Трехгранно-шестигранные наконечники делятся на четыре основных типа: с трехгранно-прямоугольной, сводчато-прямоугольной, треугольно-катушкообразной и сводчато-катушкообразной головкой. Часть из них также имеет расщепленные черешки (табл. 75, 46, 47). Преимущественно единичными экземпля-

рами представлены наконечники иных форм: четырехгранные, веретенообразные, шиловидные (табл. 75, 55—57) и асимметричные нескольких вариантов. Здесь также можно предполагать специализацию по назначению, характер которой остается неясным. Втульчатые костяные наконечники стрел малочисленны и почти все трехгранные с треугольной или сводчатой головкой, иногда снабженной жальцами, очень редки пулевидные со скрытой втулкой (табл. 75, 35, 36, 38).

Деревянные наконечники стрел, по всей вероятности, дошли до нас лишь частично. Большинство из них черешковые: трехгранные, трехгранно-шестигранные, четырехгранные и сигаровидные (табл. 75, 41, 42, 44, 64—66). У последних черешок расщеплен, и в целом они чрезвычайно близки к характерным для памятников сюнну. Втульчатые наконечники очень редки и по форме близки к томарам.

Цельнодеревянные стрелы, томары (табл. 75, 45), по-видимому, составляли обычную часть колчаных наборов. В колчане бывает по две таких стрелы, но иногда и больше. Боевая головка этих стрел имеет, как правило, вытянутую форму и завершается коническим заострением; изредка вместо этого выделяется специальный шип. Все они, очевидно, были предназначены для охоты на птиц и пушного зверя.

Изредка стрелы снабжены костяными свистунами биконической формы, имеющими в верхней или средней части три радиально расположенных отверстия. Эти предметы, вероятно, появились в Туве сравнительно поздно и в результате внешних воздействий.

Стрелы носили в длинных цилиндрических колчанах, которые чаще всего изготавливались из кусков кожи. Они имели округлое толстое дно и были снабжены длинными продольными деревянными планками, обеспечивающими жесткость. Употреблялись также берестяные колчаны, иногда с частями из кожи, но от них сохранились лишь незначительные остатки (табл. 75, 76—80).

Луки в материалах не представлены, их устройство и размеры неизвестны. Некоторые предположения возможны лишь по весьма редким бронзовым бляхам в виде миниатюрного налучья: здесь изображен небольшой лук скифского типа (табл. 75, 43). Однако значительные различия наконечников стрел по величине дают основание предполагать, что употреблялись и крупные луки.

Предметы конского снаряжения в погребениях позднего этапа встречаются очень редко и притом всегда сопутствуют черепа лошадей, которые иногда помещались на перекрытии срубов или около них. Фактически известны лишь составные части узды, устройство которой в целом недостаточно ясно. Характерны бронзовые удила с кольцевидными окончаниями и роговые двудырчатые стержневидные псалии со слегка изогнутыми концами (иногда один конец почти прямой). Но известны также, хотя и в единичных экземплярах, бронзовые удила с окончаниями в виде сочетания кольца и небольшого треугольника или двух колец, а также бронзовые псалии с четко изогнутыми концами. В одном погребении найдены обломки железных удил с железными псалиями сходного облика (табл. 75, 80, 84). Составными частями уздечек были бронзовые и ко-

стяные фигурные пряжки, бронзовые цилиндрические и кубические пронизки для перекрестных ремней, небольшие кольца, пуговицы и фигурные бляхи, а также костяные блоки (табл. 75, 67—70, 72—74, 82, 83). Большинство этих предметов употреблялось не только в узде.

Орудия труда. Из орудий труда в сопровождающем инвентаре, как правило, имеются лишь те, которые были непосредственно связаны с повседневным бытом. О более специализированных орудиях, использовавшихся в разных домашних производствах, можно судить по единичным предметам, конкретное назначение которых ввиду специфических условий находки не всегда ясно. Некоторые косвенные данные о них дают остатки одежды, деревянные и костяные предметы и т. д.

В погребениях наиболее часто встречаются ножи и шилья, изредка вместе с каменными точилами. Это своего рода «стандартный набор» орудий многоцелевого назначения, имевший широкое распространение у носителей уюкской культуры, как у мужчин, так и у женщин.

Ножи изготавливались из бронзы и железа, причем бронзовые количественно преобладают. По форме они не слишком отличаются от ножей без выделенной рукоятки, бытовавших уже на раннем этапе, хотя переход к клинку у них несколько варьирует. Но при этом большинство имеет четко оформленное петлевидное отверстие около верхнего конца рукоятки (табл. 76, 23, 26, 36, 37, 40), значительно реже встречается сегментовидное, круглое или четырехугольное отверстие, а также кольцевидное завершение рукоятки (табл. 76, 22, 25, 39, 44). Лишь единичные экземпляры имеют декоративно оформленную рукоятку, иногда с завершением в виде сильно стилизованной фигурки животного (табл. 76, 24). По размерам бронзовые ножи неодинаковы, что отчасти обусловлено различной степенью сточенности их в результате употребления. В погребениях наряду с целыми экземплярами встречаются крупные обломки, чаще всего с утраченной в древности верхней частью: в них обычно пробито новое отверстие неправильной формы или сделаны боковые выемки для подвешивания на ремешке (табл. 76, 15, 20, 21). Большинство железных ножей повторяет по форме бронзовые, но из-за плохой сохранности трудно определить очертания отверстия: чаще всего оно бывает округлым (табл. 76, 32, 33). Кроме того, есть ножи двух других типов: с петлевидно загнутой верхней частью рукоятки и с дисковидным ее завершением.

Бронзовые и железные ножи носили в ножнах, сделанных обычно из кожи. Многие из них снабжены внутренней деревянной планкой, придававшей необходимую жесткость. Большая часть ножен имеет специальное отделение или отверстие для шила (табл. 76, 27, 37, 38, 40). Декоративное оформление редко: это фигурные края и выступы в верхней части, бахрома из ниток, подобие кистей у нижнего конца, роспись красной краской и резной геометрический орнамент. Наряду с простыми ножнами имеются сложные — кожано-деревянные: на фигурную планку, обычно снабженную резьбой, нашивалась полоса кожи с выемкой на верхнем конце (табл. 76, 34, 35, 37, 38, 41—43).

Шилья, как и ножи, изготавливались преимущественно из бронзы (табл. 76, 1—5, 8, 14). Они имеют квадратное или прямоугольное сечение и чаще всего снабжены коротким, более тонким черешком, на который насаживалась небольшая рукоятка из фаланги животного (обычно овцы). Очень редко встречаются наверхия, имеющие округлую или вытянутую форму (табл. 76, 2—5). Железные шилья все черешковые, с рукоятками из фаланги животного. Сечение у них бывает квадратное или круглое. Каменные точила, как правило, имеют правильную прямоугольную форму и снабжены отверстием для подвешивания. Они варьируют в размерах, пропорциях и тщательности выполнения. Изредка встречаются очень крупные, но есть и сравнительно небольшие, стержневидного облика. Различия, возможно, обусловлены разницей в назначении. В регулярной заточке, очевидно, нуждались не только предметы повседневного употребления, но и специализированные орудия труда, иногда, очевидно, имевшие очень небольшие рабочие части (табл. 76, 10, 17, 18).

В погребениях женщин нередко бронзовые иглы, которые всегда снабжены вытянутым ушком и фактически ничем не отличаются от современных, кроме материала, из которого изготовлены. Они хранились в небольших цилиндрических кожаных или костяных игольниках. Встречаются наборы иглол различной величины. Для шитья использовались тонкие сухожилия и шерстяные нитки.

Весьма редки в сопровождающем инвентаре бронзовые острия, конкретное назначение которых установить трудно. Условно их можно отнести к проколам, которые использовались при изготовлении изделий из кожи. Но, вероятно, для этой же цели служили шилья (табл. 76, 6, 7).

По-видимому, распространенными орудиями многоцелевого назначения были бронзовые кельты. В частности, они могли использоваться для обработки дерева, которая была очень развита и достигла высокого уровня. Но известны только два таких орудия: одно найдено в могиле (Аймырлыг), другое — случайная находка [Маннай-оол М. Х., 1970. Рис. 9, 1]. Оба клиновидные, с закругленным лезвием и небольшим вертикальным ушком на передней стороне под втулкой (табл. 74, 6). Различается лишь конфигурация рабочей части: у первого она расширяется книзу, у второго — почти прямая.

Есть основания предполагать, что повсеместно употреблялись пряслица. Но в погребениях они редки. Большинство из них каменные простейшей дисковидной формы, но имеются также изготовленные их обломков глиняных сосудов (табл. 76, 9). Широко применялись, очевидно, и приборы для добывания огня (табл. 76, 11).

Одежда, пряжки, застежки. Об одежде можно судить лишь по остаткам, которые иногда сохраняются в погребениях в тех местах, где находились бронзовые предметы. Как правило, встречаются небольшие обрывки ткани, не дающие возможность восстановить покррой. С уверенностью можно говорить о нижней и верхней одежде. Об этом свидетельствуют повторяющиеся случаи многослойной структуры закрепленных окислами фрагментов. Нижняя изготавливалась из шерстяных тканей различной

плотности, реже — из шелка, верхняя — из кожи и меха. Вероятно, имелись длинные шубы. Характерной чертой можно считать искусное использование различных по величине кусков, сшивавшихся плотными швами. По-видимому, в некоторых случаях куски располагались так, что создавали и декоративный эффект.

Достоверные остатки головных уборов не найдены. Возможно, с ними связаны украшения, иногда находимые около черепов погребенных, — в частности, конические предметы из листового золота. Весьма ограничены также данные относительно обуви. По-видимому, наиболее распространенными были кожаные сапоги, стягивавшиеся в верхней части ремешками. Возможно, наряду с ними носили и более низкую обувь, доходившую лишь до щиколоток и также стягивавшуюся ремешками. В единичных случаях встречены остатки войлочной обуви, вероятно, сходной с валенками.

Более полны данные относительно поясов. Они были разнообразными: широкие из толстой кожи с прорезями для закрепления ремешков, на которые подвешивались различные предметы (прежде всего сравнительно тяжелое оружие); узкие из более тонкой кожи, иногда из нескольких ее слоев, также с отверстиями для подвесов (иногда поверх кожи имелся слой ткани); узкие, плетеные из кожаных ремешков. Кроме того, употреблялись шерстяные кушаки, но известны они лишь по незначительным остаткам.

В местах, где подвешивались тяжелые предметы, на пояс надевались пряжки-обоймы, имеющие на лицевой стороне большую выемку, а на оборотной, внизу — горизонтально вытянутый вырез. Через них и прорезь пояса пропускали подвесной ремень, обычно стягивавшийся внизу обоймами. Другой вариант прикрепления подвесного ремня — с помощью короткого ремешка, который пропускали через отверстия в обоих ремнях и закрепляли на передней стороне бронзовой или железной пуговицей обычно крупных размеров (табл. 77, 39, 40, 49). Пряжки-обоймы чаще всего имеют прямоугольную или квадратную форму; реже встречаются трапециевидные, причем вырез для ремня бывает расположен как около узкой, так и у широкой стороны (табл. 77, 64, 65, 72, 73). Обычно они бронзовые, железные очень редки.

Пояса были снабжены пряжками. Бронзовые пряжки относятся преимущественно к одной группе — с крючком, расположенным на переднем конце. Большинство из них составляют фигурные пряжки — с овальной или округлой передней частью и рамковидной, обычно трапециевидной — задней. Форма и размеры их варьируют. Наряду с простыми, лишенными декоративных элементов, встречаются пряжки, оформленные в виде стилизованных животных или их частей (табл. 77, 55—57, 68). Такие пряжки малочисленны и носят неповторимый, индивидуальный характер. К этой же группе принадлежат редкие пряжки с обособленными, но связанными узкой планкой овальными половинками, а также имеющие вместо рамковидной части круглый плоский щиток (табл. 77, 67), возможно, заимствованные извне. Другие группы составляют бронзовые пряжки прямоугольной и трапециевидной формы с

крючком на переднем конце (табл. 77, 66) или пластинчатые с круглым отверстием посередине (табл. 77, 75). Те и другие малочисленны и, вероятно, связаны с разными поясами. Сравнительно редкие железные пряжки представляют собой пластины разных размеров. Часть из них имеет круглое отверстие посередине, часть (обычно более крупные по размерам) — вертикальную прорезь у переднего конца. И те, и другие снабжены небольшими отверстиями для прикрепления к поясу, расположенными около углов и краев.

Весьма разнообразны костяные пряжки (табл. 75, 72, 73, 82, 83). Значительную группу их составляют прямоугольные и трапециевидные с двумя большими, вытянутыми в вертикальном направлении отверстиями-прорезями и вставным крючком около переднего конца. У некоторых из них вместо прорези у заднего конца имеется два или три небольших круглых отверстия. По структуре они в принципе сходны с фигурными бронзовыми пряжками. Имеются соответствия и для других групп бронзовых пряжек — например, с крючком и одним большим отверстием, а также с одним отверстием и дырочками около углов. Последние обычно сравнительно крупные и вытянутые пластинчатые, очертания их варьируют. Как особая группа выделяются пластинчатые пряжки вытянутых пропорций с большим отверстием у переднего конца и одним или несколькими меньшими — около заднего. На некоторых есть резные зооморфные изображения — фигуры змей, головы животных и др. (табл. 77, 80—83). Часть пряжек составляли парные. В эту же группу входят редкие фигурные пластинчатые пряжки с изображениями животных: лежащей лошади, сцен терзания. Все они были высокохудожественными изделиями «индивидуального» характера, сочетающими утилитарные и декоративные функции. Можно предполагать, что они играли также определенную престижную роль (табл. 78, 39, 40). По двум разным по величине отверстиям сюда же можно отнести овальную бляху со стилизованным изображением человеческого лица.

С поясами связаны сравнительно крупные, массивные бронзовые и железные крючки, использовавшиеся также для подвешивания колчанов. Бронзовые более многочисленны и разнообразны, основные отличия заключаются в конфигурации верхней части (табл. 77, 69—71, 76—79). У простейших верхний конец никак не оформлен и лишь снабжен отверстием. Другие характеризуются небольшим завершением геометрически правильной формы (прямоугольной, кольцевидной и др.), также с отверстием посередине. Особую группу составляют крючки, снабженные сравнительно крупным дисковидным завершением, иногда имеющим дополнительные детали; на оборотной стороне его расположена поперечная петля — планка для продевания ремня. Некоторые имеют зооморфные завершения в виде части тела животного или полной фигурки (чаще всего кабана); здесь также есть петля на оборотной стороне. Отдельные крючки целиком оформлены в виде головки животного, они снабжены втулкой для подвешивания. Железные крючки чаще всего имеют только отверстие у верхнего конца или небольшое завершение геометрической формы (преимущественно петле-

видное); очень редки иные завершения (в частности, в виде крупной пластины).

Для украшения поясов использовались различные бляшки и бляхи. На узкие, обычно многослойные пояса горизонтально нашивались ряды небольших полусферических бронзовых бляшек с дужкой на оборотной стороне, сходных с пуговицами (табл. 77, 38). На более широких поясах встречаются бляшки более сложной формы. Значительное распространение получили бронзовые и повторяющие их железные бабочковидные бляшки, у которых верхняя и нижняя части украшены спиралью и соединены короткой поперечной втулкой-трубочкой или перемычкой с круглой выпуклостью на лицевой стороне и петелькой — на оборотной. Декоративное оформление, а также размеры варьируют. Украшениями поясов служили бронзовые бляшки и накладки в виде фигурок и головок животных (табл. 77, 42, 50; 78, 28, 37). Значительно реже встречаются бронзовые бляхи-пластины с изображениями животных, не имеющие характерных для пряжек отверстий. Декоративный характер их не вызывает сомнений. Но здесь можно предполагать одновременную связь с символикой, носящей престижный характер. На всех таких бляхах представлены кошачьи хищники в сцене либо борьбы между собой, либо терзания головы копытного. Некоторые из них были парными.

С поясами связаны также немногочисленные бронзовые кольца, иногда снабженные выступом (табл. 75, 68). Иногда они использовались в качестве пряжек и промежуточных элементов поясов, но, по-видимому, чаще входили в состав подвесных украшений. Отдельные кольца оформлены в виде сильно стилизованных животных (табл. 78, 38, 42).

С одеждой, а возможно, и с обувью, связаны частые в погребениях роговые и костяные застежки нескольких устойчивых типов (табл. 77, 34, 44, 52, 58, 60; 78, 18). Наиболее однообразны изогнутые, клыковидные, застежки, изготовленные из концевой части рога. Противоположный заостренному концу торец срезан наискось, и с одной стороны посередине сделан вырез, в результате чего образовалась дужка. Иногда они оформлены в виде стилизованных головок животных. Другой тип представляют застежки из различных, но более или менее изогнутых участков рога, посередине у них расположено круглое поперечное отверстие. Торцы бывают прямые и косо срезанные. Третий тип составляют застежки, вырезанные из прямого участка рога, но они всегда имеют более или менее значительное расширение посередине, где расположено круглое или овальное поперечное отверстие. На некоторых бывают декоративные элементы или изображения животных.

Особую группу составляют фигурные застежки в виде стилизованных голов животных или целых их фигурок. Они значительно отличаются друг от друга и имеют индивидуальный облик, хотя по общей конфигурации относятся ко второму или третьему типу. Употреблялись также застежки из лодыжки барана, сходные с роговыми первого типа, и из сесамовидной кости лошади.

Предметы туалета. Эти вещи, относящиеся к категории бытовых, составляют значительную и устойчиво повторяющуюся часть сопровождающего инвентаря. К ним принадлежат прежде всего бронзо-

вые зеркала нескольких типов (табл. 76, 12, 13, 19, 28—31). Сравнительно редки зеркала с центральной кнопковидной ручкой, которая чаще всего бывает округлой или сегментовидной в сечении и нередко украшена рельефной спиралью. Число стоек, на которую опирается кнопка, варьирует от двух до четырех. Часто они не вертикальные, а наклонные. Большинство этих зеркал плоские, но имеются немногочисленные экземпляры с вертикальным бортиком, которые входят в комплексы «переходного» характера (табл. 76, 13). Количественно преобладают плоские зеркала других типов. Наиболее распространены зеркала, снабженные центральной петлевидной ручкой. Большинство из них правильной формы, прямые, однако встречаются выпукло-вогнутые. Край у некоторых приостренные, ручки различны по форме, преобладают петлевидные, но бывают также прямоугольные и трапециевидные (табл. 76, 28, 30, 31). Другой тип характеризуется боковой плоской ручкой небольших размеров с отверстием посередине. Особенность его заключается в заметных вариациях размеров, очертаний диска и формы ручки. Ручка чаще всего геометрически правильная (прямоугольная, трапециевидная, полуовальная и т. д.), но иногда представляет собой лишь небольшой петлевидный выступ. Известны также зеркала, у которых ручка оформлена в виде фигурки стоящего животного (табл. 78, 35), пары борющихся кошачьих хищников и сильно стилизованных зооморфных изображений. На тыльной стороне иногда встречаются гравированные изображения отдельных животных — стоящий горный козел, лежащий марал (табл. 78, 20) — или сцен терзания — кошачий хищник с головой горного барана в пасти. Очень близок к этому типу еще один вид зеркал, отличающийся отсутствием отверстия, вместо которого на тыльной стороне ручки имеется вытянутая поперечная скоба. Здесь наблюдаются аналогичные вариации формы ручки (табл. 76, 29; 78, 27), а на тыльной стороне диска также встречаются гравированные изображения животных. Женщины и мужчины носили зеркала в кожаных округлых или овальных футлярах, подвешивавшихся на ремешках к поясам. На некоторых из них сохранились остатки росписи красной краской. Декоративное оформление осуществлялось также с помощью аппликаций и фигурных швов.

Специфически женскими предметами были гребни (табл. 77, 5). Они сравнительно редки, но есть основания предполагать, что это обусловлено преобладанием деревянных гребней, легко поддающихся полному разрушению. Среди костяных гребней есть сходные с более ранними — крупные с резными изображениями фигурок животных. Значительно чаще встречаются небольшие, весьма простые экземпляры. На некоторых из них процарапаны изображения животных или геометрический орнамент. Деревянные гребни иногда были цельными, вырезанными из одного куска, но чаще составными: их основа и зубья изготовлялись отдельно. Существовало не менее двух способов скрепления этих деталей: в узкой планке-основе вырезались либо отдельные гнезда-отверстия, либо сплошной продольный паз. Во втором случае зубья закреплялись специальными заклинивающими планочками. Известен один железный гребень, вероятно, являющийся «па-

радным» изделием. Верхняя часть его лицевой стороны украшена рельефными спиралевидными вихреобразными фигурами, покрытыми тонким листовым золотом; на тыльной стороне имеется петлевидная скоба (табл. 77, 6).

Вероятно, для хранения каких-то ценных предметов или вещей, связанных с женским туалетом, служили небольшие роговые цилиндрические и усеченноконические футляры. Некоторые из них были разъемными, двусоставными, с вставными доньшками, другие — «наперстковидными». На многих имеется тонкая резьба — изображения животных и их групп.

Для бытовых целей, главным образом для хранения гребней, ниток, сухожилий, каких-то мелких бронзовых изделий, а также красящих веществ, широко использовались кожаные сумочки различной формы и величины. Среди них могут быть выделены некоторые повторяющиеся и своеобразные. Наряду с наиболее распространенными округлыми и овальными сумочками были и прямоугольные, в том числе с паружным отделением меньших размеров. Существовали также бочонковидные из толстой кожи, с жестким торцом. Они выделяются из числа других по резному геометрическому орнаменту, в котором преобладают дуги и спирали. Кроме того, известны двусторчатые сумочки (две из них — карманного типа, сшиты в верхней части). Они бывают овальными и трапециевидными, обычно снабжены некоторыми декоративными элементами: геометрическим узором, нанесенным красной краской, бахромой из шерстяных ниток и др. На верхней части их закреплено несколько узких ремешков для подвешивания к поясу.

Детальями каких-то предметов, очевидно бытового назначения, являются часто встречающиеся в погребениях костяные навершия различной формы. Многие из них крупные, имеют грибовидные или дисковидные завершения, иногда с дополнительными отверстиями. В некоторых случаях они сочетаются с шаровидными и цилиндрическими костяными предметами, что дает основания видеть в таком наборе детали рукоятки камчи (табл. 77, 43; 78, 21). Назначение отделенно найденных крупных наверший этой и иной формы, возможно, было таким же, что не исключает и другие варианты их использования.

Украшения. Многочисленные и разнообразные украшения, имевшие повсеместное распространение, в функциональном плане различны. Часть из них была только личными украшениями преимущественно женщин, но многие другие служили для декоративного оформления предметов утилитарного назначения; некоторые употреблялись в обоих целях. Определенное число изделий, обычно включаемых в эту категорию, очевидно, так или иначе связано с существовавшими тогда верованиями и может трактоваться как амулеты и обереги. Различие функций, видимо, было одним из факторов, обусловивших обилие неповторяющихся, индивидуальных по облику предметов. К личным украшениям относятся серьги, гривны, некторали, бусы, кольца и булавки. Бусы находили различное применение (ожерелья, браслеты, обшивка одежды). Что касается булавок, то они, по-видимому, одновременно служили и для сохранения причесок.

Серьги изготовлялись из золота, серебра, бронзы и очень редко — из железа. По-видимому, преобладали бронзовые, однако чаще всего от них сохраняются лишь скопления рыхлых окислов около соответствующих частей черепа. Среди них может быть выделено несколько типов, но часть имеет неповторяющийся характер (табл. 77, 7—9). Простейшими были кольцевидные серьги с находящими друг на друга концами, изготовленные из тонкой проволоки; один конец у них обычно заострен. К этому типу принадлежит часть золотых и серебряных, большинство бронзовых и условно — железные (у них соотношение концов точно не устанавливается). Другой тип был в сущности лишь усложнением первого. Собственно серьга здесь такая же, но она снабжена подвеской, прикрепляемой к специальному «переходному» колечку. Устройство подвесок сильно варьирует, и многие из них не повторяются. В определенной степени «стандартным» вариантом подвесок, преимущественно золотых, является сравнительно длинная цепочка (иногда их бывает две), завершающаяся подвеской в форме листка, свернутого конуса и др., которая бывает сделана и из полудрагоценного камня. Цепочки с подвесками встречаются и у бронзовых серег, но форма их иная. Другой вариант характеризуется стержневидной подвеской, на которую нанизаны бусы и другие декоративные элементы; нижний конец иногда снабжен группой шариков зерни. У некоторых серег цепочку заменяла низка очень мелких бус, часто не сохранившихся.

Гривны изготовлялись из бронзовой проволоки, прута или трубочек; некоторые покрывались тонким листовым золотом. Все они круглые, с находящими друг на друга или, реже, с несомкнутыми концами (табл. 77, 36). Сравнительно редко, как и некторали, встречаются гривны в виде серповидного куска или узкой витой полоски листового золота с небольшими отверстиями на концах.

Бусы обычно носили на шее, но они встречаются и в других местах, где, вероятно, связаны с декоративным оформлением одежды и разных предметов. Большие ожерелья очень редки. Изготавливались бусы из камня, золота, бронзы, кости и стекла (табл. 77, 12, 13). Каменные бусы, среди которых сравнительно много сердоликовых, разнообразны по форме, но преобладают шаровидные, цилиндрические, дисковидные и бочонковидные. Нередко очертания их не вполне правильные, что, возможно, указывает на недостаточные навыки мастеров. Золотых бус очень немного. В основном они шаровидные и цилиндрические, состоящие из двух половинок. Бронзовые и костяные также редки и, как правило, тех же форм (за исключением употреблявшихся в качестве бус позвонков мелких рыб). Наиболее многочисленны стеклянные бусы — одноцветные, многоцветные, глазчатые. Среди первых преобладают те же формы, что и у каменных. Большинство из них сделано из зеленого и синего стекла. Глазчатые бусы почти все шаровидные, преимущественно из белого и зеленого стекла (табл. 77, 12). Число глазков варьирует в пределах от двух до девяти, но чаще всего бывает шесть глазков, расположенных в шахматном порядке. Как правило, они синие, часто окруженные несколькими узкими чередующимися белыми и синими кольцами.

Булавки принадлежат к предметам, которые особенно часто попадают в погребениях. Они изготавливались из бронзы, железа и кости, причем железные наиболее многочисленны (табл. 77, 1—3). Большинство (исключая костяные) снабжено навершиями обычно шаровидной формы, иногда сравнительно больших размеров. Некоторые покрыты в верхней части куском тонкого листового золота, украшенным рельефным геометрическим орнаментом. В ряде случаев орнамент сочетается с дополнительными декоративными элементами наверший. У отдельных экземпляров навершием служат фигурка животного или его головка (табл. 78, 25).

Значительная часть остальных украшений связана с одеждой. Это в первую очередь разнообразные бляшки из тонкого листового золота, снабженные у краев небольшими отверстиями для пришивания (табл. 77, 4, 14—18, 26; 78, 22—24, 29, 30). По сюжетам изображений, часто определяющих форму, они распадаются на две группы: зооморфные и геометрические. Первую составляют бляшки в виде фигурок животных или их голов. Чаще представлен кошачий хищник, реже — горный козел и баран. Нередки бляшки в виде птицы с распростертыми крыльями, иногда сравнительно больших размеров. Среди разнообразных геометрических бляшек особенно часты круглые с выпуклостью в центре в виде четырех- или пятилепестковой розетки и украшенные рельефной вихревой розеткой.

Украшениями одежды, по-видимому, служили также разнообразные подвески из бронзы, железа и кости (табл. 77, 10, 11, 23—25). Широко распространенными, отчасти стандартизованными, были подвески вытянутые колокольчикообразные и в форме «костылька» (табл. 77, 19—22, 31—33). Значительное количество подвесок носит неповторяющийся характер. В качестве подвесок часто употреблялись клыки кабарги, кабана и зубы марала, снабженные отверстием в верхней части. У многих из них имеются повторные отверстия, просверленные после повреждений первоначальных. Это указывает на специфическое значение, определенную ценность данных подвесок, вероятно, служивших оберегами. Возможно, аналогичное значение имеют сравнительно редко встречающиеся раковины каури.

К поясам прикреплялись и отдельные, и относительно сложные подвески, состоявшие из нескольких, иногда одинаковых (колокольчикообразных и др.) элементов. Различные ремешки часто снабжались цилиндрическими пронизками и наборами обойм сегментовидной формы, которые одновременно служили и украшением, и скрепляющими деталями (табл. 77, 35). Подвесы для оружия и других предметов, кроме того, иногда украшались фигурными, преимущественно бронзовыми, бляшками.

Керамика, деревянная и бронзовая посуда. Значительную часть сопровождающего инвентаря составляет глиняная и деревянная посуда, однако она имеется в погребениях не всегда, и кроме того, можно предполагать, что в разных областях удельный вес ее был неодинаков. Число и состав сосудов при одном погребенном варьируют. Обычно в могиле бывает лишь один сосуд, нередко встречаются два — глиняный и деревянный различных форм. В некоторых курганах представлена только керамика, в дру-

гих — лишь деревянная посуда. Причины этих различий неясны. Вся керамика изготовлена вручную, но в отдельных случаях, возможно, применялась какая-то вращающаяся основа. Глиняное тесто часто содержит сравнительно крупные минеральные примеси. Формовка сосудов иногда не очень правильная. Поверхность их всегда покрыта тонким слоем той же глины и заглажена, что создавало эффект, близкий к лощению. Обжиг у всех неравномерный, вследствие чего на нижней части тулова имеются темные пятна нечетких очертаний. Формы сосудов разнообразны, хотя разграничение их в типологическом плане затруднительно ввиду значительных сближающихся вариантов. Количественно преобладают безручные кувшины и горшки (табл. 79, 20, 22, 29, 30) с четко выделенной горловиной. Конфигурация тулова у них различна: шаровидная, яйцевидная, грушевидная и биконическая. Разнообразны и горловины, но четко выраженные венчики встречаются редко. У единичных сосудов имеется по паре небольших ручек, расположенных на тулове. Декоративное оформление кувшинов и горшков сходно и носит ограниченный характер. Наиболее распространены горизонтальные валики, снабженные рядами различных углублений и расположенные под краем горловины, на переходе от нее к тулову, реже — на плечиках. Применялось также горизонтальное рифление. Нередко на тулове бывают спиралевидные и дуговидные валики. Под краем иногда расположен ряд небольших округлых выступов или вдавлений. Часть сосудов украшена монохромной геометрической росписью, в которой преобладают вертикальные зигзаги и спиралевидные фигуры, часто сочетающиеся друг с другом. Значительную группу составляют открытые горшки без выделенной горловины, иногда снабженные небольшим сливом, расположенным под краем (табл. 79, 23, 31, 32). Декоративное оформление на них встречается редко, чаще всего это роспись. Менее многочисленны баночные сосуды, небольшие кувшины и кружки (табл. 79, 24, 25, 27, 28). Первые варьируют в размерах и конфигурации, но у большинства сужение наблюдается в верхней трети тулова. Кувшины сильно отличаются друг от друга по форме тулова, но почти все имеют сравнительно высокую, сильно расширяющуюся кверху горловину. Разнообразны и кружки, часть которых не имеет выделенной горловины. К редким формам относятся небольшие миски (табл. 79, 19), фляги с бочонковидным туловом и «двусоставные» сосуды, у которых верхняя и нижняя части одинаковы или очень близки друг другу по форме. Эта последняя разновидность специфична для Тувы (табл. 79, 26).

Деревянная посуда, как правило, плохо сохраняется, и очертания ее не всегда могут быть установлены. Наиболее многочисленны блюда и миски различных размеров, как округлые, так и овальные. Более редки чаши и сходные с ними кружки с вертикальной или горизонтальной ручкой. Деревянные сосуды в погребениях иногда поставлены один в другой.

Помимо глиняной и деревянной посуды, известны немногочисленные бронзовые толстостенные литые котелки шаровидной формы с горизонтальными ручками (табл. 79, 18). Они явно имели такое же

культурное назначение, как и подобный им, найденный на Алтае [Руденко С. И., 1953. С. 333. Табл. XXIV. 21].

Материалы не позволяют проследить типологическое развитие предметов, характерных для уюкской культуры. На протяжении позднего этапа одним из основных, определявших его факторов была постепенная смена бронзы железом. Поэтому преобладание в комплексах изделий из железа может служить указанием на относительно позднюю их дату. Тем не менее, отчетливый рубеж, позволяющий дать более дробное членение этого этапа по совокупности разных явлений, установить не удастся. Но выявляется определенное число погребальных сооружений — срубов, каменных ящиков, «склепов», в которых сопровождающий инвентарь содержит единичные предметы, характерные для культуры сюнну: глиняные сосуды на поддоне (табл. 79, 21), костяные наконечники стрел с расщепленным насадом (табл. 75, 45—49), свистунки, железные ножи с кольцевидным завершением рукояти и др. Таким образом, имеются объективные свидетельства существования уюкской культуры в немодифицированном виде после подчинения Тувы сюнну, вероятно, на протяжении II в. до н. э., а в некоторых горных местностях, возможно, и дольше.

ХОЗЯЙСТВО. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ. ИСКУССТВО. ВЕРОВАНИЯ. Хозяйственной базой носителей уюкской культуры было кочевое скотоводство с регулярно повторяющимися сезонными передвижениями в пределах сравнительно ограниченных территорий. Конкретная форма этого «вертикального» кочевания с использованием в летнее время предгорных и горных пастбищ, вероятно, была сходна с существовавшей в Туве до недавнего времени. Могильники скифского периода, в особенности большие, указывают на традиционные места зимовок. Можно предполагать, что имелось регламентированное распределение пастбищ и путей перекочевок между отдельными племенами и родами. О составе стада позволяют судить находки костей животных в могилах. Здесь представлены овцы, козы, лошади и очень редко — крупный рогатый скот. Изредка встречаются кости собак. Ведущее место занимали овцы. Они были источником не только мяса и молока, но также шерсти для тканей, войлока и веревок, шкур для одежд, сухожилий для их сшивания и т. д. О максимальном использовании продуктов скотоводства говорит и обилие (на позднем этапе) разнообразных наконечий и рукояток из костей и фаланг овец.

Второстепенную, но заметную роль в хозяйстве играла охота на диких животных, что, в частности, засвидетельствовано обилием подвесок из их зубов и клыков в погребениях. Объектами охоты были как крупные животные — кабан, кабарга, марал, медведь, горный козел и баран, так и мелкие — заяц, лисица, различные грызуны. Остатки одежд и специфические типы наконечников стрел говорят о значительном месте охоты на пушного зверя — соболя, горностая, белку и др. Имеются также свидетельства рыболовства: позвонки рыб иногда использовались в качестве бус и пуговиц.

Неясным остается вопрос о месте земледелия.

В некоторых погребениях обнаружены остатки проса и обломки каменных предметов — предположительно зернотерок. Видимо, можно говорить о небольших, эпизодических посевах, но вероятно и получение продуктов земледелия путем обмена от каких-то соседних племен.

Кочевой образ жизни предполагает использование переносного жилища — вероятно, юрты и шалаша, но вещественные остатки и достоверные изображения пока неизвестны. Обилие погребальных камер в виде срубов с полами и перекрытиями говорит об устойчивой традиции деревянного строительства и о вероятности существования на зимовьях однотипных наземных жилых и хозяйственных построек. Цистообразные камеры с регулярной кладкой и перекрытием типа ложного купола указывают на появление навыков каменного строительства.

В рамках кочевого скотоводческого хозяйства, несомненно, существовали некоторые специализированные отрасли производственной деятельности. Это прежде всего рудодобыча и металлургия, возникшие здесь еще в эпоху бронзы и интенсивно развивавшиеся в скифское время. На территории Тувы в разных районах известно значительное количество древних рудников, в которых добывались медные руды. Некоторые из них — в районе Хову-Аксы (наиболее крупные), на р. Он-Кажаа и в Кызыл-Торге на притоке р. Бурен-Хем — были объектами специального исследования [Сунчугашев Я. И., 1969]. В древних выработках — открытых (типа карьеров), шахтах и штольнях, разрабатывавшихся огневым способом, неоднократно находили орудия рудокопов: каменные молоты, кайла, мотыги, песты и рудотерки, кирки и молотки из рогов марала, деревянные лопаты. Об использовании металлических орудий пока имеются лишь косвенные данные.

Выплавка меди и отливка разнообразных бронзовых изделий производились вблизи рудников. Здесь обнаружены медеплавильные ямы и горны, найдены обломки глиняных сопел от мехов, тиглей и литейных форм (в частности, для отливки ножей с петлевидным отверстием и бабочковидных бляшек). Сопутствующие им фрагменты глиняных горшков преимущественно баночной формы позволяют уверенно относить эти памятники древней металлургии к скифскому времени. О том, что рудокопами и металлургами были носители уюкской культуры, свидетельствуют типичные погребения в срубах, исследованные вблизи Хову-Аксы. В них найдены некоторые орудия горного дела [Кызыласов Л. Р., 1979. С. 58, след.]. Древние выработки железа известны во многих местах Тувы, но изучены еще очень слабо. В скифское время, несомненно, функционировали выработки, обнаруженные в верховьях р. Бурен-Хем. Здесь найдены обломки глиняного сосуда с характерной горизонтально рифленой поверхностью вместе с фрагментами керамики гунно-сарматского периода. Вероятно, к позднему этапу скифского времени относятся сырдутные горны одноразового использования и ямы для обжига угля, исследованные в бассейне р. Бай-Сют [Сунчугашев Я. И., 1969. С. 107, 108, 112, след.].

Относительное обилие изделий из золота, встречающихся во многих (в том числе и ограбленных) «рядовых» погребениях, указывает на местную золо-

тодобычу, но конкретные формы ее пока неизвестны. Находки украшений из листового золота сходного облика (бляшки геометрических форм, в виде птиц и т. д.) в разных районах Тувы позволяют предполагать существование каких-то центров их «серийного» производства (табл. 77, 17, 26; 78, 22—24).

Общественный строй носителей уюкской культуры по археологическим данным может быть охарактеризован как первобытнообщинный, но со специфическими чертами, обусловленными переходом к кочевому скотоводству и дальнейшим, по-видимому экстенсивным, его развитием. Топографические особенности могильников, прежде всего больших, четко распадающихся на группы-цепочки, указывают на устойчивое существование родо-племенной организации, в рамках которой протекали все процессы имущественной и социальной дифференциации.

Основной социально-экономической, самообеспечивающейся в хозяйственном отношении ячейкой общества была большая патриархальная семья, включавшая несколько поколений, связанных общим происхождением, и возглавлявшаяся старшим по возрасту мужчиной. Она наиболее полно обеспечивала поддержание максимальной численности общего стада (и его безопасность от стихийных бедствий), необходимой для сохранения стабильного уровня потребления. Возникновение ее относится, по-видимому, к начальному этапу уюкской культуры. Наблюдающаяся в курганах раннего этапа «центрическая» система размещения погребений под одной насыпью отражает уже сложившуюся первичную форму. Дальнейшее развитие такой семьи, очевидно, шло в направлении упрочения единства и увеличения числа входящих в нее поколений. Свидетельства этого можно видеть в росте количества погребенных в срубах и появлении многорядных захоронений. Некоторые данные позволяют предполагать преобладание, если не господство, моногамии и экзогамии.

Раскопки кургана Аржан показали, что уже в конце начального этапа уюкской культуры общество было стратифицировано: выделилась аристократическая верхушка и сложилось какое-то крупное племенное объединение. Признаки имущественных и социальных различий прослеживаются также в более поздних памятниках «рядового» населения: тут могут быть выделены относительно богатые и сравнительно бедные по инвентарю семейные погребения в больших срубах. Но при этом резких различий не наблюдается, что при обилии оружия говорит в пользу относительного равенства основной массы населения. Насколько далеко зашло разложение первобытнообщинного строя к концу скифского периода, установить трудно, но достоверных свидетельств о появлении черт, свойственных зарождающемуся классовому обществу, не имеется. При больших масштабах раскопок число погребений выделившейся аристократической верхушки крайне не велико. Хотя высказано предположение о возможности выявить захоронения домашних рабов по особому их местоположению в камере, специфике позы и отсутствию инвентаря [Грач А. Д., 1980. С. 48], оно не подтверждается более полными материалами. Вместе с тем сравнительно отчетливо выступают явления иного порядка, не связанные с антагонисти-

ческими отношениями: возрастные группы, неясное еще по сущности деление взрослых мужчин на вооруженных и невооруженных, некоторые локальные особенности этнографического порядка.

Искусство населения Тувы раннего железного века представлено не только многочисленными изделиями мелкой пластики, выполненными в зверином стиле, но также петроглифами и памятниками монументального искусства. Интереснейшая разновидность последних — оленные камни⁴. Это стелы (высота до 4 м) с выбитыми на них изображениями украшений, парадных поясов с подвешенными предметами вооружения (кинжалы, клевцы, луки в налучьях, ножи), а также фигурок различных животных, прежде всего оленей (отсюда их название), выполненных в характерной стилизованной манере (табл. 71 1—6). Как и предметы «скифской триады», оленные камни не связаны с какой-либо одной культурой, и территория их распространения необыкновенно обширна. Однако назначение оленных камней в различных районах неодинаково. Так, в Туве их находят возле курганов уюкской культуры (обломок стелы обнаружен в насыпи кургана Аржан). В восточных районах Монголии и Забайкалье они часто стоят в качестве угловых камней на плиточных могилах, а в западной Монголии входят в архитектурные комплексы херексуров. Новые находки позволяют отодвинуть восточную границу распространения оленных камней до Читинской обл. Правда, в Забайкалье они сравнительно редки, зато в соседней Монголии в последние годы обследовано около 500 новых памятников этого рода [Волков В. В., 1981]. В Туве зафиксировано около 20 оленных камней [Маннай-оол М. Х., 1968], на Алтае — более 50 [Кубарев В. Д., 1979].

Отдельные оленные камни обнаружены в Киргизии, Восточном и Центральном Казахстане, на Южном Урале [Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х., 1950; Маргулан А. Х., 1979; Попов С. А., 1964]. Памятники подобного типа, представляющие собой европейский вариант оленных камней, известны на территории Северного Кавказа, Крыма, Украины, Добруджи и северо-восточной Болгарии [Тончева Г., 1972; Савинов Д. Г., 1977; Савинов Д. Г., Членова Н. Л., 1978; Чеченов Н. М., 1978; Корпусова В. Н., Белозор В. П., 1980]. Западная граница их распространения доходит, видимо, до Эльбы [Савинов Д. Г., Членова Н. Л., 1978].

В современных классификациях оленные камни подразделяются на две большие группы: первая — с изображениями животных; вторая — без них, но со всеми другими атрибутами, присущими этим памятникам (ожерелья, пояса, оружие). В первой группе выделяются два основных типа: с изображениями оленей, близкими к натуре, «реалистическими», и с орнаментально стилизованными фигурками животных, у которых морды вытянуты наподобие птичьего клюва. Все эти типы представлены в Туве (табл. 71, 1, 6). Стелы без изображений животных преобладают на западе их ареала, но достаточно часто встречаются и на востоке. В Туве и на Алтае они составляют более половины всех памятников; в Монголии

⁴ Экскурс об оленных камнях написан В. В. Волковым.

и Забайкалье — только 9%. Камни с «реалистическими» изображениями оленя характерны в основном для Тувы и Алтая и поэтому условно могут быть названы саяно-алтайским типом. В Монголии они единичны и встречаются только в районах, примыкающих к Туве и Алтаю. Стелы с орнаментально стилизованными оленями, наоборот, господствуют в Монголии и Забайкалье, где составляют около 90% всех памятников, и лишь единичные их экземпляры открыты в южных районах Тувы, на Горном Алтае и в Восточном Казахстане. Поэтому они с полным основанием могут быть названы монголо-забайкальским типом, тем более что по общему количеству они значительно превосходят все остальные группы и типы оленных камней, вместе взятых.

Хронологическое положение выделенных групп и типов оленных камней, т. е. их периодизация, не может пока считаться общепризнанным и устоявшимся. Расхождения в датировках у разных исследователей значительны. Наиболее ранняя дата (XII—IX вв. до н. э.) для саяно-алтайских и монголо-забайкальских камней предложена М. П. Грязновым после находки обломка стелы в насыпи кургана Аржан (табл. 71, 1) [Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1973]. Иначе представляет себе эволюцию оленных камней Л. Р. Кызласов, который считает памятники без фигурок животных древнейшими и относит их к предскифской поре. Стелы с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле, по его мнению, целиком относятся к скифской эпохе, причем наиболее поздними из них являются камни монголо-забайкальского типа [Кызласов Л. Р., 1978, С. 26].

Представительные серии оленных камней, накопленные в последние годы на всей территории их распространения и особенно в Монголии, позволяют, на наш взгляд, отнести появление памятников обеих групп к предскифской поре. Одновременны, надо думать, и оленные камни с «реалистическими» и стилизованными изображениями оленей. Есть достаточно веские основания полагать, что те и другие появились в доскифское время — вероятно, в первых веках I тысячелетия до н. э. — и что различия между саяно-алтайскими и монголо-забайкальскими оленными камнями не столько хронологические, сколько территориально-локальные. На востоке ареала этих стел обычай сооружения оленных камней доживает до V—IV вв. до н. э. и сменяется, возможно, традицией установки необработанных стел-менгиров в квадратных оградках. Так, на Алтае и в Туве известны случаи, когда стелы без фигурок оленей, а также упрощенных вариантов саяно-алтайского типа стоят возле уюкских курганов V—IV вв. до н. э. О том же свидетельствует изображенное на некоторых монгольских камнях оружие раннетагарских форм. На западе ареала уже в VI в. до н. э., а может быть, и несколько раньше, оленные камни исчезают.

Новые находки в Монголии позволили полнее выявить еще одну особенность оленных камней — антропоморфный характер памятников. Обычно человеческий образ передан в них крайне условно и схематично. Он скорее угадывается по изображениям серег, шейных украшений, боевых или парадных поясов, оружия, расположенным в том порядке,

как их носили древние воины, и изредка встречающимся очень упрощенным личинам в верхней части стел. Только на трех монгольских камнях (Ушкин увер, Агрын и Джаргалант) человеческие лица выполнены по всем законам объемной скульптуры и дают представление о портретных особенностях. Любопытно, что эти лица лишены монголоидных черт, свойственных, например, древнетюркским изваяниям. Удлиненный овал лица, тяжелые надбровья, длинный и прямой нос — черты, близкие скорее к европеоидному антропологическому типу. Исходя из антропоморфности оленных камней, многие исследователи видят в них обобщенный героизированный образ предка — покровителя рода или племени, в честь которого и сооружались жертвенники. В литературе, посвященной оленным камням, высказывались и другие точки зрения, согласно которым оленные камни с их трех- или двучленным делением по вертикали сопоставляются с жертвенными столпами — семантическим эквивалентом «мирового древа».

Вопрос о назначении оленных камней дискуссионен. Долгое время их считали надгробными памятниками. Однако в Монголии исследовано несколько жертвенных комплексов, где оленные камни были важнейшим или основным элементом этих сооружений. Стелы (до 10—15 штук) стояли несколькими рядами в окружении плоских каменных выкладок, дорожек и маленьких курганчиков, под которыми были захоронены черепа жертвенных животных, главным образом лошадей.

Генезис оленных камней пока неясен. Типологически увязанных с ними предшественников в области их распространения нет. Может быть, действительно, прав М. П. Грязнов, предполагавший, что первоначально они изготовлялись из дерева (стволов) и поэтому не сохранились. Косвенные данные есть — например, расположение рисунков спиралью даже на плоских каменных плитах.

Скифо-сибирский звериный стиль, главной особенностью которого было изображение животных в определенной позе, с особой трактовкой деталей, получил яркое отражение в искусстве наскальной живописи населения Тувы скифского времени [Маннай-оол М. Х., 1970; Дэвлет М. А., 1976б; 1980а; 1982; Грач А. Д., 1980]. Для хронологического определения петроглифов решающее значение имеет сопоставление изображений на скалах и на оленных камнях, хотя стилистический стандарт, свойственный оленным камням, в наскальных изображениях проявляется редко, обычно наблюдаются лишь частичные совпадения. Наиболее характерный сюжет — изображения оленей и других копытных с подогнутыми ногами. У оленей в таких случаях рога трактованы так же, как и на оленных камнях. К скифскому времени следует отнести серию изображений оленей с древовидными рогами в виде вертикальных стволов с отходящими в стороны отростками. Правда, в основной части этот пласт наскальных рисунков датируется эпохой бронзы. Характерны петроглифы, содержащие изображения животных, главным образом горных козлов, в позе «внезапной остановки», когда они показаны как бы заторможенными после стремительного бега. Свообразны изображения крылатых животных с крыльями в виде отростков на

спине, фигуры хищников из семейства кошачьих. Известны изображения птиц с распростертыми крыльями и повернутой в сторону головой. Иногда изображения животных бывают вписаны одно в другое, что также характерно для скифо-сибирского звериного стиля. Встречаются изображения криволинейных триквестров, иногда оканчивающихся головками животных или птиц. Наиболее часты и труднее поддаются хронологическому определению изображения горных козлов.

Специфика погребальных памятников ограничивает возможность реконструкции мировоззрения и верований носителей уюкской культуры. Они позволяют судить преимущественно лишь о том, какой представлялась им посмертная судьба человека. Устойчивый обряд труположения и состав сопровождающего инвентаря указывают на то, что она мыслилась аналогичной реальной жизни. Мертвых снабжали полноценными предметами, необходимыми в быту, включая зимнюю одежду, и некоторым количеством пищи и питья на время перехода, как можно полагать, в страну предков. Различные меры по сохранению тел или костей умерших до момента их захоронения (включая мумификацию) также говорят о реально материалистических представлениях, лежащих в основе погребального обряда. Специфическое положение погребенных (сходное, но не идентичное со скорченным), иногда явно приданное им искусственно, выступает как ритуально необходимое. Смысл его еще остается неясным, но неестественно большая согнутость ног не позволяет считать это позой спящего человека. Вернее, кажется, видеть в этой позе воспроизведение эмбрионального положения.

В верованиях носителей уюкской культуры значительное, если не господствующее, место занимало почитание явлений природы и окружающего мира. Обилие спиралей, вихревых розеток, кругов с точкой посередине и других изображений с отчетливой соляр-

ной символикой в декоративном оформлении различных предметов и керамики указывает на какую-то форму культа солнца. Возможно, отражение его следует видеть и в конструкции так называемых херексурсов с радиальными «лучами» вокруг наземного погребального сооружения. Однако датировка их и тем более интерпретация как храмов солнца [Грач А. Д., 1980. С. 62] нуждаются в серьезном подтверждении новыми фактами. В погребениях обнаружены свидетельства культового значения огня: как почитаемый очаг, занимающий центральное место, и как способ очищения могилы перед сооружением камеры или совершением захоронения.

Среди мотивов росписи на керамике очень часты вертикальные зигзагообразные фигуры, расположенные параллельными рядами. Постоянные сочетания со спиральями позволяют видеть и в них символы — вероятно, воды. Многочисленность изображений животных — преимущественно диких — отчетливо говорит о большой роли их в мировоззрении носителей уюкской культуры. Здесь, несомненно, отражен целый комплекс представлений, среди которых значительное место занимали магические и близкие к ним, уходящие корнями в более раннее время. В этом плане объяснимы фигуры горных козлов, кабанов и фантастических животных на зеркалах, изображения кошачьих хищников, сцен терзания и борьбы зверей на поясных пластинах и бляшки в виде голов хищных животных и птиц (табл. 77; 78). Можно думать, что изображение, воплощение определенных, высоко ценимых качеств зверей воспринималось как способ их приобретения, как путь усиления действительности разных предметов, служивших берегами и т. д. Охранительные функции выполняли и многочисленные подвески из клыков, зубов и костей животных.

В сложных композициях отражены, по-видимому, также космогонические, мифологические, а, возможно, и эпические сюжеты.

Гунно-сарматский период на территории Тувы

Хронологической границей между скифскими и гунно-сарматскими периодами в истории Тувы считается рубеж III и II вв. до н. э., когда она была включена в состав быстро усиливавшегося государства сюнну. Подчинение Тувы относится к раннему этапу военной деятельности шаньюя Маодуня. Однако сам этот факт по известиям письменных источников устанавливается лишь косвенно: в числе покоренных северных «владений» упоминаются динлины, обычно отождествляемые с носителями тагарской культуры⁵. Подчинение их логически предполагает установление власти сюнну и южнее Саян.

Археологические данные подтверждают это, но вместе с тем говорят о том, что указанные события не повлекли за собой непосредственно смены культуры.

Новая культура была результатом сложного и относительно длительного процесса, протекавшего в менявшейся политической ситуации и в условиях появления здесь новых групп населения. Известные сейчас памятники рассматриваемого периода (карта 10) по культурной принадлежности могут быть разделены на три группы:

1. Характеризующиеся специфическими чертами уюкской культуры и соответственно относящиеся к несомненно сохранившемуся здесь коренному населению. С течением времени они подверглись модификации, в частности, под воздействием новых групп населения.

2. Связанные с пришлым инокультурным населением, первоначально обитавшим на более южных территориях. Передвижения его отдельных групп, вероятно, происходили неоднократно и в разных масштабах.

3. Принадлежащие к уже сложившейся новой местной шурмакской культуре, которая в опреде-

⁵ Существует и другая точка зрения, согласно которой население, оставившее тагарскую культуру, не может быть отождествлено с динлинами. См. ниже (Ред.).

ленное время выступает как характерная для всей территории Тувы. Эти памятники весьма многочисленны и имеют локальные различия.

РАННИЙ ЭТАП ГУННО-САРМАТСКОГО ПЕРИОДА. Хронологически большинство памятников первых двух групп предшествует составляющим третью и обоснованно может быть отнесено к раннему этапу гунно-сарматского периода, который в культурно-историческом аспекте был переходным. Временная последовательность устанавливается по стратиграфическим данным, на основании относительных датировок отдельных могильников, путем привлечения аналогий в материалах соседних территорий и отчасти анализа совстречаемости предметов специфических типов. Однако определить абсолютные хронологические рамки раннего этапа и в особенности точное время завершения формирования шурмакской культуры значительно труднее. Мы не располагаем твердыми основами, которыми могли бы служить надписи, монеты и привозные изделия, так как время их изготовления известно по независимым данным. Имеется лишь возможность использовать немногочисленные обломки китайских зеркал, позволяющих установить *terminus post quem* для некоторых погребений и вещевых комплексов в памятниках второй и третьей группы.

Количество погребальных сооружений, типичных для уюкской культуры (деревянный сруб, каменный ящик, каменный склеп; табл. 73. 9—11), но достоверно относящихся к раннему этапу гунно-сарматского периода, сравнительно невелико. Датировка их определяется лишь по находкам среди инвентаря отдельных инокультурных предметов (наконечники стрел с расщепленным насадом (табл. 75. 44—50), сосуды, типичные для культуры сюнну), известных по памятникам, связываемым с сюнну. Однако действительное число их, по всей вероятности, больше, так как их трудно выявить в связи с невозможностью точных датировок.

Местному населению принадлежит также определенная часть впускных погребений в уже ограбленные погребальные сооружения скифского времени. Они распадаются на две группы. Одну из них составляют каменные ящики из больших плит, в которых скелеты лежат на боку с согнутыми руками и ногами; под черепом иногда имеется плита (Бай-Даг, курган 68; Хову-Авсы, могила 2; Улуг-Оймак I, курган 1; Аймырлыг, Карадаг II и др.) [Полторацкая В. Н., 1966. С. 80; Кызласов Л. Р., 1979. С. 60; Грач А. Д., 1980. С. 126]. По внешнему виду они ничем не отличаются от уюкских погребений. Сопровождающий инвентарь в них встречается очень редко и состоит преимущественно из предметов, неизвестных в уюкской культуре, но представленных в памятниках сюнну. Наиболее яркий комплекс найден во впускном погребении могильника Урбюн III (курган 1): два глиняных горшка, костяные накладки на лук, костяные наконечники стрел с расщепленным насадом, железные пряжки и бронзовая ажурная бляха с изображением сцены борьбы тигра с ушастым драконом (табл. 78. 12) [Савинов Д. Г., 1969. С. 106].

Во вторую группу входят прямоугольные и овальные ямы, в которых скелеты также лежат в характерной для уюкской культуры позе и нередко с пли-

тами под черепами (Бай-Даг II, курган 67; Туран III, курган 96; Успенское, курган 23; Хемчик-Бом I, курган 2; Чинге II, курган 22; Аймырлыг, курганы Д2, I—2, II—22, IV—4 и др.) [Полторацкая В. Н., 1966. С. 80, 86; Грач А. Д., 1980. С. 130]. Иногда скелет бывает обложен камнями или вдоль нескольких стенок установлены плиты. Сопровождающий инвентарь встречается редко и состоит главным образом из керамики, железных ножей и пряжек. Известно также впускное погребение, в котором скелет лежал на боку с согнутыми руками и ногами в деревянном гробе-ящике (Аймырлыг, курган XXIV-2).

Модификации погребальных сооружений и изменения в обряде погребения выступают в свете имеющихся данных как одно из проявлений начала процесса сложения новой культуры. В силу этого соответствующие памятники должны быть отнесены уже к третьей группе, хотя и выделены в пределах ее как ранние.

Отдельные предметы, связанные с новыми группами населения, впервые были обнаружены еще в 1926 г. С. А. Теплоуховым на дюнах у р. Баянколчик (левобережье Енисея, восточнее г. Шагонар). Это часть когтевидной подвески из белого нефрита, обломок зернотерки и фрагменты керамики — в частности, лощеного вазообразного сосуда, изготовленного на круге. В 1960 г. Л. Р. Кызласов в той же местности обнаружил еще одну когтевидную подвеску, часть каменного кольца и фрагмент сосуда с резным волнистым орнаментом. Впоследствии однотипная керамика была найдена в выработке железа в урочище Карасуг и в размыве реки у г. Чадан: это большие вазообразные сосуды с четким отогнутым венчиком, украшенным резным волнистым орнаментом и снабженные вертикальным полосчатым лощением.

Все эти находки Л. Р. Кызласов [1969б. С. 115—124; 1979. С. 81—84] на основе близких аналогий в материалах из Иволгинского городища (Забайкалье) датировал II—I вв. до н. э. и связал с сюнну.

Более конкретные, но еще неполные сведения о приходе населения дают могильники, исследованные в последнее десятилетие. Они значительно отличаются друг от друга, что обуславливает необходимость рассмотреть их по отдельности.

С сюнну, несомненно, связана ранняя часть могильника Бай-Даг II (левобережье Енисея, восточнее г. Шагонар), где представлены погребальные сооружения двух типов: большие трапециевидные многослойные выкладки, имеющие у южного конца более узкую выступающую часть той же или прямоугольной формы (табл. 80, б), и округлые, тоже многослойные выкладки, отчетливо разделяющиеся на большие и малые. Размеры трапециевидных сооружений особенно значительны — длина их достигает 27 м. Диаметр больших округлых выкладок составляет 10—15 м, малых — 4—6 м. Под всеми находились прямоугольные ямы, вытянутые с юга на север или, реже, с юго-востока на северо-запад. Размеры ям различны, но четко зависят от величины наземной части сооружения.

Внутримогильное устройство во всех больших сооружениях — одной и той же конструкции: это трапециевидное или, реже, прямоугольное гробовище,

внутри которого на плитках установлен обычно трапециевидный гроб. Пространство между стенками ямы и этой двойной камерой заполнено плотно уложенными камнями. Имеется лишь два исключения: в одном случае под сильно разрушенной трапециевидной выкладкой в неглубокой яме помещались три прямоугольных гроба; в другом — под округлой выкладкой в глубокой яме находился лишь прямоугольный гроб с отсеком в северном конце, образованным выступающими концами его продольных стенок и установленной в торце плитой. Прямоугольные гробы с незамкнутым отсеком в северном конце обнаружены здесь также в двух глубоких могилах без наземных признаков, причем в одной имелось трапециевидное гробовище. В ямах под малыми округлыми выкладками находились преимущественно трапециевидные гробы, часть — с незамкнутым отсеком. В одном случае такой гроб без отсека был в трапециевидном гробовище. Погребенные, судя по сохранившимся на месте костям, лежали на спине вытянуто, головой на север или северо-запад. Сопровождающий инвентарь размещался частично в отсеке или соответствующем ему пространстве между гробовищем и гробом, частично — в гробу при скелете. Кости животных встречались как в отсеках, так и около ног погребенных; в одной могиле под гробом лежал полный скелет овцы. Все гробы в больших сооружениях богато украшены, однако после ограбления сохранилась лишь незначительная часть их декоративного оформления. Это многочисленные железные узкие прямоугольные, треугольные и ромбовидные пластины, обрывки узких полосок и отдельные фигурные куски, преимущественно геометрической формы, из тонкого листового золота и серебра. Закреплялись эти элементы украшения железными гвоздями с петлевидным завершением, через которое продевались шелковые шнуры. Некоторые гробы дополнительно были покрыты шелковой тканью. Отдельные элементы аналогичного оформления встречены в малых сооружениях и могилах без наземных признаков, но здесь декор был беднее. Композиции декора, по-видимому, различны, однако реконструкция их, как правило, невозможна. По остаткам в одном случае восстанавливается орнамент на боковых стенках гроба: между двумя продольными полосами из узких железных пластин, чередуясь, размещены ромбовидные пластины и пары обращенных друг к другу углами треугольных. В другом случае зафиксировано оформление торца гроба: в прямоугольнике из узких железных пластин размещены углами к середине четыре треугольника, в центре расположен круглый кусок листового золота. Незначительные остатки декоративного оформления гробов из листового золота и серебра сохранились в некоторых малых выкладках. Здесь гробы оформлены скромнее, причем только крышки.

Вещественные материалы из ранней части могильника Бай-Даг II состоят преимущественно из различных железных предметов, не всегда поддающихся уверенному определению.

Оружие. Предметы вооружения представлены обломком однолезвийного меча с кольцевидным завершением рукояти, кусками кинжалов, длинных ножей, многочисленными обломками накладок на лук и железными наконечниками стрел: сравнительно

крутыми трехперыми с ромбической головкой (табл. 82, 11, 13—16). Иногда у таких наконечников профиль верхней половины пера вогнутый. Отдельные наконечники снабжены костяными свистунками (табл. 82, 8). О луке мы можем судить по находкам костяных накладок. Очевидно, он был большим и сложным (табл. 82, 78). Конское снаряжение все из железа. Опознаваема лишь часть удил — кольчатых с вставными дополнительными овальными кольцами для повода и стержневидными S-образными псалиями с концами, загнутыми в разные стороны. Возможно, к этой категории относятся и плоские кольца сравнительно больших размеров.

Детали костюма и предметы туалета. Предметы, связанные с одеждой — железные кольцевидные и прямоугольные (изредка с длинным прямоугольным щитком) пряжки (табл. 81, 25, 34, 35, 40). Имеются также пряжки с неподвижным язычком и ложечковидные застежки, в том числе одна покрыта листовым золотом (табл. 78, 3; 81, 26, 29). Среди предметов туалета — обломки пинцетов. Иногда в одной могиле бывает два пинцета различных размеров (табл. 81, 16). Форма варьирует: простые и с некоторыми декоративными деталями. Встречаются костяные ложечки (табл. 81, 22—24), железные когтевидные подвески и различные бусины.

Керамика и бронзовые сосуды. Типы сосудов в основном характерны для культуры сюнну. Преобладают горшки разных размеров, с хорошо выраженным венчиком, украшенных волнообразным орнаментом по шейке и вертикальным лощением по тулову (табл. 79, 13); вазообразные сосуды с узкой, довольно высокой горловиной и четким отогнутым венчиком, с вертикальным лощением и горизонтальными полосами на плечиках сосуда (табл. 79, 14). Но есть и местные формы — глиняная модель бронзового котла с четко моделированными подвижными кольцами на плечиках сосуда (табл. 79, 12). Близки по форме и орнаментации бронзовые сосуды: один — с вертикальными ручками, прикрепленными к краю сосуда, другой — с двумя парами симметрично расположенных петель в верхней и нижней частях тулова (табл. 79, 16, 17).

Сюнну или, что вероятнее, какому-то родственному им племени принадлежит и компактное кладбище в группе XXXI могильника Аймырлыг. Здесь исследовано более 200 могил. На поверхности они были отмечены однослойными каменными кольцами, диаметр которых, как правило, не превышал длину могильной ямы (табл. 80, 1). Во многих случаях кольца эти уцелели лишь частично, иногда вовсе не сохранились.

Внутримогильное устройство этих погребений весьма разнообразно: А) грунтовые ямы; Б) каменные ящики; В) ямы с подбоем. Каждая из этих групп делится на ряд типов. А: 1 — погребенный лежит непосредственно на дне ямы (табл. 80, 9); 2 — погребенный лежит на дне ямы, но над ним — перекрытие из прямоугольных бревен, опирающееся на установленные в торцах каменные плиты или поперечные бревна; 3 — дно ямы выложено прутьями (циновка) или берестой, ими же перекрыт погребенный; 4 — на дне ямы установлена колода; 5 — на дне ямы — гроб (табл. 80, 5); 6 — на дне ямы — гробовище

(табл. 80, 7). В: 1 — на дне ямы — каменный ящик (у многих из них имелись не все стенки), плиты, образующие стенки, отстоят на более или менее значительное расстояние друг от друга; 2 — в каменном ящике, по большей части не полном, установлена колода; 3 — в ящике — гроб; 4 — в ящике — гробовище; 5 — в ящике — гробовище, в нем — колода (табл. 80, 1); 6 — в ящике — гробовище, в нем — гроб (табл. 80, 2). В: 1 — яма с подбоем (табл. 80, 4); 2 — яма с подбоем, в котором сооружен каменный ящик (табл. 80, 8). Треть всех захоронений была совершена в каменных ящиках (тип В1); примерно четверть — в каменных ящиках с колодой или гробом (В2, 3); достаточно типичны также ямы с гробом (А5); единичны В5, 6; В1, 2.

Положение погребенных различно: на боку с согнутыми ногами, (табл. 80, 1, 2, 4), на спине с согнутыми в коленях ногами и поднятыми вверх коленями (табл. 80, 5, 8), вытянуто на спине (табл. 80, 7, 9), причем все эти позы коррелируют с разными типами могил. Преобладает северо-западная ориентировка, но есть отклонения. Все это говорит о невыработанности погребального обряда в целом. Особо следует отметить, что характерное для памятников шурмакской культуры и могильника Бай-Даг II положение погребенных вытянуто на спине на этом кладбище — редкость.

Керамика. Сопровождающий инвентарь могильника Аймырлыг XXXI, так же, как и могильника Бай-Даг II, характеризуется предметами, связанными с культурой сюнну. В первую очередь это касается керамики, большая часть которой находит полные аналогии в памятниках сюнну Забайкалья [Davydova A. V., 1968] и Монголии [Руденко С. И., 1962б]. Попадают главным образом вазообразные сосуды и горшки различных размеров, а также горшки и кубки на поддоне и с вертикальными ручками различных очертаний, прикрепленными к краю сосуда (табл. 79, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13—15).

Деревянная посуда. Сосуды из дерева разнообразны по размерам, форме и назначению: овальные и круглые блюда (табл. 83, 13, 19), чаши (табл. 83, 18), ковши (табл. 83, 20, 21), горшки с ручками и без них (табл. 83, 15, 17), стаканообразные сосуды (табл. 83, 16). Помимо этого, имеются черпаки, берестяные туесы с деревянным дном (табл. 83, 11, 12, 14).

Орудия труда и предметы туалета. Орудия труда представлены в основном ножами и шильями, характерны наборы — нож и шило. Кроме того, при скелете может быть несколько ножей, лежащих вместе или в разных местах. Ножи подразделяются на четыре типа: с кольцевидным навершием, без выделенной рукоятки и с прямой спинкой (табл. 81, 68); с кольцевидным навершием, выделенной рукояткой, прямой или вогнутой спинкой (табл. 81, 52, 59); черешковые, частично снабженные деревянной, реже — костяной рукояткой, с прямой или выгнутой спинкой (табл. 81, 49—51, 67); черешковые двулезвийные, вероятно, воспроизводящие форму меча (табл. 81, 66). Здесь же следует упомянуть деревянный черешковый нож с прямой спинкой (табл. 81, 69) и ножевидные предметы с кольцевидным навершием без выделенной рукоятки (табл. 81, 56), которые мы вслед за И. Л. Кызласовым [1987] рассмат-

риваем как напильники, носимые в одном наборе с каменными оселками (табл. 81, 19) и прикреплявшиеся к поясу при помощи витых цепочек (табл. 82, 20, 22, 23, 77).

Шилья — стержневидные, обычно с насадной рукояткой из дерева, редко — из кости, плоские или круглые в сечении (табл. 81, 53, 54); стержневидные, круглые в сечении, с кольцевидным навершием (табл. 81, 48, 55). К орудиям труда можно отнести дисковидные каменные и керамические пряслица; в одном случае при пряслице сохранилось деревянное веретено (табл. 81, 18, 20).

В особую группу следует выделить предметы, сходные с описанными, но отличающиеся миниатюрными размерами: ножички и шилья разной формы, пинцеты, изделия, похожие на скребки. Все они встречаются, как правило, в наборе, куда часто входят и обломки китайских зеркал, а иногда и грести (табл. 81, 1, 2, 12, 30, 31). Обычно эти наборы клали в круглые, реже — овальные берестяные корбочки. Нередко они украшены орнаментом, изображениями животных, а иногда и целыми композициями, смысл которых не всегда поддается расшифровке (табл. 78, 7, 13; 81, 1; 83, 9, 10). В двух случаях на поверхности процарапаны расположенные в ряд знаки. Отдельные знаки повторяются на разных корбочках. Возможно, это образцы какой-то пока неизвестной письменности (табл. 78, 8). По всей вероятности, эти наборы следует рассматривать как туалетные. Иногда в их составе, рядом или поодаль, встречаются костяные, изредка — деревянные ложечки (табл. 81, 21—24), которые использовались как туалетные принадлежности, но возможно, применялись и в других целях. Здесь же следует упомянуть железный ложечковидный предмет: очевидно, он насаживался на деревянную рукоятку (табл. 81, 4).

Одежда. Об одежде мы можем судить по немногим сохранившимся фрагментам кожи, шерстяной или шелковой ткани. На одном из погребенных ткань покрывала череп, включая его лицевую часть, и спускалась до грудных позвонков. В данном случае, по-видимому, это деталь погребального обряда. От кожаных поясов сохранились лишь обрывки ремней, как правило, вблизи металлических пряжек. Пряжки в основном железные. Обычно при погребенном их бывает несколько одинаковых или разных по величине и форме. В ряде случаев это указывает на наличие двух поясов: внешнего — с более крупными пряжками и внутреннего — с более мелкими. Об этом же свидетельствуют находки в погребениях *in situ* большой пряжки, лежащей на маленькой. Пряжки распадаются на две группы: с подвижным язычком и с неподвижным крючком. Первые в зависимости от формы рамки распадаются на несколько типов: круглые, овальные, прямоугольные, восьмерковидные, лировидные (табл. 81, 14, 15, 28, 33, 36, 41, 50); отдельные пряжки снабжены вытянутым прямоугольным щитком (табл. 81, 40). Пряжки с неподвижным крючком на передней части — овальные (замкнутые и незамкнутые), двучастные, с круглым и прямоугольным отверстием (табл. 81, 42, 43). Следует также упомянуть железные разновеликие кольца, служившие пряжками и подвесами (табл. 81, 27). С поясами связаны квадратные и

круглые пластины с отверстиями и небольшие крючки (табл. 81, 37, 44, 51). В особую группу следует выделить крупные пряжки из рога и золоченой бронзы, парные и одиночные. Бронзовые покрыты рельефными изображениями быков, бегущей лошади, крылатого коня и др. (табл. 78, 11; 81, 59, 60, 63, 64). Такие пряжки являлись принадлежностью парадного или рангового пояса, им соответствовали прямоугольные бляхи, украшенные растительным орнаментом, и прямоугольные пластины с изображением стоящего животного (олень?) с повернутой назад головой (табл. 78, 4; 81, 58, 61, 62).

Украшения. Украшений найдено сравнительно мало. Изделия из золота редки, в основном это нашивные бляшки, пластинки. Но встречаются отдельные экземпляры, отличающиеся тщательностью изготовления, с зернью и гнездами для вставок, очевидно, цветных камней. В этих предметах мы склонны видеть прообраз распространенных позднее в Европе гуниских полихромных ювелирных изделий (табл. 78, 2).

К группе украшений относятся также раковины каури и их имитации, котловидные подвески (табл. 81, 7—9), цилиндрические и бочонковидные бусы из цветных полудрагоценных камней (табл. 81, 5, 6), маленькие скульптурные изображения барана, покрытые золотой фольгой, с отверстием в нижней части для насаживания (табл. 78, 5).

Оружие. Предметы вооружения представлены в основном наконечниками стрел, костяными накладками на лук, наконечниками копий или дротиков. Наконечники стрел все черешковые, почти все железные, несколько костяных. Железные наконечники стрел распадаются на типы по конструкции боевой части: плоские ромбовидные с плавным переходом к черешку (табл. 82, 1, 2, 4); плоские треугольные в верхней части и прямоугольные — в нижней, с выделенным переходом к черешку (табл. 82, 3); плоские трапециевидные с тупой закругленной ударной частью (табл. 82, 5); трехперые ромбовидные (табл. 82, 6, 7, 11). На стреле или отдельно встречаются костяные свистунки (табл. 82, 8). Наконечники копий втульчатые плоские или трехгранные (табл. 82, 9, 10). Роговых накладок на лук обычно бывает в погребении семь: две пары концевых с выемками для тетивы и три срединные (табл. 82, 21). В одной из могил частично сохранились клееные деревянные части лука и полный его отпечаток на стенке ямы. Лук был сложносоставным, длиной около 1,5 м в спущенном состоянии (табл. 82, 78). На отдельных парных срединных накладках были выгравированы тамгообразные знаки и непонятные нам изображения (табл. 78, 1; 82, 21) или целые сцены (табл. 78, 6). Накладки эти происходят из одиночного погребения у горы Кара-даг на противоположном от могильника Аймырлыг, правом берегу р. Чаа-Холь. В погребении также найден керамический сосуд, форма которого характерна для культуры сюнну. Упомянутые накладки композиционно и по технике исполнения напоминают рисунки на планках из таштыкского склепа у горы Тепсей на Енисее [Грязнов М. П., 1971. С. 100—103].

ПОЗДНИЙ ЭТАП ГУННО-САРМАТСКОГО ПЕРИОДА. Шурмакская культура (по Л. Р. Кызласову) как в стадии формирования, так и в сложившемся

виде известна нам почти исключительно по материалам, полученным в результате раскопок погребений. Хотя имеются достоверные свидетельства о существовании временных стойбищ, горных выработок и металлургического производства, эти категории памятников почти не исследованы. Трудно выделить и относящиеся к данному времени наскальные изображения.

Могильники шурмакской культуры известны во всех археологически изученных местностях Тувы, причем среди них преобладают небольшие. Очень часто немногочисленные, а иногда и одиночные курганы рассеяны или расположены компактными группами в непосредственной близости от могильников скифского или более ранних периодов, как бы образуя их продолжение или дополнение. Определенной системы в размещении курганов обычно не прослеживается, однако иногда они составляют сравнительно правильные цепочки, часто как бы пристраиваясь непосредственно друг к другу. Последнее наиболее характерно для больших могильников, состоящих как из отдельных курганов, так и из различных по конфигурации групп слившихся насыпей, достигающих значительных размеров. В могильнике Кокэль в таких курганах-кладбищах насчитывается от пяти погребений до 141 [Дьяконова В. П., 1970а. С. 83]. Одни могилы бывают нарушены другими, что, по-видимому, свидетельствует о длительности периода захоронения.

Одну из специфических особенностей шурмакской культуры составляют погребальные и поминальные сооружения, часто образующие единые комплексы. Современный облик многих курганов не соответствует первоначальному не только ввиду развала камней, но главным образом из-за нескольких последовательно пристраивавшихся в их пределах компонентов. Повсеместно наблюдаются различия в конструкции наземных частей этих сооружений, в особенности поминальных, а также внутримогильных устройств. Наиболее многообразны сооружения, включающие в себя погребальные и поминальные компоненты.

Погребальные сооружения по внешним признакам могут быть разделены на семь типов. 1. Округлые каменные курганы и выкладки, нередко имеющие правильные очертания. Под ними расположена одна или, реже, две, три, четыре могилы. Иногда насыпь представляет собой кольцевидное сооружение, внутреннее пространство которого заложено камнями. Могилы весьма разнообразны по конструкции: ямы без внутримогильных устройств; ямы, в которых погребенный перекрыт деревянной доской или ветками; ямы, в которых погребенный уложен на доски и часто перекрыт ими же; ямы, стенки которых обложены камнями или плитами; ямы с камнями около углов, на которые опиралось перекрытие из досок; дощатые гробы, иногда обставленные плитами; прямоугольные дощатые камеры-ящики (преимущественно с парными и, возможно, семейными захоронениями); срубовидные камеры из тонких бревен или жердей; каменные ящики из небольших плит. Помимо этого, имеются немногочисленные погребения на древнем горизонте и в ямах с подбоем, вход в который заложено жердями и камнями. В некоторых курганах в одной яме размещено несколько захоронений

в одинаковых или разных внутримогильных устройствах. Имеются случаи, когда это сопровождается усложнением конструкции: так, три погребения в гробах в могильнике Кокэль (курган 32) были снабжены общим перекрытием из бревен, опиравшихся на четыре столба [Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П., 1966. С. 222—225]. Когда под курганом несколько могил, они нередко бывают разного устройства и ориентированы в разных направлениях; иногда одна из них частично нарушает верхние части других (Бай-Даг II, курган 20; Новый Чаа-Холь III, курган 7). В некоторых курганах около могилы или в ее засыпи имеются вкопанные глиняные горшки, нередко в небольших квадратных ящичках из плит; в других на периферии насыпи встречаются отдельные обломки керамики или зольные пятна. Все эти дополнения носят явно поминальный характер и отражают ритуальные действия, совершавшиеся непосредственно после захоронения тела умершего. Курганы данного типа наиболее многочисленны; преобладающие варианты могил в них — грунтовые ямы и гробы, примерно в равных количествах.

2. Прямоугольные (иногда квадратные) курганы и выкладки, под которыми находится от одной до четырех различных могил: грунтовые ямы без внутримогильных устройств; ямы, в которых погребенные лежат на досках; дощатые гробы, обложенные камнями; каменные ящички.

3. Овальные выкладки, под которыми расположена одна могила — грунтовая яма. Их очень мало.

4. Кольцевидные каменные ограды, внутри которых расположена одна могила (иногда имеющая на поверхности аморфную выкладку). В них встречаются преимущественно грунтовые ямы, а также гробы и каменные ящички.

5. Небольшие вытянутые каменные выкладки неправильных очертаний, расположенные в основном или целиком над могилами; они обычно сильно разрушены, и часть камней смещена. Под ними встречаются могилы почти всех вариантов, известных в курганах. В одном случае над захоронением на дне грунтовой ямы имелось перекрытие из жердей, опиравшееся на четыре столба (Аймырлыг VIII, могила 9).

6. Какой облик имели наземные сооружения над отдельными могилами в больших курганах-кладбищах, достоверно не установлено: предполагается, что они были округлыми или прямоугольными [Дьяконова В. П., 1970б. С. 193]. Могилы тут почти всех вариантов, известных в обособленных курганах, за исключением ям с дощатым перекрытием, опирающимся на угловые камни, имеются перекрытия на четырех столбах. Многочисленны случаи использования веток и жердей, из которых иногда состоят стенки подобия гробов или камер. Количественно преобладают погребения в гробах, второе место занимают захоронения на досках, перекрытые ими же. В большинстве исследованных курганов-кладбищ вблизи могил имеются остатки кострищ, изредка с глиняным сосудом, иногда отдельные металлические предметы и обломки керамики, а также вертикально установленные вытянутые камни или несколько камней, составляющих ряд. Около этих камней также встречаются обломки керамики и другие предметы.

7. Могилы без наземных признаков, обычно выявляющиеся по небольшой впадине. Возможно, над ними некогда имелись низкие земляные насыпи. Захоронения здесь обычно совершены в гробах, в ямах на ветках и перекрыты досками.

Поминальные сооружения разделяются на три типа. 1. Округлые курганы, под центральной частью которых находится вкопанный в грунт глиняный сосуд, нередко окруженный небольшим квадратным ящичком из плит. Иногда сосуд сочетается с зольно-угольным пятном. Такие пятна, а также обломки керамики, кости животных и очень редко — отдельные предметы встречаются на периферии насыпей.

2. Округлые курганы, под которыми посередине находится округлая, овальная или четырехугольная четкая выкладка с вкопанным в грунт глиняным сосудом в центральной части. Изредка в центре — лишь зольно-угольное пятно; иногда в пределах выкладки, кроме сосуда, имеется квадратный ящичек из плит с золой и углем на дне, или же зола и уголь обнаруживаются под пристройкой прямоугольных очертаний.

3. Прямоугольные выкладки, под краем или углом которых находится вкопанный в грунт глиняный горшок; такая выкладка бывает окружена прямоугольной оградой (Каат-Хавак II; Куран II).

Погребально-поминальные сооружения могут быть разделены на две группы лишь условно, так как многие варианты их не повторяются. А. Округлые курганы, под средней частью которых находится круглая, прямоугольная или более сложная выкладка с вкопанным в грунт сосудом в центре, а на периферии — одна или две могилы: ямы без каких-либо устройств; ямы с обложенными камнями стенками; гробы, иногда обставленные плитами; колоды и подбой, в котором помещена колода. Известен случай, когда прямоугольная выкладка перекрывала могилу (Бай-Даг V, курган 1). Б. Овальные курганы, под средней частью которых находится круглая, овальная или прямоугольная выкладка с вкопанным в грунт сосудом в центре; изредка в состав выкладки входит наземная погребальная камера или к ней примыкает пристройка, перекрывающая зольно-угольное пятно. На периферии расположены одна или две могилы, изредка, кроме того, еще одна или две выкладки разной формы с вкопанными сосудами. Сочетания разных компонентов тут сильно варьируют и обычно не повторяются. Могилы различны: ямы без каких-либо устройств; ямы с обложенными камнями стенками; гробы; каменные ящички и подбой.

Большинство погребений в могилах почти всех вариантов одиночные, но есть некоторое количество парных и коллективных. Среди парных преобладают разнополые в одном внутримогильном устройстве (яма; гроб; на досках, иногда перекрытые ими же; изредка — в жердевой камере) или в отдельных (как правило, оба в гробах, но иногда мужчины в колодах; табл. 80, 4). Однополых меньше — это в основном двое мужчин в отдельных внутримогильных устройствах (почти исключительно — гробы). Очень редки погребения двух женщин (в отдельных гробах). Немногочисленны и захоронения женщины с ребенком, а также женщины или мужчины с двумя детьми (в гробовидных камерах). Иные коллективные погребения

бения очень редки: три ребенка в яме; двое мужчин и ребенок на досках; трое мужчин в отдельных гробах; четверо мужчин в одной дощатой камере; пятеро взрослых и детей в очень неглубокой яме; двое взрослых в колодах и трое детей рядом, прямо на дне ямы; двое мужчин, женщина и трое детей (последние на скелетах взрослых). Погребенные, за редкими исключениями, лежат на спине в вытянутом положении; иногда одна или обе руки согнуты, и кисти их находятся в области таза. Очень редко встречается положение на боку с согнутыми руками и ногами (во всех известных случаях это скелеты женщин и детей), а также на спине с поднятыми коленями. Ориентировка погребенных очень сильно варьирует, но заметно преобладает северо-западная, северная и западная; в парных захоронениях скелеты иногда обращены черепами в противоположные стороны. Какой-либо зависимости между вариантами могил и ориентировкой не прослеживается.

Как правило, в могилах имеется сопровождающий инвентарь. Состав и число входящих в него предметов различны. Представлены орудия труда, связанные с повседневной деятельностью; редкие предметы конского снаряжения; оружие; изделия, относящиеся к одежде, головным уборам и обуви; предметы бытового назначения; украшения; глиняная, деревянная, бронзовая и железная посуда. Встречаются также предметы, имевшие, очевидно, культовый характер.

Погребенных почти всегда сопровождают остатки мясной пищи — кости овцы: обычно это стегно или ножка (изредка — несколько), лежащие у ног скелета или вблизи черепа, реже встречаются позвонки, ребра или крестец, находящиеся в головной части могилы, и черепа — у ног, внутри или вне внутримогильного сооружения. Иногда около ног помещены черепа лошадей. В глиняных сосудах была жидкая или полужидкая пища. Нередко в могилах встречается просо.

Орудия труда. Орудия труда представлены в могилах почти исключительно ножами и шильями, причем шилья редки. При скелете часто имеется несколько ножей, лежащих вместе или в разных местах, что, возможно, указывает на их разное назначение.

Ножи подразделяются на три типа: без выделенной рукоятки, с кольцевидным завершением и прямой спинкой; с выделенной (более тонкой) рукояткой, небольшим кольцевидным завершением и обычно прямой (иногда вогнутой) спинкой; черешковые, как правило, с четко выгнутой спинкой, снабженные деревянной или, изредка, костяной рукояткой (табл. 81, 45в, 45г, 47, 52, 68). Во всяком случае часть ножей носили в деревянных ножнах, иногда украшенных росписью красной краской или резным орнаментом.

Шилья — все стержневидные, круглые в сечении, обычно с деревянной насадной рукояткой (табл. 81, 45б, 46). Иногда им сопутствуют каменные точила и бритвы (?) (табл. 81, 19, 45а). К орудиям труда можно отнести также деревянные мутовки (и их уменьшенные модели), встречающиеся в больших могильниках (табл. 83, 3). В погребениях женщин нередко дисковидные каменные и керамические пряслица (табл. 81, 19—21).

Вооружение и конское снаряжение. Оружие имеется во многих погребениях, особенно в больших могильниках. Наряду с полноразмерными предметами часто встречаются их уменьшенные воспроизведения и модели (табл. 82, 25, 26, 29, 30). Полный комплект воина, по-видимому, состоял из меча, кинжала, копья, лука и колчана со стрелами, но целиком этот набор представлен очень редко. Мечи известны в очень небольшом количестве. Уменьшенные воспроизведения их — это ножевидные предметы с кольцевидным завершением или фигурной деревянной рукояткой, помещавшиеся в деревянных воспроизведениях ножен, варьирующих по форме и декоративному оформлению. Некоторые из них сходны с ножнами, распространенными в сарматских памятниках. Модели не имеют металлических частей и полностью деревянные. Среди них немало схематичных и даже чисто условных. Кинжалы также относятся к весьма редким предметам. Копья встречаются значительно чаще. От них обычно сохраняются лишь наконечники. Они все втульчатые, боевая часть, как правило, выделенная (табл. 82, 27, 28), разных форм, но чаще всего сходная с листовидной. Есть экземпляры, у которых боевая часть близка к треугольной или ножевидной (с параллельными краями). Часто встречаются наконечники уменьшенных размеров, возможно, принадлежавшие дротикам (табл. 82, 24).

Луки были сложными, так называемого гуннского типа (длина 1,3—1,5 м), с роговыми накладками: две пары концевых и три срединные (в том числе одна — с лопаточковидными окончаниями). Во многих могилах они заменены деревянными моделями различной величины и тщательности изготовления, часто раскрашенными черной и красной краской. Стрелы изготавливали из дерева (обычно из березы или ивы). Длина их достигала 0,7 м. В нижнем, утолщенном, конце имелся вырез для тетивы, а выше его — иногда два пояса, нанесенных красной краской. Оперения, по-видимому, не было (табл. 82, 67—69, 71, 73). Многие стрелы снабжены костяными бочонковидными свистунками (табл. 82, 53, 65).

Многочисленны и разнообразны наконечники стрел. Среди них преобладают железные, но изредка встречаются бронзовые и костяные. В некоторые колчаные наборы входили и цельнодеревянные стрелы. Все бронзовые наконечники стрел черешковые и относятся к двум типам: с ромбической или с ярусной головкой. В одном случае использован более ранний втульчатый двуперый листовидный наконечник (Кокзаль II, могила XII) [Дьяконова В. П., 1970а. С. 93. Табл. III, 33]. Железные наконечники также все черешковые и распадаются на 10 основных типов: трехперые со сводчатой головкой, плавно переходящей в вытянутую шейку, завершающуюся уступом; трехлопастные с ромбической головкой, имеющей симметричные треугольные перья (линия перелома профиля проходит посередине), варьирующие в размерах и пропорциях: трехлопастные с ромбической головкой, имеющей несимметричные треугольные перья (линия перегиба профиля проходит в верхней трети), представленные несколькими вариантами (с прямым, выпуклым и вогнутым верхним краем); трехлопастные с листовидной головкой; трехлопастные с шестиугольной головкой (лопасти трапециевидные): трехлопастные ярусные, представленные

двумя вариантами (с выемкой в нижней половине сводчатой ударной части или без нее); уплощенные (иногда овальные и квадратные в сечении) прямоугольные с закругленным верхним краем; плоские лопаточковидные, иногда очень небольшие; плоские ромбические; плоские листовидные; шиловидные овальные и ромбические в сечении (табл. 82, 35—64, 66). Цельнодеревянные стрелы, происходящие преимущественно из больших могильников, обычно имеют у верхнего конца цилиндрическое или усеченно-коническое утолщение, завершающееся заостренным треугольным или округлым выступом. Иногда утолщение расположено сравнительно низко от заостренного конца и представляет собой воспроизведение свистунка (табл. 82, 67—69).

От колчанов сохранились, как правило, лишь донца — деревянные диски с выемками для крепления. Устройство их неясно. Во всяком случае часть из них изготовлена из бересты. Колчаны подвешивались к поясам с помощью небольших железных крючков.

Защитные доспехи в могилах почти не встречаются, за исключением крайне редких пластинок с отверстиями — вероятно, остатков панцирей.

Конское снаряжение известно по весьма немногочисленным железным удилам и их уменьшенным воспроизведениям. Они все кольчатые, преобладают двусоставные, но имеются также четырехвыемчатые с витой стержневой частью. Некоторые из кольчатых удили снабжены подвижными дополнительными кольцами. Псалли — преимущественно железные пропеллеровидные с овально-листовидными или трапециевидными «лопастями». Единичные пластинчатые предметы, возможно, служили налобниками (табл. 82, 18, 19).

Одежда, пряжки, предметы бытового назначения и туалета. От одежды в могилах обычно сохраняются лишь незначительные остатки кожи, шерстяных и изредка — шелковых тканей. Относительно полно одежда восстановлена лишь в одном случае (Кара-Даш, курган 1). Погребенный мужчина был одет в кожаный халат, на голове носил кожаную шапку с боковыми клапанами, а на ногах — низкие кожаные сапоги с завязанными у щиколоток ремешками [Кызласов Л. Р., 1979, С. 111]. Остатки аналогичных сапог обнаружены и в других памятниках. Стяжные ремешки иногда снабжались железными пряжками. От поясов — кожаных и шерстяных, вероятно, плетеных — сохранились лишь обрывки. В большинстве случаев при погребенных встречается несколько пряжек, одинаковых или разных, что указывает на существование поясов. Пряжки почти всегда железные устойчивых типов: прямоугольные, трапециевидные, овальные (замкнутые и незамкнутые) и лировидные с крючком на переднем конце, часто снабженные вытянутым узким щитком; кольцевидные, овальные, четырехугольные, трапециевидные и лировидные с подвижным язычком, часто имеющие щиток варьирующей формы (табл. 81, 14—16, 29). Широко были распространены кольца, служившие пряжками, составными частями поясов и подвесов на цепочках и витых звеньев с кольцевидными окончаниями (табл. 82, 20, 22). Весьма редки бронзовые и костяные пряжки с крючком. Большинство бронзовых — небольшие фигурные; костяных — трапециевидные с

выемкой посредине. С поясами связаны некоторые металлические и костяные подвески и пластинки, игравшие декоративную роль, и небольшие крючки, на которых подвешивались разные предметы.

Предметы бытового назначения в наибольшем числе представлены в больших могильниках. Часто погребенных сопровождают приборы для добывания огня, состоящие из деревянной дощечки с круглыми лунками и веретенообразного стержня. Их, вероятно, хранили в кожаных сумочках. При скелетах женщин иногда имеются небольшие трапециевидные или прямоугольные костяные гребни (табл. 81, 30, 31). Чаще встречаются своеобразные наборы, включающие миниатюрные шилья, ножички разной формы и предметы, сходные со скребками. Их обычно принято считать моделями соответствующих орудий труда, но, возможно, в них следует видеть специальные туалетные принадлежности. В эти наборы часто входят обломки китайских зеркал, иногда снабженных отверстиями для подвешивания, а также гребни. Помещаются все эти предметы обычно в деревянных прямоугольных шкатулках или пеналах (табл. 81, 1, 45).

Украшения. Украшения составляют сравнительно небольшую часть сопровождающего инвентаря. Изделия из золота, притом простейших форм, встречаются очень редко. Ассортимент украшений ограничен. Для декоративного оформления головных уборов, а иногда и одежды часто использовались небольшие круглые бляхи с отверстием в центре, изготовлявшиеся из железа, бронзы, кости и раковин. Изредка встречаются бронзовые бляхи более сложной формы. Есть бляшки, изготовленные из листового золота, округлые, овальные, прямоугольные и ромбовидные, часто снабженные геометрическим орнаментом из точечных вдавлений (обычно это радиальные линии). В разных могильниках найдены подвески в виде схематизированного изображения птицы с распростертыми крыльями (табл. 78, 9, 10). Найдены бронзовые подвески в виде миниатюрного «скифского» котла (табл. 81, 8, 9).

К группе личных украшений принадлежат серьги, гривны и бусы. Серьги разделяются на три типа: простейшие кольцевидные (с находящимися друг на друга концами и несомкнутые), иногда снабженные листовидной золотой подвеской; спиралевидные из узкой золотой полоски; пластинчатые из листового золота, овальные и прямоугольные с тонким крючком на верхнем конце, часто с геометрическим орнаментом из точечных вдавлений. Гривны все небольшие (диаметр самой крупной 15 см), в виде узкой, обычно витой полоски из листового золота с отверстиями для привязывания у концов. Бусы относительно немногочисленны и преимущественно простых форм: каменные — из сердолика (шаровидные и граненые) и известняка (в основном цилиндрические) — и стеклянные синие и голубые (шаровидные, реповидные и бочонковидные, кубические). Иногда вместе с ними встречаются бронзовые колечки и пронизки, а также раковины каури и зубы марала (табл. 81, 5—7).

Керамика и деревянная посуда. Для памятников шурмакской культуры характерно обилие глиняной посуды, а в больших могильниках — и деревянной

Отчетливо выделяется несколько выработанных форм той и другой, носящих специфический характер и четко отличающихся от посуды из погребений уюкской культуры и сюнну. Устойчиво повторяются варианты своеобразной орнаментации, часто геометрического характера.

Вся глиняная посуда изготовлена вручную. Обжиг неравномерный. Поверхность обычно темно-серая, заглаженная или залощенная. Выделяются четыре основные формы сосудов: вазообразные, горшки, котловидные и кружки. Кружки редки. Котловидные сосуды найдены почти только в больших могильниках. Вазообразные сосуды относительно единообразны и наиболее крупны. Они имеют яйцевидное тулово, невысокую, сравнительно узкую горловину и простой отогнутый, скошенный наружу край. На переходе от тулова к горловине, как правило, имеется от одного до трех валиков или желобков; на верхней части тулова обычно расположен арочный, лопастный или лопастно-арочный рельефный или резной орнамент. Иногда резной орнамент дополняется небольшими округлыми выпуклостями или ямками. Эти сосуды, вероятно, имеют истоки в сходной форме уюкской культуры (табл. 79, 8, 9). Горшки более разнообразны. Часть из них близка вазообразным сосудам, но отличается от них меньшими размерами, более низкой и широкой горловиной. У большинства из них имеются две пары треугольных выступов по краю венчика (табл. 79, 1, 2). Орнамент такой же, однако нередко более простой. Здесь чаще встречаются выпуклости и ямки, ряды которых иногда составляют единственный декор. Найдены горшки, близкие к баночным: у них тулово приближается к усеченноконическому, горловина широкая, резко отогнутая. Котловидные сосуды воспроизводят в миниатюре и в разных вариантах бронзовые котлы скифского и более позднего времени. Они имеют сферическое, варьирующее по конфигурации тулово, пару противоположных вертикальных ручек и полый поддон. Ручки часто снабжены тремя или более выступами, изредка они, а также отверстия в них имеют прямоугольную форму, что указывает на подражание котлам гуннского типа. Орнамент, в частности арочный, очень редок (табл. 79, 5). Кружки, хотя и многочисленны, но различны по облику: высокие, близкие к кувшинам, с бочковидным туловом и ручкой посередине; низкие с горшковидным туловом. Единичными находками представлены другие формы керамики: миски, миниатюрные горшки и детские поильники.

Деревянная посуда (частично — в уменьшенных моделях), весьма разнообразная по формам и функциям, по-видимому, в быту дополняла глиняную. В погребениях часты овальные и четырехугольные блюда-столики на четырех ножках, округлые низкие миски-тарелки, чашки (с ручкой и без нее), лежащие бочонки с боковыми опорными кольцами и пробкой и различные небольшие сосуды, сходные с кружками, стаканами, кувшинчиками и чайниками (табл. 83, 1, 5—8). Найдены также черпаки, ковши, мутовки и ложки (табл. 83, 2—4). На блюдах и тарелках иногда лежали кости овцы.

Некоторые деревянные сосуды украшены расписным геометрическим орнаментом, выполненным черной и красной краской.

В больших могильниках встречаются, но очень редко, бронзовые уменьшенные воспроизведения котлов скифского и гуннского типов. Один из котлов скифского типа имеет в полом поддоне трапециевидные вырезы. Более часты небольшие железные сосуды, известные только в материалах шурмакской культуры. Небольшие чаши с двумя вертикальными ручками обычно снабжены коническим полым поддоном с вырезами или тремя ножками. Кубковидные сосуды также на полом поддоне. Край многих из них имеет зубчатый характер. Назначение этих сосудов не установлено. Не исключен их культовый характер.

ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ. Хозяйственной базой носителей шурмакской культуры было кочевое скотоводство. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует обилие остатков мясной пищи в погребениях. Состав их достаточно отчетливо указывает на преобладание овцеводства, хотя, несомненно, разводили также коз, лошадей и крупный рогатый скот (удельный вес последнего неясен). Косвенные данные, прежде всего характерный для всадников состав вооружения, говорят о большом значении коневодства.

Преобладание мелкого рогатого скота, специфика бытовой утвари и отсутствие в погребениях срубов позволили предположить, что для рассматриваемого времени характерна большая подвижность населения, чем в скифский период, и что произошел переход от полукочевого образа жизни к кочевому (Вайнштейн С. И., 1964, С. 39). Однако прямых и бесспорных свидетельств этого процесса как общего явления пока не имеется. Следует учитывать и другие факты: расположение курганов около могильников предшествующих периодов, что указывает на использование традиционных мест зимовок; характер естественно-географических условий Тувы, не везде благоприятствующих круглогодичному кочеванию, и др. Вопрос подлежит дальнейшему исследованию.

Редкие находки зерен проса и других злаков в могилах позволяют предполагать, что в известных масштабах практиковалось земледелие. В условиях несомненно ведущей роли скотоводства посевы могли производиться главным образом вблизи мест зимовок, где для их охраны должна была оставаться какая-то часть кочующей группы. Толчок к земледелию, вероятно, дала политика сюнну, стремившихся развивать его на подвластной территории ради обеспечения экономической независимости.

Обилие железных изделий предполагает развитые рудодобычу и металлургию. Вероятно, к этому периоду относится значительная часть выработки железа и плавильных горнов, хотя датировке поддаются лишь немногие из них. Формы организации этой специализированной отрасли хозяйственной деятельности неясны. Единообразие некоторых категорий изделий, в особенности оружия, позволяет судить об известной централизации их изготовления. Возможно, существовали также локальные центры гончарного производства, продукция которых выделялась относительно высоким качеством и богатством орнаментации.

В рамках домашнего производства изготавливалось большинство предметов быта. Особое развитие в это время получает обработка дерева. По разнообразным

изделиям можно проследить выработанные технические приемы и применение наборов специальных инструментов.

Общественный строй населения Тувы характеризовался усилением процесса разложения первобытнообщинных отношений. Этому способствовали временное подчинение государству сюнну и появление новых этнических групп — факторы, неизбежно воздействующие как на положение рядового населения, так и на состав и роль господствующей верхушки. В процессе формирования шурмакской культуры традиционная структура подверглась частичным изменениям, что отражено в исчезновении коллективных погребений.

В могильниках прослеживается более четкое, чем в скифский период, разделение погребений на отно-

сительно богатые и бедные. Первые выделяются обилием и разнообразием предметов, а также изделиями из драгоценных металлов. Вместе с тем большие курганы-кладбища свидетельствуют о прочности родовых связей.

Значительную роль, по-видимому, играла военная организация: о частых столкновениях с какими-то соседями или более отдаленными племенами говорят обилие скелетов со следами типичных повреждений, нередкие случаи отсутствия черепов, кенотафы. В этом же плане может быть истолкована во всяком случае часть поминальных сооружений. Оружие обычно в погребениях мужчин, но состав его варьирует, что позволяет предполагать существование нескольких категорий воинов, занимавших, вероятно, разное место в общественной структуре.

Глава вторая

Минусинская котловина

Тагарская культура

Памятники тагарской культуры — курганы и вещи из них, в основном бронзовые, известны в литературе по крайней мере с XVIII в., со времени Г. Ф. Миллера, который опубликовал некоторые из них в своей книге «История Сибири». Вещи эти происходили исключительно из грабительских раскопок и случайных находок. Первые научные раскопки тагарских курганов были проведены Д. Г. Мессершмидтом в 1722 г. [Радлов В. В., 1888. С. 12, 13], а затем Г. Ф. Миллером и И. Г. Гmeliном в 1739 г. Во второй половине XIX в. тагарские курганы раскапывали В. В. Радлов, А. В. Адрианов, Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский, П. С. Проскуряков. Наиболее значительные раскопки проведены А. В. Адриановым.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в 20—30-х годах, значительные раскопки тагарских курганов были проведены С. А. Теплоуховым, С. В. Киселевым, В. П. Левашевой. Но наиболее интенсивные исследования начинаются с 50-х годов работами А. Н. Липского, С. В. Киселева. Красноярской экспедиции под руководством М. П. Грязнова (М. П. Грязнов, М. П. Завитухина, М. П. Пшеницына, Я. А. Шер, Д. Г. Савинов, Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максименков и др.), а также Н. Л. Членовой, Р. В. Николаева, А. И. Мартынова, Э. А. Севастьяновой и др.

Еще в 20-е годы на основе материала, полученного в дореволюционные годы и из собственных раскопок, С. А. Теплоухов [1927; 1929] выделил тагарскую культуру, назвав ее минусинской курганной. В 1929 г. С. В. Киселев [1929] предложил назвать эту культуру тагарской по курганам близ Тагарского острова на Енисее (против г. Минусинск) и Тагарского озера к югу от Минусинска, раскопанным А. В. Адриановым. С 60-х годов XX в. всеми исследователями принято название «тагарская культура».

Тагарская культура распространена в южной части Красноярского края, т. е. в Минусинской котловине и прилегающей северо-восточной части Кемеровской обл., в пределах степной и лесостепной зон в бассейне Енисея и его притоков Абакана, Тубы, Сыды, Ербы и других и в бассейне Чулыма и его притока Урюпа (карта 11). Наиболее северные тагарские курганы известны на р. Чулым, южнее г. Ачинск, западной границей служат предгорья Кузнецкого Алатау и Абаканского хребта, южной — предгорья Джойского хребта и Западного Саяна. Наиболее восточные тагарские памятники известны на правобережье Енисея, у сел Верхний Суэтук и Кочергино на р. Туба, у сел Уджей и Кошь на р. Амыл и у д. Брагина. Особый район тагарской культуры — небольшой участок лесостепи по Енисею близ Красноярска. Исследована тагарская культу-

ра, вероятно, лучше всех других древних культур Сибири, благодаря 1 тыс. раскопанных курганов и случайным находкам тагарских бронз (найжены в основном при пахоте и других земляных работах), которых насчитывается более 6 тыс. Другие тагарские памятники известны значительно хуже: около 30 поселений и не менее 30 достоверно тагарских рудников, четыре клада бронзовых вещей, несколько каналов. Наконец, в Минусинской котловине открыто много тагарских наскальных рисунков (писаниц). Все эти памятники представляют солидную основу для установления хронологии тагарской культуры, изучения хозяйства и быта оставившего его населения и суждения о его социальном строе (карта 11).

Первая периодизация тагарской культуры была создана в 1929 г. С. А. Теплоуховым, который выделил в ней четыре этапа. В основу периодизации положено изменение типов погребальных сооружений: постепенное увеличение размеров курганных насыпей и уменьшение числа курганов в могильнике, изменение конструкции сооружений и обряда. Могильный инвентарь каждого этапа описан им лишь вкратце. Первый этап С. А. Теплоухов не датировал, второй датировал VI в. до н. э., третий — последними веками до нашей эры, четвертый — началом нашей эры. К четвертому этапу С. А. Теплоухов [1929] относил курганы с железными вещами и гипсовыми масками.

Последователем С. А. Теплоухова был М. П. Грязнов. Он работал над уточнением периодизации, подразделив тагарскую культуру на четыре этапа: баиновский (VII—VI вв. до н. э.), подгорновский (VI—V вв. до н. э.), сарагашенский (IV—III вв. до н. э.) и тесинский (II—I вв. до н. э.). Последний, тесинский этап — переходный от тагарской к таштыкской культуре, инвентарь его содержит как тагарские вещи, так и таштыкские. В основе периодизации М. П. Грязнова лежит изменение типов погребальных сооружений, обряда и погребального инвентаря. Периодизация М. П. Грязнова была изложена им в 1950 г. в рукописи «Минусинская курганная культура», однако увидела свет лишь в 1968 г. в сокращенном варианте [Грязнов М. П., 1968. С. 186 и след.].

Другая периодизация памятников тагарской культуры создана С. В. Киселевым. В основу ее также положены изменения погребальных сооружений, обряда и инвентаря курганов. Но изменения погребального инвентаря играют в его периодизации более важную роль, чем изменения погребальных сооружений. С. В. Киселев [1949. С. 115] впервые применил для периодизации тагарской культуры статистику совместных находок кинжалов и чеканов при раскопках погребений. В его периодизации тагарская

культура подразделяется на три стадии: I — VII—V вв. до н. э.; II — V—III вв. до н. э.; III — III—I вв. до н. э. (Стадия I С. В. Киселева соответствует байновскому и подгорновскому этапам М. П. Грязнова, II — сарагашенскому, III — тесинскому.) Для стадии I, по С. В. Киселеву, характерны индивидуальные погребения в ящиках и невысоких срубах под небольшими земляными насыпями эллиптической формы. Покойники часто сопровождаются оружием обычных размеров — кинжалами, чеканами, наконечниками стрел, а также сосудами с орнаментом и украшениями. Для стадии II характерны коллективные погребения в высоких срубах под более высокими насыпями вытянутой формы. Оружие и другие предметы погребального инвентаря (кроме сосудов и украшений) заменяются их уменьшенными, а затем и миниатюрными изображениями. Для стадии III характерны коллективные погребения — 10—20, а то и до 100 человек. Появляется обычай сжигания камеры после заполнения ее определенным количеством трупов. Инвентарь по-прежнему миниатюрный, причем наряду с бронзовыми впервые появляются и железные вещи. Курганные насыпи достигают крупных размеров [Киселев С. В., 1949. С. 114—146, 152—156].

Наконец, третья периодизация для первой половины тагарской эпохи (VII—V вв. до н. э.) разработана Н. Л. Членовой. Она основана на корреляции взаимовстречаемости оружия (кинжалов, чеканов, боевых топоров, секир и наконечников стрел) и ножей из тагарских курганов как вещей, наиболее быстро изменяющихся. Корреляционная таблица позволила разделить инвентарь раннетагарской эпохи на последовательные хронологические группы, из которых каждая была приблизительно 100 лет — в VII, VI и V вв. до н. э. Абсолютные даты групп определялись по аналогиям из Причерноморья и Поволжья — районов с довольно хорошо разработанной хронологией. Даты для групп и отдельных предметов V и V—IV вв. до н. э. в основном определялись по аналогии из Башадарских и Пазырыкских курганов Горного Алтая, датированных радиоуглеродным методом и на основании ахеменидских и классических параллелей. Хронология памятников IV—III вв. до н. э. пока не разработана детально. Их даты определяются ориентировочно инвентарем, занимающим промежуточное положение между типами V в. до н. э. и типами «смешанного или переходного тагаро-таштыкского» времени (по М. П. Грязнову, тесинского этапа) III—I вв. до н. э.; эта дата обоснована восточным импортом и гуннскими типами вещей.

И С. А. Теплоухов, и М. П. Грязнов считали тагарскую культуру автохтонной, генетически связанной с предшествующей ей карасукской культурой. Все изменения в погребальном обряде и инвентаре тагарской культуры они объясняли местным развитием, отрицая значительные переселения в Минусинскую котловину людей из соседних и отдаленных районов [М. П. Грязнов, 1968. С. 187—194].

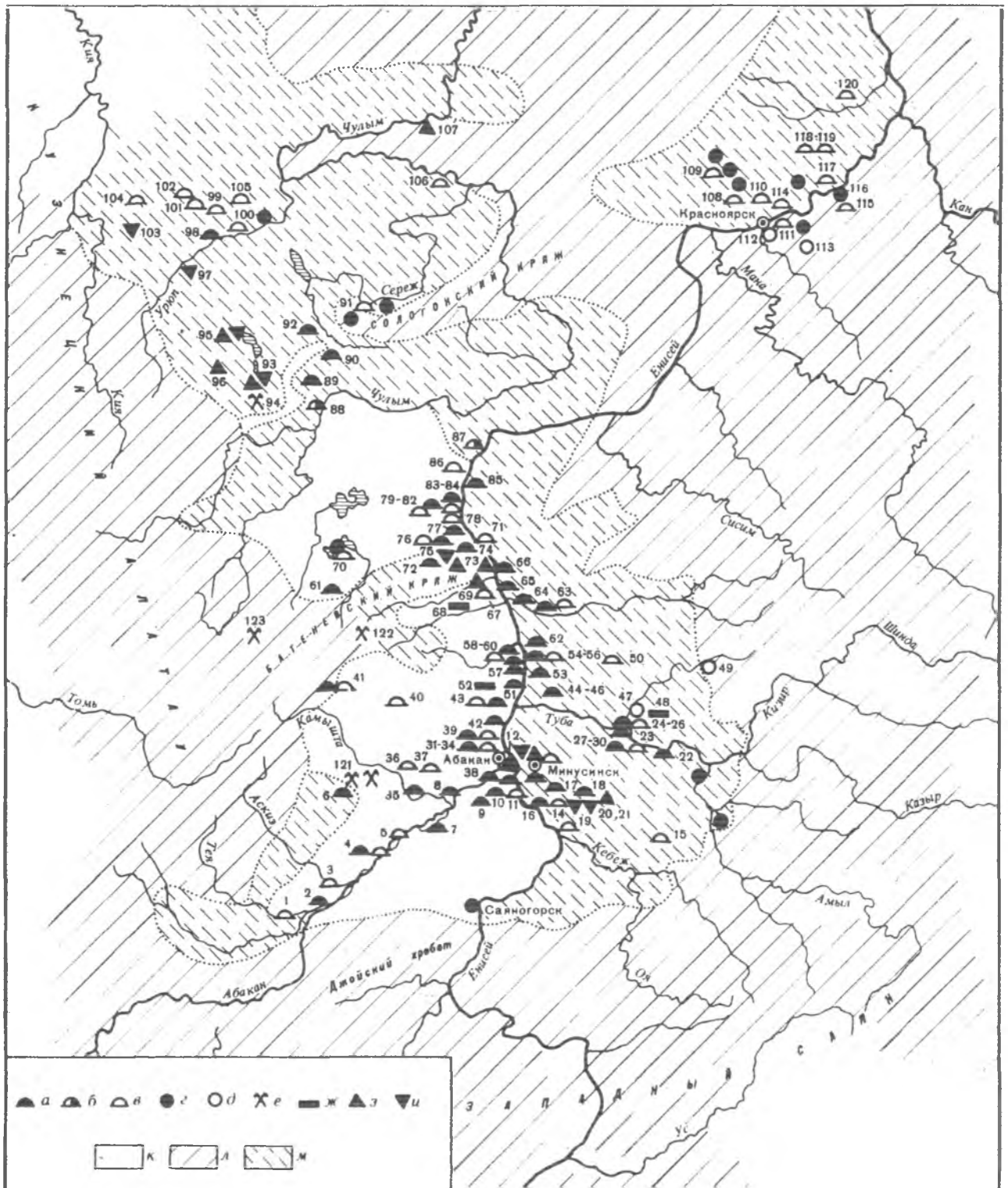
В коллективной монографии М. П. Грязнова, М. П. Завитухиной, М. Н. Комаровой, С. С. Миняева, М. Н. Пшеницыной и Ю. С. Худякова «Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее» [1979] представлено несколько разновремен-

ных памятников, перекрывающих друг друга (в частности, несколько тагарских погребальных сооружений перекрыто таштыкскими и еще более поздними). По мысли авторов [1979. С. 160, 161], этот комплекс должен подкрепить схему С. А. Теплоухова — М. П. Грязнова и доказать непрерывное эволюционное развитие всех культур Минусинской котловины на протяжении двух тысяч лет от андроновской эпохи до позднего средневековья, без каких бы то ни было перерывов и смены населения.

Н. Л. Членова [1973] считает, что тагарская культура — результат смешения местных и пришлых компонентов. Местными компонентами явились культуры лугавская (происходящая, видимо, из местного неолита, синхронная карасукской и заимствовавшая из нее ряд элементов, но сохранившая свою керамику и орнаменты и частично — погребальный обряд) и андроновско-федоровская, которая в Минусинской котловине и пограничных с ней более западных районах существовала вплоть до VIII—VII вв. до н. э. Смешение этих культур и дало основу тагарской культуры, возникшей в VII в. до н. э., люди которой развивали и карасукское бронзолитейное дело.

Дискусионен вопрос о локальных различиях в тагарской культуре. По мнению Н. Л. Членовой, в эпоху сложения тагарской культуры, в VIII—VII и в VII в. до н. э., можно выделить некоторые локальные группы тагарских памятников, различающиеся по форме венчика и орнаменту керамики. Это, во-первых, памятники подкунинско-кокоревской группы и смешанной карасукско-тагарской, расположенные в степи; во-вторых, памятники лугавской и байновской групп, расположенные либо близ горнолесных окраин Минусинской котловины, либо в зонах сосновых боров и на боровых песках (бывших борах, ныне вырубленных). В остальном инвентаре и в обряде погребения четко заметные различия между двумя этими группами не прослеживаются (хотя в каждой группе в погребальном обряде наблюдаются различные варианты). Однако уже и в эту эпоху были памятники, сочетающие и «степную», и «лесную» керамику [Членова Н. Л., 1972а. С. 90—131. Табл. 37—49]. Этот процесс смешения различных этнических групп, отчетливо проявляющийся в том, что в одних и тех же памятниках и даже на одном и том же сосуде начинают встречаться степные и лесные элементы орнамента, интенсивно идет в VII в. до н. э., на протяжении которого и складывается единая тагарская культура.

На основной своей территории, в Минусинской котловине, сложившаяся тагарская культура с VII—VI по III в. до н. э. чрезвычайно однородна и единообразна. Локальные варианты в ней могут быть выделены лишь по отдельным, разрозненным признакам, но не по целым их группам. Попытки выделить на основной тагарской территории локальные варианты оказались недостаточно убедительными [Левашева В. П., 1958; Дэвлет М. А., 1966]. Однородность культуры находит полное соответствие в однородности физического типа тагарского населения. А. Г. Козинцев [1977. С. 67], изучивший большие серии тагарских черепов (всего 704 черепа), пришел к выводу, что «географических закономерностей в изменчивости признаков заметить, как правило, не удается. Соседние группы в общем не более сходны между

Карта 11. Памятники тагарской культуры

1 — Федоров улус; 2 — Маткечик; 3 — Бельтыры; 4 — Чартыков разъезд; 5 — Камышта; 6 — Узункул; 7 — Шалигинов улус; 8 — Райков улус; 9 — Асочаков; 10 — Норилков улус; 11 — Самохвал; 12 — Нижняя Согра; 13 — Означенное (Саяногорск); 14 — Думная гора; 15 — Верхний Суэтук; 16 — Кривинское; 17 — станция Минусинск; 18 — Тагарское озеро; 19—21 — Тагарское озеро (стоянки); 22 — Кочергино; 23 — Малая Иня; 24 — Тесь; 25 — Усть-Тесь; 26 — Георгиевская гора; 27 — г. Минусинск, ул. Вокзальная; 28, 29 — Тагарский остров; 30 — Быстрая II; 31 — Абакан; 34 — Абаканская управа; 35 — Кара-Кургэн; 36 — Узун-Оба; 37 — Кызыл-Куль; 38 — Откнин улус; 39 — Аскировка; 40 — Салбык; 41 — Капчалы; 42 — Биджа; 43 — Мохов

улус; 44—46 — Тепсей VII, VIII, IX; 47 — Шалаболино (клад); 48 — Шалаболинская писаница; 49 — Брагина; 50 — Галактиопова; 51 — Оглахты; 52 — Оглахтинские писаницы; 53 — Бузунова; 54—56 — Туран I—III; 57 — Саргов улус; 58 — «Советская Хакасия»; 59 — Кичиг-Кюзюр; 60 — Улуг-Кюзюр; 61 — Туим; 62 — Биря; 63 — Сыда; 64 — Усть-Сыда; 65 — Каменка; 66 — Байкалова; 67 — Малые Копены; 68 — Боярские писаницы; 69 — Страшной лог; 70 — Шира; 71 — Лепешки; 72 — Горькое озеро; 73 — Таштык; 74 — Афанасьева гора; 75 — Лобик; 76 — Подгорное озеро; 77 — Боровков; 78 — Сарагаш (Сарагашенское озеро); 79—82 — Барсучиха I, V, VI, VII; 83, 84 — «левый берег р. Черновой» I, II; 85 — Анаш; 86 — Аёшина; 87 — Заготзерно (Кокорева); 88 — Копьева; 89 — Учум; 90 — Ужур; 91 — Изыкчуль;

собой, чем территориально разобщенные. Не обнаруживается и хронологических закономерностей в распределении сходства между группами».

Итак, представляется, что на всей основной тагарской территории в VII—III вв. до н. э. жило одно и то же население с одной и той же культурой. Почти никаких отличий от тагарской культуры Минусинской котловины не обнаруживают и тагарские памятники, распространенные на северо-востоке Кемеровской обл. [Мартынов А. И., 1972; 1973а; 1973б; 1979; Мартынов А. И., Бобров В. В., 1971; Мартынова Г. С., Покровская Н. Ф., 1979]. Попытка А. И. Мартынова [1979] выделить на этой территории особую «лесостепную тагарскую культуру» недостаточно убедительна. Отличие памятников тагарской культуры Кемеровской обл. от памятников Минусинской котловины заключается только в том, что в первых встречаются бронзовые гривны и две формы керамических сосудов (с боковыми ручками и со сливом), которых нет в курганах Минусинской котловины. Этих незначительных отличий совершенно недостаточно для выделения локального варианта. Все остальное — и обряд погребения, и инвентарь тагарских курганов обеих территорий — совпадает до мельчайших деталей. Физический тип тагарского населения Кемеровской обл. также ничем существенным не отличается от физического типа тагарского населения Минусинской котловины [Дремов В. А., 1973. С. 193, 200—225; Козинцев А. Г., 1977. С. 37].

Единственный четко выделяющийся вариант тагарской культуры — красноярский. В этом районе неизвестны пока раннетагарские памятники, за исключением немногочисленных случайных находок бронзовых вещей. Известны лишь курганы второй половины тагарской эпохи, относящаяся к тому же времени стоянка у с. Есаульское и Караулинская пещера. Керамический комплекс их наряду с типично тагарскими баночными и кубковыми неорнаментированными сосудами содержит баночные и горшководные сосуды и миски с наlepным орнаментом в виде зигзагов, конусов, «рожков», крестов с прочерченными волнистыми и прямыми беспорядочно пересекающимися линиями [Жарцов В. Г., 1929. С. 45. Табл. IV; Максименков Г. А., 1961. С. 311; Николаев Р. В., 1963. Табл. 2, 3, 6, 7; Дэвлет М. А., 1964. Рис. 1; 2]. Довольно своеобразна и бронза Красноярского района. Наряду с обычными тагарскими

типами ножей, кинжалов, кельтов здесь выработаны и местные типы, отличающиеся от минусинских пропорциями и деталями, а главное — богатым геометрическим орнаментом из треугольников, зигзагов и прямых линий. Те же типы распространены и в районе Канска. В районе Красноярска и Канска около 60% бронз приходится на бронзы минусинских типов и около 40% — на бронзы местных типов [Mergart G., 1926; Максименков Г. А., 1961]. К сожалению, черепа из старых тагарских курганов Красноярского района утеряны, а из новых раскопок — малочисленны, и судить о физическом типе населения этого района преждевременно.

ПОСЕЛЕНИЯ. Большинство тагарских поселений открыто в последние годы, и изучение их лишь начинается. Всего девять поселений (из 30) подверглись раскопкам [Абсалямов М. Б., 1976]. Все поселения делятся на постоянные неукрепленные и укрепленные (городища). Встречающиеся в литературе упоминания о временных, сезонных, тагарских поселениях («летниках»), где найдено по нескольку фрагментов керамики и нет культурного слоя [Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979], нельзя считать достоверными: это могут быть остатки распаханых курганов.

Тагарские укрепленные поселения-городища относятся к концу тагарской эпохи. Первый тип городищ — городища-убежища [Киселев С. В., 1949. С. 149, 150; Кызласов Л. Р., 1963. С. 159]. Они обычно округлой формы, укреплены валом и рвом и расположены на равнине. Культурный слой их очень беден или отсутствует. Датируются они по керамике, найденной в незначительном количестве. Среди них назовем городище у с. Усть-Ерба (диаметр около 200 м) и у Боярских писаниц (диаметр около 60 м).

Разновидностью городищ-убежищ является городище Береш II, расположенное у края скалистого обрыва (высота около 40 м) и укрепленное с напольной стороны дугообразным валом (высота до 1 м), сложенным из плит песчаника. Размеры городища 80×40 м. Культурный слой отсутствует, но собранная керамика позволяет датировать городище V—III или IV—III вв. до н. э. [Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979. С. 78, 79].

Второй тип представлен Знаменским городищем. Оно неправильной формы, с напольной стороны защищено валом и рвом. Размеры его 220×100 м. Культурный слой (толщина 0,2—0,3 м) насыщен костями животных (корова, лошадь, овца), керамикой, обломками зернотерок и пестов. Это городище было заселено постоянно. По керамике оно датируется позднеатагарским временем [Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979. С. 79, 80]. Все перечисленные городища исследованы пока только шурфовкой.

Неукрепленные поселения располагаются на первых надпойменных террасах [Абсалямов М. Б., 1976. С. 54], в пойме (Обьюл) или возле озер (Нижний Ошколь, Джоево озеро, Тагарское озеро I, II), т. е. в местах, удобных для земледелия и скотоводства. Площадь поселений колеблется от 2,4 до 8,9 га (не считая сильно разрушенных). Какая-либо тенденция к увеличению или уменьшению площади поселения на протяжении тагарской эпохи как будто не наблюдается. На всех поселениях довольно мощный (обычно 0,3—0,4 м) культурный слой со значительным количеством костей домашних животных (из них около

92 — Орак; 93 — Темра; 94 — Темра; 95 — Береш (поселение и городище); 96 — Парное; 97 — Обьюл; 98 — Пичугино; 99 — Ягуния; 100 — Серебряково; 101 — Большой Барандат; 102 — Убиенка; 103 — Утинское; 104 — Тисуль; 105 — Некрасово; 106 — Назаровское; 107 — Старо-Айдашинское; 108 — Минино; 109 — Емельяново; 110 — Солонцы; 111 — Торгашино; 112 — Торгашинский клад; 113 — Зыковский клад; 114 — Коркино; 115 — Есаульское; 116 — Есаульский клад; 117 — Частоостровское; 118 — Татарская; 119 — Карымская; 120 — Сухобузим; 121 — гора Темир; 122 — Юлия; 123 — Улень; 13 — напротив г. Саяногорск; 27 — 30 — в окрестностях г. Минусинск; 72 — к северу от Батеневского кряжа; 91—VII в. до н. э.; а — курганы VII—VI вв. до н. э.; б — курганы VI—V вв. до н. э.; в — курганы V—III вв. до н. э.; г — нераскопанные курганы; д — клады; е — медные рудники и плавильни; ж — писаницы; з — поселения VII—V вв. до н. э.; и — поселения V—III вв. до н. э.; к — стена; л — тайга; м — лесостепь

40% приходится на кости коровы) [Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979. С. 76] и остатками постоянных жилищ. Представлены прямоугольные полуземлянки и землянки (4×7,6×5 м, глубина 60, 80 и 100 см; Гришкин лог VI и VII). Их стены были укреплены или надстроены кладкой из нескольких рядов плиток над стенками землянки (Гришкин лог VI). Интересно, что конструкция полуземлянок со стенами, сложенными из плитняка, находит полную параллель в конструкции могильных камер, где стенки иногда также укреплены плитками, сложенными горизонтально в несколько рядов (Ужур). Это подтверждает предположение о том, что могильные сооружения — «дома мертвых» — копировали (в уменьшенном виде) дома живых.

Известны и наземные жилища. На поселении Лобик (у с. Батени) стены жилища с пристройками были сложены из плитняка, на Утинском поселении стены шести прямоугольных наземных жилищ (4,5×7 м) сделаны из камня и глины, внутри сохранились глинобитные очаги. При постройке этих жилищ под стены их было закопано по молодому барану. Несомненно, существовали и бревенчатые постройки: полуземлянки и землянки со стенами, укрепленными срубом, и наземные срубные жилища. О первых говорят остатки подобных жилищ на Шестаковском и Тисульском поселениях и многочисленные тагарские могилы со стенками, укрепленными срубом, иногда в несколько венцов. На существование наземных срубных жилищ указывают их изображения на писаницах, найденных на хребте Бояры. На Большой и Малой Боярских писаницах, датированных концом тагарского времени, изображены тагарские поселки из бревенчатых рубленых прямоугольных домов с четырехскатными крышами (табл. 88, 1, 2), напоминающих современные постройки северных алтайцев [Грязнов М. П., 1933; Дэвлет М. А., 1976а]. Дома состоят из 8—11 венцов. Каждый дом имеет низкую квадратную дверь, окон нет, их заменяют, по-видимому, отверстия в крыше, предназначенные и для выхода дыма. Через раскрытую дверь виден круглый очаг на полу. Реальные тагарские бревенчатые дома строились, вероятно, из лиственницы — дерева, чрезвычайно прочного, а также из сосны (как и срубы в тагарских могилах).

На Малой и Большой Боярских писаницах изображены также жилища типа юрт (табл. 88, 1, справа). М. П. Грязнов считал, что они сложены из дерна, М. А. Дэвлет — что это настоящие каркасные юрты, какие еще недавно были у хакасов. Решить этот вопрос трудно, юртообразные жилища на Боярских писаницах изображены слишком схематично. Однако вполне вероятно, что юртообразные жилища были известны людям тагарской культуры, поскольку в соседней Туве в кургане V—III вв. до н. э. найдено изображение юртообразного конического жилища, вырезанное на костяном предмете (раскопки С. И. Вайнштейна). М. Б. Абсалямов и А. И. Мартынов [1979. С. 70, 75] сообщают о конических жилищах на поселениях Устинкино II, Культстая и Листвянка, относящихся к концу тагарской эпохи и переходному тагарско-таштыкскому времени.

Керамика тагарских поселений аналогична керамике тагарских курганов, ее отличает лишь худшая выделка. Из других находок следует отметить зерно-

терки и песты, свидетельствующие о земледелии и встреченные на каждом поселении. Часты изделия из кости — наконечники стрел, проколки и их заготовки. На поселении Обьюл найдены следы косторезного производства: остатки костра и рядом заготовки для наконечника стрелы, рукояти какого-то предмета, много сырья — резаной кости, оселок для заточки ножа, которым работал косторез [Членова Н. Л., 1967. С. 289]. На поселениях Шумилка и Ефремкино I найдены тагарские бронзовые котлы [Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979. С. 65, 69]. Такие же котлы фигурируют на Большой и Малой Боярских писаницах, где изображены тагарские поселки (табл. 88). Литье также производилось на поселениях. Так, на поселении Обьюл были найдены обломки глиняных литейных форм для отливки ножей и кельтов [Членова Н. Л., 1964а. С. 287]. Известны и специальные литейные мастерские, расположенные вдали от поселений. Остатки одной из них обнаружены М. П. Грязновым на р. Таштык в 1955 г. Она была расположена на крутом склоне второй надпойменной террасы и представляла собой три ямы. Дно одной из них было прокалено, в другой найдены мелкие угли. В ямах было много глиняных форм для отливки ножей и кельтов, небольшое количество тагарской керамики V—IV вв. до н. э. и костей животных.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД. Обряд погребения тагарской культуры известен достаточно хорошо, поскольку к настоящему времени раскопано около 1 тыс. курганов. Но до сих пор он не служил предметом специального исследования (за исключением статьи М. А. Дэвлет [1958]). Поэтому статистических данных нет, и приходится ограничиться общей характеристикой обряда. Тагарские курганы могильники, как правило, легко определяются по внешнему виду. В Минусинской котловине могильники VII—VI вв. до н. э. обычно состоят из большого числа (10—20 и более) курганов, которые расположены, как правило, на надпойменных террасах рек или у подножия сопки. Иногда курганы вытянуты в ряд параллельно реке (Изыкчуль II), но чаще в их расположении не наблюдается никакого порядка.

Раннетагарский могильник представляет собой группу невысоких, иногда еле заметных земляных насыпей с вертикально врытыми камнями (табл. 90, 1, 2). Благодаря им могильник виден издали, и местное население называет тагарские курганы «маяками». Курганы других культур в Минусинской котловине не имеют вертикально врытых камней. Тагарские курганы представляют собой расплывшиеся возвышения (высота от 0,3—0,4 до 1,5 м) округлой или эллипсоидной в плане формы, в зависимости от числа могил, расположенных чаще всего в ряд. Длина насыпей от 8—10 до 35 м (последний диаметр — кургана 8 на р. Изыкчуль, одного из самых длинных среди тагарских [Членова Н. Л., 1964б]). В Минусинской котловине на насыпи раннетагарского кургана всегда бывает ограда из врытых на ребро массивных каменных плит (обычно из девонского красноцветного песчаника) толщиной 0,1 м и более. Ограда бывает иногда квадратной (если в ней одна могила), но чаще прямоугольной, вытянутой больше или меньше в зависимости от числа заключенных в ней могил. По углам ограды врыты вертикальные

каменные «столбы», и такие же «столбы» по одному-два врыты вдоль длинных сторон ограды («простеночные камни»). Ориентировка оград обычно север—юг, север—северо-запад — юг—юго-восток, северо-запад—юго-восток. Внутри ограды, перпендикулярно ее длинной оси, располагаются могилы, от одной до шести, как правило, в ряд (табл. 90, 4—12). Иногда к внешней стороне ограды, чаще возле ее углов, пристраиваются дополнительные детские могилы. Погребения представляют собой ямы прямоугольной формы, вдоль стенок которых врыты поставленные на ребро массивные каменные плиты (такая могила называется «каменный ящик»; табл. 90, 6—8). Иногда стены обложены бревнами (обычно из лиственницы), образующими сруб в один или несколько венцов. И наконец, встречаются могилы с двойной обкладкой из каменных плит и дерева (сруб или рама). Перекрытие могил представляет собой либо несколько крупных массивных плит (толщина 10 см и более), положенных в один ряд поперек могилы на несколько бревен, лежащих продольно; либо две-три крупные плиты, поверх которых в несколько рядов помещены более мелкие плиты; либо накат из бревен; либо, наконец, и накат, и плиты. Дно могил земляное. Рассчитаны могилы, как правило, на индивидуальные, иногда — на парные захоронения, чаще взрослых с детьми. Размеры могил сравнительно невелики. Изредка встречаются и коллективные захоронения (например, мужчина, женщина и один или двое детей в одной могиле), но в общем коллективные могилы для этой эпохи совершенно не характерны. Размеры могил сравнительно невелики (1,5—3,8×2,7 м, глубина 0,7—1,2 м). Ориентировка могильных ям преимущественно запад — восток, запад — юго-запад — восток—северо-восток с незначительными отклонениями; ориентировка север—юг исключительно редка.

Покойника клали на дно могилы вытянуто на спине, головой обычно на запад, запад—юго-запад или юго-запад. Руки обычно лежат вдоль тела (табл. 90, 8). Один или два крупных керамических баночных сосуда (видимо, с жидкой пищей) ставили, как правило, у головы, а мясо животных (крупного рогатого скота, реже — овцы и лошади) помещали в ногах. Остальной погребальный инвентарь различен в мужских и женских погребениях. В женских встречаются обычно украшения (бусы, пронизки, бляшки), изредка — зеркала. В мужских довольно часто находятся предметы вооружения: чеканы со втоками, кинжалы, боевые топоры или секиры, наконечники стрел. Чекан клали возле головы справа, кинжал — обычно у пояса слева (иногда вместе с ножом), наконечники стрел, видимо в колчане — в ногах, остриями к ногам покойника.

С V в. до н. э. погребальный обряд тагарской культуры претерпевает значительные изменения. Уменьшается число курганов в могильнике (обычно менее 10, изредка бывает и 20), и одновременно увеличиваются размеры каждой курганной насыпи. Высота их обычно 1,5—2 м, но есть и более высокие; длина — 24—44 м. Насыпи по-прежнему имеют прямоугольную ограду из врытых на ребро массивных плит, но увеличивается число «столбов». По углам ограды и в середине каждой из ее сторон врыты вертикально высокий камень («восьмикаменный курган»); иногда

по длинным сторонам ограды врыто не по одному, а по два высоких камня («десятикаменный курган»). Под курганной насыпью бывает одна, две или три могилы, но чаще одна больших размеров — 4×3,5; 4,7×5 м или даже крупнее — 8,2×1,15 м (Малая Иня). Глубина могильной ямы 1,3—1,8 м. Если в кургане несколько могил, размеры их значительно меньше (2×1,6; 2,5×1 м) при той же глубине, что и у более крупных. Ориентированы могилы углами по сторонам света. Могилы-каменные ящики в V—IV вв. до н. э. встречаются редко. Как правило, это детские могилы, пристроенные к основным или помещенные между ними. Обычными становятся срубы в несколько венцов и бревенчатые накаты в качестве перекрытий, иногда еще дополнительно покрытые берестой (табл. 90, 18, 19). Поверх бересты укладывались плиты и дерн. Для захоронений рядового населения второй половины тагарской эпохи характерны коллективные труположения — от 10 до нескольких десятков человек (табл. 90, 16). Известна могила, где было похоронено 100 человек. Индивидуальные или парные погребения продолжали сохраняться для захоронения лишь знатных лиц.

Погребенные, как и в VII—VI вв. до н. э., лежат вытянуто на спине, руки — вдоль тела, головами обычно на запад—юго-запад и юго-запад, но встречается и северо-восточная ориентировка. Могилы V—IV вв. до н. э. представляли собой родовые или семейные усыпальницы, где хоронили людей в течение длительного времени, поэтому не все погребенные сохранили первоначальное положение. Нередко при дальнейших подзахоронениях уже лежавших покойников сдвигали в сторону. Иногда практиковалось сожжение погребальных камер.

В V—IV вв. до н. э. покойника хоронили с уменьшенными, а впоследствии и миниатюрными бронзовыми предметами вооружения — чеканами, кинжалами, ножами, заменяющими оружие обычных размеров, употреблявшееся в жизни.

Наряду с курганами, содержащими коллективные погребения, известна и группа из 14 огромных «царских» курганов в урочище Салбык, в 60 км к северу от г. Абакан. Самый крупный из них, Большой Салбыкский курган, раскопан С. В. Киселевым в 1954—1956 гг. Первоначально насыпь достигала высоты 25—30 м и имела пирамидальную форму. Она была сложена из пластов дерна, дополнена глиной и облицована дерном (табл. 90, 3). Она была огорожена квадратной оградой (70×70 м) из врытых на ребро огромных плит девонского песчаника, которые были надстроены кладкой из горизонтально положенных плиток. Общая высота ограды достигала 2,5—2,8 м. Снаружи плиты ограды были укреплены контрфорсами. Ограда ориентирована по сторонам света с небольшим отклонением (табл. 91, 2). С восточной стороны ограды был устроен коридорообразный вход (длина 14 м). Этот вход был снаружи перегорожен стенкой, сооруженной из горизонтально положенных плит. По углам ограды, вдоль всех ее сторон и перед входом были врыты огромные каменные стелы (всего 23) весом в несколько тонн. Под угловыми камнями ограды находились «строительные жертвы» — скелеты взрослых и детей. В западной части располагалась квадратная могила (5×5 м, глубина 1,8 м), перекрытая накатом из шести рядов бревен, поло-

женных крест-накрест в виде усеченной пирамиды (высота до 2 м, площадь вверху 8×8 м). Сверху эта пирамида была покрыта 15 слоями бересты. Стены могилы были укреплены деревянными стойками, внутри находился сруб в четыре венца из обтесанных брусьев. Пространство между деревянными стойками и срубом было заполнено красной глиной. Дно могилы — также глиняное — было застлано досками и берестой. От западной стенки могилы отходил подземный коридор — дромос из досок и бересты. Он выходил к середине западной стенки каменной ограды, и по нему вносили покойников (табл. 91, 6). У южной стены этого коридора обнаружены погребения двух слуг.

Могила в Салбыкском кургане ограблена. В ней найдены останки семи человек. Из инвентаря сохранился лишь бронзовый нож с трапециевидной ручкой (V—IV вв. до н. э.). Сооружение кургана требовало огромных усилий большого числа людей. Как выяснено, камень для стен ограды привозили за 20 км, а стелы — с берега Енисея, за 70 км. Не меньшего труда требовали сооружение земляной насыпи, постройка ограды, установка стел. С. В. Киселев [1956] предполагал, что насыпь кургана возводили 100 человек в течение семи лет [см. также: Дэвлет М. А., 1976д].

ИНВЕНТАРЬ. Находки на поселениях, в могильниках, а также многочисленные случайно обнаруженные вещи составляют великолепный археологический комплекс предметов тагарской культуры.

Керамика. Тагарская керамика очень стандартна по форме. Это в основном баночные сосуды и плошки, изготовленные из нижней части разбитых баночных сосудов (табл. 89, 1, 2, 11—14). В VII — начале VI в. до н. э. доля банок в общем числе тагарских сосудов составляет 78%. В течение VI в. до н. э. она повышается до 92%. Тагарские баночные сосуды расширены в верхней части и постепенно сужаются ко дну (табл. 89, 1, 2, 11, 12, 14). В VII—VI вв. до н. э. у них обычно верхний край скошен наружу и закруглен. Горизонтально срезанный край встречается реже.

Орнамент баночной тагарской керамики Минусинской котловины довольно беден. В VII—VI вв. до н. э. самый обычный орнамент — это один или несколько широких (до 1 см) горизонтальных желобков в верхней части сосуда, проведенных пальцем или палочкой (табл. 89, 9—11). Изредка он дополнен расположенными ниже желобков, но также в верхней трети сосуда, группами из каплевидных ямок, составляющих треугольник; мелким треугольным штампом; насечками, образующими горизонтальный зигзаг. В районах, примыкающих к лесным массивам, преобладают другие виды орнаментов: «жемчужины», иногда разделенные круглыми или каплевидными ямками, ряды оттисков гребенчатого штампа (табл. 89, 12, 14).

Сама форма раннетагарского баночного сосуда представляет собой промежуточный тип между лугавским параболическим (с примытым дном) и андроновским баночным сосудами и восходит к обоим этим типам. Сформировался он при длительных контактах носителей андроновской и лугавской культур.

В раннетагарскую эпоху были распространены и другие формы сосудов: открытые кубки на поддонах

(табл. 89, 10); округлые плоскодонные сосуды с узким низким горлом (табл. 89, 9); закрытые округлые сосуды с низким горлом на невысоких кольцевых поддонах (табл. 89, 6); небольшие острореберные судики (табл. 89, 8); сосуды баночного типа с перехватом у дна; маленькие круглодонные низкие мисочки. Кубки и округлые плоскодонные сосуды, как и баночная керамика, обычно черного или серого цвета. Прочие небаночные сосуды, как правило, лощеные, розоватого или красноватого цвета, что объясняется обжигом при более высокой температуре в окислительной среде (при доступе воздуха). Орнамент небаночной тагарской керамики также беден. Обычно это несколько широких желобков, расположенных в верхней (как на банках) или средней части сосуда, возле максимального диаметра. Другой вид орнамента — налепные шишечки-сосочки (табл. 89, 6). Значительная часть тагарской керамики вообще лишена орнамента.

В V—III вв. до н. э. многие формы тагарской керамики исчезают. Остаются лишь баночные сосуды, плошки из нижней части разбитых банок (в сумме они составляют около 90% всей керамики) и кубки. Пропорции банок меняются, они становятся более приземистыми. Меняется форма верхнего края — наиболее типичен загнутый внутрь и скругленный. Меняется и форма дна: уплощенные днища исчезают, типичным становится плоское дно. Улучшается обжиг сосудов. Большинство сосудов лощеные, с бросающимися в глаза, густо расположенными полосами лощения, в то время как на более ранних сосудах полосы лощения незаметны. Преобладающий цвет банок — по-прежнему черный и серый, но появляются и розоватого цвета. Орнамент с V в. до н. э. становится еще беднее. Дольше всего сохраняются «жемчужины», но они более мелкие. Большинство банок V—III вв. до н. э. без орнамента (табл. 89, 1, 2).

Меняется и форма кубков: в VII—VI вв. до н. э. чаша кубка была полушаровидной, теперь она становится яйцевидной, верхний край загнут внутрь и скруглен, как и у банок. Поддоны значительно ниже и сильнее расширяются книзу. Кубки, как и банки, лощеные. Орнамента на них нет (табл. 89, 3, 5).

Все сказанное относится к керамике Минусинской котловины. В тагарских памятниках Кемеровской обл. основная масса сосудов не отличается от керамики Минусинской котловины: те же банки, округлые плоскодонные сосуды с низкими шейками и кубки на поддонах. Но наряду с ними здесь встречено несколько баночных сосудов с маленьким носиком-сливом, горшков с боковой ручкой и полушаровидных мисок. Две последние формы сближаются с сакской керамикой Казахстана.

Керамика тагарских курганов из района Красноярска своеобразна. Наряду с типичными тагарскими баночными и кубковидными сосудами здесь встречается и керамика желто-серого цвета, с грубой, шероховатой, поверхностью — банки, горшки и миски с налепами в виде «рогов», зигзагов, крестов и с прочерченным прямо- и криволинейным орнаментом.

Орудия труда. В тагарской культуре орудия труда только бронзовые. Деревянные, которых, вероятно, было много, как и в любой другой культуре, до нас не дошли. Из орудий, относящихся

к земледелию, известны бронзовые серпы и зернотерки. Форма серпов своеобразна и характерна только для тагарской культуры. Они слабоизогнуты (табл. 86, 8, 9) и нередко имеют какой-то значок в виде копыта, квадрата, двойной спирали — может быть, знак мастера. Тагарские серпы очень несовершенны. Их слабый изгиб и неравные углы резания свидетельствуют, как показали исследования В. П. Левашевой [1956. С. 65. Рис. 16, 5], о неразвитости тагарского земледелия. Однако серпов найдено довольно много — 239 [Гришин Ю. С., 1960. С. 123]. Почти все они происходят из случайных находок, несколько серпов найдено в составе тагарских кладов у д. Брагина и с. Есаульское, один — в тагарском кургане (Гришкин лог, могила 22, раскопки С. А. Теплоухова, погребение мужчины, VII в. до н. э.).

Зернотерки каменные вытянутые, плоские или сегментовидные. Они найдены во всех тагарских поселениях и в Большом Салбыкском кургане. Подобные зернотерки, называемые «паспак», сохранились до наших дней в некоторых районах Алтая. При работе на такой зернотерке за целый день можно растереть не более 2,5 кг зерна. Во второй половине тагарской эпохи появляются ручные каменные жернова круглой формы. В центре верхнего жернова делалось круглое отверстие для засыпки зерна, а с краю — небольшая ямка, куда вставлялась палка, которой вращали жернов. Такие жернова найдены (вместе с зернотерками) в Большом Салбыкском кургане и в соседней Туве, в насыпях курганов скифской и гуннской эпох. При работе на таких ручных жерновах за день можно растереть 8 кг зерна. Известны тагарские орудия, относящиеся к скотоводству. Это бронзовые тавра, которыми клеймили скот. Набор из четырех прямоугольных и круглых тавр с рисунком в виде полос и решетки найден в составе тагарскогоклада у д. Брагина (табл. 86, 12).

Среди тагарских орудий горного дела представлены каменные молоты и кайлы, роговые кирки и деревянные лопаты, а среди приспособлений для выплавки меди — плиты с чашевидными углублениями, куда сливался расплавленный металл [Сунчугашев Я. И., 1975]. Тагарские литейные формы в основном глиняные, но известны и медные — для отливки кельтов [Гришин Ю. С., 1960. С. 145. Рис. 6]. По-видимому, к тагарской эпохе относятся и бронзовые зажимы для глиняных литейных форм, хранящиеся в Минусинском музее [Гришин Ю. С., 1960. С. 147. Рис. 8].

Орудиями для обработки дерева были бронзовые кельты-топоры, кельты-тесла (табл. 86, 5, 7), бронзовые пилы (табл. 86, 10, 11), долота и ножи. Тагарские кельты (всего более 500) — разнообразных размеров, веса и форм, от крупных и тяжелых, применявшихся, очевидно, для рубки деревьев, до маленьких легких, употреблявшихся, по-видимому, при изготовлении различных изделий из дерева (табл. 86, 5, 7, 13, 14). Основная часть кельтов — случайные находки, и менее 20 происходит из погребений и кладов. Более половины кельтов — крупные и тяжелые. По-видимому, нужда в таких орудиях в Минусинской котловине, представляющей в основном лесостепь и повсюду гра-

ничащей с тайгой, была велика. Предположение некоторых авторов [Гришин Ю. С., 1960; Мартынов А. И., 1979], что кельты предназначались для обработки земли в качестве мотыг, вызывает большие сомнения, хотя не исключено, что они могли применяться иногда и для земляных работ (рытье ям и пр.).

Видимо, к тагарской эпохе относятся и небольшие бронзовые пилы из Минусинской котловины (случайные находки; табл. 86, 10, 11). Втульчатые бронзовые долота, клиновидные и желобчатые, появившиеся еще в карасукскую эпоху, продолжали бытовать и в тагарской культуре.

Наконец, для обработки дерева употреблялись и бронзовые ножи. Вообще в тагарскую эпоху, как и в более раннее, и в более позднее время, ножи были универсальными орудиями, служившими для самых разных целей: для обработки дерева, кости, для кройки обуви, одежды вместо несуществовавших еще в то время ножниц, для выкапывания различных съедобных кореньев, разделки мяса, для еды и т. д. Ножи — наиболее частая из тагарских находок (известно более 2500). По форме они делятся на два больших раздела: 1) с выделенной ручкой и 2) без выделенной ручки. Ножи первого раздела имеют уступ между клинком и ручкой, на уступе часто помещена головка хищной птицы или копытообразный значок (табл. 86, 40, 42). Ручка таких ножей с уступом бывает иногда сплошной, а наверхие — в виде валика или фигурки животного (табл. 88, 16). Иногда ручка бывает полой, в нее вкладывается плоское шило с наверхием в виде фигурки животного (табл. 86, 39, 40; 88, 15, 17). Это так называемые вкладышевые ножи, которые бытовали только в VII—VI вв. до н. э., а в V в. до н. э. вышли из употребления. Ножи со сплошной ручкой продолжали бытовать и в V—IV вв. до н. э. Тогда у них появились и новые виды наверхий: овальное кольцо, иногда с фигуркой животного в нем (табл. 86, 19, 20, 23, 24, 44).

Ножи второго раздела — без выделенной ручки, с одним или несколькими круглыми или каплевидными отверстиями (табл. 86, 33—35) — появились в VII в. до н. э. и бытовали вплоть до IV в. до н. э., постепенно уменьшаясь в размерах и массивности. К V в. до н. э. появились новые классы ножей этого раздела — с широким петлевидным отверстием в верхней части ручки, большими кольцами, овальными или круглыми, расширенной вверху ручкой (табл. 86, 16—18, 23, 24). С V—IV вв. до н. э. вплоть до конца тагарской эпохи бытовали ножи с пряжковидным кольцом (табл. 86, 30, 31; формы колец идентичны бронзовым пряжкам таштыкской эпохи). В V—III вв. до н. э. применялись бронзовые ножи новой формы — коленчатые, ручки их расширены кверху (табл. 86, 17). Ножи первого раздела ведут происхождение от карасукских, второго — от ножей эпохи бронзы Казахстана и Средней Азии.

В тагарской культуре много бронзовых шильев, формы которых постепенно видоизменялись. В VII—VI вв. до н. э. они обычно массивные четырехгранные, с круглой в сечении шейкой и грибовидной шляпкой (табл. 86, 32, 38). В VI в. до н. э. наряду с ними появились плоские шилья-вкладыши, которые вкладывались в полые ручки кинжалов и за-

канчивались обычно фигурой животного (табл. 86, 41, 43). С V в. до н. э. шилья делаются менее массивными, иногда совсем тонкими (табл. 86, 25, 29).

Оружие. Тагарское оружие известно очень хорошо и по материалам из курганов, и из случайных находок. Кинжалы (более 500) бронзовые цельнолитые. По форме перекрестья они делятся на кинжалы «с шипами», или с прямым перекрестьем (табл. 84, 36), и кинжалы с бабочковидным перекрестьем (табл. 84, 37—39). Первые появляются еще в VII в. до н. э. и восходят к карасукским, вторые — несколько позже и отражают влияние более западных районов, где такие кинжалы бытовали в скифскую эпоху. У многих кинжалов навершия в форме валика, простого или рассеченного (табл. 84, 37, 38, 40) или в виде фигурки стоящего животного. В VI в. до н. э. бытуют «вкладышевые» кинжалы с полый ручкой той же конструкции, что у вкладышевых ножей (табл. 84, 39). С V в. до н. э. появляются кинжалы с широким плоским бабочковидным перекрестьем, желобчатой ручкой и навершием в виде валика, плоского овала, кольца или двух головок грифонов, повернутых друг к другу (табл. 84, 15—18). Иногда на навершии помещены головки зубастых хищников или две фигурки кабанов, расположенных «вверх ногами». Эти кинжалы очень редко находят в курганах, в основном это случайные находки, попавшие в Минусинскую котловину из Западной Сибири и Казахстана. Они бытуют до конца тагарской эпохи, судя по тому, что некоторые из них бронзово-железные (клинок и середина ручки железные, навершие, перекрестье и бока ручки бронзовые, или клинок бронзовый, а ручка железная) или целиком железные. Железных кинжалов «скифского типа» в Минусинской котловине найдено несколько. Формы их отличаются от тагарских, частично это ахеменидский импорт, частично они относятся к переходному тагарско-таштыкскому времени.

Во второй половине тагарской эпохи в погребения обычно кладут миниатюрные кинжалы, по форме идентичные кинжалам обычных размеров. Это только символы оружия. Кинжалы обычных размеров в погребениях V и особенно IV—III вв. до н. э. крайне редки. Но воины, судя по многочисленным случайным находкам, ими пользовались.

Бронзовые тагарские чеканы — также очень распространенный вид оружия (известно более 100). В VII—VI вв. до н. э. они имеют длинную узкую втулку. У наиболее ранних — круглые или многогранные бойки (девяти-, восьми- и семигранные) и плоские или многогранные обушки (табл. 84, 41, 42). На протяжении VII—VI вв. до н. э. число граней бойка уменьшается до шести и четырех. В углу между бойком и втулкой иногда помещается литая «палочка», а к концу VI в. до н. э. — головка грифона. Именно в это время чеканы в Минусинской котловине начинают выходить из употребления: появляются уменьшенные экземпляры, которые вряд ли могли быть эффективным оружием (табл. 84, 19), а затем и миниатюрные, изготовлявшиеся, видимо, только для погребений. Но с V в. до н. э. в тагарской культуре появляются чеканы новой формы — с короткой широкой втулкой или без нее, проушные, бойки круглые в сечении, обушки

короткие многогранные. Под бойком часто помещается головка барана или хищной птицы (табл. 84, 20). Такие чеканы в V в. до н. э. применялись в ахеменидском Иране. Отсюда или из каких-то подвластных Ахеменидам районов они и проникли в Минусинскую котловину.

Втоки VII—VI вв. до н. э. довольно простых форм — конические, параболоидные, граненые — и достаточно крупные, в соответствии с размерами чекана. В V в. до н. э. формы втоков усложняются: на конце появляются пирамидки или плоские лопатки. Но при этом размеры втоков уменьшаются в соответствии с уменьшением чеканов. С IV в. до н. э. в погребениях встречаются только миниатюрные втоки. Чеканы «ахеменидского типа» употреблялись с короткими широкими втоками, уплощенными в сечении, что соответствует уплощенной форме втулки этих чеканов.

В тагарскую эпоху бытовали, кроме того, бронзовые секиры и боевые проушные топоры (табл. 84, 21, 43). Это оружие значительно более редкое, чем кинжалы и чеканы. У них крестообразный в сечении или плоский обушок и плоский боек. К V в. до н. э. местные секиры и боевые топоры почти совершенно выходят из употребления, но появляется небольшое количество секир с короткими широкими втулками, всеми деталями напоминающие чеканы ахеменидского типа. По-видимому, это тоже импорт или подражание импортным секирам.

В сравнении с такими культурами, как скифская и савроматская, наконечников стрел в тагарской культуре очень мало. По данным на 1967 г. их насчитывалось всего 219 [Членова Н. Л., 1967. С. 40], в то время как только в одном скифском или савроматском погребении бывает иногда 100, а то и 200 наконечников стрел. В тагарских погребениях VII—VI вв. до н. э. обычно по четыре-пять стрел, иногда даже по одной, а максимальное количество — 16. С V в. до н. э. стрелы в тагарских погребениях встречаются все реже и их все меньше. Наконечники тагарских стрел бронзовые и костяные, железные неизвестны. Большинство тагарских бронзовых наконечников стрел скифского и савроматского типов. По форме пера все тагарские бронзовые наконечники стрел делятся на три группы: А) с треугольным пером; Б) с листовидным или ромбическим; В) с пулевидным [Членова Н. Л., 1967. С. 40, след.].

Наконечники группы А бывают черешковыми и втульчатými (чаще черешковые) двух- и трехлопастными (чаще трехлопастные; табл. 84, 5—12, 28, 30—33). Наконечники группы Б — только втульчатые, двух- и трехлопастные, иногда шипастые (табл. 84, 22—27, 29). Наконечники группы В единичны, они втульчатые. Поскольку большинство тагарских наконечников стрел принадлежит к тем же типам, что скифские и савроматские, они имеют те же даты и являются основой для хронологии тагарской культуры.

В VII в. до н. э. для тагарской культуры характерны крупные двулопастные наконечники группы Б (с ромбическим и лавролистым пером), с длинной или короткой втулкой, иногда шипастые. Все они очень близки к скифским и савроматским наконечникам (табл. 84, 22—26). В это же время бытуют

треугольные и трехлопастные наконечники группы А (с треугольным пером), среди которых втульчатые находят параллели в савроматских памятниках (табл. 84, 30—31), черешковые — в тасмолинской культуре Казахстана и майэмирской — Алтая (табл. 84, 32, 33).

В VI в. до н. э. характерны те же формы наконечников, но они меньше по размерам (табл. 84, 2). В V в. до н. э. появляются наконечники группы А со скрытой втулкой и опускающимися ниже втулки жальцами (табл. 84, 5). Очертания треугольного пера и у втульчатых, и у черешковых наконечников изменяются, делаются более сложными, криволинейными (табл. 84, 2—4, 12). Стрел этого времени мало. Какие наконечники бытовали в IV—III вв. до н. э., трудно сказать, поскольку в Минусинской котловине вообще нет наконечников, типичных для скифов и сармат IV—III вв. до н. э.

Наряду с бронзовыми были и многочисленные костяные наконечники стрел самых разных типов: черешковые с длинным, круглым в сечении черешком, срезанным на конце для вставки в древко, и пером треугольной формы, длинным или коротким, квадратным или ромбическим в сечении; втульчатые со скрытой втулкой, треугольные, квадратные или ромбические в сечении.

Судя по находке в кургане 8 могильника Изыкчуль [Членова Н. Л., 1964б], стрелы носили в колчане остриями вниз. Колчаны подвешивали к поясу с помощью бронзовых крючков (табл. 84, 13, 34). Сами колчаны не найдены. Не найдены и тагарские луки. Об их форме можно судить по миниатюрной бронзовой подвеске, изображающей лук в налучье [Членова Н. Л., 1967. Табл. 15, 1], — он был сложным. Длина лука, судя по длине наконечников стрел, была 0,6—0,8 м — как у скифских и савроматских луков или еще меньше. Сохранились бронзовые наконечники, надевавшиеся на концы лука и украшенные головками грифонов, баранов или значком в виде копыта [Членова Н. Л., 1967. Табл. 15, 2, 4—8]. Известны тагарские бронзовые наперстки, предохранявшие палец от ранения тетивой при стрельбе из лука (табл. 84, 14, 35). Наперстки надевались на большой палец, и это означает, что лук натягивали так называемым монгольским способом, при котором пальцы складывались «кукишем», и тетиву натягивал согнутый большой палец. Стрела при этом помещалась справа от лука. Тем же способом натягивали лук скифы и персы.

Копья в тагарских погребениях не найдены ни разу. Несколько случайных находок бронзовых копий из Минусинской котловины могут относиться и к более раннему времени.

Обычно вооружение мужчины составляли либо кинжал и чекан, либо лук и стрелы. Случаев, где в одном погребении сочетались бы кинжал, чекан и стрелы, очень мало.

Конский убор. Ни в одном из 1 тыс. тагарских курганов, раскопанных к настоящему времени, нет ни одного погребения верхового коня. Только в двух погребениях найдены псалии и в одном — костяная имитация половины удила. Тем не менее, предметов конского убора, относящихся к тагарской культуре и происходящих из случайных находок,

довольно много. Тагарские удила бронзовые двусоставные четырех типов: I — с кольчато-стремявидными окончаниями (табл. 85, 1); II — со стремявидными окончаниями и дополнительным отверстием в «стремени» (табл. 85, 2, 3, 5); III — с простыми стремявидными окончаниями (табл. 85, 6, 7); IV — кольчатые (табл. 85, 8). Точную дату удила Минусинской котловины установить трудно ввиду отсутствия их в погребениях. Датировать их можно лишь на основании аналогий из других районов — в первую очередь Причерноморья, Поволжья и Приуралья. Наиболее ранними являются удила типа I (табл. 85, 1), которые соответствуют восточноевропейским предскифским двукольчатым удилам с двумя круглыми отверстиями. Они относятся к самому началу тагарской эпохи (VII в. до н. э.). Развитие этих удила состояло в том, что внешнее трапециевидное отверстие увеличивалось, а внутреннее круглое — уменьшалось (табл. 85, 2, левое звено). Впоследствии его стали помещать внутри стремявидного окончания (табл. 85, 2, 3, 5, правое звено). Тип II тагарских удила по аналогиям из Уйгарака (низовья Сырдарьи) можно отнести к VII в. до н. э. Через промежуточный редкий тип с прямой перекладиной в стремявидном окончании (табл. 85, 4) тип II переходит в тип III. По скифским, савроматским и другим аналогиям бытование удила типа III можно отнести к VII—VI вв. до н. э. Тип IV появляется одновременно с типами II и III (т. е. с VII в. до н. э.) и бытует на протяжении всей тагарской эпохи, вплоть до III в. до н. э. («Курган за поскутиной» у с. Большой Барандат, где найдена половинка бронзовых миниатюрных удила этой формы).

Тагарские бронзовые псалии подразделяются на стержневые и пластинчатые. Большинство стержневых псалиев дуговидно изогнуто. Один из них — трехдырчатый, с копытцем на конце (табл. 85, 9) — VII—VI вв. до н. э., другой — плоский трехдырчатый — очевидно, VI—V вв. до н. э. (табл. 85, 11). Дугообразно изогнутые двудырчатые псалии распространены очень широко, некоторые из них оканчиваются головками грифонов (табл. 85, 12), или волков [Членова Н. Л., 1967. Табл. 16, 39—42]. Наиболее вероятно, что они относятся к V в. до н. э. Кроме бронзовых псалиев, употреблялись, возможно, и роговые, не дошедшие до нас. Наряду с описанными удилами и псалиями, которые были свойственны культурам «скифского мира» в широком смысле, в тагарской культуре известны и своеобразные псалии — пластинчатые прорезные, с шипами на внутренней стороне, «строгие» (табл. 85, 16, 17). Параллели им есть на Ближнем Востоке и в Иране [Членова Н. Л., 1967. С. 74. Табл. 17, 45, 46, 50—53]. Некоторые из них — с головками грифонов (табл. 85, 16) — видимо, конца VI—V в. до н. э. Кроме псалиев, такими же шипами снабжались и трензеля (табл. 85, 19), которые прикреплялись к концам удила и кололи подбородок коня [Членова Н. Л., 1967. С. 74, 75].

Известны и другие предметы тагарского конского убора: обоймы для перекрестья ремней (табл. 85, 23, 27, 28), пряжки подпружные и от чумбура (табл. 85, 24, 25), налобники (табл. 85, 14, 15), ворворки для кистей (табл. 85, 26, 29, 30), различ-

ные подвески (табл. 85, 13, 18, 20—22). Все они бронзовые, даже те, что имитируют кабаньи клыки (табл. 85, 13, 18). Псалии, налобники, ворворки, бляхи часто орнаментированы или украшены в зверином стиле, преимущественно «алтайском». Есть основания думать, что предметы конского убора, украшенные в зверином стиле, проникли в Минусинскую котловину из более западных районов.

Бытовая утварь, предметы туалета, одежда. Из тагарской бытовой утвари известны бронзовые котлы скифского типа на высоком поддоне (табл. 89, 15—18), которых насчитывается более 100 [Членова Н. Л., 1967]. В основном это случайные находки. Два котла найдены в тагарских поселениях [Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979. С. 65, 69]. Известен и клад из четырех котлов, найденный у с. Шалаболино [Левашева В. П., Рыгдылон Э. Р., 1952]. Датируются тагарские котлы на основании аналогий предскифского и скифского времени из Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Наиболее ранние тагарские котлы имеют кольцевидные ручки с желобками и гвоздевидными выступами, как котлы бештаугорского типа на Северном Кавказе. Появились они, как и бештаугорские, вероятно, в VIII—VII вв. до н. э. У более поздних котлов кольцевидная ручка принимает форму незамкнутого кольца, а затем — подковообразную (табл. 89, 16—18). Котлы с подковообразными ручками датируются, вероятно, как и подобные им скифские, VI в. до н. э. У некоторых тагарских котлов ручки оформлены в виде фигурок стоящих животных — козлов (табл. 89, 15), лошадей, оленей. Имеются котлы и с носиком-сливом (табл. 89, 17). Они архаические, появляются в VIII—VII или VII в. до н. э.

Будучи достаточно прочными изделиями, употреблявшимися как в быту, так и при отправлении культов, тагарские котлы могли существовать довольно долго — в течение одного-двух веков и более. О длительном использовании котлов свидетельствуют бронзовые заплата на многих из них. Об употреблении в быту можно судить по находкам котлов на тагарских поселениях и по тому, что они фигурируют на писаницах (наскальных рисунках), изображающих позднетагарские поселения (табл. 88, 1, 3, 3а) [Грязнов М. П., 1933; Дэвлет М. А., 1965]. О связи котлов с культом говорит минусинская писаница Кызыл-Хая, где изображены люди в рогатых головных уборах (шаманы?), мешающие что-то в тагарских котлах и простирающие над ними руки с растопыренными пальцами [Appelgren-Kivalo H., 1931]. Не исключено, что Шалаболинский клад, состоящий из четырех котлов, был зарыт на культовом месте. Известно, например, что на оз. Иссык-Куль котлы сакской эпохи в комплексе с жертвенником находили зарытыми на культовых местах [Бернштам А. Н., 1952. С. 42, 43]. Да и у других народов бронзовые котлы часто служили культовыми сосудами. На ассирийских рельефах изображены котлы в урартских храмах и ассирийские воины, грабящие эти храмы и уносящие котлы как ценную добычу [Членова Н. Л., 1967. Табл. 20, 9].

Из тагарских предметов туалета нам известны зеркала и гребни. Все зеркала бронзовые круглые

трех типов: с петелькой на обороте (табл. 87, 24); с ручкой в виде кнопки на четырех ножках; с боковой петлевидной ручкой (медалевидные; табл. 87, 23). Наиболее распространены зеркала с петелькой на обороте, употреблявшиеся в течение всей тагарской эпохи. Ранние (VII—VI вв. до н. э.) экземпляры этих зеркал крупные и массивные (диаметр 8—11 см, толщина 2—3 мм). В отличие от зеркал скифов Причерноморья, тагарские обычно изготовляли без бортика по краю. Зеркала с бортиком единичны и относятся к VII в. до н. э. Постепенно диаметр и толщина этих зеркал уменьшаются: в V—IV вв. до н. э. обычный диаметр 5—6, реже 8 см, толщина в середине редко превышает 1 мм, края еще тоньше и острее. Вариант этого типа — зеркала, где петельку заменяют фигурка кабана или две кабаньи головки (табл. 87, 25), в одном случае — фигурки четырех горных козлов. Относятся они к VI в. до н. э. Зеркала с кнопками на четырех ножках гораздо малочисленнее и представляют собой случайные находки. Лишь четыре экземпляра найдены в комплексах V—III вв. до н. э. Среди этого типа зеркал также есть крупные (диаметр 9—11 см, толщина до 3 мм) и более тонкие, меньших размеров. Первые, очевидно, более ранние. Кнопки часто украшены двойной петлей, трехлучевой свастикой и др. Зеркала с кнопками на ножках находят параллели в скифских памятниках Северного Причерноморья и Северного Кавказа и в памятниках ананьинской культуры Волго-Камья. Но у зеркал этих районов кнопки укреплены не на четырех, а на двух ножках. В Минусинской котловине зеркала этого типа, по-видимому, импортные из какого-то западного района или изготовлены по западным образцам. Медалевидные зеркала в Минусинской котловине еще более редки. В основном это также случайные находки, и лишь несколько найдено в комплексах V—IV и III вв. до н. э. Медалевидные зеркала характерны для соседних районов — Алтая, Тувы, Монголии и Восточного Казахстана. Принесены они в Минусинскую котловину пришельцами из Восточного Казахстана. Носили зеркала подвешенными за ремешок к поясу (как в Центральном Казахстане и на Алтае), при этом мужчины — гораздо чаще, чем женщины.

Тагарские гребни изготовлены из кости. Обычно они сегментовидной формы, часто украшены циркульным орнаментом (табл. 87, 4). Иногда верхняя часть гребешка прорезная и украшена в зверином стиле (табл. 87, 1). Реже встречаются другие формы — например, прямоугольный гребень с круглой петелькой для подвешивания (табл. 87, 14). Известны единичные полукруглые гребни, вырезанные из одного куска кости вместе с головным ножиком для искания в голове [Теплоухов С. А., 1929. Табл. I, 71]. Часто такие костяные ножки вырезали отдельно от гребня и украшали циркульным орнаментом, а иногда — головкой животного. Это обычная тагарская туалетная принадлежность (табл. 87, 19, 20, 22).

Личными украшениями тагарская культура довольно бедна. Как правило, они изготовлены из бронзы. В тагарских памятниках VII—VI вв. до н. э. это полусферические бляшки из тонкого бронзового листка, часто с выпуклыми точками по краю

и отверстием в центре для нашивания. Нашивали их на какие-то кожаные головные уборы, диадемы или шапочки. Изредка такие бляшки покрывали золотой фольгой (табл. 87, 15—18). Известны и диадемы из тонкой бронзовой ленты. Из таких же лент изготовляли и ножные браслеты. Серьги встречаются редко. Обычная форма тагарских серег — маленький конус, свернутый из бронзового листка, с проволочным крючком для подвешивания. Иногда такие серьги обтягивали золотой фольгой (табл. 87, 6). Шейные украшения также довольно однообразны. В состав ожерелья входили цилиндрические пронизки, свернутые из бронзового листка, биконические бронзовые бусы, составленные из двух маленьких конусов, свернутых из бронзового листка (табл. 87, 3, 11, 12), цилиндрические бусы из белого камня аргиллита, такие же как в карасукской культуре (табл. 87, 2), изредка — сердоликовые бусы, цилиндрические или в форме бочонка (табл. 87, 5, 9), и очень часто — просверленные клыки кабарги (табл. 87, 21). Наконец, личными украшениями иногда служили бронзовые бляшки с орнаментом в зверином стиле. Их нашивали на одежду. Довольно часто в раннетагарских памятниках встречаются костяные имитации раковин каури, иногда с отверстиями для нашивания. Настоящих раковин каури в Минусинской котловине нет.

Во второй половине тагарской эпохи украшений еще меньше. Выходят из употребления подвески из клыков кабарги, полусферические бляшки с точками по краю, очень редко употребляются аргиллитовые бусы. Увеличивается число бус из сердолика или стекла красноватого цвета (в подражание сердолику), иногда с наведенным орнаментом в виде треугольников, соединенных вершинами. Известны глазчатые стеклянные бусы. В отличие от культур саков Средней Азии и скифов Причерноморья, тагарская культура исключительно бедна бусами. Редки во второй половине тагарской эпохи костяные имитации раковин каури, несколько раз найдены их бронзовые имитации. Чаще в качестве личных украшений употребляются литые бронзовые бляхи с узором в зверином стиле.

ИСКУССТВО. Тагарское искусство богато и разнообразно. Можно выделить несколько его отраслей: орнаменты на керамике, на бронзовых изделиях, вышивка, резьба по кости, звериный стиль, наскальные рисунки и некоторые рисунки на камнях тагарских курганов. Вероятно, существовали и другие виды искусства, не дошедшие до нас. Это могли быть различные художественные плетения, резьба по дереву и орнаменты на берестяных изделиях. Следы всего этого в Минусинской котловине отмечаются в более раннюю и в более позднюю эпохи. Можно лишь с большой долей вероятности утверждать, что в тагарскую эпоху не было монументальной скульптуры: в Минусинской котловине известно много скульптур, относящихся к окуневской культуре, и каменных баб тюркской эпохи, но совершенно нет ничего подобного скифским каменным бабам или оленным камням. Разрушиться от времени, как деревянные изделия или ткани, они не могли.

Орнаменты на керамике и на бронзовых вещах

резко отличаются друг от друга и представляют собой разные виды искусства, имеющие разные культурные истоки.

Орнаменты тагарской керамики делятся на нарезные и штампованные. Те и другие на одном сосуде сочетаются редко. Из нарезных орнаментов чаще других встречаются желобки (табл. 89, 9—11) — от широких (более 1 см) до узких (1,5—2 мм), расположенных горизонтальными рядами в верхней части сосуда. Известны также нарезные горизонтальные зигзаги и «елочка» (табл. 89, 14). Эти орнаменты восходят к орнаментам андроновской керамики и распространены главным образом в степной части Минусинской котловины [Членова Н. Л., 1967. С. 182—193, 204]. Из штампованных орнаментов самый частый — «жемчужник»: бугорки, выдвинутые палочкой с внутренней части сосуда. «Жемчужины» обычно идут в один ряд по краю сосуда (табл. 89, 12) и разделены другими видами штампа — круглыми и каплевидными ямками или короткими оттисками гребенчатого штампа, поставленного косо; реже встречается треугольный штамп с зубчатыми краями. Некоторые сосуды орнаментированы только оттисками штампа, поставленными косо, вплотную друг к другу, и образующими горизонтальные ряды или ромбы [Членова Н. Л., 1967. С. 192, 193]. «Жемчужник» и гребенчатый косо поставленный штамп тагарской керамики восходят к орнаментам лесного населения Минусинской котловины и ее окрестностей. Косо поставленный гребенчатый штамп непосредственно переходит в тагарскую культуру из лугавской.

Среди бронзовых изделий орнаменты представлены главным образом на ножах, кинжалах и кельтах. Из орнаментов, украшающих ножи и кинжалы, особенно часты один или два ряда мелких вдавленных треугольников, идущих по краю ручки (табл. 86, 21), или узкая, косо заштрихованная рубчатая лента (табл. 88, 20, 44). Встречается также тонкая косая сетка, либо сплошь покрывающая ручку ножа (табл. 86, 45), либо заполняющая треугольники или ромбы. Во второй половине тагарской эпохи (V—III вв. до н. э.) ручки тагарских ножей часто украшаются различными прорезями — прямоугольными и треугольными (табл. 86, 18, 19, 22). На кельтах, помимо орнаментов в зверином стиле, встречаются треугольники, иногда заштрихованные сеткой. Все эти геометрические орнаменты восходят к орнаментам, встречающимся еще на карасукских бронзах. Наконец, ручки некоторых ножей второй половины тагарской эпохи украшены криволинейными орнаментами, имеющими, вероятно, западное, алтайское или восточноказахстанское происхождение [Членова Н. Л., 1967. Табл. 39, 28].

Тагарская вышивка пока еще плохо известна. Сохранилось лишь несколько расшитых шерстяными нитками кожаных футляров от ножей. На одном футляре небольшие равнобедренные треугольники, вышитые гладью, чередуются с треугольниками, нарисованными красной краской. На других — вышиты узоры в виде волны и спирали. Вероятно, расшивались и другие кожаные изделия и одежда.

Звериный стиль широко представлен в тагарской культуре, как и в других культурах скифского круга. Эта отрасль искусства характеризуется избоб-

ражениями определенного набора животных в определенных позах, выполненными с помощью особых приемов [Членова Н. Л., 1967. С. 110]. В тагарской культуре звериный стиль появляется со времени ее возникновения, в VII в. до н. э., и бытует вплоть до ее конца. Тагарские изображения в зверином стиле известны в бронзе и кости (последних дошло до нас всего несколько). Возможно, они выполнялись и в других материалах (дерево, кожа и т. д.), как в Горном Алтае, но не сохранились. Звериный стиль тагарской культуры, как и других районов «скифского мира», относится к прикладному искусству. Он служил для украшения оружия и конского убора, орудий труда (ножи, кельты), предметов туалета (зеркала, гребни), культовых и бытовых вещей (котлы).

В тагарской культуре бытовали две разновидности звериного стиля, условно называемые «минусинский стиль» и «алтайский стиль» [Tchlenova N., 1962. P. 10; Членова Н. Л., 1964а. С. 295—297; 1967. С. 115—165]. «Минусинский стиль» характерен главным образом для VII и VI вв. до н. э. (табл. 88, 13—21). В V в. до н. э. он начинает вырождаться, хотя продолжает бытовать и в V, и в IV вв. до н. э. В «минусинском стиле» изображались целые фигуры животных, их протомы и головы. Представлены следующие мотивы (в порядке частоты встречаемости): головка хищной птицы (табл. 88, 16, 18), фигурка стоящего кабана (табл. 88, 16), фигурка стоящего козла (табл. 88, 14, 19), головка лошади, фигурка кошачьего хищника, свернутого кольцом (табл. 88, 20), фигурка стоящего кошачьего хищника, головка барана, головка лошади, фигурка барана (табл. 88, 15), фигурка «скребущего кошачьего хищника», фигурка стоящего лося. Количество изображений фигурок и головок представлено почти поровну. Изображения в «минусинском стиле» выполнялись как в круглой скульптуре, так и в рельефе, и врезанной линией. Больше всего применялась круглая скульптура, затем — рельеф, техника врезанной линии редка [Членова Н. Л., 1967. С. 145—165]. «Минусинский стиль» отличается простотой и монументальностью. Животные изображались в спокойных позах: обычно стоящими, реже — лежащими с подогнутыми ногами. Голова стоящего животного, как правило, опущена вертикально вниз, не только у кабанов, для которых эта поза типична (табл. 88, 16), но также у лошадей (табл. 88, 21) и козлов. Характерна унификация в изображении частей тела самых различных животных. Тела животных состоят из шаров, полушаров, цилиндров, пирамидок (бедро — обычно в виде полушара, лопатка — выпуклый сегмент, их разделяет желобок), независимо от того, какое животное представлено, — кабан, козел или баран. Голова животного или птицы отливалась в виде шара, к которому добавлены другие детали: пирамидка, опущенная вниз, изображает рыло кабана; дужка — клюв птицы; более толстая дужка — длинную горбоносую морду барана (табл. 88, 15, 18). Глаза и ноздри самых различных животных и птиц на ранних образцах звериного стиля (VII—VI вв. до н. э.) изображались в виде круглых сквозных отверстий, обведенных кружками. Позже (с VI в. до н. э.) эти отверстия перестают быть сквозными и пре-

вращаются в ямки. Уши показаны в виде полукруга также у самых разных животных (кабаны, лошади, кошачьи хищники). Двойные выпуклые кантики применяются для изображения копыт у кабанов и козлов и клыков у кабанов. Хвост у самых разных животных, даже у лошадей, изображен в виде короткого округлого выступа (табл. 88, 19, 21).

Благодаря такому единообразию поз и деталей «минусинский стиль» кажется удивительно однородным. Это позволяет возводить его к одному источнику, без существенных дополнительных влияний, а именно — к карасукскому искусству, для которого характерны те же отличительные черты: сквозные круглые глаза и ноздри, обведенные кантиком, изображение головы и тела в виде шаров и цилиндров. Различия между карасукским и раннетагарским («минусинским») звериным стилем невелики. Так, в карасукском зверином стиле несколько иной набор животных: главным образом козлы и бараны, изредка — лошади, единичны бык и лось. Кабаны, кошачьи хищники, хищные птицы не изображались. Гораздо чаще в карасукском искусстве изображались головы животных, чем целые скульптуры, и эти головы расположены под тупым углом к рукоятке предмета (кинжал, нож или шило), так что морда животного поднята вверх немного, тогда как в тагарском искусстве головки животных, украшающих верхнюю часть ножей или кинжалов, составляют продолжение рукоятки, и их морды подняты вверх вертикально (напротив, в тагарской круглой скульптуре головы животных предпочитали изображать опущенными). Наконец, в карасукской скульптуре тела животных полые, а в тагарской они становятся сплошными.

В конце VI—V в. до н. э. наряду с «минусинским стилем» (который к этому времени начинает несколько вырождаться) в Минусинской котловине появляется новый, «алтайский звериный стиль» (табл. 88, 5—12). Набор изображаемых животных в нем несколько иной, чем в «минусинском стиле», и соотношение изображаемых животных иное. Первое место по частоте встречаемости в «алтайском стиле» занимают фигуры оленей с подогнутыми ногами (табл. 88, 6). В «минусинском стиле» этого мотива не было вообще. Впервые он появляется в Минусинской котловине в V в. до н. э., значительно позже, чем в Казахстане и Северном Причерноморье [Членова Н. Л., 1962б; 1967]. На втором месте в «алтайском стиле» Минусинской котловины — головки хищной птицы (табл. 88, 12), самый частый мотив в «минусинском стиле». Далее идут голова волка, голова барана-аргали, фигура кошачьего хищника (табл. 88, 11), фигурка птицы, повернувшей голову назад (табл. 88, 5), фигурка лошади-«монголки», фигурка стоящего осла или кулана, голова и передняя лапа волка, головка кабана, головка сайги, фигурка неопределенного хищника, фигурка волка (табл. 88, 7), фигурка кабана, фигурка сайги, морда хищника в фас (табл. 88, 10). Кабан и козел, занимавшие в «минусинском стиле» второе и третье места, в «алтайском стиле» почти совершенно не изображаются; вместо домашнего барана изображается дикий горный баран-аргали (табл. 88, 9, 9а); вместо высокопородной лошади — степная лошадь-«монголка». Наконец, большое место занимают

животные, не изображавшиеся в «минусинском стиле», — олень, волк, осел или кулан, птица, повернувшая голову назад, сайга. Если в «минусинском стиле» на первом месте была круглая скульптура, а рельефных изображений значительно меньше, то в «алтайском стиле», напротив, изображений в рельефе почти вдвое больше, чем в круглой скульптуре. Техника врезанной линии по-прежнему занимает скромное место. Соотношение целых фигурок животных и их головок в «алтайском» и «минусинском» стилях примерно одинаково. Сам «алтайский стиль» изображений — резко отличается от «минусинского». Если для последнего характерен определенный геометризм в изображении частей тела животного (шары, цилиндры и т. д.), то в «алтайском стиле» тела животных криволинейны и пластичны, глаза близки к натуре, уши часто — в виде спирали, лапы хищника — с когтями. При вырождении «минусинский стиль» имеет тенденцию к дальнейшей геометризации, а «алтайский» превращается в пышный растительный орнамент со всевозможными завитками, простыми и двойными спиралями.

Если «минусинский стиль» восходит к карасукскому (при некотором влиянии звериного стиля Казахстана), окончательно складывается на территории Минусинской котловины и может рассматриваться как местный, то «алтайский стиль» принесен на территорию Минусинской котловины в готовом виде из более западных районов (Алтай, Казахстан), где он известен уже в VII—VI вв. до н. э. В Минусинской котловине в «алтайском стиле» украшены главным образом предметы конского убора. Очевидно, он попал на эту территорию вместе с людьми из Восточного Казахстана, в жизни которых верховой конь играл значительно большую роль, чем у людей тагарской культуры. Однако «алтайский стиль» не остался в тагарской культуре чужеродным явлением. Он был воспринят населением тагарской культуры, которое стало украшать в этом стиле не только конский убор, но и другие предметы — ножи, кельты и пр. На протяжении V—IV вв. до н. э. «минусинский» и «алтайский» стили бытуют в тагарской культуре параллельно и выходят из употребления к концу тагарской эпохи.

Звериный стиль тагарской культуры, как и звериный стиль других территорий «скифского мира», несомненно, был не только декоративным элементом, но нес и какую-то важную смысловую нагрузку. Высказывалось мнение, что первоначально изображаемые животные могли быть тотемами отдельных племен, а впоследствии превратились и в межплеменные божества [Членова Н. Л., 1962б]. Интересно, что в разных частях «скифского мира» набор изображаемых животных далеко не одинаков. Судя по частоте изображений в ранней тагарской культуре (VII—VI вв. до н. э.), наиболее почитаемыми животными (возможно, первоначальными тотемами) были хищная птица (коршун или орел), кабан и козел, а с V в. до н. э. — олень, фантастическая хищная птица, волк и горный баран-аргали. Это — одно из доказательств прихода в Минусинскую котловину в V в. до н. э. нового населения, у которого были свои божества, восходящие к

тотемам. Так, олень и волк особенно почитались у саков. Предполагают, что само название саков (и скифов) означает «олень» [Абаев В. И., 1949. С. 37, 179, 198; 1979. С. 11, 14; Членова Н. Л., 1962б]. Это позволяет думать, что в составе населения, появившегося в Минусинской котловине в V в. до н. э., были саки. Изображениями животных украшали оружие и конский убор (чтобы обеспечить их помощь в битвах), а также предметы, связанные с культом (зеркала, котлы), и просто предметы быта (ножи, гребни).

Наскальные рисунки, или писаницы, — важный, но еще плохо изученный вид тагарского искусства. Тагарские рисунки выбиты на гладких плитах скал, главным образом по берегам рек. Этот вид искусства распространен в Минусинской котловине по крайней мере с эпохи бронзы. Поскольку плоскости скал, удобные для нанесения изображений, встречаются не так уж часто, то на одной и той же скале нередко встречаются рисунки разных эпох, иногда пересекающие друг друга. Наиболее надежным критерием для датировки писаниц служат датированные предметы материальной культуры, изображенные на них: оружие, предметы быта, а также стиль и техника нанесения рисунка. Тагарские рисунки выбивали точечной техникой, каким-то металлическим острым орудием, причем чаще не контур, а весь силуэт. Однако эта техника характерна не только для тагарской эпохи, но и для таштыкской. Некоторые изображения животных выполнены в стиле, близко напоминающем звериный, — например, лошади на Оглахтинских писаницах и у улуса Апкашева (табл. 88, 3а), бараны с подогнутыми ногами на Большой Боярской писанице (табл. 88, 2). Но большинство животных на наскальных рисунках изображено не в зверином стиле, а гораздо схематичнее (табл. 88, 1, 3б, 4). Датированные предметы материальной культуры встречаются на писаницах также достаточно редко (например, котлы «скифского типа»; табл. 88, 1, 3а). Вследствие всех этих обстоятельств датировка писаниц вообще, и тагарских в частности, довольно затруднительна.

К наиболее известным писаницам с достоверно тагарскими рисунками относятся Оглахтинская (табл. 88, 4), Шалаболинская [Вяткина К. В., 1961], Большая и Малая Боярские (табл. 88, 1, 2). Последние, как принято считать, датируются концом тагарской эпохи. Известны также тагарские писаницы Кызыл-Хая и у улуса Апкашева (табл. 88, 3, 3а—б) [Членова Н. Л., 1981] и еще несколько. Обычно на тагарских писаницах изображены отдельные животные (козлы, лошади, олени) или животные и люди, которые стреляют в них из лука. В отличие от тагарских бронз, фигурки людей на писаницах часты, но они, как правило, очень схематичны (табл. 88, 1, 3, 3а). Правда, известна и более близкая к натуре фигура обнаженного человека в высоком колпаке, держащего под уздцы двух лошадей (табл. 88, 4). Известны также изображения всадников; человека, едущего на санях [Appelgren-Kivalo Н., 1931]; людей, взявшихся за руки («хороводы») или мешающих что-то в котлах «скифского типа» [Appelgren-Kivalo Н., 1931]; поселков-домов; людей; домашних животных; утвари

(Боярские писаницы; табл. 88, 1). Несомненно, что тагарские писаницы не были «картинными галереями» древних людей, а играли какую-то важную роль в их культурах и служили местами жертвоприношений.

ХОЗЯЙСТВО, РЕМЕСЛА, ТОРГОВЛЯ. Хозяйство людей тагарской культуры можно охарактеризовать как комплексное, скотоводческо-земледельческое. О том, каких животных разводили, позволяют судить находки костей животных в курганах и на поселениях. Кости животных в курганах распределяются следующим образом: коровы — в 81 могиле (45,5% могил), овцы (козы) — в 78 (43,8%), лошади — в 19 (10,7%) [Гришин Ю. С., 1960. С. 126]. Изучение костей животных на поселениях также показывает, что ведущее место в стаде занимала корова (до 40%) [Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979]. Косвенным свидетельством важности скотоводства в жизни тагарского населения служат захоронения собак в тагарских курганах (не менее четырех захоронений). В одном случае установлено, что собака была очень старой, очевидно, умерла естественной смертью и была с почетом похоронена в кургане [Членова Н. Л., 1966. С. 227, 228]. Захоронения собак в курганах свидетельствуют о важной роли их в жизни скотоводов-тагарцев и служат иллюстрацией к Авесте, где предписывалось хорошо кормить и почитать собаку, охраняющую скот. Убийство собаки приравнивалось там к убийству человека и влекло за собой мучительную казнь.

Породы домашних животных тагарского населения еще не стали предметом специального исследования зоологов. Мы можем судить, пожалуй, только о породах тагарских лошадей по изображениям (предметы искусства из бронзы и кости, наскальные рисунки). Одна из них — лошадь типа «монголки» — широко распространена в степном поясе Евразии как в древности, так и в новое время. Это небольшая лошадка, крепкая, выносливая, приземистая, коротконогая. Другая лошадь — высокопородная, высокорослая, с «лебединой» шеей и длинными ногами (табл. 88, 3в). Она происходит, видимо, из Средней Азии. В более позднее время в Минусинской котловине такие лошади неизвестны.

В степных районах Хакасии есть древние каналы, некоторые из них датируются тагарским временем. По мнению В. И. Федорова [1952], они служили для орошения лугов и водопоя скота. Скот содержался, очевидно, круглый год на подножном корму. В степях Хакасии сравнительно малоснежные зимы, так что не только лошади, но и коровы могли доставать себе корм из-под снега.

Значительный процент костей коровы в тагарских курганах и на поселениях указывает на то, что тагарское население было более оседлым, чем его современники в степях Казахстана или Забайкалья. Можно утверждать, что люди тагарской культуры не были кочевниками. Об этом говорят значительная роль земледелия в их хозяйстве и тот факт, что тагарские захоронения никогда не сопровождаются конскими захоронениями и предметами конского убора, как это было принято у кочевников. Ю. С. Гришин [1960. С. 120, след.] считает тагарское скотоводство пастушеским. М. П. Грязнов

[1968. С. 195] думает, что люди тагарской культуры практиковали отгонное (яйлажное) скотоводство. Скот отгоняли, видимо, на небольшое расстояние.

Тагарское земледелие документируется, во-первых, расположением поселений в поймах рек и по берегам озер и значительной мощностью их культурного слоя; во-вторых, большим числом найденных на всех без исключения поселениях зернотерок; в-третьих, большим количеством бронзовых тагарских серпов. Было ли тагарское земледелие мотыжным или плужным, неизвестно: орудия для обработки почвы не найдены. Но на одном из наскальных рисунков изображен человек с мотыгой в форме сечки [Киселев С. В., 1949. С. 149]. Остаток тагарской пашни найден у с. Знаменка под насыпью тагарского кургана. Как предполагают исследователи, пашня была разделана на узкие грядки мотыгами [Appelgren-Kivalo H., 1931. S. 10, 24, Abb. 123; Киселев С. В., 1949. С. 149; Гришин Ю. С., 1960. С. 119]. Существует мнение, что тагарское земледелие было поливным и что для полива служили древние каналы, из которых несколько относится к тагарскому времени. Уже приводилось мнение об использовании их для водопоя скота и орошения лугов. Но нельзя исключить, что некоторые каналы служили для полива полей. Упомянутая пашня у с. Знаменка орошалась большим каналом, тагарская дата которого установлена С. В. Киселевым [1949. С. 149]. Но вообще в Минусинской котловине не было особой нужды в поливном земледелии. Там существует много незасушливых районов, с хорошими черноземными почвами, не требующими искусственного орошения: это лесостепная, северная, часть Минусинской котловины и правобережье Енисея. Русские, придя на территорию Минусинской котловины, селились именно в этих районах, и их земледелие не требовало искусственного орошения.

Находки серпов свидетельствуют о знакомстве тагарцев со злаками. В тагарских памятниках злаки не найдены, но в двух курганах переходного тагарско-таштыкского времени под бронзовыми зеркалами найдены зерна проса и ячменя [Гришин Ю. С., 1960. С. 124; Мартынов А. И., 1979. С. 100]. Можно предполагать, что и тагарское население сеяло просо. Зерно растирали на зернотерках и ручных жерновах.

Охота в тагарскую эпоху играла, по-видимому, небольшую роль, так как кости диких животных почти не встречаются в тагарских курганах и на поселениях. Но она все же существовала, о чем можно судить по тагарским наскальным рисункам, на которых изображены сцены охоты с луком на копытных зверей.

Рыболовство также играло в жизни тагарского населения весьма скромную роль. Кости рыб обнаружены в двух тагарских курганах, еще в двух найдены бронзовые рыболовные крючки. Десяток тагарских рыболовных крючков происходит из случайных находок в Минусинской котловине. Рыбу ловили также и сетями.

Достаточно хорошо изучена бронзовая металлургия тагарской культуры, ее слава и гордость. Известны и медные рудники, и медеплавильни, и целые металлургические комплексы. Один из них (у пос.

Цветногорск) включает 24 выработки на медь — карьеры и воронкообразные ямы, расположенные группами от трех до 13 ям, вытянутых в ряд с северо-запада на юго-восток. Самые крупные имеют размеры 13×13 м, глубину 3,6 м. Многочисленны шлаковые отвалы в виде сердцевидных в плане насыпей, находящихся рядом с выработками. Длина отвалов достигает 30 м, а высота — 2,5 м. Они состоят из лепешковидных кусков медных шлаков. Обнаружены остатки медеплавильни в виде очагов из каменных плит и целый поселок древних плавильщиков (Медведков лог). Там, кроме обычных на поселении находок (очаг, тагарская керамика V—III вв. до н. э., зернотерки, кости животных), найдены литейные формы, часть глиняного сопла и отвал из мелкой крошки пустой породы и оббитых шлаков, которые, видимо, добавляли в шихту для ускорения плавки [Сунчугашев Я. И., 1975. С. 48—51, 102—106, 109—111]. В окрестностях горы Темир — две группы горных выработок: карьеры и шахты (в зависимости от строения рудного тела). Шахты (диаметр около 1 м) идут вниз по спирали на глубину 25—30 м (такой тип выработки лучше всего предохраняет от обвалов). Неподалеку находились медеплавильни и шлаковые отвалы. Обнаружены плавильни двух видов: продолговатая яма и специальная печь, сложенная из гранитных плит и покрытая плитой (размеры печи 1×0,4 м, высота — 0,35 м). Некоторые медеплавильни, судя по керамике, найденной в шлаковых отвалах, относятся к VII—VI вв. до н. э., другие — к более позднему времени, до IV в. до н. э. Возле шлаковых отвалов у горы Темир открыто и поселение древних металлургов, где, кроме тагарской керамики VII—VI вв. до н. э., зернотерок и костей животных, были остатки руды (малахит и азурит), обломки каменных молотов, сопел и литейных шишек. Люди жили и работали здесь, видимо, только летом, судя по остаткам жилища типа шалаша [Сунчугашев Я. И., 1975. С. 62, 83—90, 98, 99].

Удалось изучить технику проходки горных выработок и технику выплавки металла. В древних выработках и близ них найдены все основные орудия горного дела — каменные молоты и кайлы, роговые кирки и даже деревянные лопаты (Улень). Выносили руду из шахт, видимо, в кожаных мешках (такие мешки обнаружены в древнем руднике Улень и древних рудниках на Алтае и Урале). В плавку шли только окисленные руды, не требующие предварительной обработки, топливом служил древесный уголь. Медь от шлака отделяли, сливая шлак в специальные ямки, а медь — на плиты с чашевидными углублениями, отчего слитки получались плоскими с одной стороны и выпуклыми — с другой. По величине шлаковых отвалов Я. И. Сунчугашев даже рассчитал, сколько было произведено плавок и сколько меди выплавлено на том или ином древнем руднике. Цифры очень велики: так, на древних медеплавильнях у пос. Цветногорск было произведено 508 310 плавок и выплавлено не менее 130 тонн меди [Сунчугашев Я. И., 1975. С. 24, 67—75, 89, 90, 107, 108].

Техника литья и состав тагарских бронз изучены хорошо. Формы для отливок обычно были глиняными двустворчатыми или еще более сложными

(пос. Обьюл, литейная мастерская на р. Таштык и т. д.). Перед заливкой металла створки форм соединяли, и места соединения замазывали глиной. Чтобы извлечь изделие из формы, надо было ее разбить. Известны и медные формы для отливки тагарских кельтов, и бронзовые зажимы для литейных форм [Гришин Ю. С., 1960. С. 145—147].

Долгое время необычайная многочисленность тагарских бронз и их высокое качество ставили исследователей в тупик. Дело в том, что при большом количестве месторождений меди в Минусинской котловине совершенно нет олова, и до настоящего времени не найдено ни месторождений касситерита, ни древних оловянных рудников [Сунчугашев Я. И., 1975. С. 135—139, 144]. Предполагалось, что олово было привозным. Загадка тагарской бронзы была разрешена, когда стали производить массовые спектральные анализы тагарских вещей. Оказалось, что больше половины (57%) тагарских бронз это не бронзы в точном смысле слова (т. е. сплавы меди с оловом), а либо медь, либо сплав меди с мышьяком (1—5%). В остальных тагарских сплавах доля олова 1,4—5,6%, тогда как на других территориях гораздо выше [Богданова-Березовская И. В., 1963. С. 136—157; Сергеева Н. Ф., 1981. С. 41—45]. Следовательно, тагарские мастера экономии привозное олово и очень часто заменяли его мышьяком, как делалось и в предыдущую карасукскую эпоху. Известно несколько тагарских кладов, принадлежавших литейщикам (д. Брагина; табл. 86, 9—11, 13, 14; с. Есаульское; д. Зыкова) [Левашева В. П., 1939. С. 33—36. Табл. V—VII; Киселев С. В., 1949. С. 151; Николаев Р. В., 1961].

Нет сомнений, что древние горные выработки, поселения горняков и литейщиков, клады готовых изделий и слитков металла свидетельствуют о существовании специалистов-металлургов, литейщиков, вероятно общинных ремесленников. О том же говорят особые значки мастеров на изделиях [Левашева В. П., 1939. С. 31; Полторацкая В. Н., 1962]. Самое же главное свидетельство существования специалистов-ремесленников — это необычайная стандартность форм и размеров большинства тагарских бронзовых изделий — ножей, кинжалов, серпов.

Люди тагарской культуры также добывали и обрабатывали россыпное золото. Древние орудия горного дела (кирки, песты, каменная ступа), тагарские бронзовый нож и сосуд IV—III вв. до н. э. найдены на золотых приисках на р. Узунжол. А по р. Кантегир, на северном склоне Западного Саяна, обнаружено место древних разработок золота — несколько воронкообразных ям (диаметр около 5 м, глубина около 1,5 м). Здесь же найдены бронзовые кайла, удила и псалии [Сунчугашев Я. И., 1975. С. 130—133]. Из золота изготавливали тонкую фольгу, которой покрывали бронзовые украшения — полшарные бляшки и бляшки в виде оленей. Литые золотые тагарские вещи неизвестны. Добычей и обработкой золота, вероятно, занимались также специалисты-ремесленники.

Железо в тагарской культуре до III—II вв. до н. э. (до переходной тагарско-таштыкской эпохи) почти не применялось. На более чем 6 тыс. бронзовых тагарских орудий и других предметов прихо-

дится всего 55 бронзово-железных и железных, происходящих из случайных находок. Ни в одном тагарском кургане старше III в. до н. э., которых раскопано к настоящему времени почти 1 тыс. (около 2 тыс. могил), не найдено ни одного железного или бронзово-железного предмета. Некоторые из железных кинжалов тагарского времени, найденных в Минусинской котловине, безусловно импортные [Членова Н. Л., 1967. Табл. 11, 13—15], другие, как железные, так и бронзово-железные, — вероятно импортные. Неизвестно, изготавливали ли сами тагарские люди железные вещи до III в. до н. э. [Членова Н. Л., 1964а. С. 287, 288]. Никаких следов железоделательного производства, относящегося к тагарской культуре, до сих пор не найдено, за исключением единственного пункта на Узунжуле, где обнаружены куски железной руды и железные шлаки рядом с тагарской керамикой [Сунчугашев Я. И., 1979. С. 20]. Но неизвестно, были ли они в едином комплексе. Исследователи, усиленно пытающиеся доказать существование развитой железной металлургии в тагарской культуре [Дэвлет М. А., 1968; Сунчугашев Я. И., 1979] не могут привести в пользу своей точки зрения никаких фактов, кроме общих соображений о том, что железо в скифскую эпоху было широко распространено в Евразии и что в Минусинской котловине найдено некоторое количество железных кинжалов и ножей. Но одни из этих предметов — импортные, другие же, как петельчатые и кольчатые ножи, относятся к переходному тагарско-таштыкскому времени, что засвидетельствовано находками в курганах того времени, третьи вообще таштыкские.

Железо в культурах Евразии скифского времени действительно, широко распространено — от Украины и Кавказа до Прикамья и Горного Алтая, что доказывают многочисленные находки железных изделий в погребениях и на поселениях различных культур на этих территориях. Тагарская культура — исключение из этого правила. Причина такой ситуации достаточно ясна: это колоссальные запасы меди в Минусинской котловине, традиционно разрабатывавшиеся местным населением в течение многих веков. Если на других территориях основным стимулом для перехода к железу в период, когда одни только каменные и костяные орудия никак не могли уже удовлетворить потребности развивающегося общества, стало отсутствие меди или малое ее количество, то в Минусинской котловине такого стимула не было. Тут речь должна идти не о недостатке меди, а напротив, о ее избытке. И преимущества железного оружия и орудий перед бронзовыми были осознаны здесь очень не скоро и то под давлением извне, когда люди тагарской культуры столкнулись с «таштыкцами», владевшими железом. Широкое освоение железа в Минусинской котловине знаменует закат и гибель тагарской культуры, смену ее культурой таштыкской.

Наряду с добычей и обработкой металлов, которыми занимались специалисты, в тагарскую эпоху существовали и домашние ремесла: обработка дерева, косторезное и кожевенное дело, прядение и ткачество, гончарство.

Обработка дерева играла у тагарских племен большую роль. Уже говорилось о том, что тагарские дома были бревенчатыми, бревенчатыми были и дома мертвых — срубы в тагарских могилах, и другие погребальные конструкции. В некоторых тагарских курганах (Копьева, Малая Иня) найдены обломки деревянных сосудов. Из дерева, несомненно, изготавливались очень многие предметы, не дошедшие до нас: повозки, сани, лодки (сани и лодки изображены на тагарских наскальных рисунках), рукоятки кельтов, пил, долот, ножей, копий, чеканов, топоров, луки, древки стрел и многое другое. Зато до нас дошли многочисленные бронзовые орудия для обработки дерева: кельты (топоры и тесла) самых разных размеров и веса, пилы, долота, ножи (табл. 86, 5, 7, 10, 11, 13—24, 26—28, 30, 31, 33—37, 39, 40, 42, 44, 45).

О кожевном производстве известно мало, так как кожа плохо сохраняется. Вероятно, из кожи шили одежду — куртки, как и в более раннее, андроновское, и в более позднее, таштыкское, время. По изображениям людей на наскальных рисунках на тагарских и западносибирских бляхах можно судить о том, что из кожи изготавливали мягкую обувь типа сапожек с острыми носками. Остатки толстой кожи, видимо от обуви, были найдены у ног погребенных в нескольких тагарских курганах. Из тонкой кожи, кроме одежды, изготавливали футляры для ножей, шильев, зеркал. В тагарских могилах найдено несколько таких футляров с геометрическим или криволинейным орнаментом, вышитым шерстяными нитками и раскрашенным. Очень тоненькими кожаными ремешками пришивали бронзовые бляшки к головному убору. Наконец, из кожи изготавливали принадлежности конской сбруи — ремни, седла (известны лишь по наскальным рисункам). Сшивали кожаные изделия сухожильными нитками. Отверстия в коже прокалывали шильями.

Тагарские ткани были из овечьей и верблюжьей шерсти. Шерсть пряли с помощью веретен, на конец которых надевали глиняные и каменные пряслица обычной дисковидной формы. Иногда их находят в тагарских курганах и очень часто — на поселениях. Кусочки шерстяных тканей найдены в нескольких тагарских курганах (Кочергино, Тагарское озеро, Малая Иня, Ягуня). Обычно они простого полотняного переплетения, но известны и с диагональным переплетением. В кургане V—IV вв. до н. э. у с. Малая Иня найден обрывок шерстяной ткани из верблюжьей шерсти с довольно сложным саржевым переплетением. Шерстяными нитками вышиты различные узоры на кожаных футлярах для ножей.

Шили и вышивали кожаными иголками, которые разве только чуть потолще наших современных иглолок. Такие иголки в бронзовом игольнике-трубочке найдены в кладе V—IV вв. до н. э. у с. Есаульское. Из этнографии некоторых сибирских народов (эвенков, нганасан и др.) известен способ ношения таких игольников: женщина вкалывала иголки в кожаный ремешок, который был прикреплен на груди к одежде, а поверх ремешка надвигала трубочку-игольник, чтобы не уколоться. По-видимому, так же носили игольники и тагарские женщины. Шерсть употреблялась и для вязания. В не-

скольких тагарских курганах (Ягуня) найдены остатки вязаных шапочек и какой-то одежды.

К числу домашних ремесел относится изготовление костяных и роговых вещей. Из кости изготовляли наконечники стрел, гребни, вырезали фигурки животных. Из рога сделан боевой топорик (Изыкчуль). Остатки косторезного производства обнаружены в тагарском слое поселения Объюл. Кость, по-видимому, сначала размягчали в горячей воде, а затем резали обычным ножом. Готовые костяные и роговые предметы полировали.

Одной из наиболее важных отраслей домашнего производства было изготовление керамики. Вся тагарская керамика леплена от руки, тесто включает значительную примесь дресвы, выделка очень тщательная. Самая обычная форма — баночный сосуд с хорошо уплощенным, часто абсолютно плоским дном. При изготовлении сосуд помещали вверх дном, и дно вначале делали выпуклым, потом его уплощивали на какой-то плоской поверхности. Иногда дно вставляли отдельно. Цвет баночных сосудов серо-черный или черный (иногда с более светлыми пятнами), что объясняется обжигом в костре при сильно коптящем пламени. Готовую посуду лощили. Большинство сосудов из курганов лощено. На поселениях встречаются сосуды и худшей выделки, без лощения. Разбитые или треснутые сосуды чинили: по обе стороны трещины высверливали отверстия, которые стягивали бронзовой скобочкой или проволокой. Если у сосуда отбивался верх, то сохранившаяся нижняя часть использовалась как плошка. Иногда у нее подравнивали края.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП, ПРОИСХОЖДЕНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Общественный строй носителей тагарской культуры рассматривался исследователями до 50-х годов XX в. как родо-племенной или родовой на стадии разложения. Некоторые придерживаются этой точки зрения и сейчас. Так, А. И. Мартынов [1979. С. 148, 149] полагал, что «население тагарской культуры переживало период господства семейно-родовых патриархальных отношений и дуальной патриархальной организации при наличии первых зачатков патриархального рабства». Позже он пересмотрел свою точку зрения и считает, что у людей тагарской культуры было государство [Мартынов А. И., 1987. С. 6]. С. В. Киселев [1949. С. 166] писал, что к концу тагарской эпохи «родовой строй становился все в большей и большей степени военным». М. П. Грязнов [1968. С. 195] думал, что «на Енисее, как и на Алтае и в Скифии, уже с VII в. до н. э. установился военно-демократический строй родового общества, и тагарские племена переживали его последнюю фазу». Н. Л. Членова [1973. С. 24] писала, что для тагарского общества характерно формирование классовых отношений, о чем свидетельствуют курганы Салбыка, напоминающие скифские и сакские царские курганы Причерноморья и Казахстана.

К настоящему времени накопились данные о том, что тагарское общество было достаточно развитым. На это указывают по крайней мере три фактора: 1) погребения вооруженных воинов; 2) укрепленные тагарские городища; 3) группа огромных курганов в урочище Салбык V—IV вв. до н. э.

По подсчетам А. М. Кулемзина [1982], погребения вооруженных воинов составляли среди тагарских погребений высокий процент, и он быстро возрастал в течение тагарской эпохи: в VII—VI вв. до н. э. — 20% от всех мужских погребений; в VI—V вв. до н. э. — 50%; к III в. до н. э. — 90%, причем выделялись воины, более привилегированные, вооруженные чеканами (или топорами) и кинжалами и носившие украшения — бляшки в виде оленя (в их погребениях встречаются также «штандарты»), и менее привилегированные (молодые воины), вооруженные луками и стрелами, кельтами и кинжалами. Уже было сказано, что луки и стрелы не играли в тагарском военном деле большой роли. Такая мощная военная прослойка, причем неоднородная, говорит о далеко зашедшей дифференциации в тагарском обществе.

Появление укрепленных городищ также свидетельствует о том, что война в тагарском обществе играла большую роль. Но самым ярким свидетельством неоднородности тагарского общества является группа огромных Салбыкских курганов. В самом большом первоначально было погребено всего два человека, которые сопровождались погребением двух слуг, вероятно рабов. Такие курганы позволяют судить о том, что тагарское общество было уже раннеклассовым, военно-демократическим, подобно скифам Причерноморья и сакам Казахстана в эту эпоху. Наиболее характерным для периода военной демократии типом организации является союз племен, и мы вправе предполагать у носителей тагарской культуры именно такую организацию. В Большом Салбыкском кургане, единственном тагарском кургане таких размеров, вероятнее всего, был похоронен глава союза племен. Коллективные тагарские погребения (начиная с V—IV вв. до н. э.) не противоречат этому выводу, так как на стадии военной демократии «сильная власть военачальников сочетается с существованием „общины равных“ или с ее весьма стойкими пережитками» [Нейхардт А. А., 1982. С. 179].

Добавочный штрих к характеристике тагарского общества — низкая средняя продолжительность жизни тагарцев: 42—43 года — для мужчин, 38—39 лет — для женщин, а с учетом детей и юношей средняя продолжительность жизни тагарцев равнялась 26,5 годам [Козинцев А. Г., 1971. С. 152].

Самоназвание людей тагарской культуры или имя, которым их называли другие народы, неизвестно. Минусинская котловина находилась слишком далеко как от античного мира, так и от Китая и, по-видимому, в тагарскую эпоху ни прямо, ни опосредованно не была связана ни с тем, ни с другим миром. Показательно полное отсутствие и греческого, и китайского импорта в Минусинской котловине в то время. Какие-то непрямые связи существовали, видимо, с ахеменидским Ираном, поскольку иранское влияние ощущимо в некоторых предметах вооружения, конском уборе и зверином стиле V—IV вв. до н. э. Оно было много слабее, чем в Восточном Казахстане и Горном Алтае в ту же эпоху, и достигало Минусинской котловины, видимо, как раз через территории Восточного Казахстана и соседних областей. Но и в иранских

источниках нет никаких сведений о жителях Минусинской котловины в тагарскую эпоху.

Еще с конца прошлого века в литературе принято отождествлять носителей тагарской культуры с «белокурыми народами» — «билами», «гелочами», динлинами, упоминаемыми в китайских летописях и локализуемыми где-то в Сибири (В. В. Радлов, Г. Е. Грум-Гржимайло, С. А. Теплоухов, Г. Ф. Дебец, С. В. Киселев, Л. Н. Гумилев и др.). Это отождествление вызвано тем, что черепа людей тагарской культуры европеоидны, как было установлено еще в XIX в. исследованиями К. И. Горощенко. Это казалось в то время удивительным и уникальным для Сибири, где русские встретились исключительно с монголоидным населением. В дальнейшем антропологи установили, что европеоидное население и население смешанного европеоидно-монголоидного типа было в древности распространено очень широко в Казахстане, Западной Сибири и даже западной Монголии, и ничего уникального в том факте, что тагарцы были европеоидами, нет. Тем не менее, в различных сводных работах продолжали по традиции называть людей тагарской культуры динлинами. Между тем, еще Н. Я. Бичурин в 50-х годах XIX в., а затем Ван И-Вэй и О. Мэнчен-Хэлфен в 30-х годах XX в. установили, что если собрать все сведения о динлинах Южной Сибири из китайских летописей, то выяснится, что они жили в период с конца III в. до н. э. по III в. н. э., а территория их расселения простиралась от Байкала до Оби или Иртыша и они были кочевниками [Бичурин Н. Я., 1950а. С. 50, 214; Maenchen-Helfen O., 1939. P. 77, 78, 80]. Таким образом, ни хронологические, ни географические рамки, отводимые динлинам, ни характеристика их хозяйства и образа жизни не соответствуют тагарской культуре [Членова Н. Л., 1967. С. 220—222].

По физическому типу люди тагарской культуры были европеоидами, сходными со скифами Причерноморья (табл. 59, 1) [Дебец Г. Ф., 1948; Алексеев В. П., 1961]. Однако прямая связь со скифами Причерноморья исключается [Алексеев В. П., 1961. С. 253, 258]. На носителей предшествующей «классической» карасукской культуры люди тагарской культуры очень непохожи [Дебец Г. Ф., 1948; Алексеев В. П., 1961; Козинцев А. Г., 1977. С. 67]. По сумме признаков «тагарцы» более всего сходны с «афанасьевцами», «андроновцами-федоровцами» и носителями лугавской культуры [Козинцев А. Г., 1977. С. 67]. Тагарское население по физическому типу было очень неоднородно. Эта неоднородность — следствие «механического смешения

нескольких компонентов, осколков прежних этносов из которых складывалась тагарская общность [Козинцев А. Г., 1977. С. 68].

Данные палеоантропологии соответствуют археологическим данным о происхождении тагарской культуры, бывшей одной из культур «скифского мира», точнее восточной его части. Но и среди «восточноскифских» культур тагарская занимает достаточно обособленное место.

Многие категории тагарских бронзовых вещей (ранние формы кинжалов, чеканы, кельты, некоторые формы ножей и зеркал), многое в «минусинском стиле» являются развитием «классических» карасукских. Однако керамика, большинство украшений, погребальный обряд тагарской культуры как и физический тип ее населения, резко отличаются от карасукских. Стало быть, связь тагарской и собственно карасукской культур не генетическая. Подробнее о происхождении тагарской культуры см. выше.

На протяжении VI в. до н. э. тагарская культура существует в некоторой изоляции от своих западных соседей, что приводит к ее своеобразию и придает ей неповторимый отпечаток. В конце VI—V в. до н. э. наблюдается приток населения из Восточного Казахстана и более близких районов Западной Сибири, принесшего с собой многие новые формы бронзовых вещей — некоторые формы кинжалов, чеканов, ножей, зеркал, а также «алтайский звериный стиль», а в северо-западную часть ареала тагарской культуры — и некоторые формы керамики.

В этот же период тагарская культура и ее носители проникают в район Красноярска, создав там особый вариант культуры. Развитие тагарской культуры в Минусинской котловине и северо-восточных районах Кемеровской обл. заканчивается ее смешением с новой, таштыкской, культурой. Результатом этого смешения стали памятники так называемого тесинского этапа. Однако есть данные, что по крайней мере в северо-западной своей части тагарская культура продолжала существовать и позже, параллельно с таштыкской, вплоть до II в. н. э. (раскопки Э. Б. Вадецкой).

Этническая принадлежность носителей тагарской культуры неизвестна. Можно предполагать, что они были ираноязычны, как одни из их предков — «андроновцы» и как родственные им по культуре скифы Причерноморья, савроматы и саки. Менее вероятно (хотя и не исключено), что люди тагарской культуры были кетоязычны [Членова Н. Л., 1967. С. 222, 223].

Тесинский этап

На рубеже III и II вв. до н. э. на среднем Енисее в среде тагарского населения начали складываться и получать развитие основные элементы, характерные в дальнейшем для таштыкской культуры.

Главными источниками для изучения культуры древних племен Минусинских степей в последние века до нашей эры служат погребальные памятники — огромные одиночные курганы с земляными насыпями и массивными каменными стенами в их

основании, а также грунтовые могильники, состоящие из многих отдельных могил (карта 12). Все они характерны для завершающей фазы развития тагарской культуры и перехода к последующей, таштыкской, эпохе. Судя по археологическим данным, этот период на среднем Енисее, именуемый тесинским этапом, охватывает два последних века до нашей эры и выступает как самостоятельный, ноносящий переходный характер. В литературе во-

прос о культурно-исторической принадлежности памятников II—I вв. до н. э. Минусинских степей еще недостаточно освещен и дискусионен. С. А. Теплоухов [1929. С. 49, 50], располагая данными о раскопках только трех больших одиночных курганов, первым обосновал выделение этих памятников в особую хронологическую группу и охарактеризовал ими завершающий (IV) этап минусинской курганной (тагарской) культуры. С. В. Киселев [1951. С. 276—285] вслед за ним отнес их к переходной стадии III тагарской культуры и датировал временем «около начала нашей эры».

Располагая более обширным материалом и новыми фактами, Л. Р. Кызласов [1960. С. 24, 25, 115] предложил именовать этот период тагаро-таштыкским этапом, датируемым II — серединой I в. до н. э. Н. Л. Членова [1964а. С. 281, 287, 307] считала эти памятники уже таштыкскими. А. И. Мартынов и его сотрудники, изучая открытые ими аналогичные памятники в лесостепной полосе юга Сибири, относили их к тагаро-таштыкскому (шестаковскому) переходному этапу и датировали II—I вв. до н. э. [Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М., 1971. С. 150—159; Мартынова Г. С., 1971. С. 18—21; Мартынов А. И., 1974. С. 231—234; 1979. С. 85—91]. В последнее время они сделали попытку выделить в лесостепной зоне Южной Сибири новую археологическую культуру II в. до н. э.—I в. н. э., назвав ее шестаковской [Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М., 1979. С. 33—35]. М. П. Грязнов [1968. С. 191—194; 1979. С. 4], развивая и уточняя построения С. А. Теплоухова и С. В. Киселева, опираясь при этом на новые обширные материалы, отнес эти памятники к завершающему этапу тагарской культуры, назвал его тесинским и датировал, как и Л. Р. Кызласов, II—I вв. до н. э. В последние годы появилась еще одна точка зрения, согласно которой тесинские курганы были оставлены местными позднетагарскими племенами, а грунтовые могильники — новым пришлым населением [Вадецкая Э. Б., 1986б. С. 92, 99, 100]. Мы не разделяем этого мнения.

Такое разнообразие точек зрения объясняется тем, что в погребальных обрядах тесинского этапа еще живут и развиваются традиции тагарской культуры, но вместе с тем появляются новые, часть которых получает дальнейшее развитие в таштыкскую эпоху. Это обстоятельство впервые отметил С. В. Киселев [1951. С. 282—285], а затем убедительно обосновал Л. Р. Кызласов [1960. С. 24—27, 162 и др.].

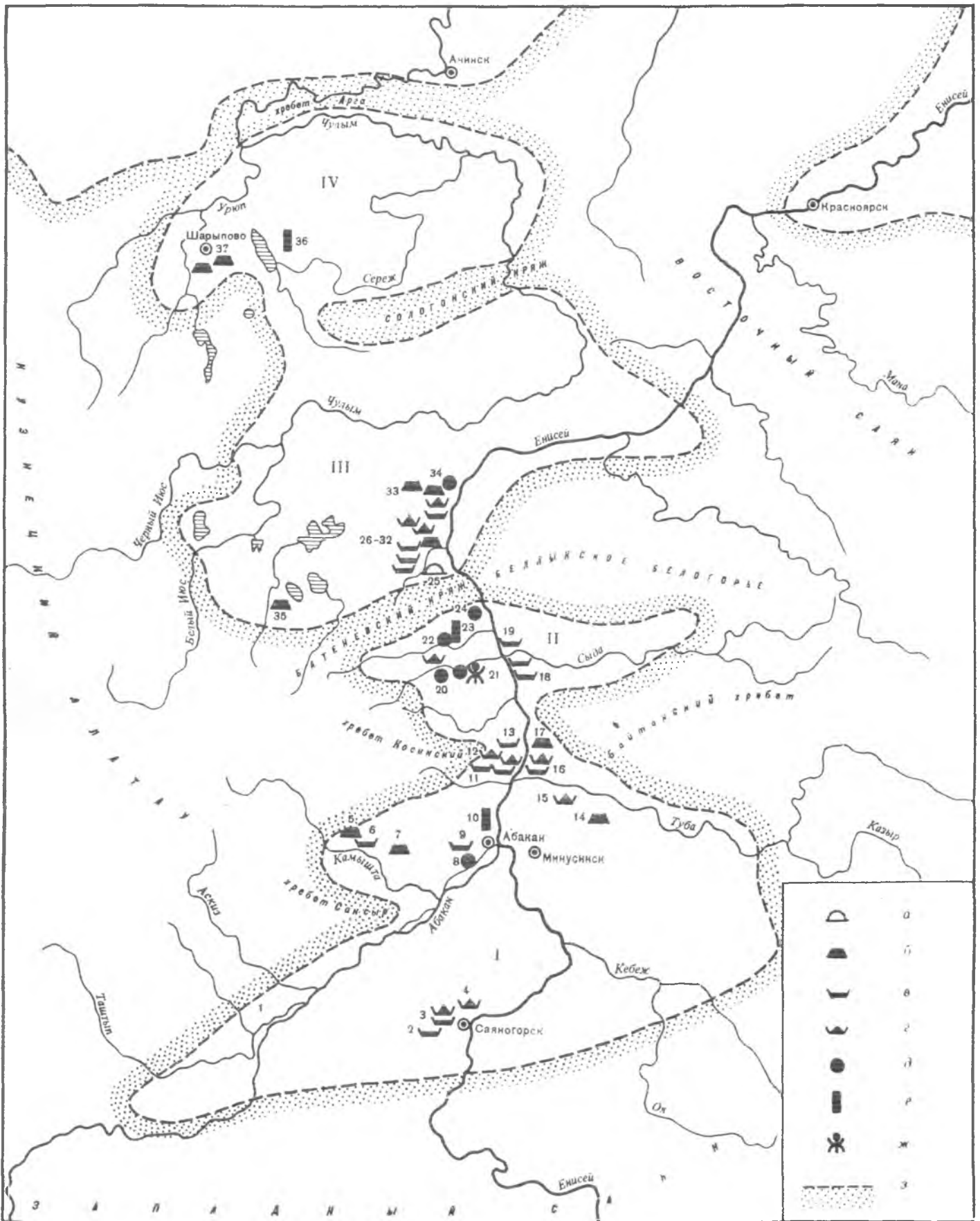
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ. ПОСЕЛЕНИЯ. КЛАДЫ. Долгое время единственным источником для изучения культуры племен тесинского этапа были огромные одиночные курганы с захоронением 100 и более человек в одной камере. Три таких кургана раскопаны в конце прошлого века. Первый из них, называемый Большой Тесинский, исследован в 1889 г. финской экспедицией И. Р. Аспелина [Tallgren A. M., 1921. P. 1—19]. Именем этого кургана М. П. Грязнов назвал и период, к которому он относился, — тесинский этап тагарской культуры. В 1889 г. Д. А. Клеменц произвел раскопки Большого Уйбатского кургана [Киселев С. В.,

1951. С. 276—278, 413]. В 1895 и 1897 гг. А. В. Адрианов раскопал курган (8) у оз. Кызыл-Куль. Четвертый курган исследован уже в советское время А. Н. Липским на речке Туим [Кызласов Л. Р., 1960. С. 25, 26].

Основной материал по изучению больших тесинских курганов получен в результате раскопок Красноярской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1966—1977 гг., проводившихся с полным исследованием всего надмогильного сооружения, детальной расчисткой его архитектурных конструкций и их графической документацией. Четыре кургана раскопано М. Н. Пшеницыной в пунктах Барсучиха I; Тепсей XVI; Разлив I и III; один курган — Г. А. Максименковым близ совхоза Новый Сарагаш [Пшеницына М. Н., 1968; 1973б; Пшеницына М. Н., Завьялов В. А., Пяткин Б. П.; 1975; Пшеницына М. Н., Немировская Е. А., Ефимов В. Г., 1978; Максименков Г. А., 1968]. Кроме того, в 1981—1982 гг. в Шарыповском р-не Красноярского края, в с. Береш, исследовано еще два тесинских склепа [Субботин А. В., 1983. С. 64—66; Вадецкая Э. Б., Гультов С. Б., 1986. С. 95—99]; один — на юге Хакасии (Медведка I) [Седых В. Н., 1983; Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красиенко С. В., 1983. С. 77—79].

Вторая группа памятников тесинского этапа — грунтовые могильники — представляет собой скопления от восьми до 100 и более могил, тесно расположенных на небольших площадках. Чаще это каменные ящики, реже — срубы или грунтовые ямы. Впервые такие могильники тесинского этапа отметил С. В. Киселев [1951. С. 283, 284], указав на четыре могилы, раскопанные Г. Ф. Дебецем в 1938 г. на Уйбатском чаатасе, недалеко от Большого Уйбатского кургана. В 50-х годах такие же могилы в каменных оградах были исследованы В. П. Левашевой и А. Н. Липским [Левашева В. П., 1958. С. 174, след.; Липский А. Н., 1957. С. 76, 77]. В 1960—1963 гг. Красноярская экспедиция исследовала четыре могильника, содержащих 42 захоронения в каменных ящиках внутри небольших оградок из вертикально поставленных плит (могильники Карасук V. IX; Барсучиха IV; Черемушный лог II). Эти находки позволили обосновать выделение второго типа погребальных памятников тесинского этапа, продолжавшего традиции сооружения оград и каменных ящиков внутри них, которые в Минусинских степях характерны для всей эпохи бронзы [Пшеницына М. Н., 1964]. Дальнейшие раскопки Красноярской и Среднеенисейской экспедиций подтвердили на массовом материале правильность этого выделения. В 1964—1982 гг. в 10 пунктах было исследовано еще около 400 могил (карта 12) [Шер Я. А., Хлобыстин Л. П., 1966; Шер Я. А., Григорьев Г. П., Подольский Н. Л., 1967; Шер Я. А., Савинов Д. Г., Подольский Н. Л., Кляшторный С. Г., 1968; Кызласов Л. Р., 1970; Грязнов М. П., Максименков Г. А., 1972; Вадецкая Э. Б., 1973б; Пшеницына М. Н., 1973а; 1979; Подольский М. Л., Кузьмин Н. Ю., 1980; Паульс Е. Д., Подольский М. Л., Кузьмин Н. Ю., 1981; Кузьмин Н. Ю., 1988].

Необычный могильник, состоящий из 15 могил, исследован под стенами каменной ограды большого

Карта 12. Памятники тесинского этапа
 1 — Есинская МТС; 2 — Калы; 3 — «Маяк»; 4 — Означенное VII; 5 — Большой Уйбатский; 6 — Уйбат II; 7 — оз. Кызыл-Куль; 8 — дворец хуннского наместника; 9 — Отк-

ни улус; 10 — Аскыровский; 11 — Мохов улус; 12 — Красный Яр; 13 — Оглахты V; 14 — Большой Тесинский; 15 — Усть-Тесь; 16 — Тесей I, III, VII, VIII, XVI, XVII; 17 — Тесей XVI, склеп; 18 — Черемушный лог II; 19 — Камен-

тесинского кургана Барсучиха I в 1967 г. [Шеницына М. Н., 1975а. С. 150—162]. Это были небрежно сделанные каменные ящики, устроенные в основном внутри каменных оград более древних эпох, — случай, как оказалось, не единственный. В настоящее время известно более 100 впускных могил в 12 пунктах [Киселев С. В., 1929. С. 116—118; Левашева В. П., 1962. С. 62; Шеницына М. Н., 1973а; 1979; Трифонов Ю. И., 1973; Подольский М. Л., Тетерин Ю. В., 1979; Подольский М. Л., Кузьмин Н. Ю., 1980]. Это дало возможность выделить и третий тип погребальных памятников тесинского этапа — впускные захоронения в подобиях каменных ящиков или грунтовых ямах, иногда — в срубках, устроенных либо под стенами оград больших курганов того времени (Барсучиха I; Тепсей XVI), либо рядом с одновременными им грунтовыми могильниками (Красный Яр; Мохово; Разлив; Тепсей; Маяк). На предшествующих тесинскому этапам тагарской культуры подобного явления не наблюдалось. Впервые могильные памятники этого типа на тесинском этапе отмечены М. П. Грязновым [Grjasnow M., 1970. S. 238], а затем на массовом материале рассмотрены М. Н. Шеницыной [1975а. С. 150—162]. В 1983—1985 гг. на Означенской оросительной системе в Бейском р-не на юге Хакасии было исследовано четыре одиночных курган-склепа с коллективными захоронениями и свыше 50 тесинских могил, либо составляющих отдельные могильники, либо впускных, образующих своеобразные «кладбища» [Кузьмин Н. Ю., 1983. С. 29, 30; 1985б; 1986; 1987; Павлов П. Г., 1987; Ефимов В. Г., Паульс Е. Д., 1987; Савинов Д. Г., 1986]. Материалы этих раскопок еще не опубликованы и пока не могут быть использованы в полной мере.

Итак, отличительной чертой тесинского переходного этапа по сравнению с предшествующими ему периодами являются различные по погребальному обряду типы кладбищ — большие курганы-склепы с коллективными захоронениями и грунтовые могильники. Кроме того, какую-то часть умерших хоронили в стороне, рядом со склепом или могильником того же времени, в могилах, устроенных внутри каменных оград более древних эпох.

Обряд погребения в склепах представляется следующим (табл. 92, 11—18, 20—23). Обычно склепы располагали в степи поодиночке. Выкапывали квадратную яму глубиной 2—4 м. В яму ставили сруб, иногда закрепленный снаружи вертикально поставленными бревнами — тыном (Разлив III; Барсучиха; Большой Тесинский; Тепсей XVI). В Новосаргашенском кургане в яме было два сруба с одной общей стенкой. В курганах Барсучиха и Большом Тесинском склеп оказался «двухэтажным» и состоял из наземного и подземного помещений, каждое —

в виде сруба. Пол сруба обычно выстлан горбылями, полубревнами или досками, иногда покрытыми берестой (Уйбатский курган). В двух курганах земляной пол застлан лиственничной корой (Туимский) и берестой (Новосаргашенский). В кургане Тепсей XVI в восточной половине сруба устроены два яруса дощатых «полатей» шириной около 3 м. Сруб обычно покрывали бревенчатым потолком. Площадь срубов от 22 до 50 кв. м и более, высота — до 1,5 м. Яму сверху покрывали одним-двумя накатами из толстых бревен, концы которых опирались на ее борта. В четырех склепах (Барсучиха; Большой Тесинский; Уйбатский и Туимский) эти накаты покоились на опорных столбах. Бревенчатое покрытие ямы закрывали листами бересты или лиственничной коры. В пяти курганах бревенчатая крыша была плоской, в остальных — на два или четыре ската. При рытье ямы для склепа выкид из нее распределяли вдоль всех ее бортов. Поверх него по краям ямы возводились стены-валы из плитняка (Барсучиха) или глины и бревен (Большой Тесинский), иногда же их функцию выполнял только выкид из ямы. В Туимском кургане вокруг бортов ямы был вырыт ров, и над ним сооружен каменный вал.

Видимо, одновременно с рытьем ямы вокруг нее возводили и каменную ограду размерами в среднем 24×26 м, либо из вертикально поставленных плит (Большой Тесинский; Кызыл-Куль 8; Туимский), либо из плитняка (Новосаргашенский; Барсучиха), либо, наконец, из вертикально поставленных плит, дополненных сверху кладкой из мелкого плитняка (Разлив III; Тепсей XVI). Снаружи вдоль каждой из стен ограды и по ее углам ставили массивные столбообразные плиты (от 16 до 20). Склеп и всю площадь внутри ограды закладывали нарезанными кусками дерна. Получалось земляное сооружение, возможно, имевшее форму усеченной пирамиды, в основании которой находилась каменная ограда — крепида. Со временем сооружение разрушалось и превращалось в курган — земляной холм диаметром 23—60 м, высотой 1,5—4,5 м. Вход в склеп прослежен только в кургане Разлив III. Это был коридор в западном борту ямы. Продольные стены его образованы двойным рядом столбов. Сверху он закрыт бревенчатым потолком, смыкающимся с бревнами верхнего наката над могильной ямой. В ее нижнем накате одного центрального бревна не было, в результате чего получился узкий проход, по которому из коридора попадали на потолок погребальной камеры-сруба. Свободное пространство между накатами над могильной ямой и потолком сруба достигало высоты не менее 1 м. Коридор, ведущий в склеп, с торца закрывался двумя массивными плитами. Нет сомнения, что умерших вносили в сруб через какое-то отверстие в потолке.

При возведении надмогильного сооружения из дерна над крышей склепа и его входа в этом сооружении оставляли своего рода люк, являвшийся продолжением коридора, ведущего под крышу склепа. Три земляные стенки люка облицованы каменными плитами. Для устройства одного из склепов была использована погребальная камера сарагашенского кургана, точнее — свободное пространство между потолком камеры и накатами над могильной ямой. Стенки «склепа» оказались, таким образом,

ка III, V; 20 — Троицкое; 21 — Боярские писаницы; 22, 23 — Знаменка; 24 — Усть-Ерба; 25 — Афанасьева гора; 26, 27 — Карасук V, IX; 28, 29 — Барсучиха I, IV; 30—32 — Разлив I—III; 33 — Новосаргашенский; 34 — Новая Черная VI; 35 — Туимский; 36 — Косогольский; 37 — Береш; а — большие курганы; б — склепы; в — могильники; г — впускные захоронения; д — поселения, городища; е — клады; ж — писаницы; з — границы котловин; I—IV — котловины; I — Минусинская, II — Сыдо-Ербинская, III — Обь-Чулымская, IV — Назаровская

земляными, полом ему служил потолок сарагашенского сруба, а покрытием — два наката бревен, закрывавших могильную яму (курган 3 могильника Разлив I). В склепе погребали от 16 до 200 взрослых и подростков. Умерших обычно укладывали на дощатом полу сруба или на подстилке из бересты, реже — лиственничной коры, на спине, с вытянутыми руками и ногами, иногда на боку. В кургане Тепсей XVI погребенные в склепе лежали на полу и на двух ярусах дощатых «шолатей». Помекая в склеп следующих покойников, останки ранее погребенных часто сдвигали к его стенкам. Видимо, после того как всю площадь пола склепа, кроме его центра, где обычно был проход в камеру, заполняли погребенными, следующих покойников укладывали поверх ранее захороненных в один-два слоя, часто обращая их головами в противоположном направлении (табл. 92, 14).

В склепах (Барсучиха; Тепсей XVI; Большой Тесинский; Уйбатский; Кызыл-Куль 8) мы впервые встречаемся со своеобразным способом обработки головы умершего с целью сохранения его облика. Череп покойного трепанировали в теменной части для удаления головного мозга (черепная коробка заполнялась травой) и освобождали его от мягких тканей, затем обмазывали глиной. Лобную и лицевую части черепа покрывали сверху еще одним тонким слоем глины или гипса. Получалась своего рода глиняная «голова», схематично передающая черты лица умершего (табл. 92, 1, 2, 4) [Ишеницына М. Н., 1975б, С. 44—49]. Часто на гипсовую обмазку наносили узор красной краской изображающий, по мнению С. В. Киселева [1951, С. 449] и Л. Р. Кызласова [1960, С. 148], татуировку лица умершего. Этот способ сохранения облика умершего существовал во II—I вв. до н. э. на всей территории распространения тагарской культуры. Так, в Шестаковском могильнике (лесостепь) обнаружена прекрасно сохранившаяся скульптурная «голова» молодого человека, изготовленная тем же способом, что и тесинские [Мартынов А. И., 1974, С. 231, след.; Алексеев В. П., 1974, С. 242, 243]. О глубокой древности столь оригинального способа сохранения облика умершего свидетельствуют находки нескольких «голов», подобных тесинским, обнаруженных в 1953 г. в древнем Иерихоне, в слое докерамического неолита [Kenyon K., 1956, P. 504, 505, Fig. 2; 1957, P. 122—124, Tabl. 20—22]. Дожил этот способ и до наших дней [Kelin H., 1966, S. 37, N 240—279; Кабо В. Р., 1972, С. 147, 149; Миклухо-Маклай Н. Н., 1954, С. 405; Иванова Л. А., 1982, С. 107, след.]. Тесинские «головы» следует рассматривать как произведения искусства древних енисейских скульпторов. По мнению И. Н. Гохмана, определить по ним антропологический тип невозможно. Таштыкские изображения лиц умерших (см. ниже) по сравнению с тесинскими ближе к оригиналам, что говорит о более высоком мастерстве скульпторов того времени. По ним, в отличие от тесинских, уже можно изучать антропологический тип населения [Киселев С. В., 1951, С. 450, след.].

Все склепы ограблены. Полного представления о составе сопровождающего инвентаря мы не имеем. Следует отметить малое количество глиняной посуды по отношению к числу погребенных. Встречены

деревянные и берестяные сосуды. Детали одежды представлены кольцами, пряжками, застежками и пуговицами, сделанными из бронзы, железа и кости. К предметам туалета относятся бронзовые зеркала и роговые «булавки». Орудия и оружие в трех склепах бронзовые и железные, в остальных — только железные. Украшения представлены золотыми серьгами, пластинками, пуговицей, бусиной; к ним же относятся глиняные пластинки с рельефным орнаментом, покрытые листовым золотом. Много обрывков листового золота во всех склепах, кроме «впускного» в Разливе I. Встречаются бусы из сердолика и цветного стекла. Так как останки погребенных в склепах лежат очень плотной массой и большей частью кости их расположены в полном беспорядке, исследователям не удается связать найденные вещи с определенными скелетами. Поэтому установление различий в инвентаре мужских и женских захоронений очень затруднено. Можно лишь утверждать, что оружие клали мужчинам.

При погребенных нет остатков мясной пищи. Находки в склепах черепов и костей нижнего отдела ног чаще всего овцы, реже — коровы, лошади, косули и в одном случае — черепа медведя представляют собой остатки шкур жертвенных животных. Видимо, во время похоронной тризны в жертву умершему приносили животное, мясо которого съедали, а шкуру с оставленными в ней черепом и костями нижнего отдела ног укладывали в склеп вместе с покойником. Этот обычай был широко распространен у скотоводческих племен в степях Евразии с эпохи бронзы и сохранялся до последних лет у ряда народов Сибири [Грязнов М. П., 1956а, С. 107, 108; 1977, С. 80—88].

Тесинские склепы, возможно, после переполения их погребенными или по каким-то иным причинам, в большинстве случаев были преданы огню. Можно думать, что этим актом завершалась процедура похорон всех погребенных в склепе.

Итак, в погребальных обрядах тесинского этапа продолжают свое развитие традиции, зародившиеся еще на сарагашенском этапе тагарской культуры. Это приемы устройства погребальной камеры и ее каменного и земляного надмогильного сооружений [Киселев С. В., 1956, С. 56—58; Ишеницына М. Н., 1974, С. 219]. Приемы устройства тесинских склепов получают дальнейшее развитие и в последующую, таштыкскую эпоху (см. ниже). Так, один из раннеташтыкских склепов (Изымский чаатас, 2) по устройству аналогичен склепу Туимского кургана тесинского этапа [Кызласов Л. Р., 1960, С. 25, 26]. Таким образом, высказанное в свое время Л. Р. Кызласовым положение о генетической связи в развитии тагарских и таштыкских погребальных сооружений, в частности склепов, подтверждается и новыми материалами.

Тесинские склепы надо рассматривать как родовые или фамильные усыпальницы, рассчитанные, возможно, не на одно поколение. Массовые коллективные захоронения в одном склепе — нескольких десятков взрослых и подростков — были характерны еще для сарагашенского этапа тагарской культуры. В таштыкскую эпоху обычай погребения в одном склепе большого числа умерших сохранялся. Обычай сохранения облика умершего, получивший широ-

кое распространение на тесинском этапе, также зародился еще в сарагашенское время и продолжал практиковаться в таштыкскую эпоху. Обряд сожжения склепов, столь характерный для тесинского времени, также появился на сарагашенском этапе, а окончательное завершение получил в таштыкскую эпоху. Истоки распространения обычая сожжения погребальной камеры неизвестны.

На среднем Енисее в 25 пунктах исследовано около 500 могил того же времени, что и склепы. Располагая этими материалами, можно восстановить картину погребального обряда у групп населения, хоронивших своих покойников на отдельных кладбищах и в могилах, для сооружения которых использовались стенки оград и могил более древних эпох, начиная с афанасьевской. Умерших погребали чаще всего в ящиках прямоугольной, иногда квадратной или неправильной формы из вертикально поставленных плит, реже — в небольших срубках в один-три венца или в овальных грунтовых ямах с неукрепленными стенками (табл. 92, 6—9). Могилы тесно располагали на небольшой площади. Вокруг ящиков, составляющих более 60% всех раскопанных могил, иногда сооружали прямоугольную ограду из вертикально поставленных плит. Ограды часто (шесть пунктов) пристраивали одну к другой. В каждой ограде помещали одну могилу. Детские могилки нередко втискивали в промежутки между оградками, либо пристраивали их к стенкам с наружной или внутренней стороны (табл. 92, 5). Могилы часто располагали ярусами, одну над другой, причем каменные ящики меньших размеров помещали внутри более крупных (Карасук IX; Разлив II; Красный Яр; Каменка III). Только в могильниках Тепсей VII и XVII каменные ящики составляют лишь 13% могил, срубы же — 37%, грунтовые ямы — 30%, глубокие ямы с подбоем, вход в который закладывали большими плитами, — 5% (табл. 93, 10). В ряде случаев устройств могил выявить не удалось (15%). Сверху могилы обычно покрыты каменными плитами в один — три слоя, под которыми в нескольких случаях сохранились остатки дощатого потолка, закрытого листьями бересты. Покойника укладывали на земляное дно иногда выстланное каменными плитами, в редких случаях (в срубках) — досками, на спину, с вытянутыми ногами, иногда — на левый или правый бок, с согнутыми в коленях ногами. В шести могилах (Каменка III; Тепсей VIII и XVI) умершие погребены в позе сидящего человека. Строгой закономерности в ориентировке не наблюдается. Погребенные чаще лежат головой на восток или запад с отклонением к северу или югу. В некоторых случаях покойника заворачивали в полотнища из бересты.

Часто могилу использовали в течение длительного времени, последовательно хороня в ней от двух-трех до семи и более взрослых и детей, укладывая их друг на друга, нередко в одинаковом положении. Размеры могил не зависят от числа погребенных. Отдельную могилу устраивали для немногих. Одиночные захоронения взрослых и детей составляют около 30% общего числа погребенных. Большую часть умерших хоронили в прежние могилы. Исключение составляет могильник Тепсей VII, в котором мало повторных захоронений. Значительно более половины умерших (75%) погребено здесь в индивидуальных могилах.

Какая-то часть захоронений в этом могильнике совершена по обряду трупосожжения — в семи могилах погребен пепел человека. В могильнике Оглахты V в двух могилах также отмечен обряд трупосожжения. На юге Хакасии выявлена серия грунтовых могил, в которые помещали не трупы умерших, а определенные части от них [Кузьмин Н. Ю., 1982; 1985а; 1988. С. 68—78].

Покойников хоронили в одежде и с некоторыми вещами. В головах, реже — в ногах ставили один, иногда два глиняных сосуда с жидкой пищей. У пояса в мужских и женских погребениях находились железные ножи, кольца, пряжки и ложечковидные застежки (реже бронзовые или роговые). Круглые пряжки с подвижным язычком иногда расположены на костях стопы умершего. В женских погребениях, кроме того, обнаружены нарядные берестяные коробочки с туалетными принадлежностями, костяные иглы и игольники, железные шилья и стерженьки с кольцевидным навершием, в мужских — костяные и железные наконечники стрел. Взрослых и детей украшали ожерельями и браслетами из цветного стекла, сердолика, агата и бирюзы. В женских могилах встречены костяные гребни и «булавки» (последние, как правило, лежат у головы умершей). Но многих покойников, особенно во впускных могилах, хоронили вообще без вещей.

Погребенных, как и в склепах, не снабжали мясной пищей. В могилах находятся черепа и кости нижнего отдела ног чаще всего овцы, реже — лошади, коровы или козы, т. е. остатки положенных в могилу шкур жертвенных животных. Надо полагать, что похороны сопровождалась принесением в жертву животных. Обильная тризна была, по-видимому, неотъемлемой частью сложного погребального ритуала.

Для совершения обрядов, предшествующих акту предания покойного земле, трупы определенной категории умерших, возможно, занимавших привилегированное положение в обществе или тех, кто умер вдали от родового кладбища, подвергались своеобразной «мумификации». Череп умершего после трепанации и удаления мягких тканей, как и у погребенных в склепах, моделировали глиной, покрывали слоем гипса, разрисовывали и получали глиняную «голову» (табл. 92, 4). Для их изготовления использовались местные природные глины. Сверху они покрывались чистым гипсом с небольшой примесью кремнезема и железа [Кулькова Т. Ф., 1975. С. 50—52]. Как представляется, все операции над головой умершего (трепанация черепа, удаление его мягких тканей, обмазка глиной) производились сразу после его смерти. Возможно, тогда же и тело умершего обрабатывали каким-то способом для сохранения его от разложения до момента погребения в могиле.

Во время исследований одного из курганов у с. Береш и двух (Новые Мочаги и Лисий) — на юге Хакасии получены материалы, позволяющие реконструировать способ «мумификации» трупов. Тела при подготовке к захоронению освобождались от мягких тканей и некоторых костей (ребер, коленных чашечек и др.), после чего кости скелета скреплялись длинными прутьями. Один из них пропускали сквозь позвоночный столб, два других помещали вдоль позвоночника, по обеим сторонам. Верхние концы прутьев были воткнуты в затылочное отверстие черепа, с

которого также удалялись мягкие ткани. Такие же прутья были уложены вдоль длинных костей рук и ног с внутренней стороны. Все кости скелета вместе с прутьями были обернуты травой. Полученный таким способом манекен, основой которого являлся скелет умершего, обряжали в кожаные, шерстяные или меховые одежды и выставляли на обозрение для совершения обряда перед погребением [Вадецкая Э. Б., 1986б. С. 85, 86; Кузьмин Н. Ю., 1985а. С. 47, 48; Кузьмин Н. Ю., Варламов О. Б., 1988. С. 150—152; Павлов П. Г., 1987. С. 111, 112]. Находки нескольких сотен столь своеобразных «мумий» в склепах дали возможность Н. Ю. Кузьмину найти приемлемое объяснение распространению на тесинском этапе так называемых частичных захоронений. В небольших грунтовых ямах, расположенных чаще всего недалеко от курганов-склепов, хоронили определенные части трупов, отчленившиеся при подготовке к «мумификации» [Кузьмин Н. Ю., 1985, С. 48; 1985б; 1988. С. 68—78; Кузьмин Н. Ю., Варламов О. Б., 1988. С. 149, 150].

Сочетание в одном периоде трех типов погребальных памятников — больших курганов-склепов, грунтовых могильников и впускных захоронений в каменных оградах более древних эпох — не находят убедительного объяснения. Скорее всего это явление отражает сложность этнической и социальной структуры общества. Могильник Тепсей VII дает свидетельства о появлении в этот период среди населения социальной прослойки, занимавшей более высокое положение. Эту категорию лиц хоронили на отдельном участке кладбища, на мысу, в стороне от погребений рядовых членов общины, в глубоких ямах с подбоем. Таких могил только семь. Одно захоронение из этой группы совершено не в подбое, а в срубе с монументальным каменным намогильным сооружением. Некоторые принадлежности одежды и украшения, положенные с умершими в эти могилы, отличаются относительным разнообразием и нестандартностью [Пшеницына М. Н., 1979. С. 85]. В могильнике Каменка V обнаружены три могилы, сопровождающий инвентарь в которых также свидетельствует о знатном происхождении захороненных [Шер Я. А., Савинов Д. Г., Подольский Н. Л., Кляшторный С. Г., 1968. С. 150].

О жилых постройках и облике поселков обитателей Минусинских степей в последние века до нашей эры богатый и красочный материал дают петроглифы на скалах горного хребта Бояры, известных в литературе под названием Малой и Большой Боярских писаниц (табл. 93, 63). Исследователями писаниц выделено два типа изображенных на них жилищ — четырехугольные бревенчатые срубы с четырехскатной пирамидальной крышей и жилища типа юрт, причем, бревенчатые дома — зимние, а жилища, напоминающие юрты, — летние [Грязнов М. П., 1933; Дэвлет М. А., 1965]. Поселения последних веков до нашей эры в Минусинских степях мало исследованы. Культурный слой II—I вв. до н. э. обнаружен в пункте Новая Черная VI [Вадецкая Э. Б., 1968. С. 182]. Обследовано два кольцевых городища с земляными валами и рвами у с. Троицкое [Кызласов Л. Р., 1963. С. 159, 163]. Такого же типа городища известны у сел Усть-Ерба, Знаменка и др. [Киселев С. В., 1951. С. 251, 252; Кызласов Л. Р., 1963.

С. 163; Абсалямов М. Б., Мартынов А. И., 1979. С. 77—82]. Их изучение подтверждает выводы, полученные при исследовании петроглифов: во II—I вв. до н. э. на среднем Енисее были поселки, состоявшие лишь из наземных построек — бревенчатых изб и жилищ типа юрт.

Ценный материал дают находки трех кладов — Аскыровского, Косогольского и Знаменского. Аскыровский клад обнаружен А. Н. Липским в насыпи кургана. В его составе — железные орудия и бронзовые украшения, убедительно датированные II—I вв. до н. э. [Кызласов Л. Р., 1960. С. 163]. Косогольский клад случайно обнаружен при строительных работах на берегу оз. Большой Косоголь [Надекин Н. В., 1967. С. 163—165]. С. С. Миняев [1978], производивший спектральный анализ вещей клада, рассматривает этот комплекс как «клад литейщика», т. е. собрание «бронзового лома, предназначенного для переплавки». Косогольский клад особенно ценен тем, что позволяет датировать большую серию (не менее 300) аналогичных вещей из случайных находок, происходящих из Минусинских степей, в собраниях конца прошлого столетия и начала XX в. [Дэвлет М. А., 1980б]. Знаменский клад открыт при исследовании ограды тагарского кургана, расположенного рядом с валом, окружавшим городище у с. Знаменка. Клад обнаружен в ямке, закрытой сверху большим глиняным черепком с рельефным орнаментом. Основную часть клада составляли бусы и подвески (несколько тысяч) из цветного стекла, фарфора и полудрагоценных камней, а также раковин каури. Золотые украшения представлены массивным спиральным браслетом, двумя серьгами с пирамидками из зерни, литой бляшкой с вихревым орнаментом, круглыми бляшками, пронизками-подвесками из шариков зерни, бляшкой со вставками из бирюзы, мелким золотым бисером (около 2 тыс.), четырьмя булавами из золотой проволоки, навитой на железный стержень, и двумя булавами из золотого листа, обернутого вокруг железного стержня, украшенными зернью. В кладе найдены также два железных кинжала с клинками, обтянутыми листовым золотом, множество серебряных блях от конского убора и разные золотые и серебряные заготовки и обломки. Состав клада позволяет считать его кладом ювелира [Подольский М. Л., Тетерин Ю. В., 1979. С. 266, 267].

Весьма важен для понимания обстановки, в которой протекала жизнь обитателей среднего Енисея во II—I вв. до н. э., памятник, обнаруженный в 12 км к югу от г. Абакан и известный в литературе под названием «здание ханьской архитектуры» [Евтюхова Л. А., Левашева В. П., 1946. С. 72—84; Евтюхова Л. А., 1946. С. 107—111; 1947. С. 79—85]. Л. А. Евтюхова [1947. С. 83, 84] и С. В. Киселев [1951. С. 480—482] отнесли этот памятник к таштыкской эпохе, ко времени, «близкому началу нашей эры». В дальнейшем Л. Р. Кызласов [1960. С. 163, 164], заново пересмотрев все материалы, датировал его началом I в. до н. э.¹

¹ Определение и датировка черепицы этого здания, проведенные С. И. Вайнштейном и М. В. Крюковым [1976. С. 146], позволили утверждать, что оно могло быть построено «не раньше 9 г. и не позже 23 г. н. э.». Однако основной комплекс находок, обнаруженных в здании, соответ-

Инвентарь тесинских памятников представлен орудиями труда, вооружением, частями сбруи и одежды, украшениями, предметами туалета и посудой.

Орудия труда. Это в первую очередь ножи, затем топоры, шилья, проколки, иглы, игольники и оселки. Бронзовые ножи найдены лишь в трех склепах (Разлив III; Новосарагащенский; «впускной склеп» Разлива I). Все они миниатюрные пластинчатые, упрощенных тагарских форм. На конце рукояти — маленькое круглое отверстие либо петлевидное окончание (табл. 93, 38, 39). Есть ножи с навершием в виде выступающего круглого кольца или полукольца (табл. 93, 40, 41). Железные ножи все подлинные рабочие, пластинчатые прямые с кольцевидным, трехкольчатым или петлевидным навершием (табл. 93, 43, 44; 94, 10, 11, 13). Есть и повые формы — с вогнутой спинкой и черешковые (табл. 94, 12, 14). Пластинчатые кованые ножи копируют формы тагарских бронзовых [Гришин Ю. С., 1960. С. 181—182]. Они появляются на среднем Енисее на тесинском этапе и характерны для него. В таштыкскую эпоху их уже нет. Черешковые ножи сохраняются и в погребениях таштыкской эпохи [Кызласов Л. Р., 1960. Рис. 30, & С. 87].

Бронзовые шилья, ромбические и четырехгранные в сечении (табл. 93, 35, 37), обнаружены в тех же трех склепах, где и бронзовые ножи. Железные шилья с круглой головкой на верхнем конце (табл. 94, 17) впервые получили распространение на тесинском этапе, но встречаются и в раннетащтыкское время. К числу шильев, очевидно, относятся и железные стерженьки с кольчатым навершием (табл. 94, 16), аналогичные таким же из Иволгинского городища [Давыдова А. В., 1956. Рис. 18, 2, 3].

Железные топоры представлены двумя типами: пальштабовидными топорами-теслами и колунообразными проушными (табл. 94, 20, 31).

Следует отметить единичные находки костяных игольников и проколок (табл. 94, 15, 18), а также бронзовых и костяных игл (табл. 93, 33) и каменных оселков (табл. 94, 19).

Вооружение и конское снаряжение. Оружие представлено кинжалами, чеканами и наконечниками стрел. Бронзовые кинжалы, как и ножи, уменьшенных размеров, тагарских форм. Восемь кинжалов найдено в склепах (Разлив III; Новосарагащенский; «впускной склеп» Разлива I). У них бабочковидное перекрестье, рубчатая или гладкая рукоять. Навершия, за исключением одного, плоские, близкие к овалу; у одного — в виде валика (табл. 93, 32, 34, 36). Железные кинжалы, также уменьшенные, — с прямым перекрестьем и кольцевым навершием (Большой Тесинский и Уйбатский склепы). Индивидуальна форма железного кинжала с короткой рукоятью и кольцевидным навершием (табл. 94, 1). Аналогий ему нет. Три кинжала черешковые (табл. 94, 2; Аскыровский клад; могильник Оглахты V).

Девять чеканов из двух склепов представляют собой бронзовые миниатюры настоящих. Пять из них — проушные, четыре — с короткой втулкой

(табл. 93, 57). Кинжалы и чеканы уменьшенных размеров, а затем миниатюрные, сделанные все из бронзы, впервые получают распространение на сарагащенском этапе [Киселев С. В., 1951. С. 265; Дэвлет М. А., 1968. С. 36, 37]. Тесинские кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевым навершием изготовлены из железа, но воспроизводят бронзовые формы [Дэвлет М. А., 1968. С. 34. Рис. 4]. На среднем Енисее они известны лишь в тесинских погребениях. Черешковые железные кинжалы впервые появляются на тесинском этапе и становятся характерными для последующих периодов.

Наконечники стрел немногочисленны. Среди них несколько железных и более трех десятков костяных. Костяные представлены четырьмя типами. Первый, наиболее многочисленный, двух разновидностей — с расщепленным насадом; с длинным расщепленным черешком и двумя жальцами (табл. 94, 3, 4). Стрелы этого типа известны только в памятниках тесинского этапа. Аналогичные им найдены в большом количестве на Иволгинском городище — памятнике оседлых хунну в Забайкалье [Davydova A. V., 1968. Fig. 12, 1—9, 16—22. P. 241]. Остальные наконечники, представленные единичными экземплярами, — с черешком в виде «ласточкина хвоста», плоские с черешком и двумя жальцами и черешковые (табл. 94, 5—7), — относятся к типам, характерным для сарагащенского этапа [Грязнов М. П., Пшеницына М. Н., 1966. С. 62, 66, 68]. Наконечники сходных форм встречаются и в раннетащтыкских склепах. Железные наконечники стрел — втульчатые и черешковые трехперые (табл. 94, 8, 9). От колчана сохранились железные крюки с петлей наверху (табл. 93, 57).

Предметы конского снаряжения известны в единичных экземплярах. В Аскыровском кладе и в могильнике у с. Калы найдены железные удила (табл. 94, 29) той же формы, что и бронзовые, употреблявшиеся на среднем Енисее на всем протяжении тагарской эпохи. В конце ее в могилах они заменяются миниатюрными, часто железными [Членова Н. Л., 1967. С. 70, 71. Табл. 16]. В раннетащтыкскую эпоху удила этого типа распространяются широко [Кызласов Л. Р., 1960. С. 88]. В нескольких памятниках найдены бляшки, видимо, от сбруйных ремней. Одна из них — в виде втулки с тремя головками грифонов или орлов (табл. 94, 21), другие — разных простых форм (табл. 94, 26, 28, 30). Они сделаны из бронзы, золота, серебра и рога.

Детали одежды и обуви. Они представлены пряжками, застежками, пуговицами, нашивными бляшками и кольцами.

Железные пряжки двух видов — с неподвижным боковым крючком или шипом и с подвижным язычком. Оба вида представлены пряжками трех типов: восьмеркообразными, прямоугольными и круглыми (табл. 93, 45, 52; 94, 56—59, 61, 62). Наиболее многочисленны круглые пряжки с подвижным язычком (табл. 93, 45; 94, 58). Из пряжек с боковым шипом больше всего восьмеркообразных (табл. 93, 52; 94, 67).

Бронзовые простые пряжки единичны: прямоугольные с округленной передней стороной, с одним или двумя овальными отверстиями, две — с изображением головы быка (табл. 94, 60, 77, 79). Все они

стывает все-таки I в. до н. э. Поэтому не исключено, что исследованная черепица является остатками ремонта здания в начале I в. н. э. (Ред.).

с боковым шипом. Очень характерна большая серия бронзовых поясных прямоугольных ажурных пряжек-пластин. Семь из них происходят из тесинских погребений, 13 — из Косогольского клада, остальные — случайные находки в Минусинских степях [Дэвлет М. А., 1980б]. По характеру оформления они составляют три группы: 1) с изображением пары противостоящих животных — быков (табл. 93, 55; 94, 78), одиночных коней (табл. 94, 71) и верблюдов; 2) с изображением борьбы животных — поединка коней или куланов (табл. 94, 76), сценой терзания хищником копытного животного и сценой борьбы двух хищников, возможно тигров, со змеей или драконом; 3) с решетчатым вознистым орнаментом, представляющим собой изображение двух пар извивающихся змей внутри прямоугольной рамки, или геометрическим рисунком (табл. 94, 70, 72, 73). К ним относится ажурная пряжка с орнаментом в виде ступенчатой пирамиды [Дэвлет М. А., 1980б, С. 26]. Сюда же следует причислить фрагменты двух овальных пряжек с изображением кошачьего хищника (рысь?) в обрамлении стилизованных ветвей дерева (табл. 94, 74), овальную пряжку с изображением кошачьего хищника, не менее 10 ажурных пряжек с орнаментом из трех кружков (табл. 94, 81).

К поясным пластинам-пряжкам довольно близки бронзовые ажурные бляхи с головой дракона, реже — быка, заключенной в спираль, и с головкой змеи или хищника на конце (табл. 94, 75).

Есть роговые и костяные пряжки (табл. 94, 63, 67). Привлекает внимание каменная пряжка с геометрическим узором в виде ромбов, инкрустированная сердоликом и белой пастой. Она сделана из половинки прямоугольной пряжки (табл. 94, 80), возможно, завезенной на Енисей от хунну Забайкалья.

На Енисее железные, бронзовые и роговые пряжки, в том числе и бронзовые поясные ажурные пластины, появляются и получают широкое распространение лишь на тесинском этапе. Прямые аналогии этим вещам найдены в хуннских памятниках Забайкалья: на Иволгинском городище и в могильнике, а также в Дэрестуйском могильнике. Пара бронзовых ажурных пластин со сценой борьбы дракона и двух тигров обнаружены в одной из могил Иволгинского могильника на поясе погребенной, что и определяет назначение их как поясных пряжек [Давыдова А. В., 1971а, Рис. 2, 7, С. 98—105].

Ложечковидные бронзовые, железные и роговые застёжки известны в памятниках только тесинского этапа. Они встречаются в склепах, могилах, кладах (около 40), много и случайных находок. Значительная часть (70) бронзовых застёжек со стилизованным изображением головы сайги (табл. 94, 44), железные и роговые (не менее 30; табл. 94, 43, 50) найдены только в погребальных комплексах. Подобные роговые и бронзовые застёжки в большом числе встречаются на Иволгинском городище и в могильнике, а также в Дэрестуйском могильнике. В небольшом количестве известны литые бронзовые пуговицы округлой или конусовидной формы с петелькой на оборотной стороне (табл. 94, 22, 25). В Косогольском кладае обнаружено не менее 12 таких бронзовых пуговиц, украшенных орнаментом в виде рельефной розетки или занятых или изображением морды зверя. Одна такая бляшка найдена в Тешее VII (табл. 94, 23),

две из листового золота — в Уйбатском кургане и Знаменском кладае (табл. 94, 24, 27). Подобные пуговицы встречены на Иволгинском городище и в могильнике.

Роговые бляшки со сквозным отверстием посередине бывают челночной, овальной, квадратной и конусовидной форм (табл. 94, 65, 66). Аналогии им имеются среди инвентаря Иволгинского городища [Давыдова А. В., 1968, Fig. 14, 3, 45, 46, 51]. Своеобразны бронзовые круглые ажурные бляшки со стилизованным изображением ветвей дерева (табл. 93, 42; 94, 48). Три из них происходят из могильников, одна — из склепа, пять — случайные находки. Все они идентичны бляшкам Дэрестуйского могильника [Руденко С. И., 1962б, Рис. 41, а]. Есть и более простые ажурные бляхи квадратной, прямоугольной или круглой формы (табл. 94, 47).

В Уйбатском и Большом Тесинском курганах найдены глиняные бляшки с рельефным узором, покрытые листовым золотом (табл. 94, 54, 69). На Енисее этот тип украшений одежды впервые появляется на тесинском этапе и продолжает существовать в раннеташтыкское время [Кызласов Л. Р., 1960, Рис. 28, 1, 2, 5]. Частой находкой являются бронзовые, железные и костяные кольца. Около 30 бронзовых колец найдено в погребениях, не менее 20 — в Косогольском кладае и более 50 — в числе случайных находок (табл. 94, 68). Они находят аналогии в Дэрестуйском и Иволгинском могильниках [Руденко С. И., 1962б, Рис. 41, ж; Давыдова А. В., 1971а, Рис. 5, 17]. Железные кольца делятся на два типа: круглые в сечении и плоские (табл. 93, 50; 94, 55). Их не менее 50. Такие же найдены на Иволгинском городище [Давыдова А. В., 1956, Рис. 18, 4]. Костяных колец немного (табл. 94, 64).

Украшения и предметы туалета. В погребениях многочисленны принадлежности туалета. Это прежде всего бронзовые зеркала уменьшенных размеров или миниатюрные, которых найдено около 60, большей частью в склепах. Выделяется три типа зеркал: дисковидные с петелькой на обороте (табл. 93, 59; 94, 53); кнопковые с ручкой в виде перекладины на двух столбиках на оборотной стороне диска (табл. 93, 60; 94, 51); медалевидные с боковой ручкой (табл. 93, 58; 94, 52). Зеркала первого типа широко бытуют на протяжении всей тагарской эпохи, уменьшаясь в размерах к ее концу [Грязнов М. П., 1968, С. 192, 193; Членова Н. Л., 1967, С. 86]. Кнопковые и медалевидные зеркала распространены лишь на тесинском этапе. Обычай положения умершему в могилу зеркала исчезает уже в самом начале таштыкской эпохи. Возможно, прав Л. Р. Кызласов [1960, С. 85, 86], говоря, что «в быту таштыкского населения в это время стали употребляться какие-то новые более дорогие зеркала, чем бронзовые тагарские диски, и потому живые предпочитали оставлять их у себя», что подтвердилось находкой ханьского зеркала в одном из склепов Изыхского чаатаса.

Особо следует остановиться на роговых булавках, представляющих собой круглый стержень с уплощенным и заполированным острием и разным по форме навершием (табл. 94, 34—42). Их найдено более 50. Судя по форме и положению в могиле около черепа, они служили для ухода за волосами и одновременно украшением головного убора. На среднем

Енисее они, как правило, встречаются только в тесинских могилах. По-видимому, к украшениям головного убора относятся четыре булавки из золотой проволоки, навитой на железный стержень (табл. 94, 32), и две — из золотого листа, обернутого вокруг железного стержня (табл. 94, 33), все — из Знаменского клада. Подобного типа булавка обнаружена в женском погребении V—III вв. до н. э. в Туве [Полторацкая В. П., 1966. Рис. 6, 7].

Украшения представлены бусами, золотыми серьгами и подвесками. Наиболее многочисленны бусы из цветной стекловидной массы, преимущественно белого или голубого цвета. Часто в могилах находят круглые и граненые бусы из сердолика, агата, бирюзы и янтаря. Серьги, из которых шесть найдено в склепах и одна пара — в Знаменском клады, трех типов: 1) проволочная с мелкими подвесками из фигурных золотых листочков и стерженьков с нанизанными кусочками кораллов и бисерин; 2) в виде овального щитка с гнездом для вставки и изогнутой ножкой; 3) из полых шариков с пирамидками из зерни (табл. 94, 46). В памятниках тагарской культуры серьги не встречаются. Серьги первого типа аналогичны серьгам хуннского времени в Забайкалье (Дэрестуйский могильник) и найдены в одном из таштыкских склепов (Изыхский чаатас); второго — характерны для раннетагытских памятников; третьего — аналогичны найденным в Туве, в кургане V—III вв. до н. э. (Туран IV). Подвески из клыка кабарги (табл. 94, 45), характерные еще для раннетагарского времени, представлены единичными находками. В Знаменском клады найдена подвеска из халцедона, имитирующая клык кабарги.

В одном из склепов (Разлив III) встречен небольшой коромыслообразный предмет неизвестного назначения с головками хищных птиц на концах, покрытый листовым золотом и характерный для погребений сарагашенского этапа (табл. 93, 56). Эти предметы встречаются и в позднетагарское время вплоть до таштыкской эпохи как на среднем Енисее, так и в лесостепной зоне юга Сибири [Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М., 1971. С. 158, 205, 206].

Интересны так называемые навершия, известные по случайным находкам в Минусинских степях и по Аскыровскому кладу. Это бронзовая втулка, овальная в сечении, с кольцом, в которое продета цепь из двух-трех колец. На одном из этих наверший изображен горный козел, на другом — лошадь (табл. 94, 49). В Аскыровском клады найден фрагмент железного навершия такого же типа.

Посуда. Находимые в склепах и могилах сосуды в основном глиняные, реже — деревянные или берестяные, есть бронзовые и железные. Глиняная посуда наиболее многочисленна (более 700 сосудов). Она обычно темно-коричневого или темно-серого, почти черного цвета, лощеная. Следуя классификации, предложенной Л. Р. Кызласовым [1960. С. 40—65] и М. А. Давлет [1961. С. 79—83], можно выделить 14 типов тесинской керамики. Наиболее распространены пять типов: баночные (70%); кубковидные; котловидные; многогранные; в виде плоских блюдец прямоугольной формы с перегородкой внутри. Баночные сосуды все небольшие (табл. 93, 3—11, 47—49, 53, 54, 62). Эта форма сосудов бытует на всем

протяжении тагарской эпохи, уменьшаясь в размерах к ее концу [Киселев С. В., 1951. Табл. XXVII, 1—9, 13; Давлет М. А., 1961. С. 82, 83]. Близкой формы банки встречаются и в раннетагытских могилах [Кызласов Л. Р., 1960. С. 42. Рис. 11, 3, 7; Грязнов М. П., 1971. Рис. 2, 1—8]. Кубковидные и котловидные сосуды (табл. 93, 13, 14, 20, 25—28, 61, 64, 65), впервые получившие распространение на сарагашенском этапе [Киселев С. В., 1951. Табл. XXVII, 32, 33; Грязнов М. П., 1968. С. 192], продолжают существовать в тесинский период и на всем протяжении таштыкской эпохи, особенно на ее раннем этапе [Кызласов Л. Р., 1960. С. 40, 41; Грязнов М. П., 1971. Рис. 2, 9—13]. Многогранные сосуды (четырёх-, пяти- и шестигранные; табл. 93, 22, 23) появляются и получают широкое распространение на тесинском этапе, а в раннетагытскую эпоху встречаются редко [Кызласов Л. Р., 1960. С. 50. Рис. 25, 5]. Плоское блюдо с перегородкой внутри (табл. 93, 17) — оригинальная форма, известная только в памятниках тесинского этапа. Остальные формы представлены единичными экземплярами (табл. 93, 12, 15, 16, 18, 19, 21, 24, 29—31).

Более 30% керамики орнаментировано. Орнаменты налепные и углубленные. Наиболее характерны налепные (90% общего числа орнаментированной посуды) — валиковые и выпукло-налепные. Гладкий налепной валик в Минусинских степях получает широкое распространение лишь на тесинском этапе (табл. 93, 5—8, 16, 25, 28—30, 54, 65). Довольно много сосудов украшено под венчиком бугорчатым орнаментом (табл. 93, 10, 11, 13, 14, 20), появившимся еще в конце карасукской эпохи и получившим широкое распространение в раннетагарское время [Грязнов М. П., 1968. С. 193], причем наиболее характерен он для тагарских могильников правобережья Енисея [Давлет М. А., 1966. С. 11]. Эта закономерность прослеживается и на тесинском этапе. В раннетагытское время этот орнамент крайне редок [Кызласов Л. Р., 1960. С. 73]. Небольшая часть сосудов украшена сосцевидными налетами по тулову (табл. 93, 53, 61). Зародившийся в конце сарагашенского этапа, этот орнамент встречается и на раннетагытской керамике [Кызласов Л. Р., 1960. Рис. 11, 4; 16, 5; 17, 1]. Углубленный орнамент, тычковый и резной, украшает только 10% орнаментированных сосудов (табл. 93, 9, 11, 62). Он крайне редок в тагарскую эпоху, но в таштыкское время наиболее распространен [Кызласов Л. Р., 1960. С. 61].

В одном из склепов найдены бронзовые сосуды — тигелек и три небольших котловидных с двумя ручками (табл. 93, 2). Миниатюрные бронзовые котелки широко распространяются в таштыкскую эпоху [Левашева В. П., Рыгдылон Э. Р., 1952. С. 136; Кызласов Л. Р., 1960. С. 70. Рис. 26, 2]. Найден еще один котелок, изготовленный из железа, покрытый снаружи и изнутри слоем меди.

Характерны берестяные изделия — круглые корбочки, прошитые ремешками, образующими несложный орнамент (табл. 93, 1), или покрытые резным геометрическим орнаментом. Встречаются фрагменты деревянных сосудов. На сарагашенском этапе изделия из дерева и бересты неизвестны. Они находят лишь в тесинских погребениях и продолжают

бытовать в таштыкскую эпоху [Кызласов Л. Р., 1960. С. 105—107].

Анализ погребального инвентаря тесинских склепов и могил в целом не вызывает сомнения в одновременности их существования, что отмечалось и ранее [Грязнов М. П., 1968. С. 194]. Все основные типы посуды, оружия, орудий, предметов туалета, украшений и частей одежды из грунтовых могильников и из групп впускных захоронений полностью совпадают с аналогичными категориями инвентаря склепов с той лишь разницей, что в могильниках их значительно больше, вероятно, в связи с большей степенью ограбленности склепов.

Рассмотрение инвентаря тесинских склепов и могильников, а также вещей кладов показывает генетическую связь этих памятников с предшествующими им сарагашенскими. Три основных типа сосудов (баночные, кубковидные и котловидные), наиболее многочисленных в погребениях тесинского этапа, а также оружие (кинжалы и чеканы), за исключением костяных наконечников стрел с расщепленным насадом, орудия труда (ножи, шилья), зеркала и другие предметы являются дальнейшим развитием форм, широко распространенных на предшествующем сарагашенском этапе, а иногда и в более раннее время. Принадлежности же одежды и обуви (пряжки, застёжки, нашивные бляшки, кольца), а также украшения (серьги) представлены типами, неизвестными на среднем Енисее в предшествующие тесинскому этапу периоды. Но они находят прямые аналогии в хуннских комплексах Забайкалья II—I вв. до н. э. — начала I в. н. э. [Давыдова А. В., 1985; Миняев С. С., 1988. С. 47, 48]. Для последних характерны и костяные наконечники стрел с расщепленным насадом. Круглые железные пряжки с подвижным язычком, многочисленные в тесинских памятниках, в единичных экземплярах известны в прохоровских погребениях Приуралья III—II вв. до н. э. На рубеже и в первых веках нашей эры они становятся ведущей формой пряжек в сарматском мире. Восьмеркообразные железные пряжки с боковым крючком также подобны прохоровским [Мошкова М. Г., 1963. С. 40].

Нет необходимости вносить сколько-нибудь существенные коррективы в уже принятую в литературе дату тесинского этапа, а именно II—I вв. до н. э. [Кызласов Л. Р., 1960. С. 24, 25, 115; Грязнов М. П., 1968. С. 191, 194]. Отметим лишь, что могильники Тепсей VII, Уйбат II и Оглахты V по некоторым чертам обряда (появление трупосожжений, преобладание индивидуальных погребений в срубках, разнообразие форм сосудов с преобладанием кубковидных, черешковые ножи и т. п.) отличаются от других тесинских могильников и довольно близки раннеташтыкским грунтовым могилам.

Следует также поставить вопрос о выделении трех склепов (Разлив III; Новосарагашенский; «впускной склеп» Разлива I) в более раннюю хронологическую группу по сравнению с остальными тесинскими склепами и могильниками. Эти три склепа по найденным в них керамике, железным ножам (кольчатому и петельчатому), восьмеркообразным пряжкам с боковым шипом, обломкам бронзовых поясных пластин (пряжки с изображением пары быков и

ажурной со стилизованным изображением ветвей дерева) и ложечковидной застёжке, несомненно, относятся к тесинскому этапу. Однако находки в них бронзовых уменьшенных кинжалов, чеканов и ножей, близких к сарагашенским, дают основания для попытки разделить тесинские склепы на две хронологические группы в пределах II—I вв. до н. э. — начала I в. н. э.: раннюю, представленную тремя склепами с бронзовыми миниатюрами, и более позднюю, куда, кроме склепов, входят грунтовые могильники и впускные захоронения. Данных для более точной датировки каждой из этих групп в настоящее время недостаточно. С накоплением нового материала по тесинским склепам, вероятно, появится возможность более четко обосновать две хронологические группы погребальных памятников: раннюю с бронзовыми миниатюрами и позднюю — без них. Первые предварительные сообщения о раскопках последних лет на юге Хакасии тесинских склепов и грунтовых могил уже подтверждают положение о возможности выделить две хронологические группы тесинских памятников [Кузьмин Н. Ю., 1987. С. 116].

Широкое распространение на среднем Енисее во II—I вв. до н. э. принадлежностей одежды и украшений, одинаковых с хуннскими, несомненно, связано с созданием и возвышением на рубеже III и II вв. до н. э. в степях северной Монголии и Забайкалья державы хунну и ее экспансией на соседние территории, в частности, в районы Тувы и Минусинской котловины [Кызласов Л. Р., 1960. С. 161—166]. Спектральный анализ бронзовых поясных пряжек и других деталей одежды из тесинских грунтовых могильников (Тепсей, Каменка) и склепа Барсучиха I, серии бронзовых изделий из Косогольского и других кладов и из случайных находок в Минусинских степях, а также идентичных им вещей из хуннских памятников Забайкалья указал на местное производство этих вещей на Енисее. Среди них оказалось лишь несколько изделий, сходных по химическому составу с изделиями одного из металлургических центров хунну. Таким образом, бронзовые детали одежды по форме одинаковы с забайкальскими, по составу же аналогичны бронзам традиционных тагарских форм, «которые также встречаются в тесинских комплексах». Енисейские мастера использовали образцы хуннских бронз, изготовленные в Монголии и Забайкалье. Вполне возможно, что их отливали на среднем Енисее «не просто по хуннским образцам, но и для самих хунну, которые держали указанную территорию под своим контролем». С образованием на среднем Енисее таштыкской культуры бронзы этих типов «выходят из употребления и поступают на переплавку, встречаясь только в кладах „литейщиков“ типа Косогольского, где собраны отходы литья и бронзовый лом для переплавки» [Миняев С. С., 1978. С. 26—45; 1979б. С. 162, 163; 1983а. С. 101—103]. Все эти факты (в том числе и здание ханьской архитектуры, рассматриваемое некоторыми исследователями как дом для хуннского наместника на Енисее) в сочетании с отрывочными сведениями письменных источников разрешают предположить какую-то форму зависимости населения Минусинских степей от хунну. Кроме того, видимо, с опасностью, которую несли хунну обитателям Минусинских степей, связано появление в это

время укрепленных поселений, окруженных земляными валами и рвами. Они рассматриваются исследователями как временные убежища населения, жившего поселками иного типа, облик которых известен нам по изображениям на Малой и Большой Боярских писаницах.

ХОЗЯЙСТВО. ИСКУССТВО. ТИП НАСЕЛЕНИЯ. Основой хозяйства населения тесинского этапа оставались, как и прежде, яйлажное скотоводство и мотыжное земледелие, что нашло отражение в погребальных обрядах. В частности, распространение обычая консервации трупов для длительного их хранения было, как предполагает М. П. Грязнов, следствием существования яйлажной системы хозяйства и обусловленного этим полукочевого образа жизни. Такой обычай мог зародиться лишь в тех случаях, когда день смерти и день похорон отделялись друг от друга длительным промежутком времени. Он указывает на систему хозяйства, вынуждающую родичей в течение долгого времени находиться вдали от своего родового кладбища. Природные условия Минусинских степей наиболее пригодны для развития яйлажного скотоводства. О его большой роли в хозяйстве тесинских племен свидетельствует обычай похоронных тризн, предшествовавших погребению умершего в склеп или могилу. В жертву ему приносили животное, чаще всего овцу, мясо которой съедали, а шкуру с оставленными в ней черепом и костями нижнего отдела ног укладывали вместе с покойником.

Погребальные памятники не содержат прямых свидетельств о земледелии тесинских племен. Однако около одного из укрепленных городищ близ с. Троицкое обнаружен оросительный канал, выходящий из старицы р. Тесь и выводящий в степь воду. Значительным дополнением к скотоводству и земледелию была охота, о чем свидетельствуют находки большого количества костяных наконечников стрел и изделий из рога, а также выполненных в бронзе стилизованных изображений животных.

Особое место среди тесинских древностей занимают ажурные поясные пластины с изображением пары противостоящих быков, коней или верблюдов, либо со сценами борьбы реальных или фантастических животных. По мнению М. П. Грязнова, эти сюжеты, чрезвычайно популярные в изобразительном искусстве ранних кочевников гунского времени Южной Сибири, следует рассматривать как сюжеты древнего героического эпоса. Описание поединка коней-богатырей в некоторых алтайских и монголо-ойротских поэмах полностью соответствует стандартному каноническому образу борьбы двух коней на тесинских поясных пластинах [Грязнов М. П., 1961, С. 15—17]. Исследователь считает, что изображение двух пар извивающихся змей, борьба дракона с тигром и другие сюжеты, встречающиеся на пластинах, частично могут быть иллюстрациями древнего героического эпоса, частично иметь мифологическое содержание [Grjaznow M., 1970, S. 241]. Некоторые из них известны во многих экземплярах, почти со-

вершенно идентичных в Минусинской котловине, Забайкалье и Ордосе. Вопрос об их происхождении еще не решен. По мнению А. И. Мартынова [1969] и М. А. Дэвлет [1980б], ажурные поясные пластины, впервые появившиеся и получившие широкое распространение на среднем Енисее во II—I вв. до н. э., отливались местными сибирскими мастерами по полученным от хунну образцам. М. А. Дэвлет считает, что прототипов этим пластинам в памятниках собственно тагарской культуры мы найти не можем, «генетически они не связаны с тагарским звериным стилем» [Дэвлет М. А., 1980б, С. 18—20]. Предполагается, что эти пластины «механически копировались и воспроизводились как на Енисее, так и далеко на востоке» [Grjaznow M., 1970, S. 241]. Характерная черта искусства племен II—I вв. до н. э. — «развитие традиций старого тагарского искусства и появление новых сюжетов, связанных с культурой хунну и лесных племен Западной Сибири». На среднем Енисее «появляются изображения лошади, не характерные ранее для тагарского искусства» [Мартынов А. И., 1979, С. 130].

Таким образом, тесинский этап в развитии культуры племен среднего Енисея следует рассматривать как длительный переход от тагарской культуры к таштыкской. Этот процесс шел довольно сложным путем, что и нашло отражение в разнообразии типов погребальных памятников, которое мы наблюдаем на тесинском переходном этапе. Различные по погребальному обряду кладбища — традиционные одиночные курганы-склепы и могилы, либо составляющие отдельные грунтовые могильники, либо устроенные внутри оград и могил более древних эпох, — отражают сложность социальной структуры общества того времени и, вероятно, его этническую неоднородность. В результате сравнительного анализа антропологического материала тесинских и таштыкских могильников среднего Енисея сделан следующий предварительный вывод: на тесинском этапе «имеет место приток слабо монголизированного населения, а в таштыкское время оно начинает растворяться в местном населении». Как отмечено, в тесинском могильнике Каменка V захоронены люди, занимавшие более высокое социальное положение, чем погребенные в расположенном рядом таком же могильнике Каменка III. Анализируя материалы этих могильников, И. И. Гохман пришел к заключению, что в Каменке V прослеживаются антропологические особенности еще классического тагарского населения и что на тесинском этапе потомки тагарцев занимали в этой общине привилегированное положение [Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д., 1987, С. 233, 234].

В свете изложенного тесинский этап на среднем Енисее предстает сегодня как самостоятельная и сложная по существу происходящих в этот период процессов эпоха, отразившая, видимо, первое проникновение каких-то новых этнических элементов в среду тагарского населения Минусинских степей,

Таштыкская культура

Первые раскопки погребальных сооружений культуры связаны с именем сибирского археолога-любителя А. В. Адрианова, который провел их в 1883 г. на о-ве Тагарском (ныне часть г. Минусинск), в 1898—1899 гг. — под Абаканской управой (совр. г. Абакан) и в 1903 г. — в долу горы Оглахты, в 40 км к северу от г. Абакан. Особенную известность приобрели последние раскопки, так как в могильнике оказалось три хорошо сохранившихся сруба, содержащих человеческие мумии, человекоподобные чучела, сшитые из кожи и набитые травой, гипсовые лицевые маски, берестяные головные уборы, обшитые шелком, деревянную посуду и модели оружия, а также остатки кожаных и меховых одежд. Большое значение могильника для изучения таштыкской культуры сохраняется до сих пор. Кроме А. В. Адрианова, в те же годы (1888 г.) две погребальные камеры под Минусинском были раскопаны ссыльным народовольцем Д. А. Клеменцем.

В отдельный исторический период, или культуру, эти памятники были выделены С. А. Теплоуховым, который назвал их таштыкскими по месту собственных раскопок на р. Таштык и разделил на два этапа, для каждого из которых характерны особый тип погребальных сооружений, керамика и другие особенности. К раннему этапу (I—II вв.), или переходному от тагарской культуры к таштыкской, он отнес глубокие грунтовые могилы, а к позднему, собственно таштыкскому (III—IV вв.), — неглубокие котлованы под каменно-земляными квадратными насыпями, которые в дальнейшем в литературе стали именоваться склепами. Возникновение грунтовых могил он объяснил проникновением на Енисей новых народностей из Центральной Азии, а в склепах видел памятники смешанного населения. Поэтому грунтовые могильники он синхронизировал с поздними курганами тагарской культуры [Теплоухов С. А., 1929, С. 50, 51]. Многие представления С. А. Теплоухова оказались справедливыми. В частности, в настоящее время археологические материалы и радиоуглеродные даты подтвердили существование тагарских курганов с грунтовыми таштыкскими могильниками [Ермолова Н. М., Марков Ю. Н., 1983, С. 97]. Сам С. А. Теплоухов раскопал два склепа и 20 могил (Барсучиха IV; Горькое Озеро; Таштык). Им были также обнаружены ямки с остатками похоронных и поминальных тризн, которые он принял за могилы.

После работ С. А. Теплоухова наибольшие исследования таштыкских памятников проведены С. В. Киселевым, В. П. Левашевой, Л. Р. Кызласовым, М. П. Грязновым и Э. Б. Вадецкой [Киселев С. В., 1929; 1951; Грязнов М. П., 1979б, С. 90—141; Кызласов Л. Р., 1960; Вадецкая Э. Б., 1975, С. 173—183; 1981а. Полную библиографию и архивы см.: Вадецкая Э. Б., 1986б, С. 146—156].

Г. П. Сосновский [1933] в публикации Оглахтинского могильника, исследованного А. В. Адриановым, высказал суждение, что разница в типах таштыкских погребальных сооружений может объясняться не только хронологическими, но и социально-экономическими причинами. Исходя не только из

археологического материала, но и из вероятной эволюции общественного разделения труда (между скотоводами и земледельцами), он пришел к выводу, что в грунтовых могилах похоронены оседлые пастухи и земледельцы, а в склепах — скотоводы-полукочевники. Однако он не смог достаточно четко обрисовать взаимоотношения между пастухами и кочевниками, поскольку грунтовые могилы он, как и С. А. Теплоухов, синхронизировал не со склепами, а с тагарскими курганами, таштыкские же склепы считал генетически связанными с тагарскими. Тем не менее, гипотеза Г. П. Сосновского положила начало до сих пор не прекращающейся дискуссии о соотношении могил и склепов, а также о связанной с этим вопросом внутренней хронологии культуры.

Самые крупные исследования принадлежат С. В. Киселеву, который раскопал 24 склепа и около 50 могил и «поминов» (ямок с остатками тризн). Особенно удачные исследования проведены на Уйбатском чаатасе, близости от тагарского кургана Д. А. Клеменца. Здесь в склепах сохранилось много масок, остатков одежд, фигурок людей, животных и утвари. Склепы, исследованные С. В. Киселевым, отличаясь разнообразием в конструкциях, содержали сходную керамику, а некоторые, кроме того, — изделия и маски, аналогичные найденным в позднетагарских курганах (тесинский этап). Не прослеживались также значительные различия между керамикой склепов и расположенных рядом грунтовых могил. Все эти признаки привели С. В. Киселева к выводу об одновременности могильников и склепов в пределах I—IV вв. и о том, что ранние из них синхронны поздним тагарским курганам. Два типа погребальных сооружений он связывал с двумя различными социальными группами населения, поскольку материалы из могил были беднее, чем из склепов.

Ямки с остатками тризн С. В. Киселев, как и С. А. Теплоухов, не отличал от захоронений, так как места поминальных тризн (так называемые поминальнички, или помины) в то время на таштыкских кладбищах еще не были выделены и раскопаны. Особенно крупные «помины» в обширных, но неглубоких ямах под каменными вымостками встретились ему около Уйбатского чаатаса (Уйбат II). Они содержали сосуды и остатки мяса нескольких жертвенных животных, иногда на деревянных блюдах. Среди этих ям располагались обычные таштыкские могилы с труположением и трупосожжением, а поблизости — захоронения эпохи чаатас. Формальное сопоставление таштыкских поминальных комплексов с более поздними погребениями, куда клали много мяса, привело С. В. Киселева к мысли, что первые являются могилами переходного к эпохе чаатас типа (V в.) [Киселев С. В., 1949, С. 260—264]. Выделенный им поздний этап таштыкской культуры был признан археологами и под этим названием вошел в литературу. Однако это утверждение требует пересмотра, поскольку описание «переходных могил» без останков погребенных, содержащиеся в дневниках С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой, не оставляют сомнения в принадлежности раскопанных ям к жертвенно по-

минальным комплексам, ныне исследованным на многих таштыкских кладбищах [Евтюхова Л. А., А-1938]².

В послевоенное время в течение более 20 лет таштыкские памятники раскапывались лишь эпизодически, при выявлении их в процессе строительных работ. Исключение составили три склепа, исследованных Л. Р. Кызласовым на Изыхском и Сырском чаатасах. Они были в относительно хорошей сохранности, различались конструкциями, и, главное, в них были найдены разнотипные несинхронные пряжки. Материалы этих склепов с привлечением и ранее раскопанных позволили Л. Р. Кызласову [1960] предложить новую (третью) периодизацию культуры, которую он разделил на четыре хронологических этапа: изыхский (I в. до н. э. — I в. н. э.), сырский (I—II вв.), уйбатский (III—IV вв.), камешковский переходный (IV—V вв.). Грунтовые могильники и основную серию известных склепов он отнес к раннему изыхскому этапу, но объяснил различие типов погребальных сооружений не социальными, а этническими причинами. По его мнению, в могилах похоронены потомки местного тагарского населения, а в склепах — преимущественно «гяньгуни», пришедшие из Монголии. Их новый обряд — трупосожжение — частично заимствовали тагарцы, погребенные в грунтовых могильниках. К позднему, камешковскому, этапу Л. Р. Кызласов отнес памятники того же типа, что и С. В. Киселев, которые он нашел на Изыхском чаатасе.

В 60—70-е годы развернулись работы Красноярской экспедиции. Склепы таштыкской культуры начали раскапывать с применением новой методики, т. е. полностью, включая в исследуемую площадь не только камеру, но и все сооружение вокруг нее и над ней. Впервые началось планомерное исследование грунтовых кладбищ, а не отдельных могил. Около склепов, среди грунтовых могил и на окраинах кладбищ были вскрыты ямки с остатками тризн и целые поминальные комплексы. Работы производились двумя отрядами. Один из них (под руководством М. П. Грязнова) раскопал шесть склепов, 12 могил, два обширных «поминальника» и десятки детских могил. Самыми удачными были раскопки склепов под горой Тепсей (Тепсей III, IV), где найдены деревянные планки с рисунками и другие резные изделия. Другой отряд (под руководством Э. Б. Вадепкой) раскопал шесть склепов, около 200 могил и ям с тризнами на территории кладбищ, а также частично три «поминальника» на окраине кладбища. Наиболее крупные работы проведены в могильниках Мысок, Новая Черная IV, V и Комаркова-Песчаная.

Новые раскопки внесли коррективы в представление о погребальном обряде, а также датировке грунтовых могильников. Новых датирующих материалов в склепах почти не было, однако полуценный керамический материал оказался столь выразительным, что позволил М. П. Грязнову [1971, С. 97—99] предложить четвертую периодизацию культуры, разделив ее лишь на два, но наиболее четких хронологических этапа, соответственно датам С. А. Теплоухова: батеневский (I—II вв.) и тепсейский (III—V вв.). В основу периодизации он положил форму и орнамент

сосудов. К батеневскому этапу (I—II вв.) М. П. Грязнов отнес все грунтовые могилы и лишь несколько наиболее бедных материалов склепов левого берега Енисея; к тепсейскому (III—V вв.) — практически все известные склепы, датируемые Л. Р. Кызласовым временем до III в. н. э., т. е. изыхский и сырский этапы. Определение дат этапов сделано М. П. Грязновым условно, с оговоркой на возможное начало культуры в I в. до н. э. и появление в будущем дробной периодизации склепов внутри периода III—V вв. Верхняя дата культуры определена по находкам в склепах железных язычковых пряжек, сходных с широко известными в курганах эпохи чаатас. М. П. Грязнов не включал в свою периодизацию единичные могилы, интерпретируемые С. В. Киселевым и Л. Р. Кызласовым как переходные IV—V вв., так как они не встретились ни на одном кладбище при огромных раскопках Красноярской экспедиции, в том числе в почти полностью раскопанном могильнике под горой Тепсей. В то же время в том же могильнике было исследовано много жертвенно-поминальных комплексов, аналогичных ранее выделенным «переходным» могилам. Таким образом, новые материалы подвергают сомнению наличие позднетащтыкских грунтовых могил.

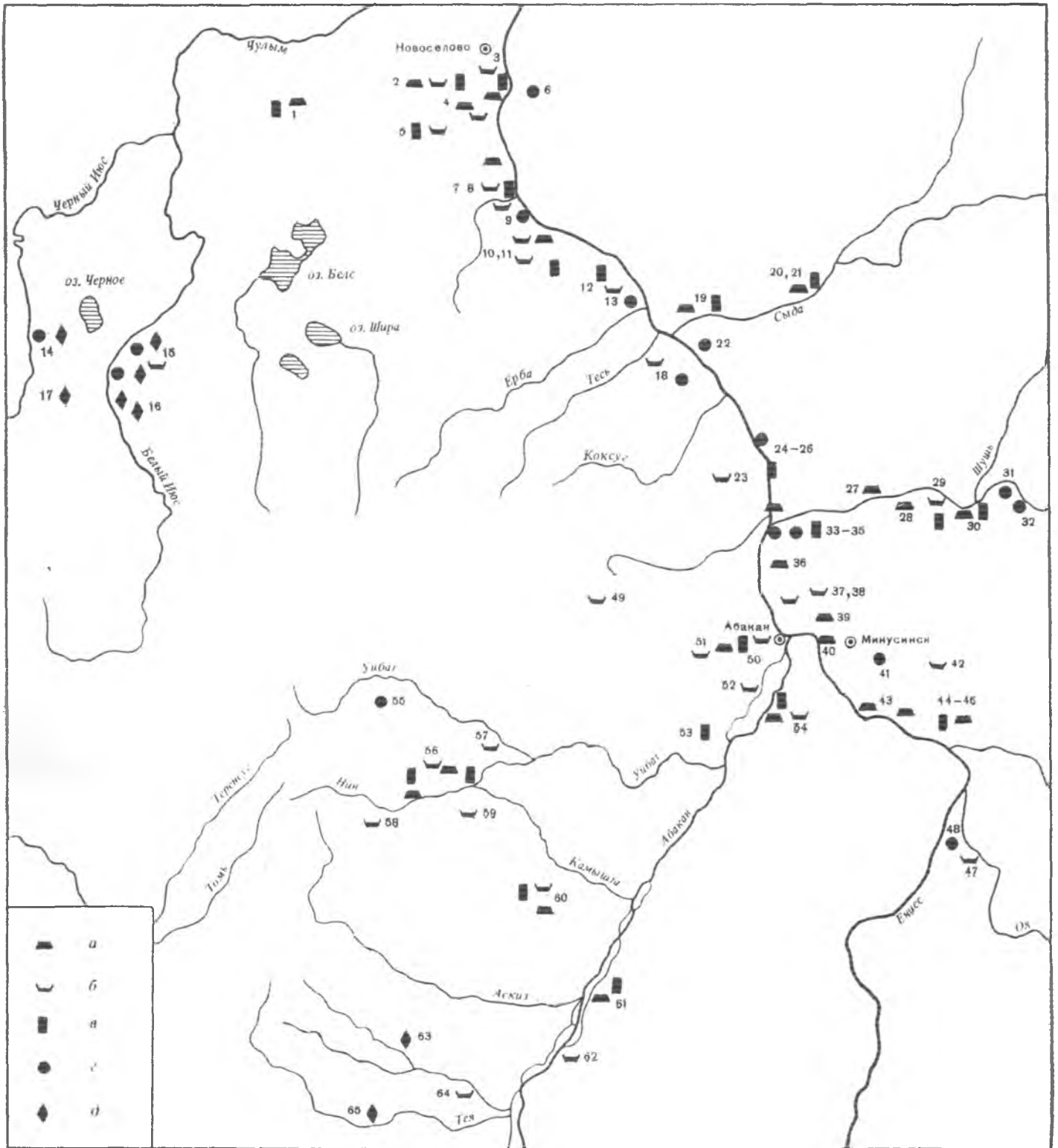
В 1969 г. Л. Р. Кызласов возобновил раскопки Оглахтинского могильника. В одном полностью сохранившемся срубе он нашел две человеческие мумии и два кожаных манекена с пеплом человека. Погребенные были в одеждах, под головой у них лежали подушки, а в ногах — много вещей: посуда, модели узды, лука, колчан с древками стрел и т. д. Эти находки еще больше увеличили научную ценность Оглахтинской коллекции в целом [Завитухина М. П., 1976, С. 100].

Таштыкская культура представлена разнообразными археологическими источниками: могильниками, поселениями, железоплавильнями, рисунками на скалах и камнях, антропоморфными каменными изваяниями. Но изученность этих памятников, особенно могильников и поселений, крайне неравномерна. Имеется подробное представление, вплоть до деталей, о похоронном ритуале и поверхностное — об экономике и жилищах. Но материал из погребений настолько оригинален, разнообразен и красочен, что позволяет осветить некоторые стороны жизни населения с этнографическими подробностями.

Племена таштыкской культуры жили по всей территории Минусинской котловины, за исключением ее северной лесостепной окраины, где граница таштыкских памятников проходит по рекам Белый и Черный Июсы (карта 13). Однако влияние культуры прослеживается шире. На севере котловины и в Кемеровской обл. встречены поселения и тагарские курганы с керамикой таштыкского типа, а южнее Саян, в Саянском каньоне, обнаружены похожие на таштыкские «поминальники» и несколько могил.

Как уже говорилось, известно два вида таштыкских могильников — с грунтовыми могилами и склепами. Иногда грунтовые кладбища использовались для сооружения на них склепов. Всего раскопано около 400 могил (взрослых и детских) и около 60 склепов. Грунтовые могилы для взрослых, склепы и детские могилы составляют три разные группы погребений и поэтому описываются отдельно.

² См. раздел об архивных материалах в списке литературы

Карта 13. Основные памятники ташкентской культуры

1 - Хызылар; 2 - Красная Грива; 3 - Мысок; 4, 5 - Новая Черная IV, V; 6 - Анаш; 7, 8 - Барсучиха II, IV; 9 - Поляна; 10, 11 - Горькое озеро; 12 - Таштык; 13 - Таштык I; 14 - Черное озеро; 15 - Трошкино; 16 - Ефремкино; 17 - Половинки; 18 - Коленский чаатас; 19 - Усть-Сыда; 20, 21 - Сыда; 22 - Уюк; 23 - Оглахты; 24-26 - Тепсей III, IV, X; 27 - Джесос; 28 - Усть-Тесь; 29 - Ильинская; 30 - Георгиевская; 31, 32 - Шошино; 33 - Суханиха; 34 - Туба; 35 - Крестик; 36 - Дальняя Чая; 37 - Комаркова-Песчаная; 38 - Быстрая; 39 - Быст-

рая I; 40 - Тагарский остров; 41 - Минусинск; 42 - Куту-жеково; 43 - Кривинское; 44-46 - гора Думная; 47 - Жеблахты; 48 - Мочёрки на Горке; 49 - Салбык II; 50 - Абаканская управа; 51 - Абакан; 52 - Чапаево; 53 - Сапогов; 54 - Изыхский чаатас; 55 - Тибик; 56, 57 - Уйбат I, II; 58 - Бейка; 59 - Камышта; 60 - Сырский чаатас; 61 - Койбалы; 62 - Маткечик; 63 - Кызласов; 64 - Есинская МТС; 65 - Сыхна; а - склепы; б - грунтовые могильники; в - «поминальники»; г - поселения; д - железоплавильни

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ. Расположены преимущественно на склонах сопок либо иных возвышенностей, в насыпях тагарских курганов. Они всегда обширны, насчитывают от 100 до нескольких сотен могил. Могилы не имеют признаков на поверхности либо еле заметны по незначительному оседанию почвы. Ограбленные могилы имеют вид овальных впадин глубиной до 0,5 м (табл. 95, 1). Могильные ямы прямоугольные и квадратные, глубиной 1,5—3 м. Дно и стенки ям часто обложены берестой. На дно поставлен низкий, в один—три венца (высота 0,3—0,6 м), сруб из бревен. Судя по меткам на некоторых бревнах, сруб изготовляли и предварительно собирали в лесу [Адрианов А. В., 1903. № 249. С. 5]. Уложив покойников, сруб плотно закрывали поперек бревнами или горбылями, сверху настилали бересту и засыпали землей до самого верха ямы. Для устойчивости срубов под их углы или нижние венцы подкладывали каменные плитки, промежутки между стенкой ямы и срубом заполнялись, как правило, материковой глиной или плитками, реже — бревнами (табл. 95, 3—6, 10, 11). Срубы рассчитаны на размещение двух—четырех человек, уложенных близко друг к другу. Ориентирован сруб с запада на восток или с юго-запада на северо-восток. На поверхности могилы в древности обозначались небольшим земляным холмиком, иногда, видимо, обложенным или вымощенным плитками. Судя по устойчивой ориентировке срубов, похороны на этих кладбищах совершали, как правило, в одно и то же теплое время года, с весны по осень. Укладывали в сруб взрослых и подростков по одному—два, три—четыре, реже — больше. Умерших обряжали в зимние одежды, размещали параллельно друг другу вытянуто на спине, головой на заход солнца. Иногда укладывали друг на друга, либо одного из покойников — в ногах других. Умирали эти люди в разное время, и до похорон их трупы помещали в какие-то хранилища. Половозрастной состав погребенных и численность позволяют предполагать, что каждый сруб содержал, вероятно, семейные захоронения.

Для сохранения останков к моменту их погребения применялось два способа консервации: мумифицирование и трупосожжение с последующим помещением пепла в человекоподобном манекене. Трупы женщин, подростков, реже — мужчин мумифицировали, стремясь прежде всего сохранить голову, для чего на лицо накладывали гипсовую маску, а иногда предварительно производили трепанацию черепа и извлекали мозг. А. В. Адрианов по черепам из Оглахтинского могильника установил два приема выдалбливания отверстия в затылочной или теменной части черепа, в зависимости от толщины кости. Эту операцию производили, видимо, особые специалисты (рука одного мастера установлена И. И. Гохманом на черепках могильника Мысок у д. Аёшка). Маски лепили прямо на лице трупа, отчего на их внутренней поверхности имеются отпечатки морщин, а также приставшие волосы. Делали это следующим образом. Сначала на все лицо клали кусок шелковой ткани или отдельные ее кусочки на глаза и рот. В материи делались прорехи, соответствующие линиям разреза глаз и рта. Поверх ткани клали слой гипса, смешанного с известняком и небольшим ко-

личеством кварцевого песка, а затем чистым гипсом заглаживали и моделировали маску по форме лица. Состав масок не одинаков, но преобладают гипсовые. По форме они подразделяются на более или менее объемные. Одни захватывали уши, теменную часть, подбородок. Другие закрывали только лицо. Маски белые, иногда покрытые тонким ангобом. Они были расписными, но краска на многих не сохранилась (табл. 100, 3, 4). По окраске поверх ангоба маски разделяются, очевидно, на женские и мужские. Женские расписаны красной краской (табл. 100, 1) узорами в виде спиралей на лбу, висках, щеках, подбородке [Адрианов А. В., А-1903. Л. 13; Кызласов Л. Р., 1969а]. Мужские сплошь покрыты красной краской, а сверху расписаны черной (табл. 100, 2). Некоторые маски к моменту погребения растрескивались и лопались. Тогда их чинили и обновляли раскраску [Адрианов А. В., 1903. № 254; Коваленко Т., 1972]. Несмотря на принимаемые меры, мумии не всегда выдерживали срок хранения, и их приходилось укладывать в могилу в полуразрушенном состоянии или аккуратными кучками из костей и черепа (табл. 95, 7, 9) [Вадецкая Э. Б., 1975. Рис. 4].

Другие трупы кремировали. Сожжение производили вдали от кладбища, на сильном огне. Труп сжигали в одежде. Сожжение было неполным, так что остатки сожженных костей крупные, до 4—5 и даже 8—10 см. От трупа оставалось 1—2 кг косточек, называемых «пеплом», которые собирали в кожаный или берестяной мешочек. Затем шили человекоподобное чучело-манекен, имитирующее сожженного покойника. Эти имитации принято называть погребальными куклами. Изготавливали их из травы и обшивали кожей, а возможно, берестой и материей. Как показывает изучение их остатков, обнаруженных А. В. Адриановым, было два варианта кожаных кукол. Одни делались просто: куртку и штаны плотно набивали комками травы и к этому муляжу приделывали голову. Другие изготавливались тщательнее и по частям. Сначала складывали друг с другом по величине рук и ног комочки жесткой травы, затем их обшивали кожей, используя куски, сшитые из мелких лоскутков на скорую руку через край. Отдельный мешок шили для туловища, набивали его травой и вкладывали туда мешочек с пеплом. Части чучела сшивали жилами и тонкими ремешками. Голову чучела изготавливали из таких же комков травы и обшивали кожей или тканью.

Лица делали по-разному: на одной кукле они были нарисованы, на другой — глаза и рот обозначены впадинами, а брови и нос пришиты, на третьей — на коже сделаны прорезы для глаз [Адрианов А. В., А-1903. Д. 55. Кол. 24. № 72, 90]. Лица кукол раскрашены черными поперечными полосами, у одной лицо закрыто красным шелком с нарисованной черной полосой — все это имитирует маски (табл. 99, 25). Макушка и затылок кукол закрыты человеческим скальпом с волосами [Кызласов Л. Р., 1971. С. 175] либо плотной тканью, к которой пришит кожаный или шелковый мешочек со свернутой кошачьей покойника (табл. 99, 4) [Вадецкая Э. Б., 1981б]. Куклы изготавливали размером с покойника, одевали, видимо, в его подлинную одежду. Таким образом, кукле придавали сходство с покойником и наносили на нее отличительные знаки. Гипсовые мас-

ки на лица кукол клали редко. Этот обычай возник позже. Маски на куклах сделаны грубее, чем маски на мумиях, и передают не портретное, а условное сходство с человеческим лицом [Адрианов А. В., А-1903, Д. 55, Кол. 24, № 69].

Мумии и куклы укладывали одинаково на спине, головой обычно на запад (табл. 95, 2, 5, 6). Под головы подкладывали обрубки дерева, камни, разнообразные подушки из травы и шерсти, детские шубки и т. д. В ноги ставили большое количество деревянной посуды и один, реже — два глиняных сосуда: один — с напитком, другой — с растительной пищей. Два определенных куска мяса (лопатку и часть бока, как правило, овцы) клали всегда кукле и реже — мумии. Куклам, в отличие от мумий, иногда ставили сосуд в головах, но главное отличие между куклами и мумиями проявилось в их размещении внутри сруба. Наиболее четко оно прослежено в двойных погребениях, где кукла лежит всегда вдоль северной стенки сруба, занимая левую его половину, а мумии — вдоль южной, справа от куклы (табл. 95, 6, 8, 9).

Предположение, что трупосожжение применяли к мужчинам, впервые было высказано Г. Ф. Дебецем [1948, С. 129]. Теперь оно превращается в научную гипотезу. Во всяком случае мужские скелеты отсутствуют в двух наиболее полно раскопанных могильниках (Мысок; Комаркова-Песчаная) и их очень мало в общей серии скелетов из других могильников. Среди определимых остатков трупосожжений, при всей их малочисленности, нет детских и женских, но есть мужские. Именно они занимают определенное место в срубах, где, помимо них, похоронены женские мумии. Устойчивое расположение куклы — пепла мужчин у северной стенки и женской мумии — вдоль южной позволяет и значительное число других кукол, пепел внутри которых не определен, рассматривать как захоронения мужчин. Наконец, эту интерпретацию подтверждает анализ многочисленных сохранившихся кукол или их остатков, на которых выражены признаки пола: на лицах — следы черных поперечных полос, как на двух мужских масках, а к голове пришиты кожаные и шелковые мешочки с косичкой, подобные изображенным на голове воинов на рисунках в склепе под горой Тепсей [Вадецкая Э. Б., 1981б, С. 108; 1982, С. 115; 1985].

Некоторым покойникам под голову подсыпали зерна или стебли проса или гречихи и почти всегда клали по одному-два (реже — больше) астрагала овцы или козы. Они лежат у головы или локтя, иногда рядом с сосудом или на перекрытии сруба. Похороны сопровождалась пиршеством. Резали несколько животных, чаще — овец и коз, реже — коров, лошадей. Как уже говорилось, два куска мяса клали в сруб покойнику, обычно кукле. Остатки тризны иногда оставляли на перекрытии сруба, но в большинстве случаев крупные головы съеденных животных, главным образом лошадей и коров, зарывали в ямы около могилы либо бросали в могилу, когда засыпали ее землей.

Хорошили покойников в повседневной одежде, о чем можно судить по сохранившимся на ней заплатам, но иногда ее, очевидно, украшали специально для погребения. Нижнюю одежду шили из шерстя-

ной ткани, простой и гладкой или вытканной в рубчик, используя хорошо вычесанную овечью шерсть. Раскроенные куски сшивали простым швом и швом «взад иголку» [Киселев С. В., 1949, С. 249]. Покрой нижних рубах неизвестен. Возможно, наиболее знатные люди носили одежду из привозных шелковых тканей, обрывки которых встречены в склепах Уйбатского чаатаса, но чаще шелк использовали для отделки одежды, головных уборов и колчанов. Верхнюю одежду шили из кожи и меха. Суммируя наблюдения А. В. Адрианова и краткие публикации материалов Оглахтинского могильника, можно дать следующую реконструкцию одежды. Носили куртки из овчины, мехом внутрь, и меховые штаны, напускные, заходящие за колено. У пояса, а также и на ногах, у паха и под коленом, они завязывались ремешками [Завитухина М. П., 1976, С. 101]. Куртки были распашными, с узкими рукавами и стоячим воротником, доходили до колен. Борта, полы и ворот одной из них обшиты кожей, рукав — с пришитым обшлагом (табл. 99, 23), причем она сшита из отдельных четырехугольных лоскутков, с изнанки — через край. Поверх куртки надевали шубы из овчины, мехом внутрь или наружу; ворот и борта отделаны мехом пушного зверя. Иногда надевали две шубы — одну поверх другой. Полы не запахивались, а завязывались ремешками встык. Найдена (под головами взрослых) детская шубка, по покрою аналогичная взрослым шубам (табл. 99, 24). Однажды поверх шубы был надет нагрудник с завязками вокруг шеи. Нагрудник двусторонний, наборный из белчьего меха. Одежду дополняли меховые гетры, носки, стеганые чулки, меховые рукавицы, сапожки с мягкими подошвами (закреплялись у щиколотки и по верху голенища ремешками) и разнообразные шапки: меховые с пышным подшерстком, кожаные, обшитые изнутри шерстяной тканью. Лучшей сохранилась шапка, сшитая из целой шкурки соболя мехом внутрь, с удлиненными ушами. Она плотно облегла голову, спускалась мысками на лоб и затылок и завязывалась ремешками под подбородком [Завитухина М. П., 1976, С. 100, 101; Кызласов Л. Р., 1971, С. 175].

Мужчины и женщины носили косы. Распространенный вариант мужской прически — косица, уложенная на темени, а остальные волосы вокруг нее сбиты или связаны на затылке. Часто косицу закрывали наконником в виде кожаного или шелкового мешочка, а снизу закрепляли на голове длинной булавкой или завязывали (табл. 99, 4). Женщины укладывали косу на затылке и закрывали берестяными колпачками (высота 9—12 см), обшитыми топкой шелковой тканью изнутри и толстой — снаружи. Колпачок снизу прикреплялся к волосам двумя-тремя костяными булавками. Некоторые женщины носили вплетенные косы (табл. 99, 1, 2). Для более сложных и высоких причесок употребляли накладные, плетеные на каркасе волосы, закрепляя их множеством булавок (табл. 99, 3).

Из деталей одежды в могилах сохранились пряжки, булавки, нашивные амулеты и бляхи. Преобладают круглые железные пряжки с подвижным язычком и бронзовые в виде простых колец (табл. 97, 7—11). Единичны овальные пряжки с прорезьями и без шпеньков. Они изготовлены из кожи, дерева и кос-

ти. Известна аналогичная бронзовая пряжка (могильник Салбык), но с выступающим неподвижным шпеньком. Костяные и деревянные булавки, которыми закалывали волосы и головные уборы, имеют вид круглых стерженьков с круглыми, молоточкообразными или цилиндрическими головками (табл. 97, 15—19). Для закрепления одежды использовались крупные костяные булавки с фигурным навершием и застежки (табл. 97, 14, 28). Нашивные амулеты в виде плоских металлических пластинок встречаются редко, они напоминают то подкову, то изогнутый прут, то имитацию зуба животного и всегда имеют дырочки, через которые пришивались к одежде или иному предмету (табл. 97, 5, 6, 29—32, 34, 37—40). Две фигурки-амулеты сделаны из дерева и облицованы листочками золота — видимо, они изображают птичек (табл. 97, 44, 45). Возможно, амулетом служила плоская фигурка косули (табл. 97, 35). Найдены обломки двух блях хуннского типа со змеевидным орнаментом и одна целая ажурная (табл. 97, 33, 36). Берестяные и костяные трубочки, судя по их расположению в могилах, служили наконечниками и каркасом для высоких причесок (табл. 97, 20, 21).

Погребенных редко хоронили с подлинными украшениями — каменными и стеклянными бусами (иногда — с внутренней позолотой), металлическими гривнами и серьгами. Серьги бывают в виде колечка или проволоочки, один конец заострен, а другой — расплюсчен (табл. 97, 1—4). Чаще реальные украшения заменялись бутафорскими: вырезанными из коры пуговицами, бусинами, бляшками. Они, как правило, имели рельефный орнамент и были облицованы золотом.

Не только украшения, но и другие вещи заменены в могилах деревянными моделями: луки — из окрашенных прутиков, кинжалы в ножнах — вырезаны из тонких березовых дощечек либо из толстого ствола дерева, окрашены охрой или облицованы листовым золотом, наконец, уздечки — с миниатюрными железными удилами и деревянными псалиями. Из металлических моделей известно четыре бронзовых зеркала (табл. 97, 22, 23), а из реальных вещей — древки стрел, раскрашенные или декорированные золотом; одно китайское зеркало; меховой колчан, обшитый шелком [Лубо-Лесниченко Е. И., 1975. Рис. 108; Кызласов Л. Р., 1969а]; посуда.

Судя по сохранившимся погребениям, деревянной посуды было значительно больше глиняной, и она преобладала в быту населения. Это преимущественно овальные глубокие блюда, в которых крошили и подавали мясо, черпаки, ковши, мутовки для сбивания молока, а также миски, чашки, ведро с носиком, боценок для вина и т. д. (табл. 97, 43; 99, 6—18). Сосуды закрывались деревянными и берестяными крышками. Из бересты изготовляли также туеса и коробки (табл. 99, 15).

Глиняная посуда представлена тремя основными формами. В первую очередь это кубки разной величины и пропорций (табл. 97, 47, 48, 52—54, 59, 60). Изредка встречаются кубки с двумя вертикальными ручками — имитация тагарских котловидных сосудов (табл. 97, 61). Затем идут небольшие банки разных пропорций (табл. 97, 46, 55). И, наконец, сферические или бомбовидные сосуды: круглодонные или

с уплощенным дном, с горлом разной высоты (табл. 97, 49—51, 57, 58, 62, 63). Кубки и банки бывают без орнамента, как тагарские, но чаще украшены полосой орнамента по верхнему краю или чуть ниже. Полосы состоят из ямок, насечек, линий, зубчиков, скобок, точек. Сферические сосуды всегда украшены на треть и более. Они нарядно выглядят из-за резного орнамента в виде спиралей, концентрических кругов, арок, заштрихованных треугольников. Иногда на них бывают наклепные валики. Небольшую серию составляют миниатюрные сосудики в виде мисочек с четырех- или пятигранным устьем (табл. 97, 56) и кувшинчиков (высота 2—6 см), а также бронзовые котелки (высота 4,5 и 11,5 см) с вертикальными ручками и на поддоне (табл. 97, 41). Их назначение неясно.

СКЛЕПЫ. От грунтовых могильников значительно отличаются погребальные сооружения, именуемые склепами, особенно те из них, которые относятся к тепсейскому, классическому, этапу таштыкской культуры (III—V вв.). Они обозначены на поверхности овальными или квадратными каменно-земляными насыпями (табл. 96, 1, 2) и расположены обычно группами из двух—четырех поблизости от грунтовых могильников или вдали от них. Раскопано около 60 склепов. Сооружали их следующим образом. Выкапывали обширный котлован четырехугольной формы глубиной до 1 м (реже — глубже). Внутри сооружали камеру из бревен и плит с полом и потолком. Вокруг камеры, чаще — вплотную к ней, складывали широкую каменную стену-крепиду прямоугольной формы с закругленными углами (табл. 96, 5). Грунт, вырытый при рытье котлована, укладывали поверх бревенчатого покрытия камеры. По истечении некоторого времени эта насыпь приобрела форму усеченной пирамиды [Баранов Л. Н., 1975. С. 163, 164. Рис. 1]. Камеры склепов различаются размерами (от 16 до 90 кв. м) и сложностью конструкции. В малых поставлен низкий сруб или клеть, а стенки облицованы плитами (табл. 96, 6); в больших ставили высокий сруб или клеть, снаружи тесно прижатые к тыну, которым облицовывали стенки котлована (табл. 96, 3). В двух склепах на Уйбатском чаатасе между тыном и срубом оставлены коридоры шириной 1 м. Иногда в больших камерах вдоль стен сооружали «полати», на которые укладывали погребенных, но чаще их размещали прямо на полу. Большинство склепов имеют вход с западной стороны в виде нескольких спускающихся в камеру ступенек или дромоса, крытого сверху и облицованного с боков плитами или бревнами (табл. 97, 3, 4). Стенки и дно котлована, бревна сруба и тына, а также бревенчатую крышу покрывали несколькими слоями бересты.

Для людей, которых хоронили в склепах, соблюдался несколько иной обряд, чем в грунтовых могилах. В небольших склепах укладывали более 10, а то и до 25—40 трупов, мумий и кукол и просто кучек «пеpla». В большие склепы помещали до 100 и более кукол и кучек «пеpla». Размещали трупы и куклы, как в тагарских курганах, параллельно друг другу и ярусами. В малых склепах, не имевших входа, покойников, очевидно, хоронили одновременно и покрывали берестяным полотнищем [Вадеева Э. Б., 1981а. С. 63]. В большие склепы со

входами покойников, преимущественно кукол, вносили неоднократно, но в любом случае окончательные похороны совершали однажды, когда, подобно тагарцам, поджигали камеру, обрывая тем самым связь покойников с живыми людьми. В склепах не удается проследить, по какому признаку одних покойников сжигали, а других — нет, но, безусловно, обряд трупосожжения постепенно распространился на все взрослое население.

Значительные остатки кукол, кроме кучек «пепла», травы и обрывков кожи, не сохранились. Видимо, они изготовлялись прежним способом. Однако известно и иное захоронение пепла сожженного человека, когда его помещали не в манекен, а в горшок, берестяной короб, ящик. Маски накладывали не только на лица мумий, а почти на все куклы. В нескольких склепах маски были вставлены в специально сделанные для них основания. Изготавливали их из глины с примесью известняка, а также гипса, но по-разному. Некоторые отливали в формах, снимавшихся с лица трупа [Киселев С. В., 1949. С. 250], другие лепили на шитой из кожи болванке или, что вероятнее, прямо на лицах кукол [Грязнов М. П., 1979б. С. 120]. Среди масок встречены лицевые, охватывающие лицо и часть головы, реже — шею, а также маски-бюсты (табл. 100, 5—7). Усложнилась раскраска масок: помимо красной и черной красок, применялись зеленая и голубая, краской рисовали ресницы и ожерелья. Хотя похороны сопровождались более грандиозным пиршеством, чем при захоронениях на грунтовых кладбищах, мяса покойникам не оставляли, но в большом количестве клали концы ног, копыта и пятки жертвенных животных, преимущественно быка, меньше — лошади и овцы. Так, например, в склеп 3 под горой Тепсей положены пятки не менее 50 быков, 18 баранов и двух лошадей, а в склеп 4 — не менее 85 быков, 17 лошадей и 15 баранов [Грязнов М. П., 1979б. С. 142]. Видимо, также в ритуальных целях клали лопатки и астрагалы овцы, коровы. Найдены астрагалы, завернутые в ткань и упакованные в шкатулки. Другие положены комплектами, имеют счетные и тамгообразные знаки, отверстия, иногда сточенные концы. Видимо, они служили для игры, счета, гадания.

От одежд погребенных сохранились фрагменты меха, кожи, войлока, шерстяных и шелковых тканей. Судя по увеличившемуся числу пряжек, важной деталью костюма становится пояс с наременными бляхами и пряжками. Согласно типологии Л. Р. Кызласова [1960. С. 36—38], пряжки делятся на 14 типов, но одни из них составляют массовый материал, другие — единичны. К первым относятся самые характерные для таштыкской культуры цельнолитые бронзовые пряжки в виде прямоугольного щитка с овальным кольцом, заканчивающимся язычком-шпеньком (табл. 98, 13, 14). Они имеют варианты и бывают разных размеров. Их найдено более 80, и они распространены, видимо, на всем протяжении культуры, так как встречаются совместно с пряжками наиболее поздних типов, похожими на экземплярные, известные уже в памятниках типа чаатас [Грязнов М. П., 1979б. Рис. 67. С. 22—29]. В небольшом количестве с этими пряжками найдены экземпляры, сходные с ними, но имеющие парные волюты внутри кольца (табл. 99, 16), а также пряжки от наборных

поясов — в виде двух колец с парными волютами, соединенных прямоугольными пластинами (табл. 98, 18) [Кызласов Л. Р., 1960. С. 36]. Оригинальные остроконечные пряжки с маленькой рамкой и большим округлым щитком с прорезьями, видимо, генетически связанные с описанными, а также цельнолитые с прямоугольным щитком, четырехугольной рамкой и неподвижным шпеньком [Кызласов Л. Р., 1960. Рис. 7, 1, 2, 5; 8, 4, 8]. По-прежнему распространены круглые железные пряжки с подвижным язычком, известные в материалах из грунтовых могил. К более поздним относятся следующие пряжки: бронзовые с овальной, трапецевидной или прямоугольной рамкой и неподвижным шпеньком (9 экз.; табл. 98, 1—3, 8); той же формы, но шарнирные с прямоугольным щитком (3 экз.; табл. 98, 5); сердцевидные и В-образные с подвижным язычком (5 экз.; табл. 99, 7); такие же, но шарнирные с прямоугольным или овальным щитком (7 экз.; табл. 98, 10) [Кызласов Л. Р., 1960. Рис. 9, 1, 2]. По одной найдены следующие пряжки: бронзовая шарнирная с прямоугольными щитком и рамкой и длинным язычком (табл. 98, 4); железная шарнирная с овальной рамкой и прямоугольным щитком (табл. 98, 9); железные с прямоугольной и лировидной рамками с подвижным язычком (табл. 98, 6) [Кызласов Л. Р., 1960. Рис. 8, 1].

Самым распространенным украшением одежды погребенных в склепах были бронзовые амулеты в виде профильных изображений двух конских голов, повернутых в противоположные стороны (табл. 98, 35, 36, 41—45). Их пришивали или подвешивали. К более редким оберегам относятся пластинки с изображениями грифона, целой фигурки коня, косули, гуся, летающих птиц (табл. 98, 28, 30). Некоторые из них, видимо, нашивались на костюм шамана. Принадлежностью шаманского костюма, очевидно, была и железная скоба с отверстиями, в которые продеты кольца с висящими на них бронзовыми колокольчиками [Киселев С. В., 1949. С. 257]. Из личных украшений известны стеклянные и каменные бусины, подвеска от серьги, металлический браслет и гривна (табл. 98, 27—29). Изредка в качестве подвесок (?) использовали бронзовые литые «колесики» и миниатюрные котелки высотой 3—5 см. Судя по отверстию в поддоне, их подвешивали на ремешке вверх дном (табл. 98, 31—34, 39) [Кызласов Л. Р., 1960. С. 79, 80].

Оружие в склепы не клали. Несколько наконечников стрел — костяных черешковых и деревянных, вырезанных из одного куска дерева вместе с древком, — очевидно, были ритуальными или для охоты на пушного зверя. Концы древков бывают с глубоким арочным вырезом или с опереньем (табл. 98, 19—24). Стрелы помещали в колчаны, которые подвешивали к поясу железными крючками или с помощью петель (табл. 98, 17, 38). Найдены целый берестяной колчан без кармана, напоминающий колчаны-гориты [Киселев С. В., 1949. С. 240], а также модель сложного лука [Кызласов Л. Р., 1960. Рис. 43, 15].

Глиняная посуда в склепах разнообразнее, чем в грунтовых могилах. Л. Р. Кызласов [1960. С. 40—56] выделил 28 типов сосудов, включая редкие формы. Наиболее характерные из них М. П. Грязнов

[1971. С. 104—106] объединил в пять видов. Сохраняются типы сосудов, известных по грунтовым могилам: кубки, банки и сферические или бомбовидные (табл. 98, 49, 51, 53, 60, 61). Некоторые кубки по-прежнему снабжены вертикальными ручками — это так называемые котловидные сосуды (табл. 98, 59). Сосуды баночной формы иногда имеют выпуклые бока — так называемые бочонковидные. Новыми являются лощенные горшки хорошей выделки. Выделяются два их типа. Первый — с прямым горлышком и парой ушек для подвешивания (табл. 98, 56). Иногда, кроме ушек, имеются налпные шишки по выпуклому краю сосуда или слив (табл. 98, 48, 54). Второй — изящные горшки с прямым высоким горлом и сливом. Они похожи на кувшины (табл. 98, 55). Горшки часто украшены валиковым палепным орнаментом, который встречается и на сосудах всех других типов из склепов [Грязнов М. П., 1971. С. 96. Рис. 1; 1979б. Рис. 69]. Редкие формы — чаши с валиковым орнаментом, корчаги баночной формы, кружки, вазообразные сосуды, сосуды четырехгранной формы или в виде бочонка, лежащего на боку (табл. 98, 50) [Кызласов Л. Р., 1960. Табл. IV; Грязнов М. П., 1979б. Рис. 55, 3, 4; 69, 1, 11].

В нескольких склепах сохранилось много остатков деревянных и берестяных вещей. Среди них — посуда, сходная с той, что найдена в могилах, — это корытца, бочонки, миски, черпаки, туюски, коробки. Но больше утвари иного назначения: шкатулки с туалетными и ритуальными принадлежностями, низкие столики, сундуки, резные и орнаментированные крышки (табл. 99, 19, 20, 22). Много из утвари, дошедшей во фрагментах, неопределимо или непонятно. В частности, неясно назначение оригинальных деревянных сосудов на двух треугольных ножках. Их наружная поверхность покрыта узором, нанесенным в шахматном порядке, причем одни квадратики обклеены соломой, другие окрашены в красный цвет (табл. 99, 21).

Именно в склепах среди разнообразных остатков найдены вещи, позволяющие судить о художественном творчестве таштыкских племен. Речь идет о деревянной пластике и сложных многофигурных рисунках, вырезанных на деревянных планках. Объемная пластика представлена фигурками животных и людей разных размеров. Известны целые деревянные статуэтки стоящего или отдыхающего барана с подогнутыми ногами (табл. 100, 10), облицованные листовым золотом. Много обломков от статуэток коней, стоящих на трех ногах с поднятой четвертой. Эти небольшие (длина до 30 см) фигурки изготовлены из одного куска дерева. Статуи коней и оленей больших размеров (длина 65 см, высота около 45 см; табл. 100, 9) изготовлялись по частям: туловище цельное, а ноги составные, сборные. Все окрашены в красный цвет. Фигурки людей тоже вырезаны целиком из дерева или скомбинированы из дерева и кости. Они найдены во фрагментах. Так, от одной комбинированной фигурки остались только две костяные руки, сжатые в кулак (Уйбат I, склеп 8), а от другой — деревянная голова мужчины без бороды, с большими усами и уложенной на голове косой (Уйбат I, курган I; табл. 100, 8, 11). По внешнему виду, размерам, стилю исполнения фигурки коней, весьма близко напоминают статуэтки коней, фигури-

рующие в китайской погребальной церемонии ханьского времени [Киселев С. В., 1949. С. 245].

Обращают на себя внимание также фрагменты втулок, найденные на Уйбатском и Сырском чаатасах (табл. 98, 40). Их принято интерпретировать как втулки от церемониальных зонтов, подражающих китайским [Киселев С. В., 1949. С. 260]. Однако эти втулки очень сходны с втулками, которые были частями моделей легких повозок ханьского времени, найденных в могилах Китая [Кожанов С. Т., 1984. Рис. 1]. Поскольку в таштыкских склепах остатки втулок найдены иногда вместе с фрагментами фигурок коней и людей, то, вероятно, все они составляли единые модели повозок с возницами, которые клали погребенным, как это делали, например, в Китае. Так, у одной из таштыкских фигурок руки сжаты в кулаки, как и у фигурок возниц, сидящих в китайских моделях повозок и удерживающих поводья [Кожанов С. Т., 1984. С. 69].

Графические рисунки таштыкской культуры демонстрируют особую местную художественную манеру. Они более реалистичны, чем в тагарском искусстве. Особый интерес представляют семь деревянных пластинок, найденных М. П. Грязновым в склепе 1 под горой Тепсей (табл. 100, 13—15). На них рукой разных художников изображены варианты в целом одного популярного у таштыкцев исторического повествования, переданного тремя сюжетами: охота, батальные сцены, угон военной добычи [Грязнов М. П., 1979б. С. 145]. Контуры фигур вырезаны тонкой линией острием ножа, а затем, вероятно, они раскрашены красками [Грязнов М. П.; 1971. С. 102—105]. По сюжету и стилю изображения воинов и коней тепсейские рисунки имеют аналогии среди многих петроглифов Минусинской котловины и свидетельствуют о распространенности этого вида искусства в таштыкском обществе.

Тщательное изображение деталей причесок, одежды, оружия помогает представить внешний вид воинов. Интересны планки (длина до 1 м, ширина 6—12 см), имеющие на одном конце рукоятку. На одной стороне планки обычно изображены бегущие олени, лоси, медведь, волк и другие звери, на другой — композиции на темы героического эпоса и исторических повестей, мчащиеся всадники-воины. В целом же все сюжеты посвящены военным и военно-охотничьим темам. На планках изображены всадники и пешие воины со сложными луками со спущенной тетивой, стрелами, иногда в боевых доспехах. У них крупные орнаментированные колчаны и почти в человеческий рост щиты. На воинах облегающие кафтаны до колен и свободные штаны. У некоторых на голове шлемы, но чаще волосы распущены до плеч или связаны на затылке в виде конского хвоста, у большинства волосы спереди убраны под мешочек-накосник. По одежде отличаются два человека — в шубах и овальных беретах. В руках у них лук простой формы. Видимо, это представители иного, чем таштыкцы, племени. Воины бегут, стреляют, мчатся на конях, падают [Грязнов М. П., 1979б. С. 105; Рис. 59—61]. В сцене угона скота изображены вооруженные всадники, ведущие в поводу коней, за ними гонятся другие всадники [Завитухина М. П., 1976. С. 110]. Тепсейские рисунки — это древнейшие в Азии своеобразные миниатюры, которые оставлены

обществом, не имевшим еще ни государственности, ни письменности [Грязнов М. П., 1979б. С. 105].

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ. Детские (до 7—10 лет) могилы значительно отличаются от взрослых, но при этом одинаковы для обоих типов кладбищ. Детские могилы расположены вокруг склепов (табл. 96, 2), а в грунтовых могильниках — на окраине кладбища, реже — между могилами взрослого населения. Для детей выкапывали неглубокие ямки, внутри которых помещали срубик, колоду, каменный ящичек. Ямки не засыпали, а закрывали плахами, жердями, плитками. Похороны совершали в любое время года, трупы не сжигали и не мумифицировали, а заворачивали в бересту или ткань и укладывали на спине или на боку, головами в разные стороны. В большинстве случаев никаких вещей и пищи детям не клали, иногда лишь сосуды и астрагалы овцы, косули, кабарги. Сосуды обычно небольшие, небрежно сделанные, преимущественно баночной формы [Грязнов М. П., 1979б. Рис. 72].

ЖЕРТВЕННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ. Эти комплексы связаны не с похоронами, а с устраиваемыми в определенные сроки на территории кладбищ поминальными церемониями. Следы этих поминок разнообразны, но суть их сводилась к одному: приносили в жертву животное, устраивали пиршество и часть пищи оставляли для поминаемого. Классический «помин», по терминологии М. П. Грязнова, состоял из каменного столба, перед которым в ямку, ящик или прямо на поверхность земли клали напитки в горшках и куски мяса, преимущественно баранины или говядины. Мясо клали на деревянных блюдах. Подобные «поминальники» обнаружены как на окраине грунтовых могильников, так и поблизости от склепов, причем последние богаче и им отведено больше места. Например, предполагаемая площадь «поминальников» около склепов под горой Тепсей содержала 250—300 «поминов» (табл. 96, 2), что, видимо, соответствовало числу принесенных в жертву животных, т. е. сородичи устраивали здесь 250—300 раз поминки по умершим [Грязнов М. П., 1979б. С. 144]. Иногда перед ямами отсутствуют каменные столбы — видимо, они были деревянными, а в других случаях ямки с тризнами на поверхности земли обозначались не столбиками, а каменными выкладками или оградками. Размеры, глубина ям, а также количество жертвоприношений варьируют даже в пределах одного «поминальника»: от одного-двух кусков мяса и одного-двух сосудов до одной-трех почти полных туш коров или овец, рубленых на части, трех—шести сосудов, не считая деревянных блюд. В нескольких ямах в сосудах, помимо костей от мяса, находились мелкие неопределимые жженые косточки или зола (Туба).

На лучше исследованной площади для тризны под горой Тепсей в «поминах», перед каменными столбами или под выкладками, были найдены вместо костей животных и сосудов скелеты мужчины и двух женщин в скорченной позе и ничком. Очевидно, иногда в жертву приносили не животное, а человека. Обычай человеческих жертвоприношений при совершении похорон был распространен на Енисее еще раньше, в тагарской культуре.

ПОСЕЛЕНИЯ. Поселения тагарской культуры исследованы значительно меньше, чем погребальные

памятники. Зачистки или частичные раскопки культурного слоя поселений производились лишь в 16 пунктах, не считая исследованных плавилен. Наибольшие площади раскопаны на четырех поселениях: Тепсей VII (80 кв. м), Поляна (104 кв. м), Лугавское (600 кв. м), Унюк (1000 кв. м). Два из них (Тепсей VII; Унюк), судя по толщине культурного слоя (0,6—0,8 м), были долговременными. Мощность культурного слоя других не превышает 0,2 м. Культурные слои содержали остатки хозяйственных ям, очагов, черепки сосудов, кости коровы, лошади, овцы. Керамика отличается значительным преобладанием сосудов баночной формы, преимущественно крупных размеров. На краю поселений, расположенных в горной притаежной местности (в бассейне рек Черный и Белый Июсы), обнаружены железоплавильные печи, горны и ямы для отбора шлака. В районе их культурный слой содержал обломки глиняных сопел, костяные и глиняные орудия.

Из находок на поселениях наиболее интересны берцовая кость овцы со следами использования ее в качестве блока для перемотки ниток, роговые и каменные грузила, каменный якорь для лодки, обломки зернотерок, мотыг, оселки для точки ножей, костяные резак и заготовки резаков, керамические пряслица. Собраны единичные железные ножи, крючки, костяные и железные наконечники стрел [Худяков Ю. С., 1978], костяные булавки и проколки, медная бляшка, подвеска из клыка марала, костяная луговица и бусина, обломок железного клинка и роговая гарда от палаша.

Таким образом, поселения пока являются малоинформативным источником, и основные представления об экономике дают погребальные памятники. Они показывают, что деревообделочное и плотницкое мастерство было хорошо развито у населения, во всяком случае у тех, кто сооружал склепы. Видимо, и в быту для постоянного жилища использовали бревно. О конструкции жилищ можно судить по аналогии со склепами. Это были полужемлянки, внутренние стенки которых прочно обставлялись плитами и срубом либо тыном и срубом. Внешние стены укрепляла кладка из плит. Двух- или четырехскатная крыша держалась на опорных балках и столбах и была облицована дерном и плитами. Вероятно, строились и наземные жилища. Во всяком случае остатки столбов от наземных жилищ обнаружены на Михайловском и Шестаковском поселениях в Кемеровской обл., которые, судя по находкам керамики, были синхронны таштыкской культуре и жители которых находились в контакте с «таштыкцами». Широкое использование вываренной и сшитой бересты для покрытия срубов и склепов может свидетельствовать о наличии у них берестяных юрт. Береста, как и дерево, широко использовалась для бытовой утвари. На умение выделывать кожу высокого сорта (замшу) указывают находки мешочков, меховых курток и чулел из кожи. Керамика лепилась ручным способом, но есть основания предполагать, что близ поселков находились сооруженные в ямах специальные общественные глинобитные печи для обжига кухонной посуды [Сунчугашев Я. И., 1979. С. 27]. Кость употреблялась для изготовления наконечников стрел, булавок, шильев, резаков. Бронза шла на выделку украшений и амулетов. Но главным материалом для

изготовления различных изделий — от оружия до крючков и петель — служило железо. Оно производилось около поселений, в районах месторождений, где постепенно вырастали профессиональные поселки литейщиков и кузнецов [Сунчугашев Я. И., 1979. С. 279]. Наконец, можно предполагать, что существовала особая группа мастеров-специалистов, связанных с мумификацией трупов и изготовлением портретных погребальных масок.

ХОЗЯЙСТВО. Таштыкские племена вели комплексное хозяйство. Население занималось скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством, литейным и кузнечным делом. В подтаежных районах занимались, видимо, оленеводством. Преобладающую роль в хозяйстве играло скотоводство, о чем свидетельствует обилие приносимых в жертву при похоронах и поминках коров, лошадей, овец. Основу стада по-прежнему составлял крупный рогатый скот. Быки продолжали использоваться в качестве тягловой силы, о чем говорит рисунок двух пар быков в упряжке на одной из тепсейских планок [Грязнов М. П., 1979б. Рис. 61, 2, 7]. Большее значение, чем раньше, приобретает лошадь. О роли коня говорят положенные с погребенными модели конского снаряжения и повозок, статуэтки и амулеты, изображающие коней, сцены героического эпоса на тепсейских планках. Основным сюжетом писаниц становятся всадники, а не пешие воины, обычные на тагарских петроглифах. В таштыкскую эпоху продолжают сооружать в засушливых районах каналы для водопоя скота и орошения пастбищ.

Прямые свидетельства существования земледелия являются мелкие зерна типа проса, подсыпавшиеся, видимо из культовых соображений, обычно под головы покойников. Они найдены в грунтовых могилах Оглахты и Салбык, а также в склепах на Уйбатском чаатасе. Кроме того, на поселениях много обломков зернотерок и мотыг. Однако мотыги, как каменные, так и костяные, очень примитивны, что не позволяет говорить о высоком уровне земледелия. Такие же примитивные каменные и костяные земледельческие орудия обнаружены на поселениях того же времени в Кемеровской обл., климатически более благоприятной для развития земледелия.

Судя по наскальным рисункам, была популярна охота на косуль и маралов. Остатки одежд в могилах говорят о широком применении меха пушных зверей и волка для отделок шуб и рукавиц, а также изготовления шапок, нагрудников и других вещей.

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ. На плитах оград преимущественно тагарского времени, а также на скалах и утесах среди рисунков разных эпох, встречаются таштыкские, впервые выделенные Л. Р. Кызласовым. После находок тепсейских рисунков на деревянных планках изображения таштыкского времени достаточно отчетливо различаются на многих писаницах или петроглифах. Основными персонажами таштыкских писаниц являются всадники с луками, колчанами и стрелами; пешие лучники, иногда с боевыми топорами в «шароварах», в шлемах с пером; «жрецы»; оседланные лошади, быки, олени, косули. Преобладают сцены конной охоты на косуль, сцены угона животных. Фигуры выполнены контуром глубокими сплошными линиями, а также бывают прочерчены или про-

царапаны. Наибольшей известностью пользуются таштыкские рисунки на писаницах у улусов Сулек, Большой Ошколь и близ оз. Тус.

Известны три каменных изваяния, предположительно относящихся к таштыкской культуре. Они представляют собой силуэтные изображения мужчин, высеченные на гладких поверхностях путем снятия камня на 4—5 мм за пределами контуров изображаемой фигуры [Грязнов М. П., 1950б. С. 146]. Это четырехгранные столбы высотой 2 м. Мужские фигуры изображены со сложенными или согнутыми руками, держащими сосуд, и со скрещенными ногами. У одного в ухе серьга. На других гранях плиты высечены лучники, всадники, олень, верблюды. Все эти изваяния ныне утрачены [Грязнов М. П., 1950б. С. 146, 147; Кызласов Л. Р., 1960. С. 159].

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ. Нижнюю дату памятников таштыкской культуры определяют в целом изделия хуннского типа, известные по находкам в могилах хунну со II в. до н. э., но продолжавшие бытовать в I в. н. э. и позже. К ним относятся железные круглые пряжки, модели удил и псалиев, обломки бронзовых блях со змеевидным орнаментом, целая ажурная бляха, миниатюрные котловидные подвески. Более точно датирующие вещи найдены только в грунтовых могильниках. Среди них ханьское зеркало I в. до н. э. [Лубо-Лесниченко Е. И., 1975. Рис. 108], остатки лаковой чашечки того типа, который изготовлялся с 86 г. до н. э. по 48 г. н. э. [Кызласов Л. Р., 1960. С. 115]. Шелковая ткань, сохранившаяся в Оглахтинском могильнике, производилась в Китае с I в. до н. э. по II в. н. э., но, вероятно, на Енисей попала в период ее наибольшего производства, в I в. н. э. [Рибо К., Лубо-Лесниченко Е. И., 1973. С. 278]. В могильниках найдены бесцветные бусы с золотой прокладкой и подвески вытянутой грушевидной формы из разноцветного стекла. Те и другие датируются первыми веками нашей эры [Галибин В. А., 1983. С. 100]. Для трех грунтовых могильников получено шесть радиоуглеродных дат, укладывающихся в пределах конца I в. до н. э. — I в. н. э.: могильник Оглахты — 20 г. н. э. ± 40 ; Комаркова-Песчаная — 20 г. до н. э. ± 30 ; 30 г. до н. э. ± 40 ; 60 г. н. э. ± 20 ; Таштык — 60 г. до н. э. ± 40 ; 70 г. до н. э. ± 40 . Таким образом, таштыкские грунтовые могильники частично синхронны захоронениям тесинского этапа [Ермолова Н. М., Марков Ю. Н., 1983. С. 97]. В склепах ранние датирующие изделия не найдены, за исключением обломка ханьского зеркала I в. н. э., которое очень долго употреблялось в быту, прежде чем попало в могилу [Кызласов Л. Р., 1960. С. 85].

Верхняя граница таштыкской культуры определяется по находкам именно в склепах, причем исключительно по малочисленным пряжкам. К ним относятся бронзовые пряжки и наборные пояса с прорезными волютами, имеющие аналогии среди корейских V—VI вв. [Амброз А. К., 1971. Рис. 12, 6], а также В-образные пряжки с подвижным язычком без шпигла либо прямоугольные шарнирные со щитком, распространенные на Енисее, в Западной Сибири и в европейской части СССР в погребальных комплексах VI—VII вв. [Ковалевская В. Б., 1979. С. 44. Табл. III; XIV; XVIII; Амброз А. К., 1971. Рис. 12,

10—12; Чиндина Л. А., 1977. Рис. 14, 33]. Имеются и другие вещи, косвенно подтверждающие возможность датировать таштыкские склепы временем до VI в. включительно [Кызласов Л. Р., 1960. С. 137]. Наконец, в Кемеровской обл. в одних комплексах с сосудами таштыкского типа найдены обкладки луков и колчанов, железные наконечники стрел и «кыргызские» вазы VI—VII вв. [Мартынова Г. С., 1976. С. 30, 34]. Предлагаемые широкие хронологические рамки таштыкской культуры (с I в. до н. э. по VI в. н. э.) в целом соответствуют имеющимся периодизациям культуры, основанным на эволюции пряжек (Л. Р. Кызласов) и керамики (М. П. Грязнов). Но абсолютные даты для одних и тех же групп памятников в обеих хронологических схемах сильно различаются, так как период сооружения склепов, согласно мнению Л. Р. Кызласова, заканчивается к III—IV вв. н. э., а по мнению М. П. Грязнова, практически только начинается, и эталонные памятники датируются III—V вв., т. е. тепсейским этапом.

Таким образом, имеющиеся хронологические схемы небесспорны, что определяется главным образом отсутствием единодушного мнения относительно правомерности выделения могил переходного типа, датированных С. В. Киселевым и Л. Р. Кызласовым IV—V вв. н. э. Как указывалось, новые материалы не подтверждают выделение этого этапа [Вадецкая Э. Б., 1986б. С. 145, 146]. По форме пряжек более реальной представляется датировка основной части склепов III—V вв., предложенная М. П. Грязновым [1979б].

Грунтовые могильники, вероятно, отражают ранний период культуры, поскольку в них найдены вещи (ажурные бляхи хуннского типа, костяные булавки, бронзовые зеркала), известные в тагарских курганах, но отсутствующие в таштыкских склепах, а также прототипы вещей из склепов (пряжки, пластинчатые амфорные амулеты). Кроме того, склепы иногда сооружены поверх грунтовых могил [Грязнов М. П., 1979б. С. 90]. Однако грунтовые могильники не абсолютно синхронны, и некоторые наиболее поздние (I—II вв.) могилы по конструкции, числу погребенных и обряду напоминают уже малые склепы. Поэтому продолжает оставаться дискуссионным вопрос о взаимоотношении могил и склепов, т. е. предшествуют ли могилы всем склепам или сосуществуют с той или иной их группой.

Таштыкская культура сложилась на основе местной тагарской и культуры новых, центральноазиатских, групп населения, проникших на территорию Минусинской котловины в конце I в. до н. э., когда Присаянье попало в политическую зависимость от хуннского политического объединения. Вновь прибывшие племена были, по-видимому, тюркоязычными, а по физическому облику монголоидными. Грунтовые могильники и склепы по-разному отражают смешение двух культурных традиций и постепенную взаимоассимиляцию местного и пришлого населения. Судя по тому, что на ранней стадии культуры, т. е. в грунтовых могильниках, местная и новая традиции смешаны механически, в них, видимо, похоронены представители пришлого населения с местными тагарцами. Неизвестный ранее на Енисее тип кладбищ и могил, некоторые новые детали обряда (помещение в могилы определенных кусков баранины, одногодвух астрагалов, зерен проса, а на покрытии — го-

лов животных, сооружение «поминальничков»), новые формы вещей, в том числе имеющих прототипы в могилах хунну Забайкалья (булавки, застезки, бусы, серьги, амулеты) [Davydova A. V., 1968. Fig. 14, 5, 7; 18, 34—37; Коновалов П. Б., 1976б. Табл. XIX, 3, 8, 20], позволяют предполагать, что культура пришлого населения была близка культуре хунну. Что касается нового обряда трупосожжения — с помещением пепла в куклу, имитирующую покойника, — то он не существовал у хунну, но был в ту же эпоху известен на других территориях, захваченных последними: в Туве [Дьяконова В. П., 1970б. С. 116—118], в Монголии [Кызласов Л. Р., 1960. С. 162], на верхней Оби (I—III вв. н. э., фоминский этап) [Грязнов М. П., 1956а]. Возможно, трупосожжение возникло как престижный обряд для воинов-завоевателей [Вадецкая Э. Б., 1984. С. 80—84].

Проникновение центральноазиатского населения в Минусинскую котловину принято связывать с политическими событиями, происходившими в степях Азии до середины I в. до н. э. В 49 г. до н. э. шаньюй северных хунну Чжичжи разбил гяньгуней, проживавших в северо-западных владениях державы хунну, и остался жить в их землях. В то же время он покорил на севере племена динлинов [Таскин В. С., 1968а. С. 37]. При всей неопределенности расположения земель гяньгуней (Джунгария, северо-западная Монголия или верхний Енисей) и динлинов (северная Монголия и Южная Сибирь) [Кюннер Н. В., 1961] победы над этими племенами, видимо, облегчили хунну продвижение через Саяны. Хотя шаньюй Чжичжи вскоре ушел в Кангуй (Казахстан), где был разгромлен ханьскими войсками, за хунну остались их владения. Однако сами хунну попали в зависимость от Китая. С этого времени китайское влияние, видимо через хунну, ощущается на среднем Енисее. В погребениях находятся панцири, лаковая посуда, зеркала, украшения, модели повозок, культовые предметы и ткани, сделанные в Китае, а на р. Абакан местными и китайскими мастерами в начале I в. н. э. воздвигается дом для наместника или китайской принцессы [Киселев С. В., 1949. С. 270; Вайнштейн С. И., Крюков М. В., 1976. С. 146]³.

В конце II в. н. э. хунну были разбиты племенами сяньби и ушли на запад [Гумилев Л. Н., 1960. С. 228]. С прекращением их власти в Минусинских степях перестают использоваться грунтовые кладбища, а сооружаются склепы, отражающие эволюцию интенсивной взаимоассимиляции местного европеоидного населения и оставшегося здесь монголоидного, приведшую к органическому слиянию разных культурных традиций. С III в. н. э. господствующим обрядом у енисейцев становится трупосожжение, но при сохранении основных элементов тагарского похоронного ритуала: конструкции камеры склепа, размещения погребальных кукол как трупов и мумий, наложения на лица кукол масок, сожжения склепов по завершении похорон. В целом обряд постепенно унифицируется, и складывается своеобразный смешанный антропологический тип населения, который запечатлели погребальные лицевые маски — единственные немые свидетели сложных этногенетических процессов.

³ Не исключено, что дом для наместника был возведен все-таки в I в. до н. э. (см. выше) (Ред.).

Глава третья

Забайкалье в скифскую эпоху и ранние гунны

Культура плиточных могил

Культура плиточных могил, распространенная в степях Забайкалья, степных участках Прибайкалья и восточной Монголии (карта 14), представлена погребальными сооружениями из камня (оградами из плит, врытых на ребро, — отсюда название этой культуры, и каменными выкладками), а также поселениями, остатками металлургического производства, оленными камнями, наскальными рисунками и случайными находками бронзовых вещей.

Первое описание плиточных могил на р. Тамир в Монголии дано китайским путешественником XIII в. Чжан-дэ-Хоем, а изучение их начато с XVIII в. Д. Г. Мессершмидт оставил описание плиточных могил восточного Забайкалья, Г. Ф. Миллер и А. Горланов раскопали 17 плиточных могил в Забайкалье. А. Н. Радищев, находясь в сибирской ссылке, обратился к памятникам древности и доказал, что древние рудники на р. Аргунь (восточное Забайкалье) относятся к бронзовому веку. Этим было положено начало изучению культуры плиточных могил. В XIX в. раскопки их продолжали многочисленные исследователи. Так, известный лингвист и этнограф М. Кастрен (1848 г.) раскопал плиточные могилы в Агинской степи, инженер А. Павлуцкий (60-е годы XIX в.) открыл ряд плиточных могил и древние горные выработки. Большой вклад в изучение культуры плиточных могил внесли известный антрополог Ю. Д. Талько-Грынцевич и А. К. Кузнецов. Первый вел крупные раскопки плиточных могил в западном Забайкалье, второй обследовал свыше 100 могильников в восточном Забайкалье и открыл ряд наскальных рисунков и оленных камней. Досоветский период в исследовании плиточных могил может быть охарактеризован как время накопления материала. Вопросы датировки и осмысления вновь открытых памятников по существу не ставились, а попытки связать культуру плиточных могил с каким-то определенным народом были совершенно не обоснованы и научного значения не имеют.

Новый этап в изучении этой культуры начался после Великой Октябрьской социалистической революции, когда наряду с исследованием всех видов источников по этой культуре (плиточных могил, поселений, древних рудников, оленных камней и наскальных рисунков) впервые была поставлена задача датировать их и найти им место в общем историческом процессе.

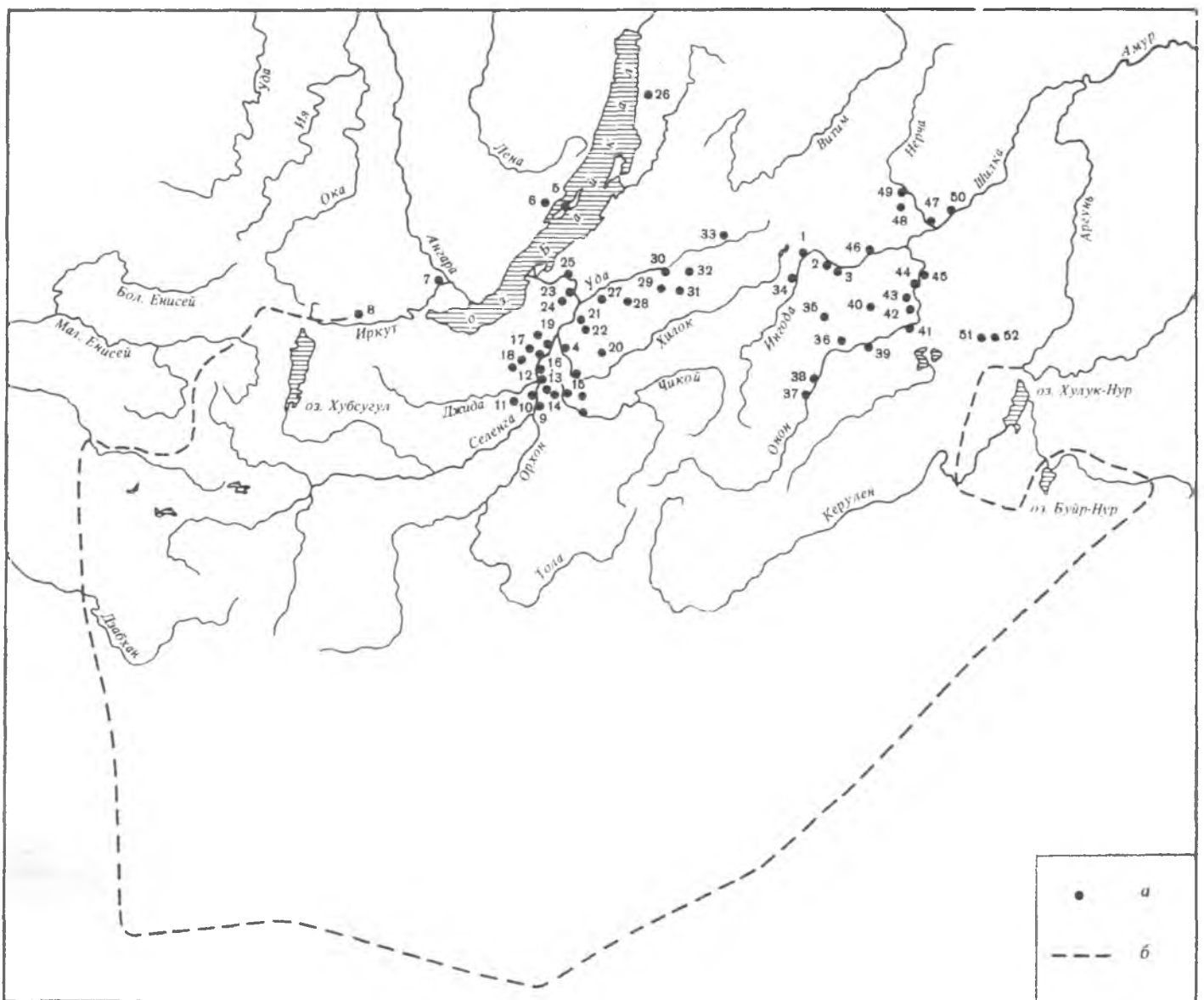
В 20-е годы раскопки плиточных могил в северной Монголии вел Г. И. Боровка, в Прибайкалье — П. П. Хороших, в западном Забайкалье — Г. П. Сосновский, осуществивший там широкие исследования. В 30-е годы раскопками плиточных могил занимались М. М. Герасимов, Г. П. Сергеев, Э. Р. Рыгдылон; с конца 40-х по 60-е годы — экспедиция под руководством А. П. Окладникова; в 50-х годах —

экспедиция под руководством С. В. Киселева, а также Н. Н. Мамонова и Е. А. Хамзина; в 60-х годах раскопки продолжали Р. Н. Ступников [1974] и В. Х. Шамсутдинов [1963]; в 70-х — И. И. Кириллов, П. Б. Коновалов, М. А. Зайцев и В. В. Свинин [Зайцев М. А., Свинин В. В., 1978]. Важное значение имеют исследования Ю. С. Гришина [1975а; 1983] поселений с остатками медеплавильного производства и открытие А. П. Окладниковым многих оленных камней и наскальных рисунков, часть которых относится к культуре плиточных могил [Окладников А. П., 1952а; 1952б; 1954а; 1954б; Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1969; 1970].

Данные о плиточных могилах суммированы в работах Г. П. Сосновского [1940; 1941б], где рассмотрены их хронология, типы сооружений и дана общая характеристика культуры. Всесторонне культура плиточных могил изучена в книге Н. Н. Дикова [1958], которая для своего времени явилась исчерпывающей сводкой по этой культуре; все основные выводы работы не утратили своего значения и до сих пор. В вышедших позже сводных работах Ю. С. Гришина [1975б; 1981] суммированы новые данные и по погребальным сооружениям, и в особенности по поселениям и остаткам металлургического производства. Культура плиточных могил Монголии подробно рассмотрена в сводной работе В. В. Волкова [1967] и вышедшей позже его книге об оленных камнях Монголии [1981].

Культура плиточных могил изучена еще недостаточно и неравномерно. Исследованы главным образом погребальные памятники (более 300), но огромное большинство их ограблено. Кроме того, число памятников, раскопанных в западном Забайкалье, гораздо больше, чем в восточном. Мало изучены и оленные камни Забайкалья, представленные единичными находками. На начальном этапе находится изучение поселений, относящихся к этому периоду. Очень важное значение имеют находки на поселениях медных шлаков и даже остатков медеплавления, доказавшие, что у людей, оставивших культуру плиточных могил, было собственное металлургическое производство.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ. Впервые культуру плиточных могил к скифскому времени отнес Г. И. Боровка [1927], объединив в ней плиточные могилы Монголии и Забайкалья, к этой же культуре он отнес и оленные камни. Более дробная периодизация и более точная датировка культуры были предложены в начале 40-х годов Г. П. Сосновским [1940; 1941б], который датировал культуру плиточных могил вначале VII—II вв. до н. э., а впоследствии — VI—II вв. до н. э. Основанием для ранней даты послужили бронзовый кинжал и кельт «красноярского» типа, найденные в могильнике у с. Саян-

Карта 14. Памятники культуры плиточных могил

1 — Дворцы; 2 — Александровка; 3 — Дарасун; 4 — Калиновка; 5 — Хужир II; 6 — Тырган; 7 — Манхай; 8 — Аршан; 9 — Наушки; 10 — Деревенская гора; 11 — Хара-Усу; 12 — Шаманский камень; 13 — Суджи; 14 — Капчеранка; 15 — Верхне-Килгантуйский; 16 — Ара-Цзокуй; 17 — гора Енысей; 18 — Сосновая падь; 19 — Посадная падь; 20 — Нарсатуй; 21 — Саянтуй (Падный камень); 22 — Тапхар, Иволгинский олений камень; 23 — Надеино; 24 — Сотниково; 25 — Татаурово; 26 — Шулуи-Шэпэгальжин; 27 — Додо-Енхор; 28 — 93-й и 99-й км Хоринского тракта; 29 — Алан; 30 — Анастасийн клад; 31 — Санний мыс; 32 — Булаганск; 33 — Еравнинское озеро; 34 — Ингода; 35 — Бальзино; 36 — Дульдурга; 37 — Мангут; 38 — Ульхун; 39 — Дурулгай; 40 — Агинская управа; 41 — Чинданг; 42 — Бусыгино; 43 — Оловянная; 44 — падь Герендак; 45 — Усть-Улятуй; 46 — Урульга; 47 — Нерчинск; 48 — Илим; 49 — Кангил; 50 — Куэнга; 51 — Усть-Цорон; 52 — Барун-Кондуй; а — плиточные могильники; б — примерная граница распространения плиточных могил на территории МНР (по В. В. Волкову)

туй (табл. 102, 8, 10), в которых наряду с тагарскими Г. П. Сосновский усматривал и пережиточные карасукские черты. Основание для поздней даты — бронзовое зеркало с боковой ручкой из могильника Саянтуй, находящее аналогии в комплексах Алтая

и Тувы V—III вв. до н. э., железные удила и пропеллеровидный псалит из могильника Ихерик (табл. 102. 2, 25). Г. П. Сосновский сделал первую попытку подразделить культуру плиточных могил на этапы, отнеся к более раннему (VI—III вв. до н. э.) вещи типа кинжала и кельта из могильника Саянтуй и сопоставив с ними тип могильного сооружения в виде прямоугольной ограды из довольно высоких плит, по углам которой врыты еще более высокие камни; в этот же этап Г. П. Сосновский поместил и оленные камни. К более позднему (III—II вв. до н. э.) он отнес вещи типа медалевидного зеркала из могильника Саянтуй и железных предметов конского убора из могильника Ихерик, соотнеся с ними типы могильных сооружений двух видов: низкие четырехугольные ограды, окруженные плоской каменной насыпью, и каменные прямоугольные выкладки с вогнутыми сторонами (так называемые фигурные могилы).

Периодизация Г. П. Сосновского, несколько видоизмененная и развитая другими исследователями, существует и по настоящее время. Н. Н. Диков [1958. С. 42] датировал культуру плиточных могил временем с VIII—VII вв. до н. э. до начала нашей

ары. Вслед за Г. П. Сосновским он подразделяет культуру плиточных могил на три этапа: первый — VIII—VII вв. до н. э.; второй — V—III вв. до н. э.; третий — III—II вв. до н. э. К первому он относит могилу у Нерчинска с ножом карасукского типа (табл. 101, 12), могилу у станции Оловянная с инвентарем, видимо, также карасукского типа [Теплоухов С. А., 1927. С. 96, 106; Членова Н. Л., 1972б], считая, что эти погребения связаны с концом карасукской эпохи — VIII в. до н. э. Еще ряд погребений, бронзовый инвентарь которых соответствует раннетагарской эпохе (табл. 101, 1, 4, 7), по его мнению, также соотносится с первым этапом [Диков Н. Н., 1958. С. 32—40]. Во второй этап Н. Н. Диков помещает погребения с кинжалом, кельтом и «загадочным» предметом, отнесенные Г. П. Сосновским к первому этапу (табл. 101, 5; 102, 8, 10), погребение с зеркалом (табл. 102, 25) и еще несколько могил. Наконец, с третьим этапом он связывает погребение с железными вещами из Ихерика, Чиндачей, Бальдзы и Манхай, где найдены пропеллеровидный железный псалий, удила и наконечник стрелы гуннского типа (табл. 102, 2, 4) [Диков Н. Н., 1958. С. 41, 42].

Находки в плиточных могилах вещей карасукского типа или с карасукскими пережитками заставляли почти всех исследователей колебаться в вопросе об их начальной дате. А. П. Окладников, считавший в начале 50-х годов, что начальная дата культуры плиточных могил — VIII в. до н. э., впоследствии предполагал, что вещи карасукского типа позволяют относить начало этой культуры еще ко второй половине II тысячелетия до н. э., а большую часть плиточных могил — к X—V вв. до н. э. [Окладников А. П., 1959. С. 26]. Несколько по-иному подходит к вопросу о начальной дате плиточных могил В. В. Волков [1967. С. 44]. Признавая в инвентаре плиточных могил карасукские пережитки, он не считает возможным датировать хотя бы часть из них карасукской эпохой.

Ю. С. Гришин в основном придерживается периодизации Н. Н. Дикова, называя выделенные Н. Н. Диковым этапы соответственно тагхарским, саянтуйским и бальзинским. Но при этом он добавляет еще один, самый ранний этап, названный им доронинским, в который включает некоторые материалы из плиточных могил (близ Буренинского караула и др.), близкие к глазковским, и датирует его приблизительно концом II — началом I тысячелетия до н. э. К саянтуйскому этапу Ю. С. Гришин относит и раскопанные Р. П. Ступниковой могилы у станции Оловянная и могильник Шулуи-Шэнгальжин (табл. 102, 12). Последний, бальзинский, этап Ю. С. Гришин [1981. С. 40] датирует II в. до н. э. — II в. н. э. и относит его уже к гуннскому времени. Несомненной заслугой Ю. С. Гришина является включение в периодизацию культуры плиточных могил и материала поселений.

Н. Л. Членова вполне разделяет точку зрения Ю. С. Гришина о поздней дате бальзинского этапа. Что же касается начальной даты культуры плиточных могил, то, по мнению Н. Л. Членовой, нет веских причин отодвигать ее раньше VIII—VII вв. до н. э. Карасукские вещи и тем более карасукские пережитки в бронзовых вещах бытуют в Забайкалье значительно дольше, чем в Минусинской котловине.

Яркий пример — находка в могильниках Дворцы и Дарасун наборного пояса с изображением птиц с распростертыми крыльями (табл. 101, 16, 21, 22, 24, 25, 27) вместе с многоярусными бляшками, подвесками-ложечками и спиральными кольцами карасукского облика, дата которых по маньчжурским и монгольским аналогиям не может быть старше VII или даже VI в. до н. э. Что же касается нефритового кольца глазковского типа из могилы близ Буренинского караула, то в последние годы такое кольцо было найдено в могиле 57 могильника Шумилиха в Прибайкалье вместе с бронзовым кельтом VIII в. до н. э. [Бронзовый век Приангарья... С. 4, 21, 26].

Правда, раннюю дату плиточных могил Ю. С. Гришин аргументирует найденной в них «сравнительно ранней вафельной керамикой». Однако, пока не установлена точно поздняя дата этой керамики, правильнее основывать датировку плиточных могил на металлических, хорошо датированных вещах, как это принято и для других культур железного века. Представляется также более правильным относить кинжал и кельт из Саянтуйского могильника ко времени не позже начала V в. до н. э. (по находке таких кинжалов в Торгашинском кладе в районе Красноярска вместе с трехдырчатыми псалиями). Н. Л. Членова придерживается следующей периодизации: первый этап — VIII—VI, до рубежа V в. до н. э. (табл. 101, 1—44; 102, 27); второй — V—III вв. до н. э. (табл. 102, 7—26, 28); третий — II в. до н. э. — II в. н. э. (табл. 102, 1—6).

В 70-х годах И. И. Кирилловым была выделена в восточном Забайкалье новая дворцовая культура, представленная могильниками Дворцы, Дарасун, Александровка и Калиновка [Кириллов И. И., 1979. С. 50—52. Рис. 7; 8; Кириллов И. И., Кириллов О. И., 1985]. Отличия их от обычных плиточных могил заключаются в том, что надмогильное сооружение представляет собой каменную кладку овальной или почти прямоугольной формы, могильные ямы забутованы камнем (табл. 103, 11, 12), а инвентарь содержит некоторые украшения карасукского типа: подвески-ложечки с навершием в виде муфты, многоярусные бляшки, бляшки-пуговицы, спиральные височные кольца (табл. 101, 9, 19—22, 27). На этом основании И. И. Кириллов [1979. С. 52] считает возможным датировать дворцовую культуру по аналогии с карасукской более ранним временем, чем плиточные могилы (XII—VII вв. до н. э.). Думается, что ни для такой даты, ни для выделения особой культуры веских оснований нет. В том же самом могильнике Дворцы в могиле 1 вместе с ложечкой карасукского типа и спиральным височным кольцом был найден наборный пояс с бляхами и изображениями распростертых птиц (табл. 101, 16) [Кириллов И. И., 1979. С. 36—37]. Наборные пояса в степях Евразии неизвестны раньше скифской эпохи (Алтай, Казахстан), как и изображения распростертых птиц (от Причерноморья до Алтая); самые ранние такие изображения из Монголии и Маньчжурии относятся к VII—VI и VI в. до н. э., но их стиль сильно отличается от стиля дворцовских блях. Последние по стилю ближе всего к изображениям V в. до н. э. На то же время указывает и бляшка в виде копытного животного с подогнутыми ногами и спиралью на лопатке (табл. 101, 15). Навершие в виде муфты, типичное

для забайкальских ножей VIII—VII или VII в. до н. э. (табл. 101, 17, 18) и для кинжалов «красноярского» типа (известных в Забайкалье, в могильнике Тапхар) VI—V или начала V в. до н. э. (см. выше), также указывает на скифскую эпоху.

Итак, карасукские элементы из плиточных могил не могут служить основанием для ранней даты. Что касается погребального сооружения в виде каменной выкладки, то они известны и в культуре плиточных могил: это так называемые фигурные плиточные могилы, состоящие также из каменной кладки, но несколько иной формы (табл. 103, 7). Думается, что памятники дворцового типа в лучшем случае могут считаться одним из вариантов культуры плиточных могил.

Локальные различия в культуре плиточных могил по инвентарю почти не прослеживаются ввиду того что инвентарь очень малочислен (большинство могил ограблено). Замечено, что сосуды на трех ножках (триподы) в восточном Забайкалье встречаются чаще, чем в западном [Окладников А. П., 1959]. Местные различия можно проследить лишь в конструкциях погребальных памятников. Так, «фигурные» могилы (табл. 103, 7) встречаются только в западном Забайкалье, каменные выкладки дворцового типа (табл. 103, 11) — только в восточном. Могилы со «входом» с восточной стороны также известны только в восточном Забайкалье. Только в восточном Забайкалье обнаружены такие крупные погребальные сооружения, как Кара-Баян [Диков Н. Н., 1958. С. 31]. Можно предполагать, что эти различия в погребальных сооружениях разных территорий отражают какие-то этнические различия в составе населения.

ПОСЕЛЕНИЯ. Поселения культуры плиточных могил известны пока в незначительном числе и главным образом по сборам на развеевских песках как в западном, так и в восточном Забайкалье. Наиболее ранние стоянки — это стоянка Поворот на Селенге (западное Забайкалье), где найдены фрагменты сосудов-триподов, характерных для плиточных могил, вместе с более ранней керамикой, и стоянки Антипиха и Кыштанная сопка близ Нерчинска (восточное Забайкалье). На последней встречены валиковая керамика (также типичная для плиточных могил), обломки двух позднекарасукских ножей и железная пластина, а также медные шлаки; эта стоянка, видимо, существовала в течение всего периода культуры плиточных могил. Известна также стоянка Кункур на р. Онон с керамикой разных эпох, в том числе доронинского этапа, есть керамика с валиками и обломки триподов. Здесь же найдены позднекарасукский кольчатый нож, бронзовые бляхи с вихревым орнаментом, обломки литейных форм и железные удила. Стоянка существовала длительный период. На этой же стоянке была найдена ошлакованная керамика — остатки железодельного производства [Гришин Ю. С., 1962; 1975б. С. 37—44; 1981. С. 107—115].

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ. Плиточные могилы представляют собой погребальные сооружения из врытых на ребро высоких или низких плит и каменные выкладки. Все они расположены на берегах рек или озер, обычно у скалистых выступов. В западном Забайкалье плиточные могилы часто опоясывают склоны возвы-

шенностей или встречаются беспорядочными скоплениями; в восточном Забайкалье могилы располагаются обычно цепочками, вытянутыми с севера на юг. Как в западном, так и в восточном Забайкалье число могил в могильнике невелико — от пяти до 20 (табл. 103, 1), хотя известно и исключение — могильник у оз. Бальзино, включающий 100 могил.

Форма могильных оград чаще всего прямоугольная, но встречаются и квадратные (табл. 103, 4—6). Преобладающая ориентировка — восток—запад (около 50%), известны ориентировки восток—юго-восток—запад—северо-запад (14%), юго-восток—северо-запад (12%). Ориентировка север — юг крайне редка (около 5%). Размеры большинства могил 2×1; 2,5×1,3; 3×2 м, хотя встречаются и более крупные, вплоть до 9×6 м (Кара-Баян). Глубина могил 0,5—1,5 м, дно грунтовое. У большинства могил угловые камни выше остальных и часто островерхие (табл. 103, 2). Иногда это плиты, на которых изображены олени. У восточной стороны некоторых плиточных могил отдельно врыты так называемые сторожевые камни, по одному или иногда по несколько — в последнем случае они напоминают «балбалы» более поздних тюркских могил. Встречаются могилы, обставленные двойным или даже тройным рядом плит. Внутри ограды имеется могила, перекрытая сверху каменными плитами; иногда могильные ямы забутованы камнями (табл. 103, 6, 12). Имеются и могилы в виде каменных ящиков. Покойники лежат вытянуто на спине, в большинстве случаев головой на восток, иногда с небольшими отклонениями (табл. 103, 3, 8—10) [Диков Н. Н., 1958. С. 25, 30]. Известны в нескольких случаях скорченные погребения. Особым видом плиточных могил являются так называемые фигурные могилы, представляющие собой каменную кладку в форме прямоугольника с вогнутыми сторонами, напоминающую распяленные шкуры животных (табл. 103, 7). Они встречены только в западной части ареала плиточных могил, располагаясь длинной прерывистой полосой от Байкала на юг, вплоть до Гоби [Гришин Ю. С., 1980. С. 12]. Раскопаны пока лишь единичные из них. Ориентировка «фигурных» могил — север—юг, встречается и восток—запад. Их инвентарь не отличается существенно от инвентаря других плиточных могил. В «фигурных» могилах встречены трупосожжения, отсутствующие в могилах других видов. Видимо, это памятники какой-то особой группы населения.

Возможно, что другой группой населения оставлены и овальные или прямоугольные выкладки в восточном Забайкалье, отнесенные И. И. Кирилловым к особой дворцовой культуре. Под выкладками — могильные ямы, забутованные камнем. Покойники лежат вытянуто на спине, головой преимущественно на восток, как и в большинстве плиточных могил. Особенность дворцовских захоронений — черепа баранов, лошадей и коров, положенные на дно могилы полукругами в головах и ногах покойника (табл. 103, 13). В обычных плиточных могилах полукругов из черепов животных нет. Однако это может объясняться тем, что большинство плиточных могил разграблено и многие кости не сохранили первоначального положения. Черепа животных иногда находят у головы покойника и в простых плиточных могилах, где обычно встречаются кости лошади, овцы, коровы. По-

гребальный инвентарь плиточных могил: оружие — в мужских погребениях; бусы и другие украшения — в женских; керамика — в мужских и женских погребениях.

ИНВЕНТАРЬ. Орудия труда. Изготовленные людьми, оставившими культуру плиточных могил, орудия труда были, видимо, весьма многочисленны и разнообразны. К сожалению, огромное большинство плиточных могил ограблено, и до нас дошло немного образцов. Даже привлекая материал из случайных находок, нельзя изучить инвентарь культуры плиточных могил сколько-нибудь подробно. Из бронзовых орудий труда известны кельты, долота, ножи, шилья, игольники. Кельты — четырехгранные в сечении, разных размеров. Их можно отнести к двум основным группам: к так называемому красноярскому типу, распространенному в таежной полосе от Красноярска до Иркутска, с орнаментом в виде треугольников (табл. 102, 10, 11), и к степным типам, без орнамента (табл. 101, 39—42). Долота — обычные клиновидные [Диков Н. Н., 1958. Табл. XXXIII, 16]. Довольно хорошо известны бронзовые ножи. Наиболее ранние из них — переходного карасук-тагарского времени (VIII—VII и VII в. до н. э.), — с овальными кольцами или с «аркой» на кронштейне и навершием в виде муфты (табл. 101, 17, 18, 30—36); последние — по-видимому, местная забайкальская форма. Несколько более поздние — ножи с валиковым навершием (табл. 101, 1, 2); с кольцами тагарского типа; с трапециевидным расширением [Диков Н. Н., 1958. Табл. XXIX, 67—70]. Две последние формы, судя по тагарским аналогиям, относятся к V в. до н. э. и более позднему времени. Шилья встречены в Закаменском кладе, в могильнике Шулун-Шэнэгалжин и среди случайных находок. Ранние шилья — со шляпкой и боковым ушком. Более поздняя форма представлена шилом из могильника Шулун-Шэнэгалжин с головкой в виде кольца (табл. 102, 12).

Вооружение и конское снаряжение. Оружие представлено кинжалами, наконечниками стрел, чеканом и, возможно, копьями. Кинжал с прямым перекрестьем, таким же навершием и длинным клинком с параллельными лезвиями (табл. 102, 7) принадлежит, возможно, к первой половине эпохи плиточных могил. Кинжал из Саянтуйского могильника с редуцированным перекрестьем, навершием в виде двух протом животных и ручкой, украшенной резными заштрихованными лентами и треугольниками, относится к «красноярскому» типу и должен датироваться рубежом VI—V или началом V в. до н. э. (табл. 102, 8). Наконец, кинжал с бабочковидным перекрестьем, рубчатой ручкой и навершием в виде муфты (табл. 102, 13), вероятно, близок к саянтуйскому или немного моложе его, если судить по довольно позднему появлению кинжалов с бабочковидным перекрестьем в Сибири. Луки в плиточных могилах не найдены. Об их форме можно судить по изображениям на оленьих камнях (табл. 104, 16): луки были сложными, сигмовидными, подобными скифским, вероятно, небольших размеров. Костяные накладки на концах лука найдены в одной из плиточных могил. Наконечники стрел немногочисленны. В плиточной могиле у горы Тапхар найден бронзовый двулопастный черешковый наконечник стрелы (табл. 101, 4). Из случай-

ных находок происходит еще несколько наконечников: черешковые — трех- и двулопастные с пером треугольной формы (4 экз.), втульчатые — с пером листовидной формы (2 экз.) и один трехгранный с внутренней втулкой [Диков Н. Н., 1958. Табл. XXII, 1—8]. Возможно, что к эпохе поздних плиточных могил относятся и некоторые наконечники гуннского типа — трехгранные, с железными черешками [Диков Н. Н., 1958. Табл. XXII, 10—13], судя по находке одной из них в плиточной могиле на горе Манхай. Наконец, в плиточных могилах могильников Тапхар, Саянтуй, Убур-Билютай, Сотниково найдено в общей сложности 16 костяных черешковых наконечников стрел различных форм [Диков Н. Н., 1958. Табл. X, 1—11, 13—17]. Топоры, секиры, чеканы эпохи плиточных могил неизвестны, хотя, судя по изображениям на оленьих камнях, вероятно, они были (табл. 104). Ю. С. Гришин [1981. Рис. 68, 2, 8] относит к эпохе плиточных могил два бронзовых листовидных втульчатых копья, но они могут быть и более раннего времени.

Предметы конского снаряжения также малочисленны. Из случайных находок происходят бронзовые удила с двойными кольцами — внутренним круглым и наружным трапециевидным (табл. 101, 6), относящиеся к VII в. до н. э., и, по-видимому, столь же ранний, бронзовый трехдырчатый псалий (табл. 101, 8). В Тапхарском могильнике обнаружен обломок рогового трехдырчатого псалия с овальными отверстиями в разных плоскостях (табл. 101, 7). В Восточной Европе их датируют предскифской эпохой. Находка такого псалия в Тапхарском могильнике исключает эту дату. Псалий должен датироваться скифским временем. В Закаменском кладе найдены бронзовые ворворка и «кубики» от перекрестья ремней [Глазунова А. Д., Сергеева Н. Ф., 1976. С. 213. Рис. 24; 26; 27]. К заключительному этапу эпохи плиточных могил относятся железные удила и пропеллеровидный псалий из могильника Ихерик (табл. 102, 2—4). В могильниках Саянтуй и Оловянная найдены почти одинаковые бронзовые прорезные трубочки (табл. 102, 21, 22), которые считаются рукоятками конской плети, хотя могли быть и игольниками. Встречено несколько бронзовых пряжек, происходящих из могильников (табл. 102, 26), и, наконец, массивный плоский бронзовый П-образный предмет неизвестного назначения (табл. 101, 5). Г. П. Сосновский [1941б. С. 307] уже обращал внимание на то, что такие предметы изображают на оленьих камнях привешенными к поясу. Их назначение неясно. А. В. Варенов [1981. С. 61, 62] выдвинул предположение, что это один из предметов воина-колесничего, крепившийся на животе к поясу. Его центральная часть защищала живот, а боковые дуги служили для закрепления поводьев колесницы, чтобы освободить воину руки в колесничном бою. С помощью этого предмета он мог управлять лошадьми и без рук. Поэтому не исключено, что люди культуры плиточных могил знали боевые колесницы.

Керамика и бронзовая посуда. Керамика культуры плиточных могил представлена по существу сосудами двух типов: баночными плоскодонными (иногда с небольшими коническими поддонами) и триподами — сосудами на трех ножках (табл. 102, 28а). Баночные сосуды крупные, расширенные кверху. Отличитель-

ная особенность керамики — украшение ее палеными валиками, простыми, рассеченными и волнистыми (табл. 102, 28а, б, в). Триподы иногда украшены орнаментом, имитирующим, как считает А. П. Окладников [1975. С. 12, 13], швы на кожаных сосудах. Поскольку кожаные сосуды употребляют скотоводы, такой орнамент служит одним из аргументов в пользу того, что люди культуры плиточных могил были кочевниками-скотоводами.

К бытовым предметам, кроме керамики, относятся литые бронзовые котлы, употреблявшиеся, по-видимому, очень широко. Обломок бронзового котла найден в Закаменском кладе VII в. до н. э. (табл. 101, 43). Столь же ранний котел с круглыми ручками-кольцами происходит из Агинской степи (табл. 101, 11). Поддон бронзового котла найден в Тахтарском могильнике (табл. 101, 10). В период раннего железа бронзовые котлы были в широком употреблении как у кочевого населения (скифы, сарматы, ранние кочевники Казахстана), так и у оседлого (люди тагарской культуры).

Украшения. Люди культуры плиточных могил носили весьма разнообразные украшения. Это всевозможные медные и бронзовые бляшки и подвески, височные кольца, пронизки, бусы из аргиллита, пиррофиллита, стекла, бирюзы, сердолика, малахита и других материалов, раковины каури и, наконец, золотые украшения. Особенно богаты украшениями могилы, раскопанные Р. Н. Ступниковым у станции Оловянная. В одной из них найдены четыре височных проволочных кольца и многочисленные украшения — бронзовые и пиррофиллитовые бусы, медные колечки, а также гитаровидные подвески (табл. 102, 14—18), по расположению которых удалось установить, что они были нанизаны на нити и нашиты на передник в виде поперечных и продольных полос. В этом же погребении, на уровне бедренных костей, лежали две бронзовые планки с вихревыми отростками и находились медалевидное зеркало, пряжка и рукоятка плети или игольник (табл. 102, 19—21, 24). В другой могиле, кроме височных колец и бирюзовых бус, обнаружены 24 медные бляшки различных форм (табл. 102, 14), лежавшие на поясе. Богаты украшениями — бляшками, пуговицами, двойными и многоярусными бляшками, ложечковидными подвесками, височными кольцами и разнообразными бусами — погребения в могильниках Дворцы и Дарасун, раскопанные И. И. Кирилловым (табл. 101, 19—27). Уже упоминался наборный пояс с бляхами, украшенными фигурами распростертых птиц (табл. 101, 16). Золотые украшения — спиральные кольца, браслеты и пронизки — встречаются как в самых ранних плиточных могилах (дворцового типа), так и в самых поздних (Барун-Кондуй) [Евтюхова Л. А., Терехова Н. Н., 1965. Рис. 2].

ИСКУССТВО. В культуре плиточных могил представлены оленные камни, наскальные рисунки (писаницы), звериный стиль, украшающий бронзовые изделия, а также орнаменты на бронзовых изделиях. Оленные камни обычно связаны с погребальными сооружениями. В Забайкалье три из них служили угловыми камнями плиточных могил, и изображения оленей были нанесены на их наружных сторонах. Оленные камни схематически изображают воина с оружием и являются надгробными памятниками вои-

нам [Диков Н. Н., 1958. С. 43, 44, 46; Членова Н. Л., 1962а. С. 30—35], голова скульптурно не выделяется, лицо и руки не изображаются. На месте лица — часто три косые черточки, на месте ушей — кольцевые серьги, изображен пояс с подвешенным к нему оружием: луком, кинжалом, боевым топором, «загадочным» П-образным предметом. В средней части камня — фигуры животных (чаще всего оленей), изображавшие вышивку или нашивные бляхи на одежде воина. Изредка встречаются оленные камни с изображением человеческого лица; есть такой камень и в Забайкалье (Гусиное озеро) [Диков Н. Н., 1958. С. 46. Табл. XV, 4]. Со временем, когда значение оленных камней как человеческой фигуры было забыто древними людьми, изображения пояса и оружия смещаются с первоначальных мест и часто оказываются на камне где попало. В то же время художественное мастерство растет, и оленные камни делаются прекрасными произведениями искусства (Иволгинский камень и др.; табл. 104, 1а—г, 3, 5). Известно довольно много оленных камней без фигур оленей, только с изображением пояса и оружия или серег (табл. 104, 2, 4) [Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1970. Табл. 82, 2; 85; 89—91; Запорожская В. Д., Конопацкий А. К., 1980].

Наскальные рисунки, известные в Забайкалье, относятся к самым различным эпохам. По-видимому, некоторые из них, как выбитые, так и напесенные красной краской, созданы в эпоху плиточных могил (Боргой-Сельгир, Ара-Киреть, Баин-Хара, Мухор-Нур и др.). На них изображены «скифский олень», распростертые птицы (как на бронзах этой эпохи) и человечки [Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1969. С. 47, 48, 79—81. Табл. 60, 1, 2; 89—94; 98—101]. Стиль этих писаниц достаточно отличен от стиля художественных бронз. В искусстве культуры плиточных могил представлен и звериный стиль. Несмотря на небольшое число образцов, в нем можно проследить две струи: минусинско-красноярскую, восходящую к тагарскому искусству Минусинской котловины, и центральноазиатскую, или монгольскую. Так, схематическое изображение двух протом животных, украшающее навершие кинжала из Саян-туя (табл. 102, 8), тяготеет к тагарскому искусству и, вероятно, восходит к нему. Очень близка к тагарским бляшка в виде двух головок козлов из могильника Оловянная [Ступников Р. Н., 1974. Рис. 4, 6]. Напротив, бляха, изображающая двух свернувшихся животных, то ли кошачьих хищников, то ли козлов (табл. 102, 23), чужда тагарской культуре. Бляха в виде животного с подогнутыми ногами и со спиралью на лопатке (табл. 101, 15) относится к так называемому алтайскому звериному стилю, распространенному на Алтае, в Монголии и Казахстане. Вероятно, эта бляха связана по происхождению со звериным стилем Монголии.

Орнаменты на бронзе культуры плиточных могил — мелкие треугольнички, заштрихованные полосы, углы и треугольнички, помещенные один в другой (табл. 102, 8, 10, 11), — восходят к красноярско-кавказскому таежному искусству [Merhart G., 1926. S. 40—68; Максименков Г. А., 1961. С. 306—310].

ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ. ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП НАСЕЛЕНИЯ. Как и во все последующие периоды истории Забайкалья, основой

хозяйства культуры плиточных могил было скотоводство, что диктовалось природными условиями. Травянистые степи, сухой, резко континентальный климат с жарким летом и суровой малоснежной зимой благоприятствовали скотоводству, а не земледелию. Возможно, что скотоводство развилось здесь раньше эпохи плиточных могил, в период бронзового века, который в Забайкалье до сих пор почти неизвестен. В эпоху плиточных могил оно было уже достаточно развито. В плиточных могилах находят кости по преимуществу домашних животных: по подсчетам Н. Н. Дикова [1958. С. 58], они распределяются так: кости лошади найдены в 49 могилах, овцы — в 33, быка — в 12, козы — в четырех; кости диких животных обнаружены в девяти могилах. Поскольку напутственная пища, которую клали с покойником, вряд ли сильно отличалась от той, какую употребляли при жизни, можно по этим данным в определенной степени представить себе реальный состав стада у людей, оставивших плиточные могилы. В нем, по-видимому, овцы и лошади преобладали над крупным рогатым скотом, а это в свою очередь свидетельствует о подвижном образе жизни. Можно предполагать, что люди культуры плиточных могил практиковали кочевое скотоводство с круглогодичным содержанием скота на подножном корму, поскольку это позволяла малая высота снежного покрова. Лошади и овцы вполне способны сами доставать корм из-под снега. Такое содержание скота практиковали и буряты, и даже русские в Забайкалье. Кочевничество у людей культуры плиточных могил подтверждается и наличием верхних коней, о чем свидетельствуют находки удила и насаивей. По аналогии с современными бурятами Забайкалья Н. Н. Диков [1958] предполагает, что люди культуры плиточных могил совершали сезонные перекочевки на небольшие расстояния. Подсобными занятиями служили охота (о чем свидетельствуют кости диких животных в могилах) и в меньшей степени — рыболовство (кости рыбы найдены лишь в одной могиле). Нет никаких данных о земледелии [Диков Н. Н., 1958], поскольку ни в комплексах, ни в случайных находках совершенно нет серпов, а на поселениях — зернотерок. Можно думать, что земледелием люди культуры плиточных могил не занимались.

Весьма развиты были бронзолитейное, а позже и железоделательное производства на базе местных забайкальских руд [Гришин Ю. С., 1983]. Обычно выплавка меди и железа в Забайкалье производилась на самих поселениях. Но встречались и отдельные плавильни. Так, в пади Карымской, у пос. Усть-Иля в восточном Забайкалье, на месте стоянки каменного века была устроена медеплавильня. Она была сложена из камней, имела четырехугольную форму, внутри была обмазана глиной (сохранились куски обмазки). Внутри ее обнаружено скопление угля, кусочки шлака; вокруг — также куски шлака, каменный пест для дробления руды, обломки льячки и, по-видимому, остатки кузнечных мехов. В развале одной из стенок плавильни найдена керамика, типичная для культуры плиточных могил. Плавильня по устройству близка к древним меде- и железоплавильням Тувы [Гришин Ю. С., 1975б. С. 68—71, 113, 114].

Другая расположенная вне поселения плавильня

была обнаружена у оз. Шакшинское близ Читы. Здесь найдены металлические шлаки, фрагмент ошлакованного сопла и куски сосудов-триподов, типичных для культуры плиточных могил [Окладников А. П., 1959. С. 119; Гришин Ю. С., 1981. Рис. 51, 3. С. 148]. Возле того же озера, у с. Беклемишево, найден клад литейных форм из камня для отливки двух ножей VIII—VII или VII в. до н. э., узкого кельта, двух чеканов и долота [Сосновский Г. П., 1933а. С. 17; Членова Н. Л., 1971б. С. 104—110]. По-видимому, здесь существовал крупный центр бронзолитейного производства [Сергеева Н. Ф., 1981. С. 32]. Из западного Забайкалья (р. Джиды) происходит Закаменский клад, состоящий из 34 медно-бронзовых предметов, в том числе ножей с кольцами VII в. до н. э. (табл. 101, 28—44) [Хамзина Е. А., 1981; Гришин Ю. С., 1981. С. 152—155]. Химический анализ металла Закаменского клада показал его однородность, в металле содержится большое количество олова. Клад принадлежал литейщику, использовавшему местные руды [Глазунова А. Д., Сергеева Н. Ф., 1976; Сергеева Н. Ф., 1981]. В одной из плиточных могил у пос. Дарасун был погребен литейщик с каменной формой для отливки кельта, льячкой и каменным пестом для дробления руды [Гришин Ю. С., 1981. С. 155].

Забайкалье, особенно восточное, очень богато медными месторождениями, которых известно около 40. Есть они и в западном Забайкалье, по р. Джиды, где находили гнезда самородной меди весом до 1 кг. Кроме того, Забайкалье на протяжении столетий являлось источником олова (россыпной касситерит). Древние рудники до нашего времени не сохранились. Но известно, что они были, и именно на месте древних выработок добывали медь буряты, а затем и русские, разрушившие их. Так, известно Намаминское месторождение, где раньше были древние выработки, и выработки по рекам Монгут и Оротой. Анализ бронзовых изделий культуры плиточных могил показал, что наиболее распространены тогда в Забайкалье были оловянистые и оловянисто-мышьяковистые сплавы [Сергеева Н. Ф., 1981. С. 34—36, 50—52. Табл. 9]. Высокий уровень металлургии предполагает специальных мастеров-литейщиков и кузнецов. Вероятно, одному из них принадлежал Закаменский клад. Изготовление керамики было, очевидно, домашним. Долго не выходили из употребления и каменные орудия, встречаемые в большом количестве на стоянках, — скребки, отщепы. Стало быть, в то время их еще умели изготавливать. (В этом отношении культура плиточных могил не является чем-то исключительным. Как в лесной полосе (ананьинская культура), так и в лесостепи (чернолесская культура), каменные орудия в эпоху железа еще употреблялись.) Люди культуры плиточных могил знали обработку кожи и шерсти — продуктов скотоводства, а также обработку кости.

Общественный строй людей культуры плиточных могил, вероятно, можно охарактеризовать как военную демократию, о чем свидетельствуют погребения вооруженных воинов и оленные камни — памятники воинам, вероятно вождям (как и в других районах распространения оленных камней). Возможно, что именно вождям принадлежали наиболее крупные и сложные по устройству плиточные могилы, такие

как Кара-Баян. Хотя люди культуры плиточных могил знали золотые изделия, нет погребений, выделяющихся особой пышностью инвентаря, которые свидетельствовали бы о далеко зашедшей социальной дифференциации.

Физический тип людей, похороненных в плиточных могилах, изучен еще недостаточно, так как большинство могил ограблено и черепов сохранилось очень мало. Они были изучены Г. Ф. Дебецем [1948; 1952] и И. И. Гохманом [1954; 1958; 1967]. По их заключению, физический тип людей из плиточных могил может быть охарактеризован как монголоидный, брахикранный, с сильно уплощенным среднелыбым лицом и слабо выступающим носом. Представление о нем дает выполненная М. М. Герасимовым реконструкция лица мужчины из плиточной могилы в Херексурин-Ури на р. Селенга (табл. 59, 4). По мнению Н. Н. Мамоновой, происхождение этого типа связано с населением периода ранней бронзы центральной и восточной Монголии.

Вопрос об этнической принадлежности людей, оставивших плиточные могилы, спорен и далек от разрешения. Г. П. Румянцев [1953. С. 46—48] и В. В. Волков [1967. С. 103, 104] считают их монголоязыч-

ными. Л. Н. Гумилев [1960. С. 46] рассматривает культуру плиточных могил как «ранний этап гуннской культуры», однако эта точка зрения не подтверждается ни археологическим, ни антропологическим материалом. Наконец, по мнению А. П. Окладникова [История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. С. 79—82] и Н. Н. Дикова [1958. С. 68—71], население, оставившее плиточные могилы, было тюркоязычными и явилось одним из предков курыкан.

Состояние источников не позволяет пока ответить на вопрос, насколько однородным было население культуры плиточных могил. Существование разных локальных типов погребальных сооружений внутри общего ареала этой культуры («фигурные» могилы на западе, могилы дворцового типа на востоке) допускает предположение о том, что среди населения этой культуры были различные этнические группы. Вполне возможно, что население, оставившее культуру плиточных могил, распространенную на огромной территории, было полиэтничным, и отдельные группы его могли говорить на разных языках.

Хунну Забайкалья

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ. В конце III в. до н. э. в Центральной Азии возвышается союз племен, известных по восточным летописным источникам как «хунну», или «сюнну». При шаньюе Маодуне (Модэ) (206—174 гг. до н. э.) хунну создают крупное государственное объединение, распространившее свою власть от Хингана на востоке до Монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере до Гоби и Ордоса на юге. Центром владений хунну и их основной экономической опорой во II в. до н. э.—I в. н. э. была территория нынешних центральной и северной Монголии и южной Бурятии, где в бассейне р. Селенга и ее притоков Орхона, Толы, Джиды, Чикоя и Хилка обнаружены многочисленные памятники хунну (карта 15). Политическая история хунну насыщена почти непрерывными войнами с соседями — Китаем, юечжами, усунями, дунху и другими племенами. Эти события и в гораздо меньшей степени образ жизни, быт и нравы хунну получили освещение в восточных летописях, трудах Сыма Цяня, Бань Гу и других историков [Бичурин Н. Я., 1950а; Таскин В. С., 1968а; 1973], образовавших источниковедческую базу большого числа исследований по истории хунну западноевропейских и русских ученых со второй половины XVIII в. и вплоть до настоящего времени [Deguignes J., 1756—1758; Иностранцев К. А., 1926; Бернштам А. Н., 1951; Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., 1952. С. 101—109; Гумилев Л. Н., 1960; Govern Mc., 1939; Altheim F., 1959; Maenchen-Helfer O., 1973; и др.].

В 55 г. до н. э. вследствие ряда социально-экономических и политических причин государство хунну распалось на два объединения: северных хунну во главе с шаньюем Чжичжы и южных — во главе с шаньюем Хуханье. После этого события политическая история хунну слабо известна. Южные хунну

попали под влияние Китая, северные укрепили свое положение, вновь покорили племена динлинов, цзянькуней и усуней, а также продолжили борьбу с Китаем. В 36 г. до н. э., во время похода на запад, северные хунну вторглись в Среднюю Азию, где были разбиты китайскими войсками, а шаньюй Чжичжы убит.

Оставшиеся в Центральной Азии северные хунну сохранили политическую независимость и вели постоянную борьбу со своими южными и восточными соседями. В 93 г. н. э. они были разбиты сяньбийцами. После этого часть хунну двинулась на запад, вовлекая в свое движение находившиеся на их пути племена. По-видимому, в дальнейшем, в III—IV вв., сильно видоизменив культуру и этнический состав, но сохранив этноним, они стали во главе крупного разнотничного объединения кочевых племен степей Средней Азии, Казахстана и юга Западной Сибири, известного древним авторам под именем «гуны». Предпосылки образования этого объединения были созданы в значительной мере за счет внутреннего развития населения указанных районов. Бурное развитие, своего рода расцвет, культур кочевников во второй половине I тысячелетия до н. э. способствовало интенсивному росту народонаселения и появлению его избытков, поставленных перед необходимостью миграции в другие районы. Параллельно с этим в культурах лесостепи происходило нарастание тенденций перехода к кочевому укладу [Могильников В. А., 1976. С. 182, 183], завершившееся во II—III вв. становлением кочевого уклада у большей части населения лесостепи Западной Сибири, что также привело к появлению новых масс подвижного населения, влившегося, очевидно, в гуннский союз.

В конце IV — начале V в. гунны разгромили народы степей и лесостепи Восточной Европы, но в 451 г. сами были разбиты в битве на Католаунских

Карта 15. Распространение памятников хунну Забайкалья и Центральной Азии

1, 2 — Иволгинские городище и могильник; 3 — Баргай; 4 — Баян-Хара; 5 — Енхор; 6 — Дэрестуй; 7 — Хара-усу; 8 — Худжир-дэби; 9 — Гуджирмыгэ; 10 — Оргойтон; 11 — Усть-Кяхта; 12 — Ургун-хундуй; 13 — Царам; 14 — Липовка; 15 — Черемуховая падь; 16 — Ильмовая падь; 17 — Суджи; 18 — Бурдун; 19 — Дурены I, II; 20 — Эдуй; 21 — Хара-Бусун; 22 — Сухой Ручей; 23 — Сава; 24 — Агинское; 25 — Чиндант; 26 — Кара-Суг; 27 — Чааты; 28 — Баянкольчик; 29 — Бай-Даг II; 30 — Чадан; 31 — Аймырлыг; 32 — Абакан; 33 — Узунтал; 34 — Юстыд (Жалгизуирокколь); 35 — Уландрык; 36 — Чандмань; 37 — Хотцинкер-гол; 38 — Бодончин-гол; 39 — Дурбулжин-сомон; 40 — Эрдэнэцогт; 41 — Идэр-гол (Нухтийн-ам); 42 — Хуни-гол; 43 — Наймаа-толгой; 44 — Джаргаланты; 45 — Батценгель-сомон (Ээзгүйтийн Хужирт, Худгийн-ам, Сольбо-уул); 46 — Харальчи-Хэрэмгийн-балгас; 47 — Аршан-ам; 48 — совхоз Хар-Хорин; 49 — Хутаг-уул; 50 — Сухэ-Батор; 51 — станция Салхит; 52 — Дархан; 53 — Ноин-Ула; 54 — Наинтэсумэ; 55 — Барун-Хайрхан; 56 — Унгерт; 57 — Сэлбе; 58 — Тэрэлжийн-дэрвэлжэн; 59 — Хурээт-тов; 60 — Сантын-ширээт; 61 — Сэбийн; 62 — Дэлгерцогт; 63 — Ундэршил; 64 — Тэвш-уул; 65 — Баян-Булак; 66 — Цэнхэрийн-голынхэрэм; 67 — Ондэр-дов; 68 — Гуа-дов; 69 — Барс-хот II; 70 — Барун-дорогийн-хэрэм; 71 — Бурхийн-дэрвэлжэн; 72 — Онгон-сомон; 73 — Дулаг-уул; 74 — Мунхан-сомон; 75 — Багалуэйт; 76 — Улгут; 77 — Дунсухао; 78 — Таохунбала; 79 — Ваньгун; 80 — Сичагоу; 81 — Калимынцзуи; 82, 83 — Эрланьхугоу; а — городища; б — неукрепленные поселения; в — временное стойбище; г — могильники дэрестуйского

типа; д — курганные могильники суджинского типа; е — дворец хуннского наместника; ж — хуннские разработки руды; з — керамическая мастерская; и — находки хуннской керамики; к — предхуннские погребения IV—III вв. до н. э.; л — могильник со смешанными хунно-шурмакскими чертами ритуала; м — находки хуннской керамики в насыпях курганов Алтая

полях, после чего держава гуннов распалась и перестала существовать.

Надо полагать, что в процессе передвижения и смешения с иезотничными группами хунну быстро утратили этнографическое своеобразие, а потому памятники, тождественные памятникам хунну Центральной Азии, неизвестны в Средней Азии и более западных районах. Именно это обстоятельство является причиной того, что до сих пор остается дискуссионной проблема связи хунну Центральной Азии и европейских гуннов, культура которых выявлена пока недостаточно.

Археологические памятники хунну впервые были выявлены в конце XIX в. Ю. Д. Талько-Грынцевичем, который открыл большинство известных сейчас в Забайкалье могильников хунну, где раскопал более 100 погребений в гробах и срубках, в том числе 33 захоронения — в Ильмовой пади и 26 — в Дэрестуйском Култуке [Талько-Грынцевич Ю. Д., 1898а; 1898б; 1899; 1900а; 1900б; 1901; 1903]. Исследова-

тель правильно определил принадлежность погребений в срубках хунну, но ошибочно был склонен считать захоронения в гробах более поздними, принадлежащими киргизам и тунгусам [Талько-Грынцевич Ю. Д., 1905; 1928. С. 98]. Только Г. П. Сосновский [1935. С. 172, 173] впоследствии доказал, что они также являются хуннскими.

Качественно новый этап изучения культуры хунну наступил в советский период. Большое значение для познания культуры хунну и для привлечения к ней интереса имели раскопки в 1924—1925 гг. могил хуннской знати в горах Ноин-Ула в северной Монголии, проведенные Монголо-Тибетской экспедицией под руководством П. К. Козлова. В руки ученых попали прекрасные образцы искусства, строительного мастерства, вскрывшие различные стороны быта и идеологических представлений хунну. Результаты этих исследований получили освещение в целом ряде работ [Козлов П. К., 1925; Боровка Г. И., 1925; Теплоухов С. А., 1925; Тревер К. В., 1931; Бернштам А. Н., 1935а; 1937; 1951; Руденко С. И., 1962б; Trever K., 1932; Umemura S., 1960].

В 1928 г. Г. Ф. Дебец раскопал три жилища на хуннском поселении у с. Дурены в Забайкалье, материалы из которых были опубликованы Г. П. Сосновским [1947. С. 36, 37], много сделавшим для изучения хунну. Он продолжил раскопки Ильмовой пади, выявил остатки хуннских захоронений в местности Хара-Бусун на Чикое и начал исследование Иволгинского городища [Сосновский Г. П., 1934; 1946]. В своих работах Г. П. Сосновский [1934; 1935. С. 172—174; 1946. С. 65; 1947] показал единство культуры хунну Забайкалья и северной Монголии, наметил предварительную периодизацию памятников, пришел к заключению о существовании у хунну полукочевого хозяйства, оседлости, домостроительства, земледелия, ремесла и металлургии. Результаты изучения памятников хунну были подытожены Г. П. Сосновским в рукописи «Гуннские памятники Забайкалья», которая осталась неопубликованной.

Наиболее интенсивные и плодотворные исследования памятников хунну Забайкалья были проведены в послевоенные годы. Раскопки Иволгинского городища, возобновленные в 1949 г. по инициативе А. П. Окладникова под руководством В. П. Шилова, а затем А. В. Давыдовой, дали обильный материал для характеристики оседлых поселений хунну, их фортификации, планировки, конструкции жилищ и подсобных сооружений, а также хозяйства, ремесла и социальной структуры хуннского общества [Давыдова А. В., Шилов В. П., 1953; Давыдова А. В., 1956; 1960; 1965; 1985; Davudova A. V., 1968]. По мнению А. В. Давыдовой [1978. С. 59; 1985. С. 82], общество хунну состояло из двух частей — ремесленно-земледельческой и кочевой. Материалы Иволгинского городища были дополнены и подкреплены новыми фактами, полученными при раскопках неукрепленного поселения у с. Дурены [Давыдова А. В., 1978; 1980]. Обобщающим исследованием по культуре хунну явилась монография С. И. Руденко [1962б], где даны наиболее полная публикация материалов Ноин-Улы, их всесторонний анализ и историко-археологическая оценка вкрупне с характеристикой известных материалов хунну с территории Забайкалья. В книгу не вошли новые данные, добытые в Ноин-Уле раскоп-

ками А. Д. Симукова, Х. Пэрлээ и Ц. Доржсурэн [Доржсурэн Ц., 1961; 1962].

Большие раскопки могильников Дэрестуйского, Ильмовой и Черемуховой падах, вносящие коррективы в наблюдения Ю. Д. Талько-Грынцевича, были проведены П. Б. Коноваловым [1970; 1973а; 1973б; 1974а; 1974б; 1975а; 1975б; 1976а], в монографии [1976б] которого подведены итоги изучения погребальных памятников хунну Забайкалья и дана краткая общая характеристика культуры хунну. К сожалению, автор уделил недостаточно внимания разработке хронологии обширного материала. Вопросы развития бронзолитейного производства, происхождения и датировки памятников хунну Забайкалья рассмотрены в ряде работ С. С. Миняева [1975; 1979а; 1980; 1982; 1983а; 1983б; 1987а; 1987б].

Выдающимся успехом в изучении культуры хунну было открытие и исследование связанного с городищем Иволгинского могильника, давшего новые материалы об этническом составе и социальной дифференциации хуннского общества. Итоги изучения Иволгинского комплекса памятников были подведены в монографии А. В. Давыдовой [1985], где материал названных памятников анализируется на фоне культуры хунну и сопредельных народов юга Сибири и Дальнего Востока в целом.

Отдельные памятники хунну исследованы также в Хакасии, Туве и на Алтае. Так, в Хакасии, около г. Абакан, открыт дом китайской архитектуры, построенный для хуннского наместника и датированный I в. до н. э. — началом I в. н. э. [Евтюхова Л. А., Левашева В. П., 1946. С. 72—84; Евтюхова Л. А., 1947; Киселев С. В., 1951. С. 479, след.; Кызласов Л. Р., 1960. С. 135—163, 164; Вайнштейн С. И., Крюков М. В., 1976. С. 137—149]. В Туве, в Каа-Хемском р-не, в местности Кара-Суг выявлены рудники хунну начала II в. до н. э. по добыче железной руды [Кызласов Л. Р., 1969б. С. 120—122], а в могильнике Бай-Даг II открыты типичные для хунну погребения с гробами в срубках [Мандельштам А. М., 1967. С. 128; 1975б. С. 232, 233]. На Алтае обнаружена мастерская по производству керамики хунну [Кубарев В. Д., 1980б. С. 212, 213], а в двух могильниках — фрагменты хуннской керамики [Савинов Д. Г., 1978. С. 53. Рис. 3; Кубарев В. Д., Журавлева А. Д., 1986. С. 101, 110].

Изучение памятников хунну продолжалось также в Монголии. Рекогносцировочными исследованиями в разных местах этой страны выявлен и частично раскопан ряд оседлых поселений и могильников [Киселев С. В., 1957; Пэрлээ Х., 1957а; 1957б; Доржсурэн Ц., 1961; 1962; Волков В. В., 1972; 1976; 1983; Гришин Ю. С., 1978; Шавкунов Э. В., 1973]. Материал их при сходстве с забайкальским имеет и своеобразные черты. На Монгольском Алтае обнаружен самый западный могильник хунну Бодончингол с рядовыми и большими курганами с «шлейфами» [Вояков В. В., 1983. С. 503].

Наиболее изучены в настоящее время памятники Забайкалья, представляющего северо-восточный ареал расселения хунну, а также ряд памятников Тувы и Хакасии.

Памятники хунну представлены укрепленными и неукрепленными поселениями, курганными и грунтовыми могильниками, отдельными местонахожде-

ниями хуннских вещей и керамики, остатками рудо-разработок и керамической мастерской. Большинство памятников хунну в Забайкалье, кроме Иволгинского городища и могильника, расположенных в 16 км к юго-западу от г. Улан-Удэ, группируется на довольно небольшой территории южной Бурятии, в междуречье Джиды, Селенги, Чикоя и Хилка (карта 15). Особняком в юго-восточном Забайкалье расположено богатое хуннское детское погребение у с. Агинское Читинской обл. [Окладников А. П., 1952б. С. 45, 46; 1976. С. 7].

Для памятников хунну Забайкалья общепризнана дата II в. до н. э.—I в. н. э. Однако в отношении дробной хронологии внутри этого периода среди исследователей нет полного единства. Г. П. Сосновский [1935. С. 172, 173; 1946. С. 65], отметив культурное единство выделенных Ю. Д. Талько-Грынцевичем группы погребений в гробах и срубках, назвал эти группы соответственно дэрестуйской и суджинской, датировав первую I в. до н. э., вторую — I в. н. э. Л. Р. Кызласов [1960. С. 85—87; 1969б. С. 118, 123; 1979. С. 82, 84] выделяет два этапа развития культуры хунну — дэрестуйский II—I вв. до н. э. и суджинский I в. до н. э.—I в. н. э., развивая и уточняя периодизацию Г. П. Сосновского. А. В. Давыдова, напротив, считает, что культура хунну единая, взаимосвязана во всех проявлениях, и для нее должна быть принята единая хронология — II в. до н. э.—I в. н. э. Основой для классификации памятников хунну она считает форму хозяйства [Давыдова А. В., 1975. С. 34, 35]. Принятие указанных периодизаций приводит, по мнению А. В. Давыдовой, к парадоксальному заключению, что поселения оседлых хунну появляются в Забайкалье раньше основной их кочевой массы. Однако Л. Р. Кызласов считает, что раннее появление поселений хунну и охраняющих их гарнизонов в Забайкалье было обусловлено необходимостью иметь ремесленно-земледельческие центры в районах, богатых рудой [Кызласов Л. Р., 1979. С. 83; Массон В. М., Алекшин В. А., Боковенко Н. А., 1978. С. 7].

С. С. Миняев [1975. С. 47, 48], основываясь на совокупности сведений летописей о борьбе Китая с хунну, а также на находках монет «у-шу» (выпускались со 118 г. до н. э. по 581 г. н. э.) на поселениях у с. Дурены, в погребениях Иволгинского и Дэрестуйского могильников, считает, что памятники хунну Забайкалья и северной Монголии могут быть датированы временем не ранее 123 г. до н. э., а для большинства из них наиболее вероятной датой представляется I в. до н. э.

Наиболее ранним, надежно датирующим материалом на памятниках хунну II—I вв. до н. э. являются китайские бронзовые зеркала конца III—I в. до н. э., найденные на Иволгинском городище [Давыдова А. В., 1985. С. 52, 53, 83. Рис. X, 9, 19; Davydova A. V., 1968. P. 236; Миняев С. С., 1975. С. 48]. К концу III—II в. до н. э. относятся обнаруженные на этом же памятнике бронзовые черешковые трехгранные наконечники стрел (табл. 105, 66—70), а также втульчатые костяные наконечники, подражающие по форме бронзовым (табл. 105, 60—62). Здесь же и в Дэрестуйском могильнике найдены бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел (табл. 105, 71) [Davydova A. V., 1968. P. 236], отно-

сящиеся к III—II вв. до н. э. Прототипы их представлены среди стрел Южной Сибири V—IV вв. до н. э. [Членова Н. Л., 1967. Табл. 12, 44]. Встречены на Иволгинском городище костяные панцирные пластины (табл. 106, 59, 77) были распространены у населения лесостепи Западной Сибири IV—II вв. до н. э. (табл. 119, 46; 122, 43, 57, 69, 70, 80) [Корякова Л. Н., 1979б. С. 202]. Для памятников хунну конца III и II—I вв. до н. э. характерны также ножи и шилья с кольчатым навершием рукояти (табл. 107, 34, 35, 47), имеющие аналогии в тагарско-таштыкских переходных памятниках II—I вв. до н. э. [Кызласов Л. Р., 1960. С. 85. Рис. 29, 3; Пшеницына М. Н., 1975а. Рис. 3, 16—21]; пластинчатые ножи с невыделенной рукоятью (табл. 107, 46); бронзовые и костяные пряжки с неподвижным крючком для фиксации ремня (табл. 106, 42, 53, 56, 68, 69, 74). Появляются бронзовые и железные пряжки со свободно вращающимся язычком (табл. 106, 45, 57, 58, 70, 76). В пределах II—I вв. до н. э. могут быть датированы железные фалары из Иволгинского городища (табл. 108, 66) и удила с пропеллеровидными псалиями из Дэрестуйского могильника (табл. 105, 75), аналогии которым представлены в материале плиточной могилы у Ихерика [Талько-Грынцевич Ю. Д., 1900а. Табл. IV; Davydova A. V., 1968. P. 236].

Более поздние хуннские памятники I в. до н. э.—I в. н. э. представлены в Забайкалье и северной Монголии преимущественно памятниками суджинского типа. Они датируются бронзовыми зеркалами I в. до н. э. (табл. 108, 8; Ильмовая падь) и I в. н. э. (табл. 108, 6; Черемуховая падь, Эдуй, Бурдун, Ноин-Ула) [Кызласов Л. Р., 1960. С. 86, 87; Миняев С. С., 1975. С. 48]. В могильнике Ноин-Ула найдена также лаковая чашечка начала I в. н. э. [Руденко С. И., 1962б. С. 22. Табл. XLVIII, 1].

На памятниках хунну I в. до н. э.—I в. н. э. широко распространяются крупные трехлопастные железные ярусные наконечники стрел (табл. 105, 2—5), а также трехлопастные наконечники стрел с ромбической головкой (табл. 105, 1). Ножи с кольчатым навершием рукояти вытесняются в это время черешковыми ножами с деревянными и костяными рукоятями (табл. 107, 1, 2). Широко распространяются железные и бронзовые пряжки со свободно вращающимся язычком (табл. 106, 1—5, 19—21), заменяя пряжки с неподвижным крючком, костяные экземпляры которых еще продолжали использовать, но в меньшем количестве и в основном в качестве «поддужных» пряжек (табл. 106, 29, 36, 37).

Основными памятниками хунну конца III и II—I вв. до н. э. являются относящиеся к дэрестуйскому типу памятников Иволгинское городище, Иволгинский, Дэрестуйский и Дарханский могильники. Из памятников I в. до н. э.—I в. н. э. наиболее хорошо изучены могильники суджинского типа — Суджи, Ильмовая и Черемуховая пади, Эдуй, Бурдун, Ноин-Ула. Однако датировка памятников суджинского типа не ограничивается только I в. до н. э.—I в. н. э. Имеются более древние памятники. К суджинскому типу относится могильник Бай-Даг II в Туве, датируемый рубежом III—II вв. до н. э. [Мандельштам А. М., 1975б. С. 232, 233; Миняев С. С., 1987а. С. 119]. Поселение у с. Дурены датируется в широких пределах II в. до н. э.—I в. н. э. В рамках II—I вв. до

н. э. памятники дэрестуйского и суджинского типов синхронны, и фиксируемые на них различия в соотношении разных типов погребальных сооружений объясняются сложным этническим составом хуннского общества. Памятники I в. до н. э.—I в. н. э. представлены пока главным образом могильниками суджинского типа.

ПОСЕЛЕНИЯ. К настоящему времени обнаружено около 20 оседлых поселений хунну, в том числе более 10 городищ — в бассейнах рек Селенги, Керулена, в Центральном, Хентейском, Архангайском и Булганском аймаках МНР [Киселев С. В., 1957. С. 92, 93; Пэрлээ Х., 1957а; 1957б; 1957в; Шавкунов Э. В., 1973. С. 505, 506; Давыдова А. В., 1978. С. 56; Мадар Д., 1970. С. 36. Карта 1]. В Забайкалье открыты Иволгинское городище на р. Селенга, неукрепленные поселения у сел Дурены на р. Чикой и Енхор на р. Джида. На Иволгинском городище и поселениях у с. Дурены были проведены раскопки. Поселения, расположенные на территории Монголии и Китая, исследованы рекогносцировочно. Городища хунну — прямоугольной, близкой к квадрату формы.

Наиболее изучено Иволгинское городище, где вскрыто около 8 тыс. кв. м, почти 20% общей площади памятника. Оно расположено на краю надпойменной террасы левого берега старицы р. Селенга. В плане городище имело вид неправильного прямоугольника (348×194—216 м), вытянутого вдоль края террасы (табл. 109, 4). С трех сторон оно было защищено четырьмя валами и тремя рвами, выходы из которых использованы для насыпки валов, сейчас сильно оплывших и имеющих общую ширину в поперечном сечении 35—38 м. Наиболее высокий внешний вал возвышался над уровнем рва на 0,5 м, а наиболее низкий, внутренний, — на 0,2 м. Укрепления Иволгинского городища, исследованные двумя траншеями, состояли из нескольких линий. Первой, внутренней, был деревянный частокол, а перед ним располагались четыре вала с тремя рвами между ними. Наибольшая высота от дна рва до гребня вала 2,5 м. На валах, вероятно, также были поставлены частоколы или заборы (высота 1,6—1,8 м), от которых в заполнении рвов сохранились прослойки сгоревшего дерева. Гребни валов и частично их склоны были укреплены камнями [Давыдова А. В., 1968. Р. 210; Давыдова А. В., 1985. С. 11—13]. Взятие этих укреплений представляло большую сложность, особенно для конницы, составлявшей основу войска населения степей конца I тысячелетия до н. э. И все же в начале I в. н. э. во время военного нападения городище погибло. Оно было разорено и сожжено, что и обусловило его хорошую сохранность.

Внутри площадка городища была плотно застроена жилищами, отдельными производственными сооружениями и заполнена хозяйственными ямами, устроенными вблизи жилищ или внутри них. Планировка застройки диктовалась формой укрепленного поселения. Жилища располагались почти перпендикулярно краю террасы рядами, параллельными южной линии валов. На вскрытой площади намечается пять линий жилищ [Давыдова А. В., 1968. Р. 221]. На поверхности городища жилища или прослеживались в виде небольших возвышений, или не имели видимых следов. Устройство жилищ хунну устанавливается на основании остатков 54 построек, вскрытых

на Иволгинском городище [Давыдова А. В., 1985. С. 14—22; Davydova A. V., 1968. Р. 210—214; Сосновский Г. П., 1934. С. 150—156] и семи строений, раскопанных на поселении у с. Дурены [Сосновский Г. П., 1947. С. 35—39; Давыдова А. В., 1978. С. 57—59].

Первый и основной тип жилищ составляли полуземлянки с углубленным в материк основанием прямоугольной формы (в большинстве случаев 5×4; 5,5×4,5 м, глубина 0,55—1 м). Отдельные постройки, возможно, предназначенные для зависимых лиц, были очень маленькими (3,2×2,8 м); были и крупные (6,85×6,65 м) [Давыдова А. В., 1965. С. 7; 1985. С. 14, 15; Davydova A. V., 1968. Р. 216]. Стены жилищ ориентированы по сторонам света. В южной стене, ближе к юго-восточному углу, находился наклонный коридорообразный вход (длина до 1,8 м, ширина 0,6—1,3 м). Стены полуземлянок с северной и южной сторон были сырцовыми, глинобитными или обмазанными глиной. Жилища перекрывались двускатной многослойной кровлей, опиравшейся на конек, поддерживаемый опорными столбами с северной и южной сторон, и на почвенный слой вдоль западной и восточной стенок котлована. Нижний слой кровли образовывали балки толщиной до 20 см, впереплет с которыми лежали поперечные брусья, образовывавшие вместе с балками потолок, покрытый глиняной обмазкой (табл. 109, 1А, Б). На него укладывался слой из жердочек и прутьев, а на них — береста, солома и, вероятно, зола. Сверху это накрывалось дерном. Внутри жилища, в северо-восточном углу, находился очаг, сложенный из каменных плит, от которого вдоль северной и западной стенок шел дымовой канал типа кана (ширина 0,25—0,4 м). Он был сооружен из двух рядов вертикально поставленных плит, сверху перекрыт плитками и обмазан глиной (табл. 109, 1, 3). Дым выходил наружу через трубу, устроенную в стене, у юго-западного угла жилища. Рядом с дымоходом располагались нары, опиравшиеся на столбики. В полу жилищ, покрытом глиняной обмазкой, устраивались небольшие ямы, погребки для хранения запасов. Конструкция жилищ хунну своеобразна, а система отопления имеет аналогии у народов Дальнего Востока, в том числе у народностей Амура — тунгусов, нивхов и др. [Шренк Л., 1899. Табл. XI. С. 11, след.; Давыдова А. В., 1985. С. 21].

Второй тип жилищ представлен полуземлянками со слабо углубленным в землю основанием, сырцовыми глинобитными стенами, кровля которых покоилась на деревянных опорах, идущих по периметру жилища и включенных в сырцовые стены. Внутреннее устройство их аналогично описанному.

Третий тип жилищ представлен обширной (13×11,5 м) наземной постройкой с сырцовыми стенами, стоявшей на возвышении в центральной части Иволгинского городища (жилище 9). Устройство очага в северо-восточном углу и дымохода вдоль северной и западной стен сближают эту постройку с остальными жилищами городища. Центральное положение и большая величина послужили основанием рассматривать ее как жилище «правителя» поселения. В комплекс «усадебный правителя» входили также два маленьких жилища для «слуг», большие хозяйственные постройки и погреб (Давыдова А. В., 1956. С. 273; 1985. С. 18—20; Давыдова А. В., Миняев С. С.,

1975. С. 198]. В целом изученные на городище жилища хунну конструктивно мало отличаются друг от друга. Имея некоторое сходство в устройстве отопления с жилищами народов Дальнего Востока, они в то же время оригинальны по конструкции и отличаются от крытых черепицей домов хунну, исследованных на поселениях Монголии.

Составлявшие основную массу населения хунну полукочевые и кочевые скотоводы, перемещавшиеся с места на место вместе со стадами скота, жили в войлочных юртах. Краткое описание хуннской юрты дал в 81 г. до н. э. китайский государственный деятель Сан Хун-ян. У сюнну «сплетенная ива (деревянный каркас юрты. — В. М.) служит домом, войлочная циновка (покрытие юрты. — В. М.) является крышей». По описанию Платона Карпини, из ивы делали каркасы юрт также монголы времен Чингисхана [Таскин В. С., 1968а. С. 142, 143]. На местах зимовок скотоводы строили также деревянные рубленые дома, на знакомство с которыми указывают срубы в могилах.

С постройками хозяйственного назначения связана большая часть из выявленных на Иволгинском городище 607 ям (Davydova A. V., 1968. P. 210, 218—220; Давыдова А. В., 1985. С. 22—27; Давыдова А. В., Миняев С. С., 1975. С. 198]. Назначение и хронология их во многих случаях неясны, часто они прорезают друг друга. Среди изученных ям — колодец глубиной более 4,5 м с квадратным срубом, погребом разной величины для хранения продуктов (зерно, мясо, рыба), над которыми сооружалась крыша вроде навеса или устраивалась деревянная крышка. Имелись также навесы, от которых сохранились только столбовые ямки. Неясно назначение вскрытых на городище длинных канав, разделяющих площадку его на прямоугольники.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД. Детали погребального обряда хунну из-за массовой ограбленности захоронений не до конца выяснены. К тому же, на разных некрополях имеются черты своеобразия, отражающие многокомпонентность этнического состава и социальную стратификацию хуннского общества. В Забайкалье известно около 20 могильников хунну, в которых насчитывается свыше 900 захоронений (на 1983 г. раскопано около 400, в том числе в Иволгинском некрополе 216, Ильмовой пади — 60, Дэрестуйском — 44, Черемуховой пади — 20). На остальных памятниках исследовано единичное число погребений [Коновалов П. Б., 1976б. С. 21. Табл. I; 1985. С. 41]. Иволгинский и Дэрестуйский могильники грунтовые, остальные — курганные, среди них наиболее крупные Ильмовая и Черемуховая пади (соответственно 300 курганов и 82) [Коновалов П. Б., 1976б. Табл. I]. Отдельные погребения хунну суджинского типа открыты в Туве (Бай-Даг II) [Мандельштам А. М., 1967. С. 128; 1975б. С. 5, 232—233]. В Монголии известно около 30 могильников хунну, включающих от 10 до 300 могил. В целом в них насчитывается свыше 1 тыс. курганов (Хуни-гол — около 300 курганов, Ноин-Ула — 230, Идэргол — более 100) [Коновалов П. Б., 1976б. Табл. II; 1985. С. 43; Волков В. В., 1976. С. 579]. Большинство их расположено в северной и центральной Монголии. По облику они наиболее близки могильнику в Ильмовой пади. На некрополях хун-

ну в Монголии вскрыто свыше 120 погребений (Ноин-Ула — 30, Хуни-гол — 31, Дархан — 6, на остальных по небольшому числу захоронений) [Гришин Ю. С., 1978. С. 95—100; Доржсүрэн Ц., 1961; 1962; Коновалов П. Б., 1976б. Табл. II; 1985; С. 45; Руденко С. И., 1962б; Эрдели И., 1962; Волков В. В., 1972; 1976; 1983; Цэвэндорж Д., 1985. С. 52; Erdelyi I., Dorjusuren C., Navan D., 1967].

Отдельные могильники и погребальные комплексы хунну открыты в Китае, во Внутренней Монголии (Эрланьхугоу, Калимынинцзун, Сичагоу) [Васильев К. В., 1959. С. 169, 170; Миняев С. С., 1979а. С. 75, 76]. Из разрушенных могильников хунну в Ордосе происходит большое число литых художественных бронзовых изделий — пряжек, блях, известных под названием «ордосских» (табл. 114, 4, 8, 12, 13, 15, 16, 18, 19) [Руденко С. И., 1962б. С. 72—79; Andersson J. G., 1932; Salmony A., 1933].

Некрополи хунну, имея в виду сочетание устройства надмогильных сооружений и погребальных камер, делятся на две группы — суджинскую, названную по Суджинскому могильнику (исследован Ю. Д. Талько-Грынцевичем в Ильмовой пади), и дэрестуйскую, поименованную по могильнику у Дэрестуйского кургана. Первой свойственны подкурганые захоронения в двойной внутримогильной камере типа гроб в срубе (табл. 110, 5; 111, 1, 3, 4; могильники Ильмовой и Черемуховой падей, Суджинский, Ноин-Ула, Бай-Даг II др.); второй — погребения в грунтовой яме в дощатом гробу (табл. 111, 2, 6), отмеченные на поверхности кольцеобразной каменной выкладкой (Дэрестуйский могильник) или не имеющие в настоящее время выраженного надмогильного сооружения (могильники Иволгинский, Гуджир-Мыге, Хара-Бусун, Агинское, Дархан).

Помимо конструкции погребальных сооружений, некрополи названных групп различаются по топографии. Могильники первой, суджинской, группы, принадлежащие основной массе скотоводов-полукочевников и кочевников хунну, расположены обычно в лесистых падах, в глубине невысоких горных массивов, вдали от больших рек. Некрополи второй, дэрестуйской, группы, на настоящем этапе исследований соотносимые преимущественно с оседлой частью хунну, расположены на открытых местах, вблизи рек.

Некрополи дэрестуйского типа в Забайкалье (Дэрестуйский, Иволгинский и др.) датируются II—I вв. до н. э.; погребения суджинской группы относятся в Туве к рубежу III—II, началу II в. до н. э. (Бай-Даг II), а в Забайкалье (Ильмовая, Черемуховая пади, Суджи и др.) — к I в. до н. э. — I в. н. э. Частично они синхронны, своеобразие их ритуала обусловлено этническими и частью хронологическими различиями, связанными с развитием исторического процесса у хунну. После разгрома населения культуры плиточных могил в конце III в. до н. э. хунну постепенно осваивали Забайкалье. В самом конце III—II в. до н. э. они основали здесь ремесленно-земледельческие поселки (Иволгинский; Дурены I, II; Енхор), продукция которых была необходима для основной массы кочевников и обеспечения потребностей армии. Для закрепления завоеванных земель и охраны поселений хунну оставляли свои гарнизоны. Стимулируя развитие ремесла, они привле-

кали ремесленников из соседних стран, что делало полиэтничным состав жителей поселений хунну. Эту ситуацию отражает погребальный ритуал связанного с городищем Иволгинского могильника, где зафиксировано семь различных типов конструкций погребальных камер, из которых собственно с хунну связаны погребения в дощатых гробах и двойных камерах типа гроб в срубе. Могилы других типов оставлены зависимым от хунну населением, жившим на поселении. В конце II—I в. до н. э. количество хуннов в Забайкалье увеличивается, о чем свидетельствует рост числа могильников суджинской группы по сравнению с дэрестуйской. Этому способствовало общее смещение ойкумены хунну к северу и усиление здесь их политической активности. Все это в значительной мере было обусловлено экспансией ханьского Китая, приведшей в 127 г. до н. э. к вытеснению хунну из Ордоса, в 121 г. до н. э. — из Ганьсу, а с середины I в. до н. э. — к установлению политической зависимости Китая над южными хунну. Кроме того, происходившие в государстве хунну процессы интеграции вели к унификации культуры. Поэтому погребальный ритуал некрополей суджинского типа более единообразен, нежели ритуал погребений дэрестуйской группы.

Ритуал погребения, прослеженный в могильниках дэрестуйской группы, хотя и сходен с обрядом погребения подкурганых захоронений суджинской группы, но в то же время имеет отличительные черты. Большинство захоронений совершено в прямоугольных грунтовых ямах глубиной 0,2—2,55 м, в гробах прямоугольной формы или несколько расширенных в изголовье. Сверху гробы накрывали крышкой из продольных досок, а затем — перекрытием из поперечных плах (табл. 111, 2, 6). В Дэрестуйском могильнике стенки гробов с боков обставлены вертикальными каменными плитами, а сверху заложены большим количеством камней, заполнявших нижнюю часть могильной ямы. Конструкция гробов в основном такая же, как в погребениях суджинской группы, а покойники, как и там, обычно уложены вытянуто на спине, головой преимущественно на север с отклонениями.

Наиболее полно разнообразие деталей ритуала изучено А. В. Давыдовой в Иволгинском могильнике, где вскрыто 216 погребений [Давыдова А. В., 1982. С. 132—142; 1985. С. 28, 29]. Большинство могил (183) располагалось компактно в западной части могильника. По наблюдению А. В. Давыдовой [1982. С. 132], погребения не образуют изолированных групп, и только в пяти парах могил (мужчины и женщины) они расположены вплотную друг к другу. Захоронения не имели внешних признаков, но, судя по точности попадания древних грабителей в могилы (из 216 могил нетронуто лишь 16), первоначально такие признаки были. Подавляющая масса могил содержала индивидуальные захоронения (189), и только в 26 находились останки двух или трех человек, преимущественно взрослых и детей. Большинство погребенных ориентировано головами на север—северо-восток с отклонениями; изредка встречается восточная ориентировка с отклонениями; два случая — южная и юго-западная ориентировка [Давыдова А. В., 1982. С. 132, 134. Рис. 2; 1985. С. 28. Рис. IV]. Захоронения могильника, как пра-

вило, совершены в грунтовых ямах глубиной 0,3—2,55 м и только семь — на уровне погребенной почвы, а затем лишь слегка присыпаны А. В. Давыдова выделяет семь разновидностей устройства погребальных камер: 1) гробы из тонких досок (50), преобладающие количественно, как и на других могильниках дэрестуйской группы (табл. 111, 6); 2) гробовища из толстых, грубо отесанных лесин (25); 3) двойная камера — сруб, внутрь которого поставлен гроб (2), — сооружение, характерное для подкурганых захоронений суджинской группы; 4) колода, выдолбленная из ствола лиственницы (1); 5) на дне ямы каменный ящик из поставленных на ребро каменных плит (1); 6) погребения без остатков каких-либо внутримогильных конструкций (6); 7) захоронения на уровне древней поверхности без следов погребальной камеры (6). Большинство погребенных в гробах (45) уложено головой на север. Погребенные в гробовищах имели преимущественно восточную ориентировку [Давыдова А. В., 1982. С. 135; 1985. С. 28].

Младенцев до года, видимо, не хоронили на общем кладбище. Отдельные захоронения их обнаружены на поселении, под полом жилищ. Детей от года до пяти лет хоронили в могильнике в глиняных сосудах, которые ставили близ уровня поверхности почвы и слегка присыпали сверху. Подростков хоронили в гробах. Встречены также погребения взрослых мужчин и женщин с детьми [Давыдова А. В., 1982. С. 132, 141].

Состав инвентаря в погребениях дэрестуйской группы различен и отражает половую, социальную, имущественную и, возможно, этническую дифференциацию общества. В мужских и женских погребениях представлены орудия труда, ножи, детали одежды и поясных наборов — пряжки, украшения, а в отдельных захоронениях — предметы конского снаряжения — удила, пряжки, бляшки, кольца от сбруи (Дэрестуйский култук). В мужских погребениях довольно часто встречается оружие — наконечники стрел, костяные накладные сложные луков. В мужских и женских погребениях обычно находятся глиняные сосуды и кости животных как остатки заупокойной пищи. Горшки и куски мяса всегда помещали в головную часть могилы, за пределами гроба, иногда отделяя ее деревянной перегородкой. Количество сосудов в могилах доходило до семи, но как правило, ставили один-два. В наиболее бедных погребениях сосудов не было. Количество мяса, которым снабжали покойника, зависело от его имущественного и социального положения. Обычно это один-два куска баранины (бок, курдюк или нога), но иногда мясная пища отсутствовала, или же, напротив, клали еще несколько кусков баранины и мясо коровы. В виде исключения встречаются кости свиньи или собаки, в нескольких случаях обнаружены кости рыб [Давыдова А. В., 1982. С. 136; 1985. С. 29]. Головы животных (баран) и рога козули клали только в наиболее богатые могилы, обычно поверх перекрытия гроба. По сравнению с могильниками суджинского типа для дэрестуйской группы характерны более скромные приношения мяса животных.

В могильниках дэрестуйской группы встречено большое количество изделий из бронзы — блях, застежек, пряжек, украшений и бус (табл. 113, 1,

3—6, 8, 10), что, по-видимому, в значительной мере объясняется меньшей ограбленностью грунтовых погребений, нежели курганов суджинской группы. Почти во всех погребениях представлены остатки поясов — пряжки, поясные кольца, бляхи. У мужчин к поясу подвешивали оружие — колчан со стрелами, нож, кинжал; у женщин — украшения — попарно кольца из кости, камня или литые из бронзы с ажурными прорезями (табл. 108, 67, 69, 70), когтевидные и коромысловидные подвески (табл. 108, 40, 41, 53, 54), а также мешочки типа кошелька, украшенные бусами и бисером. Пояс служил индикатором общественного и имущественного положения его владельца. По количеству пряжек, колец, блях и их ornamentации А. В. Давыдова [1982. С. 137—140; 1985. С. 30] выделяет на материале Иволгинского могильника пять категорий поясных наборов у мужчин и четыре категории — у женщин. В богатых погребениях находилось по два пояса, для нижней и верхней одежды, причем пояс иногда был украшен нашитыми раковинами каури или их имитацией, бусами и бисером. В наиболее богатых поясных наборах мужчин представлены бронзовые пряжки с рельефными изображениями голов животных, бляхи с деревянной основой и золотым покрытием на лицевой стороне (табл. 113, 3, 5, 6), а в женских захоронениях — бронзовые ажурные пластины-пряжки с изображением борьбы зверей (табл. 113, 1, 4, 8—10). Пояса украшали также бронзовыми литыми пуговицами, гладкими или орнаментированными (табл. 114, 10). Различия в составе поясных наборов коррелируются с различиями в других категориях ритуала — глубине могильных ям, наличии внутримогильного сооружения, количестве заупокойной пищи, составе оружия, т. е. с целым комплексом признаков, отражавших имущественное и социальное положение погребенного [Давыдова А. В., 1982. С. 142; 1985. С. 29—34]. Ввиду разграбленности большинства могил получить полное представление о составе предметов вооружения трудно. Оружие имелось в большинстве мужских могил, что отражает большую роль войны в обществе хунну, засвидетельствованную письменными источниками.

Украшения найдены преимущественно в женских погребениях. В мужских встречаются единичные бусы в разных местах верхней половины погребальной камеры, а в женских захоронениях, кроме изголовья и шеи, большое число бус находится в области пояса и ниже, как бы свисая с него, представляя расшитые бусами и бисером пояса, и, возможно, одежду. В области ушей у женщин и мужчин находились серьги и подвески из камня и раковин (Дэрестуйский могильник) [Коновалов П. Б., 1976б. С. 169. Табл. XIX]. Монеты «у-шу» встречены в Иволгинском и Дэрестуйском могильниках по одной-две в отдельных погребениях, в районе пояса или бедер погребенного. Они либо были подвешены к поясу, либо, возможно, находились в кожаных или матерчатых мешочках, также подвешивавшихся к поясу [Коновалов П. Б., 1976б. С. 204].

Для некрополей суджинской группы характерны подкурганые захоронения с преобладанием погребальных камер типа гроб в срубе.

Устройство погребальных сооружений хунну в виде двойной камеры описано в конце II в. до н. э.

Сыма Цянем следующим образом: «Для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро, одежды и шубы, но не насыпают могильных холмов» [Таскин В. С., 1968а. С. 40, 135, примеч. 106, 107]. Последнее замечание отражает, очевидно, малую величину намогильных сооружений большинства хуннских погребений, которые особенно незначительны на дэрестуйских некрополях, синхронных данному сообщению. Внешне рядовые курганы некрополей суджинской группы имеют вид невысокой насыпи из камней и земли в виде кольцевого вала (диаметр около 5—9 м) с пологой западиной в центре (глубина в среднем 0,3—0,5 м, нередко до 1 м), являющейся следом ограбления. Иногда на поверхности прослеживаются только западина и отдельные выступающие камни. Курганы стоят группами, некоторые насыпи касаются полками друг друга. В отдельных некрополях — Ильмовой пади, Цараме, Оргойтоне — среди рядовых выделяются крупные (высота до 1,5 м) курганы прямоугольной формы со сторонами (длина до 20—25 м), ориентированными по сторонам света, с впадинами в центре. У некоторых из них к южной стороне насыпи примыкает «хвост», или «шлейф» (длина 5—17 м, ширина в основании до 8—9 м), постепенно сходящий на нет, также сложенный из земли и камней и перекрывающий дромос, ведущий в могилу (табл. 110, 4). У самых крупных курганов по краям насыпи и «шлейфа» из земли выступают крупные камни, напоминающие фундаментальные кладки. Подобный же облик имеют хуннские могильники суджинского типа в Монголии (Ноин-Ула, Гол-мод, Бодончин-гол и др.). Представлены и группы рядовых могил, и отдельные небольшие могильники без больших курганов со «шлейфами». Расположенные возле большого кургана простые по конструкции, бедные погребения — это, вероятно, захоронения зависимых лиц, отражающие социальную стратификацию хуннского общества. Группы рядовых могил, содержащих захоронения мужчин и женщин разного возраста, принадлежали, возможно, в ряде случаев близким родственникам разных поколений [Миняев С. С., 1985. С. 25, 26].

Первоначальные формы наземных конструкций рядовых курганов хунну из-за разрушений трудно определить. По мнению П. Б. Коновалова [1976б. С. 152], они имели вид прямоугольных, квадратных или, реже, округлых с выраженной угловатостью каменных оград (табл. 110, 3, 5). Ю. Д. Талько-Грынцевич [1899. Табл. I, в] отметил наугольные выкладки у прямоугольных насыпей (табл. 110, 2), которые не прослежены другими исследователями. В могильниках Монголии представлены округлые и четырехугольные выкладки, имеющие большей частью по углам вертикально стоящие камни [Доржсүрэн Ц., 1961. С. 14].

Могильные ямы рядовых погребений прямоугольные (глубина 1,5—3,5 м, чаще 2—2,5 м) с отвесными стенками у неглубоких могил и боковыми уступами — при большой глубине ям, ориентированы по линии север — юг с отклонениями, чаще — на северо-восток. Размеры ямы соответствовали величине погребальной камеры, гроба или сруба, с запасом для обкладки их вертикально поставленными плитами.

На дно ямы ставили сруб из лиственничных полу-

бревен в два-три, редко — в четыре венца, гладко затасанных изнутри и горбылями наружу. На концах продольных бревен делали вырубь, в которые вставляли концы коротких бревен (размеры срубов 1,7—3,5 × 0,6—1,4 м). Сверху сруб перекрывали поперек досками или горбылями, обрезанными по ширине сруба. Иногда перекрытие было двойным, из продольно и поперечно уложенных плах. В могильнике Тэбш-уул в Монголии для перекрытия использовали части кузовов повозок [Цэвэндорж Д., 1985. С. 55, 82].

В сруб на две тонкие поперечные планки, ближе к южной торцовой стенке, ставили прямоугольный гроб, сделанный из досок, — по одной доске на боковые стенки и по две-три — на дно и крышку. Доски гроба соединялись шипами, вырезанными на торцах коротких стенок и вставленных в пазы продольных стенок. В некоторых погребениях Ильмовой пади под гробом прослежена подстилка из сосновых веток с шишками [Сосновский Г. П., 1946. С. 58; Коновалов П. Б., 1976б. С. 156]. Между северными стенками гроба и сруба оставался свободный отсек, куда ставили сосуды и клали ритуальную пищу — мясо, головы и ноги животных (табл. 111, 1, 3, 4).

Камера тина гроб в срубе была преобладающей, но не единственной конструкцией в погребениях некрополей суджинской группы. Некоторые захоронения (Черемуховая падь и др.) совершены в тонкостенных срубах без гробов, часть из которых имела внутри перегородку, отделявшую покойника от положенной в северную часть сруба ритуальную пищу, что напоминает отсек двойных камер. Погребение двух женщин в Черемуховой пади, напротив, совершено в деревянном гробу, разделенном продольной перегородкой [Коновалов П. Б., 1976б. С. 133. Рис. 99]. Изредка в могилах бывают погребения в каменных ящиках или деревянных колодах, обставленных камнями [Цэвэндорж Д., 1985. С. 77, 82].

В некоторых случаях (Ильмовая и Черемуховая пади) стенки гробов снаружи и внутри были обтянуты шелком и украшены прибитыми на равном расстоянии бронзовыми трех- и четырехлепестковыми розетками (табл. 108, 4, 5, 7) [Сосновский Г. П., 1946. С. 57, 58; Коновалов П. Б., 1976б. С. 157, 158]. Иногда гробы окрашены в красный цвет или покрыты чередующимися черными, красными, белыми и желтыми полосами (Дулагуул) [Волков В. В., 1976. С. 579, 580], иногда покрывали лаком (Ноин-Ула).

Покойника укладывали в гроб на спине вытянуто, головой на север или с отклонением в обе стороны, чаще на северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища или кисти уложены на бедра или таз. Как исключение, в Ильмовой пади и Идэрголе встречено положение погребенных головой на юг. Обычно в могилах находятся одиночные захоронения, и только в некоторых случаях вместе со взрослыми, чаще — с женщинами (один раз с мужчиной), захоронены дети [Коновалов П. Б., 1976б. С. 159]. В погребении 62 Черемуховой пади помещалось захоронение двух женщин с родственными чертами, по определению Н. Н. Мамоновой, возможно, сестер [Коновалов П. Б., 1976б. С. 133].

Покойника снабжали ритуальной пищей, сосудами, личными вещами, орудиями труда, украшениями.

В мужских погребениях находится оружие — остатки лука и наконечники стрел, детали конского снаряжения. Из орудий труда в мужских и женских могилах представлены ножи и шилья. Встречаются также костяные палочки для еды, положенные попарно. Очевидно, с культовой целью в некоторые погребения клали обломки металлических зеркал (табл. 108, 6, 8; Ильмовая падь — в четырех из 60, Черемуховая падь — в двух из 20). Фрагменты бронзовых зеркал обнаружены и в других могильниках [Руденко С. И., 1962б. С. 92. Рис. 65; Доржсурэн Ц., 1962. Рис. 7, 7; Цэвэндорж Д., 1985. Рис. 3, 17, 18].

Глиняная посуда и кости животных находятся обычно в отсеке между северными стенками сруба и гроба (табл. 111, 3, 4). В некоторых случаях для черепов, костей ног и хвостов жертвенных животных, символизировавших стадо, отправлявшееся с покойником, устроена специальная камера у северной стенки сруба (табл. 111, 4) или они уложены поверх сруба (табл. 111, 3). Количество жертвенных животных в некоторых могилах доходило до 19. В состав их входили лошадь, бык, коза, овца, кулан, олень, собака, но преобладали коза и овца, далее идет крупный рогатый скот и затем лошадь. Соотношение отдельных видов варьирует на разных памятниках: в Ильмовой пади — коза (39%), корова (29%), овца (10,9%), лошадь (4,7%), кулан (3,4%), собака (6,1%), дикие — косуля, олень, антилопа, птицы (6,1%). В Черемуховой пади найдены кости 21 козы и семи коров [Коновалов П. Б., 1976б. С. 209]. В кургане 23 Ноин-Улы встречены кости верблюда [Руденко С. И., 1962б. С. 197].

Своеобразный ритуал погребения прослежен в большом кургане со «шлейфом» Ильмовой пади (табл. 110, 4). Вскрытое в насыпи погребальное сооружение имело прямоугольную ограду (16 × 15,5 м, высота до 1 м), сложенную на древней поверхности из крупных гранитных плит. Эта ограда ограничивала котлован ямы, разделенный четырьмя поперечными и одной продольной перегородками из камней на 10 отсеков. Перегородки шли вглубь, до плах перекрытия сруба на дне ямы. Вероятно, они были сложены одновременно с насыпкой ямы, поскольку самостоятельно не смогли бы держаться из-за непрочности кладки без раствора. С юго-юго-западной стороны к ограде примыкала конусообразная пристройка (длина 14 м, ширина у основания 8 м), обрамлявшая ступенчатый дромос, который вел в могильную яму и был разделен пополам каменной продольной перегородкой, продолжавшейся в могильной яме. Вход из дромоса в смежные отсеки могильной ямы был перекрыт сверху донизу вертикальными плитами. Кроме того, небольшая короткая прямоугольная пристройка имелась у северо-северо-восточной стенки основной камеры. Все сооружение (включая дромос) имело длину 33 м и было ориентировано продольной осью по линии север—северо-восток — юг — юго-запад. Могильная яма глубиной 8,5 м сужалась ко дну крутыми уступами со всех сторон. На дне ямы находилась погребальная камера типа гроб в срубе, перекрытая двойным бревенчатым накатом, между бревнами которого были настланы ветки с шишками и хвоей. Они же были набросаны поверх наката спрессованным слоем толщиной 0,25—0,3 м. Внутри камеры и над ней были следы сильного огня,

от которого сильно пострадал сруб. Гроб украшали бронзовые четырехлепестковые розетки. Курган разграблен. Сохранились фрагменты тканей нескольких видов, обрывки лент из золотой фольги, бронзовый жезл и обломки нескольких сосудов, в самом крупном из которых было просо. В гробу был похоронен высокий мужчина крепкого телосложения, преклонного возраста, монголоид [Коновалов П. Б., 1976а. С. 247, 248].

Наиболее сложную конструкцию имели погребальные камеры курганов хуннской знати, исследованные в Ноин-Уле. Они состояли из наружного и внутреннего срубов, сложенных из тесанных изнутри бревен и перекрытых сверху такими же бревнами. Внутри меньшего сруба устанавливали сделанный из плах гроб, покрытый снаружи лаком и росписью. Предварительно пол погребальных камер, настланный из плах, покрывали коврами, а стены драпировали узорчатыми тканями. Стены срубов были ориентированы по сторонам света, длинными сторонами с севера на юг и установлены так, что южная стена внутреннего сруба примыкала к южной стене наружного, а в образовавшиеся между отдельными стенами срубов коридоры помещали инвентарь погребенного. Могильные ямы (глубина до 14—16 м) ко дну постепенно сужались уступами, а с южной стороны имели наклонный дромос. На поверхности над погребением сооружалась прямоугольная каменно-земляная насыпь, по размерам несколько превышавшая величину могильной ямы на уровне горизонта. Над дромосом возводилась насыпь из камней и земли, имеющая на поверхности вид «хвоста», или «шлейфа» [Руденко С. И., 1962б. С. 9—21]. По мнению А. Н. Бернштама [1937. С. 963], в кургане 6 Ноин-Улы был погребен хуннский шаньюй Учжунлю, умерший в 13 г. н. э.

Конструктивно погребальные камеры хуннской знати в виде гроба в двойном срубе мало отличались от погребальных камер типа гроб в срубе, характерных для основной массы рядовых захоронений суджинской группы.

Несмотря на некоторое своеобразие, могильники суджинской и дэрестуйской групп имеют общие черты: преобладание северной ориентировки погребенных, уложенных вытянуто на спине; единство приемов изготовления гробов и срубов; устройство в головной части отсека для помещения сосудов с пищей и кусков мяса; обкладка погребальных камер камнями; следы ритуала огня; большая близость погребального инвентаря. Это указывает на принадлежность основной массы оставившего их населения к этнической группе хунну, единой с хунну северной Монголии. Большое разнообразие погребального ритуала Иволгинского могильника связано, вероятно, с некоторой социальной и этнической неоднородностью населения Иволгинского городища как ремесленного центра, что является характерной особенностью ремесленно-торговых центров степей Центральной Азии на протяжении ряда исторических периодов. Такие особенности, как обкладка гробов каменными плитами и закладка ими могильной ямы, устройство намогильной каменной выкладки, отличают Дэрестуйский могильник от Иволгинского и других хуннских памятников Забайкалья. Как и отличия в отдельных деталях обряда других памят-

ников, это отражает этническую неоднородность объединения хунну [Миняев С. С., 1979а. С. 75].

ГЛИНЯНАЯ, ДЕРЕВЯННАЯ И МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА. Керамика хунну служит их этническим признаком. Она составляет основную массу находок на поселениях и часто встречается в погребениях. По технике производства сосуды делятся на две группы: изготовленные ленточной техникой на ручном гончарном круге и лепные. Количественно преобладает станковая посуда, сделанная из хорошо отмученной глины серого, реже красноватого цвета с примесью песка, дресвы, слюды и известковых включений. Поверхность ее гладко заглажена или подлощена. Большинство сосудов орнаментировано. Характерен узор из волнистой врезной линии, опоясывающей верхнюю часть тулова сосуда. Часто она заключена в поясok между двумя прочерченными параллельными линиями (табл. 112, 8, 19, 30). Подобный же узор, преимущественно на крупных сосудах, выполнен прямыми, волнистыми, прерывисто-волнистыми налепными валиками (табл. 112, 11, 28). Многие сосуды покрывает пролощенный орнамент. Он занимает почти все тулово сосуда и образован преимущественно вертикальными, слегка наклонными и иногда пересекающимися полосами (табл. 112, 3, 5, 19, 24, 26—30). Отдельные сосуды украшены комбинациями различных орнаментальных элементов, образующих сложный узор, покрывающий большую часть поверхности сосудов (табл. 112, 8, 12, 14, 20, 21). Часть станковых сосудов хунну по форме имеет аналогии в ханьской керамике. Волнистая орнаментация в Забайкалье представлена ранее на керамике культуры плиточных могил [Давыдова А. В., 1985. С. 43; Davydova A. V., 1968. P. 228, 229]. Однако сочетание полосчатого лощения и волнистого орнамента свойственно только керамике хунну и не имеет параллелей в других культурах.

А. В. Давыдова [1985. С. 38—40; Davydova A. V., 1968. Fig. 6] выделяет по форме четыре основные группы сосудов. Это большие (высота до 1,1 м) вазообразные кувшины-пифосы (табл. 112, 1, 11, 19, 27, 28), часть которых имеет в придонной части сквозное отверстие для вентиляции. Они предназначались для хранения зерна и других продуктов. Узкогорлые кувшины средней величины с раздутым туловом (табл. 112, 2, 8, 12, 20, 21), иногда богато орнаментированные, служили, по-видимому, для хранения и транспортировки жидких продуктов. Наиболее распространенные горшки со слегка выпуклыми плечиками и отогнутым венчиком (табл. 112, 5, 6, 14) использовались для приготовления пищи. Некоторые из них снабжены налепными ручками арочной формы. Корчаги и мисковидные сосуды (табл. 112, 25, 26, 30), разделяющиеся на варианты по пропорциям тулова, служили кухонной столовой посудой. Некоторые горшки и миски имеют отверстия в дне (табл. 112, 9, 22, 23), они употреблялись для приготовления творога. К редким типам относятся сосуды яйцевидной формы (табл. 112, 15, 16), сосуды с петлевидными ручками, ручками-уступами и носиком-сливом (табл. 112, 17, 18) и низкие «миски». Лепная керамика представлена преимущественно кухонной посудой в виде горшков и корчаг [Давыдова А. В., 1956. Рис. 16, 6]. Отдельные со-

суды имели специально изготовленные глиняные крышки (табл. 112, 7).

Помимо глиняной, пользовались деревянной и бронзовой посудой. Деревянные сосуды почти не сохранились. В богатых погребениях суджинского типа (Ильмовая и Черемуховая пади, Ноин-Ула) найдены чашечки овальной формы, с горизонтальными ручками и их фрагменты, покрытые лаком. Подобной формы каменная чашечка найдена на Иволгинском городище (табл. 112, 10). В погребениях Черемуховой пади и Ноин-Улы встречены деревянные половники (табл. 107, 9) [Коновалов П. Б., 1976б. Табл. XVIII, 13; Руденко С. И., 1962б. Табл. VII, 4].

Бронзовые сосуды представлены котлами и мисками. Миски (табл. 107, 17, 25) с округлым дном и на поддоне найдены на Иволгинском городище. Котлы встречены в некоторых богатых погребениях (Иволгинский могильник, Ноин-Ула, Эрланьхугоу) и как случайные находки, а их обломки обнаружены на поселениях [Давыдова А. В., 1985. Рис. VI, 1; Davydova A. V., 1968. Fig. 17, 1, 4—7; Руденко С. И., 1962б. Рис. 29; Васильев К. В., 1959. С. 169]. В памятниках конца III—I в. до н. э. встречены котлы на прорезном коническом поддоне с округлыми ручками (табл. 107, 32, 50). На рубеже нашей эры появляются котлы с арочным узором на тулове и прямоугольными ручками (табл. 107, 10) [Руденко С. И., 1962б. Рис. 29, а, б]. В быту употреблялись также узкогорлые сосуды и светильники, найденные в Ноин-Уле [Руденко С. И., 1962б. Рис. 26, б, в. Табл. VII, 1].

ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ. Предметы быта, орудия труда, оружие, конское снаряжение, утварь и украшения хунну изготовлены из железа, бронзы, кости, камня, дерева, кожи, шерсти и др. Наиболее полно их характеризует материал поселений.

Орудия труда (табл. 107). Орудия труда хунну представлены чугунными наральниками, наконечниками лопат и мотыг, серпами, топорами, теслами, молотками, оселками, долотом, напильником, ножками, шильями, иглами, скребками для обработки шкур из лопаток овцы и других костей животных, пряслицами, гарпунами, крючками для ловли рыбы, грузилами от сетей, зернотерками, костяными упорами от приборов для получения огня, гадательными костями, отдельными предметами из кости, дерева и металла неясного назначения со следами работы. Этот перечень указывает на разнообразие хозяйственной деятельности хунну. Многообразны также детали одежды, поясных наборов и украшений хунну (табл. 106; 108; 113; 114).

Вооружение, конское снаряжение. Характеризуя оружие и военную тактику хунну, летописи сообщают: «Из оружия дальнего действия (они) имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, — мечи и короткие копыя с железной рукоятью. Если сражение складывается благоприятно (для них), — наступают, а если неблагоприятно, — отступают и не стыдятся бегства. Там, где видят для себя выгоду, не знают ни правил приличия, ни правил поведения...» «У сюнну быстрые и смелые воины, которые появляются подобно вихрю и исчезают подобно молнии; они пасут скот, что является их занятием (и попутно) охотятся, стреляя из деревян-

ных и роговых луков. Гонясь за дикими животными и отыскивая (хорошую) траву, они не имеют постоянного местожительства, а потому их трудно прибрать к рукам и обуздать» [Таскин В. С., 1968а. С. 34, 75]. На поселениях и в погребениях хунну предметы вооружения представлены наконечниками стрел, костяными накладками луков, кольцами для натягивания тетивы (табл. 105, 8), железными и костяными пластинами от панцирей (табл. 105, 43; 106, 77), поножами. В курганах Ноин-Улы найдены, кроме того, бронзовые палицы с железным стержнем внутри [Руденко С. И., 1962б. С. 63. Табл. XXX, 1, 2], а на Иволгинском городище — камни для метания. Копья встречены в отдельных погребениях Монголии (Тэбш-уул; Чандмань-уул). Они имели форму массивного заостренного конуса с округлой втулкой [Цэвэндорж Д., 1985. С. 79. Рис. 26, 5; 30, 6]. Мечи на памятниках хунну не обнаружены. Очевидно, они представляли большую ценность, или их не клали в могилы по соображениям ритуала. Лук хунну был сложным, длиной при спущенной тетиве 1,4—1,5 м. На Иволгинском городище и в могильнике обнаружены только концевые накладки луков. Луки, происходящие из могильников суджинского типа, были снабжены костяными накладками, по две на концах (табл. 105, 37) и три — в середине (табл. 105, 35, 36). В наиболее позднем некрополе Черемуховой пади обнаружены луки с 10 накладками, располагавшимися попарно, — четыре концевые, четыре промежуточные и две центральные [Коновалов П. Б., 1976б. С. 178, 179]. Накладки крупные, концевые, достигают в длину 40 см, в сечении полулунные, наружная поверхность их гладкая, нижняя — с насечками для прочного скрепления с деревянной основой лука. Луки гуннского типа в конце III—I в. до н. э. распространяются у населения лесостепи Западной Сибири [Могильников В. А., 1974. С. 81]. Хуннские традиции в изготовлении сложного лука фиксируются у племен Алтая I—V вв. [Гаврилова А. А., 1965. С. 59; Мамадаков Ю. Т., 1985; Рис. 6], у уйгуров VIII—IX вв. [Кызласов Л. Р., 1969а. Рис. 21; 24]. Корни распространения сложного лука в Прибайкалье уходят в эпоху неолита [Окладников А. П., 1950а. С. 219—229].

Наконечники стрел хунну изготовляли из железа, бронзы и кости. Бронзовые наконечники стрел трехгранные черешковые (табл. 105, 66—70), трехлопастные с кольцеобразной втулкой (табл. 105, 71) и черешковые шипастые (табл. 105, 48). Один наконечник двулопастный втульчатый (табл. 105, 72). Два бронзовых наконечника снабжены железными черешками (табл. 105, 66, 68). Подобные наконечники стрел найдены в Маньчжурии около Порт-Артура [Давыдова А. В., 1985. С. 50]. Трехлопастные наконечники стрел имеют в допастях круглые отверстия для свиста (табл. 105, 71).

Железные наконечники стрел черешковые трехлопастные и плоские. В конце III—I в. до н. э. представлены трехлопастные наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под острым и почти прямым углом к черешку (табл. 105, 42), трехлопастные наконечники с ромбической головкой (табл. 105, 41), а также плоские наконечники листовидной и ромбической форм (табл. 105, 47, 59).

С I в. до н. э. количественно преобладают крупные трехлопастные ярусные наконечники стрел, часть которых имеет отверстия в лопастях (табл. 105, 2—5). Наряду с ними имеются трехлопастные наконечники с ромбической головкой (табл. 105, 1, 13), а также наконечники с лопастями, срезанными под тупым углом к черешку (табл. 105, 31). Плоские наконечники стрел редки. Они, в отличие от средневековых, мелкие, имеют перо листовидно-ромбической формы (табл. 105, 14—16). Найден также наконечник с округлой боевой частью типа срезня (табл. 105, 17). Столь раннее появление срезней обусловлено борьбой с конницей: срезни ранили лошадей.

Костяные наконечники стрел в погребениях хунну встречаются редко, но они в большом числе найдены на Иволгинском городище, что говорит об их широком применении. Наконечники черешковые и втульчатые. Последние (табл. 105, 60—62) обнаружены в ограниченном количестве на Иволгинском городище, имеют пирамидальную, ромбическую в сечении головку со скрытой или выступающей втулкой [Davudova A. V., 1968. Fig. 12, 10—15]. По форме они подражают бронзовым втульчатым наконечникам. Черешковые наконечники с листовидной, ромбической, треугольной и сводчатой головкой в большинстве имеют расщепленный насад для соединения с древком (табл. 105, 32, 50—53, 63). В Забайкалье подобные наконечники известны с энеолита, представляют древнюю местную традицию [Окладников А. П., 1955б. С. 48, 65. Рис. 19]. Они встречены также в памятниках культуры плиточных могил [Окладников А. П., 1950б. С. 69]. Костяные наконечники стрел с простым клиновидным черешком (табл. 105, 33, 49, 64) малочисленны. В Забайкалье в предшествующее время они известны в материалах культуры плиточных могил [Диков Н. Н., 1958. Табл. X, 1—12], а в других синхронных культурах Сибири имеют широкое распространение. В Суджинском могильнике встречен наконечник с прорезью для древка (табл. 106, 34), а в Ильмовой пади и на Иволгинском городище — наконечники с тупыми концами типа томара для охоты на пушных зверей (табл. 105, 18).

Железные наконечники стрел были снабжены бочковидными или биконическими костяными свистунками, насаживавшимися на основание черешка и имевшими три круглых отверстия (табл. 105, 6, 7, 58). На Иволгинском городище найдены заготовки для таких свистунков (табл. 105, 65). Согласно летописи, свистунки были изобретены шаньюем Маодунем в конце III в. до н. э. [Бичурин Н. Я., 1950а. С. 46; Таскин В. С., 1968а. С. 38]. В более ранних памятниках они неизвестны.

Найденная в ногах погребения 46 Ильмовой пади железная пластина (длина 28 см, ширина 3—6,5 см, толщина 0,3 см; табл. 105, 21), по мнению П. Б. Коновалова [1976б. С. 179], служила поножами. Подобное назначение можно предполагать и для более узких железных пластин с заклепами (табл. 105, 19, 20). Не исключено использование этих пластин в качестве наручий по аналогии с бронзовыми пластинами из Ноин-Улы [Руденко С. И., 1962б. С. 63, 64. Рис. 53. Табл. XXX, 4; XXXI].

Предметы конского снаряжения представлены железными двусоставными однокольчатыми удилами с

железными и костяными двудырчатыми псалиями (табл. 105, 12, 26, 75), бронзовыми и железными колокольчиками, кольцами от перекрестий ремней, костяными, железными и бронзовыми пряжками, петлями, бляшками, ворворками (табл. 106, 1—5, 29). По подсчетам П. Б. Коновалова [1976б. С. 180], в хуннских погребениях Забайкалья найдены остатки 21 узды. Костяные псалии обнаружены и на Иволгинском городище (табл. 105, 74) [Davudova A. V., 1968. Fig. 11, 11, 12; 14, 48; 16, 11]. В Дэрестуйском могильнике встречены удила с пропеллеровидными железными псалиями (табл. 105, 75), того же типа, но несколько иной формы найдены в Ноин-Уле [Доржсурэн Ц., 1962. Рис. 7, 3]. Костяные псалии с Иволгинского городища (табл. 105, 74) имеют слабоизогнутую S-видную форму, напоминающая S-видные псалии скифского времени [Руденко С. И., 1953. Табл. XXXI, 1; Маннай-оол М. Х., 1970. Рис. 17, 1, 2; 18, 1]. Большинство псалиев прямые с заостренными или уплощенными концами и с утолщениями на месте отверстий (табл. 105, 12, 24). Для крепления ремней повода, вероятно, служили железные продолговатые и восьмерковидные петельки (табл. 105, 22, 23, 25, 27). Удила с подобными псалиями и петлями встречены в курганах Ноин-Улы [Доржсурэн Ц., 1962. Рис. 7, 1, 3]. Крупные костяные пряжки с железными шпеньками (табл. 105, 40; 106, 36—38), возможно, использовались как подпружные, а мелкие блоковидные (табл. 105, 28, 30, 39, 44), несколько напоминающие пряжки скифо-сарматского времени [Руденко С. И., 1960. Табл. XXII, 11; XXXIX, 1—3, 4], могли служить для соединения других ремней и в качестве блока чумбура. Для фиксации узлов и мелких перекрещивающихся ремней применяли бронзовые и костяные бляшки и ворворки (табл. 105, 9—11, 45, 46, 56), а распределителями крупных ремней типа нагрудных и подбрюшного служили бронзовые и железные кольца круглой и треугольной формы (табл. 105, 29, 57). Ремни узды украшали бронзовыми круглыми умбовидными бляшками и колокольчиками (табл. 105, 9, 10, 38, 45, 46, 55), а также нащечными бляхами (табл. 105, 54). Бляшки узды из Дэрестуйского могильника имели петельки для подвешивания колокольчиков (табл. 105, 56). К деталям узды, вероятно, относятся костяные проныжки с косо срезанными краями (табл. 106, 73, 80).

Из-за ограбленности хуннских погребений часто трудно установить, служили ли пряжки и кольца деталями сбруи или являлись принадлежностями пояса.

Детали устройства седла хунну точно не установлены. С. И. Руденко считал, что седло у них было мягкого типа без стремян. Найденные в кургане 6 Ноин-Улы деревянные луки вместе с кожаным чепраком и войлочным потником он рассматривал как остатки вьючного седла [Руденко С. И., 1962б. С. 49—50. Табл. XXIV, 4]. На основании той же находки И. Л. Кызласов [1973. С. 26] считает, что седла хунну имели жесткий каркас. А. К. Амброс [1973. С. 96], ссылаясь на луки из Ноин-Улы, не исключает возможности появления в начале I тысячелетия н. э. седел с жестким каркасом в Центральной Азии и при этом приводит мнение С. И. Вайнштейна, рассматривающего седло из Ноин-Улы как верховое. Наличие деревянных луков у вьючного седла склоняет нас к мнению, что вер-

ховые седла хунну также имели жесткий каркас. Видимо, такие седла начали распространяться в период господства хунну в Центральной Азии.

Помимо верхового коня, бывшего основным средством передвижения воинов и пастухов, хунну пользовались легкими двухколесными повозками и тяжелыми, вероятно четырехколесными, телегами. В курганах Ноин-Улы сохранились бронзовые наосьники и части деревянных ободов колес телеги [Руденко С. И., 1962б. С. 51. Рис. 45. Табл. XXIV, 5, 6].

Предметы быта, детали одежды и украшения. Огонь хунну добывали с помощью прибора, состоявшего из деревянных дощечки и палочки-сверла, лучка для вращения сверла, изготовленного из дерева или ребра крупного животного, и костяного упора для сверла. Конструкция прибора реконструирована по находкам в Ноин-Уле [Руденко С. И., 1962б. С. 52, 53. Табл. XXV]. От приборов сохраняются обычно упоры, сделанные чаще из астрагалов крупных животных (табл. 107, 6) или рога. Приборами подобной конструкции народы Южной Сибири продолжали пользоваться до VIII в. н. э. [Вайнштейн С. И., 1966а. Табл. V, 13], когда они были вытеснены огнем с железным кресалом.

В погребениях хунну Забайкалья от одежды сохранились остатки кожи, местных шерстяных и импортных шелковых и хлопчатобумажных тканей [Талько-Грынцевич Ю. Д., 1899. С. 13, 14; Сосновский Г. П., 1935. С. 171; 1946. С. 59—62; Коновалов П. Б., 1976а. С. 248]. Лучше всего сохранились образцы одежды в курганах Ноин-Улы. Хунну носили распашные кафтаны и широкие шаровары, сшитые из шерстяных и шелковых тканей, обувь типа мягких сапог из войлока и кожи. Головные уборы были двух типов — островерхие колпаки и шапки вроде кокошника с прикрытием для ушей. Имелись также специально сшитые головные повязки. Одежду украшали вышивкой и аппликациями из кожи и меха [Руденко С. И., 1962б. С. 39—47. Табл. X—XVII]. Распашную одежду подпоясывали плетеными шерстяными и кожаными поясами с бронзовыми пряжками или застегивали пряжками и ложечковидными застежками (табл. 106, 72, 81) [Руденко С. И., 1962б. Табл. XVI, 2, 3].

Украшениями служили разнообразные по форме бусы из сердолика, халцедона, яшмы, малахита, флюорита, серпентина, агата, глинистого сланца и известняка, мраморовидного известняка, кости и стекла (табл. 108). Стекланные бусы были импортными, а многие бусы из камня и кости сделаны хуннскими мастерами из местного сырья [Давыдова А. В., 1985. С. 54—57; Davydova A. V., 1968. P. 236]. Специфичны для хунну кольца из глинистого известняка и кости или отлитые из бронзы (табл. 108, 67, 69, 70), когтевидные и коромыслообразные подвески из халцедона (табл. 108, 40, 41, 53, 54). В качестве украшений использовались также бронзовые и золотые художественно оформленные бляшки и накладки (табл. 108, 2, 3), ажурные пряжки (табл. 106, 56, 69; 113, 1, 4, 8, 11), раковины каури и их имитации из раковин и бронзы (табл. 108, 48, 61), мелкие подвески различных форм (табл. 108, 32—34).

Предметы туалета представлены немногочисленными булавками из бронзы и кости (табл. 108, 45—

47) и импортными китайскими зеркалами (табл. 108, 6, 8).

В быту хунну пользовались войлочными коврами местного производства, художественно украшенными аппликациями и вышивкой с изображениями в зверином стиле и орнаментальными узорами в виде спиралей, ромбов, крестов, сечкообразных фигур, полосчатого рисунка типа «шкуры тигра» и др. (табл. 114, 20), а знать — кроме того, иноземными коврами и тканями [Руденко С. И., 1962б. Табл. XXXIX—XLV]. Ковры обоих видов встречаются в курганах Ноин-Улы.

Вероятно, для игры хунну использовали овечьи или козьи астрагалы, найденные в различном количестве в детских и взрослых погребениях Ильмовой пади [Коновалов П. Б., 1976б. С. 202, 203]. На астрагалах, обнаруженных на Иволгинском городище, прочерчены различные знаки и рисунки, семантика которых неясна [Davydova A. V., 1968. Fig. 15].

Назначение ряда предметов из инвентаря хунну трудно определить. Так, цилиндрический футляр из трубчатой кости с костяной крышечкой (табл. 107, 7), возможно, предназначался для хранения лекарств или косметических средств. Не исключено, что некоторые округлые железные накладки с квадратными отверстиями (табл. 106, 32—34) и круглые железные подвески (табл. 106, 35, 47), судя по остаткам ткани на оборотных сторонах, связаны с одеждой. Но конкретно функция их не определена. Неясно назначение орнаментированного цилиндра с сквозными сверлинами (табл. 106, 40), а также некоторых других предметов [Коновалов П. Б., 1976б. С. 205, 206; Davydova A. V., 1968. Fig. 14; 16, 6, 7, 9, 10]. Не имеют аналогий в других культурах железные пластчатые наконечники ремней с округлым и прямоугольным концами и прорезью для крепления ремня (табл. 106, 8).

В погребениях суджинского типа встречаются костяные палочки для принятия пищи, ложечки неопределенного назначения, палочки с концом в виде миниатюрной трубки (табл. 107, 11). Часть ложечек, возможно, служила для еды или для приема лекарств [Талько-Грынцевич Ю. Д., 1899. С. 11; Руденко С. И., 1962б. С. 36. Табл. VIII, 1, 8; Коновалов П. Б., 1976б. С. 199. Табл. XVII].

ИСКУССТВО. Предметы изобразительного искусства хунну носили прикладной характер и были выполнены в бронзе, кости, дереве, войлоке и камне. Искусство хунну сочетало черты самобытности с особенностями, унаследованными от других народов, главным образом от населения Южной Сибири и Алтая скифо-сарматского времени. С ними искусство хунну сближает преобладание изображений животных, среди которых господствуют представители местной фауны — горный баран, козел, лось, олень, волк, медведь, кошачьи хищники, хищники неопределенного вида и ушастый грифон. Значительное место занимают изображения домашних животных — лошади, быка, яка (табл. 113, 9; 114, 3, 4, 9, 11, 14). Вещи украшались также стилизованными орнаментальными композициями в виде решеток, меандров, спиралей, завитков, змеевидных и других фигур (табл. 113, 3, 11; 114, 2).

В искусстве хунну восприняли и продолжали древние традиции. Так, помимо литья художественных

изделий из бронзы, практиковалось вырезание изображений на деревянных бляхах и покрытие их тисненым золотым листком (табл. 113, 5, 6), что было характерно для изображений Алтая пазырыкского времени [Руденко С. И., 1960. С. 245]. Сцены нападения ушастого грифона на лося, горного козла или барана (табл. 113, 5, 6, 8, 10; 114, 20) являются дальнейшим развитием композиции, изображающей нападение грифона на копытных. Украшение бляшек из дерева вставками из камня и накладками из рога и золотых листков (табл. 113, 3) предвосхищает технику эмалевых вставок. Своеобразны изображения фигурок лошадей и голов быка на пряжках и бляшках (табл. 114, 3, 4, 9, 11, 14), рогатого крылатого волка на костяном цилиндре (табл. 113, 7), сцены борьбы из-за добычи — нападение грифа на тигра, терзающего козла (табл. 113, 8), композиции в виде двух дерущихся лошадей на бронзовых бляхах (табл. 113, 9), а также — сцены единоборства яка с фантастическим рогатым львом на коврах из Ноин-Улы [Руденко С. И., 1962б. Табл. XLIII—XLV]. Характерно для искусства хунну и оформление изображений на бляхах кантом в виде следующих друг за другом листьев (табл. 113, 9, 10) и передача в форме листьев копыт и окончаний ног животных (табл. 113, 5, 6, 10). Стилистический анализ хуннских художественных бронз из Ордоса, многие сюжеты которых аналогичны забайкальским, проведен С. И. Руденко и другими исследователями [Руденко С. И., 1962б. С. 75—82; Andersson J. G., 1932; Salmony A., 1933]. М. П. Грязнов [1961. С. 16], анализируя семантику изображений на отдельных поясных пластинах хуннской эпохи, считает, что здесь отражены сюжеты и образы героических мифов, а сцену схватки двух лошадей (табл. 113, 9) интерпретирует как борьбу коней богатырей, сюжет которой сохранился в алтайском эпосе.

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

Разнообразие природно-климатических условий на обширной территории расселения хунну позволяет предполагать, что их общество состояло из кочевой части — в полупустынных районах на юге Монголии, полукочевников — в северной Монголии и Забайкалье, а также оседлого населения, проживавшего в ремесленно-земледельческих поселках. Этим обстоятельством можно объяснить появление крупных могильников хунну на севере (Ильмовая и Черемуховая пади, Ноин-Ула, Хуни-гол, Идэргол, Батценгель-сомон, Бодончин-гол), связанное с более или менее продолжительным проживанием населения на определенных местах, и отсутствие крупных некрополей на юге Монголии, где хуннских памятников известно мало и представлены они преимущественно единичными курганами, оставленными кочевниками.

Основу хозяйства хунну составляло кочевое и полукочевое скотоводство [Таскин В. С., 1968б] при значительном распространении земледелия и ремесла. Летописи сообщают, что сюнну «вслед за пасущимся скотом кочевали с места на место. Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец, а из редкого скота — верблюдов, ослов, мулов, катиров, тоту и тани (лошаков, мелких диких лошадей, куланов). В поисках воды и травы (они) переходят с места на место, и хотя

у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли» [Таскин В. С., 1968а. С. 34, 117, примеч. 1].

Противоречивые свидетельства письменных источников, повествующих то о земледелии у хунну, то о его отсутствии, по-видимому, отчасти можно объяснить различиями хозяйственной специфики отдельных районов. Так, в ЦХШ под 89 г. до н. э. сообщается, что, хотя на севере рано наступают морозы, тем не менее и там сеяли различные виды проса. Говорится также, что в этот год в земле хунну «начался снегопад, длившийся несколько месяцев подряд, скот падал, среди населения начались болезни, хлеба не вызрели» [Таскин В. С., 1973. С. 22, 137, примеч. 19]. Последнее свидетельство указывает, что хлеб в питании хунну играл определенную роль наряду с продуктами животноводства, о чем также повествуют летописи. «По обычаям сюнну народ ест мясо домашнего скота, пьет его молоко, одевается в его кожи; скот же питается травой и пьет воду, переходя в зависимости от сезона с места на место» [Таскин В. С., 1968а. С. 46]. В этих сведениях содержится указание на сезонные перекочевки. О полукочевом характере скотоводства хунну Забайкалья говорит и большой удельный вес в стаде крупного рогатого скота, особи которого в погребениях могильников Ильмовой и Черемуховой падей составляют около 33% домашних животных. Очевидно, не случайно одним из излюбленных сюжетов прикладного искусства хунну Забайкалья, северной Монголии и Ордоса было изображение быка или яка (табл. 114, 3, 4, 11) [Руденко С. И., 1962б. Табл. XXXVI, 3; XXXVII, 3]. Однако полное представление о составе стада у полукочевых хунну получить трудно. Судя по остаткам костей жертвенных животных в погребениях, хунну разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, верблюдов, яков. По числу особей на первом месте стоял мелкий рогатый скот — овцы и козы, кости которых составляли около 60% (по материалам Ильмовой и Черемуховой падей). Примечателен большой удельный вес козы. На втором месте — крупный рогатый скот (около 33%), на третьем — лошади (около 5%). Лошадь была важнейшим животным, использовавшимся скотоводами в повседневной жизни как транспортное средство, при пастбище скота, на войне и облавной охоте. К тому же, она обладает наибольшей способностью к тебевке.

Данные о количестве голов скота, приходящихся на душу населения у хунну, вычислены японским ученым Эгами Намио, исходя из соотношения между количеством пленных и количеством голов скота, захваченных у сюнну ханьскими военачальниками. В годы благополучия и процветания хунну на одного человека приходилось 19 голов скота, а в годы неблагоприятные, вызывающие падеж животных, обеспеченность сокращалась до четырех голов. Примечательно, что по материалам И. Майского [1921. С. 134] в 1918 г. в Монголии на душу населения приходилось 17,3 голов всех видов домашних животных, а по переписи периода антияпонской войны в Уланцабском сомоне — 14,65, по шести хошунам Чахара — 19,6 голов скота [Egami Namio, 1963. P. 353,

354; Таскин В. С., 1973. С. 138, 139]. В свете этих показателей понятны обильные жертвоприношения животных, достигавшие 19 голов на погребенного, в курганах хунну суджинского типа. Они как бы символизировали стадо, приходящееся на душу покойного и отправляющееся с ним в потусторонний мир.

Несколько иной состав стада был у жителей оседлых поселений. На Иволгинском городище кости домашних животных составляют 92,5% остеологических остатков, при этом доля особой овцы — 22%, козы — 4%, крупного рогатого скота — 17%, лошади — 12%, свиньи — 15%, верблюдов, яков — 1%, собаки — 29% [Давыдова А. В., 1968. Р. 239; Давыдова А. В., 1985. С. 71]. Высокий удельный вес свиньи говорит об оседлости и различии в составе видов животных, разводимых жителями оседлых поселков и полукочевниками. Обеспеченность поголовьем скота у оседлых жителей поселений была ниже, чем у основной массы полукочевых населения, с чем, очевидно, связано небольшое количество остатков мясной пищи в могильниках дэрестуйского типа. По облику крупный рогатый скот хунну был близок современному монгольскому, хорошо приспособленному к зимовкам при скудном кормлении на сухих пастбищах. Лошади — среднего роста, с короткими конечностями, густой шерстью — по конституции были близки бурятской и северной якутской лошадям (Гарутт В. Е., Юрьев К. Б., 1959. С. 81, 82; Давыдова А. В., 1968. Р. 239]. Видимо, были также лошади улучшенных пород, «тысячелийные» армаки, подобные лошадям из курганов Пазырыка [Витт В. О., 1952. С. 177—180]. Такие кони изображены на шерстяной ткани из кургана 6 Ноин-Улы [Руденко С. И., 1962б. Табл. LXIII]. Разводили также кур, кости которых найдены на Иволгинском городище [Давыдова А. В., 1959. С. 75]. Собака — спутник скотовода и охотника — на Иволгинском городище представлена тремя породами: лайкой, крупной волкоподобной собакой и догом [Давыдова А. В., 1985. С. 71]. Кости собак встречены в погребениях Ильмовой пади. Они имели довольно короткую морду и были близки современным монгольским собакам [Руденко С. И., 1962б. С. 25].

Продукты земледелия и ремесла, необходимые кочевникам и полукочевникам, поставляли жители оседлых поселений. Земледелие у хунну играло второстепенную, но весьма существенную роль. Помимо известных летописей, о земледелии у хунну свидетельствуют находки орудий обработки земли, сбора и переработки урожая — своеобразных наральников, наконечников лопат, мотыг, серпов (табл. 107, 22, 29, 31, 41, 42, 49), зернотерок, а также зерна на поселениях и в погребениях.

Пахотное орудие хунну было типа однорукоятного прямогрязильного рала с полозом. Такие рала были распространены от Средней Азии до Тихого океана [Краснов Ю. А., 1986. С. 46, 48]. В Забайкалье найдено 34 наральника времени хунну, из них два — на Иволгинском городище и 26 — на поселении у с. Дурены [Давыдова А. В., 1985. С. 69]. Отлиты они из чугуна местными мастерами. На территории Китая наральники такого типа неизвестны. В Забайкалье, у пос. Солдатовский найдена глиня-

ная форма для отливки именно таких наральников [Давыдова А. В., Шилов В. П., 1953. С. 197, 198]. Судя по небольшим размерам наральников, земля вспахивалась на глубину 7—8 см. Сеяли просо, ячмень и пшеницу. Зерна проса найдены в погребениях Ильмовой и Черемуховой падей, Ноин-Улы, а также на Иволгинском городище [Сосновский Г. П., 1946. С. 64; Давыдова А. В., Шилов В. П., 1953. С. 195; Руденко С. И., 1962б. С. 28; Коновалов П. Б., 1976б. С. 210]. На Иволгинском городище обнаружены также зерна пленчатого и голозерного многорядного ячменя (*Hordeum vulgare L.*), карликовой и мягкой пшеницы (*Triticum compactum*; *Triticum aestivum*) [Давыдова А. В., 1960. С. 152; 1985. С. 70; Давыдова А. В., 1968. Р. 239]. Уборка урожая производилась железными серпами. Зерно размалывали на каменных зернотерках удлинненной и округлой форм [Давыдова А. В., 1985. Рис. VIII, 9]. Хранили его в ямах грушевидной формы [Давыдова А. В., Шилов В. П., 1953. Рис. 5] и в больших глиняных сосудах, иногда с отверстием у дна для вентиляции (табл. 112, 1, 28), а также, по сообщениям письменных источников, в специально построенных башнях [Таскин В. С., 1973. С. 24]. Летописные известия не содержат сведений о том, кто возделывал поля у хунну. По всей вероятности, занималась этим оседлая часть населения. По сравнению с основной массой скотоводов — полукочевников и кочевников — она была, по-видимому, относительно немногочисленной.

Возможно, к периоду хунну относится часть древних оросительных каналов Забайкалья. В Иволгинском оросительном канале найдена бронзовая бляшка с изображением кошачьего хищника, относящаяся к концу I тысячелетия до н. э. и, вероятно, датирующая этот канал [Давыдова А. В., Шилов В. П., 1953. С. 199. Рис. 7].

Подсобными занятиями хунну были охота и рыболовство. Летописи сообщают: «По существующим среди них обычаям в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» [Таскин В. С., 1968а. С. 34]. На поселениях и в погребениях обнаружены кости оленя, косули, кулана, кабана, степной лисицы. Охотились и на других животных, в частности лося, зайца. На Иволгинском городище найдена пластина с изображением головы самки лося [Давыдова А. В., Миняев С. С., 1975. С. 199]. Лось, терзаемый грифоном, изображен на ковре из Ноин-Улы (табл. 114, 20) [Руденко С. И., 1962б. Табл. XLV]. На Иволгинском городище кости диких животных составляли 7,5% общего количества фаунистических остатков [Давыдова А. В., 1985. С. 74; Давыдова А. В., 1968. Р. 239]. Орудием охоты служил лук со стрелами. Была распространена также коллективная, облавная, охота, практиковавшаяся, в частности, знатью [Таскин В. С., 1968а. С. 38; 1973. С. 25, 30]. О рыболовстве свидетельствуют находки костей рыб, в том числе пластин осетровых, на поселениях и в отдельных погребениях хунну [Давыдова А. В., 1959. С. 75; 1982. С. 136; 1985. С. 73, 74]. Орудиями рыболовства служили костяные гарпуны, железные крючки (табл. 107, 12, 18, 19)

и сети, от которых сохранились глиняные грузила [Давыдова А. В., 1985. Рис. VIII, 12]. В целом рыболовство не играло большой роли в хозяйстве.

Поселения хунну являлись также ремесленными центрами. На них плавил железо, бронзу, на что указывают находки руды, шлаков, льячек, капелек бронзы, литников на Иволгинском городище и поселении у с. Дурены. Куски руды, найденные на поселении у с. Дурены, содержали до 70% железа [Давыдова А. В., 1980. С. 200]. На Иволгинском городище изучены остатки железоплавильного горна, состоявшего из двух частей — шахты (0,37 × 0,375 м, глубина 0,35 м), где плавилась руда, и соединенного с основанием шахты овального в сечении подземного канала (длина 0,9 м, высота 0,2 м, ширина 0,35 м; табл. 109), служившего для поддувания в шахту воздуха и для извлечения полученного металла. Сверху шахту перекрывал глиняный купол, через отверстие в котором в шахту засыпали вперемежку слой измельченной руды и древесного угля. Во время плавки это отверстие заделывали глиняной пробкой и обмазывали глиной. Обломки купола и пробки, а также крицы железа найдены рядом с горном [Давыдова А. В., 1956. С. 273, 274; 1985. С. 77, 78]. Помимо сыродутного процесса, хунну освоили технику выплавки чугуна и отливки из него некоторых изделий, в частности наральников. Железные предметы в большинстве кованные. При обработке их применялись напильники. Один из них найден на выдувах у с. Дурены (табл. 107, 33) [Кызласов И. Л., 1985а. С. 27—29].

Руду добывали из местных месторождений Забайкалья и на захваченных территориях Алтае-Саянского нагорья, где также проводили ее плавку. В Каа-Хемском р-не Тувы, в урочище Кара-Суг, открыты следы рудников хунну по добыче железной руды магнетита и гематита в виде воронкообразных ям (диаметр 5—20 м). В них на глубине 2,5 м найдены кости животных, обломки двух сосудов — гуннского и уюкской культуры, а на глубине 3 м — древесный уголь и зола, указывающие на огневой способ добычи руды. Рудник датируется рубежом III—II вв. до н. э. по сочетанию керамики двух культур — хуннской и уюкской. По мнению Л. Р. Кызласова [1969б. С. 120—122. Рис. 3; 1979. С. 82, 83], сразу после завоевания Тувы в 201 г. до н. э. хунну начали здесь разработку железной руды, а стремление овладеть ее источниками двигало хуннское завоевание на север.

Медно-бронзовое производство хунну было самостоятельным, унаследовавшим традиции развитой цветной металлургии Забайкалья предшествующего времени. Об этом свидетельствует состав хуннских бронз, отличающийся от состава импортных бронзовых изделий, найденных на хуннских памятниках в Ноин-Уле и Ильмовой пади. Хунну Забайкалья пользовались в основном многокомпонентными сплавами (медь — свинец — мышьяк, медь — олово — свинец — мышьяк). Реже употребляли бронзы мышьяковистые (Иволгинские городище и могильник) и оловянисто-свинцовые (Дэрестуйский могильник). Концентрация примесей иногда достигала десятков процентов. Из этих сплавов отлиты хуннские художественные бронзовые изделия, пряжки, бляхи и другие предметы, которые из Забайкалья попадали

и на смежные территории, в Туву, Минусинскую котловину [Дэвлет М. А., 1980б. С. 20; Миняев С. С., 1980. С. 29—31; 1983б. С. 61]. С. С. Миняев выделяет в Забайкалье два очага медно-бронзовой металлургии — Иволгинский и Джидинский, а также предположительно третий — Чикойский. Характерной особенностью изделий Джидинского центра, которые составляют две трети бронзовых вещей, найденных в Дэрестуйском могильнике, а также известных на других памятниках хунну Забайкалья и северной Монголии, является микропримесь индия. Она несвойственна другим металлургическим центрам, и следовательно, руда для дэрестуйских бронз бралась в каком-то особом местном месторождении. Возможно, существовали свои центры в Ордосе и Монголии, поскольку здесь представлены сплавы, неизвестные в Забайкалье [Миняев С. С., 1983. С. 59—63].

Практически все находки, связанные с выплавкой меди и литьем бронзы, на Иволгинском городище обнаружены в жилищах, которые конструктивно не отличались от остальных построек этого поселения и представляли сочетание мастерской и жилища ремесленника. Необходимая для плавки металла высокая температура обеспечивалась конструкцией печей, сложенных из крупных каменных плит, обмазанных глиной. В подовой части жилища 48 найдено днище сосуда, использованного в качестве тигля [Миняев С. С., 1983. С. 65]. Целые литейные формы на памятниках хунну Забайкалья пока не встречаются. Однако анализ литников и самих изделий показывает, что при литье применяли различные формы: односторонние одноканальные, двусторонние симметричные (одноканальные и трехканальные) и двусторонние асимметричные. В жилище 37 Иволгинского городища найдены литники от литейных форм трех типов, что говорит об их одновременном использовании, возможно одним мастером. После отливки бронзовые вещи не подвергались дальнейшей механической обработке. Удаляли только литейные швы и закраины [Миняев С. С., 1983. С. 59—61]. Выплавка меди и литье бронзовых изделий у хунну стояли, очевидно, на уровне ремесленного производства.

На поселениях хунну было развито керамическое производство с применением ручного гончарного круга, следы шипа которого видны на дне сосудов [Давыдова А. В., 1956. С. 274; 1985. С. 75—77]. Наряду со станковыми делали и лепные сосуды. Остатки керамической мастерской хунну обнаружены на юго-востоке Горного Алтая, на р. Юстыд, у оз. Жалгизуирокколь [Кубарев В. Д., 1980б. С. 213; Кубарев В. Д., Журавлева А. Д., 1986. С. 101—119]. Здесь выявлены остатки восьми «печей» двух типов для обжига керамики. Они имели вид воронкообразных ям глубиной до 2,5 м. У ям первого типа дно было выложено камнем. Сосуды обжигали на слое угля толщиной 0,5—0,6 м. В период обжига сосуды обкладывали мелкими камнями и комками глины. За один раз обжигалось три-четыре крупных сосуда. Ямы второго типа имели выровненное дно с ямками для установки сосудов, и обжиг здесь производился на дровах. Мелкие сосуды для обжига ставили друг на друга, и за один раз в такой печи можно было обжечь до 30 сосудов различной величины. Наряду с хорошо обожженными сосудами най-

ден и керамический брак. Судя по остаткам шипов на дне сосудов, в производстве использовалось не менее шести гончарных кругов. Радиоуглеродный анализ угля из печи 1 раскопа 1 определил дату 1830 ± 40 лет назад (120 г. н. э.) [Кубарев В. Д., Журавлева А. Д., 1986. С. 109, 118].

Особенно развито у хунну было косторезное производство. По числу находок изделия из кости на поселениях занимают второе место после керамики. Из кости делали орудия труда, оружие, детали конской сбруи, детали одежды и украшения, отдельные бытовые предметы — палочки для еды, ложечки, футляры для игл (?). Орудием обработки кости в основном служил железный нож. Многие изделия из кости полированы.

О высоком мастерстве в обработке дерева дают представление погребальные сооружения хунну. Бревна и доски срубов и гробов тщательно отесаны, хорошо подогнаны и соединены при помощи шипов и вырубов. Дерево широко использовали в строительстве жилищ, для изготовления нар, балок, перекрытий, каркасов юрт, деталей повозок. Из дерева и бересты делали многие предметы быта, в большинстве не сохранившиеся. На Иволгинском городище найдены долбленое корыто и кружок бересты с отверстиями [Давыдова А. В., 1985. С. 54], а в могильнике Черемуховой пади — деревянный поч-зчик (табл. 107, 9).

В какой-то мере было развито камнерезное искусство. Из имеющихся в Забайкалье и южном Прибайкалье пород камня — халцедона, сердолика, глинистого сланца и известняка, мраморовидного известняка, яшмы, флюорита, серпентина — местными мастерами сделаны бусы, кольца, когтевидные и коромысловидные подвески. Подтесанный камень использовался при строительстве жилищ и очагов в них.

Большое место в хозяйстве занимала обработка продуктов животноводства: выделка кож, изготовление из шерсти войлока, ковров и тканей. Шерсть окрашивали в разные цвета. По мнению А. А. Воскресенского, исследовавшего шерстяную ткань и ковер из Ноин-Улы, для крашения шерсти использовали краски, полученные из корней марены [Воскресенский А. А., Кононов В. Н., 1932. С. 92, 93].

Кроме металлургии и металлообработки, требующих специальных сложных навыков, ремесло у хунну, не отделилось от основных отраслей хозяйства — скотоводства и земледелия. Об этом свидетельствует то, что среди большого числа вскрытых хуннских жилищ и погребений, не выявлены комплексы, указывающие на преимущественное занятие ремеслом того или иного вида. Возможно, что в ремесло начало выделяться керамическое производство, использовавшее гончарный круг и специальные сооружения для обжига посуды. Преобладание станковой посуды и идентичность ее на поселениях и в погребениях, а также исследование керамической мастерской на р. Юстыд разрешают думать, что основная масса хунну, скотоводы — кочевники и полукочевники, получала станковые сосуды от мастеров из оседлых поселков в обмен на продукты скотоводства, что в свою очередь способствовало развитию керамического ремесла. В целом следует отметить высокий уровень развития производства у хунну, что созда-

вало материальную базу их военно-политических успехов.

Большое влияние на развитие культуры хунну оказали соседние народы Южной Сибири и Юго-Восточной Азии, с которыми они находились в постоянном контакте. Перебежчики, военнопленные, земледельцы и ремесленники селились на поселениях хунну. Они оказали влияние на развитие техники земледелия, имевшего в Центральной Азии древние традиции [Окладников А. П., 1962. С. 427—431]. Предметы вооружения и конского снаряжения хунну, за исключением отдельных типов бронзовых наконечников, аналогии которым представлены в южной Маньчжурии [Давыдова А. В., 1985. С. 50; Davydova A. V., 1968. P. 236], имеют много общего с этими категориями инвентаря у народов Южной Сибири. Это касается и таких орудий труда, как ножи, напильники и шилья с кольцевидным навершием рукояти (табл. 107, 3, 33, 34, 47). Общие элементы в изобразительном искусстве хунну и народов Южной Сибири имеют корни в идеологических представлениях кочевых племен степей Евразии.

Несмотря на высокое развитие, собственное производство хунну не удовлетворяло все их потребности. Суровость климата Центральной Азии ограничивала возможности занятия земледелием [Таскин В. С., 1968а. С. 24, 25, 32, 74; 1973. С. 22, 36, 54]. По свидетельству письменных источников, хунну получали зерно, пшено и рис у своих южных соседей путем торговли, дани или военного грабежа. Приобретали хунну также шелковые и хлопчатобумажные ткани, зеркала, некоторые бусы и металлические изделия. Эквивалентом обмена со стороны хунну были скот, кожи, шерсть и другие продукты животноводства, а также, вероятно, меха. Судя по большому количеству импортных вещей, можно полагать, что наиболее активные торгово-обменные связи приходятся на I в. до н. э. — I в. н. э. Вероятно, в торговле с югом имел место не только обмен, но в какой-то мере и денежное обращение с использованием китайской монеты, о чем говорит интересное свидетельство. В 52 г. до н. э. во время приема в китайском императорском дворце шаньюю Хуханье пожаловали головной убор и пояс, верхнее и нижнее одеяние, золотую печать на зеленом шнуре, украшенный яшмой меч, кинжал, лук, четыре комплекта стрел, 10 алебард в чехлах, колесницу с сиденьем, седло и уздечку, 15 лошадей, 20 цзиней золота, 200 тыс. монет, 77 комплектов одежды, 8 тыс. кусков шелковых тканей с затканым и вышитым узором, узорчатой тафты, крепа и разного шелка, а также 6 тыс. цзиней шелковой ваты [Таскин В. С., 1973. С. 35]. Такое обильное подношение должно было обеспечить благорасположение шаньюя, а большое число монет предназначалось, вероятно, для торговых операций. В отдельных погребениях хунну также найдены монеты (Иволгинский, Дэрестуйский могильники), а в кургане 6 Ноин-Улы обнаружен шелковый кошелек для монет [Руденко С. И., 1962б. С. 96. Рис. 66, б]. О значительности торговых контактов можно судить по одному из сообщений. В 84 г. н. э. шаньюй северных хунну послал для торговли с ханьскими купцами князя Имоцзы и других, которые погнали более 10 тыс. голов крупного рогатого скота и лошадей, перехваченных, правда, от-

рядом всадников по приказанию южного шаньюя [Таскин В. С., 1973. С. 79]. Однако такая торговля не могла быть регулярной и полностью зависела от политической обстановки.

Торговые, военные и дипломатические контакты осуществлялись также с западом и востоком. Путем торгового обмена или военной добычи к хунну попадали ковры и ткани греко-бактрийского производства, обнаруженные в курганах Ноин-Улы [Руденко С. И., 1962б. С. 97—110], а также некоторые изделия из бронзы — например, пряжки [Миняев С. С., 1976. С. 109, 110]. На восток к ухуаням, платившим хунну дань кожами и полотном, вместе со сборщиками дани ездили торговцы [Таскин В. С., 1973. С. 54].

Такие активные контакты, обусловленные потребностями хозяйства и военно-политической деятельностью, объясняют большое количество импортных вещей на памятниках хунну.

Земледельческие и ремесленные поселки типа Иволгинского городища являлись одновременно опорными военными пунктами хунну, в которых стояли их гарнизоны, имелись запасы продовольствия и, очевидно, военного снаряжения. На это указывают следующие сообщения. В 119 г. до н. э. вторгшийся в земли хунну китайский полководец Вэй Цин дошел до города Чжаосиня у горы Тяньяньшань, отождествляемой с южной оконечностью Хангайского хребта (в центральной Монголии), и захватил хуннские запасы зерна, которыми накормили войска. Пробыв здесь один день, Вэй Цин съел имевшиеся в городе остатки зерна и выступил в обратный путь [Таскин В. С., 1968а. С. 91]. В 66 г. до н. э. «сюнну, . . . желая оказать давление на усуней и (владения) Западного края, послали левого и правого дацзянов и с каждым более десяти тысяч всадников, чтобы они стали гарнизонами и занимались обработкой полей в правых землях» [Таскин В. С., 1973. С. 30]. Оба сообщения указывают на связь земледельческих поселений с военными опорными пунктами хунну. В Хакасско-Минусинской котловине таким пунктом была резиденция хуннского наместника, дворец которого исследован около Абакана [Киселев С. В., 1951. С. 479; Кызласов Л. Р., 1960. С. 135, 163, 164; 1969б. С. 117; Евтюхова Л. А., 1947. С. 79—85; Евтюхова Л. А., Левашева В. П., 1946. С. 72—84]; на северных рубежах, в Забайкалье, — Иволгинское городище; в Ордосе — городища Эрланьхугоу и Кэлимынинцзунь [Васильев К. В., 1959. С. 169, 170], а на юге Монголии — Баян-Булак.

Отмечая важную роль укрепленных ремесленно-земледельческих поселений для военно-экономического базиса хунну, не следует, однако, преувеличивать их значения. Основу общества хунну составляли скотоводы — кочевники и полукочевники, знатная верхушка которых не всегда умела оценить значение укрепленных «городов». Так, была прекращена постройка городов, начатая в 83 г. до н. э. по рекомендации служившего у хунну чиновника Вэй Люя, который для успешной борьбы с ханьскими войсками советовал шаньюю: «Выкопайте колодцы, постройте окруженные стенами города, воздвигните для хранения зерна башни и обороняйте города совместно с циньцами (перебежавшими к сюнну китайцами); если и придут ханьские войска,

они ничего не смогут поделатъ» [Таскин В. С., 1973. С. 23, 24, 138, примеч. 24].

Летописные известия приводят разноречивые данные о численности хунну. По подсчетам ханьского ученого Цзя И (200—168 гг. до н. э.), у хунну было «приблизительно 60 000 всадников, „натягивающих лук“. Поскольку один латник приходится на пять человек, численность народа составляет 300 тыс., что меньше населения одного большого ханьского уезда» [Таскин В. С., 1973. С. 5]. Другие источники говорят о еще большей численности хуннского войска. В правление ханьского императора Вэнь-Ди (179—156 гг. до н. э.) шаньюй Лаошань вторгся в пределы Китая во главе 140 тыс. всадников. Несколькo ранее шаньюй Маодунь окружил императора Гао-Ди на горе Байдэн, имея, по свидетельству одного источника, 400 тыс., а по другим данным — 300 тыс. воинов. Сыма Цянь определяет количество всадников у Маодуня в 300 тыс. Он же сообщает, что у хунну было 24 военачальника, из которых сильные имели по 10 тыс., а слабые — по несколько тысяч всадников. Опираясь на эти свидетельства, В. С. Таскин считает приводимую Цзя И численность в 60 тыс. всадников преуменьшенной и склоняется к мнению, что более точно определять численность войска в 300 тыс. воинов. Общая численность населения при этом достигала примерно 1,5 млн человек (Таскин В. С., 1973. С. 5, 6). Те же данные о количестве населения получил и Л. Н. Гумилев [1960. С. 79]. Однако он справедливо заметил, что цифра 1,5 млн преувеличена, поскольку это превышает количество населения современной Монголии. Разноречивость источников и преувеличение числа хуннского войска (а отсюда и населения), возможно, связаны с основами древней ханьской военной тактики, согласно которой считалось правильнее преувеличить силы противодействующей стороны [Таскин В. С., 1968а. С. 137, примеч. 119].

Вопросы общественного устройства хунну отражены в летописях и анализировались рядом исследователей [Бернштам А. Н., 1951; Гумилев Л. Н., 1960; Руденко С. И., 1962б]. В последнее время на основе уточненных переводов китайских источников они изложены В. С. Таскиным [1973. С. 4—17].

Политическая организация хунну представляла собой раннее государство, которое по структуре походило на политические организации более поздних кочевых народов — тюрок, монголов — и сочетало черты централизованной государственной власти с пережитками родо-племенного строя. Высокая степень централизации власти и военной организации во многом обеспечила военные успехи хунну. Во главе государства стоял шаньюй, обладавший почти неограниченной властью. По объяснению Бань Гу, «шаньюй» означает «обширный» и показывает, что носитель этого титула обширен, подобно Небу, т. е. под его властью, словно под небом, находится вся земля [Таскин В. С., 1973. С. 6, 7]. Власть шаньюя была наследственной и передавалась обычно старшему сыну. Шаньюй был верховным главнокомандующим, во время крупных походов лично предводительствовал войском. Как верховный правитель шаньюй представлял хунну в сношениях с другими государствами и народами, что особенно видно в отношениях с Ханьской империей. Шаньюи

заботились также об охране владений хунну, рассматривая землю как основу государства. Шанью выступал и как верховный судья, хотя разбором судебных дел и определением меры наказания занимались представители трех знатных фамилий Хуань, Лань и Суйбу, сообщавшие шаньюю о принятых решениях [Таскин В. С., 1973. С. 11, 73].

Государство хунну делилось на 24 владения, удела. Во главе каждого удела стоял темник, назначаемый шаньюем. Обычно это были члены семьи, сыновья и родственники шаньюя. В свою очередь темники для управления уделом назначали тысячников, сотников, десятников и других управителей, выделяя им соответствующий участок земли для кочевания. Шанью мог наказывать темников и даже лишать их владений [Таскин В. С., 1968а. С. 40, 44; 1973. С. 14, 15]. Основным видом повинности была воинская служба. Темники предоставляли в распоряжение шаньюя воинов, и сами проводили военные действия по его указанию. Темники и другие представители знати помогали шаньюю в управлении и обсуждали текущие дела, собираясь на совет. При этом сила и влияние темников зависели от количества воинов, поставляемых ими, а не от величины удела. Наиболее сильные темники выставляли по 10 тыс. всадников, более слабые — по несколько тысяч. Темники собирались также на церемонию провозглашения нового шаньюя. Ослабление власти и военные неудачи шаньюя вели к появлению разногласий среди темников и междоусобицам.

Кроме того, при шаньюе для управления страной имелся должностной аппарат, в составе которого среди высших чиновников были и китайцы, перешедшие на службу к хунну (Ли Лин, Вэй Люй и др.) [Таскин В. С., 1973. С. 16, 17]. Мнения чиновников и темников шаньюю принимал во внимание, но они не были обязательны для исполнения.

Основную массу населения составляли рядовые кочевники, средние слои общества, имущественное и социальное положение которых было также различным. Об этом свидетельствует погребальный ритуал: различия в величине курганов, устройстве погребальных камер, снабжении покойных инвентарем и заупокойной пищей, указывающие на многоликость и сложность общественной лестницы хунну. Социальная дифференциация и централизованная государственная власть вели к разложению родовых связей и к постепенной замене их территориальными. В то же время в семейных отношениях сохранялся левират. «После смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах» [Таскин В. С., 1968а. С. 35, 46, 117, примеч. 2], что указывает на пережитки родового строя. Выделяющиеся на некрополях группы погребений, вероятно, можно считать захоронениями членов отдельных семей и зависимых от них лиц.

В ограниченных размерах существовало рабство. Источники сообщают об обращении в рабство плененных мужчин и женщин [Таскин В. С., 1968а. С. 41]. Покоренные народы облагались данью. Замаскированной данью были подарки, направляемые шаньюям китайскими императорами в периоды могущества и военных успехов хуннского объединения. В государстве хунну проводилась перепись населения с целью его податного обложения.

Идеологические представления хунну мало известны. Погребальный ритуал, устройство камер и виде срубов, снабжение покойника пищей и инвентарем указывают на существование представлений о потусторонней жизни. Из летописей известно, что хунну поклонялись небесным светилам, луне, солнцу и приносили жертвы, в том числе человеческие предкам, небу, земле, различным духам. Так, в 89 г. до н. э. по наговору шамана, действовавшему по приказу Вэй Люя, в жертву духу земли был принесен ханьский Эршиский военачальник, попавший к хунну в плен и пользовавшийся сначала благосклонностью шаньюя [Таскин В. С., 1973. С. 22].

Обильный материал для реконструкции идеологии хунну, полученный из курганов Ноин-Улы, детально проанализирован С. И. Руденко [1962б. С. 87—92].

ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ. Палеоантропологический материал по хунну невелик и фрагментарен, к тому же, не совсем однороден, что связано с различиями в их этническом составе. Наиболее крупная сборная серия — около 38 черепов — получена из хуннских погребений различных районов Монголии [Тумэн Д., 1985. С. 89]. Г. Ф. Дебец [1948. С. 120—123], И. И. Гохман [1960; 1967; 1980] и Н. Н. Мамонтова [1974. С. 227, 228; 1979. С. 204—210] относят черепа из могильников хунну Забайкалья к палеосибирскому, точнее байкальскому, антропологическому типу большой монголоидной расы, отмечая их сходство с черепами из неолитических погребений Прибайкалья и отличие от черепов из плиточных могил. Этими же особенностями характеризуются черепа из могильников Дархан и Сухэ Батор в Монголии.

И. И. Гохман [1960. С. 166], исследовавший черепа из Иволгинского могильника, предположительно выделяет среди жителей Иволгинского городища местную, аборигенную, группу населения, прослеживаемую на этой территории с энеолита, и хуннскую, имеющую сходство с погребенными Ноин-Улы, что согласуется с археологическими данными о неоднородности этнического состава населения Иволгинского городища. Г. Ф. Дебец [1948. С. 121] констатировал европеоидную примесь на одном черепе из Ургун-Хундуя.

Д. Тумэн [1985. С. 89—91] фиксирует единство антропологического типа хунну Монголии и Забайкалья, отмечая, что у хунну Забайкалья лицо чуть выше, чем у хунну Монголии. Она же прослеживает расовое сходство хунну с носителями культуры плиточных могил центральной Монголии, что свидетельствует, по ее мнению, об их генетическом родстве. В то же время она считает, что черепа из плиточных могил восточной Монголии довольно сильно отличаются от черепов хунну пропорциями мозгового и лицевого отделов. В центральной Монголии выделяется краниологический материал хуннского могильника Найма Толгой (три черепа), характеризующийся европеоидными чертами с монголоидной примесью. Именно поэтому Т. Тот сближает эту серию с краниологией усуней Южного Казахстана и считает, что в центральных районах Монголии происходило смешение европеоидных и монголоидных по типу групп населения [Toth T., 1967. P. 406, 407]. По мнению Д. Тумэн [1985. С. 93],

основная часть краниологического материала хунну свидетельствует о значительном расовом сходстве с поздними кочевниками и современным населением Монголии, прослеживаемом по продольному, поперечному и высотному диаметрам черепа, ширине и горизонтальной профилировке лица. Однако такое заключение представляется излишне прямолинейным. Волосы хунну, погребенных в Ноин-Уле, были черного цвета и по форме типичны для монгольской расы [Дебец Г. Ф., 1948. С. 123; Руденко С. И., 1962б. С. 111].

Возможное присутствие потомков хунну в составе гуннов, достигших Центральной Европы, в какой-то мере отражает краниологический материал могильника Мезоншентяно и других некрополей Венгрии, имеющий сходство с материалом хуннских некрополей (Ноин-Ула и др.) [Дебец Г. Ф., 1948. С. 121; Toth T., 1962. P. 253], но он очень невелик, и к заключениям, следующим из него, надо подходить с осторожностью.

По вопросу об этнической и языковой принадлежности хунну среди исследователей нет единства. Большинство авторов, в том числе А. Н. Баскаков [1964. С. 1, 3], Л. Н. Гумилев [1960. С. 49], В. С. Таскин [1968а. С. 13—19], Л. Л. Викторова [1980. С. 121, 123], считают, что язык хунну был тюркским. М. А. Кастрен, М. Г. Рамштедт и некоторые другие исследователи полагали, что хуннский язык был общим, еще не дифференцированным, для предков тюрков и монголов [Castren M. A., 1857. S. 35, 36; Ramstedt M. G., 1937. S. 81—91]. Существует мнение (Н. Я. Бичурин, Ц. Доржсүрэн, Д. Наваан) о монголоязычности хунну. Г. Сухбаатар [1976. С. 123—133] говорит о прямом родстве протомонголов с хунну, что согласуется с трактовкой Д. Тумэн антропологического материала. А. П. Дульзон [1968. С. 177], Л. Лигети [Ligeti L., 1950. P. 141—185], Э. Дж. Пуллиблэнк [1986; Pulleyblank E. G., 1962. P. 239—265] предполагали, что язык хунну относился к енисейской семье языков и был близок кетскому, что представляется менее вероятным. Недавно Г. Дёрфером была высказана точка зрения, поддержанная Л. Р. Кызласовым, согласно которой язык хунну не сохранился до настоящего времени и относится к вымершим [Doerfer G., 1973; Дёрфер Г., 1986. С. 77; Кызласов Л. Р., 1979. С. 142]. Такая противоречивость мнений объясняется крайне малым количеством языкового материала хунну (около 20 слов и двуступишие, объемом 10 слогов), известного, к тому же, в транскрипции китайских источников.

Остается нерешенной и проблема происхождения культуры хунну, что в значительной мере обусловлено слабой археологической изученностью восточных районов Центральной Азии. Можно предполагать полиэтничность хунну. Некоторую роль в их генезисе сыграло население культуры плиточных могил, которое в основном, по-видимому, было ассимилировано хунну и вошло в их состав. На это указывают археологический материал (детали орна-

ментации керамики, традиции металлургии меди-косторезного производства, звериного стиля) и данные антропологии [Тумэн Д., 1985. С. 93].

В состав хунну вошли, очевидно, также кочевые племена Ордоса I тысячелетия до н. э., культура которых выявлена пока слабо. Исследованное в местности Ваньгун погребение IV—III вв. до н. э. сходно с хуннскими по ритуалу (яма с уступами, черепа быка, лошади и собаки на деревянном перекрытии) и инвентарю (керамика, бронзовые украшения, роговые изделия). Шесть погребений того же времени, обнаруженные у д. Таохунбала и одно — у д. Дунсухао, по керамике и обряду захоронения в грунтовых ямах, на спине вытянуто, головой на северо-восток, по мнению авторов раскопок, аналогичны погребениям II—I вв. до н. э. некрополей Эрланьхугоу и Сичагоу, предположительно связываемым с хунну [Миняев С. С., 1979а. С. 75, 76]. Наиболее ярко протохуннские черты, по мнению С. С. Миняева [1987б. С. 144, 145], представлены в памятниках скифского времени юго-западной Маньчжурии, объединяемых в культуру «погребений верхнего слоя Сяцзядянь». С памятниками хунну их сближает ритуал захоронения в деревянных гробах, обставленных каменными плитами. В сопровождающем инвентаре представлены бронзовые зооморфные бляшки, пуговицы, колокольчики, имитации раковин каури, поясная пластина с изображением сцены охоты. Среди оружия имеются крупные бронзовые черешковые наконечники стрел — трехлопастные и типа срезней, что свидетельствует о применении большого лука. Подобный состав инвентаря в дальнейшем становится характерным для хунну.

Прослеживаются определенные связи и с населением Горного Алтая: сходные черты изобразительного искусства; захоронение покойников в двойных камерах.

Исторические судьбы хунну, оставшихся в Центральной Азии, не выяснены из-за плохой изученности археологических памятников населения Монголии II—V вв. Отдельные элементы культуры хунну прослеживаются в культуре тюркоязычного населения Центральной Азии VIII—IX вв. Конструкция сложного лука уйгуров была аналогична устройству лука хунну, а керамика уйгуров — вазы с вертикальным лощением — напоминает вазообразные сосуды хунну [Кызласов Л. Р., 1969а. С. 74, 75. Рис. 24; 1979. Рис. 121; 137]. Подобно хунну, уйгуры строили крепости, прямоугольные в плане, которые были опорой их господства в покоренных землях. Вероятно, не случайно в китайских источниках [Бичурин Н. Я., 1950а. С. 214] указывается, что язык хунну сходен с языком племен хойху (ойхор, уйгуров), входивших позже в состав тюркоязычных по преимуществу племен теле, что говорит в пользу мнения о тюркоязычности хунну. Китайские династийные хроники считают потомками хунну алтайских тюрков, ссылаясь при этом на тюркские легенды, повествующие о происхождении тюрков от хунну.

Глава четвертая

Лесостепь

Зауралья и Западной Сибири

Ранний железный век лесостепи Западной Сибири

Здесь рассматриваются культуры западносибирской лесостепи, охватившие пространство от восточных склонов Урала до междуречья Иртыша и Оби, включая на востоке среднее течение р. Омь. Это — огромная территория, протяженностью около 1500 км с запада на восток и до 400 км с севера на юг. Расположенные в этом ареале культуры и группы памятников, выделенные в культурно-этнические типы, имели ряд общих черт, обусловленных общими элементами генезиса, а также тесными взаимными контактами. К концу I тысячелетия до н. э. — началу I тысячелетия н. э. вся эта территория оказалась занята одной саргатской культурой. Однако изученность этого огромного ареала неравномерна. Наиболее исследованы районы лесостепного Зауралья и Прииртышья.

Изучение памятников лесостепи Зауралья и Западной Сибири началось в 60—70-х годах XIX в. и первоначально проводилось краеведами-любителями, занимавшимися преимущественно раскопками курганов и сбором сведений о находках древних предметов, местоположении городищ и курганных могильников [Зырянов А. Н., 1863; 1881; Голодников К., 1879; Словоцов И. Я., 1884 и др.]. Позднее эту работу проводили в небольшом объеме специалисты-археологи и полупрофессионалы [Анучин Д. Н., 1887; Уваров Ф. А., 1887; Зограф Н. Ю., 1879; Heikel A., 1894; Минко М. К., 1907; ОАК за 1894, 1896 гг.; Толмачев В. Я., 1913]. Сведения о городищах и курганах по левым притокам Тобола, Исети и Пышме, поступившие в Археологическую комиссию, были систематизированы А. А. Спицыным [1906б], поднявшим вопрос о назначении зауральских городищ, их соотношения с курганами и связях с древностями Прикамья и Минусинских степей. Большой материал к археологической карте восточных склонов Урала и прилегающей части лесостепи был собран В. Я. Толмачевым [1913]. Однако в целом дореволюционные исследования не были систематическими, не шли дальше сбора фактического материала и проводились часто на низком методическом уровне. Они не дали четкого представления об отдельных этапах развития населения Зауралья и Западной Сибири и специфике их культуры. При разрозненности имевшихся фактов исследователи даже не ставили эти задачи.

После революции, в 20—30-х годах, начинаются планомерные исследования памятников лесостепи Зауралья и Западной Сибири [Дмитриев П. А., 1928; Левашева В. П., 1928; 1948; Кипарисова Н. П., 1960; Сальников К. В., 1940; 1947; 1951; 1956]. Впервые весь известный материал из курганов раннего железного века лесостепи Западной Сибири был обобщен П. А. Дмитриевым [1928. С. 187—190], который показал его своеобразие, отметил пре-

обладание северной ориентировки погребенных и приблизительно одинаковый погребальный инвентарь. Выделив группу этих памятников в ареале от Зауралья до междуречья Иртыша и Оби, П. А. Дмитриев датировал их III в. до н. э. — I в. н. э. и высказал мнение о близости их культуры культуре сармат. Впоследствии, анализируя материал памятников Приобья, В. Н. Чернецов [1953б. С. 224, 240] отметил своеобразие культуры, впервые выделенной П. А. Дмитриевым (Мысовские, Саргатские, Коконские курганы), но отнес ее не к сарматским, а к кочевым угорским племенам. Мнение об угорской принадлежности населения лесостепи Притоболья было поддержано и дополнительно аргументировано К. В. Сальниковым [1966. С. 124].

Первые широкие раскопки поселений и курганов были проведены К. В. Сальниковым в 40—50-е годы. Особое внимание он уделил городищу Чудаки, выявив специфику домостроительства, фортификации и своеобразие керамики этого памятника [Сальников К. В., 1940; 1947; 1951]. Рекогносцировочные исследования еще ряда городищ (Большое и Малое Казахбаевские, Ипатовские и др.) и раскопки Царева кургана на Тоболе позволили ему объединить все эти памятники и выделить особую гороховскую культуру [Сальников К. В., 1947. С. 235; 1962а. С. 23; 1962б].

Массовые полевые исследования 60—70-х годов, проведенные Уральской экспедицией Уральского университета под руководством В. Ф. Генинга, Иртышским отрядом Института археологии АН СССР под руководством В. А. Могильникова и экспедицией Северо-Казахстанского музея и Петропавловского пединститута под руководством Г. Б. Здановича создали основу для дифференциации представлений об облике культуры лесостепи Зауралья и Западной Сибири. Были окончательно обособлены саргатская и гороховская культуры [Сальников К. В., 1962а. С. 23; Могильников В. А., 1970. С. 180, 181; 1972а; 1972б. С. 132, 133; Стоянов В. Е., 1969а; 1969б; 1970. С. 242, 243], а также выделены памятники начала железного века: носиловского и воровьевского типов — в Притоболье, байтовского — в Притоболье и Приишимье [Стоянов В. Е., 1969а. С. 59; 1969б. С. 6, 7]. При этом поселенческие комплексы, исследованные в Притоболье, были названы В. Е. Стояновым [1969а. С. 58, 59; 1969б. С. 7] речкинскими по раскопанному им поселению Речкино II. В дальнейшем была признана их принадлежность к саргатской культуре.

В 80-х годах активные полевые исследования байтовских и саргатских памятников были осуществлены А. В. Матвеевым и Н. П. Матвеевой на нижней Исети и среднем Тоболе. По результатам раскопок опубликованы материалы Тютринских курганов

саргатской культуры [Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1985. С. 69—76] и изложена периодизация саргатских могильников Притоболья с выделением комплексов III—II вв. до н. э.; II в. до н. э.—I в. н. э.; I—II вв. [Матвеева Н. П., 1985а. Рис. 6]. В прилегающую к восточным склонам Урала часть лесостепи распространяются также памятники иткульской и каменогорской культур, основной ареал которых локализуется в горнолесном Зауралье.

Указанные культурные комплексы исследованы неравномерно. Наиболее хорошо изучены памятники саргатской культуры (V в. до н. э.—III—IV вв. н. э.). В меньшей степени известны памятники гороховской культуры (V—II—I вв. до н. э.), в материале которой прослеживаются сарматские черты, а сама культура, по облику близкая саргатской и составлявшая с ней одну этнокультурную общность, представляла нечто вроде буфера между обширными ареалами сармат на западе и саргатской культуры на востоке. Наименее изучены памятники воробьевского, байтовского и носилового культурно-этнических типов. Памятники носилового и байтовского типов, представлявшие локальные варианты одной, байтовской, культуры, наиболее близки между собой, что проявляется в одинаковой конструкции жилищ, частью — в формах и орнаментации керамики, а также в примеси песка к глиняному тесту. Носиловское население, располагаясь к западу от байтовского, преимущественно на средней Исети, тесно контактировало с «байтовцами» на нижней Исети и в Среднем Притоболье. «Байтовцы» жили главным образом восточнее — в Среднем и Нижнем Приишимье, Притоболье и по Тоболю доходили до Иртыша (карты 16; 17). Носиловские памятники — наиболее ранние (VII—VI вв. до н. э.), частично синхронны с ними байтовские (VII—IV вв. до н. э.). В VI в. до н. э. на Исети на месте носиловских памятников появляются воробьевские, локализующиеся преимущественно на левобережье среднего Тобола, средней и отчасти верхней Исети (карта 18). По обильной примеси в керамике талька, орнаментации ее гребенчатым штампом, форме пряслиц, вырезанных из обломков сосудов, и каменных курильниц воробьевские памятники представляют как бы своеобразную юго-восточную периферию иткульской культурной общности. Но в то же время по форме некоторых сосудов и примеси талька в глиняном тесте воробьевская керамика близка и гороховской посуде.

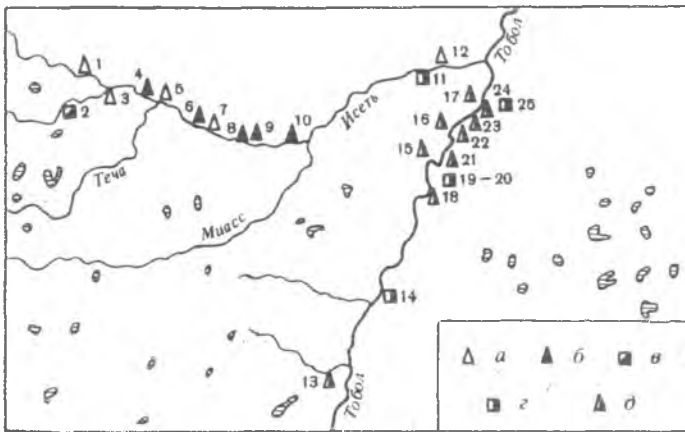
Памятники VII—VI вв. до н. э. в лесостепи Прииртышья исследованы слабо. В. Е. Стоянов [1969б. С. 7; 1970. С. 248] относил к ним памятники так называемого розановского типа, выявленные на Иртыше. Однако работы В. А. Могильникова и Л. Н. Коряковой показали, что «розановские памятники» представляют собой поселенческие комплексы саргатской культуры Прииртышья последних веков до нашей эры. В материале памятников VII—VI вв. до н. э. лесостепного Прииртышья прослеживается сочетание двух разнородных элементов — северного, представленного керамикой с крестовой орнаментацией красноозерского типа, и южного — с резными узорами типа «елочки» и треугольных фестонов, получившего дальнейшее развитие в саргатской культуре.

ПАМЯТНИКИ НОСИЛОВСКОГО И БАЙТОВСКОГО ТИПОВ — БАЙТОВСКАЯ КУЛЬТУРА (VII—IV вв. до н. э.). Памятники носилового и байтовского типов были выделены В. Е. Стояновым, определившим их ареалы и описавшим особенности поселений, фортификации, домостроительства и характерные черты керамики. Он считал возможным объединять их в рамках одной культуры [Стоянов В. Е., 1969а; 1969б; 1969в; 1970. С. 240—242, 248, 249; 1975. С. 130—133]. Памятники носилового типа локализуются в основном на средней и отчасти нижней Исети, а также на левобережье среднего Тобола между устьями Куртамыша и Исети (карта 16). Свое название они получили от Носилового II поселения, где были раскопаны остатки трех жилищ и выявлен характерный комплекс керамики «носиловского» типа (табл. 115) [Стоянов В. Е., 1975. С. 115—130]. Памятники байтовского типа размещаются в основном восточнее и северо-восточнее носиловских. Они занимают среднюю и нижнюю Туру с Ницой, правобережье среднего и нижнего Тобола и отчасти его левобережье, а также — лесостепное междуречье Ишима и Тобола и Среднее Приишимье (карта 17). Название им дано по городищу Байтово, исследованному рекогносцировочно в Среднем Притоболье. На нижней Исети и среднем Тоболе располагалась зона тесного контакта носилового и байтовского населения, поэтому на поселениях этого района керамика носилового и керамика байтовская встречаются вместе и из-за своей близости слабо различимы.

Н. П. Матвеева [1986а. С. 90], исследовавшая несколько поселений с байтовскими комплексами на нижней Исети, не выделяет отдельно памятники носилового типа, рассматривая их как байтовские в рамках единой байтовской культуры. Объединение памятников названных типов в одну культуру обоснованно, поскольку между носиловскими и байтовскими комплексами много общего в конструкции жилищ, формах и орнаментации керамики, что говорит об их однокультурности в рамках локальных вариантов культуры. В последующем изложении будут показаны общие и особенные черты памятников носилового и байтовского типов одной байтовской культуры.

Памятники носилового типа представлены неукрепленными поселениями. В отличие от этого, среди байтовских имеются также городища. Целая система из четырех байтовских городищ находится на правобережье среднего Тобола близ устья р. Суерь. Погребения носилового и байтовского типов не выявлены. Раскопки проведены на семи носиловских поселениях, среди которых наиболее полно исследовано Носиловское II селище [Стоянов В. Е., 1975. С. 115—127]. Байтовские поселения раскапывались на нижней Исети (Рафайлово; Ботники II; Ингалинский борок), среднем Тоболе (городища Увал IV; V) и на Ишима (Карлуга I; Борки II; Узлово; Лихачево). Лихачевское городище раскопано полностью. Кроме кратких информаций [Зданович Г. Б., 1967; Матвеева Н. П., 1986б. С. 191] и статьи В. Е. Стоянова [1969в] о многослойном городище Узлово, ни один из раскапывавшихся памятников не опубликован.

Почти все исследовавшиеся носиловские поселе-

Карта 16. Распространение памятников носиловского типа
 1 — Лужки IV; 2 — Зотино II; 3 — Затеченское; 4 — Сухрино I; 5 — Сухрино II; 6 — Воробьево; 7 — Мыльниково; 8 — Носилово II; 9 — Боровое (Шляпина); 10 — Прыгово; 11 — Ботники II; 12 — Архангельское; 13 — Закоулово; 14 — Темляки; 15 — Губино; 16 — Карагужево; 17 — Старое Лыбаево; 18 — Гладунино; 19, 20 — Увал IV, V; 21 — Коркино III; 22 — Боровушинское; 23 — Поспелово II; 24 — Скородум III; 25 — Скородум I; а — селища, исследованные рекогносцировочно; б — селища, исследованные раскопками; в — находки носиловской керамики на гамаюно-иткульских городищах; г — находки носиловской керамики на баитовских городищах; д — находки носиловской керамики на баитовских поселениях

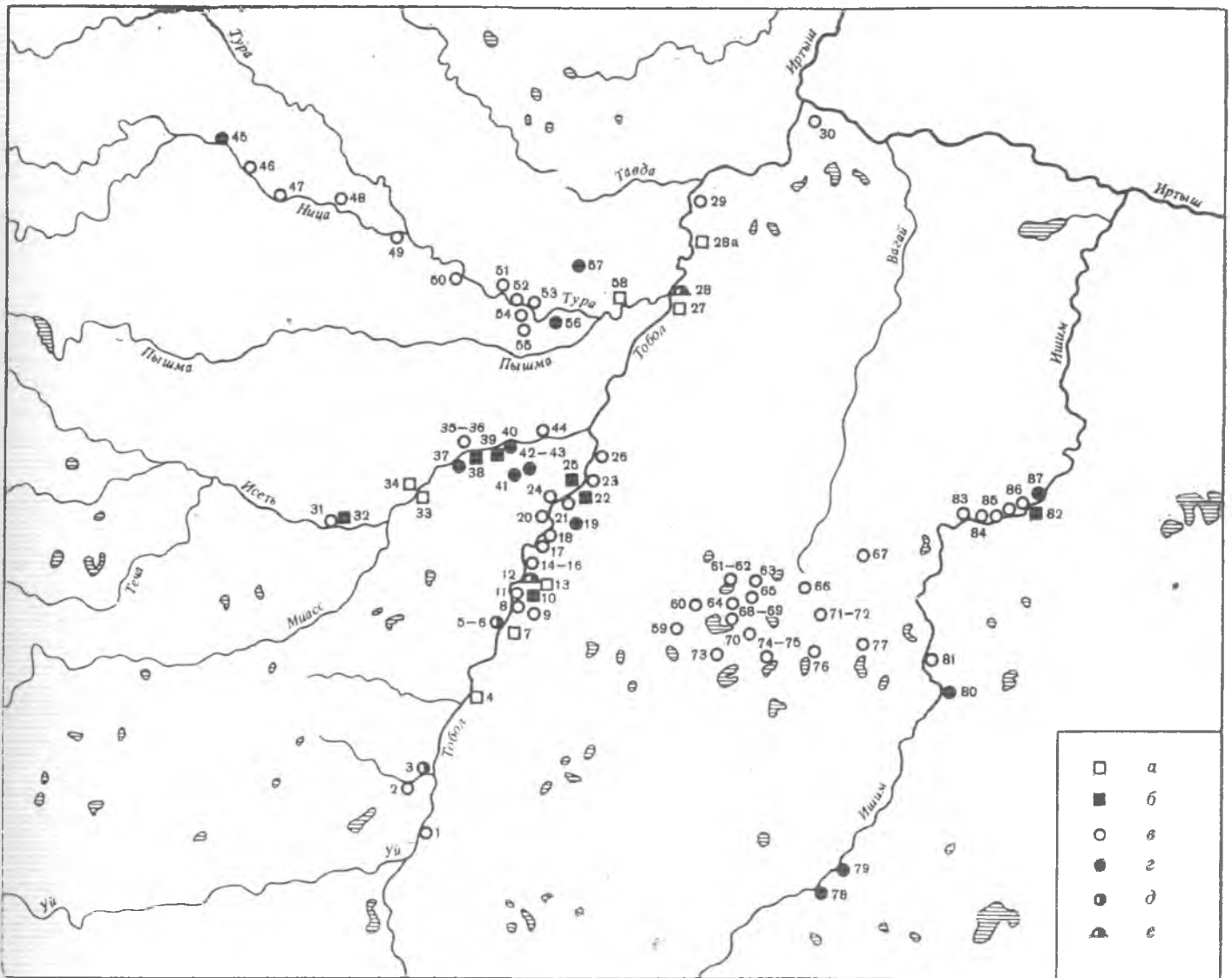
ния не однослойны и содержат материалы более позднего времени, поэтому размеры собственно носиловских селений установить трудно. По мнению В. Е. Стоянова [1975. С. 128], чистый носиловский комплекс зафиксирован в разрезе жилищной впадины Прыговского селища. Поселения носиловского и баитовского типов расположены по берегам рек и озер на мысовидных выступах, останцах и возвышениях надпойменных и коренных террас.

Размеры баитовских поселений сильно варьируют. Укрепленная площадка Лихачевского городища чуть превышала 1200 кв. м, а Баитовского — составляла около 8600 кв. м. К тому же, прилежащее к укреплениям Баитовского городища селище простиралось еще почти на 100 м, образуя поселок общей площадью около 20 тыс. кв. м. Средняя мощность культурного слоя поселений 0,4—0,5 м, а в углублениях котлованов жилищ — до 0,7—0,8 м. Для баитовских городищ характерны замкнутые линии дерево-земляных укреплений. Площадки городищ окружены кольцевым или полукольцевым валом с разрывами-проходами и рвом. Валу невысокие, сильно оплывшие. К примеру, вал Баитовского городища имел высоту 0,5 м при ширине 7—12 м, ров — глубину 0,5 м при ширине 7 м. В северо-западной части вала находился проезд на городище (ширина 7—10 м; табл. 116, 1). Площадка Лихачевского городища защищена кольцевым рвом глубиной 0,5—0,6 м, в котором, вероятно, был установлен частокол. В южной и восточной частях укрепления были проходы, причем южный представлял простой проем в стене-частоколе, а восточный, возможно, был ограничен по сторонам двумя бревенчатыми башнями с углубленной до 1,5 м подземной частью. С северной стороны сохранились остатки небольшого вала [Зданович Г. Б., 1967. С. 137; Стоянов В. Е., 1975. С. 130]. На городище по кругу плотно друг к

другу стояло восемь жилищ, оставляя в центре незастроенную площадку (около 200 кв. м), предназначенную, вероятно, для загона скота. Баитовское городище также густо заполнено впадинами от жилищ, расположенными частью по кругу вдоль вала, частью — без определенного порядка. Но около центра площадки тоже оставался свободный от построек участок.

Для памятников носиловского и баитовского типов характерны обособленные прямоугольные однокамерные жилища с канавкой по периметру котлована, фиксирующей основание стен. На месте входа канавки разомкнуты, и по сторонам проема (ширина около 1 м) находятся ямки от столбов, служивших, по-видимому, для крепления дверей и стен. Судя по правильной, почти квадратной, форме контура канавок и продолговатым углублениям на дне, можно полагать, что стены жилищ были бревенчатыми, а нижние венцы углублялись в землю. Данных о конструкции кровли нет. В средней части жилищ на полу располагались открытые очаги. На Носиловском II поселении очаг ограничивался незамкнутой овальной канавкой, на дне которой находились зола, уголь и куски прокаленной супеси из очага (табл. 115, 1). Площадь жилищ колеблется от 35 до 80 кв. м. На Лихачевском городище вскрыто восемь таких жилищ, на поселении Карлуга I — два, на Носиловском II — три. Баитовские жилища исследованы также на городищах Рафайлово, Ботники II, Увал IV, V, поселениях Ингалинский борок, Узлово и др. Часть жилищ, раскопанных на баитовских памятниках, имела слабоуглубленный в материк котлован без канавок по периметру. Такие жилища исследованы на поселениях Увал IV и V (табл. 116, 14). Очаги в них располагаются на полу или на небольшом специальном материковом возвышении. На поселении Ботники II вскрыто двукамерное баитовское жилище, близкое по конструкции саргатским [Матвеева Н. П., 1986б. С. 191].

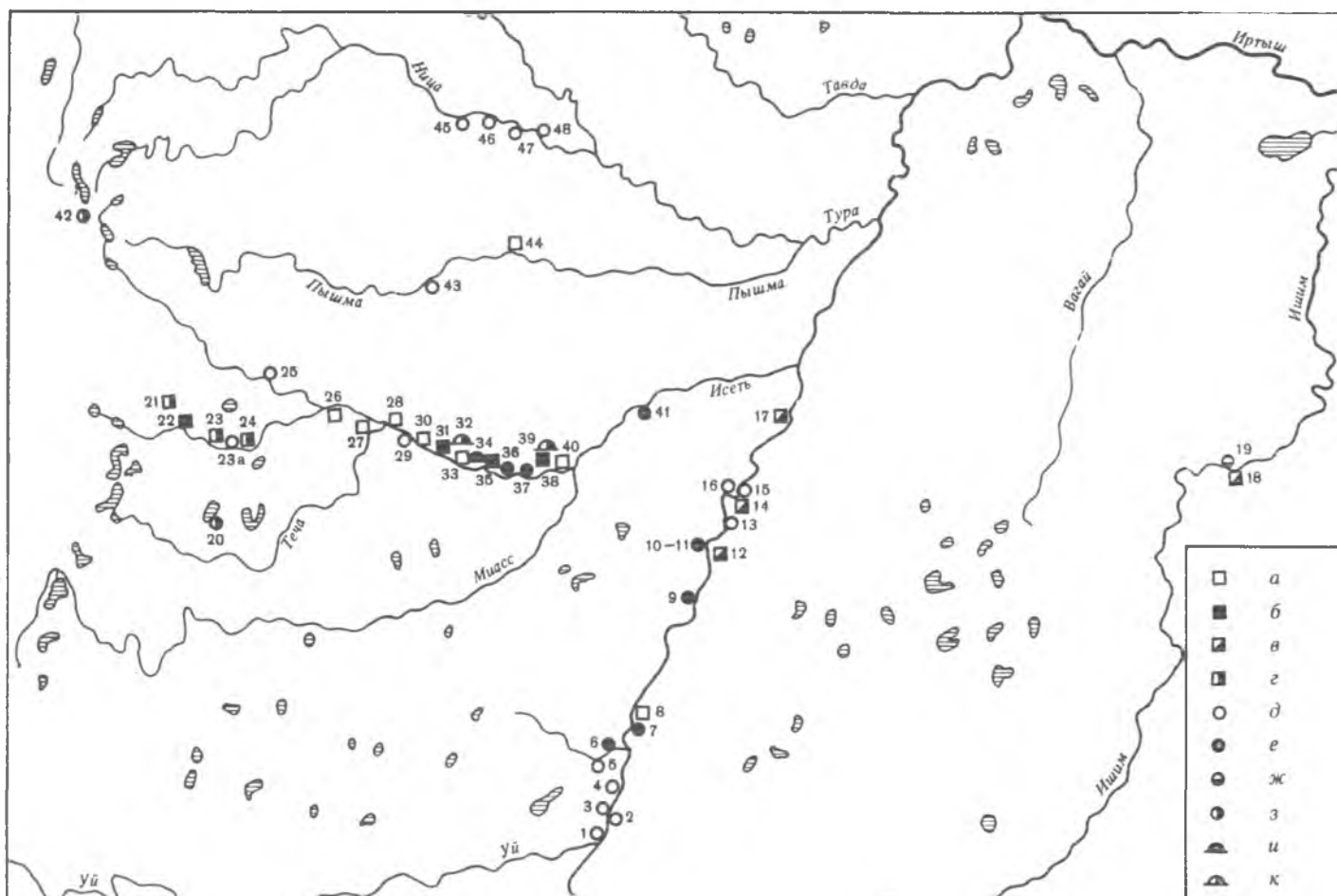
Основную массу материала памятников носиловского и баитовского типов составляет керамика. Сосуды изготовлены из глины с примесью песка ленточным налепом. Обжиг костровый неровный, но черепок плотный и прочный светло-коричневого или серовато-коричневого цвета. Поверхность в большинстве случаев имеет штрихи от заглаживания пучком травы, щепкой или зубчатым штампом. Обычно поверх штрихов они дополнительно заглажены мягким предметом. Толщина стенок сосудов и их шеек почти одинакова и у большинства составляет 4—7 мм. Днища иногда утолщены. Сосуды круглодонные, преимущественно с яйцевидным, реже — шаровидным туловом, прямой, почти вертикальной, наклонной или дуговидно отогнутой шейкой и плоским, реже — закругленным или приотстренным венчиком (табл. 115; 116). Для носиловских сосудов характерна короткая низкая шейка (табл. 115), у баитовской керамики шейки имеют относительно большую высоту (табл. 116). Количественно преобладают горшки с невысокой шейкой и профилированными плечиками. В небольшом числе представлены чаши без выраженной шейки (табл. 115, 9; 116, 19, 20, 25). Преобладают сосуды средних и крупных размеров, диаметр по венчику около 23—35 см, редко — до 40 см.

Карта 17. Памятники байтовского типа

1 — Звериноголовское V; 2 — Закоулово; 3 — Язев; 4 — Темляки; 5, 6 — Речкино I, II; 7 — Байтово; 8 — Калмацкий бугор; 9 — Гладунино; 10 — Увал I, IV, V; 11 — Высокая Грива; 12 — Чистолебяжье; 13 — Бочанцево; 14—16 — Коркино II—IV; 17 — Старопереладово; 18 — Губино; 19 — Новошадрино II; 20 — Суерка I; 21 — Калинино; 22, 23 — Скородум I, III; 24 — Бызово; 25 — Старое Лыбаево; 26 — Черное II; 27 — Юрта-Бор XX; 28 — Цытырлы; 28a — Чаганово III; 29 — Караульный Яр; 30 — Сумкино (Бергилька); 31, 32 — Прыгово I, II; 33 — Барино; 34 — Усть-Терсюкское; 35, 36 — Бархатово I, II; 37, 38 — Рафайлово II, I; 39, 40 — Ботники II, Ia; 41 — Ингалинка; 42 — Верх-Ингалинка; 43 — Верх-Ингалинский Борок I; 44 — Слобода Бешкильская; 45 — Юдино; 46 — Кашино; 47 — Лыжино; 48 — Городок; 49 — Калугино; 50 — Гольшево; 51 — Верхний Бор II; 52 — Курья; 53 — Мыс II; 54 — северный берег Андреевского озера I; 55 — южный берег Андреевского озера I; 56 — Дуван; 57 — Ипкуль VIII; 58 — Матуши II; 59 — Семискуль; 60 — Прохорово; 61, 62 — Старорямовское I, II; 63 — Глубокое; 64 — Снегирево; 65 — Полое I; 66 — Шабурово II; 67 — Локти; 68, 69 — Харламово I, II; 70 — Фоминцево; 71, 72 — Черемуховое озеро I, II; 73 — Сухое; 74, 75 — Бельковское I, II; 76 — Пеганово; 77 — Карьково; 78 — Петровка I; 79 — Карлуга I; 80 — Борки II; 81 — Нагорное; 82 — Лихачево; 83 — Стрехино I; 84 — Тушилобово; 85 — Заворохино II; 86 — Логиново V; 87 — Узлово; а — городища, известные по разведкам; б — городища, исследованные раскопками; в — селища, известные по разведкам; г — селища, исследованные раскопками; д — воробьевские селища с находками байтовской керамики; е — находки байтовской керамики в насыпях курганов других культур

Верхняя часть большинства сосудов орнаментирована, на Носиловском II поселении — около 79% сосудов. На керамике носиловского типа узор покрывает шейку и плечико или только шейку и очень редко — только перегиб или плечико. В орнаментации преобладают оттиски гребенчатого штампа и круглоямочные вдавления. Ямки обычно расположены в один ряд по шейке и (редко) оттиснуты с внутренней стороны, образуя на наружной поверхности «жемчужины» (табл. 115, 8, 12, 16, 17, 20, 21, 23, 28, 30, 31). Последние более характерны для керамики байтовского типа. Оттиски гребенчатого штампа длинные, с прямоугольными вдавлениями средней величины и реже — с треугольными отпечатками зубьев от наклонно поставленного зубчатого штампа (табл. 115, 6—8, 10, 11, 13—16, 18, 21, 22, 25, 27—31). Они образуют узоры типа горизонтальной «елочки», рядов наклонных и вертикальных вдавлений, реже — зигзага, решетки, «шагающей гребенки» и столбиков из горизонтальных отпечатков (табл. 115, 11, 29). Два последних орнаментальных мотива весьма характерны для декора керамики иткульской культуры горнолесного Зауралья [Бельтикова Г. В., 1977. Рис. 1, 1, 3, 5, 6]. На Носиловском II поселении гребенчатые и ямочные узоры составляют 94% элементов орнамента [Стоянов В. Е., 1975. С. 125].

Карта 18. Памятники воробьевского типа

1 — Таловка; 2 — Звериноголовское VI; 3 — Звериноголовское; 4 — Белое; 5 — Закоулово; 6 — Язеву I; 7 — Камынное II; 8 — Темляки; 9 — Белый Яр; 10, 11 — Речкино I, II; 12 — Байтово; 13 — Высокая Грива; 14 — Увал IV; 15 — Калинино; 16 — Бызова; 17 — Старое Лыбаево; 18 — Лихачево; 19 — Узлово; 20 — Березки II; 21 — Каменогорское; 22, 23a — Красный Камень, городище и селище; 24 — Дальнее Багарякское; 25 — Лужки IV; 26 — Никитино; 27 — Дегтярева; 28 — Далматовское; 29 — Затеченское; 30 — Максимова; 31 — Воробьево; 32 — Воробьевский I могильник; 33 — Мыльниково; 34 — Шадринский; 35 — Носилово II; 36 — Боровое; 37 — Боборыкино II; 38 — Прыгово; 39 — Прыгово (находки в насыпях курганов с погребениями гороховской и саргатской культур); 40 — Ильязово; 41 — Рафайлово II; 42 — Петрогром; 43 — Духовое; 44 — Глядени; 45 — Малахово; 46 — Шушарское II; 47 — Бессоново I; 48 — Юртинское I; а — городища, известные по разведкам; б — городища, исследованные раскопками; в — находки воробьевской керамики на гамаюнско-иткульских городищах; г — селища, известные по разведкам; е — селища, исследованные раскопками; ж — находки воробьевской керамики на гамаюнско-иткульских селищах; з — находки воробьевской керамики на гамаюнско-иткульских селищах; и — курганный могильник; к — находки воробьевской керамики в насыпях курганов гороховской и саргатской культур

Редко встречаются резные узоры и треугольные ямочные вдавления (табл. 115, 19). Оттиски из наклонно поставленной гребенки или ямок находятся также по срезу венчиков сосудов (табл. 115, 6, 11—16, 25, 30).

Орнаментация байтовской керамики отличается в деталях от носиловской. Здесь также орнаментировано большинство сосудов: на Узловском поселении — 96% всей керамики. Элементы орнамента

представлены главным образом круглоямочными вдавлениями и выпуклостями-«жемчужинами», а также треугольными оттисками уголка палочки или лопаточки, резными линиями и оттисками зубчатого штампа. Орнамент располагается преимущественно по шейке и плечикам сосудов, иногда проходит только по шейке или только по плечикам. Дно и тулово обычно не орнаментированы. Лишь иногда конические ямки рядами или в беспорядке покрывают тулово (табл. 116, 19, 26). Венчики сосудов часто покрыты наклонной насечкой (табл. 116, 18, 23, 25, 28). На Узловском поселении орнаментировано около 88% венчиков. На городищах Увал I, IV, V их значительно меньше, что отражает, очевидно, локальные, а возможно, хронологические различия. Композиции орнамента представлены горизонтальными рядами круглых ямок, «жемчужин», наклонных нарезок, оттисков уголка палочки и зубчатого штампа (табл. 116). Эпизодически встречаются узоры типа «елочки», зигзага, пересекающихся линий, треугольников. Чаще орнаментальные композиции включают различные элементы. Обычно это круглые и треугольные ямки в сочетании с нарезками или отпечатками зубчатого штампа (табл. 116, 18, 19, 23, 24, 28). Но в узорах может быть и один элемент — как правило, ямки и «жемчужины» (табл. 116, 21, 22, 26, 27).

По сравнению с носиловской керамикой на байтовской выше доля ямочно-«жемчужного» узора и меньше свойственной носиловской посуде зубчатой «елочки», а также почти нет зубчатой качалки и стол-

биков из горизонтальных оттисков гребенки. Такие оттиски на носиловской керамике (табл. 115, 11, 29, 31), возможно, отражают влияние иткульской культуры.

Вещевой инвентарь на памятниках носиловского и байтовского типов малочислен. На носиловских поселениях не обнаружены вещи из железа, не встречены также следы его выплавки иликовки. В байтовском жилище городища Увал V найдена железная булава с шаровидной головкой (табл. 116, 15), подобная известным в скифо-сакских памятниках и на Иткульском городище VI—IV вв. до н. э. [Сальников К. В., 1962а. Рис. 7, к]. Основные орудия труда и предметы вооружения делали из бронзы, кости, камня и дерева. Изделия из железа, видимо, только начинали входить в обиход. На это, помимо упомянутой булавки, указывает находка у д. Боровая в Нижнем Притоболье (байтовский ареал) биметаллического чекана (табл. 116, 10), датируемого по аналогии из Уйгарака VII—VI вв. до н. э. [Вишневская О. А., 1973. Табл. XX, 1]. Вероятно, первые (VII—VI вв. до н. э.) изделия из железа, в том числе оружие (табл. 116, 12), в лесостепном Притоболье и Приишимье были импортными.

Для обработки дерева и рыхления земли могли пользоваться бронзовыми кельтами. Они обнаружены на Воробьевском поселении, Лихачевском городище, а также в виде случайных находок на средней Исети и Тоболе (табл. 115, 3; 116, 5) [Чернецов В. Н., 1947. Рис. 22, 3, 7; Сальников К. В., 1965. Рис. 1; 2]. Бронзовые ножи без выделенной рукояти, подобные найденному на Носиловском II поселении (табл. 115, 5), имели многоцелевое назначение и были широко распространены. Часть бронзовых кельтов и ножей, видимо, поступала от населения иткульской культуры горнолесного Зауралья, где найдены формы для отливки этих предметов [Сальников К. В., 1962а. Рис. 6, ж; Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е., 1984. Рис. 4, 7, 15. С. 141], а часть, вероятно, отливалась на месте из лома, поскольку на байтовском Юдинском селище найдены обломки тиглей и литейной формы (табл. 116, 17). Каменные песты, аналогичные встреченному на Воробьевском поселении (табл. 115, 4), служили для разбивания твердых предметов, и возможно, для дробления руды. Такое назначение их засвидетельствовано на памятниках поздней бронзы Казахстана и иткульской культуры Урала [Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. С. 240; Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е., 1984. С. 139. Рис. 3, 7]. На городище Увал V и Юдинском селище найдены плоскоцилиндрические пряслица, сделанные из фрагментов керамики или глины и орнаментированные иногда зубчатыми и ямочными наколами (табл. 116, 6—8). На некоторых городищах и селищах обнаружены цилиндрические глиняные предметы неизвестного назначения, возможно грузила (табл. 116, 11, 16), иногда они изготовлены из талька [Викторова В. Д., 1969. С. 9].

Предметы вооружения представлены случайной находкой биметаллического чекана, кинжалом, бронзовыми трехлопастными втульчатыми и черешковыми наконечниками стрел и фрагментами костяных черешковых наконечников стрел (табл. 116, 2—4,

9, 10, 12). Украшения характеризует только железная булава с шаровидной головкой (табл. 116, 15).

Носиловские памятники датированы В. Е. Стояновым VII—VI вв. до н. э. по вещам, встреченным в одном слое с керамикой носиловского типа, в частности, бронзовым ножом без выделенной рукояти (табл. 115, 5), аналогии которому имеются преимущественно в комплексах того времени [Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 5, 9; 43, 10. С. 389; Максимова А. Г., 1960. Рис. 12, 4; Вишневская О. А., 1973. Табл. XXI, 12]. Здесь же, на Носиловском II поселении, обнаружен фрагмент керамики, орнаментированный крестовым штампом [Стоянов В. Е., 1975. С. 129. Рис. 5, 5], характерным для посуды Томского могильника и городищ Завьялово 1, 5, датированных VII—VI вв. до н. э. [Комарова М. Н., 1952. Рис. 21, 7; 22, 52; Троицкая Т. Н., 1968. Рис. 47, а, б, ж; 1970. Рис. 3, а, в]. С керамикой носиловского типа соотносят также обнаруженные на Воробьевском поселении бронзовый кельт с перегородкой и валиковым орнаментом (табл. 115, 3) [Стоянов В. Е., 1975. С. 129], датируемый VIII—VI вв. до н. э. [Чернецов В. Н., 1947. С. 68], и обломок каменного песта (табл. 115, 4), который можно датировать концом II — первой третью I тысячелетия до н. э. [Черников С. С., 1960б. С. 45. Табл. XXXIX, 7; LXXVIIa, 11; Заднепровский Ю. А., 1962. С. 33, 64. Табл. XXIX, 18; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. Табл. XI, 2]. Наконец, сосуд носиловского типа найден на Карьковском поселении на Ишиме вместе с крестовой керамикой VIII—VII вв. до н. э. [Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969. С. 63].

Хронология байтовских комплексов устанавливается по ограниченному числу находок. В жилище 3 Лихачевского городища обнаружен бронзовый кельт с перегородкой во втулке, орнаментированный валиками. По пропорциям он напоминает ананьинские кельты и датируется VII—IV вв. до н. э. [Чернецов В. Н., 1947. С. 71; Кузьминых С. В., 1983. С. 175. Табл. LIX, 6]. Подобный же кельт происходит из д. Байтово и, возможно, связан с Байтовским городищем (табл. 116, 5) [Сальников К. В., 1965. Рис. 2, 8]. На городище Увал V вместе с байтовской керамикой найдена, как упоминалось, железная булава с шаровидной головкой, аналогичная известным в скифо-сакских памятниках VI—IV вв. до н. э. [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. Рис. 80. Табл. 1, 2, 3; Петренко В. Г., 1978. С. 15. Табл. 9, 30—35], а на Юдинском селище — бронзовый трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой IV—III вв. до н. э.

Таким образом, время бытования памятников байтовского типа определяется в пределах VII—IV вв. до н. э. Но скорее всего верхним рубежом является именно первая половина IV в. до н. э., поскольку в конце V—IV в. до н. э. на байтовской территории распространяются памятники гороховской и саргатской культур.

Происхождение носиловского и байтовского культурных комплексов связано с местными культурами периода поздней бронзы Притоболья и Приишимья, представленными памятниками с керамикой бархатовского типа, к которым относятся поселения Бар-

хатово; Ново-Шадрино II; городища Красногорское; Кучум-гора и др. [Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1984. С. 85—88; Голдина Р. Д., 1969. Табл. 73—75]. Керамика этих памятников с орнаментацией из рядов ямок, «жемчужин» в сочетании с насечками и оттисками зубчатого штампа в Притоболье и Приишимье трансформируется в байтовскую, а на средней Исети, испытав воздействие позднебронзовых межовских и раннеиткульских компонентов, — в носилловскую. Kontakтами с лесным населением объясняется появление на носилловской керамике архаичной орнаментации в виде качалки (табл. 115, 11, 19), восходящей к культурам лесного Зауралья периодов ранней и развитой бронзы [Косарев М. Ф., 1981. Рис. 18, 1; 29, 5]. Специфика генезиса при общей этнокультурной подоснове обусловила черты сходства и различия в культуре населения носилловского и байтовского типов.

Отмеченные особенности орнаментации носилловской керамики указывают на связи носилловского населения с этносом иткульской культуры, наложившие специфическую окраску на облик декора носилловской посуды. В Притоболье байтовское население находилось в тесных контактах с населением, оставившим памятники воробьевского типа. Об этом свидетельствуют совместные находки воробьевской и байтовской керамики на поселениях (городища Рафайлово; Увал IV, V; Старое Лыбаево; селище Речкино I и др.) [Стоянов В. Е., Ширяев А. Г., 1964. Табл. III, 1, 5]. На Байтовском городище доля керамики байтовского типа 85%, воробьевского — 15%. На Лихачевском городище встречен сосуд воробьевского типа [Стоянов В. Е., 1975. С. 132]. В VI в. до н. э. воробьевское население сменило «носилловцев» на средней Исети и вступило в тесный контакт с «байтовцами» на нижней Исети и в Среднем Притоболье.

В конце V — первой половине IV в. до н. э. воробьевское население на средней Исети и левобережье Среднего Притоболья вошло в состав населения гороховской культуры, а байтовское население нижней Исети, правобережного Притоболья и Тоболо-Ишимского междуречья вместе с проникавшими в его среду отдельными группами «воробьевцев» было включено в состав постепенно продвигавшегося сюда этноса саргатской культуры. На это указывают байтовские черты, отмечаемые в ранней саргатской керамике Притоболья.

Определить этническую принадлежность «байтовцев» трудно. А. В. Матвеев [1986а. С. 87], исходя из трактовки сообщений Аристия, идентифицирует «байтовцев» с исседонами, а сменивших их саргатцев — с аримаспами. Это гипотетично в той же мере, что и точка зрения К. В. Сальникова [1966. С. 124] о связи с исседонами этноса гороховской культуры.

ПАМЯТНИКИ ВОРОБЬЕВСКОГО ТИПА (КОНЕЦ VII—IV в. до н. э.). Памятники воробьевского типа выделены В. Е. Стояновым [1969а. С. 57—60; 1969б. С. 6; 1970. С. 241], показавшим своеобразие воробьевского комплекса керамики и связанных с ней остатков поселений и жилищ построек. Свое название они получили по исследованному В. Е. Стояновым Воробьевскому городищу (к данному типу памятников относится лишь сред-

ний слой) на Исети, близ г. Шадринск. Рекогносцировочные раскопки поселений с керамикой воробьевского типа проводились К. В. Сальниковым [1956. С. 210, 211. Рис. 17, 1, 3] и другими археологами, которые не вычленили воробьевские комплексы из материала сарматского времени лесостепного Зауралья. На реках Пышма и Ница поселения с керамикой воробьевского типа выявлены В. Д. Викторовой [1969. С. 8].

Памятники воробьевского типа представлены укрепленными и неукрепленными поселениями, локализующимися по среднему Тоболу, ниже устья р. Убаган, по средней и отчасти нижней Исети, а также в среднем течении Ницы и Пышмы (карта 18). Наиболее западные поселения известны в горнолесном Зауралье. Предположительно к памятникам воробьевского типа может быть отнесен Шадринский могильник [Генинг В. Ф., 1962. С. 104. Рис. 39], культурная принадлежность которого недостаточно ясна.

Хронология комплексов воробьевского типа определяется находками в воробьевских слоях отдельных датирующих вещей, стратиграфическими наблюдениями, взаимовстречаемостью воробьевской и байтовской керамики в жилищах и ямах ряда поселений.

На Воробьевском поселении с воробьевским комплексом соотносятся найденные здесь обломки глиняных форм для отливки бронзовых ножей с петлевидной прорезью в рукояти (табл. 117, 12—14). Такие ножи в памятниках тагарской культуры датируются VII—VI вв. до н. э. [Членова Н. Л., 1967. Табл. 38, 1, 18—20]. С воробьевскими комплексами связаны находки железной булавы с гроздевидной головкой (табл. 117, 11), подобной булавке с Иткульского городища VI—IV вв. до н. э. [Сальников К. В., 1962а. С. 41. Рис. 7, к; Бельтикова Г. В., 1977. С. 132], и бронзового трехлопастного втульчатого наконечника стрелы (табл. 117, 3), датируемого по сарматским аналогиям V—III вв. до н. э. Сосуд воробьевского типа (табл. 117, 23) встречен под насыпью кургана III Шадринского могильника, датируемого VI—IV вв. до н. э., а скорее — концом этого периода [Генинг В. Ф., 1962. С. 104]. На Речкинском I селище в жилище и в ямах 3 и 4 вместе с воробьевской керамикой найдены в небольшом количестве (как примесь) обломки сосудов байтовского типа [Стоянов В. Е., Ширяев А. Г., 1964. С. 81], а сосуд воробьевского типа встречен в байтовском жилище Лихачевского городища [Стоянов В. Е., 1975. С. 132], что говорит о хотя бы частичной синхронности комплексов воробьевского и байтовского типов в рамках VI—IV вв. до н. э. На памятниках средней Исети (Воробьевское городище; Боровое селище; Воробьевский I могильник) напластования с материалом воробьевского типа перекрыты гороховскими комплексами, V—III вв. до н. э., что свидетельствует о более раннем возрасте воробьевских комплексов Исети по отношению к гороховским [Стоянов В. Е., 1969а. С. 60; 1973. С. 50]. Встреченная в насыпях курганов I, IV, VIII Воробьевского I могильника IV—II вв. до н. э. керамика воробьевского типа происходит из культурного слоя существовавшего здесь ранее селища [Стоянов В. Е., Фролов В. Н., 1962. Рис. 32, 4], что говорит о большей древности фрагментов воробьевских сосудов по

сравнению с гороховскими комплексами могильника.

Приведенные данные позволяют определить хронологию памятников воробьевского типа в пределах конца VII—IV в. до н. э., в основном синхронизируя их с байтовскими.

Поселения воробьевского типа расположены на надпойменных террасах рек и представлены селищами и городищами. Точные размеры поселений определить трудно, поскольку среди них преобладают многослойные, с материалами различных хронологических периодов, которые зачастую планиграфически и стратиграфически четко не разделяются. Более определенно фиксируются площади поселений, где воробьевский комплекс доминирует: Речкинское I селище — около 13 тыс. кв. м [Стоянов В. Е., Ширяев А. Г., 1964. С. 73], Носиловское II городище с селищем — около 20 тыс. кв. м [Стоянов В. Е., 1975. С. 115]. Средняя мощность культурного слоя 0,3—0,5 м, в углублениях — до 0,6—0,9 м.

Наиболее ранние городища (VII—VI вв. до н. э.) простейшие, одноплощадочные, окружены полукольцевой линией укреплений, состоящей из вала и рва. В более позднее время (V—IV вв. до н. э.) появляются двуплощадочные городища [Стоянов В. Е., 1970. С. 241], у которых площадка поселения, прилегающая к первоначальному валу, ограждена дополнительными валом и рвом (табл. 115, 2; 117, 2).

Устройство укреплений воробьевских поселений исследовалось на Носиловском II городище [Стоянов В. Е., 1975. С. 120, 121], где система фортификации сооружалась в два этапа. Первоначально она состояла из закрепленного основанием в канаве частокола, нижняя часть которого служила каркасом вала. С внешней стороны параллельно валу шел неглубокий (не менее 0,9 м) ров (ширина 1,2 м). Наружный откос вала, переходящий в склон рва, был снабжен деревянной крепью. Позднее это укрепление было усилено. Ров стал шире (не менее 3 м) и глубже (до 1,5 м), а вал — выше и шире и был с внутренней стороны укреплен деревянной крепью, поддерживаемой столбами. Внешний склон вала и рва был облицован деревом, а на гребне вала была поставлена бревенчатая стена.

На воробьевских поселениях исследовано пока только пять жилищ: одно — на Речкинском I селище; два — на Носиловском II городище; два — на поселении Боровое [Стоянов В. Е., 1969а. Рис. 26, 2, 3, 5; 1975. С. 119; Стоянов В. Е., Ширяев А. Г., 1964. С. 73]. Все жилища обособленные однокамерные полуземляночные. По особенностям конструкции они могут быть разделены на три вида: 1) с почти прямоугольным котлованом (табл. 117, 1); 2) с углублением неправильных очертаний и выступом выхода; 3) прямоугольное с выступом выхода и очагом на дне специального углубления (табл. 117, 5). Очаги в жилищах располагались в средней части или у одной из стенок, на уровне пола или в углублении. Размеры котлованов жилищ 3,5×3,65—3,2×7,2 м, глубина 0,6—0,9 м от уровня современной поверхности. Четкие очертания выхода почти никогда не прослеживаются. Перекрытия в центральной части, вероятно, поддерживались столбами, от которых иногда сохраняются столбовые ямки (диаметр 20—25 см, глубина 0,16—0,30 м; табл. 117, 1).

Отсутствие четких прямоугольных контуров котлованов жилищ объясняется, по-видимому, тем, что стенки углубленных в землю частей построек не имели прочной бревенчатой облицовки, а стены в наземной части сооружений опирались на деревянную раму, уложенную на поверхности земли по периметру котлована [Стоянов В. Е., 1969а. С. 57]. Подобные конструкции жилищ отмечены у обских угров [Соколова З. П., 1957. С. 91, 96].

Помимо жилищ, на поселениях открыты остатки ям (1,5×2,2 м, глубина до 0,75 м), имевших, возможно, хозяйственное назначение. В ямах встречена керамика воробьевского типа. Две ямы имелись также в жилищном углублении Носиловского II городища (диаметры их 1,25 и 0,75×0,5 м, глубина 0,3 м).

Основную массу находок на поселениях составляет керамика. Посуда воробьевского типа изготовлена ленточным налепом из глины с обильной примесью талька и слюды. Поверхность заглажена мягким предметом или затерта концом щетки или зубчатым штампом. Обжиг костровый, несильный. Сосуды круглодонные, чаще яйцевидной, реже — шаровидной формы. Дно утолщено. Шейка сосуда обычно также утолщена и сверху плоско срезана. По форме верхней части тулова выделяется три типа сосудов [Стоянов В. Е., Ширяев А. Г., 1964. С. 76]. Сосуды первого типа, составляющие большинство, имеют прямые вертикальные шейки, резко переходящие в тулово (табл. 117, 18, 20—22). Сосуды второго типа — с прямой, резко отогнутой наружу шейкой и таким же резким переходом к тулову (табл. 117, 23) — количественно несколько уступают сосудам первого типа и типологически близки к ним. Сосуды третьего типа — с дугообразно отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей в тулово (табл. 117, 17, 19), — относительно малочисленны. Такая профилировка сосудов не характерна для керамики воробьевского типа и более присуща керамике гороховской и саргатской культур. На Речкинском I селище сосуды первого типа составляют 45%, второго — 41% и третьего — около 14% всей посуды.

Большинство керамики орнаментировано. Орнамент располагается в основном на шейке и плечиках, но встречается также и по венчику, приблизительно у 25% сосудов. Преобладают узоры, выполненные оттисками длинного крупнозубчатого штампа, реже — нарезкой. Орнаментальные композиции представлены горизонтальной «елочкой», вертикальным зигзагом, рядами наклонных оттисков штампа (табл. 117, 17, 18, 21, 23). Довольно часто зона орнамента ограничивается снизу узором типа «шагающей гребенки» (табл. 117, 19, 22), а в отдельных случаях — зигзагом или волной, прочерченной зубчатым штампом (табл. 117, 20, 23). Крупные сосуды, предназначавшиеся для хранения продуктов, имеют иногда на тулове круглые сквозные отверстия (табл. 117, 20, 22).

Орудия труда представлены единичными экземплярами. Судя по найденным на Носиловском городище фрагментам глиняных форм для отливки ножей (табл. 117, 12—14), население пользовалось в быту бронзовыми ножами без выделенной рукояти, имевшей у конца петлевидное отверстие для подвешивания. Нередко на поселениях находят плоские

круглые глиняные пряслица, украшенные лучевым орнаментом, выполненные гребенкой или насечкой. Часто они изготавливались из орнаментированных стенок глиняных сосудов (табл. 117, 6—9). Для обработки дерева и рыхления земли, вероятно, пользовались бронзовыми кельтами с валиковым орнаментом, найденными в ареале воробьевских памятников (табл. 117, 15) [Сальников К. В., 1965. Рис. 2, 3—7].

Из предметов вооружения воробьевского типа обнаружено лишь два бронзовых втульчатых наконечника стрел (табл. 117, 3, 4), которые по савромато-сарматским аналогиям можно датировать V—III вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. Табл. V, тип XIII]. Вероятно, в употреблении находились также костяные наконечники стрел. Но кость плохо сохраняется в сусебаном культурном слое, который характерен для большинства поселений воробьевского типа.

Украшения почти не обнаружены. К ним могут быть отнесены лишь железная булава (табл. 117, 11) и медная витая гривна из дрота четырехугольного сечения (табл. 117, 10) [Генинг В. Ф., 1962. Рис. 42, 2]. Подобные гривны представлены в погребении ананьинской культуры V—IV вв. до н. э. [Збруева А. В., 1952. С. 76].

Достоверные погребения с воробьевской керамикой не обнаружены. Воробьевский сосуд встречен под насыпью кургана III Шадринского могильника VI—IV вв. до н. э. (табл. 117, 23) [Генинг В. Ф., 1962. С. 104. Рис. 39], что позволяет предполагать связь данного кургана, а возможно, и всего могильника с воробьевским населением. Поэтому на характеристике данного памятника следует остановиться подробнее. Всего здесь исследовано шесть курганов (диаметр 7—12—13 м, высота до 0,7 м), располагавшихся цепочкой вдоль древнего берега р. Исеть. Под центрами курганов находились небольшие могильные ямы (глубина до 0,35—0,4 м от уровня древней поверхности), ориентированные в направлении север—юг или с небольшими отклонениями. Все погребения повреждены грабителями. В кургане VI сохранились остатки костяка, лежавшего на спине вытянуто, черепом на север. На шее погребенного находилась бронзовая витая гривна (табл. 117, 10), у левой голени — бронзовый наконечник стрелы (табл. 117, 4). Под насыпью кургана III на уровне древней дневной поверхности, на расстоянии до 4 м от могильной ямы, были обнаружены целый сосуд (табл. 117, 23), фрагменты нескольких сосудов и каменная курильница с четырьмя сосцевидными выступами на дне (табл. 117, 16) и со следами закопченности [Генинг В. Ф., 1962. Рис. 39; 40, 1—6]. По форме эти курильницы напоминают некоторые глиняные курильницы саргатской культуры, имеющие на дне по сосцевидному выступу (табл. 126, 46, 57) [Стойнов В. Е., 1969в. Табл. 36, 1]. Местоположение Шадринского комплекса находок, как и их состав позволяют думать об использовании предметов из кургана III в поминальных церемониях.

Находка под насыпью кургана III фрагментов воробьевской керамики и целого сосуда, поставленного туда специально перед возведением насыпи, а также расположение могильника в ареале синхронных памятников воробьевского типа дает основание

предполагать, что Шадринский могильник связан с воробьевским населением. К сожалению, малое число исследованных курганов и их разграбленность не позволяют в полной мере представить погребальный ритуал.

Ввиду слабой исследованности вопрос о хозяйстве населения лесостепного Зауралья VI—IV вв. до н. э. остается во многом неясным. Супесчаный культурный слой на многих памятниках обусловил плохую сохранность остеологических остатков, а многослойность поселений затрудняет культурную привязку остатков фауны.

Бесспорные свидетельства занятия земледелием — остатки зерен культурных растений, орудия возделывания почвы и уборки урожая — на памятниках не обнаружены. Для рыхления земли могли, правда, служить бронзовые кельты. Можно думать, что земледелие все же было, но играло весьма ограниченную роль в хозяйстве.

Основу хозяйства составляло оседлое пастушеское придомное скотоводство. Остеологические остатки определены на поселениях Речкино I, городищах Носиловском II, Воробьевском и Зотинском II [Смирнов Н. Г., 1975. С. 37, 38; Косинцев П. А., 1986. С. 81, 83]. Кости домашних животных принадлежат 48 особям, диких — 13 особям, т. е. доля домашних животных — около 80%. Ограниченный объем материала не дает полного представления о составе стада. Однако можно отметить почти одинаковое количество крупного рогатого скота и лошади (соответственно 20 и 19 особей). Примечателен малый удельный вес остатков мелкого рогатого скота (четыре особи; около 10%), а при учете способности этого вида к воспроизводству его роль в составе стада становится еще меньше. Остатки собаки представлены тремя особями, это около 6,5% остатков домашних животных. На Воробьевском городище найдены кости свиньи (одна особь). Большой удельный вес крупного рогатого скота, присутствие свиньи и малочисленность мелкого рогатого скота свидетельствуют об оседлом характере скотоводства. Слабое развитие свиноводства обусловлено, по-видимому, ограниченной ролью земледелия. На Носиловском II и Воробьевском городищах найдены остатки двух особей верблюда, отражающие, очевидно, контакты с югом.

Среди диких животных представлены лось (четыре особи), козуля (пять), северный олень (одна), кабан (одна), бобр (две). Состав видов указывает на преобладание мясного направления в охоте. В какой-то мере, вероятно, была развита и пушная охота.

Вероятно, ограниченную роль играло также рыболовство. Данных об остатках ихтиофауны на поселениях нет. Возможно, цилиндрические глиняные предметы, найденные в комплексах байтовского типа, служили грузилами для сетей. Для ловли рыбы могли использоваться заборы и другие орудия лова, остатки которых не сохранились.

Находки пряслиц указывают на занятия прядением и ткачеством. Существовали косторезное и другие обрабатывающие ремесла.

Особо следует остановиться на развитии металлургии. Находки на поселениях бронзовых кельтов, ножей (городища Носилово II; Лихачево), тиглей, а также форм для отливки ножей и других вещей (го-

родище Воробьевское, селище Юдинское) указывают на бронзолитейное производство и на то, что в VI—IV вв. до н. э. или по крайней мере в VI—V вв. до н. э. преобладали бронзовые орудия труда, хотя изделия из железа, как это видно по находкам железных булавок и биметаллического чекана, были также известны.

Широкое распространение орудий труда и оружия из железа в лесостепном Зауралье и Западной Сибири начинается, очевидно, в V—IV вв. до н. э. В пришедших в то время на смену описанным комплексам памятниках гороховской и саргатской культур все основные предметы вооружения и орудия труда, кроме части наконечников стрел и кельтов, изготовлены из железа.

В конце IV в. до н. э. ареал памятников воробьевского типа был перекрыт гороховской культурой, распространившейся на среднюю Исеть с юга и юго-запада и занявшей частично юго-западную перифе-

рию территории памятников баитовского типа в Среднем Притоболье.

Вопрос о происхождении памятников воробьевского типа пока еще далек от разрешения. Архаичный облик керамики, преобладание высоких сосудов яйцевидной формы, гребенчатая орнаментация и такие элементы, как «шагающая гребенка», зигзаг, «елочка», наводят на мысль, что в генезисе воробьевского комплекса участвовали культуры эпохи бронзы южной части лесного Зауралья, носители которых, вероятно, в конце эпохи бронзы и на рубеже бронзового и железного веков несколько продвинулись к югу [Косарев М. Ф., 1981. С. 193, 244; Стоянов В. Е., 1970. С. 250]. Эти комплексы сближают с воробьевскими жилища с котлованами неправильных форм и устройство очагов в специальных углублениях [Стоянов В. Е., 1970. С. 250]. Близость облика воробьевской и иткульской керамики указывает на общие элементы в их генезисе.

Гороховская культура

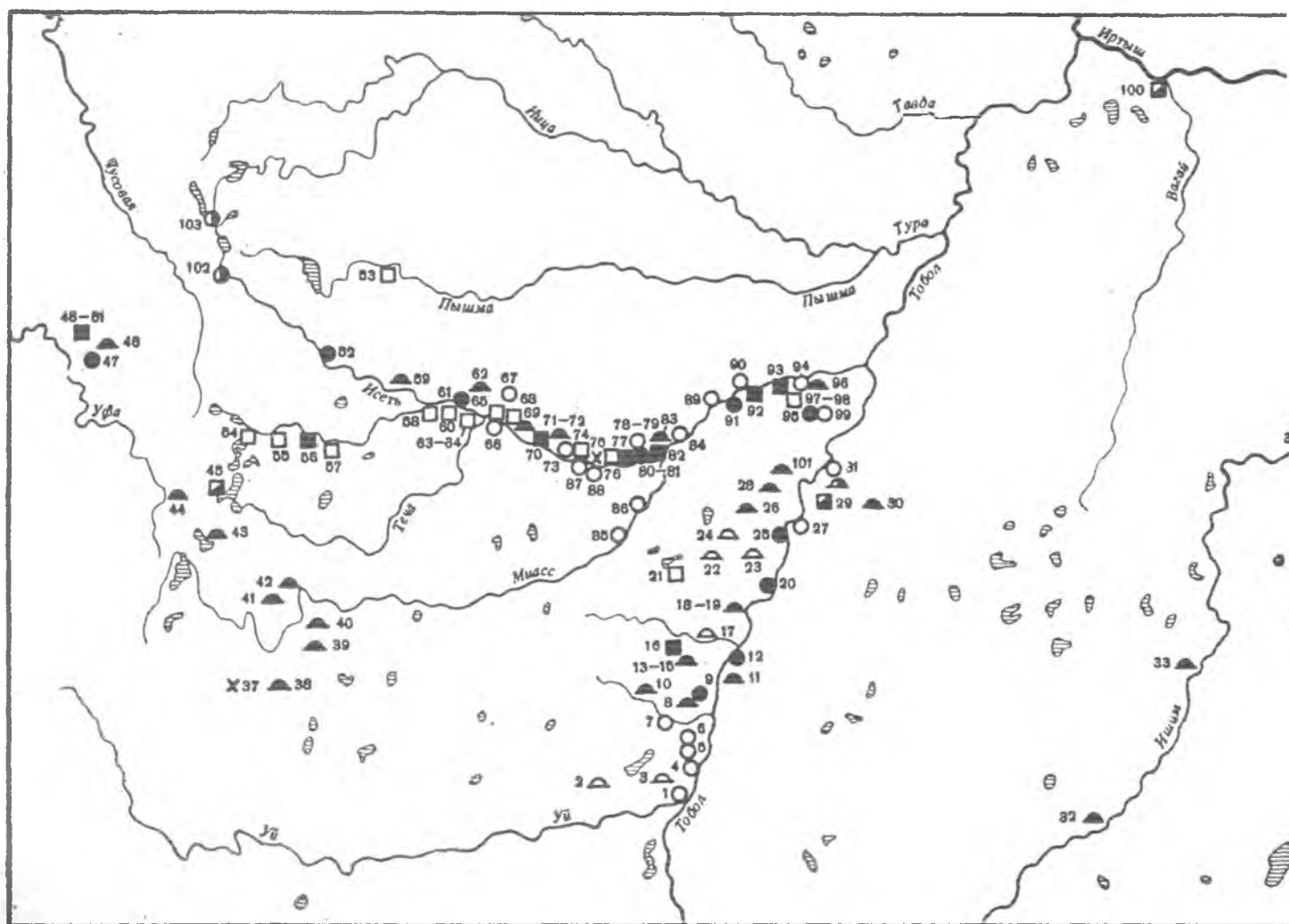
Гороховская культура как особый археологический комплекс среди культур лесостепного Зауралья была выделена К. В. Сальниковым [1947. С. 221—237; 1962а. С. 23; 1966. С. 118—124]. Это название она получила по одному из ключевых памятников — городищу Чудаки у с. Горохово на р. Юргамыш, где К. В. Сальников [1940. С. 69—71; 1947. С. 221—230] раскопал пять жилищ и по особенностям микрорельефа описал планировку и оборонительные сооружения памятника. В одну культуру с гороховским городищем исследователь объединил ряд поселений и курганов, расположенных в бассейнах средней и верхней Исети, среднего Тобола, и датировал их сарматским временем — с IV—III вв. до н. э. до первых веков нашей эры [Сальников К. В., 1947. С. 235; 1966. С. 120—122]. Проводя достаточно четкую грань между сарматскими и гороховскими памятниками, К. В. Сальников [1966. С. 118] не разделял в Зауралье гороховские и саргатские. Так, ряд курганов Зауралья, относящихся к саргатской культуре, — Пивкинские, Мысовские, Долговские, он причислял к гороховским [Сальников К. В., 1947. С. 233; 1966. С. 123]. По мнению К. В. Сальникова [1966. С. 124], гороховская культура была оставлена угорскими племенами.

На средней Исети и среднем Тоболе исследования памятников гороховской культуры проводил В. Е. Стоянов (Воробьевские курганы, городище и селище, Катайское селище, курган и селище Боровое и др.) [Стоянов В. Е., А-1961; А-1962¹; Стоянов В. Е., Фролов В. Н., 1962]. Он показал их своеобразие по сравнению с памятниками саргатской культуры, уточнил ареал и хронологию гороховской культуры, картографировал основные памятники [Стоянов В. Е., 1973]. По мнению В. Е. Стоянова [1973. С. 50, 56], гороховская культура датируется V—II—I вв. до н. э. От суждений относительно этнической интерпретации культуры исследователь воздерживается.

Ареал гороховской культуры занимает в основном бассейн среднего Тобола, средней и верхней Исети, в пределах современных Курганской обл., юго-востока Свердловской и северо-востока Челябинской, а также восточные горные районы Башкирии (карта 19). Точные границы этого ареала пока не определены. Наиболее западные гороховские памятники — погребения в курганах Истокском, Березки V, окрестностях Челябинска [Сальников К. В., 1947. С. 232, 233; 1966. С. 122, 123; Шорин А. Ф., 1979. С. 57—60; Минко М. К., 1907. С. 105, 106] и ряд поселений и курганов в долине р. Ай на Южном Урале, имеющих своеобразные локальные черты [Пшеничнюк А. Х., 1973. С. 236. Рис. 37; Лебедев А. И., 1984. С. 24, 25; 1986. С. 73, 74]. К востоку от р. Тобола известно только одно погребение у с. Соколовка на р. Ишим [Акишев К. А., 1959б. Табл. IV, 2, 3]. Судя по конструкции деревянного шатрового перекрытия, аналогичного перекрытиям Шмаковских курганов, к памятникам гороховской культуры может быть отнесен курган Кенес (табл. 118, 15) [Хабдулина М. К., 1976. С. 201. Рис. 1].

На значительной территории своего распространения, в Среднем Притоболье и на Исети, гороховские памятники локализуются в ареале, ранее занятом памятниками носилового, баитовского, иткульского и воробьевского типов. На некоторых поселениях среднего течения Исети гороховскими материалами перекрыты напластования с воробьевскими комплексами (Воробьевское городище; Боровое селище и др.), что говорит об относительно позднем возрасте гороховских памятников средней Исети [Стоянов В. Е., 1969а. С. 60]. Принимая во внимание, что наиболее ранние памятники гороховской культуры (V—IV вв. до н. э.) известны на юге и западе гороховского ареала (курганы Раскатиха; Кенес; на 11-й версте Миасского тракта; селище Лужки I) [Стоянов В. Е., 1973. С. 50—53], можно предполагать, что около IV в. до н. э. была миграция населения гороховской культуры на север, приведшая к распространению их на среднюю Исеть и средний Тобол, занятые ранее населением, культу-

¹ Материалы из Архива Института археологии АН СССР. Подробно см. ниже: Архивные материалы.

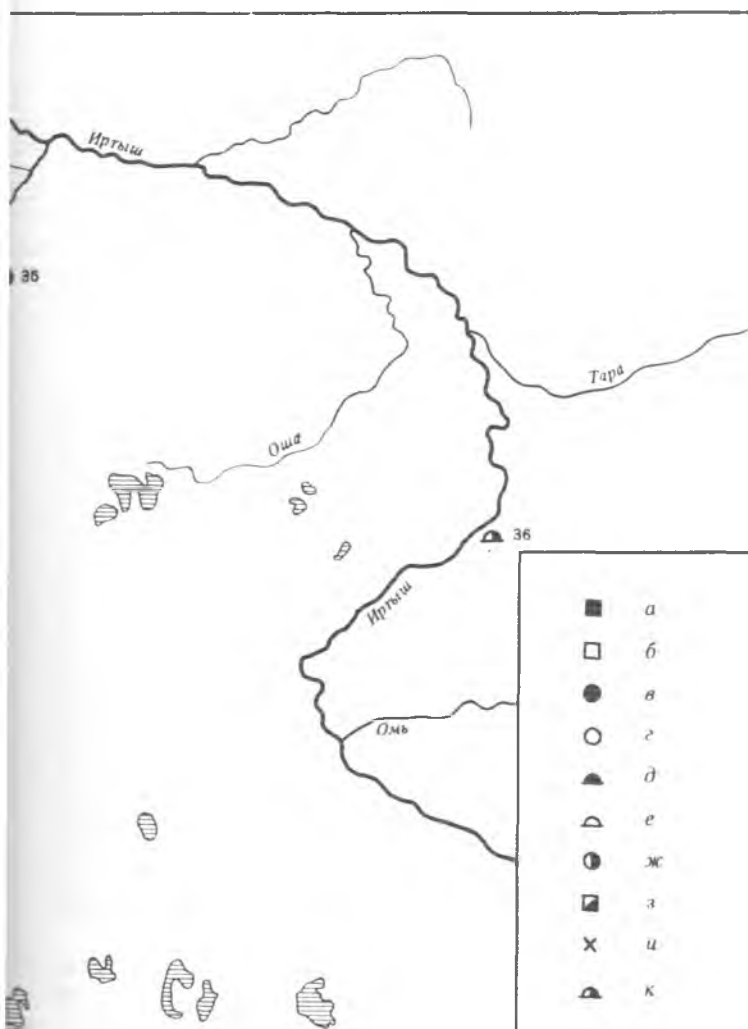
Карта 19. Памятники гороховской культуры

1 — Таловка; 2 — Угловое; 3 — «Труд и Знание»; 4 — Лебяжье; 5 — Белое; 6 — Редуть II; 7 — Закоулово; 8, 9 — Язеве I, II; 10 — Куртамыш; 11 — Раскатиха; 12 — Камышное II; 13 — Елесина Яма; 14 — Разбегаево; 15 — Ерохино; 16 — Горохово (Чудаки); 17 — Шмаково Юргамышского р-на; 18 — Царев; 19 — г. Курган; 20 — Белый Яр XII; 21 — Острова; 22 — Скаты; 23 — Гагарье; 24 — Ачикуль; 25 — Речкино I; 26 — Шмаково Белозерского р-на; 27 — Крутиха; 28 — Вагина; 29 — Увал; 30 — Шикаевка, предположительно гороховский; 31 — Коркино II; 32 — Кенес; 33 — Соколовка; II; 34 — Узлово; 35 — Боровлянка 3; 36 — Богданово III (курган 2); 37 — Еманжелинск; 38 — Шатрово; 39 — Исаковский; 40 — на 11-й версте Миасского тракта; 41 — Синеглазово; 42 — Сухомосово; 43 — Исток; 44 — Березки VB; 45 — Иртяш; 46 — Кадырово; 47 — Юнусово; 48 — Гумерово; 49 — Карналино; 50 — Тармалино; 51 — Айское; 52 — Лужки I; 53 — Коровяковское; 54 — Большое Сякрикское; 55 — Большое Казахбаевское; 56 — Малое Казахбаевское; 57 — Зубчатое; 58 — Никитино; 59 — Савина; 60 — Дегтярева; 61 — Катайское; 62 — Катайский; 63 — Большое Ильинское; 64 — Малое Ильинское; 65 — Далматово; 66 — Затеченское; 67 — Ближняя Ольховка; 68 — Суварыш; 69 — Замараево; 70 — Воробьево; 71, 72 — Воробьевский I, II; 73 — Мыльниково; 74 — Большое Мыльниково; 75 — р. Исеть у г. Шадринск; 76 — Погорелка; 77, 78 — Погорелка I, II; 79 — Носилово III; 80 — Борское; 81 — Боборыкино II, IV, V; 82 — Прыгово; 83 — Прыговские I, II; 84 — Ильякова; 85 — Татарский Бор; 86 — Усть-Миасское; 87 — Мишагино II; 88 — Пырожки; 89 — Туруцево I; 90 — Бархатово; 91, 92 — Рафайлово II, I; 93, 94 — Ботники II, III; 95 — Марьино ущелье; 96 — Красногорское; 97 — Ингалинка; 98 — Верх-Ингалинское; 99 — Путилово; 100 — Старый Погост; 101 — Тюрино, курган 2; 102 — Малахово; 103 — Юргино; а — городища, исследованные

раскопками; б — городища, исследованные разведками; в — селища, исследованные разведками; г — селища, исследованные разведками; д — курганные могильники, исследованные раскопками; е — курганные могильники не исследованные, предположительно гороховские; ж — находки гороховской керамики на инокультурных селищах; з — находки гороховской керамики на инокультурных городищах; и — находки гороховских сосудов из разрушенных курганов; к — находки гороховской керамики в курганах саргатской культуры

ра которого характеризовалась главным образом комплексами воробьевского и баитовского типов, а также в долины Южного и Среднего Урала, в ареал населения иткульской культуры [Берс Е. М., 1951. Рис. 3, 6]. Решение проблемы миграции гороховцев упирается в дальнейшее исследование памятников всех названных культурных типов.

В целом гороховская культура исследована слабо. Памятники ее представлены поселениями и курганными могильниками. Поселения раскапывались мало. Наиболее обширные раскопки проведены на городище Чудаки [Сальников К. В., 1940; 1947; Бельтикова Г. В., 1976], небольшие — на городищах и селищах Малое Казахбаевское, Ипатовское, Боборыкино IV, Лужки, Воробьевское, Катайское, Прыговское, Язевское I, Ботники II (Сальников К. В., 1951; 1956; Стоянов В. Е., 1969а. С. 56; 1973. С. 52; Генинг В. Ф., Позднякова М. К., 1964.

С. 49, 50; Потемкина Т. М., 1985. С. 30—32; Матвеева Н. П., 1986б. С. 191]. Вскрыто 20 жилищ и лишь на городищах Чудаки, Малом Казахбаевском и Воробьевском частично исследованы оборонительные сооружения. Вещественный материал поселений представлен главным образом керамикой; орудия труда и особенно датирующие предметы редки.

Проведены также раскопки 24 курганных могильников, часть которых представлена одиночными курганами. Вскрыто более 40 курганов, под которыми исследовано около 50 погребений. Большинство погребений разграблено, что сильно снижает их информативность. Анализ материала, полученного при раскопках, содержится в основном в работах К. В. Сальникова [1940; 1947; 1966] и В. Е. Стоянова [1969а; 1969б; 1973; 1977].

Детальная хронология гороховской культуры и ее периодизация не разработаны в известной мере из-за ограниченного количества материала и бедности его датирующими вещами.

Наиболее ранние памятники гороховской культуры относятся к V—IV вв. до н. э. (курганы Раскатиха; Кенес; на 11-й версте Миасского тракта; поселение Лужки I). Основанием для такой датировки служат найденные в погребениях Раскатихи и на 11-й версте Миасского тракта бронзовые наконечники стрел (табл. 119, 21—24), имеющие аналогии в савроматских комплексах V—IV вв. до н. э. [Стоянов В. Е.,

1973. С. 50, 51, 54]. Поселение Лужки I и курган Кенес по найденным в них каменным жертвенникам на ножках датируются савроматским временем (табл. 119, 50, 53) [Стоянов В. Е., 1973. С. 52. Рис. 3, 2; Хабдулина М. К., 1976. С. 201. Рис. 2].

Самая поздняя дата — II—I вв. до н. э. (погребение 4 кургана 1 Воробьевского I могильника) — определяется по бронзовому зеркалу с утолщенным ободком по краю (табл. 119, 9) [Стоянов В. Е., 1973. С. 56]. Большинство памятников, очевидно, относится к IV—III вв. до н. э. Но следует оговориться, что большинство поселений гороховской культуры датировано слабо.

ПОСЕЛЕНИЯ. Известно два типа гороховских поселений — укрепленные городища и неукрепленные селища. Кроме того, имеются поселения, сочетающие укрепленную и прилежащую к ней неукрепленную часть, причем последняя может превышать первую в несколько раз. Так, на Гороховском городище укрепленная площадка занимает 7000—7500 кв. м., а общая площадь поселения — около 20 тыс. кв. м (табл. 118, 4) [Сальников К. В., 1940. С. 69; 1947. С. 222]. Кроме основной укрепленной части Воробьевского городища, площадь которой 17 200 кв. м, дополнительными валами были защищены два участка площадью 450 и 10 800 кв. м, располагавшиеся с северной и южной сторон первоначальной линии укреплений (табл. 117, 2).

Поселения Зауралья, как правило, многослойны. На памятниках в бассейне Исети и Тобола гороховские комплексы представлены часто в смеси с воробьевскими и баитовскими, что сильно затрудняет определение размеров поселения в тот или иной период его истории, а также идентификацию с определенным культурным комплексом очертаний жилищ и фортификационных сооружений. К однослойным памятникам гороховской культуры относятся городища Чудаки, Большое и Малое Казахбаевские (табл. 118, 2, 4). Культурный слой поселений тонок (около 0,2—0,4 м), и слабо насыщен. На 1 кв. м раскопа на городище Чудаки приходилось два-три фрагмента керамики и несколько больше костей животных, находки вещей единичны [Сальников К. В., 1947. С. 222, 228, 235].

Укрепления городищ гороховской культуры изучались только рекогносцировочно [Сальников К. В., 1940. С. 69; Стоянов В. Е., А-1961], небольшими траншеями, проходящими через вал и ров. Обычно городища расположены у края речных террас с крутым склоном, реже — на мысовидных выступках, так что прилегавшая к склону часть поселения имела естественную защиту. С напольной стороны площадка защищена рвом и полукольцевым валом, имевшим обычно один или двое разрывов-ворот для проезда на территорию городища. Валы сильно оплывают, и высота их от уровня окружающей поверхности не превышает 1 м, глубина рва от высшей точки вала доходит до 2 м [Сальников К. В., 1947. С. 221], но чаще они мельче. Ширина валов в основании 7—10 м. Ширина рвов, считая от вершины вала, — до 12—16 м.

Представленная на гороховских поселениях система укреплений в виде рва и полукольцевого или кольцевого вала с проездами (табл. 118, 1—4) присуща городищам раннего железного века лесостеп-

ного и горнолесного Зауралья с комплексами воробьевского, баитовского и иткульского типов и является по происхождению местной. Только городищам гороховской культуры Чудаки, Большое и Малое Казахбаевские, Большое Мыльниковское, Ильтяково, Марьино Ущелье и др. свойственна усложненная система фортификации, характеризующаяся рвами и валами с предвратными укреплениями и башнеобразными выступами по периметру, обеспечивавшими фланговый обстрел осаждавших (табл. 118, 2—4). По мнению В. Е. Стоянова [1969а. С. 56], истоки этой фортификационной техники неизвестны в Зауралье, и искать их следует на юге, в области высокоразвитых культур Приаралья.

Укрепления сооружались из дерева и земли. Под наибольшим участком вала, вскрытом на Гороховском городище, выявлен ряд ям от крупных столбов, идущий поперек вала, с остатками бревен вдоль этого ряда. На основании этого К. В. Сальников [1940. С. 69] предполагает, что с напольной стороны городище было защищено деревянной стеной шириной до 4 м, а со стороны склонов дополнительно укреплено рвом и деревянным забором.

Планировка застройки поселений из-за малых размеров вскрытой площади и невыраженности рельефа во многих случаях не установлена. По данным раскопок на городище Чудаки и особенностям микрорельефа городищ Большое и Малое Казахбаевские жилища на них располагались по периметру защищенной площадки и были обращены выходами к ее центру (табл. 118, 2, 4). За пределами укрепленной части четкая закономерность в расположении жилищ на поселениях не отмечена. На Катайском селище прослежено 13 углублений от жилищ, которые располагались двумя неправильными рядами вдоль края террасы, спускающейся к Исети (Стоянов В. Е. А-1961. Л. 38). Центральная часть городищ обычно ровная, свободная от застройки, предназначалась, вероятно, для загона скота. Число жилищ и подсобных построек на поселениях было различным и колебалось, судя по жилищным западинам, от восьми-девяти до нескольких десятков. На Гороховском городище прослежено 20 впадин разной величины (диаметр 2,5—16 м, глубина 0,3—1 м). Часть из них располагалась на прилегающей к валам незащищенной площадке [Сальников К. В., 1947. С. 222]. На городище раскопано только шесть жилищ, большинство впадин не исследовано, и определить их точное назначение невозможно.

На памятниках гороховской культуры раскопано 20 жилищ. Они полуземляночные, с прямоугольным, близким в плане к квадрату котлованом, с вертикальными стенками, углубленными на 0,3—1 м от поверхности почвы. Представлены однокамерные жилища с длинным коридорообразным входом (табл. 118, 5) и двухкамерные, состоящие из жилого и хозяйственного помещений, связанных переходами, и имеющие коридороподобный вход. С внешней стороны входа перпендикулярно стенкам расположены вытянутые ямы, возможно, предназначавшиеся для помещения раздвижных дверей, закрывавших вход в жилище. Площади жилых помещений колебались от 30 до 130 кв. м. В центре на уровне пола, в специальном углублении или на небольшом возвышении, находились открытые очаги (0,6×0,6; 0,9×0,9; 0,65×1,15 м), служившие

для обогрева и приготовления пищи. Для удобства обращения с очагом по бокам очага устраивались облицованные деревом ямы (2,8×2; 2×1,2 м, глубина 1,2 м). В одном из жилищ Гороховского городища квадратная площадка очага была выложена камнем [Бельтикова Г. В., 1976. С. 159], что способствовало более длительному сохранению тепла в помещении. Стены жилищ были деревянными и крепились столбовыми опорами. В углах больших жилищ (городище Чудаки; Воробьевское поселение) были отгорожены маленькие (6—12 кв. м) комнаты, сохранившие в центре следы очагов в виде пятен прокала (табл. 118, 7) [Сальников К. В., 1940. С. 70; Стоянов В. Е., 1969а. Рис. 26, 9]. Перекрытие жилищ было деревянным и поддерживалось в центре четырьмя опорными столбами, установленными в концах околочажных ям. На этих столбах крепилось также дымовое отверстие. Вдоль задней и боковых стенок жилищ устраивались деревянные нары, о чем свидетельствуют идущие вдоль этих стен ряды столбовых ямок [Сальников К. В., 1947. С. 24].

Вторая, хозяйственная, камера жилища не имела очага, была несколько меньше по площади и менее углублена в землю. Предметы вещевого инвентаря здесь встречаются реже, чем в жилых помещениях. Несколько жилищ на городище Чудаки соединялось друг с другом крытыми переходами, углубленными до уровня пола (табл. 118, 7). По мнению К. В. Сальникова [1940. С. 70, 71], городище являлось родовым поселком, а отдельные, особенно большие, полуземлянки служили жилищами патриархальных семей. В выделенных внутри них комнатах помещались парные семьи.

В целом по устройству жилища гороховской культуры конструктивно близки части жилищ саргатской культуры (табл. 121, 6, 7, 9).

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД. Погребальный обряд гороховской культуры исследован недостаточно по причине разграбленности большинства погребений, плохой сохранности погребальных конструкций, а также из-за несовершенства методики старых раскопок [Зырянов А. Н., 1863; 1881]. Для него характерны курганные могильники с земляными насыпями, часто сложенными из чернозема. Они расположены обычно на высоких, незатопаемых, террасах рек или озер (Воробьево II, Исток). Крупные курганы стоят, как правило, в некотором удалении (до нескольких километров) от края террасы (Шмаково), хотя могут располагаться и вблизи воды (Царев курган). Обычно могильники состоят из небольшого числа (около 10) насыпей, встречается и меньше (четыре-пять) курганов, и даже одиночные насыпи. Небольшие могильники могут образовывать группы, расположенные относительно недалеко, до 2—3 км друг от друга. В окрестностях с. Шмаково (Белозерский р-н) на протяжении 8 км расположено группами около 30 курганов [Генинг В. Ф., А-1961. Л. 209, 216]. Однако первоначальное число курганов в могильниках указать трудно, поскольку лесостепное Зауралье давно освоено русскими, и многие насыпи, особенно мелкие, распаханы. Часть курганов, несомненно, связана с определенными поселениями: курганы Разбегаевские, Елесина Яма — с Гороховским городищем [Сальников К. В., 1966. С. 120, 121], Воробьевские курганы I, II — с Воро-

бьевским поселением; Прыговские курганы I, II — с Прыговским городищем [Генинг В. Ф., Позднякова М. К., 1964. С. 49, 50; Стоянов В. Е., 1973. Карта 16].

По величине курганы различны. Преобладают небольшие (диаметр 6,5—13 м, высота 0,3—0,7 м) насыпи. В могильниках они располагаются компактно группой или цепочкой. Средние насыпи (диаметр около 20—30 м, высота 1,5—2,5 м) стоят на некотором расстоянии друг от друга, группами, вытянутыми в общем направлении вдоль края террас. Имеются большие курганы (диаметр около 50—60 м, высота до 5 м), но их немного, единичны огромные курганы (диаметр до 90—100 м, высота 5—10 м; Угловое; Шмаково (Журтамышский р-н); Царев; Гагарье; Скаты; Красногорское). Большие курганы стоят одиночно или среди более мелких насыпей. Все они расположены на левобережье Тобола, в нескольких километрах от края террасы, и приурочены к открытым, свободным от больших лесных массивов участкам лесостепи. Часть курганов имеет под насыпью по периметру неглубокие и широкие кольцевые канавки, ограничивающие первоначальный диаметр кургана (табл. 118, 10, 15) [Стоянов В. Е., Фролов В. Н., 1962. С. 58, 59]. Большие курганы окружены широкими и глубокими кольцевыми рвами. Так, Царев курган (диаметр 92 м, высота 5,5 м) был ограничен рвом (ширина 13 м, глубина 1 м), с разрывами с восточной и западной сторон, позволявшими свободно заходить на территорию кургана [Сальников К. В., 1962б. С. 38]. Эти проходы ассоциируются с перемычками у ровиков саргатских курганов.

По данным В. Е. Стоянова [1973. С. 49], 94% курганов Зауралья содержат только основные захоронения, что отражает специфику погребального ритуала гороховской культуры. Редко встречается одно-два влущенных захоронения. Большинство захоронений совершено в прямоугольных или овальных широких ямах с вертикальными стенками и меридиональной ориентировкой. Преобладают мелкие ямы (глубина до 1 м от уровня древнего горизонта). Иногда они только прорезают почву, незначительно углубляясь в материк. Под малыми курганами размеры ям колеблются в пределах 160—195×60—90 см [Стоянов В. Е., Фролов В. Н., 1962. С. 60]. В курганах средней величины ямы значительно больше (3,15—4,4×1,65—3,6 м при глубине до 2,2 м от уровня древнего горизонта) [Сальников К. В., 1966. С. 120; Зданович Г. Б., 1964. С. 86; Генинг В. Ф., А-1961. Л. 212, 214]. В крупных курганах ямы имели квадратную форму и большую глубину (Царев курган, яма — 9×10 м, глубина 3 м [Сальников К. В., 1962б. С. 38]). Деревянные конструкции не характерны для погребальных сооружений гороховской культуры. Лишь около 23—24% погребений было перекрыто бревенчатыми накатами, уложенными на древнем горизонте и состоящими иногда из двух слоев бревен. Изредка в средних и больших курганах перекрытия опирались на переводины, поддерживаемые столбами, стоящими вдоль стен, посредине и в углах могильных ям. Нередко стены таких погребений облицованы досками или бревнами, уложенными горизонтально или вертикально и укрепленными основаниями в канавке. Однако ос-

новная часть могил не содержала ни перекрытий (67—74%), ни облицовок стен (89—93%) [Сальников К. В., 1962б. С. 39; 1966. С. 119, 121; Стоянов В. Е., 1973. С. 47—55].

В двух углах могильной ямы Царева кургана было устроено нечто вроде нар, опиравшихся на кольца, вбитые в землю, по обе стороны от «входа» в яму, находившегося посредине западной стенки [Сальников К. В., 1962б. С. 40]. В некоторых средних и больших курганах (Шмаково; Язев; Кенес; Царев и др.) над могильными ямами, помимо перекрытия, были устроены шатровые сооружения (табл. 118, 15), основанием которых служили иногда бревенчатые многоугольные рамы [Стоянов В. Е., 1973; Хабдулина М. К., 1976; Потемкина Т. М., А-1970; Сальников К. В., 1962б].

Могильные ямы имеют вертикальные или слегка наклонные стенки и плоское дно, на котором очень редко сохраняются следы органических подстилок. В одном из курганов (Язев) по периметру дна могильной ямы проходила канавка шириной 0,5—0,8 м, глубиной 0,3—0,35 м [Потемкина Т. М., А-1970. Л. 46], которая предназначалась, вероятно, для установки погребального инвентаря, подобно канавкам в погребениях саргатской культуры и саков Приаралья [Вишневская О. А., 1973. С. 61].

Погребения содержат преимущественно индивидуальные захоронения, но встречаются парные и коллективные (в шести случаях из 31), содержащие три — шесть труположений. Погребенные лежат на спине вытянуто, головой на север или с некоторым отклонением к востоку или западу. В некрополях Притоболья доминирует северная с небольшими отклонениями ориентировка погребенных (75—78%), которая дополняется северо-западной и северо-восточной (табл. 118, 8—11, 13, 14) [Стоянов В. Е., 1973. С. 47]. Руки уложены вдоль туловища, иногда они слегка согнуты в локтях, и тогда кисти лежат на тазовых костях или несколько откинута.

В погребальном ритуале большую роль играл огонь. В насыпях курганов, на уровне древнего горизонта и в заполнении ям, встречаются угольки и зола погребальных костров, куски обгорелого дерева и бересты. В крупных курганах зафиксированы случаи разведения костра на дне могильной ямы, обжигание дощатой облицовки и перекрытий могил. В некоторых погребениях встречены кусочки охры.

С погребальным ритуалом, по-видимому с тризны, связаны кости домашних животных — овцы, лошади — в насыпи и под насыпью, на уровне древнего горизонта, на краю могильной ямы, а также черепов коней и баранов — под восточными полами курганов [Сальников К. В., 1966. С. 119—121, 123]. Кости животных, главным образом барана, реже — лошади (очевидно, остатки ритуальной пищи), находят в погребениях в изголовье покойника.

Представление об инвентаре погребений гороховской культуры и его месте в могилах недостаточно полно ввиду разграбленности большинства могил. В состав сопровождающего инвентаря входят керамика, орудия труда, оружие, конское снаряжение, детали одежды, украшения, предметы туалета и культура. Керамика найдена не во всех могилах, хотя

она является основным индикатором бесспорной принадлежности погребений к данной культуре, поскольку в обряде погребения гороховской культуры много общих черт с погребальным ритуалом саргатской культуры периода IV—III вв. до н. э. В ранних гороховских комплексах находят преимущественно по одному сосуду. Они стоят у головы или сбоку, у таза погребенного. В поздних комплексах число сосудов доходит до четырех, при этом два из них стоят в изголовье, а два — в ногах. Военские аксессуары, детали одежды и украшения помещаются в погребения преимущественно в тех местах, где их носили при жизни. Мечи и ножи — около тазовых и бедренных костей, поскольку их носили в ножнах, подвешенных к поясу, конец которых подвязывали к ноге. Это хорошо видно на бронзовых литых фигурках воинов из Сапоговского клада [Толмачев В. Я., 1913. С. 204—207. Табл. I; II]. Ножи находят также около костей животных, остатков ритуальной пищи. Наконечники стрел помещаются в изголовье или у ног погребенного. Первоначальное расположение в погребениях других предметов вооружения указать невозможно, поскольку все они встречены в разграбленных могилах. Украшения, серьги или височные подвески находят по бокам черепа, а пряслица, предметы туалета и культа — в изголовье, у черепа. Правда, связанные, вероятно, с культом две тальковые плиточки обнаружены в глиняном сосуде (Прыговский I могильник, погребение 1 кургана 3), что напоминает подобный обряд у ранних сармат [Мошкова М. Г., 1974. С. 33]. Половинка каменной поделки в форме молоточка (табл. 119, 44) лежала в Разбегаевском кургане на краю могильной ямы рядом с костями барана. По мнению К. В. Сальникова [1966. С. 121], она, возможно, попала сюда из погребения.

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС. Инвентарь гороховской культуры выявлен и изучен недостаточно ввиду разграбленности большинства погребений и слабой исследованности поселений, находки с которых представлены главным образом, а иногда и исключительно керамикой.

Керамика. Сосуды гороховской культуры своеобразны и являются главным определителем принадлежности памятника к данной культуре. Все они лепные, изготовлены из глины с примесью мелкотолченого талька, количество которого в тесте на разных памятниках неодинаково. Сосуды круглодонные, изредка с уплощенным дном. Характерны горшки с шаровидным туловом и высокой шейкой, отогнутой наружу (табл. 120, 2, 4—7, 9—14, 18, 19, 21). Помимо преобладающих сосудов шаровидной формы, представлены сосуды с яйцевидным и грушевидным туловом (табл. 120, 1, 3, 8, 16, 17, 20, 22), иногда с несколько приостренным дном (табл. 120, 17). В единичных экземплярах встречены плоскодонные блюда (табл. 119, 52) [Сальников К. В., 1947. С. 229, 234] и редко — высокие чаши без четкой профилировки горла (табл. 120, 15). Венчик сосудов чаще приострен, оттянут наружу, реже — округлый или уплощенный (табл. 120, 1, 2, 7—9, 14, 15, 19, 30). В отдельных случаях по шейке проходит формованный валик (табл. 120, 26). Шейка часто несколько утолщена. Преобладают сосуды средней величины, диаметр горла которых колеблется от 11 до 30 см [Саль-

ников К. В., 1947. С. 229]. Средняя толщина стено сосудов 6—7 мм.

Около 80% сосудов орнаментировано. Орнамент обычно расположен узкой горизонтальной зоной только по плечикам или только по шейке и, как правило, состоит из одного узора, типа насечки или «елочки», изредка двух — вроде треугольных фестонов и наколов между ними, решетки и наклонные насечки, «елочки» и защипов (табл. 120, 5, 7, 14, 16, 26, 31). В тех случаях, когда орнамент покрывает шейку и плечики, он состоит чаще из поясов двух редко — нескольких узоров. При этом на грани шейки и плечиков верхний орнаментальный пояс отделяется от нижнего одной или несколькими горизонтальными линиями или каннелюрами, или между ними проходит незаполненная орнаментом полоса. Иногда узор, нанесенный на плечиках, ограничен сверху и снизу прочерченными горизонтальными линиями (табл. 120, 10, 18, 26). В орнаменте преобладают резные узоры типа горизонтальной «елочки» рядов наклонных нарезок, реже — решетки, зигзага, треугольных фестонов, иногда заштрихованные или заполненные ямочными наколами, а также горизонтальных прочерченных каннелюр. Последние, как правило, сочетаются с другими элементами орнамента, ограничивая их. Кроме резных узоров, в небольшом числе (около 6%) представлены ряды из защипов, а также ямочные наколы треугольной и каплевидной формы (табл. 120, 5, 11, 14, 16, 20) располагающиеся на плечиках сосудов. Довольно редки узоры — «елочка», ряды насечек, — выполненные оттисками зубчатого штампа или концом щепки (табл. 120, 25, 30). Единичны узоры криволинейных очертаний (табл. 120, 24).

Единичны в погребениях импортные сосуды, сделанные на гончарном круге из тонкоотмученной глины (Куртамьшский курган; курган на 11-й версте Миасского тракта) [Зданович Г. Б., 1964. С. 87; Минко М. К., 1907. С. 105, 106]. Вероятно, эта керамика среднеазиатского происхождения.

Помимо глиняной посуды, в быту пользовались бронзовыми чашами, обломки которых найдены на Гороховском городище [Сальников К. В., 1940. С. 71], а также бронзовыми котлами на конических поддонах скифо-сибирского типа (табл. 120, 28, 29; Замараево; Ключевское).

В кургане Елесина Яма найдены фрагменты чаши, сделанной из человеческого черепа (табл. 120, 27), представлявшего, вероятно, военный трофей.

Орудия труда. Орудия труда в памятниках гороховской культуры представлены железными ножами с горбатой спинкой и уступами при переходе от черешка к лезвию; железными кельтами-мотыгами с несомкнутой втулкой (табл. 119, 51); фрагментами зернотерок; оселками. Для обработки кожи применялись костяные орудия — шилья и тупики. С применением и ткачеством связаны пряслица, сделанные преимущественно из стенок глиняных сосудов (табл. 119, 29, 30, 38—40), а также вырезанные из талька (табл. 119, 14) или грубо слепленные из глины (табл. 119, 13, 31). Возможно, принадлежностью ткацких станков были также грузики из талька усеченноконической формы (табл. 119, 45).

Вооружение и конское снаряжение. Предметы вооружения гороховской культуры — бронзовые, желез-

ные и костяные наконечники стрел, железные мечи, копья (табл. 119, 15—28, 47, 58—61), железные шлемы и наборные панцири из костяных и железных пластин (табл. 119, 46). Мечи, бронзовые и железные наконечники стрел аналогичны этим видам оружия прохоровской культуры и отражают контакты гороховского населения лесостепного Зауралья с ранними сарматами, а также с населением иткульской культуры горнолесного Зауралья, где открыты центры производства бронзовых наконечников стрел раннесарматских типов [Мошкова М. Г., 1974. С. 48, 49. Рис. 15] и найдены формы для их отливки [Бельтикова Г. В., 1977. С. 131, 132; 1982. Рис. 1, 1, 2; 1986. Рис. 3, 1, 2; Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е., 1984. Рис. 4, 3—5].

Стрелы и лук, очевидно скифо-сарматского типа, были основным видом вооружения гороховского населения. Численно преобладают бронзовые втульчатые трехгранные и трехлопастные наконечники со скрытой втулкой (табл. 119, 17—19, 21—22). Менее распространены трехлопастные наконечники с выступающей втулкой (табл. 119, 23). Встречен также бронзовый трехлопастный черешковый наконечник со сводчатыми гранями (табл. 119, 24), имеющий аналогии в сакских памятниках Казахстана [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. С. 117. Рис. 25, 26], древностях Южной Сибири и Средней Азии [Медведская И. Н., 1972. С. 83] и указывающий на южные связи гороховского населения.

Все железные наконечники стрел гороховской культуры черешковые трехлопастные и трехгранные (табл. 119, 25) подобны наконечникам из раннесарматских памятников [Мошкова М. Г., 1963. С. 32. Табл. 17, 1—5], а также памятников саргатской культуры. Костяные наконечники стрел, численно уступающие бронзовым, известны двух типов — трехгранные со скрытой втулкой, подражающие по форме бронзовым (табл. 119, 16, 20), и черешковые (табл. 119, 26—28). Колчаны у населения гороховской культуры делались из бересты и кожи, а стрелы в них лежали наконечниками вниз. Судить об этом можно по расположению наконечников в могилах и в колчане из Раскатиhi [Стоянов В. Е., 1973. С. 50]. Но, в отличие от сармат, в погребениях гороховской культуры находится обычно менее десятка стрел. Наибольшее количество их (21) содержал колчан из Раскатиhi. Правда, следует учитывать, что большинство гороховских погребений разграблено. Для ношения колчанов подвешенными к поясу использовали крючки. Своеобразный литой бронзовый крючок (табл. 119, 32) обнаружен в кургане у Раскатиhi. Другой — в виде петли из медного дрота прямоугольного сечения (Прыговский I могильник; табл. 119, 33) — аналогичен по форме железным крючкам савромат и ранних сармат [Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 10, 12; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 20, 3].

Основная часть гороховских мечей из погребальных комплексов и случайных находок представлена длинными всадническими мечами с брусковидным или прямым навершием и сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестьем (табл. 119, 58, 59). Они относятся к переходным формам от савроматского к прохоровскому оружию и датируются IV в. до н. э. [Мошкова М. Г., 1974. С. 24]. Два коротких меча из Воробьевского могильника принадлежат к

типу акинаков с сердцевидным перекрестьем и когтевидным навершием (табл. 119, 60, 61), которые были распространены в скифо-сарматских комплексах VI—IV вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. С. 22].

Копье — железное втульчатое с узким, линзовидным в сечении пером (табл. 119, 47) — найдено только в одном погребении. Вероятно, у населения лесостепного Зауралья, как и у ранних сармат, саков и племен саргатской культуры, копья не были распространены или их не клали в могилы. В единственном числе известен и бронзовый вток (табл. 119, 54), подобный втокам тагарской культуры [Шорин А. Ф., 1979. С. 59, 60. Рис. 2, 4]. Из защитного вооружения наиболее распространенными были панцири из костяных пластин (Шмаково; Куртамыш; Замараево; Язево и др.) прямоугольной и трапециевидной формы. Пластины были различной величины (табл. 119, 46) и сшивались друг с другом, вероятно, ремешками, протергивавшимися в отверстия на краях пластины. Наиболее крупными были нагрудные пластины. В одном из курганов у д. Язево вместе с костяными были обнаружены крупные железные пластины [Потемкина Т. М., А-1970. Рис. 23], аналогичные костяным нагрудным пластинам, что отличает их от мелких (железных) пластин сарматских панцирей [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 20, 23], указывая на иную конструкцию доспеха. Сочетание в одном захоронении железных и костяных пластин позволяет предполагать существование комбинированного панциря.

Металлические шлемы у населения лесостепного Зауралья, как вообще в Западной Сибири эпохи железа, не были распространены. Известна лишь одна находка (Шмаково). В то время как панцири из костяных пластин являлись, по-видимому, обычным доспехом. Возможно, были также щиты, но от них ничего не сохранилось.

Предметы конского снаряжения в памятниках гороховской культуры представлены единичными экземплярами. В Царевом кургане встречены детали деревянной колесницы (табл. 119, 63—65) [Сальников К. В., 1962б. С. 40]. Железные удила найдены в Замараевском кургане 20 [Зырянов А. Н., 1881. С. 73]; одноколычатые удила, скрученные из медного дрота (табл. 119, 11), происходят из Ключевского кургана (Heikel A., 1894. Pl. XIV, 18), а остатки узды, украшенной серебряными бляшками, — из кургана 6 Шмаковского могильника [Стоянов В. Е., 1973. С. 55].

Одежда и украшения. Детали одежды и украшения гороховской культуры слабо известны из-за разграбленности большинства курганов и плохой сохранности в них органических остатков. Ткани для одежды изготавливали из шерсти и растительного волокна, выработанного, возможно, из крапивы и дикой конопли. Находки пряслиц на поселениях и в погребениях указывают на занятие прядением и ткачеством. В небольшом количестве попадали иноземные шелковые ткани типа парчи. Золотая нить от такой ткани найдена в кургане 5 Шмаковского могильника [Генинг В. Ф., А-1962. Л. 8]. К одежде, вероятно, относилась железная пряжка, найденная в Истокском кургане [Сальников К. В., 1966. С. 122].

Украшения представлены серьгами, бусами, бляшками, пронизками, подвесками, фрагментами брас-

летов, гривной. Наиболее часто встречаются серьги и бусы, но и они малочисленны. Серьги проволочные восьмерковидные из бронзовой, золотой или серебряной проволоки, подобны серьгам V—III вв. до н. э., известным на широкой территории степей Евразии (табл. 119, 10). Бусы импортные, характеризуются типами, известными в позднесарматских и прохоровских погребениях. Обнаружены различные типы стеклянных глазчатых бус: крупные круглые уплощенные темно-синие с такими же глазками в белых ободках (табл. 119, 1); округлая уплощенная бусина из светло-серой пасты с темно-синими глазками в белых ободках (табл. 119, 3; Воробьевский могильник); круглые уплощенные синие бусины с белыми глазками (табл. 119, 5; Истокский курган; Прыговский курган 4). Обнаружены также черные круглые и кубические бусины, украшенные плотным зигзагом, инкрустированной белой и желтой пастой (табл. 119, 2, 4; Воробьевский могильник), подобные бусам из скифских и сарматских памятников IV—I вв. до н. э. Известны также цилиндрические бусы из черного стекла и раковины, круглые бесцветные бусы из стекла и пасты, а также бочонковидные бусы с внутренней позолотой.

Бронзовые и серебряные бляхи представлены шестью типами. Так, для украшения узды служили литые полусферические и четырехлепестковые бляхи, найденные в кургане 6 Шмаковского могильника (табл. 119, 12) [Генинг В. Ф., А-1961. Табл. 1, 12; А-1962. Л. 34]. Аналогичные встречены в памятниках V—III вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 51, 8, 10; Завитухина М. П., 1966а. Рис. 1, 6; Либеров П. Д., 1963. Табл. 23, 23, 38]. Там же, в Шмаковском кургане 6, обнаружены две бронзовые бляхи с зооморфными изображениями наподобие медведя [Генинг В. Ф., А-1962. Л. 34], аналогичные бляхам с памятников иткульской культуры [Берс Е. М., 1963. Рис. 19, 16], что указывает на связи гороховской и иткульской культур. Вероятно, эти бляшки отлиты в горнолесном Зауралье, о чем свидетельствуют изображения медведя, характерные для искусства лесных районов. Аналогичная бляшка найдена также на городище саргатской культуры Инберень IV в лесостепном Прииртышье (табл. 124, 72) [Корякова Л. Н., Стефанов В. И., 1981. Рис. 9, 1]. Оригинальная бронзовая поясная восьмеркообразная бляха из Раскатихинского могильника изображает композицию из двух сопоставленных головок (табл. 119, 36). Полные аналогии ей неизвестны, хотя мотив сопоставленных головок грифонов был распространен в скифо-сибирском искусстве [Членова Н. Л., 1967. Табл. IV, 11, 12, 25, 26; Salmony A., 1933. Tabl. XXX, 2; Tchlenova N., 1962. Pl. III, 31].

Родовая и племенная верхушка пользовалась украшениями из золота. Выпуклые круглые и продолговатые золотые бляшки украшали головной убор женщины из погребения в кургане у д. Шикаевка. Нижний край его был расшит тисненными золотыми бляшками с изображением рогов оленя (табл. 119, 41, 42) — мотива, широко распространенного в искусстве кочевников степей Евразии. Венчало головной убор изображение птицы-грифа, свернутое из золотого листка (табл. 119, 37), а виски украшали золотые подвески на цепочках сложного переплете-

ния (табл. 119, 6). Тут же находились две золотые бутонovidные подвески (табл. 119, 34).

Двумя экземплярами представлены гривны: бронзовая с заходящими друг за друга утолщенными концами, обнаруженная в кургане 5 Катайского II могильника вместе с каменной подвеской, и золотая в виде двух спаянных трубок — из погребения женщины в кургане у д. Шикаевки [Потемкина Т. М., А-1968. Табл. 36].

Предметы туалета. К предметам туалета относятся костяная полированная заколка для волос с циркульным орнаментом из Шмаковского могильника (табл. 119, 7) [Генинг В. Ф., А-1962. Л. 32] и бронзовые зеркала. Подобно оружию и бусам, зеркала по форме повторяют типы, известные у ранних сармат. Все зеркала дисковидные, снабжены боковыми ручками, но различаются по форме. Зеркало из кургана 3 Катайского II могильника имеет широкую длинную ручку, плоский диск с пологим широким валиком на одной из сторон, центральная часть которой дополнительно украшена точечным узором в виде шестилепестковой розетки, заключенной в две концентрические окружности [Мошкова М. Г., 1974. С. 27. Рис. 7, 1]. Зеркала из Прыговского и Воробьевского могильников имели сбоку черешки для крепления в деревянной или костяной рукояти, а на обороте диска по краю — невысокий валик (табл. 119, 8, 9). У зеркала из Воробьевского могильника, кроме того, в центре имеется коническая выпуклость, характерная уже для зеркал II—I вв. до н. э.

Предметы культа. Они представлены каменными жертвенниками, округлыми и плоскими молотковидными поделками, «таблетками», или плиточками из кости. Встречены они как в погребениях (могильники Катайский II; Воробьевский I; Прыговский; Разбегаевский; Березки V; Кенес), так и на поселениях (Лужки I; Гороховское городище). Каменные жертвенники прямоугольной формы на ножках (табл. 119, 50, 53) очень близки сарматским жертвенникам [Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 74]. Распространение их в лесостепном Зауралье объясняется интенсивными контактами зауральского лесостепного населения с сарматами V — начала IV в. до н. э. В кургане Березки V обнаружен фрагмент плоского каменного блюда (табл. 119, 57), напоминающего плоские каменные жертвенники тасмолинской культуры и саков Приаралья [Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 10, 1—3; Вишневецкая О. А., 1973. Табл. XI, 31].

Культовое назначение имели встреченные в единичных экземплярах плоские глиняные блюда, аналогичные найденному в кургане на 11 версте Миасского тракта (табл. 119, 52) и подобные глиняным блюдам саргатской культуры (табл. 126, 35; 127, 18).

Вероятно, с памятниками гороховской культуры связаны овалы плиты с изображением головы барана (табл. 119, 66). Все они происходят из случайных находок и большинство их обнаружено в лесостепном Зауралье, в ареале гороховской культуры [Дмитриев П. А., 1948]. Только обломок такой плиты с головой барана и целая схематично обработанная плита обнаружены в контактной зоне саргатской и гороховской культур на нижней Исети под саргатским курганом IV—III вв. до н. э. на Рафайловском городище. На основании этой на

ходки Н. П. Матвеева [1986а, С. 89] считает плиты с реалистичными изображениями голов барана более ранними и связывает их с байтовской культурой. Однако такому заключению противоречит несоответствие ареалов находок названных плит и байтовской культуры. Находки плит с головой барана приурочены в основном к левобережному Притоболью и бассейну Исети, в то время как байтовские памятники распространены значительно дальше на восток до р. Ишим. Оригинальные изображения голов барана на каменных плитах позволяют предполагать существование культа барана у гороховского населения, что отражало большую роль этого животного в хозяйстве жителей лесостепного Зауралья.

Каменные «молоточки» с просверленным в центре отверстием из Разбегаевского кургана и городища Чудаки (табл. 119, 44, 45) аналогичны таким предметам из раннесарматских погребений [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 32, 41—43]. Костяные «таблетки», или плиточки, встречены на городище Чудаки (табл. 119, 48, 49), а тальковые — в погребении 1 кургана 3 Прыговского I могильника [Генинг В. Ф., А-1961. Табл. III, 4].

Предметов искусства известно мало. К ним относятся бляшка с изображением противопоставленных голов животных (табл. 119, 36); бляхи с изображением хищников типа медведя; костяная бляшка с выгравированной головой барана (табл. 119, 43); изображения птицы и рогов оленя, оттиснутые из золотого листа (табл. 119, 37, 41, 42).

На основании этих единичных находок невозможно делать какие-либо заключения о специфике изобра-

зительного искусства населения лесостепного Зауралья во второй половине I тысячелетия до н. э. Скорее всего его развитие шло в русле генезиса искусства степных культур скифо-сарматского времени Приуралья и Казахстана, испытывая в то же время влияние искусства лесного населения иткульской культуры.

Во II—I вв. до н. э. гороховская культура прекращает свое существование, и ее место занимают памятники саргатской культуры, распространившейся в это время на запад и юго-запад лесостепного Притоболья почти до восточных склонов Южного Урала (Пивкинские курганы). Гороховское население смешалось с саргатским и было, очевидно, ассимилировано последним, наложив при этом специфический отпечаток на облик памятников саргатской культуры Притоболья. Быстрому смешению обеих культур благоприятствовала их культурная близость, выраженная в сходстве особенностей домостроительства (двухкамерные и однокамерные жилища), общих элементах в формах и орнаментации керамики (круглодонные сосуды шаровидной и яйцевидной форм с резной орнаментацией), ряде общих деталей в погребальном обряде (захоронения под курганами, сложенными из чернозема, с кольцевыми ровиками при преобладании северной ориентировки погребенных).

Население обеих культур было близко также по уровню социально-экономического развития, особенности которого целесообразно рассмотреть после анализа материала саргатской культуры.

Лесостепное Прииртышье в VII—VI вв. до н. э.

Культура населения лесостепного Прииртышья VII—VI вв. до н. э. слабо изучена, хотя исследование ее представляет большой интерес для решения проблемы происхождения саргатской культуры, а также культуры населения лесного Прииртышья. К этому времени относятся поселения, погребальные комплексы и случайные находки, свидетельствующие, что облик культуры в разных частях лесостепи Прииртышья был неодинаковым. В районах к северу от Омска прослеживается влияние культуры лесных племен, продвигавшихся к югу на рубеже бронзового и железного веков [Косарев М. Ф., 1981. С. 193]. Южнее Омска доминировали связи с ранними кочевниками Казахстана, представление о которых дает пока только ряд случайных находок вещей.

Материал ряда поселений (Битые Горки; Новотроицкое I; Туруновка 4; Богочаново) свидетельствует о поступательном развитии культуры местного населения финальной бронзы и наслоении на него северного компонента. Этот компонент способствовал возрождению архаичных традиций, восходящих к культурам ранней бронзы и проявившихся в появлении сосудов баночной формы и орнаментации их крупнозубчатым штампом [Могильников В. А., 1985, рис. 2, 6, 7; Труфанов А. Я., 1984. С. 73, 74]. Но на сосудах с поселений представлены также орнаменты в виде рядов круглых

ямков, полулунных вдавлений и «жемчужин», характерных для лесостепи (табл. 121, 21, 32). Подобное сочетание разнородных традиций в орнаментации керамики указывает на происходившие в северной лесостепи и южной части таежной зоны Прииртышья процессы взаимоассимиляции различных по происхождению этносов и на нестабильность культуры. Такие же явления в VII—VI вв. до н. э. наблюдались и на смежных, более северных и восточных, частях Обь-Иртышского региона, где были широко распространены баночные формы сосудов и украшение их узорами из рядов ямок, «жемчужин» и оттисков зубчатого штампа [Грязнов М. П., 1956а, табл. XIII, 5, 6; Троицкая Т. Н., 1972. Рис. 1, 6, в]. В то же время на ряде поселений (Туруновка 4; Битые Горки; Новотроицкое I) представлена ранняя саргатская керамика (табл. 121, 17—20, 22, 32), встреченная в жилищах вместе с посудой позднеирменского и красноозерского типов [Труфанов А. Я., 1984. С. 72; Молодин В. И., 1985. С. 173], что датирует ее появление VII—VI вв. до н. э. или временем не позднее VI—V вв. до н. э. Кроме того, на поселении Новотроицкое I найдено пряслице саргатского облика (табл. 121, 16). В жилище поселения Туруновка 4 вместе с саргатской керамикой обнаружен фрагмент бронзового котла (табл. 121, 15), относящегося также к VI—V вв. до н. э. [Молодин В. И., 1985. С. 164]. Указанные находки сви-

детельствуют о формировании саргатской культуры в VII—VI вв. до н. э. в результате взаимодействия северных и южных этнических компонентов.

Погребальный обряд VII—VI вв. до н. э. характеризуют могильники Калачевка II и Окунево I [Могильников В. А., 1968а. С. 229; 1968б. С. 94—97], где в трех курганах исследовано шесть погребений. Характерно захоронение под земляными насыпями около уровня древнего горизонта, головой на север и северо-запад. В двух погребениях могильника Калачевка II совершены, вероятно, повторные захоронения черепа и уложенных аккуратно трубчатых костей, а один костяк покоился на спине с подогнутыми ногами. Центральное захоронение кургана 1 этого некрополя устроено на уровне древнего горизонта в деревянном срубе (один венец) и содержало останки двух человек. Такие детали ритуала, как совершение захоронения на уровне древнего горизонта, с подогнутыми ногами, было характерно для погребального обряда ирменской культуры [Молодин В. И., 1985. С. 134]. С другой стороны, северная и северо-западная ориентировка погребенных предвосхищает черты погребального ритуала саргатской культуры. В Окуневском могильнике найден раннесаргатский сосуд (табл. 121, 33). Неустойчивость черт погребального ритуала отражает процесс формирования саргатской культуры из разнородных элементов.

Вещевой инвентарь памятников VII—VI вв. до н. э. характеризуют орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения широко распространенных форм. На поселениях Новотроицкое I и Битые Горки обнаружены костяные мотыги (табл. 121, 27), проколки (табл. 121, 29). Среди случайных находок представлены бронзовые кельты ананьинских и западносибирского типов (табл. 121, 25), кинжал с бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием (табл. 121, 30), бронзовые ножи с кольчатой рукоятью (табл. 121, 28), удила со стремевидными окончаниями с дополнительным кольцом и без него (табл. 121, 26, 31), каменный оселок с отверстием для подвешивания (табл. 121, 24). Среди предметов вооружения — бронзовые двулопастные

втульчатые, ромбические наконечники стрел с шипом, обнаруженные на поселении Новотроицкое I и в могильнике Калачевка II (табл. 121, 10, 11); костяные наконечники стрел с выделенным черешком или без него (табл. 121, 12, 13). Из б. Тюкалинского округа происходит бронзовый чекан (табл. 121, 14), аналогичный чеканам VI — начала V в. до н. э., распространенным на широкой территории от Ирана до Минусинской котловины [Членова Н. Л., 1981. С. 7. Рис. 2, 6], что указывает на местное производство изделий такого рода. На городище Инберень VI найдены глиняные формы для отливки кельтов ананьинского типа, плоских двулопастных наконечников стрел с шипом и ножа с кольчатой рукоятью [Абрамова М. Б., Стефанов В. И., 1981. С. 93. Рис. 17, 23—25].

Ряд вещей говорит о контактах населения лесостепного Прииртышья с кочевниками степей Казахстана и Приаралья. Бронзовый нож с кольчатой рукоятью и слегка горбатой спинкой из окрестностей Омска (табл. 121, 28) имеет аналогии в комплексах VII—VI вв. до н. э. могильника Уйгарак и тасмолинской культуры [Вишневская О. А., 1973. Табл. VI, 5; XXI, 11; Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 38, 5]. Бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и оселки с отверстиями для подвешивания (табл. 121, 24, 26, 31) широко известны в степях Евразии среди материалов VIII—VI вв. до н. э. — в Туве, майэмирской, тасмолинской и других культурах [Грязнов М. П., 1947. Рис. 3, 7, 8, 5, 9; 1980. Рис. 12, 1; 20, 2; 23, 28; Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 7, 3, 4; Вишневская О. А., 1973. Табл. IX, 19; XX, 5]. Бронзовый колесовидный амулет (или пряслице), найденный в Омске (табл. 121, 23), аналогичен савроматским «колесикам» VI—V вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 71, 3—5]. Фиксируемые в VII—VI вв. до н. э. южные и юго-западные связи оказали большое влияние на облик культуры и этнический состав населения лесостепи Западной Сибири второй половины I тысячелетия до н. э. и, в частности, на формирование и генезис гороховской и саргатской культур.

Саргатская культура

Среди культур лесостепи Западной Сибири саргатская культура наиболее изучена. Впервые материалы, относящиеся к ней, были добыты в конце XIX в. в основном местными краеведами. Но соответствующего хронологического и культурного определения они в то время не получили. В 80-х годах М. С. Знаменский раскопал Савинский курган на левом берегу Иртыша, напротив г. Тобольск, а тобольский купец А. И. Дмитриев-Мамоннов провел раскопки Потчевашских курганов. Часть материалов из этих раскопок была опубликована финским археологом А. Гейкелем [Heikel A., 1894. Pl. I; II; V]. В 1893 г. А. Гейкель раскопал также курганы саргатской культуры у д. Томилова под Ялуторовском и Тюменью [Heikel A., 1894. Pl. XXVII; XXVIII; XXX]. В 1894—1896 гг. С. М. Чугунов исследовал курганы на р. Омь, у устья Тар-

таса, близ с. Спасское (ныне Венгерovo) [ОАК за 1895 г. С. 41, 42; ОАК за 1896 г. С. 100—102]. В 1897 г. А. П. Плахов [1899. С. 58—63] вскрыл восемь курганов у с. Николаевка близ Омска и дал общую топографическую характеристику расположения курганов на правом берегу Иртыша от с. Чернолучья до Омска с его окрестностями. В 1911 г. В. П. Бирюков исследовал курганы у сел Долговское и Бакланское близ устья р. Миасс в Притоболье. Вещи из них поступили в Шадринский музей и остались неопубликованными. В 1916 г. В. Н. Пигнатти раскопал курган у д. Тюкова под Тобольском [Мошинская В. И., 1953а. С. 217—219].

Материал, добытый в дореволюционный период, представляет несомненный интерес для общей характеристики культуры, но, к сожалению, он плохо документирован и частично утрачен. Культурная

и хронологическая принадлежность его, а также анализ были даны уже в советское время, когда параллельно с накоплением проводилось научное осмысление полученного материала.

Свое название культура получила по курганам у с. Саргатка на левобережье Иртыша, в 100 км к северу от Омска, раскопанных В. П. Левашевой в 1927 г. и давших выразительный комплекс материала этой культуры. Помимо них, В. П. Левашева раскопала два кургана у с. Коконовка, в 25 км к северу от Омска, на правобережье Иртыша, а также провела рекогносцировочные раскопки на ряде городищ на р. Омь в Барабинской лесостепи (Абрамовское; Преображенское; Вознесенское), на которых среди прочих представлены комплексы саргатской культуры. Материал раскопок курганов у сел Саргатка и Коконовка был издан В. П. Левашевой лишь частично [Левашева В. П., 1928. С. 159, 160; 1948. С. 86—88]. Она определила эти памятники как характеризующиеся круглодонными сосудами с резным орнаментом, вешами «скифского» типа, преобладанием овальных могильных ям, вытянутых с севера на юг, в которых находятся преимущественно одиночные, но встречаются и парные захоронения, подметив, таким образом, типичные черты культуры, хотя особая саргатская культура еще не была выделена. Тогда же П. А. Дмитриев раскопал Мысовские курганы под Тюменью и впервые выявил общие черты в культуре курганов лесостепи Западной Сибири. Он указал также на преобладание в них северной ориентировки погребенных и на близость их материальной культуры культуре сарматских курганов Южного Приуралья, считая при этом, что курганы лесостепи Западной Сибири оставлены одной из ветвей сармат [Дмитриев П. А., 1928. С. 187, 188]. По сути дела, работами В. П. Левашевой и П. А. Дмитриева ограничился довоенный период изучения памятников саргатской культуры.

Наиболее активный период исследования этих памятников приходится на 60—70-е годы. Открывают его работы В. И. Мошинской и В. Н. Чернецова. В. И. Мошинская [1953а] ввела в научный оборот материал дореволюционных раскопок Потчевашских и Тюковского курганов, но ошибочно причислила их к потчевашской культуре, присовокупив сюда материал Потчевашского городища, относящегося, как было доказано впоследствии, к раннему средневековью. В. Н. Чернецов [1953б. С. 224, 240] отметил своеобразие культуры, представленной в Среднем Прииртышье курганами типа Саргатки и Коконовки, и, в отличие от П. А. Дмитриева, утверждал, что оставлена она не сарматами, а кочевыми угорскими племенами.

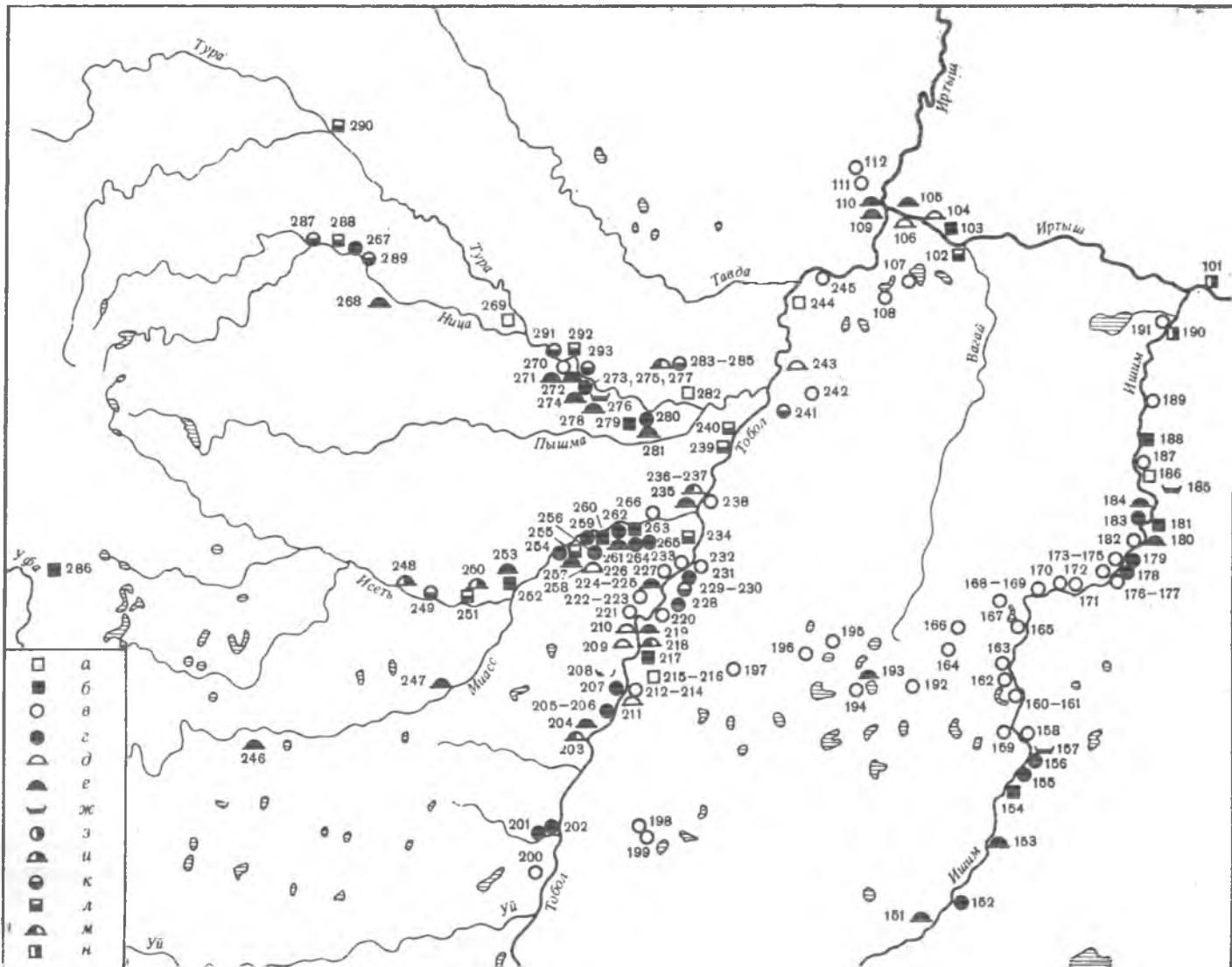
Надежная источниковедческая база, легшая в основу изучения саргатской культуры, была обеспечена в ходе широких полевых исследований, проведенных в 60—70-е годы экспедициями Уральского университета (В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов), Института археологии АН СССР (В. А. Могильников), Северо-Казахстанского музея и Петропавловского пединститута (Г. Б. Зданович). В эти же годы полностью публикуется материал Коконовских и Саргатских курганов [Могильников В. А., 1972б; 1972в], а также ряда других памятников

[Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969; Кожин П. М., 1972; Косинская Л. И., 1974; Корякова Л. Н., 1979б; Корякова Л. Н., Стефанов В. И., 1981; Могильников В. А., 1973; 1974; Мошкова М. Г., Генинг В. Ф., 1972; Стоянов В. Е., 1969в; Стоянов В. Е., Фролов В. Н., 1962]. Одновременно выходит ряд статей с анализом материала саргатской культуры в целом, т. е. дается ее периодизация, определяются ареал и комплекс характерных черт [Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970; Могильников В. А., 1969б; 1970; 1972а]. Но при этом рассматриваются и отдельные стороны культуры: погребальный обряд [Корякова Л. Н., 1977; Стоянов В. Е., 1973], специфика поселенческих комплексов [Стоянов В. Е., 1969а], вопросы социально-экономического развития [Могильников В. А., 1976; Стоянов В. Е., 1977]. Детальный источниковедческий анализ саргатской культуры проведен Л. Н. Коряковой [1981а], уделившей большое внимание вопросам хронологии и выявлению локальных вариантов культуры.

В целом исследователи придерживаются близких точек зрения на хронологию и периодизацию культуры, но в определении этнической принадлежности населения, оставившего саргатскую культуру, нет единства. Большинство авторов разделяют точку зрения В. Н. Чернецова о его угорской принадлежности [Генинг В. Ф., 1972. С. 278], отмечая в то же время присутствие в этносе определенных иранских элементов [Корякова Л. Н., 1979а. С. 84, 85; Могильников В. А., 1972б. С. 133; 1979б. С. 45—47]. В. И. Васильев [1979. С. 62] высказал мнение о самодийской принадлежности населения саргатской культуры, которое пока не получило поддержки у исследователей и вызвало ряд серьезных возражений [Могильников В. А., 1983б. С. 249].

Саргатская культура локализуется в лесостепи Зауралья и Западной Сибири, от восточных предгорий Урала на западе до среднего течения р. Омь в районе г. Куйбышев — на востоке. На севере она частично захватывает юг лесной зоны по Иртышу и Тоболу до его устья (карта 20). Южная граница в основном совпадает с южной границей лесостепи. Судя по концентрации памятников, эта территория была заселена неравномерно. Население сосредотачивалось главным образом в северной и центральной частях лесостепи, вдоль крупных рек — Иртыша, Ишима, Тобола, а также по среднему течению Оми и в низовьях Исети. Значительно меньше памятников на крупных притоках Иртыша и Тобола — Таре и Туре, протекающих преимущественно в лесной зоне. Слабо было освоено междуречье Иртыша и Ишима и, по-видимому, несколько лучше — богатая озерами лесостепная часть междуречья Ишима и Тобола, где памятники приурочены к озерным террасам. Наиболее плотное население, вероятно, было в лесостепи Прииртышья, к северу от Омска. Здесь обнаружены как наиболее ранние (Богдановка II, III; Новотроицкое I; Окунево I), так и наиболее поздние (Калачевка I; Стрижово I) памятники. Плотность саргатского населения здесь превышала его концентрацию во все исторические эпохи, предшествовавшие освоению края русскими.

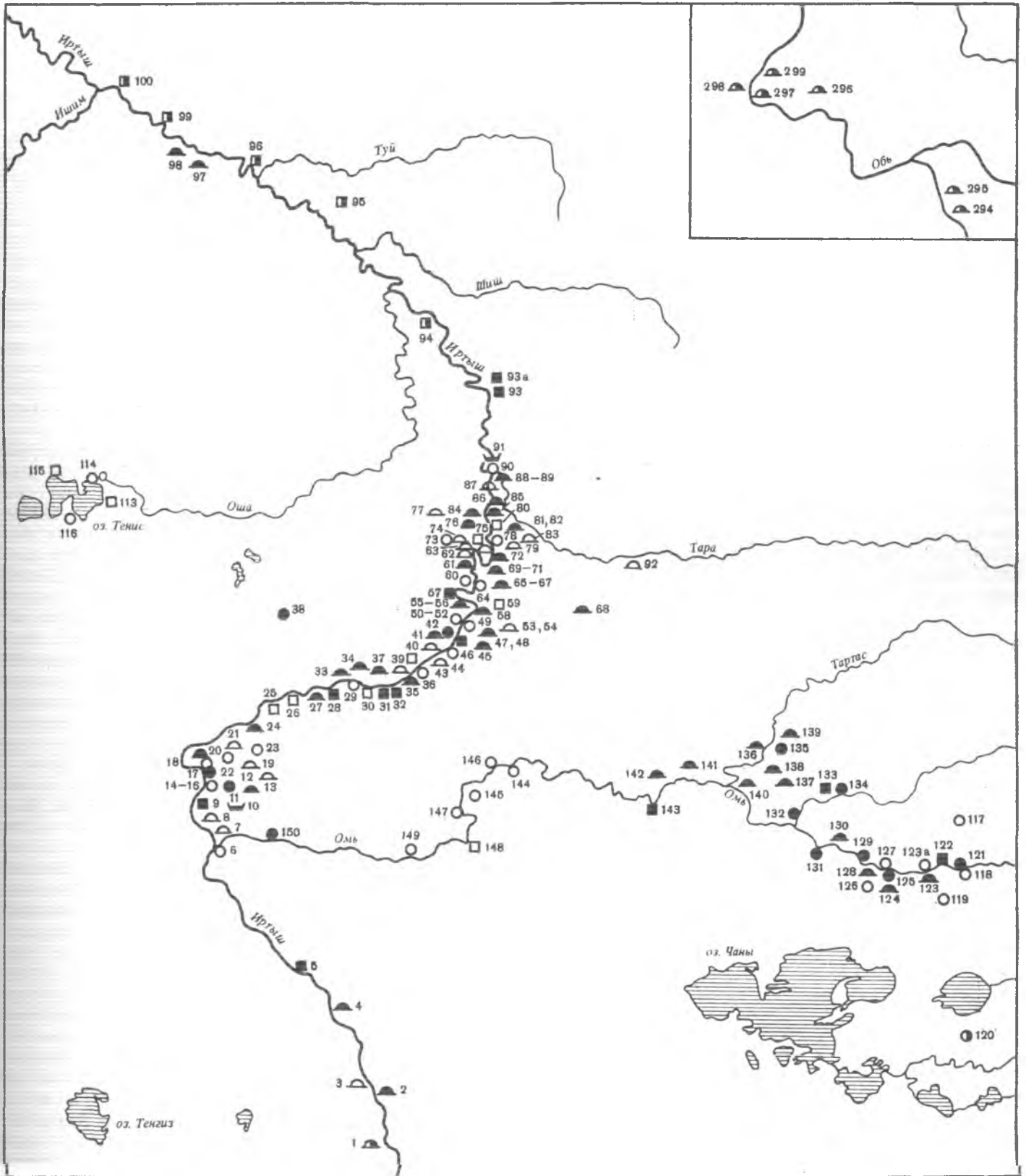
Указанные пределы характеризуют максимальный

Карта 20. Памятники саргатской культуры

1 — Иртышское; 2 — Татарка; 3 — Нововаршавка; 4 — Изылбаш; 5 — Ачаир; 6 — Омск (Кемеровский спуск); 7 — Захламино; 8 — Николаевка; 9, 10 — Битые Горки, городище и грунтовой могильник; 11 — Коконовка, поселение; 12 — Коконовка, могильник; 13 — Коконовка II; 14 — Большое Кулачье; 15, 16 — Малое Кулачье I, II; 17, 18 — Новотроицкое I, II; 19 — Новотроицкое, курганы; 20, 21 — Чернолучье I, II; 22 — Малитина; 23, 24 — Красноярка II, I; 25 — Нижняя Ильинка; 26—28 — Горная Бития III, I, II; 29 — Фадеевка; 30 — Лежанка; 31 — Каргановка; 32 — Розановка; 33, 34 — Калачевка I, II; 35 — Новооболонь; 36 — Крупянка; 37 — Саргатка; 38 — Деснодзиновка; 39, 40 — Кушайлы I, II; 41, 42 — Сибирская Саргатка; 43 — Георгиевка; 44 — Сосновка; 45, 47—49 — Богданово III, I, II, IV (поселение); 46 — Богданово; 50—52 — Андреевка I—III; 53, 54 — Новопокровка I, II; 55, 56 — Черноозерье III, IV; 57 — Инберень IV; 58, 59 — Саратово I, II; 60 — Рассвет; 61 — Старый Карасук II; 62 — Ингалы; 63 — Батаково; 64 — Исаковка; 65—67 — Исаковка I—III; 68 — Сидоровка; 69—71 — Стрижово I—III; 72 — Бешаул; 73—74 — Картовь I, II; 75 — Каиркуль; 76 — Малый Темей; 77 — Могильно-Посельское; 78, 79 — Пустынное I, II; 80 — Карташово; 81—83 — Карташово I—III; 84 — Гушино; 85 — Арты; 86 — Сеткуловка; 87 — Танатово; 88—91 — Окунево I, II, IV, III; 92 — Крутойярка; 93 — Краснозерка; 93а — Безмянное II; 94 — Богочаново; 95 — Большая Пристань; 96 — Ямсыса VII; 97 — Кип; 98 — Утыма; 99 — Верхнее Аксеново; 100 — Красноярка; 101 — Новонокольское I; 102 — Старый Погост; 103 — Ивановка; 104 — Ивановка II; 105 — Поччеваш; 106 — Бергилька; 107 — Юргаркуль; 108 — Нерда I; 109 — Савина; 110 — Тюково; 111 — Чашаул; 112 —

Чашкуль; 113 — Усть-Логатка; 114 — им. М. Горького; 115 — Карасук; 116 — Калугино; 117 — Талагуль; 118 — Вдовино; 119 — Барабинск (оз. Бугриное); 120 — Каргат 4; 121—123а — Абрамово 7, 1, 4, 10; 124—128 — Марково 6, 8, 4, 5, 1; 129 — Омь (Осинцева); 130 — Преображенка 3; 131 — Погорелово; 132 — Туруновка 4; 133 — Большой Чуланкуль; 134 — Чуланкуль; 135, 136 — Ложка 4, 1; 137 — Усть-Тартас; 138, 139 — Венгерovo 1, 7; 140 — Сопка 2; 141 — Старый Сад; 142 — Игнатьевка Новосибирской обл.; 143 — Вознесенское; 144 — Малая Хомутинка III; 145 — Усть-Горы III; 146 — Вишневка; 147 — Киршовка I; 148 — Глухониколаевка (Полтавка); 149 — Игнатьевка Омской обл.; 150 — Сперановка; 151 — Покровка; 152 — Карлуга I; 153 — Явленка I; 154 — Актау; 155—157 — Борки I, II, IIa (погребение); 158 — Новопавловка; 159 — Далматово; 160, 161 — Баландино II, IV; 162 — Ильинское; 163 — Жилияково; 164 — Песьяное; 165 — Клешино; 166 — Черемуховое; 167 — Пахомово озеро; 168, 169 — Заворохино I, II; 170 — Кошкарагай II; 171 — Боровое; 172 — Тушнолобово; 173—175 — Логиново VIII, II, V; 176, 177 — Горки I, II; 178 — Чурино; 179 — Старая Маслянка; 180 — Лихачево; 181 — Ефимово; 182 — Кокуй II; 183 — Узлово; 184 — Абатское; 185 — Ир; 186, 187 — Тюляшов Бор VI, II; 188 — Борки; 189 — Боровлянка 3; 190 — Михайловка; 191 — Тюрмитяки 5; 192 — Пеганово; 193, 194 — Фоминцево I, II; 195 — Рямовое; 196 — Прохорово; 197 — Курганское; 198, 199 — Козлово I, II; 200 — Лебяжье; 201, 202 — Язеву I, II; 203 — Лисья Гора; 204 — г. Курган; 205, 206 — Белый Яр XII, XIII; 207, 208 — Речкино II (поселение и погребение); 209 — Варакосова; 210 — Усть-Суерка; 211 — Песьянский; 212 — Мочищи; 213 — Петухово; 214 — Глудино; 215 — Камышное; 216 — Камышное II Белозерского р-на;

217 — Увал I, II; 218 — Увал; 219 — Чистослебяжье, курган 6 (впускное погребение); 220 — Коркино VI; 221 — Мясниково; 222, 223 — Суерка I, II; 224 — Тютрина; 225 — Савина; 226 — Исток I; 227 — Карагужево; 228 — Новошадрино II; 229, 230 — Поспелово I, II; 231 — Скородум III; 232 — Кокуй; 233 — Чащина; 234 — Старое Лыбаево; 235 — Памятное; 236 — Ялуторовск; 237 — Томилово; 238 — Коктюль; 239 — Чечкино I; 240 — Калачик; 241 — Юрта-Бор XII; 242 — Средний Баклан 2; 243 — Цытырлы; 244 — Ка-

раульный Яр; 245 — Магат; 246 — Пивкино; 247 — Долговское; 248 — Воробьево I; 249 — Боборыкино IV; 250 — Прыгово I, II; 251 — Прыгово; 252 — Спицыно (Павлиново); 253 — Спицыно; 254, 255 — Рафайлово II, I; 256 — Рафайловский остров; 257 — Рафайлово; 258 — Солобоево; 259, 260 — Ботники I, II; 261 — Красногорское; 262 — Красногорский Борок; 263 — Колово; 264 — Ингалинка; 265 — Ингалинский Борок; 266 — Архангельское; 267 — Юдино; 268 — Макушино; 269 — Тимино; 270 — Мысовская I; 271 —

ареал саргатской культуры, который в различные периоды ее развития не был неизменным. В V—III вв. до н. э. саргатское население локализовалось на более узкой территории — в Среднем Прииртышье, Барабе (Усть-Тартас), Среднем и Нижнем Приишимье (городища Актау; Борки; поселения Ефимово; Узлово; Абатское), а также на севере лесостепи Притоболья, главным образом на нижней Исети, средней Туре и Нице (курганы Томилово; Памятное; городище и курганы Рафайлово; Красногорское; Мыс; Перейминский II; Макушино). В лесные районы Тобольского Прииртышья саргатское население проникает, видимо, в IV — начале III в. до н. э. вдоль Тобола и осваивает прилежащую к его устью долину Иртыша вверх и в меньшей мере — вниз от Тобольска. На это указывает локализуемая здесь группа памятников, связанная цепью поселений с саргатскими памятниками Притоболья и как будто изолированная от основного массива саргатского этноса Омского Прииртышья незаселенным «саргатцами» пространством вдоль Иртыша, между устьями Вагая и Ишима.

В конце III—II в. до н. э. часть саргатского населения продвигается на юго-запад, в Среднее Притоболье, на среднюю Исеть и Миасс, в бывший ареал гороховской культуры, где смешивается с гороховским населением. По-видимому, в основном во II—I вв. до н. э., в период максимального расцвета культуры, осваивается междуречье Ишима и Тобола. В конце III—II в. до н. э. саргатское население уходит к югу от самых северных районов своей ойкумены (Тюковские, Потчевашские курганы III—II вв. до н. э.), где на смену ему приходит население кулайской культуры. В I—II вв. саргатское население исчезает из Барабинской лесостепи [Полосьмак Н. В., 1985. С. 13], сменившись также в основном кулайским. Во II—III вв. саргатская культура прекращает существование на большей части ареала. Единичные памятники III—IV вв. представлены в Прииртышье (Калачевка I; Стрижово I), Приишимье (Покровское), Притоболье (Ипкуль XV). Они локализируются преимущественно

в северной лесостепи и южной части лесной полосы, где в эпоху великого переселения народов еще сохранялись остатки саргатского населения.

В обширном ареале саргатской культуры выделяются четыре локальных района — Прииртышье, Бараба, Приишимье и Притоболье, различающиеся отдельными особенностями погребального ритуала, деталями орнамента керамики, конструкции жилищ и некоторыми другими признаками [Корякова Л. Н., 1981а. С. 9, 13, 14; Полосьмак Н. В., 1985. С. 13]. Специфика локальных вариантов была обусловлена особенностями генезиса отдельных районов, различиями субстрата и внешними контактами. Судя по скоплению на Иртыше крупных курганов и поселений, а также по богатству их инвентаря, можно полагать, что в Прииртышье локализовались наиболее сильные, главенствующие роды или племена саргатского этнического образования. Отсюда происходила миграция саргатского населения на запад, в Приишимье, и на восток — по Оми, в Барабинскую лесостепь.

Памятники разных районов саргатской культуры изучены неравномерно. Наиболее исследовано Омское Прииртышье, где раскопки проведены на семи поселениях и в 23 курганных могильниках. Менее изучены Приишимье, где раскапывалось пять поселений и девять могильников, и Притоболье — 3 поселения и 17 могильников. Во всех районах лучше изучены могильники, позволившие выявить погребальный обряд саргатского населения и динамику его развития. Значительно хуже исследованы поселения и система устройства укреплений. В отличие от погребений, дающих разнообразный вещевой комплекс, основной материал поселений представлен керамикой. Она изучена хуже, нежели посуда из погребений.

Саргатская культура датируется V в. до н. э. — III—IV вв. н. э. Основываясь на эволюции погребального ритуала и отчасти инвентаря, В. А. Могильников [1970. С. 177—180] выделил три этапа развития этой культуры: IV—III вв. до н. э.; II в. до н. э. — II в. н. э.; II—IV вв. н. э. В. Ф. Генинг и Л. Н. Корякова, именуя эту культуру абатской, разделили ее на два этапа: коконовский — начало раннего железного века — III в. до н. э.; саргатский — II в. до н. э. — I в. н. э. [Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970. С. 204—215]. Затем Л. Н. Корякова [1981а. С. 11—13] предложила более дробную периодизацию саргатской культуры, выделив в ней хронологические группы IV — первой половины III в. до н. э.; второй половины III — первой половины II в. до н. э.; второй половины II в. до н. э. — II в. н. э., отметив, что в ограниченном количестве выделяются и комплексы конца II—III в. С учетом нового материала можно выделять четыре этапа развития саргатской культуры: V—III вв. до н. э.; второй половины III — первой половины II в. до н. э.; второй половины II в. до н. э. — II в. н. э.; конца II—IV в. н. э. Данная периодизация отражает особенности эволюции инвентаря, погребального обряда и внешних контактов саргатского населения.

Начальная дата культуры (V—IV вв. до н. э.) устанавливается по находкам меча с дуговидным навершием и бабочковидным перекрестьем (табл. 122,

Мыс (курган 6); 272 — Тюменский I; 273 — Андреевское озеро VIII; 274 — курган на южном берегу Андреевского озера; 275 — южный берег Андреевского озера, VI; 276 — остров Андреевского озера; 277 — северный берег Андреевского озера I; 278 — Козлов мыс (курган 16); 279—281 — Дуван II, VI. I; 282 — Макуши I; 283—285 — Ипкуль I, IV, XIII; 286 — Абдулино; 287—293 — памятники кашинского типа; 287 — Большедубское, 288 — Юдино, 289 — Кашино, 290 — Давыдово, 291 — Коняшино, 292 — Решетниково, 293 — Верхний Бор

На врезке — Верхнее Приобье: 294 — Майма IV; 295 — Быстрянка; 296 — Новотроицкое; 297 — Раздумье IV; 298 — Старая Масляха; 299 — Быстровка

a — городища, известные по разведкам; *б* — городища, исследованные раскопками; *в* — селища, известные по разведкам; *г* — селища, исследованные раскопками; *д* — курганные могильники, известные по разведкам, предположительно саргатские; *е* — курганные могильники, исследованные раскопками; *ж* — грунтовые погребения; *з* — находки саргатской керамики на большереченских селищах; *и* — находки саргатских керамики и погребений в инокультурных могильниках; *к* — селища с керамикой кашинского типа; *л* — саргатские городища с находками керамики кашинского типа; *м* — курганы с находками саргатской и кашинской керамики; *н* — городища с совмещенными находками керамики саргатского и богочановского типов

58), бронзовых втульчатых наконечников стрел (табл. 122, 60—62), каменного жертвенника на двух ножках, бронзовых литых колец от конского убора (табл. 123, 53—56), бронзовых литых полушаровидных и колоколовидных блях, ворворок (табл. 124, 63, 70), аналогичных материалам из сакских, савроматских и раннесарматских памятников V—IV вв. до н. э. [Мошкова М. Г., 1963. Табл. 14, IV, VIa; Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 3, 3, 4; 36, 38; 38, 3; 1964. С. 164. Рис. 11Б, 19, 24; 13, 6a, 6e; 22, 9; 27, 1; 28, 10; 74, 20; Вишневская О. А., 1973. Табл. V, 9].

Дата заключительного этапа культуры (конец II—IV в. н. э.) обоснована находками в комплексах крупных, ромбических в сечении железных черешковых наконечников стрел (табл. 122, 5), имеющих параллели в древностях поздних сармат и Средней Азии II—IV вв. н. э. [Хазанов А. М., 1971. Табл. XIX, 31; Сорокин С. С., 1956б. С. 11. Рис. 2, 4, 5; Литвинский Б. А., 1965. Рис. 6, 7, 23—27], а также взаимовстречаемостью саргатской посуды и орнаментированной фигурными штампами керамики лесного Приобья IV—V вв. н. э. (поселение Ипкуль XV) [Морозов В. М., Суханова Т. И., 1987].

ПОСЕЛЕНИЯ. Памятники саргатской культуры представлены могильниками и поселениями, в составе которых городища и неукрепленные селища. Часто на городищах к укрепленной валами площадке с напольной стороны примыкает незащищенная часть поселения. В настоящее время известно более 20 саргатских городищ (карта 20), которые неравномерно размещены в ареале культуры. Большинство их локализуется в Прииртышье, на правом, высоком, берегу Иртыша.

По планировке укреплений и форме площадки городища делятся на два типа — мысовые и круглые с замкнутой линией укреплений. Количественно преобладают мысовые (табл. 121, 2). Они расположены на высоких (15—40 м) берегах рек и защищены с напольной стороны валами и рвами. Форма площадки соответствует форме мыса, обычно они треугольные (Каргановское; Розановское; Богдановское), редко — трапециевидные (Горная Бития I; Карташово). Круглые городища с замкнутой линией укреплений (табл. 121, 1) расположены на низких террасах рек с нерасчлененным краем, возвышающимся над поймой на 2—8 м. Укрепленные площадки городищ невелики, размеры колеблются в пределах 600—4500 кв. м. Более крупные городища встречаются редко (Каргановское — 9600 кв. м.). Вероятно, еще более крупным было Богдановское городище, но оно разрушено обрывом Иртыша, и точная площадь его не установлена.

Как правило, на городищах бывает лишь одна защищенная укреплениями площадка, и только на Богдановском имеются две смежные площадки. В случае сочетания городища с прилежащим к нему селищем их суммарная величина значительно увеличивается и достигает 10—12 тыс. кв. м. [Корякова Л. Н., 1984. С. 70].

Укрепления городищ состояли из вала и рва. На Иртыше встречаются укрепления из двух валов и рва между ними (Горная Бития; Каргановское; табл. 121, 2). В средней части вала и рва иногда прослеживается проезд на городище (Каргановское;

Горная Бития; Инберень IV). Устройство укреплений саргатских городищ исследовано слабо. Частично они вскрывались траншеями, прорезавшими валы (Богдановское; Горная Бития; Инберень IV; Борки) [Корякова Л. Н., Стефанов В. И., 1981. С. 181, 182; Сыркина И. А., 1980. С. 237]. Полностью линия укреплений раскопана на городище Актау на Ишиме [Хабдулина М. К., 1981. С. 444]. Она состояла из рва и внутреннего вала общей протяженностью свыше 60 м, которые дугообразно огибали поселок, спускаясь на склоны оврагов. Ширина рва 2,5 м, глубина — 1,2—1,5 м, а на склонах оврагов он превращался в узкую канавку шириной 0,5—0,7 м. В восточной части ров имел проход шириной 1,2 м. Внешняя сторона рва пологая, а внутренняя — крутая, с уступами, дно и внутренняя стена рва были облицованы горбылями. В 2,5 м от рва по валу шел бревенчатый частокол. Наружная стенка вала была закреплена прокаленными глиняными блоками, а внутренняя — частоколом. Видимо, частоколом, от которого сохранились скопления столбовых ямок, было ограждено также городище Инберень IV. При исследовании входа на этом городище между концами оборонительных сооружений зафиксированы две неглубокие канавы, в одной из которых найдены бронзовая фигурка животного (табл. 124, 72) и втульчатый наконечник стрелы [Корякова Л. Н., Стефанов В. И., 1981. С. 182], положенные сюда, возможно, по соображениям ритуала при устройстве укреплений.

Около 80% саргатских поселений составляют неукрепленные селища, известные во всех районах саргатской культуры. Средние размеры селищ 6—8 тыс. кв. м. По топографии часть из них близка к городищам и располагается на высоких коренных террасах рек, мысах высотой до 35—40 м (Мало-Кулачинское; Новотроицкое; Богдановка IV; Исаковка — на Иртыше; Чупино; Узлово — на Ишиме; табл. 121, 4). Но в целом селища расположены ниже, чем городища. Многие из них лежат на низких берегах озер (высота над уровнем воды 2—5 м).

Мощность культурного слоя на поселениях саргатской культуры в среднем 0,5—0,7 м. Насыщенность его неодинакова: на 1 кв. м площади на городище Горная Бития приходилось два-три фрагмента керамики; на поселении Логиново V — около шести; на городищах Богдановском и Инберень IV — восемь—десять фрагментов [Корякова Л. Н., 1984. С. 68]. Среди находок преобладают керамика и кости животных. Точного представления о планировке поселений не имеется, поскольку полностью исследовано только городище Актау. На поверхности многих памятников прослеживаются овальные западины — следы углублений от жилищ, систему размещения которых установить зачастую трудно. На городищах с замкнутыми линиями укреплений (Инберень IV) жилища расположены по кругу вдоль вала, примыкая к нему, а за пределами укреплений жилищные впадины идут параллельными рядами (табл. 121, 1). На Каргановском городище прослеживаются две обособленные группы жилищных впадин. На селищах впадины располагаются без видимого порядка или рядами (Андреевское I, III). На городище Актау восемь—десять жилищ за валом

шли двумя рядами и были обращены входами внутрь поселка. При этом расстояние в ряду между постройками не превышало 2—2,5 м при площади построек около 24 кв. м. Количество жилищ на отдельных поселениях сильно варьировало и, судя по числу фиксируемых на поверхности впадин, колебалось от пяти до 40.

На разных поселениях саргатской культуры раскопано свыше 40 жилищ, в том числе восемь—десять жилищ вскрыто на городище Актау [Хабдулина М. К., 1981. С. 444, 445]. Конструктивно они делятся на наземные и полужемляночные. Причем стены тех и других возвышались над поверхностью земли. Котлованы полужемлянок углублены в материк на 0,4—0,7 м, наземных — до 0,25—0,3 м. На городищах Актау и Богдановка котлованы углублялись в материк всего на 5—7 см, поэтому фиксировались по очажным проколам, развалам сосудов, скоплениям керамики и легким хозяйственным углублениям. Количественно преобладали полужемлянки, но в Барабе большинство жилищ были наземными [Полосьмак Н. В., 1985. С. 13]. В плане жилища обычно квадратные или прямоугольные. Открыты также постройки неопределенного плана, а на Чупинском поселении — остатки округлого жилища (табл. 121, 4). Постройки были одно- и двухкамерные (табл. 121, 5—9). В Притоболье открыты также трехкамерные (поселение Дуван II) и четырехкамерные (селище Рафайлово) жилища. Средняя площадь однокамерных построек 20—30 кв. м, самое малое — около 9 кв. м. Двухкамерные постройки состояли из большого, жилого, и малого, подсобного, отделений, устроенных обычно на одной оси и соединенных между собой переходом и, вероятно, общей крышей. Полы помещений в двухкамерных постройках находились чаще на разных уровнях. Жилища имели входы типа коридоров длиной 2—3 м, шириной 0,8—1,5 м (табл. 121, 6, 7, 9). Количественно преобладали однокамерные жилища (42,2%), двухкамерных — 26%. На некоторых поселениях (Инберень IV; Розановка; Речкино II) представлены жилища обоих типов.

Обычно в жилище находился один открытый очаг, располагавшийся чаще в центре, на уровне пола, в яме или на возвышении, окруженном канавкой (Розановское городище; поселение Дуван II). В некоторых постройках сохранились следы двух или нескольких очагов (табл. 121, 8; поселения Коконовка; Богданово; Инберень IV, жилище 6; Узлово, жилище 1) [Корякова Л. Н., Стефанов В. И., 1981. С. 181; Стоянов В. Е., 1969в. С. 67, 68]. Это обусловлено, возможно, тем, что очаги неоднократно переносили с места на место, а жилища были временными. В жилищах поселений Барабы (городище Чуланкуль) выявлены очаги типа чувалов [Полосьмак Н. В., 1985. С. 14], которые более широко распространяются в раннем средневековье. В двухкамерных жилищах очаг обычно располагался в большей камере, где встречается и больше культурных остатков, указывая на то, что она была жилой, а меньшая — подсобной, типа кладовки. Вдоль стен жилищ имелись возвышения типа нар или лежанок.

В некоторых постройках зафиксированы небольшие хозяйственные ямы, располагавшиеся близ

очагов, у стен или в углу. В них находят преимущественно кости животных, реже — глиняные сосуды [Стоянов В. Е., 1969в. С. 75; Корякова Л. Н., 1981а. С. 7; 1984. С. 76].

Стены жилищ имели каркасную шатровую конструкцию или были сложены из бревен, забранных между вертикально поставленными столбами. Об этом свидетельствуют остатки столбовых ямок вдоль стен и канавки, в которых лежали нижние венцы бревенчатых стен (табл. 121, 4Б). Полы, видимо, были в основном земляные. В некоторых случаях можно предполагать устройство деревянных полов, от которых сохраняются следы бревенчатых лаг [Матвеева Н. П., 1986б. С. 190].

Конструкция перекрытия точно не фиксируется. Оно могло быть двускатным, четырехскатным и односкатным и поддерживалось, вероятно, опорными столбами. На это указывают столбовые ямки в центре котлованов и вдоль стен жилищ (табл. 121, 4—7, 9) [Корякова Л. Н., 1984. С. 77; Корякова Л. Н., Стефанов В. И., 1981. С. 181].

В целом жилища саргатской культуры сходны с гороховскими, где также были слабо углубленные в землю одно- и двухкамерные постройки с коридорообразным входом и очагом, расположенным в центре и иногда окруженным канавкой [Сальников К. В., 1940. С. 69—71; 1947. С. 223, 224; Стоянов В. Е., 1969а. Рис. 26, 4; 1973. С. 52]. Подобно жилищам Гороховского городища, некоторые саргатские полужемлянки были разделены внутренними перегородками (табл. 121, 4Б) [Матвеева Н. П., 1986б. С. 191]. Все эти аналогии объясняются тождеством экологических условий, родственностью указанных культур, их взаимными контактами и одинаковым уровнем социально-экономического развития.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД. Погребальный обряд саргатской культуры достаточно хорошо исследован. Для него характерны труположения под курганными насыпями. Исследовано около 500 погребений под более чем 180 курганами на 48 некрополях. Кроме того, выявлено 16 бескурганных погребений, над частью которых, возможно, первоначально были также невысокие насыпи. Большинство из них — это единичные погребения, часть которых обнаружена на площади поселений (Речкино II; Борки II) или в близком соседстве с ними (Окунево III), но есть также отдельные небольшие некрополи (Ирский) [Косинская Л. И., 1974. С. 30. Рис. 1, 1—3]. Кроме отсутствия насыпи, ритуал бескурганных погребений аналогичен обряду основной массы рядовых захоронений саргатской культуры.

Могильники находятся главным образом на высоких коренных берегах рек. Реже они лежат на низких террасах, занимая их возвышенные участки. Курганы располагаются цепочками, группами без определенного порядка и поодиночке. Количество курганов в некрополе доходит до 40, но обычно их гораздо меньше. Часто курганы локализируются недалеко, в 1—3 км, от связанных с ними поселений (Коконовка; Горная Бития; Богданово; Саратово; Инберень; Исаковка; Карташово; Окунево II; IV; Рафайлово; Увал и др.). Но наиболее четко взаимосвязь могильников и поселений прослежена в Прииртыше.

Насыпи курганов земляные оплывшие, сложены преимущественно из чернозема. Первоначально они, вероятно, сооружались из дерна и имели вид пирамиды. Около трети курганов по Иртышу и Ишиму содержало глинобитные или песчаные площадки (толщина 0,1—0,4 м), перекрывавшие центральную часть кургана. По величине курганы разделяются на малые, средние и большие [Корякова Л. Н., 1977. С. 138; Стоянов В. Е., 1973. Табл. А; Б. С. 45]. Для Притоболья характерны мелкие курганы, реже — большие; для Ишима — средние и мелкие, но есть и большие; на Иртыше чаще встречаются средние и крупные курганы; в Барабе преобладали средние. Помимо локального своеобразия, величина кургана зависела главным образом от социального положения погребенного в центральной яме и в меньшей мере — от числа впускных погребений, при сооружении которых иногда дополнительно подсыпали насыпь.

Около половины вскрытых курганов ограждено по периметру ровиками, кольцевыми или многоугольными, замкнутыми или с одним-двумя проходами, ориентированными обычно симметрично на северо-запад и юго-восток. Больше всего курганов с ровиками (63,2%) находится в Прииртышье, меньше — в Притоболье (30%) [Корякова Л. Н., 1981а. С. 8]. Количество курганов с ограждением было, вероятно, больше, поскольку неглубокие ровики мелких курганов, выкопанные в черноземе почвы, возможно, не прорезали материк и потому не фиксируются в погребенном черноземе. Ровики носили, очевидно, ритуальный характер. Малые размеры не позволяют считать их следами выемки земли для возведения насыпи. В заполнении ровиков и насыпях курганов встречаются кости животных, остатки тризны [Могильников В. А., 1973. С. 239—247; 1979а. С. 254].

Под насыпью кургана находится одно или несколько погребений, располагавшихся по периметру вокруг основного захоронения или в ряд (табл. 125).

Для V—III вв. до н. э. характерны курганы с одним погребением, расположенным под центром насыпи. В III—II вв. до н. э. распространяется обычай размещения впускных погребений вокруг основного. Во II в. до н. э.— III в. н. э. этот обычай доминирует.

Центральные погребения расположены обычно в больших прямоугольных ямах с меридиональной ориентировкой и содержат, как правило, парные или коллективные захоронения. Впускные погребения обычно индивидуальны, совершены в ямах, углубленных в материк, располагаются на уровне горизонта или, реже, — в черноземе насыпи.

По форме могильные ямы делятся на четыре основных типа: 1) с отвесными стенками; 2) с наклонными стенками, сужающимися ко дну; 3) с заплечиками; 4) с нишами. В Прииртышье наиболее распространены ямы с отвесными и слегка наклонными стенками, ямы с заплечиками составляют лишь 9,3%. Для Приишимья характерны ямы с отвесными стенками (43,3%) и с заплечиками (37,3%). Притоболью свойственны ямы с отвесными стенками, ямы с заплечиками составляют 5,7% [Корякова Л. Н., 1981а. С. 9]. Ямы с нишами в изголовье, в торцовой и, реже, боковой стенках в целом не характерны

для культуры, но встречены в Прииртышье, Приишимье и Притоболье. Они предназначались для установки сосудов и укладывания кусков мяса (табл. 125, 5). Для центральных погребений Прииртышья IV—II вв. до н. э. типичны также ямы с отвесными стенками и канавками по периметру дна ямы или вдоль продольной стены, предназначавшимися для установки погребального инвентаря (Богданово I, III; Саратово) [Могильников В. А., 1979а. С. 255]. Эта черта конструкции погребальных камер находит аналогии у саков Приаралья [Вишневская О. А., 1973. С. 60, 61].

Могильные ямы имели деревянные перекрытия, остатки которых сохранились более чем в 40% погребений. Наиболее часто деревянные перекрытия встречаются в погребениях Прииртышья, менее распространены они в Притоболье, что может объясняться худшей сохранностью дерева в песчаном грунте этого района.

Захоронения в центральных больших ямах, как правило, перекрыты поперечным накатом, площадь которого иногда значительно превышает величину могильной ямы, и концы бревен лежат поверх выкида. В Прииртышье, Притоболье и Приишимье в курганах V—III вв. до н. э. известны шатровые перекрытия из бревен (Богданово III, курган 1; Татарка; Тютрино; Красногорское) [Корякова Л. Н., 1977. С. 138; Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1985. С. 71; Матвеева Н. П., 1986б. С. 191]. В кургане 1 некрополя Богданово III шатровое перекрытие было устроено сразу над двумя центральными могилами, после того как они были перекрыты поперечными бревенчатыми накатами. Шатровые перекрытия в курганах саргатской и гороховской культур имеют, вероятно, юго-западное, савроматско-сакское, происхождение. Два разнотипных перекрытия в Богдановском кургане, вероятно, отражают сочетание местной (поперечный накат) и привнесенной (шатер) традиций в конструкции погребальных сооружений. Примечательно, что в женском погребении этого кургана находился каменный жертвенник на двух ножках савроматского типа. В погребениях V—III вв. до н. э. поверх бревен наката иногда лежит слой хвороста (Богданово II, курган 5).

Впускные погребения перекрыты преимущественно продольным накатом из одного ряда бревен. В некоторых случаях продольные бревна лежат на поперечных, уложенных вразбежку. Преобладают (70%) перекрытия, концы бревен которых покоятся на краю могилы. Перекрытия на заплечиках составляют 18% и наиболее свойственны Приишимью (табл. 125, 3, 6). Кроме того, представлены отдельные, в целом не типичные для культуры, устройства перекрытий. К ним относятся перекрытия на столбах, на каменной вымостке, на срубе. Последние распространены в Прииртышье. Обычным материалом для устройства перекрытий служили березовые бревна. Иногда погребенные накрыты берестой.

Стенки могильных ям, как правило, не имели облицовки. Зафиксирована она лишь в отдельных богатых погребениях в виде горизонтально уложенных бревен. В 20 впускных погребениях встречены срубы в один-два венца, причем пять из них устроены на уровне древней поверхности [Коряко-

ва Л. Н., 1977. С. 144, 145; Могильников В. А., 1983а. С. 219]. В некоторых могилах под погребенным прослеживаются остатки древесного тлена, травяной или берестяной подстилки.

Погребенные в могилах лежали вытянуто на спине и только в нескольких случаях скорчено или вытянуто на боку, а один раз — на спине с подогнутыми ногами (табл. 125, 11). Изредка отмечены полусогнутые или откиннутые руки и отклонения в положении ног [Корякова Л. Н., 1977. С. 146]. По одному разу встречены захоронения двух черепов, захоронение погребенного без черепа и захоронение покойника, рядом с которыми положена голова человека (Горная Бития), что, вероятно, связано с ритуалом жертвоприношений.

Преобладало положение погребенных головой на север и северо-запад. В IV—III вв. до н. э. северная ориентировка более свойственна погребениям на всей территории культуры, а в последующее время она господствовала в Притоболье, тогда как в Прииртышье и Приишимье широко распространилась северо-западная ориентировка (21,9 и 31,2% погребенных) [Корякова Л. Н., 1981а. С. 9]. Стабильное преобладание (55,3%) северной ориентировки в Притоболье, возможно, связано с сохранением традиций гороховской культуры. Наряду с господствующими северной и северо-западной ориентировками погребенных встречаются южная, западная и восточная. При этом южная ориентировка чужда иртышским и тобольским памятникам, а на Ишиме (Лихачев; Фоминцево и др.) составляет около 10% [Корякова Л. Н., 1977. С. 146].

Около половины курганов саргатской культуры содержит следы культа огня — остатки костров, углистой и меловой подсыпки, обжигания стенок погребальных камер. Курганов с огненным ритуалом больше в восточном ареале культуры: в Прииртышье и Приишимье — около 60%, а в Притоболье — около 30%. Угольки, остатки костров находятся преимущественно в насыпях. Непосредственно в могилах следы культа встречаются реже, но имеют разнообразные проявления. Наиболее часто это углисто-золистые подсыпки в ямах и их заполнении. В одном из курганов у с. Явленка прослежено, что могилу засыпали остатками еще не остывшего костра [Корякова Л. Н., 1977. С. 147]. Обжигание стенок могилы, связанное с верой в очистительную силу огня, зафиксировано в отдельных центральных захоронениях Прииртышья, там же встречена меловая подсыпка (11 случаев). В 4% погребений были обуглены перекрытия [Корякова Л. Н., 1977. С. 147], а в некоторых захоронениях Усть-Тартасского, Фоминцевского и Красноярского могильников следы огня оказались на костях скелетов [ОАК за 1896 г. С. 221; Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969. С. 91]. На правом берегу Тобола под сгоревшими перекрытиями некоторые кости были кальцинированы (Увал I, курган 12). В целом погребения с огнем в ритуале составляют около 20%, что значительно меньше, чем в савромато-сарматской и сакской культурах [Смирнов К. Ф., 1964. С. 94—100; Толстов С. П., 1962б. С. 201, 203; Литвинский Б. А., 1972б. С. 140; Вишневская О. А., 1973. С. 64]. Наряду с другими элементами куль-

туры культ огня отражает связи племен саргатской культуры с ираноязычными кочевниками.

Большинство погребенных снабжено инвентарем. Как правило, он довольно однообразен, что, при отсутствии антропологических определений, затрудняет половое и возрастное разграничение погребенных. В мужских погребениях представлены предметы вооружения, орудия труда, детали конского снаряжения, отдельные украшения, поясные и колчаные крючки и пряжки. Для женских погребений характерны украшения и орудия труда. Предметы культа, каменные и глиняные блюда и курильницы встречены в захоронениях и мужчин, и женщин. В детских погребениях находятся орудия труда и украшения. Остатки заупокойной пищи — кости животных — и глиняные сосуды встречены в мужских, женских и детских захоронениях. Среди безынварных погребений представлены захоронения и мужчин, и женщин, и детей. Отдельные богатые и безынварные погребения отражают процессы социальной и имущественной дифференциации общества. Наибольшим богатством и разнообразием инвентаря выделяются центральные захоронения, но почти все они, за исключением одного (Сидоровка) [Матюшенко В. И., 1987], разграблены. Безынварные могилы преимущественно впускные, расположены в насыпях курганов и около уровня погребенной почвы, не врезаюсь в материк.

Самую многочисленную категорию инвентаря составляют глиняные сосуды, обнаруженные в 53,4% погребений. Преобладают (48,6%) погребения с одним сосудом, более редки (41,4%) — с двумя и совсем редки (4,1%) — с четырьмя или пятью [Корякова Л. Н., 1981а. С. 10]. Наиболее часто сосуд стоит у головы умершего, что особенно характерно для Притоболья, а также Прииртышья и Барабы. Напротив, в Приишимье сосуды обычно находятся в ногах покойника. При наличии в захоронении двух сосудов часто один стоит в изголовье, другой — в ногах. Обычай снабжения погребенных глиняными сосудами не был стабильным на разных этапах существования культуры. Большинство погребений IV—III вв. до н. э. лишено керамики, а если она есть, то в погребении обычно стоит один сосуд. В последующее время количество захоронений с сосудами увеличивается, как увеличивается и число сосудов в могилах, достигая во II в. до н. э. — II в. н. э. максимума — пяти-шести. Среди орудий труда наиболее часто встречаются железные ножи. Они лежат около костей животных, а также в области живота или бедер (очевидно, были подвешены к поясу). Личные вещи, украшения располагаются в захоронениях в тех местах, где их носили при жизни.

Остатки мясной пищи в виде костей животных, лежащих у плеча, в ногах, у пояса, встречены в 23% погребений Прииртышья, 27% — Приишимья и около 8% — Притоболья. Преобладают кости мелкого рогатого скота и лошади, главным образом тазовые, изредка встречаются кости крупного рогатого скота, диких животных и птиц.

Сопроводительные захоронения животных не характерны для саргатской культуры, но как исключения, встречены в Прииртышье и Притоболье.

В полах трех курганов (Красноярка; Дуван; Богданово) найдены захоронения собак [Корякова Л. Н., 1979б. С. 193]. Захоронения коней (три случая — Пивкино; Дуван; Преображенка) размещались по-разному: в могильной яме рядом с погребенным; в отдельной яме; в поле насыпи. В двух последних случаях они лежали на боку, головой на запад с отклонением [Сальников К. В., 1947. С. 233; Молодин В. И., Полосьмак Н. В., 1979. С. 83; Корякова Л. Н., А-1980. С. 107]. При этом в кургане 3 могильника Дуван I захоронения лошади и собаки были вместе. Появление захоронений коней и собаки, вероятно, отражает большую роль этих животных в хозяйстве саргатского населения, базировавшегося по преимуществу на полукочевом и отгонном скотоводстве, несколько различном в южной и северной частях ареала культуры.

Представленные в небольшом числе погребения-кенотафы по ритуалу и размещению инвентаря аналогичны впускным погребениям и также были впускными.

В целом погребальный обряд саргатской культуры при общем своеобразии демонстрирует черты сходства с обрядом погребения кочевников степей Казахстана и Южного Урала: глиняные площадки под насыпями, шатровые перекрытия могильных ям, культ огня, меловые подсыпки и др. Эта ситуация объясняется тесными взаимными контактами и проникновением раннесарматских и сакских элементов в среду населения саргатской культуры в V—III вв. до н. э.

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС. Инвентарь саргатской культуры характеризуется главным образом находками из погребений и в меньшей мере — из поселений.

Керамика. Керамика саргатской культуры, в отличие от прочего вещевого комплекса, во многом повторяющего широко распространенные образцы, своеобразна и является основным признаком, определяющим принадлежность памятника к данной культуре. Сосуды лепные, изготовлены из глины с примесью шамота, реже — песка. Примесь песка более свойственна керамике Притоболья, где песок выступает естественной примесью к глине. В основной массе сосуды сделаны грубо, тесто плохо промешано, обжиг костровый слабый. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов обычно гладко заглажены мягким предметом, но иногда штампом или пучком травы. Средняя толщина стенок поселенческой посуды 0,7—0,9 см. Сосуды из погребений меньше по величине и имеют среднюю толщину стенок 0,5—0,7 см. Около 90% сосудов составляют круглодонные, остальные — плоскодонные. По величине параметров поселенческие сосуды примерно в два раза превосходят сосуды из погребений. Венчики сосудов преимущественно приостренные, а также округлые и уплощенные.

Выделяются следующие наиболее характерные формы сосудов: 1. Удлиненные яйцевидные горшки со средне- и слабовыпуклым туловом, широким горлом и отогнутой шейкой (табл. 121, 17—19; 127, 1, 7, 12, 21, 26; 128, 1, 7, 16, 21, 28). 2. Узкогорлые сосуды с сильно выпуклым туловом, прямой или отогнутой шейкой (табл. 127, 8, 13, 22, 27; 128, 2, 8, 17, 23, 29, 31, 33, 34). Сосуды этой формы

редко встречаются на поселениях и более известны в погребениях III в. до н. э.— II в. н. э. 3. Шаровидные сосуды с прямой или отогнутой шейкой (табл. 127, 3, 4, 9, 15, 17, 23, 28; 128, 18, 25) более присущи ранним памятникам культуры и менее свойственны поздним, кроме Притоболья, где широко распространены на всех этапах. 4. Плоскодонные сосуды баночной формы (табл. 128, 6, 12, 13, 19) более известны в относительно поздних комплексах Прииртышья II в. до н. э.— II в. н. э. 5. Сосуды яйцевидной и баночной формы без четко выраженной шейки (табл. 127, 6, 20, 25, 29; 128, 10), обычно крупных размеров, характерны для поселений. 6. Чашевидные сосуды без выраженной шейки (табл. 127, 10, 11, 16; 128, 24, 35). 7. Плоские глиняные блюда (табл. 127, 18) сравнительно немногочисленны. Чаши и банки довольно редко встречаются в погребениях, на их долю приходится 8% сосудов, но на поселениях их удельный вес значительно больше и в отдельных комплексах доходит до 30% [Корякова Л. Н., 1981а. С. 14]. В целом в керамике доминируют высокие горшки, превышающие число сосудов остальных типов в 1,2—1,4 раза. В IV—III вв. до н. э. преобладали широкогорлые сосуды, в последующее время прослеживается тенденция к увеличению количества узкогорлых сосудов. В Притоболье господствовали широкогорлые сосуды, хотя узкогорлые здесь также были известны уже в ранних комплексах (Макушинский курган IV в. до н. э.).

Различия отдельных районов проявляются в количественном преобладании сосудов тех или иных форм. Баночные плоскодонные сосуды встречены в Казахстане и на Иртыше, но не характерны для западной территории. Чашевидных сосудов также больше в Прииртышье, чем в Приишимье и в Притоболье.

Около 70% керамики саргатской культуры орнаментировано [Корякова Л. Н., 1981а. С. 14]. При этом наибольшая орнаментированность посуды отмечается в Прииртышье, наименьшая — в Притоболье. Зона орнамента охватывает обычно венчик, шейку и плечики. Иногда беспорядочные ямочные наколы и короткие нарезки покрывают дно, реже — все тулово (табл. 127, 5, 6, 22; 128, 3, 7, 9, 12, 16, 32). Орнаментальные мотивы представлены «елочкой», зигзагом, косыми насечками, треугольниками. Преобладают резные орнаменты (40%), далее следуют ямочные (16%), накольчатые (12%), гребенчатые (1,7%). Больше половины сосудов орнаментировано в одной технике [Корякова Л. Н., 1981а. С. 15]. Со временем в орнаментации посуды происходят изменения. В V—III вв. до н. э. преобладали резные узоры, иногда сочетавшиеся с ямками и беспорядочными наколами (табл. 127, 22, 26, 27). Во второй половине III — первой половине II в. до н. э. резные узоры чаще дополняются ямками и наколами в Прииртышье и Приишимье. Ямки и наколы широко применялись в орнаментации и в последующее время. В Притоболье увеличилась доля резного орнамента, что, вероятно, связано с традициями гороховской культуры, которой свойственны резные узоры, а ямочно-накольчатые — нет. На отдельных памятниках (городища Вознесенское; Чуланкуль; Богданово; Рафайлово; селище

Рафайловский остров; курганы Богданово I; Исаковка I; Сидоровка; Тютрино; Мыс) встречены импортные среднеазиатские сосуды (табл. 128, 14), сделанные на круге из тонкоотмученной светло-оранжевой глины. Представлены две основные формы — горшки и флаги.

Помимо глиняной посуды, в быту и, возможно, в культовых церемониях пользовались бронзовыми котлами. Они найдены в ареале саргатской культуры как случайные находки [Боковенко Н. А., 1981а. Рис. 2], а также в отдельных богатых погребениях (курганы Богданово I, II, III; Сидоровка; Савиновские; Красногорские). Представлены они двумя основными типами. Первый, преобладающий, — котлы с полусферическим туловом на коническом поддоне и дуговидными ручками с выступами или без них. Они имеют аналогии среди котлов Минусинской котловины [Членова Н. Л., 1967. Табл. 18, 8, 10]. Второй тип — котлы с горизонтальными или слегка наклонными ручками (табл. 128, 15). Они подобны котлам саков Казахстана [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. Рис. 86]. В саргатской культуре котлы были предметами импорта, и находки их указывают на южные и восточные связи.

Орудия труда. Среди орудий труда наиболее часты ножи. Они железные, черешковые, с прямой или горбатой спинкой, деревянными и костяными рукоятями (табл. 123, 4—6, 25, 26, 46). Один имел металлическую рукоять с кольчатом навершием. В отдельных погребениях встречаются точильные бруски (табл. 123, 29). В памятниках Прииртышья, Пришимья и Притоболья II—I вв. до н. э. — II—III вв. н. э. обнаружены тесла клиновидной формы с сомкнутой и разомкнутой втулкой (табл. 123, 14, 15). На Богдановском городище найдено железное долото (табл. 123, 12). В V—III вв. до н. э. в Притоболье в качестве топоров и тесел продолжали использовать бронзовые кельты (табл. 123, 58). На поселениях IV—II вв. до н. э. встречаются тупики для разминания кожи, сделанные из тазовых костей лошади (табл. 123, 38), по форме идентичные тупикам с карабызских и гафурийских памятников Южного Приуралья [Пшеничнюк А. Х., 1973. Рис. 20, 2]. На поселениях и в погребениях часты шилья или проколки, изготовленные из метакарпальных костей лошади или специально выточенные из расколотых крупных трубчатых костей животных и затем отполированные, возможно, от длительного употребления (табл. 123, 16, 40, 41, 59, 60).

В большом числе в погребениях и особенно на поселениях (Богдановское городище) саргатской культуры встречены пряслица. Преобладают лепные. Более редки пряслица, сделанные из стенок глиняных сосудов, в том числе импортных, гончарных (табл. 123, 11, 33, 49). Специфичны пряслица усеченнобиконической формы с орнаментом из резных треугольников и ямочных наколов (табл. 123, 20, 21, 32, 34, 35, 50—52, 61), напоминающим орнамент на керамике. Пряслица, сделанные из камня, единичны и известны в комплексах IV—II вв. до н. э. На Богдановском городище найден курант от зернотерки (табл. 123, 39). Эта плита и каменные пряслица представляют собой импорт, поскольку

на территории саргатской культуры не было камня, пригодного для их изготовления.

Вооружение и конское снаряжение. Предметы вооружения в памятниках саргатской культуры представлены наконечниками стрел, костяными накладками луков, пластинами от панцирей, мечами, копьями и колчанными крючками. Судя по тому, что наконечники стрел найдены во многих погребениях и на поселениях, а находки мечей и копий редки, можно считать, что лук со стрелами служил основным видом вооружения людей саргатской культуры. С течением времени он подвергался изменениям. Так, в ранних саргатских памятниках (конец V—III в. до н. э.) остатки луков не зафиксированы. Вероятно, луки были тогда простыми деревянными. В погребениях конца III в. до н. э. — III в. н. э. от луков сохранились костяные концевые и срединные накладки, из которых более ранние (конец III—I в. до н. э.) меньше, чем более поздние (I в. до н. э. — III в. н. э.) (табл. 122, 3, 4, 17, 45, 46), что связано с совершенствованием и увеличением мощности лука. Конструкция сложного (с костяными накладками) лука идентична устройству лука хунну и, возможно, была заимствована населением Прииртышья с востока. Примечательно, что, как и у хунну, луки конца III—II в. до н. э. имели только концевые накладки (табл. 122, 45, 46), а луки I в. до н. э. — II—III вв. н. э. — семь накладок: четыре концевые, по две с каждого конца, и три срединные — две боковые удлиненной полукруглой формы и одну фронтальную, вытянутую прямоугольную (табл. 122, 3, 4, 17). Усиленный костяными накладками, лук стал более эффективен и обеспечил возможность пользоваться более крупными наконечниками стрел, обладающими большей убойной силой. Это особенно заметно на примере железных и костяных наконечников, которые во II в. до н. э. — III в. н. э. крупнее, нежели в предшествующий период (табл. 122, 5, 18, 67). Крупные костяные наконечники стрел стали использоваться наравне с металлическими наконечниками. Этим объясняется резкое увеличение их числа в саргатских погребениях II в. до н. э. по сравнению с могилами IV—III вв. до н. э., где костяные черешковые наконечники стрел найдены только в единичных погребениях [Корякова Л. Н., 1981а. С. 131].

Бронзовые и железные наконечники стрел саргатской культуры в основном аналогичны сарматским.

Выделяются только два крупных бронзовых наконечника стрел кулайского типа (табл. 122, 31; 126, 25), найденных в Абатском и Богдановском могильниках, параллели которым представлены в северных, лесных, памятниках кулайской и усть-полуйской культур [Мягков И. М., 1927. Рис. 1; Чернецов В. Н., 1953а. Табл. XI, 1—4]. Наконечник из Богдановского погребения I в. до н. э. — I в. н. э. использовался уже как подвеска (табл. 126, 25).

Набор наконечников стрел конца V и IV—III вв. до н. э. включает бронзовые наконечники с треугольной головкой и выступающей втулкой (табл. 122, 60); бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники со скрытой втулкой; подражающие по-

следним по форме костяные наконечники (табл. 122, 61—64, 71—75, 77). Редко встречаются костяные черешковые и железные черешковые трехлопастные и трехгранные наконечники (табл. 122, 65—67, 76).

Комплекс наконечников стрел второй половины III — первой половины II в. до н. э. иной. Помимо небольших по величине бронзовых и костяных втульчатых и костяных черешковых наконечников (табл. 122, 32, 35—41, 47—55), со второй половины II в. до н. э. появляются крупные костяные черешковые наконечники (табл. 122, 24—28). Они представлены не только в большом количестве погребений, но и на поселениях. Особое место занимают трехлопастные и трехгранные железные черешковые наконечники. Среди них со второй половины II в. до н. э. широко распространяются довольно крупные (длина до 5 см) наконечники с лопастями, срезанными под прямым или острым углом к черешку (табл. 122, 18, 19, 33, 34). В качестве единичных экземпляров известны наконечники со втулкой или выемкой для крепления черешка (табл. 122, 21—23), бытовавшие отчасти у хунну Забайкалья (табл. 105, 34) и редкие в лесной полосе Западной Сибири [Мошинская В. И., 1953б. Табл. II, 7]. В первых веках нашей эры, вероятно, под влиянием гуннов появляются единичные стрелы с костяными свистунками (табл. 122, 15), а около рубежа нашей эры — ярусные наконечники стрел (табл. 122, 20).

Саргатские мечи и кинжалы представлены теми же типами, что были распространены у кочевников Приуралья, Казахстана и Средней Азии. В IV—III вв. до н. э. это мечи с когтевидным и серповидным навершием и «бабочковидным» и прямым перекрестьем (табл. 122, 44, 58).

Во II в. до н. э.—II в. н. э. появляются мечи с кольцевидным и круглым шляпковидным навершием (табл. 122, 29) и мечи без металлического навершия. Все они с прямым перекрестьем. Кинжалы — без навершия и без перекрестья (табл. 122, 16). Копья в саргатских памятниках представлены единичными находками в комплексах IV—III вв. до н. э. и I в. до н. э.—II в. н. э. (табл. 122, 30, 59). Для них характерны небольшое листовидное перо и длинная втулка [Могильников В. А., 1972б. С. 120. Рис. 2, 11]. Копья встречены в могилах тяжеловооруженных воинов вместе с мечами, наконечниками стрел и луками (Коконька; Богдановка I, курган 1, погребение 5). В погребении Богдановки, кроме того, находились кинжал, удила и бронзовый котел (табл. 122, 3, 4, 16, 29; 123, 1). Малочисленность таких комплексов позволяет предполагать, что тяжелое вооружение у населения саргатской культуры было атрибутом небольшой прослойки, очевидно, наиболее богатых и знатных воинов, а основу войска составляли легковооруженные лучники.

Защитными доспехами служили щиты и кожаные панцири с нашитыми на них костяными пластинами (табл. 122, 43, 57, 69, 70, 80), которые обнаружены в комплексах погребений IV—II вв. до н. э. и на некоторых поселениях. По всей вероятности, в могилу рядового воина клали не весь панцирь, а только несколько пластин от него, обычно одну—четыре. Остатки целых костяных панцирей открыты в четырех богатых центральных погребениях не-

кропелей Богдановка II (320 пластин), Саратово (около 150 пластин) и Красногорское I, где они лежали в изголовье в углу могилы [Матвеева Н. П., 1985б. С. 225; 1986б. С. 191; Могильников В. А., Куйбышев А. В., 1978. С. 260]. Во II в. до н. э. панцири с костяными пластинами выходят из употребления, сменяясь доспехами с железными пластинами, остатки которых обнаружены в кургане у д. Сидоровка [Матющенко В. И., 1987. С. 164]. Этот панцирь, принадлежавший знатному воину, имел два серебряных нагрудника с чеканными изображениями крылатых драконов. В Карташовском II могильнике III—II вв. до н. э. обнаружены остатки, вероятно, кожаного щита с нашитыми на него костяными пластинками, аналогичными панцирным, а в Тютринском некрополе I—II вв. н. э. — остатки деревянного щита с железными заклепками [Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1985. С. 73; Могильников В. А., 1983а. С. 219], что указывает на различное устройство щитов в разные периоды культуры.

Для подвешивания колчанов и застегивания поясов в IV—II вв. до н. э. служили крючки, среди которых преобладали согнутые из металлического стержня с петлей в верхней части (табл. 122, 14, 42, 68). Большинство из них (семь) сделано из железа, один — из бронзы. В двух погребениях обнаружены крючки с округлыми и овальноприостренными пластинами в верхней части (табл. 122, 56) и в одном — бронзовый пластинчатый крючок (табл. 122, 78), сопоставимый по форме с савроматскими крючками V—IV вв. до н. э. [Смирнов К. Ф., 1964. Рис. 49, 16; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Табл. 15, 29].

Предметы конского снаряжения — удила, псалии и бляхи для украшения сбруи — представлены в погребениях на протяжении всего существования саргатской культуры. Удила обнаружены более чем в 30 погребениях. Все они кованые железные, однокольчатые, двусоставные с загнутыми концами. В IV—III вв. до н. э. употреблялись удила с прямыми стержневидными двудырчатыми псалиями из железа и кости (табл. 123, 43, 44). Псалии из Усть-Тартасского могильника имеют утолщения на концах и у отверстий (табл. 123, 42). В конце III—II вв. до н. э. появляются крестовидные псалии (табл. 123, 27), которые, вероятно, использовались параллельно со стержневидными (Богдановка, курган 1, погребение 3). В I в. до н. э.—II—III вв. н. э. распространяются удила с кольчатыми псалиями и дополнительными кольцами от узды (табл. 123, 1—3, 13). Последний тип — псалий, которым начали пользоваться наряду со стержневидными (табл. 123, 22—24), аналогичен сарматским образцам [Сальников К. В., 1940. Табл. II, 11] и отличает саргатскую культуру от более восточных культур районов Саяно-Алтая, где устойчиво сохранялась традиция пользования удилами со стержневидными псалиями.

Бляхи от украшения сбруи немногочисленны и встречены лишь в отдельных погребениях V—II вв. до н. э. (табл. 123, 28, 53—56). Почти все они бронзовые. В центральном захоронении кургана 8, Богдановки I находились два серебряных фалара и серебряная с позолотой бляха с изображением человека, держащего под мышкой льва, изображение,

передающее в переработанном виде сюжет борьбы Геркулеса со львом.

Пряжки. Формы пряжек в основном повторяют типы, распространенные на широкой территории степей. В IV—II вв. до н. э. наиболее многочисленны костяные пластинчатые пряжки с прорезями и неподвижным крючком или без него (табл. 124, 59, 66, 67), которые продолжали использовать вплоть до I в. до н. э.— I—II вв. н. э. (табл. 124, 17, 26). Употреблялись в то время также и бронзовые кольцевые пряжки с неподвижным крючком (табл. 124, 47, 48, 61). С конца III—II в. до н. э. появляются железные круглые пряжки с подвижным язычком, а также пряжки с прямоугольной рамкой (табл. 124, 27, 28), более широко распространяющиеся в последующий период — I в. до н. э.— II—III вв. н. э. Наряду с ними во II в. до н. э.— I—II вв. н. э. использовались круглые железные и бронзовые пряжки с кнопкой (табл. 124, 18), бронзовые парные лировидные пряжки (табл. 124, 29). Употреблявшиеся в то время крупные костяные пряжки с прорезями и неподвижным крючком (табл. 124, 17, 26) могли использоваться в качестве подпружных, поскольку встречены в комплексе с удилами (Богдановка I, курган 1, погребение 5).

Украшения и предметы туалета. Украшениями служили в основном бронзовые, реже — серебряные, золотые и железные бляшки, серьги, редко — браслеты, гривны, перстни. В мужских, женских и детских погребениях встречаются также каменные и стеклянные бусы, наиболее представительные в комплексах II в. до н. э.— II в. н. э. По типам украшения в массе повторяют формы, известные в то время на широкой территории.

В комплексах V—III вв. до н. э. представлены серьги в виде кольца с подвесками (табл. 126, 47, 58); золотые, серебряные и бронзовые перстни со щитком (табл. 126, 48, 49, 59) и заходящими концами (табл. 126, 51); бронзовые и серебряные колоколовидные подвески (табл. 126, 61), а также бусы: стеклянные крупные синие с глазками в белых ободках и с желтыми налпными глазками (табл. 126, 52, 60); золотые и бронзовые (табл. 126, 50, 53, 54); сердоликовые шаровидные и биконические; шаровидные из мела или известняка (табл. 126, 55).

В III—II вв. до н. э. продолжали использовать бронзовые и золотые кольчатые серьги, часто с подвесками (табл. 126, 37, 39), крупные глазчатые и кубические полосатые стеклянные бусы (табл. 126, 36, 38, 45), сердоликовые крупные усеченнобиконические и золотые рифленые бусы (табл. 126, 44а, е). Появляются мелкие стеклянные бусы с внутренней позолотой (табл. 126, 41), а также бусы-пронизки цилиндрической и шайбовидной формы (табл. 126, 40, 44б, в, г). В единичных погребениях представлены бронзовые круглопроволочные и витые гривны (табл. 126, 31). Из предметов туалета в это время встречаются плоские и плосковогнутые зеркала с фасетированным краем, характерные для саргатской культуры (табл. 126, 42).

Во второй половине II в. до н. э.— I—II вв. н. э. употребляли кольчато-петельчатые серьги (табл. 126, 19, 20, 27—30), у части которых стерженек дополнительно обмотан проволокой (табл. 126, 28); бусы стеклянные: синие глазчатые меньших, чем ранее,

размеров (табл. 126, 17); одноцветные синие, зеленые, бесцветные шаровидной, овальной бочковидной, цилиндрической формы (табл. 126, 5—7, 12, 15); с внутренней позолотой; мелкий стеклянный шаровидный, цилиндрический, многочастный бисер (табл. 126, 10, 11, 14); бусы с налпками (табл. 126, 1, 2); лигнитовые черные шаровидные (табл. 126, 9б); сердоликовые многогранные, каплевидные бусы и шаровидные подвески (табл. 126, 18, 23); бронзовые обоймочки (табл. 126, 16). Встречаются также подвески из глины (табл. 126, 24); браслеты круглопроволочные или округлые в сечении, с заходящими и несомкнутыми концами (табл. 126, 32, 33); круглопроволочные гривны и гривны из перекрученной проволоки (табл. 126, 31). Из предметов туалета известны бронзовые и костяные булавы (табл. 126, 21) и зеркала с валиком по краю и конической выпуклостью в центре сарматских типов (табл. 126, 25, 34). В женском погребении Тютринского кургана 2 зеркало находилось в кожаном футляре вместе с румянами и ножичком. Там же сохранились остатки рогового гребня, навершие которого было украшено скульптурным изображением лошади [Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1985. С. 73].

Ряд предметов украшения и туалета попали к саргатскому населению путем длительного опосредованного межплеменного обмена или как военная добыча. Так, бусы из шпинели в ожерелье женщины (Тютрино, курган 2) происходят из Афганистана или Индии. Возможно, оттуда же попадали сердоликовые бусы. Основная масса стеклянных бус, в том числе бусы с внутренней позолотой, изготовлена в переднеазиатских и причерноморских центрах. На поселении Речкино II и в погребении 3 Тютринского кургана 3 обнаружены фигурки Гарпократа из египетского фаянса [Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1985. С. 73. Рис. 4, 3]. В Притоболье, около г. Курган, найдена золотая римская монета императора Феодосия. Кроме того, около Омска обнаружены римские монеты [Мягков И. М., 1929. С. 77], а в Усть-Тартасском могильнике в Барабе — римская фибула типа *Avcissa* I в. н. э. [ОАК за 1895 г. С. 42. Рис. 86]. В курганах Богдановки и Исаковки встречены два китайских бронзовых зеркала эпохи Хань, а в кургане 8 Маркова 1 — обломок подобного зеркала и монета «у-шу» [Полосьмак Н. В., 1987. Рис. 33, 3, 4]. В целом в импорте преобладали предметы юго-западного происхождения, попадавшие в западносибирскую лесостепь через сарматский мир.

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА, ИСКУССТВО. Вероятно, предметами культа являлись глиняные и каменные курильницы и глиняные блюда (табл. 126, 26, 35, 46, 57, 62, 63), найденные в погребениях и на поселениях во всех районах распространения саргатской культуры.

Культовые глиняные блюда (табл. 126, 26, 35) бытовали на протяжении всего периода существования культуры. Ранний экземпляр обнаружен в Мысовском кургане IV—III вв. до н. э. вместе с бронзовыми наконечниками стрел [Дмитриев П. А., 1929. С. 181—183], а поздние найдены в Калачевском кургане 1 (табл. 126, 26), датированном по железным наконечникам стрел с ромбической головкой III—IV вв. (табл. 122, 5) [Могильников В. А.,

1973. С. 245. Рис. 2, 9; 3]. Есть они и в комплексах II в. до н. э. — II в. н. э. (Богдановское городище; Богдановка II, курган 6 и др.). Глиняные блюда украшены резным, накольчатым и рельефным орнаментом, дополняемым инкрустацией из белых галек (табл. 126, 26, 35). Иногда на блюдах имеются следы охры или мела. Глиняные курильницы небольшие, преимущественно цилиндрической формы, обнаружены в единичных погребениях Прииртышья, Притоболья и в Приишимье [Стоянов В. Е., 1969в. Табл. 36, 1]. Часть из них имеют на дне сосцевидные выступы (табл. 126, 46, 57). В Тютринском могильнике встречена курильница на высоком коническом поддоне (табл. 126, 43).

В женском погребении кургана 1 некрополя Богданово III, в кургане 2 Карташова II и в могильнике Старый Сад найдены каменные жертвенники на двух и четырех ножках савроматского типа (табл. 126, 62) [Полосьмак Н. В., 1986. С. 31], а в единичных погребениях Прииртышья и Приишимья — каменные курильницы или краскотерки без ножек казахстанского типа (Битые Горки, погребение 1; Богданово I, курган В, погребение 7; Берлик, курган 3), отражающие, очевидно, контакты населения саргатской культуры с юго-западными и южными соседями, савроматами и племенами Северного и Центрального Казахстана, у которых эти предметы были широко распространены [Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 10].

При приеме пищи и, вероятно, в ритуальных действиях пользовались ложками, единичные экземпляры которых, сделанные из кости (табл. 123, 31), найдены на поселениях и в погребениях (Коконовское селище; Богдановское и Вознесенское городища; Лихачево, курган 3, погребение 8). Костяные ложки представлены также в синхронных памятниках кулайской и усть-полуйской культур, но там рукояти их часто украшены зооморфной скульптурой [Мошинская В. И., 1953б. Табл. XII; XIII].

Предметы в зверином стиле — пряжки, бляшки, пронизки, крючки — в саргатской культуре сравнительно малочисленны и обнаружены главным образом в памятниках IV—III и III—II вв. до н. э. Изготовлены они из бронзы, кости и золота. Среди изображений представлены хищники — волк, пантера, медведь; травоядные — лошадь, баран, козел; птицы и грифоны. Преимущественно это единичные изображения, происходящие из разграбленных погребений. Целый комплекс предметов звериного стиля, отлитых из золота, обнаружен в непогребенном погребении воина в кургане у д. Сидоровка в Прииртышье [Матющенко В. И., 1988]. Вероятно, у саргатского населения существовал культ волка, изображения головы которого встречаются наиболее часто. Исполненные в реалистичном и стилизованном виде, они представлены на костяных пронизках, бронзовом крючке, бронзовых и золотых бляшках-накладках (табл. 124, 64, 65). Возможно, изделиями местных мастеров являлись бронзовые поясные и портупейные бляшки со стилизованными изображениями голов медведей (табл. 124, 49, 71). Сопоставленные головки медведей на поясных накладках из кургана 1 Богдановки (табл. 124, 49) композиционно сходны с изображениями головок лошадей на бляшках карабызской культуры [Пшенич-

нюк А. Х., 1968. Рис. 9, 8]. Фигурка медведя или кошачьего хищника с головой, повернутой в фас, найденная на городище Инберень IV (табл. 124, 72), подобна фигурке с культового места иткульской культуры на горе Петрогром [Берс Е. М., 1963. Рис. 19, 16] и имеет, вероятно, импортное, восточноуральское, происхождение. Своеобразно выполнены бронзовая бляшка с изображением головы барана из кургана 10 Коконовки (табл. 124, 56), фигурка лошади на спинке гребня из Тютринского могильника [Матвеев А. В., Матвеева Н. П.; 1985. С. 73], реалистичное изображение утки, грубо склепанное из двух медных пластин, из кургана 1 могильника Богданово II (табл. 124, 25). Птицевидные изображения представлены также бронзовыми литыми накладками в виде стилизованной головы грифона с длинным клювом, найденными в курганах V—III вв. до н. э. (Богданово III и Усть-Тартас; табл. 124, 58). К импортным образцам относятся, вероятно, литые бронзовые поясные бляшки с изображениями пантер из кургана 1 Богдановки (табл. 124, 50) и пряжка со схематичным изображением головы горного козла из Красноярского кургана (табл. 124, 51). Фигурки пантер имеют статичную позу и по стилю близки бронзовым фигуркам кошачьих хищников из курганов степных предгорий Алтая и Верхнего Приобья [Завитухина М. П., 1966б. Рис. 3, 1; Могильников В. А., Уманский А. П., 1981. Рис. 2, 1; Троицкая Т. Н., 1972. Рис. 5, а]. Пряжка из Красноярского кургана подобна пряжке из Косогольского клада [Нащекин Н. В., 1967. С. 164] и попала на Иртыш, вероятно, с Енисея [Корякова Л. Н., 1979б. С. 203. Рис. 4]. Импортное происхождение имеют золотые и серебряные бляхи и пряжки из Сидоровки с изображением водоплавающей птицы, хищников кошачьей породы и борьбы трех драконов. Все они украшены вставками из сердолика, яшмы и лазурита [Матющенко В. И., 1987. С. 164].

Антропоморфные изображения в саргатской культуре редки. Схематичные изображения антропоморфных фигур и личины прочерчены по сырой глине на сосудах из Саргатских курганов (табл. 128, 22) [Левашева В. П., 1948. С. 77], поселения Узлово и Богдановского городища (табл. 127, 14, 17). На городищах Рафайловском и Розановском найдены глиняные скульптурные фигурки людей. Своеобразно изображение идущего человека в профиль на фрагменте бронзовой пряжки из кургана 1 Богдановки (табл. 124, 39). Выраженные черты европеоидного типа, широко раскрытые глаза, сильно выступающий нос с горбинкой позволяют предполагать его восточноиранское, сакское, происхождение. В подобной манере даны изображения саков на рельефах Персеполя и бляхах из Амударьинского клада [Schmidt E. F., 1957. Pl. I; Dalton O. M., 1964. Pl. XIV, 48; XV, 89, 93].

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ. Сходные экологические условия и общие черты генезиса обусловили близость хозяйства саргатской и гороховской культур. Оно было многоотраслевым, сочетавшим производящие и присваивающие отрасли. Основу хозяйства составляло развитое скотоводство, занятию которым благоприятствовали природные условия лесостепи и южной кромки

тайги. Соотношение охоты и скотоводства в саргатской культуре наиболее полно характеризуют фаунистические остатки с поселений Прииртышья. По особям доля домашних животных составляет здесь в среднем 78,9% общего количества фауны; диких видов — 21,1%. По количеству костей это соотношение еще более увеличивается в пользу домашних животных [Могильников В. А., 1976. С. 177. Табл. 1]. При этом с течением времени роль скотоводства возрастает. На это указывает сопоставление материала Коконовского поселения IV—III вв. до н. э. и Богдановского городища III в. до н. э. — I в. н. э. На первом из них кости домашних животных (22 особи) составляют две трети фаунистического материала (11 особей диких); на втором — соответственно 84,7% (128 особей домашних и 23 — диких). У населения гороховской культуры Приоболья значение скотоводства было несколько выше, чем у синхронных «саргатцев». На городище Чудаки V—III вв. до н. э. доля особей домашних животных составляет 83,67%, диких — 16,33% [Сальников К. В., 1947. С. 235]. Сравнительно большое количество костей диких животных в фаунистических остатках ранних саргатских памятников, вероятно, объясняется также участием в генезисе населения саргатской культуры северного компонента, продвинувшегося в лесостепь по Иртышу в VIII—VII вв. до н. э. почти до Омска. В ходе последующего генезиса, особенно с V—IV вв. до н. э., возобладали южный степной компонент, характеризующийся явным преобладанием скотоводства над охотой.

Население саргатской культуры разводило все основные виды домашних животных — лошадь, крупный и мелкий рогатый скот и очень мало свиней. В стаде преобладала лошадь, на втором месте был крупный рогатый скот, потом — мелкий рогатый скот и затем свинья. В остеологическом материале саргатских памятников Прииртышья по количеству особей доля лошади составляет в среднем 48,9%, крупного рогатого скота — 22,7%, мелкого рогатого скота — 19,2%, свиньи — 2,9%, собаки — 6,3%. Близкое соотношение отмечается в Приоболье по материалу селища Речкино II (восемь особей лошади, пять — крупного и три — мелкого рогатого скота, одна — собаки). Незначительное преобладание крупного рогатого скота прослеживается на ранних саргатских поселениях Прииртышья и Приишимья (Коконовка; Инберень IV; Узлово) [Могильников В. А., 1976. Табл. 1; Смирнов Н. Г., 1975. С. 38, 39]. На поздних саргатских поселениях увеличивается количество остатков лошади при одновременном уменьшении — крупного рогатого скота. На Богдановском городище, давшем наиболее массовый фаунистический материал, лошадь (67 особей) составляет 55,8% животных сельскохозяйственных видов и более чем в два раза превышает количество крупного рогатого скота (27 особей), а общая доля лошади и мелкого рогатого скота (24 особи) в фаунистических остатках составляет 75,8%. Этот показатель состава стада занимает промежуточное место между показателями, исчисленными по живому поголовью у полуоседлых ставропольских войсковых калмыков 1844 г. (64%) и кочевых калмыков 1803 г. (86%) [Либеров П. Д.,

1960. С. 133—135]. Он свидетельствует также о постепенном переходе саргатского населения к полукочевому скотоводству, когда часть людей жила оседло на поселениях, а часть находилась на отгонных пастбищах вместе со стадами скота.

Прослеживаемая динамика состава стада указывает на возрастание элементов перехода к номадизму. Развитие этого процесса в лесостепи было вызвано ростом населения, развитием торгового обмена, что требовало увеличения количества скота как средства существования и обменного эквивалента. Пастбищ вблизи поселений, расположенных главным образом вдоль крупных рек, стало не хватать. Потенциальную возможность для перехода к отгонному и кочевому скотоводству представлял обширный массив свободных земель междуречий, которые стало осваивать население. При этом элементы номадизма начали раньше развиваться на юге лесостепи, о чем свидетельствуют более тонкие и слабо насыщенные культурные слои этих поселений, а также отсутствие на большинстве из них укреплений. Тонкий культурный слой представлен на раннесаргатском городище Актау на Ишиме [Хабдулина М. К., 1981. С. 444, 445]. В Прииртышье, к югу от Ачаирского городища, укрепленные поселения и селища с мощным культурным слоем не обнаружены, хотя саргатские памятники распространены еще почти на 200 км южнее. В северных районах культурные слои более мощные и насыщенные и представлены на городищах, что указывает на более прочную оседлость. Постепенным нарастанием элементов перехода к номадизму, по-видимому, объясняется то, что в III—IV вв. перешедшая к кочеванию часть саргатского населения была захвачена волной великого переселения народов и относительно легко снялась с мест своего обитания, а группы, продолжавшие жить оседло, были в основном уничтожены, и культура прекратила свое существование.

У населения гороховской культуры скотоводство было, вероятно, полукочевым. Культурные слои гороховских поселений слабо насыщены материалом, некрополи небольшие, состоят из нескольких курганов, что указывает на отсутствие прочной оседлости. Об этом же свидетельствует остеологический материал городища Чудаки, где преобладали кости лошади, на втором месте — кости мелкого рогатого скота, на третьем — крупного рогатого скота. Обнаружены также кости одной особи верблюда. При этом суммарно кости лошади, мелкого рогатого скота и верблюда составляли 76,8% от количества фаунистических остатков домашних видов, что также характеризует полукочевое скотоводство. Кости верблюда, кроме городища Чудаки, обнаружены также на саргатском поселении Узлово. Находки их на гороховских и саргатских поселениях указывают на связи с югом.

Кости свиньи обнаружены на трех поселениях Прииртышья (городища Богдановка; Каргановское; Битые Горки) и на поселении Марково 5 — в Барабе [Полосымак Н. В., Гребнев И. Е., 1986. С. 77]. Незначительная роль свиноводства у населения лесостепи Западной Сибири связана, вероятно, со слабым развитием земледелия. Свидетельства занятия земледелием очень ограничены. В Потчеваш-

ских курганах А. И. Дмитриев-Мамонов обнаружил обугленные зерна злаков, основная масса которых принадлежала ячменю, в меньшем количестве — овсу и гречихе [Мошинская В. И., 1953а. С. 206]. Достоверные орудия обработки почвы под посев не найдены. На поселении Битые Горки встречен наконечник мотыги или палки-копалки из рога оленя с заполированным краем (табл. 121, 27). Наконечниками орудий для рыхления земли могли служить железные тесла-мотыжки (табл. 123, 14, 15), обнаруженные в ряде курганов (Андреевский; Фоминцевский; Абатский; Карташовский II и др.) на всей территории саргатской культуры. Подобное орудие, именуемое «абыл», шорцы использовали для обработки земли до недавнего времени [Потапов Л. П., 1936. С. 69, 70. Рис. 4]. На поселении Дуван II [Корякова Л. Н., А-1980. Рис. 31, 1] и в Перейминском II могильнике (табл. 123, 57) найдены железные серпы, подобные серпам Восточной Европы I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. [Краснов Ю. А., 1971. С. 72, 73. Рис. 47]. Такие серпы могли использовать для уборки урожая, сенокосения и заготовки веточного корма для скота. На городищах Чудаки [Сальников К. В., 1947. С. 236] и Богдановском обнаружены фрагменты зернотерок (табл. 123, 39), которые служили, вероятно, для размола зерна.

Посевы, по-видимому, производились преимущественно на пойменных землях, лучше увлажненных и легче поддающихся обработке. Возможно, вблизи поселения в какой-то мере возделывали участки высоких террас, особенно на правом берегу Иртыша, где количество пойменных земель ограничено.

Охота у населения саргатской культуры играла хотя и подсобную, но значительную роль. Доля фаунистических остатков диких животных по числу особей на поселениях Прииртышья составляет в среднем 21,1%, варьируя на отдельных памятниках от 17,9 (Богдановское городище) до 33 (Коконовское поселение)%. Преобладала охота на копытных, главным образом лося, затем косулю и редко — кабана. Вместе они составляют 73,9% особей диких животных, в том числе лось — 41,3%, косуля — 23,9%, кабан — 8,7%. Кости лося найдены почти на всех раскапывавшихся поселениях, а также в отдельных погребениях (Коконовка, Стрижево), что указывает на мясную направленность охоты. Пушные виды на поселениях представлены в основном единичными особями — медведь, барсук, заяц, выдра, волк, лисица, бобр, куница, соболь, сурок и птицы. Однако доля охоты на пушных зверей была в действительности несколько большей, чем это показывают фаунистические остатки, поскольку тушки мелких пушных животных часто не попадали на поселения.

У населения гороховской культуры роль охоты была несколько меньше, чем в саргатской культуре. По особям доля диких животных в фауне городища Чудаки составляет 16,3%. Однако при этом доля пушной охоты была выше, особенно на южных памятниках культуры [Стоянов В. Е., 1977. С. 153, 154], что объясняется, по-видимому, добычей пушнины для обмена с южными соседями.

Подсобным занятием было рыболовство. Кости щуки, окуня, язя и других рыб найдены в неболь-

шом количестве на городищах Богдановском, Каргановском, Карташовском и др. Величина рыб соответствовала размерам этих видов в настоящее время [Могиляников В. А., Цепкин Е. А., 1968. С. 58, 59].

Большое развитие получили обрабатывающие ремесла, особенно косторезное дело, прядение и ткачество. Деревянные перекрытия и срубы в отдельных погребениях указывают на развитую деревообработку и знакомство со строительством срубных жилищ.

Определенные традиции сложились в гончарстве, единообразные приемы которого указывают на консолидацию населения лесостепи Западной Сибири во II в. до н. э. — II в. н. э.

Следы металлургического и медеплавильного производства в гороховской и саргатской культурах выявлены слабо. На городище Чудаки обнаружены обломки глиняных форм для отливки кельтов с валиковым орнаментом (табл. 119, 55, 56) [Сальников К. В., 1965. Рис. 2, 12, 13]. Кельт с таким орнаментом найден в Тютринском могильнике (табл. 123, 58) [Матвеева Н. П., 1985. Рис. 2, 34]. На городище Рафайлово в двухкамерном жилище саргатской культуры обнаружены остатки бронзолитейного производства. Был найден обломок гороховского сосуда, использовавшийся в качестве тигля. Однако бронзолитейное дело у населения гороховской и особенно саргатской культур было развито слабо, поскольку отсутствовала собственная медно-рудная база. Бронзовые наконечники стрел поступали, вероятно, в основном от населения иткульской культуры. Часть наконечников стрел из Прииртышья отлита из меди месторождений Южного Урала [Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., 1984. С. 179].

Высокоразвитая экономика племен лесостепи и прежде всего развитое скотоводство обусловили сложность социальной структуры. Общество находилось, вероятно, на стадии разложения первобытнообщинного строя. Крупные размеры отдельных курганов, содержащих одиночные погребения, и сложность конструкции их погребальных камер (курганы Царев; Шмаково 5, 6; Язево 3; Богданово II, 4, 5; Богданово III и др.), в отличие от большинства мелких курганов с простыми ямами, указывают на развитие социальной дифференциации и обособление родо-племенной аристократии от рядовых членов общества. Кроме того, выделяется группа наиболее знатных и богатых воинов, вооружение которых говорит о возможном появлении катафрактариев. В отдельных погребениях (Богданово I, курган 1, погребение 5; курган 4, погребение 4; Сидоровка и др.) представлен полный комплект предметов вооружения, состоящий из лука, стрел, меча и копья, в отличие от большинства других захоронений, снабженных только луком со стрелами. Примечательно, что захоронения тяжело-вооруженных воинов открыты как в основных, так и во впускных погребениях.

Отдельные поселения, по-видимому, были поселками родовых общин, делившихся на ряд больших семей, состоявших в свою очередь из нескольких малых семей, связанных близким кровным родством и, возможно, единым хозяйством. Этим семьям со-

ответствовали большие жилища, разделенные перегородками на отдельные помещения для малых семей (городище Чудаки, поселение Рафайлово). Небольшие изолированные жилища на поселениях, вероятно, также служили для проживания малых семей. Несколько таких жилищ, соединенных переходами (табл. 118, 7; 121, 6), вмещали большую семью. Курганы саргатской культуры принадлежат, вероятно, выделившимся из рода большим семьям и являются как бы семейной усыпальницей. Центральное захоронение, имевшее как правило, наибольшую могильную яму, содержало погребение главы семьи, а впускные — ее членов. Видимо, семейными были небольшие гороховские некрополи, состоящие из нескольких компактно стоящих курганов с одиночными захоронениями. При этом один курган, вероятно главы семьи, выделялся большей величиной (Воробьево).

Стабилизация саргатской культуры во II в. до н. э. — II в. н. э. и унификация основных категорий инвентаря на обширных пространствах Зауралья и Западной Сибири, а также довольно однородный облик гороховской культуры позволяют предполагать существование больших союзов племен, центры которых выделяются по концентрации наиболее крупных курганов знати и поселениям с относительно богатым инвентарем, в том числе с предметами импорта, попадавшими прежде всего к верхушке общества. Исходя из этого критерия, можно думать, что центры саргатских племенных объединений располагались на Иртыше — в районе Богданово—Новопокровка (городище и курганы Богданово—Новопокровка), на Оми — близ устья Тартаса (Усть-Тартасский могильник и городище Чуланкуль), на Исети — в районе Рафайлово — Красногорское (Красногорские курганы; городища Ботники III; Рафайлово). На Ишиме такой центр пока не выявлен. Для гороховской культуры такой центр может быть локализован в районе Скаты—Ачикуль—Шмаково. Такие центры были, очевидно, подобны племенным центрам у саков в долине Или [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. С. 25], в верховьях Иртыша — Чиликтинская долина [Черников С. С., 1965], на Алтае — Пазырык и др.

Отсутствие больших скоплений крупных курганов в лесостепи Зауралья и Западной Сибири говорит, очевидно, о кратковременности существования крупных племенных объединений у населения гороховской и саргатской культур.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, СВЯЗИ. Вопрос о происхождении гороховской и саргатской культур находится пока в сфере рабочих гипотез. Проблема осложняется тем, что население Притоболья и Приишимья предыдущего времени, оставившее памятники иткульского, воробьевского, носиловского и байтовского типов, не может считаться основным генетическим предшественником гороховского и саргатского этносов, хотя в какой-то мере оно вошло в них как субстратный элемент. В Прииртышье облик культуры VII—VI вв. до н. э. плохо выявлен.

Можно предполагать, что саргатская культура формируется в VII—VI вв. до н. э. на основе двух компонентов периода поздней бронзы — южного степного, представленного памятниками саргаринской

культуры, границы которой на востоке доходили до Иртыша в районе Омска [Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М. и др., 1970. С. 49, 51], и северного, лесостепного, характеризуемого главным образом памятниками розановского типа на Иртыше и карьковского — на Ишиме, в которых выступают выраженные сузгунские черты [Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969. С. 63. Табл. 23; 24; Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М. и др., 1970. С. 42—44]. Слияние этих двух компонентов обусловило формирование саргатской культуры [Могильников В. А., 1970. С. 181]. Развитие процесса взаимодействия южного и северного компонентов способствовало продвижению в VIII—VII вв. до н. э. северного лесного населения к югу [Косарев М. Ф., 1981. С. 193]. Близкие точки зрения о двухкомпонентности саргатской культуры высказаны также В. Ф. Генингом, Л. Н. Коряковой [Генинг В. Ф., Корякова Л. Н. и др., 1970. С. 214, 215], В. Е. Стояновым [1970. С. 250, 251] и А. Я. Труфановым [1986. С. 61]. В Барабинской лесостепи, на р. Омь, в формировании саргатской культуры в качестве субстратного элемента участвовало также население ирменской культуры [Молодин В. И., 1983. С. 24; 1985. С. 161, 162, 173—175; Полосьмак Н. В., 1985. С. 12]. При этом прослеживается проникновение черт саргатской культуры в позднеирменские комплексы. Так, в жилищах поселения Туруновка 4 вместе с позднеирменской керамикой найдены сосуды саргатского облика (табл. 121, 17, 19, 20, 22, 32). Конструкция наземных жилищ площадью до 100 кв. м. и более, открытых на саргатских поселениях Барабы [Полосьмак Н. В., 1985. С. 12, 13], демонстрирует традиции домостроительства ирменской культуры. Саргаринская культура выступала здесь в качестве суперстрата. Таким образом, можно считать, что саргатская культура формировалась одновременно в VII—VI вв. в Прииртышье, Барабе и отчасти, возможно, в Среднем Приишимье.

В Притоболье саргатская культура была пришлой, и наиболее ранние ее памятники (конец V—IV вв. до н. э.) открыты там на севере лесостепи по нижней Исети (Рафайловское городище; Красногорские курганы) и Нице (Макушинский курган). В III—II вв. до н. э. они распространяются на более южные районы Притоболья. Некоторые различия слагающих компонентов саргатского генезиса в разных районах обусловили формирование локальных различий в культуре уже на ранних этапах ее развития.

В отличие от саргатской, гороховская культура формируется в VII—VI вв. до н. э. в южной части лесостепного Притоболья на основе местной культуры периода поздней бронзы типа саргаринской без участия сузгунско-ирменского компонента. Вероятно, в генезисе гороховского этноса приняли участие какие-то группы населения Приаралья. На это указывают некоторые черты сходства в орнаментации керамики, конструкции жилищ и фортификации между гороховской культурой и культурами периода поздней бронзы и раннего железа Приаралья [Стоянов В. Е., 1970. С. 250]. Однако их роль не следует преувеличивать. Основу гороховского населения составили не мигранты из Приаралья, а местные племена юга лесостепи. Общий элемент генезиса в виде саргаринской культуры

обусловил многочисленные черты сходства у гороховской и саргатской культур, особенно на раннем этапе их развития в V—III вв. до н. э. На Исети и среднем Тоболе «гороховцы» включили в свой состав также воробьевское население.

В V—IV вв. до н. э. в этнической истории гороховского и саргатского населения приняли участие отдельные савроматские, раннесарматские и сакские группы населения. Присутствие их документируется появлением в погребальном обряде меловой подсыпки, шатровых перекрытий, использованием при перекрытии могил хвороста, устройством в могильных ямах по периметру или вдоль одной из стенок канавок для размещения в них погребального инвентаря. В самом инвентаре проявлением савромато-сакских элементов можно считать прямоугольные жертвенники на ножках (савроматский тип) и овальные, без ножек краскотерки, характерные для Приаралья и Центрального Казахстана [Вишневская О. А., 1973. Табл. XXIV, 3; Кадырбаев М. К., 1966. Рис. 10]. Кроме того, в гороховской культуре общими с раннесарматскими были молоточковидные предметы (табл. 119, 44, 45), тальковые плитки, преобладание плоских пряслиц, сделанных из стенок глиняных сосудов, а также пряслица шаровидной формы (табл. 119, 13, 29, 30, 38—40). Под влиянием сармат и савков в культурах лесостепи Западной Сибири распространяются аналогичные сакским и сарматским предметы вооружения — бронзовые и железные наконечники стрел, кинжалы, мечи, детали конского снаряжения — и отчасти зеркала и бронзовые котлы казахстанского типа с горизонтальными ручками.

Возможно, савроматы, продвинувшиеся на север и северо-восток, в какой-то мере влились в состав этноса гороховской культуры. Подобное мнение о возможности частичной инфильтрации савромат в лесостепное Зауралье, особенно на территории Челябинской и Курганской областей, высказывал К. Ф. Смирнов [1964. С. 273—275], считавший, что здесь они переходили к более прочному оседлому или полуседлому образу жизни, оставаясь по преимуществу скотоводами. Вслед за рядом исследователей [Сальников К. В., 1948. С. 57; 1966. С. 124] он склонялся к предположению о принадлежности населения лесостепного Зауралья к исседонам Аристея и Геродота. Вероятно, савроматским давлением можно частично объяснить продвижение гороховских племен в V — начале IV в. до н. э. на север и северо-восток, на среднюю Исеть, и эпизодически — на восток до Ишима (Соколовка; Кенес) [Акишев К. А., 1959. С. 23. Табл. III, 2, 3; Хабдулина М. К., 1976. С. 201]. В конце V—IV в. до н. э. население гороховской культуры, очевидно, под давлением саргатского этноса с востока и северо-востока, начинает продвижение на юго-запад и запад, проникает в среду ранних сармат, обусловив появление там характерной для Зауралья круглодонной керамики с тальковой примесью. В результате этого в юго-западной части гороховского ареала, прилегающей к Южному Уралу, на территории современной Челябинской обл. и восточных районов Башкирской АССР могло образоваться смешанное гороховско-савроматское население [Мошкова М. Г., 1969. С. 146, 147; 1974. С. 38; Смир-

нов К. Ф., 1964. С. 287], тогда как в основной части Приоболья гороховские племена, испытав сильнейшее савроматское влияние, сохранили этническое своеобразие.

Население саргатской культуры в меньшей мере подверглось савроматскому воздействию. Здесь сильнее выражены черты, свойственные сакам Приаралья. К ним относится использование при устройстве перекрытий могил хвороста, редко — камыша и травы (Богданово III, курган 1), а также выкапывание канавок по периметру могильных ям для установки туда погребального инвентаря. В отдельных погребениях встречены плоские каменные краскотерки казахстанского типа (Битые Горки; Богданово). В результате контактов с саками в среду саргатского населения проникали бронзовые котлы сакских типов с горизонтальными ручками (табл. 128, 15; Богданово III, курган 2; Карташово; Савина), а также, вероятно, ткань типа парчи (Богданово, курган 5, погребение 4; Усть-Тартас) [ОАК за 1895 г. С. 41].

В III—II вв. до н. э. южные и юго-западные сакские и савроматские элементы растворяются в местной среде, и во II—I вв. до н. э. саргатская культура, перекрыв гороховскую, становится относительно монолитной, продолжая без значительных внешних инвазий свое развитие до II—III вв.

Помимо более выраженных южных контактов, прослеживаются связи населения саргатской культуры с северными лесными соседями. С III—II вв. до н. э. в памятниках саргатской культуры Прииртышья, бассейна Оми и отчасти Приишимья фиксируются контакты с населением кулайской культуры, наиболее яркие в материалах памятников правобережья Иртыша и Оми. Здесь кулайское население, занимавшее южную подзону тайги в междуречье Иртыша и Оби, непосредственно граничило с саргатскими племенами. Взаимоотношения саргатского населения с кулайским документируются находками кулайской керамики, орнаментированной S-видным штампом, а также отдельных кулайских вещей (наконечники стрел, часть блях, пронизки со вздутиями) в саргатских погребениях и на поселениях [Могильников В. А., 1978. С. 86, 87; 1986. С. 25—28. Рис. 1, 3; 2]. Иногда на сосудах саргатских форм (городища Полтавка; Карташово; Вознесенское; могильники Венгерovo 7; Старый Сад; Карташово I, II) предстает кулайская орнаментация «уточкой», что свидетельствует о процессах смешения того и другого населения на северной периферии распространения саргатской культуры. Давление кулайцев с севера, а также похолодание и увлажнение климата в лесной зоне в конце I тысячелетия до н. э. — первых веках нашей эры привели к некоторому смещению на юг северной границы саргатской культуры и освоению бывшей северной и северо-восточной части ее ареала кулайцами. Во II—I вв. до н. э. саргатское население отступает к югу из района Тобольска. На поселении Старый Погост культурный слой селища саргатской культуры перекрыт слоем кулайского городища конца III—II в. до н. э. [Могильников В. А., 1988]. В I—II вв. саргатское население исчезает на средней Оми и в Барабе, а на его месте появляются носители кулайской культуры [Полосьмак Н. В.,

1985. С. 13]. Однако на основной массив саргатского этноса «кулайцы» не оказали существенного воздействия, о чем свидетельствует материал памятников II в. до н. э.—III вв. н. э., сохраняющих типичные саргатские черты.

Взаимодействие саргатского населения с жителями лесной зоны Приобья и бассейна Туры изучено слабо. Следствием его явилось оформление в южной части лесной полосы этого региона особой смешанной группы населения, характеризующейся памятниками кашинского типа (три городища и три селища) [Викторова В. Д., 1969. С. 10]. Сосуды с памятников кашинского типа по форме близки саргатским, но, в отличие от резной орнаментации саргатской культуры, украшены оттисками крупнозубого гребенчатого штампа, характерного для декора посуды лесной полосы. Узоры, расположенные по наружному краю венчика, шейке и плечикам, образуют вертикальные столбики, зигзаги, заключенные между горизонтальными линиями, свисающие треугольники, подобные саргатским. Керамика кашинского типа встречена также вместе с типичной саргатской на ряде поселений по Тоболу и Исети в северной части саргатского ареала (карта 20). На Юдинском городище и Кашинском селище открыты подобные саргатским остатки прямоугольных полуземлянок с длинным коридорообразным выходом и устроенным в центре на небольшом возвышении очагом с канавками с двух сторон. Перекрытие жилищ опиралось на центральные столбы. Сложение кашинской этнической группы было обусловлено смешением саргатского и лесного населения в зоне их контакта, на юге лесной зоны Тоболо-Туринского района. В свою очередь влияние кашинского населения простиралось до юго-западной периферии усть-полуйской культуры в бассейне Тавды, где керамика фиксирует присутствие кашинского этнического компонента [Викторова В. Д., 1969. С. 11].

На юго-востоке ареала, в Барабинской лесостепи, саргатское население проживало в непосредственном соседстве с населением большебереченской культуры. Раннее саргатское поселение Туруновка 4 (V—III вв. до н. э.) находилось рядом с поселением бийского этапа большебереченской культуры Туруновка 5, а в жилище 2 большебереченского поселения Каргат 4 встречен комплекс саргатской керамики [Полосьмак Н. В., 1985. С. 14]. Кроме того, большебереченская керамика бийского этапа известна на ряде поселений (Горбуново I; Иткуль I и др.) [Молодин В. И., 1983. С. 24] и в погребениях Барабы [ОАК за 1894 г. Рис. 221]. Постоянные контакты саргатского и большебереченского населения приводят к сложению в Барабе локального района большебереченской культуры, для которого, как и для «саргатцев», были характерны небольшая глубина могильных ям и северо-западная ориентировка погребенных, в отличие от господствующей в Верхнем Приобье юго-восточной и юго-западной. Жилища этого населения, подобно саргатским, имели коридорообразный выход и очаг типа чувала [Полосьмак Н. В., 1985. С. 14]. Взаимодействие саргатского и большебереченского населения в Центральной Барабе приводит в III—II вв. до н. э. к ассимиляции «саргатцами» большебереченцев и частичному вытес-

нению последних со средней Оми. Об этом свидетельствует отсутствие здесь памятников последующего, березовского, этапа большебереченской культуры при наличии саргатских. Отдельные небольшие группы и представители саргатского населения в результате брачных, военных и иных контактов проникают далее на юго-восток, в Верхнее Приобье, вплоть до предгорий Алтая, что фиксируется появлением в могильниках III—II вв. до н. э. этого региона саргатской керамики и погребений с северо-западной ориентировкой (карта 20, врезка) [Завитухина М. П., 1966. С. 66, 67. Рис. 5, 1; Троицкая Т. Н., 1981. С. 18]. Возможно, под влиянием саргатской традиции на местной керамике Верхнего Приобья в III—I вв. до н. э. распространяется орнаментация посуды резной «елочкой» и треугольными фестонами. Однако ареал саргатской культуры на Верхнее Приобье не простирался. В отличие от саргатской культуры, основные связи которой были направлены на юг и юго-запад, большебереченскую культуру выделяют ее выраженные саяно-алтайские и минусинские контакты.

Обменно-торговые восточные связи саргатского населения были, видимо, эпизодическими. С востока поступали главным образом изделия из металла, которым были богаты районы Саяно-Алтая. Геохимический состав бронзы котла из погребения 5 кургана 1 Богданова I указывает на его саянотувинское происхождение. С востока, возможно из Минусинской котловины, происходят бронзовая пряжка с изображением головы козла (Красноярский могильник; табл. 124, 51), аналогичная найденной в Косогольском кладе [Нащекин Н. В., 1967. С. 164], и железный нож с кольчатой рукояткой (Богданово, курган 1; табл. 123, 25), типичный для тесинского переходного этапа [Пшеницына М. Н., 1975а. Рис. 3, 17—21] и не характерный для саргатской культуры.

В конце III—I в. до н. э. саргатская культура, как и другие культуры юга Сибири, попадает в орбиту влияния культуры хунну. Вероятно, с ним связаны распространение у саргатского населения сложного лука с роговыми накладками, а также находка железного ярусного наконечника стрелы (Богданово, погребение 1 кургана 6; табл. 122, 20). В курганах Прииртышья и Барабы встречены также характерные для хунну ложечковидные застежки (табл. 124, 23) [Полосьмак Н. В., 1987. Рис. 37, 7]. В одном из курганов Барабы обнаружена китайская монета «у-шу» [Полосьмак Н. В., 1987. Рис. 33, 3], а станковый сосуд из погребения 5 кургана 1 Богданова аналогичен керамике из Синьцзяна.

Антропологический тип населения саргатской и гороховской культур является смешанным, при преобладании европеоидного компонента, происхождение которого исследователи связывают с местным населением андроновской культуры эпохи бронзы [Дебец Г. Ф., 1948. С. 149; Акимова М. С., 1972. С. 152, 155]. Черепа населения саргатской и андроновской культур сближают такие признаки, как низкое и широкое лицо при его сильной или умеренной профилировке и низкие орбиты. По сравнению с сарматскими сериями у населения лесостепи Западной Сибири отмечается определенное

увеличение монголоидности. Е. В. Жиров отметил высокорослость, брахикранию и ярко выраженную монголоидность индивидов из коллективного погребения кургана Елесина Яма в окрестностях гороховского городища Чудаки [см.: Сальников К. В., 1966. С. 120]. По заключению М. С. Акимовой [1972. С. 152, 155], монголоидная примесь особенно заметна на женских черепах с Исети и Иртыша, что сближает их с краниологическими сериями усуньских времени Казахстана. Наибольшее сходство с усуньскими имеют черепа с Ишима и Иртыша. Происхождение монголоидного компонента М. С. Акимова связывает с древним населением лесной полосы Западной Сибири. Это согласуется с изложенным выше мнением о происхождении саргатской культуры в результате смешения населения саргаринской культуры, генетически связанного с андроновцами, и северного компонента. В отличие от этой позиции, В. А. Дремов [1978. С. 177—179] отмечает близость черепов из Усть-Тартасского могильника на р. Омь в Барабе с сарматскими сериями и более ярко выраженную их европеоидность по сравнению с иртышским и ишимским материалом. При этом он не исключает возможность миграции сармат вплоть до Оби, на что, по его мнению, могут указывать также два деформированных черепа, мужской и женский, из Усть-Тартасского некрополя. В связи с этим следует отметить, что находка деформированных черепов не может служить доказательством миграции сарматов в конце I тысячелетия до н. э. в Обь-Иртышское междуречье, поскольку обычай деформации черепов около рубежа нашей эры распространяется у различных народов степей Средней Азии, Казахстана и Приуралья и не является этническим атрибутом.

Неоднородность антропологического облика населения западносибирской лесостепи отражает сложность процесса его генезиса и проникновение в его среду различных этнических элементов с севера, юга и юго-запада, что засвидетельствовано также археологическим материалом.

Общие черты, прослеживаемые у населения саргатской и гороховской культур, дают основание рассматривать его в рамках одной этнокультурной общности, связанной, по-видимому, с лесостепными уграми. Общность происхождения, близкие экологические условия, постоянный взаимный контакт и связанное с этим сходство культуры обусловили быстрое смешение «гороховцев» с «саргатцами» и распространение единой саргатской культуры во II—I вв. до н. э.— I в. н. э. в лесостепи от Урала до Барабы. Проникавшие в лесостепь Зауралья и Западной Сибири в V—III вв. до н. э. группы населения из Южного Приуралья, Казахстана и восточного Приуралья были ассимилированы местным населением, о чем свидетельствуют своеобразие и стабильность саргатской культуры в пору ее расцвета, в III—II вв. до н. э.— II в. н. э.

В III — начале IV в. н. э. саргатская культура прекратила свое существование, очевидно, в связи с событиями эпохи великого переселения народов. Довольно подвижное по образу жизни и находившееся на грани перехода к кочеванию, население саргатской культуры оказалось вовлеченным в орбиту гуннской экспансии и, по-видимому, было частью истреблено, частью отеснено в южные районы тайги Тоболо-Иртышья, а частью в составе разноэтнического гуннского объединения ушло на запад, составив затем один из компонентов этногенеза венгерского народа. Принимая во внимание угрозычность венгров, можно считать, что саргатская культура, единственная из западносибирских культур, интерпретируемых как угорские, была связана с древними мадьярами. Другие западносибирские культуры, гипотетически угорские, локализовались в лесной полосе. Им был присущ в основном автохтонизм, постепенная перманентная линия генезиса и миграции относительно небольших коллективов в ограниченных пределах лесной полосы и севера лесостепи.

После прекращения существования саргатской культуры в IV—V вв. в лесостепи Западной Сибири наступает запустение. На смену относительно многочисленному населению саргатской культуры, оставившему большое число памятников, в лесостепное Прииртышье продвигаются и оседают здесь небольшие группы населения среднеиртышской культуры, генетически связанной с кулайской культурой. Присутствие этих групп документируется немногочисленными памятниками со слабым культурным слоем, распространяющимися на запад до среднего Ишима, в районе г. Петропавловск [Могильников В. А., 1978. С. 89]. В северную часть лесостепного Притоболья и в Нижнее Приишимье проникает из лесной зоны население нижнеобской культуры и, смешиваясь здесь с остатками прежнего саргатского этноса, образует в пограничье тайги и лесостепи этническую группу, в культуре которой сочетаются черты, характерные для предшествующей культуры лесостепи, и элементы лесных культур. Отражением этого процесса в керамике служит характерная для лесных культур орнаментация фигурными штампами на сосудах кувшиновидных, лесостепных, форм из Козловского могильника и поселения Ипкуль XV [Чернецов В. Н., 1957. С. 162—166; Могильников В. А., 1964. С. 9; Морозов В. М., Суханова Т. И., 1987]. Остатки саргатского населения в южной части лесной полосы и на севере лесостепи Прииртышья и Приишимья приняли участие в генезисе населения потчевашской культуры, а в Притоболье и на Исети — бакальской. Часть потомков саргатского населения, продвинувшихся в Приуралье, вошла в состав населения сылвенской и кушнаренковской культур VII—IX вв., связываемых с уграми.

Заключение

Кочевые и полукочевые племена раннего железного века не имели своей письменности. Сведения античных, древнеперсидских авторов и китайских хроник достаточно отрывочны и противоречивы. Что касается населения, обитавшего на территории Западной Сибири, Алтая, Тувы, то письменные свидетельства о нем отсутствуют практически полностью. Поэтому археологические материалы становятся подчас единственным источником для реконструкции древней истории этих обществ.

В настоящем томе собраны воедино все археологические данные, касающиеся истории кочевых и полукочевых племен азиатской части степного пояса. Создание подобного труда оказалось возможным только благодаря систематическим и планомерным раскопкам на территории Средней Азии и Сибири, широко развернувшимся с начала 30-х годов, но ставшим особенно интенсивными в послевоенный период. Эти работы дали в руки археологов бесценную источниковедческую базу, послужившую основанием для всестороннего изучения древнего населения степей. Способствовали этому процессу и достижения сопредельных с археологией наук. Изучение этнографами форм хозяйственной деятельности человека и создание концепции хозяйственно-культурных типов явились теоретической основой для выделения общих форм ведения хозяйства (с некоторыми вариациями) всех кочевых и полукочевых племен евразийской степной зоны [Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955]. Их хозяйственно-культурный тип определяется как кочевое или полукочевое скотоводство, представленное в разных районах различными типами кочевания с круглогодичным или сезонным циклом перекочевок и в зависимости от этого с большей или меньшей оседлостью всего населения или части его.

Исследования антропологов позволили утверждать, что все кочевые и полукочевые племена раннего железного века Средней Азии и Южной Сибири (за исключением населения, оставившего культуру плиточных могил, и хуннов) были европеоидами, относящимися, правда, к разным типам этой расы, — андроновскому, средиземноморскому и типу Среднеазиатского междуречья. Но при этом и в Средней Азии, и в Сибири часть древнего кочевого населения имела определенные монголоидные признаки. Наличие их в сакских сериях Приаралья и Семиречья антропологи относят за счет смешанных браков, предполагая их центральноазиатское происхождение и проникновение со стороны Алтая [Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. С. 118, 119].

Достижения в области лингвистики, палеогеографии и естественных наук, используемые археологами, создали все условия для создания работ обобщающего характера.

Однако и по сей день остается еще немало остродискуссионных проблем, решение которых — дело будущего. Так, отсутствие единства мнений в во-

просах выделения и датировки предскифского и раннескифского пластов сказалось и на страницах настоящего тома. К сожалению, нет пока устоявшихся представлений о начале скифского периода, не установлены критерии, по которым различали бы предскифские и раннескифские памятники. Исследователи каждого из противоборствующих направлений считают свою интерпретацию периода IX—VIII вв. до н. э. наиболее аргументированной. Такая ситуация лишь подтверждает ограниченность наших источников и необходимость дальнейших исследований.

Нет согласия в вопросах локализации отдельных сакских племен — саков-тиграауда, саков-хаумаварга [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158—174] и других (дербики, апасиаки, сакараваки и т. д.), а также массагетов и дахов, идентифицируемых с различными археологическими культурами или группами памятников, хотя большинство исследователей признает существование сакской этнической или культурной (что предпочтительнее) общности [Литвинский Б. А., 1980. С. 83; Кадырбаев М. К., 1966. С. 401].

Из-за недостаточности археологического материала, представленного очень скудно, остается практически открытым вопрос о происхождении культур раннего железного века лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири. Периоды формирования качественно новых культур, значительно отличающихся от предшествующих и в материальной, и в духовной сферах, всегда были в истории древних народов наиболее трудно поддающимися изучению. Перемены в хозяйственном укладе и соответственно в образе жизни, нестабильность существования, изменения в идеологических представлениях, отразившиеся в погребальном обряде, — все это, видимо, не способствовало сохранению памятников начальных этапов как лесостепных, так и степных культур.

Однако, не взирая на все эти минусы, массовость археологических источников в сочетании с комплексным их исследованием дает возможность наметить общие и частные пути исторического развития кочевых и полукочевых племен азиатской степной и полупустынной зон. Так, теперешний уровень наших знаний позволяет говорить, что, помимо факта существования в единой экологической нише и рамках одного хозяйственно-культурного типа, близость всех азиатских кочевнических культур связана и с тем, что одним из основных компонентов в формировании каждой из них были племена андроновской культурно-исторической области на ее федоровском этапе. Это заключение в сочетании с этнонимами, известными для ранних кочевников Средней Азии (саки, массагеты, дахи), явилось аргументом для отнесения всего кочевого и полукочевого варварского мира азиатских степей к группе ираноязычных племен. Но если для среднеазиатских кочевников, а также близко связанного с ними населения

Алтая и Тувы подобное утверждение представляется реальным, то для кочевых и полукочевых племен Минусинской котловины его следует рассматривать лишь как одну из возможных рабочих гипотез. Жители лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири относятся, как считают исследователи, к группе угорских народов.

Участие в сложении культур ранних кочевников, кроме андроновского, и других компонентов, которые на разных территориях были различными и зависели от контактов и окружения, создавало специфичность каждого из археологических комплексов. Так, при всей близости культура приаральских кочевников отличается от раннекочевнических культур Семиречья, Тянь-Шаня, Памира, Тувы и Алтая, а также Минусинской котловины. Сходство и в то же время своеобразие всех этих культур особенно наглядно проявились в существовании вариантов «скифской триады» и, в частности, в выделении определенных провинций скифо-сибирского звериного стиля. Ценность и информативность археологических источников все более увеличивается по мере накопления и массового материала, и отдельных находок, а главное — благодаря широкому охвату ранее не изучавшихся территорий. Особенно интенсивными в этом направлении оказались работы в восточном Приарале, левобережном Хорезме (Присарыкамьшская впадина) и на Узбое.

Только исследование именно археологических памятников показало, что реальная картина состава и расселения кочевых скотоводческих племен, характер их хозяйства и взаимоотношений с оседло-земледельческим населением гораздо сложнее, чем это представлялось по письменным источникам. Мирному оседлому населению древние авторы противопоставляли воинственных кочевников-«варваров», все взаимоотношения с которыми сводились к непрерывной борьбе.

В действительности, это были два мира, очень тесно связанных друг с другом и экономически, а нередко и политически, и составивших некое единство.

Скотоводы-кочевники не менее, чем оседлое население, были заинтересованы в сохранении экономического потенциала земледельцев, поскольку получали от них в обмен (обычно на скот) или в виде дани необходимые им ремесленные изделия. С другой стороны, сами скотоводы-кочевники не составляли однородную массу, а различались степенью подвижности, протяженностью и характером перекочевков, наконец, существованием или отсутствием постоянных мест поселений.

Если говорить о единой периодизации «восточного очага» культур скифо-сибирского мира, то наметить ее можно только в рамках общей периодизации раннего железного века, т. е. скифский период — конец VIII—VII—III вв. до н. э. и сарматский — II в. до н. э. — IV в. н. э. Однако в каждом из крупных регионов, которые здесь рассматривались, не говоря уже об отдельных культурах или группах памятников, эта периодизация получает свои уточнения и детализируется.

Итак, как мы видели, именно археологические исследования и выявление массовых археологических источников дали возможность выделить на

широких просторах азиатской степной зоны специфические культуры древних кочевников, и только они дают основание дифференцировать хозяйственную деятельность древних кочевников, материальную культуру, связи с окружающим миром и очень далекими областями.

Удалось открыть совершенно особый культурный ареал или, может быть, даже несколько ареалов (время покажет) кочевников на территории от Узбоя до северных границ Устюрта, включая Мангышлак. Со временем эти материалы послужат, очевидно, основой для изучения культуры массагетов, локализуемых большинством исследователей на этой территории. В Присарыкамьшской впадине была выявлена новая скотоводческая культура — куюсайская [Вайнберг Б. И., 1979a], представленная поселениями и могильниками, начальная дата которых определяется временем не позднее начала VII в. до н. э. Как показали исследования [Яблонский Л. Т., 1986a], памятники этого типа, несомненно, входят в состав культур сакского круга, оставленных близкородственным населением, фигурирующим в персидских источниках под общим этнонимом саки. Однако происхождение каждой из этих культур и идентификация с более мелкими племенами или союзами племен в составе общего сакского массива отражают локальность каждой из них. Наиболее обоснованным представляется мнение, согласно которому своеобразие куюсайского комплекса связано с наложением на местную сакскую основу пришлых с юга (южная Туркмения и северный Иран) скотоводов-иранцев. Особое положение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи связано также и с тем, что в раннем железном веке дельта заселялась вновь после длительного перерыва, а потому может рассматриваться в качестве определенной модели для этногенетических построений. Не менее интересна и топография распространения кочевнических памятников этой территории в непосредственной близости от поселений, крепостей, некрополей земледельческого населения Хорезмского оазиса, внутри этого оазиса. При этом куюсайские могильники соседствуют с поселениями этой же культуры. Памятники этих районов, оставленные более поздними кочевниками, — только могильники (подбойно-катакомбные погребения). Последние располагались, например, в восточной части дельты (могильники Ясыгыр 1—3), в 5—6 км от ближайших земледельческих поселений, в полосе пустыни между двумя одновременно функционировавшими оазисами. Такое местоположение предполагало, что передвижение скота на зимние пастбища, находившиеся в песках Заунгузских Каракумов, могло происходить только через земли оазиса. Все это возможно лишь при весьма добрососедских отношениях между скотоводами и земледельцами. Подобная ситуация дает основание предполагать, что скотоводческое население левобережной части Хорезма (западная граница Хорезма с IV в. до н. э. до конца античности довольно четко ограничена линией крепостей Кангакала, Бутентау I, II, ранний Дэв-Кескен [Толстов С. П., 1958б. С. 70, 81]) находилось в пределах древнехорезмийского государства, а со временем (очевидно, с первых веков нашей эры) могло быть включено в систему хорез-

мийской государственности. Теснейшие контакты кочевого и земледельческого населения этих областей проявляются и в захоронениях в курганах кочевников костей человека, очищенных от мягких тканей и помещенных в оссуарии, что свидетельствует об обрядовом и религиозном синкретизме.

Что касается этнической интерпретации скотоводов левобережного Хорезма, то при самых противоречивых суждениях по этому поводу наиболее обоснованной и поддержанной большинством исследователей представляется локализация на этой территории массагетов, отождествляемых с саками-тиграхауда [Литвинский Б. А., 1972б. С. 158—174].

Еще более значительный ареал скотоводческих культур скифо-сакского времени располагается в восточном Приаралье, в районе древней дельты Сырдарьи (культура ранних саков, чирикратская и джетыасарская). Исследование самых ранних памятников (могильники Тагискен, Уйгарак) позволили говорить о том, что субстратом в формировании сакских культур этой территории был местный андроновский пласт, включавший в себя, кроме того, южный и восточный (карасукский) компоненты.

Открытие произведений искусства в могильниках Уйгарак и Тагискен позволило говорить о новом варианте скифо-сако-сибирского звериного стиля, и это можно считать достижением именно археологических исследований.

Следует обратить внимание еще на одно явление, характерное главным образом для восточноприаральских и закаспийских памятников, в отличие от более восточных и южных сакских культур. Это — существование самых близких параллелей и в материальной культуре, и в погребальном обряде, т. е. в сфере уже идеологических представлений, с миром «савромато-сарматских» культур преимущественно Южного Приуралья. Объясняется это не только географическим расположением всех трех ареалов, но и определенными общими этногенетическими корнями, уходящими в андроновский пласт.

Археологические исследования памятников восточного Приаралья IV—II вв. до н. э. (чирикратская культура, генетически преемственная от раннесакских комплексов этой территории), представленных не только могильниками, но и поселениями, городищами и монументальными постройками, в частности «Большого дома» на городище Бабиш-Мулла 1, позволили уточнить еще один факт в древней истории этого региона. Раскопки «Большого дома» показали, что планировка этого незавершенного комплекса характерна для ахеменидской архитектуры парадного типа, а наиболее близкой параллелью представляется «дворец приемов» сокровищницы Персеполя. Очевидно, постройку «Большого дома» Бабиш-Муллы 1 следует рассматривать в ряду позднеахеменидских сатрапских резиденций (подобно также недостроенной резиденции сатрапа на городище Калалыгыр в Хорезме), строительство которых было предпринято, вероятно, по единому принципу и в самых северных ахеменидских сатрапиях незадолго до крушения державы. Таким образом, именно археологические материалы как будто позволяют локализовать одну из поздних сатрапий, расположенную на самых северо-восточ-

ных рубежах Ахеменидской державы, на землях полуоседлых скотоводов в древней дельте Сырдарьи.

Только археологические исследования способствуют и получению конкретных сведений, касающихся религиозно-идеологических представлений и социально-политических устоев сакских обществ. Реконструкция их особенно трудна, поскольку письменными свидетельствами, наиболее информативными по этим вопросам, мы почти не располагаем. Основным источником для воссоздания духовной жизни древних кочевых скотоводов остаются данные погребального обряда и анализ всего могильника как единого и многопланового комплекса. С ареалом культуры семиреченских саков (саков-хаумаварга — по А. Н. Бернштаму, или саков-тиграхауда — по К. А. Акишеву) связаны массовые раскопки рядовых сакских курганов и курганов царских в урочище Беспатыр и на берегу р. Иссык. Исследование кургана Иссык [Акишев К. А., 1978] предоставило в распоряжение археологов уникальные материалы, связанные практически со всеми сферами жизни и деятельности семиреченских саков (V—IV или IV—III вв. до н. э.) и являющиеся неиссякаемым источником для разработки чрезвычайно сложной проблемы — изучения мировоззрения, духовной культуры и идеологии саков.

Исследование декора облачения сакского вождя, справедливо названного «Золотым человеком», послужило основанием для создания интереснейшего труда об искусстве и мифологии саков, основанного на изучении семантики образов искусства звериного стиля [Акишев А. К., 1984]. Опираясь на постулат об ираноязычности саков, А. К. Акишев обратился к индоевропейским космологиям и построил стройную космологическую концепцию мировоззрения саков. Она опирается на представления индоевропейцев о порядке в мире, о трех частях мира (низшая — вода, средняя — земля, верхняя — небо) и о мировом древе жизни. Все они нашли воплощение в одежде и головном уборе иссыкского вождя. Особенно ярко одеяние вождя воспроизводит троичную модель космоса и мировое древо жизни. В композицию декора введены даже наглядные символы древа жизни — золотые деревья, фигурки козлов, птиц. Таким образом, весь костюм подчеркивает космогоническую роль вождя-царя, приравнивая его к богу-правителю космоса и возводя тем самым в ранг правителя социума, т. е. бесспорно неся и социально-политическую нагрузку. Значит, облачение иссыкского вождя в сочетании с богатством сопровождавшего его инвентаря является выражением определенной теократической концепции сакского общества. А. К. Акишев [1984. С. 70] считает его раннегосударственным или раннеклассовым объединением, в котором власть верховного вождя еще ограничивалась родовыми учреждениями и не была абсолютной. Еще одним аргументом в пользу существования у семиреченских саков (в широком понимании, включая сюда и северную Киргизию) раннегосударственных образований служит находка серебряной чаши с надписью [Акишев К. А., 1978. С. 56, 57; Акишев А. К., 1984. С. 106]. Специалисты (И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, С. Г. Кляшторный) не могут пока расшифровать эту письменность, но предполагают,

что надпись сделана неизвестным ранее алфавитом, арамейское происхождение которого не исключено [Акишев К. А., 1978. С. 60].

Однако определение семиреченского сакского общества как раннегосударственного объединения представляется пока лишь рабочей гипотезой, обоснование которой требует дальнейших исследований. Но бесспорно можно говорить о широком развитии у саков культа предков, о существовании понятия сакральной страны, в которой локализовались могилы вождей и царей. По-видимому, в I тысячелетии до н. э. для восточного ареала сакских племен этой страной могло быть Семиречье. Помимо царских погребений (Беспатыр, Иссык), здесь найдено наибольшее число так называемых сакских жертвенников, или жертвенных столов. Скульптурки крылатых тигров, украшающие некоторые из этих жертвенников, да и другие зооморфные изображения, встречающиеся на культовых предметах из других районов восточного региона расселения саков, находят аналогии в украшениях костюма и головного убора «Золотого человека». Все это подтверждает тот факт, что декор костюма иссыкского вождя лишь отражает определенные элементы в системе религиозно-идеологических представлений, которая господствовала в сакском обществе.

По всей вероятности, религию сакских племен (в самом широком понимании этого термина, включая и массагетов) можно рассматривать подобно скифской, как типичный образец древних родо-племенных культов доэрастрийского Ирана и относить к разряду «естественных», поскольку скифские (или сакские) боги олицетворяли силы природы (небо, земля) и социальные категории (война, очаг), в противоположность зороастризму, где божества отражали абстракции — «Добрая мысль», «Бессмертие», «Власть» и т. д. [Абаев В. И., 1962. С. 447]. Общие для всех сакских племен культы (предков, огня, солнца, погребальный) могли принимать самые разнообразные формы. Особенно ярко это проявляется в обрядах, связанных с культом огня, — угольки в насыпи, в могиле, сожжение перекрытия, кучки золы, наконец, трупосожжения. Значимость и разнообразие форм культа огня предполагает возможность существования этого культа как символа верховного божества (солярного содержания) и обожествленной стихии — солнца. Тем более что имеется прямое свидетельство Геродота относительно массагетов: «Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» [Геродот I, 216]. Почти тот же текст можно прочесть и у Страбона: «Богом они (массагеты. — М. М.) почитают одно только солнце, и ему приносят в жертву коней [Страбон XI, VIII, 6]. Открытие на Узбое, почти в центре могильника Дордуль, культового сооружения Ичянлыдепе (V—II вв. до н. э.) служит не только иллюстрацией к сведениям Геродота и Страбона, но во многом дополняет и уточняет их. Весь комплекс сооружений, куда входила открытая камера, окруженная с двух сторон коридоробразными помещениями, и две каменные выкладки типа алтарей, сохранили следы интенсивного горения, особенно мощного в камере.

Тут же находились остатки костров, которые «захоранивались» или обкладывались камнями. Судя по всему, этот комплекс, расположенный, к тому же, на самой высокой части могильника, был связан с культом огня, в честь которого совершались какие-то церемонии и жертвоприношения (копыта и черепа лошадей — в юго-восточной части комплекса и кости барана — в одном из небольших помещений). По устройству и расположению культовое сооружение Ичянлыдепе может быть сопоставлено с персидскими святилищами огня, описанными Геродотом [I, 131] и Страбоном [XV, III, 13—16], где горел негасимый огонь в честь почитаемых божеств. Ичянлыдепе было святилищем огня и солнца.

Остатки культового памятника обнаружены Л. Л. Галкиным [1986. С. 440] в западной части плато Устюрт¹. Он состоит из трех небольших курганных групп (по три-четыре кургана в каждой группе), расположенных в 2—5 км одна от другой в направлении северо-восток—юго-запад. Они тянутся по обе стороны от урочища с колодцами Байте и названы Байте I—III. В группах I и III находилось по одному большому (высота 3,5 м, диаметр около 50 м) кургану, насыпи которых сложены из каменных блоков. Остальные курганы не превышали 1 м и имели диаметр 15—20 м. Их насыпи состояли из земли и камня. В некотором расстоянии (75—100 м) к юго-западу от каждого из больших курганов (Байте I и III) находились скопления каменных изваяний, большинство которых было в фрагментарном состоянии. В группе Байте I насчитывается около 24 фигур, в группе III — около 45. Кроме того, у подножья большого кургана (Байте I) и около курганов в других группах обнаружены каменные кольцевые выкладки диаметром 1—1,5 м, а на Байте III — каменные чаши для жертвенного огня. Знаменательно, что рядом с группой II, на дне сухого русла сая, были вырыты колодцы Байте и здесь же, в береговом обрыве, находился древний карьер, откуда брали известняк для скульптур и насыпей курганов. Изваяния представлены двумя типами — объемным и плоским. Для первых характерна массивность, округлость головы, естественные пропорции плеч и талии. Отличительной особенностью вторых являются широкие плечи и узкая талия. Первый тип, по мнению Л. Л. Галкиной, представляется более архаичным. Открытие такого множества скульптур, которые до сего времени вообще не были известны на территории древних азиатских кочевников-скотоводов, — событие чрезвычайной важности. Изучение памятника только начинается.

Время культового комплекса Байте определяется двумя фактами: формой оружия, изображенного на скульптуре, и находкой в одном из раскопанных небольших курганов группы Байте I обломка каменного жертвенника клювовидной (?) формы. Мечи и кинжалы, изображенные на скульптурах, имеют прямое перекрестье и почти прямое или серповидное навершие. Тип этот характерен для сармат и части среднеазиатских кочевников с конца IV—III в. до н. э. Таким образом, время памятника в

¹ Памятник не опубликован. Описание дано согласно тексту, любезно предоставленному Л. Л. Галкиным, за что приношу ему глубокую благодарность (Ред.).

самых широких границах определено — вторая половина I тысячелетия до н. э., однако, чтобы понять его сущность и содержание как культового места или даже святилища, требуются дальнейшие полевые и интерпретационные исследования.

Бурные события III в. до н. э. — отложение северных сатрапий державы Селевкидов — Бактрии, Согды и Парфии, кризис власти Селевкидов — отразили не только внутрдинастийные распри в империи Селевкидов, но и определенные внутренние процессы, происходившие в среде северных кочевников. Эти процессы привели затем к массовым передвижениям кочевых объединений.

Вехи основных политических событий и крупных миграций кочевых племен засвидетельствованы письменными источниками. Однако эти отрывочные сведения могут быть проверены, уточнены и дополнены благодаря широким археологическим раскопкам памятников кочевников. Справедливо писал А. М. Манделштам [1975а. С. 147], опираясь именно на археологические источники, что «кочевники выступают все более и более явственно как активная, ведущая политическая сила, причем являющаяся, видимо, организующим началом во многих поворотных моментах истории древних народов Средней Азии».

Так, источники сообщают, что в начале III в. до н. э. у границ Гиркании и Парфии появляется сильная группа дахских племен, переселившихся сюда откуда-то с северо-востока. А. М. Манделштам полагает, что это движение было одним из проявлений общей реакции на греко-македонское завоевание Средней Азии. Б. И. Вайнберг, отождествляющая памятники чирикратской культуры с дахами, считает, что переселение их на юго-запад было вызвано изменениями гидрографического режима дельты Сырдарьи, поскольку со II в. до н. э. основной сток Сырдарьи в Арал проходил уже по системе более восточных и северных Пракувандарьинских русел. Именно в III в. до н. э. чирикратская культура заканчивает свое существование. Не исключено, что переселение дахов к границам Парфии произошло, как думает Б. И. Вайнберг, с согласия, а может быть, даже по приглашению Селевкидов, ибо дахи были союзниками еще Александра Македонского. Но это не помешало парнам — самой западной группе дахов — воспользоваться моментом, когда наместник Парфии Андрагорт отделился от Селевкидов, напасть на него и захватить власть в Парфии. Возглавил это движение Аршак I. Последовавшее затем появление войск Селевка II, бегство Аршака к апаснакам, наконец, возвращение и победа его над Селевком II оказались этапами борьбы в деле создания независимого Парфянского государства. Ведущая роль в этой борьбе кочевых племен бесспорна. Аршак I, который вел свой род от дахов или парнов-дахов, считается основателем правящей парфянской династии. Дошедшие до нас версии о появлении и воцарении в Парфии Аршака I различны и противоречивы [Страбон, XI, 9, 2, 3; Юстин, XLI, 1, 4, 6; Арриан «История Парфии», фр. 1]. Поэтому даже самые минимальные данные археологии, самая первоначальная локализация дахов очень важны для воссоздания древней истории Средней Азии.

Одно из самых главных достижений среднеазиатской археологии — конкретизация юечжийско-кушанской проблемы. Особенно важное значение для ее решения имели раскопки курганных могильников на территории северной Бактрии [Манделштам А. М., 1966а; 1975а]. Только в результате этих исследований (более 500 курганов) были получены массовые археологические материалы, которые бесспорно можно связать с кочевниками, проживавшими в середине II в. до н. э. конец существованию Греко-Бактрийского государства и ставшими затем создателями Кушанского государства.

Однако одной из главных проблем, связанных с историей образования этого государства, было сопоставление данных китайских и западных источников, перечисляющих племена кочевников, участвовавших в завоевании Греко-Бактрийского царства. Согласно достаточно убедительной археологической аргументации А. М. Манделштама, юечжам китайских источников соответствуют асианы, пасианы и тохары античных авторов. Взаимоотношения между ними, предшествовавшие передвижению их на запад и разгрому Греко-Бактрии, нам неизвестны. Но несомненно, что все они входили в состав обширного воинственного племенного объединения, которое базировалось в восточной части степного пояса и ушло в Среднюю Азию только после нескольких поражений, которые нанесли ему хунну [Манделштам А. М., 1979а. С. 140].

Анализ археологических материалов позволил уверенно связать с этими пришельцами все могильники северной Бактрии и большую часть исследованных в Согдиане. Но, судя по данным археологии и западных источников, в событиях конца II в. до н. э. принимала участие и какая-то часть местных кочевников, которые были вовлечены в объединения, двигавшиеся с Востока и устремившиеся затем на юг, в процветающие земледельческие оазисы.

Значительный свет на все эти вопросы проливают раскопки последних лет в северном Афганистане, на Тиллятепе, где были вскрыты уникальные неразграбленные царские погребения, датируемые рубежом нашей эры и оставленные представителями какой-то кочевнической династии [Сарианиди В. И., 1983]. Глубокое исследование всего полученного там материала только начинается. Но уже сейчас можно говорить об интереснейших культурных традициях, которые связывают один из домов юечжийских правителей (не исключено, что именно они положили затем основание империи Великих Кушан) со всем кочевым миром Средней Азии и Сибири. Это выражается в некоторых элементах погребального обряда. Так, на краю одной из могильных ям Тиллятепе найдены череп и кости передних ног лошади. Обычай оставлять шкуру жертвенных животных (мясо их поедали во время похоронной тризны) в могиле или на ее краю был широко распространен у скотоводческих племен азиатских степей с эпохи бронзы и сохранялся до последних лет у ряда народов Сибири [Грязнов М. П., 1956а. С. 107, 108]. Знаменательны и параллели в изображениях и стилистике изделий звериного стиля из Тиллятепе и Пазырыкских курганов Алтая (сцены терзания; вывернутые задние части фигур животных; повернутые назад головы; бирюзовые вставки).

Эти связи становятся особенно понятными, если согласиться с мнением С. И. Руденко [1960. С. 339, след.], отождествлявшего население Алтая второй половины I тысячелетия до н. э. с юечжами. Сопластуется с этим и прекращение пазырыкской культуры в конце III — первой половине II в. до н. э., когда горноалтайские племена были разбиты хунну.

Не меньшее значение имеют находки в Тиллятепе и для решения вопроса о происхождении сарматского звериного стиля, появившегося в I в. н. э. в степях Нижнего Подонья практически в готовом виде. Особое значение комплексу Тиллятепе придает синкретизм найденных там произведений искусства, в которых воедино слились и древние бактрийские мотивы, и стилистические особенности ахеменидского искусства, и элементы греческой эллинистической школы, и черты, свойственные искусству кочевников, ярко выразившиеся в изделиях, выполненных в зверином стиле. Удивительным образцом этого стиля являются ножны и рукоять кинжала из погребения 4. Идентичный и по форме, и по украшению рукояти и ножен, и по исполнению (может быть, чуть более грубому) кинжал обнаружен на нижнем Дону в богатой сарматской могиле I в. н. э. (раскопки Е. И. Беспалого, 1986 г.). Значит, стиль ювелирных изделий Тиллятепе отвечал вкусам именно кочевой знати.

Совершенно необходимы археологические исследования для воссоздания древней истории сибирских народов, ибо в большинстве случаев эти материалы остаются единственным источником. Археология Сибири богата такими блистательными открытиями, как большие Пазырыкские курганы и курган Аржан, значение которых трудно переоценить.

Раскопки Пазырыкских, Башадарских, Шибинских, Туэктинских, Юстыдских и других курганов с захоронениями, совершенными в слое вечной мерзлоты, дали совершенно исключительный материал, который с небывалой в археологической практике полнотой осветил все стороны жизни кочевников скифского времени. Находки из этих курганов составили удивительное собрание изделий в зверином стиле, выполненных не только в металле (что мы видим повсюду), но и в дереве, коже, войлоке. Находки интереснейших изделий передневожосточного искусства (шерстяные ткани с узором, ворсовые коверы) и Китая (зеркало, шелковые ткани), применение методов естественных наук (дендрохронология, радиоуглеродные даты) дали возможность довольно точного определения абсолютных дат этих памятников. Согласно последним исследованиям [Марсадолов Л. С., 1985. С. 10], время создания больших Пазырыкских курганов, отражающих один из этапов яркой и самобытной культуры кочевников-скотоводов Алтая, укладывается в рамки VI—IV вв. до н. э.

Деревянные, кожаные и войлочные изделия, дошедшие до нас почти в первозданном виде (что никогда не встречается при обычном состоянии захоронения) и являющиеся непревзойденными образцами скифо-сибирского звериного стиля, демонстрируют, с одной стороны, очень высокий уровень эстетического развития и мастерства алтайских племен, а с другой — представляют собой исклю-

чительный источник для изучения мифологического творчества и религиозных представлений населения Алтая. Бесспорным доказательством местного происхождения всех этих изделий служит татуировка, сохранившаяся на теле вождя из Пазырыкского II кургана. Она представляла собой сложное сюжетное изображение, выполненное в образах звериного стиля. Поскольку о существовании обычая татуировки, которая у большинства народов обозначала благородное происхождение и знатность, имеются неоднократные сообщения в письменных источниках (Помпонию Мела — об агафирсах; Аммиан Марцелин — о даках и сарматах), открытие ее на теле погребенного в Пазырыке особенно ценно. Это еще один пример, когда археологические данные подтверждают и раскрывают скудные сообщения древних авторов. Духовную культуру населения Алтая характеризуют и находки двух четырехструнных арф и двух тамбуринов в Пазырыкских курганах.

Одно из самых значительных археологических открытий Сибири — классические по методике раскопки М. П. Грязновым кургана Аржан — поразительного памятника скифской культуры VIII в. до н. э. Погребальный обряд и инвентарь кургана заставил исследователей вновь вернуться ко многим проблемам скифской археологии, особенно к проблемам периодизации и сложения скифского археологического комплекса. Анализ материалов памятника, предпринятый М. П. Грязновым [1980], исследование типологического характера всей конской узды Аржана, проведенное Н. А. Боковенко [1986], а также дендрохронологические исследования образцов дерева [Марсадолов Л. С., 1985] позволили датировать комплекс Аржана VIII в. до н. э., может быть, его второй половиной или концом, как представляется многим археологам (А. М. Мандельштам, А. И. Меликова, В. П. Петренко). Хронологически он поставлен в один ряд с памятниками новочеркасско-черногоровского типа. Но Аржан содержит уже полностью сложившуюся «скифскую триаду», которая в Северном Причерноморье не может быть датирована временем ранее середины VII в. до н. э. Очень важно также, что в зверином стиле Аржана представлены практически все образцы скифского искусства, выполненные различной техникой и на различных предметах: выбивка, резные изображения (оленные камни), мелкая пластика (головка коня), барельеф (нагрудная бляха), скульптура (бронзовые навершия), резьба по кости (кабан на клыке). Нет, правда, еще сцен терзания, которые появляются позже.

Достаточно развитой погребальный обряд также является признаком складывающегося культурного комплекса. В кургане представлена очень сложная погребальная конструкция: вокруг центрального захоронения «царя» и «царицы», совершенного в двойном срубе (под полом его были уложены конские хвосты), располагались радиально еще 70 срубов. Помимо людей (всего 12 человек), в кургане было похоронено около 160 верховых коней. Типологическое исследование различных категорий вещей (особенно узды и нахвостников), а также спектральный анализ предметов узды показали, что приношения «царю» были преподнесены от различных племенных коллективов большой этнокультур-

ной общности, обитавших в нескольких географических регионах. Это чрезвычайно важное и никогда до этого не фиксировавшееся явление придает особую значимость кургану Аржан, ибо перед нами как бы одномоментное захоронение, совершенное не в одном, а одновременно в нескольких регионах. Детальное исследование узды, проведенное Н. А. Бокоренко, позволило ему конкретизировать эти области: собственно Тува, Алтай, Минусинская котловина, Казахстан и Монголия. В центре этой обширной территории и находился курган Аржан, который, образно говоря, представляет собой срез эпохи и демонстрирует неравномерность исторического развития отдельных регионов (находки в Аржане узды примитивной и вполне развитой форм). Споры вокруг кургана Аржан продолжаются, и только открытие подобных памятников или целой серии ранних комплексов в разных регионах евразийского пояса степей позволит в будущем уверенно ответить на вопрос где, когда и как сформировалась скифская культура, распространенная в VII в. до н. э. в Северном Причерноморье и известная по археологическим материалам и письменным источникам.

История населения раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири, получившая освещение в томе, воссоздана только на осно-

вании археологических исследований, которые интенсивно развернулись лишь в 60—70-е годы. Но уже сейчас мы имеем представление о материальной и духовной культуре этих племен, об их хозяйстве, связях с окружающим миром, в том числе со степными кочевниками.

Наконец, только археология фиксирует серьезные изменения в хозяйственном и жизненном укладе этого населения, которые происходили в первые века нашей эры. Прослеживаемая динамика состава стада у этих племен указывает на возрастание элементов, свидетельствующих о переходе к номадизму. Процесс этот был вызван ростом населения, развитием торгового обмена и целым рядом других причин, что требовало в свою очередь увеличения численности скота как средства существования и как обменного эквивалента. Нехватка пастбищ вокруг поселений стала компенсироваться переходом к отгонному и кочевому скотоводству.

Заключая настоящий том, надо еще раз сказать, что кочевые и полукочевые скотоводческие племена евразийских степей, создавшие целую свиту ярких самобытных культур, сыграли огромную роль в формировании новых этнокультурных общностей, история которых начинается после эпохи великого переселения народов и связана уже с периодом раннего средневековья.

Литература

Источники

- Аппиан*. Митридатовы войны/Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1946. № 4.
- Арриан*. История Парфии // *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1896. Т. 1, вып. 2.
- Арриан*. Поход Александра/Пер. М. Е. Сергеевко. М.: Л., 1962.
- Геродот*. История в девяти книгах/Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского/Пер. под ред. В. С. Соколова. М., 1963.
- Оросий Павел*. Истории против язычников // *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1906. Т. 2, вып. 2.
- Иллиний Секунд*. Naturalis historia/Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 2.
- Полибий*. История/Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 3.
- Помпоний Мела*/Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 1.
- Солон Гай Юлий*. Сборник достопримечательностей/Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1947. № 3.
- Страбон*. География в 17 книгах/Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964.
- Тацит Корнелий*. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения/Пер. А. С. Бобовича.
- Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога/Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // ВДИ. 1954. № 2—4; 1955. № 1.
- [*Ptolemy*] *Ptolemaios*. Geographie: Ostiran und Zentralasien // Istituto Italiano per il Medio et Estremo Oriente. Reports and memoirs. Rom, 1971. V. XV, 1. T. 1: Griechischer Text neu hrsgb. und ins Deutsche übertr. I. Ronga.

Исследования и публикации

- Абаев В. И.*, 1949. Осетинский язык и фольклор. М.; Л. Т. 1.
- Абаев В. И.*, 1956. Скифский быт и реформа Зороастра // *Archiv Orientalni*. Praha. Т. 24.
- Абаев В. И.*, 1962. Культ семи богов у скифов // *Древний мир*. М.
- Абаев В. И.*, 1979. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л. Т. 3.
- Абаев В. И.*, 1980. [Перевод надписи Дария на золотой табличке из Хамадана] // *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. М. Т. 2.
- Абетеков А. К.*, 1966. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу // *КСИА*. Вып. 107.
- Абетеков А. К.*, 1967. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины: По материалам раскопок 1961 г. // *Древняя и средневековая культура Киргизстана*. Фрунзе.
- Абетеков А. К.*, 1970. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней // *КСИА*. Вып. 122.
- Абетеков А. К.*, 1975а. Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с Кушанской империей // *ЦАКЭ*. Т. 2.
- Абетеков А. К.*, 1975б. О типах жилищ у древних усуней // *Первобытная археология Сибири*. Л.
- Абетеков А. К.*, 1977. Могильник Джаныш-Булак // *Кетмень-Тюбе*. Фрунзе.
- Абетеков А. К.*, *Баруздин Ю. Д.*, 1963. Сако-усуньские памятники Таласской долины. Фрунзе.
- Абрамова М. Б.*, *Стефанов В. И.*, 1981. Памятники инберенского типа: О своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье // *ВАУ*. Вып. 15.
- Абсалямов М. Б.*, 1976. Новые поселения скифо-сарматского времени в бассейне Чулыма // *ИЛАИ*. Вып. 7.
- Абсалямов М. Б.*, *Мартьянов А. И.*, 1979. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // *Археология Южной Сибири*. Кемерово.
- Аванесова Н. А.*, 1975. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // *Тр. САМГУ*. Самарканд. Нов. сер. Вып. 270: *Материалы по археологии Узбекистана*.
- Агапов П.*, *Кадырбаев М. К.*, 1979. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата.
- Агеева Е. И.*, 1959. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской обл. // *ИАН КазССР*. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 3 (11).
- Агеева Е. И.*, 1960. Некоторые новые данные по археологии Семиречья // *КСИИМК*. Вып. 80.
- Агеева Е. И.*, 1961. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской обл. // *ТИИАЭ АН КазССР*. Т. 12.
- Агеева Е. И.*, *Максимова А. Г.*, 1959. Отчет о работах Павлодарской экспедиции 1955 г. // *ТИИАЭ АН КазССР*. Т. 7.
- Агзамходжаев Т.*, 1961. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской // *ИМКУ*. Вып. 2.
- Агзамходжаев Т.*, 1966а. Погребальные сооружения Чирик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.
- Агзамходжаев Т.*, 1966б. Подземные каменные наусы около г. Ангрен // *ИМКУ*. Вып. 7.
- Адрианов А. В.*, 1886. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // *ЗРГО по общей географии*. Т. 2.
- Адрианов А. В.*, 1902—1924. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск.
- Адрианов А. В.*, 1903. Оглахтинский могильник // *Сибирская жизнь*. 29-е ил. прилож. № 249, 254.
- Адрианов А. В.*, 1906. Писаница Боярская // *Изв. Русской комиссии для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении*. СПб. Вып. 4.
- Адрианов А. В.*, 1908. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // *Изв. Русской комиссии для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении*. СПб. Вып. 7.
- Адрианов А. В.*, 1916. К археологии западного Алтая // *ИАК*. Вып. 62.
- Акимова М. С.*, 1972. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железа // *Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени*. М. (МИА. № 153).
- Акишев А. К.*, 1976. Поиски памятников в ущельях Каратау // *АО* 1975 г.
- Акишев А. К.*, 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата.
- Акишев А. К.*, *Алпысбаев Х. А.*, *Максимова А. Г.*, 1978. Исследования в зоне Шульбинского водохранилища // *АО* 1977 г.
- Акишев К. А.*, 1956. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. // *ТИИАЭ АН КазССР*. Т. 1.
- Акишев К. А.*, 1959а. Саки Семиречья: По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг. // *ТИИАЭ АН КазССР*. Т. 7.
- Акишев К. А.*, 1959б. Памятники старины Северного Казахстана // *ТИИАЭ АН КазССР*. Т. 7.
- Акишев К. А.*, 1963. Культура саков долины Или (VII—IV вв. до н. э.) // *Акишев К. А.*, *Кушаев Г. А.* *Древняя культура саков и усуней долины р. Или*. Алма-Ата.
- Акишев К. А.*, 1967. Археология в Казахстане за советский период // *СА*. № 4.
- Акишев К. А.*, 1969. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // *ИАН КазССР*. Сер. обществ. наук. Вып. 1.
- Акишев К. А.*, 1970. О возникновении оседлости и земледелия

- у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Акишев К. А., 1972. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Акишев К. А., 1973. Саки азиатские и скифы европейские: Общее и особенное в культуре // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
- Акишев К. А., 1974. Курган Иссык // В глубь веков. Алма-Ата.
- Акишев К. А., 1977. Семиречье и Южный Казахстан // История Казахской ССР. Алма-Ата. Т. 1.
- Акишев К. А., 1978. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М.
- Акишев К. А., 1983. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата.
- Акишев К. А., Акишев А. К., 1978. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата.
- Алексеев В. П., 1961. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сб. МАЭ. М.; Л. Т. 20.
- Алексеев В. П., 1974. Антропологическая характеристика скульптурного портрета из Шестаковского могильника // СА. № 4.
- Алексеев В. П., 1975. Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // ПАС.
- Алексеев В. П., Голман И. И., 1984. Антропология азиатской части СССР. М.
- Алексеев В. П., Голман И. И., Тумэн Д., 1987. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии: Каменный век — эпоха раннего железа // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Черноморья // САИ. Вып. Г1-12.
- Алекшин В. А., 1975. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.
- Амброз А. К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 3.
- Амброз А. К., 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. № 4.
- Амброз А. К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М.
- Аминов В., Буряков Ю. Ф., Ходжайов Т. К., 1978. Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана // ИМКУ. Вып. 14.
- Андрянов Б. В., 1951. К вопросу о географических изменениях в дельте Амударьи // Вопросы географии. Т. 24: Физическая география.
- Андрянов Б. В., 1962. Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. М. Т. 1.
- Андрянов Б. В., 1969. Древние оросительные системы Приаралья. М.
- Андрянов Б. В., 1984. Опыт типологизации орошаемого земледелия и ирригации в Средней Азии и Казахстане (конец XIX — начало XX в.) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.
- Андрянов Б. В., 1985. Неоседлое население мира. М.
- Андрянов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С., 1974. Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: Их прошлое и перспективы освоения // СЭ. № 5.
- Андрянов Б. В., Кесь А. С., 1967. Развитие гидрографической сети и ирригации на равнинах Средней Азии // Проблемы преобразования природы. М.
- Андрянов Б. В., Левина Л. М., 1979. Некоторые вопросы исторической этнографии восточного Приаралья в I тысячелетии н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Арсланова Ф. Х., 1962. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 2 (19).
- Арсланова Ф. Х., 1969. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Арсланова Ф. Х., 1972а. Работы в Восточном Казахстане // АО 1971 г.
- Арсланова Ф. Х., 1972б. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // СА. № 1.
- Арсланова Ф. Х., 1974. Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата.
- Арсланова Ф. Х., 1975. Курганы «с усам» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата.
- Арсланова Ф. Х., 1981. Разведочные работы в Восточном Казахстане // АО 1980 г.
- Арсланова Ф. Х., 1983. Работы в Восточном Казахстане // АО 1981 г.
- Арсланова Ф. Х., 1986. Работы в Восточном Казахстане // АО 1984 г.
- Арсланова Ф. Х., Самашев З. С., 1985. Новые материалы по кулажургинской культуре Восточного Казахстана // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: ТД. Л.
- Арсланова Ф. Х., Чариков А. А., 1980. Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской обл. // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
- Артамонов М. И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.
- Артамонов М. И., 1968. Происхождение скифского искусства // СА. № 4.
- Артамонов М. И., 1971. Скифо-сибирское искусство звериного стиля: Основные этапы и направления // ПСА.
- Артамонов М. И., 1973. Сокровища саков. М.
- Артамонов М. И., 1974. Киммерийцы и скифы. Л.
- Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н., 1972. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2.
- Археологическая карта Казахстана: Реестр. Алма-Ата, 1960.
- Асалханов И. А., 1975. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск.
- Аскарв А. А., 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Аскарв А. А., Альбаум Л. И., 1979. Поселение Кучуктепа. Ташкент.
- Ахунжанов С. М., 1983. Работы Новошувльбинской экспедиции // АО 1981 г.
- Ахунжанов С. М., 1985. Исследования Шувльбинской археологической экспедиции // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: ТД. Л.
- Бабаев А. Г., Фрейкин З. Г., 1977. Пустыни СССР. М.
- Бабаев А. Д., 1965а. Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана (Ишкешимский р-н ГБАО): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе.
- Бабаев А. Д., 1965б. Уникальные находки из погребальных сооружений западного Памира // ИАН ТаджССР. ООИ. Вып. 1.
- Бабаев А. Д., 1968. Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на западном Памире // ИАН ТаджССР. ООИ. Вып. 3.
- Бабаев А. Д., 1971. Керамика из погребений западного Памира // МК ТаджССР. Вып. 2.
- Бабаев А. Д., 1973а. Крепости древнего Вахана. Душанбе.
- Бабаев А. Д., 1973б. Раскопки курганов на территории западного Памира // Уч. зап. ИТаджГУ. Душанбе. Вып. 1.
- Бабаев А. Д., 1975. Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на западном Памире // ЦАКЭ. Т. 2.
- Бабаев А. Д., 1976. Могильник Касвир — памятник кушанской культуры на западном Памире: ТД XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван.
- Бабаев А. Д., 1978. К истории вооружения населения западного Памира // МКТадж. Вып. 3.
- Бабанская Г. Г., 1956. Берккаринский могильник: К некоторым итогам изучения памятника // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Бабанская Г. Г., Заднепровский Ю. А., 1959. Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г. // ТАН ТаджССР. Т. 91.
- Баранов Л. Н., 1975. Сооружения и сожжение таштыкского склепа // ПАС.
- Баркова Л. Л., 1978. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. Вып. 19.
- Баркова Л. Л., 1979. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. Вып. 20.
- Баркова Л. Л., 1980. Курган Шибе: Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. Вып. 21.
- Баркова Л. Л., 1983. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. Вып. 24.
- Баркова Л. Л., 1984. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. Вып. 25.

- Барминцев Ю. Н., 1958. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата.
- Бартольд В. В., 1963. Очерки истории Семиречья // Соч. М. Т. 2, ч. 1.
- Бартольд В. В., 1965. Соч. Т. 3.
- Баруздин Ю. Д., 1956. Карабулакский могильник: Раскопки 1954 г. // ТИИ АН КиргССР. Вып. 2.
- Баруздин Ю. Д., 1957а. Карабулакский могильник: Раскопки 1955 г. // ТИИ АН КиргССР. Вып. 3.
- Баруздин Ю. Д., 1957б. Карабулакский могильник // КСИЭ. Вып. 26.
- Баруздин Ю. Д., 1961. Карабулакский могильник // ИАН КиргССР. СОН. Т. 3, вып. 3 (история).
- Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М., 1961. Бронзовая пластинка из Карабулакского могильника // КСИА. Вып. 86.
- Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе.
- Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г., 1961. Бронзовая женская статуэтка из Карабулакского могильника // КСИА. Вып. 85.
- Баскаков А. Н., 1964. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков // VII МКАЭН.
- Бельтикова Г. В., 1976. Гороховское городище (Чудаки) // АО 1975 г.
- Бельтикова Г. В., 1977. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 14).
- Бельтикова Г. В., 1981. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // ВАУ. Вып. 15.
- Бельтикова Г. В., 1982. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск (ВАУ. Вып. 16).
- Бельтикова Г. В., 1986. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск (ВАУ. Вып. 18).
- Бельтикова Г. В., Стоялов В. Е., 1984. Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 17).
- Бернштам А. Н., 1935а. Изображение быка в находках Ноин-Улинских курганов // ПИДО. № 5/6.
- Бернштам А. Н., 1935б. Историческая правда в легенде об Огуз-Кагане // СЭ. № 6.
- Бернштам А. Н., 1935в. К вопросу о социальном строе восточных гуннов // ПИДО. № 9/10.
- Бернштам А. Н., 1937. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // ИАН СССР. ООИ. Т. 4.
- Бернштам А. Н., 1939. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. № 4.
- Бернштам А. Н., 1940а. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. Вып. 5.
- Бернштам А. Н., 1940б. Кенкольский могильник. Л.
- Бернштам А. Н., 1941а. Памятники старины Таласской долины: Историко-археологический очерк. Алма-Ата.
- Бернштам А. Н., 1941б. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе.
- Бернштам А. Н., 1943. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе.
- Бернштам А. Н., 1945. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. ИКирг. ФАН СССР. Вып. 2/3.
- Бернштам А. Н., 1947. Берккаринская пряжка: О скифской традиции в сарматском искусстве // КСИИМК. Вып. 17.
- Бернштам А. Н., 1948. Памятники старины Алма-Атинской обл.: По материалам экспедиции 1939 г. // ИАН КазССР. № 46. Сер. археологич. Вып. 1.
- Бернштам А. Н., 1949а. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае // КСИИМК. Вып. 28.
- Бернштам А. Н., 1949б. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. Т. 11.
- Бернштам А. Н., 1949в (1950). Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР. № 67. Сер. археологич. Вып. 2.
- Бернштам А. Н., 1950. Опыт классификации археологических находок: Сако-усуньская культура ранних кочевников Чуйской долины // МИА. М.; Л. № 14.
- Бернштам А. Н., 1951. Очерк истории гуннов. Л.
- Бернштам А. Н., 1952. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26.
- Бернштам А. Н., 1956. Саки Памира // ВДИ. № 1.
- Бернштам А. Н., 1957. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности // КСИЭ. Вып. 26.
- Берс Е. М., 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. № 21.
- Берс Е. М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск.
- Бичурич Н. Я. (Иакинф), 1950а. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 1.
- Бичурич Н. Я. (Иакинф), 1950б. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 2.
- Бичурич Н. Я. (Иакинф), 1953. Собрание сведений о народах; обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 3.
- Богданова-Березовская И. В., 1963. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.
- Боголюбовский С. Н., 1959. Происхождение и преобразование домашних животных. М.
- Боковенко Н. А., 1981а. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск.
- Боковенко Н. А., 1981б. Исследование могильника Колок // АО 1980 г.
- Боковенко Н. А., 1982. Исследование курганов в Хакасии // АО 1981 г.
- Боковенко Н. А., 1985. Работы на юге Красноярского края // АО 1984 г.
- Боковенко Н. А., 1986. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая: ТД. Барнаул.
- Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красиенко С. В., 1983. Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Борисов А. Я., Луконин В. Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.
- Борова Г. И., 1925. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук: Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.
- Борова Г. И., 1927. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Л. Т. 2.
- Бортвин Н. Н., 1949. Находка на горе Азов на Урале // КСИИМК. Вып. 25.
- Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981.
- Брыкина Г. А., 1981. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М.
- Брыкина Г. А., 1982. Могильник Кайрагач в южной Киргизии // КСИА. Вып. 170.
- Брыкина Г. А., Горбунова Н. Г., 1984. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Буряков Ю. Ф., 1982. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент.
- Буряков Ю. Ф., Касьямов М. Р., Ростовцев О. М., 1973. Археологические памятники Ташкентской обл. Ташкент.
- Бутомо С. В., 1963. Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.
- Бутомо С. В., 1966. Ароматические углеводороды в радиоуглеродном датировании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Вадецкая Э. Б., 1968. Раскопки на месте д. Новая Черновая // АО 1967 г.
- Вадецкая Э. Б., 1973а. К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. Вып. 6.
- Вадецкая Э. Б., 1973б. Раскопки под горой Оглахты на р. Енисей // АО 1972 г.
- Вадецкая Э. Б., 1975. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // ПАС.
- Вадецкая Э. Б., 1979. Итоги и задачи в изучении тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.
- Вадецкая Э. Б., 1981а. Малый таштыкский склеп на речке Дальняя Чейя // КСИА. Вып. 167.
- Вадецкая Э. Б., 1981б. Археологические и этнографические аспекты исследования погребальных памятников // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

- Вадецкая Э. Б.*, 1982. Интерпретация сосуществования двух обрядов в таштыкских грунтовых могильниках // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск.
- Вадецкая Э. Б.*, 1984. Участие хуннов в сложении таштыкской культуры // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.
- Вадецкая Э. Б.*, 1985. Таштыкские наконечники и прически // КСИА. Вып. 184.
- Вадецкая Э. Б.*, 1986а. Мумии и погребальные куклы таштыкской культуры // КСИА. Вып. 186.
- Вадецкая Э. Б.*, 1986б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.
- Вадецкая Э. Б., Гультов С. Б.*, 1986. Исследования в Красноярском крае в 1982—1984 гг. // КСИА. Вып. 188.
- Вайнберг Б. И.*, 1972. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Каратепе) // Буддийский культовый центр Каратепе в Старом Термезе. М.
- Вайнберг Б. И.*, 1977. Монеты древнего Хорезма. М.
- Вайнберг Б. И.*, 1979а. Памятники кюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Вайнберг Б. И.*, 1979б. Курганные могильники северной Туркмении: Присарыкамшская дельта Амударьи // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Вайнберг Б. И.*, 1981а. Поселение Гяур 3 // АО 1980 г.
- Вайнберг Б. И.*, 1981б. Скотоводческие племена в древнем Хорезме // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Вайнберг Б. И.*, 1983. Работы в южной части Присарыкамшской дельты // АО 1981 г.
- Вайнберг Б. И.*, 1984. Разведочные работы в Присарыкамшской дельте Амударьи // АО 1982 г.
- Вайнберг Б. И., Левина Л. М.*, 1968. Поселение Актобе 2 // Максимова А. Г., Мерцшев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата.
- Вайнберг Б. И., Юсупов Х.*, 1970. Археологические исследования в западной Туркмении // АО 1969 г.
- Вайнберг Б. И., Юсупов Х.*, 1985. Новые памятники в западной Туркмении // АО 1983 г.
- Вайнберг Б. И., Юсупов Х.*, 1990. Культовый комплекс древних скотоводов на Узбое.
- Вайнштейн С. И.*, 1958. Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТувНИИЯЛИ в 1956—1957 гг. // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Т. 6.
- Вайнштейн С. И.*, 1964. Тува в эпоху первобытнообщинного строя // История Тувы. М. Т. 1.
- Вайнштейн С. И.*, 1966а. Памятники второй половины I тысячелетия н. э. в западной Туве // ТТКАЭЭ. Т. 2.
- Вайнштейн С. И.*, 1966б. Памятники кызылганской культуры // ТТКАЭЭ. Т. 2.
- Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.*, 1966. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н. э.—первых веков нашей эры // ТТКАЭЭ. Т. 2.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В.*, 1976. «Дворец Ли Лиша» или конец одной легенды // СЭ. № 3.
- Варенов А. В.*, 1981. О предназначении «моделей ярма» // Материалы XIX Всесоюзной научной студенческой конференции: Студент и научно-технический прогресс: История. Новосибирск.
- Варущенко А. Н., Варущенко С. И., Клиге Р. К.*, 1980. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене—голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- Васильев В. И.*, 1979. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.
- Васильев К. В.*, 1959. Археологические исследования во Внутренней Монголии // ВДИ. № 3.
- Васильев Л. С.*, 1955. Бань Чао в Западном крае // ВДИ. № 1.
- Васильева Г. П.*, 1952. Итоги работ Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945—1948 гг. М. (ТХЭ. Т. 1).
- Викторова В. Д.*, 1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск.
- Викторова Л. Л.*, 1980. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.
- Винник Д. Ф.*, 1967. Пятьдесят лет советской археологии в Киргизии // СА. № 4.
- Винник Д. Ф.*, 1970. Работы в Узгенском оазисе // АО 1969 г.
- Винник Д. Ф.*, 1975. Археологическая карта Тонской долины // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе.
- Винник Д. Ф., Кубатбеков М.*, 1977. Катакомбные могильники в местности Ничке // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
- Винник Д. Ф., Лесищенко Н. С., Санаров А. В.*, 1977. Новый жертвенный комплекс Исеык-Куля // АО 1976 г.
- Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. Т. 13.
- Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д.*, 1965. Кызылкумская бирюза // СЭ. № 2.
- Виноградов В. Б.*, 1961. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сб. МГУ.
- Витт В. О.*, 1937. Лошади Древнего Востока // Конские породы в Средней Азии. М.
- Витт В. О.*, 1952. Лошади Пазырыкских курганов // СА. Т. 16.
- Вишневская О. А.*, 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака // ТХЭ. Т. 8.
- Вишневская О. А., Итина М. А.*, 1971. Ранние саки Приаралья // ПСА.
- Владимиров В. Н., Глоба Г. Д.*, 1981. Раскопки у с. Белый Бом // АО 1980 г.
- Владимиров В. Н., Шульга П. И.*, 1984. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул.
- Воеводский М. В., Грязнов М. П.*, 1938. У-суньский могильник на территории Киргизской ССР: К истории у-суней // ВДИ. № 3.
- Волков В. В.*, 1967. Бронзовый и ранний железный век северной Монголии. Улан-Батор.
- Волков В. В.*, 1972. Раскопки в Монголии // АО 1971 г.
- Волков В. В.*, 1976. Археологические исследования в Монголии // АО 1975 г.
- Волков В. В.*, 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.
- Волков В. В.*, 1983. Археологические исследования в МНР // АО 1981 г.
- Волков В. В., Новгородова Э. А.*, 1975. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // ПСА.
- Воробьева М. Г.*, 1959. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 4).
- Воробьева М. Г.*, 1967. Керамика // Кой-Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. М. (ТХЭ. Т. 5).
- Воронец М. Э.*, 1951. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревской в 1947 г. // ТМИН УзССР. Вып. 1.
- Воронец М. Э.*, 1954. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. // ТМИН УзССР. Вып. 2.
- Боскресенский А. А., Кононов В. Н.*, 1932. Химико-технологический анализ большого ковра № 145 668 // ИГАИМК. Т. 11, вып. 7/9.
- Вязьмитина М. И.*, 1954. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- Вяткина К. В.*, 1961. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сб. МАЭ. Л. Т. 20.
- Гаврилова А. А.*, 1957. Раскопки Второго Карагандинского могильника // СА. Т. 27.
- Гаврилова А. А.*, 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.
- Гаврилова А. А.*, 1980. Узор иранской ткани 5-го Пазырыкского кургана (реконструкция) // СЭ. Вып. 45.
- Гайдукевич В. Ф.*, 1952. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане // СА. Т. 16.
- Галибин В. А.*, 1983. Состав стекла в памятниках Красноярского края (V в. до н. э.—I в. н. э.) // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Галкин Л. Л.*, 1983. Разведки и раскопки в северо-восточном Прикаспии // АО 1981 г.
- Галкин Л. Л.*, 1984. Работы в северо-восточном Прикаспии // АО 1982 г.
- Галкин Л. Л.*, 1985. Памятники северо-восточного Прикаспия // АО 1983 г.
- Галкин Л. Л.*, 1986. Работы в северо-восточном Прикаспии // АО 1984 г.
- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.*, 1957а. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. № 3.
- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.*, 1957б. Актанский могильник // КСИИМК. Вып. 69.
- Гапоненко В. М.*, 1963. Наскальные изображения Таласской

- долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
- Гаррутт В. Е., Юрьев К. Б., 1959. Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949—1956 гг. // Археологический сб. Улан-Удэ. Вып. 1.
- Гафуров Б. Г., 1972. Таджики. М.
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И., 1980. Александр Македонский и Восток. М.
- Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И., 1978. Физическая география СССР. М.
- Генинг В. Ф., 1962. Курганы у г. Шадринска // ВАУ. Вып. 4.
- Генинг В. Ф., 1972. Южное Приуралье III—VII вв. н. э.: Проблемы этноса и его происхождение // ПАДИУ.
- Генинг В. Ф., 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. № 4.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969. Курганы у оз. Фоминцево // ВАУ. Вып. 8.
- Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С., 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // ПХКПАПЗС.
- Генинг В. Ф., Едодимов В. В., 1969. Старо-Масляное поселение // ВАУ. Вып. 8.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., 1984. Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири // СА. № 2.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., 1985. Комплекс раннего железного века на Чупинском поселении // КСИА. Вып. 184.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В., 1970. Памятники железного века в Омском Прииртышье // ПХКПАПЗС.
- Генинг В. Ф., Позднякова М. К., 1964. Прыговское городище на р. Исети // ВАУ. Вып. 6.
- Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу. М.
- Гинзбург В. В., 1952. Материалы к изучению древнего населения Восточного Казахстана // КСИЭ. Вып. 14.
- Гинзбург В. В., 1956. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // ТИЭ. Т. 33.
- Гинзбург В. В., 1960. Антропологическая характеристика саков южного Памира // КСИИМК. Вып. 80.
- Гинзбург В. В., 1961. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана // ТИЭ. Т. 71.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
- Глазунова А. Д., Сергеева Н. Ф., 1976. О химическом составе Закаменского клада // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск.
- Глоба Г. Д., 1983. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 гг. Горно-Алтайск.
- Голдина Р. Д., 1969. Городище Кучум-Гора // ВАУ. Вып. 8.
- Голодников К., 1879. Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и Тобольские в особенности. Тобольск.
- Горбунова Н. Г., 1961. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине // СГЭ. Вып. 21.
- Горбунова Н. Г., 1962. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5.
- Горбунова Н. Г., 1966 [Рец.] // АСГЭ. Вып. 8.— Рец. на кн.: Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
- Горбунова Н. Г., 1976. Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии: Древность и средние века. М.
- Горбунова Н. Г., 1979. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры // ТГЭ. Т. 20.
- Горбунова Н. Г., 1981. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э. // АСГЭ. Вып. 22.
- Горбунова Н. Г., 1983. Кугайско-карабулакская культура Ферганы // СА. № 3.
- Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З., 1957. Могильник Хангиз // ИООН АН ТаджССР. Вып. 14.
- Гозман И. И., 1954. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селеги // КСИЭ. Вып. 20.
- Гозман И. И., 1958. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. МАЭ. М.; Л. Т. 18.
- Гозман И. И., 1960. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. БКНИИК СО АН СССР. Улан-Удэ. Вып. 3.
- Гозман И. И., 1967. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья // СЭ. № 6.
- Гозман И. И., 1980. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования палеоантропологии и краниологии СССР. Л. (Сб. МАЭ. Т. 36).
- Граков Б. Н., 1928. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда // ТСА РАНИОН. Т. 4.
- Грач А. Д., 1971. Новые данные о древней истории Тувы // Уч. зап. ГувНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 15.
- Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Григорьев В. В., 1871. О скифском народе саках. СПб.
- Григорьев Г. В., 1948. Келесская степь в археологическом отношении: К истории культуры древних саков // ИАН КазССР. № 46. Сер. археологич. Вып. 1.
- Гришин Ю. С., 1960. Производство в тагарскую эпоху // МИА. № 90.
- Гришин Ю. С., 1962. Древние памятники среднего течения р. Онона // МАС.
- Гришин Ю. С., 1968. О плиточных могилах восточного Забайкалья // СА. № 1.
- Гришин Ю. С., 1971. Об одной писанице на плите тагарского кургана из Минусинской котловины // КСИА. Вып. 128.
- Гришин Ю. С., 1975а. О древней добыче металлов в юго-восточном Забайкалье // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Гришин Ю. С., 1975б. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М.
- Гришин Ю. С., 1978. Раскопки гуинских погребений у горы Дархан // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
- Гришин Ю. С., 1980. О фигурных плиточных могилах Забайкалья и Монголии // КСИА. Вып. 162.
- Гришин Ю. С., 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.
- Гришин Ю. С., 1983. О роли и месте забайкальского центра медно-бронзовой металлургии в эпоху бронзы и раннего железа // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск.
- Громов Л. В., 1960. Исторические исследования — на службу поиску полезных ископаемых: Древняя металлургия Хакасско-Минусинской котловины // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан. Т. 8.
- Грум-Гржимайло Г. Е., 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.
- Грязнов М. П., 1930. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск. Вып. 2.
- Грязнов М. П., 1933. Боярская писаница // ПИМК. № 7/8.
- Грязнов М. П., 1939а. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства [макет]. М.; Л. Т. 2.
- Грязнов М. П., 1939б. Массажеты и саки // История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства [макет]. М.; Л. Т. 2.
- Грязнов М. П., 1940. Раскопки на Алтае // СГЭ. Вып. 1.
- Грязнов М. П., 1941. Древняя бронза Минусинских степей // ТОИПКГЭ. Т. 1.
- Грязнов М. П., 1945. [Рец.] // КСИИМК. Вып. 11.— Рец. на кн.: Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
- Грязнов М. П., 1947. Памятники майэмрского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. 18.
- Грязнов М. П., 1949. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. Вып. 26.
- Грязнов М. П., 1950а. Первый Пазырыкский курган. Л.
- Грязнов М. П., 1950б. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. Т. 12.
- Грязнов М. П., 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. Т. 16.
- Грязнов М. П., 1956а. История древних племен верхней Оби // МИА. № 48.
- Грязнов М. П., 1956б. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61.
- Грязнов М. П., 1959. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э. // Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л.
- Грязнов М. П., 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Вып. 3.
- Грязнов М. П., 1965. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. Вып. 100.

- Грязнов М. П., 1966. Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.
- Грязнов М. П., 1968. Тагарская культура // История Сибири. Л. Т. 1.
- Грязнов М. П., 1970. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып. 122.
- Грязнов М. П., 1971. Миниатюры таштыкской культуры: Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // АСГЭ. Вып. 13.
- Грязнов М. П., 1977. Бык в обрядах и культах // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Грязнов М. П., 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып. 154.
- Грязнов М. П., 1979а. Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.
- Грязнов М. П., 1979б. Таштыкская культура // Грязнов М. П. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Грязнов М. П., 1980. Аржан: Царский курган раннесакского времени. Л.
- Грязнов М. П., 1983а. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Грязнов М. П., 1983б. Раннесакские памятники Киргизии в свете событий VIII—VII вв. до н. э. в степях Евразии // Культура и искусство Киргизии: ТДВНК.
- Грязнов М. П., Завитудина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С., 1979. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Грязнов М. П., Максименков Н. А., 1972. Обследование берегов Красноярского моря // АО 1971 г.
- Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1973. Курганы Аржан — могила «царя» раннескифского времени // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 16.
- Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х., 1975. Курганы Аржан по раскопкам 1973—1974 гг. // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 17.
- Грязнов М. П., Пшеницына М. Н., 1966. Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш // КСИА. Вып. 107.
- Гулямов Я. Г., 1951. Отчет о работе 3 отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // ТИИА АН УзССР. Т. 4.
- Гумилев Л. Н., 1960. Хунну. М.
- Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955. Археологический очерк Исафаринского р-на. Сталинабад.
- Давыдова А. В., 1956. Иволгинское городище: К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье // СА. Т. 25.
- Давыдова А. В., 1959. Гуннские памятники Забайкалья // Т. ВКНИИ СО АН СССР. Вып. 1.
- Давыдова А. В., 1960. Новые данные об Иволгинском городище // Тр. ВКНИИ СО АН СССР. Вып. 3.
- Давыдова А. В., 1965. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Давыдова А. В., 1971а. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. № 1.
- Давыдова А. В., 1971б. Раскопки Иволгинского могильника // АО 1970 г.
- Давыдова А. В., 1975. О классификации памятников хунну // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие ТД на конференции. Ноябрь. Л.
- Давыдова А. В., 1978. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // КСИА. Вып. 154.
- Давыдова А. В., 1980. Новые данные о поселении хунну у с. Дурены // АО 1979 г.
- Давыдова А. В., 1982. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // СА. № 2.
- Давыдова А. В., 1983. Письменные и археологические источники о скотоводстве у сюнну // Историческая этнография, традиции и современность. Л.
- Давыдова А. В., 1985. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.
- Давыдова А. В., Миняев С. С., 1975. Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // АО 1974 г.
- Давыдова А. В., Миняев С. С., 1976. Раскопки поселения сюнну у с. Дурены // АО 1975 г.
- Давыдова А. В., Шилов В. П., 1953. К вопросу о земледелии у гуннов // ВДИ. № 2.
- Дальверзинтене — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Дандамаев М. А., 1963а. Поход Дария против скифского племени тиграхауда // КСИА. Вып. 61.
- Дандамаев М. А., 1963б. Иран при первых Ахеменидах. М.
- Дебец Г. Ф., 1932. Равовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // Антропологический журнал. № 2.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Нов. сер. Т. 4.
- Дебец Г. Ф., 1952. Череп человека из плиточной могилы в Херексурун-Ури (Забайкалье) // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ. Т. 16.
- Денисов Е. П., 1979. Раскопки могильника Ксиров // АО 1978 г.
- Денисов Е. П., 1981. Продолжение исследования могильника на р. Ксиров // АО 1980 г.
- Дёрфер Г., 1986. О языке гуннов/Пер. В. Г. Гузева // Зарубежная тюркология: Древнетюркские языки и литературы. М. Т. 1.
- Диков Н. Н., 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.
- Дмитриев П. А., 1928. Мысовские стоянки и курганы // ТСА РАНИОН. Т. 4.
- Дмитриева П. А., 1948. Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. Вып. 19.
- Доватур А. И., Калустов Д. П., Шишова И. А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарии. М.
- Доржсурэн Ц., 1961. Умард Хунну. Уланбаатар.
- Доржсурэн Ц., 1962. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на р. Хуни-гол (1954—1957 гг.) // МАС.
- Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
- Древности Чарвака. Ташкент, 1976.
- Древности Чардары. М., 1968.
- Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
- Дремов В. А., 1973. Антропологические материалы из тагарских курганов Кемеровской обл. // Из истории Сибири. Томск. Вып. 7.
- Дремов В. А., 1978. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья: Усть-Тартасский могильник // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.
- Дуке Х., 1982. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент.
- Дульзон А. П., 1968. О древней центральноазиатской языковой общности // ТТГУ. Т. 197.
- Льяконов М. М., Мандельштам А. М., 1958. Средняя Азия в III—IV вв. // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. н. э. М.
- Дьяконова В. П., 1970а. Археологические раскопки на могильнике Кокзель в 1966 г. // ТТКАЭЭ. Т. 3.
- Дьяконова В. П., 1970б. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокзель: По результатам раскопок за 1963, 1965 гг. // ТТКАЭЭ. Т. 3.
- Дэзлет М. А., 1958. Погребальные сооружения тагарской культуры // ВМГУ. Сер. ист.-филологич. № 4.
- Дэзлет М. А., 1961. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях // СА. № 4.
- Дэзлет М. А., 1964. Керамика позднеатагарских курганов Красноярского р-на // СА. № 2.
- Дэзлет М. А., 1965. Большая Боярская писаница // СА. № 3.
- Дэзлет М. А., 1966. Племена бассейна среднего Енисея в раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Дэзлет М. А., 1968. Из истории освоения металлургии железа на среднем Енисее // СА. № 1.
- Дэзлет М. А., 1975. Памятники «скифского» времени в северо-восточной Туве // ПАС.
- Дэзлет М. А., 1976а. Боярская писаница. М.
- Дэзлет М. А., 1976б. Петроглифы Улуг-Хема. М.
- Дэзлет М. А., 1976в. К истории исследования памятников тагарской культуры // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.
- Дэзлет М. А., 1976г. О происхождении минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Дэзлет М. А., 1976д. Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя // Из истории Сибири. Томск. Вып. 21.
- Дэзлет М. А., 1980а. Петроглифы Мугур-Саргола. М.
- Дэзлет М. А., 1980б. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.—I в. н. э. // САИ. Вып. Д4-7.
- Дэзлет М. А., 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.

- Дзвлет М. А., 1985. К истории исследования петроглифов Енисея: Работы А. В. Адрианова // Археология Южной Сибири. Кемерово. Вып. 13.
- Евтюхова Л. А., 1946. Древнекитайское здание на среднем Енисее // ВДИ. № 1.
- Евтюхова Л. А., 1947. Развалины дворца в земле «Хягас» // КСИИМК. Вып. 21.
- Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940. Чаатас у с. Копены // Тр. ГИМ. Вып. 11.
- Евтюхова Л. А., Левашева В. П., 1946. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. Вып. 12.
- Евтюхова Л. А., Терехова Н. Н., 1965. Плиточные могилы Кондуйской долины // Новое в советской археологии. М. (МИА. № 130).
- Елин В. Н., Васютин А. С., 1984. Новые материалы предтюркского времени из восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Елин В. Н., Васютин А. С., 1986. Воинское погребение предкудургинского времени на могильнике Кок-Паш из восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Елькина М. В., 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири (ВАУ. Вып. 15). Свердловск.
- Ермолаева А. С., 1983. Раскопки могильника у с. Измайловка // АО 1981 г.
- Ермолаева А. С., 1985. Исследования на левом берегу Иртыша в Восточном Казахстане // АО 1983 г.
- Ермолова Н. М., Марков Ю. Н., 1983. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Ефимов В. Г., Паульс Е. Д., 1987. К методике исследования позднеатарских склепов из работ Среднеазиатской экспедиции на Означенской оросительной системе // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТДОНК. Омск.
- Жданко Т. А., 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Жуков В. Д., 1951. Отчет о работе 2-го отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // ТИИА АН УзССР. Т. 4.
- Завитухина М. П., 1961. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. 3.
- Завитухина М. П., 1966а. Курганый могильник Сростки II на Алтае // СГЭ. Вып. 27.
- Завитухина М. П., 1966б. Курганы у с. Быстриянского в Алтайском крае // АСГЭ. Вып. 8.
- Завитухина М. П., 1968а. Ордынские курганы V—IV вв. до н. э. // АСГЭ. Вып. 10.
- Завитухина М. П., 1968б. Раскопки тагарских курганов на Енисее // ТД научн. сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1967 г. Л.
- Завитухина М. П., 1976. Таштыкская культура на Енисее (I в. до н. э.— V в. н. э.) // Древняя Сибирь: Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири». Л.
- Заднепровский Ю. А., 1959. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа // ТКАЭЭ. Т. 3.
- Заднепровский Ю. А., 1960а. Археологические работы в южной Киргизии в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 78.
- Заднепровский Ю. А., 1960б. Археологические памятники южных районов Омской обл. Фрунзе.
- Заднепровский Ю. А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.
- Заднепровский Ю. А., 1971. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э.— V в. н. э. // СИНВ. Вып. 10.
- Заднепровский Ю. А., 1975а. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э.— VI в. н. э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.
- Заднепровский Ю. А., 1975б. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // ЦАКЭ. Т. 2.
- Заднепровский Ю. А., 1975в. Вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников Средней Азии // УСА. Вып. 3.
- Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К., 1984. Кочевники в VI в. до н. э.— середине VI в. н. э. // История Киргизской ССР. Фрунзе. Т. 1.
- Зайцев М. А., Свинин В. В., 1978. Могильник раннего железного века Хужир II (о-в Ольхон на Байкале). Иркутск.
- Замоторин И. М., 1959. Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. № 1.
- Замоторин И. М., 1963. О возможности установления относительных датировок территориально удаленных сооружений методом анализа древесных стволов в условиях Горного Алтая // СА. № 2.
- Запорожская В. Д., Конопацкий А. К., 1980. Древние изваяния Сибири: Путеводитель. Новосибирск.
- Засецкая И. П., 1982. Погребение у с. Кызыл-Адыр Оренбургской обл.: К вопросу о гунно-хуннских связях // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
- Захариева Е. И., 1974. Археологическое дерево как исторический источник: Дендрохронология Саяно-Алтайских курганов в VIII—III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Захариева Е. И., 1976. Дендрохронологические исследования кургана Аржан // СА. № 1.
- Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.
- Зданович Г. Б., 1964. Находки из кургана на р. Куртамыш // ВАУ. Вып. 6.
- Зданович Г. Б., 1967. Лихачевское городище на р. Ишим // V Уральское археологическое совещание: Тез. докл. и сообщений. Сыктывкар.
- Зданович Г. Б., 1969. Покровский могильник на р. Ишим // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Зданович С. Я., 1979. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Зеймаль Е. В., 1968. Кушанская хронология: Материалы к проблеме. Душанбе.
- Зеймаль Е. В., 1972. Тали-Барзинский клад монет с изображением лучника // СГЭ. Вып. 34.
- Зелинский А. Н., 1960. Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа // СА. № 3.
- Зелинский А. Н., 1965. Древнее погребение на южном Памире // СИНВ. Вып. 4.
- Зима Б. М., 1941. Иссykkульские жертвенники. Фрунзе.
- Зима Б. М., 1982. Иссykkульские жертвенники // Зима Б. М. Избранные научные труды по истории компартии Киргизии и истории КиргССР. Фрунзе.
- Зуев Ю. А., 1957. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине I в. до н. э. // ИАН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права. Вып. 2 (5).
- Зуев Ю. А., 1974. Юечжи и кушаны в свете китайских источников // ЦАКЭ. Т. 1.
- Зуев Ю. А., 1977. Политическая история хуннов, усуней и кангюев // История Казахской ССР. Алма-Ата. Т. 1.
- Зырянов А. Н., 1863. Курганы у с. Замараевского Шадринского уезда // ИРАО. Т. 4.
- Зырянов А. Н., 1881. Курганы и городища Шадринского уезда Пермской губернии и находки в них // ЗУОЛЕ. Т. 7, вып. 3.
- Иванов В. В., Топоров В. Н., 1980. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира [Энцикл.]. М. Т. 1.
- Иванова Л. А., 1982. Этнография и искусство Океании // ВАН СССР. № 1.
- Иессен А. А., 1952. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. Т. 16.
- Иессен А. А., 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. Т. 18.
- Ильинская В. А., 1971. Образ копчачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. № 2.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. Скифия VII—VI вв. до н. э. Киев.
- Иностранцев К. А., 1926. Хунну и гунны. Л.
- Исмагулов О., 1962. Антропологическая характеристика усуней Семиречья // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 16.
- Исмагулов О., 1982. Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата.
- История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1951. Т. 1.
- История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1977. Т. 1.
- История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. Т. 1.
- История таджикского народа с древнейших времен до V в. н. э. М., 1963. Т. 1.
- История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1, кн. 1.
- Итина М. А., 1961. Раскопки могильника тазабагыябской

- культуры Кокча 3 // Могилиник бронзового века Кокча 3. М. (МХЭ. Вып. 5).
- Итина М. А.*, 1977. История ственных племен южного Приуралья, II — начало I тысячелетия до н. э. М. (ТХЭ. Т. 10).
- Итина М. А.*, 1979. От редактора // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Итина М. А.*, 1981. Хорезмская экспедиция — основные итоги и перспективы исследований // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Итина М. А.*, 1984а. Загадочные огады на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Итина М. А.*, 1984б. Охранные археологические работы в Хорезме: Итоги и перспективы // СЭ. № 1.
- Кабанов С. К.*, 1969. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА. № 1.
- Кабанов С. К.*, 1973. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Ташкент. Т. 2.
- Кабанов С. К.*, 1981. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент.
- Кабо В. Р.*, 1972 [Рец.] // СЭ. № 2. — Рец. на кн.: *Lommel A.* Geschichte der Menschheit. Zürich, 1970.
- Кадырбаев М. К.*, 1959. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7.
- Кадырбаев М. К.*, 1966. Памятники тасмолинской культуры // *Маргулан А. Х.*, *Акишев К. А.*, *Кадырбаев М. К.*, *Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Кадырбаев М. К.*, 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Кадырбаев М. К.*, 1977. Восточный Казахстан // История Казахской ССР. Алма-Ата. Т. 1.
- Кадырбаев М. К.*, *Марьяшев А. Н.*, 1977. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата.
- Кадыров Э.*, 1975а. Древние погребальные памятники Ферганы как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ташкент.
- Кадыров Э.*, 1975б. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы: По материалам раскопок могильника Гурмирон в 1973 г. // УСА. Вып. 3.
- Камеицкий И. С.*, *Кропоткин В. В.*, 1962. Погребение гунского времени близ Танаиса // СА. № 3.
- Кармышева Б. Х.*, 1969. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.) // СЭ. № 3.
- Карцов В. Г.*, 1929. Материалы к археологии Красноярского р-на. Красноярск.
- Кацурис К.*, *Бураков Ю.*, 1963. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяуркалы // ТЮТАКЭ. Т. 12.
- Кибиров А. К.*, 1959а. Археологические памятники Чаткала // ТКАЭЭ. Т. 2.
- Кибиров А. К.*, 1959б. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953—1955 гг. // ТКАЭЭ. Т. 2.
- Кипарисова Н. П.*, 1960. О культурах лесного Зауралья // СА. № 2.
- Кириллов И. И.*, 1979. Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. Иркутск.
- Кириллов И. И.*, *Кириллов О. И.*, 1985. Новые данные о культурно-исторических контактах восточнoзabайкальских племен в эпоху бронзы // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск.
- Кирюшин Ю. Ф.*, 1979. Работы Алтайской экспедиции // АО 1978 г.
- Кирюшин Ю. Ф.*, 1980. Работы Алтайской экспедиции // АО 1979 г.
- Киселев С. В.*, 1928. Тагарская культура // ТСА РАНИОН. Т. 4.
- Киселев С. В.*, 1929. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова. Минусинск. Т. 6, вып. 2.
- Киселев С. В.*, 1947. Алтай в скифское время // ВДИ. № 2.
- Киселев С. В.*, 1949. Древняя история Южной Сибири. М.: Л. (МИА. № 9).
- Киселев С. В.*, 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Киселев С. В.*, 1956. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // ТД на сессии Отд-ния исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.
- Киселев С. В.*, 1957. Древние города Монголии // СА. № 2. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
- Кияткина Т. П.*, 1976. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе.
- Кияткина Т. П.*, 1977. Антропологические работы в долине Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
- Клейн Л. С.*, 1979. Проблема X // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.
- Клеменц Д. А.*, 1886. Древности Минусинского музея. Томск.
- Кляшторный С. Г.*, 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
- Ковалевская В. Б.*, 1979. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пяжки // САИ. Вып. Е1-2.
- Коваленко Т.*, 1972. Реставрация гипсовых погребальных масок // СГЭ. Вып. 35.
- Кожанов С. Г.*, 1984. Колесный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. Новосибирск.
- Кожин Ш. М.*, 1972. Новые материалы сарматского времени на юге Тюменской обл. // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.
- Кожомбердиев И. К.*, 1960. Новые данные о Кенкольской могильнике // КСИИМК. Вып. 80.
- Кожомбердиев И. К.*, 1963. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
- Кожомбердиев И. К.*, 1972. Раскопки Токтогульского отряда // АО 1971 г.
- Кожомбердиев И. К.*, 1975а. Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.
- Кожомбердиев И. К.*, 1975б. Искусство саков Тянь-Шаня // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.
- Кожомбердиев И. К.*, 1975в. Культура кочевников Тяньшань-Алая первой половины I тысячелетия н. э.: По материалам катакомбных курганов // ЦАКЭ. Т. 2.
- Кожомбердиев И. К.*, 1976. Работы в Кум-Арыке // АО 1975 г.
- Кожомбердиев И.*, 1977а. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
- Кожомбердиев И. К.*, 1977б. Материалы для археологической карты Кетмень-тубинской котловины // Кетмень-Тюбе. Фрунзе.
- Кожомбердиев И. К.*, 1979. Сакская культура долины Кетмень-Тюбе // Тез. докл. конференции «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент.
- Кожомбердиев И. К.*, 1980. Раскопки в ущелье Кара-Куль // АО 1979 г.
- Кожомбердиев И. К.*, 1981. Работы Курсайского отряда // АО 1980 г.
- Кожомбердиев И.*, 1983а. Памятники ранних кочевников в Киргизии: Саки Тянь-Шаня и Алая // Культура и искусство Киргизии: ТДВНК.
- Кожомбердиев И.*, 1983б. Кенкольская культура // Культура и искусство Киргизии: ТДВНК.
- Кожомбердиев И. К.*, 1986. Культура ранних кочевников западного Тянь-Шаня: По материалам курганных могильников VI в. до н. э.— VII в. н. э. долины Кетмень-Тюбе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Козникова В. И.*, 1964. Гайратте // СА. № 3.
- Козинцев А. Г.*, 1971. Демография тагарских могильников // СЭ. № 6.
- Козинцев А. Г.*, 1977. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.
- Козлов П. К.*, 1925. Ноин-Улинские памятники // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.
- Кой-Крылганкала* — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967 (ТХЭ. Т. 5).
- Коляков С. М.*, 1983. Раскопки на поселении Гяур 3 // АО 1982 г.
- Коляков С. М.*, 1984. Раскопки на поселении Гяур 3 // АО 1983 г.
- Козарова М. Н.*, 1952. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 24.
- Коновалов П. Б.*, 1970. По следам Ю. Д. Талько-Грынцевича // Материалы по истории, филологии Центральной Азии. Улан-Удэ. Т. 4.

- Коновалов П. Б., 1973а. Новые данные по культуре хунну // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: ТД Всесоюзной конференции. Новосибирск.
- Коновалов П. Б., 1973б. Раскопки в Ильмовой пади // АО 1972 г.
- Коновалов П. Б., 1974а. О погребальном обряде хунну // Этнографический сб. Улан-Удэ. Т. 6.
- Коновалов П. Б., 1974б. Раскопки курганов хуннской знати // Этнографический сб. Улан-Удэ. Т. 6.
- Коновалов П. Б., 1975а. Погребальные памятники хунну: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Коновалов П. Б., 1975б. Погребальные сооружения хунну // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск. Т. 3.
- Коновалов П. Б., 1976а. Окончание раскопок хуннского кургана в Ильмовой пади // АО 1975 г.
- Коновалов П. Б., 1976б. Хунну в Забайкалье: Погребальные памятники. Улан-Удэ.
- Коновалов П. Б., 1985. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск.
- Коновалов П. Б., Свинин В. В., Зайцев М. А., 1983. Могильник Адай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск.
- Копылов И. И., 1953. Сакские племена Сырдарьи и Семиречья по археологическим данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Копылов И. И., 1957а. Находка скифского шлема в Семиречье // Уч. зап. ААГПИ. Сер. обществ.-политич. Алма-Ата. Т. 14.
- Копылов И. И., 1957б. Из истории техники литейного дела в сакское время // Уч. зап. ААГПИ. Сер. обществ.-политич. Алма-Ата. Т. 14.
- Копылов И. И., 1958. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины // Уч. зап. КазГПИ. Алма-Ата. Т. 15, вып. 2.
- Копылова Л. И., 1974. Раскопки у с. Старая Преображенка // ИИС. Вып. 15.
- Корпусова В. Н., Белозор В. П., 1980. Могила киммерийского воина у Джанкой в Крыму // СА. № 3.
- Корякова Л. Н., 1977. Ансамбль некрополя саргатской культуры // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 14).
- Корякова Л. Н., 1979а. К вопросу об этносе саргатской культуры // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар.
- Корякова Л. Н., 1979б. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка // СА. № 2.
- Корякова Л. Н., 1979в. Роль географического фактора в сложении саргатской культуры // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Корякова Л. Н., 1981а. Саргатская культура раннего железного века западносибирской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Корякова Л. Н., 1981б. Хронология погребений саргатской культуры // ВАУ. Вып. 15.
- Корякова Л. Н., 1984. Поселения саргатской культуры // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 17).
- Корякова Л. Н., Сергеев А. С., 1986. Географический аспект хозяйственной деятельности саргатской культуры // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск (ВАУ. Вып. 18).
- Корякова Л. Н., Стефанов В. И., 1981. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. № 2.
- Косарев М. Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Косинская Л., 1974. Обследование неолитических поселений по Ишиму и Иртышу // ИИС. Вып. 15.
- Косинцев П. А., 1986. Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск (ВАУ. Вып. 18).
- Кошелев Г. А., 1968. Парфия // ВДИ. № 1.
- Краснов Ю. А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Краснов Ю. А., 1986. Пахотные орудия хунну // КСИА. Вып. 186.
- Крашенинников И. М., 1927. Характеристика растительного покрова Центрального Казахстана. Л. Вып. 3.
- Крашенинникова Н. И., 1966. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса // Тр. ТашГУ. Вып. 295.
- Кривоша-Гракова О. А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. Вып. 17.
- Крис Х. И., 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д1-7.
- Крупнов Е. И., 1958. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. № 68.
- Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кубарев В. Д., 1972. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск. Ч. 1.
- Кубарев В. Д., 1976. Работы в Горном Алтае // АО 1975 г.
- Кубарев В. Д., 1977. Первые работы в долине р. Юстыд // АО 1976 г.
- Кубарев В. Д., 1978. Курганы Юстыда // АО 1977 г.
- Кубарев В. Д., 1979. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск.
- Кубарев В. Д., 1980а. Археологические памятники Кош-Агачского р-на // Археологический поиск: Северная Азия. Новосибирск.
- Кубарев В. Д., 1980б. Разведки и раскопки на Алтае // АО 1979 г.
- Кубарев В. Д., 1981. Работы на Алтае // АО 1980 г.
- Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.
- Кубарев В. Д., Гребенщиков А. В., 1979. Курганы Чуйской степи: По материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 г. // Сибирь в древности. Новосибирск.
- Кубарев В. Д., Журавлева А. Д., 1986. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск.
- Кузьмин Н. Ю., 1982. Возможности интерпретации некоторых черт погребального обряда народов Сибири в гунно-сарматское время // Проблемы археологии и этнографии Сибири: ТД. Иркутск.
- Кузьмин Н. Ю., 1983. Новые памятники тесинского времени на юге Хакасии и изучение древнекочевнических обществ // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: ТД к Всесоюзному совещанию «Археология в XI пятилетке». Л.
- Кузьмин Н. Ю., 1985а. К реконструкции погребального обряда населения Минусинской котловины в скифское время: По материалам Среднеисейской экспедиции // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: ТД. Л.
- Кузьмин Н. Ю., 1985б. Раскопки тесинского погребального комплекса на юге Хакасии // АО 1983 г.
- Кузьмин Н. Ю., 1986. Курган Большое Русло в Хакасии // АО 1984 г.
- Кузьмин Н. Ю., 1987. К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТДОНК. Омск.
- Кузьмин Н. Ю., 1988. Тесинский могильник у д. Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири по материалам раскопок 1980—1984 гг. Л.
- Кузьмин Н. Ю., Варламов О. Б., 1988. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже эры: Опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.
- Кузьмина Е. Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4-9.
- Кузьмина Е. Е., 1970. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. Вып. 122.
- Кузьмина Е. Е., 1974. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков. Алма-Ата.
- Кузьмина Е. Е., 1975. [Рец.] // СА. № 2. — Вишневская О. А. Культура сакских племен низовой Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. М., 1973 (ТХЭ. Т. 8).
- Кузьмина Е. Е., 1977а. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.
- Кузьмина Е. Е., 1977б. В стране Кавата и Афрасиаба. М.
- Кузьмина Е. Е., 1980. Проблема реконструкции идеологических представлений сако-скифов // Идеологические представления древних обществ: ТД. М.
- Кузьмина Е. Е., Сарипиди В. И., 1982. Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика // КСИА. Вып. 170.
- Кузьминных С. В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.
- Кузнецов-Красноярский И. П., 1908. Минусинские древности. Томск.
- Куйбышев А. В., Медникова Э. М., Могильников В. А., Невзоров С. В., Суразаков А. С., Уманский А. П., 1977. Работы Алтайской экспедиции // АО 1976 г.

- Кулемзин А. М., 1970. Работы Акташского отряда Алтайской экспедиции // АО 1969 г.
- Кулемзин А. М., 1971. Работы Кузбасской археологической экспедиции // АО 1970 г.
- Кулемзин А. М., 1982. Воины древнего тагарского общества // Археология Северной Азии. Новосибирск.
- Кулькова Т. Ф., 1975. Химическое исследование глиняных «голов» из склепов и могил тесинского этапа // КСИА. Вып. 142.
- Кунгуров А. Л., 1980. Разведки на востоке Алтайского края // АО 1979 г.
- Кунгуров А. Л., 1981. Работы Бийского отряда // АО 1980 г.
- Кушаев Г. А., 1956. Два типа курганных погребений правобережья р. Или: По материалам Илийской экспедиции 1954 г. // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Кушаев Г. А., 1963. Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н. э. — III в. н. э.) // Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата.
- Кушаев Г. А., 1968. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Кушера-Грозевская А. Н., 1929. Один из типов сарматского меча // Изв. Нижневолжского ин-та краеведения. Саратов. Т. 3.
- Кызласов И. Л., 1973. О происхождении стремян // СА. № 3.
- Кызласов И. Л., 1985а. Гуннский напильник // КСИА. Вып. 184.
- Кызласов И. Л., 1985б. Орудия таштыкских ювелиров: К истории ремесленного производства в Южной Сибири // СА. № 1.
- Кызласов Л. Р., 1958. Этапы древней истории Тувы // ВМГУ. Сер. ист.-филологич. № 4.
- Кызласов Л. Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Кызласов Л. Р., 1963. Хакасская археологическая экспедиция 1959 г. // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан. Вып. 9.
- Кызласов Л. Р., 1969а. История Тувы в средние века. М.
- Кызласов Л. Р., 1969б. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М.
- Кызласов Л. Р., 1970. Раскопки в Оглах-тах // АО 1969 г.
- Кызласов Л. Р., 1971. Хакасская археологическая экспедиция 1969 г. // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан. Вып. 16.
- Кызласов Л. Р., 1972. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. М.
- Кызласов Л. Р., 1977. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. № 2.
- Кызласов Л. Р., 1978. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. Вып. 154.
- Кызласов Л. Р., 1979. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.
- Кызласов Л. Р., 1981. Древняя культура чаатас VI—IX вв. // Стени Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М.
- Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х., 1950. Плиточные оградки могильника Бегазы // КСИИМК. Вып. 32.
- Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., 1952 [Рец.] // ВДИ. № 1. — Рец. на кн.: Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с.
- Кюннер П. В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
- Ларичев В. Е., 1959. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сб. Улан-Удэ. Т. 1.
- Ларичев В. Е., 1961. Бронзовый век северо-восточного Китая // СЭ. № 1.
- Латынин Б. А., Оболюева Т. Г., 1959. Исфаринские курганы: К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы // КСИИМК. Вып. 76.
- Лебедев А. И., 1984. Новые памятники раннего железного века на северо-востоке Башкирии // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа.
- Лебедев А. И., 1986. К вопросу о населении северо-восточной Башкирии в эпоху раннего железа // Источники по истории и культуре Башкирии: ТД. Уфа.
- Левашева В. П., 1928. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926—1927 гг. // Изв. Западно-Сибирского музея. Омск. Вып. 1.
- Левашева В. П., 1939. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск.
- Левашева В. П., 1948. Два сосуда из курганов Омской обл. // КСИИМК. Вып. 20.
- Левашева В. П., 1949. Варианты таштыкских погребений в Минусинском р-не и Хакасской а. о. // КСИИМК. Вып. 24.
- Левашева В. П., 1956. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 32).
- Левашева В. П., 1958. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры // СА. № 1.
- Левашева В. П., 1962. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии // Историко-археологический сб. М.
- Левашева В. П., Рыгдылов Э. Р., 1952. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее // КСИИМК. Вып. 13.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. № 4.
- Левина Л. М., 1966. Керамика и вопросы хронологии памятников Джетысарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Левина Л. М., 1967. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Левина Л. М., 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетысарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Левина Л. М., 1971. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М. (ТХЭ. Т. 7).
- Левина Л. М., 1974. Работы в Джетысарском урочище // АО 1973 г.
- Левина Л. М., 1975. Новые исследования памятников джетысарской культуры в восточном Приаралье // Ранние ковчежки Средней Азии и Казахстана. Л.
- Левина Л. М., 1977. Исследования в Джетысарском урочище // АО 1976 г.
- Левина Л. М., 1979а. Исследования в Джетысарском урочище // АО 1978 г.
- Левина Л. М., 1979б. Поселения VII—V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Левина Л. М., 1980. Раскопки городищ Джетысарского урочища // АО 1979 г.
- Левина Л. М., 1981а. Исследования в Джетысарском урочище // АО 1980 г.
- Левина Л. М., 1981б. Среднеазиатские связи джетысарской культуры в I тысячелетии н. э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Левина Л. М., 1983. Исследования в Джетысарском урочище // АО 1981 г.
- Левина Л. М., 1986. Раскопки памятников Джетысарского урочища // АО 1984 г.
- Лерх П. И., 1868. Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. // ОАК за 1867 г. СПб.
- Либеров П. Д., 1960. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. № 53.
- Либеров П. Д., 1963. Памятники скифского времени на среднем Дону // САИ. М. Вып. Д1-31.
- Лившиц В. А., 1980. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Липский А. Н., 1957. Раскопки 1953 г. в Хакасии // КСИИМК. Вып. 70.
- Липский А. Н., 1966. Погребения тагарских воинов на р. Бидже // СА. № 2.
- Литвинский Б. А., 1960. «Саки, которые за Согдом» // ТАН ТаджССР. Т. 120.
- Литвинский Б. А., 1961а. Раскопки могильников на восточном Памире в 1958 г. // ТИИ АН ТаджССР. Т. 27.
- Литвинский Б. А., 1961б. Раскопки могильников на восточном Памире в 1959 г. // ТИИ АН ТаджССР. Т. 31.
- Литвинский Б. А., 1962. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Каракумов // Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Каракумов. Душанбе.
- Литвинский Б. А., 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2.
- Литвинский Б. А., 1967. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. № 2.
- Литвинский Б. А., 1968. Кангюйско-сарматский фарн: К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии. Душанбе.
- Литвинский Б. А., 1969. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Литвинский Б. А., 1972а. Курганы и курумы западной Ферганы. М.

- Литвинский Б. А.*, 1972б. Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Литвинский Б. А.*, 1973а. Украшения из могильников западной Ферганы. М.
- Литвинский Б. А.*, 1973б. Керамика из могильников западной Ферганы. М.
- Литвинский Б. А.*, 1976. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.
- Литвинский Б. А.*, 1978. Орудия и утварь из могильников западной Ферганы. М.
- Литвинский Б. А.*, 1980. Сакская проблема [Выступление при обсуждении дискуссионных проблем отечественной скифологии] // НАА. Вып. 6.
- Литвинский Б. А.*, 1985. Ареал древнепамирской культуры // Памироведение. Душанбе. Вып. 2.
- Литвинский Б. А.*, *Бубнова М. А.*, 1962. Раскопки курганов на восточном Памире в 1960 г. // ТИИ АН ТаджССР. Т. 34.
- Литвинский Б. А.*, *Погребова М. Н.*, *Раевский Д. С.*, 1985. К ранней истории саков Восточного Туркестана // НАА. Вып. 5.
- Литвинский Б. А.*, *Седов А. В.*, 1983. Тепан-шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М.
- Литвинский Б. А.*, *Седов А. В.*, 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.
- Лозовиц В. А.*, 1963. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.
- Лозовиц В. А.*, 1968. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Лозовиц В. А.*, 1979. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Лозовиц В. А.*, *Хазанов А. М.*, 1979. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тузгыр // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Лубо-Лесниченко Е. И.*, 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.
- Мадар Д.*, 1970. Три карты городов и поселений Монголии. Улан-Батор.
- Майский И.*, 1921. Современная Монголия. Иркутск.
- Максименков Г. А.*, 1961. Новые данные по археологии района Красноярска // ВИСДВ.
- Максименков Г. А.*, 1968. Раскопки Черновского отряда // АО 1967 г.
- Максименков Г. А.*, 1975. О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Максименков Г. А.*, 1979. О подходе к изучению памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. ТДВАК. Кемерово.
- Макимова А. Г.*, 1959. Усунские курганы левобережья р. Или // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (9).
- Макимова А. Г.*, 1960. Курганы сакского времени могильника Джувантобе // КСИИМК. Вып. 80.
- Макимова А. Г.*, 1962. Погребальные сооружения скотоводческих племен // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 14.
- Макимова А. Г.*, 1968. Курганные могильники // *Макимова А. Г.*, *Мерциев М. С.*, *Вайнберг Б. И.*, *Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата.
- Макимова А. Г.*, 1969. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Макимова А. Г.*, 1970. Цепочка курганов из могильника Караша I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Макимова А. Г.*, 1972. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Макимова А. Г.*, 1973. Курумы хребта Каратау // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
- Макимова А. Г.*, 1975. Узун-Булак и Шошкала — могильники усуньского времени // Древности Казахстана. Алма-Ата.
- Макимова А. Г.*, 1978. Еще один курган Иссыкского могильника // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Макимова А. Г.*, 1980. Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Макшеев А. И.*, 1856. Описание низовьев Сырдарьи // Морской сб. СПб. Т. 23, № 9 [Отд. оттиск].
- Маловицкая Л. Я.*, 1949 (1950). Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. // ИАН КазССР. № 67. Сер. археологич. Вып. 2.
- Мамадаков Ю. Т.*, 1983. Работы Онгудайского отряда // АО 1981 г.
- Мамадаков Ю. Т.*, 1985. Новые материалы гунио-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла: Межвузовский сб. Барнаул.
- Мамонова Н. Н.*, 1974. К антропологии гунов Забайкалья // Расо-генетические процессы в этнической истории. М.
- Мамонова Н. Н.*, 1979. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III конгресс монголоведов. Улан-Батор.
- Мамонова Н. Н.*, *Тугутов Р. Ф.*, 1959. Раскопки гунского могильника в Черемуховой пади // Археологический сб. БМНИИК. Улан-Удэ. Т. 1.
- Мандельштам А. М.*, 1957. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. // ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. 53.
- Мандельштам А. М.*, 1958. К вопросу о кидаритах // КСИЭ. Вып. 30.
- Мандельштам А. М.*, 1963. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения южного Туркменистана в античную эпоху // ИАН ТуркССР. Сер. обществ. наук. Вып. 2.
- Мандельштам А. М.*, 1966а. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136.
- Мандельштам А. М.*, 1966б. Погребения срубной культуры в южной Туркмении // КСИА. Вып. 108.
- Мандельштам А. М.*, 1967. Исследование могильников Бай-Даг II и Часкал II // АО 1966 г.
- Мандельштам А. М.*, 1971. Мешрепихатинский могильник // КСИА. Вып. 128.
- Мандельштам А. М.*, 1972. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л.
- Мандельштам А. М.*, 1974. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // ЦАКЭ. Т. 1.
- Мандельштам А. М.*, 1975а. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии. Л.
- Мандельштам А. М.*, 1975б. К гунской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск.
- Мандельштам А. М.*, 1975в. О некоторых проблемах изучения истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // УСА. Вып. 3.
- Мандельштам А. М.*, 1976. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. Вып. 147.
- Мандельштам А. М.*, 1978а. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М.
- Мандельштам А. М.*, 1978б. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // КСИА. Вып. 154.
- Мандельштам А. М.*, 1981. Могильник Джанак I // КСИА. Вып. 167.
- Мандельштам А. М.*, 1983а. Заметки об археологических памятниках усуней // Культура и искусство Киргизии: ТДВНК.
- Мандельштам А. М.*, 1983б. Исследование на могильном поле Аймырдыг: Некоторые итоги и перспективы // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Мандельштам А. М.*, *Стамбульник Э. У.*, 1977. Работы второго отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1976 г.
- Мандельштам А. М.*, *Стамбульник Э. У.*, 1980. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
- Маннай-оол М. Х.*, 1968. Оленные камни Тувы // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 13.
- Маннай-оол М. Х.*, 1970. Тува в скифское время: Уюкская культура. М.
- Манялов Ю. П.*, 1975. Курганы VI—V вв. до н. э. в Хорезме // ОНУ. № 3.
- Маргулан А. Х.*, 1948. Археологические разведки в Центральном Казахстане // ИАН КазССР. № 46. Сер. историч. Вып. 4.
- Маргулан А. Х.*, 1950. Отчет о работах Центральноказахстан-

- ской археологической экспедиции 1947 г. // ИАН КазССР. № 67. Сер. археологич. Вып. 2.
- Маргулан А. Х., 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // ИАН КазССР. № 108. Сер. археологич. Вып. 3.
- Маргулан А. Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Марков Г. Е., 1973. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // СЭ. № 1.
- Марков Г. Е., 1976. Кочевники Азии. М.
- Марков Г. Е., 1981. Скотоводческое хозяйство и кочевничество: Дефиниции и терминология // СЭ. № 4.
- Марсадалов Л. С., 1981а. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае: По раскопкам Г. П. Сосновского и Г. П. Сергеева // АСГЭ. Вып. 22.
- Марсадалов Л. С., 1981б. Исследования в Онгудаиском и Улаганском районах Горного Алтая // АО 1980 г.
- Марсадалов Л. С., 1981в. О дендрохронологии памятников ранних кочевников Саяно-Алтая // Контакты и взаимодействие древних культур: Краткие ТД к научной конференции Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л.
- Марсадалов Л. С., 1982. Зеркало из Алтайской коллекции Н. К. Фролова // СГЭ. Вып. 47.
- Марсадалов Л. С., 1984. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Вып. 25.
- Марсадалов Л. С., 1985. Хронология курганов Алтая (VIII—IV вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Мартьянов А. И., 1972. Тусульские курганы тагарской культуры // ИЛАИ. Вып. 4.
- Мартьянов А. И., 1973а. Материалы раскопок тагарских курганов у с. Некрасово // ИЛАИ. Вып. 6.
- Мартьянов А. И., 1973б. Ягуния. Кемерово.
- Мартьянов А. И., 1974. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника // СА. № 4.
- Мартьянов А. И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск.
- Мартьянов А. И., 1983. Историография археологии Сибири. Кемерово.
- Мартьянов А. И., 1987. Стени Евразии в истории человечества // Проблемы археологии степной Евразии: ТД. Кемерово. Ч. 1.
- Мартьянов А. И., Бобров В. В., 1971. Серебряковский могильник // ИЛАИ. Вып. 3.
- Мартьянов А. И., Мартьянова Г. С., Кулемзин А. М., 1971. Шестаковские курганы. Кемерово.
- Мартьянов А. И., Мартьянова Г. С., Кулемзин А. М., 1979. Конец скифской эпохи в Южной Сибири: Шестаковская культура // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.
- Мартьянов Г. С., 1955. Иссыкская находка // КСИИМК. Вып. 59.
- Мартьянова Г. С., 1971. Памятники ачинско-марининской лесостепи в гунно-сарматское время (III в. до н. э.—V в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Мартьянова Г. С., 1976. Погребения с «кыргызскими вазами» в курганах Михайловского могильника // ИЛАИ. Вып. 7.
- Мартьянова Г. С., Покровская Н. Ф., 1979. Раскопки Третьего Тисульского могильника // Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Марущенко А. А., 1959а. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе южного Туркменистана // ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. 5.
- Марущенко А. А., 1959б. Елькендепе // ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. 5.
- Маршак Б. И., 1971. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // СИНВ. Вып. 10.
- Массон В. М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73.
- Массон В. М., 1981. Алтындепе // ТЮТАКЭ. Л. Т. 18.
- Массон В. М., Алекшин В. А., Боковенко Н. А., 1978. Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» // КСИА. Вып. 154.
- Массон М. Е., 1940. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала // КСИИМК. Вып. 4.
- Матвеев А. В., 1985. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Матвеев А. В., 1986а. К проблеме этногеографии западносибирской лесостепи в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтая: ТД к конференции. Барнаул.
- Матвеев А. В., 1986б. Работы Тюменской экспедиции // АО 1984 г.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1983. Разведки и раскопки на среднем Тоболе // АО 1981 г.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1985. Саргатский могильник у д. Тютрина: По раскопкам 1981 г. // КСИА. Вып. 184.
- Матвеева Г. И., 1981. О происхождении именовской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Матвеева Н. П., 1985а. К вопросу о хронологии саргатских могильников Среднего Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень.
- Матвеева Н. П., 1985б. Работы Исетской экспедиции // АО 1983 г.
- Матвеева Н. П., 1986а. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая: ТД к конференции. Барнаул.
- Матвеева Н. П., 1986б. Работы Лесостепной экспедиции // АО 1984 г.
- Матвеева Н. П., 1987. О скотоводстве саргатских племен лесостепного Приобья // Проблемы археологии степной Евразии: ТД. Кемерово. Ч. 2.
- Материалы по истории сюнну: По китайским источникам/Предисловие, пер. и примеч. В. С. Таскина. Л., 1968. Т. 1.
- Материалы по истории сюнну: По китайским источникам/Предисловие, пер. и примеч. В. С. Таскина. Л., 1973. Т. 2.
- Матющенко В. И., 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: Неолит и бронзовый век. Томск. Ч. 4.
- Матющенко В. И., 1983. Два пути решения проблем хронологии археологических памятников // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: ТД и сообщений к научной конференции (6—8 апреля 1986 г.). Барнаул.
- Матющенко В. И., 1987. Новые материалы скифо-сибирского звериного стиля // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюзной конференции. Суздаль, 1987 г. М.
- Матющенко В. И., 1988. Раскопки у д. Сидоровка в Прииртышье // АО 1986 г.
- Медведская И. Н., 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. № 3.
- Медведская И. Н., 1977. Работы Шаартузского отряда // АО 1976 г.
- Медведская И. Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э. // СА. № 4.
- Медникова Э. М., Могильников В. А., Уманский А. П., Шемякина А. С., Сергин В. Я., 1975. Работы Алейской экспедиции // АО 1974 г.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4.
- Мелюкова А. И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.
- Мерцшев М. С., 1962. Могильник у поселения Актобе // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 14.
- Мерцшев М. С., 1970. Поселение Кзыл-Кайнартобе I—IV вв. и захоронение на нем воина IV—V вв. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Миклашевская Н. Н., 1964. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии // НТТашГУ. Вып. 235: Историч. науки. Кн. 49.
- Миклаух-Маклай Н. Н., 1954. Собр. соч. М. Т. 5.
- Минко М. К., 1907. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде // ЗУОЛЕ. Т. 36.
- Миняев С. С., 1975. К хронологии сюннских памятников Забайкалья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие ТД на конференции. Л.
- Миняев С. С., 1976. Бактрийские латуны в сюннских памятниках // Бактрийские древности. Л.
- Миняев С. С., 1978. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.
- Миняев С. С., 1979а. Культурные скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТДВАК. Кемерово.

- Миняев С. С., 1979б. Спектральный анализ бронз из погребений у горы Тепсей // *Грязнов М. П.* и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Миняев С. С., 1980. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями: По данным спектрального анализа // *Дзюлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины, II в. до н. э.— I в. н. э. // САИ. Вып. Д4-7.
- Миняев С. С., 1981. К проблеме выделения гуннских памятников Сибири // *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири.* Томск.
- Миняев С. С., 1982. Бронзовые изделия хунну: Типология, производство, распространение: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Миняев С. С., 1983а. Хуннские бронзы на среднем Енисее // *Древние культуры евразийских степей.* Л.
- Миняев С. С., 1983б. Производство бронзовых изделий у сюнну // *Древние горняки и металлурги Сибири: Межвузовский сб.* Барнаул.
- Миняев С. С., 1985. К топографии курганных памятников сюнну // *КСИА.* Вып. 184.
- Миняев С. С., 1987а. Дэрестуйский могильник и проблема периодизации сюннских памятников // *Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТДОНК.* Омск.
- Миняев С. С., 1987б. Происхождение сюнну: Современное состояние проблемы // *Проблемы археологии степной Евразии.* Кемерово.
- Миняев С. С., 1988. К проблеме «поздних» памятников сюнну // *Древние памятники Северной Азии и их охраняемые раскопки.* Новосибирск.
- Михайлов Н. И., 1961. Горы Южной Сибири. М.
- Могильников В. А., 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Могильников В. А., 1967. Исследования в лесостепном Прииртышье // *АО* 1966 г.
- Могильников В. А., 1968а. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II // *КСИА.* Вып. 114.
- Могильников В. А., 1968б. Исследования в Омском Прииртышье // *АО* 1967 г.
- Могильников В. А., 1969а. Исследования в Среднем Прииртышье // *АО* 1968 г.
- Могильников В. А., 1969б. Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья // *Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии».* Новосибирск.
- Могильников В. А., 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // *ПХКПАПЗС.*
- Могильников В. А., 1972а. Исследования в Омском Прииртышье // *АО* 1971 г.
- Могильников В. А., 1972б. К вопросу о саргатской культуре // *ПАДИУ.*
- Могильников В. А., 1972в. Коконовские и Саргатские курганы — памятники эпохи раннего железа западносибирской лесостепи // *Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени.* М.
- Могильников В. А., 1972г. Раскопки 1967 г. в Коконовке // *Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени.* М.
- Могильников В. А., 1972д. Работы Алейской экспедиции // *АО* 1971 г.
- Могильников В. А., 1973. Калачевка — памятник позднего этапа саргатской культуры // *Проблемы археологии Урала и Сибири.* М.
- Могильников В. А., 1974. Работы в Омском Прииртышье // *ИИС.* Вып. 15.
- Могильников В. А., 1976. Некоторые аспекты хозяйства племен лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа // *ИИС.* Вып. 21.
- Могильников В. А., 1977. Основные линии развития Зауралья и Западной Сибири в эпоху железа // *VI Уральское археологическое совещание: ТД.* Нижний Тагил.
- Могильников В. А., 1978. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // *Ранний железный век Западной Сибири.* Томск.
- Могильников В. А., 1979а. Исследования в Среднем Прииртышье // *АО* 1978 г.
- Могильников В. А., 1979б. К вопросу о причинах и характере миграций в лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // *Особенности естественногеографической среды и исторические процессы в Западной Сибири.* Томск.
- Могильников В. А., 1980а. К вопросу о компонентах этногенеза алтайских тюрок // *Барнаул 250 лет: ТД и сообщений к научной конференции.* Барнаул.
- Могильников В. А., 1980б. О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века: Итоги и проблемы изучения // *Скифо-сибирское культурно-историческое единство.* Кемерово.
- Могильников В. А., 1980в. Исследования в Притоболье // *АО* 1979 г.
- Могильников В. А., 1981а. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // *ВАУ.* Вып. 15.
- Могильников В. А., 1981б. Работы Алтайской экспедиции // *АО* 1980 г.
- Могильников В. А., 1982а. О компонентах генезиса саргатской и гороховской культур // *Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: ТД.* Якутск.
- Могильников В. А., 1982б. Особенности этнокультурного развития населения лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // *Проблемы археологии и этнографии Сибири: ТД региональной конференции (7—9 апреля 1982 г.).* Иркутск.
- Могильников В. А., 1983а. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // *Этнокультурные процессы в Западной Сибири.* Томск.
- Могильников В. А., 1983б. [Рец.] // *СА.* № 4.— Рец. на кн.: *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.
- Могильников В. А., 1983а. Курганы Кара-Коба II // *Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 гг.* Горно-Алтайск.
- Могильников В. А., 1983г. Курганы Кызыл-Джар I, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // *Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая.* Горно-Алтайск.
- Могильников В. А., 1983д. Курганы Кызыл-Джар II и V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. // *Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая.* Горно-Алтайск.
- Могильников В. А., 1985. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII—VI вв. до н. э. // *КСИА.* Вып. 184.
- Могильников В. А., 1986а. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // *Материалы по археологии Горного Алтая.* Горно-Алтайск.
- Могильников В. А., 1986б. О взаимоотношениях населения кулайской и саргатской культур // *КСИА.* Вып. 186.
- Могильников В. А., 1988. Работы Алтайской экспедиции // *АО* 1986 г.
- Могильников В. А., Куйбышев А. В., 1978. Работы в Среднем Прииртышье // *АО* за 1977 г. М.
- Могильников В. А., Куйбышев А. В., Суразаков А. С., 1978. Раскопки в Кызыл-Джаре // *АО* 1977 г.
- Могильников В. А., Суразаков А. С., 1980. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаял // *СА.* № 2.
- Могильников В. А., Уманский А. П., 1981. Курганы раннего железного века на Чумыше // *КСИА.* Вып. 167.
- Могильников В. А., Цепкин Е. А., 1968. Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа // *СА.* № 3.
- Мокрый В. П., 1977. Раннеочевнические курганы в урочище Теке-Таш // *Кетмень-Тюбе.* Фрунзе.
- Мокрый В. П., Гаврюшенко П. П., 1975. Курганы сакского времени долины р. Тон // *Археологические памятники Прииссыккуля.* Фрунзе.
- Мокрый В. П., Лубо-Лесниченко Е. И., Шер Я. А., 1977. Работы Южнокиргизского отряда // *АО* 1976 г.
- Молодин В. И., 1983. Бараба в древности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
- Молодин В. И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.
- Молодин В. И., Петрин В. Т., 1985. Разведки в Горном Алтае // *Алтай в эпоху камня и раннего металла.* Барнаул.
- Молодин В. И., Полосьяк Н. В., 1979. Курган 58 Преображенского могильника // *Сибирь в древности.* Новосибирск.
- Морозов В. И., Суханова Т. И., 1987. Исследования Северного отряда // *АО* 1985 г.
- Монгайт А. Л., 1974. Археология Западной Европы: Бронзовый и железный век. М.
- Мошинская В. И., 1953а. Городище и курганы Потчеваш // *МИА.* № 35.

ЛИТЕРАТУРА

- Мошинская В. И., 1953б. Материальная культура и хозяйство Усть-Подуя // МИА. № 35.
- Мошинская В. И., 1957. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 58.
- Мошинская В. И., 1965. Археологические памятники Северо-Западной Сибири // САИ. Вып. ДЗ-8.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10.
- Мошкова М. Г., 1969. Погребения VI—IV вв. до н. э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. М.
- Мошкова М. Г., 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.
- Мошкова М. Г., 1973. Сарматы и Средняя Азия: ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Мошкова М. Г., Генинг В. Ф., 1972. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.
- Мурзаев Э. М., 1957. Средняя Азия: Физико-географический очерк. М.
- Мяжков И. М., 1927. Находки на горе Кулайке // ТТОКМ. Т. 1.
- Мяжков И. М., 1929. Древности Нарымского края в собрании Томского краеведческого музея // ТТКМ. Т. 2.
- Наваан Д., 1974. Керамика из плиточных могил по р. Онон // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Нащекин Н. В., 1967. Косогольский клад // АО 1966 г.
- Нейгардт А. А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
- Неразик Е. Е., 1963. Предки таджикского народа в IV—V вв. // История таджикского народа. М. Т. 1.
- Неразик Е. Е., 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
- Неразик Е. Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.) // ТХЭ. Т. 9.
- Низовья Амударья, Сарыкамыш, Узбой: История формирования и заселения. М., 1960 (МХЭ. Вып. 3).
- Николаев Р. В., 1961. Есаульский клад // СА. № 3.
- Николаев Р. В., 1963. Курганы тагарской эпохи у г. Красноярск // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
- Николаев Р. В., 1980. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
- Новгородова Э. А., 1975. Карасукские традиции в раннескифском монументальном искусстве Монголии // Древний Восток. М.
- Нурмуханбетов Б. Н., 1974. Раскопки погребальных памятников в Южном Казахстане // АО 1973 г.
- Нурмуханбетов Б. Н., 1975. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата.
- Нурмуханбетов Б. Н., 1976. Могильник Мардан — погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
- Нурмуханбетов Б. Н., 1978. Могильник Мардан // КСИА. Вып. 154.
- ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
- ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
- ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
- Обельченко О. В., 1956. Куюмазарский могильник // ТИИА АН УзССР. Т. 8.
- Обельченко О. В., 1957. Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Куюмазарского могильника // ТСАГУ. Нов. сер. Вып. 111: Историч. науки. Кн. 25.
- Обельченко О. В., 1961. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2.
- Обельченко О. В., 1962а. Могильник Акджартепе // ИМКУ. Вып. 3.
- Обельченко О. В., 1962б. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника // КСИА. Вып. 91.
- Обельченко О. В., 1963. Курганы около сел. Хазара // ИМКУ. Вып. 4.
- Обельченко О. В., 1964. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // ИМКУ. Вып. 5.
- Обельченко О. В., 1965. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // ИМКУ. Вып. 6.
- Обельченко О. В., 1966. Сазаганские курганы // ИМКУ. Вып. 7.
- Обельченко О. В., 1967. Погребение сарматского типа под Самаркандом // СА. № 2.
- Обельченко О. В., 1968. Лявандакская пряжка: К истории кушан // ОНУ. № 8.
- Обельченко О. В., 1969. Мпранкульские курганы // ИМКУ. Вып. 8.
- Обельченко О. В., 1972. Агалыксайские курганы // ИМКУ. Вып. 9.
- Обельченко О. В., 1973. Курганы в окрестностях Самарканда // Афраснаб. Ташкент. Т. 2.
- Обельченко О. В., 1974. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М. Т. 1.
- Обельченко О. В., 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. № 4.
- Оболдуева Т. Г., 1948. Курганы каунчинской и джунской культуры в Ташкентской обл. // КСИИМК. Вып. 23.
- Оболдуева Т. Г., 1951. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // ТИИА АН УзССР. Т. 4.
- Оганесян К., 1961. Арин-Берд. Ереван.
- Окладников А. П., 1937. Очерки из истории западных бурят-монголов Л.
- Окладников А. П., 1950а. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 18.
- Окладников А. П., 1950б. О раскопках в долине р. Селенги // Зап. БМНИИГ. Улан-Удэ. Т. 10.
- Окладников А. П., 1950в. Археологические исследования в низовьях Селенги // КСИИМК. Вып. 35.
- Окладников А. П., 1951. Археологические исследования в Бурят-Монголии // ИАН СССР. Сер. истории и философии. Т. 8, вып. 5.
- Окладников А. П., 1952а. О датировке забайкальских писаниц // Зап. БМНИИГ. Улан-Удэ. Вып. 14.
- Окладников А. П., 1952б. Работа Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг. // КСИИМК. Вып. 45.
- Окладников А. П., 1954а. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят // СЭ. № 1.
- Окладников А. П., 1954б. Олений камень с р. Иволги // СА. Т. 19.
- Окладников А. П., 1955а. История Якутской АССР. М.; Л.
- Окладников А. П., 1955б. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 43. Ч. 3.
- Окладников А. П., 1959. Триподы за Байкалом // СА. № 3.
- Окладников А. П., 1962. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир: Сб. статей, посвященных акад. В. В. Струве. М.
- Окладников А. П., 1971. Многослойное поселение Санний Мыс па р. Уде // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск. Вып. 2.
- Окладников А. П., 1972. Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований: Итоги и проблемы // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита.
- Окладников А. П., 1975. Древнее Забайкалье: Культурно-исторический очерк // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск. Ч. 2.
- Окладников А. П., 1976. История и культура Бурятии. Улан-Удэ. Предисловие.
- Окладников А. П., 1980. Археология Тувы: Итоги и проблемы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1969. Петроглифы Забайкалья. Л. Ч. 1.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. Л. Ч. 2.
- Окладников А. П., Кириллов И. И., 1980. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск.
- Оразбаев А. М., 1958. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5.
- Оразов А., 1975. О типах скотоводства в Ахале в конце XIX — начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1929.
- Павлов П. Г., 1987. Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТДОНК. Омск.

- Памятники культуры и искусства Киргизии: Древность и средневековье: Каталог выставки Гос. Эрмитажа. Л., 1983.
- Паульс Е. Д., 1983. Переходные карасук-тагарские памятники в южной части Минусинской котловины // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Паульс Е. Д., Подольский М. Л., Кузьмин Н. Ю., 1981. Раскопки могильника у д. Калы // АО 1980 г.
- Первозчиков И. В., 1967. Антропологический тип «кенкольцев» // ВА. Вып. 25.
- Первозчиков И. В., 1970. К палеоантропологии населения Алая в сакское время // ВА. Вып. 34.
- Першиц А. И., 1982. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.
- Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д4-5.
- Петренко В. Г., 1980. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополе // КСИА. Вып. 162.
- Петров К. И., 1981. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе.
- Пилипко В. Н., 1975. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад.
- Пилипко В. Н., 1984. Поселение раннежелезного века Гарры-Кяриз // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад.
- Плахов А. П., 1899. О раскопках курганов в Тобольской губернии // Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела РГО за 1897 г. Омск.
- Погожева А. П., 1978. Погребения ранних кочевников на западе Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Погожева А. П., 1981. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // АО 1980 г.
- Подольский М. Л., 1980. Местные и «инородные» элементы ранней тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского историко-культурного единства. Кемерово.
- Подольский М. Л., Тетерин Ю. В., 1979. Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы // АО 1978 г.
- Подольский М. Л., Кузьмин Н. Ю., 1980. Раскопки на территории Означенной оросительной системы // АО 1979 г.
- Полосьмак Н. В., 1981. Саргатские курганы у г. Куйбышева (лесостепная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск.
- Полосьмак Н. В., 1984. Глиняные блюда саргатской культуры // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. ТД Второй археологической конференции. Кемерово.
- Полосьмак Н. В., 1985. Культура населения западной Барабы в скифо-сарматское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Полосьмак Н. В., 1986. Культурная принадлежность гороховской группы памятников // КСИА. Вып. 186.
- Полосьмак Н. В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.
- Полосьмак Н. В., Гребнев Е. И., 1986. Особенности естественно-географической среды и хозяйственная деятельность населения Барабы в раннем железном веке // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск.
- Полторацкая В. Н., 1961. Могильник Березовка I // АСГЭ. Вып. 5.
- Полторацкая В. Н., 1962. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // АСГЭ. Вып. 5.
- Полторацкая В. Н., 1966. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: По раскопкам С. А. Теплоухова // АСГЭ. Вып. 8.
- Попов С. А., 1964. Археологические находки в Оренбургской обл. // АЭБ. Т. 2.
- Потапов Л. П., 1936. Очерки по истории Шории. М.; Л.
- Потапов Л. П., 1984. Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Саяно-Алтайского региона // Роль географического фактора в докапиталистических обществах. Л.
- Потемкина Т. М., 1969. Раскопки у с. Раскатиша на р. Тобол // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск. Вып. 4.
- Потемкина Т. М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притобья. М.
- Пугаченкова Г. А., 1976. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры северного Афганистана // Древняя Бактрия. М.
- Пугаченкова Г. А., 1978. Дальверзинтене и некоторые общие вопросы истории и культуры северной Бактрии. Ташкент *Пулбиланк Э. Дж.*, 1986. Язык сюнну/Пер. К. Б. Кепинг // Зарубежная тюркология. М. Вып. 1: Древние тюркские языки и литературы.
- Шишеницна М. Н., 1964. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее // КСИА. Вып. 102.
- Шишеницна М. Н., 1968. Работы Позднетагарского отряда // АО 1967 г.
- Шишеницна М. Н., 1973а. Тагарские могильники у пос. Разлив на Енисее // АО 1972 г.
- Шишеницна М. Н., 1973б. Большой курган — склеп II—I вв. до н. э. у горы Барсучиха на Енисее: ТД на секциях, посвященных итогам археологических исследований 1971 г. М.
- Шишеницна М. Н., 1974. Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 г.
- Шишеницна М. Н., 1975а. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л.
- Шишеницна М. Н., 1975б. Глиняная «голова» — предшественник таштыкской гипсовой маски // КСИА. Вып. 142.
- Шишеницна М. Н., 1979. Тесинский этап // Грязнов М. П. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Шишеницна М. Н., Завьялов В. А., Пяткин Б. Н., 1975. Раскопки на территории Красноярского водохранилища // АО 1974 г.
- Шишеницна М. Н., Подольский М. Л., 1977. Работы Бейской экспедиции // АО 1976 г.
- Шишеницна М. Н., Немировская Е. Л., Ефимов В. Г., 1978. Раскопки памятников тесинского этапа у горы Тепсей на Енисее // АО 1977 г.
- Шишеницна М. Н., Поляков А. С., Подольский М. Л., Савинов Д. Г., Кузьмин Н. Ю., 1979. Работы Среднеенисейской экспедиции на юге Хакасии // АО 1978 г.
- Шеницинюк А. Х., 1968. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. 3.
- Шеницинюк А. Х., 1973. Кара-абызская культура: Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры // АЭБ. Т. 5.
- Пьянков И. В., 1964. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. № 3.
- Пьянков И. В., 1968. «Саки»: Содержание понятия // ИООН АН ТаджССР. Вып. 3 (53).
- Пьянков И. В., 1975. Массагеты Геродота // ВДИ. № 2.
- Пьянков И. В., 1985. К вопросу о саках на Памире // Памироведение. Вып. 2. Душанбе.
- Перлээ Х., 1957а. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. № 3.
- Перлээ Х., 1957б. Хунн нарын гурван хэрмийн улдэц [Остатки трех городищ хунну] // ШУХХ. Улаанбаатар.
- Перлээ Х., 1957в. Хэрлэн Барс гэдэг эвдэрхий хотыг малтан шинжилсэн тухай [О раскопках развалии Хэрлэн Барсхот] // ШУХБ. Улаанбаатар.
- Радлов В. В., 1884. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. СПб. Т. 11.
- Радлов В. В., 1888. Сибирские древности. СПб. Т. 1, вып. 1 (МАР. № 3).
- Радлов В. В., 1894. Сибирские древности // МАР. № 15.
- Радлов В. В., 1895. Сибирские древности: Из путевых заметок по Сибири // ЗРАО. Нов. сер. Т. 7, вып. 3/4.
- Раевский Д. С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Раевский Д. С., 1983. Антропоморфные и зооморфные мотивы в репертуаре раннескифского искусства: К анализу предпосылки сложения скифского звериного стиля // АСГЭ. Вып. 23.
- Ранов В. А., 1960. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (западный Памир) // ИООН АН ТаджССР. Вып. 1.
- Ранов В. А., 1976. Изучение наскальных изображений западного Памира в 1972 г. // АРТ. Вып. 12.
- Ранов В. А., Гурский А. В., 1966. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской АО ТаджССР // СЭ. № 2.
- Рапопорт Ю. А., 1971. Из истории религии древнего Хорезма // ТХЭ. Т. 6.
- Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С., 1963. Раскопки дворцового здания на городище Кальлыгыр I в 1958 г. // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.
- Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1979. Курганы на возвышенности Чаштепе // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Рибо К., Лубо-Лесниченко Е. И., 1973. Оглахты и Лоулань: Две группы древних художественных тканей // СИНВ. Вып. 15.

- Рижский М. И.*, 1968. Бронзовый век Забайкалья // История Сибири. Л. Т. 1.
- Руденко С. И.*, 1930. К палеоантропологии южного Алтая // Казаки. Л.
- Руденко С. И.*, 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С. И.*, 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С. И.*, 1962а. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. ДЗ-9.
- Руденко С. И.*, 1962б. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.
- Руденко С. И., Глухов А.*, 1927. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л. Т. 3, вып. 29.
- Руднев Н.*, 1900. Следы древних городов по Сырдарье // ПТКЛА. Ташкент. Т. 5.
- Румянцев Г. Н.*, 1953. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ. Вып. 17.
- Рыков П. С.*, 1935. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках. М.; Л. Т. 2.
- Рыков П. С.*, 1936. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой обл., произведенные в 1933—1934 гг. // СА. Т. 1.
- Савельева Т. В.*, 1980. Из истории изучения древностей в районе г. Алма-Аты // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Савинов Д. Г.*, 1969. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. Вып. 119.
- Савинов Д. Г.*, 1972. Археологические памятники хребта Чихачева // АО 1971 г.
- Савинов Д. Г.*, 1973. Работы в Горном Алтае // АО 1972 г.
- Савинов Д. Г.*, 1974. Курганы позднескифского времени в долине Узунтал // АО 1973 г.
- Савинов Д. Г.*, 1975. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.
- Савинов Д. Г.*, 1977. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Савинов Д. Г.*, 1978. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. Вып. 154.
- Савинов Д. Г.*, 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Савинов Д. Г.*, 1986. Могильник Черное озеро I // АО 1984 г.
- Савинов Д. Г., Членова Н. Л.*, 1978. Западные пределы распространения оленних камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
- Саганашвили М. Н.*, 1977. Стекланные сосуды из Тбилиси // КСИА. Вып. 151.
- Салтовская Е. Д.*, 1978. О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Ферганае // КСИА. Вып. 154.
- Сальников К. В.*, 1940. Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. Вып. 5.
- Сальников К. В.*, 1947. Городище Чудаки Челябинской обл. по раскопкам 1937 г. // СА. Т. 9.
- Сальников К. В.*, 1948. Древнейшее население Челябинской обл. Челябинск.
- Сальников К. В.*, 1951. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях // КСИИМК. Вып. 37.
- Сальников К. В.*, 1956. Исетские древние поселения // СА. Т. 25.
- Сальников К. В.*, 1961. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. № 2.
- Сальников К. В.*, 1962а. Иткульская культура: К вопросу о Зауральском ананьине // Краеведческие зап. Челябинск. Вып. 1.
- Сальников К. В.*, 1962б. Царев курган на р. Тобол // ВАУ. Вып. 2.
- Сальников К. В.*, 1965. Кельты Зауралья и Южного Урала // Новое в советской археологии. М.
- Сальников К. В.*, 1966. Об этнической принадлежности населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. № 5.
- Сальников К. В.*, 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Самашев З. С.*, 1981. Исследования в зоне затопления Шульбинской ГЭС // АО 1980 г.
- Самашев З. С.*, 1983. Раскопки могильника Карашат // АО 1981 г.
- Самашев З. С., Боковенко Н. А.*, 1985. Исследования в Семипалатинской обл. // АО 1983 г.
- Самашев З. С., Кулик В. К.*, 1975. Обследование наскальных рисунков Восточного Казахстана // АО 1974 г.
- Самашев З. С., Куц Г. А.*, 1985. Раскопки могильника Желудук // АО 1983 г.
- Сарианиди В. И.*, 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сарианиди В. И.*, 1983. Афганистан: Сокровища безымянных царей. М.
- Седов А. В.*, 1979. Раскопки курганов и поселений в Бешкентской долине // АО 1978 г.
- Седых В. Н.*, 1983. Работы на юге Хакасии // АО 1981 г.
- Семенов В. А.*, 1983. Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Семенов Л. Ф.*, 1930. Материал к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа // Вестник Центрального музея Казахстана. № 1.
- Семенов Ю. И.*, 1982. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. № 2.
- Семенов А. А., Романова Е. И., Долуханов П. М.*, 1969. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // СА. № 1.
- Сергеева Н. Ф.*, 1981. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск.
- Серебряный Л. Р., Пшенин Г. Н., Пунинг Я.-М. К., Халмухамедова Р. А.*, 1980. Новые данные о развитии ландшафтов Ферганы в позднечетвертичное время // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- Симонов А. И.*, 1900. Джеты-асар // Туркестанские ведомости. № 800—817.
- Синицын И. В.*, 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // ИНВИК. Т. 7.
- Синицын И. В.*, 1948. Памятники предскифской эпохи // СА. Т. 10.
- Синицын И. В.*, 1952. Археологические исследования в Саратовской обл. и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. 14.
- Скалон К. М.*, 1941. Изображения животных на керамике сарматского периода // ТОИПКГЭ. Т. 1.
- Скрипкин А. С.*, 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Словцов И. Я.*, 1884. О находках предметов каменного периода близ Тюмени в 1883 г. // Зап. ЗСО РГО. Омск. Кн. 7, вып. 1.
- Смирнов Е. Т.*, 1897. Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарьи // ПТКЛА. Ташкент. Т. 5.
- Смирнов К. Ф.*, 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.
- Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. М.
- Смирнов К. Ф.*, 1974. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. М.
- Смирнов К. Ф.*, 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.*, 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.*, 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9.
- Смирнов Н. Г.*, 1975. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. Вып. 13.
- Соболев В. И.*, 1978. Вознесенское городище — памятник середины II тысячелетия н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Соколова З. П.*, 1957. К истории жилища обских угров // СЭ. № 2.
- Сокольский Н. И.*, 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Сорокин С. С.*, 1954. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. Т. 20.
- Сорокин С. С.*, 1956а. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. Т. 26.
- Сорокин С. С.*, 1956б. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64.
- Сорокин С. С.*, 1958. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Сорокин С. С.*, 1960. Хакский клад // СГЭ. Вып. 19.
- Сорокин С. С.*, 1961а. Железные изделия из Кенкольской коллекции // СГЭ. Вып. 20.
- Сорокин С. С.*, 1961б. Боркорбазский могильник // ТГЭ. Т. 5.
- Сорокин С. С.*, 1962. Доследование Большого Берельского кургана // СГЭ. Вып. 23.

- Сорокин С. С., 1966а. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Вып. 8.
- Сорокин С. С., 1966б. Археологические работы на южном Алтае в 1961—1964 гг. // СГЭ. Вып. 27.
- Сорокин С. С., 1969а. Материалы к археологии Горного Алтая // Уч. зап. Горн.-Алт. НИИЯЛИ. Вып. 8.
- Сорокин С. С., 1969б. Большой Берельский курган: Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг. // ТГЭ. Т. 10.
- Сорокин С. С., 1969в. Новый памятник VII—VI вв. до н. э. на южном Алтае // СА. № 2.
- Сорокин С. С., 1974. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (южный Алтай) // АСГЭ. Вып. 16.
- Сорокин С. С., 1975. О хронологических формулах и значении термина «могильник» // УСА. Вып. 3.
- Сорокин С. С., 1977. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Вып. 18.
- Сорокин С. С., 1981. К вопросу о толковании внекурганых памятников // АСГЭ. Вып. 22.
- Сосновский Г. П., 1928. Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР в 1928 г. // Бурятиеведение. Верхнеудинск. № 1/4.
- Сосновский Г. П., 1933. О находках Оглахтинского могильника // ПИМК. № 7/8.
- Сосновский Г. П., 1933а. К истории добычи олова на востоке СССР // ПИМК. № 9/10.
- Сосновский Г. П., 1934. Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. № 7/8.
- Сосновский Г. П., 1935. Дэрестуйский могильник // ПИДО. № 1/2.
- Сосновский Г. П., 1940. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. Вып. 8.
- Сосновский Г. П., 1941а. Ойротская автономная область // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л.
- Сосновский Г. П., 1941б. Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПГЭ. Т. 1.
- Сосновский Г. П., 1946. Раскопки Ильмовой пади // СА. Т. 8.
- Сосновский Г. П., 1947. О поселении гуинской эпохи в долине р. Чикоя // КСИИМК. Вып. 14.
- Спаская Е. Ю., 1956. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. зап. ААГПИ. Сер. обществ.-политич. Т. 2.
- Спаская Е. Ю., 1958. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии // Уч. зап. КазГПИ. Т. 15, вып. 2.
- Спицын А. А., 1906а. Сибирская коллекция кунсткамеры // ЗОРСАРАО. Т. 8, вып. 1.
- Спицын А. А., 1906б. Зауральские древние городища // ЗОРСАРАО. Т. 8, вып. 1.
- Спришевский В. И., 1956. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории // ТМИ УзССР. Вып. 3.
- Спришевский В. И., 1961. Раскопки Чустского поселения // ОНУ. № 1.
- Ставицкий Б. Я., 1955. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже // КСИИМК. Вып. 60.
- Ставицкий Б. Я., 1977. Кушанская Бактрия // Проблемы истории и культуры. М.
- Степанова Н. Ф., 1986. Куюмский тип памятников VIII—VI вв. до н. э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.
- Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1984. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 17).
- Стоянов В. Е., 1969а. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. Вып. 119.
- Стоянов В. Е., 1969б. Ранний железный век западносибирской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Стоянов В. Е., 1969в. Узловское поселение // ВАУ. Вып. 8.
- Стоянов В. Е., 1970. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // ПХКПАПЗС.
- Стоянов В. Е., 1973. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи: ранний железный век // ВАУ. Вып. 12.
- Стоянов В. Е., 1975. Силовское II поселение: О зауральских памятниках начала железного века // ВАУ. Вып. 13.
- Стоянов В. Е., 1977. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи: Ранний железный век // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск (ВАУ. Вып. 14).
- Стоянов В. Е., Фролов В. Н., 1962. Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. 4.
- Стоянов В. Е., Ширяев А. Г., 1964. Селище Речкино I // ВАУ. Вып. 6.
- Стрелков А. С., 1934. Большой семиреченский алтарь // С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л.
- Струев В. В., 1968. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.
- Ступников Р. Н., 1974. Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской обл. // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск. Вып. 4.
- Субботин А. В., 1983. Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Сунчугашев Я. И., 1969. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.
- Сунчугашев Я. И., 1975. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.
- Сунчугашев Я. И., 1979. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. Новосибирск.
- Суразаков А. С., 1979. Раскопки в Горном Алтае // АО 1978 г.
- Суразаков А. С., 1980. Раскопки могильников в Горном Алтае // АО 1979 г.
- Суразаков А. С., 1981. Исследования у с. Куюс в Горном Алтае // АО 1980 г.
- Суразаков А. С., 1983. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 гг. Горно-Алтайск.
- Суразаков А. С., 1984. Образ фольклорного богатыря в древнем изобразительном искусстве Горного Алтая // Национальное наследие и современность: Сб. статей по алтайскому фольклору и литературе. Горно-Алтайск.
- Суразаков А. С., 1985. Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI — начале II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Суразаков А. С., 1986. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Сухэбатор Г., 1975. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // История и культура востока Азии. Новосибирск. Т. 3.
- Сухбаатар Г., 1976. К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну) // Проблемы Дальнего Востока. Новосибирск. № 1.
- Сырника И. А., 1980. Исследование Борковского городища // АО 1979 г.
- Талицкая И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. № 35.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1898а. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Тр. ТКОПОРГО. Т. 1, вып. 2.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1898б. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 1, вып. 3.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1899. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Тр. ТКОПОРГО. Т. 1, вып. 2.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1900а. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 3, вып. 1.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1900б. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 3, вып. 2/3.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1901. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 4, вып. 2.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1903. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. Т. 6, вып. 2.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1905. Древние абorigены Забайкалья в сравнении с современными инородцами // Тр. ТКОПОРГО. Т. 8, вып. 1.
- Талько-Гринцевич Ю. Д., 1928. Население древних могил и кладбищ забайкальских. Верхнеудинск.
- Таскин В. С., 1968а. Материалы по истории сюнну. М. Вып. 1.
- Таскин В. С., 1968б. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М.
- Таскин В. С., 1973. Материалы по истории сюнну. М. Вып. 2.
- Ташбаева К. И., 1981. Раннекочевнический могильник Джаргата // КСИА. Вып. 167.
- Ташбаева К. И., 1983. О работе Тяньшаньского отряда // АО 1981 г.
- Теплоухов С. А., 1925. Раскопки курганов в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.

- Теплоухов С. А., 1927. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. Т. 3, вып. 2.
- Теплоухов С. А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. Т. 4. Вып. 2.
- Тереножский А. И., 1935. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. // ПИДО. № 5/6.
- Тереножский А. И., 1941. [Рец.] // ИУзФ АН СССР. Сер. обществ. наук. № 2.— Рец. на статью: *Воеводский В. М., Грязнов М. П.* У-суньский могильник на территории Киргизской ССР (ВДИ. 1938. № 3).
- Тереножский А. И., 1950. Согд и Чач // КСИМК. Вып. 33.
- Тереножский А. И., 1971. Скифская культура // ПСА.
- Тереножский А. И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Тиранян Г. А., 1964. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. // СА. № 3.
- Тихонов Б. Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. № 90.
- Толмачев В. Я., 1913. Древности Восточного Урала // ЗУОЛЕ. Т. 33.
- Толстов С. П., 1938. Тирания Абура: Из истории классовой борьбы в Согдиане и Тюркском каганате во второй половине VI в. н. э. // ИЗ. Т. 3.
- Толстов С. П., 1947. Города гузов // СЭ. № 3.
- Толстов С. П., 1948а. Древний Хорезм. М.
- Толстов С. П., 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.
- Толстов С. П., 1949. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 г. // ИАН СССР. Сер. истории и философии. Т. 6, вып. 3.
- Толстов С. П., 1950а. Огузы, печенеги, море Даукара // СЭ. № 4.
- Толстов С. П., 1950б. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949 г. // ИАН СССР. Сер. истории и философии. Т. 7, вып. 6.
- Толстов С. П., 1952. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948) // ТХЭ. Т. 1.
- Толстов С. П., 1954. Археологические работы Хорезмской экспедиции 1951 г. // СА. Т. 19.
- Толстов С. П., 1958а. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. // СЭ. № 1.
- Толстов С. П., 1958б. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. // ТХЭ. Т. 2.
- Толстов С. П., 1961. Приаральские скифы и Хорезм: К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи // СЭ. № 4.
- Толстов С. П., 1962а. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних русле Сырдарьи // СА. № 4.
- Толстов С. П., 1962б. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстов С. П., 1963. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. № 2.
- Толстов С. П., 1970. Работы Хорезмской экспедиции // АО 1969 г.
- Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А., 1960. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. Вып. 4.
- Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А., 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958—1961 гг. // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.
- Толстов С. П., Итина М. А., 1966. Саки низовьев Сырдарьи: По материалам Тагисена // СА. № 2.
- Толстой И., Кондаков Н., 1890. Русские древности в памятниках искусства. СПб., Вып. 3.
- Тончева Г., 1972. Два надгробных монументальных памятника. София.
- Тревер К. В., 1931. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг. // СГАИМК. Л. Вып. 9/10.
- Тревер К. В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.
- Трифонов Ю. И., 1973. Исследования в Минусинской котловине // АО 1972 г.
- Трифонов Ю. И., 1981. Работы на могильнике Джартас // АО 1980 г.
- Трифонов Ю. И., 1985. Исследования в Верхнем Прииртышье // АО 1983 г.
- Троицкая Т. Н., 1968. Поселения VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибирской обл. // КСИА. Вып. 114.
- Троицкая Т. Н., 1970. О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII—I вв. до н. э. // ПХКПАПЗС.
- Троицкая Т. Н., 1972. Новосибирское Приобье в VII—IV вв. до н. э. // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск (Уч. зап. Новосибирск. пед. ин-та. Вып. 38).
- Троицкая Т. Н., 1981. Раскопки курганов у с. Быстровка // АО 1980 г.
- Троицкая Т. Н., 1985. Культуры скифо-сибирского круга в лесостепном Приобье // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск.
- Трофимова Т. А., 1968. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Тузгыр на территории юго-западного Приаралья // Материалы сессии, посвященной итогам полевых исследований 1967 г. М.
- Трофимова Т. А., 1974. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Тузгыр (юго-западное Приаралья) // Расогенетические процессы в этнической истории. М.
- Трудновская С. А., 1963. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // МХЭ. Вып. 6, ч. 1.
- Трудновская С. А., 1979а. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Тузгыр // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Трудновская С. А., 1979б. Об одной редкой серии индийских бус в юго-восточном Приаралье // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Труфанов А. Я., 1984. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.
- Труфанов А. Я., 1986. К вопросу о происхождении саргатской культуры: История изучения проблемы // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск.
- Тумэн Д., 1985. Антропологическая характеристика хунну Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск.
- Умняков И. И., 1940. Тохарская проблема // ВДИ. № 3/4.
- Умняков И. И., 1946. Тохары и тохарский вопрос // ТУЗГУ. Нов. сер. № 31.
- Ураков Б., 1982. Культура Бухарского оазиса второй половины I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Усманова З. И., 1963а. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяуркала // ТЮТАКЭ. Т. 12.
- Усманова З. И., 1963б. Эрккала // ТЮТАКЭ. Т. 12.
- Федоров В. И., 1952. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения // МИА. М.; Л. № 24.
- Фрейман А. А., 1952. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. восточных наук. Л. Т. 128, вып. 3.
- Хабдулина М. К., 1975. Поселение Борки I // Гуманитарные науки. Караганда. Вып. 2.
- Хабдулина М. К., 1976. Курган раннего железного века у с. Кенес // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
- Хабдулина М. К., 1981. Раскопки в Северном Казахстане // АО 1980 г.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хазанов А. М., 1973. О периодизации истории евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. М.
- Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов. М.
- Хамзина Е. А., 1981. Клад бронзовых изделий из Закамны // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск.
- Хамзина Е. А., 1982. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск.
- Хамзина Е. А., 1983. Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск.
- Хлобыстина М. Д., 1963. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Хлопин И. Н., 1980. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 161.
- Ходжайов Т. К., 1980. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент.
- Ходукин Я. Н., 1926. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Иркутск.
- Худяков Ю. С., 1978. О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Цалкин В. И., 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.

- Цзвэндорж Д., 1985. Новые данные по археологии хунну: По материалам раскопок 1972—1977 гг. // Древние культуры Монголии. Новосибирск.
- Чариков А. А., 1971. Коллекция бронзовых котлов из Восточного Казахстана // Информ. бюллетень Министерства культуры КазССР. Алма-Ата.
- Чежина Е. Ф., 1983. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 23.
- Челякин Ю. П., 1981. Городища Барсов Городок 1/13 и 1/14 // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск.
- Чернецов В. Н., 1947. Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК. Вып. 17.
- Чернецов В. Н., 1953а. Бронза усть-полуийского времени // МИА. № 35.
- Чернецов В. Н., 1953б. Усть-полуийское время в Приобье // МИА. № 35.
- Чернецов В. Н., 1953в. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35.
- Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. № 58.
- Черников С. С., 1947. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. Т. 9.
- Черников С. С., 1951а. Восточно-Казахстанская экспедиция // КСИИМК. Вып. 37.
- Черников С. С., 1951б. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // ИАН КазССР. № 108. Сер. археологич. № 3.
- Черников С. С., 1954. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСИИМК. Вып. 53.
- Черников С. С., 1956. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. Вып. 64.
- Черников С. С., 1957а. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. Вып. 26.
- Черников С. С., 1957б. К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК. Вып. 69.
- Черников С. С., 1959. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 73.
- Черников С. С., 1960а. О термине «ранние кочевники» // КСИИМК. Вып. 80.
- Черников С. С., 1960б. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.
- Черников С. С., 1964. Золотой курган Чиликтинской долины // КСИА. Вып. 98.
- Черников С. С., 1965. Загадка Золотого кургана: Где и когда зародилось скифское искусство? М.
- Черников С. С., 1972. Раскопки большого кургана в Чиликтинской долине // ТД на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М.
- Черников С. С., 1975а. Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников // ЦАКЭ. Т. 2.
- Черников С. С., 1975б. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников // ПАС.
- Чеченов Н. М., 1978. Некоторые проблемы истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии // VIII Крупновские чтения: ТД. Нальчик.
- Чиндина Л. А., 1977. Могильник Релка на средней Оби. Томск.
- Членова Н. Л., 1961а. Основные вопросы происхождения тагарской культуры // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Членова Н. Л., 1961б. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Т. 9.
- Членова Н. Л., 1962а. Об оленних камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сб. М.
- Членова Н. Л., 1962б. Скифский олень // МИА. № 115.
- Членова Н. Л., 1963. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА. № 3.
- Членова Н. Л., 1964а. Тагарская культура на Енисее // Древняя Сибирь [макет т. 1 «Истории Сибири»]. Улан-Удэ.
- Членова Н. Л., 1964б. Тагарский курган на р. Изыкчуль // КСИА. Вып. 102.
- Членова Н. Л., 1966. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины // Сибирский археологический сб. Новосибирск.
- Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Членова Н. Л., 1970. Раскопки на северном Алтае // АО 1969 г.
- Членова Н. Л., 1971а. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле // ПСА.
- Членова Н. Л., 1971б. Литейные формы из с. Беклемишево // КСИА. Вып. 127.
- Членова Н. Л., 1971в. Раскопки на северном Алтае // АО 1970 г.
- Членова Н. Л., 1972а. Хронология памятников карасукской эпохи. М.
- Членова Н. Л., 1972б. Золото в карасукскую эпоху // СА. № 4.
- Членова Н. Л., 1973. Тагарская культура // Сов. энцикл. Т. 14.
- Членова Н. Л., 1981. Тагарские лошади // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Шавкунов Э. В., 1973. Обследование гуннских городищ в Монголии // АО 1972 г.
- Шамсутдинов В. Х., 1963. Новые археологические памятники в Забайкалье // Зап. Забайкальского отдела Географического общества СССР. Чита. Вып. 20.
- Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.
- Шер Я. А., Хлобыстин Л. П., 1966. Раскопки на среднем Енисее // АО 1965 г.
- Шер Я. А., Григорьев Г. П., Подольский Н. Л., 1967. Находки на правом берегу Енисея // АО 1966 г.
- Шер Я. А., Савинов Д. Г., Подольский Н. Л., Кляшторный С. Г., 1968. Курганы и писаницы правобережья Енисея // АО 1967 г.
- Шилов В. П., 1959. Бадиновский курганный могильник // МИА. № 60.
- Шилов В. П., 1970. Похождения кочового скотоводства у Східній Европі // Український історичний журнал. № 7.
- Шишкина Г. В., 1969. О местонахождении Мараканды // СА. № 1.
- Шишкина Г. В., 1974. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Ташкент. Вып. 2.
- Шишкина Г. В., 1975. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. № 2.
- Шорин А. Ф., 1979. Курган раннего железного века на южном Урале // Сибирь в древности. Новосибирск.
- Шренк Л., 1899. Об инородцах Амурского края. СПб., Т. 2.
- Шульга П. И., 1986. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI—II вв. до н. э. // Скифская эпоха Алтая: ТД к конференции. Барнаул.
- Шульц В. Л., 1945. Некоторые результаты экспедиции Энергетического ин-та АН УзССР в дельту Амударьи // Бюлл. АН УзССР. Ташкент. № 9/10.
- Эдаков А. В., 1976. Новые надписи Ахеменидов // ВДИ. № 1.
- Эрбели И., 1962. Раскопки в Ноин-Уле // ААН. Т. XIV, fasc. 3/4.
- Эрдели И., 1978. Некоторые итоги работ Монгольско-Венгерской экспедиции // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
- Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
- Юсупов Х., 1972. Археологические работы в предгорьях северо-западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кизил-Арватом // КД. Вып. 4.
- Юсупов Х., 1977. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1971 г. // КД. Вып. 5.
- Юсупов Х., 1978а. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1973 г. // КД. Вып. 7.
- Юсупов Х., 1978б. Курганы Шахсенемкыра // История и археология Средней Азии. Ашхабад.
- Юсупов Х., 1979а. Игдыкала — парфянская крепость на Узбос // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Юсупов Х., 1979б. Курганы могильников Тарым-кая II и III // Кочевники на границах Хорезма. М. (ТХЭ. Т. 11).
- Юсупов Х., 1981. Памятники древних кочевников Заузбойского плато (Чолиягыры) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Юсупов Х., 1982. Новые сведения о древних кочевниках Узбоя // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад.
- Юсупов Х., 1984. Новые данные о курганах Шахсенемгыр // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Юсупов Х., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.
- Яблонский Л. Т., 1981. Погребальный обряд могильника Сакар-чага 1 // Полевые исследования ИЭ за 1981 г. М.
- Яблонский Л. Т., 1983а. Исследование могильника Алтынасар 3 // АО 1981 г.
- Яблонский Л. Т., 1983б. Исследование могильника Сакар-чага 4 // АО 1981 г.

- Яблонский Л. Т., 1984. Раскопки курганов в северной Туркмении // АО 1982 г.
- Яблонский Л. Т., 1985. Раскопки курганов в северной Туркмении // АО 1983 г.
- Яблонский Л. Т., 1986а. К этногенезу населения северной Туркмении: Могильник раннесакского времени Сакарчага 3 // СЭ. № 5.
- Яблонский Л. Т., 1986б. Раскопки курганов в северной Туркмении // АО 1984 г.
- Ягодин В. Н., 1982. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устурте // Археология Приаралья. Ташкент. Вып. 1.
- Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент.
- Ядринцев Н. М., 1891. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.
- Яковенко Э. В., 1973. «Скпетр цариці» з Куль-Оби // Археологія. Київ. Т. 11.
- Яценко И. В., 1959. Скифия VII—V вв. до н. э. М.
- Altheim F., 1959. Geschichte der Hunnen. Berlin.
- Andersson I. G., 1932. Hunting magic in the animal style // The Museum of the Far Eastern Antiquities. Stockholm. Bull. 4.
- Appelgren-Kivalo H., 1931. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsinki.
- Arne T. Y., 1932. Wästsibirisk kultur för 1000 år Sedan. Stockholm, Norstedt.
- Bailey H. W., 1958. Language of the Saka // Handbuch der Orientalistik. Leiden. 1. Abt., Bd 4.
- Behr A., 1888. De Appolodori Artemiteni reliquiis atque aetate. Argontorati.
- Bernard P., 1973. Fouilles d'Aï Khanoum // MDAFA. T. 21.
- Boardman S., 1970. Cireek gems and finger rings Early Bronze Age to late Classical. London.
- Borovka G., 1928. Scythian art. London.
- Brentjes B., 1982. Der Tierstil in Eurasien. Leipzig.
- Castren M. A., 1857. Ethnologische Vorlesungen über die alt-taischen Volker. SPb.
- Dalton O. M., 1964. The Treasure of the Oxus. London.
- Davydova A. V., 1968. The Ivolga Gorodishche: A monument of the Hsiung-nu culture in the Trans-Baikal region // ААН. Т. 20, fasc. 1/4.
- Dequignes J., 1756—1758. Histoire des Hunns, des Turks, des Mongols et des autres Tartars occidentaux avant et depuis I. C. jusqu'a present. Paris.
- Doerfer G., 1973. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Wiesbaden. V. 17, N 1.
- Dunker H., 1877. Geschichte des Alterthums. Leipzig. Bd 4.
- Egami Namio, 1963. The economic activities of the Hsiung-nu [Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов] // Тр. XXV Международного конгресса востоковедов. М. Т. 5.
- Erdelyi I., Dorjusüren C., Navan D., 1967. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961—1964: A comprehensive report // ААН. Т. 19, fasc. 3/4.
- Francovich de Gera., 1966. Problems of Achaemenid architecture // East and West. Rome. New ser. V. 16, 3/4.
- Gardin J. C., 1957. Céramiques de Bactre // MDAFA. T. 15.
- Ghirshman R., 1963. Perse, Proto-iraniens, Medes, Achemenides. Paris.
- Gorbunova N. G., 1986. The culture of ancient Ferghana (VI century B. C.—VI century A. D.) // BAR. International ser. 281.
- Govern M., 1939. The Early Empire of Central Asia // The University of North Carolina Press.
- Granö I. G., 1912. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // JSTO. Helsingfors. Bd 28.
- Griaznoz M. P., 1933. The Pazirik burial of Altai // AJA. V. 27, N 1.
- Grjaznow M., 1970. Südsibirien. Genf.
- Grjaznow M. P., 1984. Der Grosskurgan von Arzan in Tuva, Südsibirien. München.
- Groot J. J. M., de, 1921. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin. Bd 1.
- Gutschmid A., 1888. Geschichte Irans. Berlin.
- Heikel A., 1894. Antiquités de la Sibirie Occidentale. Helsingfors.
- Henning W. B., 1951. Zoroaster: Politician or Witschdoctor? London.
- Herrmann A., 1914. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets // Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Ph.-hist. Kl. Neue Folge. Bd 15, N 4.
- Herrmann A., 1920. Sakai // PWRE. Bd 1.
- Herzfeld E., 1926. Eine neue Darius Inschrift aus Hamadan // Deutsche Literaturzeitung. Berlin. H. 42.
- Herzfeld E., 1938. Altpersische Inschriften. Berlin.
- Herzfeld E., 1941. Iran in the Ancient East. London.
- Hirth F., 1917. The story of Chang K'ien China's Pioneer in Western Asia // JAOS. V. 37, pt 2.
- Hulsewé A. F. P., 1979. China in Central Asia: The early stage: 125 B. C.—23 A. D. // Sinica Leidensia editit Institutum sinologicum Lugduno batavum. Leiden. V. 14.
- Itina M. A., 1978. The Ethnic History of the Steppe Tribes of Central Asia in the second millenium B. C.: In the Light of the Indo-Iranian Problem // X МКАЭН, Индия, Дели. М.
- Jettmar K., 1953. Hunnen und Hsiung-nu — ein archäologisches Problem // Archiv für Völkerkunde. Wien. Bd 6/7.
- Jettmar K., 1964. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden.
- Jettmar K., 1967. Art of the Stepps. London.
- Jetts W. P., 1926. A Chinese Scabbord-Jade // The Burlington Magazine. London. V. 49, N 43.
- Junge J., 1939. Saka-Studien: Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. Leipzig.
- Junge J., 1944. Dareios I. Leipzig.
- Kahrstedt U., 1950. Artabanus III und seine Erben. Bern.
- Kelm H., 1966. Kunst vom Sepik: Museum für Völkerkunde. Berlin.
- Kent R. G., 1937. The Daiva-Inscription of Xerxes // Language. V. 13.
- Kent R. G., 1943. Old Persian texts. IV: The lists of provinces // Journal of Near Eastern studies. Chicago. V. 2, N 4.
- Kenyon K., 1956. The worlds oldest known Township: Excavating the Iericho of 700 years ago and earlier // The Illustrated London News. May 12.
- Kenyon K., 1957. Digging up Jerico. N. Y.
- Ligeti L., 1950. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- Maenchen-Helfen O., 1939. The Ting-ling // HJAS. V. 4, N 1.
- Maenchen-Helfen O., 1944—1945. Huns and Hsiung-nu // BIJBS. American Ser. III. V. 47.
- Maenchen-Helfen O., 1973. The world of the Huns // University of Carolina Press. Los-Angeles; London.
- Merhart G., 1926. Bronzezeit am Jenissei. Wien.
- Nougorodova E. A., Volkov V. V., Korenevskij S. N., Mamono-va N. N., 1982. Ulangom: Ein skythenzeitliches Gräberfeld in der Mongolei. Wiesbaden.
- Nyberg H. S., 1938. Die Religionen des alten Iran. Leipzig.
- Parduez M., 1963. Ethnische probleme der Hunnenzeit // Studia Archaeologica. Budapest. V. 1.
- Pulleyblank E. G., 1962. The Hsiung-nu Language // Asia Major. New Ser. V. 9, pt 2. London.
- Pulleyblank E. G., 1966. Chinese and Indoeuropean // JRAS. Fasc. 1/2.
- Radloff W., 1893. Aus Sibirien: Lose Blätter aus Tagebuch. Leipzig. Bd 1; 2.
- Ramstedt M. G., 1937. Über der Ursprung der türkischen Sprache. Helsinki.
- Rau P., 1927. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk.
- Rice T., 1957. The Scythians. London.
- Rieth A., 1974. Bestattungsmasken der Tagar- und Taschtyk-kultur in der Gräbersteppe von Minussinsk // Prahistorische Zeitschrift. Berlin; N. Y. N 49, H. 1.
- Rolle B., 1979. Fotekult der Skythen. Berlin; N. Y. Bd 1; 2.
- Rostovcev M., 1930. Le port-épée des iraniens et des chinois Recueil Th. Uspensky. Paris. Pt 2.
- Rudenko S. J., 1952. Der zweite Kurgan von Pazyryk. Berlin.
- Rudenko S. J., 1970. Frozen tombs of Siberia: The Pazyryk burials of Iron Age horsemen. Berkeley; Los-Angeles.
- Salmony A., 1933. Sino-Siberian art. Paris.
- Schlumberger D., Bernard P., 1965. Aï Khanoum // BCH. V. 89.
- Schmidt E. F., 1939. The treasury of Persopolis and other discoveries in the homeland of the Achemenians. Chicago.
- Schmidt E., 1953. Persepolis. Chicago. V. 1.
- Shiratory K., 1902. Über die Sprache der Hiungnu und der Tungbustämme // Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciencies de S.-Petersburg. V Ser. Bd 17, N 2.
- Sulimirski T., 1970. The Sarmatians. London.
- Tallgren A. M., 1921. Trouvailles tombales siberiennes en 1889: Le kourgane de Tes // SMYA. T. 29, fasc. 2.

- Tarn W. W.*, 1951. The Greeks in Bactria and India. Cambridge.
- Tchlenova N.*, 1962. L'art animalier de l'époque scythique en Sibérie et en Pontide // VI Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Moscou.
- Thompson E. A.*, 1948. A History of Attila und the Huns. Oxford.
- Toth T.*, 1962. Paleoanthropological finds from the valley of Hundjurt (Noin-Ula, Mongolia) // ААН. Т. 14, fasc. 3/4.
- Toth T.*, 1967. Some problems in the paleoanthropology of Northern Mongolia // ААН. Т. 19, fasc. 3/4.
- Trever C.*, 1932. Excavation in Northern Mongolia (1924—1925). Leningrad.
- Umehara S.*, 1960. Studies of Noin-Ula finds in Northern Mongolia. Tokyo.
- Witsen N.*, 1785. Noord-en-oost Tartarye. Amsterdam.
- Wolski J.*, 1950. L'historicité d'Arsake 1-er // Historia. Т. 8, N 2.
- Zakharov A. A.*, 1928. Materials of the archaeology of Siberia: Dr. V. V. Radloff's excavations in Berel Steppe // ESA, Т. 3.

Архивные материалы

- Адрианов А. В.*, А-1903. Оглахтинский могильник. Оп. кол. 24 // Архив МАЭС. № 55. 1948.
- Генинг В. Ф.*, А-1961. Отчет о работах Уральской археологической экспедиции // Архив ИА. Р-1. № 2362.
- Генинг В. Ф.*, А-1962. Отчет об археологических исследованиях в Курганской обл. Уральской археологической экспедиции // Архив ИА. Р-1. № 2480, 2481.
- Грязнов М. П.*, А-1941. Пазырык: Погребение племенного вождя на Алтае [дис. ... докт. ист. наук] // Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. 2. № 54.
- Естюхова Л. А.*, А-1938. Уйбат II, переходные могилы В, С, D, E, D/1 // Архив ЛОИА. Ф. 12. Д. 10.
- Кириллов И. И.*, А-1976. Научный отчет о раскопках в Читинской обл. в 1975 г. // Архив ИА. Р-1. № 6434.
- Корякова Л. Н.*, А-1980. Отчет об археологических исследованиях в зоне газопровода Уренгой—Сургут—Челябинск в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 7545.
- Потемкина Т. М.*, А-1968. Отчет Курганского пед. ин-та о раскопках на территории Курганской обл. в 1968 г. // Архив ИА. Р-1. № 3804.
- Потемкина Т. М.*, А-1970. Отчет Курганского пед. ин-та об археологических исследованиях на территории Курганской обл. в 1970 г. // Архив ИА. Р-1. № 4189.
- Стоянов В. Е.*, А-1961. Отчет об археологических исследованиях в Каменск-Уральском р-не Свердловской обл. // Архив ИА. Р-1. № 2360.
- Стоянов В. Е.*, А-1962. Отчет об археологических исследованиях Исетского отряда археологической экспедиции УрГУ в 1962 г. // Архив ИА. Р-1. № 2465.

Список сокращений

- ААГПИ — Алма-Атинский Государственный педагогический институт
 АО — Археологические открытия. М.
 АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 АЭБ — Археология и этнография Башкирии Уфа
 БКНИИК — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт культуры. Сибирское отделение Академии наук СССР
 СО АН СССР
 БМНИИК — Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры
 ВА — Вопросы антропологии. М.
 ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР. М.
 ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ВИСДВ — Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск
 ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 Горн.-Алт. НИИЯЛИ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
 ЗОРСАРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества СПб.
 ЗРГО — Записки Русского географического общества СПб.
 ЗСО РГО — Западносибирское отделение Русского географического общества
 ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.; Пг.
 ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
 ИАН КиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе
 ИАН КиргССР. СОН — Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук
 ИАН СССР ООИ — Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. М.
 ИАН ТаджССР — Известия Академии наук Таджикской ССР. Душанбе
 ИАН ТаджССР ООИ — Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Душанбе (Сталинабад)
 ИАН ТуркССР — Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад
 ИЗ — Исторические записки. М.
 ИИС — Из истории Сибири. Томск
 ИКирг ФАН СССР — Известия Киргизского филиала Академии наук СССР. Фрунзе
 ИЛИАИ — Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово
 ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
 ИНВИК — Известия Нижневолжского института краеведения. Саратов
 ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Душанбе (Сталинабад)
 ИРАО — Известия Русского археологического общества. СПб.
 ИТадж ГУ — Исторический факультет Таджикского государственного университета
 ИУз ФАН СССР — Известия Узбекского филиала Академии наук СССР. Ташкент
 ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР
 КазГПИ — Казахский государственный педагогический институт
 КД — Каракумские древности. Ашхабад
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. М.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАР — Материалы по археологии России. СПб.
 МАС — Монгольский археологический сборник. М.
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии
 МИА — Материалы по археологии СССР. М.; Л.
 МКАЭИ — Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
 МКТадж — Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
 МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.
 МЭ — Материалы по этнографии. Л.
 НТТашГУ — Научные труды Ташкентского государственного университета. Ташкент
 ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
 ПАДИУ — Проблемы археологии и древней истории уртов. М.
 ПАС — Первобытная археология Сибири. Л.
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
 ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. М.; Л.
 ПСА — Проблемы скифской археологии. М.
 ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
 ПХКПАПЭС — Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РГО — Русское географическое общество
 СА — Советская археология. М.
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет. Ташкент
 САИ — Свод археологических источников. М.
 САМГУ — Самаркандский государственный университет. Самарканд

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
- СИНВ — Страны и народы Востока. М.
- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТАН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Душанбе (Сталинабад)
- ТашГУ — Ташкентский государственный университет
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
- ТД — Тезисы докладов
- ТДВАК — Тез. докл. Всесоюзной археологической конференции. Кемерово
- ТДВНК — Тез. докл. Всесоюзной научной конференции. Л.
- ТДОНК — Тез. докл. обл. научн. конференции по разделам «Скифо-сибирская культурно-историческая общность», «Раннее и позднее средневековье». Омск
- ТИА АН ТаджССР — Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР. Душанбе (Сталинабад)
- ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент
- ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
- ТИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Душанбе (Сталинабад)
- ТНЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР. М.
- ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
- ТКОПОРГО — Троицко-Кяхтинское отделение Приуральского отдела Русского географического общества
- ТМИН Уз — Труды Музея народов Узбекистана. Ташкент
- ТМИ УзССР — Труды Музея истории Узбекской ССР. Ташкент
- ТОИПКГЭ — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
- ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент
- ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.; Л.
- ТТашГУ — Труды Ташкентского государственного университета. Ташкент
- ТТУУ — Труды Томского государственного университета. Томск
- ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.
- ТТКМ — Труды Томского (областного) краеведческого музея. Томск
- Тув. НИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции. М.
- ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
- УЭЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
- УрГУ — Уральский государственный университет. Свердловск
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- ХакНИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- ХХШ — Хоуханьшу
- ЦАКЭ — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Л.
- ЦХШ — Цявханьшу
- ШЦ — Шицзи
- ШУХБ — Шинжлэх ухааны хурээлэнгийн бүтээл. Улаанбаатар
- ШУХХ — Шинжлэх ухааны хурээлэнгийн хэвлэл. Улаанбаатар
- ААН — Acta archaeologia Hungarica. Budapest
- ААА — American journal of archaeology. N. Y.
- ВАВ — British archaeological reports. Oxford
- ВСН — Bulletin de correspondance Hellenique. Paris
- ВУБС — Byzantion International Journal of Byzantine studies. American ser. N. Y.
- ЕСА — Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki
- НЖАС — Harvard journal of asiatic studies. Cambridge Mass.
- ААОС — Journal of the American Oriental Society. N. Y.; New-Haven
- АРАС — Journal of the Royal Asiatic Societe of Great Britan and Ireland. London
- АААО — Journal de la Société Finno-Ougrienne. Hel-singfors
- МДАФА — Memoires de la Delegation archéologique Fran-çaise en Afghanistan. Paris
- АААА — Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
- АААА — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikaukaus-kirja. Helsinki

Подписи к таблицам

Таблица 1. Могильники Северный и Южный Тагискен

1 — план; 2—5 — Северный Тагискен: 2 — мавзолеем 6 после раскопок, 3 — мавзолеем 4 после раскопок, 4 — мавзолеем 5а и 7 после раскопок, 5 — мавзолеем 5а после раскопок, вид с запада; а — курган; б — раскопанные курганы и мавзолеи; в — заросшие такыры; г — пески и такыры; д — песок; е — дорога

Таблица 2. Северный Тагискен

1, 2, 7б, г, 8, 10, 13—16 — комплекс мавзолея 4; 1, 10 — ограда ж, 2 — ограда б, 7б, г, 13—16 — мавзолеем, 8 — ограда д; 3—5, 17 — мавзолеем 6; 6, 11, 24—31 — комплекс мавзолея 5а; 6, 11 — ограда б, 24—31 — мавзолеем; 7а, в, 9, 18—23 — комплекс мавзолея 7; 7а, в, 18—23 — мавзолеем, 9 — ограда а; 12 — мавзолеем 15; 1—5, 7 — бронза; 6, 9 — серебро и золото; 8, 10; 11 — золото; 12 — кость

Таблица 3. Южный Тагискен (1—3) и Уйгарак (4, 5). Тип погребений

1, 2 — курган 61; 3 — курган 59; 4 — курган 66; 5 — курган 28

Таблица 4. Южный Тагискен и Уйгарак. Погребальный инвентарь

Уйгарак: 1, 23, 33 — курган 39; 2 — курган 43; 4 — курган 35; 5 — курган 30; 6, 16 — курган 26; 8, 18 — курган 33; 9 — курган 66; 10 — курган 50; 11 — курган 14; 14 — курган 21; 15, 38 — курган 47; 17 — курган 51; 19 — курган 60; 20 — курган 76а; 21, 28, 30 — курган 74; 22 — курган 15; 25 — курган 66а; 26 — курган 34; 27 — курган 31; 29 — курган 49; 31 — курган 61; 32 — курган 79; 34 — курган 44а; 35 — курган 29; 38 — курган 47; Южный Тагискен: 3 — курган 44; 7 — курган 40; 12 — курган 45; 13 — курган 55; 36, 37 — курган 66; 1—11, 13, 14, 17—19, 36 — бронза; 1а — кость; 12 — бронза и кость; 15, 16 — железо; 20—30, 32, 35 — лепная посуда; 31, 33, 34 — станковая посуда; 37, 38 — камень

Таблица 5. Южный Тагискен и Уйгарак. Погребальный инвентарь

Южный Тагискен: 1, 2 — курган 9; 5 — курган 363; 6, 21, 24 — курган 55; 7 — курган 23; 8 — курган 59; 9—11, 25, 28 — курган 53; 26, 27, 30, 32 — курган 45; 31 — курган 66; Уйгарак: 3 — курган 31; 4, 14 — курган 83; 12 — курган 69; 13 — курган 39; 15 — курган 47; 16 — курган 22; 17 — курган 49; 18 — курган 66; 19 — курган 41; 20, 23 — курган 33; 22 — курган 27; 1, 2 — камень; 3, 4, 10, 11, 17, 25—28, 31, 32 — золото; 5—7, 12—16, 18—24, 29, 30 — бронза; 8, 9 — железо

Таблица 6. Чирикратская культура. Планы и разрезы городищ и поселений

1—3 — Бабиш-Мулла: 1 — план ирригационной сети в окрестностях Бабиш-Муллы (а — каналы; б, ж — поселения; в — граница песков; г — старицы; д — крепость Бабиш-Мулла 1; е — поселения керамики; з — погребальное сооружение Бабиш-Мулла 2; и — такыры; к — кусты саксаула); 2 — план местности Бабиш-Мулла; 3 — «донжон» и цитадель городища Бабиш-Мулла 1; 4 — городище Чирик-Рабат; 5 — городище Кабулкала; 6 — Сенгиркала; 7 — урочище Баланды; 8 — окрестности Баланды 1 (а — крепость; б — россыпи керамики; в — развалины построек; г — русла; д — каналы; е — растительность); 9 — городище Баланды 1

Таблица 7. Чирикратская культура. Погребальные памятники, находки из дерева

1 — план культового комплекса Бабиш-Мулла 6; 2 — деревянные погребальные носилки из мавзолея Асар; 3 — Баланды 4; 4—6 — деревянные сосуды, корзина из мавзолея Асар; 7 — план заполнения мавзолея Асар

Таблица 8. Чирикратская культура. Погребальные сооружения, планы и разрезы

1 — круглый мавзолей на городище Чирик-Рабат; 2 — мавзолей Бабиш-Мулла 2; 3 — мавзолей Баланды 3; 4 — мавзолей Кзылтепе; 5 — мавзолей Тышкантепе; 6 — мавзолей Чирик 2, нижний горизонт; 7 — мавзолей Чирик 2, верхний горизонт; 8 — квадратный мавзолей на городище Чирик-Рабат; 9 — мавзолей Баланды 2; 10 — мавзолей Асар

Таблица 9. Чирикратская культура. Оружие

1 — Чирик-Рабат, курган; 2 — Чирик-Рабат, стратиграфический раскоп; 3—11, 61, 62 — Бабиш-Мулла 1; 12—43 — поселения в окрестностях Бабиш-Муллы 1; 44 — поселение в окрестностях городища Баланды 1; 45, 46, 59, 60 — Чирик-Рабат, круглый мавзолей; 47—50 — Чирик-Рабат, квадратный мавзолей; 51, 52 — мавзолей Баланды 2; 53, 54 — погребение Баланды 4; 55 — мавзолей Чирик 2; 56—58 — мавзолей Асар; 1, 11, 47, 48, 59, 60 — железо; 2—9, 12—46, 49—55 — бронза; 10, 61, 62 — кость

Таблица 10. Чирикратская культура. Керамика первой группы

1—17, 33, 34, 54, 74, 75, 99 — погребальные сооружения; 18—32, 35—53, 55—73, 76—98 — поселения, городища

Таблица 11. Чирикратская культура. Керамика второй группы (1—30)

Таблица 12. Чирикратская культура. Керамика второй группы (1—80)

Таблица 13. Чирикратская культура. Находки на поселениях и городищах

1 — Баланды 2; 2—13, 34 — городище Баланды 1; 14—17, 32, 33 — городище Бабиш-Мулла 1; 18—31; 36 — поселения; 35 — городище Чирик-Рабат; 1—8, 11, 15 — кость; 9, 10, 18—21, 27, 29—32 — стекло; 12 — серебро; 13, 14 — бронза; 16, 17 — железо; 22, 26 — сердолик; 23 — стекло с позолотой; 24 — гагат; 25, 33, 34 — камень; 28 — пирит черный; 35, 36 — глина

Таблица 14. Чирикратская культура. Украшения из погребальных сооружений

1—15 — квадратный мавзолей на городище Чирик-Рабат; 16—37 — мавзолей Бабиш-Мулла 2; 38, 39, 44, 45, 50 — мавзолей Чирик 2; 40—43, 46, 47 — мавзолей Асар; 48, 49 — погребение Баланды 4; 51—76 — круглый мавзолей на Чирик-Рабате; 1—5, 11, 12, 14, 16, 18—20, 22, 23, 35, 51—60, 63—65, 69 — золото; 6, 7, 44—46, 68, 75 — стекло; 8—10, 27, 28 — гагат; 13, 21, 29, 30, 33, 34, 36, 37 — сердолик; 15, 39, 40, 42, 47, 50 — кость; 17, 38 — золото, жемчуг, коралл; 24 — жемчуг; 25, 26 — коралл; 31, 61 — мрамор; 32 — золото, жемчуг; 41, 62 — камень; 43 — глина; 48, 49, 70 — бронза; 66, 74 — лазурит; 67 — стекло с позолотой; 71, 73 — агат; 72 — белый металл; 76 — халцедон

Таблица 15. Джетыасарская культура. Городища этапа Джеты-асар I. Планы и разрезы

1 — Джеты-асар 9; 2 — Джеты-асар 2; 3 — Джеты-асар 3 (Алтын-асар), «Большой дом»; 4 — Джеты-асар 6; 5 — Джеты-асар 5; 6 — Джеты-асар 3 (Алтын-асар), «Малый дом»; 7 — Джеты-асар 13; 8 — Джеты-асар 7; 9 — Джеты-асар 12; 10 — Джеты-асар 11; 11 — Джеты-асар 2, аксонометрия центральной площадки городища

Таблица 16. Джетыасарская культура. Городище Джеты-асар 12. Центральная площадка. Планы и разрезы различных строительных горизонтов (1—8)

Таблица 17. Джетыасарская культура. Городище Джеты-асар 12. Центральная площадка. Строительные горизонты периодов Джеты-асар Iб и Iв. Жилые секции

1 — вид с востока из центрального меридионального коридора; 2, 3 — план и общий вид жилой секции в раскопе 4 (помещения 1, 7, 14); 4, 5 — план и общий вид жилой секции

в раскопе 4 (помещения 18, 25); 6 — общий вид части помещений жилой секции в раскопе 1 (помещения 42, 43); на переднем плане — центральный напольный очаг и суфа вдоль восточной стены помещения 42; 7, 8 — жилая секция в раскопе 1 (помещения 3, 10); 9, 10 — жилая секция в раскопе 1 (помещения 33, 34); 11, 12 — жилая секция в раскопе 4 (помещения 12, 3); 13, 14 — жилая секция в раскопе 1 (помещения 8, 14, 14а); 15 — общий вид «общественного» помещения 24 в раскопе 4

Таблица 18. Джетыасарская культура. Погребальные сооружения некрополей близ городищ. Планы и разрезы

1, 6, 22—24 — Джеты-асар 2; 2, 5 — Джеты-асар 13; 3, 4 — Джеты-асар 3; 7—21 — Джеты-асар 12; 1—8 — кирпичные склепы (1—4, 6—8 — подземные; 5 — наземный); 9—24 — грунтовые погребения

Таблица 19. Джетыасарская культура. Керамика первой группы (1—59)

Таблица 20. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (1—27)

Таблица 21. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (1—37)

Таблица 22. Джетыасарская культура. Керамика второй группы (1—87)

Таблица 23. Джетыасарская культура. Предметы вооружения и конской упряжи

1—13, 28, 30—32, 51 — городище Джеты-асар 2, раскопы II, IV, 14—27, 29, 33—35, 40—43 — могильник Джеты-асар 2; 36—39, 44—50, 53—57, 60—65 — могильник Джеты-асар 12; 52, 58, 59, 67 — городище Джеты-асар 3; 1—24, 37—50, 53—65, 67 — кость; 25, 26, 30—36 — железо; 27—29 — бронза; 51 — рог; 52 — глина; 66 — нефрит

Таблица 24. Джетыасарская культура. Украшения и предметы туалета из могильников

1—36, 42—44, 50, 54 — Джеты-асар 12; 37, 41, 45—48, 55—59 — Алты-асар 4; 38—40, 49, 51—53, 60 — Джеты-асар 2; 1—7, 9—13, 15—17, 27, 35, 43, 52, 53 — стекло, сердолик, халцедон, гранаты, янтарь, коралл; 8, 18—23, 25, 26, 28—30, 36, 37, 45—47, 54—60 — бронза; 14, 48, 49 — раковина; 31, 41 — кость; 24, 33 — золото; 32, 34, 40, 44, 50, 51 — серебро; 38, 39 — позолоченная кожа; 42 — серебряные бляшки на ткани

Таблица 25. Джетыасарская культура. Зооморфные и антропоморфные изображения

1—37, 42, 43, 45—49, 51—55 — глина; 38, 39 — сердолик; 40 — алмадин; 41, 44 — дымчатый халцедон; 50 — дерево

Таблица 26. Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь, реконструкция

1 — Текели, случайная находка; 2, 3 — Бже; 4—11 — Тюпский клад; 12, 17 — Бешатыр, курган 1; 13—16 — курган Иссык; 18—24 — Бешатыр, курган 25; 25—34 — могильники долины Или; 35 — Караша 2; 36 — Джергетал; 37 — Туура-Суу; 38 — Аламышик; 1—11, 19—24 — бронза; 13 — золото; 16 — серебро; 25 — кость; 27—34 — глина

Таблица 27. Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Оружие, конская сбруя, предметы туалета, украшения, предметы культа, котлы, вещи в зверином стиле

1, 3, 5, 35, 36, 38 — Иссык-Куль, случайные находки; 2 — Кетмень-Тюбе, случайная находка; 4, 9, 33, 41 — Чу, случайные находки; 6 — Караша; 7, 10, 11, 31, 45 — Иссыкский клад; 8, 14, 15 — Джамбульская обл., случайные находки; 12, 13, 17 — Каменка, клад; 16 — Джаркин-Булак; 18—21, 37, 40, 43, 44 — район Алма-Аты; 22—28 — Барскоон, случайные находки; 29, 30, 39 — Кырчин; 32 — курган Иссык; 34 — Нарын; 42 — Туура-Суу; 1—30, 32, 34—40, 43—50 — бронза; 31—железо; 33—камень; 41 — кость; 42 — золото;

Таблица 28. Кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского периода. Планы и разрезы курганов и погребений, керамика, орудия труда

1, 2, 23, 24, 30—33 — могильники долины р. Или; 3 — Акташ; 4 — Байталчи; 5 — Кызыл-Кайнар; 6, 21, 28, 29 — Шо-

шкала; 7 — Соколовка; 8—16, 18—20, 22, 25—27 — Караша 1; 17 — Бурана; 8—16 — железо; 17—33 — глина

Таблица 29. Кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского периода. Материальная культура. Искусство

1, 4 — Курта; 2 — Бешатыр; 3, 5 — Утеген; 6, 59—61 — Джарлу Каинда; 7, 9, 30, 31 — Каргалы; 8, 14, 15, 21, 25—27, 32, 35 — Бурана; 10, 12, 17, 20, 22—24, 46, 47 — Тенлик; 11, 44 — Чильбек; 13, 16, 18 — Талгар; 19 — Панфиловский; 28, 33, 34, 36—43, 45, 50—58, 62—65 — могильники долины р. Или; 29 — Караша; 48, 49 — Чу, случайные находки; 1 — железо; 2, 3, 6, 28, 36—45, 48—51 — бронза; 4, 5 — кость; 7—27, 30—32, 34, 35, 46, 47, 54 — золото; 29, 59—61 — глина; 33 — серебро; 52, 53 — бронза, камень; 55—58 — золото, камень; 62—65 — дерево

Таблица 30. Кенкольская культура. Тянь-Шань, Кетмень-Тюбе, Чаткал. Планы и разрезы курганов, погребений, могильный инвентарь

1, 5—13, 19, 21—24, 26, 37, 45—47 — Акчий-Карасу (Кетмень-Тюбе); 2, 3, 27 — Айгырджал (Тянь-Шань); 4, 14—18, 20, 25, 28—36, 38 — Кетмень-Тюбе; 39—44 — Чаткал; 4—9, 27 — железо; 10, 13 — серебро; 11, 12, 25 — бронза; 14—24, 26 — золото; 28 — тростник; 29—34 — дерево; 35, 36 — стекло; 37 — камень; 38—47 — глина

Таблица 31. Могильник Кенкол. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь, реконструкция

3, 4, 16, 24 — кость; 5—10, 20, 21 — железо; 11, 12, 26, 27 — бронза; 13, 14, 17—19, 23 — камень; 15 — золото; 25 — дерево, глина (веретено); 22, 28, 29 — реконструкция; 30—35 — дерево; 36—42 — глина

Таблица 32. Саки. Кетмень-Тюбе (по материалам И. Кожомбердиева)

1 — Джал-Арык II; 2—4, 10—железо; 5—9, 11—14, 18, 21—24, 28 — бронза; 15, 16, 26, 27, 29, 31 — золото; 17 — раковина каури; 19 — железо и золото; 20, 30 — серебро; 25 — камень; 32—46 — глина

Таблица 33. Номады Ферганы. Планы и разрезы курганов и погребений

1, 2 — Карабулак; 3—5 — Кайрагач; 6 — Гурмирон (раскопки Э. Кадырова); 7, 8 — Гурмирон (раскопки А. Н. Бернштама, 1951 г.); 9 — Хангиз; 10 — Вагджой; 11 — Чаркисар; 12 — Мугхона

Таблица 34. Могильник Карабулак. Погребальный инвентарь

1—14 — железо; 15 — реконструкция лука; 16—23, 28 — бронза; 24 — алебастр; 25, 26 — ткань; 27 — серебро; 29, 30, 32—39 — дерево; 31 — тростник; 40—56 — глина

Таблица 35. Кочевники первых веков нашей эры Ферганы и Алая. Могильный инвентарь

1—10, 12—20 — Гурмирон; 11 — Ворухский; 21—44 — Кайрагач; 45—59 — Хангиз; 60—68 — Мугхона; 69—81 — могильники Алая; 1—5, 21, 23—25, 29, 60, 61 — железо; 6, 22, 26—28, 32, 47, 48, 80 — бронза; 7, 8 — кость; 9 — египетский фаянс; 10, 12—20, 31, 33—44, 49—59, 63—68 — глина; 11 — алебастр; 30, 45, 46 — камень; 62 — бронза, стекло; 69—79 — золото; 81 — стекло

Таблица 36. Ранние кочевники Памира. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь

1, 2, 6, 10—16, 20—22, 36, 37, 46 — Тамдинский; 3, 5, 23—25, 33, 34, 39—43 — Акбеит; 4, 7—9, 32, 38 — Тегермансу I; 17—19 — Айдынкуль I; 26—30 — Жартыгумбез; 31 — Андемин; 35, 47, 48 — Харгуш II; 44 — Яшилькуль II; 45 — Истык; 49 — Аличур II

Таблица 37. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Планы и разрезы курганов, могильный инвентарь

1—3, 20, 23—25, 28—30, 32—34, 36, 38—42, 53, 57—64 — Берккара; 4, 5, 9, 12—19, 26, 27 — Жаман-Тогай; 6, 7, 31, 54—56 — Кенсай; 8 — Чач; 10 — Ташкентский оазис, случайные находки; 11, 37, 52 — Кыр-Чебакты; 21, 22, 43, 51 — Бурчмулла; 35 — Баба-Ата; 44—50 — Тамды; 3, 6—8, 45, 46, 49, 50 — железо; 4, 11 — камень; 5 — железо, бронза; 9, 10, 12—19, 23, 26—28, 31, 32, 35, 36, 41—43 — бронза; 20 — кость; 21, 22 — серебро; 24, 25, 29, 30, 33, 34, 38, 40 —

золото; 37 — раковина каури; 39 — стеклянная паста; 47, 48, 51—64 — глина

Таблица 38. Кочевники первых веков нашей эры Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Погребальный обряд
1, 2, 6, 9, 10, 14 — Шаушукум; 3—5, 15 — Жаман-Тогай; 7, 8 — Актобе; 11, 12 — Куль-Ата; 13 — Кенсай

Таблица 39. Кочевники первых веков нашей эры Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Материальная культура
1—13, 16—30 — Шаушукум (катакомбы типа I); 14, 15 — Янгиволь; 31—36, 39—43 — Шаушукум (катакомбы типа II); 37, 38, 65—68 — Жаман-Тогай; 44—47, 52—54 — Шаушукум (подбой); 48—51 — Куль-Ата; 55—64 — Шаушукум (грунтовые могилы); 1—8, 12, 13, 31—34, 44—46, 55—59 — железо; 9—11, 19, 35, 67 — бронза; 14 — серебро; 15, 17, 18, 38, 39, 65, 66 — кость; 16, 20—30, 40—43, 47—54, 60—64, 68 — глина; 36, 37 — камень

Таблица 40. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Планы погребений, керамика
1, 5, 7—10, 14, 15, 17, 18—20, 22—24 — Тулхар; 2—4, 6, 11—13, 16, 21, 28 — Бабашовский; 25, 34 — Сазаганский; 26, 29 — Куюмазар; 27, 30—32 — Лявандак; 33 — Акджартепе; 35, 36 — Миранкуль

Таблица 41. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы вооружения

1 — Миранкуль; 2 — Куюмазар, поле 2; 3, 4 — Лявандак; 5, 12, 13 — Агалыксай; 6, 11, 20 — Тулхар; 14, 15 — Кызылтепе; 16 — Акджартепе; 17—19 — Бабашовский; 1—14, 16—20 — железо; 15 — железо, бронза

Таблица 42. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Орудия труда, пряжки, украшения

1, 2, 4—10, 12, 13, 16—18, 22, 24, 28—31, 34—37 — Тулхар; 3, 11, 14, 15, 19—21, 23, 25—27, 32, 33 — Бабашовский; 38, 44, 47—49, 55, 59 — Лявандак; 39—43, 45, 46, 53, 54, 57, 60—62 — Куюмазар; 50 — Агалыксай; 51 — Шахри-Вайрон; 52, 56 — Хазара; 58 — Кызылтепе; 1 — железо, бронза; 2, 5, 10—13, 16, 20, 22, 24, 26, 28, 32—34, 38—50, 53, 55—58 — железо; 3, 4, 6—9, 15, 17—19, 21, 27 — латунь; 14 — латунь, стекло; 23, 30, 31, 51, 52, 56 — бронза; 25, 29, 36 — золото; 35, 61, 62 — камень; 37 — янтарь, раковины каури; 54, 57, 60 — кость; 59 — кость, железо

Таблица 43. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы туалета, культа, украшения, ювелирные изделия

1—6, 8, 9, 11—13, 17, 18, 20 — Тулхар; 7, 10, 14, 15, 19 — Бабашовский; 16 — Лявандак; 21 — Куюмазар; 22 — Хазара; 1, 3 — стекло, камень; 2, 18 — стекло; 4 — золото, бирюза, известняк; 5 — рог, серебро; 6 — золото, бронза, стекло; 7, 9, 17 — золото, стекло; 8 — золото, алебастр; 10 — рог; 11, 12 — латунь; 13—15, 19, 20 — бронза; 16 — золото; 21 — кость; 22 — алебастр

Таблица 44. Куюсайская культура. Инвентарь поселения Куюсай 2 и могильников

I—VII — поселение Куюсай 2: I, 1—31 — бронзовые наконечники стрел; II — украшения из бирюзы, лазурита и белого камня; III — изделия из кости; IV, 1—6 — металлические изделия: 1 — золото, 2 — серебро, 3—6 — бронза; V, VII — лепная керамика; VI — импортная гончарная керамика; VIII, 1—32 — керамика из могильников: 1—12 — Тумек-кичиджик; 13—32 — Тарым-кая 1

Таблица 45. Куюсайская культура. Могильники и поселение
I, V — могильник Тумек-кичиджик; II—VI — могильник Тарым-кая 1; VII—X — поселение на юго-западном мысу Тарым-кая; I, 1 — курган 28; I, 2 — курган 29; II, 1 — курган 12; II, 2 — курган 2; II, 3 — курган 4; III — сосуды и оссуарии; IV — план могильника и поселение на юго-западном мысу; V — зернотерки и терочки из могильников Тумек-кичиджик и Тарым-кая 1; VI, 1 — керамические пряслица; VI, 2 — керамика; VI, 3, 4 — кость; VII — план и разрез поселения; VIII — бронзовые наконечники стрел; IX — гончарная керамика; X — лепная керамика

Таблица 46. Присарыкамшская дельта Амударьи. Подбойно-катакомбные погребения

I, VI, VII, X, XI — Тузгыр, юго-западная группа: I — план (a — грунтовые погребения; б — нераскопанные курганы; в — курганы с подбоями; г — курганы с катакомбами);

VI, VII, X, XI — инвентарь: VI — железо; VII — кость; X — камень; XI, 1, 2 — железо; XI, 3 — раковина; XI, 4, 6 — стекло; остальное — глина; II, IX — Тумек-кичиджик: II — курган 49; IX — инвентарь: 1 — стекло; 2, 3, 7, 8, 10, 11 — бронза, 4 — кость, 5, 9, 12 — глина, 6 — раковина, 13 — алебастр; III, V, VIII — Тузгыр: III — курган 22; V — курганы 17, 21 (железо); VIII — курганы 8 и 23 (алебастр); IV — мечи из погребений: IV, 1, 5, 6 — Тумек-кичиджик: 1 — курган 63, 5, 6 — курган 49; IV, 2, 3 — Гяур 4: 2 — курган 6, 3 — курган 1; IV, 4 — курган на возвышенности Гяургыр

Таблица 47. Северо-западная Туркмения. Культовые и погребальные памятники, планы и разрезы

1 — общий вид и разрез сооружения 3 могильника Гары-язы; 2 — схематический план комплекса на возвышенности Дордуль (a — древнее русло Узбоя; б — средневековое русло Узбоя; в — святилище Ичянлыдепе; г — погребальные сооружения; д — средневековое кладбище); 3 — погребальное сооружение 10 на возвышенности Дордуль; 4 — святилище Ичянлыдепе; 5 — погребальное сооружение в 7 км к северу от средневекового караван-сарая Ак-яйла; 6 — погребальное сооружение 1 в урочище Игды; 7 — погребальное сооружение 4 в урочище Гичгельды

Таблица 48. Северо-западная Туркмения, первый этап культуры скотоводов (V—II вв. до н. э.) Керамика

1 — святилище Ичянлыдепе, лепная керамика; 2 — погребальные сооружения, лепная керамика; 3 — святилище Ичянлыдепе, импортная гончарная керамика; 4 — погребальные сооружения (Дордуль 10; Ак-яйла), импортная гончарная керамика

Таблица 49. Северо-западная Туркмения, второй этап культуры скотоводов (II в. до н. э.—IV в. н. э.). Инвентарь из погребальных сооружений

I, II — лепная керамика; III—XI — импортная гончарная керамика; XII, XIII — оссуарии из могильника Дордуль; XIV — статуэтки; XV — пряслица; XVI, XVIII — курильницы; XVII — сосудики из погребальных сооружений Дордуля; XIII, XVII — алебастр; XIV — гипс; остальное — глина

Таблица 50. Северо-западная Туркмения. Инвентарь из погребальных сооружений и святилища Ичянлыдепе

I — погребальное сооружение в 25 м к югу от Чарышлы; II—IV, VI, VII — Дордуль, сооружение 10; V — Назаркалы; VIII — Ялкым, сооружение 1; IX — Ичянлыдепе; X, XII, XIII, XVIII — Балашем: X — сооружение 10, XII, XVIII — сооружение 3, XIII — сооружения 3, 4; XI — Бегнарслан, сооружение 2; XIV—XVI — Ханалы: XIV, XV — сооружение 10, XVI — сооружение 8; XVII — погребальные сооружения верхнего Узбоя; XIX — Ялкым, сооружение 5; XX — Гичгельды, погребальные сооружения; I, 1—3, II, IV, XIII—XV — железо; I, 4 — камень; III, VI—XII, XVII (a), XX (б) — бронза; V — египетский фаянс; XVI, XVII, XX (a) — стекло; XVIII — кость; XIX — стеклянная паста

Таблица 51. Тасмолинская культура. Погребальные сооружения

1 — Тасмола I, курган 19; 2 — Карамурун I, курган 10; 3 — Карамурун I, группа 5; 4 — Карамурун I; 5 — основные типы курганов с каменными грядами (a — скелет или отдельные кости лошади; б — глиняный сосуд); 6 — Карабие, курган 15; 7 — Тасмола V, курган 3; 8 — Айдабуль II, курган 1; 9 — Карамурун I, курган 5ж; 10 — Кик-Су, курган 5; 11 — Тасмола II, курган 1; 12 — Нурманбет IV, курган 1

Таблица 52. Тасмолинская культура. Предметы вооружения и конского снаряжения

1, 24—28 — Айдабуль II, курган 1; 2—12 — Карамурун II, курган 1; 13—17 — Карамурун II, курган 3; 18—20 — Тасмола III, курган 2; 21—23 — Карамурун I, курган 5а; 29—35 — Тасмола II, курган 1; 36—40, 59, 71—76 — Тасмола V, курган 2; 41—43, 77 — Нурманбет IV, курган 1; 44—46 — Нурманбет I, курган 1; 47—49 — Ак-Булак I, курган 1; 50 — Тасмола V, курган 3; 51—58 — Карамурун I, курган 5л, с; 60—70 — Тасмола V, курган 3; 78—93 — Тасмола I, курган 19; 2—7 — железо; 9—12, 35, 59, 60 — рог, кость; 29, 30 — дерево; 69 — железо, золото; остальное — бронза

Таблица 53. Тасмолинская культура. Керамика, орудия труда, предметы туалета

1 — керамика из курганов с каменными грядками; 2, 8 — Тасмола II, курган 1; 3 — Жол-Кудук, курган 14; 4 — Айдабуль II, курган 2; 5 — Карамурун I, курган 9; 6 — Карамурун I, курган 4; 7, 10 — Бугулы, курган 2; 9 — Тасмола II, курган 2; 11 — Карамурун II, курган 3; 12 — Карамурун I, курган 5г; 13 — Карамурун I, курган 10; 14, 16 — Нурманбет IV, курган 1; 15 — Нурманбет IV, курган 3; 17, 19, 23 — Тасмола VI, курган а; 18, 28 — Тасмола I, курган 19; 20 — Тасмола I, курган 24; 21 — Тасмола VI, курган 1; 22, 24—27 — Тасмола V, курган 3; 5, 6, 12, 22—27 — рог, кость; 7, 8 — железо; 10, 11, 19—21 — камень; остальное — бронза

Таблица 54. Тасмолинская культура. Предметы звериного стиля и культы

1, 15 — Карамурун II, курган 1; 2, 4, 8 — Тасмола V, курган 3; 3, 6 — Тасмола V, курган 6; 5 — Тасмола V, курган 4; 7, 20 — Нурманбет I, курган 2; 9 — Тасмола I, курган 19; 10 — Нурманбет II, курган 3; 11, 16 — Тасмола V, курган 2; 12 — Карамурун I, курган 5г; 13 — Карамурун I, курган 5б; 14 — Тасмола I, курган 22; 17 — Карамурун I, курган 22; 18 — Тасмола VI, курган а; 19 — Даныбай, курган 3; 1, 7, 9, 11 — бронза; 2 — железо с золотой инкрустацией; 3—6 — золото; 8, 10 — рог; 12—20 — камень

Таблица 55. Погребальные сооружения ранних кочевников Восточного Казахстана. Планы и разрезы курганов и погребений, реконструкции

1—5 — этап I; 6—10 — этап II; 11—14 — этап III; 1 — Чаган-Оба; 2 — Зевакинский; 3, 9, 10 — Славянка; 4, 5 — Чиликта; 6 — Арасан; 7, 8 — Усть-Буконь; 11 — Тускаин; 12—14 — Пчела

Таблица 56. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Орудия труда, оружие, посуда

1—30 — этап I; 31—48 — этап II; 49—63 — этап III, 1, 2, 19, 33 — Семипалатинск; 2—5 — Зевакинский; 6, 15, 20 — Юпитер; 7 — Кок-Терек; 8—14 — Измайловка; 17 — Калбишские горы; 18, 49, 55 — Славянка; 21 — Джарбулак; 22—30 — Камышинка; 31, 40, 45, 47 — Кызыл-Ту; 32, 34—38, 48, 57 — Усть-Буконь; 39, 46 — Чиликта; 41, 42 — Бухтарма; 43, 44 — Малокрасноярка; 50, 53 — Пчела; 51, 52, 56, 58—63 — Кула-Журга; 54 — Тускаин; 34—36, 39, 43, 44, 60, 61 — кость; 45—48, 51—54 — глина; 49, 50, 59 — железо; 55, 56 — дерево; 57 — камень; остальное — бронза

Таблица 57. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Украшения, искусство

1—25 — этап I; 26—36 — этап II; 37—43 — этап III; 1, 29, 32, 34 — Усть-Буконь; 2—10, 12—17, 27, 28, 30, 31, 36 — Чиликта; 11 — Сагыр; 18 — Измайловка; 19, 20 — Чистый Яр; 21 — Семипалатинск; 22, 37—40 — Славянка; 23—25 — Зевакинский; 26, 35 — Вавилонка; 33 — Усть-Каменогорск; 41 — Кула-Журга; 42, 43 — Усть-Нарым; 1, 18—22, 25, 35 — бронза; 23, 32, 42, 43 — кость; 24, 29 — камень; 27 — бирюза, сердолик; 28 — сердолик; 30 — мрамор; остальное — золото

Таблица 58. Вид на археологические памятники с самолета

1 — Северный Тагискен, мавзолей 5а, 7 после раскопок; 2 — Бабиш-Мулла 1; 3 — Чирик-Рабат

Таблица 59. Мужчина тагарского времени (1), гуни (2) сак (3) и человек из плиточной могилы (4). Реконструкции М. М. Герасимова

1 — Усть-Ерба; 2 — Кенкол; 3 — Джал-Арык; 4 — Херек-сурин-Урн

Таблица 60. Ранние кочевники Алтая (VIII в. до н. э.—I в. н. э.). Погребальные сооружения

1—3 — Пазырык I; 4 — Большой Берельский курган (реконструкция С. С. Сорокина); 5, 6, 13 — Кок-су I; 7 — Шиббе; 8—10, 12 — Усть-Куюм; 11 — Кургу II

Таблица 61. Ранние кочевники Алтая (VIII—VI вв. до н. э.). Погребальный инвентарь и случайные находки

Случайные находки: 1 — у г. Змеиногорск; 2, 3, 9, 13, 14, 25 — Алтай; 8, 32 — из собрания М. П. Погодина;

23 — из коллекции П. К. Фролова; Могильники: 4, 17, 27 — Усть-Куюм; 5 — Семисарт I; 6, 7 — Кургу II; 15, 19, 24 — Майэмирская степь; 16, 18, 20—22, 26, 28—31 — Солонечный Белок; 10—12 — типы соединения удила и пса-лиев (реконструкция М. П. Грязнова); 1—3, 8, 9, 13—16, 18, 20, 22, 24—27, 30—32 — бронза; 4—7, 21, 28 — рог, кость; 17, 23, 29 — камень; 19 — позолоченная бронза

Таблица 62. Ранние кочевники Алтая (VIII—VII вв. до н. э.). Предметы звериного стиля

1—7 — Майэмирская степь; 8, 10 — Елангаш; 9 — урочище Бураты; 11 — у с. Усть-Бухтарма, случайная находка (из коллекции П. К. Фролова); 12—15 — Юстыдский комплекс; 16 — чуйский олений камень; 1—7 — золото; 8—10 — петроглифы; 11 — бронза; 12—16 — камень

Таблица 63. Ранние кочевники Алтая (V—III вв. до н. э.). Погребальный инвентарь

1 — Усть-Кан (случайная находка); 2, 3, 10, 11, 14, 17, 27 — Кызыл-Джар I; 4, 6, 8, 20, 25, 32, 40, 47 — Арагольские курганы; 5, 9, 12, 13, 18, 21—23, 26, 28, 35, 44, 46, 50, 52—55 — Кок-су I; 7, 30, 31, 39, 42, 51 — Пазырык II; 15, 16, 33, 41, 49 — курганы у д. Черновая; 19 — курган 11 у с. Туэты; 24, 29, 36—38 — Уландрык I; 34 — Уландрык II; 43 — Пазырык IV; 45, 48 — Малые Катандинские курганы; 1, 4—6, 8, 9, 13, 15, 19, 23, 28, 40, 44, 45, 47 — бронза; 2, 3, 27 — бронза, дерево, кожа; 7, 26 — железо, золото; 10 — железо, бронза, дерево; 11, 12, 14, 16, 18, 20, 30, 31, 33, 41, 46, 48, 49 — рог, кость; 17, 21, 22 — железо; 24, 25, 34, 39 — золото; 29, 36—38, 42, 43 — дерево; 32 — медь, золото; 35 — серебро; 50, 52—55 — глина; 51 — глина, кожа

Таблица 64. Ранние кочевники Алтая (II в. до н. э.—I в. н. э.). Предметы материальной культуры

1—4, 6—12, 17—20, 32 — Шиббе; 5, 16 — Шиббе; реконструкция М. П. Грязнова — один из уборов коней (5) и Л. Л. Барковой — украшение пояса (16); 15, 21, 22 — Большой Берельский курган; 23, 24 — Яконур, курган 5; 25—27 — Каракольский курган; 13, 14, 28 — 31 — Большой Катандинский курган; 31 — реконструкция шубы (по С. И. Руденко); 33 — Малый Катандинский курган; 1, 2, 7, 23 — рог; 3, 4 — золото; 5 — кожа, золото, рог, дерево; 6, 10, 12, 16—19, 26 — дерево, золото; 9, 13, 14, 22, 28 — 30 — дерево; 11 — железо; золото; 15, 25, 27 — бронза; 20 — железо; 21 — береста; 24 — кожа, золото; 31 — мех; 32, 33 — глина

Таблица 65. Ранние кочевники Алтая. Импортные изделия

1, 4, 6, 8, 10 — Пазырык V; 3, 9 — Пазырык V; реконструкция А. А. Гавриловой (3) и М. П. Грязнова (9); 2, 5 — Пазырык II; 7 — Пазырык VI; 1 — шелк; 2 — дерево; 3 — шерсть; 4 — рог; 5 — дерево, кожа, сухожильные струны; 6, 8—10 — войлок; 7 — белый металл

Таблица 66. Ранние кочевники Алтая. Средства передвижения

7—6 — Пазырык I, реконструкция М. П. Грязнова (2—6); 7, 8 — Пазырык V; 1 — дерево, кожа; 7, 8 — дерево

Таблица 67. Ранние кочевники Алтая. Изобразительное искусство, скифо-сибирский звериный стиль

1, 4, 7, 16, 19 — Пазырык II; 2, 13 — Пазырык IV; 3, 5, 10—12, 15, 17 — Пазырык I; 6, 8 — Пазырык III; 14, 18 — Пазырык V; 9 — курган 1 у с. Туэты; 1 — медь, золото; 2, 4, 5, 8—13, 18 — дерево; 3, 16 — кожа; 6 — кость; 7, 14, 17 — дерево, кожа; 15 — мех; 19 — серебро

Таблица 68. Скифо-сибирское золото. Сибирская коллекция Петра I (1—23)**Таблица 69. Большебереченская культура (VII—VI вв. до н. э.). Вещи и глиняная посуда из погребений и поселений большебереченского этапа**

Могильники: 1—5, 6—9, 11, 15, 21, 27—30, 34—36, 38, 41, 49—53, 59 — Ближние Елбаны VII; 10, 44 — Березовка I; 13, 16—18, 25, 40 — Ближние Елбаны XII; 22—24, 33, 45—47 — Большой мыс; 31, 39, 43, 56 — Ближние Елбаны XIV; Поселения: 12, 14, 19, 20, 26, 37, 48, 54, 55, 57, 58, 60—65 — Ближние Елбаны I; 32, 42 — с. Штабка, случайные находки: 6 — мрамор; 7, 8, 11, 12, 22—24, 27, 30, 32, 33, 37, 38, 40—47 — бронза; 9 — бронза, камень; кость; 10, 13, 16—19, 26, 31, 34—36, 39 — рог, кость; 14, 48—65 — глина; 15, 20, 21 — камень; 25 — бронза, кость; 28, 29 — бронза, дерево

Таблица 70. Большебереченская культура. Вещи и глиняная посуда из погребений и поселений бийского (V—III вв. до н. э.) и березовского (II—I вв. до н. э.) этапов

1—21, 27, 46—52, 55—60 — березовский этап; 22—26, 28—45, 53, 54 — бийский этап; М о г и л ь н и к и: 1, 16, 17, 48, 52 — Ближние Елбаны XII; 2—15, 18—21, 46, 47, 55—57 — Бийск I; 22—25, 28—30, 34, 37—39, 41, 44, 45 — у с. Быстрианское; 26, 31, 33, 35—36 — Березовка I; 49, 50 — Ближние Елбаны III; 51 — Ближние Елбаны VII; П о с е л е н и я: 58—60 — Ближние Елбаны I; С б о р ы: 27, 32, 42, 43, 54 — Ближние Елбаны XII; 32, 42, 43 — обломки литейных форм и реконструкции М. П. Грязнова отлившихся по ним предметов; 40 — Ближние Елбаны XV; 53 — Ближние Елбаны V; 2, 4, 5, 15, 25, 28, 29, 31, 33, 34, 38—41 — бронза; 3, 6—8, 12—14, 18—20, 26, 27, 30, 35—37 — рог, кость; 9 — рог, бронза; 10, 11, 21, 44, 45 — железо; 16, 32, 42, 43, 46—60 — глина; 17 — камень; 22—24 — золото

Таблица 71. Ранние кочевники Тувы. Оленные камни, курган Аржан

1 — курган Аржан (разворот); 2, 3 — оз. Белое близ Аржана; 4 — Сосновка; 5 — Самагалатай; 6 — второй Туранский камень; 7 — план-схема кургана Аржан (реконструкция Л. Н. Баранова; фигурой коня помечены камеры с конскими захоронениями); 8 — Аржан, камера 1; 9 — Аржан, колоды и срубы из камеры 1

Таблица 72. Ранние кочевники Тувы. Вещи раннего этапа скифского времени

1—15, 28—31, 33—36, 38—42, 47—49, 51, 61—64, 66 — Аржан; 16—27 — Аймырлыг; 32, 37, 50, 52—56, 58, 60 — Алды-Бель I; 43, 45, 57 — случайные находки; 44 — Зубовка; 46, 59 — Хемчик-Бом III; 65 — Шанчиг; 67 — реконструкция Н. А. Боковенко по материалам Аржана; 1—3, 5, 6, 9, 10, 15—27, 32, 37, 40—48, 50, 52—60, 62—66 — бронза; 4, 7, 8, 11, 12, 14 — кость; 13 — дерево; 28, 29, 35, 61 — рог; 30, 33, 34 — клык кабана; 31 — камень; 36 — золото, камень; 38, 39 — клык лошади; 49, 51 — бронза, кожа (реконструкция)

Таблица 73. Ранние кочевники Тувы. Погребальный обряд скифского времени

1 — курган у г. Кызыл; 2 — Шурмак-Тей; 3, 4 — Шараш; 5 — Эрзин I; 6—12 — Аймырлыг; 13 — Аргалыкты

Таблица 74. Ранние кочевники Тувы. Оружие скифского времени

1, 3—5, 7—16, 19—27 — Аймырлыг; 2 — Бош-Даг; 6 — случайная находка на р. Сушь; 17 — случайная находка в урочище Аргалыкты; 18 — курган у горы Кызылган; 1—3, 6—13, 16—18, 20, 27 — бронза; 4, 15, 24 — железо; 5, 19, 21, 26 — бронза, дерево, кожа; 14 — бронза, кожа; 22 — кость; 23, 25 — кожа, дерево

Таблица 75. Ранние кочевники Тувы. Предметы вооружения, конского снаряжения V—III вв. до н. э.

1—66, 76—80, 84 — Аймырлыг; 67—74, 81—83 — курган у с. Туран; 75 — реконструкция Н. А. Боковенко по материалам могильника Аймырлыг; 1—11, 43, 71, 74 — бронза; 12—40, 46—53, 55—63, 72, 73, 82, 83 — кость; 41, 42, 44, 45, 54, 64—66, 80 — дерево; 67—70 — бронза, кожа; 76—79 — кожа, дерево; 81 — железо; 84 — рог, бронза, кожа

Таблица 76. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения из могильника Аймырлыг

1, 34 — бронза, дерево, кожа; 2, 3, 6—8, 12—16, 19, 20, 22—26, 28, 30, 31, 39 — бронза; 4, 5 — бронза, кость; 9, 10, 17, 18 — камень; 11 — дерево; 21, 27, 36—38, 40, 44 — кожа, бронза; 29 — бронза, железо; 32, 33 — железо; 35, 41—43 — кожа

Таблица 77. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения из могильника Аймырлыг

1, 2, 36 — бронза, золото; 3, 6 — железо, золото; 4, 8, 14—18, 26, 37, 41 — золото; 5, 20, 21, 27, 28, 31, 32, 34, 43—48, 52—54, 58—63, 74, 80—83 — кость; 7 — золото, бирюза; 9 — золото, сердолик; 10, 11, 23, 35, 50, 75, 77 — бронза, кожа; 12 — стекло; 13 — сердолик (круглые), бирюза (плоские); 19, 22, 24, 25, 29, 30, 38—40, 42, 51, 55—57, 64—73, 76, 78, 79 — бронза; 33, 49 — железо

Таблица 78. Ранние кочевники Тувы. Искусство

1—14 — гунно-сарматское время; 15—46 — скифское время; 1, 2, 4, 5, 7, 8, 11, 13 — Аймырлыг, группа XXXI; 3, 9, 10 —

Даштык-Шель; 6 — Кара-Даг; 12 — Урбюн; 14 — Кокэль; 15—24, 26, 27, 30, 34—36, 42, 44—46 — Аймырлыг; 25, 29 — у с. Турак; 28 — курган у горы Кызылган; 31, 43 — Куйлуг-Хем I; 32, 33, 38 — Хемчик-Бом III; 37 — у с. Малиновка; 39, 40 — Аймырлыг, группа XXVII; 41 — Бош-Даг; 1, 6, 15—19, 21, 32, 33, 39, 40 — кость; 2, 22—24, 29, 30 — золото; 3 — серебро; 4, 11 — золоченая бронза; 5 — дерево, золото; 7, 8, 13, 44—46 — береста; 9, 10, 20, 26—28, 31, 34—38, 41—43 — бронза; 12 — бронза, дерево; 14 — дерево; 25 — бронза, золото

Таблица 79. Ранние кочевники Тувы. Посуда V в. до н. э. — IV в. н. э.

1—17 — гунно-сарматское время; 18—32 — скифское время; 1—4, 6, 7, 10, 11, 14, 15 — Аймырлыг, группа XXXI; 5 — Кокэль; 8, 9, 18—32 — Аймырлыг; 12—13, 16, 17 — Бай-Даг II; 1—13, 19—32 — керамика; 16—18 — бронза

Таблица 80. Ранние кочевники Тувы. Погребальный обряд гунно-сарматского времени

1—4, 7—9 — Аймырлыг, группа XXXI; 5 — Кокэль; 6 — Бай-Даг II

Таблица 81. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения

1—12, 14—28, 31—33, 35—44, 46—69 — Аймырлыг, группа XXXI; 13, 30 — Даштык-Шель; 29 — Бай-Даг II; 34 — Час-кал; 45 — Кокэль; 1 — береста; 1а—в, 2—4, 14—16, 25—28, 33—44, 48, 50—52, 55—57, 65—68 — железо; 1а, 12 — белый металл; 5 — янтарь; 6, 7 — белый камень; 8, 9, 13 — бронза; 10, 11, 21, 45, 69 — дерево; 17, 22—24, 30, 31 — кость; 18 — керамика; 19, 32 — камень; 20 — дерево, камень; 29 — серебро; 45—47, 53, 54 — железо, дерево; 58—62 — золоченая бронза; 49, 63, 64 — рог, железо

Таблица 82. Ранние кочевники Тувы. Предметы вооружения

1—12, 21, 78 — Аймырлыг, группа XXXI; 13—17 — Бай-Даг II; 18, 19 — Аргалыкты I; 20, 22, 77 — Алды-Бель; 23, 24 — Даштык-Шель; 25—76 — Кокэль; 1—7, 9—11, 13—20, 22—24, 35—52, 54—64, 66, 70, 74—77 — железо; 8, 12, 21, 31—34, 65 — кость; 25—30 — дерево, железо; 53 — железо; кость; 67—69, 71—73 — дерево; 78 — дерево, кость

Таблица 83. Ранние кочевники Тувы. Деревянная и берестяная утварь

1—8 — Кокэль; 9—21 — Аймырлыг, группа XXXI; 1—8, 21 — дерево; 9—11 — береста

Таблица 84. Тагарская культура. Оружие VII—VI (22—43) и V—III (1—21) вв. до н. э.

1—12 — наконечники стрел: 1 — Саянская, 2 — Ключи, 3 — Анаш, 4 — Думная гора, 5, 9, 12 — Минусинский край, 6 — р. Тез, 7 — Ладейское, 8 — Усть-Сыда, 10 — Означенное (Саяногорск); 11 — Беллык; 13 — колчанный крючок (Шошина); 14 — наперсток для стрельбы из лука (б. Енисейская губ.); 15—18 — кинжалы: 15 — Кривая, 16 — Каменка, 17 — Минусинский край, 18 — Анаш; 19 — миниатюрный чекан (Минусинский округ); 20 — проушной топор (Иудина); 21 — секира (Колмакова); 22—33 — наконечники стрел: 22 — Минусинский край, 23 — Сараган, 24 — гора Изых, 25 — Игрыш, 26 — Иудина, 27 — Горькое озеро, могила 8 (раскопки С. А. Теплоухова), 28 — Уты, 29 — Ключи, 30, 31 — Кочергино, курган 1 (раскопки С. В. Киселева), 32 — Тагарский остров, курган 33 (раскопки А. В. Адрианова), 33 — Райков улус (раскопки А. Н. Липского); 34 — колчанный крючок (Минусинский край, Никольское); 35 — наперсток для стрельбы из лука (Колмакова); 36—40 — кинжалы: 36 — «из курганов в окрестностях Абакана» (раскопки В. В. Радлова), 37 — Белоярское, 38 — Калы, 39 — Тагарское озеро, курган 32, 39а — шило-вкладыш в ручку кинжала 39; 40 — Тесинское; 41, 42 — чеканы: 41 — Минусинский край, 42 — Большой Хабык; 43 — секира (Тезь); 1—43 — бронза

Таблица 85. Тагарская культура. Конский убор

1—8 — удила: 1 — Субботина, 2 — Новоселово, 3 — Кавказское, 4 — Аешка, 5 — Каптерева, 6 — Очуры, 7 — Шошина, 8 — Саянская; 9—12, 16, 17 — псалии: 9 — Потехина, 10 — Малая Иня, 11 — Батени, 12 — Минусинский край, 16 — б. Енисейская губ., 17 — Означенное (Саяногорск); 13, 18, 20—22 — сбруйные подвески: 13 — Минусин-

ский край, 18 — Тетерина б. Красноярского округа, 20 — Бейское, 21 — Корелка, 22 — Каптерева; 14, 15 — конские налбоники: 14 — Минусинский край, 15 — Усть-Сыда; 19 — трезель (Минусинский край); 23, 27, 28 — бляхи для перекрестья ремней: 23 — Иудина, 27 — Малая Идра, 28 — Казанцева; 24, 25 — подпружные пряжки; 24 — Малая Иня, 25 — Иудина; 26, 29, 30 — ворворки: 26 — Никольское, 29 — Большая Иня, 30 — Янова; 1—30 — бронза

Таблица 86. Тагарская культура. Орудия труда, ножи

1—3 — оселки: 1, 3 — Малая Иня, 2 — Гришкин Лог 1; 4 — мотыжка (Кривая); 5—7, 13, 14 — кельты: 5 — Новая Идра, 6 — Идра, 7 — б. Частоостровская волость, 13, 14 — Брагина; 8, 9 — серпы: 8 — Быстрая, 9 — Брагина; 10, 11 — пилы (Брагина); 12 — инструмент для таврения скота (Анаш); 15—24, 26—28, 30, 31 — ножи V—III вв. до н. э.: 15 — Абаканское, 16, 18, 24 — Минусинский край; 17 — Бея, 19 — Минусинск, 20 — Троицкая, 21 — Худогонова, 22 — Черемушка, 23 — Лугавское, 26 — Шуеры, 27 — Монок, 28 — Колмакова, 30 — Мальцева, 31 — Большой Хабук; 33—37, 39, 40, 42, 44, 45 — ножи VII—VI вв. до н. э.: 33, 34, 39, 42, 44, 45 — Минусинский край, 35 — Кныши, 36 — Ничка, 37 — Батени, 40 — Шушенское; 25, 29 — шилья V—IV вв. до н. э.: 25 — Малая Иня, 29 — Кочергино; 32, 38, 41, 43 — шилья VII—VI вв. до н. э.: 32 — Самохвал, 38 — Откнин улус, 41 — Минусинский край, 43 — Саянская; 1—3 — камень; остальное — бронза

Таблица 87. Тагарская культура. Украшения и предметы туалета

1, 4, 13, 14 — гребни: 1 — Кара-кургэн, 4 — Самохвал, 13 — Сыда, 14 — станция Минусинск; 2, 5, 9—12 — бусы; 2, 11 — Кочергино; 5, 9, 10, 12 — Откнин улус; 3, 7, 8 — пронзки: 3 — Откнин улус, 7, 8 — Кочергино; 6 — серьга; 15—18 — бляшки-украшения головного убора: 6, 15, 17 — Откнин улус, 16 — Тагарский остров, 18 — станция Минусинск; 19, 20, 22 — туалетные ножи: 19 — Кызыл-Куль, 20 — Усть-Тесь, 22 — Сыда; 21 — привеска из клыка кабарги (Откнин улус); 23—25 — зеркала: 23 — гора Изых, 24 — Откнин улус, 25 — Бедря; 1, 4, 13, 14, 19, 20, 22 — кость; 2 — аргиллит; 5, 9 — сердолик; 6 — бронза и золото; 21 — клык кабарги; остальное — бронза

Таблица 88. Тагарская культура. Искусство. Наскальные рисунки (1—4), звериный стиль (5—21)

1 — Малая Боярская писаница (по М. П. Грязнову); 2 — часть Большой Боярской писаницы (по М. А. Давлет); 3а—г — фрагменты Апкашевской писаницы (по эстампажу Н. Л. Членовой); 4 — Оглахтинская писаница (по эстампажу А. Н. Липской); 5—12 — «алтайский» звериный стиль: 5 — с. Субботино, 6, 8—10 — Минусинский край, 7 — б. Ачинский округ, 11 — б. Минусинский уезд, 12 — Ключи; 13—21 — «минусинский» звериный стиль: 13 — Потрошилова, 14 — то же (увеличено), 15 — Метихова, 16 — Корякова, 17 — Кавказское, 18 — Восточное, 19 — Минусинский край, 20 — Бейское, 21 — Тигрицкое; 1—4 — рисунки, выбитые на скалах; 5—21 — бронза

Таблица 89. Тагарская культура. Керамика (1—14), бронзовые котлы (15—18)

1—5 — керамика V—III вв. до н. э.: 1 — Кошьева, 2, 3 — Сарагаш, 4 — Усть-Тесь, 5 — Малая Иня; 6—14 — керамика VII—VI вв. до н. э.: 6 — оз. Шира, 7, 8 — Страшный Лог, 9 — Откнин улус, 10 — Батени, 11 — Усть-Тесь, 12—14 — Тесь; 15—18 — Минусинский край

Таблица 90. Тагарская культура. Погребальный обряд

1 — вид на могильник Кулун II; 2 — вид на могильник Изыхкуль; 3 — вид Большого Салбыкского кургана в процессе раскопок; 4—9 — могильник Барсучиха V; 4, 5 — план и разрез ограды, 6—8 — план и разрез могил; 10, 11 — могильник Тепсей IX, курган 2; 12—17 — могильник Туран II; курган 5; 12—15 — план, разрез, стены оградки, 16, 17 — план и разрез могилы 2; 18, 19 — могильник Туран II, план и разрез могилы 4 кургана 4

Таблица 91. Тагарская культура. Погребальные сооружения Большого кургана могильника Салбык

1 — северная стена ограды Большого кургана; 2 — план ограды Большого кургана; 3—5, 7 — разрезы бревенчатого клена и дромоса в Большом Кургане; 6 — план бревенчатого склепа в Большом кургане; а — бревна; б — береста;

в — камни; г — погребенная почва; д — материк; е — темная почва; ж — красная глина; з — выброс из могильной ямы

Таблица 92. Средний Енисей. Тесинский этап (II в. до н. э. — начало I в. н. э.). Погребальные сооружения

1, 3, 11, 12 — Барсучиха I, склеп; 2, 14, 15 — Тепсей XVI, склеп; 4, 8 — Каменка III; 5, 7 — Карасук V; 6 — Разлив II, раскоп 1; 9, 10 — Тепсей VII; 13, 21, 22 — реконструкция В. Г. Ефимова: Барсучиха I (13); Разлив III (21, 22); 16—18, 20 — Разлив III; 19, 23 — Новосарагашенский курган

Таблица 93. Средний Енисей. Тесинский этап (II в. до н. э. — начало I в. н. э.). Предметы материальной культуры

1—31 — посуда тесинских склепов и могильников; 32—62, 64, 65 — инвентарь склепов с бронзовыми миниатюрами; 1, 5, 15, 21 — Барсучиха I, впускные захоронения; 2 — Барсучиха I, склеп; 3, 6, 7, 10, 16—19, 22—24, 28 — Каменка III; 4, 8 — Разлив II, раскоп 2; 9, 12, 13 — Тепсей XVI, склеп; 11 — Красный Яр III; 14, 26, 27, 29 — Тепсей VII; 20 — Тепсей XVII; 25, 30 — Каменка V; 31 — Тепсей III; 32, 34—37, 39—41, 43, 44, 46—49, 52, 53, 57—62, 64, 65 — Разлив I, курган 3; 33, 38, 42, 45, 50, 51, 54—56 — Разлив III; 63 — Большая Боярская писаница, фрагмент (прорисовка М. А. Давлет); 1 — береста; 2, 32—42, 55—60 — бронза; 3—31, 46—49, 53, 54, 61, 62, 64, 65 — глина; 43—45, 50—52 — железо; 63 — камень

Таблица 94. Средний Енисей. Тесинский этап (II в. до н. э. — начало I в. н. э.). Погребальный инвентарь склепов и могильников, клады, случайные находки

Могильники, склепы: 1, 14, 23, 25, 31, 34, 38, 40, 44, 67, 79 — Тепсей VII; 3, 45, 80 — Каменка V; 4, 5, 13, 35—37, 39, 42, 43, 47, 55, 56, 58, 61, 64—66, 68 — Каменка III; 6 — Разлив II, раскоп 1; 7 — Тепсей I; 8 — Тепсей VIII; 9—12, 15, 16, 18, 41, 50, 62 — Барсучиха I, впускные захоронения; 17 — Мохов улус; 19, 22, 51, 53 — Барсучиха I, склеп; 24 — Большой Уйбатский курган; 28, 29, 48, 71 — Калы; 52, 54 — Большой Тесинский курган; 57, 63 — Тепсей XVII; 59 — Красный Яр III; 60 — Есинская МТС; 69 — Тепсей XVI; Клады: 2, 20, 21 — Аскыровский; 26, 27, 30, 32, 33, 46 — Знаменский; 75, 77 — Косогольский; Случайные находки: 49, 74, 81 — Минусинский музей; 70, 72, 76 (Государственный Эрмитаж); 73, 78 (Государственный Исторический музей); 72 — верховья Теси; 73 — Кокорева; 74 — гора Изых; 76 — Означенная; 49, 70, 78, 81 — местонахождение неизвестно; 1, 2, 8—14, 16, 17, 20, 29, 31, 50, 55—59, 61, 62 — железо; 3—7, 15, 18, 28, 34—43, 45, 63—67 — кость, рог; 19, 80 — камень; 21—23, 25, 44, 47—49, 51—53, 60, 68, 70—79, 81 — бронза; 24, 26, 27, 32, 33, 46 — золото; 30 — серебро; 54, 69 — глина

Таблица 95. Таштыкская культура. План могильника, планы и разрезы погребальных сооружений из грунтовых могильников

1, 7 — Мысок; 2, 5, 6, 9—11 — Комаркова-Песчаная; 3, 4 — Барсучиха IV; 8 — Новая Черная V

Таблица 96. Таштыкская культура. Планы могильника, склепов, «поминальника», реконструкции

1, 3 — Тепсей III; 2 — внешний вид могильника: 1 — склеп; 2 — детские могилы; 3 — «помины» (реконструкция М. П. Грязнова, Л. Н. Баранова); 4 — Тепсей III, склеп (реконструкция Л. Н. Баранова); 5 — Дальняя Чая; 6 — Тесь

Таблица 97. Таштыкская культура. Вещи из грунтовых могил

1, 16, 17 — Мысок; 2, 4, 7—9, 11, 18, 19, 21, 22, 28, 29, 39—42, 49, 53, 61 — Комаркова-Песчаная; 3, 20, 41, 52, 63 — Горькое Озеро; 5, 6, 12, 13, 23, 37, 38 — Новая Черная V; 10, 24, 27, 32, 43, 57, 58 — Оглахты; 14, 15, 33, 48, 59 — Новая Черная IV; 30, 35, 50, 56, 60 — Абаканская орава; 31 — Таштык; 34 — Окунев; 36, 44, 45, 54 — Салбык; 40 — Кутужеково; 46, 47, 51, 62 — Быстрая; 1, 2, 5, 6, 8, 11, 22, 23, 29—41 — бронза; 3 — золото; 4 — серебро; 7, 12, 13 — железо; 9 — слюда; 10, 14—21, 28 — кость; 24—27, 43 — дерево; 42 — стекло; 44, 45 — дерево с золотом; 46—63 — глина

Таблица 98. Таштыкская культура. Вещи из склепов

1, 4, 14, 16, 20, 25, 31, 32, 38, 41, 45, 53 — Тепсей III; 2, 3, 18, 29, 33, 36, 39, 42—44, 47, 52, 57 — Уйбат I; 5 — Усть-

Тесь; 6, 10, 13, 17, 26—28, 30, 54, 61 — Изых; 7, 8, 11, 12, 15, 22—24, 40, 46 — Сыры; 9 — Джесос; 19, 34 — Уйбат II; 21 — Тагарский остров; 35 — Джесос; 37, 48—50, 58 — Дальная Чая; 51 — Тейсей III, «помин»; 55 — Думная гора; 56 — Изых, «помин»; 59 — Минусинск; 60 — Мысок; 1, 6, 9, 17, 26, 37, 38 — железо; 2—5, 7, 8, 10, 13, 14, 16, 18, 25, 28, 30—36, 39, 41—45 — бронза; 11, 12, 15, 22—24, 40, 46 — дерево; 19—21 — кость; 27 — белый сплав; 29 — камень; 47 — береста; 48—61 — глина

Таблица 99. Таштыкская культура. Одежда, утварь, реконструкция причесок

1—4, 6—18, 23—25 — Оглахты; 5, 21, 22 — Тейсей III; 19 — Сыры; 20 — Уйбат I; 1, 2 — береста и шелк; 3 — волосы и кожа; 4 — кожа; 5—14, 16—22 — дерево; 15 — береста; 23 — мех барана; 24 — мех барана, собаки и волка; 25 — трава, кожа, шелк

Таблица 100. Таштыкская культура. Предметы искусства
1—3 — Оглахты; 4 — Абакан; 5 — Усть-Тесь; 6, 8, 10, 11 — Уйбат I; 7 — Барсучиха IV; 9 — Сыры; 12 — Ошколь; 13—15 — Тейсей III

Таблица 101. Культура плиточных могил. Ранний этап, инвентарь

1, 4, 5, 7, 10 — гора Тапхар; 2, 18 — долина р. Хилок; 3 — Усть-Куэнга; 6 — Забайкалье; 8, 15, 19 — восточное Забайкалье; 9, 14, 21—23, 26, 27 — Дарасун; 11 — Агинская степь; 12 — могила близ г. Нерчинск; 13, 17 — Усть-Тулутай, р. Онон; 16, 24, 25 — Дворцы; 20 — могильник Александровский; 28—44 — часть Закаменского клада с р. Джиды; 1—3, 12, 13, 17, 18, 30—38 — ножи; 4, 14 — наконечники стрел; 5 — накладка; 6 — удила; 7, 8 — псални; 9, 22, 24, 25 — бляшки; 10, 11, 43 — котел, обломки котлов; 15 — бляшка в зверином стиле; 16 — поясная бляха; 19—21 — ложечковидные подвески; 23 — бусы; 26 — подвеска; 27, 29 — провололочные кольца; 28 — пряжка; 39—42 — кельты; 44 — зеркало; 1—6, 8—13, 15—22, 24—44 — бронза; 7 — рог; 14 — кость; 23 — камень

Таблица 102. Культура плиточных могил. Керамика (27, 28), инвентарь среднего (7—26) и позднего (1—6) этапов

1, 5, 6 — Барун-Кондуй; 2—4 — Ихерик; 7 — Усть-Тулутай; 8, 10, 22, 25 — Саянтуй; 9 — долина р. Хилок; 11 — Забайкалье; 12, 26 — Шулу-Шэнгальжин; 13 — р. Иволга; 14—21, 24 — станция Оловянная; 23 — Ононск; 1 — пугоницы; 2 — псални; 3, 4 — удила; 5 — пластина; 6 — бусы; 7, 8, 13 — кинжалы; 9 — нож; 10, 11 — кельты; 12 — шило; 14—17, 19, 20 — украшения; 18 — нагрудник с бронзовыми украшениями; 21, 22 — трубочки-рукоятки плетя (?); 23 — бляшка в зверином стиле; 24 — зеркало, бусы, пряжка; 25 — зеркало; 26 — пряжка; 27 — керамика дворцового типа; 28 — фрагменты керамики, трипод; 1, 7—26 — бронза; 2—5 — железо; 6 — пиррофиллит; 27, 28 — глина

Таблица 103. Культура плиточных м. огил. Погребальный обряд

1 — план могильника Саянтуй; 2 — вид могилы 10 могильника Саянтуй; 3 — положение костяка в могильнике Убур-Билутай; 4 — план плиточной могилы 63 у горы Тапхар; 5, 6 — план и разрез плиточной могилы 10 могильника Саянтуй; 7 — план «фигурной» плиточной могилы 113 могильника Сосновая падь; 8—10 — положение костяков в плиточных могилах у станции Оловянная; 11—13 — планы и разрез могилы 10 могильника Дарасун 3

Таблица 104. Оленные камни Забайкалья

1 — р. Иволга; 2 — Ульба II; 3 — р. Джиды, гора Сельгир; 4 — Ульба I; 5 — Читинская обл., Агинский Бурятский автономный округ

Таблица 105. Хунну. Вооружение и конское снаряжение

1—40 — I в. до н. э. — I в. н. э.; 41—75 — конец III—I в. до н. э.; 1—3, 7—9, 11—14, 18—22, 24—27, 29, 30, 32, 35—37, 39 — Ильмовая падь; 4, 5, 15—17, 23, 28, 31, 38, 40 — Черемуховая падь; 6, 10, 33, 34 — Суджинский могильник; 41, 42 — Иволгинский могильник; 43, 47, 49—54, 58, 60—74 — Иволгинское городище; 44—46, 48, 55—57, 59, 75 — Дэрестуйский могильник; 1—5, 12—17, 19—23, 25—28, 31, 39, 41—43, 47, 48, 59, 75 — железо; 6—8, 11, 18, 24, 30, 32—37, 40, 44, 49—53, 58, 60—65, 74 — кость; 9, 38, 54, 55, 66—73 — бронза (66, 68 — черешки железные); 10, 45, 46, 56, 57 — бронза, кожа; 29 — железо, кожа

Таблица 106. Хунну. Детали поясных наборов, поясные и сбруйные застёжки, пряжки, подвески, накладки

1—41 — I в. до н. э. — I в. н. э.; 42—81 — конец III—I в. до н. э. 1—6, 8, 12—14, 18—23, 26, 28—31, 34, 35, 39, 40 — Ильмовая падь; 7, 9, 10; 15—17, 24, 25, 27, 33, 36, 41 — Черемуховая падь; 11, 32, 37, 38 — Суджинский могильник; 42, 44, 48, 49, 51, 52, 54—57, 59—62, 64, 66, 68, 69, 71, 73—75, 77—80 — Иволгинское городище; 43, 47, 58, 63, 70, 76, 81 — Дэрестуйский могильник; 45, 46, 50, 53, 65, 67, 72 — Иволгинский могильник; 1—5, 8, 12—15, 19—24, 26, 27, 33—35, 39, 47, 57, 60, 64 — железо; 6, 7; 16—18, 25, 28—32, 36—38, 41, 42, 48, 52, 59, 61, 68, 71, 73—75, 77—79, 80 — кость, рог; 9 — перламутр (раковина); 10, 40, 63 — камень; 10 — зеленоватая яшма, 40 — зеленоватый камень, 63 — липаритовая лава; 11, 43, 44, 46, 49—51, 53—56, 58, 62, 65—67, 69, 70, 72, 76, 81 — бронза; 45 — бронза, железо (язычок)

Таблица 107. Хунну. Орудия труда и предметы быта

1—11 — I в. до н. э. — I в. н. э.; 12—50 — конец III—I в. до н. э. 1, 2, 6—9 — Черемуховая падь; 3—5, 11 — Ильмовая падь; 10 — Ноин-Ула; 12—31, 35—48 — Иволгинское городище; 32 — р. Кирон (Монголия); 33 — выдувы у с. Дурены; 34, 50 — Иволгинский могильник; 49 — Дэрестуйский могильник; 1 — железо, дерево; 2, 3, 12, 22—24, 29, 30, 33—35, 43, 44, 46—49 — железо; 4—8, 11, 13, 15, 16, 18—21, 26, 27, 31, 36—40 — кость; 9 — дерево; 10, 17, 25, 32, 50 — бронза; 14 — глина; 28 — камень, сланец; 41, 42 — чугуи; 45 — железо, кость

Таблица 108. Хунну. Украшения и предметы туалета, бляхи, подвески, бусы, зеркала

1—19 — I в. до н. э. — I в. н. э.; 20—76 — II—I вв. до н. э.: 1, 5, 7, 8, 11, 13, 15 — Ильмовая падь; 2, 3, 6, 9, 10, 12, 14, 16—19 — Черемуховая падь; 4, 20—23, 26, 27, 29—33, 39, 41—48, 52, 54—56, 58, 61—64, 66, 68, 70, 71 — Иволгинское городище; 24, 25, 28, 34—38, 40, 49—51, 53, 57, 59, 60, 65, 67, 72, 74—76 — Иволгинский могильник; 69, 73 — Дэрестуйский могильник; 1 — позолоченная бронза; 2 — золото с гнездами для вставок из зеленоватых камней; 3 — медь с вставками камня; 4—6, 8, 32—34, 46, 47, 59, 60, 69 — бронза; 7 — серебро; 9, 13, 14, 16—18, 20—24, 26, 27, 35—41, 43—54, 56, 57, 62—65, 67, 68, 70—75 — поделочный и полудрагоценный камень различных пород: 9 — «черный камень», 13, 14 — бирюза, 16 — зеленоватая яшма, 17 — янтарь, 18 — «бледно-желтый» камень, 20—24 — сердолик, 26 — малахит, 27, 28, 39, 41, 52, 56, 65, 70, 72 — породы неизвестны, 35, 36, 53, 57 — глинистый известняк, 37, 38, 74 — серпентин, 40 — аллестон, 48 — белый меловой камень, 49—51, 57 — флюорит, 54 — глинистый сланец, 62—64, 68, 71 — гешир, 73 — красная яшма, кварцитовые породы. 75 — агат; 10, 19, 30, 31, 42—45, 55, 76 — кость; 11, 15 — раковина уховка; 12 — стекло с позолотой; 25, 29 — многоцветное стекло; 58, 66 — железо; 61 — раковина каури

Таблица 109. Хунну. Поселения, жилые и производственные сооружения

1—4 — Иволгинское городище; 1 — реконструкция жилища 42 (А — внешний вид; Б — конструкция кровли; В — внутреннее устройство), 2 — план и разрез остатков сыроступного горна, 3 — план и разрез жилища 42, 4 — план городища; а — вал; б — жилища; в — дерево; г — местоположение сыроступного горна; д — камни; е — хозяйственные ямы; ж — дерн; з — раскопы Г. П. Сосновского; и — материк; к — горелая солома; л — глиняная обмазка; м — пойма р. Селенга

Таблица 110. Хунну. Погребальный ритуал

1—5 — Ильмовая падь: 1 — план могильника, 2—5 — планы и разрезы намогильных сооружений суджинского типа; а, б — курганы хунну; а — нераскопанные, б — раскопанные; в, г — средневековые курганы

Таблица 111. Хунну. Погребальный обряд. Внутримогильные сооружения

1, 3, 5 — Ильмовая падь: а — перекрытие, б — погребение; в — разрез могильной ямы; 2 — Дэрестуйский могильник; 2 — перекрытие, 2а — погребение; 4 — Черемуховая падь; 6 — Иволгинский могильник

Таблица 112. Хунну. Сосуды

1, 2, 5 — Черемуховая падь; 3, 4, 15, 16 — Эдуй; 6, 7 — Суджинский могильник; 8—11, 17—20, 22, 23, 25—30 — Иволгинское городище; 12, 14, 21, 24 — Иволгинский могильник;

13 — Дэрестуйский могильник; 1—9, 11—30 — глина (7 — крышка сосуда); 10 — камень

Таблица 113. Хунну. Предметы искусства, пряжки, бляхи
1, 4, 10 — Иволгинский могильник; 2, 11 — Иволгинское городище; 3, 5, 6, 8, 9 — Дэрестуйский могильник; 7 — Суджинский могильник; 1, 4, 8—11 — бронза; 2, 7 — кость; 3 — дерево, золото с гнездами для вставок; 5, 6 — листовое тисненное золото

Таблица 114. Хунну. Предметы искусства, пряжки, накладки, бляхи, деталь ковра

1, 11, 17 — Дэрестуйский могильник; 2, 5—7 — Иволгинское городище; 3, 14 — поселение Дурены; 4, 8, 12, 13, 15, 16, 18, 19 — Ордос, случайные находки; 9 — Ильмовая падь; 10 — Иволгинский могильник; 20 — Ноин-Ула; 1, 3, 4, 7—19 — бронза; 2, 5, 6 — кость; 20 — деталь вышивки на войлочном ковре

Таблица 115. Лесостепное Зауралье. Памятники носилового типа

1 — планы жилищ 1, 2 (а — очертания остатков сооружений; б — предполагаемые очертания; в — уголь; г — прокаленный и спекшийся с золой песок; д — заполнение поздней ямы; е — ямки от столбов); 2 — план поселения (валы от памятника воробьевского типа); 3—31 — инвентарь; 1, 2, 5, 6, 9—11, 13—15, 18, 19, 22, 23, 27 — Носилово II; 3, 4 — Воробьевское; 7, 28 — Увал V; 8, 12, 16, 17, 20, 21, 31 — Прыговское; 24—26, 29, 30 — Увал IV; 3, 5 — бронза; 4 — камень; 6—31 — глина

Таблица 116. Лесостепное Притоболье и Пришимье. Памятники байтовского типа

1 — план городища; 2—13, 15—27 — инвентарь; 14 — план жилища 1 (а — вал и ров; б — жилищная впадина; в — дорога; г — контуры жилища на уровне материка; д — то же на глубине 0,1 м от уровня материка; е — контуры ям и очажных углублений на глубине 0,2 м от уровня материка; з — уголь; и — зола; к — столбовая яма; л — прокаленный грунт; м — кости животного; н — слой остатков очага-кострища; о — место находки булавки; п — траншея); 1, 5 — Байтово; 2, 4, 12, 13 — Курганская обл.; 3, 7—9, 17 — Юдино; 6, 14, 15, 27 — Увал V; 10 — Боровая; 11 — Увал IV; 16 — Речкино I; 18, 22—24 — Рафайлово; 19, 26 — Лихачево; 20, 21, 25, 28 — Ботники Ia; 2, 4, 5, 10, 12, 13 — случайные находки; 2—5, 13 — бронза; 6—8, 11, 16—28 — глина; 9 — кость; 10 — железо, бронза; 12, 15 — железо

Таблица 117. Лесостепное Притоболье. Памятники воробьевского типа

1, 5 — планы жилищ; 2 — план городища; 3, 4, 6—23 — инвентарь; 1, 6—9, 17, 19, 21 — Речкино I; 2, 11 — Воробьевское; 3 — Речкино II; 4, 10, 16, 23 — Шадринский; 5 — Боровое; 12—14 — Носилово II; 15 — б. Шадринский уезд; 18, 20 — Язеве I; 22 — Камышное II; 3, 4, 10, 15 — бронза; 6—9, 12—14, 17—23 — глина; 11 — железо; 16 — тальк

Таблица 118. Гороховская культура. Поселения, жилища, погребальный обряд

1—4 — планы городищ (а — вал и ров; б — жилищная впадина; в — раскоп; г — дорога; д — неопределенные углубления; е — лес); 5, 7 — планы жилищ (а — очаг; б — углистые полосы; в — столбовые ямы; г — земля с размокшим углем; д — яма; е — следы досок; ж — фрагменты керамики; з — скопление костей; и — зола; к — обгорелые бревна; л — глина); 6, 8, 9, 11—14 — планы погребений; 10, 15 — планы курганов (а — дерн; б — заполнение грабительского прокопа; в — береста и органические остатки; г — камни; д — чернозем насыпи; е — погребенная почва; ж — материк); 1 — Коровяково; 2 — Большое Казахбаевское; 3 — Ильтяково; 4, 7 — Горохово (Чудаки); 5 — Лужки; 6 — Раскатиха; 8—11, 13, 14 — Воробьево I; 12 — Березки ВБ; 15 — Кенес

Таблица 119. Гороховская культура. Орудия труда, вооружение, конское снаряжение, украшения и предметы культа

1—4, 9, 10, 17—19, 26—28, 38, 60, 61 — Воробьево I; 5, 15 — Исток; 6, 34, 37, 41, 42 — Шикаевка; 7, 12, 25 — Шамаково; 8, 33, 35, 51 — Прыгово; 11 — Ключевское; 13, 14, 29, 30, 39, 40, 45, 48, 49, 55, 56 — Горохово; 16, 21—24, 32, 36 — Рас-

катиха; 20, 63—65 — Царев курган; 31, 43, 54, 57 — Березки ВБ; 44 — Разбегаевка; 46, 47 — Куртамыш; 50 — Кенес; 52 — курган на 11-й версте Миасского тракта; 53 — Лужки I; 58 — Усть-Караболка; 59 — Синеглазово; 62 — Барсуки, б. Шадринский уезд, урочище Татарский бор; 66 — Максимова Далматовского р-на; 1—5 — стекло; 6, 34, 37, 41, 42 — золото; 7, 16, 26—28, 43, 46, 48, 49 — кость; 8, 9, 11, 12, 15, 17—24, 32, 33, 35, 36, 54, 62 — бронза; 10 — серебро; 13, 29—31, 38—40, 52, 55, 56 — глина; 14, 45 — тальк; 25, 47, 51, 58—61 — железо; 44, 50, 53, 57, 66 — камень; 63—65 — дерево

Таблица 120. Гороховская культура. Сосуды из глины, меди и кости

1, 2 — Язеве I; 3 — Царев курган; 4, 10, 14 — Шамаково; 5 — Исаково; 6, 12, 22 — Воробьево I, могильник; 7 — Борборькино IV; 8 — Камышное II; 9 — Исток; 11 — окрестности г. Шадринск, р. Исеть; 13 — Сухомесово; 15 — Березки ВБ; 16, 21, 30 — Лужки I; 17 — Раскатиха; 18 — Синеглазово; 19, 20 — Соколовка I; 23, 25, 31 — Горохово; 24 — Ильтяково; 26 — Воробьево, городище; 27 — Елесина Яма; 28 — Замаараево; 29 — Ключевское; 1—26, 30, 31 — глина; 27 — кость, череп человека; 28, 29 — медь

Таблица 121. Саргатская культура. Поселения, жилища

1—9 — планы поселений и жилищ саргатской культуры; (а — вал и ров; б — канавка; в — жилищная впадина; г — край обрыва; д — раскоп; е — дорога; ж — границы объектов на материке; з, и — то же на глубине 0,1 и 0,2 м от уровня материка; к — столбовая яма; л — очаг; м — ямы; н — прокал; о — зола; п — уголь; р — кости; с — песок; т — заполнение углубления пола жилища; у — дерн; ф — темно-серая сунесь; х — позднейший прокоп; ц — нестроцвет; ч — обожженная глина); 10—33 — инвентарь памятников лесостепного Прииртышья VII—VI вв. до н. э.; 1, 5 — Инберень IV; 2 — Розановка; 3, 4 — Чушино; 6, 7 — Речкино 2; 8 — Коконское; 9 — Узлово; 10, 12, 16 — Новотроицкое I; 11 — Калачевка II; 13 — Чича I; 14 — б. Тюкалинский уезд; 15, 17, 19, 20, 22, 29, 32 — Туруновка IV; 18, 21, 27 — Битые Горки; 23 — Омск, близ б. завода Юргенсона; 24, 31 — берег Иртыша близ Омска; 25 — б. Ивановский монастырь; 26, 28 — окрестности Омска; 30 — Михайловка; 33 — Окунево I; 10, 11, 14, 15, 23, 25, 26, 28, 30, 31 — бронза; 12, 13, 27, 29 — кость, рог; 16—22, 32, 33 — глина; 24 — камень

Таблица 122. Саргатская культура. Вооружение

1—15 — II—IV вв. н. э.; 16—30 — II в. до н. э.—II в. н. э.; 31—57 — III—II вв. до н. э.; 58—80 — V—III вв. до н. э.; 1—4, 9—13, 15 — Покровка; 5—8, 14 — Калачевка I; 16, 20, 29, 30, 46—48, 53, 54, 56 — Богданово I; 17 — Саргатка; 18, 19, 25, 26, 31, 32, 35, 42, 49, 50 — Абатское; 21—24, 27, 28, 76 — Фоминцево; 33, 34, 36—41, 43, 45, 51, 52, 55, 57 — Красноярка; 44 — Томилово; 58—63, 65, 66, 69—71, 77, 79, 80 — Коконька; 64, 74 — Инберень IV; 67, 78 — Горная Бития; 68, 72 — Перейминский II; 73 — Потчеваш; 75 — Артын; 1—4, 6—13, 15, 17, 21—28, 35—41, 43, 45, 46, 50—55, 57, 69, 70, 77, 80 — кость; 5, 14, 16, 18—20, 29, 30, 32—34, 42, 44, 56, 58, 59, 65—67, 76, 79 — железо; 31, 47—49, 60—64, 68, 71—75, 78 — бронза

Таблица 123. Саргатская культура. Орудия труда, конское снаряжение

1—21 — II в. до н. э.—II в. н. э.; 27—35 — III—II вв. до н. э.; 42—62 — V—III вв. до н. э.; 1—3, 7, 25—28, 40 — Богданово I; 4, 10, 11, 15 — Фоминцево; 5, 20 — Саргатка; 6 — Савина; 8, 9, 14, 18, 33 — Абатское; 12, 17, 32, 38, 39 — Богданово, городище; 13, 19, 23, 53—56 — Богданово II; 16, 37, 58 — Тютрино; 21, 30, 34 — Абрамово 4; 22 — Потчеваш; 24 — Лихачево; 29, 35, 36, 41 — Красноярка; 31 — Вознесенское; 42, 50 — Усть-Тартас; 43, 44 — Артын; 45, 46, 57 — Перейминский II; 47, 52, 59, 60, 62 — Коконька, поселение; 48, 51 — Коконька, могильник; 49 — городище Инберень IV; 61 — Розановка, городище; 1—6, 8, 9, 12—15, 22, 23, 25—27, 36, 37, 42, 43, 45, 46, 57 — железо; 7, 16, 17, 30, 31, 38, 40, 41, 44, 47, 48, 59, 60 — кость; 10, 11, 18—21, 32—35, 49—52, 61, 62 — глина; 24 — железо, кость; 28, 53—56, 58 — бронза; 29, 39 — камень

Таблица 124. Саргатская культура. Пряжки, бляшки, пропизки, детали одежды, украшения

1, 2, 4—8 — II—IV вв.: 3, 9—31, 37, 39 — II в. до н. э.—II в.

н. э.; 32—36, 38, 40—51 — III—II вв. до н. э.; 52—72—V — III вв. до н. э.; 1 — Стрижево; 2 — Старый Сад; 3 — Мраково; 4, 6 — Покровка; 5, 7, 8 — Калачевка I; 9, 11, 26 — Фоминцево; 10, 17, 18, 24, 29, 34—36, 38—41, 43, 49, 50, 65 — Богданово I; 12 — Абатское; 13, 14, 19, 23, 25, 27, 28, 42, 48 — Богданово II; 15 — Абрамово 4; 16, 21 — Саргатка; 20, 22, 55, 57—59, 64, 70, 71 — Усть-Тартас; 30, 31, 37 — Тюково; 32, 33, 51 — Красноярка; 44—46 — Саратово; 47 — Потчеваш; 52—54, 60—62 — Перейминский II; 56, 63, 68, 69 — Коконовка, курганы; 66, 67 — Коконовка, поселение; 72 — Инберень IV; 1, 34—36, 40, 70 — золото; 2, 4—7, 13—15, 18—25, 29—31, 37—39, 41, 42, 47—51, 54—56, 58, 61—63, 71, 72 — бронза; 3, 8, 17, 26, 32, 33, 44—46, 59, 64—69 — кость; 9—11, 27, 28, 43, 60 — железо; 12 — медь, железо; 16 — серебро, береста (окантовка сосуда); 52, 53, 57 — железо, бронза

Таблица 125. Саргатская культура. Погребальный обряд

1, 2 — Покровка; 3, 4 — Абатское; 5 — Тютрино; 6 — Лихачево; 7 — Фоминцево; 8—12 — Красноярка; 13—15 — Коконовка (а — дерн; б — чернозем насыпи и погребенной почвы; в — суглинок выкида; г — грабительский прокоп; д — дерево; е — материк; ж — очаг; з — древесный тлен; и — уголь)

Таблица 126. Саргатская культура. Украшения, предметы туалета и культа

1—35 — II в. до н. э.—II в. н. э.; 36—46 — III—II вв. до н. э.; 47—63 — V—III вв. до н. э.; 1, 3, 17, 21, 24, 30, 34 — Абатское; 2, 4, 5, 8, 10, 11 — Фоминцево; 6, 7, 16, 27 — Саргатка; 9, 14, 22, 23, 25, 32, 39, 42, 44, 52, 54 — Богдановка I; 12, 13, 18, 61 — Усть-Тартас; 15, 19, 43, 45, 55, 56 — Тютрино;

20, 28, 29, 47, 48 — Богданово II; 26 — Калачевка I; 31 — Тюково; 33 — Савино; 35 — Стрижево; 36 — Карташово I; 37, 40, 41 — Красноярка; 38 — Горная Бития; 46 — Саратово; 49—51, 58, 59 — Богданово III; 53, 60 — Коконовка; 57 — Узлово; 62 — Карташово II; 63 — Розановка; 1—8, 9а, 10—14, 17, 36, 38, 41, 45, 52, 60 — стекло; 9б — гемшир; 15 — аргиллит (?); 16, 20, 21, 25, 27—34, 37, 42, 56, 61 — бронза; 18, 23 — сердолик; 19, 47—50, 54, 58, 59 — золото; 24, 26, 40, 43, 46, 57, 63 — глина; 25 — бронза, дерево; 35 — глина с галькой; 39 — золото, сердолик; 44а — сердолик; 44б — д — стекло; 44е — паста, обернутая золотым листком; 51 — серебро; 53 — паста, обернутая медным листком; 55 — мел, известняк; 62 — камень

Таблица 127. Саргатская культура. Керамика

1—16 — III—II вв. до н. э.; 17—29 — V—III вв. до н. э.; 1 — Абатское; 2, 5, 7, 11, 12, 16 — Красноярка; 3, 13 — Томилово; 4, 9 — Потчеваш; 6, 10 — Вознесенское; 8 — Тюково; 14 — Богданово, городище; 15 — Тютрино; 17, 18, 20 — Узлово; 19 — Инберень IV; 21 — Черноозерье; 22 — Усть-Тартас; 23, 27, 28 — Коконовка; 24, 25, 29 — Коконовка, поселение; 26 — Богданово II

Таблица 128. Саргатская культура. Керамика

1—11 — II—IV вв.; 12—36 — II в. до н. э.—II в. н. э.; 1—5, 7, 9, 10 — Калачевка I; 6, 8 — Покровка; 11 — Стрижево; 12, 13, 16, 19, 21—24, 28, 35 — Саргатка; 14, 15 — Савино; 17 — Тютрино; 18, 26 — Абатское; 20, 29 — Прыгово, городище; 25 — Фоминцево; 27, 36 — Увал I, городище; 30, 31, 33, 34 — Чупино; 32 — Богданово, городище; 1—14, 16—36 — глина; 15 — бронза

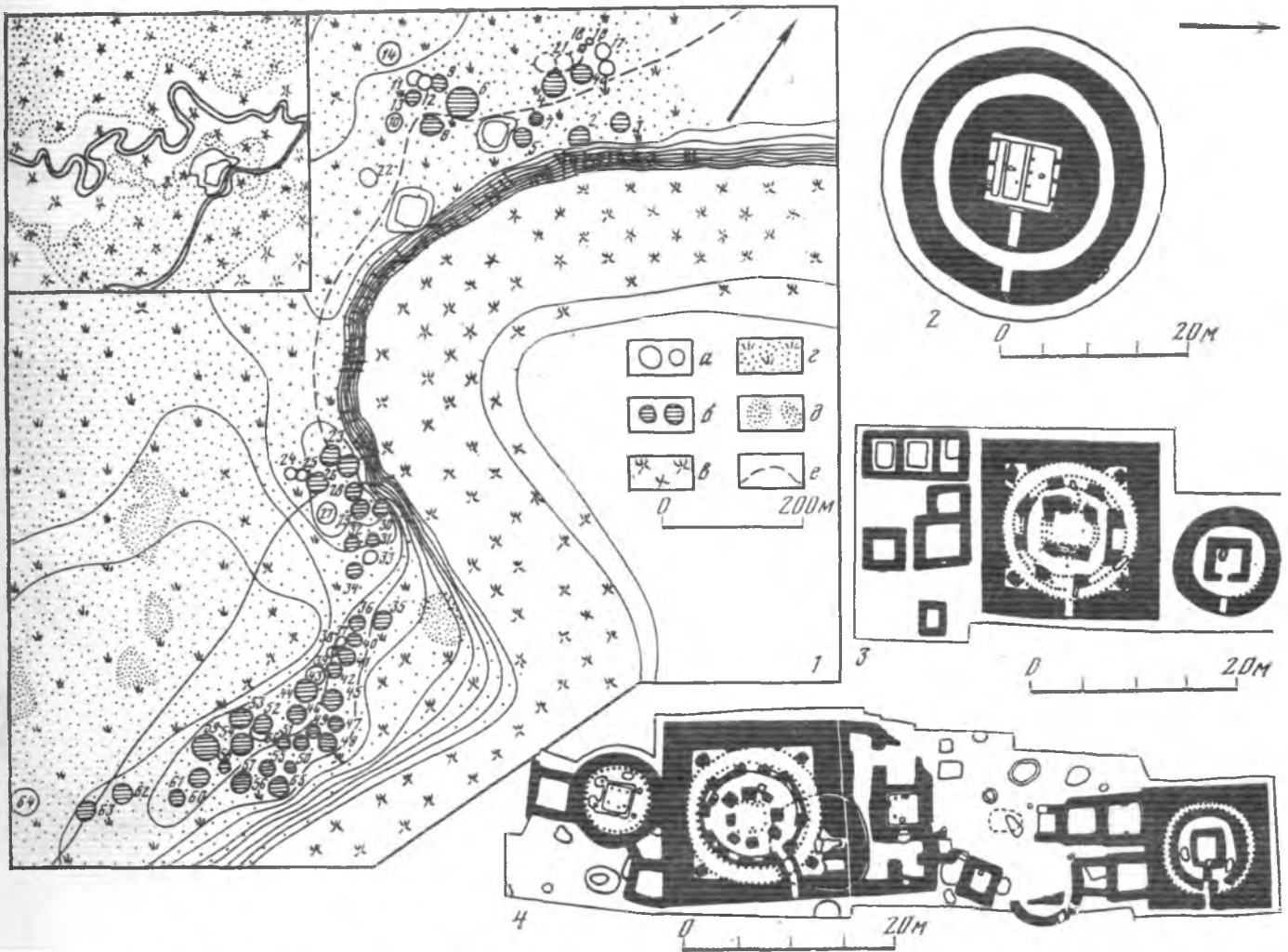

Таблица 1. Могильники Северный и Южный Тагискен

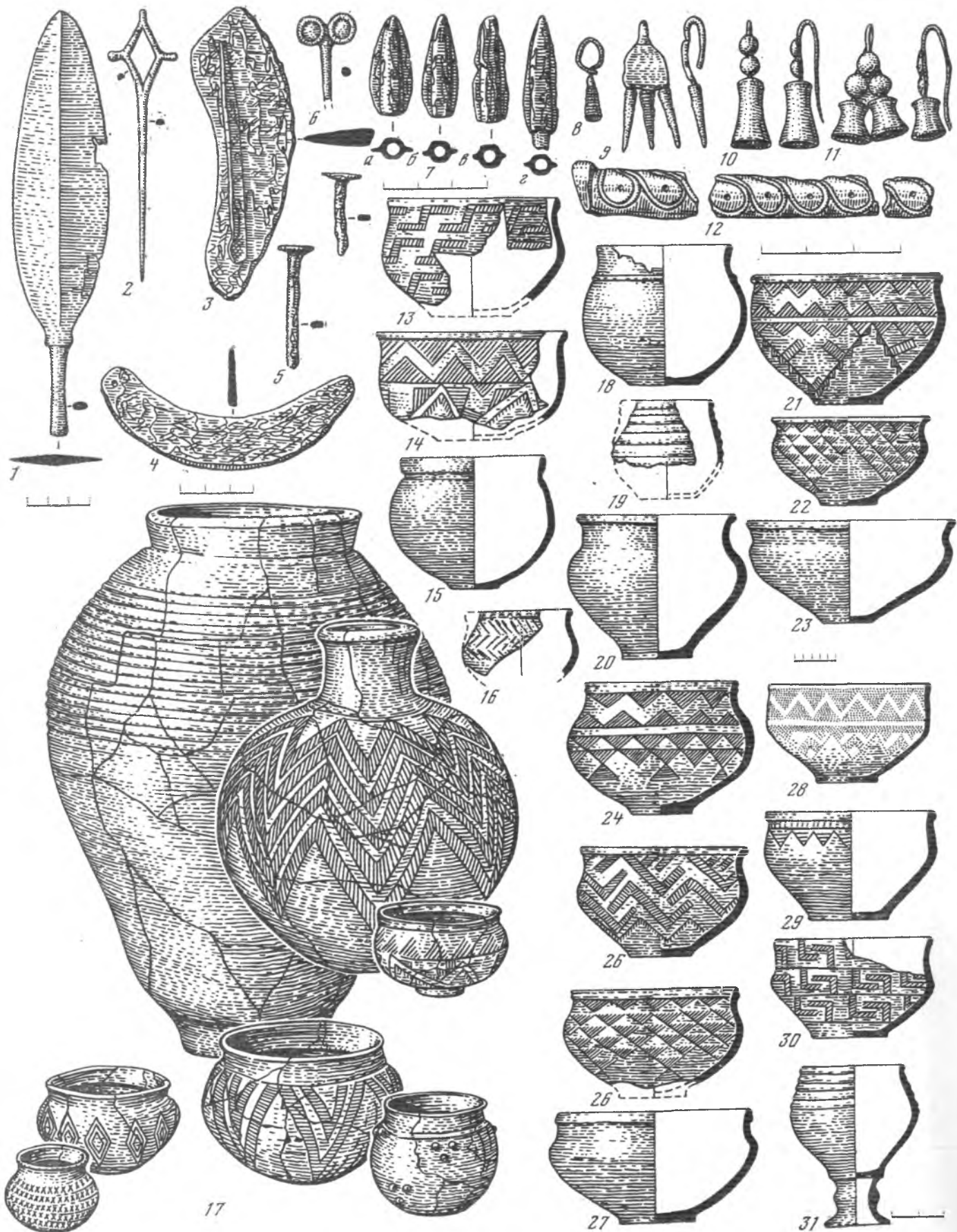

Таблица 2. Северный Тагискен

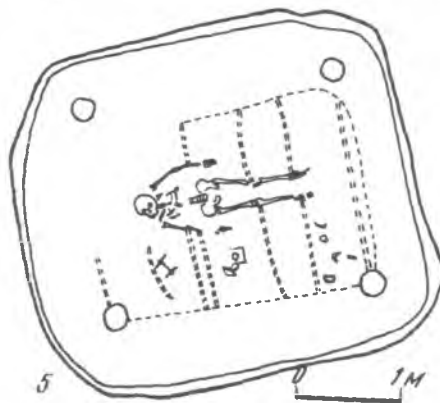
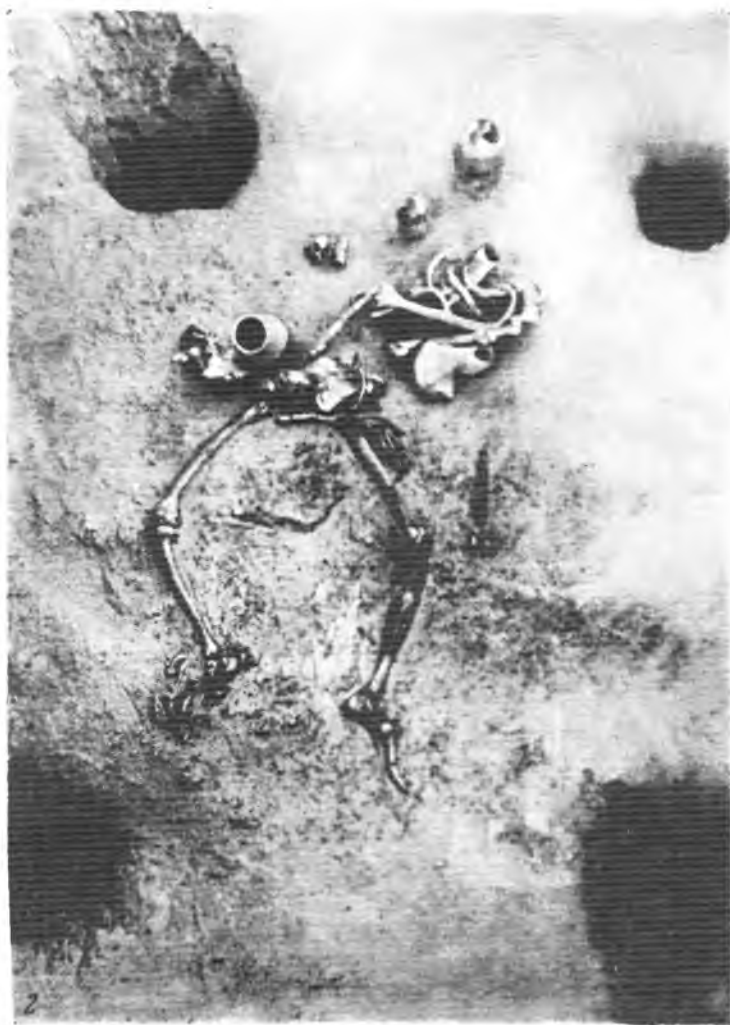
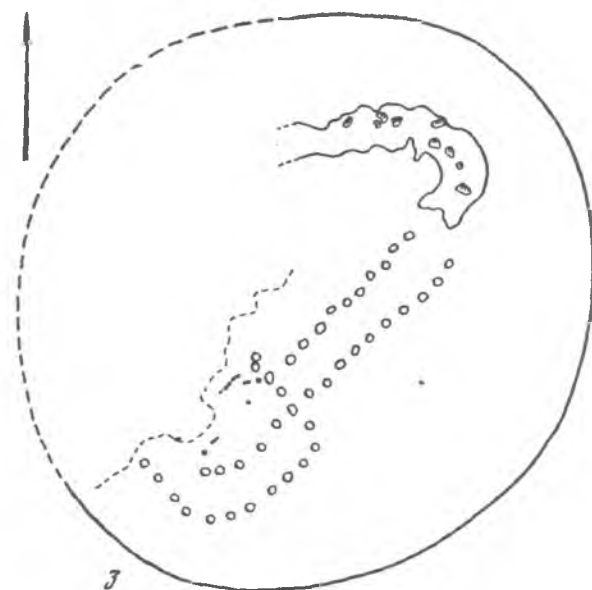

Таблица 3. Южный Тагискен (1 — 3) и Уйгарак (4, 5). Типы погребений

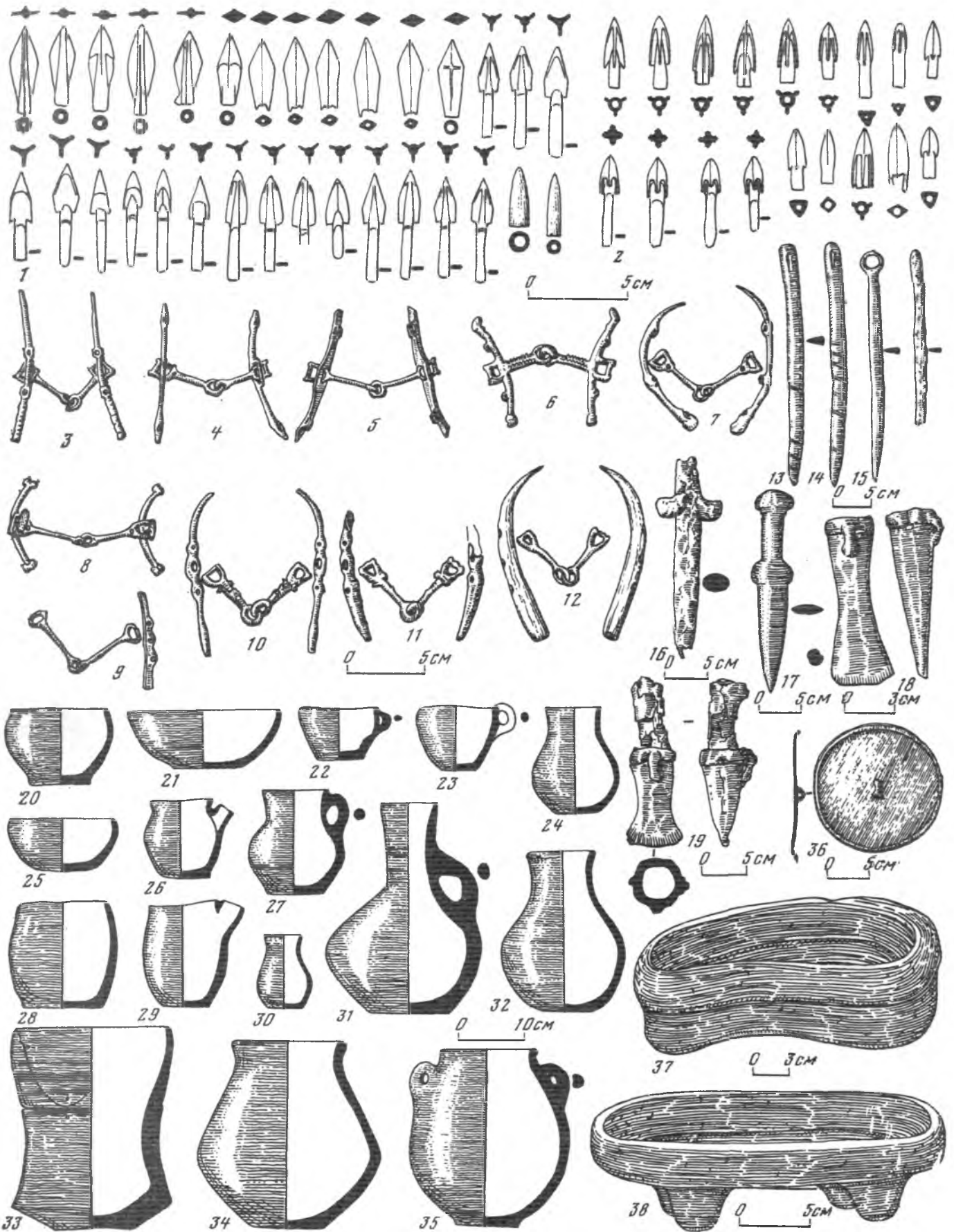

Таблица 4. Южный Тагискен и Уйгарак. Погребальный инвентарь

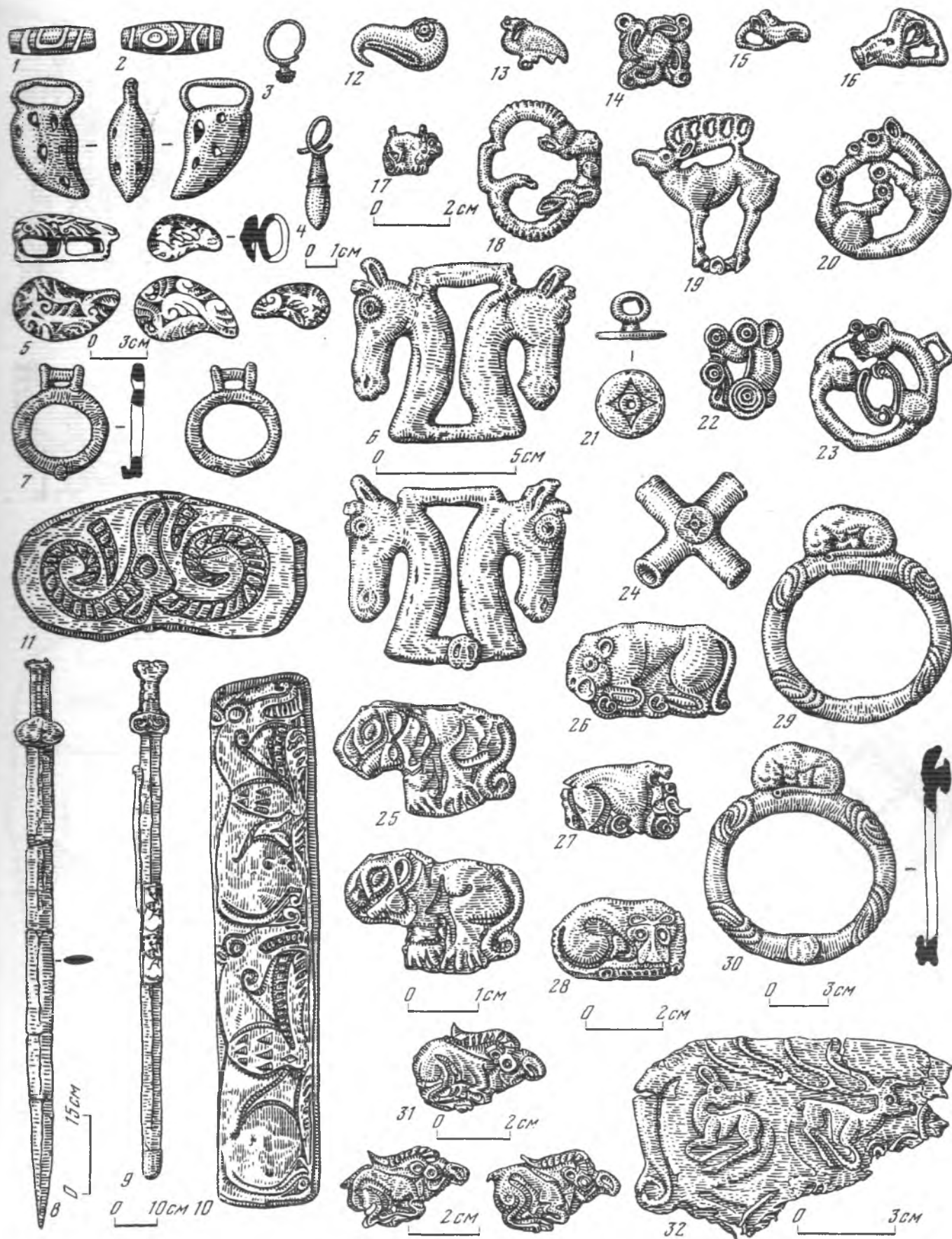

Таблица 5. Южный Тагискен и Уйгарак. Погребальный инвентарь

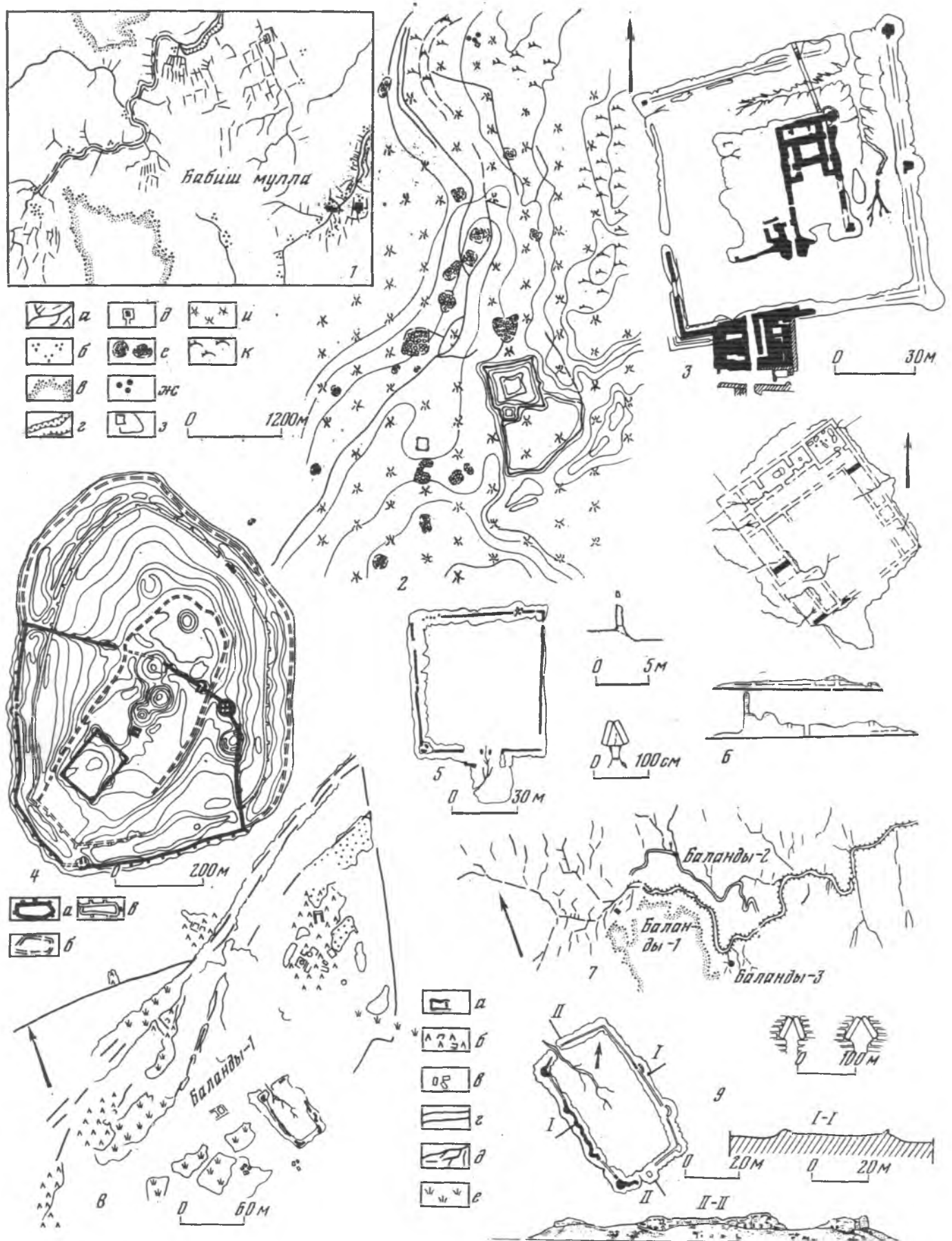

Таблица 6. Чирикрабатская культура. Планы и разрезы городищ и поселений

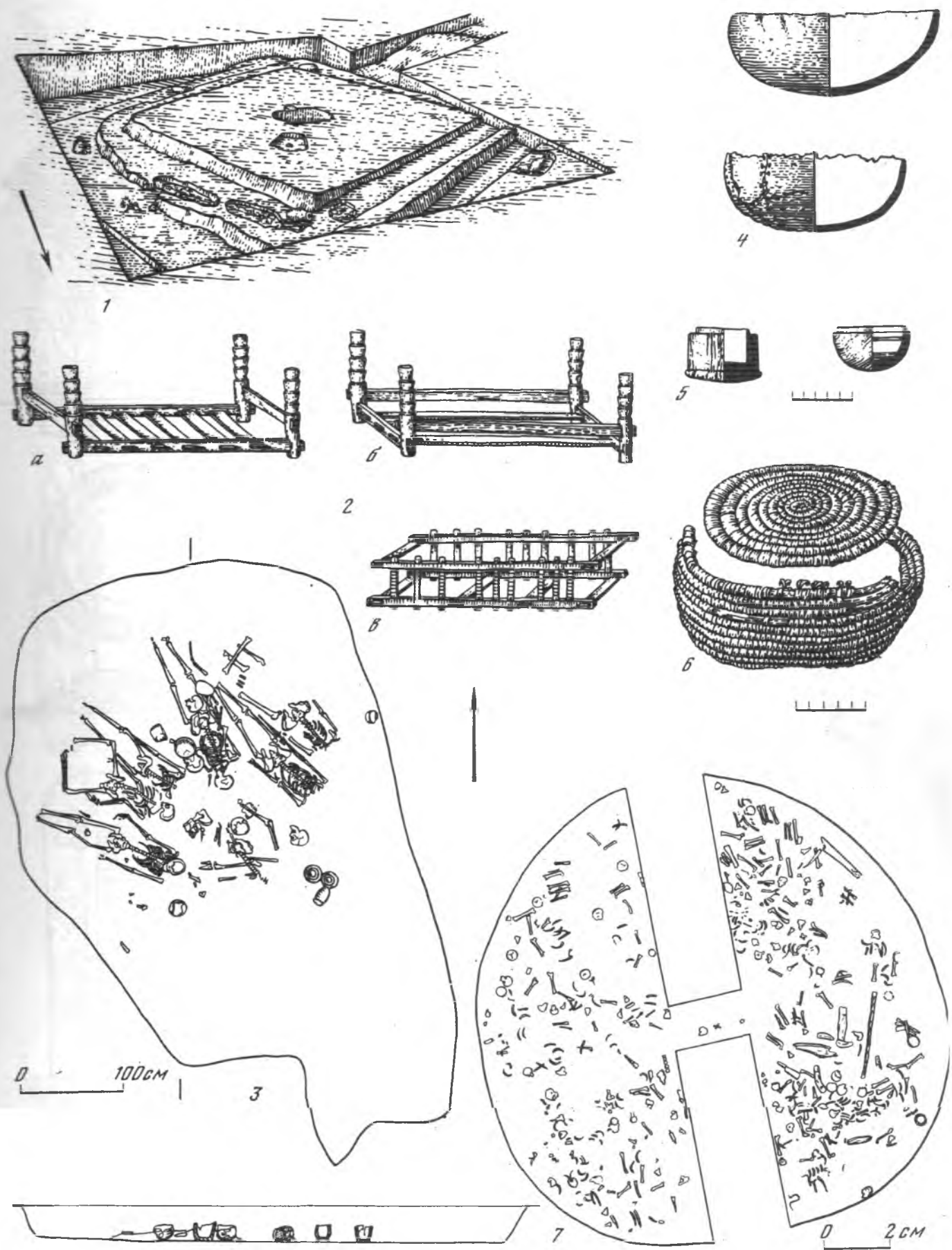

Таблица 7. Чирчикрабатская культура. Погребальные памятники, находки из дерева

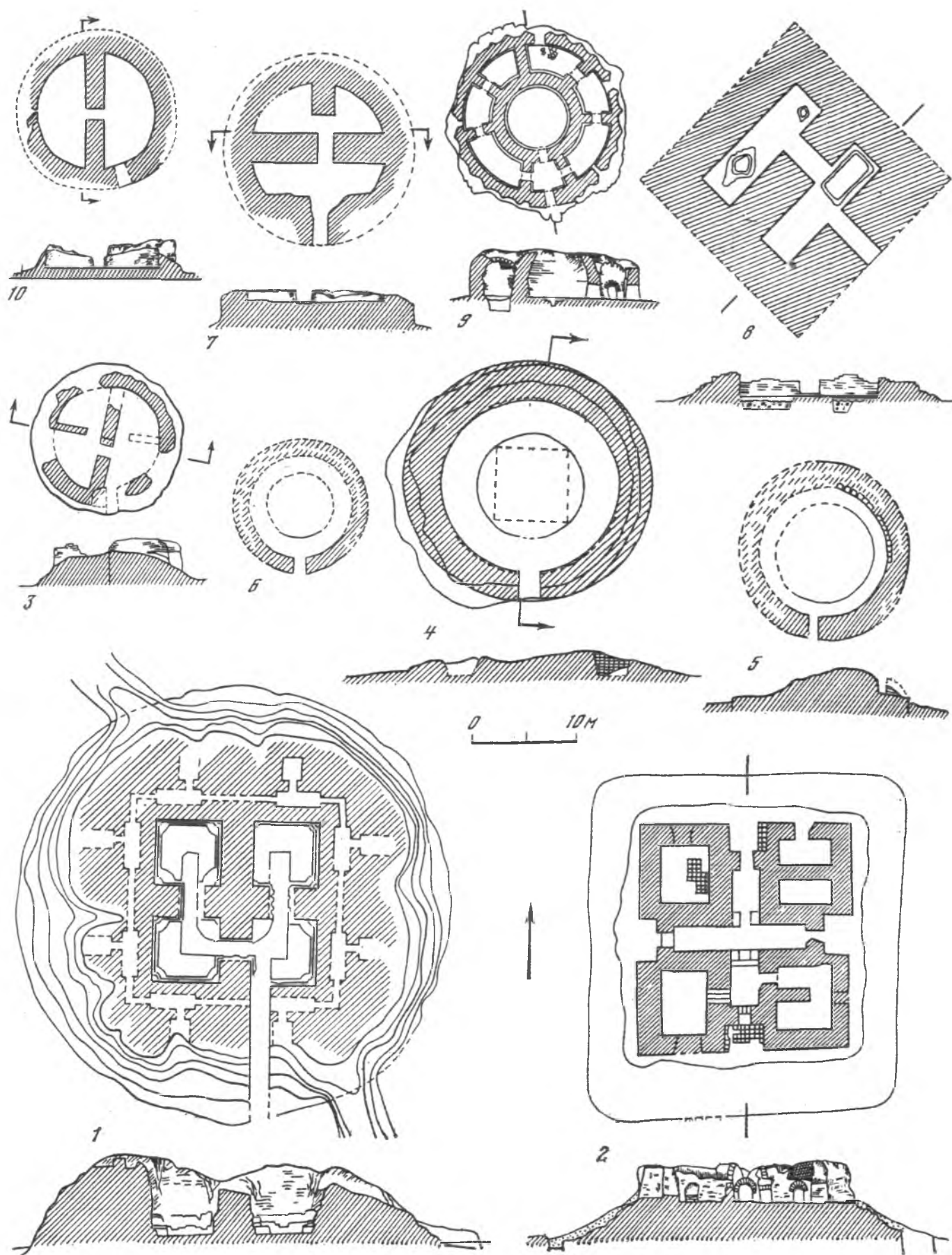

Таблица 8. Чиркирабатская культура. Погребальные сооружения, планы и разрезы

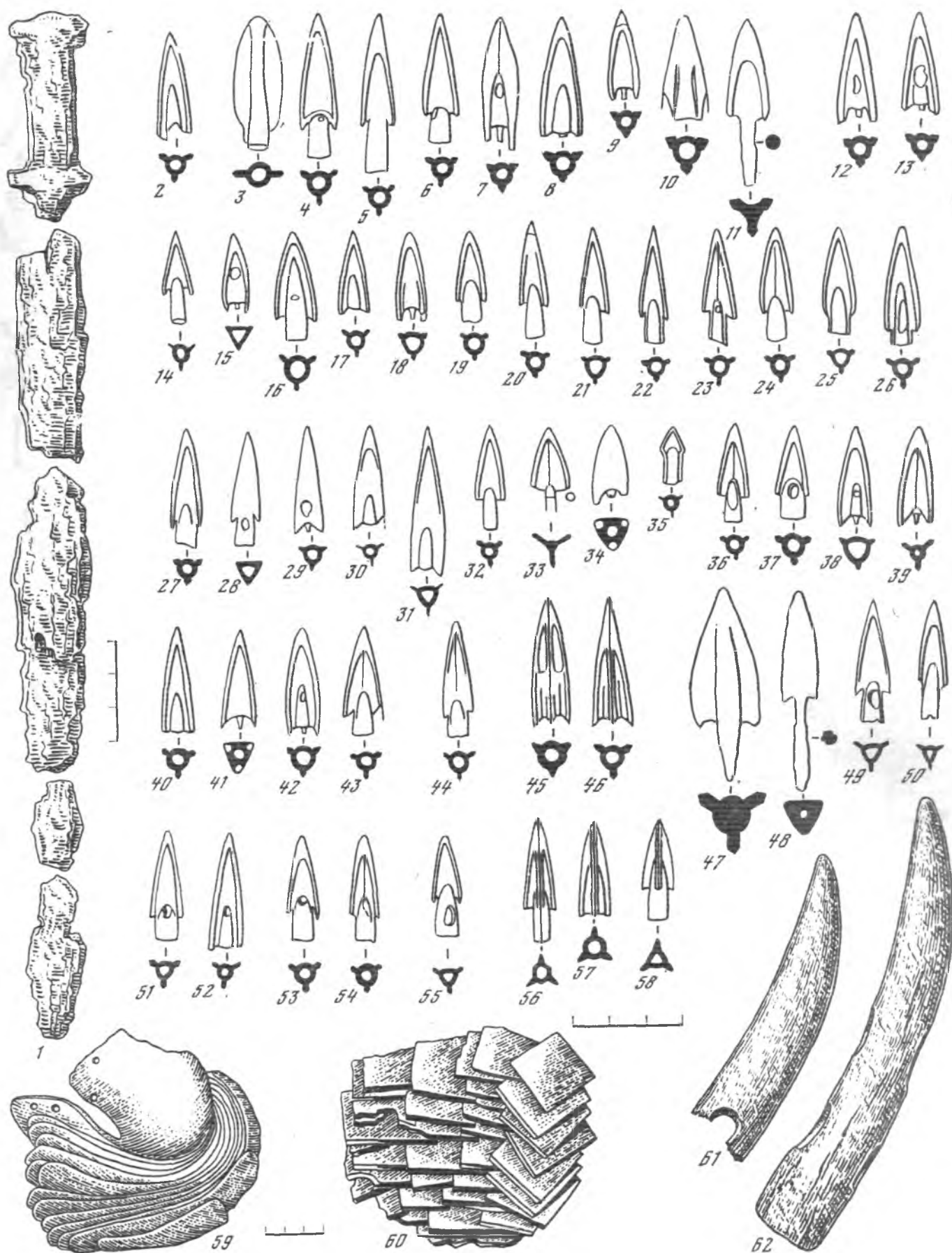

Таблица 9. Чиркиратская культура. Оружие

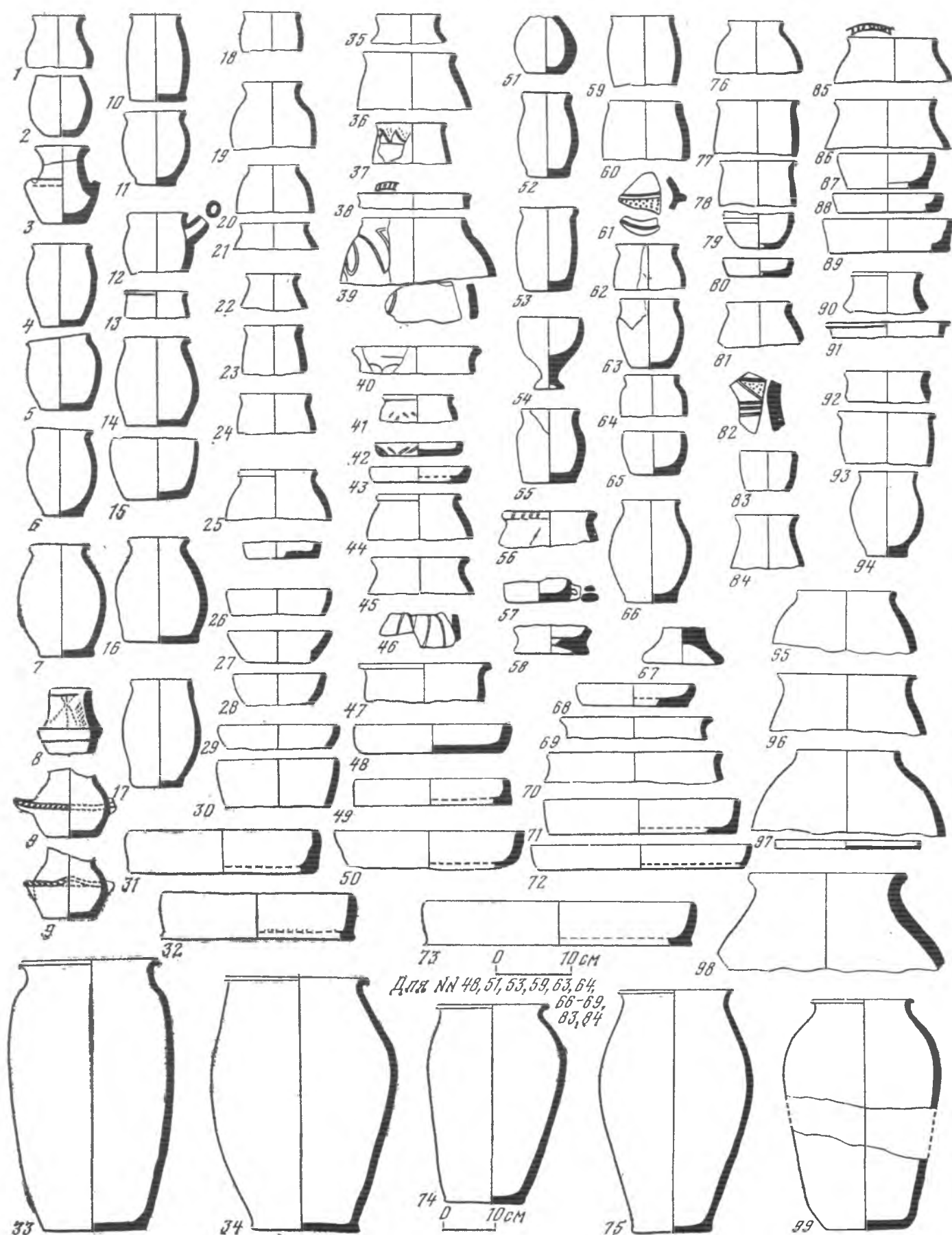

Таблица 10. Чиркирабатская культура. Керамика первой группы

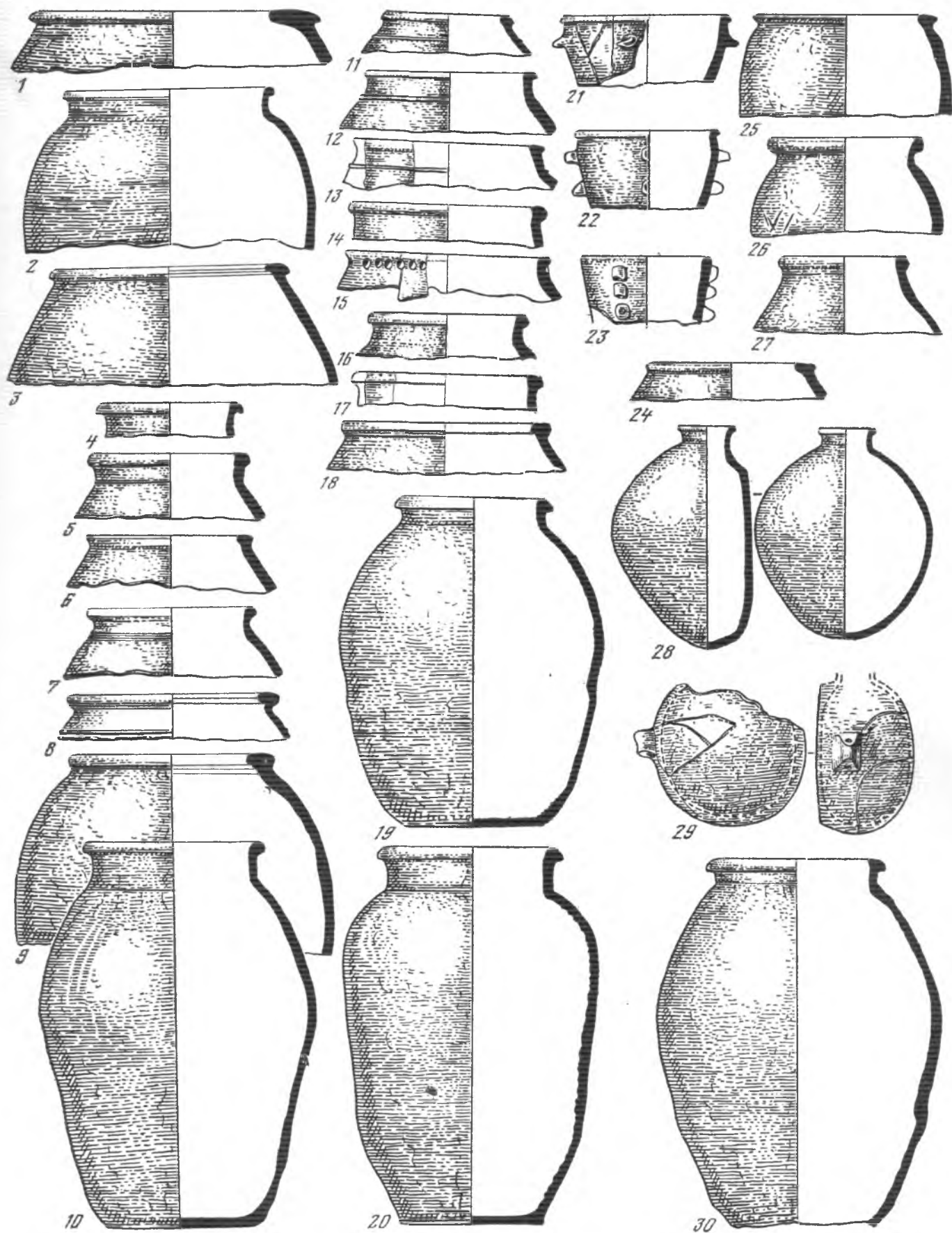

Таблица 11. Чиркирабатская культура. Керамика второй группы (1—30)

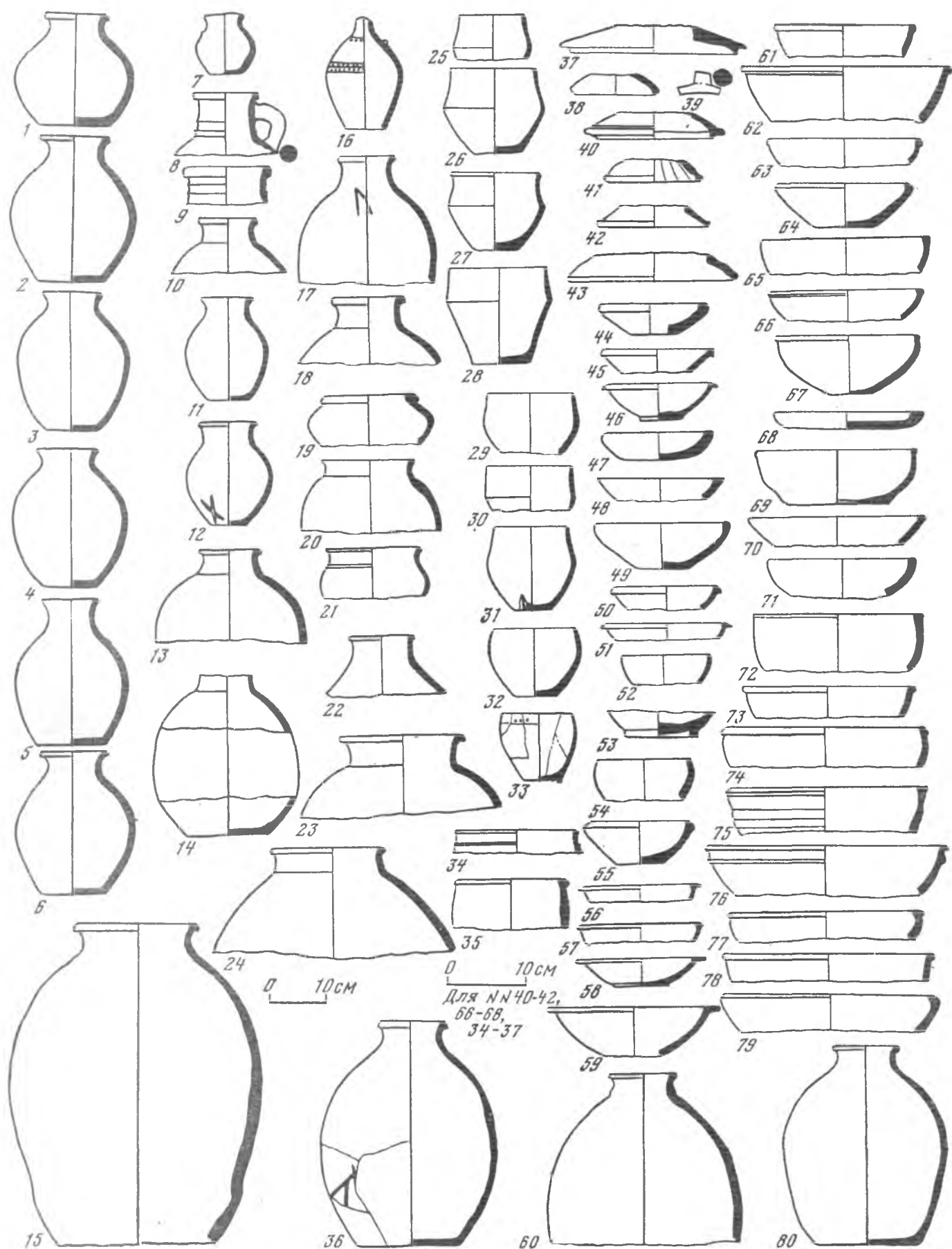

Таблица 12. Чирикратская культура. Керамика второй группы (1 — 80)

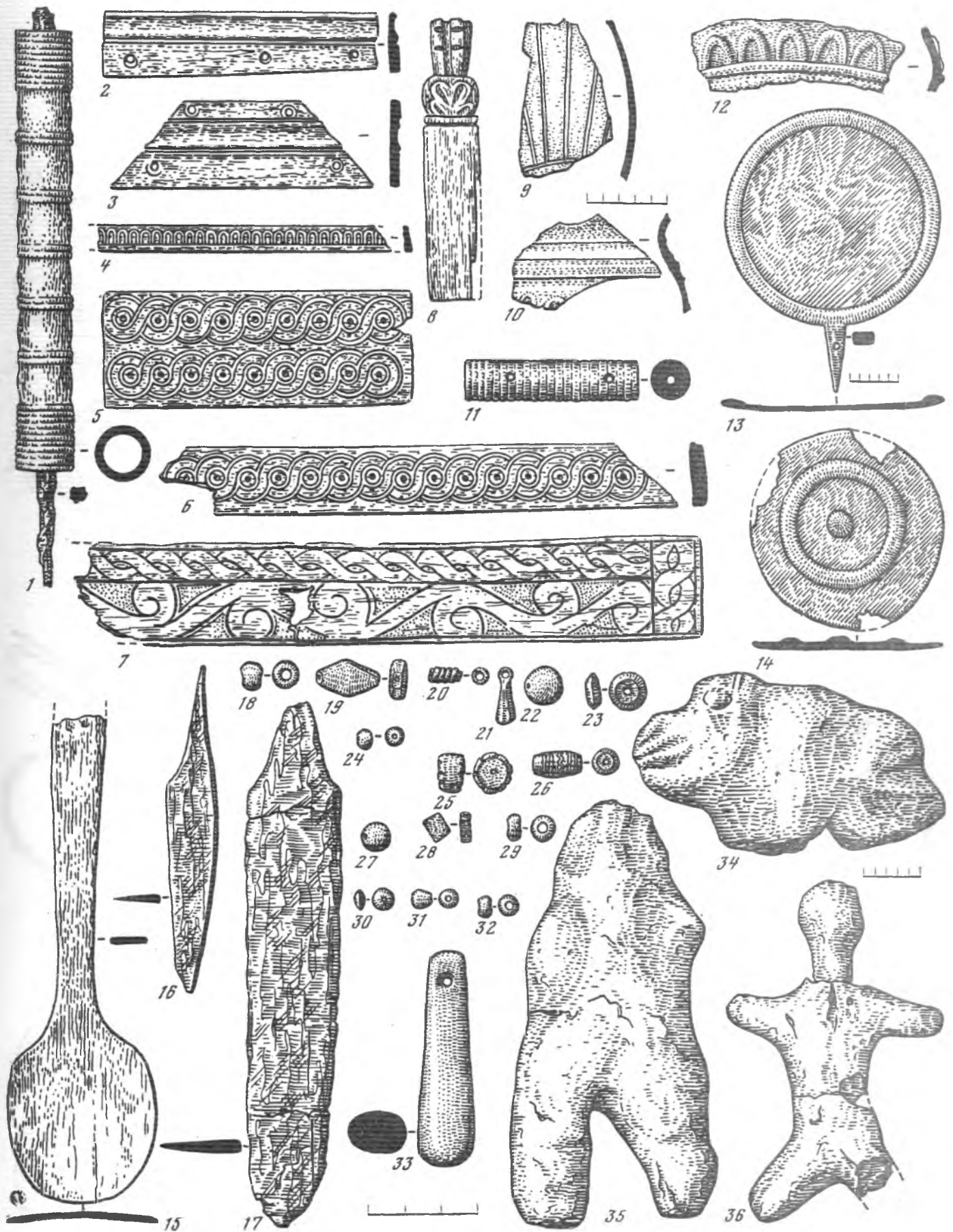

Таблица 13. Чиркирабатская культура. Находки на поселениях и городищах

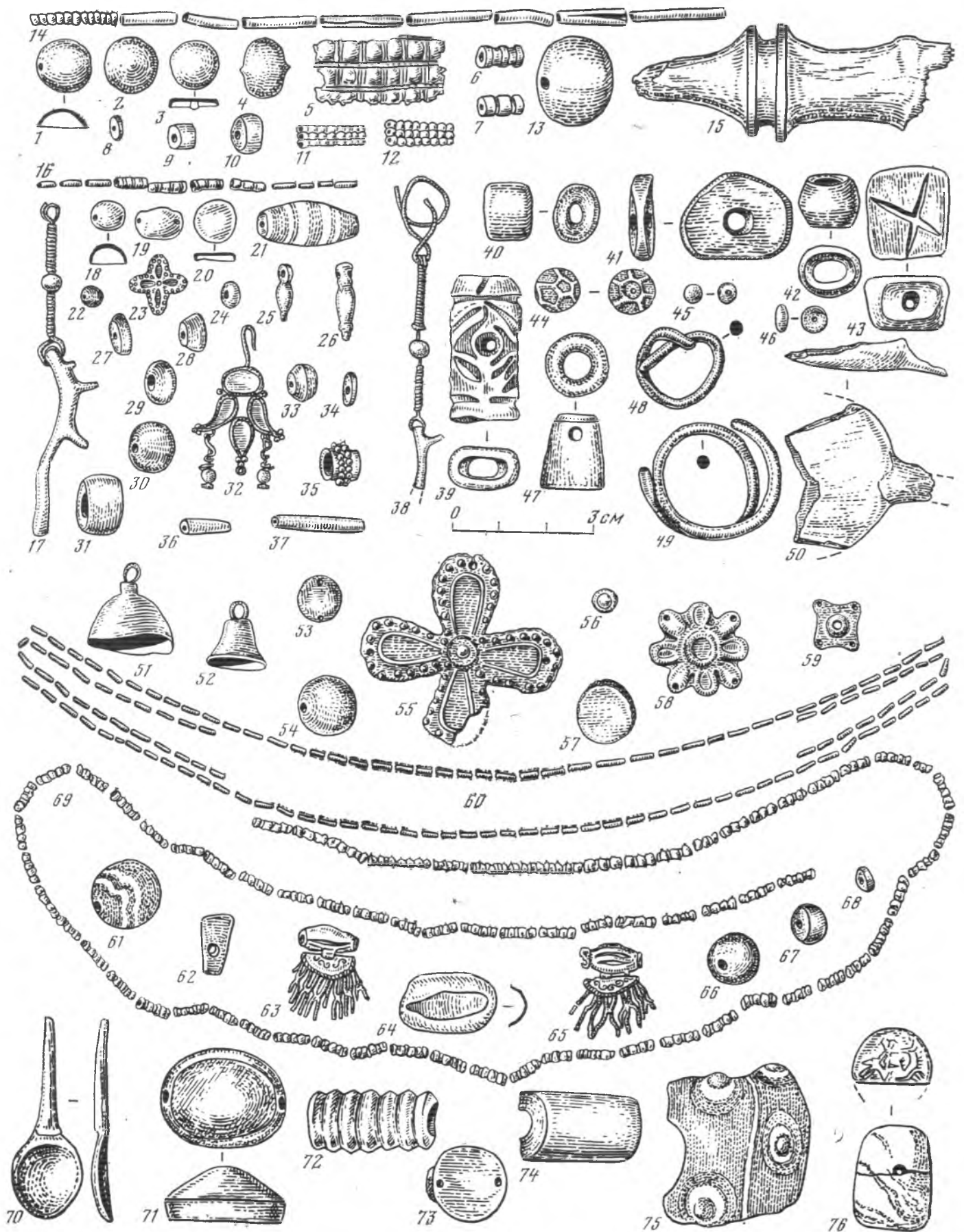

Таблица 14. Чирикратская культура. Украшения из погребальных сооружений

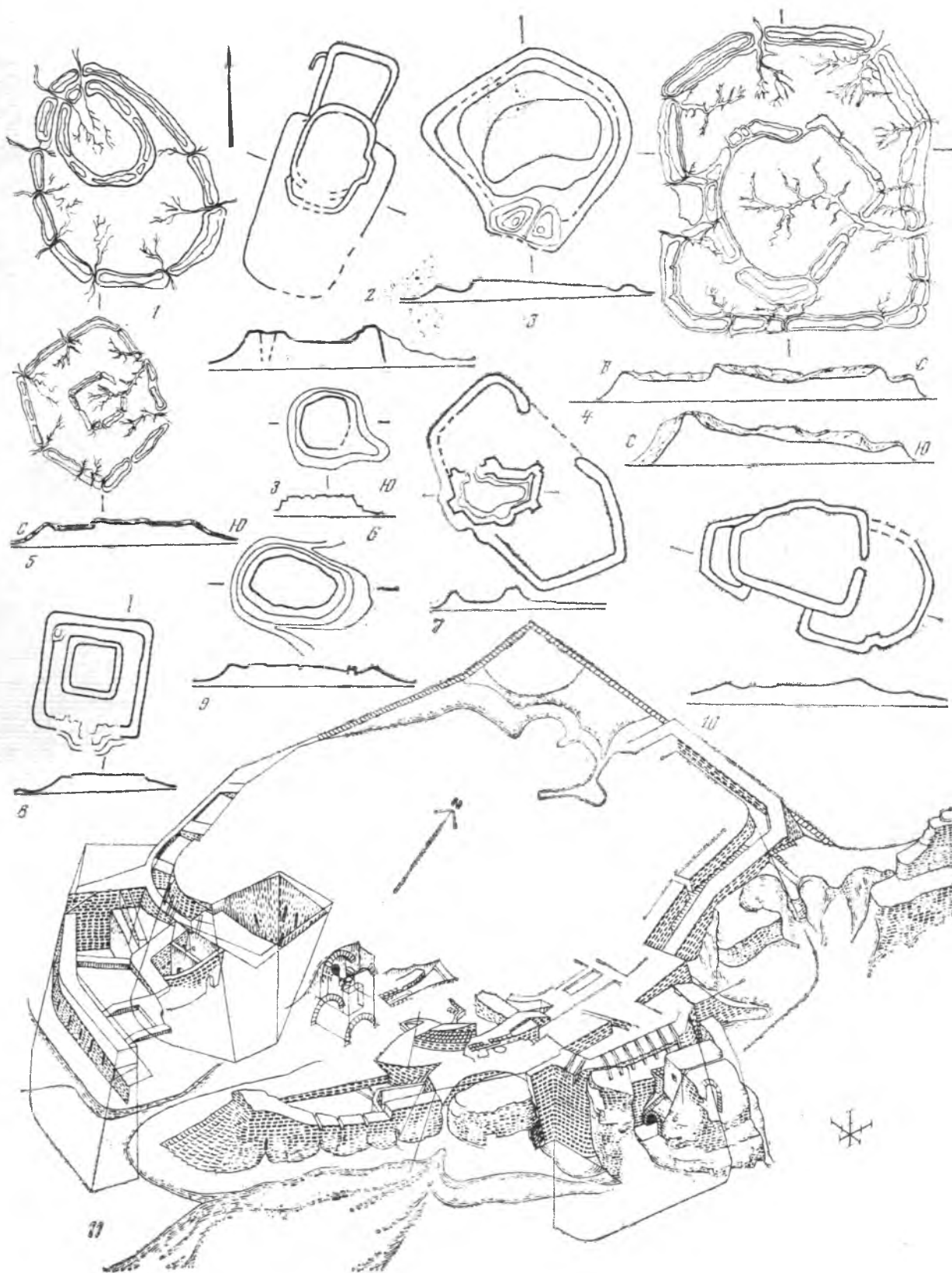

Таблица 15. Джетыясарская культура. Городища этапа Джеты-асар I. Планы и разрезы

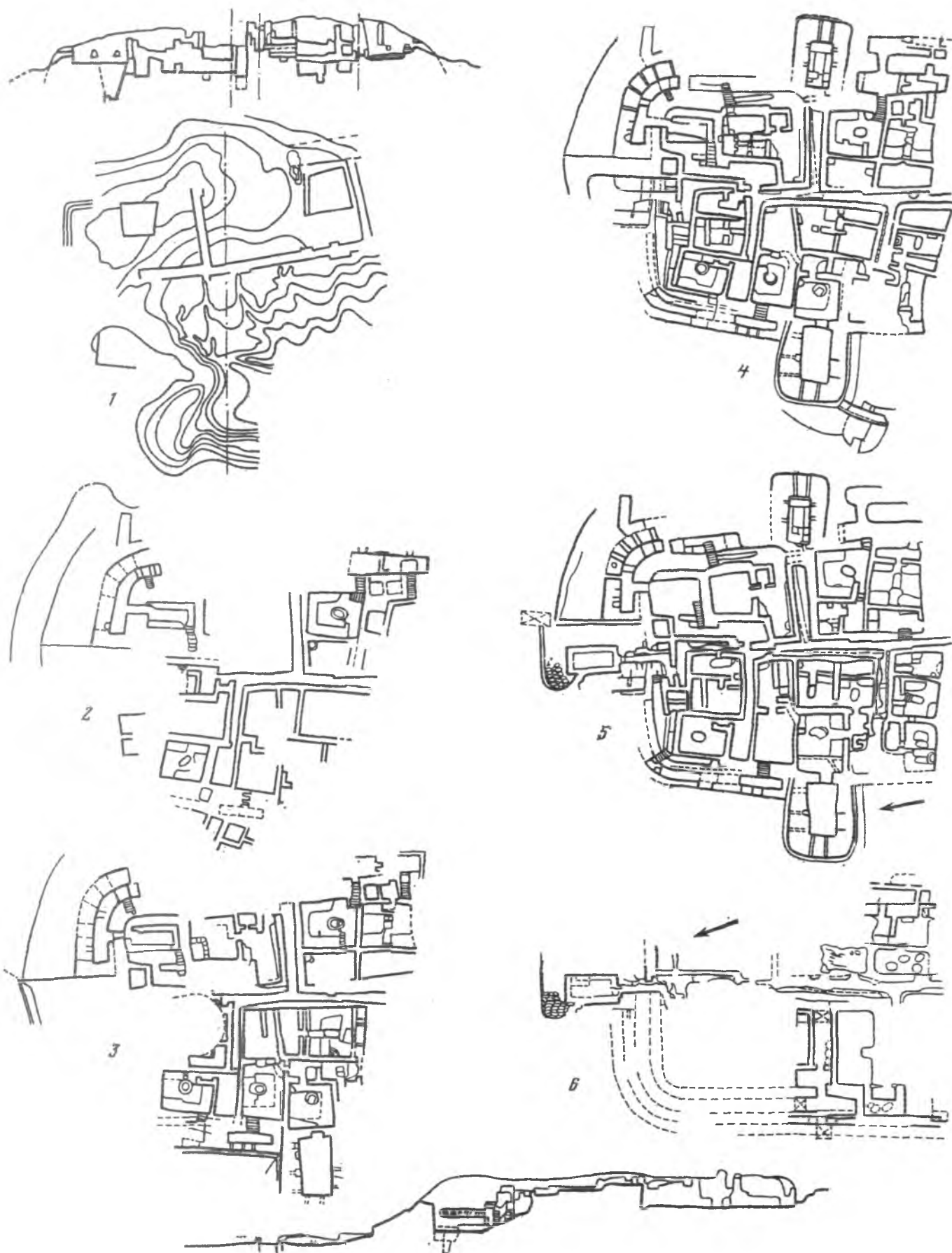

Таблица 16. Джетысарская культура. Городище Джеты-асар 12. Центральная площадка. Планы и разрезы различных строительных горизонтов (1 — 8)

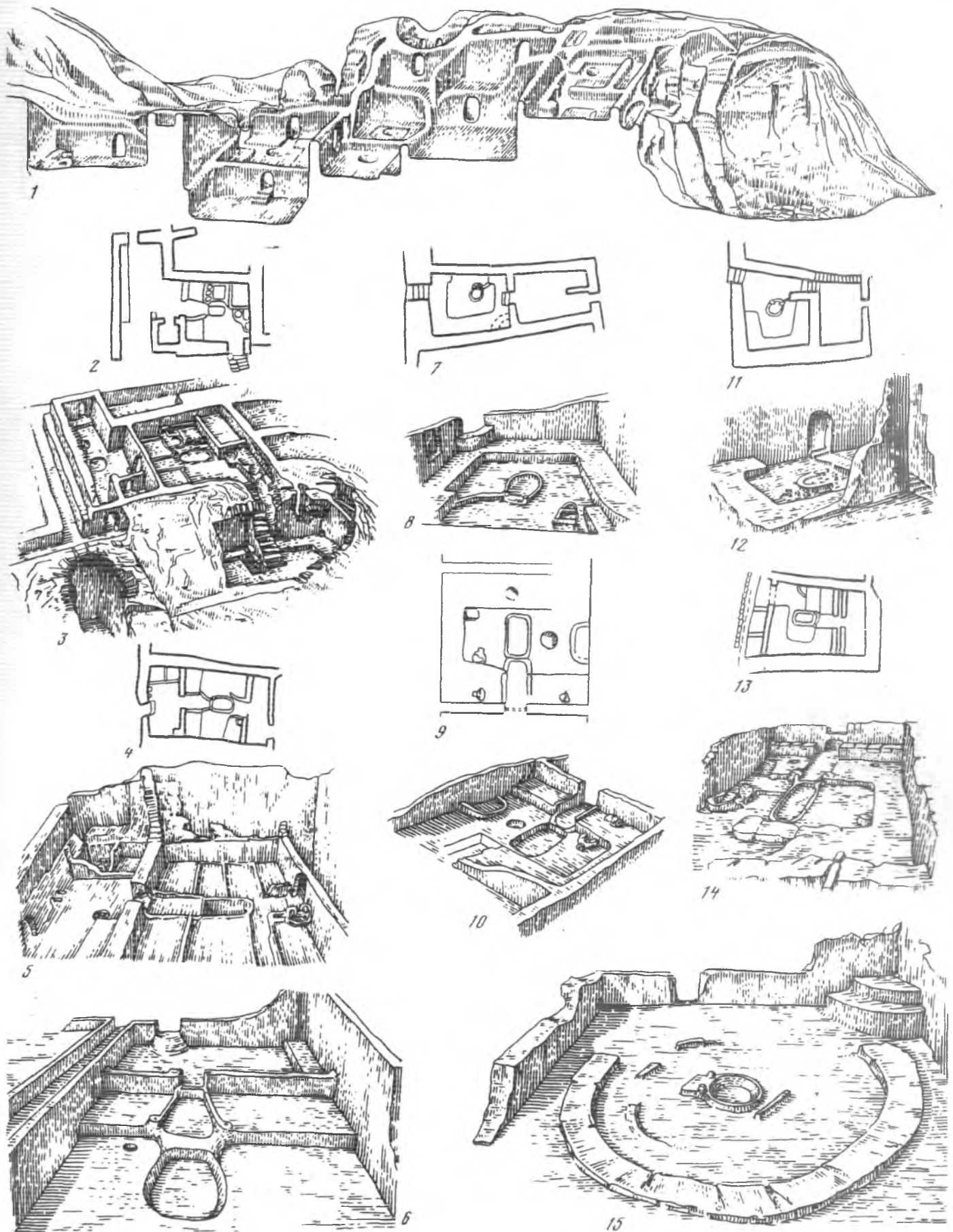

Таблица 17. Джетыасарская культура. Городище Джеты-асар 12. Центральная площадка. Строительные горизонты периодов Джеты-асар 1б и 1в. Жилые секции

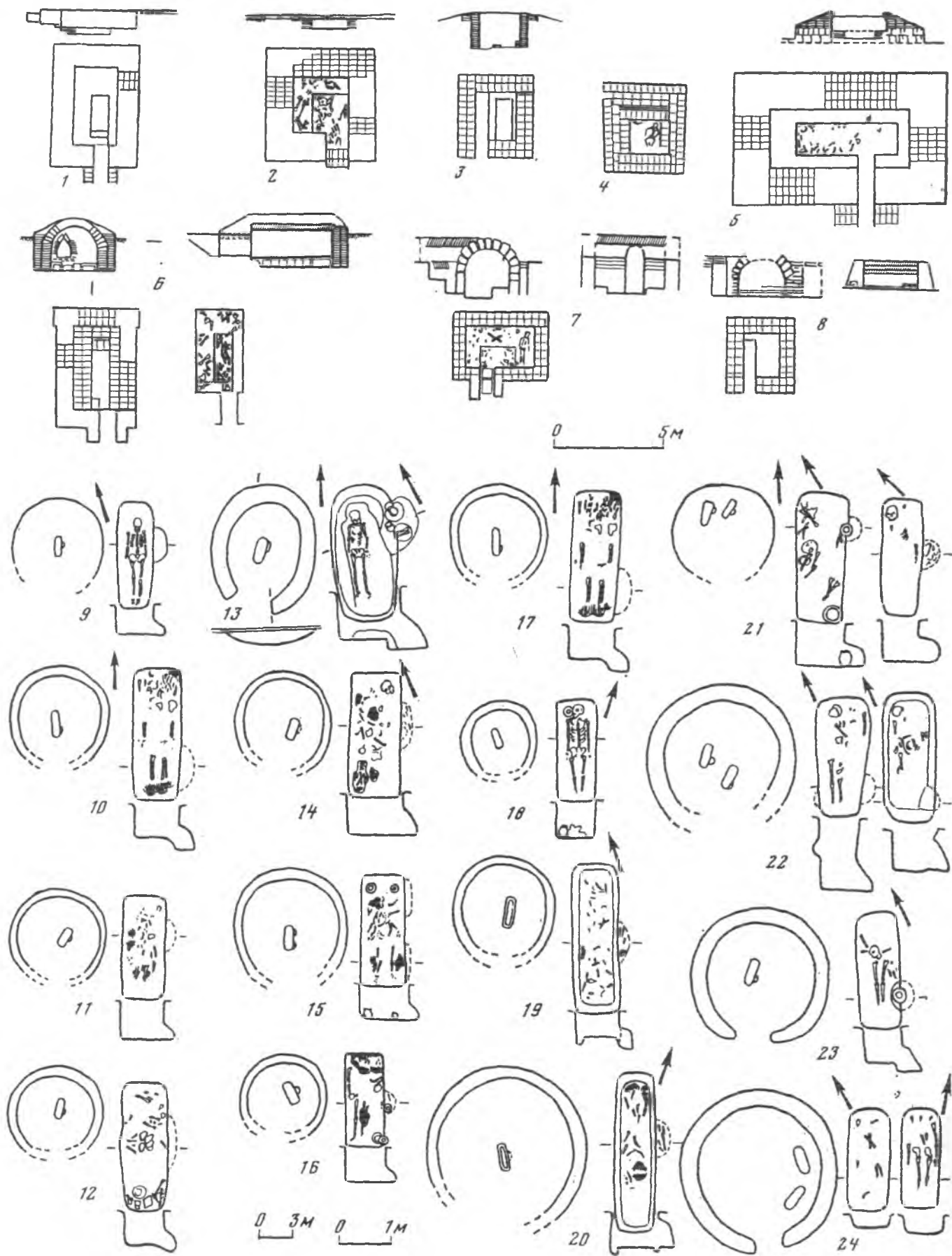

Таблица 18. Дзетысарская культура. Погребальные сооружения некрополей близ городищ. Планы и разрезы

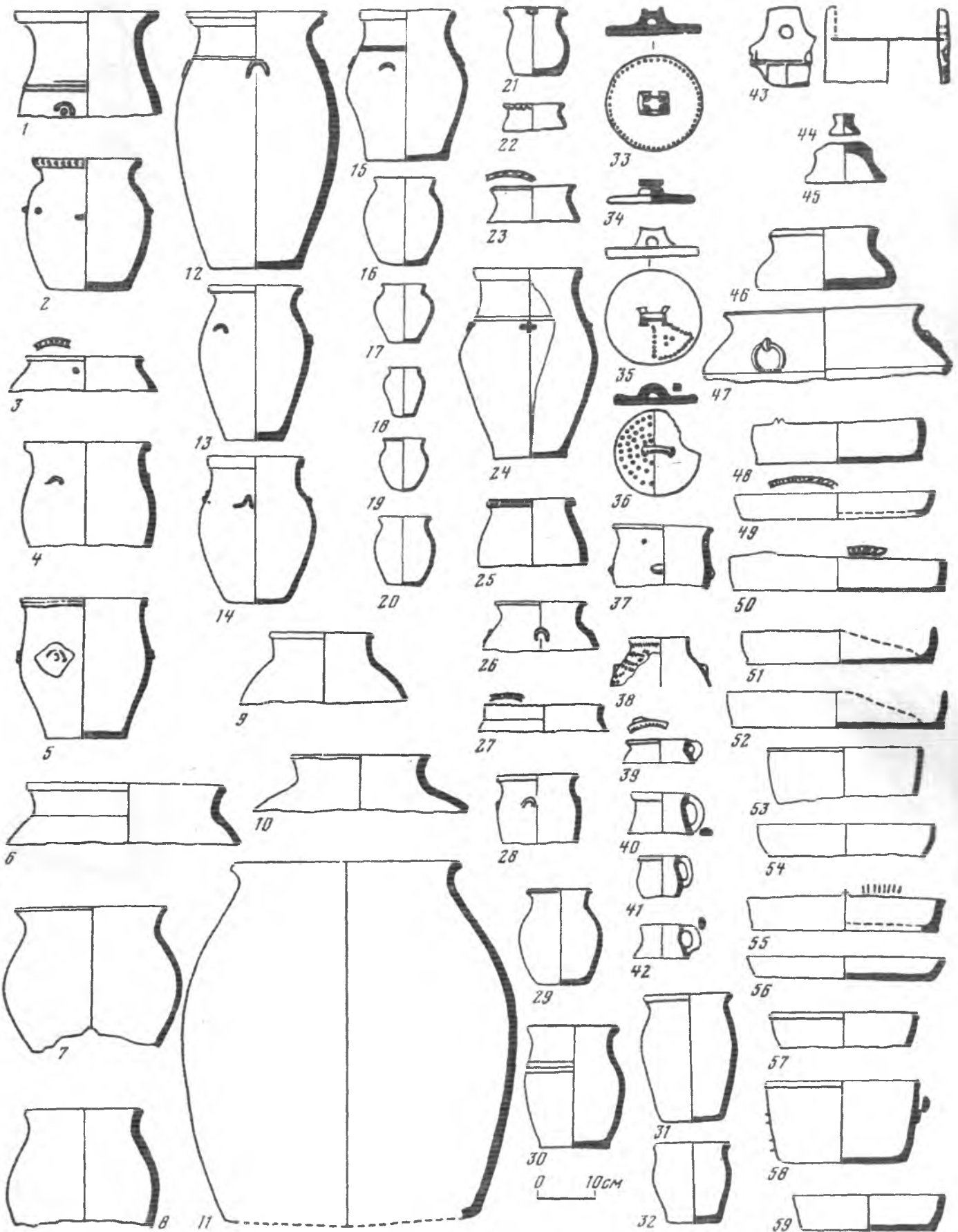

Таблица 19. Джетысарская культура. Керамика первой группы (1—59)

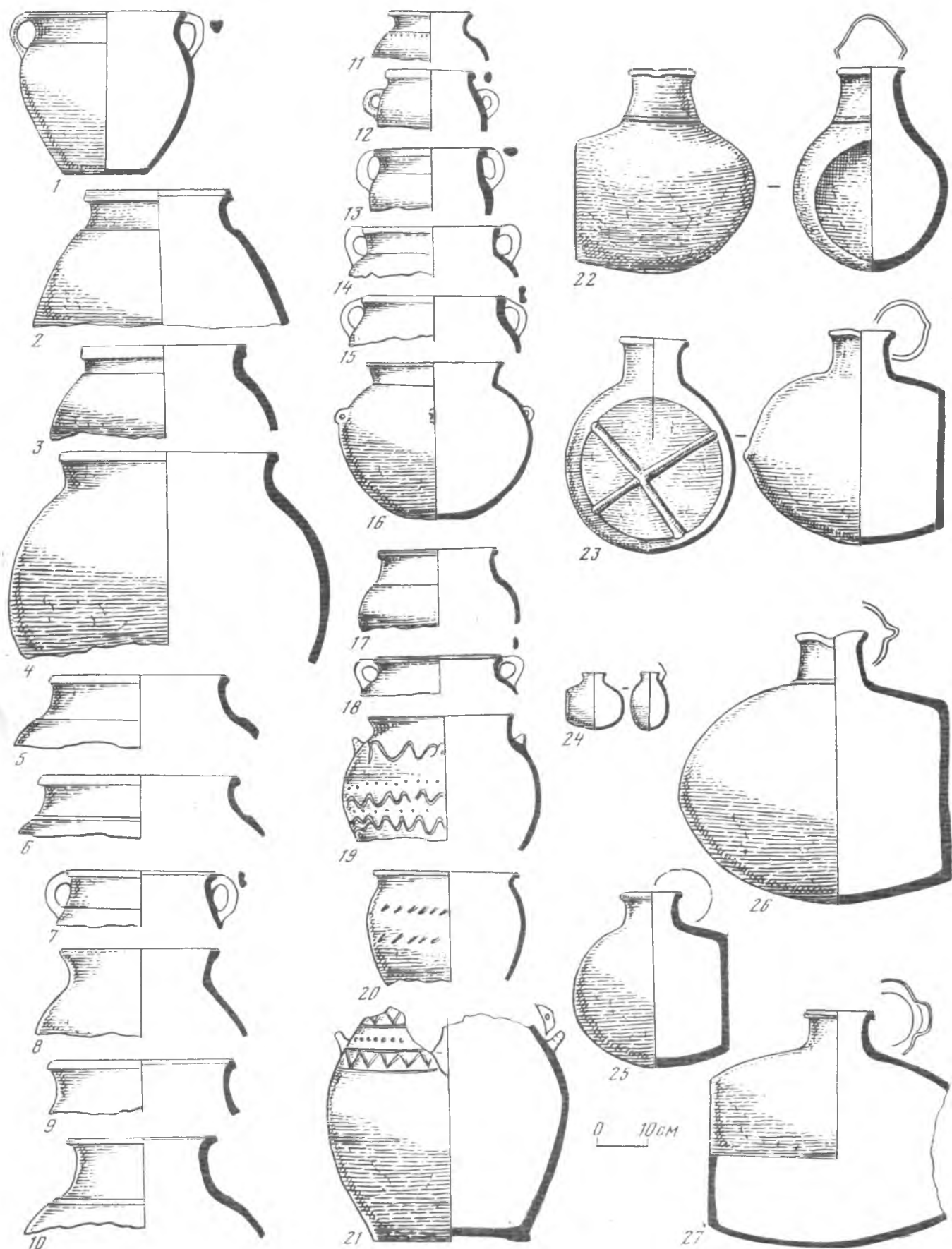

Таблица 20. Джетысарская культура. Керамика второй группы (1 — 27)

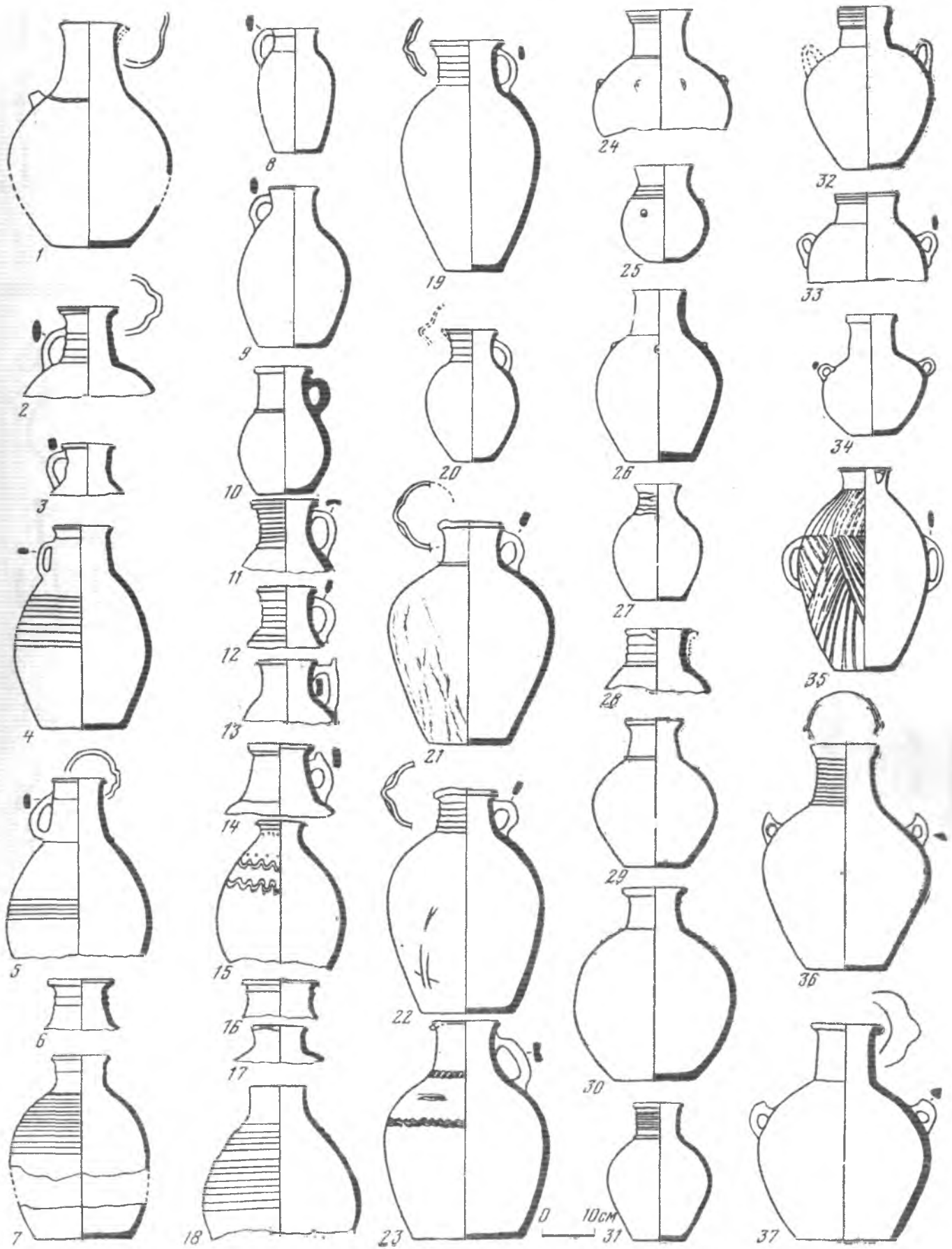

Таблица 21. Джетысарская культура. Керамика второй группы (1 — 37)

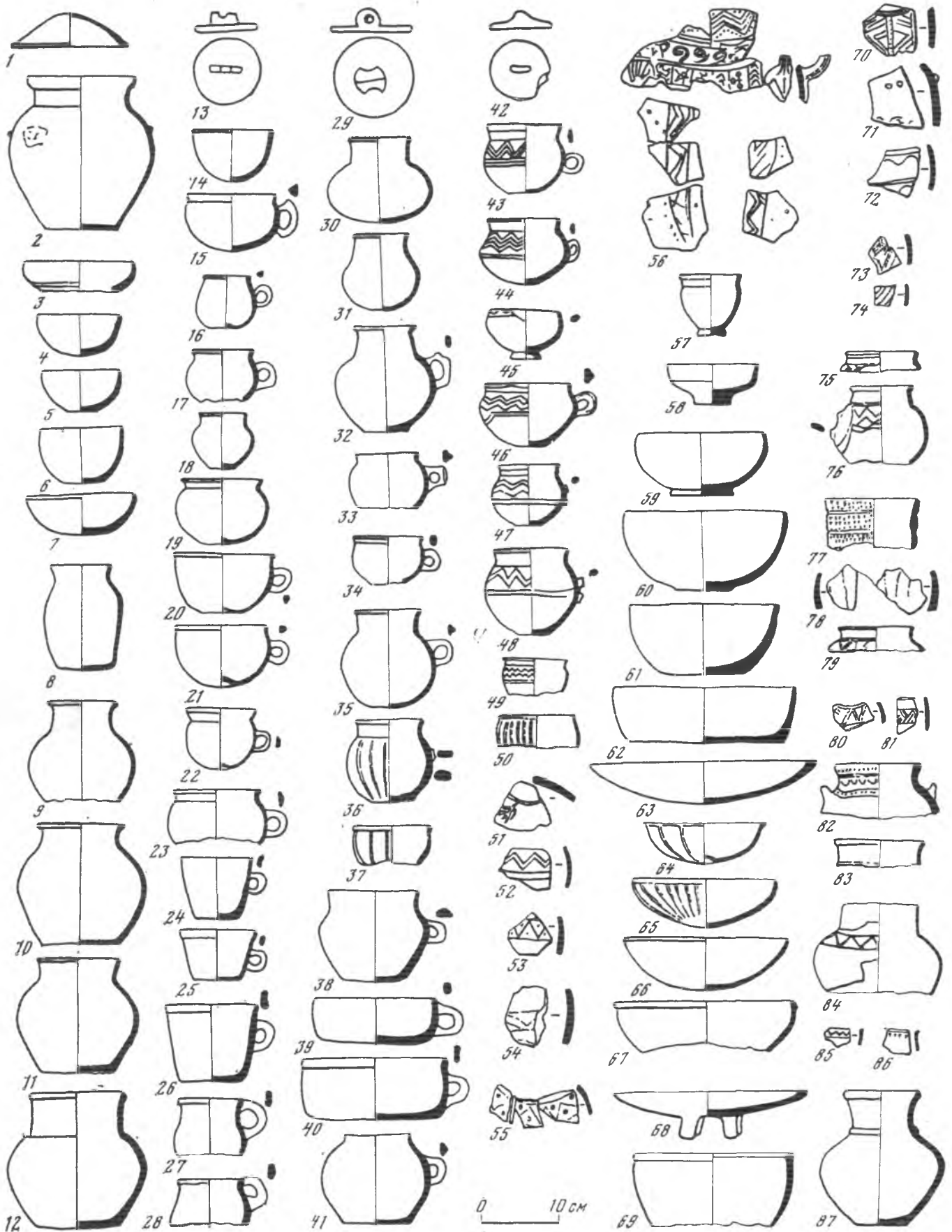

Таблица 22. Джетысарская культура. Керамика второй группы (1 — 87)

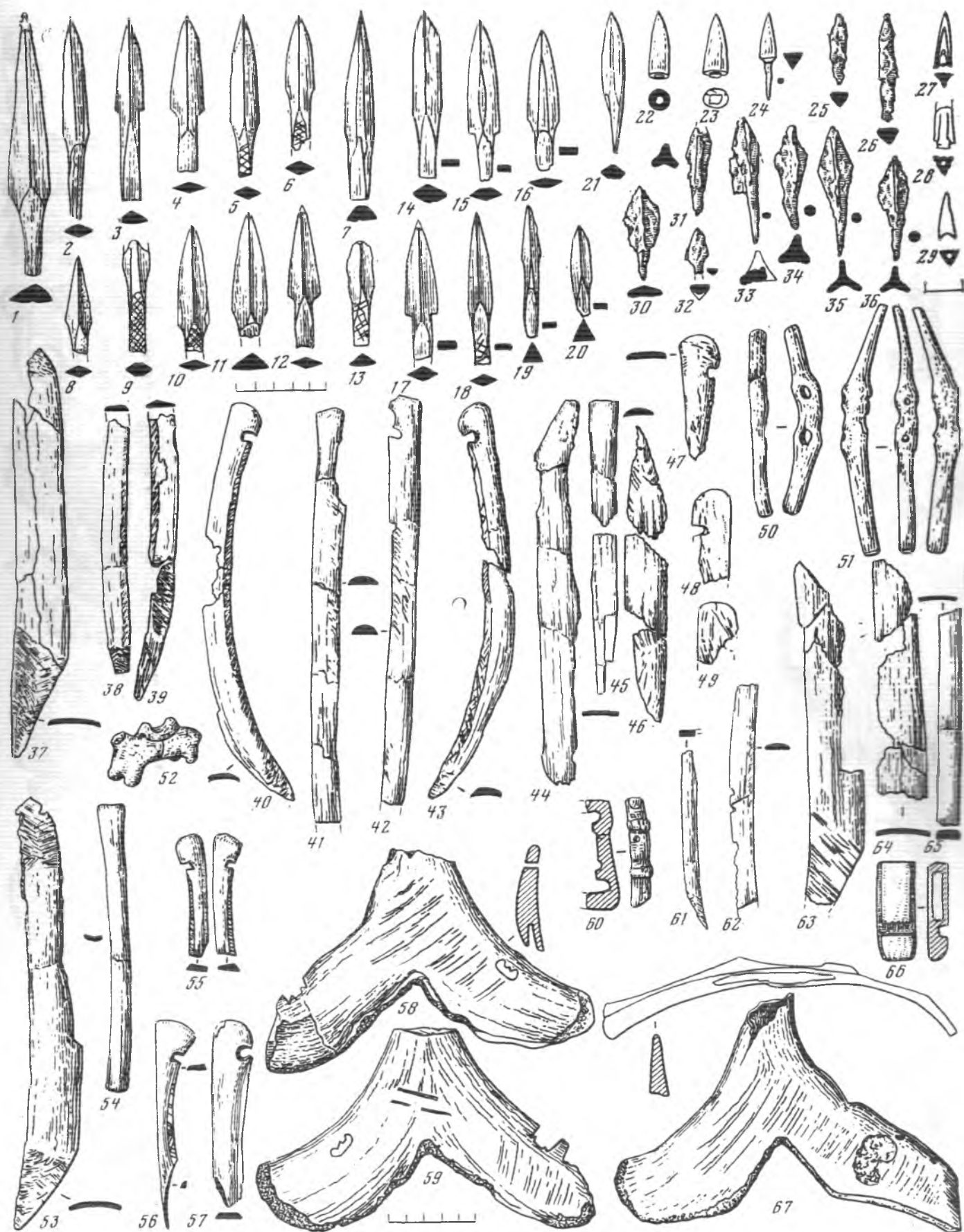

Таблица 23. Джетысарская культура. Предметы вооружения и конской упряжи

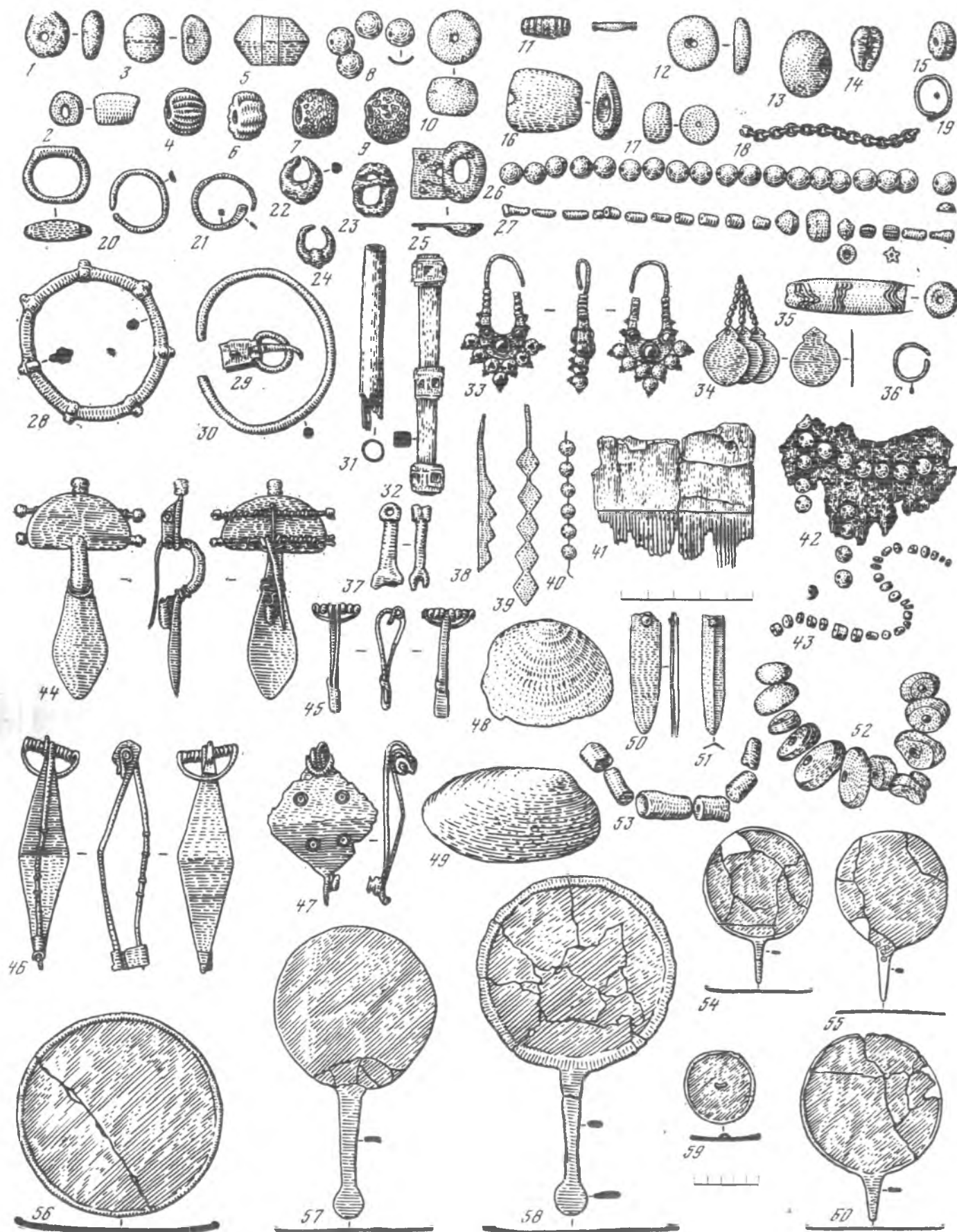

Таблица 24. Джетысарская культура. Украшения и предметы туалета из могильников

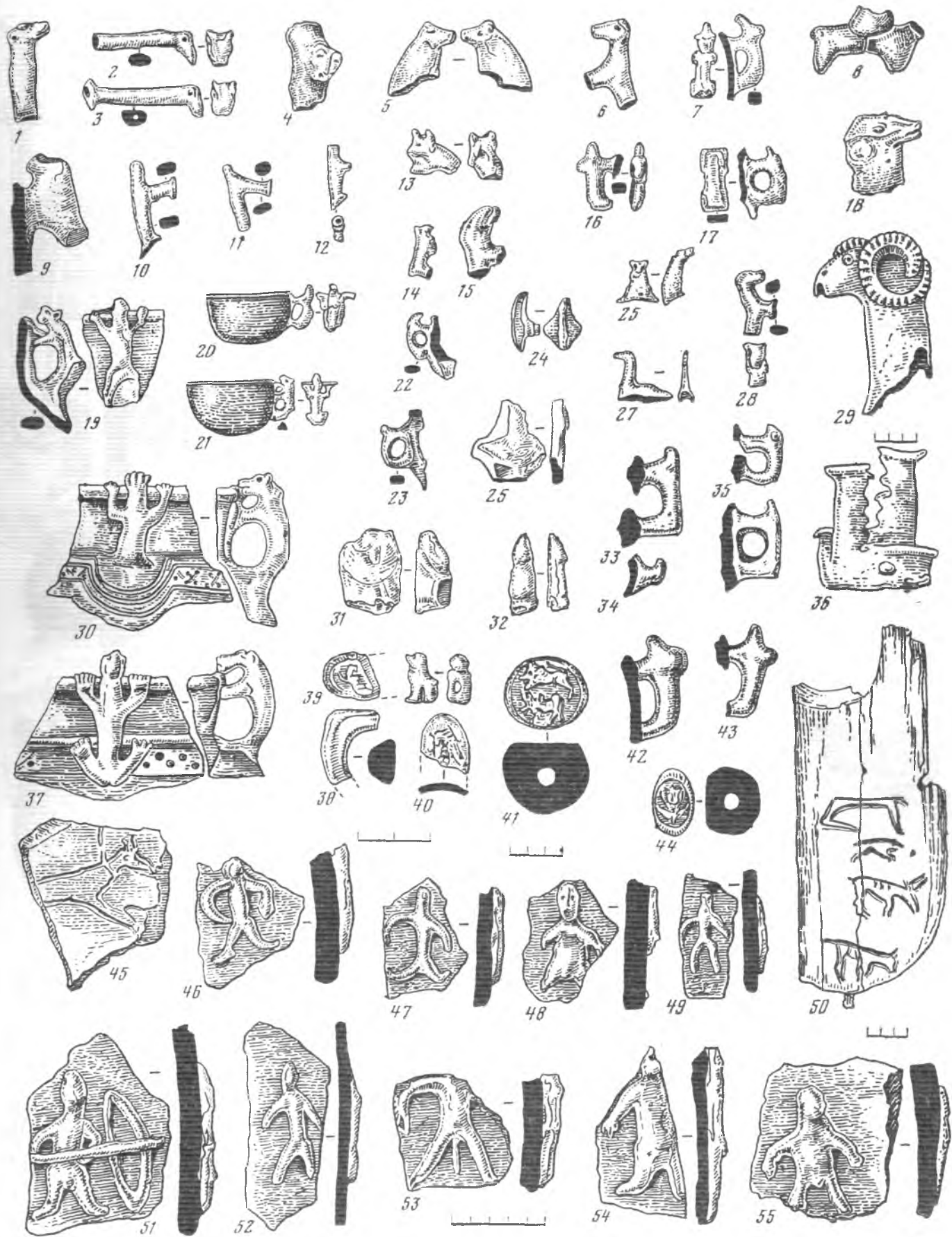

Таблица 25. Джетысарская культура. Зооморфные и антропоморфные изображения

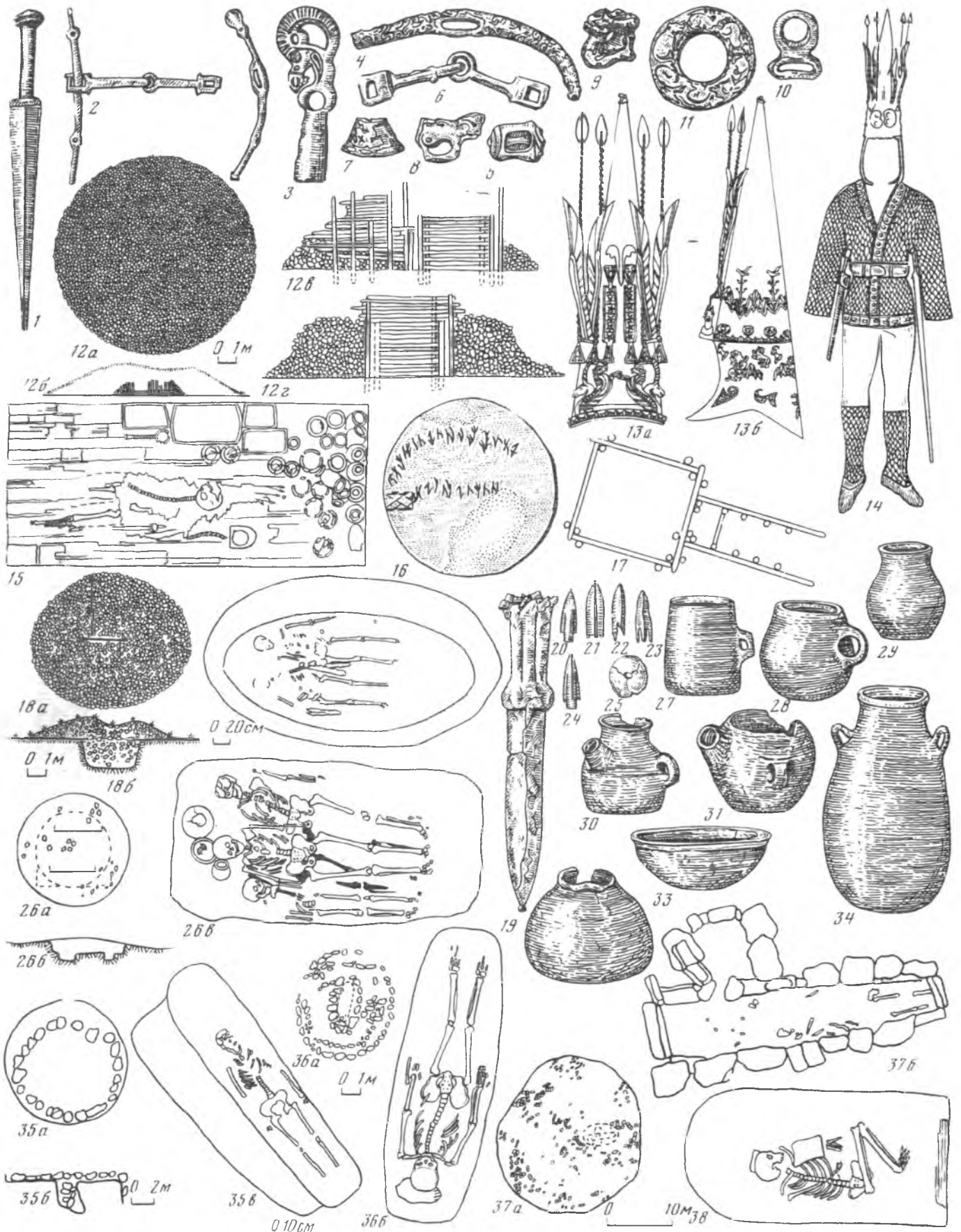

Таблица 26. Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь, реконструкции

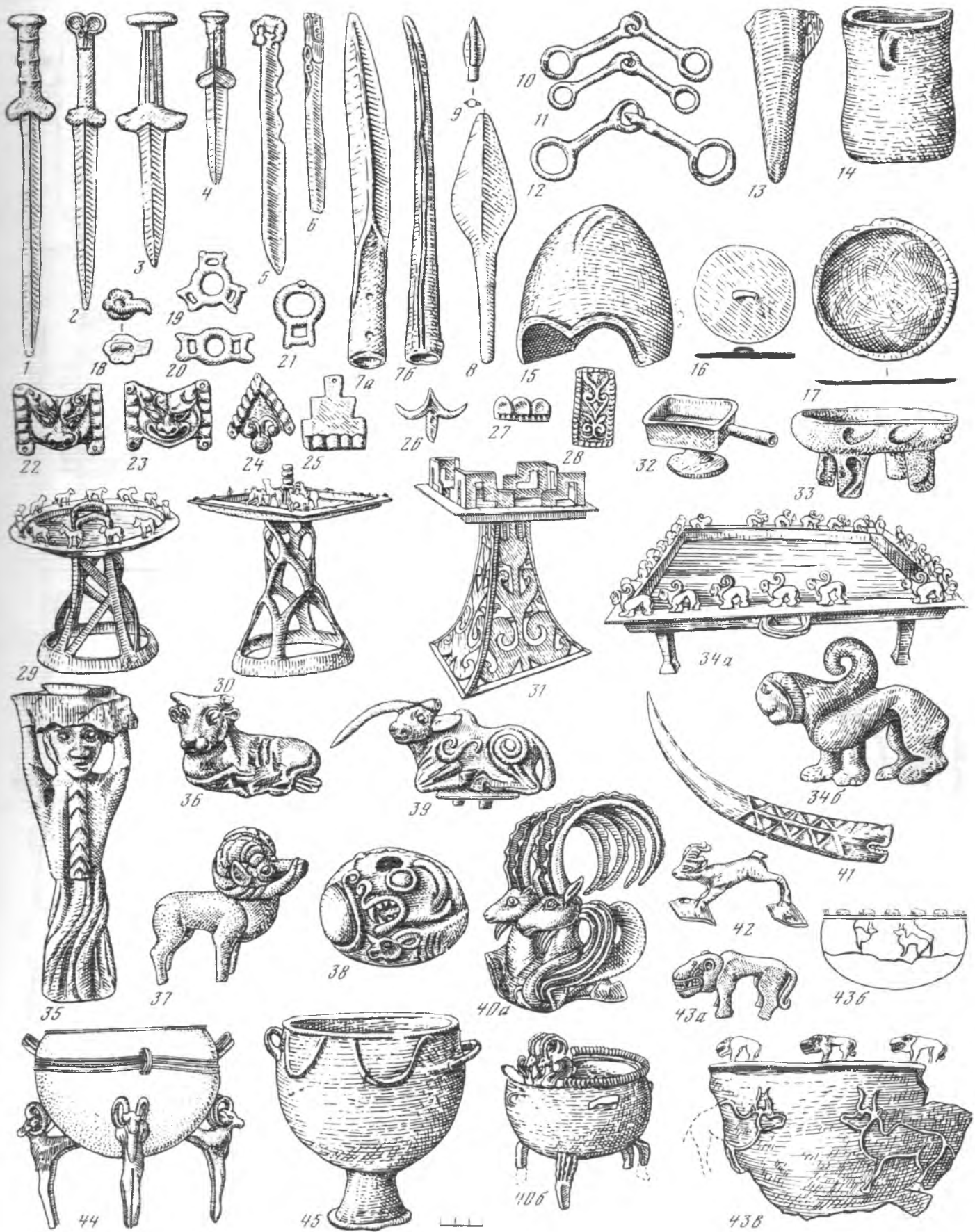

Таблица 27. Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Оружие, конская сбруя, предметы туалета, украшения, предметы культа, котлы, вещи в зверином стиле

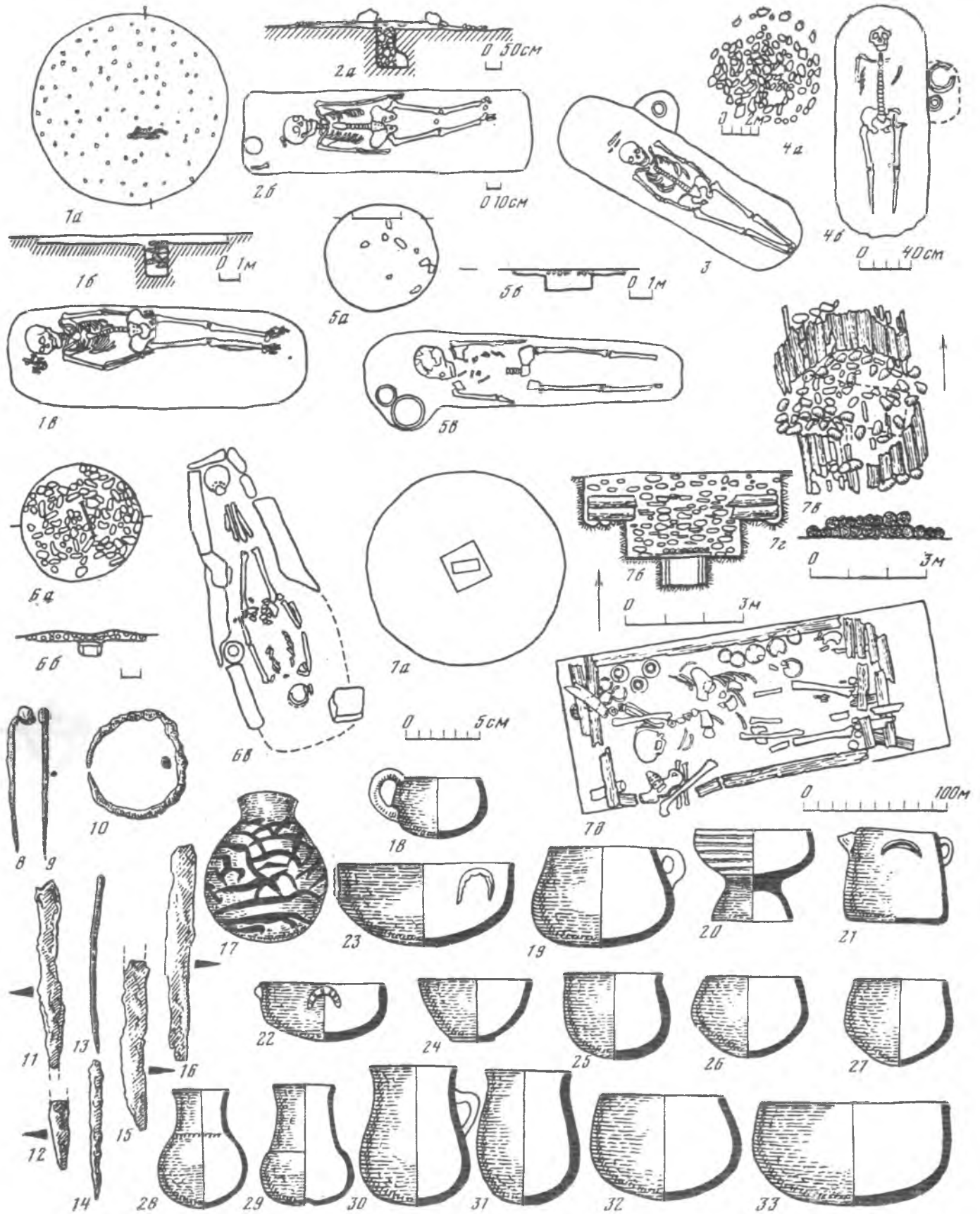

Таблица 28. Кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского периода. Планы и разрезы курганов и погребений, керамика, орудия труда

Таблица 29. Кочевники Семиречья и Тянь-Шаня уссурийского периода. Материальная культура. Искусство

Таблица 30. Кенкольская культура, Тянь-Шань, Кетмень-Тюбе, Чаткал. Планы и разрезы курганов, погребений, могильный инвентарь

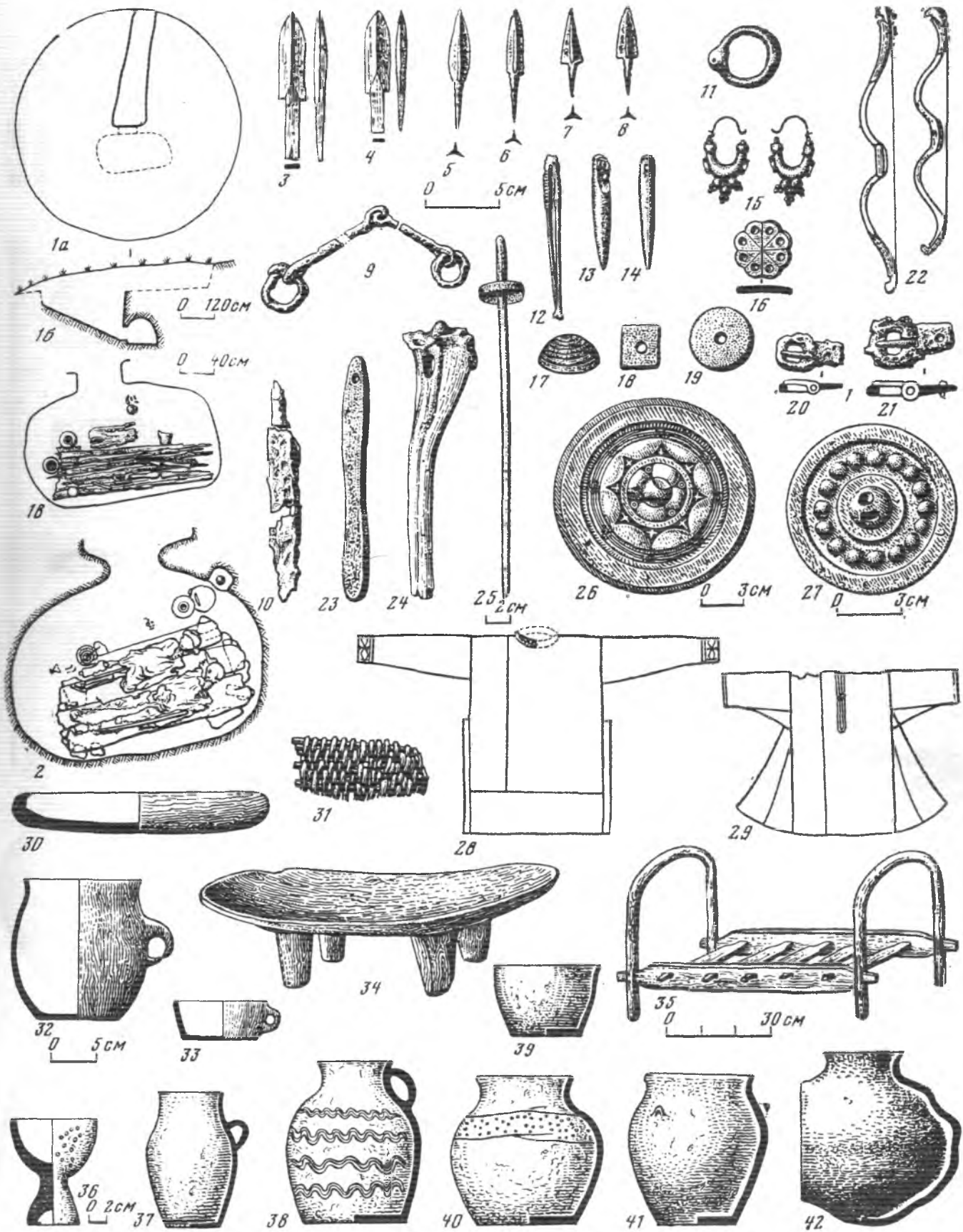

Таблица 31. Могильник Кенкол. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь, реконструкция

Таблица 32 Саки. Кетмень-Тюбе (по материалам Н. Кожомбердиева)

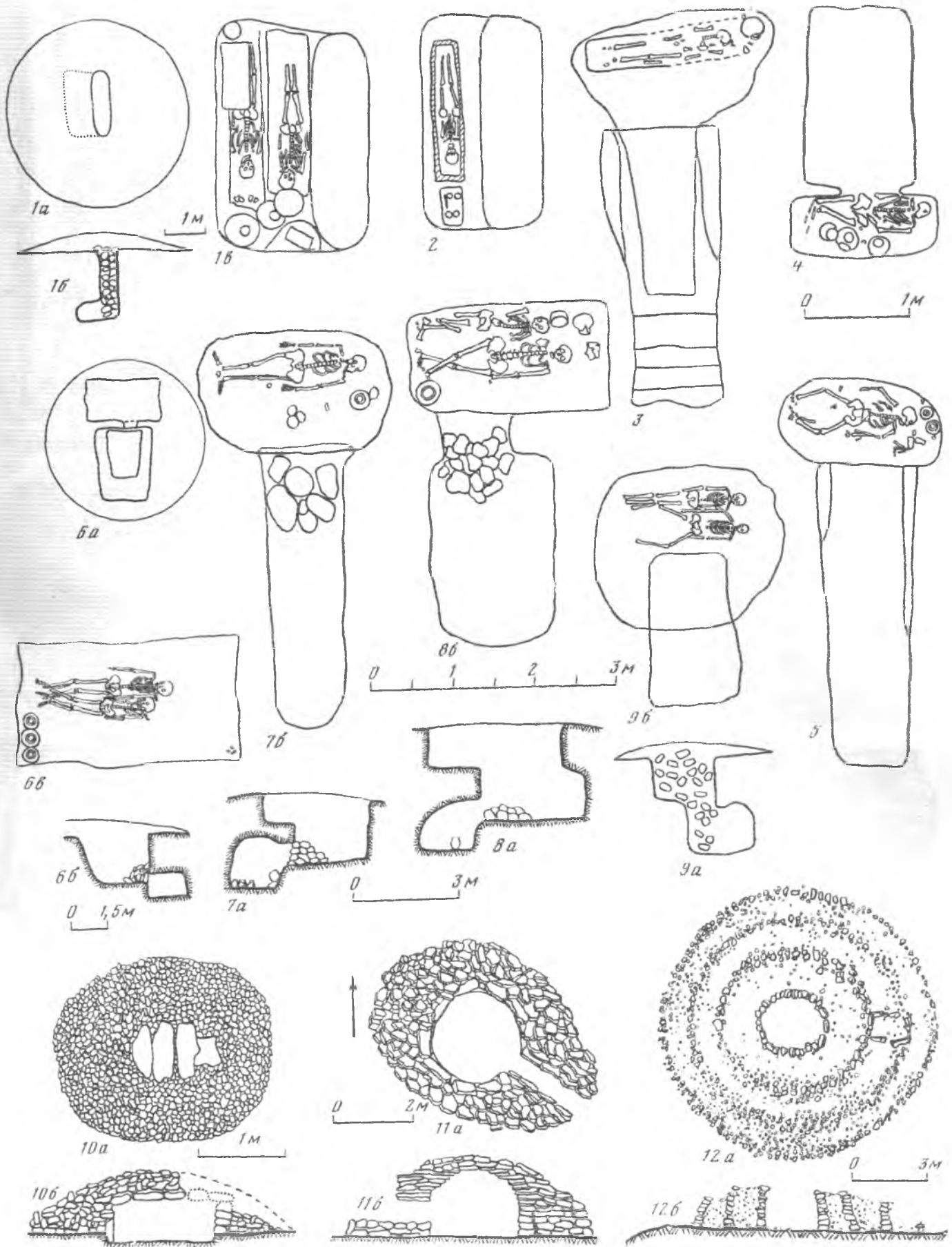

Таблица 33. Номады Ферганы. Планы и разрезы курганов и погребений

Таблица 34. Могильник Карабулак. Погребальный инвентарь

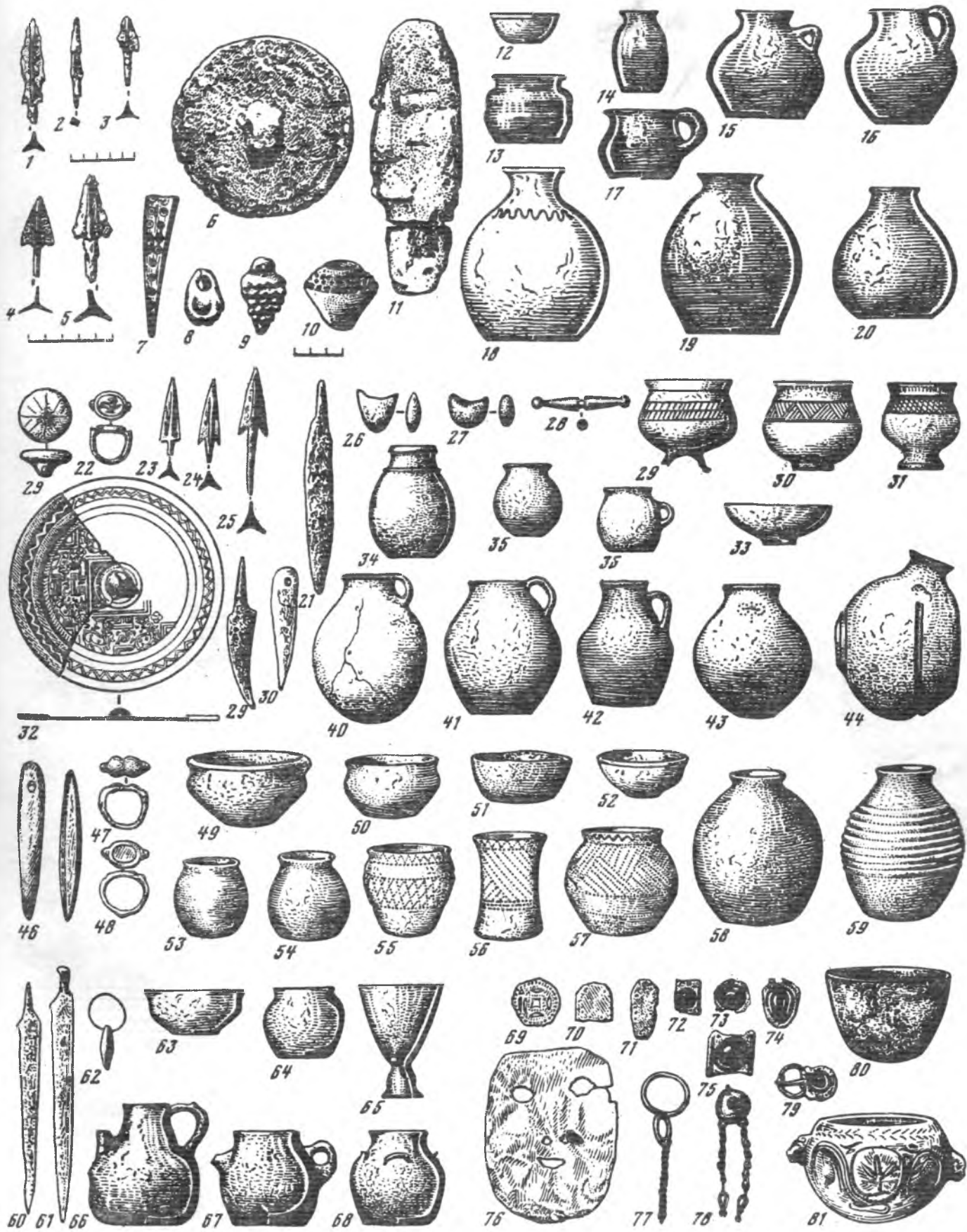

Таблица 35. Кочевники первых веков нашей эры Ферганы и Алая. Могильный инвентарь

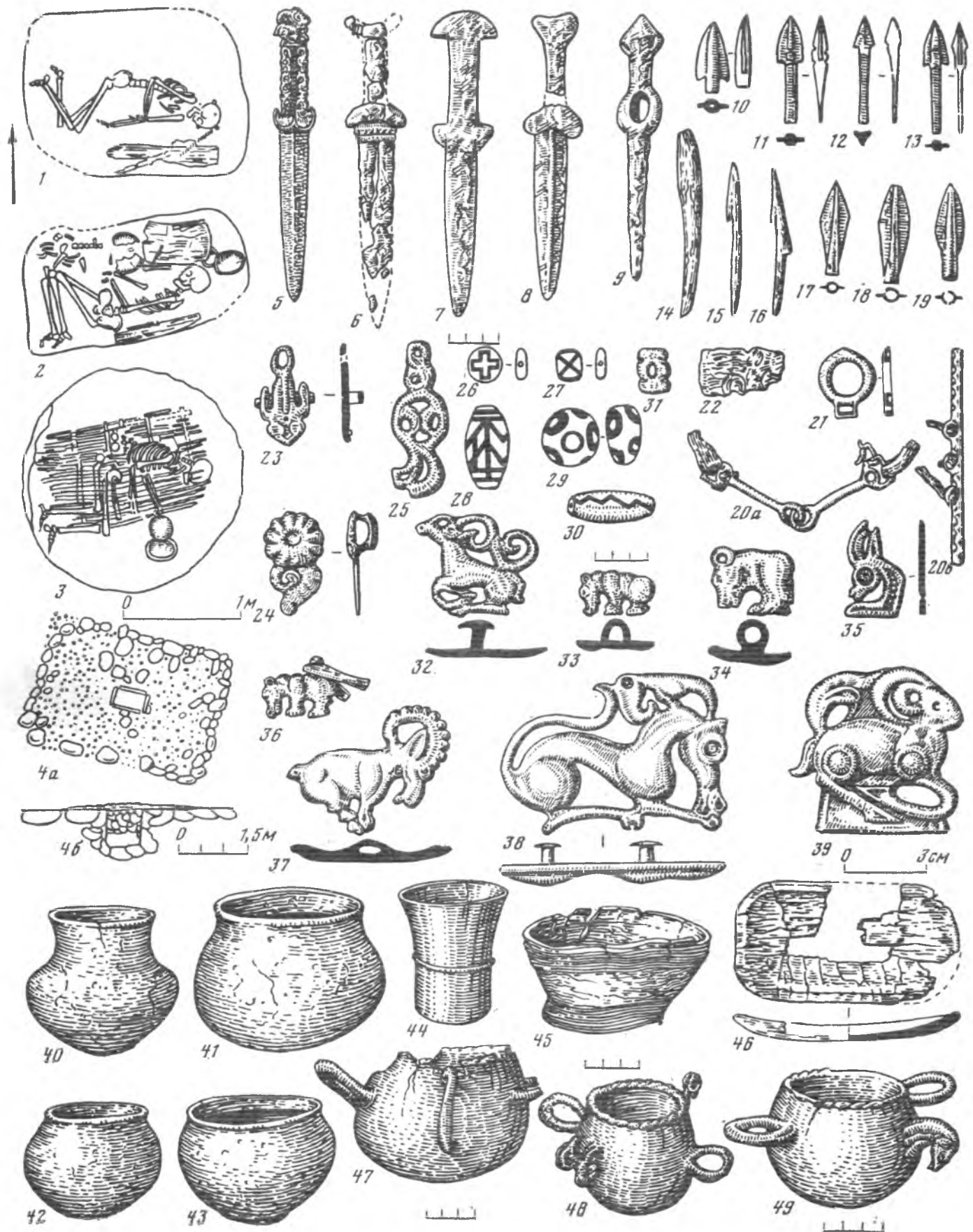

Таблица 36. Ранние кочевники Памира. Планы и разрезы курганов и погребений, могильный инвентарь

Таблица 37. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Планы и разрезы курганов, могильный инвентарь

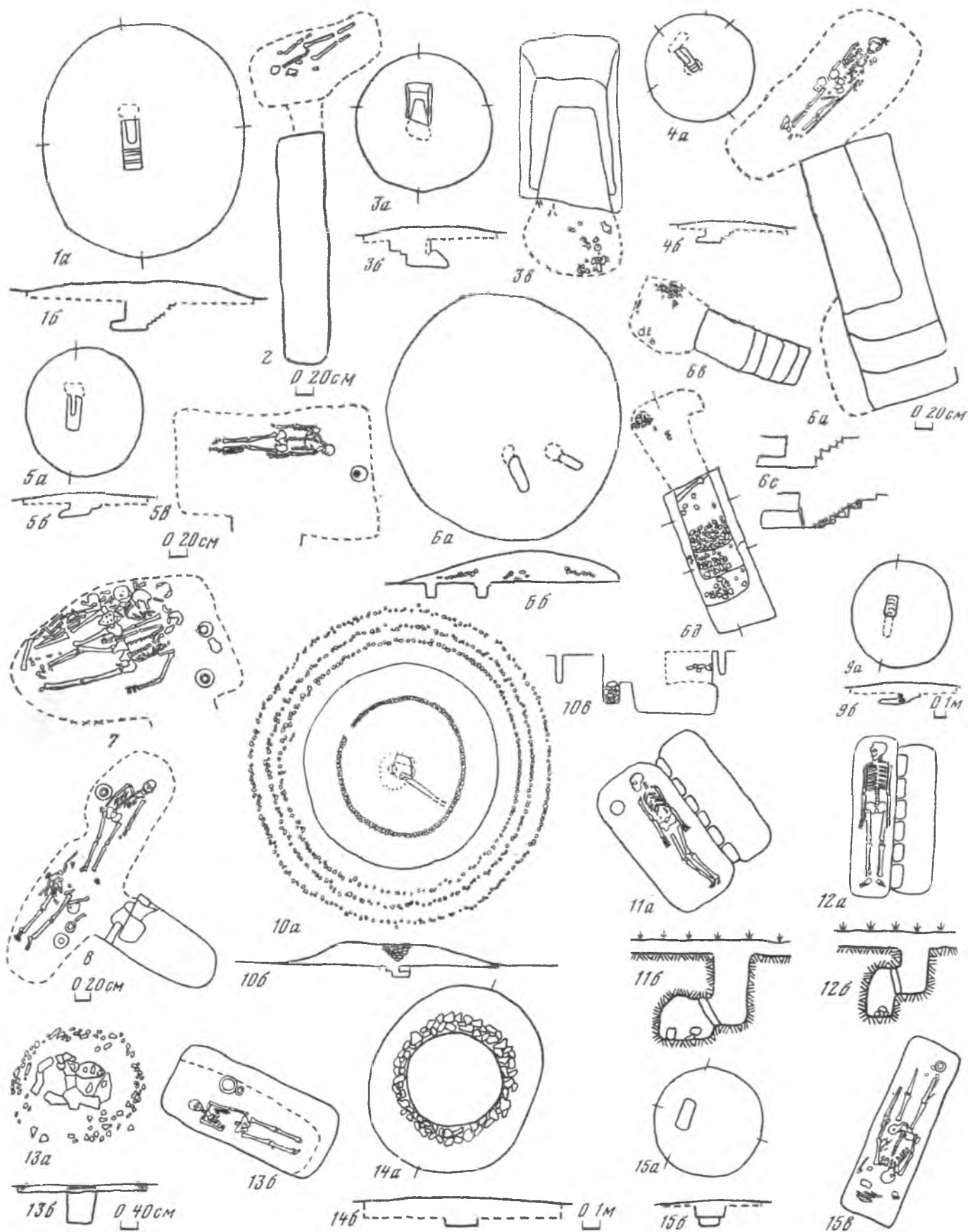

Таблица 38. Кочевники первых веков нашей эры Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Погребальный обряд

Таблица 39. Кочевники первых веков нашей эры Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Материальная культура

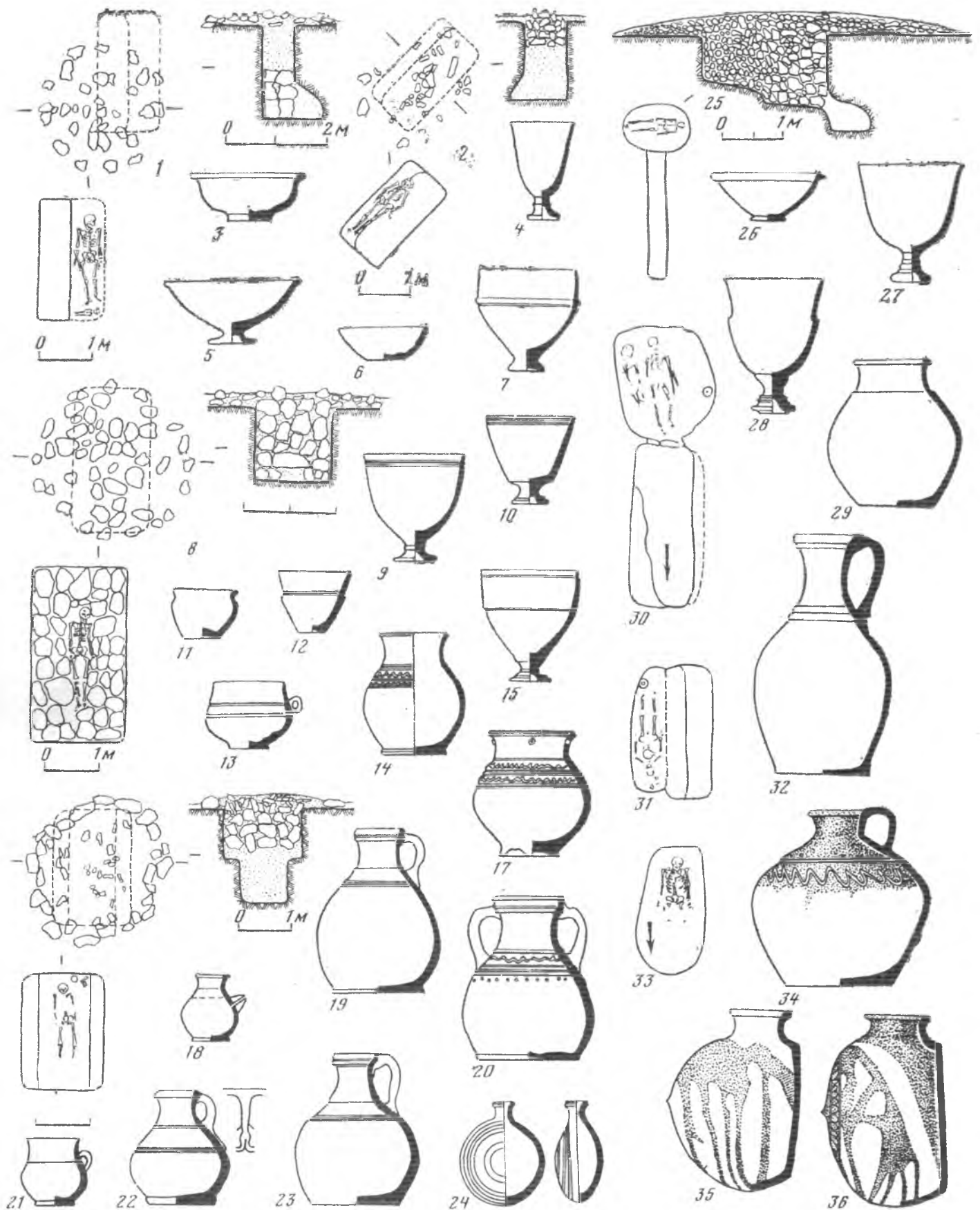

Таблица 40. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Планы погребений, керамика

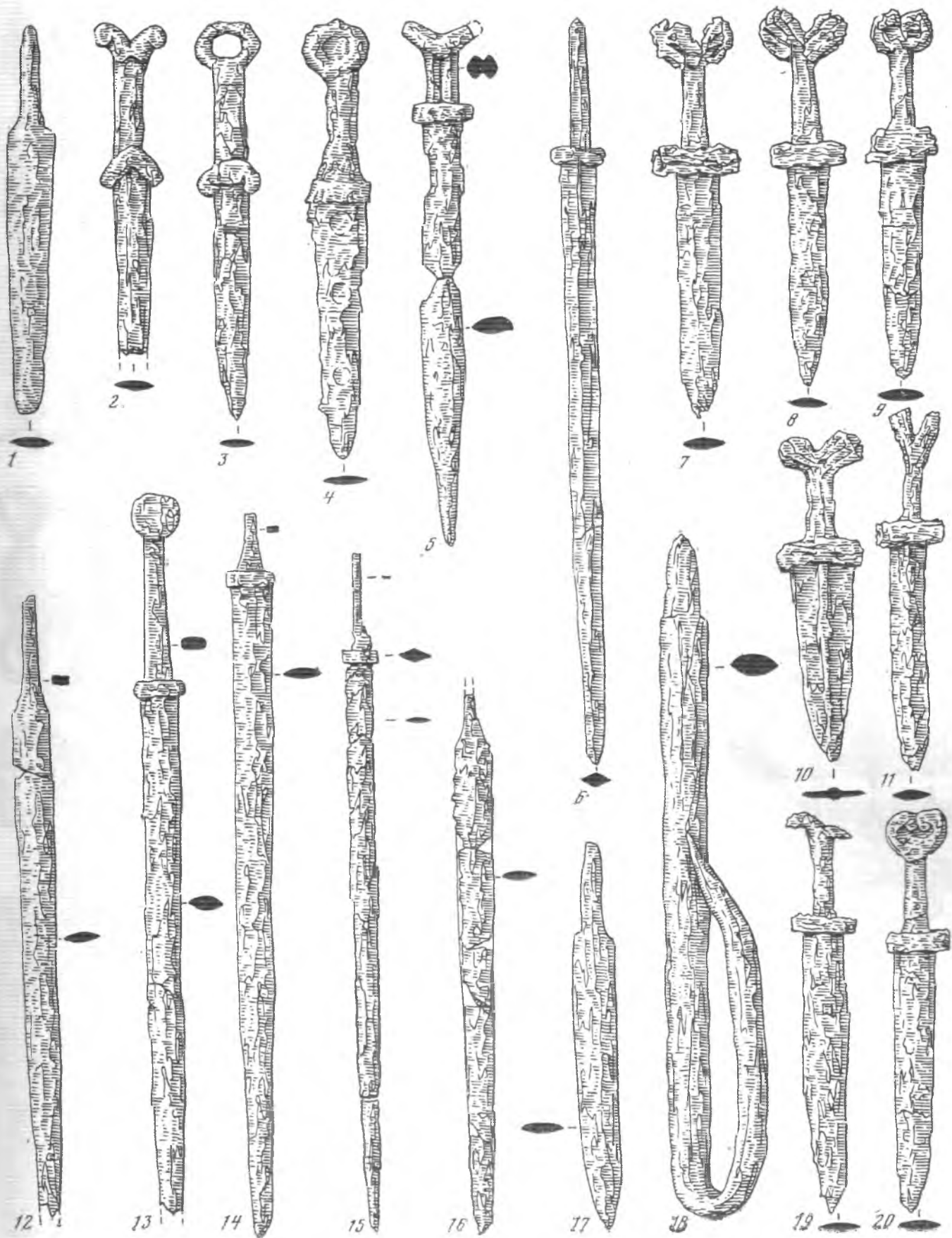

Таблица 41. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы вооружения

Таблица 42. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Орудия труда, пряжки, украшения

Таблица 43. Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы туалета, культа, украшения, ювелирные изделия

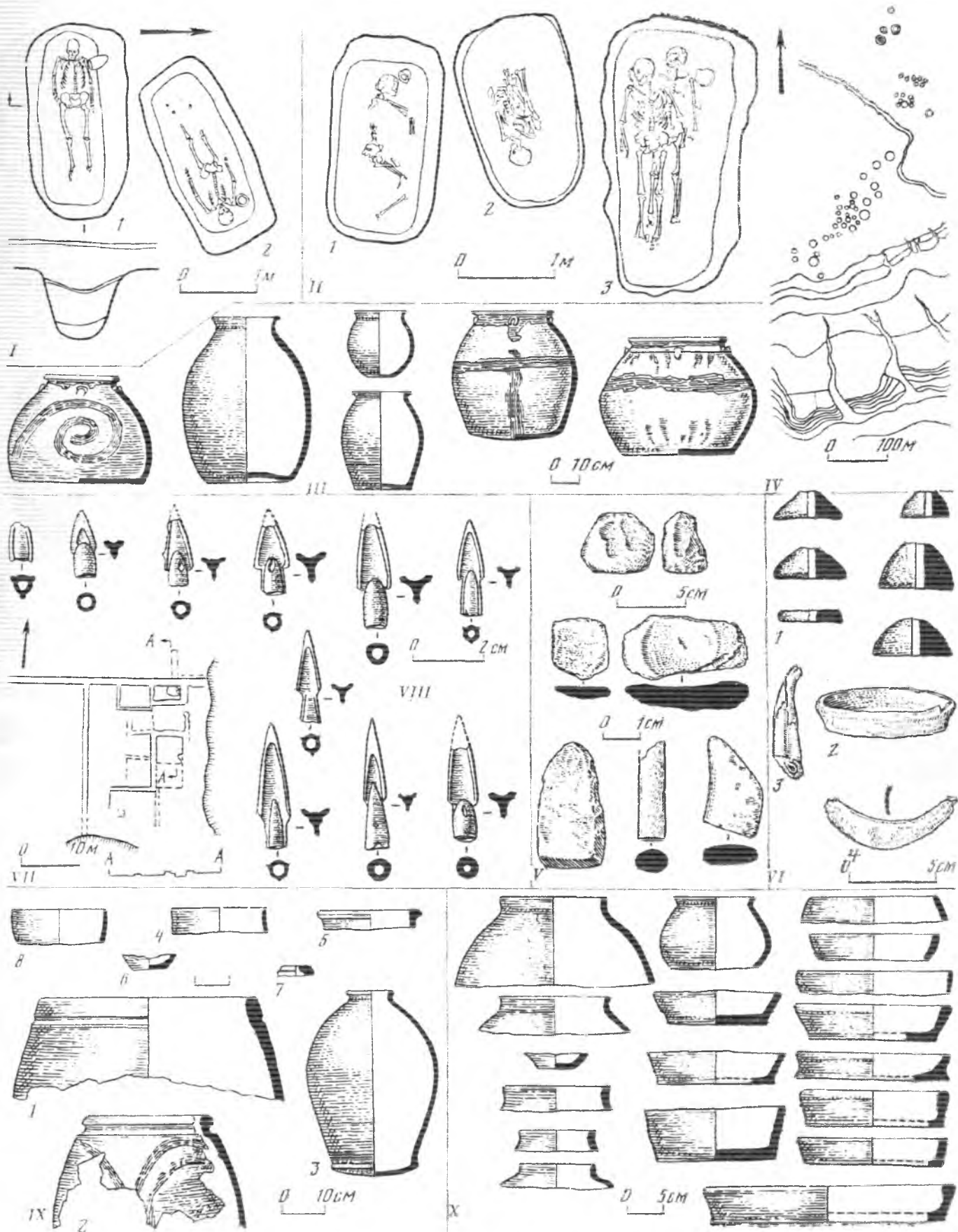

Таблица 45. Куйсайская культура. Могильники и поселение

Таблица 46. Присар'ьякмышская дельта Амударьи. Подбойно-катакомбные погребения

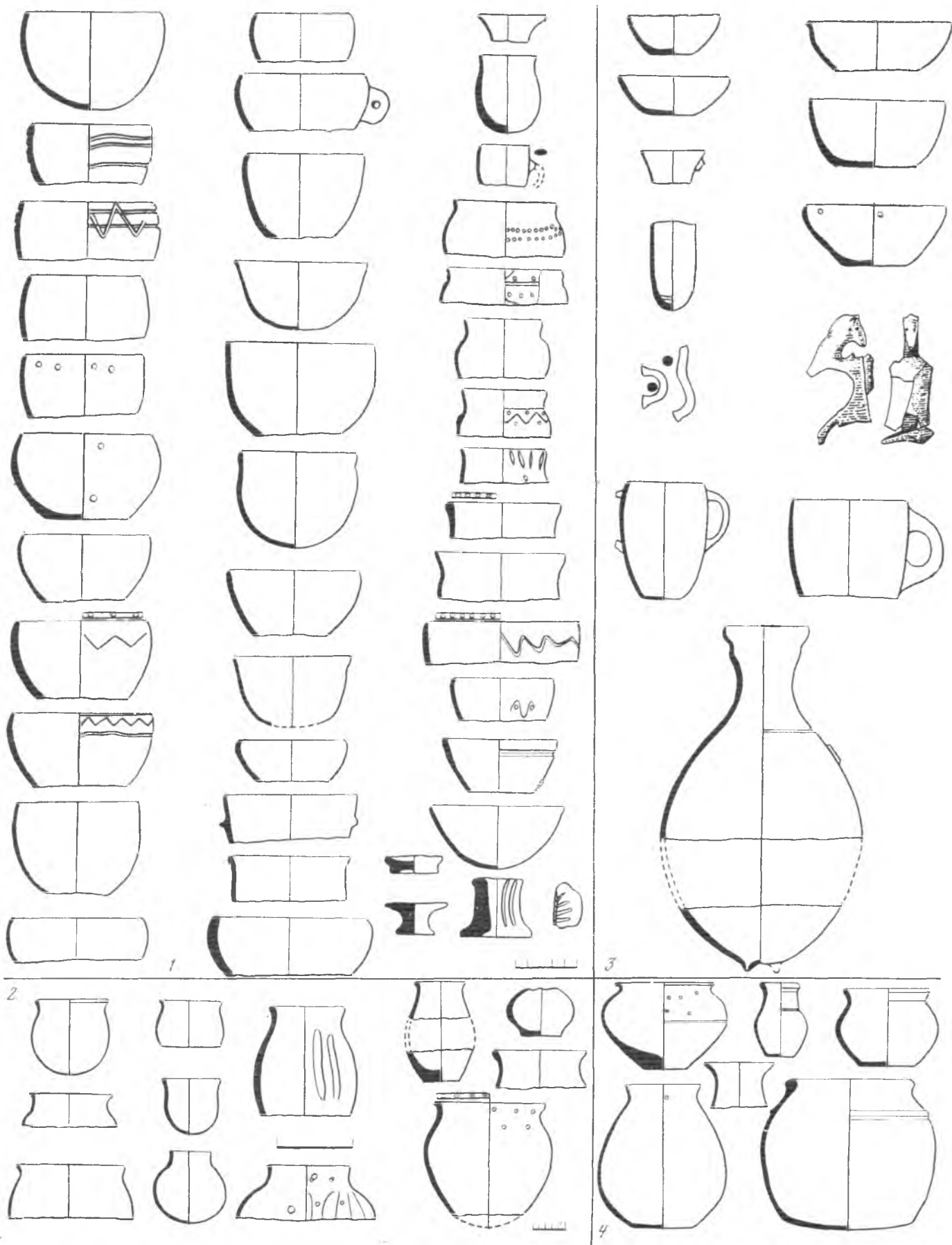

Таблица 48. Северо-западная Туркмения, первый этап культуры скотоводов (V—II вв. до н. э.). Керамика

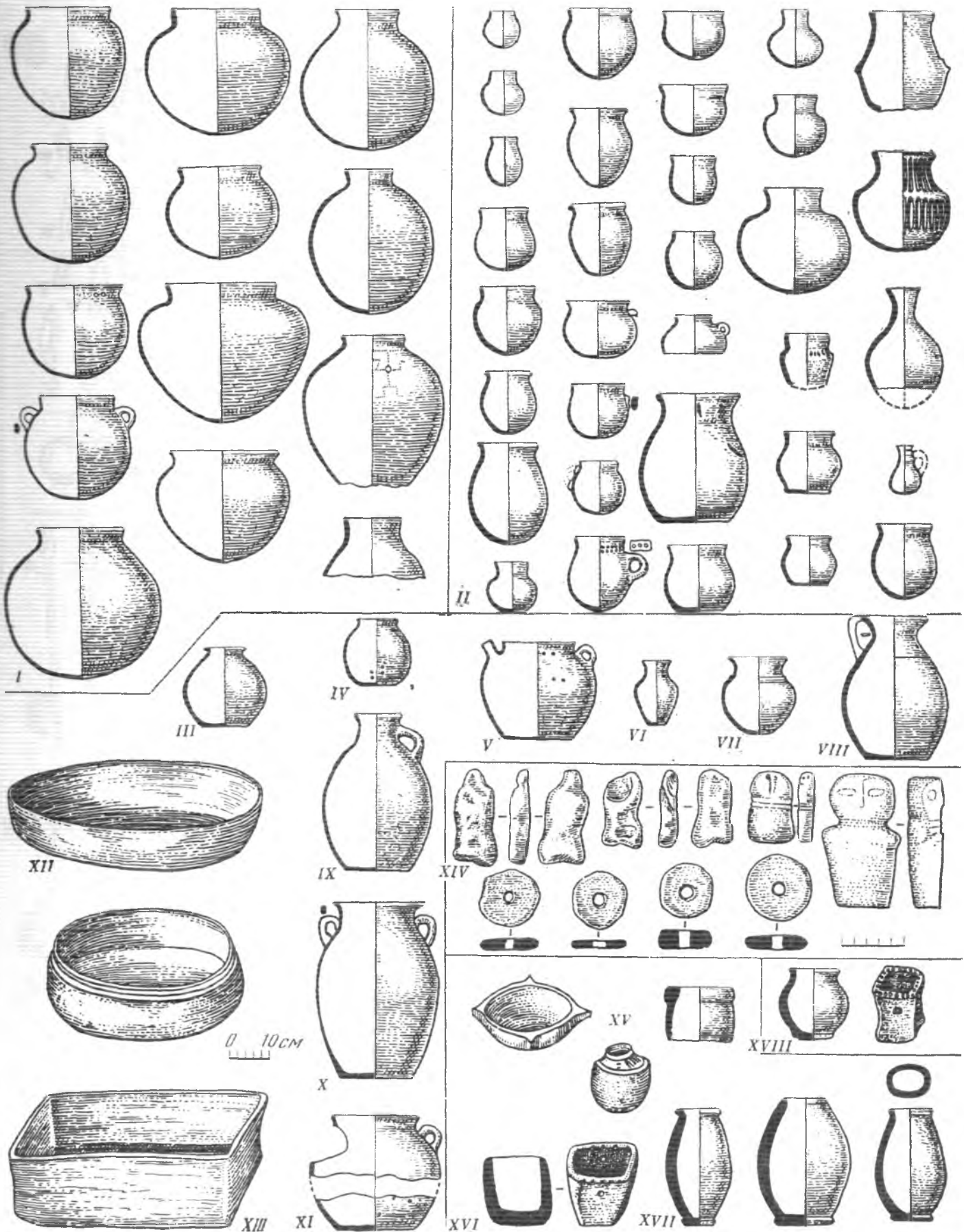

Таблица 49. Северо-западная Туркмения, второй этап культуры скотоводов (II в. до н. э. — IV в. н. э.).
Инвентарь из погребальных сооружений

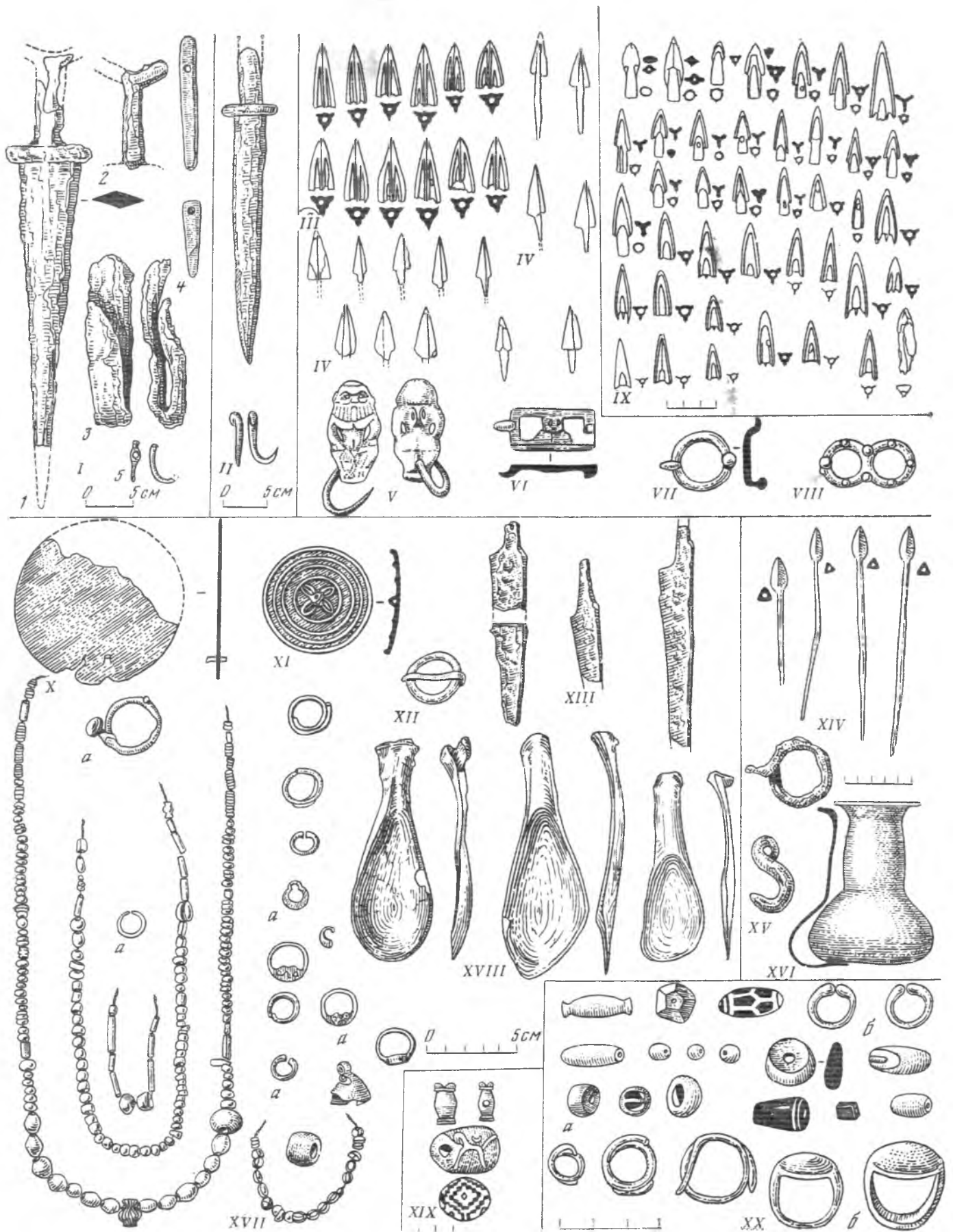

Таблица 50. Северо-западная Туркмения. Инвентарь из погребальных сооружений и святилища Ичишлыдепе

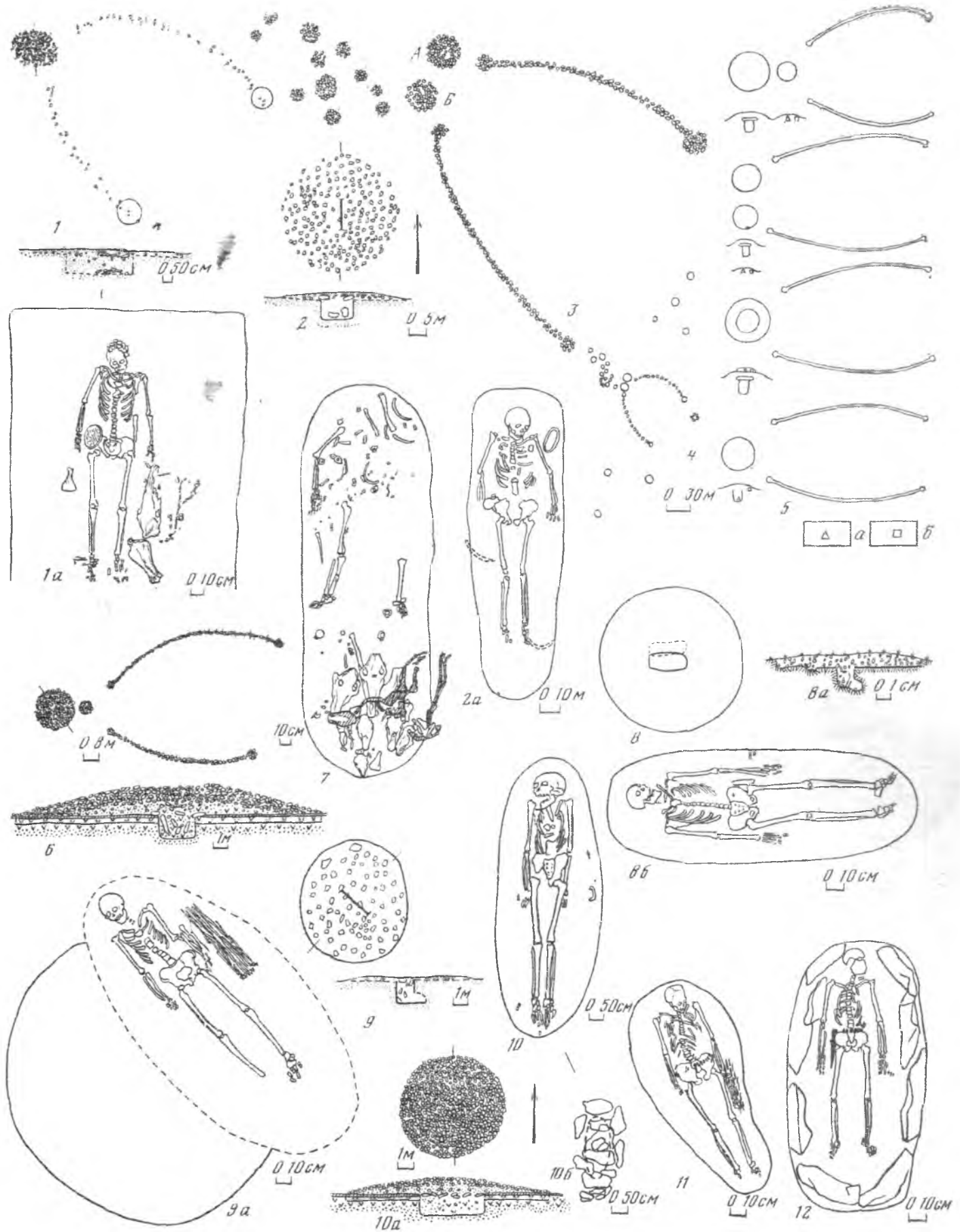

Таблица 51. Тасмодинская культура. Погребальные сооружения

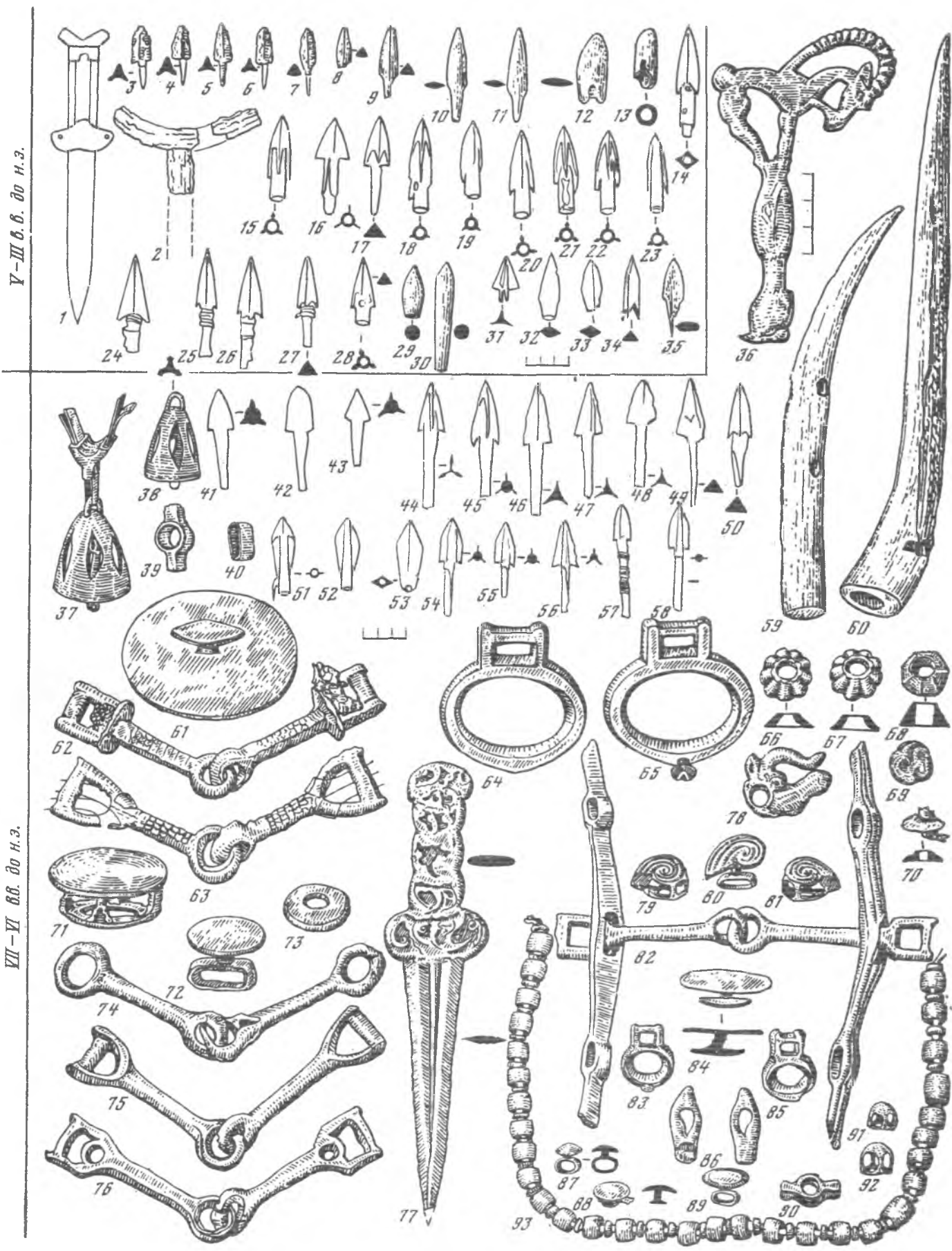

Таблица 52. Тасмолинская культура. Предметы вооружения и конского снаряжения

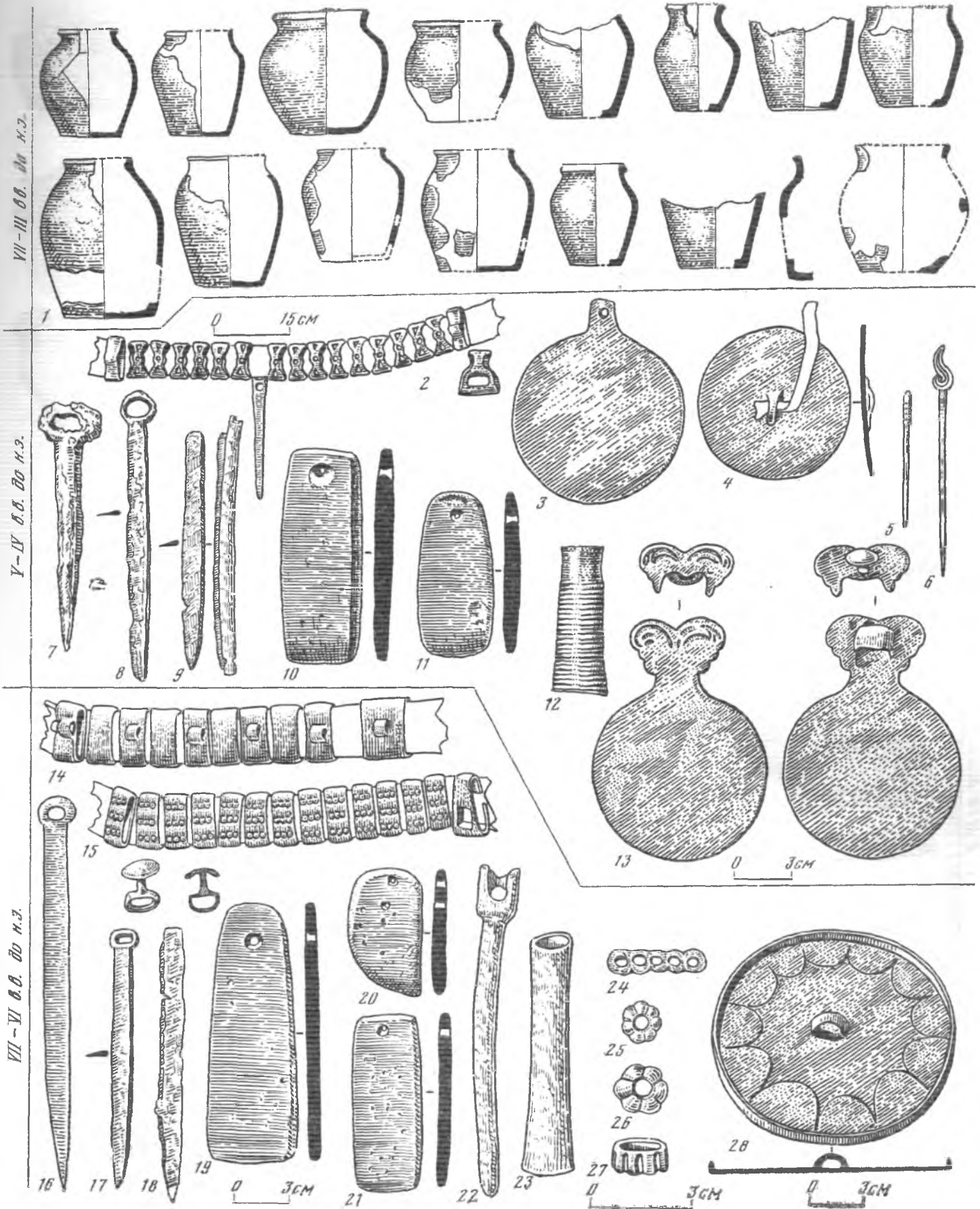

Таблица 53. Тасмолинская культура. Керамика, орудия труда, предметы туалета

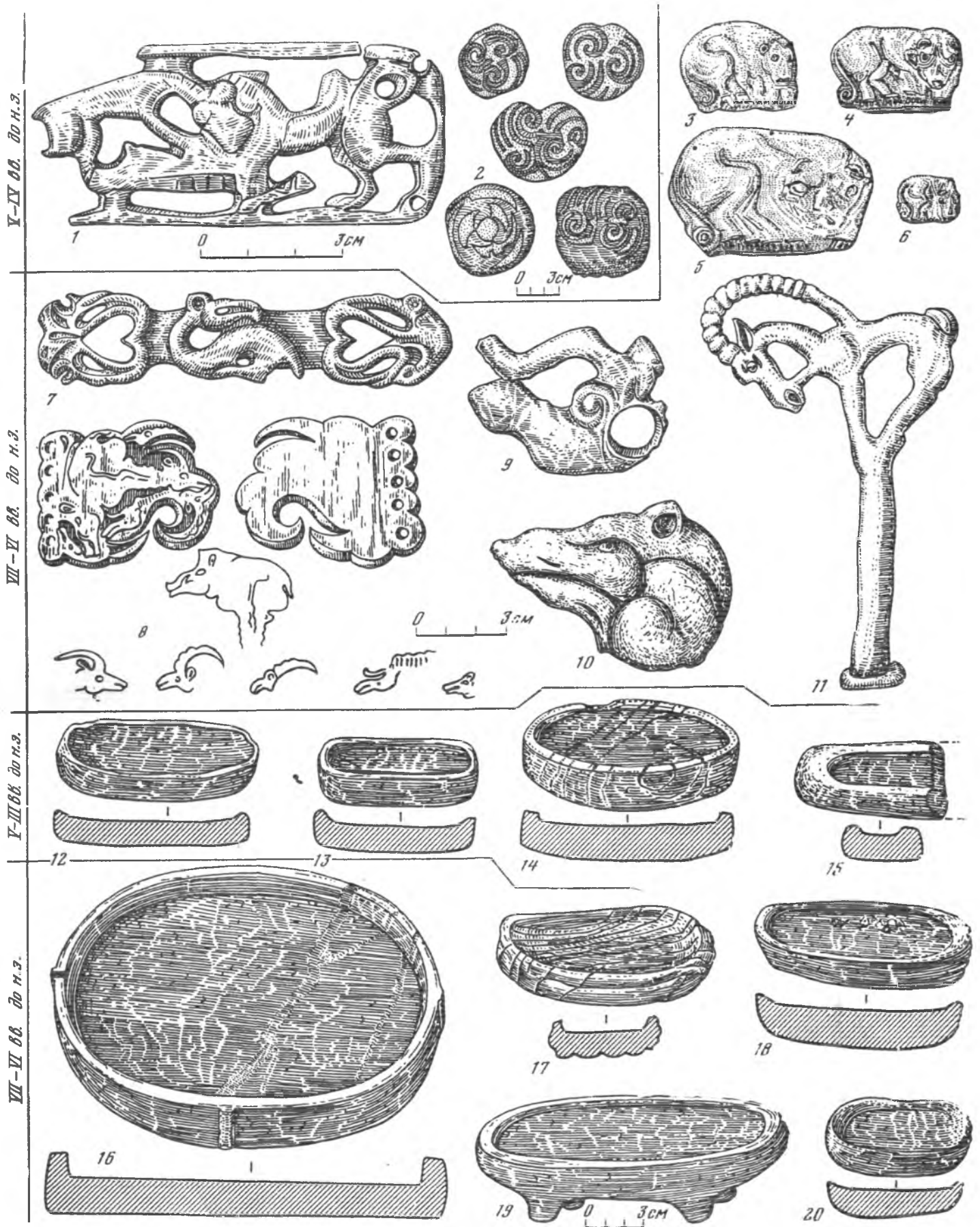

Таблица 54. Тасмолинская культура. Предметы звериного стиля и культа

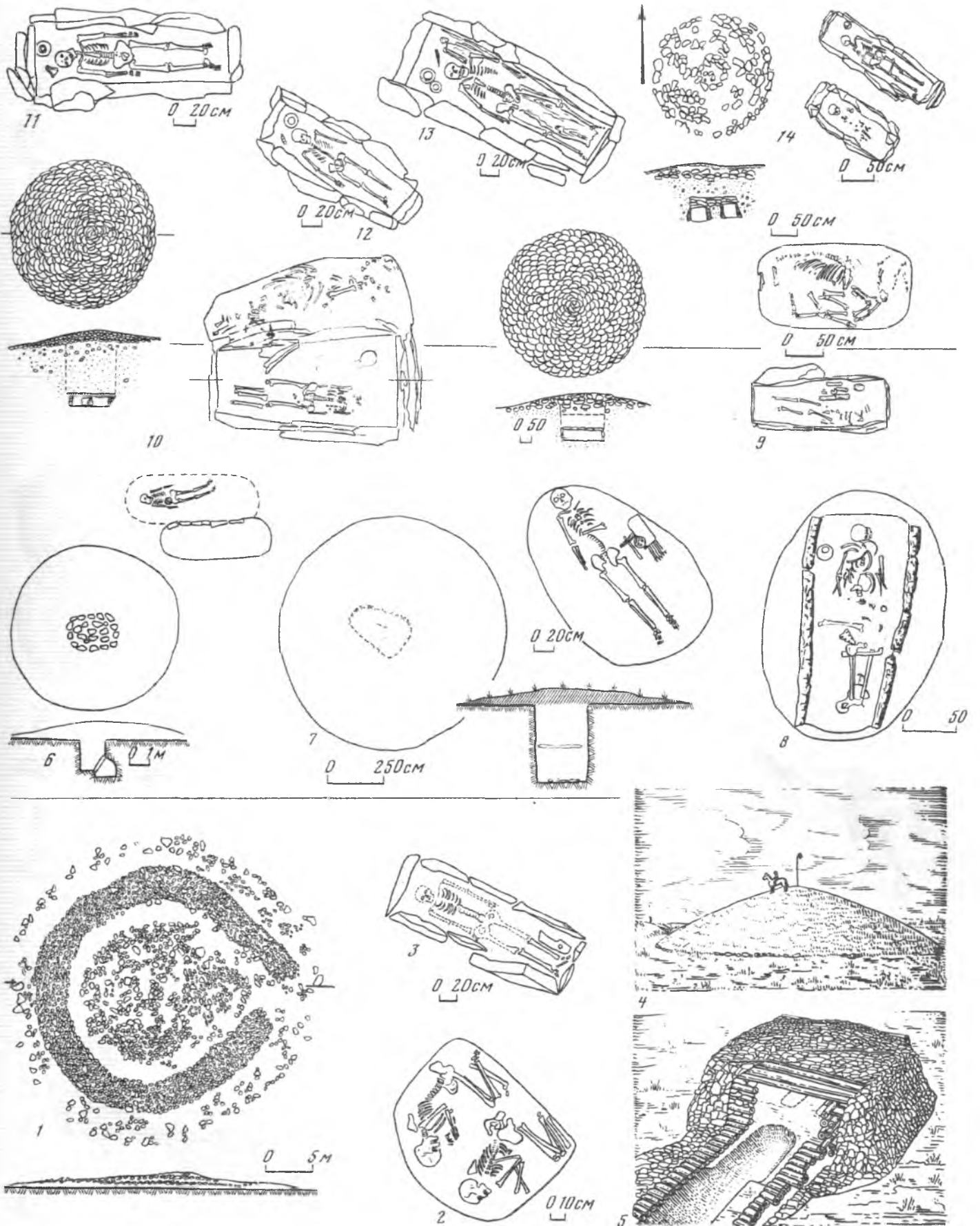

Таблица 55. Погребальные сооружения равнин кочевников Восточного Казахстана. Планы и разрезы курганов и погребений, реконструкции

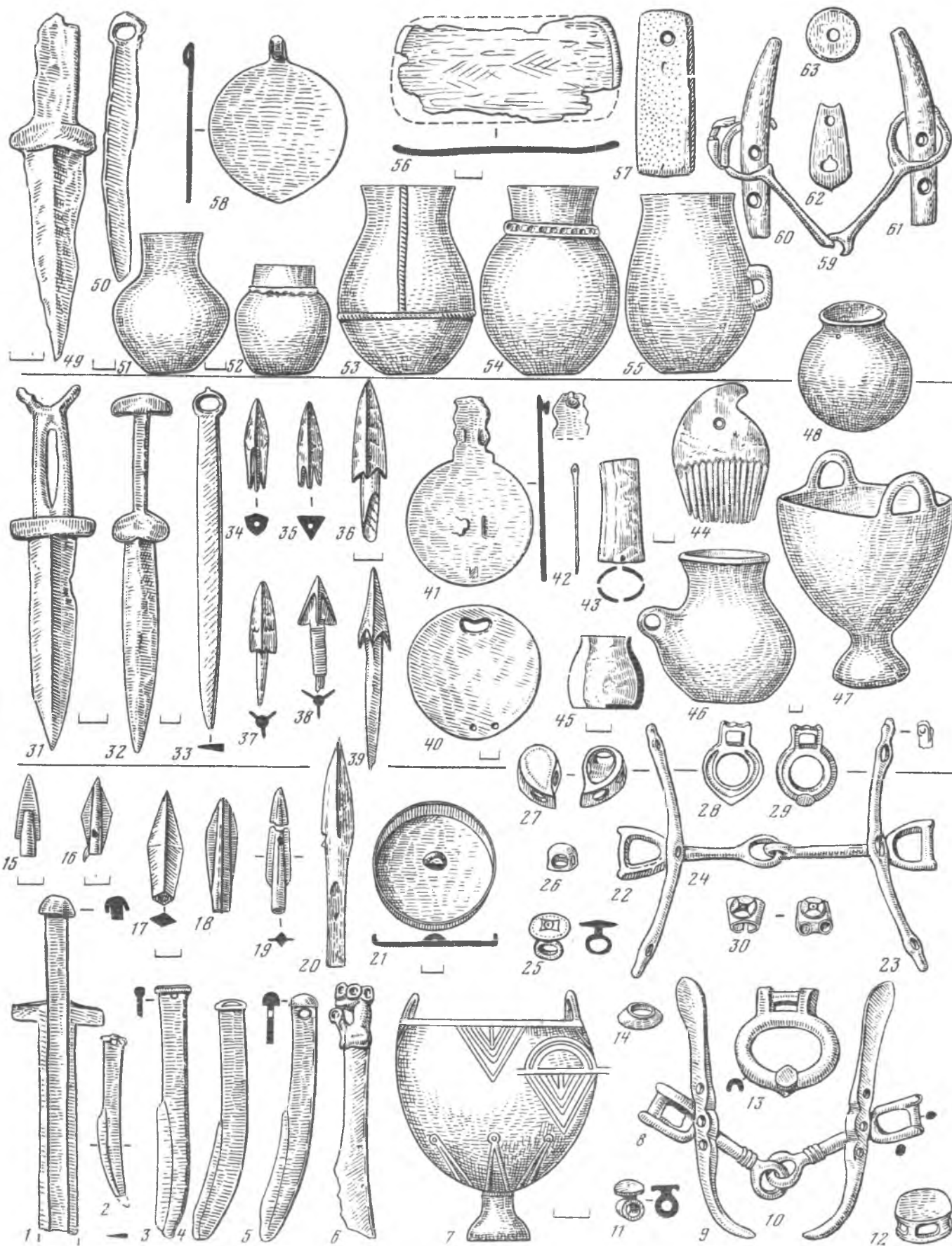

Таблица 56. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Орудия труда, оружие, посуда

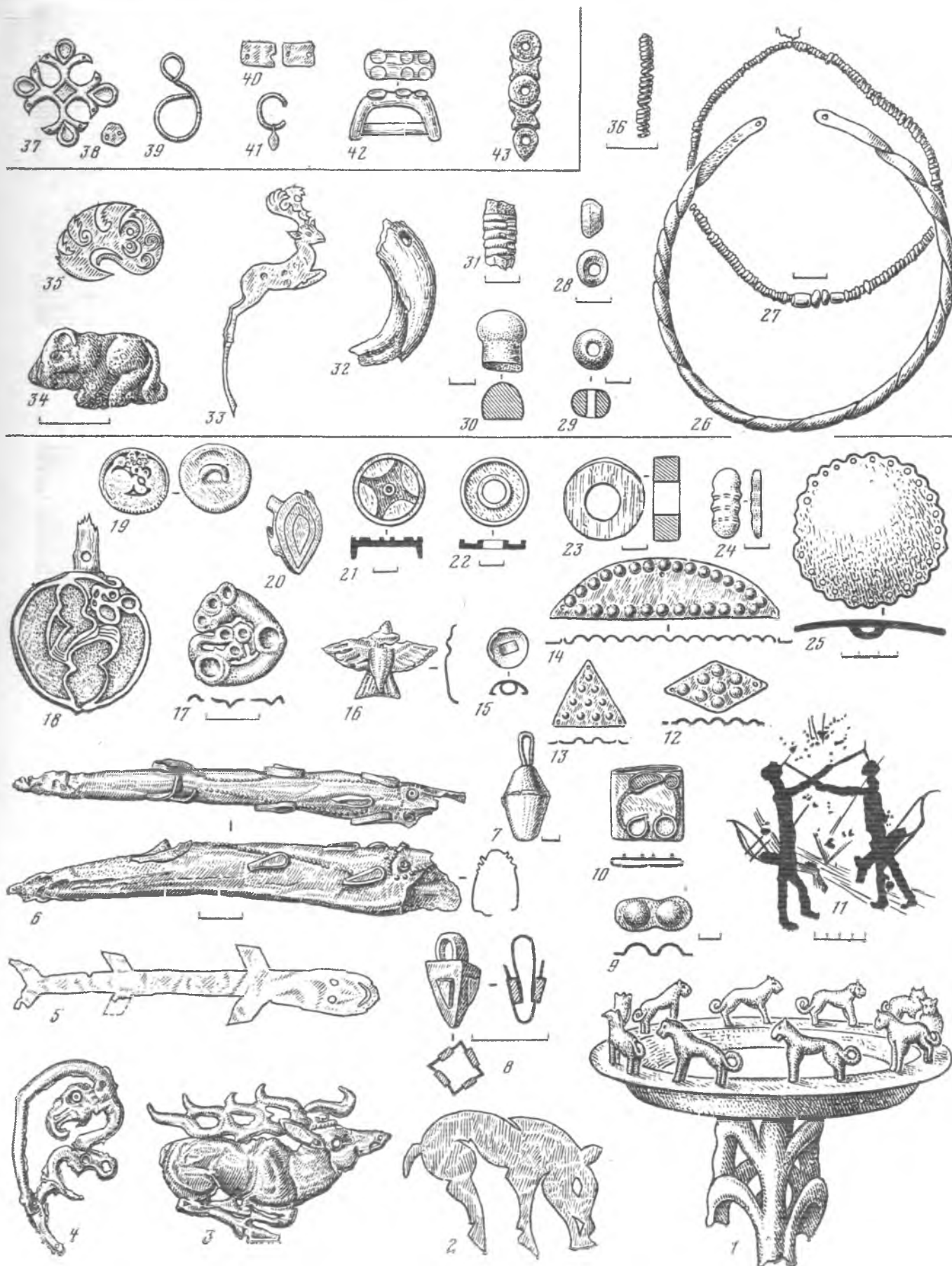

Таблица 57. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Украшения, искусство

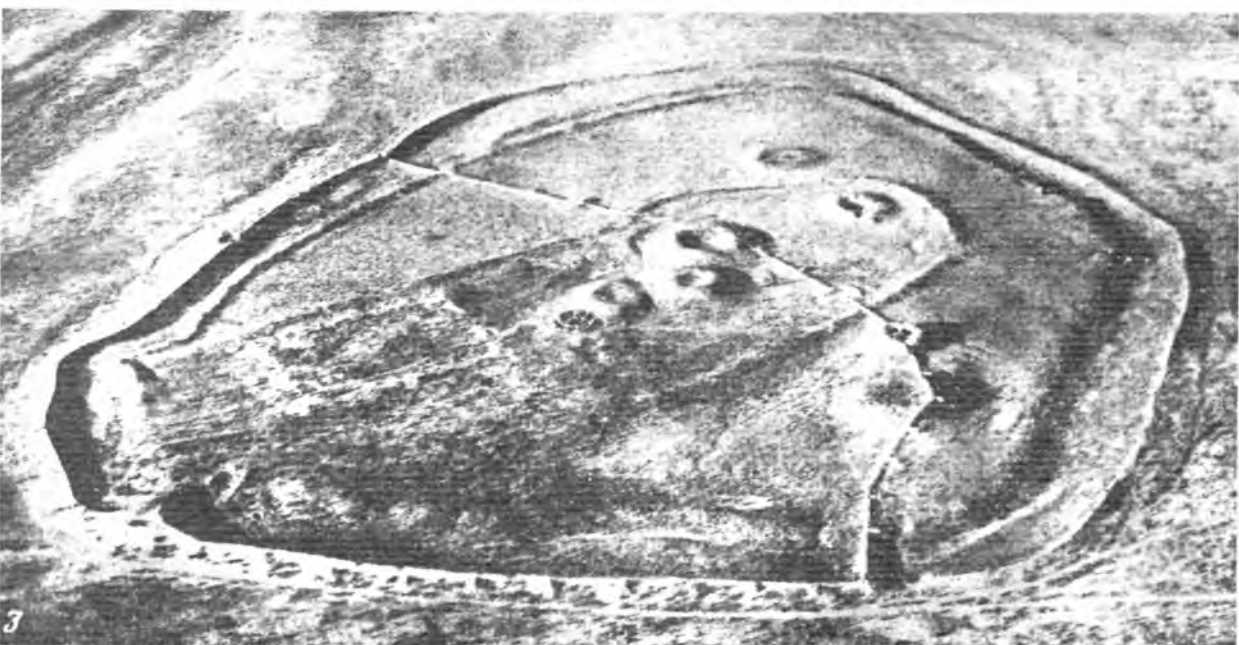

Таблица 58. Вид на археологические памятники с самолета

Таблица 59. Мужчины тагарского времени (1), гунн (2), сак (3) и человек из плиточной могилы (4).
Реконструкции М. М. Герасимова

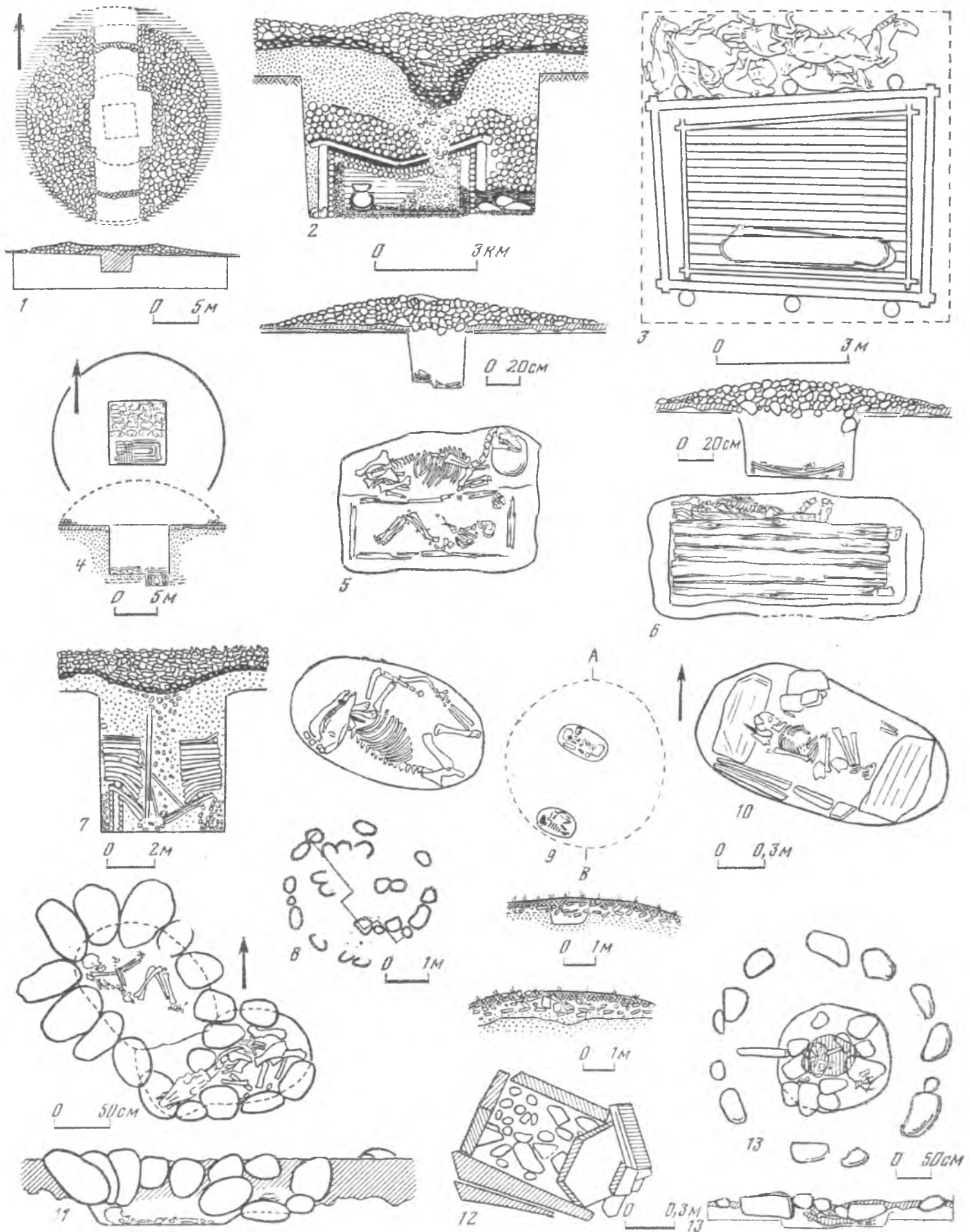

Таблица 60. Ранние кочевники Алтая (VIII в. до н. э.—I в. н. э.). Погребальные сооружения

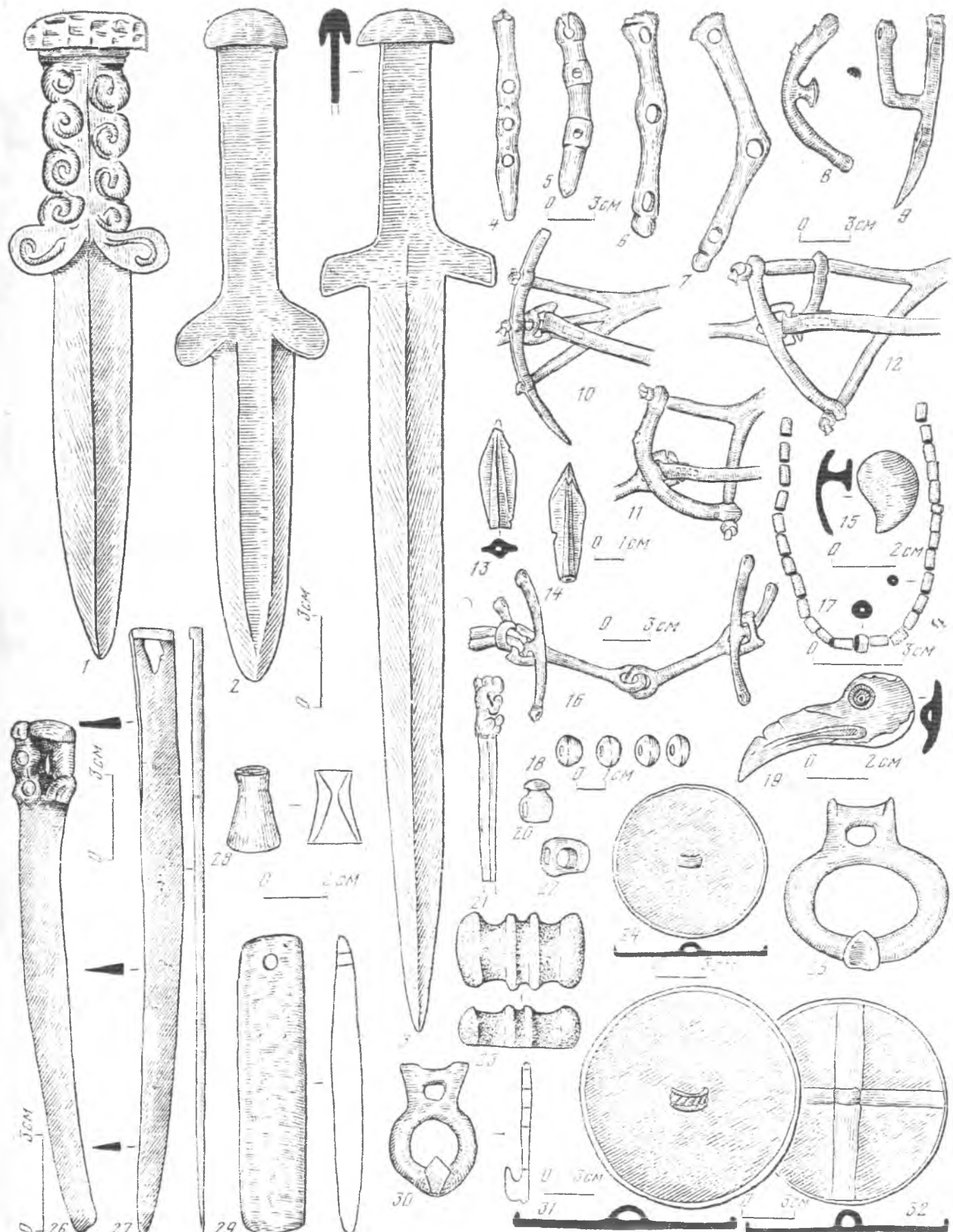

Таблица 61. Ранние кочевники Алтая (VIII—VI вв. до н. э.). Погребальный инвентарь и случайные находки

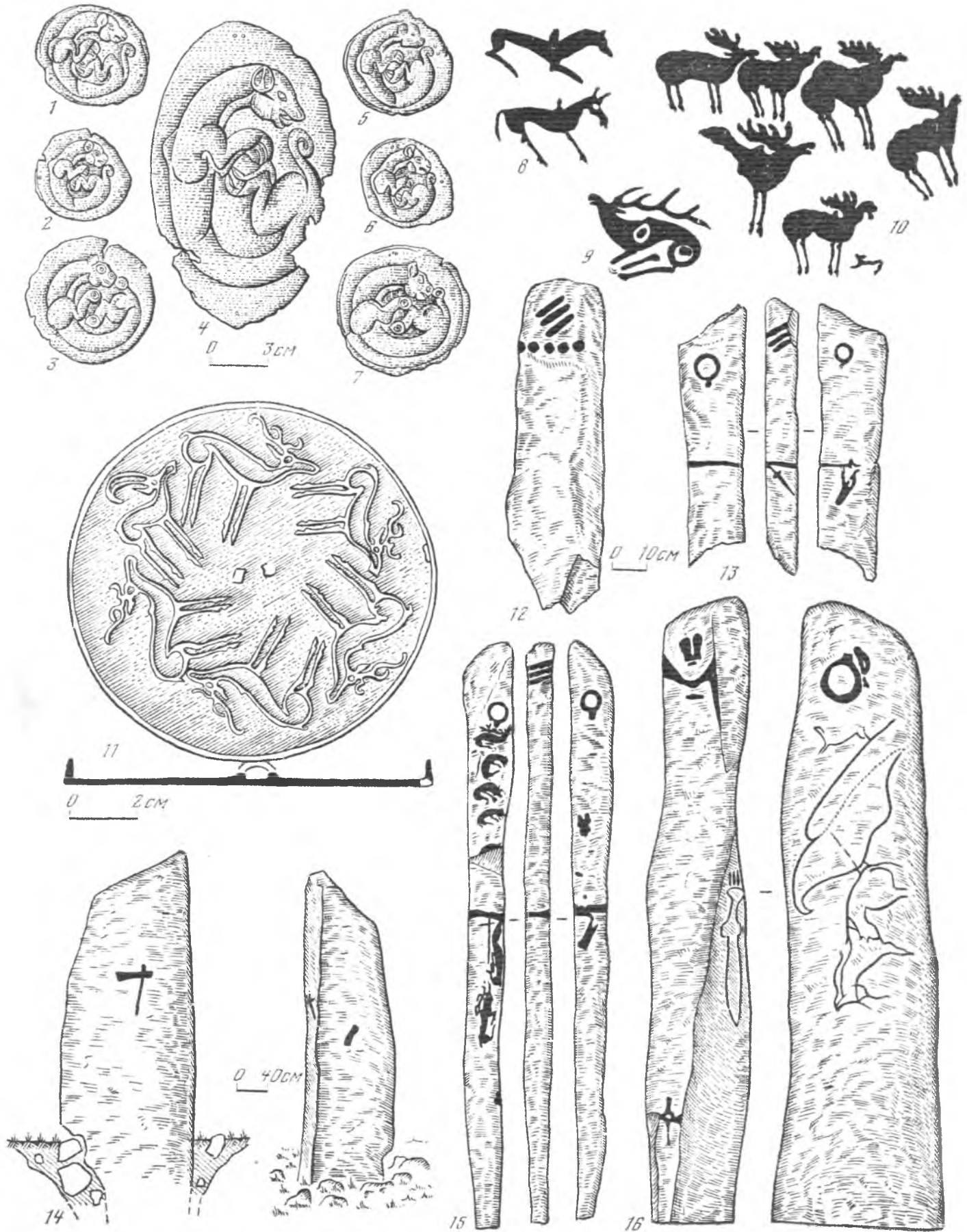

Таблица 62. Ранние кочевники Алтая (VIII — VII вв. до н. э.). Предметы звериного стиля

Таблица 63. Ранние кочевники Алтая (V — III вв. до н. э.). Погребальный инвентарь

Таблица 64. Ранние кочевники Алтая (II в. до н. э.—I в. н. э.). Предметы материальной культуры

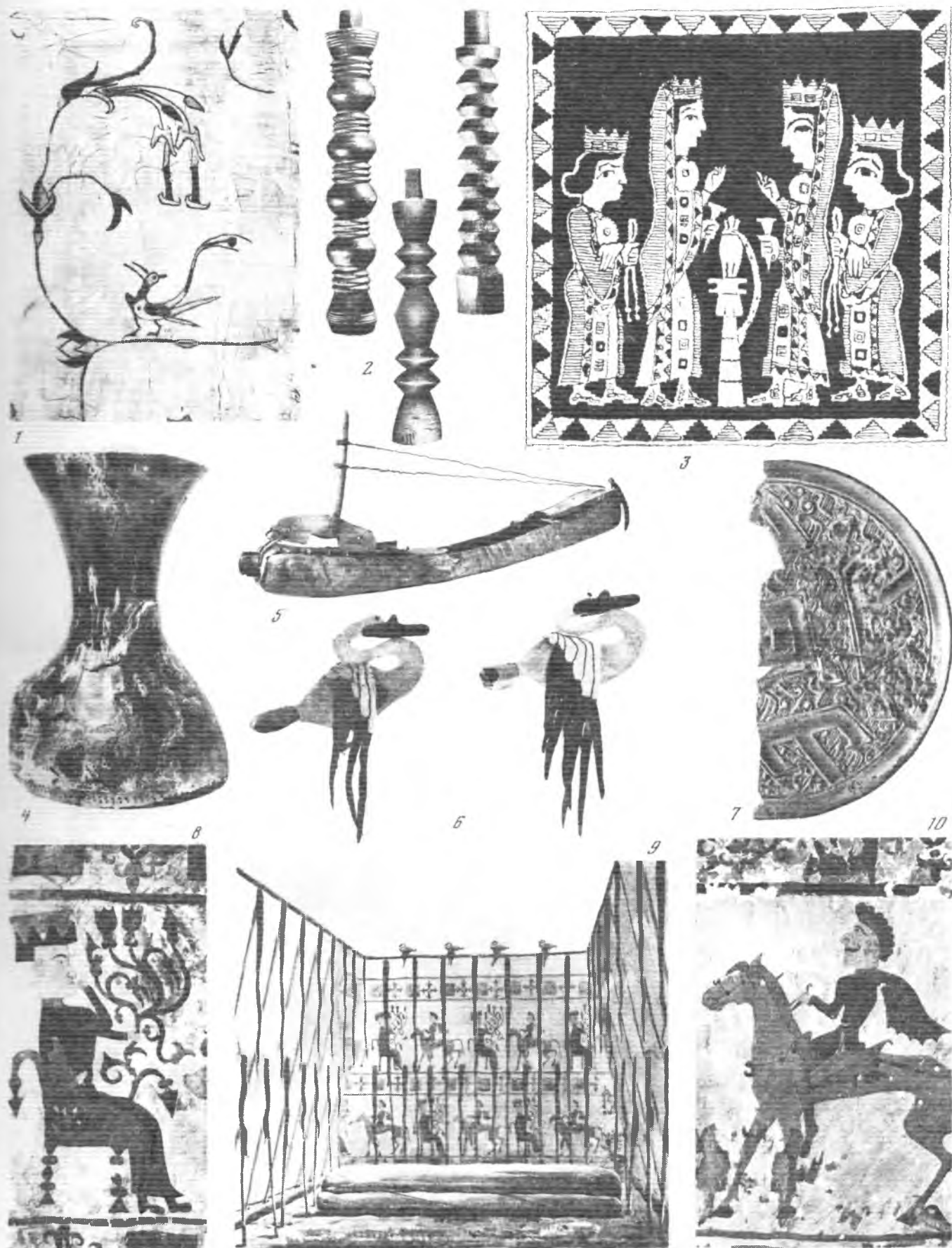

Таблица 65. Ранние кочевники Алтая. Импортные изделия

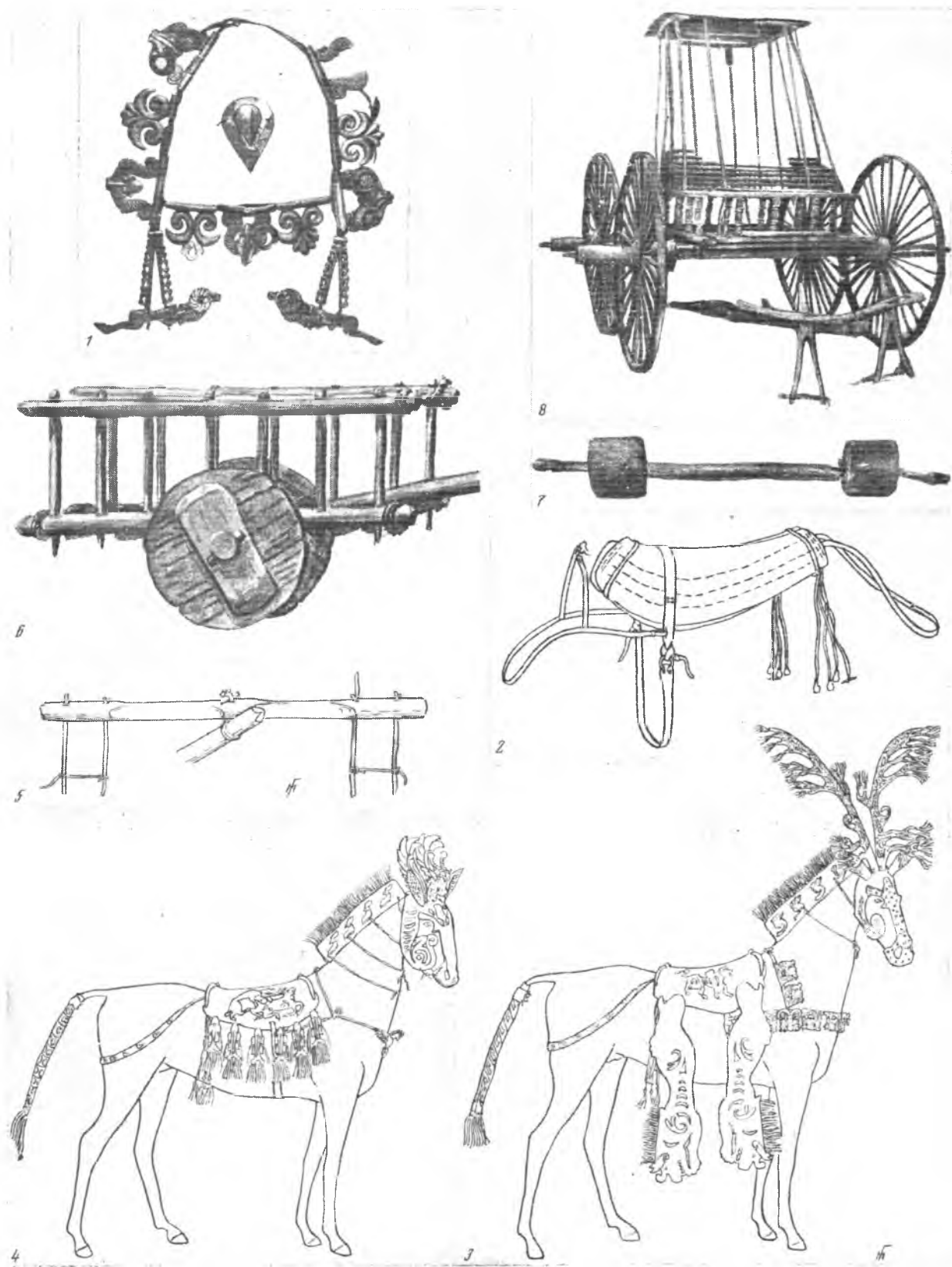

Таблица 66. Ранние кочевники Алтая. Средства передвижения

Таблица 67. Ранние кочевники Алтая. Изобразительное искусство, скифо-сибирский звериный стиль

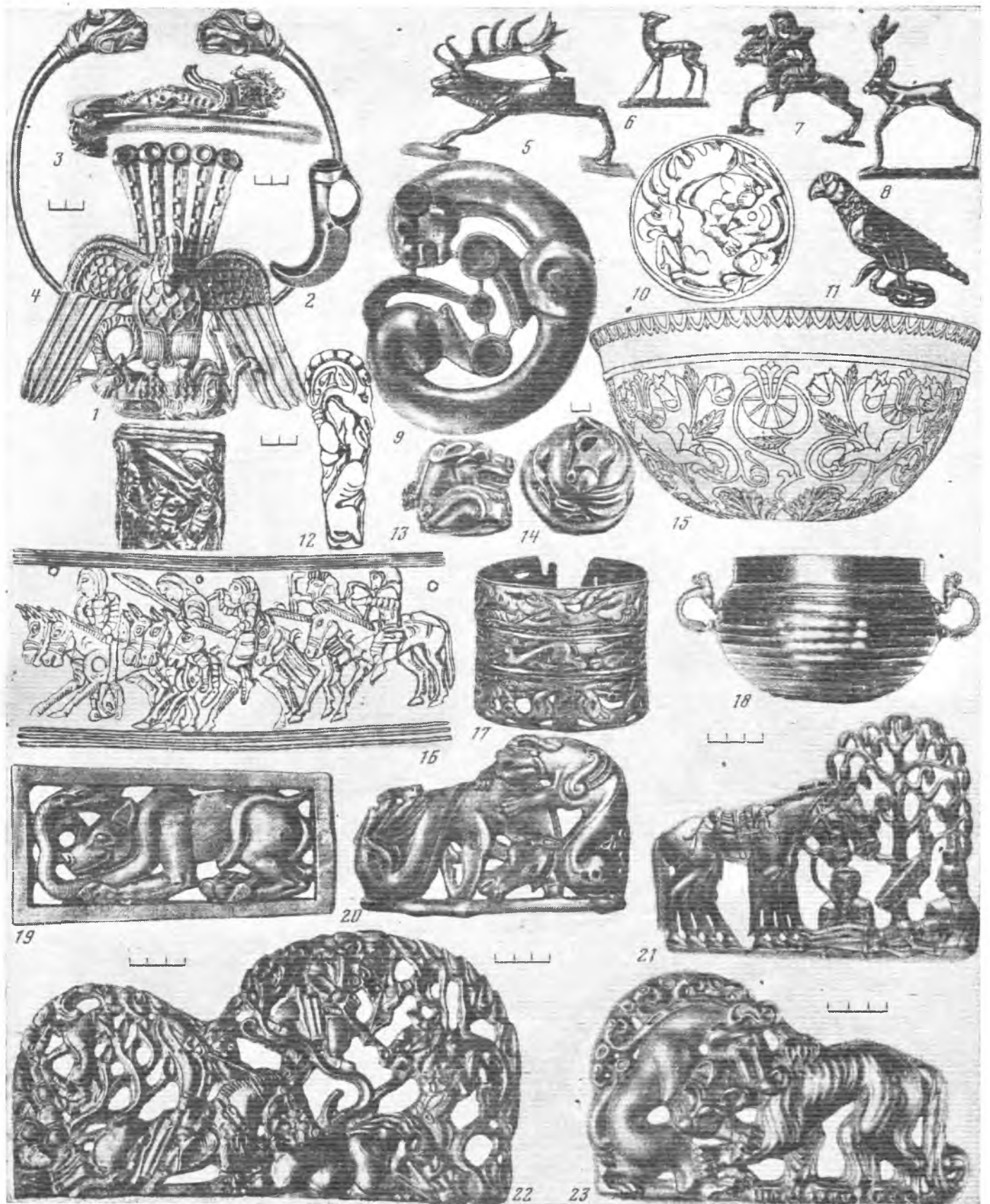

Таблица 68. Скифо-сибирское золото. Сибирская коллекция Петра I (1 — 23)

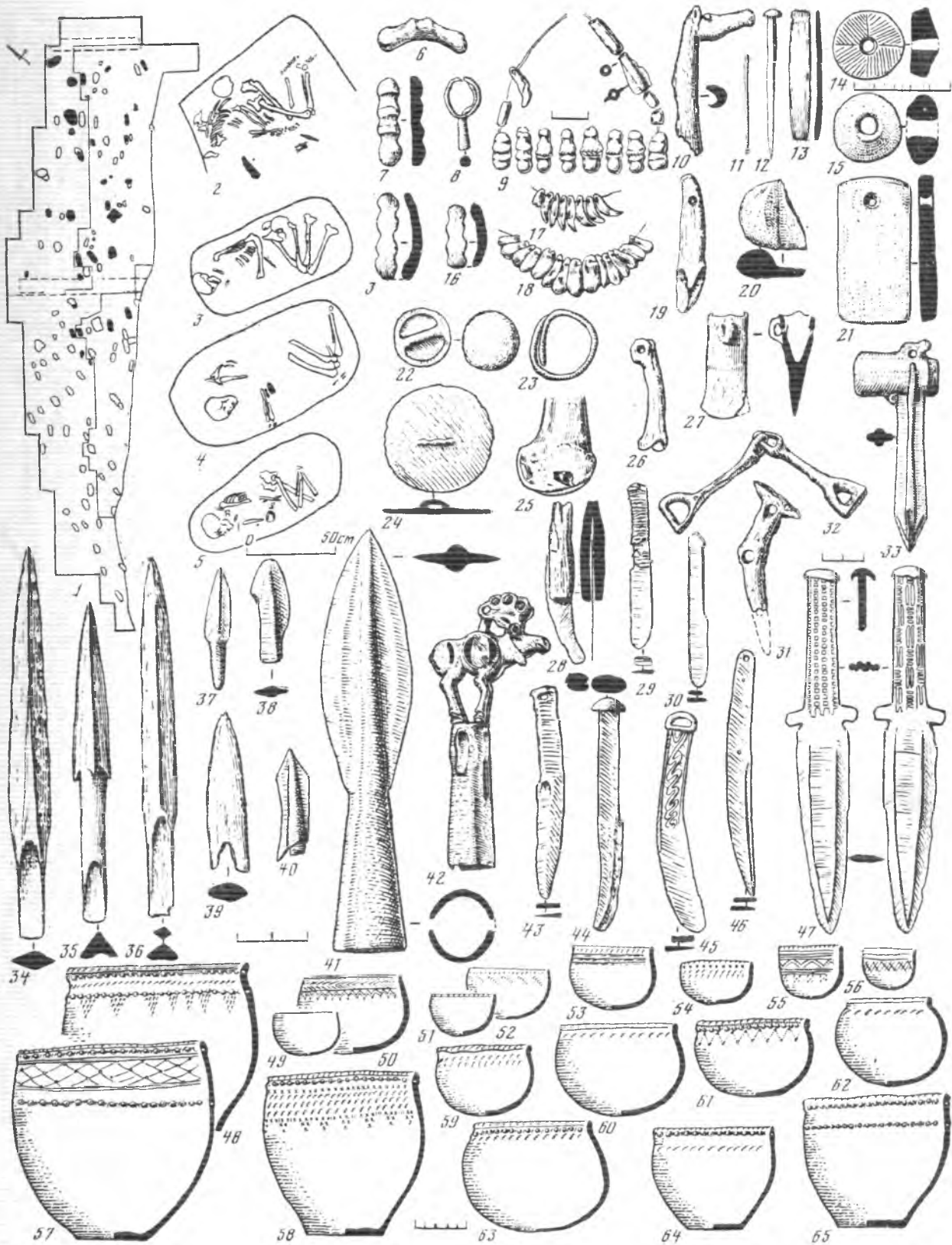

Таблица 69. Большереченская культура (VII—VI вв. до н. э.). Вещи и глиняная посуда из погребений и поселений большереченского этапа

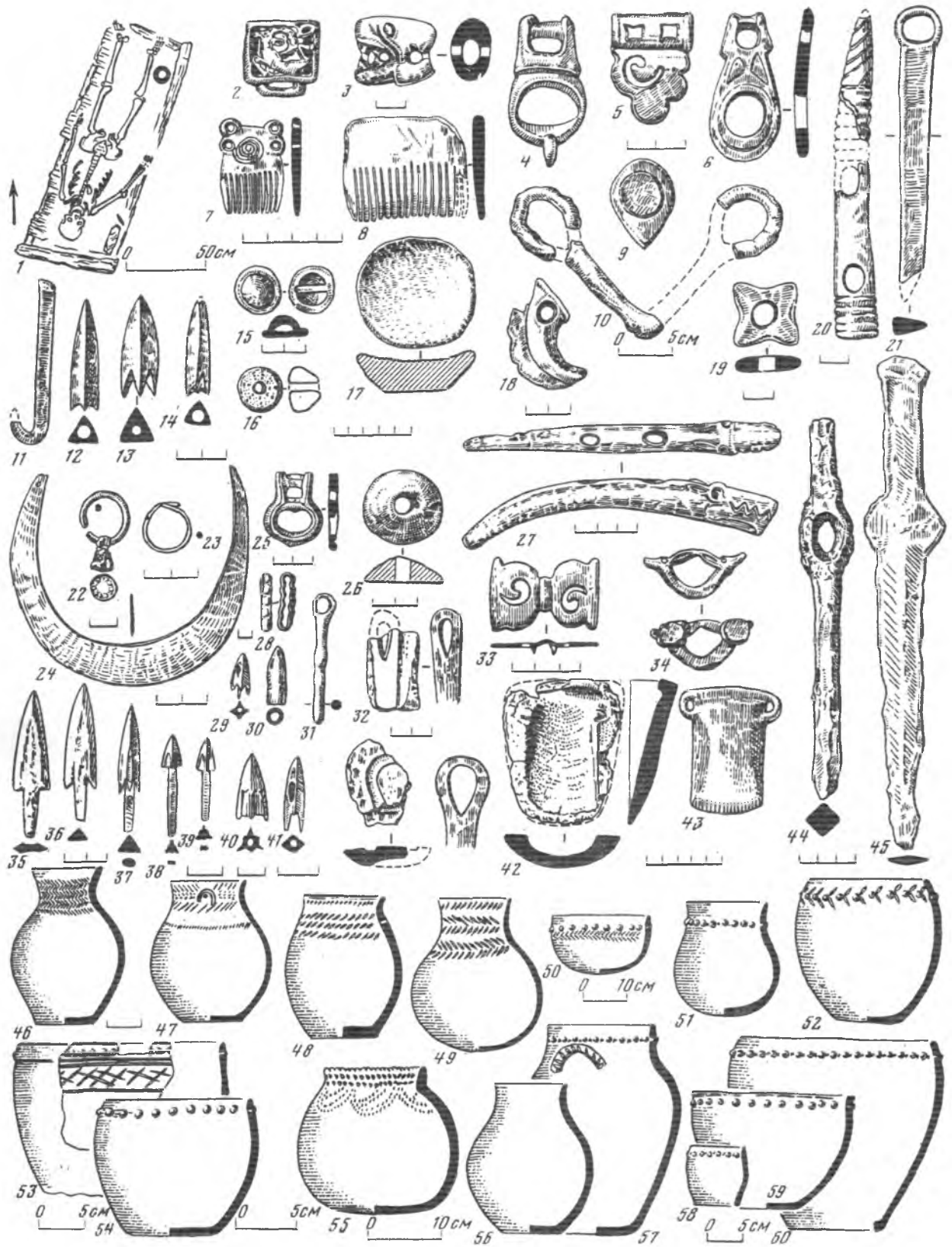

Таблица 70. Большереченская культура. Вещи и глиняная посуда из погребений и поселений бийского (V—III вв. до н. э.) и березовского (II—I вв. до н. э.) этапов

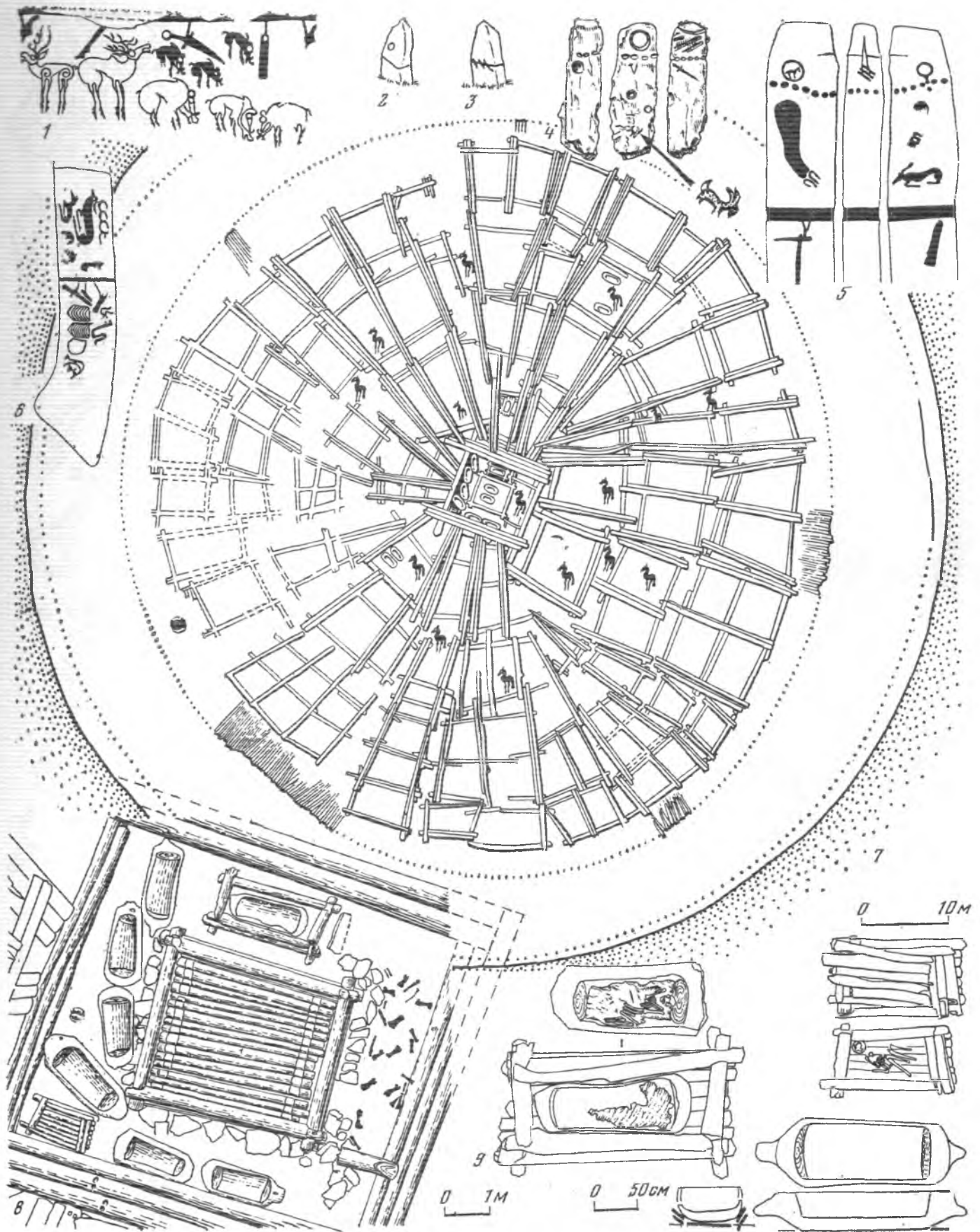

Таблица 71. Ранние кочевники Тувы. Оленные камни, курган Аржан

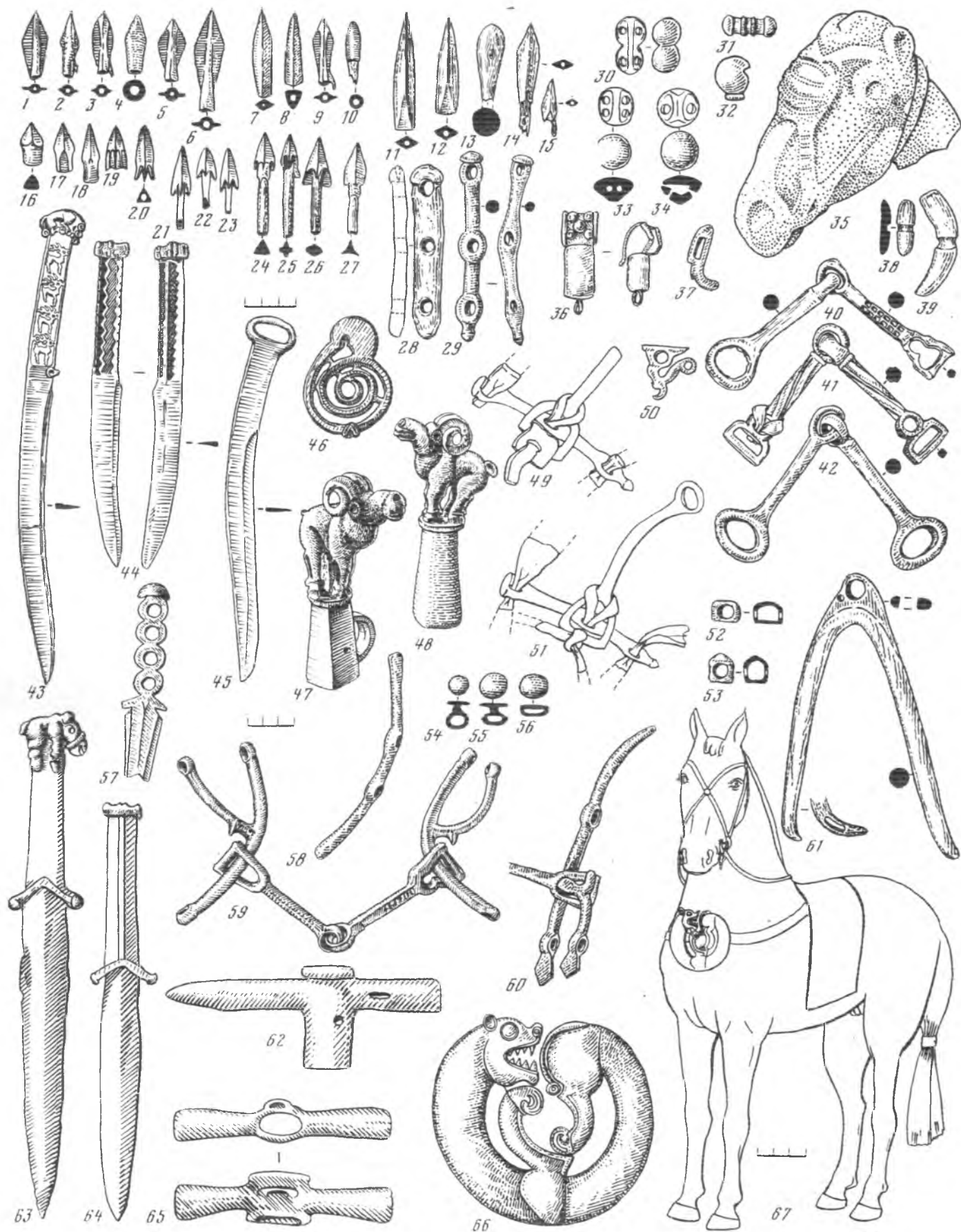

Таблица 72. Ранние кочевники Тувы. Вещи раннего этапа скифского времени

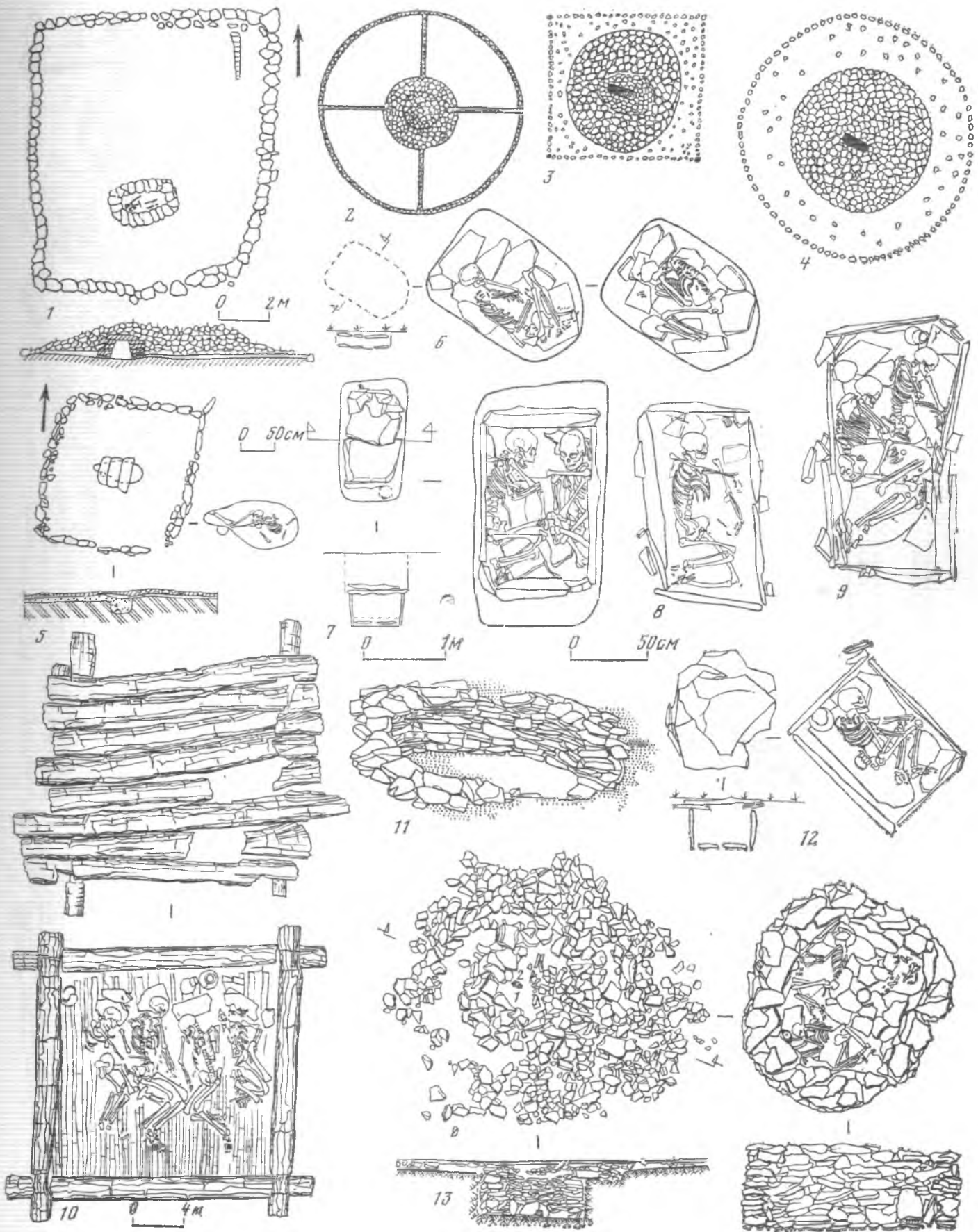

Таблица 73. Ранние кочевники Тувы. Погребальный обряд скифского времени

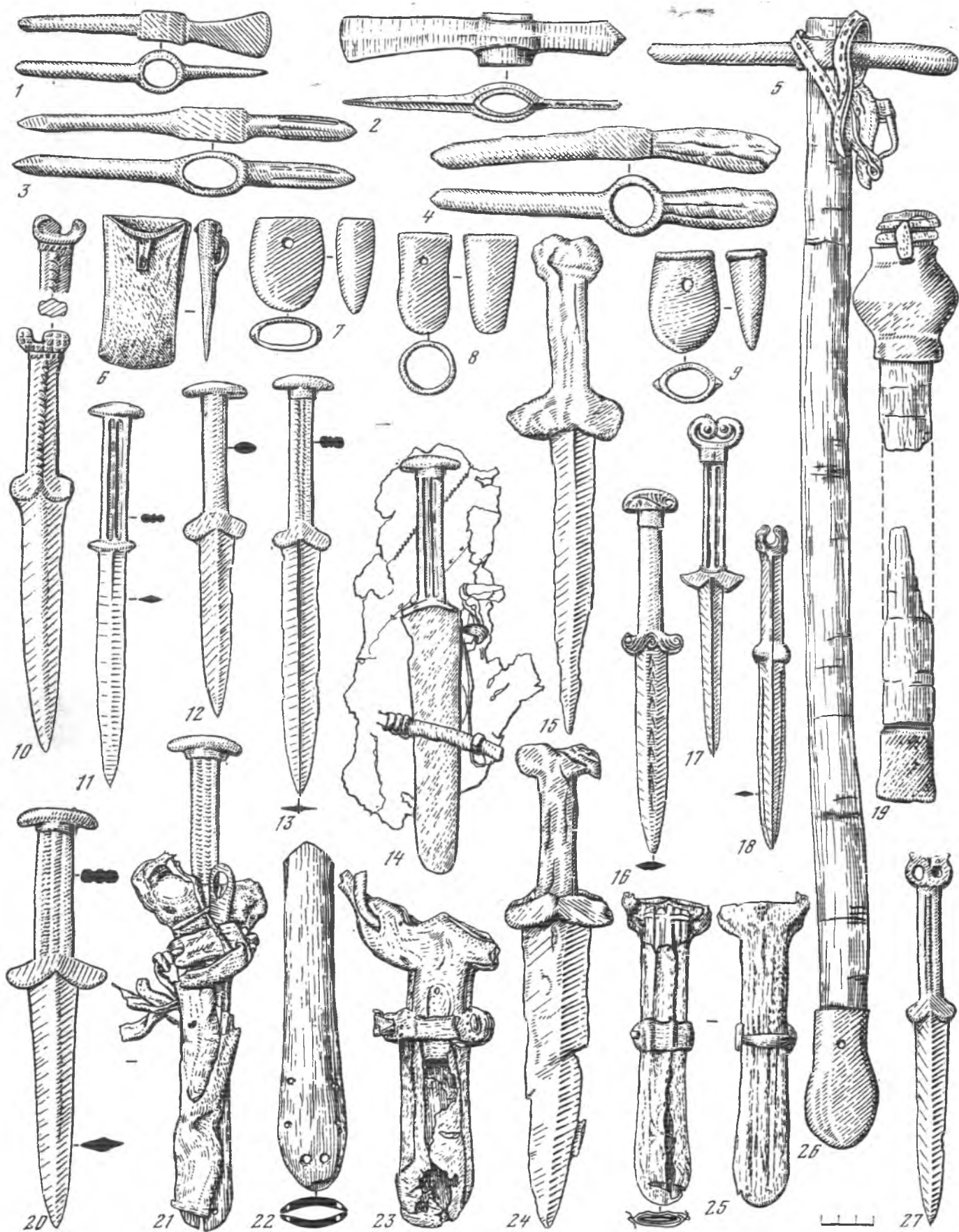

Таблица 74. Ранние кочевники Тувы. Оружие скифского времени

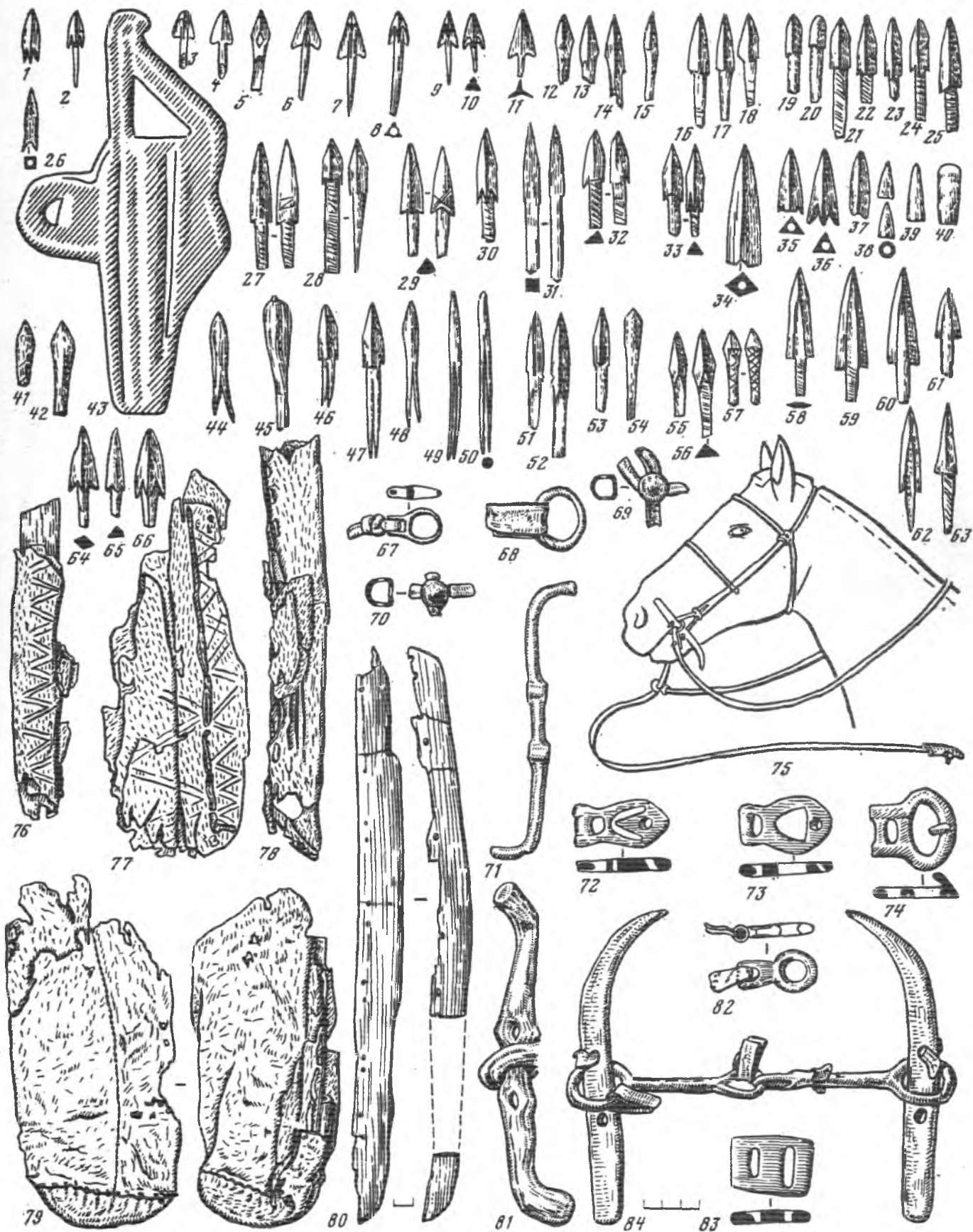

Таблица 75. Ранние кочевники Тувы. Предметы вооружения, конское снаряжение V—III вв. до н. э.

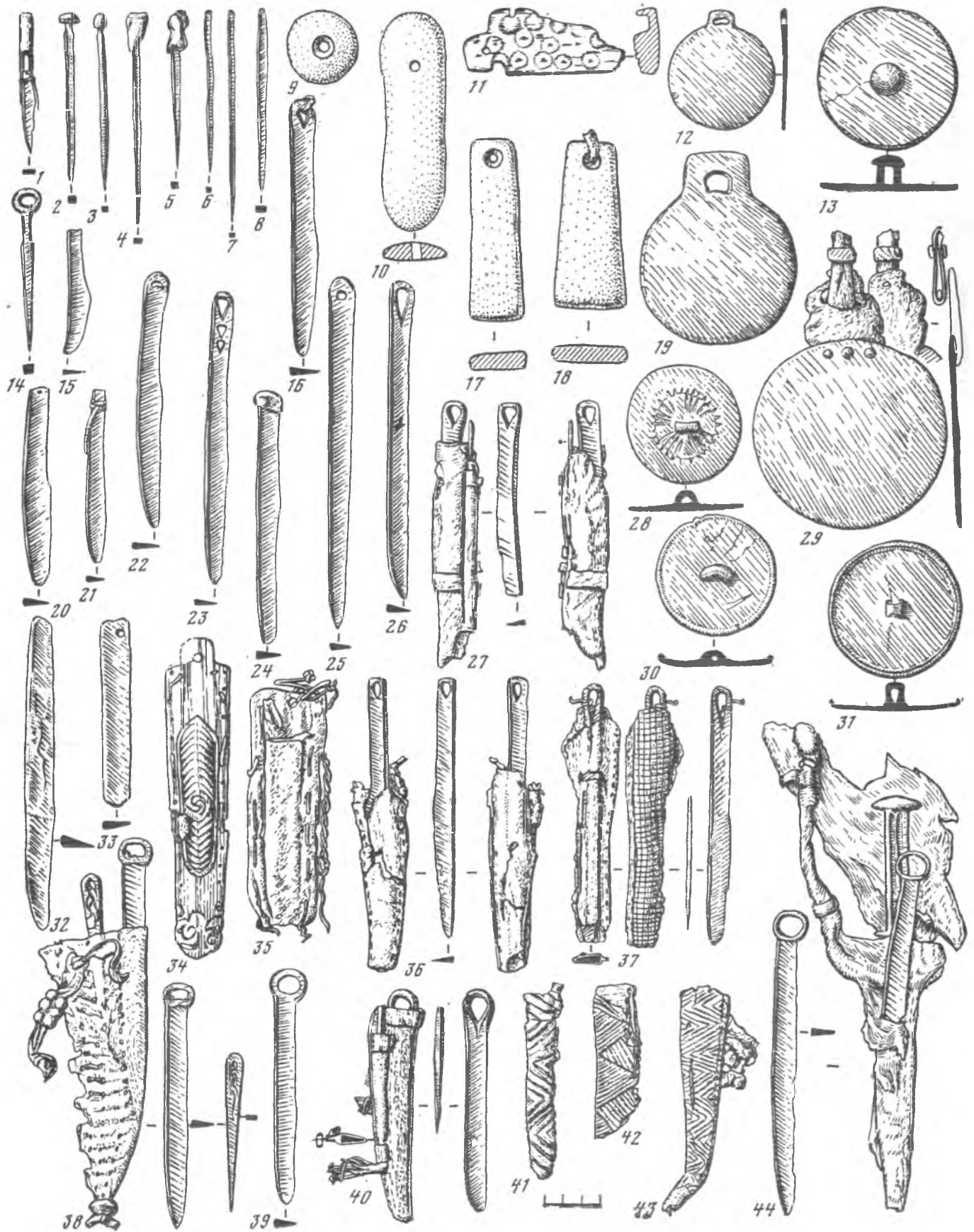

Таблица 76. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения из могильника Аймырлыг

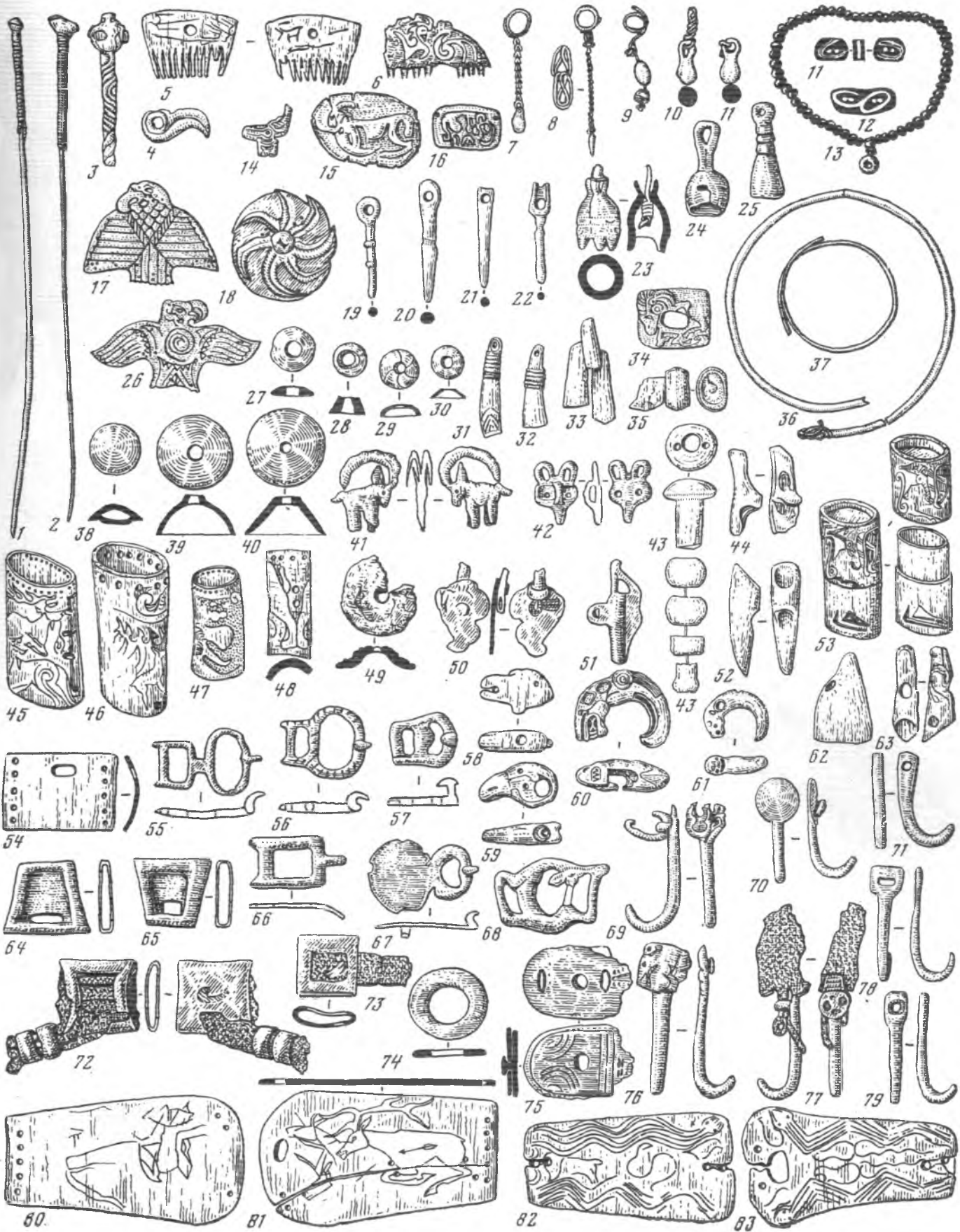

Таблица 77. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения из могильника Аймырлыг

Таблица 78. Ранние кочевники Тувы. Искусство

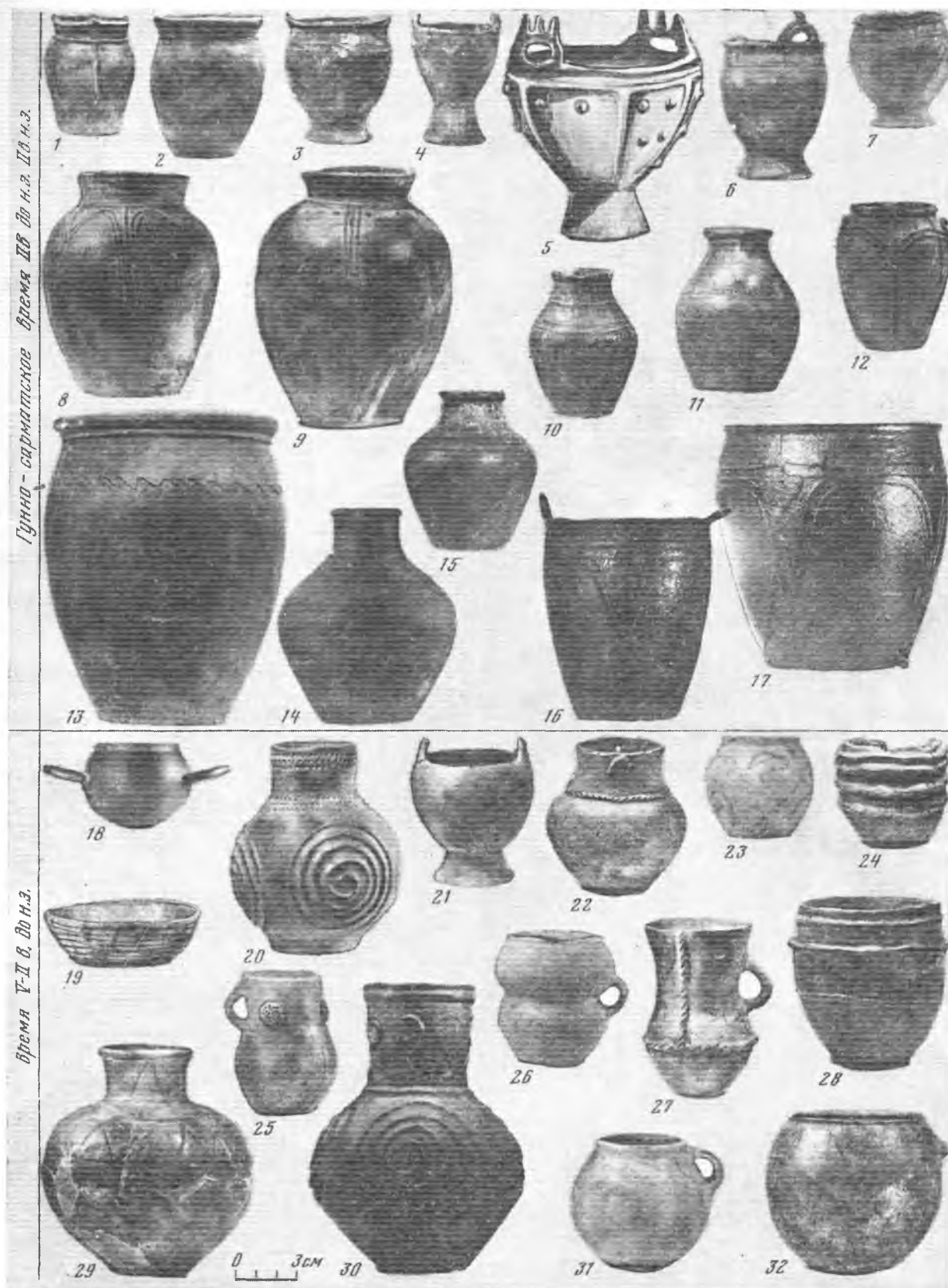

Таблица 79. Ранние кочевники Тувы. Посуда V в. до н. э.—IV в. н. э.

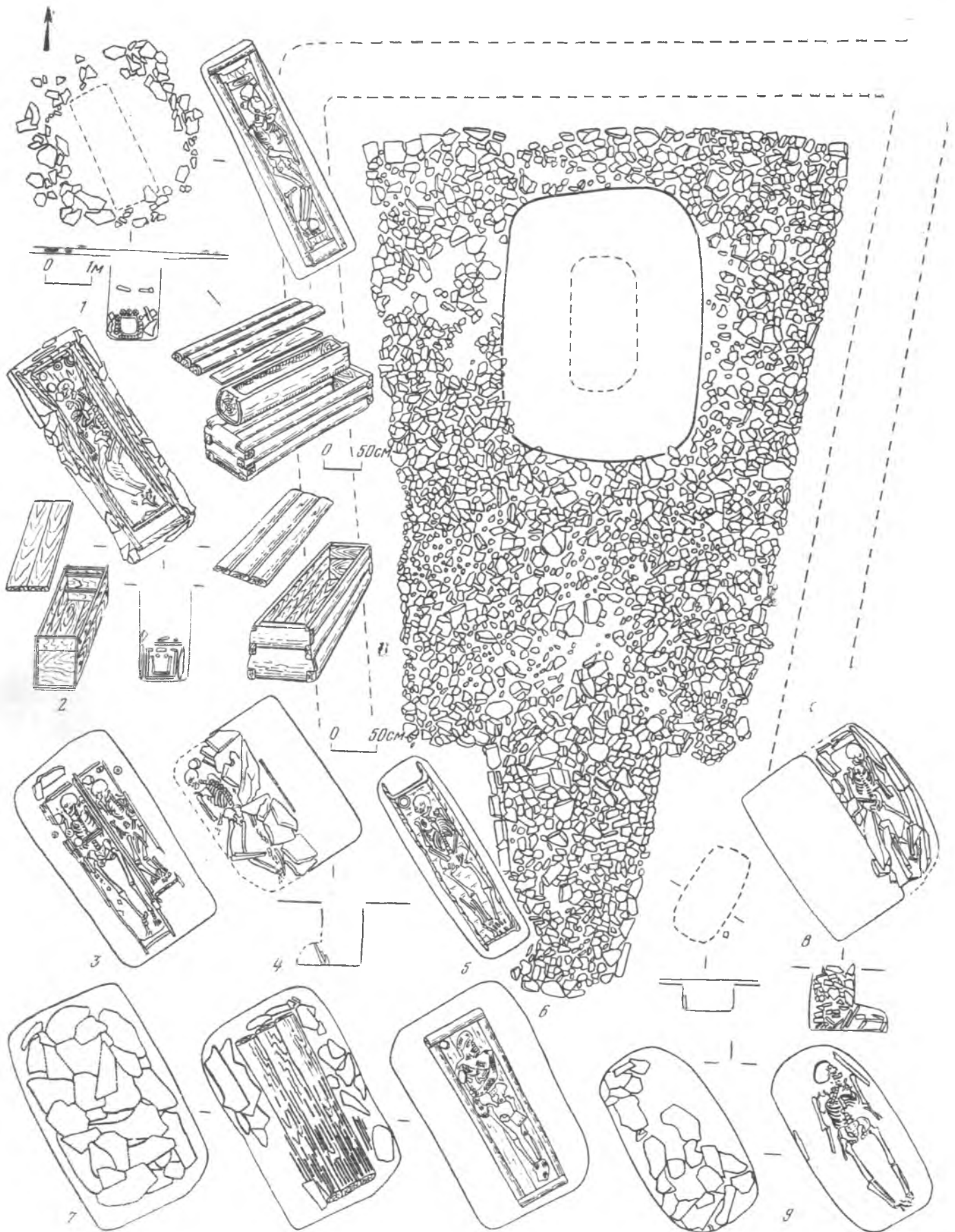

Таблица 80. Ранние кочевники Тувы. Погребальный обряд гунно-сарматского времени

Таблица 81. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения

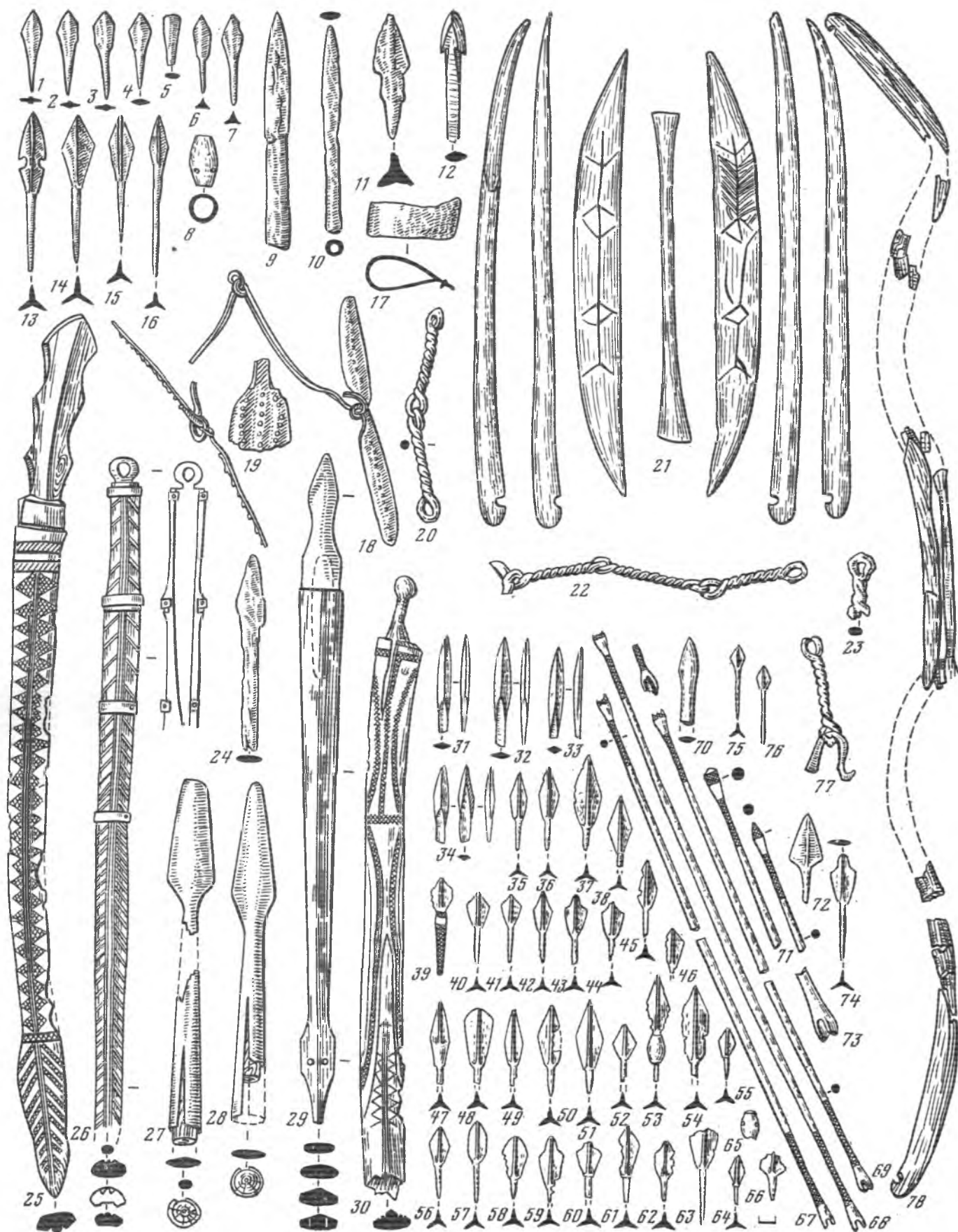

Таблица 82. Ранние кочевники Тувы. Предметы вооружения

Таблица 83. Ранние кочевники Тувы. Деревянная и берестяная утварь

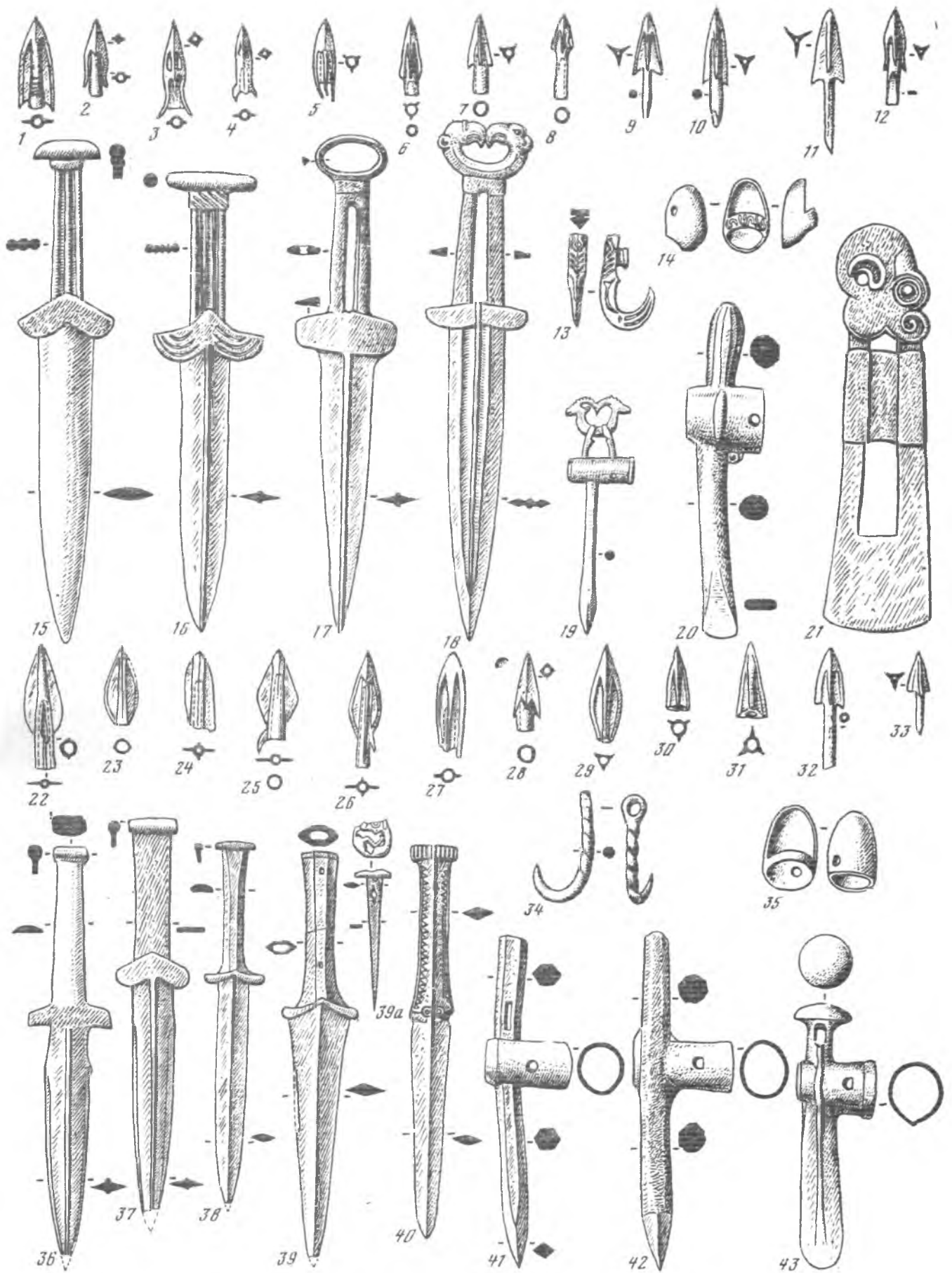

Таблица 84. Тагарская культура. Оружие VII—VI (22—43) и V—III (1—21) вв. до н. э.

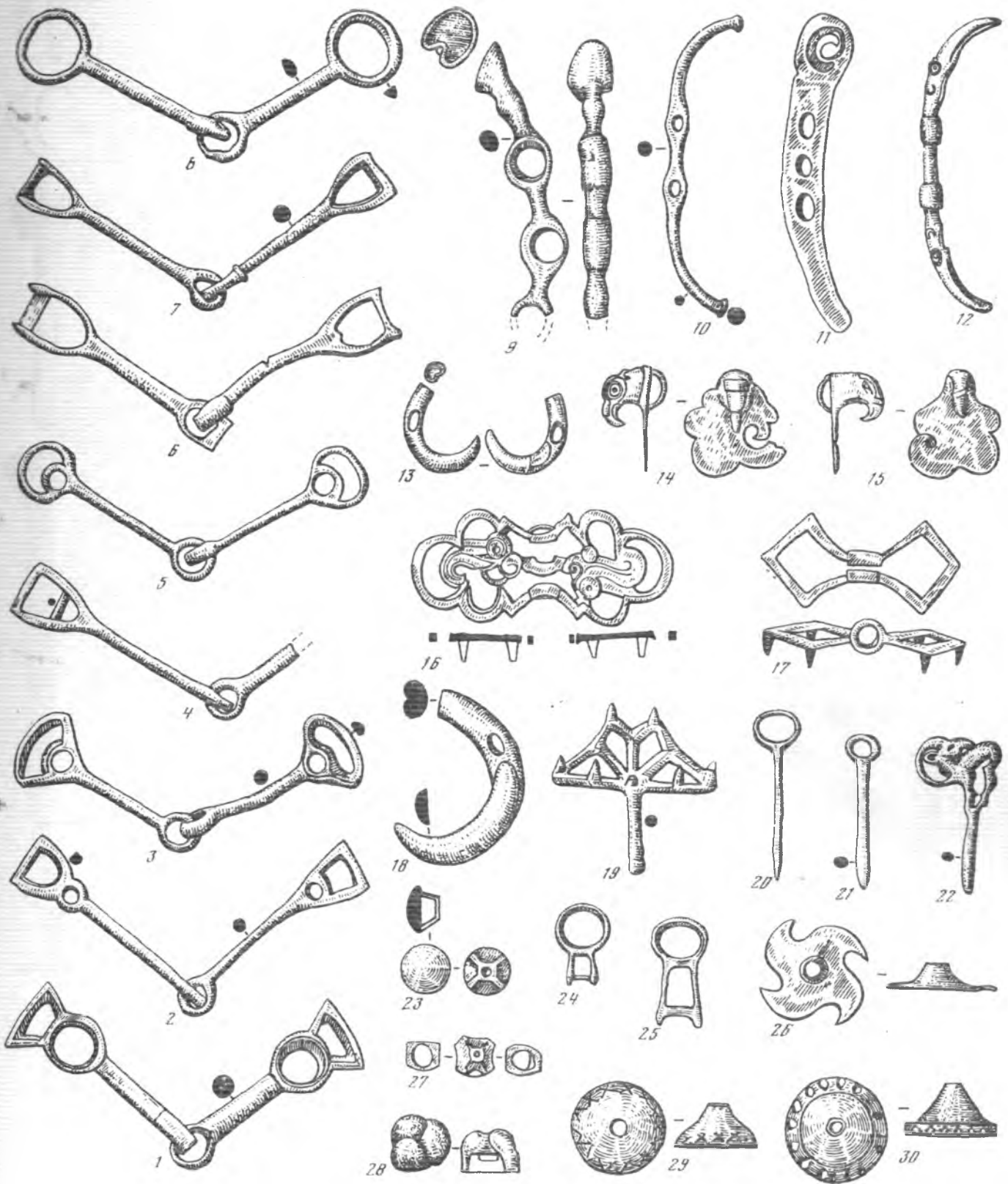

Таблица 85. Тагарская культура. Конский убор

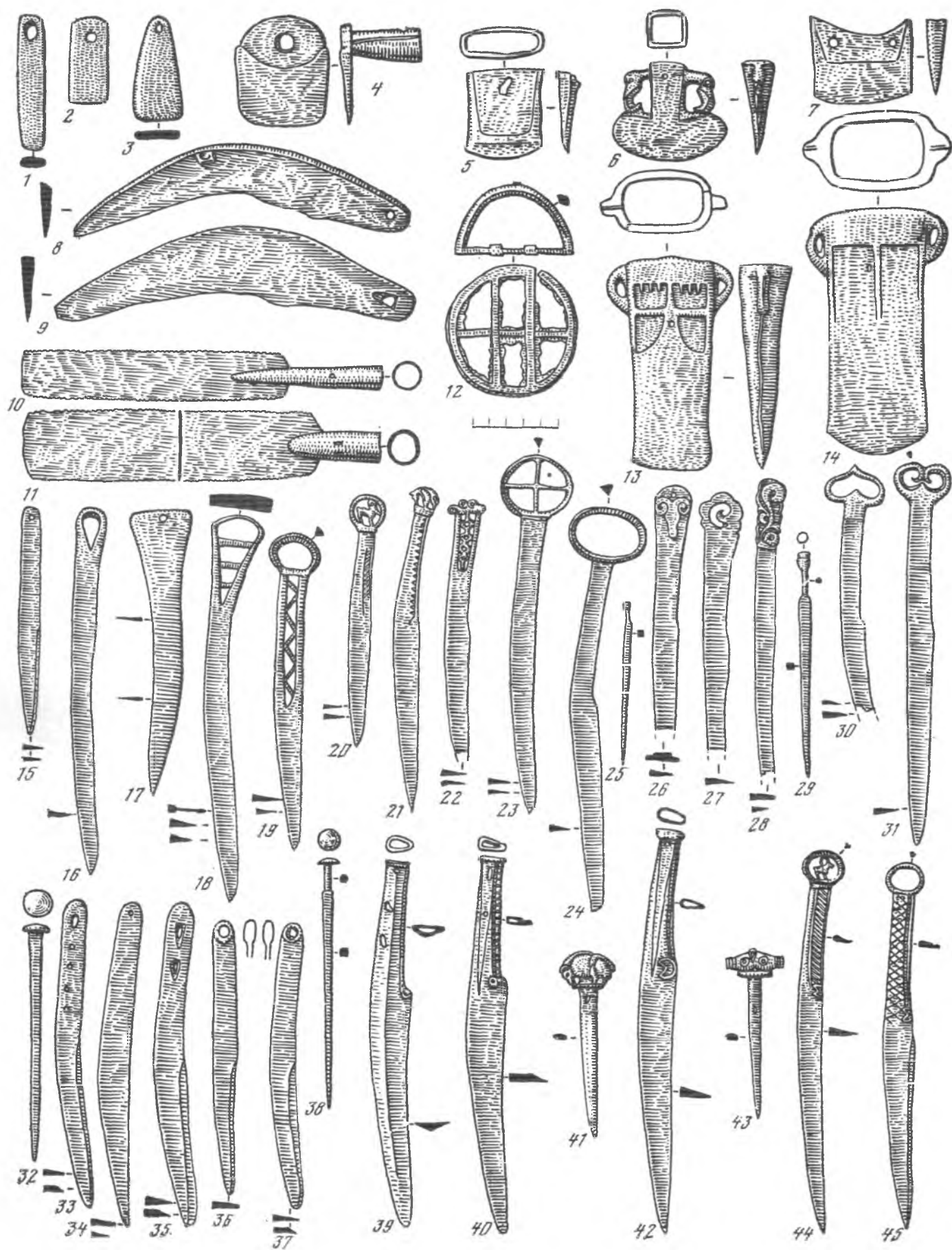

Таблица 86. Тагарская культура. Орудия труда, ножи

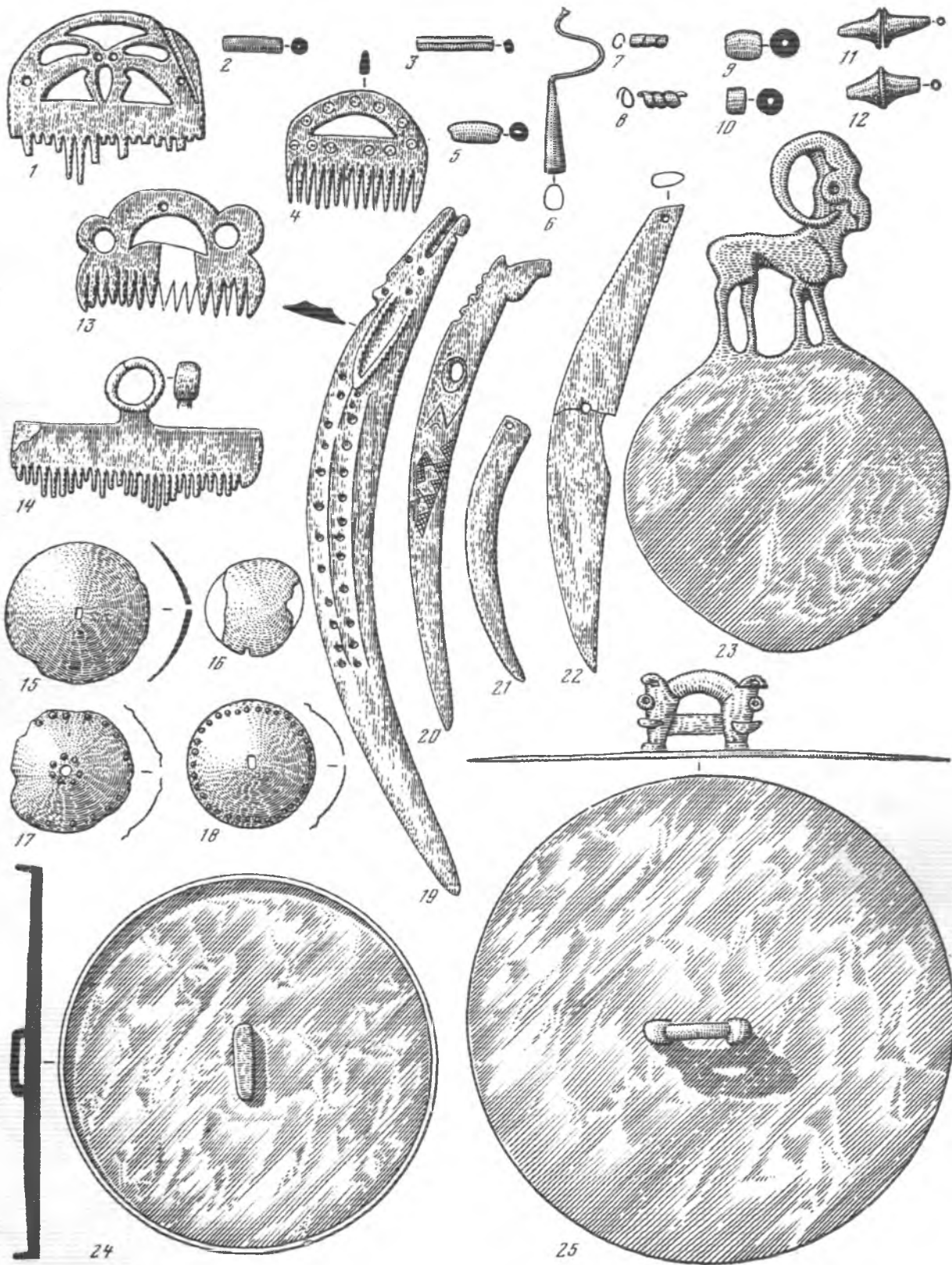

Таблица 87. Тагарская культура. Украшения и предметы туалета

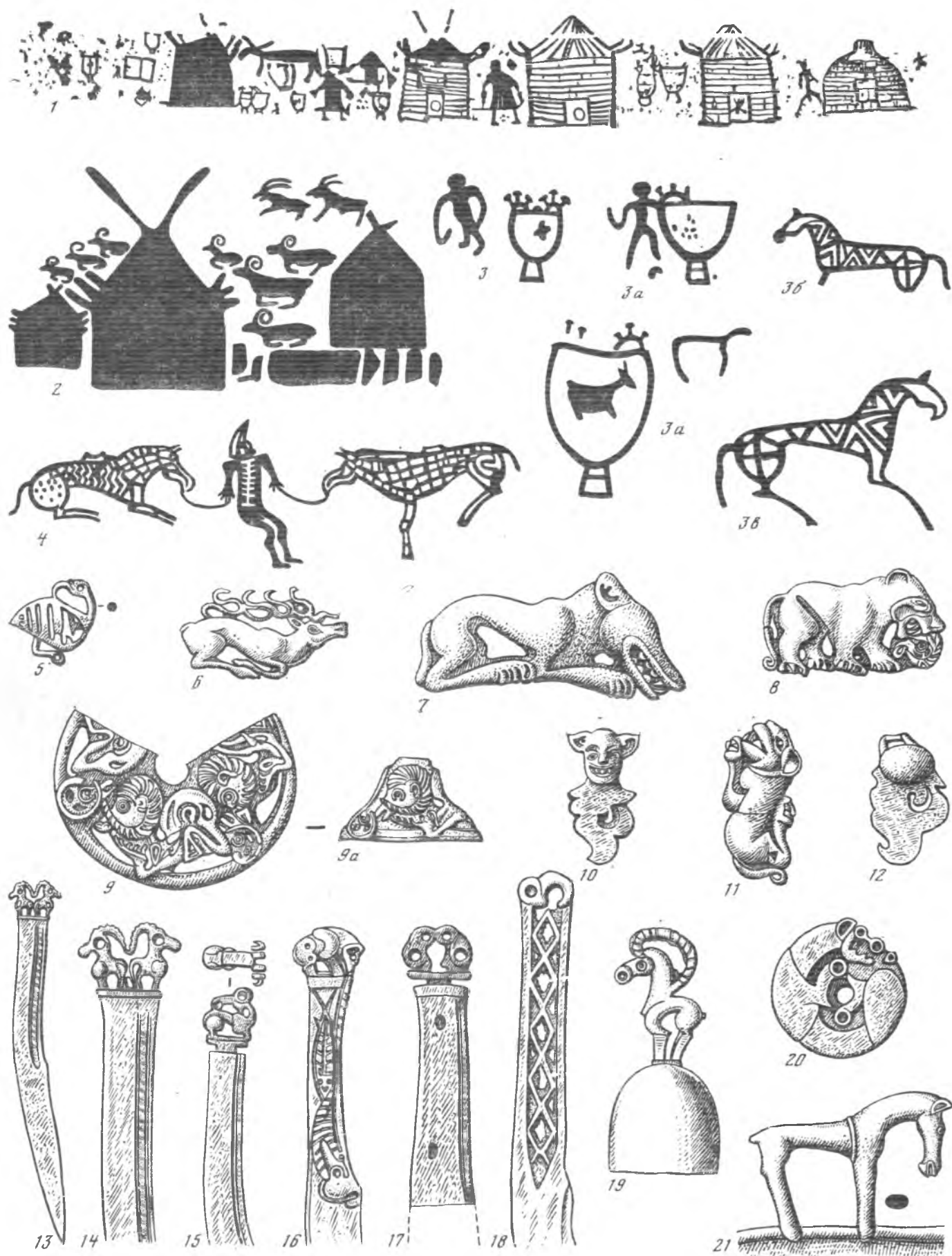

Таблица 88. Тагарская культура. Искусство. Наскальные рисунки (1—4), звериный стиль (5—21)

Таблица 89. Тагарская культура. Керамика (1—14), бронзовые котлы (15—18)

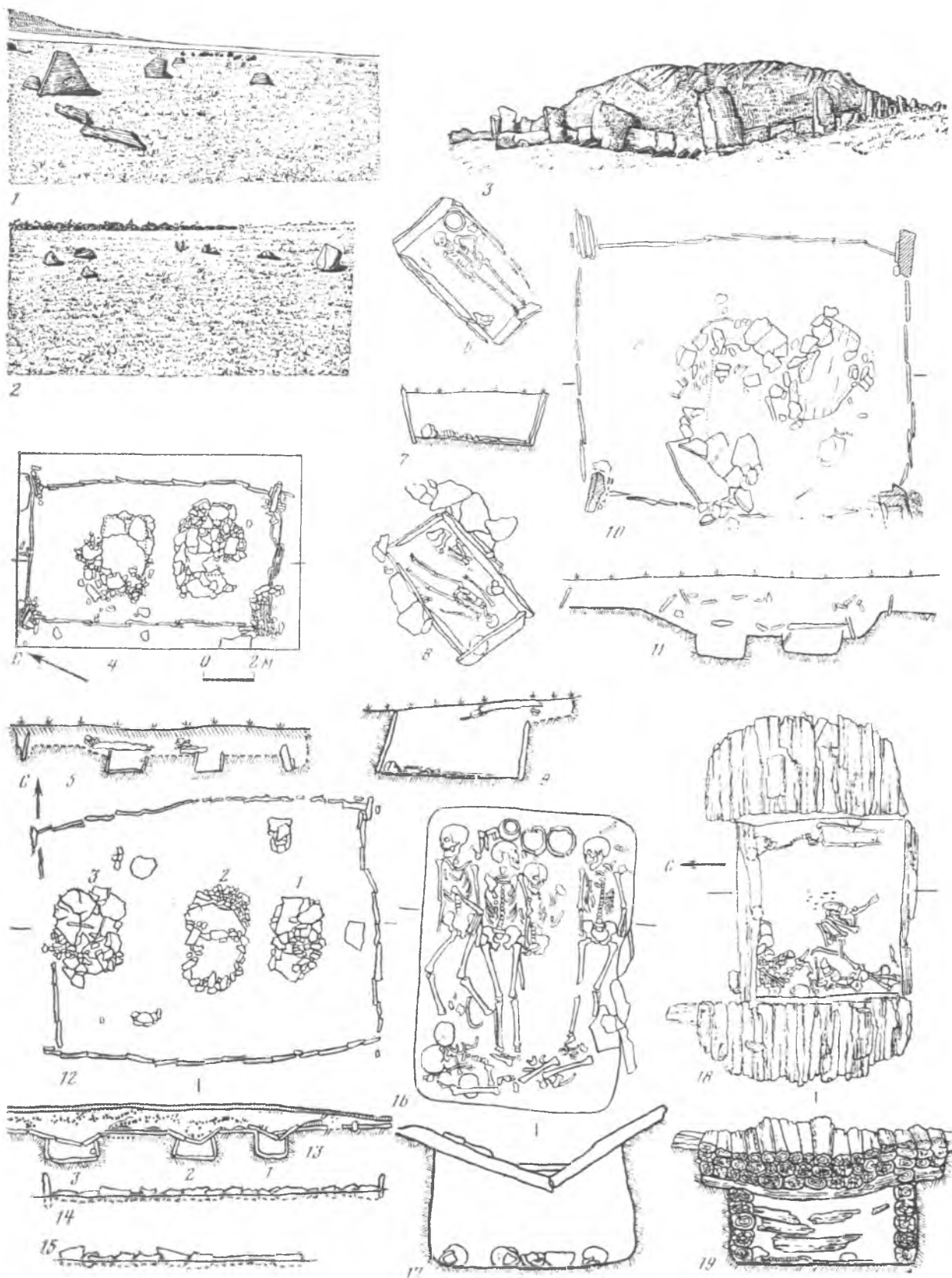

Таблица 90. Татарская культура. Погребальный обряд

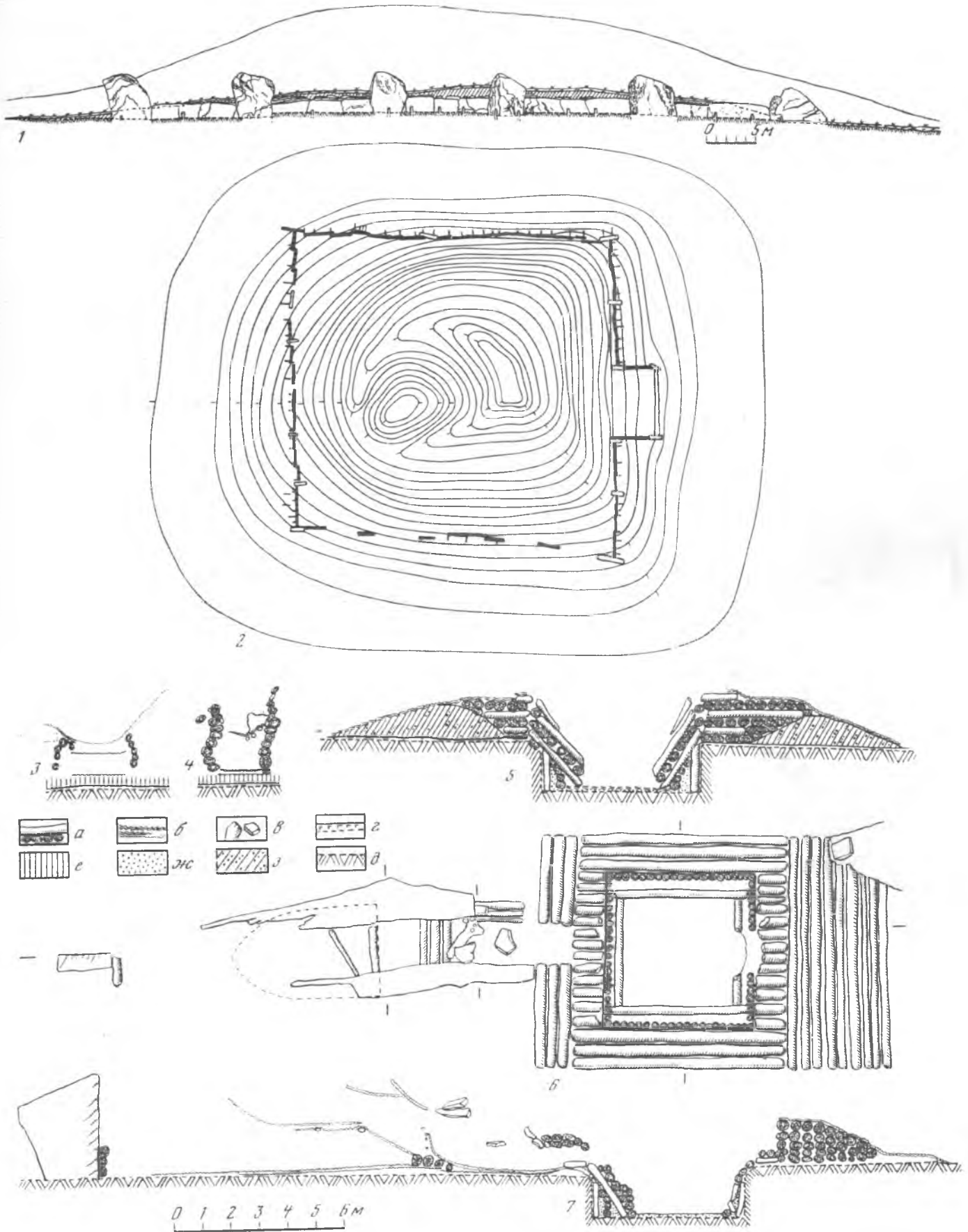

Таблица 91. Тагарская культура. Погребальные сооружения Большого кургана могильника Салбык

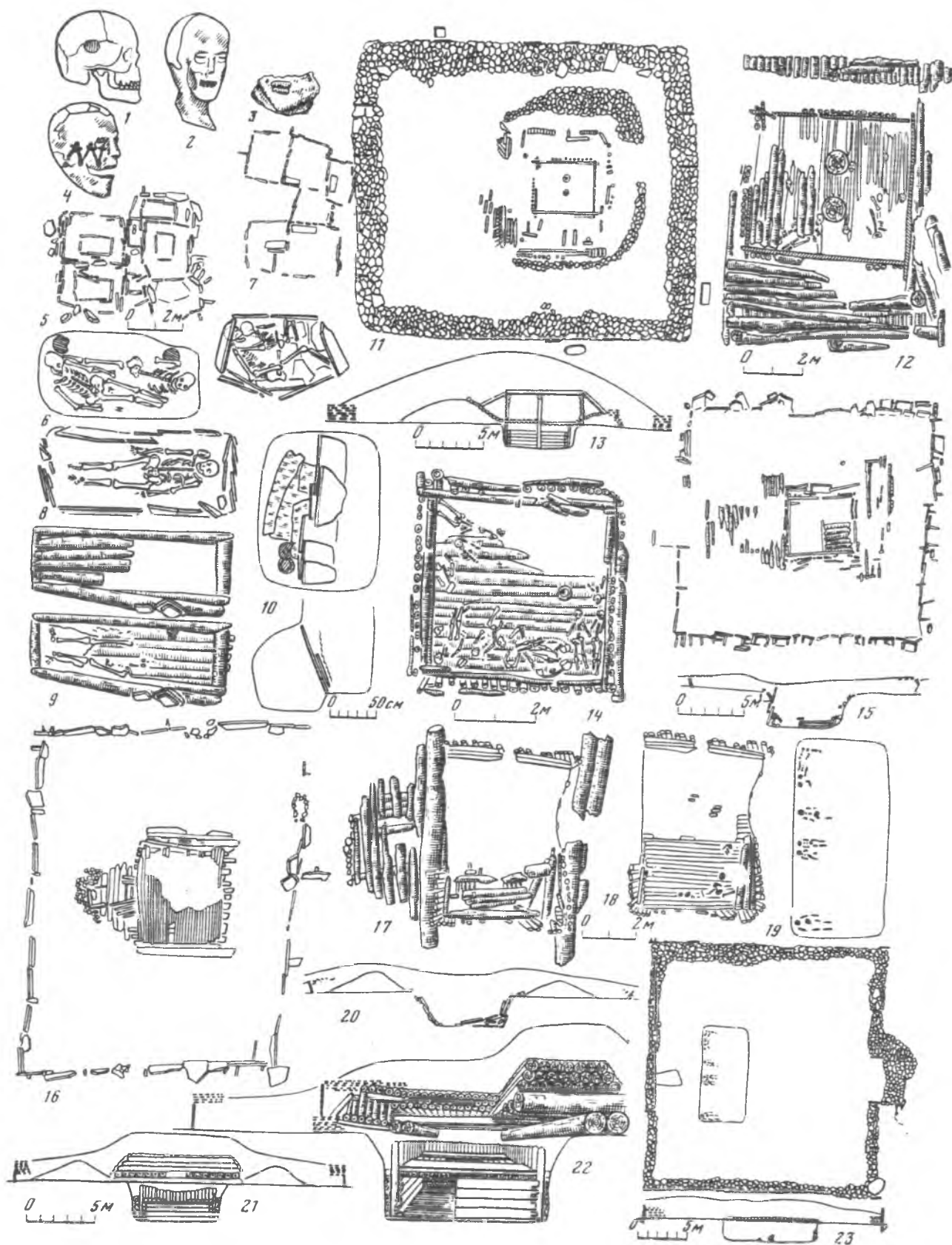

Таблица 92. Средний Енисей. Тесинский этап (II в. до н. э.—начало I в. н. э.). Погребальные сооружения

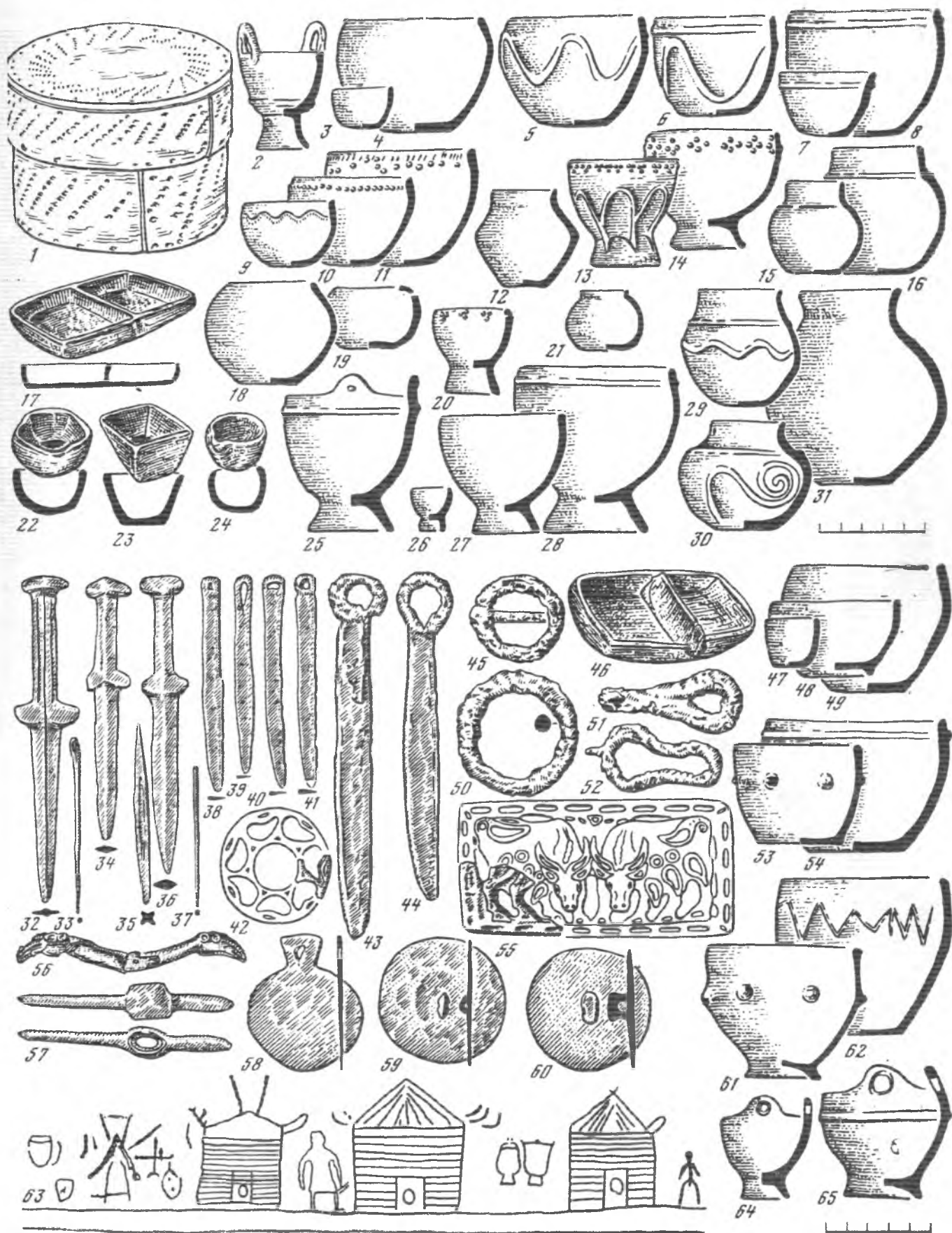

Таблица 93. Средний Евисей. Тесинский этап (II в. до н. э.—начало I в. н. э.). Предметы материальной культуры

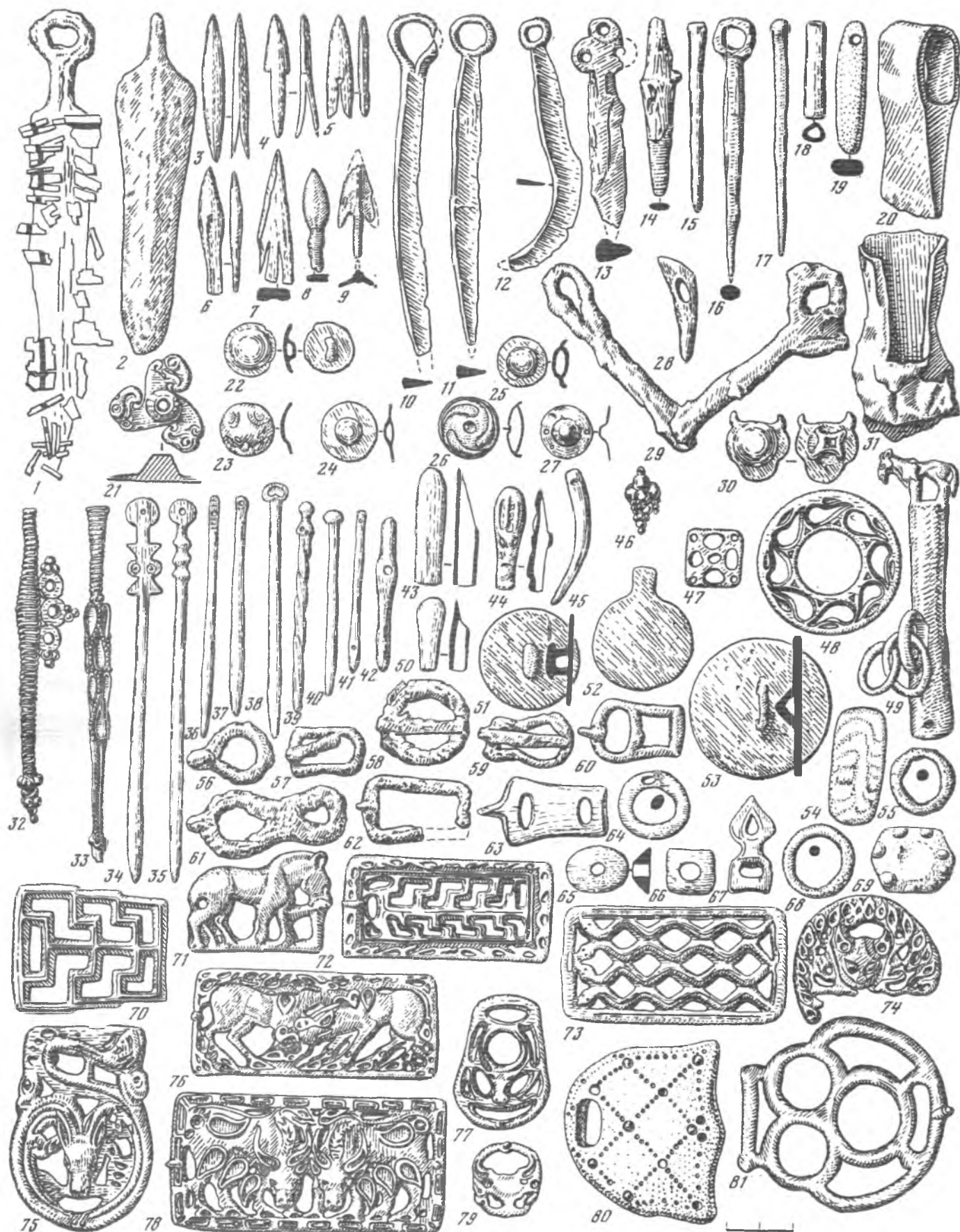

Таблица 94. Средний Енисей. Тесинский этап (II в. до н. э.—начало I в. н. э.). Погребальный инвентарь склепов и могильников, клады, случайные находки

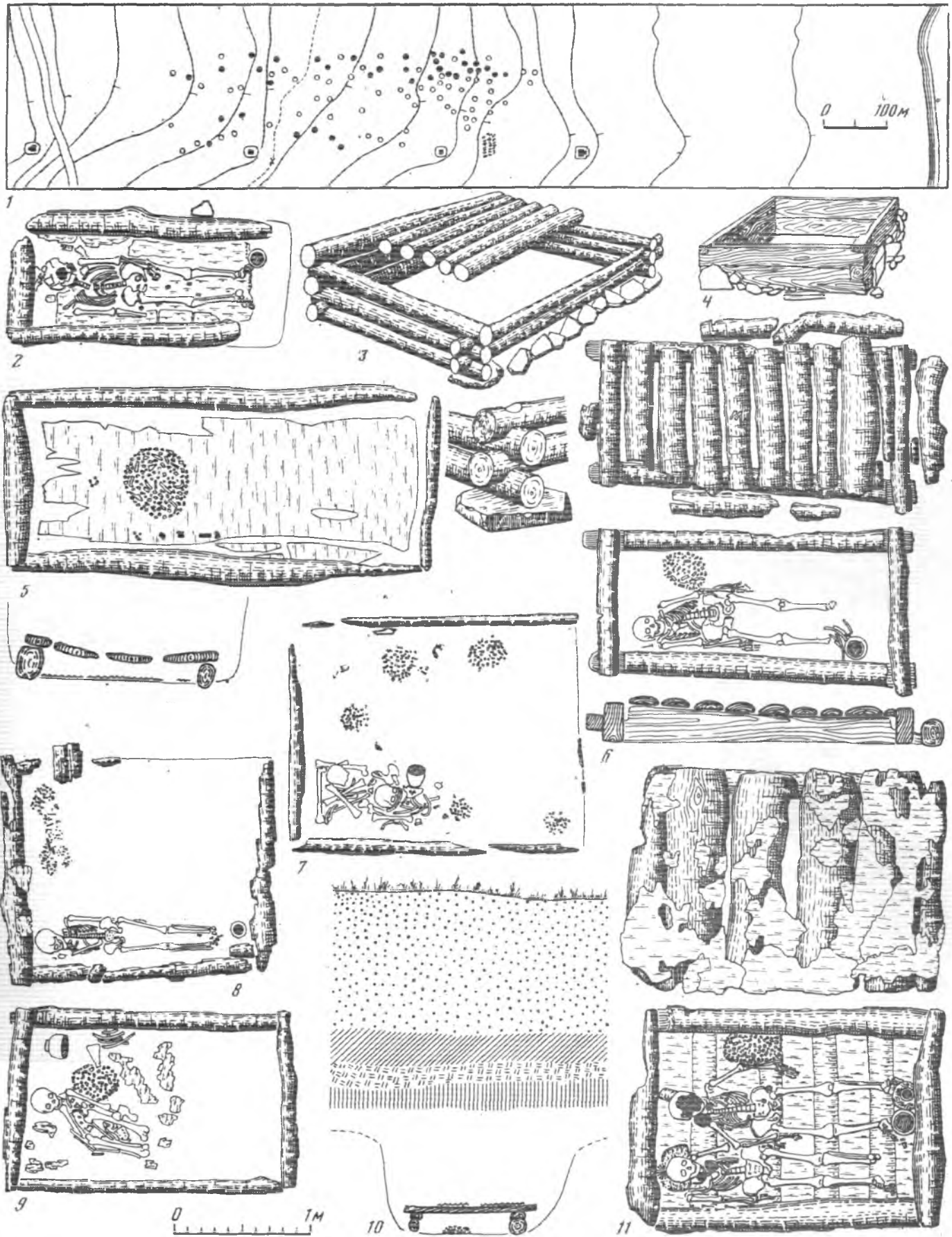

Таблица 95. Таштыкская культура. План могильника, планы и разрезы погребальных сооружений из грунтовых могильников

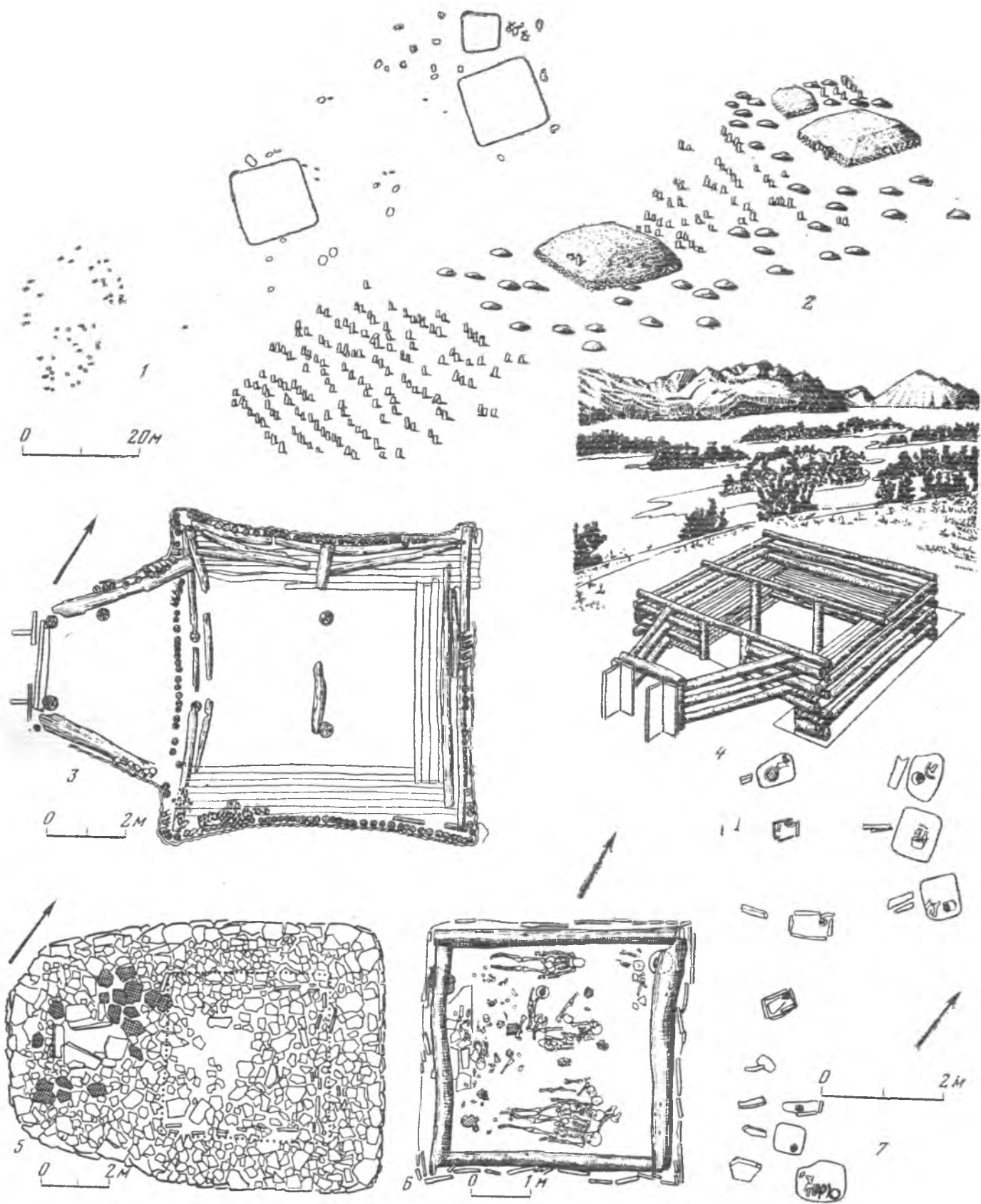

Таблица 96. Таштыкская культура. Планы могильника, склепов, «помипалььяка», реконструкции

Таблица 97. Таштыкская культура. Вещи из грунтовых могил

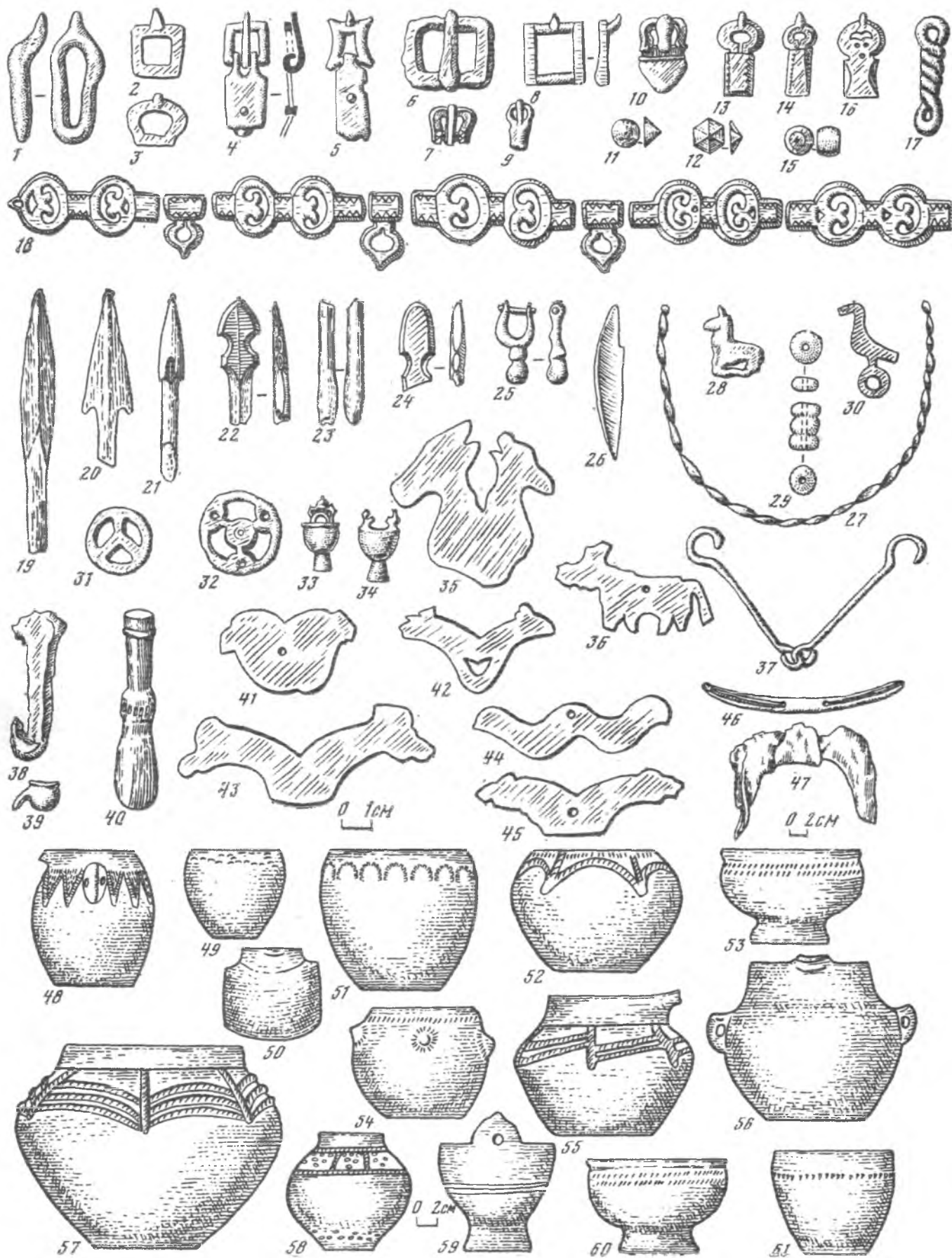

Таблица 98. Таштыкская культура. Вещи из склепов

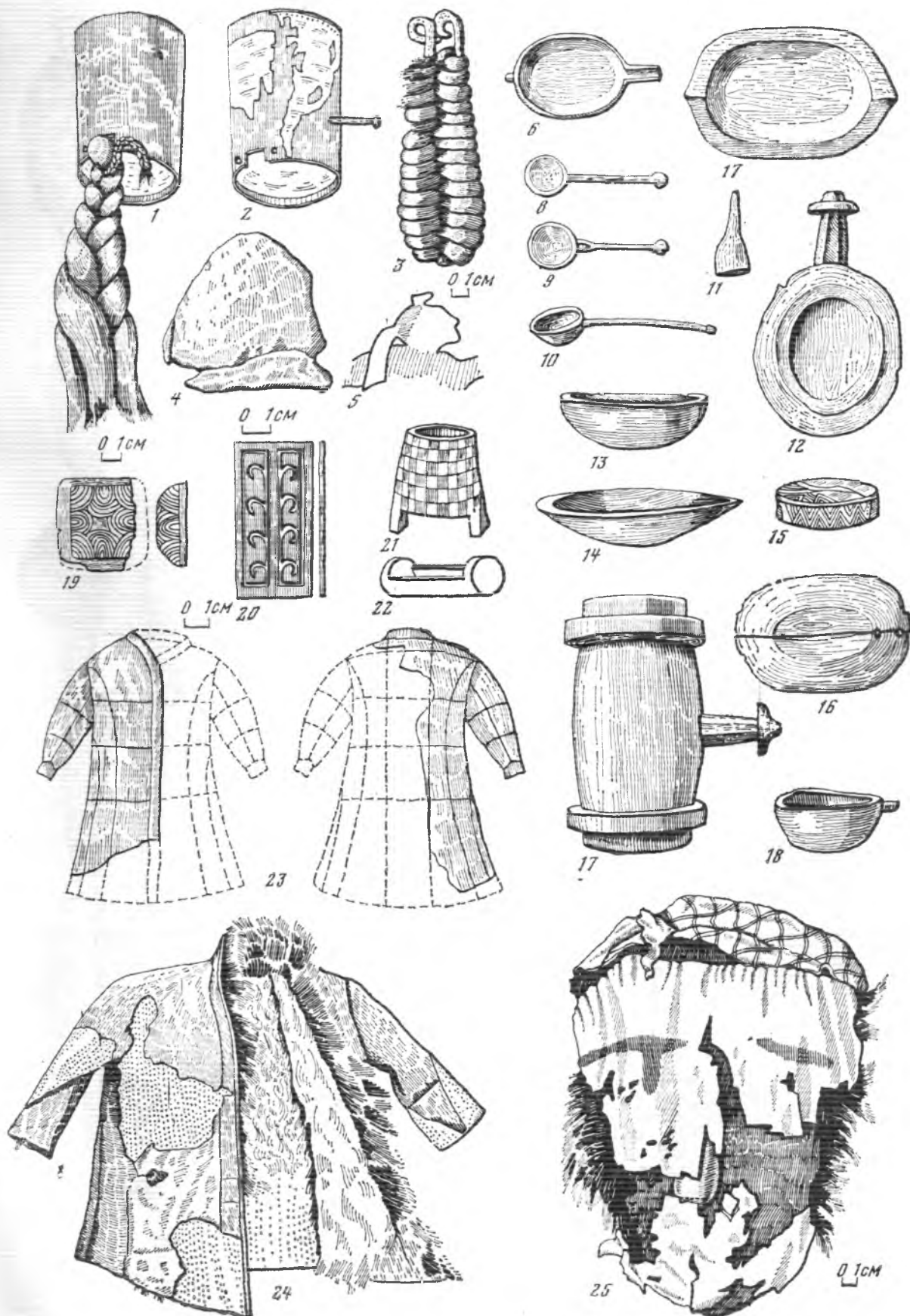

Таблица 99. Таштыкская культура. Одежда, утварь, реконструкция причесок

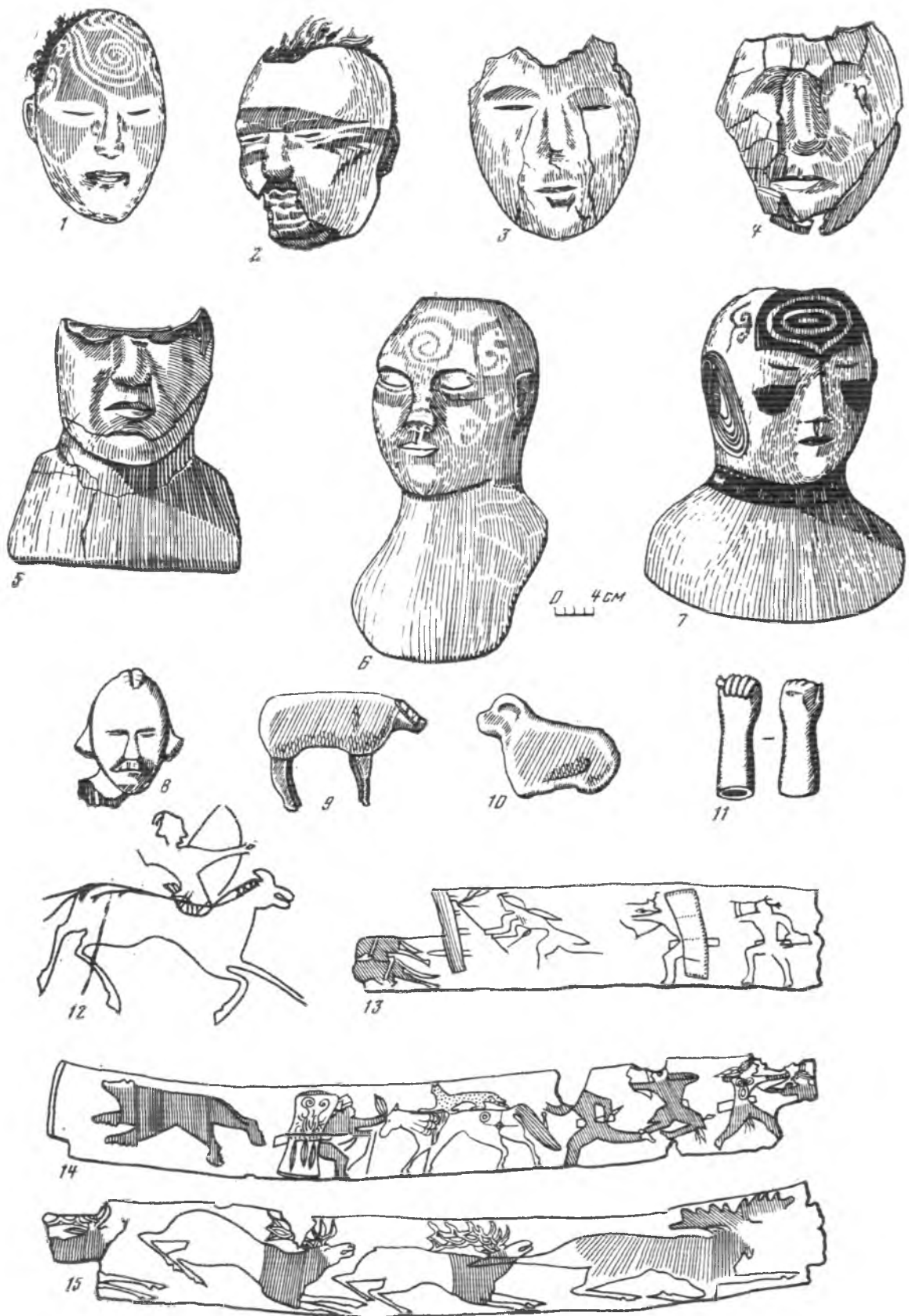

Таблица 100. Таштыкская культура. Предметы искусства

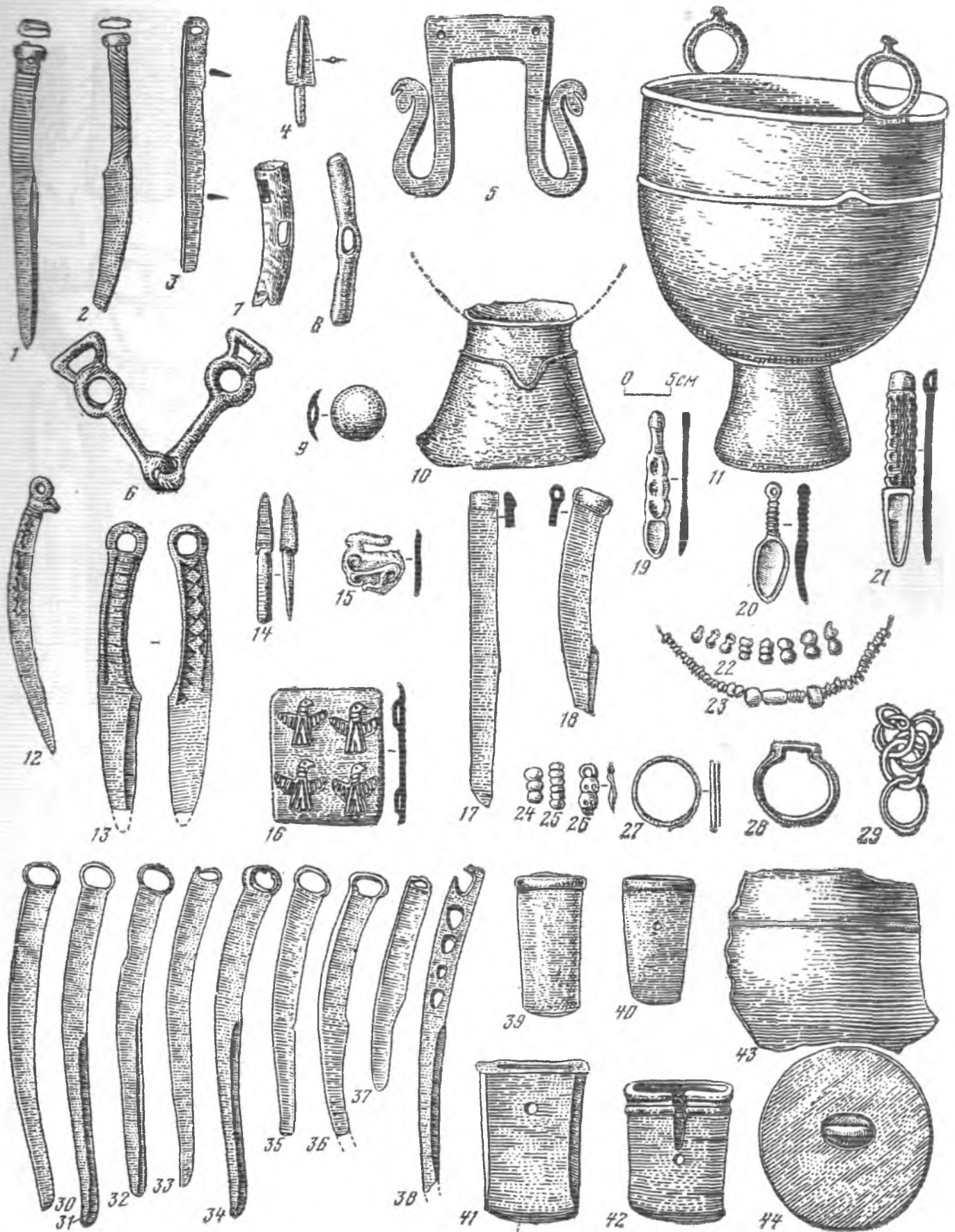

Таблица 101. Культура плиточных могил. Ранний этап, инвентарь

Таблица 102. Культура плиточных могил. Керамика (27, 28), инвентарь среднего (7—26) и позднего (1—6) этапов

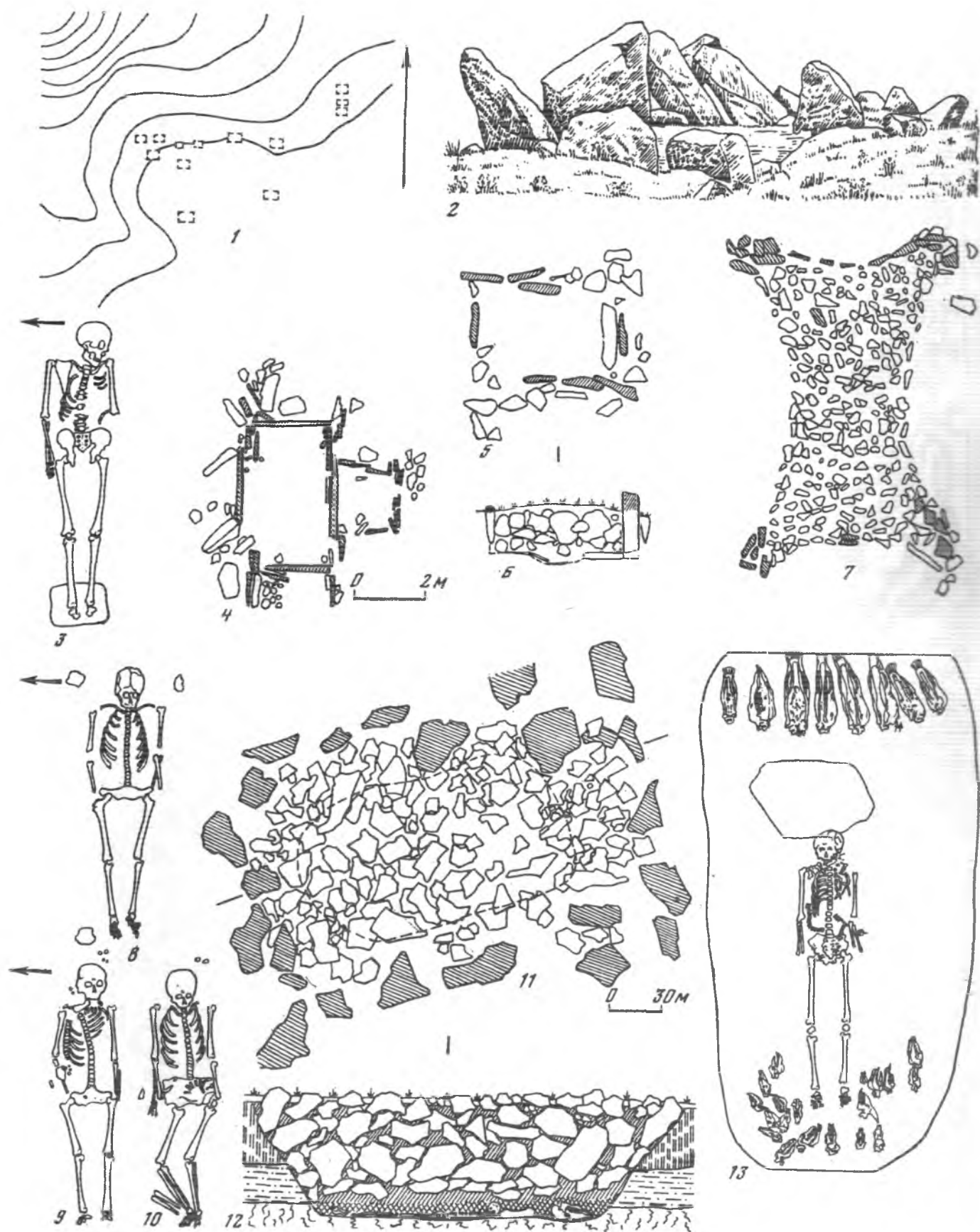

Таблица 103. Культура плиточных могил. Погребальный обряд

Таблица 104. Оленные камни Забайкалья

I в. до н.э. - I в. н.э.

II - I в. до н.э.

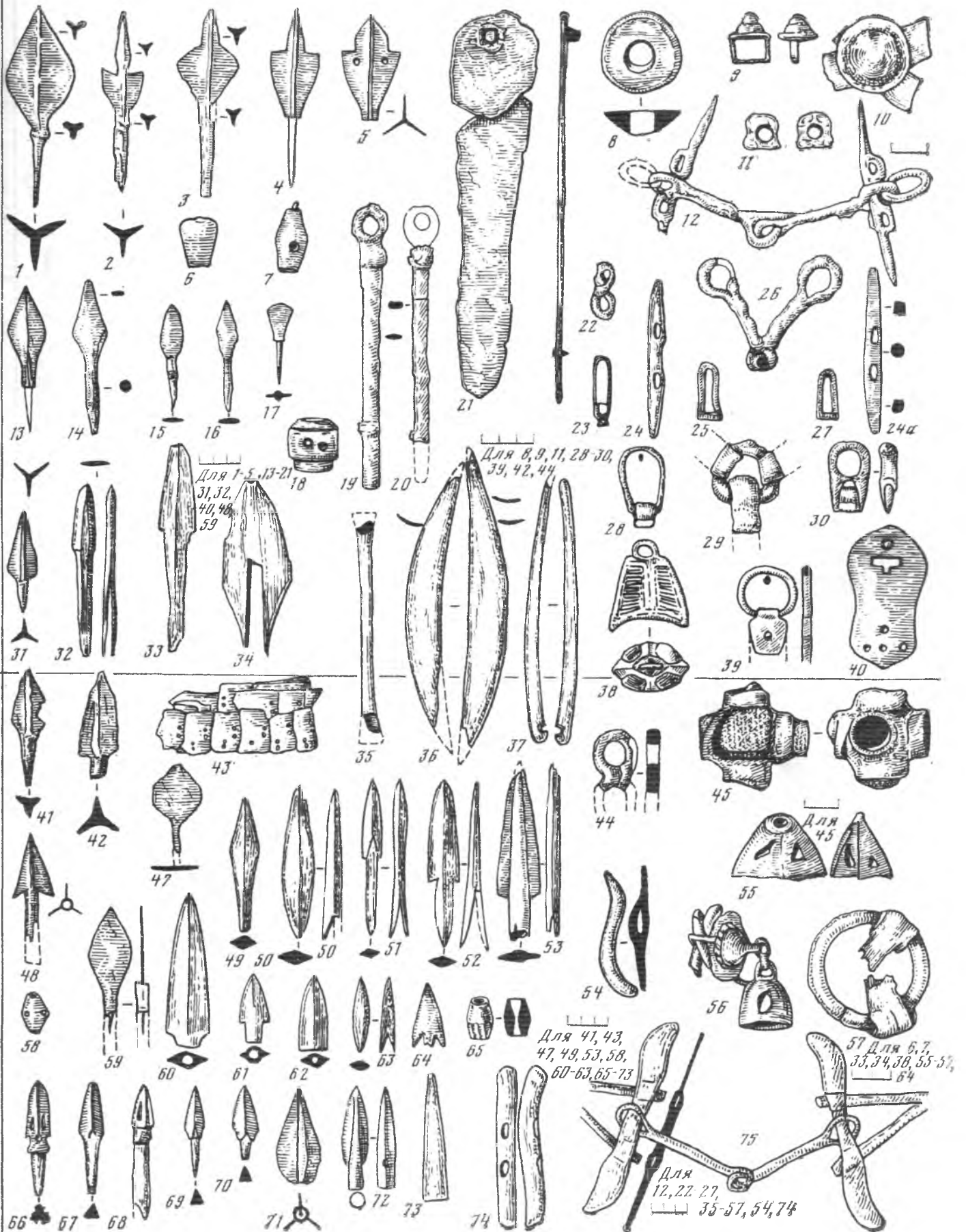
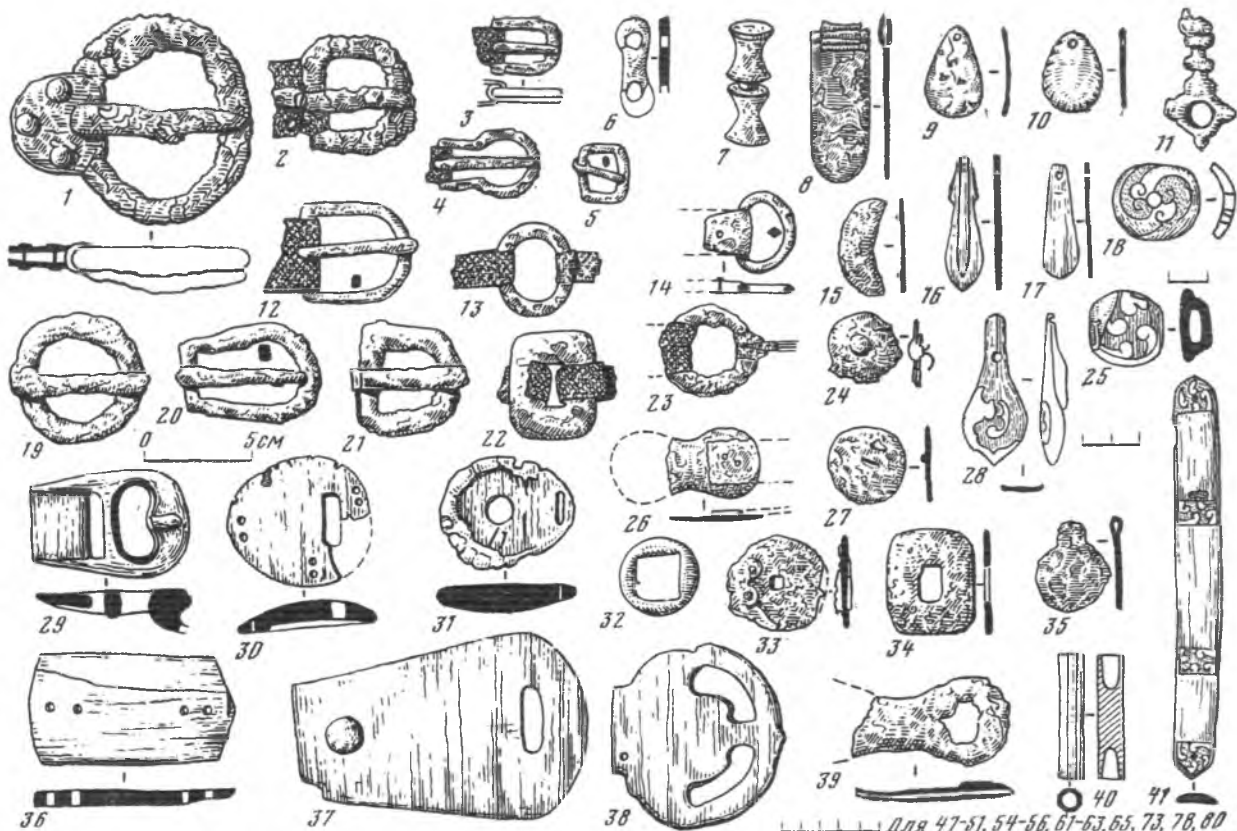

Таблица 105. Хунну. Вооружение и конское снаряжение

I в. до н.э. — I в. н.э.

II — I в. до н.э.

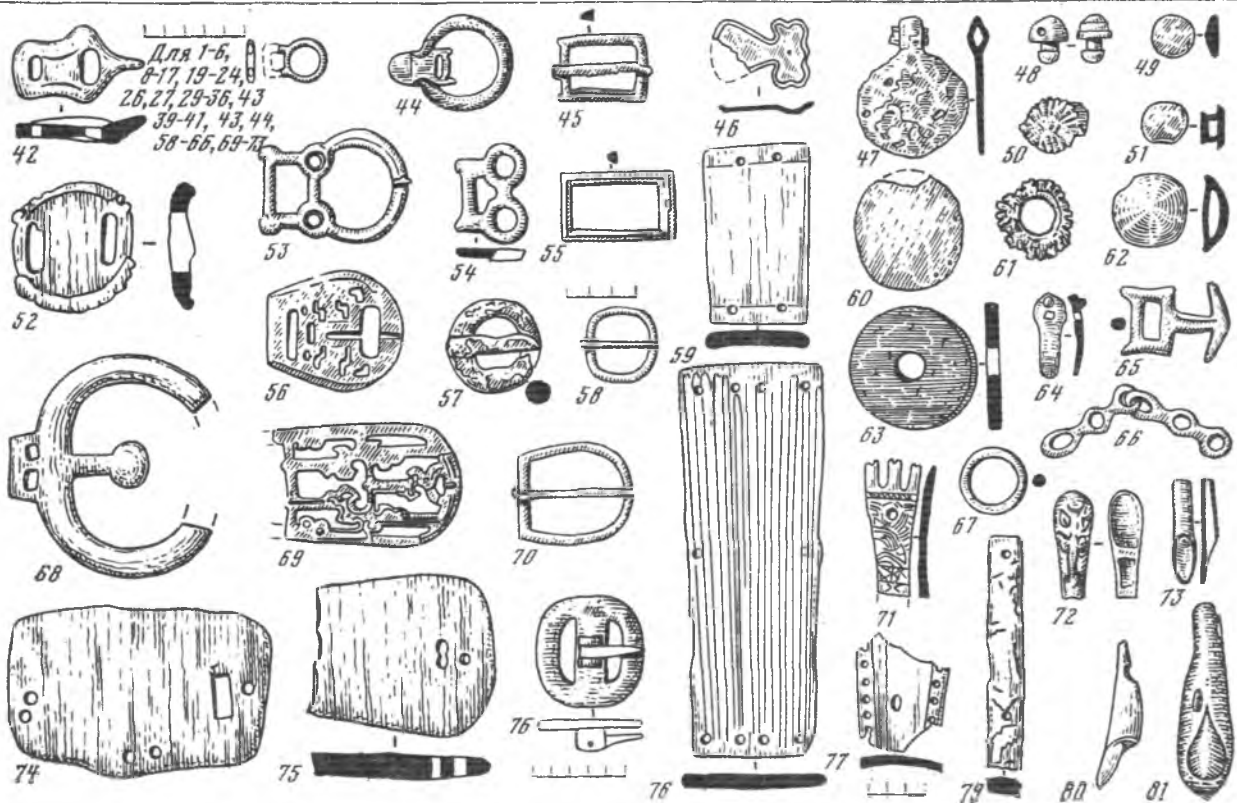
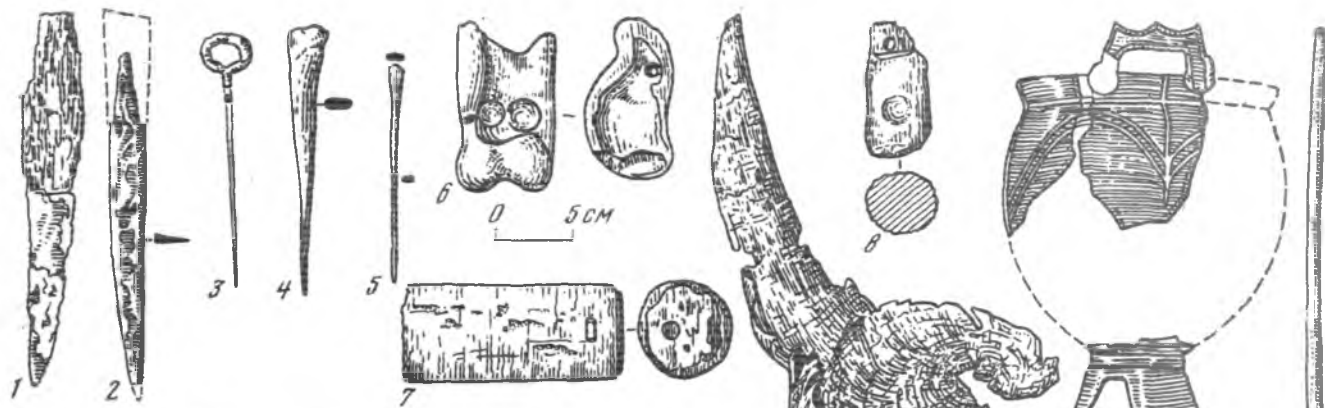

Таблица 106. Хуину. Детали поясных наборов, поясные и сбруйные застёжки, пряжки, подвески, накладки

I в. до н.э. - I в. н.э.

II - I в.в. до н.э.

Таблица 107. Хунну. Орудия труда и предметы быта

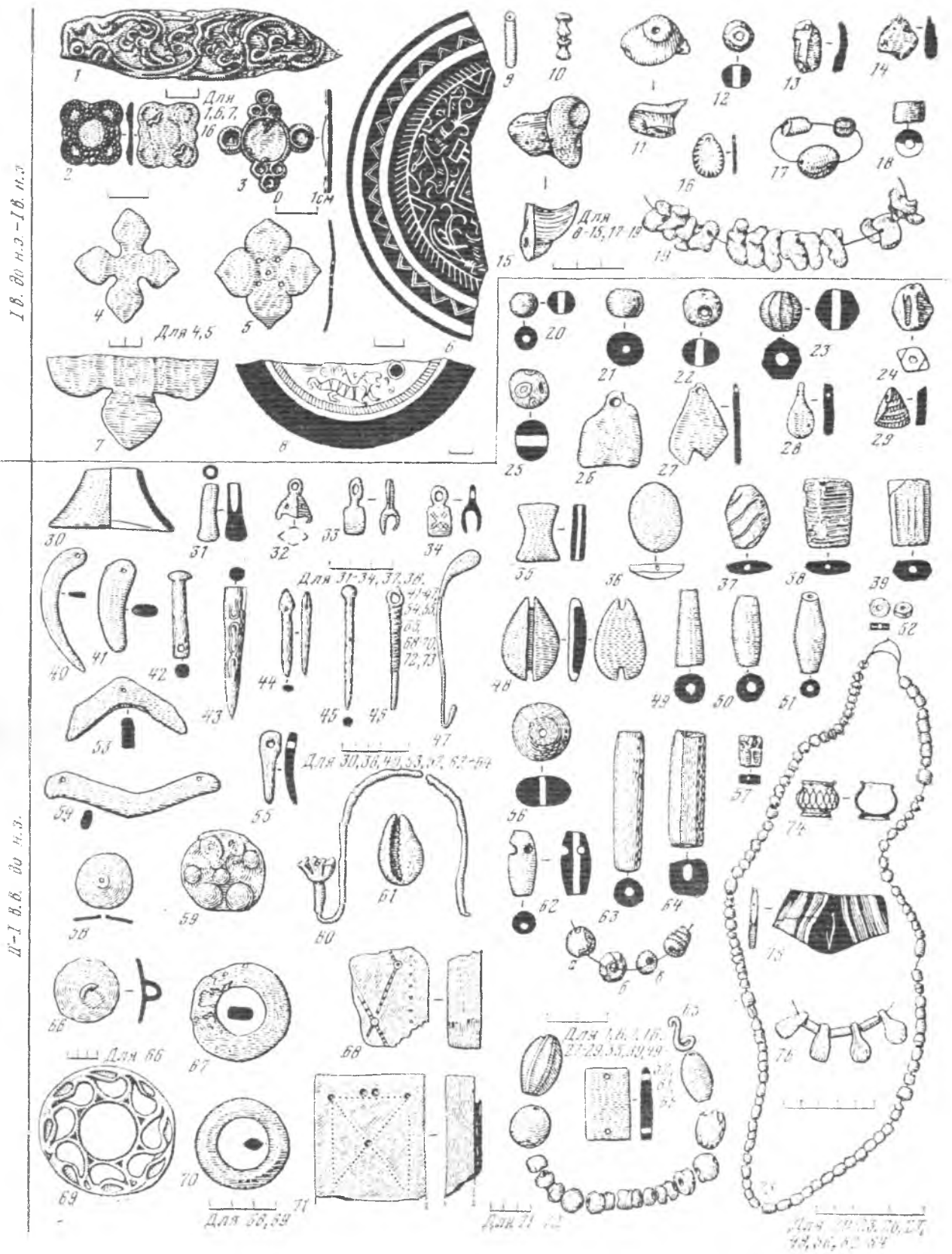

Таблица 108. Луиув. Украшения и предметы туалеты, бляхи, подвески, бусы, зеркала

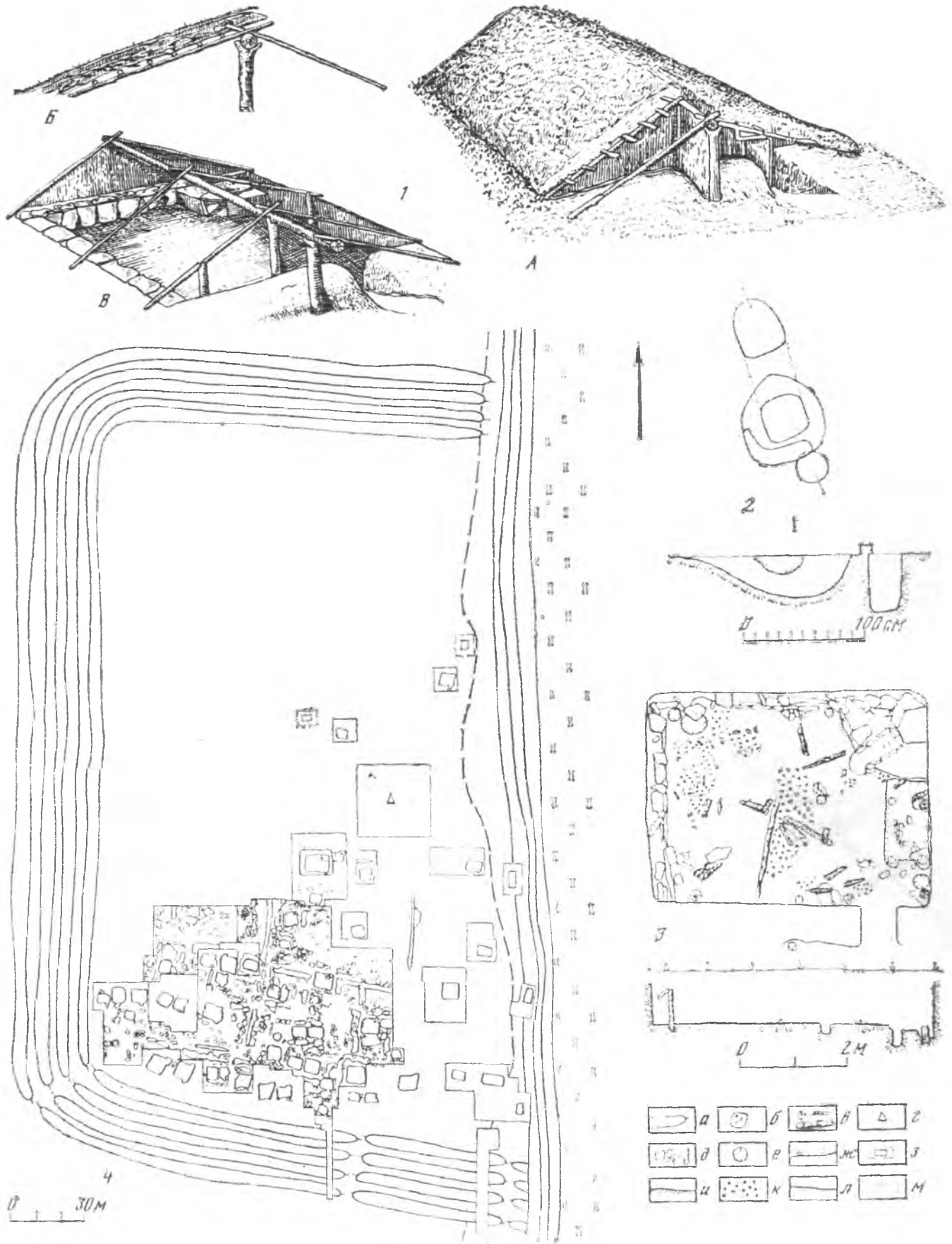

Таблица 109. Хунну. Поселения, жилые и производственные сооружения

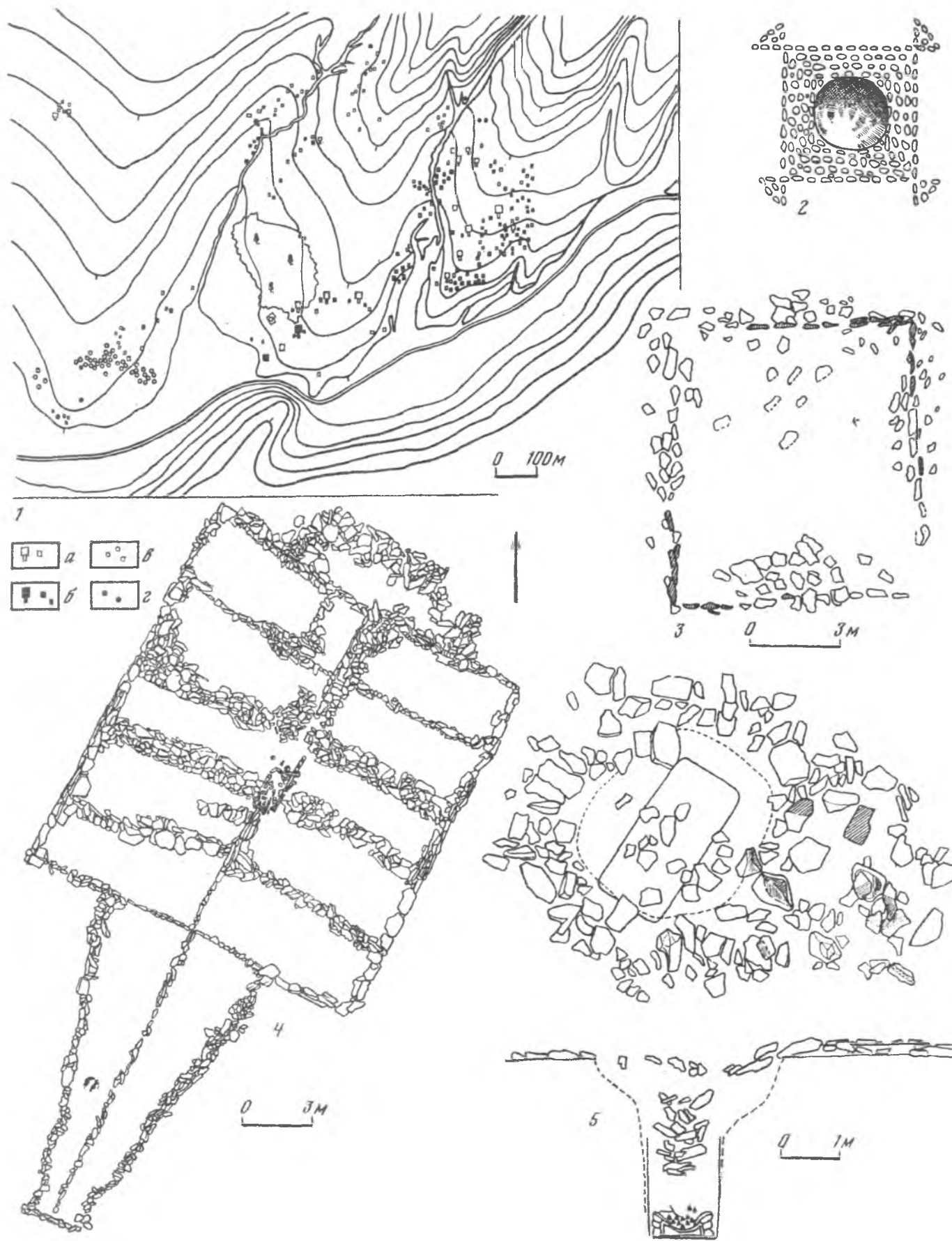

Таблица 110. Хунну. Погребальный ритуал

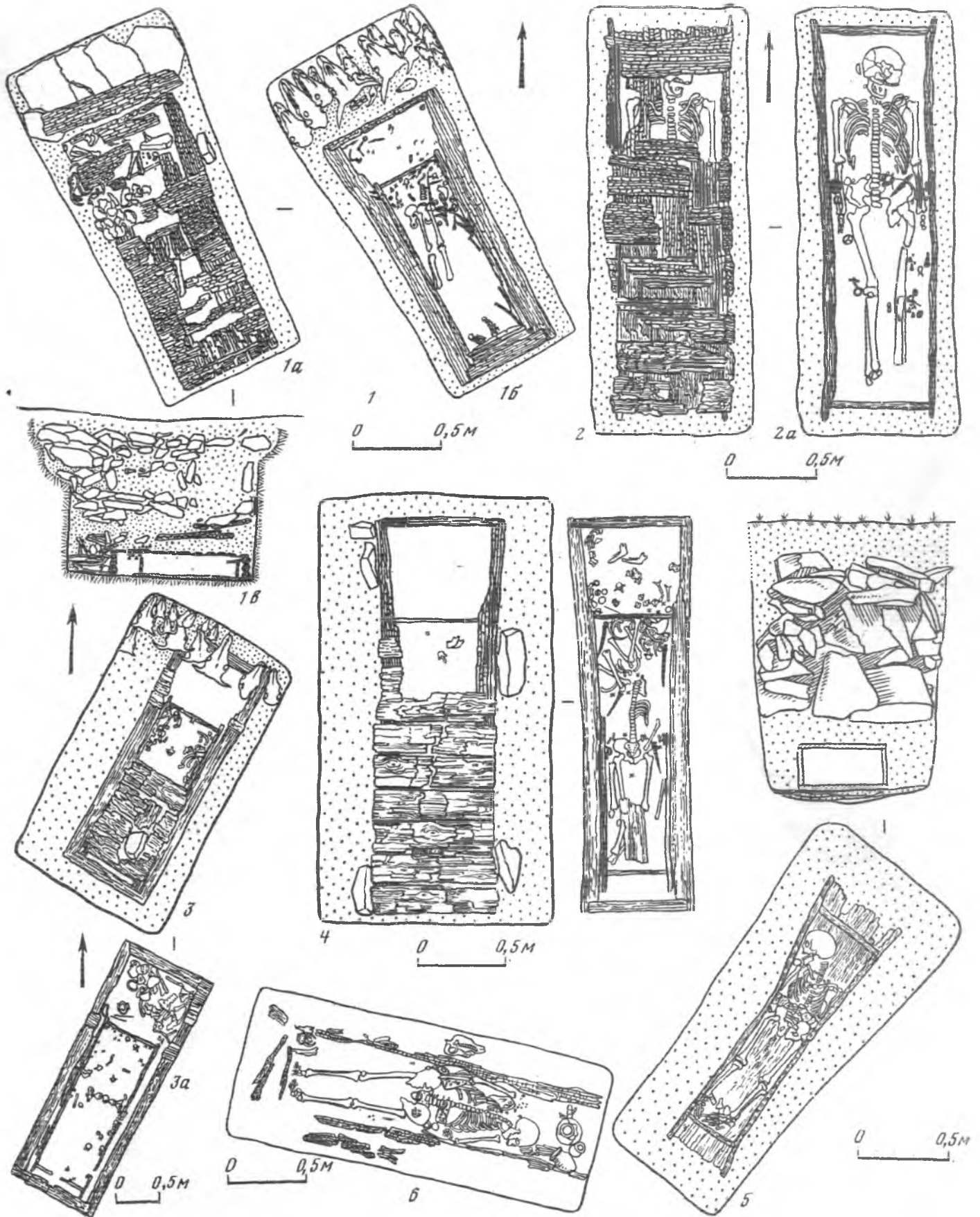

Таблица 111. Хушну. Погребальный обряд. Внутримогильные сооружения

Таблица 112. Хунну. Сосуды

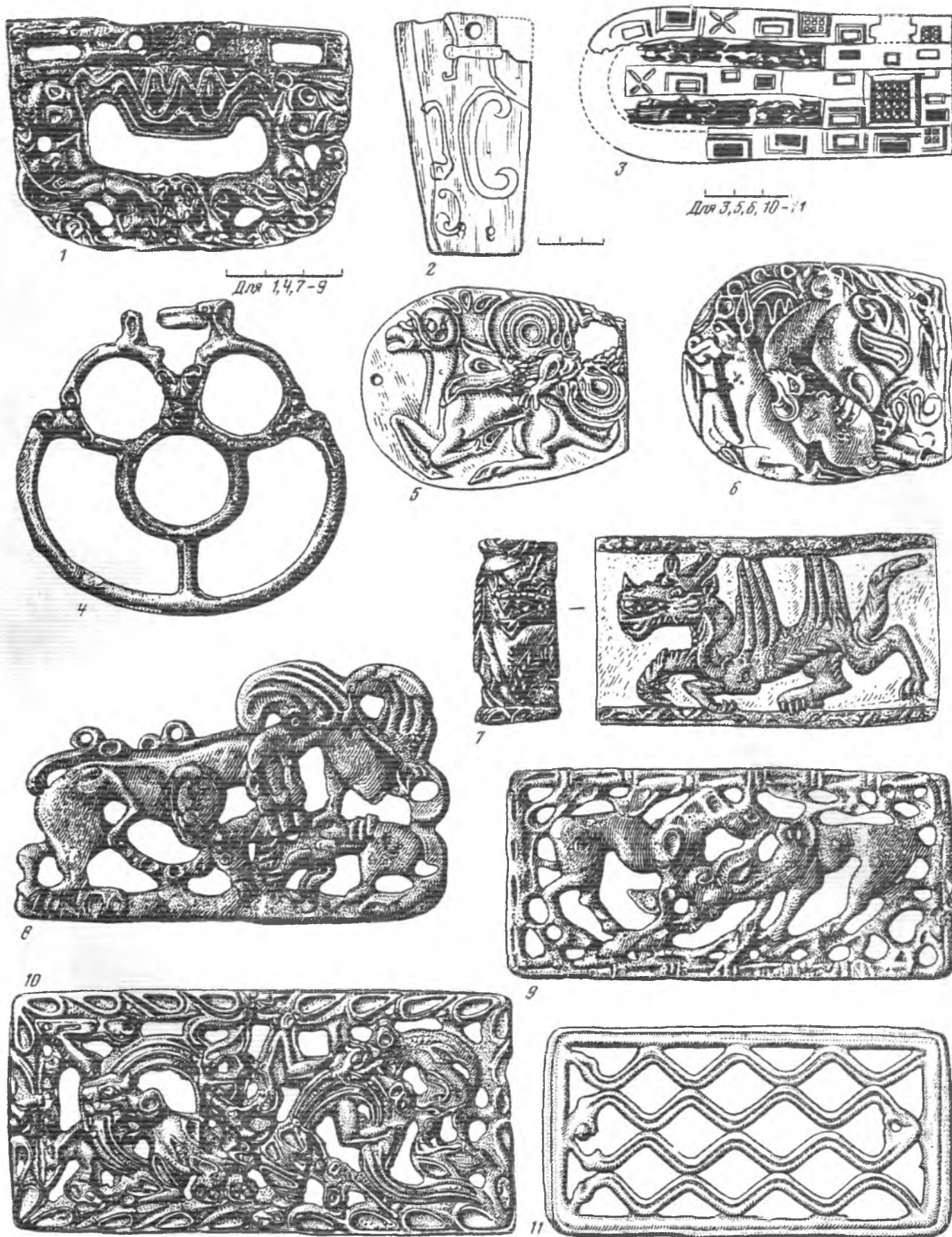

Таблица 113. Хунну. Предметы искусства, пряжки, бляхи

Таблица 114. Хунны. Предметы искусства, пряжки, накладки, бляхи, деталь ковра

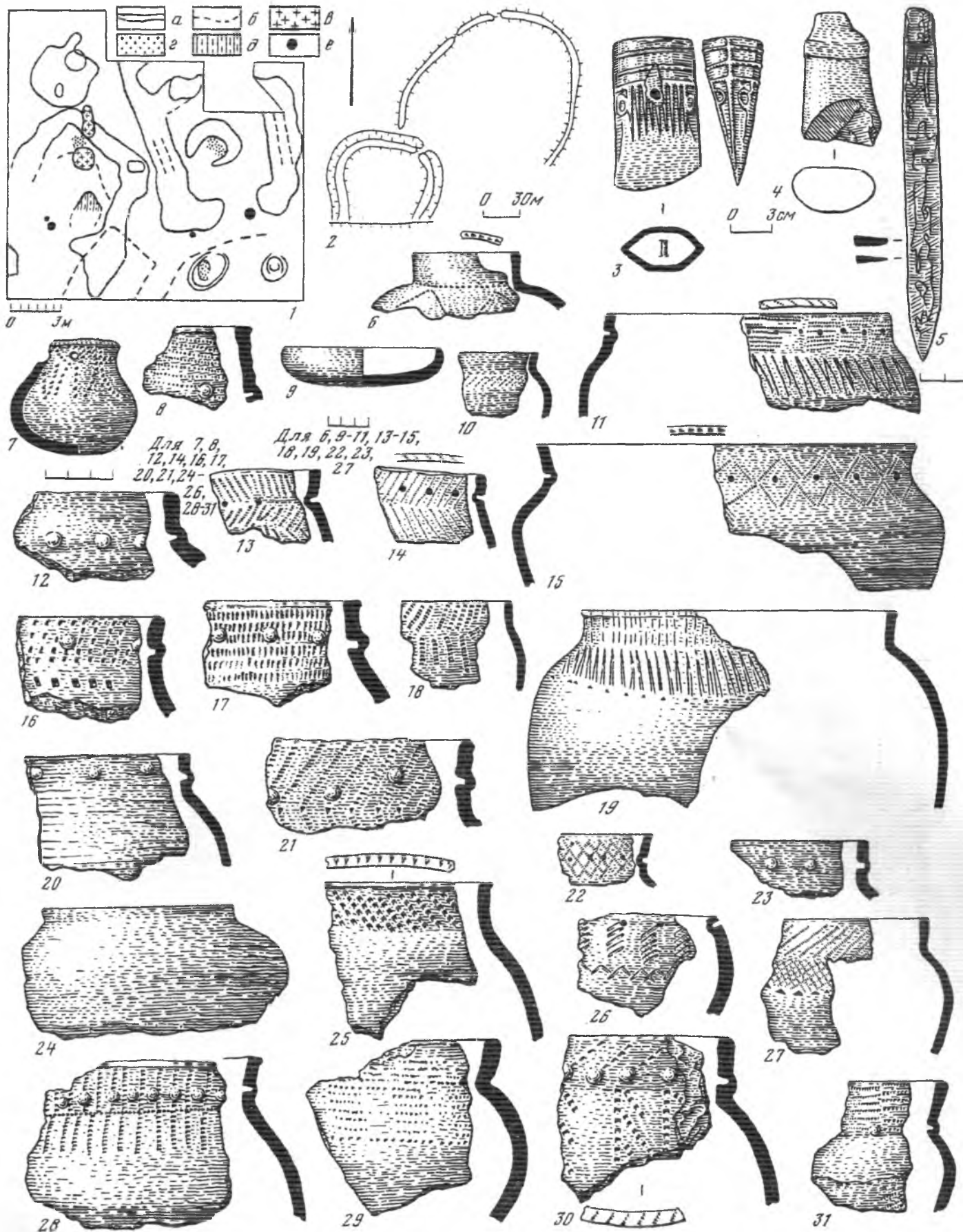

Таблица 115. Лесостепное Зауралье. Памятники носилового типа

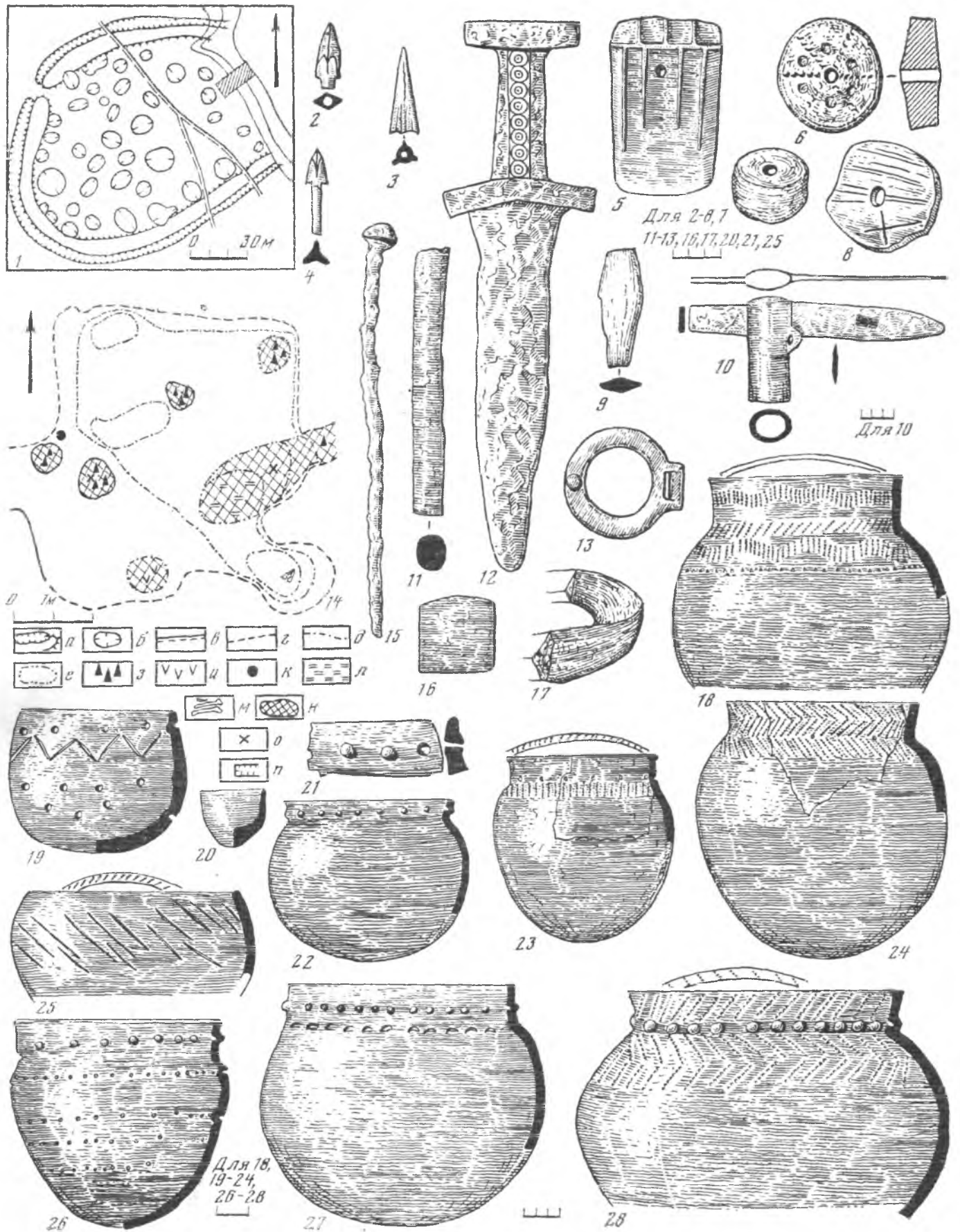

Таблица 116. Лесостепное Притоболье и Приишимье. Памятники байтовского типа

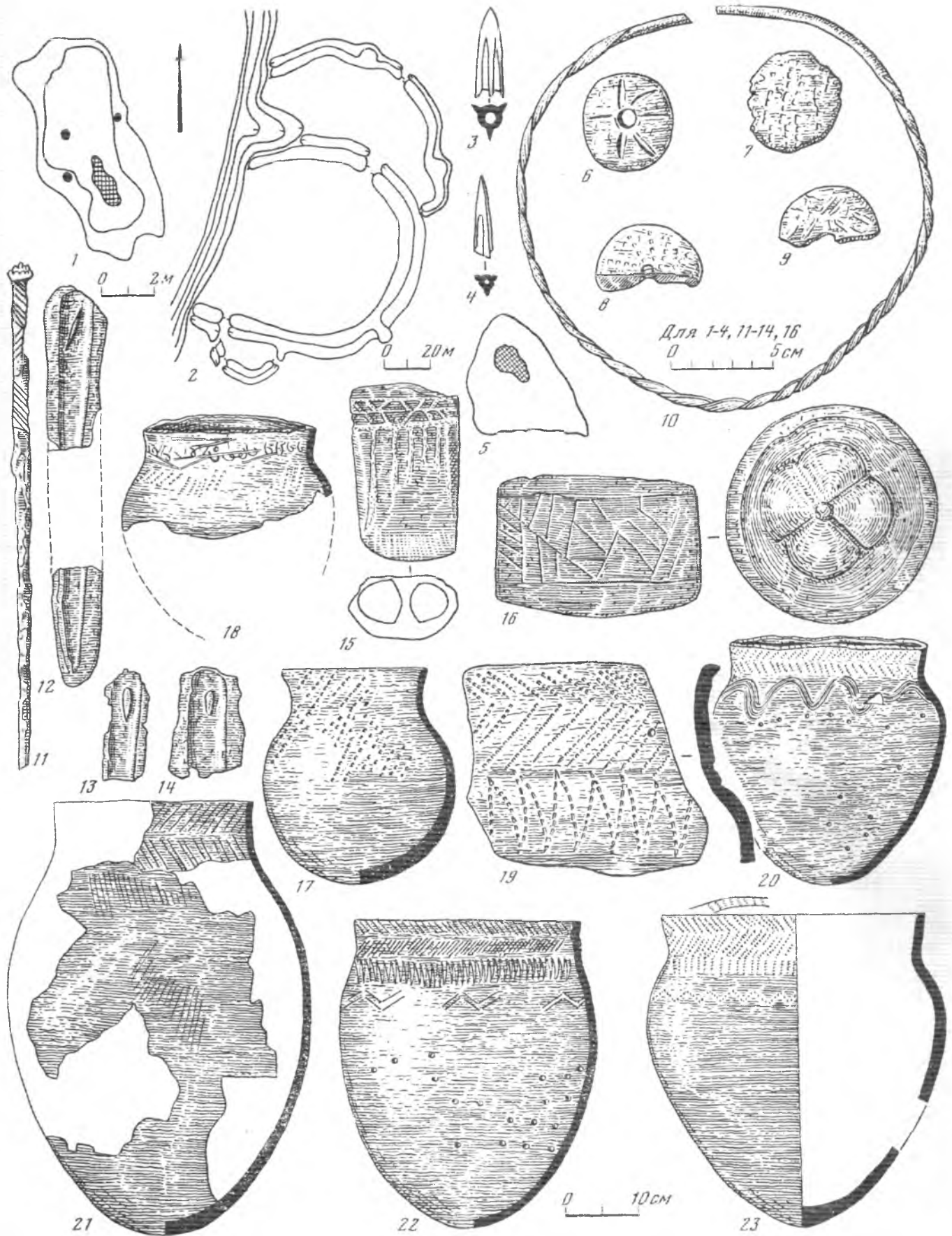

Таблица 117. Лесостепное Притобьлье. Памятники воробьевского типа

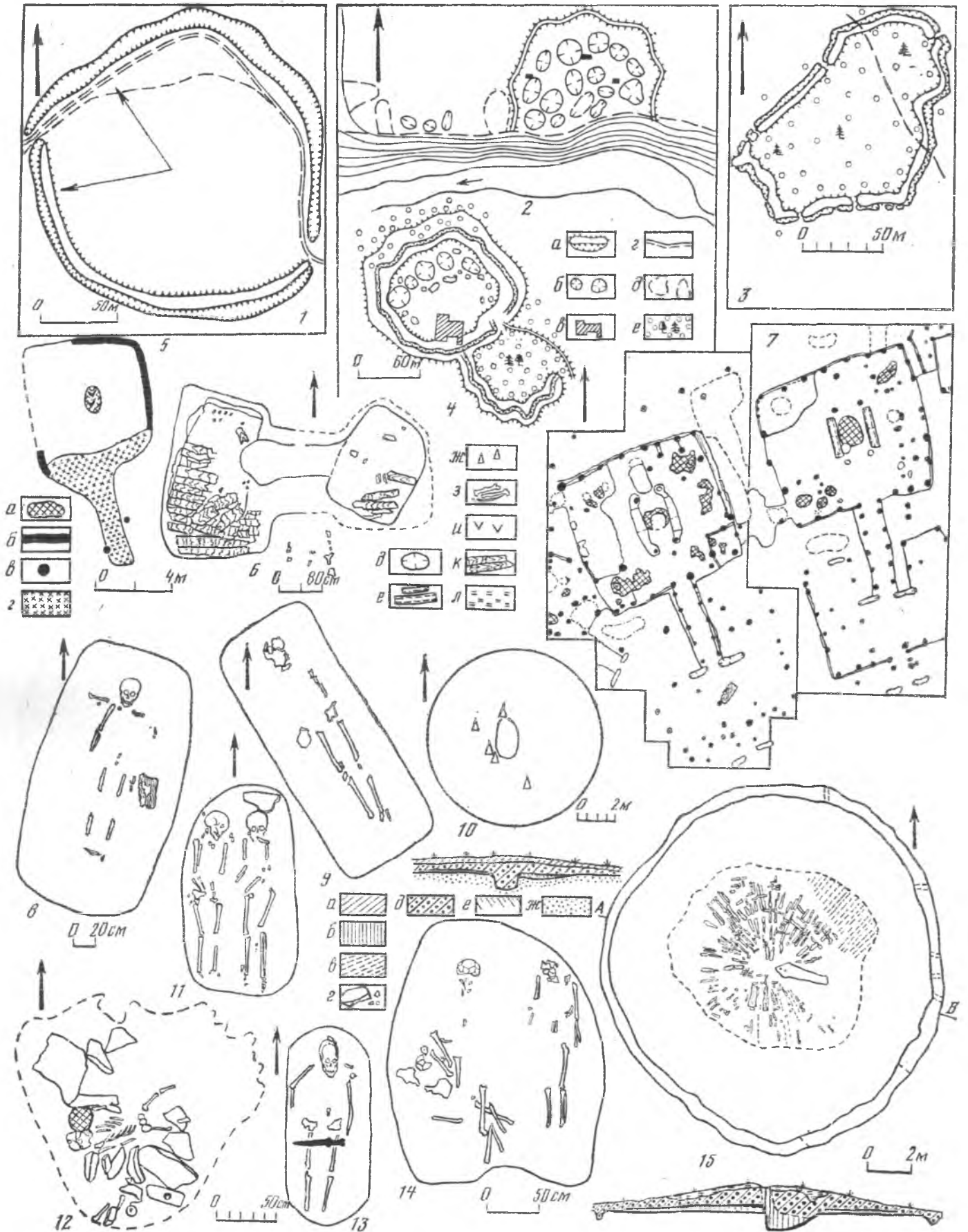

Таблица 118. Гороховская культура. Поселения, жилища, погребальный обряд

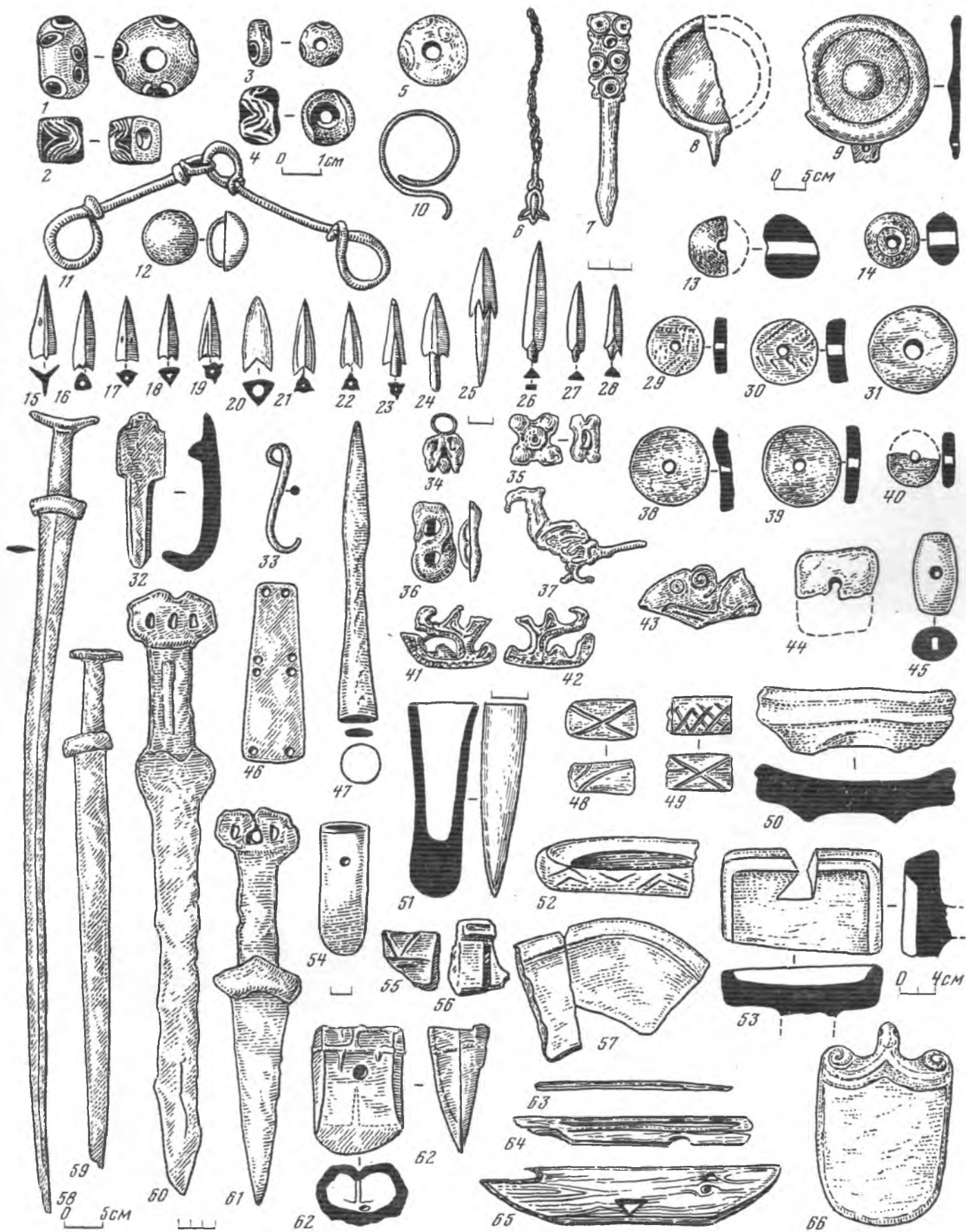

Таблица 119. Гороховская культура. Орудия труда, вооружение, конское снаряжение, украшения и предметы культа

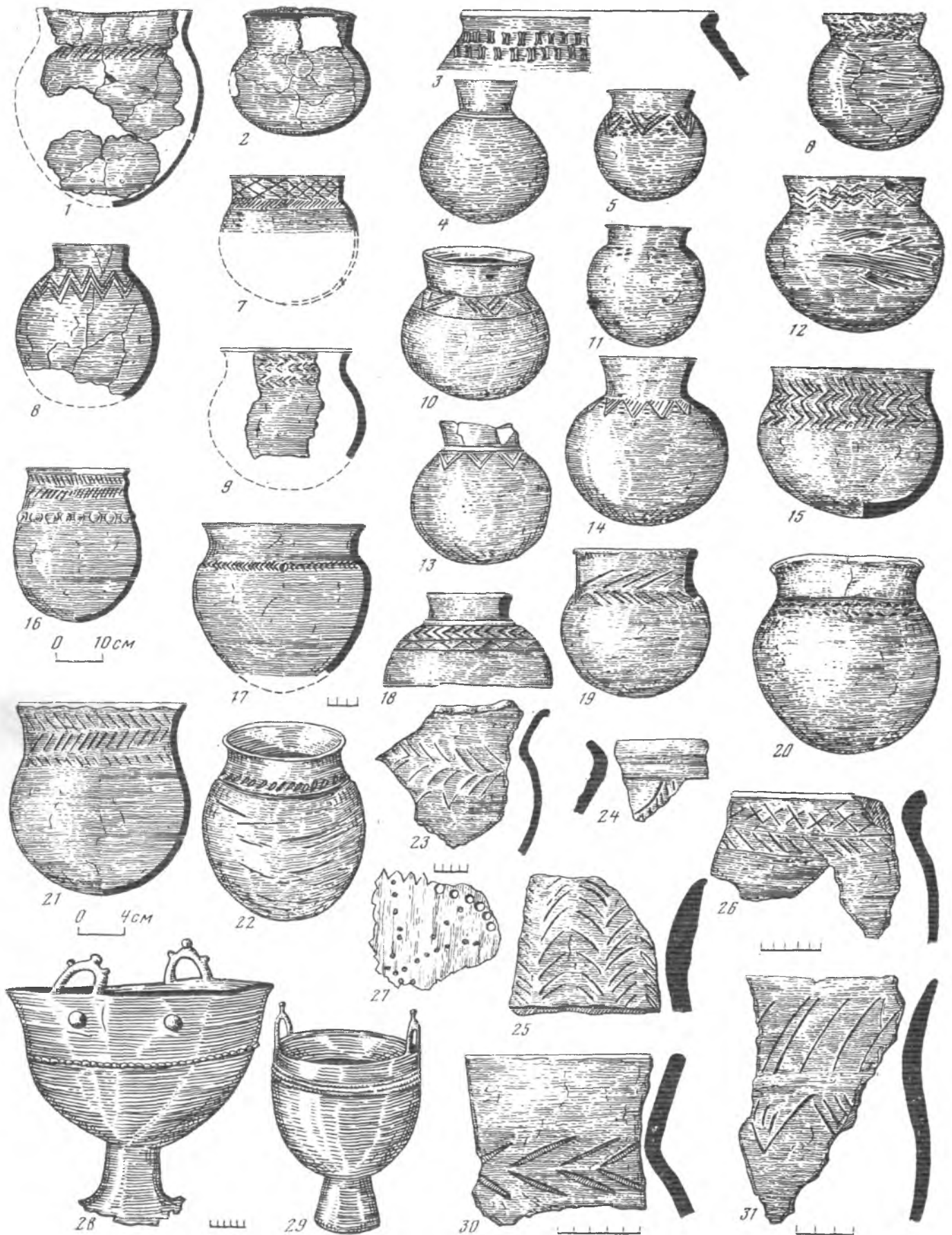

Таблица 120. Гороховская культура. Сосуды из глины, меди и кости

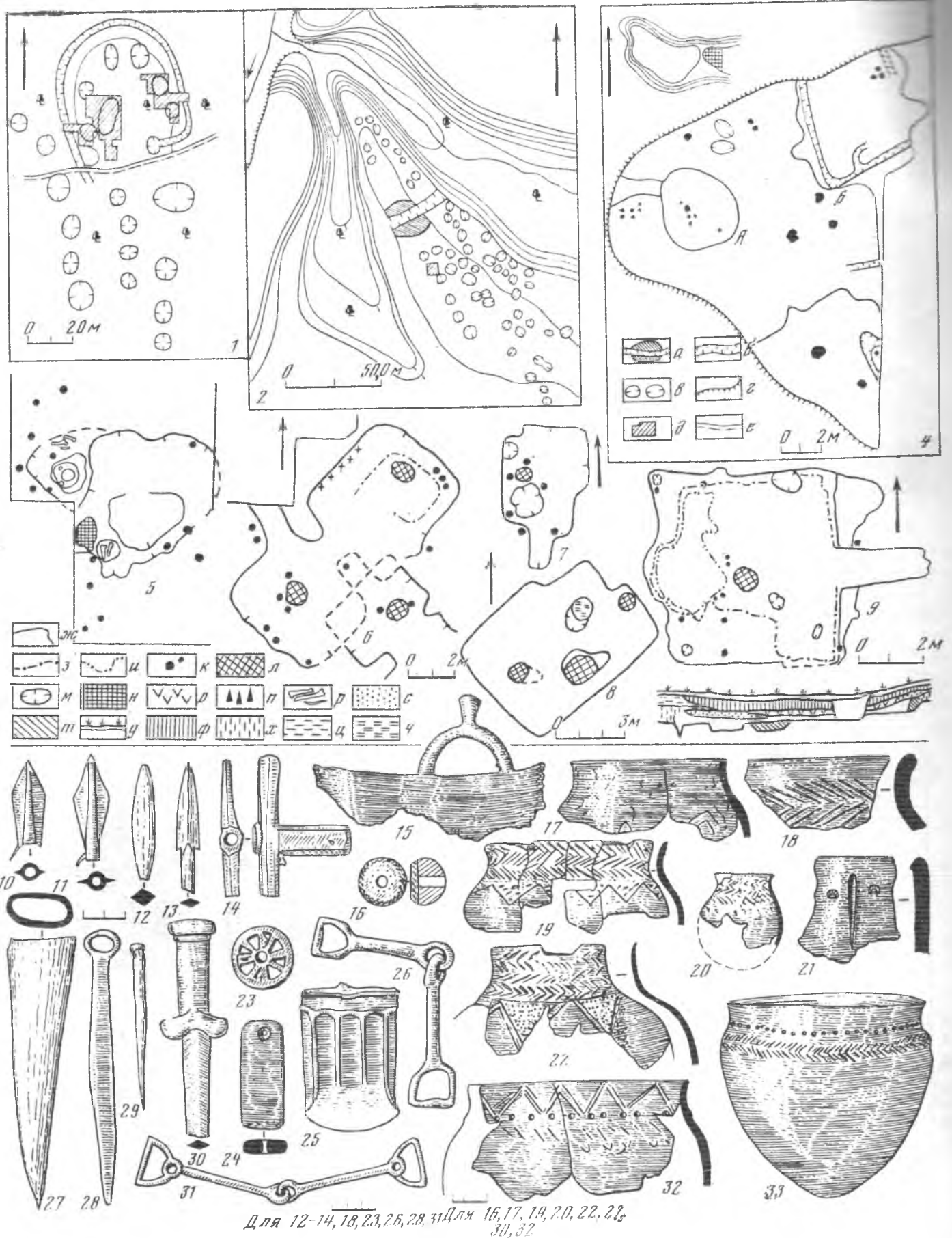

Таблица 121. Саргатская культура. Поселения, жилища

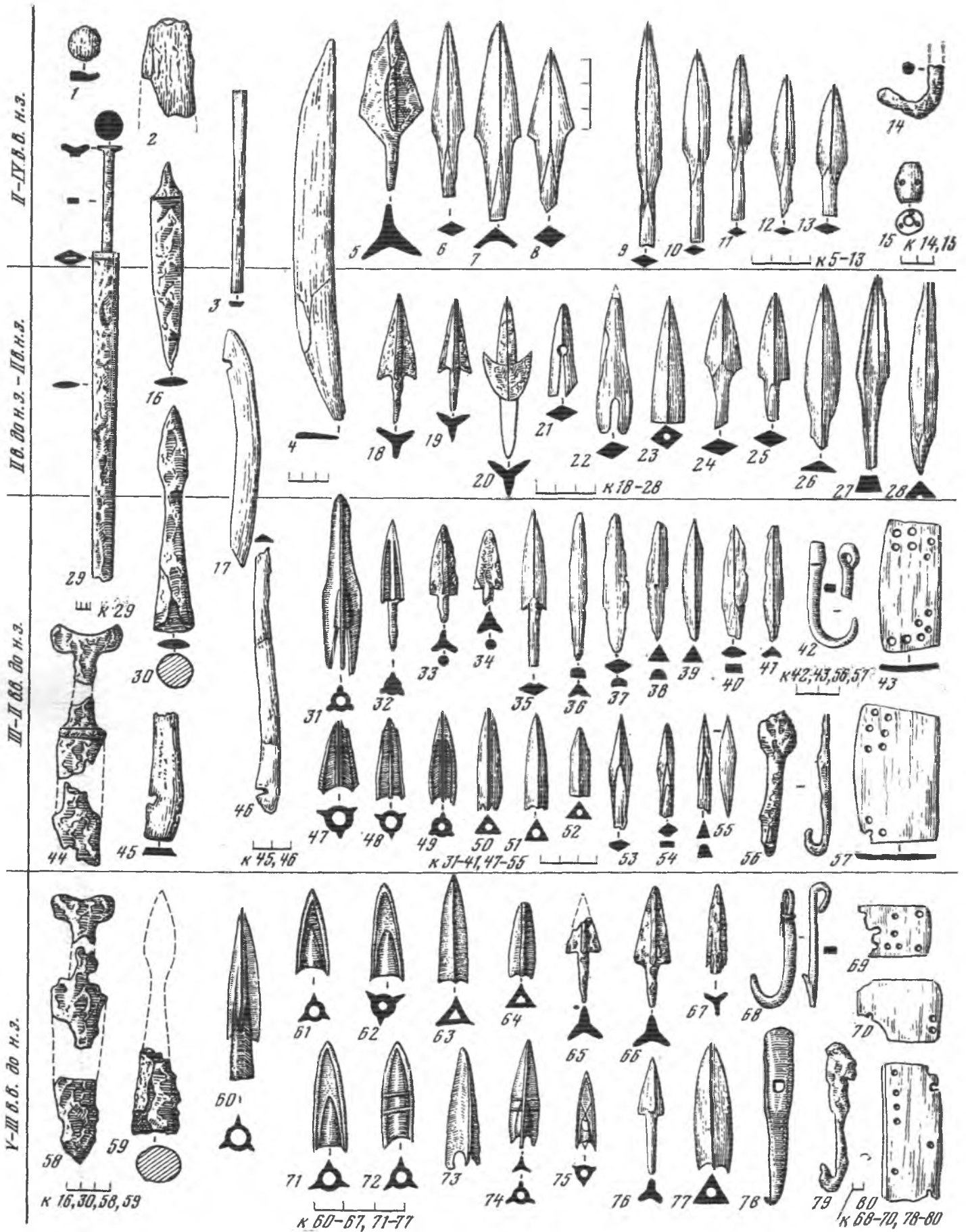

Таблица 122. Саргатская культура. Вооружение

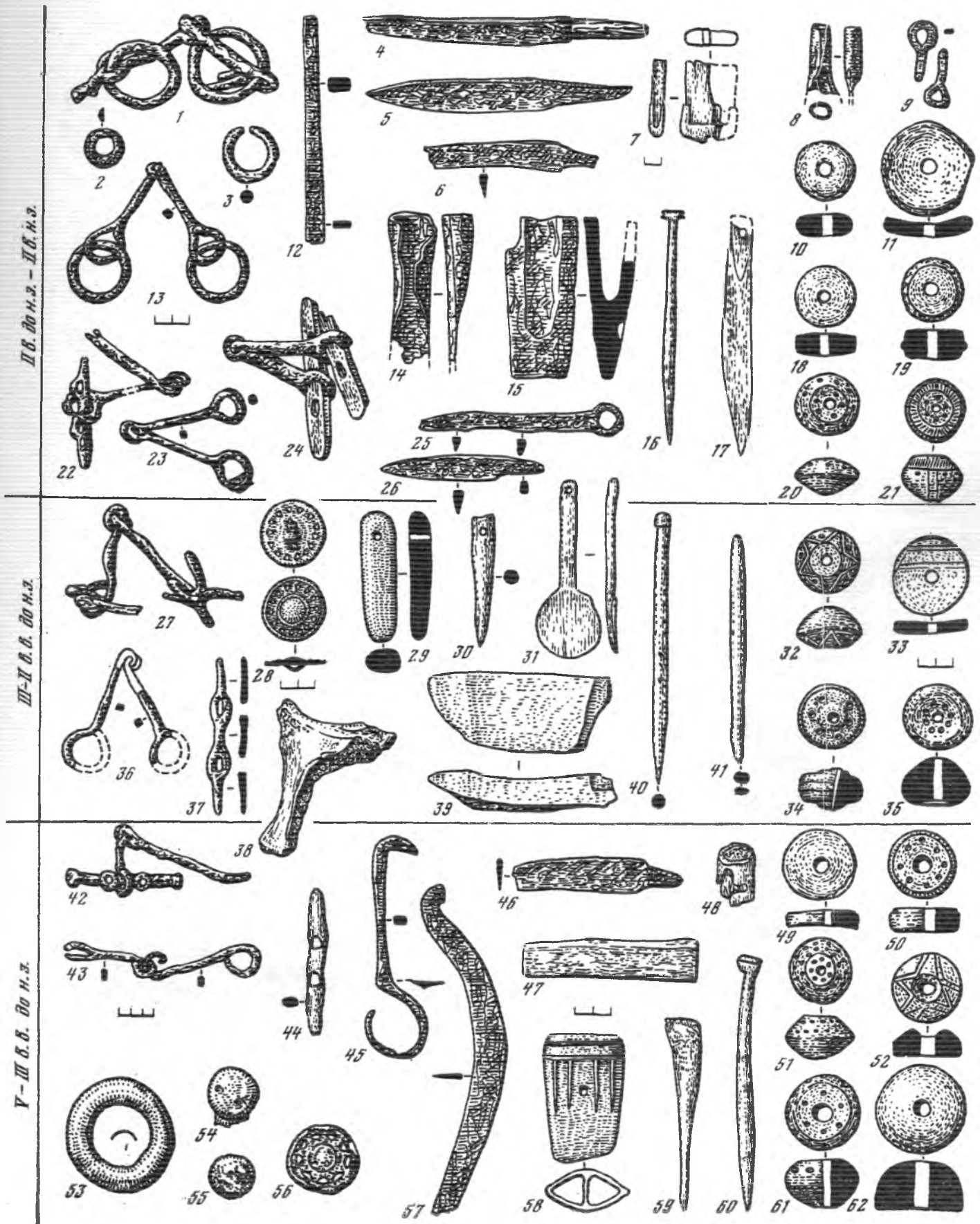

Таблица 123. Саргатская культура. Орудия труда, конское снаряжение

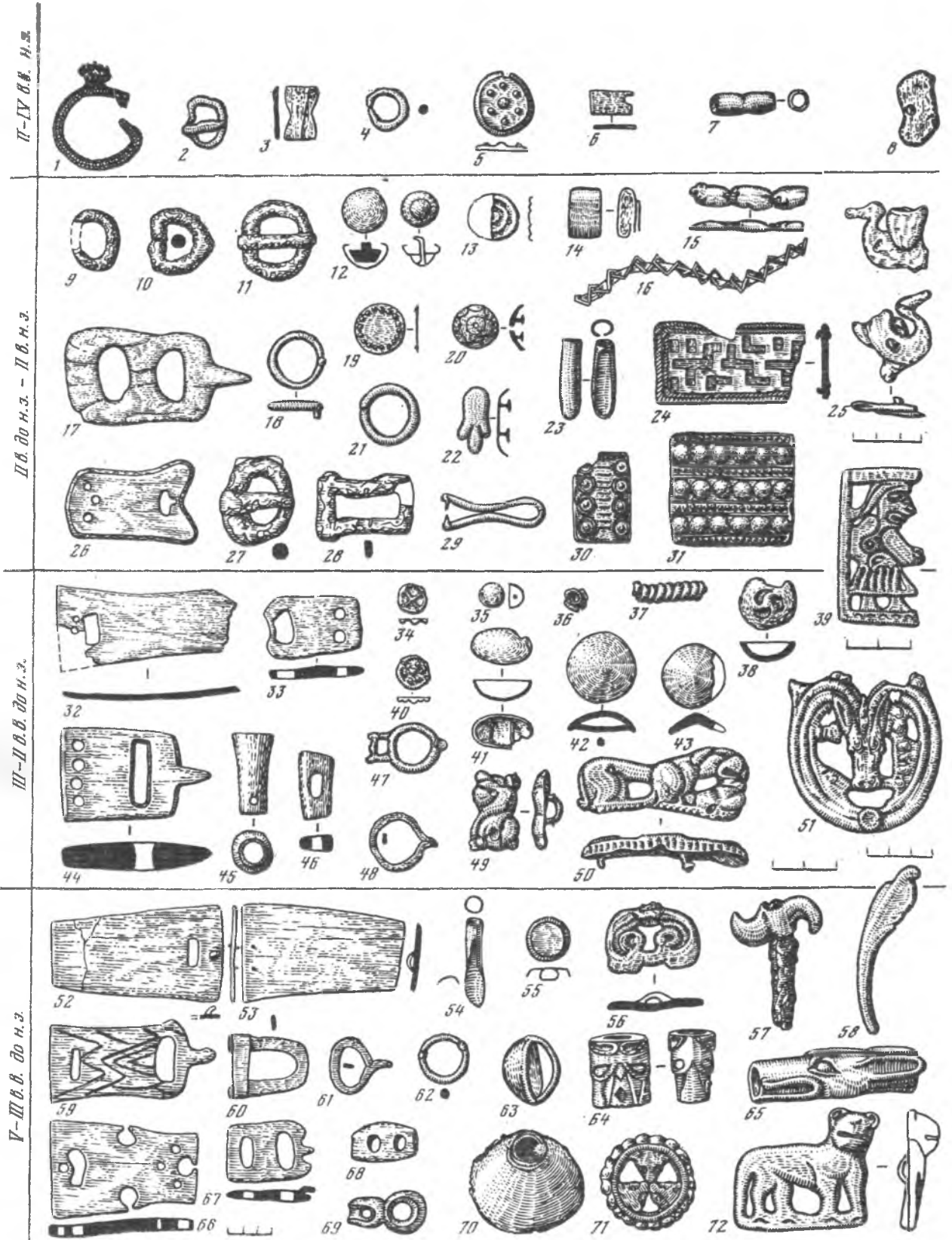

Таблица 124. Сарматская культура. Пряжки, бляшки, пронизки, детали одежды, украшения

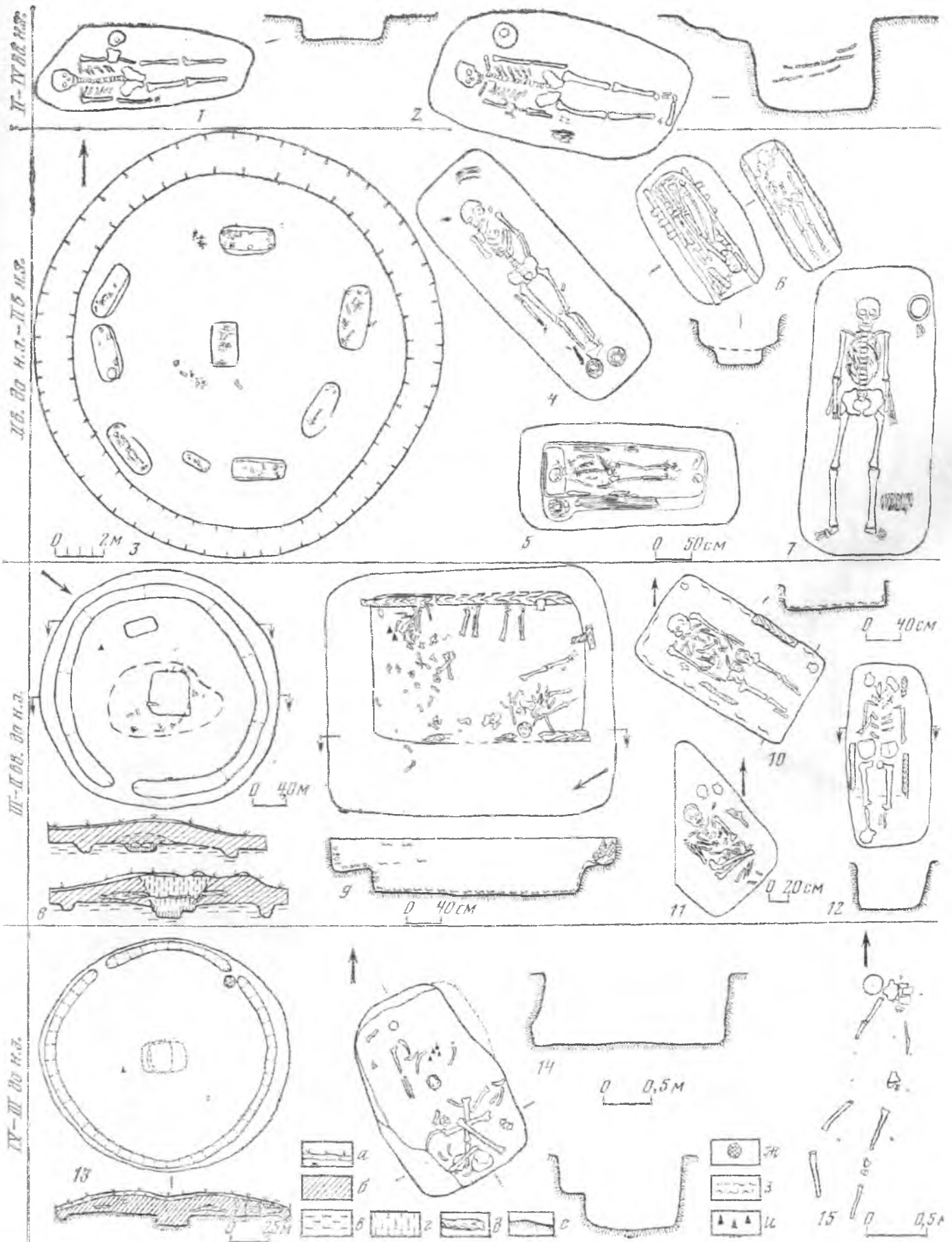

Таблица 125. Сарматская культура. Погребальный обряд

Таблица 126. Саргатская культура. Украшения, предметы туалета и культа

Ш-Д.В. до н.э.

У-Ш.В. до н.э.

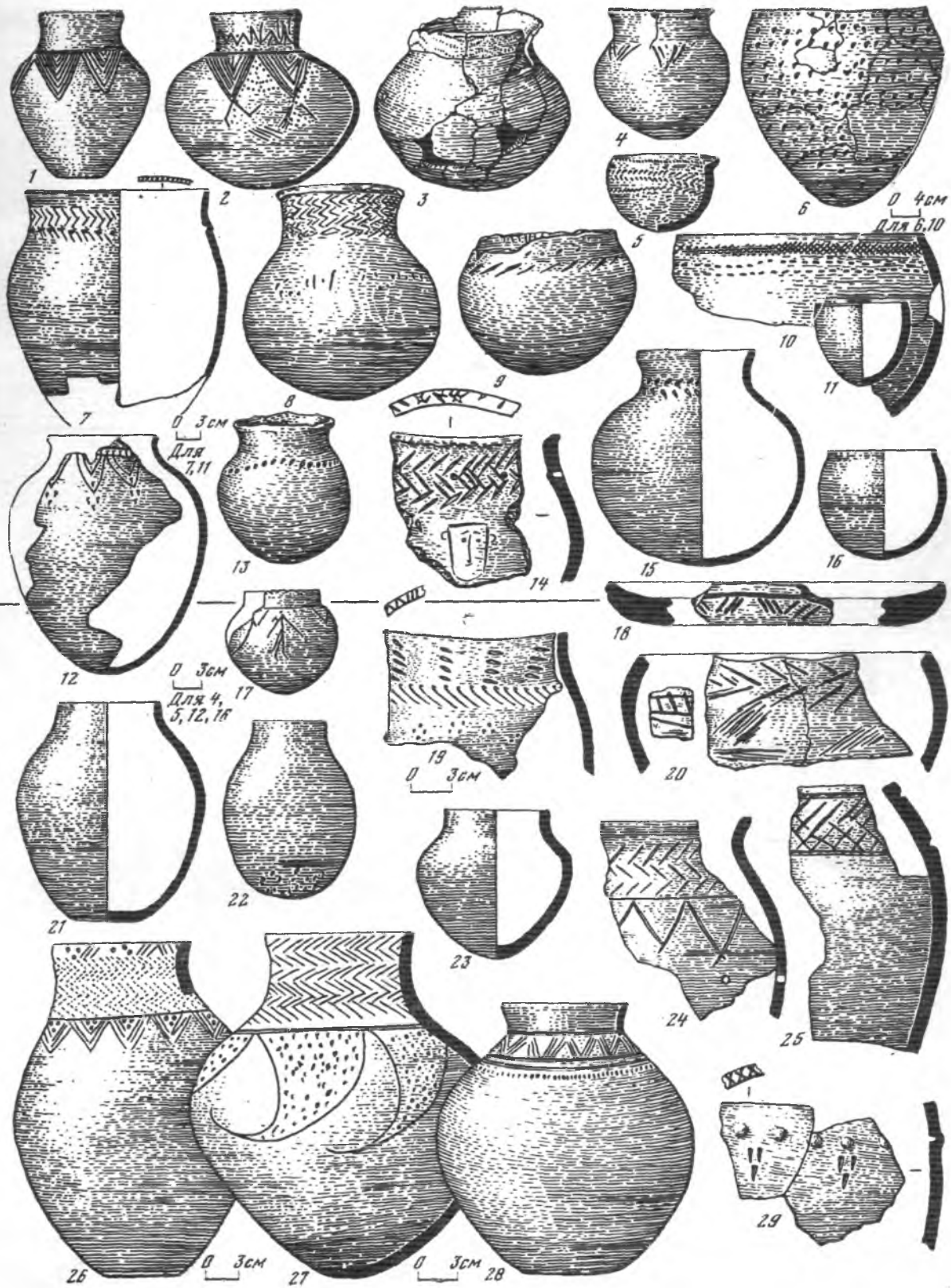

Таблица 127. Саргатская культура. Керамика

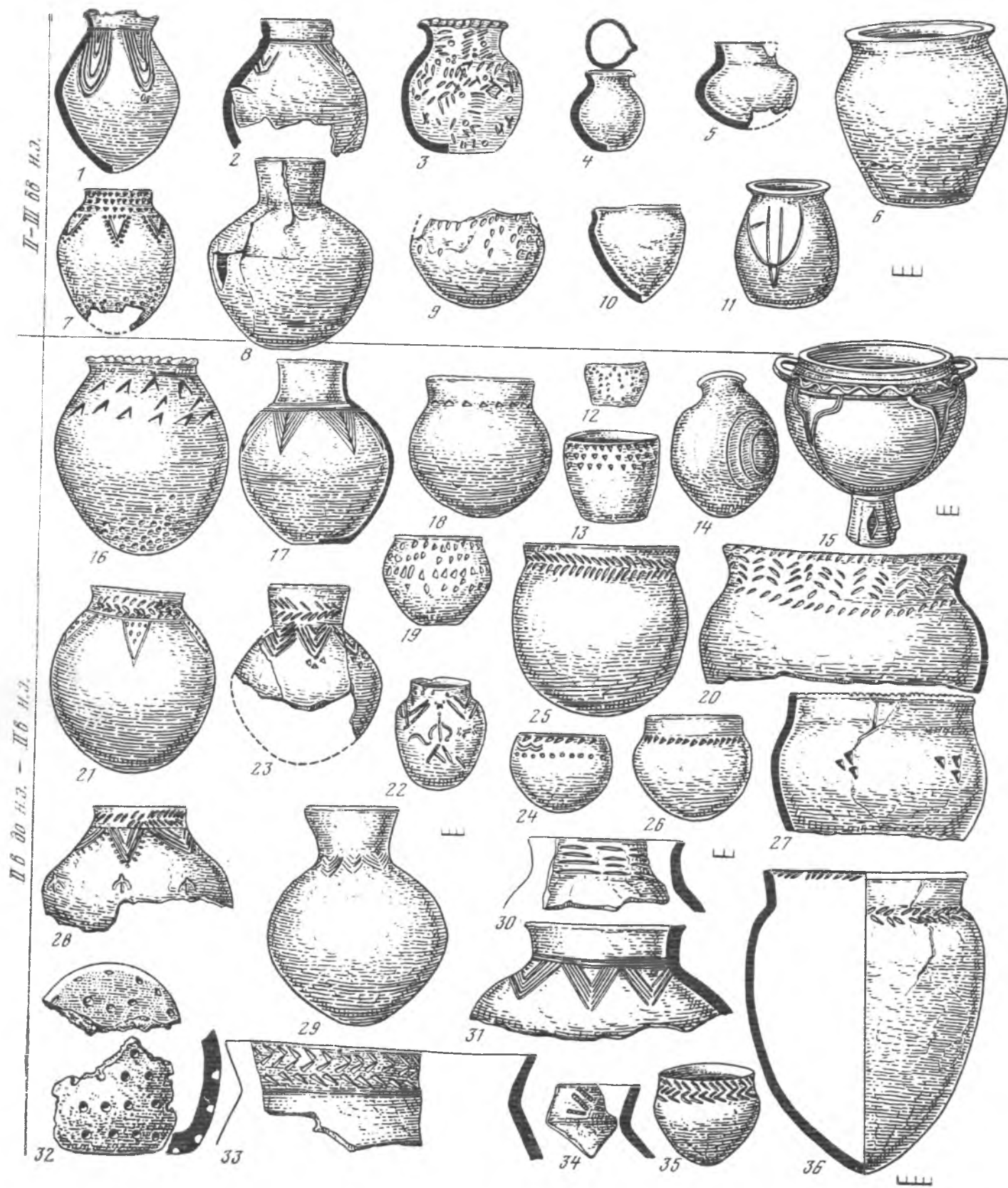

Таблица 128. Саргатская культура. Керамика

Указатели*

Указатель имен

- Абаев В. И. 22, 60, 315
Абетеков А. К. 23, 74, 82, 83, 84, 89, 93
Абрамова М. Б. 292
Абсалымов М. Б. 209, 210, 216, 220, 230
Аванесова Н. А. 41
Агапов П. 103
Агеева Е. И. 23, 27, 74, 75, 81, 82, 85, 133, 136
Агзамходжаев Т. 102, 105, 106
Адрианов А. В. 140, 151, 152, 161, 165, 178, 206, 225, 236, 239, 240
Акимова М. С. 160, 310, 311
Акишев А. К. 23, 26, 75, 76, 77, 78, 103, 141, 142, 314
Акишев К. А. 12—14, 18, 21—23, 25, 35, 39, 41, 45, 59, 74—78, 82, 83, 85, 95, 133, 134, 142, 143, 279, 283, 289, 302, 308, 309, 314, 315
Александр Македонский 14, 15, 61, 128, 316
Александров В. И. 85, 90, 107, 224, 228, 235
Алексеева Е. М. 70
Алексин В. А. 257
Алшысбаев Х. А. 141
Альбаум Л. И. 51
Амброз А. К. 69, 70, 87, 245, 265
Аминов В. 106, 107
Аммиан Марцелин 317
Андрогор 16, 316
Андррианов Б. В. 6, 11, 12, 31, 47, 48, 62, 71, 116
Анучин Д. Н. 274
Аполлодор 15—17
Апшиан 126
Аристей 280
Арриан 15, 22, 61, 122, 316
Арсланова Ф. Х. 45, 135, 141, 143, 145—147
Артабан 16
Артамонов М. И. 26, 43, 44, 130
Арутюнов С. А. 36
Аршак 16, 316
Аршак I 316
Аршакиды 16
Асалханов И. А. 150
Аскарлов А. А. 36, 51
Аспелин И. Р. 225
Астахов С. Н. 178
Ахеменнды 14, 61
Ахинжанов С. М. 141
Ашурбанипал 175
Бабаев А. Г. 21
Бабаев А. Л. 23, 96, 99, 100
Бабанская Г. Г. 23, 27, 96, 103
Бань Гу 254, 271
Баранов Л. Н. 241
Баркова Л. Л. 27, 156, 164, 169, 170
Барминцев Ю. Н. 138
Бартольд В. В. 12, 18, 61, 123
Баруздин Ю. Д. 23, 28, 74, 82—84, 89—91, 93
Баскаков А. Н. 273
Батыров Ш. 116
Беленицкий А. М. 91
Белозор В. П. 194
Бельтикова Г. В. 277, 279, 280, 284, 286, 289
Бернштам А. Н. 14, 18—20, 22—28, 56, 69, 73, 75—77, 79—81, 83, 84, 86, 89, 92, 93—99, 101—105, 134, 148, 216, 254, 256, 263, 271, 314
Берс Е. М. 284, 290, 305
Беспалый Е. И. 317
Бессе 15
Бирюков В. П. 292
Бичурин Н. Я. 14, 17—19, 81, 84, 99, 101, 157, 224, 254, 265, 273
Бобров В. В. 209
Богданова-Березовская И. В. 221
Боголюбский С. Н. 138
Боковенко Н. А. 7, 141, 143, 147, 164, 225, 302, 317, 318
Борисов А. Л. 71
Боровка Г. И. 247, 256
Бортвин Н. Н. 44
Брыкина Г. А. 23, 28, 30, 91, 95
Бубнова М. А. 96
Бурыков Ю. Ф. 57, 58, 102, 106, 107
Бутомо С. В. 162
Бэйши 19, 22
Валенкая Э. Б. 144, 155, 206, 224, 225, 230, 236, 237, 239—241, 246
Вайнберг Б. И. 18, 20, 21, 23, 29, 40, 48, 68, 116—120, 122—124, 126, 313, 316
Вайнштейн С. И. 147, 158, 178, 184, 200, 204, 210, 230, 256, 266
Ван И Вэй 224
Варенов А. В. 251
Варламов О. Б. 230
Варущенко А. Н. 11
Васильев В. И. 293
Васильев К. В. 264, 271
Васильев Л. С. 19
Васильева Г. П. 121
Васютин А. С. 157, 171
Великие Кушаны 316
Викторова В. Д. 279, 280, 310
Викторова Л. Л. 273
Винник Д. Ф. 74, 80, 89
Виноградов А. В. 11, 40
Виноградов В. Б. 71
Витт В. О. 172, 268
Вишневская О. А. 7, 23, 31, 35, 37—43, 45, 47, 56, 97, 116, 118, 135—137, 279, 287, 290, 292, 297, 299, 300, 309
Владимиров В. Н. 156, 162
Воеводский М. В. 22, 26, 73, 75, 81, 82, 83
Волков В. В. 166, 194, 247, 249, 254, 256, 259, 262
Воробьева М. Г. 47, 57, 58
Воронец М. Э. 22, 23, 92, 102, 105
Воскресенский А. А. 270
Вэй Люй 271, 272
Вэнь-Ди 271
Вязьмитина М. И. 120
Вяткина К. В. 219
Гаврилова А. А. 158, 162, 170, 174, 264
Гаврюшенко П. П. 74, 79
Гайдукевич В. Ф. 23
Галибин В. А. 245
Галкин Л. Л. 23, 24, 315
Гамбург Б. З. 23, 35, 92
Гао-Ди 271
Гапоненко В. М. 80
Гарутт В. Е. 268
Гафуров Б. Г. 22
Гвоздецкий Н. А. 140
Гекатей 14, 15
Генниг В. Ф. 37, 69, 160, 274, 279, 280, 282, 284, 286, 287, 289, 290, 291, 293, 296, 300, 307, 308
Герасимов М. М. 247, 254
Геродот 12—15, 22, 25, 60, 123, 126, 128, 315
Гинабург В. В. 14, 46, 85, 86, 95, 98, 107, 144, 145, 312
Глазунова А. Д. 251, 253
Глоба Г. Д. 162, 171
Глухов А. Н. 161, 177
Гмелин И. Г. 140, 206
Голдина Р. Д. 280, 293, 300
Голодников К. 274
Горбунова Н. Г. 23, 26, 29, 30, 35, 56, 59, 87, 89, 91, 92, 93, 95
Горлагов А. 247
Горощенко К. И. 224
Гохман И. И. 85, 90, 107, 228, 235, 239, 254, 272
Граков Б. Н. 59
Грач А. Д. 42, 43, 68, 98, 137, 143, 158, 159, 178, 179, 182, 183, 194—197
Гребенщиков А. В. 156
Гребнев И. Е. 306
Григорьев В. В. 13
Григорьев Г. В. 22, 101, 105
Григорьев Г. П. 225
Гришин Ю. С. 213, 220, 231, 247, 249—251, 253, 256, 259
Грум-Гржимайло Г. Е. 224
Грязнов М. П. 5, 7, 22, 26, 35, 36, 39, 41—44, 69, 73, 75, 77, 81—83, 97, 130, 134, 136, 137, 142, 145, 146, 152—156, 158, 159, 161, 162, 164—166, 170, 175, 177, 178, 178, 179, 182, 195, 200, 206, 207, 210, 216, 220, 223, 225, 227, 228, 230—237, 242—246, 267, 291, 292, 316, 317
Гультов С. Б. 225
Гулямов Я. Г. 22
Гумилев Л. Н. 224, 246, 254, 271, 273
Гурский А. В. 96
Гусенцова Т. М. 308
Давидович Е. А. 23
Давыдова А. В. 159, 231, 232, 234, 256—261, 263, 264, 266, 268—270
Даидамаев М. А. 13, 128
Дарий I 60
Дарий III 14, 15
Дебеч Г. Ф. 153, 160, 224, 225, 240, 254, 256, 272, 273, 310

* Указатели составлены Т. Н. Трунаевой.

- Денисов Е. П. 114
 Дерфер Г. 159, 273
 Диков Н. Н. 243—254, 265
 Дмитриев П. А. 274, 290, 293, 304
 Дмитриев-Мамонов А. И. 292, 307
 Доватур А. И. 15
 Доржсурэн Ц. 256, 259, 261, 262, 265, 273
 Дремов В. А. 160, 209, 311
 Дуже Х. 27, 103
 Дульзон А. П. 273
 Дурдыев Л. 116
 Дьяконов И. М. 314
 Дьяконов М. М. 20, 57
 Дьяконова В. П. 147, 178, 200—202, 246
 Дэвлет М. А. 151, 152, 183, 195, 207, 209, 210, 212, 216, 222, 230—233, 235, 269
- Евдокимов В. В. 279, 308
 Евтухова Л. А. 161, 177, 230, 236, 237, 252, 256, 271
 Елин В. Н. 157, 171
 Елкина А. К. 69
 Ермолаева А. С. 141, 143
 Ермолова Н. М. 236, 245
 Ефимов В. Г. 225, 227
- Жданко Т. А. 12, 31, 47, 52, 62
 Жиров Е. Я. 311
 Жуков Б. Н. 130
 Жуков В. Д. 22
 Журавлева А. Д. 256, 269, 270
- Завитухина М. П. 145, 152, 156, 162, 206, 207, 237, 240, 243, 290, 305, 310
 Завьялов В. А. 225
 Заднепровский Ю. А. 7, 22, 23, 27—29, 74, 75, 81—85, 87, 89, 91—96, 104—106, 279
 Зайцев М. А. 247
 Замоторин И. М. 156, 162
 Запорожская В. Д. 247, 252
 Засецкая М. П. 90
 Захариева Е. И. 156, 162
 Збруева А. В. 44, 69, 282
 Зданович Л. Б. 274—276, 287, 288, 293
 Зеймаль Е. В. 18, 109
 Зелинский А. Н. 96, 99, 100
 Зина Б. М. 73, 79
 Знаменский М. С. 292
 Зограф Н. Ю. 274
 Зув Ю. А. 18
 Зырянов А. Н. 274, 286, 289
- Иванов В. В. 45
 Иванова Л. А. 228
 Иессен А. А. 7, 42, 44
 Ильинская В. А. 43
 Иностранцев К. А. 254
 Исидор Харакский 16
 Исмагулов О. 14, 85, 140
 Итгна М. А. 7, 12, 23, 31, 34, 36—41, 43, 46, 47, 52, 62, 117, 122, 135, 138
- Кабанов С. К. 57, 58
 Кабо В. Р. 228
 Кадырбаев М. К. 23, 25, 26, 35, 43, 67, 69, 84, 97, 103, 130—143, 147, 148, 279, 290, 292, 305, 309, 312
 Кадыров Э. 23, 92—94
 Каллистратов Д. П. 15
 Каменецкий И. С. 70
 Калышка 18
 Карамышева Б. Х. 13
 Карцов В. Г. 209
 Кастрен М. 247
 Касымов М. Р. 102
 Кацурис К. 57, 58
- Квинт Курций Руф 15, 61
 Кесь А. С. 11, 12, 31
 Кибиров А. К. 23, 27, 74, 79, 82, 84, 85, 103
 Кидара 20
 Кюоэюкю 17
 Кипарисова Н. Н. 274
 Кир 51, 128
 Кир II 14, 15
 Кириллов И. И. 247, 249, 250, 252
 Кирюшин Ю. Ф. 162
 Киселев С. В. 27, 35, 69, 130, 136, 152, 153, 155, 161, 162, 169, 170, 177, 206, 207, 209, 212, 220, 221, 223—225, 227, 228, 230, 231, 233, 236, 237, 240, 242, 243, 246, 256, 258, 271
 Кияткина Т. П. 95, 98
 Клейн Л. С. 5
 Клеменц Д. А. 206, 225, 236
 Кляшторный С. Г. 18, 19, 61, 101, 225, 230, 314
 Ковалевская В. Б. 245
 Коваленко Т. 239
 Кожанов С. Т. 243
 Кожин П. М. 69, 293
 Кожомбердиев И. К. 23, 28, 74, 75, 81, 84, 86—90
 Козенкова В. И. 93
 Козинцев А. Г. 207, 223, 224
 Козлов П. К. 256
 Комарова М. Н. 152, 161, 207, 279
 Кондаков И. 161
 Коновалов П. Б. 246, 247, 257, 259, 261—266
 Кононов В. Н. 270
 Конопацкий А. К. 252
 Копылов И. И. 23, 74
 Корочкова О. Н. 280
 Корпусова В. Н. 194
 Корякова Л. Н. 150, 160, 257, 275, 290, 293, 296—302, 305, 307, 308
 Косарев М. Ф. 36, 280, 283, 291, 308
 Косинская Т. И. 293, 298
 Косинцев А. П. 282
 Кошелев Г. А. 16
 Кравченко Т. Б. 136
 Красненко С. В. 147, 225
 Краснов Ю. А. 268, 307
 Крашенинников И. М. 11
 Крашенинникова Н. И. 105
 Кривцова-Гракова О. А. 35
 Крик Х. И. 68
 Кропоткин В. В. 70
 Крунов Е. И. 67
 Крюков М. В. 230, 246, 256
 Ксеркс 15, 60
 Ктесий 128
- Кубарев В. Д. 155—157, 162, 165, 166, 194, 256, 269, 270
 Кузнецов А. К. 247
 Кузнецов-Красноярский И. П. 206
 Кузьмин Н. Ю. 225, 227, 229, 230, 234
 Кузьмина Е. Е. 35, 37, 41, 42, 45, 47, 83, 117
 Куйбышев А. В. 162, 303
 Кулемзин А. М. 162, 223, 225, 233
 Кулькова Т. Ф. 229
 Кунгуров А. Л. 162
 Кушаев Г. А. 14, 18, 22, 23, 25, 27, 74, 75, 81, 82, 84, 85, 95, 140, 141, 289, 302
 Кушева-Грозевская А. 69
 Куп Г. А. 141
 Кызласов Л. Р. 26, 45, 69, 80, 98, 146, 155, 158, 159, 178, 179, 182, 193—195, 197, 199, 203, 209, 225, 228, 230—234, 236, 237, 239—243, 245, 246, 254, 256, 257, 264, 265, 269, 271, 273
 Кюнвер Н. В. 18, 246
- Лань 272
 Лаошань 271
 Лапиров-Скобло М. С. 51
 Латынин Б. А. 22, 28, 91
 Латышев В. В. 128
 Лебедев А. И. 283
 Левашева В. П. 206, 207, 213, 216, 221, 225, 227, 230, 233, 236, 256, 271, 274, 293, 305
 Левин М. Г. 6, 312
 Левина Л. М. 28, 46—48, 52, 56, 62, 67, 68, 71, 72, 93, 102, 105, 107
 Лерх П. И. 62
 Ли Лин 272
 Либеров П. Д. 290, 306
 Лившиц В. А. 77, 314
 Липский А. Н. 206, 225, 230
 Литвинский Б. А. 13, 14, 18, 19, 22—26, 29, 30, 37, 40, 41, 46, 60, 61, 75, 91—94, 96—99, 101, 102, 127, 128, 297, 300, 312, 314
 Лопатин С. В. 40
 Лоховиц В. А. 48, 53, 116, 117, 119, 120, 121, 127
 Лубо-Лесниченко Е. И. 91, 241, 245
 Луконин В. Г. 71
- Мадар Д. 258
 Майский И. 267
 Максименков Г. А. 154, 209, 225
 Максимова А. Г. 23, 27, 74, 76, 77, 82—84, 92, 102—106, 133, 136, 141, 143, 279
 Макшеев А. Н. 62
 Маловицкая Л. Я. 23, 102, 103
 Мамадаков Ю. Т. 157, 171, 264
 Мамедов Э. Д. 40
 Мамонова Н. Н. 254, 262, 272
 Мандельштам А. Н. 7, 18—23, 28—30, 57, 59, 94, 96, 98, 110, 112, 120, 123, 128, 158, 159, 179, 256, 257, 316, 317
 Маннай-оол М. Х. 158, 178, 179, 182, 183, 185, 188, 194, 195, 265
 Маньков Ю. П. 122
 Маодунь (Модэ) 254, 271
 Маргулан А. Х. 35, 40, 130, 132, 194, 279
 Марков А. П. 162
 Марков Г. Е. 6, 21
 Марков Ю. Н. 236, 245
 Маркс К. 5
 Марсадоллов Л. С. 155, 156, 162, 164, 165, 317
 Мартынов А. И. 155, 159, 206, 209, 210, 213, 216, 220, 223, 225, 228, 230, 233, 235
 Мартынов Г. С. 74, 78
 Мартынова Г. С. 225, 233, 246
 Марущенко А. А. 23, 55, 57, 58, 121
 Маршак Б. И. 21
 Марьяшев А. Н. 138
 Массон В. М. 40, 51, 57, 58, 257
 Массон М. Е. 22
 Матвеев А. В. 160, 274, 275, 280, 299, 303, 304, 305
 Матвеева Г. И. 70
 Матвеева Н. П. 274—276, 285, 291, 298, 299, 303, 304, 305, 307
 Матвиенко В. Ф. 138
 Матющенко В. И. 36, 154, 300, 303, 305
 Медведская И. Н. 30, 41, 75, 103, 114, 117, 127, 134, 143, 289
 Мелюкова А. И. 59, 69, 317
 Медникова Э. М. 162
 Мерперт Н. Я. 254
 Мерцшиер М. С. 86, 102
 Мессершмидт Д. Г. 140, 161, 206, 247
 Миклашевская Н. Н. 86, 95
 Миклухо-Маклай Н. Н. 228
 Миллер Г. Ф. 140, 161, 206, 247

УКАЗАТЕЛИ

- ко М. К. 274, 283, 288
 яев С. С. 152, 159, 207, 234, 256—
 9, 261, 268, 269, 271, 273
 ра 15
 ридат I 16
 айлов Н. И. 140, 151
 ильников В. А. 156—160, 162,
 171, 254, 265, 274, 275, 291, 292,
 33, 296, 299, 300, 303—309, 311
 рынин В. П. 74, 79, 89, 91
 юдин В. И. 164, 291, 292, 301,
 308, 310
 юнов Н. Н. 247
 гайт А. Л. 70
 озов В. И. 297
 пивская В. И. 69, 292, 293, 303,
 305, 307
 цкова М. Г. 46, 56, 59, 60, 67—
 70, 125—127, 234, 288—291, 293,
 297, 309
 цуа 20
 цзаев Э. 10
 цков И. М. 302, 304
 цван Д. 273
 цекин Н. В. 230, 305, 310
 церов С. В. 162
 цхард А. А. 223
 цировская Е. А. 225
 цразик Е. Е. 21, 122
 цгородова Э. А. 166
 црмуханбетов Б. Н. 102, 105
 цльченко О. В. 22, 23, 29, 108—
 110, 120
 цлдуева Т. Г. 22, 28, 91, 93, 101,
 102
 цинникова Б. Б. 160, 293, 296
 цвесьян К. 51
 цладников А. П. 166, 179, 247, 249,
 250, 252—254, 256, 257, 264, 265,
 270
 цзбаев А. М. 35, 146, 279
 цазов А. 13
 цосий 16
 цроумов Н. П. 101
 цвлов П. Г. 227, 230
 цвлуцкий А. 247
 цвлас П. С. 161
 цвиль Е. Д. 154, 225, 227
 цвезозчиков И. В. 86
 цвршиц А. И. 37
 цвтр I 138, 161, 172, 174, 176
 цвгренок В. Г. 56, 70, 146, 279, 303,
 317
 цвгрин В. Т. 164
 цвгнатти В. Н. 292
 цвглишко В. Н. 57—59
 цвгиний 13, 129
 цвгожева А. П. 162
 цвгребова М. Н. 14
 цвдольский А. Г. 91
 цвдольский М. Л. 154, 225, 227, 230
 цвдольский Н. Л. 225, 230
 цвдзякова М. К. 284, 287
 цвдровская Н. Ф. 209
 цвдрий 16, 129
 цвдольсьмак Н. В. 160, 296, 298, 301,
 304, 306, 308—310
 цвдлорацкая В. Н. 156, 162, 197,
 221, 233
 цвдповий Мела 128, 317
 цвпов С. А. 194
 цвпапов Л. П. 151, 178, 307
 цвпемкина Т. М. 285, 287, 289, 290
 цвпахов А. А. 292
 цвпоскуряков П. С. 206
 цвполемей 17, 22, 25, 128, 129
 цвпаченкова Г. А. 52, 114
 цвпеницына М. Н. 152, 206, 207, 225,
 227, 228, 230, 231, 257, 310
 цвпшеничнюк А. Х. 283, 305
 цвпьянков И. В. 13—15, 46, 61, 18
 цвпэрлээ Х. 256, 258
 цвпяткин Б. Н. 225
 цвРадищев А. Н. 247
 цвРадлов В. В. 161, 170, 206, 224
 цвРаевский Д. С. 14, 26, 44, 45
 цвРанов В. А. 96
 цвРапопорт Ю. А. 47, 51, 116, 121, 124
 цвРахимов С. 92
 цвРябо К. 245
 цвРуденко С. И. 34, 43, 153, 155, 156,
 157, 161, 162, 164—166, 170, 174,
 177, 193, 199, 232, 256, 257, 259,
 262—268, 270—273
 цвРуднев Н. 62
 цвРумянцев Г. Н. 254
 цвРыгдылон Э. Р. 216, 233, 247
 цвРыков П. С. 130, 132
 цвСавельева Т. В. 78
 цвСавинов Д. Г. 157, 158, 162, 170, 194,
 197, 206, 225, 230, 256
 цвСаганашвили М. Н. 127
 цвСалтовская Е. Д. 23
 цвСальников К. В. 159, 274, 279, 280,
 282—289, 298, 301, 303, 306, 307,
 309, 311
 цвСамашев Э. С. 141, 145
 цвСан Хун-ян 259
 цвСарианиди В. И. 36, 51, 83, 316
 цвСасаниды 20
 цвСвинин В. В. 247
 цвСевастьянова Э. А. 206
 цвСедов А. В. 23, 30, 114
 цвСедых В. Н. 147, 225
 цвСелевк II 16, 316
 цвСелевкиды 16, 61, 316
 цвСеменов В. А. 154
 цвСеменов Л. Ф. 130
 цвСеменов Ю. И. 21
 цвСергеев А. С. 150
 цвСергеев Г. П. 161, 247
 цвСергеев С. М. 162
 цвСергеева Н. Ф. 221, 251, 253
 цвСергин В. Д. 162
 цвСеребряный Л. Ф. 11
 цвСимонов А. И. 62
 цвСимуков А. Д. 256
 цвСиницын И. В. 59, 69, 132
 цвСкалон К. М. 71
 цвСкрипкин А. С. 70
 цвСловцов И. Я. 274
 цвСмирнов Е. Т. 62
 цвСмирнов К. Ф. 37, 39, 44, 46, 56, 59,
 67, 69, 70, 97, 124, 127, 130, 282,
 289, 290, 292, 297, 300, 303, 309
 цвСмирнов Н. Г. 282, 306
 цвСоколова Э. П. 281
 цвСокольский Н. И. 60
 цвСолин 61
 цвСорокин С. С. 19, 23, 28, 36, 75, 91,
 93, 95, 96, 99, 104, 132, 142, 156,
 157, 162, 165, 171, 297
 цвСосновский Г. П. 159, 161, 165, 236,
 247—249, 251, 253, 256, 257, 258,
 262, 266, 268
 цвСпасская Е. Ю. 74
 цвСпитамен 15, 61
 цвСпицын А. А. 161, 274
 цвСтавинский Б. Я. 21, 22, 103
 цвСтамбульник Э. У. 179
 цвСтепанова Н. Ф. 157, 164
 цвСтефанов В. И. 280, 290, 292, 297,
 298
 цвСтоянов В. Е. 160, 274—277, 279—
 287, 289, 293, 298, 299, 305, 307,
 308
 цвСтрабон 15—17, 22, 60, 61, 122, 123,
 126, 128, 315, 316
 цвСтрелков А. С. 73
 цв2Струве В. В. 13, 15, 60, 61, 128
 цвСтупников Р. Н. 247, 249, 252
 цвСубботин А. В. 225
 цвСуйбу 272
 цвСунчугашев Я. И. 193, 221, 222, 244,
 245
 цвСуразаков А. С. 156—158, 162, 170
 цвСуханова Т. И. 297, 311
 цвСухбаатар Г. 273
 цвСым Цянь 254, 261, 271
 цвСыркина И. А. 297
 цвТалько-Грынцевич Ю. Д. 247, 255—
 257, 261, 266
 цвТаскин В. С. 157, 246, 259, 261, 264,
 267, 268, 270—273
 цвТацит 16
 цвТашбаева К. И. 75, 87
 цвТеплоухов С. А. 152—155, 161, 178,
 197, 206, 207, 213, 216, 225, 236,
 249, 256
 цвТереножкин А. И. 22, 39, 42, 44, 57,
 73, 81, 84, 101, 102
 цвТерехова Н. Н. 252
 цвТетерин Ю. В. 227, 230
 цвТиращян Г. А. 51
 цвТолмачев В. Я. 274, 288
 цвТолстов С. П. 18, 19, 22—25, 31, 34,
 36, 37, 39, 40, 41, 43, 47—56, 59—
 62, 64, 73, 101, 108, 116, 118, 121—
 123, 128, 135, 137, 300, 313
 цвТолстой И. 161
 цвТончева Г. 194
 цвТопоров В. Н. 45
 цвТревер К. В. 174, 256
 цвТрифонов Ю. И. 141, 227
 цвТрог Помпей 22
 цвТроицкая Т. Н. 156, 162, 279, 291,
 305, 310
 цвТрофимова Т. А. 14, 46, 85, 86, 95,
 98, 107, 116, 144, 145, 312
 цвТрудновская С. А. 40, 48, 52, 53, 55,
 59, 116, 121
 цвТруфанов А. Я. 160, 291
 цвТумэн Д. 235, 272, 273
 цвУваров Ф. А. 274
 цвУди 17
 цвУманский А. П. 157, 163, 305
 цвУмняков И. И. 17, 22
 цвУраков Б. 57
 цвУсманова З. И. 57
 цвФедоров Б. И. 220
 цвФедорова Н. В. 160, 293, 296
 цвФрейкин З. Г. 21
 цвФрейман А. А. 17
 цвФролов В. Н. 280, 283, 287
 цвФролов П. К. 140, 161
 цвХабдулина М. К. 283, 285, 287, 297,
 298, 306, 309
 цвХазанов А. М. 5, 69, 100, 105, 116,
 119, 120, 127, 297
 цвХамзина Е. А. 247, 253
 цвХлобыстин Л. П. 225
 цвХлобыстина М. Д. 153
 цвХлопин И. Н. 174
 цвХоджайов Т. К. 95, 106, 107, 122
 цвХороших П. П. 247
 цвХуань 272
 цвХудяков Ю. С. 152, 207, 244
 цвЦалкин В. И. 122
 цвЦешкин Е. А. 307
 цвЦзя И 271
 цвЦибукидзе Д. И. 22
 цвЦэвэндорж Д. 259, 262, 264
 цвЧариков А. А. 146
 цвЧебоксаров Н. Н. 6, 36, 312

- Чернецов В. Н. 160, 274, 279, 293, 302, 311
 Черников С. С. 5, 23, 25, 35, 43, 140—145, 148, 164, 279, 308
 Чеченов Н. М. 194
 Чжан-де-Хой 247
 Чжан Цянь 17, 18
 Чжичжы 19, 28, 148, 254
 Чингисхан 259
 Чиндина Л. А. 246
 Членова Н. Л. 7, 35, 41—43, 69, 97, 98, 136, 152—155, 162, 194, 207, 210, 214—220, 222—225, 231, 232, 249, 252, 253, 257, 280, 290, 292, 302
 Чугунов С. М. 292
 Чуланов Ю. Г. 92
- Шавкунов Э. В. 256, 258
 Шамсутдинов В. Х. 247
 Шемякина А. С. 162
 Шер Я. А. 75, 80, 89, 91, 206, 225, 230
 Шилов В. П. 5, 120, 256, 268
 Ширяев А. Г. 280, 281
 Шипкина Г. В. 55, 57, 58, 109
 Шишова М. А. 15
 Шорин А. Ф. 283, 289
 Шренк Л. 258
 Шульга П. И. 156
 Шульд В. А. 11
- Эдаков А. В. 60
 Эратосфен 15
 Эрдели И. 259
- Юрьев К. Б. 268
 Юстин 16, 17, 22, 316
 Юсупов Х. Ю. 12, 23, 116, 117, 120, 123—127
- Яблонский Л. Т. 62, 116, 119, 121, 313
 Ягодин В. Н. 23, 24, 121, 122
 Ядринцев Н. М. 151
 Яковенко Э. В. 59
- Яньчаочжань 17
 Яценко И. В. 45
- Altheim F. 254
 Andersson J. G. 259, 267
 Appelgren-Kivalo H. 216, 219, 220
 Arne T. Y. 161
- Bailey H. W. 14
 Bernard D. 57, 114
 Behr A. 15, 17
 Boardman S. 173
 Borovka G. 161
- Castren M. A. 273
- Dalton O. M. 305
 Davydova A. V. 199, 231, 232, 246, 256—259, 263—266, 268, 270
 Deguignes J. 254
 Doerfer G. 159, 273
 Dorjusüren C. 259
 Dunker H. 15
- Egami Namio 267
 Erdelyi I. 259
- Francovich G. de 51
- Gardin J. C. 57
 Ghirshman R. 42
 Gorbunova N. G. 23, 26
 Govern Mc 18, 19, 254
 Grjasnov M. P. 159, 235
 Gutschmid A. 25, 61
- Itina M. A. 37
- Heikel A. 274, 289, 292
 Henning W. B. 15
 Herzfeld E. 43, 60, 61
 Herrmann A. 13—15, 61
 Hirth F. 19
 Hulswé A. F. P. 18, 19
- Jettmar K. 159
 Jetts W. P. 69
 Junge J. 13—15, 60
- Kahrstedt U. 16
 Kelm H. 228
 Kent R. J. 15, 61
 Kenyon K. 228
 Korenevskij S. N. 68
- Ligeti L. 273
- Maenchen-Helfen O. 159, 224, 254
 Mamonova N. N. 68
 Merhart C. 209, 252
- Navan D. 259
 Novgorodova E. A. 68
 Nyberg H. S. 60
- Pulleyblank E. G. 18, 20, 273
- Rau P. 69
 Ramstedt M. G. 273
 Rostovcev M. 69
- Salmony A. 259, 267, 290
 Schlumberger D. 57
 Schmidt E. F. 51, 305
- Tallgren A. M. 225
 Tarn W. W. 18—20
 Tshlenova N. 218
 Toth T. 272, 273
 Trever K. 256
- Umehara S. 256
- Volkov V. V. 68
- Witsen N. 161
 Wolski J. 16
- Zakharov A. A. 161

Указатель географических и этнических названий

- Абакан 211, 230, 236, 256, 271
 Абакан, курганы 208, 238, 255
 Абакан, р. 151, 246
 Абаканская управа 208, 238
 Абаканский хребет 150
 Абатское 294, 296, 302, 307
 Абдулино 296
 Абралы 138
 Абрамовское городище 293, 294
 Агалысайский могильник 108
 Агафирсы 317
 Агинская степь 247, 251
 Агинская управа 248
 Агинское, погребение 255, 257, 259
 Агиньш 128
 Агриппии 140
 Агрын 195
 Адаевский уезд 121
 Адыр-Кан 163
 Аёшина 208
 Азия 19, 20, 44, 150, 246
 Ай, р. 283
 Айгырджал 74, 84
 Айдабуль II 133, 134, 136
 Айдынкуль 97
 Аймырлыг 180, 183, 185, 188, 197, 198, 200, 201, 255
 Айрыдаш 157, 171
 Айсное 284
 Ай-Ханум 57, 114
 Акбентский могильник 88, 95—99
 Ак-Булак 131
 Акджартепинский могильник 108
 Ак-Кем 157, 163
 Ак-курган 32
 Акмолинская обл. 130
 Аксай 108, 131
 Аксу, р. 96
 Аксу-Аюлы, р. 131
 Актамский могильник 56, 59
 Актав 74, 85
 Актасы 85
 Актау 294, 296—298, 306
 Акташ 157
 Актете 91
 Актобе 88, 105
 Актобе 2 (Чардара) 68, 74, 86, 105
 Акчадарья, р. 11, 47
 Акчадарьинская дельта 11, 36
 Акчегелин 121
 Акчий-Карасу 88, 93
 Акшикур 131
 Акяйла I 124
 Алайская долина 21, 93
 Ала-Бук, р. 79
 Алагаил 157, 163
 Алагоу 14
 Алай 23, 24, 27, 73, 89, 92
 Алайская долина 25, 85, 89
 Ала-Куль 140
 Алакульская впадина (долина) 140, 142
 Аламедин 73, 74, 84
 Аламышик 27, 79
 Алан 248
 Алды-Бель 143, 179, 180, 183
 Алейская степь 161, 162
 Александровка 248, 249
 Алексеевский могильник 35, 131
 Алексеевское поселение 35
 Аличур, р. 96
 Аличур I 99
 Аличур II 88, 97, 98
 Алма-Ата 23, 76, 77, 78, 82
 Алмаатинская обл. 73, 130
 Алма-Аты клады 74
 Алмаллу 88, 90
 Алтае-Саянское нагорье 269
 Алтай 5, 7, 8, 26, 34, 42, 44, 46, 67, 76, 77, 96, 97, 115, 134—136, 140—143, 145, 150—152, 155—158, 161—177, 179, 183, 193—195, 213, 215, 216, 221, 223, 248, 249, 252, 256, 264, 266, 267, 305, 308, 310, 312, 313, 316—318
 Алтайская ландшафтная область 140
 Алтайский горный округ 161
 Алтайцы 151
 Алферовский 157, 163, 166
 Алыб 32
 Амударьинский клад 305
 Амударья, р. 10—12, 15, 17, 21, 24, 25, 35, 40, 46—48, 61, 101, 107, 110, 116, 117, 122—124, 128, 313
 Амур, р. 258
 Анастасьин клад 248
 Анаш 208, 238
 Ангрениские склепы 106
 Ангрениское плато 21
 Андреевский курган 294, 307
 Андреевское I, III 297
 Андреевское озеро VIII 296
 Андреевского озера остров 296
 Андреевского озера I северный берег 296
 Андреевского озера южный берег 296
 Антипиха 250
 Аньси 17
 Аньян 153
 Апартак 88
 Апасиаки 16, 25, 61, 128, 129, 312, 316
 Апкашева улус, писаницы 219
 Арагол 157, 163, 166, 167
 Ара-Киреть 252
 Аракс 12, 14, 60, 128
 Ара-Цаокуй 248
 Арга 150
 Аргалыкты 180
 Аргунь, р. 247
 Аргут 163
 Аргут I 157
 Аржан, курган 7, 26, 39, 43, 44, 75, 76, 141, 156, 158, 159, 165, 178, 180—183, 194, 195, 317, 318
 Аримаспы 140
 Артын 294
 Аруктауский могильник 108, 112, 114
 Архангайский аймак 258
 Архангельское 276, 295
 Аршак 248
 Арьсь, р. 68, 105
 Аральское море 12, 21, 31, 61, 316
 Аральская впадина 11
 Арасаи I, II 142
 Арин-берда 51
 Аристовул 12
 Ария 15, 16
 Армения 51
 Арпа 23
 Аршан-ам 255
 Асар 51, 54, 55, 59, 60
 Асии 17, 316
 Аскировка 208
 Аскыровский клад 226, 230, 231, 233
 Ассак 16
 Астаузна 16
 Аталык 108
 Атамановка 180
 Атасу, р. 138
 Атрек 16
 Атика 175
 Аугасии 25
 Афаджиклар 126
 Афанасьева гора 208, 227
 Афганистан 17, 35, 114, 304, 316
 Афрасиаб 55, 57, 58, 109
 Ахангаран, р. 92, 106
 Ахангаран, район 22, 106,
 Ахемендский Иран 166, 173, 174, 214, 223
 Ахемендское государство 7 14, 51, 55, 58, 60, 61, 314
 Ачаирское городище 294, 306
 Ачикуль 284
 Ачинско-Маринская лесостепь 159
 Ашутас-Булак 163
 Ащисай, р. 131
 Аягуз, р. 140, 141
 Бабашовский могильник 108, 110, 114, 123
 Бабиш-Мулла 32, 47, 59
 Бабиш-Мулла 1 48—52, 54, 55, 59, 60, 314
 Бабиш-Мулла 2 49—53, 55, 59, 60
 Бабиш-Мулла 6 55
 Бабиш-муллинский оазис 48
 Багаулзейт 255
 Баданка 180
 Баданка IV 143
 Баин-Хара 252
 Байтовское городище 276, 278—280
 Бай-Даг 180, 197—200, 255—257, 259
 Байдэн 271
 Байкал 150, 224, 250
 Бай-Сют, р. 193
 Байте I—III 315
 Бакланские курганы 292
 Бактрия 17, 20, 23, 24, 29, 30, 35, 51, 52, 60, 94, 107, 110, 112, 114, 129, 316
 Бактрийцы 14
 Балаишем 108, 124
 Баландино II, IV 294
 Баландинский оазис 48
 Баланды, урочище 50, 52
 Баланды, городище 47, 51, 56
 Баланды 1 48, 50, 52, 55, 60
 Баланды 2 51, 54, 59
 Баланды 3 54
 Баланды 4, могильник 52, 55
 Балгазин 180
 Балханские горы 122
 Балхаш 21
 Балхский оазис 52
 Бальзино 248, 250
 Балык-гыюл 157, 163, 171
 Бальды 249
 Бараба 160, 296, 298, 299, 304, 308—311
 Барабинск (оз. Бугристое) 294
 Барабинская лесостепь 293, 296, 310

- Барактам 32
 Бар-Бургазы 157, 162, 163
 Баргай 255
 Барино 277
 Барнаул 156, 161
 Барскоон 80
 Барскоонский клад 74
 Барскоонский комплекс 80
 Барсучиха 208, 225, 227, 236, 238
 Барс-хот II 255
 Барун-дорогийн-хэрэм 255
 Барун-Кондуй 248, 251
 Барун-Хайрхан 255
 Бархатово 280, 284
 Бархатово I, II 277
 Батаково 294
 Батеневский кряж 151
 Баткен 88, 91
 Баткенская долина 91
 Батценгель сомон 25, 267
 Баты 141, 144, 1635
 Башадар 156, 157, 162, 163, 166, 167, 169, 207, 317
 Башадар I 175
 Башадар II 169
 Башкирия 283, 309
 Баянаульские горы 138
 Баян-Булак 255, 271
 Баянкольчик, р. 197
 Баянкольчик 255
 Баян-Хара 255
 Бегазы 131
 Беговат 91
 Бегре 180
 Бедаик-асар см. Джеты-асар 2
 Бедиг-Хорум 180
 Безмянное II 294
 Бейка 238
 Беклемишево 253
 Белое 278, 284
 Белый Бом 163
 Белый Бом II 157, 171
 Белый Июс, р. 237, 244
 Белый Яр 278
 Белый Яр XII, XIII 284, 294
 Бельковское I, II 277
 Бельтыры 208
 Березки II 278
 Березки V 283—290
 Берель, р. 156
 Берель I 169
 Берельский курган 27, 140, 157, 161—164, 169, 171—175
 Береш 209, 227
 Берешские склепы 225
 Бергилька см. Сумкино
 Берккара 88
 Берккара I 23, 27, 102—104, 106
 Берккара II 104, 107
 Берлик 305
 Бес-оба 130, 131
 Бессоново I 278
 Бестюбе 139
 Бесшатырские курганы 23, 25, 29, 39, 74, 77, 78, 131, 143, 314, 315
 Бетпак-Дала 130, 138
 Бешкильская слобода 277
 Бештамкала 12
 Бешаул 294
 Биджа 208
 Биже, р. 76
 Биже 74, 76, 77, 159
 Бийск 161
 Билы 224
 Битые Горки, городище, могильник 291, 292, 294, 306, 307
 Битянь 19
 Бичикту-Бом (Дьяны-Дьел) 163
 Бишкентская долина 112, 114, 115
 Ближние Елбаы 162
 Ближний Восток 215
 Ближняя Ольховка 284
 Боборыкино II. IV, V 278, 284, 295
 Богдановка (Богданово, Богдановское), поселение 297, 298, 301, 302, 305—308
 Богданово I—IV, поселение 294
 Богдановка I, III, могильник 284, 299, 301—305, 309, 310
 Богдановка II, могильник 293, 303
 Богдановка IV, могильник 297
 Богочаново 291, 294
 Бодончингол 255, 256, 261, 267
 Большая Боярская писаница 210, 219, 230, 235
 Большая Притань 294
 Большая Речка 162, 177
 Большедубское 296
 Большие Балханы 123, 128, 129
 Большие Скалы 163
 Большие Юечжи 18
 Большое Ильинское городище 284
 Большое Казахбаевское городище 285, 286
 Большое Кулачы селище 294
 Большое Мыльвиковское городище 284, 286
 Большое Сигрякское городище 284
 Большое Чебачье озеро 130
 Большое Чебачье озеро, погребение 131, 132, 136
 Большой Барандат 209, 215
 Большой Еломан 163
 Большой Косоголь 230
 Большой Ошколь 245
 Большой Салбыкский курган 213, 223
 Большой Тесинский курган 225—228, 231, 232
 Большой Уйбатский курган 225—228, 231, 232
 Большой Чуйский канал 73, 77, 78
 Большой Чуланкуль 294
 Большой Яломан 157
 Боргой-Сельгир 252
 Борижарский могильник 88, 105
 Борки I, II, Па 275, 294, 296, 298
 Боркорбаз 88, 91
 Боровая 279
 Боровлянка 3 284, 294
 Боровое озеро 130, 137
 Боровое, могильник 35, 284, 294
 Боровое (Шляпина), селище 276, 280, 281, 283
 Боровушенское 276
 Боротал 163
 Боротал I—III 157
 Бос-Тектир 88
 Ботакара 131, 132
 Ботники I 295
 Ботники II 275, 276, 284, 295
 Ботники III 284, 308
 Бочанцево 277
 Бош-Даг 180
 Боярские писаницы 208, 220, 226, 230
 Боярские писаницы, городище 209
 Бояры 210
 Брагина 208, 213
 Бугулы 131
 Бузачи 129
 Бузунова 208
 Булаганск 248
 Булак-Баши 91
 Булан-Кобы 157, 171
 Булганский аймак 258
 Буранинский могильник 26, 74, 82, 103
 Буранинско-Каракольские курганы 22
 Бураты 163
 Бураты I, IV 157
 Бурдун 255, 257
 Буренинский караул 249
 Бурен-Хем, р. 193
 Бурхийн-дэрвэлжон 255
 Бурчмулла 88, 103
 Бурятия 254, 257
 Буряты 253
 Бусыгино 248
 Бутентаукала I, II 121, 122, 313
 Бухара 19, 47
 Бухарский оазис 106, 107, 109
 Бухарский Согд 57
 Бухтарма, р. 140, 142, 165
 Бызово 277, 278
 Былкылдак 131
 Быстрая 238
 Быстрая I 238
 Быстрая II 208
 Быстровка 296
 Быстрианский могильник 157, 161, 162, 296
 Вавилонка 136, 163
 Вагай, р. 296
 Вагина 284
 Ваньгун 255, 273
 Варакосово 294
 Ваши, р. 110, 112
 Вдовино 294
 Великий пояс степей 45, 76
 Венгерова 294, 309
 Венгрия 273
 Верх-Ингалинское 277, 284
 Верхнее Приобье 161, 162
 Верхнее Аксеново 294
 Верхне-Килгантуйский могильник 248
 Верхний Бор 277, 296
 Верхний Суэгук 208
 Вишневка 294
 Внутренний Тянь-Шань 79
 Внутренняя Монголия 159, 259
 Вознесенское городище 293, 294, 301, 305
 Волга, р. 10
 Воробьевский могильник 276, 290, 308
 Воробьевский I могильник 278, 280, 284, 285, 290, 295
 Воробьевский II могильник 284, 286
 Воробьевское городище 278—287, 290
 Ворух 88, 91
 Восточная Азия 81
 Восточная Европа 7, 120, 251, 254, 307
 Восточная Сибирь 5, 170
 Восточное Средиземноморье 94
 Восточно-Казахстанская обл. 140
 Восточно-Тувинское нагорье 151
 Восточные Каракумы 10
 Восточный Казахстан 5, 22, 23, 25, 35, 43, 45, 134, 135, 140—142, 145—148, 156, 162, 165, 194, 195, 216, 219, 223
 Восточный Саян 150
 Восточный Туркестан 25, 26, 91, 94, 120
 Вревский могильник 105
 Высокая Грива 277, 278
 Высокая Могила 75, 76
 Гагары 284, 287
 Газылгыгум 123
 Галактионова 208
 Гандары 14
 Ганьсу 17, 260
 Гаофу 17
 Гараалемсай 123
 Гараулдепе 126, 129
 Гараязы 3 124
 Гек-Даг 2 124
 Гелочи 224
 Георгиевка 294
 Георгиевская гора 208, 238
 Герендак 248
 Ги 19

- Гибинь 17, 99
 Гиндукуш 14
 Гиркания 15, 16, 20, 129, 316
 Гирканское море 60, 128
 Гладунино 276, 294
 Глубокое 277
 Глухониколаевка (Полтавка) 294
 Глядены 278
 Гоби 250, 254
 Гол-мод 261
 Голодная степь 21
 Гольшево 277
 Горбуново I 310
 Гор-и Муг 91
 Горки I, II 294
 Горная Бития I—III 294, 297, 298, 300
 Горно-Алтайск 156, 162, 165
 Горный Алтай 10, 14, 25, 155—157, 165, 195, 207, 218, 222, 223, 269, 273
 Городок 277
 Горохово (Чудаки) 283—288, 291, 306, 307, 308, 311
 Горькое озеро 208, 236, 238
 Греко-Бактрийское царство 7, 17, 29, 81, 100, 107, 173, 174, 316
 Греция 166, 167
 Гришкин лог VI, VIII 210, 213
 Гуа-дов 255
 Губино 276
 Гуджир-Мыге 255, 259
 Гуйшуань 17
 Гумерово 284
 Гуины 28, 85, 86, 89, 159, 254, 255
 Гурмирон 88, 92—94
 Гусиное озеро 252
 Гуцино 294
 Гызылчешме 123
 Гяньгуни 237, 246
 Гаур 3, поселение 118
 Гаур 4, могильник 120
 Гаургыр 119
 Гауркала 1 118, 122
 Гауркала 2 122
- Давань 18—20, 81, 101, 107
 Давыдово 296
 Даган-Тэли 180
 Даи (даги) 61, 128
 Далматово 278, 284, 294
 Дальверзинтепе 114
 Дальнее Багарьяское 278
 Дальний Восток 69, 256, 258, 259
 Дальняя Чей 238
 Дандыбай, могильник 131, 137
 Дандыбай, урочище 130, 132
 Дарасун 248
 Дарат 131
 Дараут-Курганское поселение 74, 85
 Дароо-Коргон 93
 Дарханский могильник 255, 257, 259, 272
 Дарьялык, р. 121
 Дася 17, 99
 Даудан, р. 12, 122
 Дахи 7, 15, 16, 60, 128, 312, 316
 Даштык-шел 180
 Дворцы 248, 249, 252
 Дегелен 138
 Дегтярева, городище 278
 Дербики 128, 129
 Деревенская гора 248
 Деслодзиновка 294
 Джал-Арык 87, 88
 Джал-Арык II 87, 88
 Джалпак-таш 88
 Джалпактобе 88
 Джамбульская обл. 130, 143
 Джанак Чанак 108, 124
 Джанбаскала 51
 Джанишке, р. 131
- Джаныш-Булак 88—90
 Джарбулак 141, 142
 Джаргаланты 195, 255
 Джаргата 88
 Джаргелан, р. 83
 Джаргас III 145
 Джезказган, в 20 км к юго-востоку 131
 Джели-Тюбе 83
 Джергес 27, 74, 83
 Джертетал 27, 74, 79
 Джесос 238
 Джеты-асар, урочище 32
 Джеты-асар 1 61
 Джеты-асар 2 (Бедаик-асар) 32, 62—64, 69
 Джеты-асар 3 (Алтын-асар) 62, 93
 Джеты-асар 9 62
 Джеты-асар 12 (Томпак-асар) 12, 32, 63—66, 69, 70, 71, 72
 Джетыасарские памятники 61
 Джетыасарский оазис 68
 Джетыасарское урочище 66, 72
 Джидда, р. 253, 254, 257, 258, 269
 Дюевое озеро 209
 Джувантобе 74, 76, 77
 Джун 101
 Джунгария 14, 246
 Джунгарские ворота 159
 Джунгарский Алатау 10
 Джунский могильник 22, 101
 Джусалы 50
 Динлины 196, 246, 254
 Добруджа 194
 Додо-Евхор 248
 Долговские курганы 283, 292, 295
 Домбаул 131
 Домолак-асар 32
 Дон, р. 317
 Дордуль 108, 123, 125, 126, 128, 315
 Дордуль 1 124
 Дордуль 7 125
 Дордуль 10 124
 Дордуль 14 125
 Древний Восток 51
 Дубровка 157
 Дуван I 296, 301
 Дуван II 296, 298, 301, 307
 Дуван VI 296
 Дужерлиг-Ховузу 180
 Дулаг-уул 255, 262
 Дулас, р. 19
 Дульдурга 248
 Думная Гора 208, 238
 Дунай, р. 164, 173
 Дунсухао 273
 Дунху 254
 Дунсухао 255
 Дурбулжин сомон 255
 Дурены 256—259, 268, 269
 Дурены I, II 255
 Дурулгай 248
 Духовое 278
 Дэв-кескен 121, 313
 Дэлгерцогт 255
 Дэрсустыйский могильник 232, 255—257, 259—261, 263, 265, 269
 Дүйсен-Булак 131
- Евразия 10, 13, 26, 37, 75, 83, 90, 98, 101, 103, 107, 114, 118, 133, 146, 148, 152, 158, 162, 164, 169, 179, 220, 222, 228, 249, 290, 292
 Европа 159, 200
 Египет 166
 Егис-Койгас 132
 Елангаш 157, 163
 Елесина яма 284, 286, 288, 311
 Ело 157
 Елькендепе 55, 57, 58
 Еманжеливск 284
 Емельяново 209
- Енисей, р. 144, 147, 151—153, 155, 170, 177, 179, 197, 200, 212, 220, 223, 224, 229—236, 245, 246
 Евхор, р. 258
 Евхор, поселение 255, 259
 Енысей, гора 248
 Еравнинское озеро 248
 Ерейментау 131
 Ерозино 284
 Есаульский клад 209
 Есаульское 209, 213
 Есинская МТС 226, 238
 Ескидарьялык, р. 12
 Ефимово 294, 296
 Ефремкино I 210, 238
- Жалгизуирокколь см. Юстыд
 Жаман-Тогай 83, 103—105, 107
 Жаныдарья, р. 12, 25, 31, 32, 47—49, 51, 52, 56, 61, 72
 Жаныдарьинский бассейн 72
 Жаргас 163
 Жарты-Гумбез 88
 Жеблахты 238
 Жилияково 294
 Жол-Кудук 133, 136, 140
 Жомпак-асар 32
 Жосалы 139
 Жужани 18
- Забайкалье 5, 8, 150, 151, 159, 173, 194, 195, 197, 199, 220, 231—235, 246, 247, 249, 250, 252—260, 263, 265, 266, 268—272, 274, 303
 Забалханье 128
 Заворохино I, II 277, 294
 Завьялово I, 5 279
 Заготзерно (Кокорева) 208
 Заилыйский Алатау 77, 78, 82
 Зайсан 141
 Закавказье 126, 127
 Закаменский клад 251—253
 Закаспий 13, 15, 29, 60, 123, 127, 129
 Закоулово 276, 278, 284
 Замараево 284, 288, 289
 Замараевское погребение 35
 Западная Сибирь 5, 69, 142, 150, 151, 159, 160, 214, 224, 235, 245, 254, 257, 264, 274, 283, 289, 292, 293, 303, 306—313, 318
 Западно-Сибирская низменность 10, 150, 161
 Западный Казахстан 11, 21, 35, 59, 80
 Западный Саян 150, 161, 221
 Затеченское 276, 278, 284
 Заузбойское плато 123, 125, 126—128
 Заунгузские Каракумы 116, 121, 122, 313
 Зауралье 5, 275, 277, 279, 280, 282, 283, 285—287, 289—291, 293, 308, 309, 312, 313, 318
 Зауральско-Западносибирская лесостепь 150
 Захламино 294
 Звериноголовское 278
 Звериноголовское V, VI 277, 278
 Зевакинский могильник 141, 143—145
 Зенгибаба I 124
 Зеравшан, р. 11, 19
 Зеренда 131
 Зивие 43
 Змукт, могильник 99
 Знаменка 220, 227
 Знаменский клад 230, 232, 233
 Знаменское городище 209, 230
 Зоркуль 96
 Зотинское II, городище 276, 282
 Зубовка 180, 183
 Зубчатое 284
 Зыковский клад 209

- Ивановка 294
 Ивановка II 294
 Иволгинское городище 231, 232, 255—258, 263—266, 268—272
 Иволгинский камень 248, 252
 Иволгинский могильник 232, 255, 257—261, 263, 264, 269, 272
 Игдыкала 108, 128
 Игнатевка Новосибирской обл. 294
 Игнатевка Омской обл. 294
 Иджир 180
 Идэргол, могильник 255, 259, 262, 267
 Изылбаш 294
 Иерихон 228
 Измайловка 141, 143, 163
 Изыкчуль 208, 223
 Изыкчуль II 210
 Изыхский чаатас 232, 233, 237, 238
 Ий 180
 Или, р. 12, 18, 21, 23, 27, 73, 74, 76, 78, 81, 82, 84, 85, 89, 308
 Илийск 78
 Илим 248
 Ильинское 294, 238
 Ильмовая падь 255—257, 259, 261, 262, 264—269
 Ильтяково 278, 284, 286
 Имантау 138
 Инберень I 294
 Инберень IV 290, 297, 298, 305, 306
 Инберень VI 292
 Ингалинка 284, 295
 Ингалинский борок 275, 276, 295
 Ингода 248
 Индия 13, 17, 25, 36, 91, 94, 99, 304
 Инкардаря, р. 25, 31, 36, 47, 52, 56
 Инкардарьинские русла 12, 31
 Иня 171
 Ипатовское 284
 Ишкуль 297
 Инкуль I, IV, XIII 296
 Ишкуль XV 311
 Ир 294
 Иран 13, 20, 117, 126, 168, 292, 313, 315
 Ирбисту 157
 Иркутск 251
 Ирский некрополь 298
 Иртыш, р. 140—144, 148, 150, 161, 224, 274, 275, 292, 293, 296, 297, 299, 301, 305, 306, 308, 309, 311
 Иртышское 294
 Иртяш 284
 Исаковна 284, 294, 297, 298, 302, 304
 Исеть, р. 274, 275, 279, 280, 282, 283, 285, 286, 291, 293, 296, 308—311
 Исседоны 15, 140
 Иссык, р. 78, 314
 Иссык, курган 23, 26, 30, 74, 77, 78, 80, 143, 147, 314, 315
 Иссыкские клады 74
 Иссык-Куль 11, 21—23, 73, 74, 76, 79, 82, 85, 89, 134, 216
 Иссык-Кульская котловина 83, 89
 Истокский курган 283, 284, 286, 295
 Истык, р. 96
 Исфара, р. 91
 Исфаринский могильник 22, 88
 Иткульское городище 279, 280
 Иткуль I 310
 Ихерик 248, 249, 251, 257
 Ичянылдепе 108, 123, 125—127, 129, 315
 Ишим, р. 130, 150, 279, 283, 291, 293, 296, 299, 300, 308, 309, 311
 Ишкашим, р. 96
 Каат-Хавак II 201
 Каа-Хем 269
 Кабул 17
 Кабулкала (Чагырлы) 32, 47, 50
 Кавказ 21, 24, 101, 222
 Кадзыро 284
 Казахстан 5, 8, 9, 11—13, 21—27, 30, 35, 41, 42, 46, 69, 73—75, 77, 102, 104, 118, 129, 130, 133—136, 140, 146, 147, 151, 153, 155, 158, 159, 167, 212—214, 218—220, 223, 224, 246, 249, 252, 254, 279, 289, 291, 292, 301—303, 311, 318
 Каиркуль 294
 Кайрагач, поселение 95
 Кайрагач, могильник 88, 91—93
 Кайрак, могильник 88
 Каладжикбаба 122
 Калалыгыр I 117, 121, 314
 Калалыгыр 2 121
 Калантархона 88
 Калачевка I, II 292—294
 Калачик 295
 Калимынищзун 255, 259
 Калинино 277, 278
 Калиновка 248, 249
 Калкансайский могильник 108, 109
 Калмацкий бугор 277
 Калугино 277, 294
 Калы 226, 231
 Калымак-Крылган 138
 Кальта-Тур 97
 Каменка, клад 74
 Каменка, могильник 208, 229, 230, 234, 235
 Каменка III, V 227
 Каменогорское 278
 Камышинка 141, 143
 Камышное 294
 Камышное II 278, 284, 294
 Камышта 238
 Канай 141, 163
 Канатгас 131, 134
 Канга 2 118
 Кангакала 121, 122, 313
 Кангил 248
 Кангха 19
 Кангой (Кацкой) 18—20, 25, 81, 101, 102, 104—107, 246
 Кангойцы 19, 93, 101
 Канск 209
 Кантегир, р. 221
 Каплангыр 108, 123
 Капчалы 208
 Капчеранка 248
 Капчигай III 81
 Кара-асар 32
 Кара-Балта 85
 Кара-Балта, поселение 74, 84
 Карабалты 74
 Кара-Баян 250, 254
 Карабие, могильник 132
 Карабие, урочище 132
 Карабулак, могильник 88, 91, 94, 95
 Карабулак, поселение 91
 Караганда 130
 Карагандинская обл. 130, 131
 Карагодеуашх 173
 Кара-Гуджур, р. 79
 Карагужево 276, 295
 Кара-Даг 180, 200
 Кара-Даг II 197
 Карадаря, р. 21
 Кара-Даш 203
 Караджар 88
 Кара-Дюргун 163
 Карак-асар 32, 71
 Кара-Коба 157, 163
 Кара-Коба II 171
 Каракалинск 137
 Каракольский курган 157, 161, 163, 170
 Каракольский могильник 25, 170
 Кара-Кургун 208
 Каракумы 10, 25
 Кара-Мазар 92
 Карамуйнак 88, 91
 Карамурун I 131, 133, 138
 Карамурун II 134, 139
 Карасу I 171
 Карасу II 157
 Карасу, р. 89
 Кара-Суг 255, 256, 269
 Карасук 197
 Карасук, р. 154
 Карасук, могильники 225, 228, 229, 294
 Карасук V, IX 227
 Каратал, р. 73, 83
 Каратал, с. 130
 Каратау, хребт 21, 23, 24, 26, 27, 92, 102—104, 107
 Кара-Тенеш 157, 163
 Караульская пещера 209
 Караульный Яр 277, 295
 Карачоко 23
 Караша 74, 83
 Караша 2 76
 Карашат III 145
 Каргалинский комплекс 74
 Каргалинское погребение 82
 Каргалинское ущелье 82
 Каргалы, курганы 23, 74, 76, 131
 Каргановское городище 294, 297, 306, 307
 Каргат 4 294, 310
 Карлуга I 275—277, 294
 Карлык 163
 Карналино 284
 Карташово 294, 297, 298, 307
 Карташово I 294, 309
 Карташово II 294, 303, 305, 307, 309
 Картовь I—II 294
 Карымская 209
 Карьковское поселение 279
 Касансай, р. 92
 Касвир 88, 99
 Каспапир 14
 Каспи 14
 Каспийское море 10—12, 14, 15, 25, 60, 122, 123, 128, 129
 Кастахта 157
 Китайский II могильник 284, 290
 Китайское селище 283, 284, 286
 Каталаунские поля 254
 Катанда 26, 27, 157, 163, 169
 Катанда I 171
 Катандинский курган 161, 162, 164, 170, 173
 Катон-Карагай (Катонский) 157, 162, 163
 Катта Килкисай 88
 Катунь, р. 156, 162, 165
 Каунчи 101, 102, 106
 Кафирниган, р. 112
 Кашинское селище 277, 296, 310
 Кашкардаря, р. 19
 Кашмир 17
 Келесская степь 93
 Келермесский курган 43
 Келькор, озеро 12, 85, 108, 123, 126, 127, 128
 Келькор 2, могильник 128
 Кемальский могильник 125
 Кемеровская обл. 209, 212, 224, 236, 244—246
 Кенгир, р. 131
 Кенес 283, 285, 287, 290, 309
 Кенкольский могильник 23, 28, 73—75, 85—87, 90, 92, 93, 101, 105, 107
 Кенсай 88, 104, 107
 Кер-Кечу 157
 Керулен, р. 258
 Кескен-Каукала 25
 Кескен-Куюккала 32
 Кетмень-Тюбе 21, 24—29, 87, 89, 90, 92, 106
 Кыл-Арай 131

- Кызылбиит 131
 Кызылауз 74
 Кызылауз 1 78, 81
 Кызыл-Кайнартобе 86
 Кызыл-Орда 31, 102
 Кызыл-Ординская обл. 31
 Кызылтепе 54, 55
 Кидариты 20
 Кызыл-Арват 125
 Кызылтепе 108
 Книксу 131, 134
 Книш 294
 Киргизия 13, 23, 73, 75, 80, 84, 86, 194, 314
 Киргизский Алатау 76, 83
 Киргизский хребет 74
 Киргизы 256
 Кишовка I 294
 Китай 8, 17, 18, 20, 26, 28, 81, 91, 94, 104, 148, 166, 245, 246, 254, 257—260, 268, 271, 317
 Китайская стена 173
 Ключевское 288
 Кобадиянский оазис 112
 Когалы I 143
 Козлов мыс 296
 Козловский могильник 294, 311
 Койбалы 238
 Койбальская степь 151
 Койбашка 163
 Кой-Крылганкала 122
 Коймат 108
 Койсайгон 131
 Кокдомбак 131
 Коккумский могильник 108, 112, 114
 Кок-Мордан 88
 Коконовские курганы 274, 293, 294, 303
 Коконовское поселение 294, 298, 305, 306
 Кок-Паш 171
 Коксу 157, 162, 163
 Коксу I 166
 Коктал, р. 131
 Кок-Таш 93
 Кок-Терек 141, 146
 Коктул 59
 Коктюль 295
 Кокуй 295
 Кокуй II 294
 Кокуйбель, р. 96
 Кокчетав 134
 Кокчетавская обл. 130, 133
 Кокэль 184, 200
 Кокэль II 202
 Колово 295
 Комаркова-Песчаная 237, 238, 240, 245
 Комсомольский залив (Мертвый Култук) 129
 Копяшино 296
 Коо I 171
 Копай 157, 162
 Копетдаг 10, 11, 117, 123, 128
 Копенский чаатас 177
 Копьева 208, 222
 Коралы-асар 32
 Корея 69
 Коркино 209, 276, 284, 295
 Коркино VI 295
 Коровяковское 284
 Косогольский клад 226, 230, 232, 234, 305, 310
 Котужеково 238
 Котуркуль 131
 Кочергино 222
 Кошкарагай II 294
 Коштал I 157
 Кош-Этер 88, 89
 Коянды 131
 Коянкала 32
 Красная Грива 238
 Краснодарский полуостров 127
 Красногорский Борск 295
 Красногорское городище 280, 295, 296
 Красногорское, курган 284, 287, 295, 296, 299, 302, 303, 308
 Красноозерка 296
 Красноярск 209, 212, 224, 249, 251
 Красноярский могильник 227, 229, 294, 300, 301, 305, 310
 Красноярский район 209
 Красноярское водохранилище 154
 Красный Камень, городище, селище 278
 Крестик 238
 Кривинское 208, 238
 Крупянка 294
 Крутиха 284
 Крутоярка 294
 Крым 194
 Крымская падь 253
 Ксиров 114
 Кубань 156
 Кувандарья, р. 25, 50, 61
 Кудыргэ 177
 Кузнецко-Салаирская область 150
 Куйбышев 293
 Куйлуг-Хем 180, 183
 Кула-Журга 141, 144, 145, 146, 163
 Кулувдинская степь 161, 162
 Куль-Ата, могильник 88, 107
 Куль-Ата, городище 106
 Куль-оба, курган 173
 Култстан 210
 Кум-Арык, могильник 74, 75
 Кум-Арык, поселение 95
 Кум-себшен 123
 Кумуртук 163
 Кувгайский могильник 87
 Кункур 250
 Куны-Уаз 117
 Курай 161, 163
 Курал III, V 157
 Куран II 201
 Курган 284, 294, 304
 Курганкала 121
 Курганская обл. 283, 309
 Курганское 294
 Курота 161, 163, 170
 Куртамыш, р. 275
 Куртамышский курган 284, 288, 289
 Курту 162, 163
 Курту II 142, 143, 156, 159, 165
 Курту V 157
 Курья 277
 Кухитанг 110
 Кучум-гора 280
 Куш 61
 Кушайлы I, II 294
 Кушанское государство 7, 13, 17, 20, 29, 81, 99, 101, 107, 316
 Кушаны 17, 29, 120
 Куэнга 248
 Куум, р. 165
 Куюмазарский могильник 108, 109
 Куюсай 2 108, 116, 117, 118
 Куюсайгыр 121
 Куюсайкала 121
 Кштут, р. 91
 Кыз-арт 74
 Кызласов 238
 Кызык-Телань 163
 Кызык-Телань I 157
 Кызыл 180
 Кызылган 180
 Кызыл-Джар 163
 Кызыл-Джар I 157, 167
 Кызыл-Джар II, IV 157
 Кызыл-Джар III, V, VIII 157
 Кызыл-Кайнартобе 74
 Кызыл-Куль, курган 208, 225, 227, 228
 Кызылкупумская горная система 40
 Кызылкумы 10, 12, 25, 30, 31, 61
 Кызылсу, р. 21, 131
 Кызылтегинский могильник 109
 Кызыл-Торг 193
 Кызыл-Ту (Кызылту) 141, 143—147, 163
 Кызыл-Туу 88, 93
 Кызыл-Хая 216, 219
 Кызыр, р. 150
 Кырлык I 157
 Кырчинский комплекс 74, 79
 Кыштакная сопка 250
 Кэлимынцзунь 271
 Кюзелигыр 64
 Кюзелигыр, городище 117, 118
 Лебяжье 284, 294
 Лежанка 294
 Ленинабад 91
 Ленинка 141, 146
 Лепешки 208
 Лепса, р. 73, 140
 Летник VI 154
 Липовка 255
 Лисий, курган 229
 Листьянка 210
 Лисья Гора 294
 Лихачево 275, 276, 278—280, 292, 294, 300, 305
 Лобик 208, 210
 Логиново I, II, VIII 294
 Логиново V 294, 297
 Ложка 1, 4 294
 Локти 277
 Ложень 19
 Лугавское 244
 Лужки 284
 Лужки I 283—285
 Лужки IV 276, 278
 Луковые горы 18
 Лыжино 277
 Лявандакский могильник 108, 109
 Ляйляк, р. 91, 95
 Лянгарский спуск 99
 Маашан 88, 93
 Магат 295
 Маденият 131
 Майкалы 139
 Майма, р. 156
 Майма IV 157, 296
 Маймир 43, 76, 77, 164, 165
 Маймирская степь 161, 165
 Максимова 278
 Макушино 295, 296, 301
 Малахово 278, 284
 Малая Азия 167
 Малая Боярская писаница 210, 219, 230, 235
 Малая Иня 208, 222
 Малая Хомутивка III 294
 Малиновка 180
 Малитина 294
 Малое Ильинское городище 284
 Малое Казахбаевское городище 284—286
 Малое Кулачье селище 294
 Малокрасноярка 141, 144
 Мало-Кулачинское городище 297
 Малталу 157
 Малые Копены 208
 Малый Темей 294
 Мангут 248
 Мангыр 121, 122
 Мангыркала 122
 Мангышлак 11, 129, 313
 Манское Белогорье 151
 Мантыркала 108
 Манхай 248, 249, 251
 Мавьжурия 249, 264, 270, 273
 Маракавда 61

- Маргиана 40
 Марково I 294, 304
 Марково 4—6, 8 294
 Марьино Ущелье 284, 286
 Массажеты 7, 14—16, 24, 46, 60, 61, 123, 124, 128, 171, 312, 314, 315
 Маткечик 238
 Матуши I 296
 Маяк 225, 226
 Медведка I 225
 Медведков лог 221
 Мезоншентяно 273
 Мелегоч 3 124
 Меотида 16, 61
 Мешрепихта 123
 Миасс, р. 292
 Миасский тракт, 11-я верста 283—285, 288, 290
 Мидийцы 14, 128
 Мидия 117
 Минино 209
 Минусинск 236
 Минусинск, поселение 238
 Минусинск, станция 208
 Минусинск, ул. Вокзальная 208
 Минусинская котловина 5, 7, 8, 35, 43, 97, 99, 147, 150—155, 158, 159, 178, 179, 183, 206, 207, 209, 210, 212—224, 234, 235, 237, 246, 249, 252, 269, 292, 310, 313, 318
 Минусинские степи 224, 225, 230, 232—235, 246, 274
 Минусинско-Хакасская впадина 150, 151, 271
 Миранкульский могильник 108
 Михайловское поселение 244, 294
 Мишагино II 284
 Могильно-Посельское 294
 Можугаш 88
 Можугаш II 97
 Монголия 7, 67, 68, 151, 159, 165—167, 173, 179, 194, 195, 199, 216, 224, 234, 237, 246, 247, 249, 252—254, 256—259, 261—263, 267, 271—273
 Монгольский Алтай 161, 254, 256
 Монгут, р. 253
 Москва 161
 Мохов улус 208, 226
 Мохово 227
 Мочищи 294
 Мочки на Горке 238
 Мунхан-сомон 255
 Мургаб, р. 10, 35, 96
 Мухор-Нур 252
 Мухор-Тархата 163
 Мыльниково 276, 278, 284
 Мыс 296
 Мыс II 277
 Мысовская I, селище 295
 Мысовские курганы 274, 283, 293, 296, 302, 304
 Мысок 237, 238, 240
 Мясниково 295
- Нагорное 277
 Надеино 248
 Назаровское 209
 Найнтэсумэ 255
 Наймаа-Толгой 255, 272
 Нарсагуй 248
 Нарым, р. 165
 Нарын 79, 84, 87, 89
 Нарынская долина 79
 Наушки 248
 Небит-Даг 125
 Некрасово 209
 Нерда I 294
 Нерчинск 250
 Нерчинская могила 248, 249
 Нивхи 258
- Низменные (Центральные) Каракумы 122, 125
 Нижнее Поволжье 29, 44, 59, 70, 79, 106, 120
 Нижнее Подонье 317
 Нижний Ошколь 209
 Нижний Тюмечин 163
 Нижняя Ильянка 294
 Нижняя Согра 208
 Никитино 278, 284
 Николаевка 292, 294
 Нисайя 16
 Ница, р. 275, 280, 296
 Новая Черная IV, V, могильники 237, 238
 Новая Черная VI, поселение 227, 230
 Нововаршавка 294
 Новомихайловский могильник 144
 Новоникольское I 294
 Новооболонь 294
 Новопавловка 294
 Новопокровка 294, 308
 Новосибирск 156
 Новотроицкое городище 294, 296, 297
 Новотроицкое I 291—293
 Новотроицкое, курганы 294
 Ново-Шадрино II 280, 295
 Новые Мочаги 229
 Новый Сарагаш 225—227, 229, 231, 234
 Новый Чаа-Холь III 200
 Ноин Ула 170, 255—257, 259, 261—273
 Норилков улус 208
 Носиловское поселение 275
 Носиловское II поселение 275—279, 281
 Носиловское III поселение 276, 284
 Нура, р. 138
 Нурманбет IV 131, 132, 136, 137
- Оакса (Оахо) 128
 Обь, р. 150, 155, 161, 162, 177, 178, 224, 274, 309
 Обь-Иртышский регион 291
 Обь-Иртышское междуречье 311
 Обьют 209, 223
 Оглахтинские писаницы 208, 219
 Оглахты, могильник 208, 237, 238, 245
 Оглахты V, могильник 226, 229, 231, 234
 Озен-Ала-Белиг 180
 Означенное (Саяногорск) 208
 Означенное VII 226
 Окс, р. 11, 15—17, 60, 128, 129
 Оксийские горы 129
 Ок-тоган 32
 Окунево I—IV 292—294, 298
 Олента, р. 138
 Оловянная могила 248, 249, 251, 252
 Омск 291—293, 304, 306
 Омск (Кемеровский спуск) 294
 Омское Прииртышье 296
 Омь, р. 274, 292, 293, 308, 309, 311
 Омь (Осинцева) 294
 Онгон-сомон 255
 Ондар-дов 255
 Он-Кажжа, р. 193
 Онон, р. 250
 Орак 209
 Орезаир 131
 Оргойтон 255, 261
 Ордос 7, 98, 159, 164, 235, 254, 259, 260, 267, 271, 273
 Ордынское 162
 Оротой, р. 253
 Оргаа-Хем 180
 Оргаа-Хем II 183, 185
 Оргаа-Хем III 143
 Орхон, р. 254
 Остриково 163
- Острова 284
 Откнин улус 208, 226
 Отрар 131
 Отрарский оазис 19, 102
 Ох 16
 Ошский оазис 92
- Павлодар 134
 Павлодарская обл. 130, 133
 Павлодарское Прииртышье 141, 142
 Падша-Ата 92
 Пазырыкская долина 143
 Пазырыкские курганы 27, 34, 155—157, 163, 166, 167, 171, 207, 208, 308, 316, 317
 Пазырыкский I курган 161, 162, 167, 169, 171, 175
 Пазырыкский II курган 167, 173—175
 Пазырыкский III курган 168, 175
 Пазырыкский IV курган 168, 175
 Пазырыкский V курган 168, 169, 172—175
 Памир 10, 14, 18, 19, 24, 25, 95, 96, 98, 99, 100, 134, 135, 313
 Памир, р. 96
 Памирский I (Тамды) могильник 95—99
 Памиро-Алай 21, 22, 56
 Памятное 295, 296
 Парау I, II 123
 Парное 209
 Парны 16, 316
 Парфия см. Парфянское государство
 Парфияне 16, 17
 Парфянское государство 7, 13—16, 20, 51, 57, 58, 61, 101, 127, 316
 Пархай 123
 Пасаргады 51
 Пасиане 17
 Пасикан 128, 129
 Патмасай 123
 Пахомово озеро 294
 Пеганово 294
 Передняя Азия 36, 98, 162
 Перейминский II 296, 307
 Персеполь 15, 51, 60, 305, 314
 Персы 128
 Песики 128
 Пестики 128
 Песьяное 294
 Петербург 161
 Петровка I 277
 Петрогром 278, 305
 Петропавловск 311
 Петухово 294
 Пивкинские курганы 283, 291, 295, 301
 Пирожки 284
 Пичугино 209
 Поволжье 170, 207, 215
 Погорелка 284
 Погорелка I, II 284, 294
 Подгорное озеро 208
 Половинки 238
 Полое I 277
 Польша 70
 Поляна 238
 Посадная падь 248
 Поспелово I, II 276, 295
 Потчевашское городище 293, 294
 Потчевашские курганы 292—294, 296, 307
 Пра-Кувандарьинские русла 61
 Пра-Кувандарья, р. 12, 31, 61
 Предкавказье 7, 165
 Преображенское городище 293, 294, 301
 Пржевальск 82, 83
 Приалтайская равнина 161
 Приаралье 5—7, 22, 24—26, 30, 31, 36, 41, 43—46, 61, 67, 76, 77, 93,

- 97, 98, 101, 134—136, 160, 286, 292, 299, 309, 311—314
- Приаральская дельта 11, 12
- Прибайкалье 150, 247, 264, 270
- Прибалхашье 130, 138
- Прииртышье 142—145, 160, 274, 290—293, 296—302, 305—311
- Пришпимье 160, 274, 275, 279, 280, 296, 300, 302, 305, 306, 308, 309, 311
- Прикамье 222, 274
- Прикаспий 19, 71, 117, 122
- Прикаспийская низменность 10, 11
- Приобье 36, 297, 305, 310
- Припамирье 99
- Присарыкамьшская впадина 313
- Присарыкамьшская дельта 11, 12, 23, 24, 40, 116—122, 128
- Притоболье 274, 275, 279, 280, 283, 287, 291, 292, 296, 298—302, 304—306, 308—311
- Приуралье 34, 59, 127, 215, 234, 291, 311
- Проховоро 277, 294
- Прыговские курганы I, II 277, 278, 284, 287—291, 295
- Прыговское селище 276—278, 284, 295
- Поволжье 25, 67, 69, 130
- Поворот 250
- Покровка 294
- Полтавка 309
- Поляна 244
- Порт-Артур 264
- Пскентский могильник 22
- Пуда 17
- Пустынное I, II 294
- Пустилово 284
- Пчела 144
- Пышма, р. 274, 280
- Разбегаевский курган 284, 286, 289—291
- Разлив 225, 227, 229, 230, 233
- Разлив I—III 225, 227—229, 231, 234
- Райков улус 208
- Рангкуль I 99
- Раскатица 283—285, 289, 290
- Рассвет 294
- Рафайлово городище 275—277, 280, 284, 290, 295, 296, 298, 301, 305, 307, 308
- Рафайлово, курганы 295, 296, 298
- Рафайловский остров 295, 302
- Редуть II 284
- Речкино I 278, 280, 281, 284
- Речкино II 278, 294, 298, 304, 306
- Решетниково 296
- Рим 175
- Розановское городище 294, 297, 298, 305
- Рычив 100
- Рямовое 294
- Сабивка II 154
- Сава 255
- Савинский курган 292, 294, 309
- Савроматы 7, 46, 97, 224, 309
- Савромато-сарматы 30
- Саглы-Бажы 180
- Сагыр 147
- Сазаганский могильник 108, 109
- Сайлюгемская степь 162
- Саймалы-Таш 88, 89
- Сакараваки 312
- Сакаравлы 16, 17, 25
- Сакар-чага 108, 117—121
- Саки 7, 13—15, 17, 19, 20, 23—25, 28, 29, 31, 43—48, 60, 61, 78—80, 96, 98, 99, 103, 107, 117, 128, 129, 171, 223, 224, 299, 302, 305, 308, 314
- Саки амюргин (заякскартские) 24, 60
- Саки «заморские» (парадарайя) 13
- Саки-тиграхауда 13, 14, 25, 60, 312, 314
- Саки-хаумаварга 13, 14, 24, 25, 60, 312, 314
- Саки-массагеты см. сако-массагетские племена
- Сако-массагетские племена 24, 60, 101, 116
- Салбык 208, 211, 212, 223, 240, 245
- Салбык II 238
- Салбыкская долина 143
- Салгы-Бажы II 157
- Салхит 255
- Самагалтай 180
- Самарканд 55
- Самаркандский оазис 107, 110
- Самохвал 208
- Санний мыс 248
- Сангын-ширээт 255
- Сапоговский клад 238, 288
- Сарагаш (Сарагашенское озеро) 208
- Саратово 298, 299, 303
- Саратово I, II 294
- Саргатка, р. 293
- Саргатские курганы 274, 294, 305
- Саргов улус 208
- Сарлы-асар 32
- Сарматы 29, 120, 252, 274, 293, 309
- Сары-жон 88
- Сары-Кобы 157, 163
- Сарыкамьш, р. 11, 12, 116, 118, 123, 128
- Сарыкамьшская впадина 11
- Сарыкамьшское озеро 120, 122, 128
- Сарысу, р. 12, 138
- Сарытау 85
- Саткуловка 294
- Саур 140
- Саяно-Алтай 140, 143, 145—147, 151, 156, 164—166, 170, 172, 303, 301
- Саяно-Алтайское нагорье 150
- Саяногорск 154
- Саянгуи 248, 249, 251, 252
- Саяны 150, 151, 196, 237, 246, 254
- Свердловская обл. 283
- Северная Акчадарьинская дельта 11
- Северная Акчадарья, р. 32
- Северное Причерноморье 7, 39, 45, 71, 156, 158, 162, 165, 166, 171, 173, 207, 215—218, 223, 224, 249, 317, 318
- Северо-Восточная Средняя Азия 26
- Северные Чаши 148
- Северный Кавказ 7, 67, 71, 194, 216
- Северный Казахстан 35, 46, 305
- Северный Тагискен 24, 31, 33—41, 45, 47, 62
- Селевкидская держава 61
- Селенга, р. 250, 253, 254, 257, 258
- Семеновские 79
- Семибратние курганы 156
- Семипалатинск, курганы 141
- Семипалатинская обл. 140
- Семиречье 5, 14, 17, 18, 22—29, 84—87, 89, 94—96, 97—99, 101, 102, 104, 107, 135, 140—143, 145, 147, 148, 312, 313, 315
- Семисарт 163
- Семисарт I 165
- Семисарт II 157
- Севгиркала 32, 47, 48, 50, 52, 55, 56, 58
- Сенгиртам 47
- Сенек 180
- Серебряково 209
- Сибирь 7, 8, 42, 136, 140, 150—152, 154, 161, 172, 177, 206, 224, 225, 228, 233, 251, 256, 265, 310, 312, 316, 317
- Сибирская Саргатка 294
- Сидоровка 294, 300, 302, 303, 305, 307
- Снезтобе 131
- Синеглазово 284
- Сирия 127
- Сичагоу 255, 259, 273
- Скаты 284, 287, 307
- Скифия 223
- Скифы 7, 15, 172, 223, 252
- Скифы амюргинские 14
- Скородум I 276
- Скородум III 276, 295
- Славянка 141, 143, 144, 147, 163
- Снегирево 277
- Согд 13, 14, 19, 20, 23, 24, 29, 30, 51, 57, 58, 60, 61, 316
- Согдиана 15, 61, 107, 110
- Соколовка 27, 74, 83, 283, 309
- Соколовка II 284
- Сокулук 78
- Солгонский князь 151
- Солдатовский 268
- Солнцы 209
- Солобоево 295
- Соловечный Белок 163, 165
- Солка 2 294
- Сосновая падь 248
- Сосновка 180, 294
- Сотниково 248, 251
- Сох, р. 21, 91, 95
- Спасское (Венгеро) 292
- Сперановка 294
- Спишно (Павлиново) 295
- Среднеазиатское междуречье 17, 30, 85, 95, 101, 107, 114, 120, 143
- Средний Баклан 2 295
- Средний Урал 284
- Средняя Азия 5, 7—9, 11—14, 16—28, 30, 35, 36, 40—42, 44, 46—48, 74—77, 81, 84, 86, 87, 89, 94, 95, 97, 98, 101—104, 106—108, 115—117, 120, 123, 124, 126, 127, 129, 134, 140, 147, 153, 155, 159, 168, 171—174, 213, 217, 220, 254, 255, 268, 289, 297, 303, 310, 312, 316
- Старая Маслянка 294, 296
- Старо-Ачашинское 209
- Старое Лыбаево 276, 278, 280, 295
- Старопереладово 277
- Старорымовское I, II 277
- Старый Карасук I, II 294
- Старый Погост 284, 294
- Старый Сад 294, 305, 309
- Степновка 154
- Степняк 139
- Страшный Лог 208
- Стрехино I 277
- Стрижово I—III 293, 294, 307
- Субаши 91
- Суварыш 284
- Суджинский могильник 248, 253, 257, 259, 265
- Суерка I, II 295
- Суерь, р. 275
- Суйшоань 153
- Сулук 245
- Султануизлакские горы 129
- Сумкино (Бергилька) 277, 294
- Суртайский могильник 162
- Сурх 88
- Сурхаб, р. 21
- Сурхандарья, р. 110, 112
- Сусамир 21
- Сусе 19
- Сусловский могильник 44
- Суханиха 238
- Сухобузун 209
- Сухое 277
- Сухой Ручей 255
- Сухомесово 284
- Сухрино I, II 276
- Сухэ Батор 255, 272
- Сыда 208, 238
- Сым-Тас 130

- Сынбэцзян 159, 174, 310
 Сырдарьинская дельта 31, 36, 47, 60
 Сырдарья, р. 11, 13, 14, 17, 19, 21, 23—25, 29, 31, 36, 37, 42, 43, 46—48, 51, 52, 55, 60—62, 86, 101—107, 118, 215, 314, 316
 Сырский чаатас 237, 238
 Сыхна 238
 Сэ 14, 18, 98, 99
 Сэбийн 255
 Сэван 14, 17
 Сэлбе 255
 Сюнну 17, 19, 107, 187, 193, 196—198, 200, 204, 254, 264, 267
 Сяньбийцы 18, 254
 Сяцзядянь 273
- Та Юань 20
 Таалай 157, 163
 Тавда, р. 310
 Тагарское озеро 208, 222
 Тагарское озеро I, II, поселения 208, 209
 Тагарский могильник 236
 Тагарский остров 208, 238
 Тагискен, плато 31
 Тагискен, бугор 47
 Тагискен, могильник 23, 25, 30, 32, 35, 37, 39, 54, 55, 66, 108, 135, 137, 314
 Таджики 95
 Таджикистан 23, 30, 94, 96, 117
 Талагуль 294
 Талайханат 108
 Талас, петроглифы 74
 Талас, р. 18, 19, 21—23, 73, 76, 85, 86, 93, 104
 Таласская долина 19, 22—26, 28, 29, 73, 74, 78, 84—86, 90, 104, 106
 Талгар 82
 Талгарский могильник 74, 82
 Талдура 163
 Талдура I 157
 Талды-Курган 76
 Таловка 278
 Тамгалы 74
 Тамдинский могильник 23, 88, 102—104, 106
 Тамир, р. 247
 Тамураши 163
 Танаис, р. 15, 16, 61, 129
 Ташатово 294
 Таохунбала 255, 273
 Ташхар 248, 250—252
 Тара, р. 293
 Тарбагатай 10, 140—142, 148
 Тармалино 284
 Тартас, р. 292
 Таруновка 4 291
 Тарым-кая I, поселение 116, 119
 Тарым-кая I—III, могильники 108, 116—120
 Тас-асар 32
 Тасмолинские курганы 43, 76, 77, 130, 131, 138, 139
 Тасмола I, V, VI 131—134, 136, 137, 139, 140
 Татарка 294, 299
 Татарская 209
 Татарский Бор 284
 Татаурово 248
 Ташанта 163
 Ташанта I—III 157
 Таш-Арык 74, 83
 Ташкент 13, 101
 Ташкентский канал 101
 Ташкентский оазис 19, 30, 91, 92, 101—107
 Ташкентский район 22, 27, 29
 Ташкурганский могильник 14
 Таштык, р. 221, 236
- Таштык, могильник 208, 236, 238, 245
 Таштык I 238
 Тегермансу I 88, 97
 Теджен, р. 10
 Текели 77
 Теке-Таш 88, 89
 Темир 209, 221
 Темир-гора 43, 209
 Темирсуг 180
 Темирсуг II 185
 Темляки 276, 278
 Темра 209
 Тенлик 74
 Тепсей, гора 154, 177, 200
 Тепсей, могильник 208, 227, 229, 230, 232, 234, 237, 240, 244
 Тепсей I, III, VII, VIII, XVI, XVII 226, 238
 Тепсей X 238
 Тепсей XVI, склеп 225—228
 Тепсей VII, поселение 224
 Тербедок 157
 Тесь, писаница 208
 Тесь, р. 235
 Тётё 157, 163
 Тибик 238
 Тиллятепе 316, 317
 Тимно 295
 Тисуль 209
 Тихий океан 268
 Тобе-курган 32
 Тобол, р. 150, 274, 275, 279, 280, 283, 285, 287, 296, 309, 310
 Тоболо-Туринский район 310
 Тобольск 292, 296, 309
 Тобольское Прииртышье 296
 Гобон, р. 130
 Тодж 183
 Тоджиянская котловина
 Токмак 83
 Токтогул 87
 Тола, р. 254
 Толагай 131
 Томялово 292, 295, 296
 Томский могильник 279
 Томыс-Кан 157
 Тон, р. 79
 Тоора-Хем («Вторая поляна») 180
 Тоорда-Даш 154
 Топраккала 122
 Торгашино 209
 Торгашинский клад 209, 249
 Торкен 88, 89
 Тохары 16, 17, 25, 61, 316
 Тош-Башат 74, 83
 «Тридцать семь воннов», комплекс 131
 Троицкое городище 227, 230, 235
 Трошкино 238
 Туба, р. 151
 Туба, поминальный 238
 Тувинская котловина 151
 Тува 5—8, 26, 43, 44, 76, 98, 99, 115, 134, 137, 143, 150, 151, 154, 158, 159, 165, 178, 179, 182—184, 187, 193—196, 200, 204, 210, 213, 216, 233, 234, 246, 248, 253, 256, 259, 269, 292, 312, 313, 318
 Тувинцы 151
 Тугозвоново 171
 Тузгыр, крепость 121
 Тузгыр, могильник 108, 116, 119—122
 Туцский курган 208, 225, 227, 228
 Тулхарский могильник 59, 108, 112, 114
 Тумеккичиджик, могильник 108, 116—122
 Тунгусы 256, 258
 Тура, р. 275, 293, 296, 310
 Туран 180, 233
- Туран I—III 197, 208
 Турано-Уюкская котловина 151
 Турасу 74, 79
 Туратам 88, 91, 93, 95
 Тургунда 163
 Туркмения 8, 11, 13, 23, 30, 35, 40, 57, 106, 116, 117, 122, 123, 126—129, 313
 Туруновка 4 294, 308
 Туруновка 5 310
 Турушево I 284
 Турфанская долина 14
 Туры 22
 Тус 245
 Тускаин 141, 144
 Туура-Су 74, 79
 Тушнолобово 294
 Туэкта, курганы 156, 157, 161—163, 166, 167, 169, 175, 317
 Туэртир 108
 Туябугуз 105
 Тырган 248
 Тышкантепе 54
 Тэбиш-уул 255, 262, 264
 Тэрэлжийн-дэрвэлжэн 255
 Тюкалинский округ 292
 Тюковский курган 292—294, 296
 Тюляшов Бор 294
 Тюмень 292, 293
 Тюменский I 296
 Тюп 76
 Тюпский залив 85
 Тюпский клад 74
 Тюпское поселение 74, 85
 Тюрки 23, 175, 273
 Тюркский каганат 81, 85, 87
 Тюрмтяки 5 294
 Тютринские курганы 274, 284, 299, 302, 304, 305
 Тютринский некрополь 303
 Тяньчжу 17
 Тянь-Шань 10, 14, 18, 21—24, 26—29, 56, 73—77, 79—82, 84—87, 79—82, 94, 98, 99, 101, 254, 313
 Тяньяншань 271
- Уаал 298
 Убаган, р. 280
 Убюнка 209
 Убур-Билютай 251
 Увал 284, 295
 Увал I, II 295, 300
 Увал IV 275, 276, 278, 280
 Увал V 275, 276, 279, 280
 Уге (угне) 148
 Угловое 284, 287
 Угры 281, 293, 311
 Ужур 208, 210
 Узбеки 95
 Узбекистан 35
 Узбой, р. 11, 12, 14, 23, 29, 60, 116, 122, 123, 125—128, 313, 315
 Узгенский оазис 89
 Узлово 275, 276, 278, 284, 294, 296—298, 306
 Узункул, р. 221
 Узункул 208, 222
 Уаун-Оба 208
 Уаунтал 157, 162, 163, 255
 Уй 154
 Уйбат I, II 226, 234, 236, 238
 Уйбатский чаатас 225, 236, 240, 241, 245
 Уйгарак, плато 31
 Уйгарак, могильник 23, 25, 31, 32, 35, 37—40, 42—48, 60, 76, 77, 97, 118, 135—137, 215, 279, 292, 314
 Уйгуры 175, 273
 Украина 76, 194, 222
 Уландрык 157, 162, 163, 255
 Улан-Удэ 257
 Уланцабский сомон 267

УКАЗАТЕЛИ

- Улугу 255
 Ульезь 209, 221
 Улуг-Оймак 180, 197
 Улуг-Хорум 180
 Улаутауские горы 130, 138
 Ульский аул 43
 Ульдуи 248
 Ушгерт 255
 Ушгурлы-асар 32
 Ушкэршил 255
 Ушюк 238, 244
 Урал 221, 279
 Уральские горы 10, 150, 274, 275, 293, 311
 Урбюн 180
 Урбюн III 197
 Ургун-Хундуй 255, 272
 Урсул, р. 156, 170
 Урульга 248
 Усинская впадина 150
 Успенка 163
 Успенское 180, 197
 Устинкино II 210
 Усть-Буконь 141, 144, 163
 Усть-Бухтарма 145
 Усть-Горы III 294
 Усть-Ерба 209, 227, 230
 Усть-Иля 253
 Усть-Кокса 157, 171
 Усть-Куюм 161, 163
 Усть-Кяхта 255
 Усть-Логатка 294
 Усть-Миасское 284
 Усть-Суерка 294
 Усть-Сыда 208, 238
 Усть-Тартас 294, 296, 299
 Усть-Тартасский могильник 300, 303, 305, 307, 311
 Усть-Терсюкское 277
 Усть-Тесь 208, 226, 238
 Усть-Улятуй 248
 Усть-Хадьныг 180, 184
 Усть-Хадьныг I 183
 Усть-Цорон 248
 Устюрт 11, 23, 24, 29, 116, 121, 127, 313, 315
 Усуни 17—19, 26—29, 75, 81, 82, 85, 93, 95, 101, 104, 107, 145, 148, 254
 Усунь 18, 84
 Усуньский племенной союз 75, 81
 Утинское поселение 209, 210
 Утьма 294
 Уч-таган 123
 Учум 208
 Ушбиик 163
 Ушкин увер 195
 Уюк 180
 Уюксайская долина 143, 158, 178, 180
- Фадеевка 294
 Федоров улус 208
 Фергана 11, 18—30, 35, 56, 87, 89—95, 101, 106, 107, 120
 Ферганский хребет 89
 Фергано-Алай 25
 Фоминцево 300, 307
 Фоминцево I, II 294
 Фрунзе 73, 84
 Фуму 19
- Хазаринский могильник 108—110
 Хакасия 143, 154, 220, 227, 229, 234, 256
 Хакаско-Минусинская котловина см. Минусинско-Хакасская впадина
 Хакасы 151
 Ханалы 124, 127
 Хангайский хребет 271
 Хангиз 88
 Хара-Бусун 255, 259
- Харальчи-Харемгийнбалгас 255
 Хара-Усу 248, 255
 Харламово I, II 277
 Хар-Хорин, совхоз 255
 Хаскяряз 123
 Хемчик-Бом I 197
 Хемчик-Бом III 137, 143, 179, 183
 Хемчик-Бом V 179, 183, 184
 Хентейский аймак 258
 Херексурия-Ури 253
 Хилк, р. 254, 257
 Хинган 254, 257
 Хиониты 20, 94
 Хову-Аксы 193
 Хову-Аксы, могильник 180, 197
 Ховужук 180
 Ходжа-Бакырган, р. 91
 Хойху (ойхор) 273
 Хорезм 15, 19, 20, 22—25, 29, 30, 34, 40, 47, 48, 51, 57—59, 61, 101, 106, 116—122, 124, 125, 127, 313, 314
 Хорезмская впадина 11
 Хорезмский оазис 124
 Хоринский тракт 248
 Хотцинкер-гол 255
 Худжир-дэби 255
 Хужир II 248
 Хуни-гол 255, 259, 267
 Хунну 18—20, 23, 26, 159, 162, 173, 231, 232, 234, 246, 254—260, 263, 264, 266—273, 303, 310, 316, 317
 Хунны 7, 8, 17, 85, 89, 105, 107, 156, 260
 Хурээт-тов 255
 Хутаг-уул 255
 Хызылар 238
 Хюсунь 18
- Царам 255, 261
 Царев курган 284, 286, 287, 289
 Центральная Азия 17, 18, 20, 28, 37, 81, 86, 90, 95, 98, 99, 101, 107, 114, 120, 140, 159, 175, 236, 254, 255, 263, 265, 266, 270, 273
 Центральная Европа 273
 Центральный аймак 258
 Центральный Алтай 157
 Центральный Казахстан 5, 7, 11, 21, 23, 25, 35, 36, 43, 46, 67, 76, 77, 97, 103, 130, 133—139, 143, 153, 171, 194, 216, 305, 309
 Центральный Тянь-Шань 79 103
 Цветногорск 221
 Цзянькуни 254
 Цытырлы 277, 295
 Цэнхэрийн-голынхэрэм 255
- Чааты 255
 Чаа-Холь, р. 200
 Чаганка 163
 Чаган-Обо 140, 141
 Чаганово III 277
 Чагыл 108
 Чадан 197, 255
 Чандмань-уул 255, 264
 Чапаево 238
 Чарвак 103
 Чардара 68, 86, 103, 104
 Чарку 88
 Чахара 267
 Чартыков разезд 208
 Чарын, р. 78
 Чарышлы 108, 124
 Частоостровское 209
 Чаткал 23, 29, 92
 Чаткал, р. 103
 Чашкуль 294
 Чаштепе 116, 121
 Чашьяна 295
 Челябинская обл. 283, 308
 Чемал 157
- Чемал, р. 156
 Ченгельды 108
 Черби 180
 Чердоак 141, 146
 Черемуховая падь 255—257, 259, 262, 264, 267, 268, 270
 Черемуховое 294
 Черемуховое озеро I, II 277
 Черемушный лог II 225, 226
 Чермен-яб 117, 121, 122
 Черновая, р. 154
 Черновая I, II 166
 Черновое 163
 Черногоровка 165
 Черное II 277
 Черное озеро 238
 Чернолуцье 292, 294
 Черноозерье III, IV 294
 Черный Ануй 163
 Черный Июс, р. 237, 244
 Чечкино I 295
 Чжаосинь 271
 Чигу 18, 19, 81
 Чикой, р. 254—258, 269
 Чилик, р. 76
 Чиликтинская долина 140, 143, 144, 308
 Чиликтинский курган 23, 25, 43
 Чиликтинский могильник 140—142
 Чильмамедкумы 123
 Чильпекская группа памятников 74, 78, 82
 Чильпекские курганы 22, 26—28, 74, 80, 82
 Чильхона 88, 100
 Чильхона, могильник 96, 99
 Чинге 180, 185
 Чинге II 183, 197
 Чингизский хребет 130
 Чиндант 248, 255
 Чиндачи 249
 Чирик-Рабат, городище 32, 47—56, 59
 Чирик-Рабат, курган 29—31, 39, 48, 52, 55
 Чирик 2 49, 51, 54, 55, 59
 Чирик 3 47, 50
 Чирчик, р. 11, 101
 Чистобеляжье 277, 295
 Чистый Яр 45, 135, 141
 Чита 253
 Читинская обл. 194, 257
 Чичкан, р. 87, 89
 Чичке 163
 Чолинггыр 123
 Чолюнгыр 108, 129
 Чу, р. 14, 18, 21—23, 73, 74
 Чудаки см. Горохово
 Чу-Илийские степи 21
 Чуй, р. 156
 Чуйская долина 23, 73, 74, 78, 82—86, 90, 106
 Чукур 123
 Чуланкуль 294, 298, 301, 308
 Чулым, р. 151
 Чулышман, р. 156, 157, 171
 Чушино 294, 297, 298
 Чуя, р. 156
- Шабурово II 277
 Шагонар 197
 Шадринск 280
 Шадринский могильник 278, 280, 282
 Шаймак 88, 97
 Шалаболинская писаница 208, 219
 Шалаболинский клад 208, 216
 Шалинов улус 208
 Шамси 86
 Шамсинское погребение 74, 75
 Шанчуг 180
 Шараш 180
 Шарт 56, 88, 89

- Шаушукумский могильник 88, 104—106
 Шахимардан 92
 Шахривайронский могильник 108, 109
 Шахсенем, крепость 121, 122
 Шахсенем, могильник 108, 116, 117, 119, 122
 Шаш 13, 19
 Шашкинское озеро 253
 Шерубай-Нура, р. 130
 Шестаковский могильник 228
 Шестаковское поселение 210, 244
 Шибе 26, 27, 156, 157, 161, 164, 166, 169, 170, 173, 175, 317
 Шикаевка 284, 290
 Шира 208
 Ширинсайский могильник 23, 91
 Шмаково Белозерского района 284, 286, 287, 290, 308
 Шмаково Юргамышского района 284
 Шошино 238
 Штрово 284
 Шулув-Шэнэгалжин 248, 249, 251
 Шульба, р. 144
 Шумилиха 249
 Шумилка 210
 Шунак 138
 Шурмак 180
 Шушарское II 278

 Щучинск 130
 Щучинский район 130
- Эдиган 157
 Эдуй 255, 257
 Эйген-булак 163, 166
 Экбатаны 60
 Элдигкежик-аксы 184
 Эльба 194
 Эмба, р. 121
 Эрдэнэцогт 255
 Эриан 180
 Эрланьхугоу 255, 259, 264, 271, 273
 Эфталиты 19, 21, 28, 94
- Юго-Восточная Азия 271
 Юдинское селище 279, 283, 295, 296
 Юегинь 19
 Юечжи 17—19, 26, 28, 29, 75, 81, 82, 84, 85, 99, 101, 107, 120, 156, 158, 254, 316, 317
 Южная Акчадарьинская дельта 11
 Южная Инкардаря, р. 36
 Южная Сибирь 24, 44, 97, 98, 134, 135, 150, 152, 169, 177, 178, 224, 225, 233, 235, 246, 257, 266, 270, 289, 312
 Южное Приуралье 29, 30, 39, 41, 44, 46, 55, 59, 67, 79, 80, 120, 124, 127, 170, 293, 302, 311, 314
 Южный Даудан, р. 118
 Южный Казахстан 23, 25, 101—104, 106, 107, 272
 Южный Тагискен 31, 37—48, 60
 Южный Урал 130, 194, 283, 284, 291, 301, 307, 309
- Южные Каракумы 10
 Юлия 209
 Юни 19
 Юнусово 284
 Юпитер 141, 143, 144
 Юргаркуль 294
 Юрта-Бор XII 295
 Юрта-Бор XX 277
 Юртино 278, 284
 Юстыд, р. 269, 270, 317
 Юстыд (Жалгизуирокколь) 163, 255, 269
 Юстыд XII, XXII 157
- Явленка I 294
 Ягуя 209, 222, 223
 Яздепе 40
 Язев, курганы 287, 289
 Язевское I, II, городища 278, 284, 294
 Яконур 157, 162, 163, 170, 171
 Яксарт 12, 17, 25, 61, 129
 Ялкым 3, 6 123, 124
 Ялуторовск 292, 295
 Ямсыа VII 294
 Янгиурганский могильник 108, 109
 Янгиюльский могильник 105
 Янчай 18, 19, 101
 Янь 19
 Яссы, р. 89
 Яссыгыр 108, 313
 Яссыгыр I—III 117, 119—121
 Яшилкуль 96, 97

Оглавление

Предисловие (© М. Г. Мошкова)		
Часть первая		
Кочевые племена Средней Азии и Казахстана в скифо-сарматское время		
Введение		
Природные условия и хозяйственные зоны (© Б. В. Андрианов)		
Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках (© А. М. Мандельштам, Н. Г. Горбунова)		
Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана (© Б. В. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, М. Г. Мошкова)		
Глава первая. Саки Приаралья		
Ранние саки Приаралья (© М. А. Итина)		
Чиркратская культура в низовьях Сырдарьи (© Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина)		
Памятники джетысарской культуры середины I тысячелетия до н. э.—середины I тысячелетия н. э. (© Л. М. Левина)		
Глава вторая. Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир		
Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня (© Ю. А. Заднепровский)		
Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая (© Ю. А. Заднепровский)		
Ранние кочевники Памира (© Ю. А. Заднепровский)		
Глава третья. Ташкентский оазис, средняя Сырдарья и Среднеазиатское междуречье		
Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса (© Ю. А. Заднепровский)		
Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры (© А. М. Мандельштам)		
Глава четвертая. Левобережный Хорезм и северо-западная Туркмения		
Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме (© Б. И. Вайнберг)		
Кочевники северо-западной Туркмении (© Б. И. Вайнберг, Х. Ю. Юсупов)		
Глава пятая. Центральный и Восточный Казахстан		
Центральный Казахстан (© О. А. Вишневская)	130	
5 Ранние кочевники Восточного Казахстана (© Н. А. Боковенко, Ю. А. Заднепровский)	140	
Часть вторая		
Население		
10 Западной Сибири и Забайкалья в скифо-сарматское время		149
40 Введение		150
13 Природные условия и хозяйственные зоны Западной и Южной Сибири (© Н. А. Боковенко, М. Г. Мошкова)		150
21 Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья (© Н. А. Боковенко, М. Г. Мошкова, В. А. Могильников)		151
31 Глава первая. Алтай и Тува		161
31 Алтай и приалтайская степь (© М. П. Грязнов)		161
47 Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы (© А. М. Мандельштам)		178
61 Гунно-сарматский период на территории Тувы (© А. М. Мандельштам, Э. У. Стамбульник)		196
73 Глава вторая. Минусинская котловина		206
73 Тагарская культура (© Н. Л. Членова)		206
73 Тесинский этап (© М. Н. Пшеницына)		224
73 Таштыкская культура (© Э. Б. Вадецкая)		236
87 Глава третья. Забайкалье в скифскую эпоху и ранние гунны		247
87 Культура плиточных могил (© Н. Л. Членова)		247
95 Хунну Забайкалья (© В. А. Могильников)		254
Глава четвертая. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири		274
101 Ранний железный век лесостепи Западной Сибири (© В. А. Могильников)		274
101 Гороховская культура (© В. А. Могильников)		283
107 Лесостепное Прииртышье в VII—VI вв. до н. э. (© В. А. Могильников)		291
107 Саргатская культура (© В. А. Могильников)		292
Заключение (© М. Г. Мошкова)		312
Литература		319
Список сокращений		340
Подписи к таблицам		342
130 Указатели		479

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время

*

Утверждено к печати
Институтом археологии РАН

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художник Б. И. Афанасьев
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректоры Р. В. Молоканова, Е. Л. Сысоева

ИБ № 38926

Сдано в набор 03.08.89. Подписано к печати 05.02.90
Формат 60×90^{1/8}. Бумага книжно-журнальная импортная

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 63. Усл. кр.-отт. 67. Уч.-изд. л. 76,7
Тираж 5600 экз. Тип. зак. № 3058.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Набрано в ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
МПО «Первая Образцовая типография»
Государственного комитета СССР по печати.
113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано во 2-ой типографии издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., д. 6.
Тип. зак. 1975

В 1991 году
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫШЛИ В СВЕТ

М. Ф. Косарев

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Многоплановое историко-археологическое исследование дает представление о более чем 60 археологических культурах, локализовавшихся в разное время от палеолита до раннего средневековья в пределах Зауральско-западносибирского суперрегиона.

Рассматриваются этапы экономического, социального и духовного развития западносибирского населения с древнейших времен до средневековой эпохи.

Для историков, археологов, этнографов.

А. А. Медынцева

ПОДПИСНЫЕ ШЕДЕВРЫ ДРЕВНЕРУССКОГО РЕМЕСЛА
(очерки эпиграфики XI—XIII вв.)

Книга посвящена исследованию надписей на произведениях русского художественного ремесла. Автор рассматривает взаимосвязь эпиграфики и самих произведений искусства, уточняет датировку некоторых изделий с надписями, в частности «суздальского» змеевика, окладов «Корсунских» икон из Новгорода и др.

Изучение графики надписей позволяет узнать происхождение мастеров, одновременность или разновременность деталей таких шедевров, как Суздальские врата и Большой Сион.

Для историков, археологов, искусствоведов.

Т. В. Николаева, А. В. Чернецов

ДРЕВНЕРУССКИЕ АМУЛЕТЫ-ЗМЕЕВИКИ

Книга посвящена своеобразным памятникам древнерусской культуры — амулетам, на которых христианский мотив сочетается с нехристианским, неканоническим — так называемой змеевидной композицией. Амулеты-змеевики изготовлялись на Руси с XI по XVI в. и наглядно демонстрировали синкретический характер поверий, бытовавших на Руси. Надписи на изделиях и некоторые письменные источники указывают на их связь с византийской традицией.

Для историков, археологов и всех, интересующихся искусством древней Руси.
